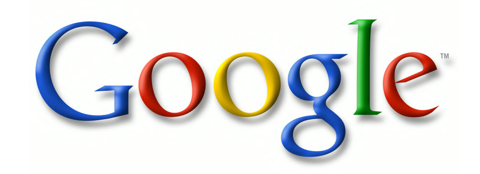

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 16 АВГУСТА 1899 Г.

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ., Д. 39.

ВАСИЛІЙ МАРКОВИЧЪ

ФЛОРИНСКІЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1906.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА", имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ, журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ЯНВАРЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Василія Марковича Флоринскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1906.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Священника М. С. Попова. Съ 4 рисунками. С.-Петербургъ. 1905.

Въ основу жизнеописанія митрополита Арсенія Мацѣевича положено громкое „дѣло" его. Свѣдѣнія объ этомъ „дѣлѣ", разсѣянныя по архивамъ разныхъ вѣдомствъ, были тщательно скрываемы тамъ въ продолженіе долгаго времени. Въ архивѣ Св. Синода находится первое слѣдственное дѣло объ Арсеніи 1763 г. по поводу протеста его противъ отобранія церковныхъ имѣній; въ архивѣ Архангелогородской губернской канцеляріи есть „дѣло о монахѣ Батоговѣ и прочихъ", которымъ начинается второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Въ Государственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ „дѣло о разстригѣ Арсеніи, іеро-діаконѣ Іоасафѣ и прочихъ" является продолженіемъ предыдущаго „дѣла". Значительная часть его напечатана И. Морошкинымъ въ нашемъ журналѣ за 1885 г.

При изложеніи архивныхъ данныхъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ авторомъ приняты въ руководство ученые труды, касающіеся личности его и защищаемыхъ имъ церковныхъ имѣній: И. В. Лопухина, Е. Болховитинова, И. А. Чистовича и др.

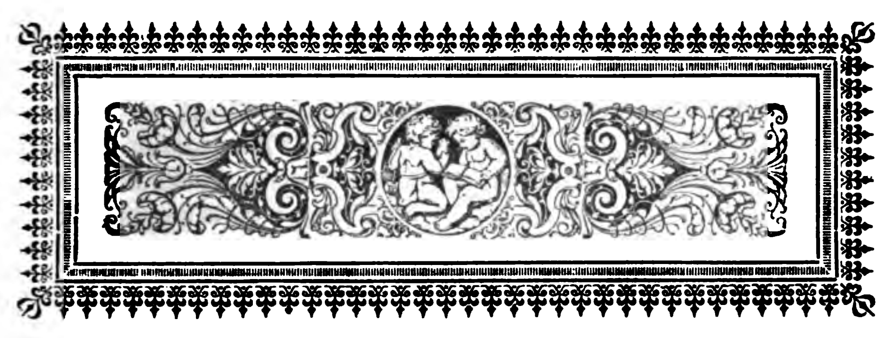
Изъ появившихся въ печати научныхъ трудовъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ одни лишаютъ его мѣста въ исторіи, объясняя дѣло его, какъ продуктъ его личныхъ убѣжденій (С. М. Соловьевъ); другіе, напротивъ, находятъ мысль о секуляризаціи случайно возникшею въ XVIII в., а Мацѣевича—защитникомъ вѣковыхъ народныхъ воззрѣній (Н. И. Барсовъ). Изслѣдованіе проф. В. Иконникова въ общемъ неблагопріятно для памяти Арсенія Мацѣевича, котораго авторъ выставляетъ защитникомъ крѣпостничества, тогда какъ В. А. Бильбасовъ посвящаетъ Мацѣевичу слѣдующія строки: „Екатерина увидѣла изъ дѣла Мацѣевича, что съ духовенствомъ можно и не церемониться... Къ чести русскаго духовенства былъ достойный пастырь (Арсеній Мацѣевичъ). Онъ былъ фанатикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ доношеніи своемъ Арсеній съ прямотою, дѣлающею ему честь, и съ достоинствомъ архипастыря высказываетъ свой взглядъ на секуляризацію".

Личность Ар. Мацѣевича освѣщается, кромѣ того, учеными изслѣдованіями о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ; видное мѣсто въ ряду такихъ изслѣдованій занимаютъ труды: М. И. Горчакова, А. А. Завьялова, Милютина, проф. А. Павлова, В. И. Семевскаго, Ростиславина и др.

Разсматриваемый нами солидный трудъ св. М. С. Попова состоитъ изъ трехъ частей: въ первой части говорится о духовенствѣ временъ императрицы Елизаветы Петровны; вторая отведена церковнымъ имѣніямъ при императрицѣ Екатеринѣ II и секуляризаціи ихъ; „дѣло о разстригѣ Арсеніи" составляетъ предметъ третьей части.

Арсеній Мацѣевичъ въ продолженіи своей жизни и дѣятельности носилъ три имени: при рожденіи его назвали Александромъ; извѣстнымъ онъ сталъ и въ духовномъ, и въ свѣтскомъ мірѣ, какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея,—подъ монашескимъ именемъ Арсенія; умеръ же онъ подъ именемъ разстриги Андрея Враля. Отзывы потомства о немъ, при всемъ ихъ разнообразіи, можно свести также къ тремъ категоріямъ. Одни не придаютъ никакого значенія дѣлу Арсенія Мацѣевича. У другихъ онъ представляется, какъ противникъ духовнаго регламента, защищающій выгоды привилегированнаго сословія и самообольщенный своею властью,—поборникомъ церковнаго самосуда, политическимъ преступникомъ и святошею, запоздалымъ защитникомъ церковныхъ правъ, фанатикомъ и изувѣромъ,—вообще человѣкомъ, не понимавшимъ вѣяній времени. Наконецъ, есть мнѣнія совершенно противоположныя: А. Мацѣевича называютъ энергичнымъ архіереемъ, оставившимъ по себѣ такую же почти память, какъ патріархъ Никонъ, вождемъ старорусской партіи, стоявшей за сохраненіе прежняго государственнаго строя и шедшей противъ модныхъ идей XVIII вѣка, замѣчательнымъ по уму и ревности; самые жестокіе поступки Арсенія съ подчиненными оправдываютъ нравами вѣка; готовы признать у этого святителя даръ прозрѣнія или, по крайней мѣрѣ, стойкость и доблесть, достойную подражанія.

Арсеній Мацѣевичъ происходилъ изъ польской шляхты и былъ сынъ православнаго священника въ Владимірѣ Волынскомъ. Образованіе свое онъ получилъ въ академіяхъ: Владимірской, Варенжской, Львовской и Кіевской. Пробывши въ Кіевской академіи не болѣе одного года, онъ въ 1716 г., будучи еще 19 лѣтъ, принимаетъ монашество и получаетъ должность проповѣдника и учителя латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ. Два или три года, проведенные здѣсь Арсеніемъ, были самымъ лучшимъ временемъ его жизни. Въ 1718 г. онъ вновь поступилъ въ Кіевскую академію „для слушанія философіи и богословія" и здѣсь, въ 1723 г., принялъ санъ іеромонаха. Онъ окончилъ слушаніе академическихъ наукъ въ 1726 г. и жилъ при епископѣ Варлаамѣ Вонатовичѣ, въ качествѣ проповѣдника, а затѣмъ—въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ октябрѣ 1729 г. ѣдетъ въ Сибирь по вызову сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго для проповѣдыванія слова Божія, и прожилъ въ Тобольскѣ два года. Въ 1738 г. открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, и онъ былъ назначенъ на эту должность. Въ слѣдующемъ году его назначили законоучителемъ гимназіи при Академіи наукъ. Въ 1740 г. стала свободною архіерейская каѳедра въ Тобольскѣ, куда и былъ назначенъ Арсеній 10 марта 1741 г. Дѣятельность его въ Тобольской епархіи была непродолжительна. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени вступленія его „въ престолоправленіе", какъ онъ оставляетъ Тобольскъ и ѣдетъ въ Москву. Здѣсь вскорѣ ему указали быть митрополитомъ Ростовскимъ и членомъ Св. Синода. Въ виду существованія у архіереевъ мѣстничества, возникло дѣло о засѣданіи въ Синодѣ „по епаршескимъ степенямъ". Государыня не скоро разрѣшила это дѣло. Между тѣмъ возникли другія осложненія: и у Государыни, и въ Синодѣ стало на-

Записки В. А. Инсарскаго.

ЧАСТЬ V [1]).

I.

Пріѣздъ князя въ Москву и Петербургъ.—Великолѣпная встрѣча князя въ Москвѣ.—Шамиль, Ермоловъ и князь Барятинскій вмѣстѣ.—Рядъ торжествъ для князя въ Петербургѣ.—Старый генералъ, стремящійся „обнять и поцѣловать князя“.—Великолѣпный обѣдъ, данный князю англійскимъ клубомъ.—Неудачный парадъ, устроенный государемъ для князя. — Дѣла, конченныя княземъ въ Петербургѣ.—Наборъ новыхъ адъютантовъ князя.—Отъѣздъ князя въ Москву.—Художникъ Зичи, назначенный для снятія всѣхъ замѣчательныхъ моментовъ при переѣздахъ князя. — Праздники, данные князю въ Москвѣ.— Мученія наши съ рѣчью, которую князь долженъ былъ произнести. — Сочувствіе москвичей „къ голубчикамъ кавказцамъ“.—Шумный праздникъ у цыганъ, устроенный для свиты князя.—Отъѣздъ князя въ Тифлисъ.

Наконецъ, наступилъ день пріѣзда князя въ Москву. Погода была ужасная. Мятель бушевала съ ранняго утра и ни на минуту не прекращалась; сугробы нанесло на улицахъ невообразимые. Предъ дворцомъ поставлены были солдаты, въ видѣ почетнаго караула. Въ комнатахъ дворца сосредоточились всѣ знаменитыя лица Москвы, военныя и гражданскія, для встрѣчи князя. Ожиданіе было чрезвычайно продолжительное и было бы еще продолжительнѣе, еслибы, по моему предложенію, не была послана къ заставѣ придворная карета, въ которой князь пріѣхалъ одинъ во дворецъ, до такой степени скромно и почти незамѣтно, что я же долженъ былъ возвѣстить всѣмъ, что это пріѣхалъ именно князь.

Въ вихрѣ крутящагося снѣга князь быстро обошелъ полузамерз-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г. № 12.

шихъ солдатъ и вступилъ въ комнату, наполненную ожидающими. Пріемъ всѣхъ этихъ господъ былъ очень кратокъ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ съ генералъ-губернаторомъ, покойнымъ Тучковымъ, онъ поклонился всѣмъ и удалился во внутреннія комнаты. Время было поздняго обѣда, и намъ было объявлено, что князь приглашаетъ обѣдать съ нимъ только „своихъ". Кромѣ свиты, съ нимъ прибывшей и состоявшей изъ покойнаго Тромповскаго, потомъ хотя непокойнаго, но стушевавшагося уже Дав—дова, и Лимановскаго, нынѣ дежурнаго генерала кавказской арміи, своими были только я и Свѣчинъ.

Переодѣвшись, князь вышелъ къ намъ, бодрый и веселый. За обѣдомъ, по обычаю, большею частью онъ говорилъ одинъ. Онъ разсказывалъ, какъ удивилъ его налетѣвшій на него въ дорогѣ курьеръ съ фельдмаршальствомъ, какъ надоѣла ему снѣжная и ухабистая дорога, какъ онъ благодаренъ за посылку къ нему придворной кареты, при чемъ Свѣчинъ съ замѣчательною безцеремонностью разсказалъ князю, какъ пришла ему въ голову эта счастливая мысль и какъ онъ сильно настаивалъ на ея исполненіи. Послѣ обѣда князь отпустилъ всѣхъ, а меня взялъ съ собою, говоря: „пойдемте, поговоримъ... мнѣ надо отдохнуть немного".

Князь, дѣйствительно, легъ на диванъ, а меня усадилъ подлѣ и сказалъ: „ну, разсказывайте, что-нибудь"! Разсказчикъ я былъ чрезвычайно плохой, и подобныя порученія всегда страшно меня затрудняли; однако, я передалъ ему все, что зналъ и считалъ для него интереснымъ, не исключая сѣтованій и надеждъ Свѣчина... Въ сотый разъ я долженъ повторить, что князю, я убѣжденъ, не были нисколько интересны мои разсказы; ему было пріятно, я тоже глубоко въ этомъ убѣжденъ, имѣть подлѣ себя, въ минуты или очень хорошія или очень скверныя, человѣка, преданнаго ему, сочувствовавшаго ему, прежде всѣхъ угадавшаго и оцѣнившаго его высокія государственныя дарованія; человѣка, постоянно вѣрившаго въ его возвышеніе и слѣдившаго за нимъ, шагъ за шагомъ, по пути этого возвышенія... Именно, во имя этой вѣры, этой привязанности, князь и раздѣлялъ со мною замѣчательные моменты его жизни. Такъ было и здѣсь. Князь лежалъ съ закрытыми глазами. Я продолжалъ говорить, что приходило на умъ; а когда ничего не приходило—я молчалъ. Полагая, что я могу молчать и въ другихъ комнатахъ, безъ всякаго ущерба для князя, я иногда приподнимался съ намѣреніемъ удалиться; но князь съ тѣми же закрытыми глазами говорилъ: „куда вы? Сидите!". Иногда, вдругъ, открывъ глаза, князь разсказывалъ какую-нибудь мысль, воспоминаніе, предположеніе, а потомъ опять закрывалъ глаза и погружался въ молчаніе. Между прочимъ, онъ говорилъ: „мнѣ надо сегодня сдѣлать три визита: митрополиту, Ермо-

лову и генералъ-губернатору. Завтра никуда не поѣду, а послѣ завтра въ Петербургъ"... Дѣйствительно, удовольствовавшись какимъ-нибудь получасомъ дремотнаго состоянія, князь одѣлся, спросилъ карету и отправился дѣлать предположенные визиты, а я возвратился къ своей семьѣ, которую оставилъ съ ранняго утра.

На другой день положительно вся аристократическая часть Москвы пришла въ движеніе. Кареты безпрерывно то подъѣзжали къ крыльцу дворца, то отъѣзжали. Но князь, вообще малодоступный, и не имѣлъ дѣйствительно времени принимать всѣ визиты праздныхъ московскихъ аристократовъ. Принимались только тѣ, которыхъ не принять было невозможно. Престарѣлый митрополитъ, святая личность котораго вселяла въ каждомъ невольное къ нему благоговѣніе, сидѣлъ у князя довольно долго. Потомъ, помню, оставались у князя тоже долго Ермоловъ, въ одно время съ Шамилемъ, пріѣхавшимъ для свиданія съ княземъ изъ Калуги, и мы, окружающіе князя, не могли не обратить вниманіе на соединеніе въ этотъ моментъ такихъ личностей, какъ князь Барятинскій, Ермоловъ и Шамиль!.. Въ этотъ день свита, а въ ея составѣ и я, обѣдала отдѣльно и должна была отдать справедливость роскоши, которою московское придворное вѣдомство страшно отличилось въ эти дни. Вечеромъ мы цѣлой толпой ввалились въ какой-то театръ...

Отъѣздъ нашъ въ Петербургъ сопровождался великою торжественностью. Кругомъ станціи были огромныя толпы народа. Намъ отвели царскія комнаты и приготовили царскіе вагоны. Генералъ-губернаторъ и толпы раззолоченныхъ генераловъ провожали насъ. Князь помѣстился вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ родныхъ, которые выѣхали въ Москву къ нему навстрѣчу. Свита помѣстилась подлѣ въ особомъ отдѣленіи. Жена моя ѣхала особо. Упоминаю это обстоятельство потому, что съ нимъ связаны послѣдующія событія, о которыхъ буду говорить. Въ переѣздѣ этомъ я не помню ничего особенно достопримѣчательнаго. На петербургской станціи князя ожидала также торжественная встрѣча. Царскіе экипажи перевезли князя въ Зимній дворецъ...

Я рѣшительно отказываюсь отъ изображенія ряда торжествъ, которыми Петербургъ, по волѣ государя, осыпалъ князя въ этотъ періодъ. Самъ князь говорилъ мнѣ, что государю угодно было предупредить весь придворный міръ и въ особенности прежнихъ его пріятелей, объ устраненіи всякой фамильярности въ отношеніи къ князю, поставленному въ такое высокое положеніе. По всѣмъ признакамъ видно было, что государь желалъ воздать своему старому другу, украсившему своими дѣлами его царствованіе, — всевозможныя почести. Казалось, что самъ государь рѣшился отодвинуться на второй планъ,

чтобъ выдвинуть рельефнѣе и блестящѣе личность князя. Началось съ торжественнаго представленія ему въ самомъ дворцѣ всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ. Государь настоятельно требовалъ, чтобы князь предсталъ предъ собраніемъ этихъ чиновъ съ великолѣпнымъ и довольно массивнымъ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ. Я живо помню этотъ день; странно было видѣть, когда престарѣлые, маститые генералы и царедворцы, едва передвигая ноги, заходили, предъ торжественнымъ представленіемъ князю, сдѣлать ему частный визитъ, ему, молодому, сравнительно съ нимъ, человѣку, котораго они помнили корнетомъ и корнетомъ шаловливаго, буйнаго поведенія, человѣку, которому нѣкогда считали достаточнымъ слегка улыбнуться съ высоты своего величія и нестолько во вниманіе къ его личности, сколько во вниманіе къ его аристократическому происхожденію. Какой-нибудь министръ императорскаго двора, старый графъ Адлербергъ, долженъ былъ представляться почти мальчику, котораго онъ зналъ однимъ изъ товарищей его сыновей... Адъютанты князя были разсыпаны въ дворцовой залѣ, гдѣ должно было происходить торжественное представленіе, съ обязанностью дать знать, когда всѣ соберутся. Князь, совершенно готовый, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого момента, и когда онъ наступилъ, когда князь долженъ былъ представить предъ собраніемъ всего, что только государство имѣетъ знатнаго, высокаго, доблестнаго и заслуженнаго, на прекрасномъ лицѣ его можно было замѣтить признаки нѣкотораго волненія...

Повторяю, что трудно передать, день за день, всѣ почести, какія воздавались князю, однѣ за другими. Я помѣстился съ своимъ письменнымъ столомъ въ пріемной залѣ князя, подлѣ его кабинета и, слѣдовательно, видѣлъ все, что происходило. Я видѣлъ постоянный приливъ и отливъ экипажей къ подъѣзду и отъ подъѣзда; я постоянно видѣлъ знатныхъ лицъ, входящихъ къ князю и выходящихъ отъ него; я видѣлъ почти каждый день государя, посѣщающаго князя; я видѣлъ покойнаго наслѣдника и великихъ князей, почтительно ожидающихъ очереди пріема княземъ; я видѣлъ, какъ родная и любимая сестра князя, Ольга Ивановна Давыдова, сидѣла иногда по нѣскольку часовъ въ пріемной князя въ ожиданіи возможности войти къ нему въ кабинетъ и, потерявъ надежду дождаться этого момента, уѣзжала; я видѣлъ, какъ мужъ ея, Орловъ-Давыдовъ, вынужденъ былъ, чтобъ добиться аудіенціи у князя, обратиться къ моему посредничеству, о которомъ я выше говорилъ; я видѣлъ, какъ многія лица, входя ежедневно въ пріемную, послѣ нѣсколькихъ часовъ безполезнаго ожиданія, уходили для того, чтобъ завтра снова придти...

Одинъ изъ такихъ господъ, старый, сѣдой генералъ, и теперь какъ будто предъ моими глазами. Надо вообще замѣтить, что въ это

достопамятное время, обязанности адъютантовъ князя, обыкновенно самыя пустѣйшія, дѣлались весьма серьезными. Тутъ требовались отъ нихъ и особенная ловкость и особенное соображеніе. Разумѣется, существенный вопросъ состоялъ въ томъ, о комъ доложить и о комъ не докладывать, кого принимать и кого не принимать? Какъ ни прилаживались адъютанты князя къ этому вопросу, почти ни одного дня не проходило, чтобъ князь не распекалъ того или другаго адъютанта за ихъ неловкость и отсутствіе смѣтливости. Эти постоянныя распеканціи привели ихъ къ тому, что они принимали самое избранное меньшинство, а большинству отказывали, несмотря ни на какія убѣжденія. При существованіи этого суроваго принципа именно и являлся тотъ престарѣлый генералъ, о которомъ я упомянулъ. Когда только онъ появлялся — всѣ уже ожидали комедіи, которая будетъ разыграна между нимъ и дежурнымъ адъютантомъ, задача котораго состояла въ томъ, разумѣется, чтобъ прилично и спокойно сбыть съ рукъ этого ужаснаго старика.

Само собою разумѣется, что адъютанты не могли держаться въ подобныхъ случаяхъ одинаковыхъ пріемовъ, пріемы эти были столько же различны, сколько были различны личности самихъ адъютантовъ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ, довольно сурово заявивъ, что князя и сегодня видѣть нельзя, удалялись отъ несчастнаго старика, и предоставляли ему или ѣхать домой и снимать свои регаліи, которыми онъ, вѣроятно, не безъ труда украсился или усаживаться въ кресло и ждать на-удачу. Другіе, наиболѣе деликатные, пускались въ разсужденія съ симъ ветераномъ, сочувствовали его положенію. Одинъ изъ такихъ адъютантовъ, именно Авиновъ, представлялъ собою олицетворенную любезность и потому сдѣлался положительно жертвою сѣтованій этого старика. Когда Авиновъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ убѣждалъ старика „пожаловать завтра или послѣ завтра“ съ единственною цѣлью перекинуть его на руки другому адъютанту, старикъ говорилъ: „Батюшка вы мой! Вы, можетъ быть, думаете, что у меня какое-нибудь дѣло къ князю или просьба. Никакихъ дѣлъ и просьбъ нѣтъ. Я только хочу взглянуть на него, обнять его и поцѣловать. Больше мнѣ ничего ненужно. Вѣдь я вотъ какого маленькаго князя зналъ“ и при этомъ сѣдой генералъ показывалъ рукой, какой маленькій князь былъ, когда онъ его зналъ. Любезный Авиновъ, послѣ различныхъ, съ своей стороны, объясненій, становился рѣшительно втупикъ. Старикъ только и твердилъ, что ему болѣе ничего ненужно, какъ обнять и поцѣловать князя. Растерянный и сбитый Авиновъ, наивѣжливѣйшимъ образомъ, говорилъ: „Ваше превосходительство! Если вамъ это не къ спѣху, то неугодно ли пожаловать завтра; вѣроятно, князь будетъ свободнѣе и съ удовольствіемъ васъ приметъ!“

„Хорошо, батюшка, хорошо"! отвѣчалъ старикъ, „пріѣду завтра. Благодарю покорно. Мнѣ только обнять и поцѣловать князя. Больше мнѣ ничего ненужно. Просьбъ и дѣлъ у меня никакихъ нѣтъ!" и съ этими словами плелся домой...

Являясь на другой день, старикъ, разумѣется, встрѣчалъ уже другаго адъютанта, который уже безъ всякихъ любезностей, твердо и рѣшительно говорилъ: „Князь сегодня никого не принимаетъ!" Старикъ, встрѣченный такъ сурово, прежде всего вздыхалъ, потомъ бросалъ тоскливый взглядъ на толпу, которая вѣчно находилась въ пріемной князя, какъ бы отыскивая въ ней своего милаго, любезнаго пріятеля, и потомъ, постоявъ въ какомъ-то недоумѣніи нѣсколько минутъ, снова возвращался восвояси, а на другой день снова появлялся въ пріемной князя. Случалось такъ, что „перебрасываемый адъютантами" съ одного дежурства на другое, старикъ являлся въ тотъ день, когда, по дошедшей очереди, Авиновъ былъ вновь дежурнымъ. Свитская толпа съ жестокимъ наслажденіемъ сосредоточивала на нихъ усиленное вниманіе. Лицо старика тотчасъ принимало сіяющій видъ; глаза его какъ будто говорили: „кончились мои мученія! спаситель мой здѣсь!" Онъ съ восторгомъ и упованіемъ обращался къ Авинову. Авиновъ, напротивъ, прежде всего, краснѣлъ сильнѣйшимъ образомъ, въ ожиданіи новыхъ усиленныхъ атакъ и въ сознаніи совершенной необходимости вновь отказать почтенному старику. Присутствіе шаловливыхъ и насмѣшливыхъ товарищей, которые съ нетерпѣніемъ ожидали имѣющаго произойти объясненія, еще болѣе дѣлало затруднительнымъ его положеніе. Старикъ мягко начиналъ: „здравствуйте, мой почтенный! Какъ ваше здоровье?"— „Благодарю покорно!" отвѣчалъ Авиновъ. „Ваше превосходительство не изволили еще видѣть князя?"—„Нѣтъ еще, мой батюшка!" говорилъ старикъ, „вообразите: каждый день рѣшительно пріѣзжаю сюда и никакъ не могу, что хотите, добиться взглянуть на князя, обнять его и поцѣловать!" „Къ величайшему сожалѣнію", любезно замѣчалъ Авиновъ, „сегодня князь положительно приказалъ просить извиненія у всѣхъ, кто его посѣтитъ, что принять не можетъ, потому что занятъ важными и спѣшными дѣлами, которыя князь готовитъ къ докладу государю". Затѣмъ начиналась безконечная и довольно комическая борьба ветерана съ Авиновымъ. Ветеранъ въ сотый разъ объяснялъ, что дѣлъ и просьбъ у него никакихъ нѣтъ, и что ему только нужно обнять и поцѣловать князя. Авиновъ снова доказывалъ, что „если это не къ спѣху", то лучше отложить до завтра, когда князь будетъ свободнѣе и „съ удовольствіемъ приметъ его превосходительство"... Молодежь значительно переглядывалась; нѣкоторые не выдерживали и просто фыркали. Авиновъ понималъ эти звуки

и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы самому не расхохотаться...

Я видѣлъ какія-то депутаціи, являвшіяся къ князю съ представленіемъ дипломовъ, съ изложеніемъ приглашеній. Такъ, между прочимъ, одна депутація поднесла ему дипломъ на званіе почетнаго члена императорской военной академіи; другая депутація приглашала князя на торжественный обѣдъ англійскаго клуба... Я тоже былъ на этомъ обѣдѣ потому, что вмѣстѣ съ княземъ приглашены были и всѣ состоящіе при немъ. Можно безошибочно сказать, съ одной стороны, что едва-ли англійскій клубъ давалъ когда-нибудь и кому-нибудь такіе торжественные обѣды, а съ другой—и князь едва-ли когда-нибудь былъ, въ другой разъ, героемъ подобнаго торжества. Вся знать петербургская рѣшительно наполнила въ этотъ день залы клуба. Въ той залѣ, гдѣ должна была совершаться встрѣча князя, какъ говорится, булавки уронить нельзя было: до такой степени было тѣсно... Въ извѣстный моментъ князь появился стройный, величавый, прекрасный! Привѣтственные крики смѣшались со звуками музыки. Скоро всѣ разсѣлись за столы. Говорить нечего о томъ, что обѣдъ былъ роскошенъ до крайней степени. Въ концѣ обѣда начались тосты и спичи. Князь отвѣчалъ не блистательно, но прилично. Сущность этихъ отвѣтовъ состояла въ томъ, что онъ только довершилъ труды своихъ предшественниковъ. Скромность такого заявленія производила прекрасное впечатлѣніе на собраніе и именно, помня это впечатлѣніе, я такъ упорно и протестовалъ, когда потомъ краснорѣчивый Фадѣевъ, въ введеніи къ отчету князя, хотѣлъ доказывать, что предшественники его ровно ничего не понимали, а что все понялъ, уразумѣлъ и сдѣлалъ только одинъ князь. Послѣ обѣда перешли въ другія залы, гдѣ началось изготовленіе жженки и уже полились безпрерывные и нескончаемые спичи. Самымъ эффектнымъ ораторомъ явился старикъ Гречъ, который превозносилъ князя превыше небесъ... Я помню, онъ, между прочимъ, выразилъ ту мысль, что дотолѣ у Россіи не было руки, что теперь рука эта явилась, въ лицѣ князя и что затѣмъ государство можетъ быть покойно и благополучно... Рѣчамъ Греча, которыя онъ, по обычаю, пересыпалъ шутками и остротами, съ неистовствомъ апплодировали. Говоруновъ было чрезвычайно много, но они далеко не имѣли такого громаднаго успѣха, какой выпалъ на долю Греча. Князь постоянно раскланивался и отвѣчалъ немногими словами. Шумныя рукоплесканія безпрерывно раздавались въ залѣ, то въ пользу оратора, то въ пользу князя. Казалось, и казалось справедливо, что въ этотъ моментъ князь вполнѣ достигъ той популярности, о которой такъ усердно заботился всю жизнь, и что популярность эта будетъ крѣпнуть болѣе

и болѣе... Можно ли было, въ этотъ достопамятный моментъ, думать, что эти столь живые признаки популярности исчезнутъ безслѣдно, что князя, на котораго съ такимъ сочувствіемъ и почтеніемъ смотрѣли въ этотъ моментъ, совершенно забудутъ, а если и будутъ иногда вспоминать, то съ чувствомъ какого-то недоброжелательства, непріязни, хотя князь не сдѣлалъ рѣшительно ничего такого, что̀ бы оправдывало это забвеніе и это недоброжелательство...

Я видѣлъ парады, устроенные государемъ въ честь князя... Одинъ изъ этихъ парадовъ, самый парадный, былъ очень неудаченъ для князя. За нѣсколько дней до этого парада князь началъ чувствовать признаки старой своей пріятельницы—подагры. Въ самый день парада она налегла на князя болѣе положительнымъ и внимательнымъ образомъ. Я живо помню, какъ въ ожиданіи момента, когда князь долженъ былъ сѣсть на лошадь, чтобъ присоединиться къ государю, онъ ходилъ по комнатѣ, кряхтѣлъ, по обычаю капризничалъ и говорилъ, что этотъ парадъ, отъ котораго онъ не имѣлъ возможности отказаться, убьетъ его. Между тѣмъ, когда наступило время, онъ, хотя чрезъ силу, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Я смотрѣлъ этотъ парадъ изъ оконъ дворца и, разумѣется, болѣе всего обращалъ вниманіе на князя. Увы! блестящая обыкновенно фигура князя, облеченная на этотъ разъ въ зимнее пальто и несомнѣнно страдающая, не имѣла въ себѣ ничего блестящаго. Съ видимымъ, для опытнаго глаза, трудомъ онъ кое-какъ галопировалъ подлѣ государя, но такъ неловко, такъ болѣзненно, что мнѣ какъ-то досадно было на него смотрѣть. Скоро наступило заключеніе, котораго надобно было ожидать. Князь не могъ выдержать всего парада; въ половинѣ его онъ оставилъ государя, подъѣхалъ къ своему подъѣзду и не имѣлъ уже силъ самъ сойти съ лошади. Его сняли съ сѣдла адъютанты и казаки и на рукахъ внесли въ комнаты. Отсюда началось длинное болѣзненное его состояніе... Въ этомъ именно состояніи его и перекатывали на особыхъ креслахъ въ тѣ комнаты, гдѣ, какъ я выше говорилъ, собирался комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя и при участіи императрицы для установленія основаній общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, учрежденіе котораго было самымъ главнымъ предметомъ дѣловыхъ занятій князя въ этотъ періодъ.

Припоминая другія изъ гражданскихъ дѣлъ, которыя были обработаны въ это время, я могу привести два, наиболѣе важнѣйшія. Выше я говорилъ уже, что, при самомъ назначеніи князя кавказскимъ намѣстникомъ, онъ исходатайствовалъ себѣ нѣкоторыя особенныя права, что въ числѣ этихъ правъ было право преобразовать главное управленіе и что, наконецъ, на основаніи этого права учреждены

были на Кавказѣ различные департаменты; но какъ общія права, испрошенныя княземъ, такъ и учрежденіе департаментовъ имѣли характеръ временный, и срокъ, данный для того и для другаго, т. е. срокъ опыта, истекалъ именно въ концѣ 1859 г. На мнѣ, какъ представителѣ гражданскаго кавказскаго міра въ Петербургѣ, лежало двинуть и разрѣшить этотъ вопросъ. Я началъ съ того, что вошелъ въ совѣщаніе съ В. П. Бутковымъ о способѣ этого разрѣшенія. Съ обычною быстротою Бутковъ, всегда и во всемъ угождавшій князю, а теперь еще болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ вліяніемъ его славы и могущества, тотчасъ выразилъ ту мысль, что, такъ какъ князь занятъ былъ доселѣ преимущественно военными интересами Кавказа, то надобно испросить высочайшее соизволеніе, чтобы срокъ опыта продолженъ былъ еще, по крайней мѣрѣ на три года съ тѣмъ, чтобы право преобразованія распространено было не только на различныя части главнаго управленія, но и на губернскія учрежденія. Для намѣстника и для гражданскаго управленія Кавказа не могло быть ничего лучше и пріятнѣе. Вмѣсто того, чтобы о новыхъ учрежденіяхъ, о новыхъ должностяхъ, о новыхъ расходахъ, испрашивать каждый разъ чрезъ различныя инстанціи, утвержденіе государя—все это могло дѣлаться въ домашнемъ, такъ сказать, кругу, властію намѣстника. Въ этомъ смыслѣ самимъ Бутковымъ составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, который, разумѣется, и утвержденъ. Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что это страшное, необъятное, право не рѣдко употреблялось во зло мѣстными дѣятелями: каждый естественно старался примѣнить его къ своимъ пользамъ и оттого, въ силу этого прекраснаго по существу права, на Кавказѣ надѣлано столько ненужныхъ учрежденій, безполезныхъ должностей въ главномъ и мѣстномъ управленіи, что, какъ говорится, „чортъ ногу переломитъ"...

Другое дѣло было такого рода. Въ разсказахъ моихъ о преобразованіи главнаго управленія на Кавказѣ я упоминалъ, между прочимъ, что въ числѣ основныхъ началъ этого преобразованія я предлагалъ уничтоженіе существовавшихъ тамъ округовъ учебнаго, почтоваго и таможеннаго, и что мысль эта, вслѣдствіе сильной оппозиціи, возникшей противъ нея, отложена была княземъ до времени. Въ петербургскихъ суетахъ, которыми былъ поглощенъ князь, я менѣе всего могъ предполагать, чтобъ онъ вспомнилъ эту старую идею. Между тѣмъ, въ одно прекрасное утро, лишь только я явился во дворецъ, какъ князь потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что онъ рѣшился осуществить эту идею и, упразднивъ округа, подчинить части, которыми они завѣдывали, губернаторамъ. Упраздненіе округовъ, предложенное мною, разумѣется, я вполнѣ раздѣлялъ; но мысль подчи-

нить ввѣренныя имъ части, и особенно часть учебную, губернаторамъ привела меня въ нѣкоторый ужасъ. Я тотчасъ началъ было излагать практическія неудобства этой мысли; но князь скоро перебилъ меня и сказалъ: „я уже говорилъ объ этомъ съ Владиміромъ Петровичемъ Бутковымъ, и онъ находитъ это предположеніе прекраснымъ. Впрочемъ, переговорите съ нимъ и приготовьте вмѣстѣ докладъ государю. Кстати пріѣхалъ Харитоновъ (бывшій тогда директоромъ финансоваго департамента), онъ будетъ полезенъ по части таможенной!"

Я уже говорилъ, что Харитоновъ былъ человѣкъ порядочный и добрый; но страшно тщеславный какъ относительно своей наружности, такъ и своихъ государственныхъ способностей и отъ того значительно смѣшной и оригинальный.

Какъ только онъ узналъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ предположилъ, относительно таможенной части, возложить на губернаторовъ какой-то „осмотръ по наружности". Я не знаю, существуетъ ли такой осмотръ въ нашихъ таможенныхъ узаконеніяхъ; но помню, что Харитоновъ носился, какъ курица съ яйцомъ, съ этимъ „осмотромъ по наружности", наконецъ, должно было состояться общее наше совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Буткова, и въ назначенный день мы съ Харитоновымъ отправились къ нему въ твердомъ намѣреніи развить: я—свои взгляды на неудобства подчиненія учебной части полицейскому вліянію нашихъ малограмотныхъ губернаторовъ, а Харитоновъ—свои взгляды на необходимость „осмотра по наружности". Увы! этимъ добрымъ и, быть можетъ, въ высшей степени полезнымъ для самаго государства намѣреніямъ не суждено было осуществиться. Надо замѣтить, что Харитоновъ нѣкогда служилъ въ кавказскомъ комитетѣ вмѣстѣ съ Бутковымъ и не только не имѣлъ къ нему никакой симпатіи, но старался, подъ крыломъ князя, держать себя пѣтухомъ предъ нимъ и при случаѣ проявлять свою независимость; но это нисколько не мѣшало быстрому и самоувѣренному Буткову относиться къ намъ чрезвычайно мило, но немножко свысока, на что, конечно, и имѣлъ полнѣйшее право. Только черезчуръ самолюбивый Харитоновъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть громаднаго разстоянія, раздѣляющаго насъ отъ Буткова. Отъ этого произошло, что, когда мы вошли къ Буткову и Харитоновъ, важно поправляя свои очки, началъ собираться излагать свои мудрыя соображенія, быстрый Бутковъ живо сказалъ: „а! господа! здравствуйте! мы сейчасъ кончимъ нашу задачу. Я уже обдумалъ планъ доклада. Садитесь! Я буду диктовать. Кто лучше пишетъ? Берите карандашъ!" Съ этими словами онъ какъ-то всучилъ уже карандашъ въ руки Харитонову. Ошеломленные потокомъ этихъ словъ, мы были совершенно сбиты въ нашихъ планахъ развернуть

нашу сообразительность и прозорливость. Я, впрочемъ, весело улыбался; но Харитоновъ, видимо, проявлялъ на своемъ лицѣ недовольство, превратившись мгновенно и неожиданно изъ государственнаго мужа въ простаго писца! Тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ писать, едва поспѣвая за быстрой диктовкой Буткова.

Въ докладѣ изъяснялось, что именно такой порядокъ, т. е. подчиненіе этихъ частей губернаторамъ введенъ въ Сибири и сопровождается наилучшимъ успѣхомъ. Когда дошла рѣчь до таможенной части, Харитоновъ, продолжая писать, началъ дѣлать нѣкоторыя замѣчанія, проводя мысль „о надзорѣ по наружности". Бутковъ, не обращая рѣшительно никакого вниманія на эти замѣчанія и спѣша только кончить скорѣе съ этимъ докладомъ, безсознательно говорилъ: „да, это справедливо!.. На чемъ же мы остановились?".. или: „да, да, ваша правда! Однако, будемъ продолжать", и снова начиналъ быстро диктовать. Харитоновъ, однако, не унимался и, видя, что Бутковъ, подхваливая его замѣчанія, никакъ не хочетъ понять существа ихъ, опять запѣвалъ пѣсню „объ осмотрѣ по наружности". Фраза эта, видно, надоѣла Буткову. Чтобъ разомъ отдѣлаться отъ нея, онъ также безсознательно и нѣсколько нетерпѣливо сказалъ: „наружность обманчива! Помилуйте, какъ можно! Будемъ скорѣе кончать; не много уже осталось". Докладъ конченъ и отданъ мнѣ, по выраженію Буткова, для окончательной отдѣлки, и это былъ единственный, сколько-нибудь утѣшительный оттѣнокъ нашего достопамятнаго совѣщанія, при которомъ я былъ простымъ слушателемъ, Харитоновъ былъ простымъ писаремъ, а Бутковъ тѣмъ, чѣмъ былъ всегда: ловкимъ проводникомъ всѣхъ идей князя.

Достославный докладъ объ округахъ переписанъ, подписанъ, представленъ и высочайше утвержденъ. О томъ, какъ примѣненіе этой мѣры началось, прежде всего, съ учебнаго округа, какъ волновался при этомъ случаѣ бывшій попечитель округа баронъ Николаи и вообще, что происходило при кончинѣ этого округа—я говорилъ уже выше. Здѣсь можно прибавить только слѣдующія невѣроятныя вещи: князь, отнявшій округъ у барона Николаи и тѣмъ самымъ удалившій его съ Кавказа, князь, отзывавшійся при мнѣ невыгодно о баронѣ, самъ рекомендовалъ его, какъ общее мнѣніе утверждаетъ и въ чемъ я не вижу ни малѣйшаго сомнѣнія, великому князю Михаилу Николаевичу, въ начальники главнаго управленія!.. „Темна вода въ облацѣхъ", можно сказать при этомъ случаѣ или еще лучше: „чужая душа потемки". Само собою разумѣется, что баронъ, какъ только утвердился въ новой, подготовленной для него самимъ княземъ должности, тотчасъ возстановилъ округъ, княземъ уничтоженный съ единственною разницею, и разницею чисто внѣшнею, состоящею въ томъ, что по-

печитель округа называется не попечителемъ, а инспекторомъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ.

О томъ, какъ князь выносилъ отъ государя награды для своихъ приближенныхъ, то чины, то ордена, то званія флигель-адъютанта, какъ сильно доставалось гофмаршалу князя, бѣдному Давыдову, находившемуся постоянно подъ капризами и распеканціями князя,—я уже говорилъ выше въ различныхъ частяхъ моихъ разсказовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ же окончательно опредѣлилось будущее положеніе Милютина въ нашемъ высшемъ государственномъ управленіи...

Еще во время пребыванія князя въ Петербургѣ изъ Москвы присылались телеграммы, что дворянство, купечество, различные клубы жаждутъ счастія преподнести князю балы и обѣды. Предварительными сношеніями условлено было, что всѣ сословія, соединяясь вмѣстѣ, дадутъ въ честь князя одинъ обѣдъ, а генералъ-губернаторъ дастъ балъ. Наконецъ, наступилъ день отъѣзда князя изъ Петербурга. Опять помпа и торжественность! Опять царскія комнаты на станціяхъ и царскіе вагоны!

Огромная толпа свиты увеличилась большою толпою провожающихъ князя, въ которой были, между прочимъ, Бутковъ, братья князя, семейство Давыдовыхъ и пр. и проч.; въ свитѣ появились новыя личности: князь Д., напр., не совсѣмъ удавшійся сынокъ князя. Почти всю дорогу онъ спалъ, а когда просыпался, то спрашивалъ водки или шампанскаго. Я полагалъ, что этотъ юноша спѣшитъ искусственно приравняться къ новымъ своимъ кавказскимъ товарищамъ, отъ которыхъ онъ, вѣроятно, наслышался различныхъ разсказовъ о томъ, какъ крѣпко пьютъ па Кавказѣ; но послѣдствія показали, что питье составляетъ, повидимому, органическое несчастіе его натуры. Оставляя Кавказъ, товарищи его оставляли большею частію и туземное пьянство, а князю Д. оно привилось окончательно. Когда въ послѣдующіе пріѣзды князя Александра Ивановича въ Петербургъ, князь Д. являлся въ его пріемную всегда веселый, и самъ князь, въ видѣ любезной шутки, укорялъ его за это. Потомъ Д. женился на красавицѣ, тоже княжнѣ Д. Но и эта мѣра, кажется, не принесла добрыхъ послѣдствій. Потомъ въ свиту вступилъ, въ качествѣ адъютанта, длинный нѣмецъ Б—къ. Его отецъ, горя желаніемъ провести сынка въ флигель-адъютанты, страшно хлопоталъ не только предъ самимъ княземъ, но и предъ приближенными его, и особенно предъ самолюбивымъ Харитоновымъ, котораго называлъ товарищемъ, по обоюдному служенію по одному и тому же вѣдомству. Вагоны наши наполнены были всевозможными питьями и яствами, отпущенными дворцовымъ вѣдомствомъ; толпа придворныхъ лакеевъ ожидала нашихъ приказаній. Однимъ словомъ, каждый могъ спрашивать „чего душа желаетъ“;

каждый видѣлъ, что минуты, которыя онъ переживалъ, едва-ли не единственныя въ жизни по величію, пышности и торжественности.

Въ самомъ началѣ нашего пути я замѣтилъ между личностями, находившимися въ нашемъ роскошномъ вагонѣ, незнакомаго мнѣ господина съ длинными волосами и со всѣми внѣшними признаками, которые отличаютъ художниковъ отъ простыхъ смертныхъ; но какъ тутъ много мелькало другихъ тоже незнакомыхъ мнѣ фигуръ, то я нисколько не интересовался узнать, кто этотъ господинъ, полагая его принадлежащимъ къ толпѣ придворныхъ личностей, насъ сопровождавшихъ. Особенное мое вниманіе обратилъ на себя этотъ господинъ тогда, когда, устроившись въ углу вагона и развернувъ маленькій портфель, онъ началъ что-то чертить и безпрерывно посматривать на меня. Можно было съ достовѣрностью заключить, что онъ рисовалъ мою фигуру. Я испыталъ страшное, не лишенное нѣкоторой пріятности, чувство. Для чего, думалъ я, понадобилась ему моя фигура? Развѣ она такъ эффектна? Самолюбіе мое страшно разыгрывалось на эту тему и въ эту минуту, конечно, не уступало, по размѣрамъ своимъ, Харитоновскому самолюбію. Но это глупое и присущее всему человѣчеству чувство значительно упало во мнѣ, когда я замѣтилъ, что этотъ господинъ, продолжая рисовать, сталъ всматриваться и въ другія физіономіи, такъ же точно, какъ онъ упорно всматривался сначала въ физіономію, мнѣ принадлежащую. Я увидѣлъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ, что этого господина интересовала не моя исключительно личность, а вся группа личностей, въ вагонѣ находившихся.

Всѣ эти наблюденія я сообщилъ моимъ товарищамъ, которые объяснили мнѣ, что это придворный художникъ Зичи, котораго государь послалъ съ нами именно для того, чтобы нарисовать всѣ замѣчательные моменты переѣзда князя въ Москву и пребыванія его тамъ. Къ вечеру уже готова была съ большимъ талантомъ и поразительнымъ сходствомъ сдѣланная имъ картина, изображавшая нашъ вагонъ и личности, въ немъ находившіяся. Я могъ успокоить свое самолюбіе тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что моя личность была на первомъ планѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Зичи, уже не разлучавшійся съ нами во все время, до отъѣзда князя на Кавказъ, сдѣлалъ множество подобныхъ рисунковъ. Часть ихъ государь прислалъ потомъ князю на Кавказъ въ подарокъ, и мы съ понятнымъ интересомъ разсматривали на этихъ рисункахъ собственныя наши фигуры, изображеніе которыхъ, по милости князя и вмѣстѣ съ его изображеніемъ, забралось въ царскіе дворцы. Само собою разумѣется, что мы ѣхали экстреннымъ поѣздомъ и потому въ тотъ же день вечеромъ часовъ въ 12 пріѣхали въ Москву. На станціи опять ожидали князя и почетная встрѣча, и царскіе экипажи.

По пріѣздѣ въ Москву князь снова чувствовалъ себя нехорошо. Обѣдъ и балъ, ожидавшіе его тамъ, скорѣе тяготили его, чѣмъ доставляли ему удовольствіе. Если, съ одной стороны, пріятно быть героемъ торжествъ и празднествъ, то, съ другой стороны, роль эта долго исполняемая, дѣлается уже утомительною. Для князя, въ этотъ моментъ, она была вдвойнѣ утомительна сколько потому, что совпадала съ болѣзненнымъ его положеніемъ, разумѣется, исключающимъ то бодрое состояніе духа, которое такъ необходимо въ подобныхъ случаяхъ, столько и потому, что роль эта обязывала князя или говорить спичи или отвѣчать на спичи, т. е. обязывала къ тому, къ чему князь наименѣе былъ способенъ и чего онъ въ особенности терпѣть не могъ. Слабость его въ этомъ отдѣлѣ умственной работы была просто изумительна. Я, кажется, разсказывалъ уже, какъ онъ мучился однажды въ приготовленіи рѣчи какому-то персидскому или турецкому послу, который прежде торговалъ табакомъ въ Тифлисѣ. Вытребованный княземъ какъ-то вечеромъ, я нашелъ его въ страшныхъ хлопотахъ по этой части, „Чортъ возьми", сказалъ онъ при моемъ входѣ, „никакъ не могу выучить наизусть рѣчь, которую я долженъ сказать завтра этому гнусному господину". „Перепишите эту рѣчь сами, ваше сіятельство", замѣтилъ я, „тогда вы непремѣнно будете ее помнить!" „Да я самъ ее и писалъ", вскричалъ князь, „а все-таки не могу сказать ее наизусть. Какая глупая обязанность!" Начались опыты произнесенія рѣчи. Опыты шли очень дурно. „Прочитайте ее завтра утромъ, ваше сіятельство!" заключилъ я. Несмотря, однако, на всѣ эти предохранительныя мѣры, вышелъ полнѣйшій скандалъ! Когда, при звукахъ музыки, вошелъ посланникъ и бойко произнесъ свою рѣчь, князь началъ говорить свою, но тотчасъ сбился и сталъ рѣшительно втупикъ. Всѣ присутствующіе, наполнявшіе залу, потупились; я такъ сконфузился за князя, что даже и не замѣтилъ, какъ онъ добрался до конца.

Понятно, что такіе неудачные опыты публичнаго ораторства князя не могли располагать его къ новымъ опытамъ и вселять въ немъ довѣріе къ ихъ успѣху. Странное явленіе это дѣлается еще замѣчательнѣе потому, что въ своей сферѣ, въ своемъ, такъ сказать, кругу, князь всегда любилъ говорить, говорилъ всегда много, такъ, что другимъ оставалось только слушать и, главное, говорилъ прекрасно. Какъ только предстояло говорить публично, на князя тотчасъ нападалъ какой-то страхъ и трепетъ, и онъ впадалъ въ непонятное смятеніе! То же было и въ Москвѣ.

На другой же день нашего туда прибытія,—я сдѣлался участникомъ и свидѣтелемъ мученій князя. Пригласивъ меня въ свой кабинетъ, онъ показалъ мнѣ набросанную имъ самимъ рѣчь, которую онъ

долженъ былъ произнесть на торжественномъ обѣдѣ въ московскомъ дворянскомъ собраніи. Я представилъ свои замѣчанія и дополненія, которыя и были тотчасъ приняты. Собственно сочиненіе рѣчи мало обременяло насъ. Когда проектъ былъ окончательно утвержденъ, князь началъ дѣлать опыты произнесенія этой рѣчи. Увы! опыты были весьма печальны! Рѣчь начиналась словами: „Москва есть сердце Россіи!..“ Князь принималъ видъ оратора, я представлялъ громадное собраніе слушателей! Князь бойко начиналъ: „Москва есть сердце Россіи...“ но тотчасъ запинался и останавливался. Я подсказывалъ слѣдующія слова, и князь, одолѣвъ первый завалъ, дѣлалъ шагъ впередъ и останавливался предъ новымъ заваломъ! Я вновь подсказывалъ и такимъ образомъ, кое-какъ, съ безпрерывными затрудненіями и подсказываніями, мы добирались до конца и потомъ снова начинали... Во время этихъ трудовъ я думалъ про себя: „вотъ удивились бы толпы генераловъ и знатныхъ лицъ, ожидающихъ въ пріемной счастья представиться князю, если бы могли видѣть, чѣмъ въ это время занимается знаменитый фельдмаршалъ съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ!“ Повторивъ наши опыты нѣсколько разъ съ одинаковымъ успѣхомъ и съ постоянными моими подсказываніями, князь догадался, что на эти подсказыванія разсчитывать нечего, потому что въ собраніи, на мѣстѣ торжественнаго произнесенія рѣчи, они будутъ невозможны и потому сказалъ: „ну, теперь вы не подсказывайте мнѣ, какъ бы я ни останавливался“ и опять начиналъ: „Москва есть сердце Россіи...“ Дѣло шло еще хуже, и я долженъ былъ посовѣтовать князю въ случаѣ, если онъ забудетъ что-нибудь въ срединѣ рѣчи, не останавливаться и не стараться припоминать, что именно такое забылъ, а идти смѣло впередъ и говорить то, что помнитъ.

День, въ который давался князю этотъ обѣдъ, видимо взволновалъ всю Москву. Различныхъ слуховъ ходило множество. Между прочимъ говорили, что московскія дамы будутъ размѣщены на хорахъ и будутъ осыпать цвѣтами князя. Отъ дворца, гдѣ жилъ князь, до дома дворянскаго собранія стояли по обѣимъ сторонамъ сплошными стѣнами толпы народа. Путь этотъ былъ освѣщенъ огнями. Когда двинулся экипажъ князя, народъ сопровождалъ его криками: ура! Зала дворянскаго собранія была великолѣпно убрана и освѣщена. При входѣ князя загремѣла музыка, и онъ, встрѣченный почетнѣйшими лицами, прошелъ, раскланиваясь на обѣ стороны, къ приготовленному для него столу, за который и сѣлъ вмѣстѣ съ этими лицами. Тысячи дамскихъ биноклей и лорнетовъ сосредоточивались въ этотъ моментъ на князѣ. Вблизи стола, за которымъ помѣщался князь, приготовленъ особый столъ собственно для лицъ, при немъ

состоящихъ. Затѣмъ шли безчисленные столы, занятые представителями Москвы. Прежде чѣмъ обѣдъ достигнулъ половины своей программы, въ залѣ уже носился страшно безцеремонный гулъ и говоръ; видно было, что москвичи не стѣсняютъ себя. Во второй половинѣ обѣда начались рѣчи; но я не знаю, кто ихъ слышалъ; по крайней мѣрѣ, ни я, ни мои товарищи, сидѣвшіе за ближайшимъ столомъ къ тому, за которымъ говорились эти рѣчи, рѣшительно ничего не слыхали. Начать съ того, что общій гулъ, ходившій въ залѣ и особенно свирѣпствовавшій на отдаленныхъ столахъ, если и стихалъ при этихъ случаяхъ, то въ самой незначительной степени, потомъ, какъ только вставалъ кто-нибудь для произнесенія рѣчи, мгновенно бросались туда съ ближайшихъ столовъ господа и окружали говорящаго такою плотною стѣной, за которой ничего рѣшительно не было слышно. Мѣшаться же въ эту толпу мы, кавказцы, считали для себя неприличнымъ, и потому оставались на своихъ мѣстахъ. Насъ очень смѣшили нѣкоторые подгулявшіе москвичи, которые, проходя мимо нашего стола, выдѣлывали предъ нами и въ пользу нашу разные сочувственные „курбеты“. Какъ теперь вижу предъ собою довольно пожилаго, сѣденькаго и толстенькаго господина, значительно подвыпившаго, который каждый разъ, проходя отъ своего стола къ столу князя и обратно, останавливался передъ нами, дѣлалъ умильную рожицу, и складывая въ какомъ-то благоговѣніи свои руки, какъ предъ образомъ, нѣжнѣйшимъ сопрано восклицалъ: „Голубчики кавказцы!“.

Какимъ образомъ сошла рѣчь князя съ ея извѣстнымъ началомъ: „Москва есть сердце Россія...“ рѣчь, надъ которою мы такъ мучились, я уже не слыхалъ. Конецъ обѣда былъ какой-то странный, ясно свидѣтельствовавшій, что распорядители обѣда люди, тоже странные, если не болѣе. По примѣру петербургскаго обѣда мы думали и князь тоже думалъ, что послѣ обѣда общество пойдетъ въ другія залы и что если тамъ не будетъ петербургской жженки, все-таки будетъ возможность провести минутъ пять, десять и потомъ прилично разъѣхаться. Ничуть не бывало. Ни одна комната не была освѣщена, кромѣ залы, такъ что, какъ только кончился обѣдъ—тотчасъ и начался разъѣздъ, при чемъ многіе изъ москвичей, наиболѣе почтенныхъ, имѣли любезность уѣхать прежде князя. Въ числѣ этихъ тонкихъ и политичныхъ людей былъ первый графъ Закревскій, бывшій до Тучкова московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Осыпанья князя цвѣтами тоже не было, напротивъ, на другой день самъ князь, со словъ брата князя Анатолія, разсказывалъ мнѣ, что онъ вовсе не понравился московскимъ дамамъ. „Это и весьма естественно“, скромно замѣчалъ князь: „онѣ ожидали увидѣть молодаго фельдмаршала, въ родѣ гусарскаго корнета, а предъ ними явился господинъ, плохой на

ноги, съ большой лысиной и краснымъ носомъ...“ О своемъ „красномъ“ носѣ князь любилъ часто упоминать; и дѣйствительно этотъ носъ былъ главнымъ основаніемъ навязанной князю, совершенно ложно и незаслуженно, репутаціи кутилы...

Балъ, данный генералъ-губернаторомъ князю, былъ балъ, какъ балъ, роскошный, блестящій, соединившій въ себѣ все, что было въ Москвѣ роскошнаго и великолѣпнаго. Быть можетъ, что московскія барыни были пороскошнѣе одѣты, плечи ихъ поболѣе обнажены, но эти тонкости для насъ, кавказцевъ, не могли быть замѣтны. Мы видѣли огромныя толпы народа, двигающагося массами изъ залы въ залу, подъ потоками ослѣпительнаго свѣта; видѣли множество генераловъ, мундировъ, звѣздъ и крестовъ, видѣли множество дамъ красивыхъ и некрасивыхъ, въ изящныхъ и не совсѣмъ изящныхъ нарядахъ—однимъ словомъ, видѣли московскій балъ. Торжественно встрѣченный князь скоро сѣлъ за карты съ почтеннѣйшими москвичами, суровый Шамиль былъ тоже предметомъ общаго вниманія; представлявшійся и представляемый всегда въ своей огромной папахѣ, онъ здѣсь, подъ вліяніемъ духоты, долженъ былъ снять ее и сидѣлъ въ какой-то ермолкѣ на бритой большой головѣ и по обычаю, какъ всегда, шепталъ свои молитвы. По свидѣтельству моихъ товарищей, я тоже, или лучше сказать, мой Владиміръ съ мечами, украшавшій мою доблестную грудь, производилъ значительный эффектъ; они говорили, что многіе глядѣли сперва на мой крестъ, потомъ на мою физіономію, потомъ суетливо перешептывались, вѣроятно, подъ вліяніемъ недоразумѣнія, какимъ образомъ сей воинственный знакъ достался статскому господину, въ которомъ нѣтъ ничего воинственнаго. Въ разсказахъ моихъ товарищей много вѣроятности потому, что я всегда замѣчалъ и теперь постоянно замѣчаю, что какъ только кто-нибудь увидитъ у меня на шеѣ Владиміра съ мечами, сейчасъ выразитъ въ своей фигурѣ изумленіе и въ слѣдъ затѣмъ пристально посмотритъ мнѣ въ физіономію. По этому-то я и дорожу этимъ крестомъ болѣе, чѣмъ моими звѣздами; звѣзды разсыпаются тысячами. Владиміръ съ мечами во всей Россіи есть только у двухъ статскихъ: пріятеля моего, статсъ-секретаря Мансурова, за какіе-то, впрочемъ, мирные подвиги его во время восточной войны, и у меня.

Участвуя во всѣхъ торжествахъ и праздникахъ, устраиваемыхъ для князя, мы, т. е. состоящіе при немъ въ разныхъ должностяхъ и званіяхъ, пользовались и другими праздниками, менѣе торжественными, но зато болѣе шумными и веселыми, собственно въ нашу пользу сочиняемыми, такъ что почти каждый день намъ приходилось, по окончаніи нашихъ оффиціальныхъ обязанностей, переходить въ міръ не оффиціальный и пировать въ немъ „до бѣлаго свѣта“. Въ

ряду этихъ пировъ припоминаю одинъ, наиболѣе широкій и чисто московскаго характера...

Въ началѣ моихъ записокъ я говорилъ уже, что братъ князя Александра Ивановича, князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій былъ чистый москвичъ. Тамъ онъ проводилъ шумно и бурно свою юность; тамъ онъ не одинъ разъ разорялся и погрязалъ въ неоплатныхъ долгахъ; тамъ онъ обогащалъ московскихъ ямщиковъ и извозчиковъ; тамъ онъ крестилъ дѣтей у московскихъ цыганъ; тамъ онъ имѣлъ громаднѣйшія связи съ міромъ кутилъ... Этотъ міръ именно и взволновался при появленіи тамъ князя Анатолія Ивановича въ составѣ свиты князя Александра Ивановича и настоятельно требовалъ, чтобы мы приняли пиръ, устроенный для насъ у московскихъ цыганъ. Цыгане тогда еще были въ полной славѣ, и безъ преувеличенія можно сказать, что никогда хоръ ихъ не заключалъ въ себѣ такого рѣдкаго собранія прелестныхъ женщинъ, какъ въ этотъ моментъ.

Само собою разумѣется, что пиръ былъ съ удовольствіемъ принятъ, но къ сожалѣнію въ самый тотъ день, или лучше сказать въ ту ночь, когда онъ долженъ былъ происходить, случилось обстоятельство, грозившее, если не совершенно разрушить его, то значительно повредить его великолѣпію.

Надо замѣтить, что зима 1859—60 г. была такая, какихъ старожилы мало запомнятъ. Снѣгъ валилъ почти ежедневно съ утра до вечера и навалилъ всюду невообразимыя горы. Въ эту именно зиму возбужденъ былъ вопросъ о приготовленіи къ веснѣ спасительныхъ лодокъ и другихъ предохранительныхъ средствъ на случай чрезвычайнаго разлитія рѣкъ и наводненій, которыхъ вездѣ ожидали. Въ эту зиму постоянно слышалось, что тамъ цѣлый обозъ, занесенный снѣгомъ, замерзъ, а тамъ почта, застигнутая метелью, по цѣлымъ днямъ и ночамъ блуждала въ полѣ... Въ эту зиму даже поѣзда Николаевской желѣзной дороги потеряли всякую регулярность и приходили не въ урочный часъ, а какъ случится, иногда чрезъ день и болѣе... Въ эту именно зиму улицы Москвы представляли видъ взволнованнаго моря, по волнамъ котораго разнородные экипажи ныряли съ большимъ трудомъ и съ нѣкоторою опасностью. На этихъ-то волнахъ князь Анатолій Ивановичъ былъ выброшенъ изъ экипажа и значительно разбитъ. Большая часть участвующихъ въ пирѣ, по условію, должны были собраться въ полночь у него, какъ предсѣдателя пира, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ обиталище цыганъ. Когда въ урочный часъ мы явились къ князю, мы нашли его въ постели, бесѣдующимъ съ докторомъ, который осматривалъ его ушибы. Казалось, все потеряно, но милый князь, чтобъ не разрушить пира, рѣшился, несмотря на серьезныя страданія, несмотря на проте-

сты доктора, ѣхать съ нами и оставаться тамъ, сколько силы позволятъ.

Цыгане жили гдѣ-то, какъ говорится, „у чорта на куличкахъ", на самомъ краю города. Издали уже можно было замѣтить ихъ жилище, горящее, какъ фонарь. Это былъ громадный деревянный домъ, съ множествомъ отдѣленій и переходовъ. Князь Анатолій Ивановичъ былъ принятъ въ этомъ, исчезающемъ уже нынѣ, мірѣ, какъ царь. Цыгане радостно его окружили. Кромѣ цыганъ, мы нашли тамъ много усатыхъ личностей, старинныхъ пріятелей князя, которые и были хозяевами и распорядителями пира. Мы, кавказцы, обмѣнялись съ этими московскими личностями обычными фразами и привѣтствіями, но не прошло, я думаю, и часу, какъ эти церемонныя фразы замѣнились самымъ безцеремоннымъ пріятельскимъ обращеніемъ и все съѣхало на „ты". Скоро оказалось, что многіе изъ этихъ личностей жили съ хорошенькими цыганками, какъ съ своими женами. Нѣкогда знаменитая въ Петербургѣ косенькая „Лиза" была на содержаніи у какого-то богатаго москвича, который, какъ говорили тогда, хотѣлъ даже на ней жениться, чтò не было бы нисколько удивительнымъ, потому что эта Лиза, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывалась дѣвушкою очень умною и симпатичною, не говоря уже о талантѣ ея, какъ пѣвицы. Несмотря, однако же, на принадлежность каждой хорошенькой цыганки своему усатому обладателю, ясно было, что имъ поручено было, не стѣсняясь, очаровывать исключительно насъ, кавказцевъ, чтò они и дѣлали съ большимъ успѣхомъ.

Толстый и милый Тромповскій, сдѣлавшійся особеннымъ предметомъ ихъ атаки, млѣлъ отъ восторга. Князь Анатолій Ивановичъ постоянно напускалъ на него одну, едва-ли не самую хорошенькую цыганку, съ распущенными волосами. Этотъ демонъ, во время страстной пляски, приближалась къ Тромповскому, закрывала хорошенькое свое личико тучею прекрасныхъ волосъ, потомъ вдругъ отбрасывала ихъ и, кинувъ на него огненный взглядъ своихъ жгучихъ глазъ, пускалась опять плясать съ самыми невыносимыми тѣлодвиженіями. Тромповскій испускалъ какіе-то непонятные звуки въ родѣ вздоховъ или стоновъ, въ которыхъ слышно было только то, что онъ на верху блаженства.

Само собою разумѣется, что шампанское лилось рѣкою и постоянно обходило присутствующихъ съ приглашеніемъ пить то за ту, то за другую изъ цыганокъ. Пѣсни смѣнялись плясками, пляски смѣнялись пѣснями. Пѣли хоровыя цыганскія пѣсни, солистки пѣли свои романсы. Въ пляскахъ было то, что всѣ видѣли; но было и то, чего, вѣроятно, не всѣ видѣли, чего, по крайней мѣрѣ, я до тѣхъ поръ не видалъ. Началось съ того, что цыганки выгнали всѣхъ цыганъ, сво-

ихъ мужей и братьевъ; потомъ одна изъ нихъ, красивая и молодая женщина, перетянувъ платкомъ и на какой-то особенный манеръ свой станъ, пошла подъ какую-то особенно зажигающаго содержанія пѣсню, плясать и дѣлать формами своего тѣла такія движенія, которыя и въ полумертвомъ могли возбудить жизнь и страсть... Разумѣется, что эту таинственную пляску мы заставляли повторять нѣсколько разъ. Когда она кончилась, впустили снова цыганъ-мужчинъ, и снова пошли хоры, соло и пляски.

Между тѣмъ, какъ ни крѣпился князь Анатолій Ивановичъ—страданія его постоянно усиливались: онъ при каждомъ движеніи охалъ и даже вскрикивалъ и долженъ былъ уѣхать далеко до конца пира. Сближеніе наше съ москвичами достигло крайней степени: значительно подгулявшіе, мы, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, обнимались, цѣловались и мѣнялись увѣреніями въ вѣчной дружбѣ. Только наступленіе деннаго свѣта положило окончаніе этому достопамятному пиру; къ сожалѣнію, страданія князя Анатолія Ивановича не только не кончились съ окончаніемъ этого пира, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ усиливались болѣе и болѣе; оказалось, что у него изломано или помято нѣсколько реберъ, такъ что онъ долженъ былъ пролежать въ Москвѣ довольно долго послѣ отъѣзда оттуда князя Александра Ивановича. Болѣзнь его и ея причины, какъ говорили, сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, и вслѣдствіе того московскимъ властямъ данъ будто бы должный нагоняй за скверное состояніе улицъ.

Между тѣмъ приближался день отъѣзда изъ Москвы князя Александра Ивановича. Отовсюду доходили о дорогахъ самыя неблагопріятныя свѣдѣнія, представлявшія предстоящее путешествіе князя ужаснымъ и мучительнымъ въ высшей степени. Вмѣстѣ съ этими свѣдѣніями являлись различные проекты о способахъ, которыми можно было бы улучшить и облегчить это путешествіе. Въ ряду этихъ проектовъ восторжествовалъ слѣдующій, представленный однимъ изъ почтовыхъ чиновниковъ, Рейнботомъ, направленный противъ главнѣйшей бѣды: страшныхъ ухабовъ, которыми изрыты всѣ дороги. Этимъ проектомъ предложено было поставить экипажъ князя на длиннѣйшія, въ нѣсколько саженъ, полозья, которые должны идти поверхъ ухабовъ, не ныряя въ нихъ. Такіе именно полозья и сдѣланы были, представивъ собою Москвѣ невиданную штуку въ области экипажныхъ дѣлъ. Въ назначенный день и часъ эту штуку, кажется, на восьми или десяти лошадяхъ, подвезли къ подъѣзду дворца, въ которомъ жилъ князь. Едва-ли нужно говорить, что проводы князя были парадны и торжественны. Въ то время, когда князь садился въ экипажъ, а за нимъ втискивался туда же толстый Тромповскій,

кругомъ почтительно стояли толпы разныхъ лицъ, знатныхъ и незнатныхъ. Этотъ именно моментъ также былъ снятъ художникомъ Зичи, и въ числѣ провожающихъ моя фигура, въ моей шубѣ, опять была на первомъ планѣ.

Рисунокъ этотъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые потомъ государь прислалъ князю на Кавказъ. За экипажемъ князя нѣсколько другихъ экипажей мгновенно наполнились свитою князя. Провожая моихъ пріятелей, я имъ кричалъ: „прощай"; они мнѣ отвѣчали: „пріѣзжай".

II.

Мой отъѣздъ на Кавказъ. — Необычайная суровость зимы. — Мое печальное путешествіе.—Шумная встрѣча меня въ Ставрополѣ.—Кончина моего отца.—Неудача плановъ моей жены.—Объясненіе князя со мной по поводу предполагаемаго новаго назначенія.

Вопросъ о томъ, почему я попалъ, на картинѣ Зичи, въ группу провожающихъ князя, равно какъ и о томъ, почему я говорилъ отъѣзжающимъ пріятелямъ: „прощай!" разрѣшается тѣмъ, что князь позволилъ мнѣ остаться еще нѣсколько дней съ моимъ семействомъ и пріѣхать послѣ. Вслѣдъ за отъѣздомъ князя я поскакалъ въ Петербургъ, гдѣ оставилъ жену. Насладившись на совершенной уже свободѣ всѣми столичными удовольствіями, я возвратился въ Москву для того, чтобы оттуда отправиться на Кавказъ.

Намѣреніе это встрѣтило значительныя затрудненія именно въ необычайной суровости зимы того года. Каждый день были жесточайшія вьюги и метели, такъ что на московскихъ улицахъ за пять шаговъ ничего не было видно. Ежедневно слышались извѣстія о замерзшихъ, заблудившихся и о другихъ несчастіяхъ этого рода. Движеніе почтъ на нѣкоторыхъ трактахъ прекратилось, а на другихъ подверглось величайшимъ затрудненіямъ и замедленіямъ, даже поѣзда Николаевской желѣзной дороги, какъ я сказалъ уже, не приходили во-время и опаздывали нѣсколькими часами, а иногда цѣлыми сутками. Я почти ежедневно ѣздилъ то въ почтамтъ, то на желѣзную дорогу. Свѣдѣнія, тамъ и здѣсь получаемыя, были совершенно не благопріятны. Общее мнѣніе людей знакомыхъ было таково, что я поступлю чрезвычайно безразсудно, если пущусь, при этихъ вьюгахъ и метеляхъ, въ мой далекій путь. Мое положеніе сдѣлалось непріятнымъ: князь могъ подумать, что я безцеремонно пользуюсь его дозволеніемъ и просто жуирую. Нетерпѣніе мое достигло крайней

степени. Наконецъ, хотя бурная зима продолжала вести себя прежнимъ порядкомъ, я рѣшился отправиться... Предъ самымъ отправленіемъ открылись слѣдующія обстоятельства.

Съ нѣкоторою торжественностью жена объявила мнѣ, что она должна открыть мнѣ тайну, которую скрывать далѣе считаетъ противнымъ своему долгу. „Ты имѣешь полное право негодовать на меня", прибавила она, „но я дѣйствовала, какъ любящая жена и мать!".. Такое вступленіе не могло не изумить меня, тѣмъ болѣе, что между нами до тѣхъ поръ никакихъ рѣшительно тайнъ не существовало. Дѣло вотъ въ чемъ. Подъ вліяніемъ своей ненависти къ Кавказу, отнявшему у ней двухъ дѣтей, подъ вліяніемъ любви къ остальнымъ дѣтямъ, которыя, по ея убѣжденію, тамъ такъ же точно неминуемо погибнутъ, подъ вліяніемъ страха тѣхъ опасностей и тѣхъ кутежей, въ которыхъ я тамъ находился, наконецъ въ борьбѣ съ предстоящею необходимостью или ѣхать въ эту противную для нея страну или переносить новую разлуку съ мужемъ, разлуку, которой и конца предвидѣть невозможно,—она рѣшилась разорвать, невѣдомо для меня, мои связи съ Кавказомъ.

Съ этою цѣлью, и зная мою преданность къ князю, она заготовила ему письмо, въ которомъ, излагая разрушенное положеніе нашего семейства, именно вслѣдствіе преданности моей къ князю, умоляла его, во-первыхъ, приказать мнѣ остаться въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, о ея письмѣ и ея просьбѣ ни въ какомъ случаѣ не говорить мнѣ. Приготовивъ это письмо, она пригласила къ себѣ добраго Тромповскаго и, вручивъ ему письмо, просила его не только доставить его князю, но и наблюсти, чтобы князь непремѣнно прочиталъ его, такъ какъ изъ моихъ разсказовъ знала, что князь бросаетъ часто нечитанными письма даже своихъ родныхъ. Тромповскій взялъ письмо и удостовѣрилъ жену, что сдѣлано будетъ все такъ, какъ она желаетъ. Направивъ такимъ образомъ свою атаку на князя, жена, для подкрѣпленія ея, прибѣгла къ союзу Ольги Ивановны Давыдовой, старшей и любимой сестры князя. Она умоляла Ольгу Ивановну объяснить князю подробно наше тяжелое положеніе, что̀ въ письмѣ сдѣлать невозможно, и добиться согласія его отпустить меня.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ жены видно, что какъ въ отношеніи Тромповскаго, такъ и въ отношеніи Ольги Ивановны князь отмалчивался упорнѣйшимъ образомъ. Когда, однажды, эта добрая женщина, тоже любившая, какъ и мать ея, мою жену и принимавшая сердечное участіе въ ея положеніи, пилила князя цѣлый вечеръ этимъ дѣломъ, а онъ продолжалъ молчать, она нетерпѣливо спросила: „что же ты на это скажешь?" князь тоже нетерпѣливо отвѣчалъ: „ничего не скажу!" Такое положеніе дѣла не могло, конечно, радовать мою

жену, и потому она осыпала самыми энергическими настояніями и просьбами Ольгу Ивановну вырвать у князя спасительное согласіе. Ольга Ивановна обѣщала при отъѣздѣ князя и прощаніи съ нимъ осадить его самыми настоятельными убѣжденіями и такъ какъ она будетъ провожать его до Москвы, то найдетъ для того достаточно времени и возможности. По возвращеніи изъ Москвы, Ольга Ивановна передала женѣ моей слѣдующій, дѣйствительный или самою ею придуманный, результатъ. Князь будто бы сказалъ ей: „успокой Нину Петровну; скажи, что я принимаю къ сердцу ея положеніе, буду думать и помнить о немъ и надѣюсь скоро исполнить ея желаніе!“ Какъ я сказалъ уже, я ничего этого не зналъ, и князь ни однимъ словомъ не намекнулъ мнѣ о ходѣ этихъ странныхъ переговоровъ.

Разсказъ жены не могъ, конечно, не удивить меня. Я былъ очень далекъ отъ того, чтобы сердиться на эти таинственныя дѣйствія съ ея стороны, уже потому, что они, во всякомъ случаѣ, истекали изъ любви ея къ мужу и дѣтямъ. Съ другой стороны, если я дѣйствительно имѣлъ глубокую неограниченную привязанность къ князю, то собственно Кавказъ далеко не очаровывалъ меня до такой степени, чтобъ я не былъ готовъ промѣнять его на Петербургъ при согласіи и участіи князя. Наконецъ, во всѣхъ этихъ переговорахъ князь положительно видѣлъ, что если онъ и удостоиваетъ меня особеннымъ своимъ благоволеніемъ, то за это благоволеніе я плачу весьма существенными для семейнаго человѣка жертвами и лишеніями. Конецъ концовъ былъ тотъ, что вмѣстѣ съ женою мы рѣшились ждать, что будетъ дальше, справедливо полагая, что такой человѣкъ, какъ князь, не будетъ бросать на вѣтеръ такихъ словъ, какія онъ сказалъ на прощанье Ольгѣ Ивановнѣ, и что во всякомъ случаѣ онъ не останется равнодушнымъ къ положенію семейства, такъ давно связаннаго добрыми отношеніями съ его собственнымъ семействомъ.

День моего отъѣзда изъ Москвы былъ также день бурный. Снѣгъ валилъ и крутилъ по-прежнему. Вмѣстѣ съ женой мы подъѣхали къ Иверской, гдѣ усердно помолились и окончательно распрощались. Затѣмъ потянулся мой длинный путь, который на этотъ разъ былъ столь же скученъ и отвратителенъ, сколько былъ веселъ и радостенъ мой путь изъ Тифлиса въ Москву. Взоръ ничего положительно не встрѣчалъ на всемъ видимомъ пространствѣ, кромѣ безконечныхъ, унылыхъ, снѣжныхъ равнинъ. Всѣ деревни положительно были занесены. Количество снѣгу въ эту зиму такъ было велико, что верстовые столбы и придорожныя деревья тоже были занесены совершенно; изрѣдка только, кое-гдѣ, выставлялись изъ-подъ снѣга ихъ верхушки. Станцій тоже не было видно. Въ землѣ войска Донскаго, напр., вашъ экипажъ вдругъ останавливается среди снѣжнаго

поля; оказывается, что тутъ внизу почтовая станція, къ которой надобно спускаться по прокатаннымъ дорожкамъ и спускамъ. Мое путешествіе, впрочемъ, при содѣйствіи курьерской подорожной, а частію и моихъ титуловъ, въ ней прописанныхъ, не было еще очень медленно, по крайней мѣрѣ сравнительно. Я помню, что выѣхалъ въ субботу на третьей недѣлѣ великаго поста, а пріѣхалъ, на шестой недѣлѣ, тогда какъ другой кавказецъ, выѣхавшій въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ, пріѣхалъ въ Тифлисъ послѣ меня, на послѣдней.

Вѣроятно, каждый испыталъ на себѣ такъ называемое вліяніе окружающихъ обстоятельствъ. Изъ этихъ обстоятельствъ сильнѣе всего мѣняютъ наши впечатлѣнія различныя мѣстности. Едва-ли я не говорилъ уже, что еще въ Ставрополѣ, куда я ввалился скучный и недовольный, на меня уже повѣяло духомъ кавказскаго міра, гдѣ, изъ сферы дѣловой и важной, я постоянно переходилъ въ сферу кутежей и обратно. Такъ точно было и здѣсь. Едва я вошелъ въ отведенныя мнѣ комнаты лучшей ставропольской гостиницы, какъ ко мнѣ тотчасъ ворвалась пировавшая въ сосѣднихъ комнатахъ толпа моихъ походныхъ пріятелей, которая, ничего не слушая, ничему не внимая, схватила меня на руки и начала качать и освободила меня единственно вслѣдствіе доклада, что губернаторъ пришелъ ко мнѣ. Послѣ серьезныхъ бесѣдъ о серьезныхъ вещахъ съ губернаторомъ, я снова переходилъ въ распоряженіе пріятелей, освобождаясь отъ нихъ опять для разговоровъ съ губернаторомъ. Проводы, устроенные мнѣ этими пріятелями, были величественны; но путь отъ Ставрополя до Тифлиса былъ самый отвратительный. Черноземная почва распустилась; колеса экипажа уходили въ нее по ступицу. Достаточно сказать, что шестерня лучшихъ курьерскихъ лошадей, запряженная въ мой легкій тарантасъ, останавливалась, измученная на полпути, а иногда и ранѣе, такъ что я долженъ былъ проводить цѣлыя ночи въ полѣ, а иногда тащиться на волахъ, платя по 1 руб. сер. за версту.

За нѣсколько станцій предъ Владикавказомъ я встрѣтилъ пріятеля своего, адъютанта князя—князя Львова, который сопровождалъ знаменитаго въ то время, хотя и ложно, Мегметъ Аминя съ значительною свитою. При взглядѣ на этого проходимца я не могъ не подумать, что послѣ Шамиля онъ произведетъ въ Петербургѣ уже мало эффекта и напомнитъ „горчицу послѣ ужина“. Какъ бы то ни было, проводникъ его князь Львовъ сдѣланъ былъ по этому случаю флигель-адъютантомъ.

Тифлисъ встрѣтилъ меня самымъ радушнымъ образомъ. Едва только распространилась тамъ вѣсть о моемъ пріѣздѣ—мои комнаты наполнились друзьями и сослуживцами. На другой день, при представленіи моемъ князю, онъ выразилъ величайшее удовольствіе моему

прибытію и прибавилъ: „а я думалъ уже, что вы не пріѣдете!". Фраза эта не представляла уже для меня ничего темнаго и удивительнаго послѣ разсказа моей жены, который я выше привелъ. Затѣмъ началась страстная недѣля съ говѣньемъ и различными церковными торжествами, предшествующими торжествамъ великой Святой недѣли. Готовый принять самое живое и дѣятельное участіе и въ этихъ торжествахъ и вообще въ праздничныхъ удовольствіяхъ, я былъ пораженъ неожиданно тяжелымъ обстоятельствомъ. У меня умеръ отецъ.

Весьма естественно, что, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, я сталъ присматриваться, оставили ли какое-нибудь впечатлѣніе въ князѣ энергическія просьбы жены моей, подкрѣпленныя просьбами сестры его, Ольги Ивановны Давыдовой, и что вообще изъ этого выйдетъ? Увы! я долженъ сказать, что князь, при всемъ его великолѣпіи, былъ порядочный эгоистъ вообще; на женщинъ же, на ихъ просьбы, на ихъ слезы и на ихъ фантазіи вообще онъ смотрѣлъ всегда съ величайшимъ презрѣніемъ. Впрочемъ, я думалъ, что эти милые принципы не прилагаются ни ко мнѣ, ни къ моему семейству, во имя старинныхъ и исключительныхъ отношеній, въ которыхъ я и семья моя находились къ князю и его семейству. Намъ, съ нашею гордостью, такъ свойственно считать себя во всѣхъ подобныхъ случаяхъ исключеніями. Но дѣйствительность стала скоро разрушать это самолюбивое заблужденіе, она показала, что общіе принципы князя привеликолѣпно прилагаются и къ моему положенію; словомъ, дѣла пошли совсѣмъ въ другую сторону...

Обстоятельства, сюда относящіяся, какъ само собою разумѣется, сдѣлались предметомъ самой оживленной переписки между мною и моею женой. Жена настоятельно требовала моего возвращенія съ Кавказа, а Барятинскій упорно меня удерживалъ при себѣ.

Выше, при изложеніи преобразованія главнаго управленія, я говорилъ уже, что князь, разсматривая начальника этого управленія, Круз—на, какъ перваго министра, находилъ возможнымъ, чтобы онъ въ то же время управлялъ самъ однимъ изъ министерствъ, подобно тому, какъ первый министръ Англіи, напр., управляетъ тѣмъ или другимъ министерствомъ. На этомъ основаніи К—у порученъ былъ департаментъ общихъ дѣлъ, департаментъ, такъ сказать, передовой и возбуждающій, ибо въ немъ, между прочимъ, сосредоточивались всѣ отчетныя свѣдѣнія о ходѣ и положеніи дѣлъ по всему управленію и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній представлялись, чрезъ кавказскій комитетъ, государю.

Само собою разумѣется, что безпечный и малодѣловитый, К—нъ, постоянно занятый докладами, которые ему дѣлали департаменты, и докладами, которые онъ дѣлалъ князю, не могъ и не хотѣлъ прила-

гать особенныхъ попеченій собственно въ отношеніи департамента общихъ дѣлъ, и, предоставивъ управленіе имъ одному изъ бездарнѣйшихъ чиновниковъ Крамалею, возведенному на этотъ случай въ санъ вице-директора, находилъ, что съ его стороны все сдѣлано и департаментъ пойдетъ, какъ идутъ всевозможные департаменты на свѣтѣ. Апатичное отношеніе къ нему самого К—а и рутинная дѣятельность Крамалея произвели свои результаты. Департаментъ заснулъ, а за нимъ, по отсутствію той возбуждающей силы, которую онъ долженъ представлять, заснули и другіе департаменты. Количество неконченныхъ, неразрѣшенныхъ дѣлъ возрасло по всему управленію въ ужасающей степени. Нѣтъ сомнѣнія, что департаменты продолжали бы спать, а количество неразрѣшенныхъ дѣлъ продолжало бы возрастать, если бы самъ государь не далъ всему управленію намѣстника возбудительнаго толчка. Однимъ словомъ, на одной изъ срочныхъ вѣдомостей, представленныхъ кавказскимъ комитетомъ государю, съ установленными подраздѣленіями и сравненіями, его величество собственноручно начерталъ высочайшее повелѣніе обратить вниманіе намѣстника на медленность и запущенность дѣлъ по кавказскому управленію. Князь, какъ ни мало былъ опытенъ въ гражданскихъ дѣлахъ, видѣлъ, однако, что, хотя К—нъ и отличный человѣкъ, но съ нимъ далеко не уѣдешь, и что получать подобные щелчки нѣтъ никакой пріятности. Съ свойственною ему быстротою и вѣрностью соображеній онъ увидѣлъ необходимость поручить департаментъ общихъ дѣлъ человѣку, болѣе энергичному, который бы, давъ жизнь и движеніе этому передовому департаменту, повелъ бы за собою всѣ другіе департаменты, а въ то же время подталкивалъ и самого апатичнаго К—на. Съ убѣжденіями о моихъ способностяхъ князь не могъ колебаться въ выборѣ такого человѣка и однажды, скоро послѣ моего возвращенія, совершенно неожиданно предложилъ мнѣ этотъ департаментъ. Собственно это предложеніе и послѣдующіе за нимъ переговоры и были причиною, съ одной стороны, неопредѣленныхъ моихъ намековъ въ письмахъ къ женѣ, а съ другой—ея энергическаго протеста.

Раздираемый, такъ сказать, на двѣ половины между княземъ и женою, я испытывалъ въ одно и то же время какое-то противоположное чувство, нѣчто въ родѣ мучительнаго наслажденія или отраднаго мученія. Сладчайшая часть этого чувства созидалась сознаніемъ, что я такъ дорогъ двумъ драгоцѣннѣйшимъ для меня существамъ въ мірѣ; мученія мои происходили отъ того, что именно эти существа, по странному капризу судьбы, стали въ такую борьбу за меня и что я никакъ не въ силахъ принести одного въ жертву другому. Я не могъ бросить князя и карьеру, которую онъ мнѣ положительно предвѣщалъ и обѣщалъ, въ то же время, цѣня любовь и привязанность ко мнѣ

жены, я не раздѣлялъ недовѣрія ея къ князю. Если я и замѣчалъ въ немъ черты и хитрости и эгоизма, на которыя жена постоянно нападала, то мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ эти черты когда-нибудь могли быть примѣнены ко мнѣ, во-первыхъ, по исключительнымъ нашимъ отношеніямъ, во-вторыхъ, по собственнымъ его словамъ, отъ которыхъ отступить, казалось мнѣ, рѣшительно невозможнымъ, и, въ-третьихъ, по свойственной самолюбію человѣческому слабости выгораживать себя изъ всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и случаевъ, считая ихъ до насъ лично не относящимися.

Послѣдствія показали, однако, что я болѣе ошибался, чѣмъ жена моя съ ея женскою прозорливостью. Но факты, показавшіе, что правда была на ея сторонѣ, явились потомъ, а во время переписки нашей я былъ вполнѣ убѣжденъ, что она, неопытная въ высшихъ отношеніяхъ, рѣшительно заблуждалась, и въ этомъ убѣжденіи ничего не находилъ лучшимъ, какъ выжидать дальнѣйшаго хода обстоятельствъ, успокаивая волненія жены моими письмами.

III.

Вступленіе мое въ управленіе департаментомъ общихъ дѣлъ.—Мои отношенія къ лицамъ мѣстнаго управленія.—Замѣчательное письмо ко мнѣ „не мирнаго“ Колюбякина.—Переѣздъ мой на мою Каджорскую дачу.—Оригинальныя отношенія между туземцами.—„Варенька“ Тамамшіева другъ „Лизаньки“ Д—ой.

Между тѣмъ я вступилъ въ управленіе этимъ ненавистнымъ для жены моей департаментомъ общихъ дѣлъ, удержавъ въ своемъ вѣдѣніи отдѣленіе для дѣлъ гражданскаго устройства края и званіе директора походной канцеляріи. Такимъ образомъ, въ моихъ рукахъ сосредоточились, съ одной стороны, всѣ законодательныя работы по новымъ проектамъ, а съ другой самая живая и интересная часть текущихъ дѣлъ. О работахъ по отдѣленію я говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Относительно департамента общихъ дѣлъ, безъ самохвальства могу сказать, что я живо повернулъ имъ къ совершенному удовольствію князя. Нечего и говорить, что въ мое управленіе департаментъ рѣшительно не зналъ нерѣшенныхъ, переходящихъ въ другой мѣсяцъ, дѣлъ, изъ числа тѣхъ, которыя въ него поступали. Облеченный довѣріемъ князя, я постоянно штурмовалъ отъ имени его настояніями, побужденіями, требованіями другіе департаменты и рѣшительно всѣ гражданскія учрежденія, смотрѣвшія сначала на мое назначеніе, сдѣланное совершенно помимо его, нѣсколько подозрительно, очень радъ

былъ кипучей моей дѣятельности, результаты которой украшали его управленіе. Однимъ словомъ, прежде истеченія года, я представилъ князю сравнительную вѣдомость о движеніи дѣлъ по всему гражданскому управленію, изъ которой не рѣшенныя дѣла совершенно исчезли. Для лучшаго объясненія, какъ до меня дѣйствовали и какъ я дѣйствовалъ, приведу слѣдующую черту.

Въ числѣ различныхъ новостей, введенныхъ княземъ, имъ испрошено было высочайшее соизволеніе, чтобы всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ Кавказскаго края, предварительно представленія государю, представлялись намѣстнику, который, сдѣлавъ на нихъ же съ своей стороны отмѣтки по тѣмъ статьямъ, которыя того требовали, долженъ уже отъ себя представлять ихъ государю. Основная мысль этого порядка казалась довольно дѣльною, ибо въ губернаторскомъ отчетѣ говорилось, напр., что такое-то предположеніе представлено намѣстнику и государь приказывалъ спрашивать намѣстника о послѣдствіяхъ этого представленія, тогда какъ, по системѣ князя, это отмѣчалось на самомъ отчетѣ; на практикѣ же все это обратилось въ пустую, но очень сложную формальность, потому что князь лично вовсе не интересовался ни губернаторскими отчетами, ни тѣми предположеніями, о которыхъ они говорили, ни тѣми, наконецъ, отмѣтками, которыя проектировались главнымъ управленіемъ въ отношеніи этихъ представленій и предположеній. Отъ этого происходило, что бакинскій, напр., губернаторъ, въ концѣ слѣдующаго за отчетнымъ годомъ, года представляетъ свой отчетъ въ главное управленіе. Главное управленіе, или лучше сказать, его столоначальники и начальники отдѣленій, придравшись къ какому-нибудь вздору, возвращаютъ его губернатору, для дополненія и исправленія. Чрезъ нѣсколько недѣль, а часто и мѣсяцевъ, отчетъ опять приходитъ въ главное управленіе, т. е. въ департаментъ общихъ дѣлъ. Тогда этотъ департаментъ дѣлаетъ выписки о разныхъ предположеніяхъ и предметахъ, въ отчетѣ упоминаемыхъ, и разсылаетъ эти выписки по другимъ департаментамъ, по принадлежности, для составленія объясненій, которыя должны служить основаніемъ для отмѣтокъ намѣстника. Все это тянулось безконечно медленно, такъ что отчеты эти отправлялись на третій годъ, послѣ того, за который они отдавались, когда уже большая часть того, что разсказывается въ отчетахъ, совершенно измѣнилась.

Такое положеніе дѣла я нашелъ невозможнымъ не столько въ смыслѣ хорошаго дѣлопроизводства, сколько въ смыслѣ самаго достоинства дѣла, въ которомъ водворилась такая непозволительная медленность. Меня удивляло даже, какъ государь, читая эти устарѣвшіе отчеты, не сдѣлалъ, по справедливости, жестокаго замѣчанія намѣстнику или его управленію. Едва вступивъ въ управленіе де-

партаментомъ, я сталъ осаждать губернаторовъ, большею частью моихъ прiятелей, разумѣется, подъ приличной и благовидной формой, самыми ядовитыми укорами за такую апатичность въ дѣлѣ, которое ставитъ ихъ, нѣкоторымъ образомъ, въ непосредственныя отношенiя съ самимъ государемъ, и добился таки до того, что губернаторскiе отчеты стали доставляться въ первыхъ числахъ послѣдующаго года.

Если отчеты эти были нехороши въ отношенiи внѣшнемъ и внутреннемъ, я не возвращалъ ихъ для дополненiй, объясненiй и исправленiй, на чтó уходило много времени, а самъ передѣлывалъ ихъ и приказывалъ переписывать въ департаментѣ лучшимъ писцамъ, за осбую плату, разумѣется, на счетъ губернаторовъ, и эти, уже усовершенствованные, отчеты посылалъ имъ при дружескихъ письмахъ, для подписи. Точно также по предположенiямъ, представленiямъ, которыя упоминались въ этихъ отчетахъ, я не заводилъ оффицiальной переписки, на которую также уходило много времени, а избиралъ лучшаго изъ своихъ чиновниковъ и предоставлялъ ему по вопросамъ, относящимся до отчетовъ, рыться лично въ департаментахъ и объясняться частнымъ образомъ съ тамошними столоначальниками и начальниками отдѣленiй. Справки, представляемыя мнѣ за обоюдною подписью моего чиновника и мѣстнаго производителя, я считалъ совершенно достаточнымъ основанiемъ для составленiя отмѣтокъ намѣстника. Понятно, въ какой степени все это упростило, облегчило и ускорило дѣло. Тѣ же, или подобные имъ прiемы употреблялись мною и въ другихъ отношенiяхъ и, разумѣется, приводили къ такимъ же результатамъ.

Однако, чтобъ не сочли меня за Хлестакова, особенно тѣ застарѣвшiе на рутинѣ господа, которые малѣйшее отступленiе отъ установленнаго порядка считаютъ безпримѣрно дерзкимъ поступкомъ, я считаю не лишнимъ привести нѣкоторое доказательство справедливости моихъ словъ. Въ ряду губернаторовъ Закавказскаго края эриванскимъ губернаторомъ въ то время былъ Николай Колюбакинъ, тотъ „не мирный“ Колюбакинъ, о которомъ я выше говорилъ, который былъ потомъ кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, а потомъ украшалъ ряды московскихъ сенаторовъ. Чтобъ обрисовать бурный характеръ этого господина, достаточно сказать, что онъ былъ разъ или два разжалованъ въ солдаты именно за столкновенiя съ своими начальниками, изъ которыхъ однихъ ругалъ, а другихъ даже билъ. Самолюбивый, самоувѣренный, строптивый до крайности, онъ не допускалъ никакихъ возраженiй противъ своихъ словъ и дѣйствiй и тотчасъ шелъ на дерзость, такъ что большинство значительно его побаивалось и для избѣжанiя скандаловъ ограничивалось однимъ поддакиванiемъ. Въ то же время Колюбакинъ, и не безъ основанiя, считалъ себя замѣчательнымъ ораторомъ и замѣчательнѣйшимъ редакторомъ. И дѣй-

ствительно онъ имѣлъ безспорныя дарованія въ томъ и другомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе когда былъ полученъ его всеподданнѣйшій отчетъ, я нисколько не затруднился наложить и на него руку, которою я усовершалъ всѣ другіе отчеты. Передѣлавъ и исправивъ его отчетъ, какъ мнѣ казалось лучшимъ и приказавъ переписать его въ департаментѣ, я отправилъ этотъ новый отчетъ, вмѣстѣ съ старымъ, Колюбакину при письмѣ, которымъ предлагалъ ему: или подписать передѣланный отчетъ, если онъ найдетъ мою попытку удачною, или опредѣлить родъ оружія, если онъ найдетъ полезнымъ стрѣляться со мной за мою продерзость... Вотъ отвѣтъ Колюбакина:

„Многоуважаемый, добрѣйшій Василій Антоновичъ! Обнимаю, цѣлую васъ, кричу—ура! Вашъ поступокъ прекрасенъ, обнаруживая доброжелательство, братское участіе, диковинныя въ сферѣ канцелярской расправы. Говорю чистосердечно: вы жемчугъ департаментовъ! Русскій—русскому, прямикъ прямику—дайте руку!..

„Отчетъ мой не хорошъ; но въ нѣкоторое оправданіе прошу, вопервыхъ, обратить вниманіе на предшествовавшую переписку; во-вторыхъ, выслушать слѣдующій анекдотъ, разсказанный мнѣ чиновникомъ, адъюнктомъ камеральныхъ наукъ, который нѣсколько лѣтъ сряду занимался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ пересмотромъ губернаторскихъ отчетностей. Въ отчетѣ за какой-то благополучный годъ петербургскаго гражданскаго губернатора обозначено было, что въ столицѣ живетъ 100.000 идолопоклонниковъ. Тревога въ министерствѣ!.. Всколыхнулся самъ министръ, самъ его высокопревосходительство и посылаетъ сказаннаго чиновника къ губернатору за объясненіями. Приходитъ молодой человѣкъ со всею важностью переговорщика о государственныхъ дѣлахъ и, раскрывъ отчетъ, налагаетъ перстъ указательный на обличительное мѣсто... Онъ убѣжденъ, что изъ его пальца вылетитъ перунъ и убьетъ начальника губерніи... Но каково было его удивленіе, когда губернаторъ (С.-Петербургскій! съ бабушкою! grand seigneur), сдѣлавъ камергерскую гримасу, сказалъ ему: какъ не стыдно министру и вамъ, милостивый государь, адъюнкту! читать такія глупости?.. Анекдотъ поучителенъ; но не хорошъ поступокъ губернатора; на его мѣстѣ я попытался бы доказать, что въ Петербургѣ живетъ 100.000 идолопоклонниковъ... поклонниковъ ложнымъ богамъ!.. Еще разъ, добрѣйшій Василій Антоновичъ, благодарю васъ, никогда не забуду... Посылаю калиграфу не 25, а 30 р. сер., посылаю вамъ отчетъ подписанный, новый и вдобавокъ—старый, негодный... Вы сдѣлали мнѣ одно большое одолженіе,—сдѣлайте другое: примите отъ меня присылаемую „абу“. Другая такая у намѣстника. Мнѣ хочется, чтобы она иногда, въ минуты домашняго досуга, служа халатомъ, напомнила вамъ человѣка, кото-

рый любитъ и уважаетъ васъ... Безъ церемоніи—прощаюсь съ вами, дружески пожимая вашу руку, и желаю всякаго благополучія, Н. Колюбакинъ 14 ноября 1860. Эривань".

О томъ, въ какихъ отношеніяхъ я находился съ сотрудниками своими, подчиненными мнѣ чиновниками и вообще со всѣмъ гражданскимъ міромъ, который соприкасался со мною въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ и именно по части мѣстъ, наградъ, пенсій, пособій и т. п., я говорить не буду, ибо никакихъ доказательствъ этихъ отношеній привесть не могу, кромѣ живущихъ въ Тифлисѣ воспоминаній объ этомъ періодѣ моего значенія и моей дѣятельности. Я имѣю много основаній думать, что эти воспоминанія мнѣ благопріятны. Самъ, обозрѣвая этотъ періодъ, могу сказать, что я старался быть достойнымъ проводникомъ великодушныхъ, роскошныхъ принциповъ князя. Зла не было сдѣлано никому. Дѣлать всѣмъ услуги—было моею гордостью. Я сознавалъ, что ничѣмъ лучше не могу заплатить Богу за милости, мнѣ дарованныя, какъ стремленіемъ быть полезнымъ другимъ, стремленіемъ, которое, къ величайшему моему счастію, не встрѣчало никакого противодѣйствія ни со стороны Кр—на, который былъ олицетворенною добротою, ни со стороны князя, въ великой душѣ котораго никогда не было отказа милостямъ...

Съ наступленіемъ лѣта 1860 г. князь опять переѣхалъ въ Боржомъ, взявъ съ собою Давыдовыхъ, какъ домашнихъ своихъ людей, и объявивъ, что онъ желаетъ провести это лѣто какъ можно уединеннѣе и давъ замѣтить, что наплывъ туда многихъ семействъ былъ бы ему не совсѣмъ пріятенъ. Затѣмъ, весь высшій административный міръ, поставленный своими служебными обязанностями въ необходимость находиться въ постоянныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Тифлисомъ, переселился, по обычаю, на Каджоры. Я также переѣхалъ на Каджоры, на свою собственную дачу, которую разными усиленными средствами успѣлъ привесть къ окончанію. Это было именно то единственное лѣто, которое я, какъ говорилъ уже, провелъ на своей дачѣ и провелъ великолѣпно. Я занялъ вверху четыре очень милыя комнаты, которыхъ мнѣ, въ моемъ одинокомъ положеніи, было слишкомъ достаточно; нижній этажъ, послѣ соперничества многихъ нанимателей, отданъ былъ Тамамшіевымъ за пятьсотъ руб.

Здѣсь я долженъ замѣтить одну, довольно странную, оригинальную, черту кавказскихъ нравовъ, кавказскаго быта. Изъ предъидущихъ моихъ разсказовъ видно, что туземцы чрезвычайно жадны къ почестямъ и наградамъ и имѣютъ азіатскую наклонность пресмыкаться предъ всякимъ значеніемъ, предъ всякою властью; но это пресмыкательство какъ-то относится собственно къ русскому значенію, къ рус-

ской власти собственно; напротивъ, туземцы, на какихъ бы различныхъ ступеняхъ общественнаго и оффиціальнаго положенія они ни стояли, поражаютъ просто безцеремонностью своихъ взаимныхъ отношеній. Напримѣръ, князь Григорій Орбеліани былъ полный генералъ, генералъ-адъютантъ, помощникъ намѣстника, весьма часто исправлявшій его должность; все это нисколько не мѣшало туземцамъ относиться къ нему совершенно запросто. Какой-нибудь бѣднякъ грузинъ зоветъ его, какъ своего пріятеля, запросто обѣдать, и князь ѣдетъ. Я самъ много разъ видѣлъ его окруженнымъ толпою простыхъ грузинъ и армянъ и отправляющимся въ ихъ не блестящей компаніи куда-нибудь. Когда я спрашивалъ, бывало: „куда князь ѣдетъ?“ мнѣ отвѣчали: „къ такому-то обѣдать“ или „къ такому-то въ садъ“. Этотъ такой-то оказывался совершенной дрянью и ничтожествомъ и повторяю, что такія отношенія поражали непривычный взглядъ.

Особенно странно и рельефно выступали эти отношенія, когда князь Григорій Дмитріевичъ исправлялъ должность намѣстника. Къ сожалѣнію или къ счастію, я не былъ свидѣтелемъ этихъ замѣчательныхъ періодовъ; по общимъ отзывамъ именно въ эти періоды туземные пріятели князя поднимали носъ и часто ставили втупикъ нашихъ русскихъ адъютантовъ, дежурившихъ при князѣ. Часто, во время доклада, съ шумомъ входитъ въ пріемную какой-нибудь грузинъ и громко спрашиваетъ: „а что князь Григорій дома?“ Адъютантъ говоритъ: „дома, но занятъ“.—„Э! что тамъ занятъ! Чего занятъ? Скажи князю Григорію, что я пришелъ. Князь Григорій знаетъ!“ Доложитъ или нѣтъ адъютантъ, но иногда онъ встанетъ предъ этимъ посѣтителемъ не столько по обязанности, сколько изъ вѣжливости. Тогда грузинъ, тоже по-пріятельски, положитъ ему руку на плечо и скажетъ: „чего встаешь? Сиди, братецъ, сиди!“

Перехожу къ другому явленію сходнаго содержанія. Я сказалъ, что нижній этажъ моей дачи наняли Тамамшіевы. Что такое Тамамшіевы? Тамамшіевыхъ было два брата, богатѣйшихъ армянъ. Одинъ изъ нихъ, какъ я говорилъ уже, между прочимъ, построилъ по предложенію князя Воронцова великолѣпное зданіе, гостиный дворъ или по-туземному „караванъ-сарай, а внутри его театръ. Этотъ Тамамшіевъ умеръ, а оставшійся послѣ него сынъ, котораго я много разъ видѣлъ, хотя и воспитывался въ Англіи, но имѣлъ видъ идіота или сумасшедшаго. Были ли у этого Тамамшіева другія дѣти, я не знаю. Другой братъ—былъ старый, сѣдой, скупой старикъ, съ которымъ я былъ знакомъ и которому потомъ продалъ свою дачу. У этого Тамамшіева былъ единственный сынъ Михаилъ Егоровичъ Тамамшіевъ, отправленный въ молодости въ одно изъ русскихъ воспитательныхъ

заведеній, но, какъ говорили, выгнанный оттуда за проявленіе „нѣкоторыхъ азіатскихъ привычекъ“...

Этотъ Тамамшіевъ, кажется, въ чинѣ губернскаго секретаря, принадлежалъ къ толпѣ чиновниковъ, причисленныхъ къ главному управленію и состоящихъ въ распоряженіи департамента общихъ дѣлъ. Женатъ онъ былъ на какой-то Каргановой, тоже армянкѣ, женщинѣ весьма некрасивой, но чрезвычайно умной и бойкой. Старикъ Тамамшіевъ, какъ говорили, былъ страшно богатъ, но по скупости своей давалъ сыну весьма не роскошныя средства къ жизни; тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи значительныхъ займовъ, которые безъ труда дѣлалъ молодой Тамамшіевъ въ виду громаднаго богатства и скорой смерти стараго Тамамшіева, и въ особенности при ловкости и умѣньѣ молодой Тамамшіевой, они жили прекрасно и домъ ихъ, вѣчно набитый гостями, былъ едва-ли не самымъ веселымъ домомъ въ Тифлисѣ. Этимъ широкимъ размѣрамъ жизни, съ одной стороны, а съ другой—опять таки необычайной ловкости г-жи Тамамшіевой, Тамамшіевы обязаны были тѣмъ, что стояли въ средѣ лучшаго тифлисскаго общества. Но тутъ еще не было ничего удивительнаго: богатство и нѣкоторое умѣнье распоряжаться имъ даетъ вездѣ одинаковые результаты. Кто не знаетъ или не зналъ въ Петербургѣ купца греческаго происхожденія Родоконаки! Купецъ и только! А между тѣмъ извѣстно, что на балахъ его бывали члены императорской фамиліи! Мнѣ случилось жить съ нимъ вмѣстѣ на дачахъ Черника у Каменноостровскаго моста. Я невольно видѣлъ, какъ пріѣзжали къ нему почти ежедневно лица дипломатическаго корпуса, начиная съ французскаго посланника Талейрана, какъ обѣдали у него наши государственные люди, начиная съ нашего милѣйшаго военнаго генералъ-губернатора князя Суворова... То же было и съ Тамамшіевыми въ Тифлисѣ, хотя старикъ Тамамшіевъ, который велъ, впрочемъ, отдѣльную жизнь, былъ неотесанный, скаредный армяшка, сынъ его былъ губернскій секретарь, рѣшительно не имѣвшій никакого значенія, а жена его была тоже некрасивая и незначительная армянка, да только умная и ловкая. Но дѣло въ томъ, что эта незначительная армянская пара постоянно приглашалась не только на большіе, но и на маленькіе вечера ко двору намѣстника, куда, вслѣдствіе страшно аристократическихъ принциповъ князя, попасть было едва-ли не труднѣе, чѣмъ въ Зимній дворецъ.

Это собственно явленіе объяснялось, впрочемъ, преимущественно, странною и непостижимой дружбою Тамамшіевой, которую называли въ Тифлисѣ „Варенькой“ съ Д., которую называли „Лизанькой“. Эта дружба была дѣйствительно непостижима, и о причинахъ ея ходило много разнообразныхъ толковъ, которыхъ я приводить не стану, по-

тому, что за достовѣрность ни одного изъ нихъ нельзя ручаться. Понятно, что по мѣрѣ того, какъ Лизанька шла въ гору, она тащила за собой своего друга Вареньку и, упрочиваясь сама во дворцѣ намѣстника, проложила туда путь и Варенькѣ. Отъ этого происходило то же, что хотя Тамамшіевы не имѣли, какъ я сказалъ уже, никакого значенія, однако, они знали, прежде всѣхъ, всѣ значительныя новости и даже предположенія и намѣренія князя, потому что все это изъ дворца переходило чрезъ Лизаньку прежде всего въ домъ Вареньки. Какъ я ни былъ близокъ къ князю, однако, далеко не зналъ того, что знали Лизанька и Варенька.

Когда я переѣхалъ на мою Каджорскую дачу, Тамамшіевы, занявшіе нижній этажъ, употребляли всѣ усилія, чтобъ сдѣлать мое пребываніе тамъ веселымъ и пріятнымъ, и въ этомъ отношеніи я дѣйствительно много имъ обязанъ. „Варенька“ особенно мнѣ симпатизировала и не скрывала отъ меня никакихъ секретовъ.

. . . .
. . . .
. . . .

Въ это же время нѣсколько раньше или нѣсколько позже, ужъ не помню, генералъ-интендантъ кавказской арміи Колоссовскій, по общему мнѣнію, нажившій уже громадное состояніе и продолжавшій получать громадные доходы, мѣсто котораго такъ жадно стремился получить Д., уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, и исправленіе его должности дѣйствительно поручено было Д. Увѣренный, что приблизился, наконецъ, къ цѣли, Д., съ полнѣйшею самоувѣренностью утверждалъ, что Колоссовскій или не вернется, а если и вернется—то не будетъ уже допущенъ къ своей должности; что мѣсто это окончательно останется за нимъ, и даже разсказывалъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя онъ полагаетъ ввести въ интендантскомъ управленіи. Но это ему не удалось.

. . . .
. . . .
. . . .

Хотя я и предположилъ было покончить здѣсь всю романтическую исторію князя разомъ, но какъ она растянулась на нѣсколько лѣтъ, то я боюсь, слѣдуя за нею, слишкомъ забѣжать впередъ и потому предпочитаю вернуться въ Тифлисъ, чтобъ подобрать, такъ сказать, нѣкоторые предметы, чрезъ которые я перешагнулъ по милости этой исторіи.

. . . .
. . . .
. . . .

IV.

Проводы Милютина съ Кавказа. — Безконечный рядъ прощальныхъ праздниковъ.—Спичи.—Неудачи и скандалы нѣкоторыхъ ораторовъ.—Отъѣздъ Милютина.—Замѣщеніе его Филипсономъ. — Замѣщеніе Филипсона Карповымъ.— Пріѣздъ на Кавказъ моей жены.—Быстрота ея путешествія.—Болѣзни жены.

Главнѣйшимъ изъ этихъ предметовъ должно считать проводы въ Петербургъ Д. А. Милютина, назначеннаго товарищемъ военнаго министра. Исчислить всѣ подробности этой длинной исторіи рѣшительно невозможно, до такой степени она осложнилась; можно безошибочно сказать только то, что едва-ли когда-нибудь и кого-нибудь провожали такъ, какъ провожали Милютина...

Начать съ того, что Милютинъ былъ милый общественный человѣкъ, который умѣлъ привлекать къ себѣ всѣхъ своимъ плѣнительнымъ обхожденіемъ, потомъ Милютинъ былъ начальникомъ Главнаго Штаба кавказской арміи, слѣдовательно, человѣкомъ, имѣвшимъ громаднѣйшее оффиціальное значеніе на Кавказѣ; наконецъ, Милютинъ ѣхалъ занять мѣсто, съ котораго долженъ имѣть необъятное вліяніе на весь военный міръ всего государства. Всѣ эти условія не могли не придавать разставанью его съ Кавказомъ и особенныхъ размѣровъ, и особенной торжественности. Обѣды и пиры шли безпрерывной чередой. Часто казалось, что они кончились, какъ съ новымъ одушевленіемъ возникала новая череда, такъ что Милютинъ, постоянно назначая день своего отъѣзда, много разъ вынужденъ былъ измѣнять это назначеніе, и, побуждаемый служебными обязанностями, не зналъ, какъ вырваться изъ объятій радушнаго и искренно полюбившаго его Тифлиса. Всѣ эти праздники чрезвычайно рельефно выдвинули мою личность, какъ оратора. Сначала это льстило мнѣ, но потомъ ужъ стало стѣснять въ значительной степени.

Изъ огромнаго ряда праздниковъ припомню два или три. Начало

На второй доскѣ — неизвѣстное изображеніе женщины въ клѣтимъ положено Круз—омъ, который, вмѣстѣ съ семействомъ Милютиныхъ, пригласилъ самое ограниченное число ближайшихъ этому семейству личностей, на обѣдъ, устроенный гдѣ-то въ саду, за городомъ. Этотъ праздникъ, несмотря на ограниченность внѣшнихъ его размѣровъ, едва-ли не былъ самымъ великолѣпнымъ, по его задушевности и по его внутреннему содержанію. Тутъ, какъ говорится, „душа могла развернуться на распашку", ничѣмъ не стѣсняемая. Въ самомъ началѣ обѣда я былъ единогласно выбранъ „толумбашемъ", о правахъ и обязанностяхъ котораго я говорилъ выше, и безъ преувеличенія могу сказать, что никогда съ такимъ блескомъ не исполнялъ я этой высокой должности, какъ въ этомъ случаѣ. Когда наступило время тостовъ, мнѣ

удалось, на мотивъ предстоящей разлуки, сказать такую задушевную рѣчь, что жена и семейство Милютина положительно плакали и всѣхъ подергивало отъ волненія возбужденныхъ мною чувствъ...

Помню тоже прелестнѣйшій вечеръ, устроенный Милютинымъ въ загородномъ саду, носящемъ названіе „Муштандъ", украшенный шумомъ бѣшеной Куры, по берегу которой расположенъ этотъ садъ, и сіяніемъ свѣтлой и чистой луны... Утромъ въ этотъ день нарочно пріѣзжалъ ко мнѣ „немирный" Колюбакинъ показать мнѣ приготовленную имъ рѣчь и даже проговорить ее предо мной съ соотвѣтственными жестами... Колюбакинъ очень неравнодушенъ былъ къ ораторскому искусству, и мои успѣхи задѣли его за живое. Я, разумѣется, расхвалилъ его рѣчь и очень былъ радъ, что хоть на этотъ вечеръ буду свободенъ отъ обязанности, которая начинала меня стѣснять... Послѣ оживленныхъ танцевъ всѣ сѣли за ужинъ. Когда наступило время тостовъ, Колюбакинъ торжественно всталъ и торжественно произнесъ свою рѣчь, которая, впрочемъ, не произвела большаго эффекта и именно потому, что Колюбакинъ ужъ черезчуръ билъ на эффектъ и, желая выставить свои знанія, свою начитанность, набилъ ее историческими указаніями, приводилъ Мюрата и другихъ знатныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, казалось, эта длинная, серьезная рѣчь должна была насытить всѣхъ и отбить охоту слушать какую-либо другую рѣчь. Не тутъ-то было. Рѣчи лились.

Припоминаю еще одинъ громаднѣйшій праздникъ, устроенный Милютину тифлисскимъ Монтекристо-Мирзоевымъ, въ его загородномъ великолѣпномъ домѣ. Этотъ праздникъ имѣлъ уже характеръ народнаго. Тутъ сливались всѣ народности края: грузины, армяне, татары. Народу была бездна. Только почетнѣйшіе гости обѣдали въ домѣ; большинство расположилось на безчисленныхъ галлереяхъ и въ аллеяхъ сада. Уму непостижимо, какъ умудрился Мирзоевъ угостить такую массу народа. Только съ его страшнымъ богатствомъ и его тщеславіемъ и можно было это сдѣлать. Въ срединѣ обѣда начались тосты. Радушный хозяинъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, провозгласилъ здоровье Милютина. Громкое ура! прогремѣло по заламъ, галлереямъ и аллеямъ сада.

Что касается до оффиціальныхъ обѣдовъ, данныхъ Милютину отъ имени военнаго міра, то они отличались величайшею роскошью и великолѣпіемъ въ отношеніи своего устройства и странною бѣдностью по части спичей. Я, кажется, говорилъ уже, что въ Тифлисѣ есть прекрасный домъ князя Ивана Мухранскаго. Въ этомъ домѣ помѣщается и тифлисскій клубъ. Обѣденная или бальная зала этого клуба смѣло можетъ спорить, въ отношеніи размѣровъ и изящества, со всѣми подобными залами русскихъ городовъ. Въ этой именно залѣ,

роскошно убранной щитами, вензелями, цвѣтами, военными арматурами. и дано было нѣсколько обѣдовъ Милютину.

Распорядителемъ перваго и едва-ли не самаго роскошнаго изъ этихъ обѣдовъ былъ Ольшевскій, въ то время дежурный генералъ кавказской арміи, человѣкъ, милый и простой, но далеко не блестящихъ дарованій и менѣе всего ораторъ.

Не столько жалко, сколько смѣшно было смотрѣть на другаго неудачнаго оратора. Надобно сказать, что при жандармскомъ округѣ, которымъ командовалъ Минквицъ, былъ дежурный штабъ-офицеръ Шишковъ, простой и пустой старичекъ, нѣчто въ родѣ бабы, рѣшительно со всѣмъ Тифлисомъ знакомый и всему Тифлису пріятный, именно своею безличностью. Этотъ старичекъ совался всюду; игралъ на домашнихъ спектакляхъ, пѣлъ въ хорахъ и даже танцовалъ. У многихъ барынь онъ былъ домашнимъ другомъ, однимъ изъ тѣхъ друзей, которыхъ ставятъ въ положеніе комнатной собачки. Если, напр., какая-нибудь барыня больна и, оставаясь въ постели, ни для кого не была доступна, Шишковъ навѣрно сидитъ у ея постели и подаетъ ей въ опредѣленные часы лѣкарство. Такъ точно, когда наступила эпоха спичей, и Шишковъ восхотѣлъ произнести свой спичъ.

Именно во время того обѣда, о которомъ я говорю, онъ подбѣгаетъ тихонько ко мнѣ и представляетъ мнѣ на одобреніе свое произведеніе. Небрежно пробѣжавъ его, я тоже небрежно сказалъ: „отлично! Катайте съ Богомъ"! „А чтобъ не сбиться", замѣтилъ Шишковъ, „такъ какъ у меня память очень слаба, то я положу этотъ листокъ въ фуражку и буду посматривать незамѣтно на него". Вотъ эта именно операція, чего мы оба никакъ не ожидали, и сгубила его! Въ извѣстный моментъ онъ всталъ съ своего мѣста и приблизился туда, гдѣ сидѣлъ Милютинъ, съ коварною фуражкою въ рукахъ. Какъ и у Ольшевскаго, послѣ словъ: „Ваше превосходительство!" наступили столбнякъ и смятеніе. Шишковъ смотритъ въ фуражку—ничего не видно! Не разсчиталъ ли Шишковъ предстоящее разстояніе фуражки отъ его глазъ или новая мѣстность измѣнила условія свѣта, только Шишковъ смотритъ въ фуражку и ничего не видитъ. Само собою разумѣется, смущеніе и замѣшательство сего старца достигаютъ крайней степени. Онъ безпрерывно останавливается, начинаетъ въ отчаяніи подносить фуражку къ самому носу, произноситъ слово и опять останавливается. Эта постоянная борьба съ фуражкой, совершаемая на виду всѣхъ, производила въ однихъ сожалѣніе къ старцу, а въ другихъ, болѣе жестокосердыхъ, хохотъ, едва сдерживаемый приличіемъ и торжественностью минуты. Неизвѣстно, какъ бы выпутался Шишковъ изъ этой бѣды, въ которую попалъ единственно по любви къ искусству, если бы тотъ же благородный, умный и деликатный Милютинъ, видя его

мученія, не сталъ отвѣчать прежде, нежели дождался конца Шишковскаго спича, котораго по всѣмъ признакамъ и дождаться было не возможно.

Къ слову: Милютину приходилось отвѣчать милліоны разъ. Блестящимъ краснорѣчіемъ онъ не одаренъ; но всегда говоритъ умно, ясно и твердо, а это не бездѣлица, если принять во вниманіе, что онъ не имѣлъ возможности подготовляться въ своихъ отвѣтахъ по самой неизвѣстности, на что придется отвѣчать.

За исключеніемъ этихъ комическихъ эпизодовъ, обѣды эти, повторяю, были великолѣпны. Я помню, что именно на первомъ изъ нихъ рядомъ со мною сидѣлъ генералъ Кохановъ, начальникъ почтовой части на Кавказѣ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ по своимъ почтовымъ дѣламъ. На возвратномъ пути, кажется, въ Воронежѣ, онъ былъ приглашенъ тоже на какой-то парадный обѣдъ, по случаю встрѣчи новаго губернатора или по случаю проводовъ стараго. Сравнивая обѣдъ, за которымъ мы сидѣли, и всю обстановку его, съ воронежскимъ, онъ отзывался о послѣднемъ съ величайшимъ презрѣніемъ и называлъ его гадостью, совершенно невозможною въ роскошномъ Тифлисѣ.

Наконецъ, Милютинъ, постоянно задерживаемый безпрерывно возникавшими праздниками, назначилъ день рѣшительнаго своего отъѣзда. Въ этотъ день ближайшіе его друзья и большая часть свиты намѣстника съ ранняго утра забрались въ какой-то духанъ, расположенный за городомъ на дорогѣ, и приготовили тамъ совершенно туземный завтракъ съ тою цѣлью, чтобы въ окончательный моментъ разлуки его съ краемъ укрѣпить въ немъ воспоминаніе объ этомъ краѣ исключительно и ему только принадлежащею чертою. Въ полдень огромная вереница экипажей, частью только принадлежащихъ Милютину, а большею частію разнообразнымъ лицамъ, его провожающимъ, подкатилась къ этому духану... Всѣ вышли и приступили къ прощальной трапезѣ. Самъ Милютинъ былъ сильно разстроенъ; жена его положительно не осушала глазъ. Завтракъ, и по раннему времени и по своему содержанію, не могъ продолжаться долго; скоро наступило послѣднее, самое сердечное прощанье, а затѣмъ одна вереница экипажей помчалась далѣе отъ Тифлиса, а другая по направленію въ Тифлисъ... Такъ кончились проводы благороднаго и добраго Милютина, который, безъ сомнѣнія, долго будетъ жить въ памяти Тифлиса.

Мѣсто начальника главнаго штаба, какъ я говорилъ уже, замѣщено было генераломъ Филипсономъ, но замѣщено какъ-то временно, нескладно, искусственно... Князь, послѣ Абадзехскаго дѣла, видимо ему не симпатизировалъ и если предложилъ ему занять мѣсто на-

чальника главнаго штаба, то единственно съ тою цѣлью, чтобы очистить мѣсто начальника западнаго Кавказа, которое занималъ Филипсонъ, и отдать его тому же ловкому и искусному Евдокимову, который такъ блистательно покончилъ дѣла съ восточнымъ Кавказомъ. Филипсонъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не видѣть причинъ этой искусственной перестановки, и потому, возненавидѣвъ Кавказъ, отбивался какъ отъ мѣста начальника главнаго штаба, такъ и отъ всѣхъ другихъ мѣстъ въ томъ краѣ и просилъ неотступно только сенаторства въ Москвѣ, сенаторства, которое, по его увѣренію, было завѣтною цѣлью его служебныхъ видовъ... Поэтому, если онъ замѣстилъ Милютина, то только на время и неохотно, и, переѣхавъ въ Тифлисъ, держался тамъ изолированно какъ-то, почти ни съ кѣмъ не знакомился и сохранялъ частныя отношенія только съ моимъ семействомъ.

Это натянутое положеніе, впрочемъ, продолжалось не долго. Филипсона замѣстилъ выписанный изъ Петербурга генералъ Карцовъ. Къ обоюдному счастью князя и Карцова, имъ пришлось дѣйствовать вмѣстѣ самое короткое время. Скоро по пріѣздѣ Карцова князь уѣхалъ изъ Тифлиса и ужъ болѣе туда не возвращался, и такимъ образомъ Карцовъ уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ, тогда какъ, при первыхъ же отношеніяхъ его къ князю, стали обнаруживаться зловѣщіе для Карцова признаки...

Человѣкъ безспорно умный, но съ грубыми, какими-то деревянными манерами и особенно жесткимъ и грубымъ голосомъ, онъ не могъ понравиться гордому князю, особенно послѣ почтительныхъ и пріятныхъ отношеній, въ которыхъ находились къ нему Милютинъ и Филипсонъ. Еще до отъѣзда князя изъ Тифлиса носились уже слухи, что Карцову дается другое назначеніе: то кутаисскаго генералъ-губернатора, то командующаго восточнымъ Кавказомъ, однимъ словомъ, ясно было видно, что князь желаетъ, такъ или иначе, избавиться отъ грубаго Карцова; но, какъ я сказалъ уже, отъѣздъ его изъ Тифлиса помѣшалъ осуществленію его видовъ... При новомъ же намѣстникѣ, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, личности безпримѣрно милѣйшей, но далеко не такъ самостоятельный, какъ князь Барятинскій, Карцовъ умѣлъ захватить особенную силу.

Разсказавъ о шумныхъ и торжественныхъ проводахъ Милютина, я долженъ упомянуть о скромной встрѣчѣ мною моей жены... Какъ ни сильно она ненавидѣла Кавказъ, однако, снѣдаемая тоскою разлуки со мною, она рѣшилась пріѣхать ко мнѣ осенью 1860 года, оставивъ дѣтей на попеченіе матери. Всѣ обстоятельства, относящіяся до этой поѣздки, условлены были предварительною нашею

перепискою. Между прочимъ я долженъ былъ выѣхать къ ней навстрѣчу въ Ставрополь, соображая свой отъѣздъ изъ Тифлиса съ днемъ ея отъѣзда изъ Москвы. Принимая въ расчетъ ея болѣзненное положеніе и во всякомъ случаѣ невозможность для женщины скакать по ночамъ, я расположилъ свой выѣздъ такимъ образомъ, чтобы, пріѣхавъ въ Ставрополь, провести тамъ нѣсколько дней въ ожиданіи жены, а потомъ, если окажется нужнымъ, ѣхать дальше навстрѣчу ей до границы Ставропольской губерніи, т. е. до станціи Средне-Егорлыцкой. Между тѣмъ всѣ эти расчеты и предположенія, которые мнѣ казались въ высшей степени основательными, были разрушены самымъ конфузнымъ для меня образомъ.

Едва перевалившись за Владикавказъ, я ѣхалъ, какъ теперь помню, съ какой-то станціи, погруженный въ различныя размышленія и безсознательно блуждая взорами по безконечнымъ степямъ, объявшимъ меня со всѣхъ сторонъ. Изъ этого задумчиваго состоянія я внезапно былъ выведенъ восклицаніемъ моего камердинера: „Баринъ! Кажется, наша барыня ѣдетъ!“ Можно было подумать, что онъ съ ума сошелъ! Какимъ образомъ подлѣ Владикавказа могла очутиться наша барыня, которая, по моимъ точнымъ расчетамъ, въ эту минуту должна находиться далеко за Ставрополемъ въ степныхъ пространствахъ Дона. Но никакимъ словопреніямъ здѣсь уже не было мѣста, потому что мой экипажъ и экипажъ, въ которомъ камердинеръ предполагалъ „нашу барыню“, быстро летѣли навстрѣчу другъ другу и сама дѣйствительность должна была разрѣшить всѣ недоумѣнія. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько секундъ, экипажи встрѣтились и остановились. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, встрѣтивъ такъ неожиданно жену мою! Оказалось, что, вмѣсто всякой прислуги, она вытребовала изъ московскаго почтамта одного почтаміона и скакала съ нимъ день и ночь; что вслѣдствіе распоряженій нашего добраго друга Лаубе на всѣхъ станціяхъ ея торжественно встрѣчали и провожали, давая самыхъ отличныхъ лошадей, что при этихъ условіяхъ она дѣлала болѣе трехъ сотъ верстъ въ сутки. Пріѣхавъ ночью въ Ставрополь, она подняла на ноги весь городъ и вытребовала изъ театра губернатора и другихъ моихъ знакомыхъ, для разрѣшенія вопроса: пріѣхалъ ли я туда, по условію, чтобъ встрѣтить ее, а если нѣтъ, то что со мною сдѣлалось? Разумѣется, ей отвѣчали, что въ Ставрополѣ меня ожидаютъ, но я еще не пріѣзжалъ, и что, сколько извѣстно, со мною ничего особеннаго не сдѣлалось. Въ заключеніе ей совѣтовали выждать меня въ Ставрополѣ и по крайней мѣрѣ переночевать тамъ, ибо въ такую темную ночь пускаться въ путь вообще опасно, а для женщины еще болѣе. Впечатлительная, съ самымъ безпокойнымъ воображеніемъ, жена моя ни-

чего слушать не хотѣла. Зная мою непоколебимую точность во всѣхъ моихъ словахъ и дѣлахъ, она тотчасъ рѣшила, что если меня нѣтъ въ Ставрополѣ, значитъ, что я умеръ, или со мною случилось что-нибудь необычайное; несмотря ни на какія возраженія и представленія, она вытребовала курьерскихъ лошадей и въ глухую полночь помчалась далѣе. Когда первыя впечатлѣнія радостной встрѣчи поутихли, она передала мнѣ бумаги, которыми она была снабжена. Подъ видомъ открытыхъ и разныхъ другихъ предписаній бумаги эти были такъ могущественны, что предъ ними моя курьерская подорожная казалась блѣдною... Я пересѣлъ въ коляску жены, и мы вмѣстѣ совершили въѣздъ въ Тифлисъ.

Увы! радости этого свиданія были совершенно помрачены тотчасъ открывшимися вновь болѣзнями жены, принявшими усиленный и опасный характеръ. Доктора не выходили буквально изъ моей квартиры. Было много сценъ и обстоятельствъ самаго убійственнаго характера.

Хотя смертельная опасность миновалась, однако болѣзни и страданія не унимались и, наконецъ, сдѣлались предметомъ общаго сочувствія въ Тифлисѣ.

V.

Болѣзни князя.—Вліяніе на него предразсудковъ.—Страхъ смерти.—Дѣйствительно опасное положеніе князя.—Взглядъ его на поступокъ княжны „Анеты“ М—ской.—Имя „болтуна“, присвоенное мнѣ княземъ.—Рѣшимость князя разстаться со мной во вниманіе къ семейному моему положенію.—Крайне дурное поведеніе князя въ этомъ отношеніи.—Письмо мое Гулькевичу о положеніи князя, доведенное до свѣдѣнія государя.—Приказаніе государя князю ѣхать за границу лѣчиться.—Церемоніальныя прощанія съ княземъ.—Интимныя прощанія его съ нѣкоторыми.—Объясненіе князя со мною.

Между тѣмъ, какъ я томился подъ гнетомъ моего положенія, князь томился подъ гнетомъ недуговъ, вновь его атаковавшихъ. Никогда пароксизмы злодѣйки его подагры не были такъ сильны и продолжительны. Даже нравственное его состояніе сильно разстроилось. Нѣтъ сомнѣнія, что его романическая исторія съ Д—ой много тому содѣйствовала. Весьма естественно, что, навязавъ себѣ на шею скучную романическую исторію, онъ долженъ былъ имѣть въ это время много безпокойнаго въ своей головѣ. Какъ бы то ни было, онъ началъ думать и твердить о своей смерти. При всякомъ случаѣ онъ обѣщалъ своимъ приближеннымъ скорое и невиданное въ Тифлисѣ зрѣлище, какъ хоронятъ фельдмаршала!

Я помню, что однажды, войдя къ нему въ кабинетъ, я засталъ его погруженнымъ въ кресло и задумчиво перелистывавшимъ какую-то книгу. Кивнувъ мнѣ съ улыбкою головой, онъ продолжалъ свое занятіе. Я молчаливо стоялъ и смотрѣлъ на него. Внезапно вскинувъ на меня свои глаза, князь тревожно сказалъ: „выходитъ, что я тринадцатый главнокомандующій! Это очень скверно!“ Я тотчасъ пустился въ доказательство, всѣ примѣты вздоръ... Князь, снова погрузившись въ роковую книгу, слушалъ меня очень невнимательно и только изрѣдка произносилъ: „да, да, это правда! однако, все-таки скверно“, потомъ, послѣ нѣкоторой паузы, князь сказалъ: „давайте считать!“ Мы принялись считать и припомнили какого-то господина, который тоже былъ главнокомандующимъ или котораго мы признали справедливымъ отнести къ разряду главнокомандующихъ. Такимъ образомъ, выходило, что князь становился четырнадцатымъ главнокомандующимъ, чѣмъ онъ остался чрезвычайно доволенъ...

Дѣло, однако, шло все хуже и хуже. О необходимости какихъ-нибудь медицинскихъ средствъ предъ нимъ рѣшительно никто и заикнуться не смѣлъ: до такой степени онъ отвергалъ медицину и такъ сурово встрѣчалъ всѣ совѣты въ этомъ отношеніи. По справедливости можно сказать, что я былъ самый смѣлый человѣкъ въ сношеніяхъ съ княземъ и говорилъ ему такія вещи, которыхъ никто другой не рѣшался говорить. Но это происходило не отъ безразсудной моей храбрости, но отъ тщательнаго изученія характера князя, знанія его натуры, знанія, когда это можно сказать, и когда нельзя, а главное, какъ сказать. Я много разъ замѣчалъ, что самыя отчаянныя вещи, которыя я рѣшался ему говорить, не только не встрѣчали съ его стороны суроваго отпора, но нравились ему именно только вслѣдствіе формы, въ которую онѣ облекались. Такъ точно было и здѣсь. Всѣ приближенные князя охали, ахали, разсуждали о его положеніи, которое становилось почти безнадежнымъ, придумывали, что надо сдѣлать то и другое; однако никто не рѣшался сунуться къ нему съ результатами этихъ трусливыхъ соображеній.

Въ это время умеръ Рисъ, о которомъ я выше говорилъ. Чрезвычайно дѣльный и образованный господинъ, онъ былъ зачисленъ мною первоначально въ составъ моего временнаго отдѣленія и потомъ мною же рекомендованъ князю въ чиновники для порученій при немъ и, именно, для иностранной переписки. Князь былъ чрезвычайно имъ доволенъ и много разъ благодарилъ меня за него. Между тѣмъ въ Рисѣ сидѣло сто лихорадокъ, пріобрѣтенныхъ имъ на разныхъ концахъ Кавказскаго края, который онъ исходилъ во всѣхъ направленіяхъ, буквально исходилъ, пѣшкомъ... Это былъ ходокъ непостижимый, дѣлавшій цѣлые походы въ сотни верстъ такъ же легко

и свободно, какъ мы дѣлаемъ пріятныя прогулки по Невскому проспекту... Онъ вѣчно ходилъ и лѣчился, т. е. глоталъ страшнѣйшіе пріемы хины, потому, что на Кавказѣ, кажется, и нѣтъ другаго лѣченія. Лихорадки и хина сломали его, наконецъ, и онъ умеръ, окруженный толпою пріятелей и знакомыхъ, которые искренно его любили.

На другой день послѣ его смерти, когда я вошелъ въ кабинетъ къ больному князю, онъ встрѣтилъ меня словами: „умеръ нашъ больной Рисъ! Да и какъ не умереть? Три доктора лѣчили! Достаточно одного, чтобъ уморить человѣка!“ Я воспользовался моментомъ и энергически сказалъ: „страшно слушать, ваше сіятельство, что вы изволите говорить! Безъ сомнѣнія, медицина слаба и доктора, большею частью, невѣжды; но между ними, какъ и во всякой другой спеціальности, могутъ быть люди умные, способные, геніальные, наконецъ. Если не нужно слѣдованія всѣмъ докторскимъ совѣтамъ, то послушать ихъ весьма не безполезно. Во всякомъ случаѣ для больнаго человѣка лучше что-нибудь дѣлать, чѣмъ ничего не дѣлать“. Князь терпѣливо слушалъ мои доводы и въ заключеніе какъ-то неопредѣленно сказалъ: „да, конечно, отчего не послушать; послушать можно!“

Къ сожалѣнію, въ Тифлисѣ слушать было некого, тамошніе доктора, по преимуществу, были, такъ сказать, лихорадочные доктора; такая сложная болѣзнь, какая была у князя, была имъ не подъ силу. Болѣзнь эта затягивалась болѣе и болѣе, и становилась ожесточеннѣе. Долго державшись на ногахъ, князь, наконецъ, слегъ въ постель, гдѣ, по обыкновенію, устроенъ былъ навѣсъ надъ его опухшими и невыносившими никакого рѣшительно прикосновенія ногами; потерялъ сонъ и аппетитъ; наконецъ, сдалъ управленіе князю Орбеліани и сталъ возбуждать самыя тревожныя опасенія.

Во время этого продолжительнаго лежанія въ постели князь часто призывалъ меня къ себѣ, то утромъ, то вечеромъ, и не столько для дѣлъ какихъ-нибудь, сколько для того, чтобы, какъ говорится, поболтать съ человѣкомъ, хотя и маленькимъ, но отъ молодыхъ лѣтъ сочувствовавшимъ всѣми силами своей души всѣмъ его дѣламъ и успѣхамъ. Приведу главнѣйшія черты этихъ бесѣдъ, насколько могу ихъ припомнить.

Однажды вечеромъ, послѣ различныхъ интимныхъ разговоровъ, князь внезапно спрашиваетъ меня: „вы слышали, что сдѣлала со мною А—та М—ская?“ „Слышалъ“, отвѣчалъ я. „Какова?“ продолжалъ князь: „отъ кого вы слышали?“ „Не припомню, ваше сіятельство“, отвѣчалъ я. „Пожалуйста, скажите!“ настаивалъ князь. „Рѣшительно не припомню, ваше сіятельство“ уклонялся я, „если не ошибаюсь, между

посѣтителями Тамамшіевыхъ былъ какой-то говоръ въ этомъ отношеніи". „Да, батюшка, удружила!" продолжалъ князь.

Вотъ другая, дѣловая, черта. Какъ ни былъ боленъ князь, все-таки важнѣйшіе вопросы представлялись ему. Къ числу этихъ вопросовъ относился вопросъ объ устройствѣ межевой части въ краѣ. Надо замѣтить, что въ ряду высшихъ тифлисскихъ чиновниковъ былъ замѣчательный юристъ—Старицкій, родственникъ того генерала Старицкаго, о которомъ я выше говорилъ. Во время пріѣзда князя на Кавказъ, Старицкій былъ предсѣдателемъ тифлисскаго коммерческаго суда и поставилъ эту часть на высокую степень совершенства. Скоро по прибытіи князя въ Тифлисъ, Старицкій былъ отправленъ въ Петербургъ и за границу для изслѣдованія различныхъ матеріаловъ, по важнѣйшимъ юридическимъ вопросамъ, бывшимъ въ ходу въ кавказскомъ управленіи. Къ числу этихъ вопросовъ относился и вопросъ объ устройствѣ межевой части въ томъ краѣ. Возвратившись изъ довольно продолжительнаго путешествія по разнымъ государствамъ, Старицкій составилъ межевой проектъ, который, по простотѣ и ясности, встрѣтилъ общее и живое сочувствіе. Между тѣмъ учредились въ Тифлисѣ различные департаменты, и во главѣ судебнаго департамента, какъ я говорилъ уже, поставленъ былъ однокашникъ Старицкаго, такой же правовѣдъ, князь Георгій Мухранскій. Къ удивленію именно въ этомъ однокашникѣ Старицкій и его проектъ встрѣтили самую яростную оппозицію. Загорѣлась самая ожесточенная борьба.

Дѣйствовалъ ли Мухранскій по убѣжденію или только изъ чиновничьяго тщеславія, не допускавшаго, чтобы какая-нибудь отрасль судебной части получила жизнь и движеніе мимо его, какъ главнаго начальника и представителя этой части, только Мухранскій употреблялъ всевозможныя средства, чтобы не только затруднить успѣхъ проекта Старицкаго, но даже уничтожить его. Старицкій, разумѣется, сильно негодовалъ на эти интриги и, не имѣя прочнаго положенія, на которое онъ разсчитывалъ съ осуществленіемъ своего проекта, выражалъ уже рѣшимость оставить Тифлисъ.

Собственно межевой проектъ, какъ не имѣющій прямаго отношенія къ кругу моихъ дѣйствій, меня мало интересовалъ, но меня не могла не интересовать самая борьба партій, на этомъ проектѣ загорѣвшаяся, тѣмъ болѣе, что главные соперники, Старицкій и Мухранскій, оба выбрали меня повѣреннымъ своихъ сѣтованій и взглядовъ. Старицкій всегда мнѣ сочувствовалъ, точно такъ же, какъ и я ему. Мухранскій, послѣ битвъ нашихъ на полѣ преобразованія главнаго управленія, сблизился со мною, какъ я говорилъ уже, такъ же на дружескую ногу. Такимъ образомъ положеніе мое дѣлалось затруднительнымъ и нѣсколько фальшивымъ.

Я видѣлъ, однако, что Мухранскій дѣйствуетъ изъ одного тщеславія, тогда какъ для Старицкаго въ его проектѣ заключается все, и что съ дальнѣйшимъ замедленіемъ его—мы можемъ лишиться этого милаго и дѣльнаго господина, о которомъ петербургскіе юристы, Любощинскій, напр., и др., въ бытность мою съ княземъ въ Петербургѣ, отзывались мнѣ лично, какъ о человѣкѣ великихъ дарованій. Всѣ эти отзывы, соображенія и опасенія я рѣшился передать князю. Поблагодаривъ меня за эту услугу, князь приказалъ разсмотрѣть немедленно какъ проектъ Старицкаго, такъ и всѣ возраженія на него, въ своемъ Совѣтѣ и даже опредѣлилъ срокъ для этого разсмотрѣнія. Огромное большинство членовъ Совѣта, въ чемъ и сомнѣваться нельзя было, стало на сторонѣ Старицкаго; кажется, только одинъ баронъ Николаи присоединился къ Мухранскому. Князь, разумѣется, утвердилъ мнѣніе большинства.

Мухранскій, казалось, былъ окончательно побѣжденъ; но съ неслыханнымъ азіатскимъ упорствомъ, онъ все-таки не хотѣлъ сдаваться и сочинилъ князю такую записку, что Совѣтъ, разсматривавшій и одобрившій проектъ Старицкаго, не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ достаточныхъ свѣдѣній, а потому князю, всего лучше, отправить этотъ проектъ въ Петербургъ и, объяснивъ, что у него нѣтъ людей, способныхъ разсмотрѣть его, просить подвергнуть его разсмотрѣнію петербургскихъ знатоковъ. Удивительное дѣло: умный человѣкъ и предлагаетъ такую нелѣпость! Намѣстникъ, надѣлавшій кучу департаментовъ, имѣющій свой обширный Совѣтъ—долженъ заявить Петербургу, что у него нѣтъ людей, способныхъ разсмотрѣть и рѣшить межевой вопросъ. Вотъ именно нелѣпости такого рода со стороны Мухранскаго и были причиною нашихъ ожесточенныхъ столкновеній при преобразованіи главнаго управленія. Записку эту онъ прочиталъ мнѣ и послалъ князю. Я не счелъ нужнымъ разрушать его самоувѣренности въ достоинствѣ и практичности осѣнившей его мысли. Съ тою же самоувѣренностью онъ ожидалъ рѣшенія князя и каждый день заходилъ ко мнѣ въ департаментъ съ своими нетерпѣливыми ожиданіями по этой части.

Между тѣмъ именно во время этихъ ожиданій я былъ приглашенъ однажды утромъ къ князю. Онъ лежалъ въ постели. Въ кабинетѣ находилось нѣсколько приближенныхъ личностей,—Зиновьевъ и Тромповскій, если не ошибаюсь. Послѣ общихъ разговоровъ князь говоритъ мнѣ: „у меня накопилось нѣсколько важныхъ и секретныхъ дѣлъ. Они лежатъ на томъ столѣ, потрудитесь взять ихъ. Разсмотрите и доложите мнѣ“. Я пошелъ къ указанному столу, но прежде, нежели приблизился къ нему, князь вскричалъ: „однако, постойте постойте!“ Я обернулся къ князю. Онъ смотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ, улыбаясь: „знаете“, сказалъ онъ „какая у васъ репутація?“

Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на князя.—„Что вы болтунъ!“ продолжалъ князь. „Это почти правда, ваше сіятельство!“ бойко отвѣчалъ я. Князь, удивленный этимъ отвѣтомъ, весело обратился къ другимъ находившимся въ кабинетѣ лицамъ и сказалъ: „вотъ это оригинально! Я спрашиваю его, правда ли, что онъ болтунъ? Онъ отвѣчаетъ, что правда! Это замѣчательно!“ „Позвольте, ваше сіятельство“, замѣтилъ я“, сдѣлать два примѣчанія: болтовня моя происходитъ отъ величайшей искренности, которая составляетъ отличительный мой недостатокъ или, быть можетъ, мое достоинство и относится къ дѣламъ, не имѣющимъ ничего важнаго и государственнаго“... „Ну ужъ началъ хвалиться“, прервалъ меня князь. „Я говорю правду и дѣловыя тайны храню не хуже другихъ“, продолжалъ я. „То-то же“, сказалъ князь, „а то выйдетъ чепуха; я говорю одно, а вы другое... Возьмите же тамъ дѣла и разсмотрите!“

Необычайное искусство князя создавать и разсказывать анекдоты построило на этой коротенькой сценѣ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ разсказовъ, который онъ любилъ повторять при всякомъ случаѣ, разумѣется, придавъ ему значительную долю своихъ творческихъ прикрасъ.. Такъ, напр., въ этихъ разсказахъ нашъ разговоръ начинался уже слѣдующимъ образомъ: „правда ли, Василій Антоновичъ“, спрашивалъ будто бы меня князь, „что вы ужаснѣйшій болтунъ?“—„Совершенная правда, ваше сіятельство“... отвѣчалъ будто бы я князю и т. д.

Въ этихъ дѣлахъ и бумагахъ, на которыя князь указывалъ мнѣ, находилась и знаменитая записка князя Мухранскаго, о которой я говорилъ. При докладѣ этой записки, я объяснилъ князю, что предлагаемое Мухранскимъ направленіе не соотвѣтствуетъ положенію и достоинству намѣстника. „Это правда“, сказалъ князь, „что же я долженъ написать на запискѣ?“—„Это самое и написать“, отвѣчалъ я. „Ну, диктуйте“, прибавилъ князь, и взявъ перо, подъ мою диктовку, написалъ: „такое направленіе не соотвѣтствуетъ положенію и достоинству намѣстника“. Вслѣдъ затѣмъ записка, съ этимъ отзывомъ, немедленно была возвращена Мухранскому.

Другихъ дѣлъ изъ числа переданныхъ мнѣ княземъ я не помню, да во всякомъ случаѣ и припоминать ихъ нѣтъ надобности, ибо и одно это дѣло, какъ мнѣ кажется, достаточно обрисовываетъ и взгляды князя, и мое положеніе при немъ, и мои отношенія къ оффиціальному кавказскому міру. На другой день, встревоженный и недовольный Мухранскій прибѣгаетъ ко мнѣ въ департаментъ, сердито показываетъ мнѣ резолюцію князя и послѣ разныхъ неблагопріятныхъ разсужденій и примѣчаній заключаетъ, что князь въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ. Несмотря, однако, на всевозможную оппозицію Мухран-

скаго, дѣло Старицкаго не только восторжествовало, но, перейдя изъ области теоретическихъ воззрѣній въ практику, принялось и дѣйствуетъ съ величайшимъ успѣхомъ...

Наконецъ, какъ ни тяжело мнѣ, но ради правды и искренности, я долженъ привести непріятный эпизодъ моихъ отношеній къ князю, принадлежащій къ этому же періоду, эпизодъ, сильно разочаровавшій меня и подтвердившій справедливость инстинктивныхъ, можно сказать, предреканій моей жены, на которыя я смотрѣлъ съ такимъ пренебреженіемъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда князь лежалъ въ постели, сваленный туда подагрою, болѣзненныя страданія моей жены не только не уменьшались, но возрастали съ ужасающею силой. Тифлисъ хоть и большой городъ, но городъ все-таки провинціальный, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что частная жизнь каждаго была, такъ сказать, у всѣхъ на виду. Я зналъ, что дѣлалось у другихъ; другіе знали, что дѣлалось у меня. Такъ точно всѣ знали, что положеніе моей жены дѣлалось все хуже и хуже и, само собою разумѣется, что общіе толки по этой части доходили до князя, независимо отъ ежедневныхъ почти личныхъ моихъ отвѣтовъ на вопросъ князя о здоровьѣ моей жены, отвѣтовъ, впрочемъ, всегда уклончивыхъ и сдержанныхъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что у князя явилось нѣкоторое опасеніе принять на свою отвѣтственность потерю этой женщины, такъ безуспѣшно боровшейся съ нимъ и, быть можетъ, именно это опасеніе было причиной его рѣшительности...

Я помню очень хорошо тотъ день, когда явился ко мнѣ одинъ изъ дежурныхъ казаковъ съ приглашеніемъ пожаловать теперь же къ князю. Когда, исполняя это приглашеніе, я отправился къ князю, тотъ же казакъ встрѣтилъ меня на дорогѣ и объявилъ, что князь извиняется и проситъ меня къ себѣ не теперь, а въ четыре часа. Потомъ, прежде чѣмъ наступило это условленное время, опять явился казакъ съ объявленіемъ, что князь снова извиняется и проситъ меня не въ четыре часа, а въ восемь часовъ вечера. Такое колебаніе, столь непривычное при простыхъ, безцеремонныхъ отношеніяхъ ко мнѣ князя, не могло не обратить моего вниманія. Мнѣ представилось, и не безъ основанія, что тутъ что-то не просто и что князь собирается мнѣ сказать, что-нибудь особенное...

Въ назначенное время я явился къ нему въ кабинетъ. Онъ, по-прежнему, лежалъ въ постели, съ крышею надъ ногами. Встрѣтивъ меня съ обычною ласкою, князь быстро перешелъ къ какимъ-то общимъ разговорамъ... Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ: „знаете, зачѣмъ я пригласилъ васъ? Я хочу васъ обрадовать. Я вижу, что положеніе ваше невыносимо и какъ мнѣ ни тяжело разстаться съ вами, но я рѣшился на это. Видно, такъ Богу угодно!

Давайте теперь думать, какъ лучше распредѣлить ваши обязанности. Помогите мнѣ вашими совѣтами" [1])...

Я, прежде всего, принялся горячо благодарить князя, привыкнувъ думать, что потерять меня было для него, дѣйствительно, большимъ пожертвованіемъ, и, разумѣется, полагая, что онъ рѣшается на это пожертвованіе единственно ради моихъ пользъ. При этомъ я сказалъ ему, что я не желалъ только обременять его изложеніемъ затруднительнаго моего положенія, но что это положеніе дѣйствительно ужасно, потому что жена тоскуетъ о дѣтяхъ, болѣетъ и таетъ, какъ свѣча. При этомъ князь, считавшій, а можетъ быть считающій и теперь себя большимъ знатокомъ человѣческаго организма и различныхъ его проявленій, далъ мнѣ замѣтить, что, послѣ страшной потери крови, жена моя дѣйствительно жить не можетъ и что я долженъ быть готовъ потерять ее... Какъ ни жестоко было это предвѣщаніе, но я далъ ему видъ дружескаго участія...

Потомъ, перейдя къ вопросу о распредѣленіи моихъ должностей, я живо и бойко доказалъ князю, что съ моимъ отсутствіемъ ничто не измѣнится и все пойдетъ отлично, что управленіе дѣлами общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, которыя болѣе всего интересовали князя, можетъ быть возложено на Бартоломея, который, при содѣйствіи умнаго и дѣльнаго Цурцеладзе, поведетъ ихъ прекрасно, что департаментъ общихъ дѣлъ можетъ быть опять порученъ вице-директору, подъ ближайшимъ наблюденіемъ самого Кру—на; что временное отдѣленіе,—самая капитальная часть моихъ обязанностей, можетъ быть поручено тому Старицкому, о которомъ я говорилъ и который не имѣетъ еще никакого опредѣленнаго положенія... Наконецъ, для исполненія обязанностей директора походной канцеляріи князь, по-прежнему, можетъ брать съ собою Булатова, дотолѣ, пока князь не найдетъ человѣка для окончательнаго назначенія въ эту должность. Князь внимательно слушалъ мой планъ, поддакивалъ моимъ предположеніямъ и, видимо, былъ доволенъ ими. Въ заключеніе онъ сказалъ: „очень вамъ благодаренъ! Прекрасно! Вы вывели меня изъ большихъ затрудненій. Теперь спѣшите обрадовать вашу бѣдную жену!"

Съ этими словами я всталъ и вышелъ.

Помню хорошо, что въ душѣ моей я вынесъ самое непріятное

---

[1]) Въ это время у меня были должности: управляющаго отдѣленіемъ для дѣлъ гражданскаго устройства Кавказскаго и Закавказскаго края, директора департамента общихъ дѣлъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго, директора походной канцеляріи намѣстника кавказскаго. Я не говорю уже объ участіи моемъ въ обществѣ возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и другихъ второстепенныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ.

чувство! Обрадовать жену! Чѣмъ же? Тѣмъ, что я могу ѣхать изъ Тифлиса? Да это право принадлежитъ послѣднему писцу. Всѣ вопросы въ томъ, какъ, куда и на какомъ положеніи я долженъ ѣхать? А этого вопроса князь не коснулся рѣшительно ни однимъ словомъ! Между тѣмъ вопросъ о томъ, какъ ему лучше устроиться, его сильно занималъ и разработкѣ его онъ посвятилъ самое живое участіе! Что же, однако, все это значитъ? Неужели ложь и лицемѣріе могутъ достигать такихъ ужасающихъ размѣровъ? Неужели существуетъ подобный эгоизмъ, не щадящій и не исключающій рѣшительно никого? Неужели женскія предчувствія должны стать выше моихъ личныхъ наблюденій и убѣжденій? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Князь можетъ быть холоднымъ, лицемѣрнымъ, эгоистическимъ для всѣхъ, но не для меня, который двадцать лѣтъ былъ искренно ему преданъ, котораго онъ самъ называлъ своимъ сыномъ, котораго увлекъ блистательными обѣщаніями изъ Петербурга и которому, еще такъ недавно, сулилъ карьеру Милютина и Евдокимова! Нѣтъ, этого не можетъ быть! Князь непремѣнно все рѣшилъ, обдумалъ и приготовилъ. Меня ожидаетъ придуманное имъ отличное положеніе въ Петербургѣ! А если онъ не сказалъ ничего въ этомъ отношеніи, такъ это потому, что разсчитываетъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ и ждетъ отвѣта на сдѣланное имъ государю представленіе! Всѣ эти переговоры съ княземъ, всѣ эти мысли, которыя они возбудили во мнѣ, я, возвратившись домой, тотчасъ передалъ женѣ моей... Она дѣйствительно обрадовалась возможности уѣхать изъ ненавистнаго ей Тифлиса и раздѣлаться съ столь же ненавистнымъ ей княземъ, а относительно моихъ иллюзій уподобила меня малому ребенку... Оставалось ожидать, что дальше будетъ?

Увы! дальше было то, о чемъ вспомнить отвратительно! Я уже говорилъ, что князь былъ величайшій лѣнтяй. Онъ готовъ былъ сдѣлать всякое добро, если только оно его не безпокоило. Онъ готовъ подписать всякую бумагу, хотя бы въ ней испрашивалось для васъ въ награду Китайское государство! Но подумать, позаботиться самому объ устройствѣ участи человѣка — это не было дѣломъ князя; это было просто его мученіемъ. Оттого-то онъ такъ ненавидѣлъ всѣ просьбы, лично къ нему обращаемыя, и такъ, можно сказать, неприлично для его сана, для его лѣтъ, для его имени, увертывался отъ всѣхъ тѣхъ, на лицѣ которыхъ читалъ эти просьбы. Эти достославные принципы такъ были сильны въ немъ, что онъ не посовѣстился придержаться ихъ, даже въ отношеніи ко мнѣ, котораго постоянно осыпалъ похвалами и обѣщаніями. Быть можетъ, впрочемъ, это отступленіе въ отношеніи ко мнѣ именно потому и было трудно для него, что едва-ли кому-нибудь другому онъ такъ много обѣщалъ,

какъ мнѣ. Въ отношеніи ко мнѣ онъ былъ въ положеніи неоплатнаго должника, и потому, какъ несостоятельный должникъ избѣгаетъ своихъ кредиторовъ, князь нашелъ лучшимъ примѣнить ту же штуку ко мнѣ.

Послѣ перваго свиданія, о которомъ я говорилъ, я имѣлъ глубокое убѣжденіе, что при слѣдующемъ свиданіи князь непремѣнно войдетъ въ ближайшее разсмотрѣніе моихъ интересовъ и раскроетъ планъ великолѣпнаго устройства моего въ Петербургѣ. Между тѣмъ, именно при этомъ слѣдующемъ свиданіи, я убѣдился положительно, что князь относительно меня принялъ то же унизительное, если не болѣе, положеніе, въ какое онъ становился всегда въ отношеніи тѣхъ, съ которыми приходилось разсчитываться съ глазу на глазъ. По слѣдующимъ обстоятельствамъ можно было заключить, что послѣ приведеннаго выше объясненія со мною, онъ былъ бы радъ окончательно избавиться отъ меня и не видѣться со мною, такъ же точно, какъ потомъ, при передачѣ управленія Кавказомъ великому князю Михаилу Николаевичу, находясь въ Вильнѣ, онъ разогналъ въ разныя стороны своихъ приближенныхъ и никакъ не допускалъ ихъ приблизиться къ нему въ этотъ моментъ, именно изъ опасенія разсчетовъ и даже хвалился мнѣ искусствомъ, съ которымъ онъ отдалилъ ихъ отъ себя. Но этотъ способъ, въ этотъ періодъ, о которомъ говорю, въ отношеніи меня не могъ быть примѣненъ, ибо на моихъ рукахъ лежали дѣла, требовавшія почти ежедневныхъ свиданій съ нимъ.

Князь пустилъ въ ходъ другой способъ, тоже употребляемый имъ въ подобныхъ случаяхъ и, по странности своей, также сдѣлавшійся общеизвѣстнымъ на Кавказѣ. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что при свиданіи съ человѣкомъ, съ которымъ приходилось разсчитываться, князь ставилъ постороннее лицо, при которомъ никакая просьба, никакое интимное объясненіе становилось рѣшительно невозможными. Понятны чувства, которыя овладѣвали мною, когда я, при первомъ послѣдующемъ докладѣ, при первомъ свиданіи съ княземъ, ясно и положительно увидѣлъ, что сей достославный способъ пущенъ въ полный ходъ на мой счетъ. Бывало, по крайней мѣрѣ, большею частью бывало, что въ ожиданіи моего доклада или, правильнѣе сказать, въ ожиданіи моего прихода князь обыкновенно устранялъ всѣ другія дѣла и личности. Если же, иногда, я и заставалъ въ кабинетѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ личностей, то князь старался немедленно спровадить ихъ и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ: „ну, положите бумаги! Поговоримъ!“ Затѣмъ онъ пускался говорить и если во время этого говоренья докладывали о комъ-нибудь, князь сердито отзывался: „зачѣмъ не во-время приходитъ? Развѣ не знаетъ, что сегодня до-

кладной день Инсарскаго", а если и впускалъ кого-нибудь по случаю исключительной надобности, то послѣ двухъ-трехъ словъ опять-таки старался отдѣлаться отъ него. Теперь было не такъ.

Когда въ докладной свой день я, по обычаю, явился къ князю, я засталъ въ его кабинетѣ домашнихъ его, такъ называемыхъ, друзей: Тромповскаго и Зиновьева. Тутъ на первый взглядъ, впрочемъ, не было ничего удивительнаго: этихъ господъ я часто заставалъ въ кабинетѣ князя и зналъ, что они немедленно удалятся или по знаку князя, или по собственному соображенію, истекающему изъ продолжительной взаимной нашей практики. И дѣйствительно при моемъ приходѣ въ кабинетъ съ бумагами въ рукахъ — эти господа, какъ и всегда, поплелись было къ дверямъ; но князь остановилъ ихъ вопросомъ: „куда вы? Подождите!" Этотъ вопросъ, понятный мнѣ, а быть можетъ и этимъ господамъ, глубоко уязвилъ мое самолюбіе. Я началъ свой докладъ и, конечно, далеко не съ тѣмъ блескомъ, какъ всегда, ибо мысль, относящаяся къ докладу, затоплялась, такъ сказать, другими самыми отвратительными мыслями. Чрезъ нѣсколько минутъ эти господа, принявшіе невольно довольно глупое положеніе, опять закопошились. Князь опять крикнулъ на нихъ: „да подождите!" Зиновьевъ сталъ приводить какія-то надобности, которыя требуютъ его удаленія. Князь нетерпѣливо сказалъ: „ну, вы ступайте! а вы, Тромповскій, останьтесь!" Потомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ спросилъ: „вѣдь сегодня, вѣроятно, у васъ небольшой докладъ?" „Можно сейчасъ кончить, если вамъ угодно?" отвѣчалъ я. „Да!" продолжалъ князь „мнѣ нужно бы заняться сегодня письмами, которыхъ у меня накопилось множество". Я свернулъ свои бумаги, всталъ, поклонился и вышелъ.

Бездна самыхъ непріятныхъ мыслей наполнила мою голову. Главная изъ нихъ, конечно, была около превратности всего земнаго. Вчера я еще былъ первымъ любимцемъ князя, съ которымъ онъ любилъ дѣлить мысли о своихъ придворныхъ отношеніяхъ, объ отношеніяхъ къ царю, императрицѣ, объ отношеніяхъ къ врагамъ его: князю Горчакову, князю Долгорукову, князю Суворову и др., съ которымъ разбиралъ мизерныя достоинства и незлобивыя свойства всѣхъ этихъ К—овъ, З—хъ, Тр—кихъ и т. п., котораго признавалъ даровитѣйшимъ и умнѣйшимъ изъ всѣхъ, кого онъ знаетъ, котораго, наконецъ, самъ называлъ „своимъ сыномъ"... Сегодня этотъ даровитѣйшій господинъ, этотъ старый другъ, этотъ „сынъ" становится, нежданно, негаданно, за линію этихъ ничтожныхъ лицъ. Какія же причины этого удивительнаго превращенія? Рѣшительно никакихъ! Рѣшительно не было никакого ни случая, ни обстоятельства, которые давали бы князю поводъ и право такъ неприлично, такъ недостойно

допустить это превращеніе. Все дѣло въ томъ, что, боясь принять на свою отвѣтственность смерть жены моей, онъ созналъ необходимость отпустить меня, а разсчитаться со мною, какъ прилично вельможѣ, государственному сановнику, не то, чтобы не хотѣлъ, а просто не умѣлъ. Онъ чувствовалъ, что послѣ блистательныхъ обѣщаній, которыми онъ постоянно осыпалъ меня, и вовсе безъ нужды, это дѣло довольно трудное и головоломное, а потрудиться—это было не по его части... Ясно, что для меня тяжело было видѣть такой печальный конецъ моихъ кавказскихъ похожденій, для которыхъ, единственно по настояніямъ и убѣжденіямъ князя, я разрушилъ свое петербургское, хотя неблестящее, но спокойное и прочное положеніе, и еще тяжелѣе было разочароваться въ князѣ, котораго, несмотря на нѣкоторые недостатки его лицемѣрнаго характера, именно того характера, который мнѣ пришлось на себѣ испытать, я все-таки считалъ совершеннѣйшимъ изъ людей.

Но человѣку такъ свойственно заблуждаться въ свою пользу и утѣшать себя разнообразными надеждами. Такъ точно и здѣсь, среди самыхъ отвратительныхъ думъ и соображеній, меня не оставляла надежда, что одного благопріятнаго момента достаточно, чтобъ разсѣять мои мрачныя мечтанія, истекающія, быть можетъ, не столько изъ существа дѣла, сколько изъ страшной мнительности, составляющей отличительную черту моего характера. Я припоминалъ многіе подобные случаи, гдѣ казалось тоже, что непостоянный князь сильно охладѣлъ ко мнѣ, а потомъ оказывалось, что подобное подозрѣніе не имѣло ни смысла, ни основанія. Мнѣ казалось, что больной князь просто отлагаетъ до будущаго окончательное объясненіе со мной и этимъ замедленіемъ старается подольше задержать меня при себѣ. Казалось и многое другое въ томъ же утѣшительномъ родѣ.. Но дѣйствительность шла рѣшительно наперекоръ этимъ утѣшительнымъ мечтаніямъ.

Дѣйствительность представляла тотъ гнуснѣйшій фактъ, что, какъ только я являлся къ князю—въ тотъ же моментъ являлся и добрый Т. Если самъ князь прислалъ за мною, то Т—аго я находилъ уже у него въ кабинетѣ. Если я самъ являлся къ князю, то за Т—имъ тотчасъ посылали. Ясно было, что толстое брюхо этого милаго господина въ этомъ случаѣ имѣло спеціальнымъ назначеніемъ душить во мнѣ всякіе порывы къ интимнымъ изліяніямъ.

Удивительное дѣло! Справедлива пословица: „на всякаго мудреца бываетъ простота!“ Прозорливый князь, особенно, какъ мнѣ казалось, способный читать въ сердцѣ человѣческомъ, хорошо зналъ меня, точно такъ же, какъ я хорошо зналъ его; между тѣмъ при этой способности, при этомъ значеніи, онъ выдѣлывалъ иногда предо мною

такіе, по его выраженію, „курбеты", которые, по наивности своей, могли быть понятны даже ребенку. Многія хитрости его до такой степени были сшиты „бѣлыми нитками", что на нихъ смѣшно было смотрѣть.

Не помню, говорилъ ли я выше, что однажды, по случаю смерти князя Бебутова, я пріѣхалъ къ князю ночью, чтобъ испросить нѣкоторыя указанія относительно церемоніала погребенія. При самомъ входѣ во дворецъ, я спросилъ по обычаю: „кто у князя?" Камердинеръ просто-на-просто отвѣчалъ: „княгиня А. М. и Василій Васильевичъ (Зиновьевъ"). Приближаясь къ кабинету, я слышалъ тамъ веселый говоръ и хохотъ. Когда доложили обо мнѣ, въ кабинетѣ послышалось какое-то суетливое движеніе, перестановка стульевъ, шуршанье женскаго платья... Когда меня пригласили въ кабинетъ, я засталъ тамъ одного князя, задумчиво углубленнаго въ лежавшій предъ нимъ одинъ изъ представленныхъ мною проектовъ. Понятно, что я не могъ не смѣяться въ душѣ такому неудачному хитросплетенію и не подумать: куда это упряталъ князь своихъ веселыхъ собесѣдниковъ? Потомъ, трудно повѣрить, хотя это истинная правда, что князь мнѣ самому съ чувствомъ самодовольства разсказывалъ, какъ онъ передергивалъ своихъ племянниковъ графовъ О—хъ-Д—ыхъ изъ арміи въ гвардію, изъ гвардіи въ армію, а потомъ опять изъ арміи въ гвардію, для усиленнаго производства ихъ въ чины и наивно прибавлялъ, что „этой хитрости никто не замѣтилъ".

Такъ точно было и здѣсь. Ставя Тромповскаго неизбѣжнымъ свидѣтелемъ нашихъ свиданій, князь, конечно, думалъ, что онъ дѣйствуетъ необычайно хитро, тогда какъ въ этой хитрости тоже свѣтились „бѣлыя нитки"; я, впрочемъ, не хотѣлъ оставлять князя въ заблужденіи, что я не понимаю этихъ продѣлокъ; напротивъ, сильно понизивъ мое къ нему уваженіе, я перемѣнилъ тонъ, манеру и при входѣ къ князю, и при выходѣ отъ него, улыбался Тромповскому такими улыбками, въ которыхъ старался сосредоточить какъ можно болѣе презрѣнія и сказать: „жалкая декорація неискуснаго декоратора!" Эта ли перемѣна тона и манеръ, которымъ я старался придать какъ можно болѣе холодности, равнодушія, независимости и которыя не могли остаться не замѣченными княземъ по контрасту ихъ съ прежними нашими отношеніями, въ которыхъ я проявлялъ всегда любовь и почтительность, эти ли дерзкія, вызывающія улыбки Тромповскому были тому причиною, я не знаю; только интимное наше объясненіе состоялось.

Надо, предварительно, замѣтить, что, независимо отъ нашей оффиціальной переписки съ Петербургомъ, я велъ частную переписку съ вліятельнымъ лицомъ кавказскаго комитета, Гулькевичемъ, который

тогда былъ помощникомъ Буткова по званію управляющаго дѣлами этого комитета, а впослѣдствіи самъ занялъ это мѣсто. Письмами своими я подкрѣплялъ большею частію оффиціальныя наши представленія, но заключалъ ихъ обыкновенно частными извѣстіями о нашемъ кавказскомъ житьѣ-бытьѣ. Въ одномъ изъ подобныхъ писемъ я особенно распространился о болѣзни князя, объяснилъ, что положеніе его вынуждаетъ живѣйшія опасенія, что всякія медицинскія пособія онъ отвергаетъ съ прежнимъ упорствомъ и что, при такихъ условіяхъ, надобно ожидать самаго печальнаго конца, если только какимъ-нибудь чудомъ самъ государь не узнаетъ истиннаго положенія князя и не прикажетъ ему своею высочайшею властію ѣхать за границу и непремѣнно лѣчиться. Впослѣдствіи обнаружилось, что̀ засвидѣтельствовали сами Гулькевичъ и Бутковъ, что мое письмо Гулькевичъ показалъ, какъ онъ дѣлалъ и со всѣми моими письмами, Буткову, а Бутковъ выписку изъ него, относительно болѣзни князя, представилъ государю. Его величество собственноручнымъ письмомъ князю дѣйствительно приказалъ князю ѣхать за границу лѣчиться, но предварительно заѣхать въ Петербургъ, для свиданія съ государемъ.

Само собою разумѣется, что это высочайшее повелѣніе переполошило весь Тифлисъ. На князя оно произвело, видимо, хорошее впечатлѣніе. Съ одной стороны, такая заботливость государя, а съ другой, быть можетъ, открывающаяся возможность лично обдѣлать свои романическія дѣлишки за границей благотворно подѣйствовали на князя. Онъ повеселѣлъ и сталъ бодрѣе, хотя ходить не могъ и попрежнему былъ переносимъ съ постели на диванъ и обратно. Въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ о предстоящемъ пути рѣшено было, что князь, въ его болѣзненномъ положеніи, не можетъ выдержать сухопутнаго пути въ Петербургъ, и потому онъ отправится туда черезъ Вѣну, чтобъ ѣхать большею частію моремъ и желѣзными дорогами. Наконецъ, настало время церемоніальныхъ прощаній съ княземъ, которыя длились какъ-то долго, нѣсколько дней, съ различными паузами и варіаціями, на которыя князь былъ такой мастеръ.

При этихъ-то церемоніальныхъ прощаніяхъ особенно рельефно выразились, съ одной стороны, страшное величіе, которымъ князь окружалъ себя, а съ другой—страшное подобострастіе, въ которомъ держали себя, въ отношеніи къ нему, его подчиненные. Я живо помню, какъ князь лежалъ на диванѣ, впрочемъ, въ гусарскомъ какомъ-то полумундирѣ, съ окутанными ногами, и какъ полукругомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, стояли мундирныя толпы высшаго военнаго и гражданскаго управленія. Само собою разумѣется, что впереди стояли самые могущественные представители этого управленія: доб-

рѣйшій князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, уже не въ первый разъ долженствовавшій замѣстить князя, милѣйшій Кру—нъ, грубый Карцевъ, церемонный Минквицъ и проч., и проч. Все это стояло, вытянувшись въ струнку, и почтительно ожидало прорицаній князя. Князь какъ-то неопредѣленно обводилъ взорами эти толпы и изрѣдка произносилъ кое-что, какъ будто изъ милости, тою лѣнивою манерою, которая такъ хорошо извѣстна всѣмъ, хоть разъ бывшимъ въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Изрѣдка тоже онъ говорилъ: „что-жъ вы не садитесь, господа! садитесь!“ Передовыя, наиболѣе знатныя, лица дѣйствительно присаживались на стульяхъ и креслахъ, стоявшихъ близъ дивана, на которомъ помѣщался князь; но черезъ нѣсколько минутъ, ужъ неизвѣстно какъ и почему, они снова были на ногахъ; еще черезъ нѣсколько минутъ, также неизвѣстно, какъ и почему, они ужъ примыкали и жались къ толпамъ, стоящимъ за ними. Такимъ образомъ, общая картина была слѣдующаго содержанія: по стѣнамъ стояли шпалерами благоговѣйныя толпы; между ними и княземъ лежало значительное пустое пространство; князь, какъ нѣкое божество, помѣщался у своей стѣны, на своемъ диванѣ. Всѣ взоры обращены были на него въ почтительномъ ожиданіи чего-то. Однимъ словомъ, зрѣлище представлялось величественное, но крайне натянутое! Казалось, каждый ожидалъ, когда же отпустятъ душу на покаяніе? Я много ужъ разъ говорилъ, а теперь снова повторяю, что князь имѣлъ въ своей личности дѣйствительно что-то такое непостижимое, что̀ подавляло всѣ другія личности, приходившія съ нимъ въ соотношенія. Привыкнуть къ нему было положительно невозможно. Адъютанты его сильнѣйшимъ образомъ трусили, хотя князь никогда никому изъ нихъ не сказалъ ни одного суроваго слова; трусилъ его положительно Кру—нъ, одинъ изъ самыхъ ближайшихъ къ нему лицъ и частно, и оффиціально. Я тоже постоянно его трусилъ, хотя въ теченіе двадцати лѣтъ считался любимцемъ его и домашнимъ его человѣкомъ. Въ немъ было что-то такое, облеченное, впрочемъ, въ самыя аристократическія деликатныя формы, что̀ давило васъ несравненно хуже, чѣмъ открытый гнѣвъ, положительные выговоры и т. п. Въ немъ было то, что́, какъ я говорилъ уже, заставляло трепетать передъ нимъ родныхъ его братьевъ. Въ немъ было то, что́, по моему убѣжденію, ясно говорило о предназначеніи его стоять высоко и управлять людьми...

Въ толпахъ, оффиціально и торжественно прощавшихся съ княземъ, было нѣсколько счастливыхъ личностей, которымъ предоставлено было проститься съ княземъ, кромѣ того, интимнымъ образомъ, для чего и былъ назначенъ каждому день и часъ. Въ число этихъ счастливцевъ попалъ и я. Сколько помню, мнѣ назначено было явиться

на другой день въ 6 часовъ вечера. Въ ожиданіи этого интимнаго свиданія я просилъ Бога сдержать порывы моего строптиваго характера, значительно раздраженнаго предыдущимъ поведеніемъ князя. Я предчувствовалъ, что тутъ произойдутъ объясненія, дѣйствительно интимныя. Князь былъ слишкомъ прозорливъ, чтобъ не читать на моемъ лицѣ и тяжелыхъ думъ, и глубокаго негодованія. Онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобъ не дать руку помощи человѣку, который такъ долго и такъ усердно ему служилъ. Въ назначенный часъ я отправился къ князю. На подъѣздѣ я встрѣтилъ Тромповскаго. Онъ, конечно, предполагалъ, что я иду, въ такой странный часъ, къ кому-нибудь изъ придворныхъ, живущихъ въ домѣ князя; но, не желая оставлять его въ этомъ заблужденіи, я самъ объявилъ ему, что иду къ князю. Надобно было видѣть смущеніе этого милаго господина. Покраснѣвъ и растерявшись, онъ не зналъ, что дѣлать? Для меня ясно было, съ одной стороны, что онъ дѣйствительно имѣетъ приказаніе присутствовать всенепремѣнно при моихъ свиданіяхъ съ княземъ, а съ другой, что онъ вовсе не предупрежденъ о томъ, что самъ князь назначилъ мнѣ этотъ часъ. Въ величайшемъ волненіи добрякъ этотъ нашелъ единственнымъ выходомъ изъ своего затруднительнаго положенія сказать мнѣ: „ахъ! я совершенно забылъ! И мнѣ надо непремѣнно сейчасъ видѣть князя!“ „Пойдемте вмѣстѣ“, сказалъ я, „Посмотримъ, что выйдетъ“? подумалъ я про себя.

Когда обо мнѣ доложили, я былъ тотчасъ принятъ. Когда при мнѣ уже доложили о Тромповскомъ, князь отвѣчалъ: „скажите, что я за нимъ пришлю послѣ“. „Доброе начало!“ подумалъ я. При моемъ входѣ въ кабинетъ, я засталъ тамъ какую-то женщину, которая его о чемъ-то просила. Князь, по обыкновенію, шутилъ съ нею и довольно свободно. Просительница, отшучиваясь, все возвращалась къ своему дѣлу. „На счетъ твоего дѣла“, сказалъ князь, „я тебѣ вотъ что скажу: во всемъ мірѣ нѣтъ другаго человѣка, который бы могъ его сдѣлать, кромѣ Василія Антоновича. Проси его!“ Женщина, ни слова не говоря, бросилась ко мнѣ и стала ловить мои руки, чтобъ цѣловать ихъ. Я, разумѣется, сталъ отбиваться, и между нами образовалась борьба, стѣснительная для меня, но забавная для князя. Онъ весело хохоталъ и подзадаривалъ эту женщину, говоря: „цѣлуй, цѣлуй ему руки; онъ только одинъ и можетъ исполнить твою просьбу. Проси его, не отставай!“ Мнѣ, наконецъ, удалось угомонить неотвязную просительницу, объявленіемъ, что, если она не оставитъ меня въ покоѣ, я рѣшительно ничего не сдѣлаю, а въ противномъ случаѣ похлопочу, сколько могу. Успокоенная женщина удалилась, и мы остались вдвоемъ съ княземъ.

Пригласивъ меня, по обычаю, сѣсть подлѣ дивана, на которомъ

онъ помѣщался, князь началъ такимъ образомъ: „ну что, мой старый другъ, вы думаете теперь предпринять?“ Я отвѣчалъ: „ничего не думаю, потому что буду ли думать или нѣтъ, все-таки безъ вашей помощи я одинъ ничего не могу сдѣлать!“ Ну, вы не пропадете! Вы не такой человѣкъ, чтобъ пропасть!“ продолжалъ шутливо князь. „Ваше сіятельство, не въ первый разъ изволите говорить мнѣ эти слова“, замѣтилъ я: „они очень лестны для меня, тѣмъ не менѣе на нихъ построить ничего нельзя, если вы меня оставите“. „Съ чего-же вы взяли“, возразилъ князь, „что я васъ оставлю. Я васъ не оставлю никогда. Гдѣ бы вы ни были, всегда располагайте мной“. Тутъ князь снова сталъ говорить, какъ онъ цѣнитъ мои дарованія, какъ признателенъ за мои услуги, какъ привязанъ ко мнѣ, какъ сожалѣетъ, что мои семейныя обстоятельства разлучаютъ меня съ нимъ и т. п. Онъ говорилъ много на этотъ мотивъ. Потомъ прибавилъ: „но дѣло въ томъ, что здѣсь, на Кавказѣ, я дѣйствительно все могу сдѣлать, а тамъ, въ Петербургѣ, я самъ долженъ быть просителемъ“... Я замѣтилъ, что одно слово такого сильнаго просителя можетъ установить и обезпечить мое устройство въ Петербургѣ... „Посмотримъ, посмотримъ“, сказалъ князь, „а между тѣмъ возьмите отпускъ на одиннадцать мѣсяцевъ, поѣзжайте въ Петербургъ, присмотритесь и, если найдете что-нибудь удобное и выгодное, пишите мнѣ“...

Вотъ сущность нашей окончательной бесѣды съ княземъ, которая, если и не приводила еще ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе значительно утѣшала мое раздраженіе. Князь вновь очаровалъ меня. Я сознавалъ, что для него дѣйствительно трудно сдѣлать для меня сразу что-нибудь въ Петербургѣ, но мнѣ утѣшительно было думать, что если я подыщу тамъ что-нибудь подходящее, князь сильно меня поддержитъ. Кромѣ того, мнѣ весело было думать объ одиннадцати мѣсяцахъ свободной жизни въ Петербургѣ. Періодъ этотъ казался мнѣ такимъ длиннымъ, что въ теченіе его, по моимъ понятіямъ, все могло случиться, все можно было устроить. Отпуска я, впрочемъ, не бралъ, потому что и другія, меньшія меня лица на Кавказѣ, почти никогда не берутъ отпусковъ, а облекаютъ ихъ въ какое-нибудь порученіе. Такъ точно сдѣлалъ и я. Князь далъ мнѣ предписаніе отправиться въ Петербургъ и ожидать тамъ его приказаній...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

V [1]).

Разбои въ восточной Болгаріи.—Мусульманское вооруженное возстаніе.—Необходимость принятія энергичныхъ мѣръ для его подавленія, и препятствія, на этомъ пути встрѣченныя.—Несоотвѣтствіе организаціи войска для чисто военныхъ цѣлей.—Министерская декларація.—Объявленіе военнаго положенія, министерскій совѣтъ и дѣятельность министровъ.

Почти одновременно съ прибытіемъ князя въ Софію, только что сформированному правительству княжества пришлось вступить въ борьбу съ бѣдой, которая долгое время мѣшала правильному ходу внутренняго устроенія, заставила прибѣгнуть къ особымъ, экстреннымъ мѣропріятіямъ и привела къ кореннымъ перемѣнамъ въ организаціи болгарскаго войска.

По заключеніи мира турецкое правительство, сокративъ численность своей арміи въ европейской Турціи, уволило отъ службы всѣхъ, собранныхъ во время войны, низамовъ и редифовъ, уроженцевъ мѣстностей, отошедшихъ къ княжеству, которые вернулись въ Болгарію, вступивъ, такимъ образомъ, въ болгарское подданство.

Преобладающее большинство чисто турецкаго населенія было сосредоточено и до войны въ восточной Болгаріи, преимущественно между Рущукомъ, Разградомъ, Османъ-Базаромъ, Эски-Джумой, Шумлой и Варной. Значительная площадь этого пространства весьма пересѣчена, холмиста и лѣсиста, а въ Силистрійскомъ округѣ и частію Разградскомъ покрыта почти сплошнымъ, густымъ, Деліорманскимъ лѣсомъ, занимающимъ 950 кв. верстъ. Часть этой площади

---

[1]) См. „Русскую Старину", Мартъ 1900 г.

богата ископаемой солью и носитъ названіе Тузлукъ. Рѣдкія поселенія болгаръ тонутъ среди преобладающаго большинства турецкаго населенія, всегда воинственнаго, особенно въ Деліорманскомъ лѣсу, который можно было считать, даже во времена турецкаго владычества, разбойничьимъ гнѣздомъ. Весьма естественно, что 9—10 тысячъ отпущенныхъ низамовъ и редифовъ, весьма распущенныхъ, вернувшись домой, значительно усилили количественно и качественно то турецкое населеніе, которое вошло въ подданство княжества и не могло примириться съ современно-новымъ положеніемъ подчиненности христіанамъ, и кому же, той безправной райѣ, которая, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, была безотвѣтнымъ слугой мусульманъ. Хаджи и именитые мусульмане, сохранивъ связь съ Константинополемъ, разжигали фанатизмъ темной массы и поддерживали вѣру въ возможность возвращенія къ старому строю. Грабежи христіанъ и разбои являлись какъ бы службой султану, дѣломъ ему угоднымъ. Многіе солдаты вернулись съ оружіемъ, большое количество котораго, припрятанное жителями во время пребыванія въ этой мѣстности русскихъ войскъ, теперь, съ уходомъ ихъ, выплыло на свѣтъ Божій; и очень скоро, вся указанная мѣстность, въ особенности же окрестности Османъ-Базара, Эски-Джумы и Деліорманскій лѣсъ были охвачены пламенемъ вооруженнаго возстанія, проявившагося въ формированіи вполнѣ организованныхъ шаекъ и нападеній на болгарскія села со всѣми атрибутами неудержимаго мусульманскаго фанатизма. Нельзя отрицать, конечно, что въ этихъ грабежахъ и насиліяхъ играла большую роль месть новымъ господамъ-болгарамъ, которые, не будучи ангелами, въ свою очередь, мстили туркамъ за старое, пользуясь присутствіемъ и охраной русскихъ войскъ, и, слѣдовательно, не могутъ быть освобождены отъ упрека въ насиліи надъ турками.

Всѣ эти явленія были вполнѣ естественны, ихъ можно было ожидать, и лучшимъ средствомъ удержанія порядка въ восточной Болгаріи, въ мѣстахъ съ преобладающимъ турецкимъ населеніемъ, было бы оставленіе тамъ, хотя небольшаго, русскаго отряда и при томъ на не особенно продолжительное время, лишь бы дать новому правительству княжества немножко оглядѣться и разобраться въ томъ хаосѣ, который, тоже естественно, воцарился по уходѣ русской администраціи и русскихъ войскъ. Къ сожалѣнію, мѣра эта не могла быть приведена въ исполненіе, такъ какъ берлинскій трактатъ и сопряженныя съ нимъ условія требовали абсолютнаго и скорѣйшаго вывода организованныхъ частей русскихъ войскъ, оставивъ для княжества только собственное „земское“ войско, съ нѣсколькими русскими „инструкторами“.

Вслѣдствіе мѣстныхъ условій, воинственности турецкаго населенія и преобладающей его численности возстаніе распространялось съ чрезвычайной быстротой, выражаясь въ разбояхъ, грабежахъ, пожарахъ и убійствахъ. Пришлось немедленно принять энергичныя мѣры для подавленія возстанія сразу, потребовались войска, и тутъ-то обнаружились всѣ недостатки милиціонной, территоріальной системы.

Устройство болгарскаго войска было уже, въ общихъ чертахъ, указано выше. Ко времени пріѣзда князя было заготовлено нѣсколько докладовъ, касавшихся неотложныхъ мѣропріятій, къ числу коихъ надо отнести соединеніе болгарскихъ войскъ въ три высшихъ командныхъ единицы, а не въ двѣ, какъ прежде; вмѣсто двухъ отдѣловъ: западнаго и восточнаго, образовано было три: Софійскій, западный и восточный, что вызывалось требованіями административными.

Главный недостатокъ территоріальной арміи, какъ вооруженной силы, заключался въ ея неподвижности, такъ какъ принципъ территоріальности примѣненъ былъ не только къ формированію и комплектованію, но и управленію ею. По нормальной дислокаціи каждая часть должна была квартировать въ центрѣ своего округа или губерніи, напр., софійская дружина въ Софіи, берковацкая въ Берковцѣ, систовская въ Систовѣ, тырновская конная сотня въ Тырновѣ и т. п. Передвиженій войскъ изъ однѣхъ мѣстностей въ другія не предвидѣлось, да и самая идея мѣстной милиціи противорѣчила идеѣ передвиженій и подвижности.

Сообразно основѣ территоріальности, было организовано и хозяйство войскъ. Для продовольствія ихъ отпускался, опредѣленный бюджетомъ, денежный окладъ въ 50 сантимовъ на человѣка въ день, но такъ какъ стоимость продуктовъ въ различныхъ мѣстностяхъ была не одинакова, то пришлось прибѣгнуть къ нормальной дачѣ натурой, т. е. раскладкамъ, опредѣливъ различные денежные оклады въ разныхъ частяхъ войскъ, съ условіемъ непревышенія бюджетнаго отпуска въ 50 сантимовъ. Денежное довольствіе частей приноровлено было къ русскимъ порядкамъ, но жалованія людямъ и вообще денежнаго пособія, потребнаго въ солдатскомъ обиходѣ, не полагалось. Обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе было казенное, но вещеваго довольствія почти не было, за исключеніемъ сапогъ; ни бѣлья, ни холста для его постройки отъ правительства не отпускалось. Предполагалось, что, квартируя въ своемъ округѣ, все будетъ доставляться изъ дому. Обозъ частей былъ весьма ограниченъ и могъ удовлетворять нуждамъ частей только при расположеніи на мѣстѣ. Правительство княжества было вынуждено побороть возстаніе и водворить порядокъ въ восточной Болгаріи силою оружія, намѣстныхъ войскъ, т. е. трехъ дружинъ: Варненской, Шумлинской и

Разградской для этой цѣли было недостаточно; явилась необходимость быстраго сосредоточенія значительныхъ силъ, а это приводило къ выводу ихъ изъ мѣстъ постояннаго квартированія, что̀ и встрѣчало препятствія: 1) въ законѣ о милиціи и 2) въ организаціи хозяйственной части войскъ.

Первое министерство княжества было сформировано изъ меньшинства бывшаго тырновскаго учредительнаго собранія и получило названіе консервативнаго. Всѣ правительственныя лица набраны были изъ единомышленниковъ консервативнаго министерства, либералы же частью не были приглашены къ участію въ государственной службѣ, частью же уклонились. Такъ, Каревеловъ отклонилъ предложеніе, сдѣланное ему министерствомъ, вступить въ его среду.

Министерскій совѣтъ (т. е. кабинетъ) опубликовалъ слѣдующее обращеніе къ народу:

„Дорогіе соотечественники! Приглашенные его высочествомъ княземъ Александромъ I занять посты первыхъ министровъ въ нашемъ молодомъ княжествѣ, мы глубоко чувствуемъ тяжесть задачи, возложенной на насъ довѣріемъ любимаго нашего государя.

„Не безъ колебанія приняли мы предложеніе его высочества о составленіи перваго болгарскаго министерства.

„Обстоятельства, среди которыхъ народъ нашъ начинаетъ свою независимую политическую и гражданскую жизнь, очень важны, и затрудненія, являющіяся со всѣхъ сторонъ, очень велики. Но поэтому-то именно, патріотизмъ возлагаетъ нынѣ на всѣхъ насъ священный долгъ безусловной готовности служить князю и отечеству съ безграничной преданностью и полнымъ самоотверженіемъ.

„Чувство этого долга заставило и насъ не отрекаться отъ возложенной на насъ обязанности, какъ бы она тяжела ни была.

„Вполнѣ соблюдая великую важность дѣла, которое мы приняли, мы рѣшились не щадить трудовъ и употребить всѣ усилія для того, чтобы оправдать довѣріе къ намъ его высочества князя Александра I, чтобы помочь благоустройству нашего отечества и введенію въ немъ порядка.

„Имѣя постоянно въ виду конституцію, основной законъ княжества, первою нашею заботою будетъ начать приспособленія и развитія началъ, положенныхъ въ нее. Для этого министерство позаботится, на сколько позволитъ ему короткій срокъ, о томъ, чтобы приготовить къ будущему народному собранію часть законопроектовъ, ведущихъ къ этой цѣли. Кромѣ того, министерство не забудетъ ввести уже теперь тѣ улучшенія по управленію страною, которыя не терпятъ отлагательства. Оно должно также заявить, что будетъ принимать всегда во-время необходимыя мѣры къ прекращенію смутъ

и охраненію порядка и спокойствія въ предѣлахъ княжества. Заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ и спокойствіи княжества, министерство будетъ считать своею непремѣнною обязанностью, среди глубокой признательности, которою воодушевленъ весь болгарскій народъ къ державѣ, его благодѣтельницѣ и освободительницѣ отъ ига, поддерживать искренно-пріятельскія отношенія и почтеніе ко всѣмъ другимъ державамъ-покровительницамъ и прочимъ сосѣднимъ и не сосѣднимъ странамъ и стараться показать, что болгарскій народъ вполнѣ заслуживаетъ симпатіи всѣхъ европейскихъ правительствъ.

„Для исполненія этой задачи мы разсчитываемъ съ одной стороны на мудрое руководительство его высочества, а съ другой на патріотическое содѣйствіе всѣхъ нашихъ соотечественниковъ и твердо убѣждены, что они, отличаясь обыкновенно здравымъ смысломъ, усердно будутъ оказывать намъ это содѣйствіе.

„Да здравствуетъ его высочество болгарскій князь Александръ I! Да здравствуетъ болгарскій народъ! Подписали: предсѣдатель министръ внутреннихъ дѣлъ и временно просвѣщенія: Ѳ. Бурмовъ [1]), министръ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій М. Балабановъ, военный министръ ген.-м. Паренсовъ, министръ юстиціи Д. Грековъ, министръ финансовъ Г. Начовичъ“.

Документъ этотъ былъ внесенъ въ совѣтъ министровъ нашимъ премьеромъ, Ѳедоромъ Степановичемъ Бурмовымъ, но кѣмъ онъ именно былъ написанъ, въ точности сказать не могу, по крайней мѣрѣ многіе изъ моихъ коллегъ открещивались отъ участія въ его составленіи, что̀ подтверждалось послѣдовавшими, по его прочтеніи, преніями. Вѣроятно, однако же, что составителями его были самъ Бурмовъ и въ особенности Стоиловъ, о которомъ я уже говорилъ выше, но теперь считаю нужнымъ кое-что добавить, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что при первомъ болгарскомъ министерствѣ Стоиловъ былъ силой. Не будучи членомъ кабинета, занимая должность политическаго и дипломатическаго секретаря князя, должность, не предусмотрѣнную закономъ, Стоиловъ, питомецъ Гейдельбергскаго университета, былъ человѣкъ не сомнѣнно умный, образованный и въ Болгаріи, съ большимъ апломбомъ. Князь, не любившій болгаръ вообще за ихъ демократичность, не выносилъ несалонныхъ манеръ

---

[1]) Въ скоромъ времени портфель министра просвѣщенія былъ врученъ доктору Атанасовичу, болгарину, давно уже проживавшему въ Румыніи, очень доброму, но совершенно безличному человѣку. Надо замѣтить, что въ первое время существованія княжества, особенно при первомъ, консервативномъ министерствѣ, свойства „добраго“, „милаго человѣка“ играли большую роль при назначеніяхъ. Либералы были разборчивѣе и строже.

большинства лицъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло лично. Стремясь придать имъ внѣшній, приличный, европейскій обликъ, князь, не пренебрегалъ и мелочами; такъ напримѣръ, желая видѣть въ своихъ министрахъ вполнѣ цивилизованныхъ людей, онъ, не скрывая своего отвращенія къ произвольному костюму министровъ, составилъ самъ проектъ мундирнаго фрака синяго сукна, украшеннаго металлическими пуговицами съ изображеніемъ государственнаго герба Болгаріи [1]), а когда явилось затрудненіе, гдѣ и на какія средства шить эти фраки, то князь заказалъ ихъ на свой счетъ, выписавъ необходимые предметы для ихъ шитья изъ Германіи. Стоиловъ, по внѣшности и благовоспитанности, въ смыслѣ манеръ, былъ вполнѣ европеецъ. Консерваторъ и даже деспотъ въ душѣ, Стоиловъ и по воззрѣніямъ своимъ былъ вполнѣ угоденъ князю. Присутствіе его въ засѣданіяхъ совѣта министровъ крайне стѣсняло насъ всѣхъ; министры-болгары боялись при немъ говорить, зная, что онъ „око" и „ухо" князя, а онъ велъ себя въ высшей степени безцеремонно во всѣхъ отношеніяхъ. Я пробовалъ возставать противъ такого неудобнаго свидѣтеля нашихъ засѣданій, но это ни къ чему не привело, такъ какъ, даже наиболѣе самостоятельный по характеру, изъ министровъ Начовичъ отвѣчалъ мнѣ: „que voulez vous c'est le désir de Prince" [2]).

Но возвращаюсь къ документу министерской декларацін.

Отмѣчу въ немъ два мѣста. Въ виду начавшагося уже вооруженнаго возстанія въ восточной Болгаріи, я предложилъ вставить то, что сказано о „принятіи необходимыхъ мѣръ къ прекращенію смутъ и охраненію порядка и спокойствія". При этомъ выяснилось интересное обстоятельство. Еще въ февралѣ 1879 года, во время пребыванія императорскаго коммиссара кн. Дондукова-Корсакова въ Тырновѣ, стало извѣстнымъ о существованіи тайнаго турецкаго плана: немедленно по выступленіи русскихъ войскъ начать вооруженное возстаніе мусульманъ въ Болгаріи; одновременно съ этимъ константинопольское правительство должно обратиться къ державамъ съ нотой о притѣсненіяхъ турокъ болгарами, чтобы оправдать въ глазахъ Европы начавшееся движеніе.

Другое мѣсто декларацін, которое насъ занимало, заключалось въ желаніи обойти какъ-нибудь вопросъ о Турціи, какъ сюзеренѣ и о вассальномъ положеніи княжества, но однако жъ такъ, чтобы не возбудить неудовольствія Порты. Съ этой цѣлью употреблена была фраза: „поддерживать искренно пріятельскія отношенія ко всѣмъ

---

[1]) Левъ на заднихъ лапахъ. Отсюда и основная монета — левы.

[2]) Что̀ прикажете дѣлать: это желаніе князя.

другимъ державамъ *покровительницамъ* и прочимъ сосѣднимъ и *не сосѣднимъ* странамъ" [1]).

Появленіе министерской деклараціи произвело цѣлую бурю въ оппозиціонной, либеральной партіи, да и было изъ-за чего волноваться.

Въ посланіи было сказано: „Имѣя постоянно въ виду конституцію, основной законъ княжества"... и тутъ же четыре раза этотъ основной законъ былъ нарушенъ, такъ какъ князь вопреки п. 6-го конституціи четыре раза былъ названъ высочествомъ. И это въ первомъ же оффиціальномъ министерскомъ актѣ! Я самымъ энергичнымъ образомъ возсталъ противъ такого незаконнаго, неудобнаго и нетактичнаго поступка, указывалъ моимъ коллегамъ, что уже однимъ этимъ, они при общемъ несочувствіи къ ихъ назначенію, предрѣшили свое паденіе, но это ни къ чему не привело. Министры отвѣчали мнѣ: nous avons promis [2]) и стояли на своемъ. Я упирался предложить свою отставку, и вопросъ перешелъ на усмотрѣніе нашего дипломатическаго агента Давыдова, въ томъ смыслѣ, что мои коллеги обратились къ нему за помощью, прося его уговорить меня не подавать въ отставку и подписать декларацію. Такъ какъ вопросъ о титулѣ и моемъ къ нему отношеніи уже разбирался однажды Давыдовымъ, то Александръ Петровичъ уговорилъ меня подписать документъ, чтобы не дѣлать скандала на первыхъ же порахъ, оставляя за мной право употреблять законный титулъ „свѣтлости" въ войскѣ, а также во всякаго рода письменныхъ документахъ и сношеніяхъ, отъ меня исходящихъ.

Одновременно съ министерской деклараціей въ оффиціальномъ органѣ, „Державномъ Вѣстникѣ", появилась оффиціальная статья, служившая комментаріемъ къ деклараціи. Эта статья надѣлала тоже много шума, но уже въ другой средѣ,—въ русскомъ консульствѣ. Въ статьѣ говорилось, между прочимъ: „Предстоитъ создать новый міръ. Матерьялъ не въ большомъ обиліи"... „Народъ, избавленный отъ тяжелаго ига, но еще усталый отъ только-что окончившагося переходнаго положенія, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы его освободили изъ хаоса"... Изъ-за не вполнѣ корректнаго, но, по человѣческой слабости, понятнаго желанія придать себѣ значеніе и указать тяжесть выпавшаго на ихъ долю времени, министры немножко лягнули своихъ предшественниковъ, русскихъ дѣятелей: „Административное устройство, при *огромныхъ расходахъ, употребленныхъ на него* [3]), далеко еще не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ нуждамъ и средствамъ, полицейская часть совершенно недостаточна, нѣтъ почты, какъ слѣдуетъ устроен-

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

[2]) „Мы обѣщали".

[3]) Курсивъ мой. *П. П.*

ной, сообщенія изъ самыхъ трудныхъ". „Судебное устройство хромаетъ во многихъ отношеніяхъ и требуетъ *кореннаго преобразованія* [1]); для народнаго образованія необходимы выходящіе изъ обыкновеннаго уровня труды"... „По финансамъ необходимы великія и *коренныя реформы*... [2])" и т. д.

Я посмотрѣлъ на это философски. Во-первыхъ, общій парламентскій пріемъ во всѣхъ странахъ съ представительнымъ правленіемъ гласно и какъ можно эффектнѣе хулить предъидущихъ дѣятелей, какъ можно болѣе рекламировать тяжесть предстоящихъ трудовъ, обѣщать великія и богатыя милости въ будущемъ. Этотъ же пріемъ практикуется и при всякихъ выборахъ, въ предвыборной и выборной агитаціи, слѣдовательно, не представляетъ изъ себя чего-либо новаго. Во-вторыхъ, нельзя было отрицать фактовъ, свидѣтельствовавшихъ, что наше временное управленіе, при всемъ стараніи, многаго не могло не только закончить, но нѣкоторыхъ вопросовъ не могло и затронуть, хотя бы вслѣдствіе одного присутствія въ Болгаріи нашей огромной (подъ конецъ войны), дѣйствующей арміи съ ея многочисленными учрежденіями. Болѣе же всего тяготѣлъ надъ нашими дѣятелями тотъ краткій срокъ, въ который, благодаря берлинскому трактату, пришлось создавать сразу все изъ ничего, изъ дѣйствительнаго хаоса. Почты дѣйствительно не было, такъ какъ, во время нахожденія нашей арміи въ княжествѣ, устроена была военная почта, но и то только по тѣмъ направленіямъ, которыя нужны были для цѣлей арміи; по уходѣ нашихъ войскъ, русская военная почта была, понятно, снята. То же разсужденіе надо было приложить и къ путямъ сообщенія. Наконецъ, я, какъ военный министръ, отлично зналъ всѣ недочеты въ организаціи войска и самъ же, вслѣдствіе вспыхнувшаго возстанія въ восточной Болгаріи, вынужденъ былъ прибѣгнуть не къ простымъ „мѣропріятіямъ", а къ „кореннымъ реформамъ" въ войскѣ. Положимъ, деликатность должна была бы подсказать моимъ коллегамъ на необходимость соблюсти извѣстныя формы по отношенію къ дѣятельности сотрудниковъ императорскаго коммиссара [3]), но можно ли было толковать объ этикѣ, когда на первое мѣсто выступилъ шкурный вопросъ: провалится министерство при предстоящемъ въ октябрѣ народномъ собраніи или устоитъ? Для меня было ясно, что провалится, коллеги же мои думали иначе; они допускали мысль сильнаго противодѣйствія оппозиціи и въ результатѣ надѣялись на распущеніе собранія, даже, какъ увидимъ ниже, допускали переворотъ, но не вѣрили въ собственное свое паденіе.

---

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

[2]) Курсивъ мой. *П. П.*

[3]) Дѣятельность эта описана въ гл. II.

Желая польстить взглядамъ народной массы, въ декларацію была вставлена фраза: „при огромныхъ расходахъ, употребленныхъ на него"... Болгары очень нетребовательны въ жизненномъ обиходѣ, который во всѣхъ слояхъ населенія носилъ патріархальный характеръ, очень трезвенны, скопидомы, даже скупы; понятно, что наши огромные оклады по военному положенію являлись для болгаръ чѣмъ-то чудовищнымъ; кромѣ того, вызванное желаніемъ блага странѣ, стремленіе императорскаго коммиссара, поскорѣй и побольше сдѣлать, требовало расходовъ огромныхъ и хотя значительную долю этихъ расходовъ приняла на себя Россія (напр., все устройство и содержаніе войска), но все же извѣстная и даже большая ихъ часть производилась изъ доходовъ страны тѣхъ мѣстностей, которыя были уже очищены отъ турокъ.

Какъ бы то ни было русское дипломатическое агентство обидѣлось; обидѣлось оно въ особенности тѣмъ, что высказано все это было представителями партіи, поддерживаемой нашимъ дипломатическимъ агентомъ, его ставленниками. Тутъ, кажется, впервые было сказано слово: „неблагодарность", слово, столь много и столь часто употреблявшееся впослѣдствіи, слово, къ которому я еще не разъ вернусь, такъ какъ никогда ни признавалъ его справедливости и теперь не признаю.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій совѣта министровъ обсуждался и былъ рѣшенъ вопросъ о мѣрахъ для подавленія возстанія. Извѣстія, получавшіяся изъ восточной Болгаріи, были весьма тревожны. Возстаніе усиливалось, распространялось и разбои не являлись уже въ видѣ нападеній на почту, проѣзжающихъ, работавшихъ на поляхъ, или на села, но затѣмъ въ Варненскомъ округѣ прекратилось все движеніе по дорогамъ, а въ ночь съ 27 на 28 іюня большой хорошо вооруженной и организованной и управляемой шайкой было произведено нападеніе на городъ Османъ-Базаръ. Бой длился три часа и хотя нападающіе были отбиты, тѣмъ не менѣе фактъ былъ крупный. Турки заявляли, что подчинялись, по волѣ Бога, своимъ побѣдителямъ, русскимъ, но болгарскаго правительства не признаютъ и будутъ съ нимъ бороться. Совѣтъ министровъ далъ мнѣ carte blanche. На основаніи § 47 конституціи [1]) я внесъ въ совѣтъ предложеніе объ объявленіи восточной Болгаріи на военномъ положеніи; вслѣдствіе этого

[1]) Въ этомъ § предусматриваются случаи, когда государству угрожаетъ опасность внѣшняя или внутренняя, а народное собраніе, по краткости времени, созвано быть не можетъ.

предложенія, одобреннаго совѣтомъ, составленъ былъ докладъ князю отъ совѣта министровъ подъ общею нашею отвѣтственностью и съ обязательствомъ, тоже согласно закона, внести это рѣшеніе на одобреніе перваго созваннаго затѣмъ народнаго собранія.

Князь представленіе наше утвердилъ; у меня были развязаны руки. Князь, въ то время еще ко мнѣ благоволившій, всѣ мои распоряженія одобрялъ, и я получилъ возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно.

Покуда войска направлялись къ указаннымъ имъ пунктамъ и работа въ военномъ министерствѣ кипѣла, остальныя министерства работали также чрезвычайно усердно.

Министры собирались каждый день. Засѣданія эти были весьма интересны и часто крайне оригинальны. По неимѣнію особаго помѣщенія, мы, по предложенію Бурмова, собирались у него на квартирѣ. Жара въ Софіи, расположенной въ котловинѣ безъ малѣйшаго движенія воздуха, стояла невыносимая, и потому понятно, что министры являлись на засѣданія не въ какихъ-нибудь форменныхъ одеждахъ [1]), а въ чемъ Богъ послалъ. Эта безформенность конечно не мѣшала ходу дѣла, но она постепенно пошла уже очень далеко. Такъ Бурмовъ, находясь дома, сталъ приходить въ туфляхъ, а затѣмъ скинулъ ихъ, оставшись въ одныхъноcкахъ. Стоиловъ преспокойно разстегивалъ жилетъ, ложился на мягкій диванъ и, похлопывая себя по тогда уже толстенькому брюшку, изрекалъ: „le prince désire" [2]), что для моихъ коллегъ тотчасъ же облекалось въ законъ Эта безцеремонность начала мнѣ надоѣдать, и, согласившись съ Начовичемъ и Грековымъ, мы уговорили остальныхъ перенести наши засѣданія въ зданіе министерствъ, гдѣ нашелся очень помѣстительный и прохладный кабинетъ.

Поднялся у насъ вопросъ о формѣ сношеній между министрами и министерствъ съ другими правительственными учрежденіями. Рѣчь шла собственно о внѣшней формѣ письменныхъ сношеній. Я доложилъ совѣту, что, такъ какъ при управленіи императорскаго коммиссара всѣ органы управленія, въ томъ числѣ и министерства, уже существовали, хотя и подъ другими титулами [3]), и вся переписка велась постоянно и давно уже по русскимъ формамъ, то не будетъ ли удобнѣе продолжать вести переписку по этимъ формамъ и дальше. Дѣлая это предложеніе, я былъ далекъ отъ мысли о какой бы то ни было „руссификаціи" болгаръ, а исходилъ изъ практическаго сообра-

---

[1]) Кромѣ меня, носившаго установленную военную форму.

[2]) Князь желаетъ.

[3]) Министерства назывались „отдѣлами".

женія, что зачѣмъ же мѣнять то, къ чему всѣ уже привыкли. Но тутъ мнѣ пришлось выслушать отъ добрѣйшаго Бурмова прекурьезное возраженіе, высказанное, впрочемъ, въ наставительномъ тонѣ: „помилуйте, П. Д.; какъ же мы можемъ принять ваши формы. Вы— страна монархическаго неограниченнаго правленія, а мы—конституціоннаго!“ Я едва удержался отъ смѣха, но противорѣчить не стоило, и послѣ долгихъ дебатовъ мы приняли французскія формы, которыя были сложнѣе русскихъ, а именно ввели „письма“, которыя начинались: „господинъ министръ“, а кончались просьбой принять увѣреніе „въ высокомъ почитаніи“... [1]) Я выговорилъ для военнаго вѣдомства льготу: продолжать по-старому, т. е. по-нашему, ссылаясь на то, что въ войскѣ всѣ русскіе офицеры и унтеръ-офицеры, а также болгарскіе офицеры обучены этому дѣлу по русскимъ образцамъ и что въ войскѣ очень много заготовлено бланковъ, но при этомъ пообѣщалъ, когда бланки выйдутъ и когда русскихъ офицеровъ болѣе не будетъ, перейти тоже къ французскимъ формамъ.

Въ болгарскомъ войскѣ существовала должность главнаго доктора, нѣчто въ родѣ нашего главнаго военно-медицинскаго инспектора, исключительно административнаго характера. Должность эта, за уходомъ русскаго врача, болгарина по происхожденію, Бонева, временно не была занята, и я предполагалъ испросить у князя назначить на нее русскаго воспитанника, болгарина родомъ, военнаго доктора Миркова, лично мнѣ извѣстнаго съ самой научной стороны: подвижнаго, энергичнаго, весьма толковаго и продѣлавшаго въ русскихъ войскахъ всю кампанію. Въ это же время по министерству внутреннихъ дѣлъ разрабатывался вопросъ объ устройствѣ вообще медицинской и санитарной части въ княжествѣ. Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ внесенъ въ совѣтъ министровъ и, очень понятно, энергично поддерживался въ совѣтѣ самимъ творцомъ проекта, министромъ внутреннихъ дѣлъ Бурмовымъ, онъ же и премьеръ. Милѣйшему Ѳедору Степановичу захотѣлось выгадать въ денежномъ отношеніи, и онъ предложилъ мнѣ соединить двѣ должности: главнаго медицинскаго инспектора министерства внутреннихъ дѣлъ и главнаго врача арміи, съ тѣмъ, что каждый изъ насъ отпуститъ на содержаніе этого лица только часть той суммы, которая отпускается въ подлежащія министерства, остальную же часть употребимъ на что-нибудь другое. Я зналъ, что тутъ есть подкладка; Бурмовъ почему-то не хотѣлъ назначенія Миркова [2]), хотя это назначеніе совсѣмъ до

---

[1]) „Monsieur le Ministre“ и „Agréez l'assurance de ma parfaite considération“.

[2]) Кажется, потому, что онъ былъ молодъ.

него не касалось. Я наотрѣзъ отказался. Тогда меня стали упрашивать взять какого-то врача изъ Румеліи, расхваливая его, какъ отлично практикующаго доктора. Всѣ мои возраженія, что мнѣ нуженъ не удачно лѣчащій врачъ, а организаторъ, знакомый съ военной обстановкой и потребностями въ этомъ отношеніи войска, живущаго совсѣмъ особой жизнью,—не приводили ни къ чему. Бурмовъ, поддержанный министромъ народнаго просвѣщенія, докторомъ Атанасовичемъ, доказывалъ мнѣ, что если врачъ лѣчитъ хорошо, то онъ естественно (?) долженъ быть такимъ же хорошимъ администраторомъ и организаторомъ. Я не сдался и румелійскаго эскулапа не взялъ.

Самымъ важнымъ государственнымъ вопросомъ, занявшимъ очень много времени и вызвавшимъ горячіе споры, былъ вопросъ о проведеніи и постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ княжествѣ; но это дѣло настолько крупное, что я выдѣлю его въ другую главу.

Одновременно съ этими, въ высшей степени интересными и обширными работами министерствъ и вообще всѣхъ отраслей управленія, жизнь столицы княжества, Софіи, шла своимъ чередомъ.

Князь, еще довольный своимъ новымъ положеніемъ, отправилъ королямъ румынскому, сербскому, греческому и князю черногорскому весьма дружественныя письма съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ. Назначались пріемы представителей иностранныхъ государствъ, вручавшихъ, при извѣстномъ церемоніалѣ, свои вѣрительныя грамоты, сопровождая это соотвѣтственными рѣчами. Князь, понятно, приготовлялъ отвѣтныя рѣчи и произносилъ ихъ. Надо отдать справедливость князю Александру: когда онъ хотѣлъ, онъ былъ обворожительно милъ и любезенъ, особенно въ началѣ своего правленія, когда веселость, свойственная молодости, не была нарушена вѣчнымъ раздраженіемъ, наступившимъ послѣ. Во дворцѣ (бывшемъ конакѣ) давались завтраки, обѣды; бывали и балы. Въ началѣ у князя былъ отличный поваръ-французъ и отличныя вина. Князь ежедневно катался по городу и ѣздилъ за городъ купаться въ деревню Бали-Эфенди, славившуюся минеральными водами. Меня же эти ежедневныя поѣздки въ Бали-Эфенди, которыя впослѣдствіи производились два раза въ день, утромъ и послѣ обѣда, чрезвычайно разстраивали и вотъ почему. Софійская конная сотня получила значеніе княжескаго конвоя, и въ числѣ обязанностей ея состояло конвоированіе князя въ его поѣздкахъ. На бѣду этой сотни, да и на мою бѣду гессенскій тайный совѣтникъ Менгесъ, обучившій князя наукѣ управленія страной, внушилъ ему мысль, что на восточные народы надо дѣйствовать внѣшнимъ блескомъ, импонировать имъ наружными аттрибутами власти, и вотъ князь, совершенно игнорируя патріархаль-

ный строй народной болгарской жизни, не находя нужнымъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ характеромъ народа, тихаго, простаго, земледѣльческаго и нетребовательнаго, причисливъ его къ числу восточныхъ народовъ, утвердился въ мысли, что ему слѣдуетъ уподобиться по внѣшнему блеску какому-нибудь магараджѣ Лагора и этимъ вліять на народъ. Исходя изъ этого, конвой князя съ развернутымъ штандартомъ долженъ былъ сопровождать его экипажъ во всѣхъ выѣздахъ по городу, въ томъ числѣ и на купанье въ Бали-Эфенди; при этомъ князь ѣздилъ въ коляскѣ, запряженной отличными венгерскими лошадьми, и ѣздилъ весьма быстро. Хотя конвой сопровождалъ князя не сразу весь, а по частямъ, тѣмъ не менѣе тройка была изрядная, лошади сотни были худы, а увеличить дачи я не могъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи суммъ, кромѣ тѣхъ, которыя были включены въ бюджетъ и о расходованіи которыхъ я долженъ былъ дать отчетъ народному собранію въ случаѣ запроса съ его стороны. Сколько я ни просилъ, самымъ деликатнымъ образомъ, бросить этотъ ни къ чему не нужный обычай, князь повторялъ стереотипную фразу: en orient il faut gouverner en frappant l'imagination des peuples [1]).

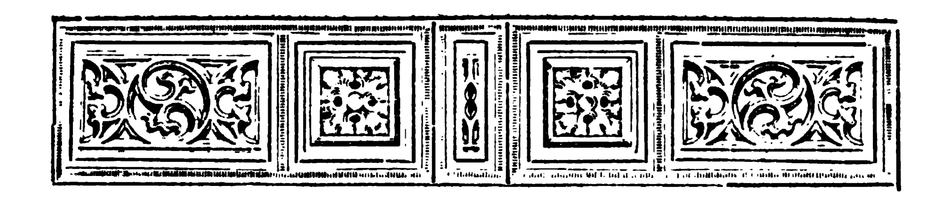
Въ результатѣ престижъ князя не увеличивался, а я, подумывая о бюджетѣ, долженъ былъ насколько можно спокойнѣе смотрѣть на исхудалыхъ лошадей.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) На востокѣ надо управлять народомъ, дѣйствуя на его воображеніе.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1875 — 1880.

Василій Марковичъ Флоринскій, воспоминанія котораго мы печатаемъ, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей по народному просвѣщенію. Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, съ именемъ котораго неразрывно связано учрежденіе Сибирскаго университета.

Для ознакомленія читателей съ его личностью, мы, по желанію супруги покойнаго, пользуемся его некрологомъ [1]).

Томскій университетъ является лучшимъ памятникомъ его энергичной и многосторонней дѣятельности. Когда вопросъ объ открытіи университета въ Западной Сибири былъ рѣшенъ утвердительно, организація новаго университета была всецѣло поручена В. М. Флоринскому, и онъ блестяще исполнилъ порученіе. Ему принадлежитъ какъ избраніе Томска мѣстомъ для учрежденія университета, такъ и самое устройство послѣдняго. Медицинскій факультетъ Томскаго университета получилъ при немъ образцовую организацію. Главнымъ украшеніемъ университета служатъ клиники—дорогое дѣтище покойнаго,—сосредоточенныя въ особомъ зданіи съ примыкающими къ нему терапевтическимъ, акушерскимъ и хирургическими бараками и отдѣльнымъ павильономъ для заразныхъ больныхъ.

Всѣ постройки возводились подъ личнымъ наблюденіемъ покойнаго и по цѣлесообразности внутренняго устройства и соотвѣтственному приспособленію помѣщеній для врачебныхъ цѣлей удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ современной медицинской науки. Трудясь въ качествѣ попечителя Западной Сибири въ продолженіе послѣднихъ

---

[1]) „Новое Время“ 1899 года № 8210.

тринадцати лѣтъ, В. М. сдѣлалъ очень много не только для университета, душою котораго былъ до послѣднихъ дней, но и для дѣла народнаго образованія и развитія умственной жизни на далекой окраинѣ. Благодаря его заботамъ и стараніямъ, школьное дѣло въ Западной Сибири значительно развилось, въ Томскѣ открыта гимназія, приступлено къ сооруженію технологическаго института, устроены въ нѣсколькихъ городахъ общественныя библіотеки и музеи; въ Томскѣ явилось общество естествоиспытателей и врачей, въ Тобольскѣ—физико-медицинское общество. Занимаясь съ особенною любовью археологическими и антропологическими разысканіями, В. М. основалъ въ Томскѣ археологическій музей сибирскихъ древностей, въ которомъ собраны отчасти путемъ личныхъ раскопокъ покойнаго, отчасти пожертвованіями, весьма значительныя и цѣнныя коллекціи преимущественно бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій и образцовъ древней керамики. Кромѣ того, трудами покойнаго составлена цѣнная библіотека въ Томскѣ.

В. М. происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ родился въ 1833 году. Отецъ его былъ священникомъ Пермской епархіи. По окончаніи курса въ Пермской духовной семинаріи, покойный поступилъ въ 1853 году въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Блестяще кончивъ курсъ академіи, В. М. былъ прикомандированъ ко 2-му военному сухопутному госпиталю и занялся подготовленіемъ себя къ профессорскому званію. Онъ изучалъ спеціально акушерство и въ 1861 году защитилъ диссертацію на степень доктора медицины. Затѣмъ покойный провелъ два года за границей, занимаясь изученіемъ избранной имъ спеціальности въ акушерскихъ клиникахъ въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ и Эрлангенѣ и въ патологическихъ кабинетахъ Бишофа и Куссмауля. По возвращеніи въ Россію, В. М. былъ приглашенъ адъюнктъ-профессоромъ медико-хирургической академіи по каѳедрѣ акушерства, затѣмъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ и занимался во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, въ качествѣ ординатора. Помимо научной дѣятельности, покойный имѣлъ обширную врачебную практику въ Петербургѣ и пользовался здѣсь репутаціей одного изъ лучшихъ акушеровъ. Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ дѣятельность В. М. Флоринскаго сосредоточилась въ Казани. Онъ былъ ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ акушерства и гинекологіи, врачемъ-практикомъ и однимъ изъ энергичныхъ изслѣдователей археологовъ мѣстнаго края. Съ спеціально археологическою цѣлью В. М. объѣхалъ Оренбургскую, Уфимскую и Пермскую губерніи и въ началѣ 80-хъ годовъ изучалъ древности Казанской губерніи вообще и памятники „камскихъ болгаръ“ въ особенности. Въ 1878 году покойный принялъ дѣятельное участіе въ организаціи Казанскаго

общества археологіи, исторіи и этнографіи. Въ 1884 году покойный переселился въ Томскъ.

Покойный, какъ авторъ, извѣстенъ не только своими спеціально медицинскими произведеніями, но и рядомъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и посвященныхъ разнообразнымъ темамъ. Наибольшею извѣстностью пользуется его „Домашняя медицина—лѣчебникъ для народнаго употребленія". Изъ медицинскихъ сочиненій покойнаго назовемъ наиболѣе крупныя: „Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней" (1868—70 гг., въ двухъ выпускахъ), „Курсъ акушерства—лекціи, читанныя въ Казанскомъ университетѣ" (1883 г.), „Историческій очеркъ чумныхъ эпидемій въ Россіи" и „Обзоръ трудовъ по акушерству и по частной патологіи и терапіи женскихъ болѣзней". Изъ историко-архивныхъ трудовъ покойнаго извѣстны: „Русскіе простонародные травники и лѣчебники; собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтій", „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россіей и Китайскимъ государствомъ съ 1619 по 1792 г.", „Экзаменъ въ аптекарскомъ приказѣ на медицинскую степень въ царствованіе Михаила Θеодоровича", „Медицинскій бытъ въ Россіи по извѣстію врача-иностранца" и др. Изъ статей В. М. общаго характера цѣнны: „Башкирія и башкиры" (историко-географическое изслѣдованіе; журналъ „Слово" 1874 г.), „Усовершенствованія и вырожденіе человѣческаго рода" („Дѣло" 1866 г.), „Докторскій экзаменъ", „О характерѣ врачебной дѣятельности на сѣверѣ Россіи („Здоровье" 1874—75 гг.), „Свѣдѣнія о состояніи и потребностяхъ русскихъ медицинскихъ факультетовъ" и др. Результатомъ археологическихъ занятій покойнаго въ Сибири и Казани является цѣнный солидный трудъ „Первобытные славяне по памятникамъ ихъ до-исторической жизни", вышедшій въ срединѣ 90-хъ годовъ въ двухъ частяхъ и въ трехъ выпускахъ.

Какъ профессоръ, покойный пользовался горячими симпатіями студентовъ. Его лекціи всегда были содержательными и мастерски передаваемыми. Какъ у врача, у него была обширная практика. Отличаясь замѣчательнымъ природнымъ умомъ, любознательностью, доброжелательствомъ, внимательностью и доступностью, всѣми качествами, присущими истинному таланту, В. М. оставилъ по себѣ прекрасную память у всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зарожденіе идеи о Сибирскомъ университетѣ.—Пожертвованіе Демидова.—Начало мѣропріятій.—Моя предварительная служба.—Выборъ пункта для университета.—Вопросъ о медико-хирургической академіи.—Протестъ военнаго министра.—Пересмотръ университетскаго устава.—Мой выходъ изъ академіи.

Жизнь крупнаго организма обыкновенно принято считать со времени появленія его на свѣтъ. Такъ ведется лѣтосчисленіе людей и животныхъ, такъ начинается исторія долговѣчныхъ государственныхъ учрежденій и самихъ государствъ. Рожденіе сформированнаго тѣла, или открытіе дѣйствій учрежденія справедливо считается началомъ ихъ самостоятельной жизни; но эта послѣдняя стоитъ въ ближайшей связи съ эмбріональнымъ состояніемъ, когда формируются основы жизнеспособности и зачатки тѣхъ индивидуальныхъ силъ и функцій, какія рожденный организмъ долженъ проявлять по мѣрѣ своего возрастанія. Ознакомленіе съ эмбріональной жизнію нерѣдко уясняетъ намъ не только дальнѣйшее развитіе организма, но и его функціональныя способности, или прирожденные недостатки. Поэтому, предполагая изложить здѣсь извѣстныя мнѣ данныя о первыхъ годахъ жизни Томскаго университета, я считаю правильнымъ начать не со времени открытія его учебныхъ курсовъ, а съ момента зарожденія этого учрежденія.

Зачатіе Томскаго университета можно считать съ момента перваго высочайшаго соизволенія на представленіе проекта этого учрежденія, именно съ 25 апрѣля 1875 г. Идея объ особомъ университетѣ для восточной и западной Сибири неоднократно высказывалась въ правительственныхъ сферахъ и раньше, но это была лишь мечта для далекаго будущаго. Въ блестящую эпоху просвѣтительныхъ мѣропріятій императора Александра I, когда были задуманы и осуществлены университеты Казанскій (1804 г.), Харьковскій (1804 г.), Петербургскій (1818 г.), предполагалось со временемъ учредить ихъ также въ Кіевѣ, Тобольскѣ и Устюгѣ Великомъ „по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными“ [1]). Указъ Сенату, данный по этому поводу, заканчивался слѣдующими словами: „Мы удостовѣрены, говорилъ государь, что и всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать

---

[1]) Указъ Правительствующему Сенату отъ 24 января 1803 года о предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія.

нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ".

На этотъ просвѣтительный призывъ въ томъ же 1803 году откликнулся извѣстный ревнитель русскаго образованія Павелъ Григорьевичъ Демидовъ. Дѣлая свои знаменитыя пожертвованія въ пользу отечественнаго просвѣщенія, онъ тогда же внесъ свою крупную лепту въ 100 т. руб. для осуществленія университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ. „Но пока приспѣетъ время образованія сихъ послѣднихъ, писалъ Демидовъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи, прошу ваше императорское величество, чтобы капиталъ, для нихъ назначенный также (т. е. подобно прочимъ его пожертвованіямъ), положенъ былъ въ государственное мѣсто, съ тѣмъ, чтобы обращеніемъ своимъ возрасталъ въ пользу тѣхъ университетовъ, предоставляя дальнѣйшее распоряженіе онымъ благоразумію министра просвѣщенія".

Такимъ образомъ, пожертвованіемъ Демидова въ началѣ прошлаго столѣтія не только закрѣпляется мысль о Сибирскомъ университетѣ, но и кладется залогъ первыхъ матеріальныхъ средствъ на его осуществленіе. Съ тѣхъ поръ вопросъ объ университетѣ въ Сибири являлся не смутной мечтой или проблемой далекаго будущаго, подобно Устюгу Великому, а получилъ въ нѣкоторомъ родѣ реальную почву, на которую можно было опереться, когда „приспѣетъ къ тому время".

Тѣмъ не менѣе времени этого пришлось ждать очень долго. Сибирь представляла собой слишкомъ далекую, малолюдную, полузабытую окраину съ ничтожнымъ числомъ среднихъ учебныхъ заведеній [1]). Знаменитый нѣкогда Тобольскъ, именовавшійся въ прежніе годы сибирскою столицею, съ мѣстопребываніемъ намѣстниковъ и митрополитовъ, мало-по-малу превратился въ захудалый, глухой, заурядный городъ [2]). При такомъ положеніи, мысль о Тобольскомъ университетѣ не соотвѣтствовала значенію этого города и вскорѣ была оставлена. Осуществленіе ея казалось настолько отдаленнымъ и невѣроятнымъ, что министръ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ Демидовымъ, нашелъ возможнымъ ходатайствовать въ

---

[1]) Изъ среднихъ учебныхъ заведеній существовали въ Сибири: духовная семинарія—Тобольская, открытая въ 1748 г., и Иркутская, открытая въ 1779 г.; изъ гимназій Иркутская, основанная въ 1806 г., и Тобольская въ 1810 году; Томская гимназія была открыта въ 1838 г., Омская въ 1876 г., Вѣрненская въ 1876 г., въ составѣ четырехъ классовъ, въ 1879 году, преобразована въ шестиклассную прогимназію, и лишь съ 1881 года въ полную восьмиклассную гимназію. Красноярская гимназія существуетъ съ 1869 года.

[2]) Причиною оскудѣнія Тобольска служило перенесеніе (въ 1824 г.) главнаго управленія западною Сибирью въ Омскъ. Мѣстопребываніе генералъ-губернаторовъ въ Омскѣ фактически началось съ 1837 года.

1810 году передъ государемъ императоромъ о томъ, чтобы часть демидовскаго капитала, предназначенная для Тобольскаго университета (50.000 р.; вторая половина назначалась для Кіевскаго университета), была обращена на потребности Тобольской гимназіи. На это ходатайство 5 августа 1810 года послѣдовало высочайшее соизволеніе, но оно не было исполнено до 1822 г. Въ этомъ году доля тобольскаго капитала Демидова, нароставшая процентами, составляла уже крупную сумму въ 121.000 р. Изъ этой суммы въ 1824 году было отдѣлено 60.000 руб. Тобольской гимназіи, остальныя 61 тыс. остались неприкосновеннымъ капиталомъ въ ожиданіи будущаго Сибирскаго университета. Ко времени постройки Томскаго университета, въ 1882 году, этотъ капиталъ возросъ до 182 т. руб., которые и были употреблены, согласно своему первоначальному назначенію, въ числѣ другихъ пожертвованныхъ суммъ, на сооруженіе университетскихъ зданій.

Спустя полстолѣтія послѣ перваго заявленія, мысль о Сибирскомъ университетѣ снова поднимается, именно въ 1856 году. Министръ народнаго просвѣщенія Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ императору Александру II, 5 марта названнаго года, заявилъ о значеніи этого учрежденія въ такихъ словахъ: „эта благодѣтельная мѣра обѣщаетъ великія послѣдствія для края, который ожидаетъ только животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды. Министерство займется начертаніемъ плана сего высшаго учебнаго заведенія, которое, не теряя своего университетскаго характера, должно быть числомъ, составомъ и направленіемъ своихъ факультетовъ приспособлено къ потребностямъ страны“. Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ II призналъ предположеніе министра Норова полезнымъ, но оно осталось въ теченіе болѣе 20 лѣтъ неосуществленнымъ, отчасти вслѣдствіе мѣстныхъ сибирскихъ условій, отчасти же потому, что министерство народнаго просвѣщенія было въ это время слишкомъ озабочено крупными преобразованіями по всѣмъ отраслямъ учебнаго дѣла въ Россіи. Отчасти можетъ быть тормозили вопросъ о Сибирскомъ университетѣ студенческія волненія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, зародившіяся съ 1862—63 гг. на почвѣ польскихъ смутъ и причинившія столько зла нашему учебному строю.

Съ 1875 года вопросъ о Сибирскомъ университетѣ переходитъ изъ области помысловъ и предположеній къ дѣйствительнымъ мѣропріятіямъ. Съ этого же времени начинается и мое активное участіе въ разработкѣ и осуществленіи всѣхъ связанныхъ съ этимъ вопросомъ проектовъ и подготовительныхъ дѣйствій, продолжавшееся

слишкомъ двадцать лѣтъ. Это увлекательное дѣло, къ которому я вначалѣ прикоснулся случайно и, казалось, мимолетно, впослѣдствіи, силою обстоятельствъ, втянуло меня въ совершенно иную сферу служебной дѣятельности, заставило посвятить ему лучшую половину моей жизни, разстаться съ столичнымъ комфортомъ и надеждами вѣрнаго обезпеченія въ будущемъ и переселиться въ далекую, холодную и некультурную Сибирь. Для того, чтобы понять, какимъ образомъ сложились такія обстоятельства, я долженъ предварительно коснуться моего служебнаго положенія въ Петербургѣ до 1875 года.

Основнымъ мѣстомъ моей службы съ 1858 года была медико-хирургическая академія, гдѣ я окончилъ курсъ, былъ оставленъ въ институтѣ молодыхъ врачей для приготовленія къ профессорскому званію, затѣмъ былъ командированъ на $2^1/_2$ года за границу для усовершенствованія и съ 1863 года занялъ при академіи профессорскую каѳедру. Это была моя коренная служебная дѣятельность, вполнѣ меня удовлетворявшая и духовно и матеріально, при сравнительно обширной врачебной практикѣ въ городѣ.

Въ 1873 году я былъ приглашенъ состоять членомъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, какъ единственный въ то время спеціалистъ въ комитетѣ по медицинскимъ вопросамъ, съ дополнительнымъ за это вознагражденіемъ по 1.000 руб. въ годъ. Эта новая должность вскорѣ сблизила меня со многими достойнѣйшими людьми названнаго министерства, въ томъ числѣ съ графомъ Д. А. Толстымъ, княземъ Александромъ Прохоровичемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, бывшимъ директоромъ императорской публичной библіотеки, а потомъ министромъ просвѣщенія, графомъ Иваномъ Давыдовичемъ Деляновымъ, съ Аѳанасьемъ Ѳедоровичемъ Бычковымъ, съ бывшимъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія Мануиломъ Егоровичемъ Брадке и многими другими. Съ предсѣдателемъ ученаго комитета А. И. Георгіевскимъ и съ нѣкоторыми его членами, напр., Ходневымъ, Галаховымъ, Савваитовымъ, я былъ близко знакомъ еще раньше, по своей врачебной практикѣ.

Не помню хорошо, у А. И. Георгіевскаго, или у В. Г. Авсѣенко я въ первый разъ встрѣтился, въ мартѣ или апрѣлѣ 1875 г., съ Николаемъ Геннадьевичемъ Казнаковымъ, только-что назначеннымъ, или имѣвшимся въ виду къ назначенію на постъ генерала-губернатора Западной Сибири. Разговори шиъ о мѣстѣ предстоявшей ему дѣятельности и о насущныхъ потребностяхъ этого края, я напомнилъ о проектѣ Сибирскаго университета А. С. Норова, о которомъ мнѣ было извѣстно изъ дѣлъ министерства, и высказалъ при этомъ Николаю Геннадьевичу мысль, что онъ осчастливилъ бы Сибирь, если бы съ прибытіемъ въ Омскъ на предназначенный ему высокій

постъ снова возбудилъ вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи для этого обездоленнаго края. Н. Г. принялъ живое участіе въ этихъ мечтахъ и разговорахъ по этому поводу, но замѣтилъ, что вопросъ объ организаціи университета слишкомъ сложенъ для того, чтобы его разработать въ Омскѣ, гдѣ въ числѣ чиновниковъ генералъ-губернатора едва-ли найдутся люди, достаточно компетентные для разработки такого проекта.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось снова случайно встрѣтиться съ Н. Г. Казнаковымъ вечеромъ у графа Д. А. Толстого. Здѣсь въ частной бесѣдѣ я опять коснулся того же вопроса, имѣя въ виду выслушать мнѣніе графа Дмитрія Андреевича, какъ министра народнаго просвѣщенія. Графъ отнесся къ высказанному предположенію не только сочувственно, но даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ: умноженіе числа высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи онъ всегда считалъ главной задачей своего министерства и, дѣйствительно, очень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Казнакову онъ обѣщалъ полное содѣйствіе, если государю императору будетъ угодно согласиться на возбужденіе такого вопроса, и тутъ же указалъ на меня, какъ на лицо, могущее дать черновой матеріалъ для проекта представленія (изъ Омска) о Сибирскомъ университетѣ. Меня почему-то графъ считалъ знатокомъ Сибири и чуть не сибирякомъ по рожденію, и въ этомъ была нѣкоторая доля правды. Дѣтство и отрочество свое я провелъ по ту сторону Урала, въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, а Уральскій хребетъ, по старой памяти, считался границею между Европейской Россіей и Сибирью, стало быть, съ нѣкоторой натяжкой меня можно было считать сибирякомъ. Сибирью я, дѣйствительно, интересовался всегда и по литературнымъ источникамъ зналъ ее довольно хорошо, можетъ быть лучше многихъ петербургскихъ администраторовъ, имѣвшихъ съ нею дѣло по бумажнымъ сношеніямъ. Но, самое главное, я искренне любилъ, по дѣтскимъ воспоминаніямъ свое милое Зауралье, какъ мѣсто второй родины, и переносилъ эти горячія симпатіи на всю Сибирскую страну, представляя ее такою же роскошною, богатою и привольною, какъ и Пермскій край, хорошо мнѣ извѣстный. Такъ или иначе, но я былъ очень радъ случаю принять участіе въ проектѣ Сибирскаго университета, никакъ не предполагая въ то время, что судьба свяжетъ меня съ этимъ вопросомъ на всю остальную мою жизнь. Николаю Геннадьевичу я, конечно, выразилъ полную готовность собрать въ самомъ непродолжительномъ времени нужный матеріалъ для предполагаемаго проекта и черезъ нѣсколько дней вручилъ ему записку такого содержанія [1]).

[1]) Черновая записка, изъ которой приводится здѣсь извлеченіе, хранится въ моихъ бумагахъ. Въ проектѣ, представленномъ Н. Г. Казнаковымъ, ею

„Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ I на второй годъ послѣ восшествія своего на Всероссійскій престолъ, 24-го января 1803 года, Высочайше утвердилъ начертанныя по его плану предварительныя правила народнаго просвѣщенія. Эти правила заключали въ себѣ полную и стройную систему всеобщаго народнаго образованія, начиная съ приходскихъ училищъ, предполагавшихся въ каждомъ церковномъ приходѣ, уѣздныхъ училищъ—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гимназій—въ каждомъ губернскомъ городѣ и, наконецъ, университетовъ—въ каждой области или учебномъ округѣ. Во исполненіе этихъ высокихъ предначертаній были устроены, кромѣ значительнаго по тому времени числа училищъ и гимназій, три новыхъ университета,—въ Казани и Харьковѣ въ 1804 г. и въ С.-Петербургѣ въ 1819 году. Не ограничиваясь этимъ, имѣлось въ виду при первой возможности устроить университеты въ Кіевѣ, въ Тобольскѣ, Устюгѣ Великомъ и другихъ городахъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, стран. 15). Такимъ образомъ, Кіевскій и Тобольскій университеты были уже предначертаны съ самаго начала текущаго столѣтія. Въ 1803 г. статскій совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ въ благородномъ рвеніи къ скорѣйшему осуществленію этихъ высокихъ плановъ, пожертвовалъ 200.000 руб. на русскіе университеты, въ томъ числѣ по 50.000 руб. на имѣющіе открыться въ Кіевѣ и Тобольскѣ. Пожертвованіе въ пользу Кіевскаго университета было употреблено согласно своему назначенію въ 1833 году, при открытіи сего университета, а сумма, предназначавшаяся на Тобольскій университетъ, въ 1810 году была обращена съ согласія жертвователя на пользу Тобольской гимназіи (Сборникъ постановленій, т. I, стран. 554). Такимъ образомъ, просвѣщенныя мѣропріятія государя императора Александра I-го относительно высшаго образованія въ Сибири остаются до сихъ поръ не осуществленными". Сибирь, отдаленная на громадныя разстоянія отъ всѣхъ университетскихъ центровъ и въ настоящее время уже значительно населенная и подготовленная къ высшему образованію, не можетъ имѣть ни своихъ учителей, ни врачей, ни чиновниковъ, ни лицъ, способныхъ къ изученію и промышленному эксплоатированію этой богато одаренной страны. Весьма небольшое число сибиряковъ изъ достаточнаго класса имѣютъ возможность отправлять дѣтей своихъ въ университеты Европейской Россіи, но эти молодые люди обыкновенно остаются вно-

---

воспользовались только въ незначительной части, особенно по числу и распредѣленію факультетскихъ каѳедръ, чрезмѣрно сокращенныхъ. Проектъ генералъ-губернатора впослѣдствіи былъ совершенно переработанъ въ министерствѣ.

слѣдствіи на службѣ въ столицахъ, или вообще въ округахъ, гдѣ они получили высшее образованіе, ослабляя такимъ образомъ интеллектуальныя силы собственно сибирскаго населенія. Взамѣнъ ихъ правительство ежегодно высылаетъ въ Сибирь на службу сотни людей, не связанныхъ съ этимъ краемъ ни рожденіемъ, ни воспитаніемъ, не привычныхъ къ его климату и условіямъ жизни, стремящихся сюда не по призванію, а большею частію по матеріальнымъ побужденіямъ, въ видахъ усиленныхъ денежныхъ окладовъ и путевыхъ пособій отъ казны. Пришлые люди, не считая Сибирь мѣстомъ своего постояннаго пребыванія, нерѣдко при первой возможности возвращаются обратно въ Европейскую Россію, лишая сибирскія правительственныя учрежденія должной устойчивости въ личномъ служебномъ составѣ. Кромѣ другихъ побужденій возвратиться въ привычную обстановку европейскаго строя жизни ихъ понуждаетъ къ тому необходимость дать дѣтямъ высшее образованіе, такъ какъ въ Сибири нѣтъ ни одного соотвѣтствующаго тому учебнаго заведенія. Если бы было возможно сосчитать сумму путевыхъ пособій, пятилѣтнихъ прибавокъ къ содержанію и другихъ льготъ, коими пользуются пришлые сибирскіе чиновники (на мѣстѣ въ центральномъ управленіи можно приблизительно сдѣлать такое вычисленіе), то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что правительство ежегодно расходуетъ на этотъ предметъ сумму, равносильную той, какая потребовалась бы на содержаніе полнаго университета. Слѣдовательно, не считая многихъ другихъ благодѣтельныхъ послѣдствій для края отъ учреждаемаго университета, даже въ матеріальномъ отношеніи это учрежденіе не только не было бы для казны обременительно, а, вѣроятно, вызвало бы сокращеніе расходовъ по содержанію служащихъ въ Сибири чиновниковъ. Я уже не говорю о качествѣ послѣднихъ, о возможности выбирать лучшія силы изъ мѣстныхъ воспитанниковъ и о надлежащемъ запасѣ кандидатовъ на всѣ служебныя должности, что̀ можетъ дать только мѣстный университетъ, и въ чемъ въ настоящее время въ Сибири ощущаются существенные пробѣлы качественные и количественные. Наконецъ, независимо отъ служебныхъ интересовъ и потребностей правительства, Сибирь нуждается въ высшемъ разсадникѣ просвѣщенія для поднятія интеллектуальнаго уровня всей страны, для изученія и изслѣдованія ея богатой природы и вообще для того, чтобы этотъ обширный край могъ по справедливости пользоваться отъ правительства тѣми же дарами просвѣщенія, какъ и остальныя русскія области.

Самымъ удобнымъ пунктомъ для основанія Сибирскаго университета могъ бы служить городъ Томскъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) По географическому своему положенію онъ расположенъ почти въ самомъ центрѣ Сибири, на границѣ между восточною и западною ея половиною. При этомъ наиболѣе значительные сибирскіе города, которымъ предстоитъ дальнѣйшее развитіе и гдѣ современемъ должны быть сосредоточены среднія учебныя заведенія края, размѣщены въ отношеніи къ Томску по линія радіусовъ, именно: Тюмень въ разстояніи 1.506 вер., Тобольскъ 1.242 вер., Иркутскъ 1.569 вер., Омскъ 867 вер., Барнаулъ 387 вер., Красноярскъ 563 вер., Бійскъ 520 вер. и Семиналатинскъ 800 вер.

2) Томскъ представляетъ собою главный центръ всей сибирской торговли и промышленности и конечный узелъ пароходнаго сообщенія по сибирскимъ рѣкамъ. Эти условія даютъ городу возможность дальнѣйшаго экономическаго роста и предуспѣянія препочтительно передъ другими сибирскими городами, что можетъ отразиться и на благосостояніи будущаго университета. Въ настоящее время въ Томскѣ числится 25.605 жителей, въ Иркутскѣ 32.789, въ Омскѣ 30.559, въ Тобольскѣ 18.481, въ Красноярскѣ 12.974, въ Тюмени 15.512, въ Барнаулѣ 13.529. Если принять во вниманіе, что въ Иркутскѣ и Омскѣ сосредоточено не только гражданское, но и военное управленія края и расположено значительное число казачьихъ и другихъ войскъ, включаемыхъ въ число жителей города, то гражданское населеніе трехъ названныхъ городовъ, т. е. Томска, Иркутска и Омска можно признать почти равносильнымъ. Тѣмъ не менѣе, какъ мѣсто пребыванія университета, Томскъ можетъ представлять въ этомъ отношеніи нѣкоторыя преимущества потому, что его населеніе, какъ торгово-промышленное, болѣе устойчиво, тогда какъ Омскъ и Иркутскъ поддерживаются, главнымъ образомъ, чиновными и военными элементами, въ связи съ мѣстопребываніемъ главнаго управленія края. Въ случаѣ упраздненія или перемѣщенія генералъ-губернаторскихъ резиденцій, какъ это имѣло мѣсто въ Тобольскѣ, названные города могли бы потерять значительную долю своихъ жизненныхъ силъ. Иркутскъ, какъ центръ золотопромышленности, въ этомъ отношеніи можно было бы считать болѣе благонадежнымъ, но онъ слишкомъ удаленъ отъ столицы и прочихъ городовъ Сибири и, вслѣдствіе того, въ этомъ отношеніи представлялъ бы большія неудобства для управленія университетомъ и для учащихся, особенно при нынѣшнихъ неблагоустроенныхъ путяхъ сообщенія. Зная, какую цѣну съ пуда берутъ транспортныя конторы за доставку грузовъ въ Иркутскъ и какой срокъ требуется для этой доставки, можно видѣть, что для университета это имѣетъ значеніе, такъ какъ онъ ежегодно будетъ получать изъ Европейской Россіи и изъ-за границы очень значительныя тяжести съ приборами, коллекціями, книгами и т. п. При очень

высокой пересылочной цѣнѣ университету пришлось бы непроизводительно затрачивать весьма значительныя суммы за доставку учебныхъ пособій, не говоря уже о затратѣ времени. Вслѣдствіе чрезмѣрной отдаленности Иркутска, трудно было бы подыскать сюда профессоровъ; многіе достойные люди, въ особенности семейные, едва-ли рѣшатся ѣхать сюда именно по причинѣ отдаленности, несмотря на привилегіи сибирской службы. Для студентовъ поѣздка въ Иркутскъ была бы еще труднѣе. Можно съ увѣренностью сказать, что въ Иркутскомъ университетѣ не нашлось бы учащихся, кромѣ мѣстной и Красноярской гимназій, которыя выпускаютъ не болѣе 15—20 воспитанниковъ въ годъ. Изъ западно-сибирскихъ учебныхъ заведеній естественнѣе ожидать тяготѣнія къ Казани, чѣмъ къ Иркутску.

Такимъ образомъ объ Иркутскѣ, какъ мѣстопребываніи университета, едва-ли можетъ быть рѣчь. Выборъ остается только между Томскомъ и Омскомъ, но первый изъ нихъ, по моему мнѣнію, предпочтительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Ваше высокопревосходительство (Н. Г. Казнаковъ) вѣроятно, убѣдитесь въ этомъ по прибытіи на мѣсто вашего новаго назначенія, гдѣ яснѣе будутъ видны жизненныя условія того и другаго города. На мѣстѣ же не трудно будетъ собрать необходимыя статистическія свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ сооруженію и дальнѣйшему существованію университета, напр., о состояніи больничныхъ учрежденій, пригодныхъ для госпитальныхъ клиникъ, о цѣнахъ на строительные матеріалы, объ условіяхъ городской жизни и т. п. Вопросъ о выборѣ города для университета на столько важенъ, что его необходимо тщательно разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, ибо существованіе этого учебнаго заведенія разсчитывается не на десятки, а на сотни лѣтъ. Поэтому при разсмотрѣніи даннаго вопроса слѣдуетъ принять во вниманіе не столько временныя (нынѣшнія) условія и обстоятельства, можетъ быть, случайныя и легко устраняемыя, сколько основные задатки жизненности города по его географическому и экономическому положенію.

Далѣе въ поданной мною запискѣ слѣдуетъ изложеніе самаго проекта устройства Сибирскаго университета съ четырьмя факультетами: филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ. Проектъ составленъ примѣнительно къ существующимъ русскимъ университетамъ, по уставу 1863 года съ нѣкоторымъ лишь сокращеніемъ числа каѳедръ. Штатные оклады служащихъ предполагались полуторные съ сохраненіемъ прочихъ привилегій сибирской службы (усиленныя путевыя пособія, пятилѣтнія прибавки къ окладамъ содержанія, сокращенный срокъ для выслуги пенсіи). Въ числѣ учащихся имѣлись въ виду, кромѣ гимназистовъ, воспитанники духов-

ныхъ семинарій, въ то время (до 1879 года) безпрепятственно допускавшіеся во всѣ русскіе университеты.

Въ запискѣ проводилась также мысль о допущеніи въ Сибирскій университетъ на медицинскій и физико-математическій факультеты воспитанниковъ реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ экзаменомъ изъ одного латинскаго языка.

Набросанная мною записка, какъ видно изъ ея содержанія—представляла собой не болѣе, какъ черновой матеріалъ для заготовки формальнаго представленія о Сибирскомъ университетѣ, которое, послѣ предварительнаго соизволенія государя, Н. Г. Казнаковъ долженъ былъ препроводить изъ Омска въ министерство просвѣщенія, а графъ Дмитрій Андреевичъ, по разсмотрѣніи проекта въ министерствѣ,—направить дальше въ Государственный Совѣтъ. Кромѣ Казнакова, экземпляръ моей записки я подалъ также графу Д. А. Толстому для предварительнаго ознакомленія съ даннымъ вопросомъ, поясняя ему на словахъ, что мои соображенія чисто теоретическаго свойства, такъ какъ лично я въ Сибири не бывалъ, о Томскѣ и Омскѣ знаю только по литературнымъ источникамъ, да по письмамъ и разсказамъ знакомыхъ, живущихъ въ этихъ городахъ[1]).

Тѣмъ не менѣе, графъ Д. А. нашелъ мою записку основательной и вполнѣ соглашался съ моимъ мнѣніемъ о Томскѣ, какъ наиболѣе пригодномъ пунктѣ для университета. Также думалъ и Н. Г. Казнаковъ до 1877 года. Незадолго до отправленія Н. Г. Казнакова въ Омскъ на постъ генералъ-губернатора Западной Сибири имъ сдѣланъ былъ высочайшій докладъ о своевременности возбужденія вопроса о Сибирскомъ университетѣ. Государь императоръ Александръ Николаевичъ выразилъ на это свое высочайшее соизволеніе и 25 апрѣля 1875 года всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Казнакову: „Поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовить изъ сферы своей людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія и, по ближайшему и

[1]) Изъ Томска я получалъ ранѣе письма отъ служившаго тамъ предсѣдателя губернскаго правленія Александра Ипполитовича Дмитріева-Мамонова, съ которымъ я ранѣе былъ знакомъ въ Петербургѣ. Въ Омскѣ я переписывался съ Михаиломъ Григорьевичемъ Соколовымъ, медицинскимъ инспекторомъ Западной Сибири, тоже моимъ старымъ знакомымъ. Кромѣ того, про Сибирь мнѣ приходилось много бесѣдовать съ моимъ покойнымъ другомъ М. П. Тихменевымъ, большимъ поклонникомъ этой страны, долго служившимъ въ Уссурійской области при самомъ началѣ ея гражданскаго устройства, а съ 1880 г. бывшимъ здѣсь военнымъ губернаторомъ. Въ домѣ Тихменева я встрѣчался съ нѣкоторыми коренными сибиряками, преимущественно съ амурцами и иркутянами.

всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть, черезъ министерство народнаго просвѣщенія, на высочайшее его императорскаго величества воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета [1]).

Въ томъ же году, 3-го ноября, генералъ-адъютантъ Казнаковъ прислалъ изъ Омска въ министерство свои соображенія о Сибирскомъ университетѣ, въ формѣ проекта, отчасти только выработаннаго на основаніи данной мною записки. Не знаю, по какой причинѣ, тотъ отдѣлъ проекта, въ которомъ излагается организація учебной части (число и распредѣленіе каѳедръ по факультетамъ, размѣръ необходимѣйшихъ учебныхъ пособій, штаты ассистентовъ и другихъ помощниковъ профессоровъ и т. п.), былъ урѣзанъ и искаженъ до такой степени, что проектируемый по этому плану Сибирскій университетъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ профессіональной школы средняго разбора. О серьезной постановкѣ учебнаго, а тѣмъ болѣе ученаго дѣла въ Сибири при такой организаціи не могло быть рѣчи. Я до сихъ поръ затрудняюсь объяснить себѣ, подъ чьимъ вліяніемъ или давленіемъ Николай Геннадіевичъ согласился на такія урѣзки, но въ нихъ ясно проглядываетъ исключительно экономическая цѣль, чтобы новое высшее учебное учрежденіе не давало казнѣ большихъ расходовъ. При этомъ забывалось, что чрезмѣрными сокращеніями штатовъ компрометтировалось самое учебное заведеніе, становясь какимъ-то ублюдкомъ, и не достигалась цѣль правительства — приготовлять для Сибири равносильныхъ и равноправныхъ образованныхъ врачей, юристовъ и учителей. Первое мое впечатлѣніе по прочтеніи этого убогаго проекта было таково, что лица, его составлявшія, или имѣли слабое понятіе объ университетскомъ строѣ, или умышленно желали поставить Сибирскій университетъ въ такія неблагопріятныя условія, чтобы онъ на первыхъ же порахъ своего существованія фактически доказалъ свою несостоятельность, слѣдовательно, преждевременность и ненужность поднятаго о немъ вопроса. Эти мысли я выразилъ графу Д. А. Толстому, который утѣшилъ меня, что проектъ Казна-

---

[1]) Въ этомъ представленіи Казнакова университетъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, былъ наименованъ Томскимъ. Послѣ высочайшей аудіенціи Николай Геннадіевичъ передавалъ мнѣ, что его величеству угодно было обратить вниманіе на это наименованіе, замѣтивъ, что университетъ предназначается для всей Сибири, почему правильнѣе было бы именовать его не Томскимъ, а Сибирскимъ. Вслѣдствіе такого замѣчанія государя императора во всѣхъ дальнѣйшихъ бумагахъ и актахъ объ университетѣ, до 1887 года, онъ именовался Сибирскимъ университетомъ. Названіе Томскаго ему было окончательно присвоено только въ 1888 году въ высочайшемъ повелѣніи объ его открытіи.

кова будетъ переработанъ въ министерствѣ особою коммиссіею и всѣ недостатки его будутъ исправлены.

Для образчика проектировавшейся постановки преподаванія въ Сибирскомъ университетѣ привожу здѣсь выписку изъ представленія Н. Г. Казнакова о распредѣленіи каѳедръ по медицинскому факультету:

„На медицинскомъ факультетѣ на первое время полагаются нижеслѣдующія каѳедры при 11 профессорахъ и 9 доцентахъ, считая въ числѣ послѣднихъ и двухъ прозекторовъ:

1. Анатомія здороваго человѣка.

2. Физіологія съ гистологіей.

3. Фармакогнозія, фармація и фармакологія.

4. Общая патологія, патологическая анатомія и общая терапія съ врачебною діагностикой.

5. Спеціальная патологія и терапія и терапевтическая клиника.

6. Хирургія и хирургическая клиника.

7. Офталмологія съ клиникой.

8. Акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни съ клиникой.

9. Судебная медицина съ таксикологіей, гигіена и медицинская полиція.

Примѣчаніе. Физика, химія, ботаника, зоологія съ сравнительной анатоміей и эмбріологіей и минералогія преподаются студентамъ медицинскаго факультета соотвѣтственными профессорами или доцентами физико-математическаго факультета.

Въ настоящемъ проектѣ полагаются въ видѣ особыхъ каѳедръ лишь клиники: госпитальная терапевтическая и госпитальная хирургическая. На первое время предполагается довольствоваться только госпитальными клиниками въ мѣстныхъ больницахъ, не учреждая параллельныхъ съ ними факультетскихъ, но назначивъ особую штатную сумму въ 2.000 руб. на лѣкарства болѣе дорогія, не полагаемыя по каталогамъ госпиталей военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, чѣмъ до нѣкоторой степени устранится неудобство неимѣнія особыхъ факультетскихъ клиникъ. Затѣмъ, сокращеніе числа каѳедръ противъ § 16 устава 1863 г. съ 17-ти до 9 достигнуто соединеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ въ одну каѳедру, съ порученіемъ профессорамъ спеціальной патологіи и хирургіи соотвѣтственныхъ клиникъ. Такимъ образомъ, и число профессоровъ и доцентовъ сокращается съ 16 и 17 до 11 и 9, при чемъ по 2 профессора предполагаются на каѳедру общей патологіи, патологической анатоміи и пр. и на каѳедру хирургіи и хирургической клиники, и по 1 доценту какъ на каждую изъ этихъ каѳедръ, такъ и на каѳедры: акушерства. женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, фармакогнозіи и пр., судебной медицины и гигіены; 2 доцента

на каѳедры спеціальной патологіи и терапіи, съ порученіемъ одному изъ нихъ ученія о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, а другому—ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, и электротерапіи, и 2 прозектора на каѳедру анатоміи здороваго человѣка.

Мѣстомъ университета въ этомъ проектѣ указывался Томскъ, хотя данныя для избранія именно этого города, а не Омска, изложены весьма поверхностно. Не указаны даже тѣ основанія, какія были изложены въ моей запискѣ, не говоря уже о статистическихъ и другихъ дополнительныхъ данныхъ, которыя можно было собрать на мѣстѣ. Это можно было отчасти объяснить краткостью времени: Казнаковъ выѣхалъ изъ Петербурга въ маѣ мѣсяцѣ, въ Омскъ могъ прибыть только въ іюнѣ, а въ началѣ ноября 1875 г. проектъ его былъ уже въ министерствѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что не одна краткость времени была тому причиною, а до извѣстной степени нежеланіе безпристрастно отнестись къ этому вопросу, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ омскихъ совѣтниковъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

До весны 1875 года мои отношенія къ Сибирскому университету, равно какъ и къ министерству народнаго просвѣщенія были, можно сказать, случайными. Основною моею службою была—профессура въ медико-хирургической академіи, а занятія въ министерствѣ просвѣщенія по должности члена ученаго комитета могли имѣть мѣсто, какъ добавочныя, пока они не сталкивались съ академическими интересами и не мѣшали моимъ профессорскимъ занятіямъ. Въ 1875 году явились два обстоятельства, гдѣ обнаружилось нѣкоторое неудобство такой двойственной службы. Первое изъ нихъ касалось вопроса о передачѣ медико-хирургической академіи изъ военнаго вѣдомства въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, а второе относилось къ участію моему въ пересмотрѣ общаго университетскаго устава 1863 года.

Вопросъ о передачѣ медицинской академіи былъ возбужденъ графомъ Толстымъ еще въ 1874 г. на томъ основаніи, что въ Петербургскомъ университетѣ съ самаго его основанія не было медицинскаго факультета, вслѣдствіе чего министерство просвѣщенія, не имѣя въ столицѣ въ своемъ вѣдѣніи ни одного медицинскаго органа, было поставлено въ очень затруднительное положеніе при обсужденіи многихъ вопросовъ, касавшихся медицинскихъ каѳедръ. Спеціалистовъ по этой части не имѣлось ни въ совѣтѣ министра, ни въ ученомъ комитетѣ до моего туда назначенія въ 1873 году. Сверхъ того графу Толстому казалось не вполнѣ нормальнымъ, что русское медицинское образованіе находится въ рукахъ двухъ различныхъ вѣдомствъ (военнаго и народнаго просвѣщенія), не всегда гармонировавшихъ между собою во взглядахъ на этотъ предметъ. Медико-хирургическая академія, будучи по существу медицинскимъ факультетомъ и выпуская

наибольшую часть врачей для гражданскаго вѣдомства, существовала на основаніи своего собственнаго устава, руководилась своими правилами и взглядами на строй медицинскаго образованія. Эта двойственность факультетскихъ регламентацій и порядковъ, по мнѣнію графа Толстого, требовала объединительныхъ мѣръ. Поэтому онъ признавалъ желательнымъ, чтобы военное вѣдомство либо отказалось отъ академіи, управленіе которою ему непосильно, либо поставило ее въ такія условія, чтобы она служила исключительно военнымъ цѣлямъ, а для образованія гражданскихъ врачей министру просвѣщенія было бы разрѣшено открыть медицинскій факультетъ при Петербургскомъ университетѣ. Мнѣ лично взгляды на этотъ предметъ графа Дмитрія Андреевича казались вполнѣ основательными, что̀ я и высказывалъ ему неоднократно въ частыхъ бесѣдахъ. Будучи самъ воспитанникомъ, а потомъ и профессоромъ академіи, я видѣлъ ясно крайнюю односторонность академическаго образованія, узкую спеціализацію нерѣдко безъ должнаго общаго гуманитарнаго развитія, что̀ не могло не отражаться на научномъ уровнѣ нашихъ врачей и даже на направленіи самыхъ научныхъ работъ. Въ университетѣ студенты разныхъ факультетовъ имѣютъ постоянныя общенія между собой, дѣлятся другъ съ другомъ познаніями и интересами по разнымъ спеціальностямъ,—нерѣдко медики и натуралисты не обязательно посѣщаютъ лекціи любимыхъ профессоровъ филологическаго или юридическаго факультета и этимъ расширяютъ кругъ своихъ идей. Въ медицинской академіи они ничего не изучаютъ, кромѣ бездушной матеріи, ничего не видятъ, кромѣ человѣческихъ страданій [1]). Повто-

[1]) Въ мое время лучшіе профессора въ медико-хирургической академіи были университетскаго образованія. Таковы, напр., Н. И. Пироговъ, С. П. Боткинъ и И. М. Сѣченовъ, П. В. Склифасовскій Московскаго университета, Н. Н. Зининъ Казанскаго, Н. М. Якубовичъ Харьковскаго, А. П. Загорскій Дерптскаго, Груберъ Пражскаго. Въ послѣднее время медицинская академія стала не только комплектовать свои ученыя силы почти исключительно изъ собственныхъ воспитанниковъ, но въ большомъ числѣ снабжала ими и русскіе университеты. Это объясняется: 1) болѣе высокимъ благоустройствомъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій академіи, обязанныхъ главнымъ образомъ бывшему президенту ея П. А. Дубовицкому; 2) имъ же организованной съ 1860 года правильной системой посылки молодыхъ врачей для усовершенствованія за границу, и 3) тѣмъ, что академія существуетъ въ столицѣ, вблизи центровъ высшей учебной администраціи (гдѣ министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ своего медицинскаго факультета). Но числомъ профессоровъ, вышедшихъ изъ академіи, и даже числомъ ихъ научныхъ работъ еще не измѣряется научный прогрессъ русской медицины. Необходимо принять во вниманіе также характеръ научнаго направленія. Въ наукѣ важны не столько отрывочные факты, добытые кропотливымъ механическимъ трудомъ, каково большинство нынѣшнихъ ученыхъ работъ, сколько обобщающія идеи, обыкновенно доступныя людямъ только съ широкимъ общимъ образованіемъ.

ряю, въ принципѣ я сочувствовалъ тому, чтобы медики обучались не въ замкнутыхъ медицинскихъ институтахъ, а въ университетахъ. Вскорѣ мнѣ пришлось высказаться по этому вопросу не въ частной бесѣдѣ, а въ оффиціальной коммиссіи, куда я былъ командированъ въ качествѣ члена ученаго комитета и единственнаго представителя — спеціалиста отъ министерства народнаго просвѣщенія.

11 февраля 1875 года я получилъ отъ бывшаго государственнаго контролера Самуила Алексѣевича Грейга письмо слѣдующаго содержанія: „Милостивый государь Василій Марковичъ. На основаніи высочайше утвержденнаго 29 мая 1874 года положенія комитета министровъ образована, въ минувшемъ году, при семъ комитетѣ особая, подъ моимъ предсѣдательствомъ, коммиссія для предварительнаго разсмотрѣнія вопроса о передачѣ императорской медико-хирургической академіи изъ военнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, съ предоставленіемъ мнѣ приглашать въ коммиссію, независимо отъ постоянныхъ ея членовъ, и другихъ свѣдущихъ лицъ, коихъ признается полезнымъ выслушать для подлежащихъ разъясненій. На этомъ основаніи я имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокородіе пожаловать въ засѣданіе коммиссіи (на Мойкѣ, въ зданіи государственнаго контроля) въ пятницу, 14 февраля въ 3 часа по полудни.

„Примите увѣреніе и проч. Грейгъ“.

Отъ министерства просвѣщенія былъ приглашенъ, кромѣ меня, членъ совѣта министра Александръ Ивановичъ Георгіевскій, а отъ медико-хирургической академіи профессора Склифасовскій и Эйхвальдъ. Мое положеніе въ коммиссіи было не особенно удобно потому, что мнѣ приходилось говорить противъ учрежденія, гдѣ я состою на службѣ и несогласно со взглядомъ военнаго министра Милютина, моего главнаго начальника. Тѣмъ не менѣе я долженъ былъ высказать свои взгляды и доводы за передачу академіи, по искреннему моему убѣжденію. Всѣхъ засѣданій, помнится, было три или четыре. Вопросъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ довольно основательно. Мной были изложены, кромѣ общихъ соображеній, историческія справки (академія существовала въ разныхъ вѣдомствахъ, въ томъ числѣ и въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія) и ссылки на примѣры иностранныхъ учрежденій, подобныхъ медико-хирургической академіи, гдѣ приготовляются исключительно военные врачи-стипендіаты, и гдѣ рядомъ съ этимъ институтомъ существуютъ медицинскіе факультеты университетовъ (въ Австріи, Франціи и Англіи). Соглашенія между экспертами, конечно, не послѣдовало. Та и другая сторона осталась при мнѣніяхъ діаметрально противуположныхъ, и изъ составленнаго журнала ясно было видно, что болѣе убѣдительные и

раціональные доводы говорятъ въ пользу передачи академіи въ вѣдомство народнаго просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ былъ рѣшенъ вопросъ и въ комитетѣ министровъ, но при докладѣ государю, какъ передавалъ мнѣ графъ Дмитрій Андреевичъ, военный министръ поставилъ это рѣшеніе вопросомъ своего министерскаго портфеля. Такъ или иначе, но государь не утвердилъ постановленія комитета министровъ, и академія осталась въ прежнемъ положеніи. Дѣло, очевидно, сводилось на личную почву, и мое положеніе въ отношеніи къ своему прямому начальнику, военному министру, становилось очень не ловкимъ.

Въ томъ же 1875 году была учреждена съ высочайшаго соизволенія при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая коммиссія по пересмотру общаго университетскаго устава. Предсѣдателемъ ея назначенъ членъ Государственнаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ. Инціаторомъ этого дѣла, возбужденнаго графомъ Толстымъ, былъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, а его правою рукою въ Петербургѣ А. И. Георгіевскій, имѣвшій значительное вліяніе на графа Дмитрія Андреевича. Уставъ 1863 года почти съ первыхъ же лѣтъ послѣ его введенія признавался въ министерствѣ не вполнѣ удовлетворительнымъ. Дѣйствіе его случайно совпало съ самымъ разгаромъ прискорбныхъ университетскихъ смутъ, которыя отчасти и были приписаны слишкомъ либеральному строю нашихъ университетовъ. Профессора, которымъ ближе былъ извѣстенъ ходъ университетскихъ дѣлъ, справедливо не раздѣляли такого мнѣнія. Корень студенческихъ смутъ и безпорядковъ, дѣйствительно, нерѣдко переходившихъ всякія границы благоразумія, заключался не въ уставѣ, а въ общемъ либеральнымъ чадѣ русскаго общества того времени, охватившемъ всю Россію и естественно отражавшемся и на учебныхъ заведеніяхъ. Распущенность послѣднихъ поддерживалась не статутами ихъ, а скорѣе бездѣйствіемъ власти. Но при всемъ томъ университеты требовали и органическихъ улучшеній: расширенія штатовъ, измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ параграфовъ устава, болѣе правильнаго регулированія власти совѣта и попечителя, внимательной заботы о болѣе удовлетворительной постановкѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ большинствѣ случаевъ весьма убогихъ и скудныхъ—однимъ словомъ, университеты нуждались не въ ломкѣ старыхъ порядковъ, а лишь въ капитальномъ ремонтѣ, т. е. усовершенствованіи во всѣхъ частяхъ и лучшемъ приспособленіи къ современнымъ научнымъ требованіямъ. Такъ я понималъ это дѣло и въ этомъ смыслѣ относился къ задачамъ вышеназванной коммиссіи, когда мнѣ было предложено принять въ ней участіе.

По роду моей служебной дѣятельности университетскій вопросъ

всегда былъ близокъ моему сердцу. Я на практикѣ видалъ и хорошія и слабыя его стороны, былъ, что называется, въ курсѣ этого дѣла и, казалось мнѣ, могъ бы своимъ участіемъ въ немъ принести нѣкоторую пользу въ предстоящихъ преобразованіяхъ. Занятія подобнаго рода были по моему вкусу, поэтому я охотно принялъ предложеніе графа Толстого и Ивана Давыдовича Делянова включить меня въ число членовъ коммиссіи, какъ спеціалиста по вопросамъ медицинскихъ факультетовъ. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Делянова, была составлена изъ слѣдующихъ лицъ: 1) А. И. Георгіевскаго; 2) генералъ-майора И. П. Новикова (помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа); 3) профессора московскаго университета Н. А. Любимова; 4) состоявшаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Г. А. Гезена, и 5) меня. Въ этомъ составѣ коммиссія должна была посѣтить всѣ русскіе университеты, на мѣстѣ ознакомиться съ ихъ нуждами и потребностями, выслушать мнѣніе профессоровъ по намѣченнымъ вопросамъ и, собравъ всѣ необходимыя данныя, приступить къ составленію проекта новаго университетскаго устава.

Объѣздъ коммиссіи по университетамъ долженъ былъ начаться съ 17 сентября и продолжиться два съ половиною мѣсяца, не считая Петербургскаго университета, которымъ заканчивались дѣйствія коммиссіи уже по возвращеніи изъ поѣздки. Такое продолжительное отсутствіе изъ столицы требовало для меня, какъ служащаго въ медицинской академіи, особаго разрѣшенія г. военнаго министра, который призналъ это несовмѣстимымъ съ моими профессорскими обязанностями. Поэтому я рѣшился вовсе оставить военно-медицинскую службу.

Скажу откровенно, разстаться съ медицинской академіей и профессурой для меня было большою потерею. Я такъ сроднился съ этою дѣятельностью и съ мѣстомъ своего воспитанія, такъ много былъ обязанъ академіи, выведшей меня на большую дорогу, давшей мнѣ средства основательно завершить образованіе въ чужихъ краяхъ, что безъ тяжелаго чувства не могъ смотрѣть на предстоящую перемѣну моей службы. Это былъ настоящій переломъ въ моей жизни. Прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, я посовѣтовался съ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ и съ княземъ Александромъ Прохоровичемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (товарищемъ министра), съ которыми я былъ очень близокъ. Тотъ и другой вполнѣ участливо и сердечно поддержали меня въ этой мысли. Графъ сказалъ, что въ министерствѣ просвѣщенія для меня найдется гораздо больше дѣла по моему вкусу, чѣмъ въ военномъ министерствѣ, слѣдовательно, въ нравственномъ отношеніи я буду удовлетворенъ. Взамѣнъ профессорскаго содержанія, которое я получалъ въ медицинской академіи, графъ

предложилъ мнѣ новое мѣсто непремѣннаго члена въ медицинскомъ совѣтѣ, съ окладомъ въ 2.000 руб. въ годъ. Изъ этого я вижу, что меня хотятъ во что бы то ни стало привязать къ министерству просвѣщенія и вѣроятно, по миновании надобности, т. е. по заключеніи всѣхъ коммиссіонныхъ дѣлъ, не оставятъ на полпути. Такимъ образомъ, 17 іюня 1875 года я подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ службы въ медико-хирургической академіи съ перечисленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія, что и было исполнено 11 іюля того же года.

Объ этомъ эпизодѣ я упоминаю потому, что съ нимъ связано дальнѣйшее мое участіе въ дѣлахъ Сибирскаго университета.

II.

Объѣздъ университетовъ.—Несостоятельность проекта Казнакова.—Борьба между Омскомъ и Томскомъ.—Дѣло университета въ Государственномъ Совѣтѣ.—Характеристика Омска, сдѣланная Ядринцевымъ.—Пожертвованіе Томскомъ 25 тысячъ рублей.

Разставаясь съ академіей, я могъ безъ всякаго стѣсненія посвящать все свое время министерскимъ вопросамъ, изъ коихъ на ближайшей очереди были новый университетскій уставъ и Сибирскій университетъ. О занятіяхъ по первой категоріи я не буду здѣсь распространяться, потому что по этому поводу пришлось бы говорить слишкомъ много. Окунувшись въ эту сферу, я на первыхъ же порахъ испыталъ не мало разочарованій, о чемъ не стоитъ вспоминать; но вмѣстѣ съ тѣмъ участіе мое въ поѣздкѣ коммиссіи по университетамъ дало мнѣ возможность подробно ознакомиться съ ихъ состояніемъ и потребностями, съ ихъ хорошими и слабыми сторонами и со всѣмъ личнымъ составомъ русскихъ университетовъ, что впослѣдствіи пригодилось мнѣ при организаціи новаго университета Сибирскаго [1]). Коммиссія начала свой объѣздъ съ Казани, потомъ была въ Дерптѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и въ Москвѣ. Каждый изъ этихъ городовъ давалъ новый цѣнный матеріалъ для разъясненія поднятыхъ вопросовъ. Лично мнѣ пришлось познакомиться со

---

[1]) Вынесенныя отсюда свѣдѣнія изложены мной въ особой книгѣ, подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о состояніи и потребностяхъ русскихъ медицинскихъ факультетовъ, представленныя въ высочайше утвержденную коммиссію для пересмотра нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава, членомъ коммиссіи В. Флоринскимъ“. С.-Петербургъ 1876 г.

множествомъ достойнѣйшихъ профессоровъ и сравнить строй медицинскаго образованія въ университетахъ съ академическимъ. Все это было для меня весьма полезно и поучительно.

Въ Петербургъ коммиссія возвратилась около половины ноября. Въ теченіе той же зимы нужно было привести въ порядокъ, обработать и напечатать собранные во время поѣздки матеріалы по медицинскимъ факультетамъ, а съ декабря мѣсяца пришлось заняться разсмотрѣніемъ полученнаго отъ Казнакова изъ Омска проекта Сибирскаго университета. Для послѣдней цѣли была составлена особая коммиссія изъ члена совѣта министра Георгіевскаго, членовъ ученаго комитета Ходнева, Васильевскаго, меня и профессора Пахмана.

Проектъ Казнакова, ка́къ и было предположено имѣлъ въ виду 4 факультета, но составъ каѳедръ каждаго изъ нихъ былъ чрезмѣрно урѣзанъ. Генералъ-губернаторъ очевидно задался мыслью, чтобы открытіе и содержаніе новаго университета не потребовало отъ казны почти никакихъ дополнительныхъ ассигнованій, а покрывалось бы на счетъ тѣхъ сбереженій, какія должны послѣдовать отъ предполагаемаго прекращенія привилегій сибирской службы (пятилѣтнихъ прибавокъ и путевыхъ пособій) послѣ приготовленія въ Сибирскомъ университетѣ мѣстныхъ учителей и чиновниковъ. Собранныя Казнаковымъ справки показываютъ, что въ Западной Сибири на прибавочное жалованье за сибирскую службу въ 1875 г. ассигновано 67.032 р. 81 к. и выдано пособій (окладовъ годоваго жалованья) вновь опредѣленнымъ на службу въ этотъ край въ 1874 г. 12.804 р.; въ Восточной Сибири на тотъ же предметъ по первой категоріи 65.440 р. 86 к., а по второй категоріи 21.687 р. 73 к. Такимъ образомъ, въ совокупности издержки эти простираются для обѣихъ частей Сибири до 167.000 р. въ годъ. Стоимость же содержанія университета съ четырьмя факультетами по проекту штатовъ генералъ-губернатора должна составлять всего 212.220 р., т. е. въ среднемъ по 53.000 р. на факультетъ. Само собою разумѣется, что съ этими цифрами никакъ нельзя было помириться. Мнѣ въ особенности прискорбно было видѣть такое непониманіе дѣла по отношенію къ медицинскому факультету, о которомъ мною было и писано и говорено Н. Г—чу нѣсколько разъ. Въ экономическихъ поползновеніяхъ должна быть своя граница, переступить которую значитъ испортить все дѣло.

Достаточно сказать, что медицинскій факультетъ по проекту Казнакова предполагалось устроить безъ факультетскихъ клиникъ. Ихъ должна была замѣнить городская больница. По выведенной тутъ же справкѣ оказывается, что въ Томскѣ существуютъ только двѣ больницы, одна арестантская при пересыльной тюрьмѣ, на 15 кроватей, другая приказа общественнаго призрѣнія на 50 кроватей. Цер-

вая изъ нихъ для университетскихъ цѣлей совершенно непригодна какъ тюремная, а также потому, что она помѣщается внѣ города, въ очень далекомъ разстояніи отъ мѣста, предназначеннаго подъ университетъ. Равнымъ образомъ, не можетъ замѣнить собою факультетскихъ клиникъ и больница проказы, ни по своимъ размѣрамъ, ни по устройству, ни по свойству больныхъ, здѣсь призрѣваемыхъ. Клиническихъ каѳедръ по проекту полагалось всего двѣ—для внутреннихъ и хирургическихъ болѣзней, сюда же включалась и діагностика. Это былъ явный абсурдъ, такъ какъ въ двухъ клиническихъ отдѣленіяхъ (въ больницѣ) невозможно было вести занятія одновременно съ студентами III, IV и V курсовъ, не имѣя при томъ другихъ спеціальныхъ клиникъ, напримѣръ, акушерской, глазной, дѣтской. Такія же неумѣстныя сокращенія оказались въ проектѣ относительно штатовъ вспомогательнаго учебнаго персонала (ординаторовъ совсѣмъ нѣтъ, ассистентовъ и лаборантовъ тоже, сохранено изъ моихъ предположеній, данныхъ Казнакову, всего два прозектора и одинъ помощникъ прозектора). Подобныя же сокращенія оказались въ штатахъ прочихъ факультетовъ. Само собою разумѣется, что съ этой стороны проектъ Казнакова въ нашей коммиссіи былъ признанъ вполнѣ несостоятельнымъ. Пришлось передѣлать его заново, при чемъ я написалъ свои соображенія по медицинскому факультету, Пахманъ по юридическому, Ходневъ по физико-математическому, Васильевскій по филологическому. Эти соображенія цѣликомъ вошли въ печатную записку графа Толстого, заготовленную для внесенія въ Государственный Совѣтъ 29 мая 1876 года. Факультетскія клиники я проектировалъ на 80 кроватей: 20 хирургическихъ, 20 терапевтическихъ, 20 акушерско-гинекологическихъ, 10 глазныхъ и 10 дѣтскихъ. Для нихъ долженъ быть выстроенъ особый корпусъ отъ университета.

Для служащихъ въ университетѣ Казнаковымъ не испрашивалось никакихъ служебныхъ привилегій, кромѣ тѣхъ, которыя установлены вообще для служащихъ въ Сибири чиновниковъ. Графъ Д. А. Толстой призналъ это недостаточнымъ и включилъ въ свой проектъ полуторные оклады содержанія для профессоровъ, что̀ было вполнѣ основательно и справедливо.

Мѣстомъ для Сибирскаго университета, какъ въ проектѣ генералъ-губернатора, такъ и въ представленіи графа Толстого первоначально былъ указанъ городъ Томскъ, по тѣмъ соображеніямъ, какія были приведены выше; но намѣченные мною по этому вопросу мотивы не были развиты въ представленномъ проектѣ съ надлежащей полнотой, не были подкрѣплены ни статистическими цифрами, ни мѣстными, болѣе точными свѣдѣніями о состояніи Томска и условіяхъ, какія онъ представляетъ для университета вообще и для медицин-

скаго факультета въ частности. Томскъ указывался на основаніи общихъ соображеній, какія можно было дать, не видя этого города и не зная его внутренной жизни. Уже послѣ составленія проекта генералъ-адъютантъ Казнаковъ въ первый разъ посѣтилъ этотъ городъ, и онъ повидимому произвелъ на него удручающее впечатлѣніе. Вскорѣ послѣ того, именно въ концѣ 1876 г., Казнаковъ снова былъ въ Петербургѣ и сообщилъ графу Толстому свои взгляды на Томскъ и Омскъ, въ смыслѣ пригодности ихъ для учрежденія высшáго учебнаго заведенія. Симпатіи генералъ-губернатора въ это время были всецѣло на сторонѣ Омска, гдѣ онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе. Въ это же время долженъ былъ разсматриваться въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта вопросъ о Сибирскомъ университетѣ. Въ качествѣ свѣдущаго лица и главнаго начальника западно-сибирскаго края на это засѣданіе былъ приглашенъ и Николай Геннадіевичъ, мнѣніе котораго по данному вопросу не могло быть не признано вполнѣ компетентнымъ. Оно было рѣшительно высказано въ пользу Омска, на основаніи чего всѣ присутствовавшіе члены соединенныхъ департаментовъ, въ томъ числѣ и графъ Толстой, единогласно постановили, чтобы Сибирскому университету быть въ Омскѣ, а не въ Томскѣ. Въ этомъ смыслѣ нужно было исправить и записку министра народнаго просвѣщенія, которая по нормальному ходу дѣлопроизводства черезъ двѣ недѣли должна была поступить изъ соединенныхъ департаментовъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Небезъинтересно здѣсь отмѣтить, что послѣ такого рѣшенія министръ народнаго просвѣщенія приказалъ директору департамента М. Е. Брадке исправить внесенную имъ печатную записку о Сибирскомъ университетѣ, такимъ образомъ: на тѣхъ страницахъ, гдѣ стояло слово Томскъ, его замѣнили словомъ Омскъ,—разница оказалась ничтожная, только въ одной выброшенной буквѣ. Впрочемъ, страницу 9-ю записки пришлось вполнѣ перепечатать. Здѣсь были исчерпаны всѣ мотивы, приведенные въ пользу Омска. Они состояли въ слѣдующемъ: „Томскъ былъ бы удобнымъ мѣстомъ для университета, такъ какъ этотъ городъ съ значительнымъ населеніемъ, лежащій почти въ центрѣ Сибири, и при томъ связанный пароходнымъ сообщеніемъ съ Тобольскомъ, Тюменью и нѣкоторыми другими городами западной ея половины. Но этотъ городъ, по даннымъ мнѣ (министру просвѣщенія) впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ личнымъ разъясненіямъ, представляетъ съ другой стороны нѣкоторыя важныя неудобства; въ немъ весьма значительное число ссыльныхъ, контингентъ населенія, который нельзя считать выгоднымъ для преуспѣянія здоровой жизни университета. Посему вниманіе генералъ-губернатора остановилось на Омскѣ, который предста-

вляетъ весьма значительныя преимущества для университета какъ центръ главнаго мѣстнаго управленія и какъ постоянное мѣсто жительства генералъ-губернатора, сверхъ того въ Омскѣ гораздо легче будетъ найти мѣсто для университетскихъ зданій, чѣмъ въ Томскѣ, гдѣ возможное для сей цѣли мѣсто находится въ большомъ разстояніи отъ центра города; за симъ, а это самое важное, Томскъ безспорно болѣе центральное мѣсто въ отношеніи ко всей Сибири, чѣмъ Омскъ, но зато сей послѣдній городъ ближе къ губерніямъ, составляющимъ Оренбургскій учебный округъ, а также къ Туркестанскому краю, а потому можно ожидать съ полной увѣренностью, что университетъ въ Омскѣ привлечетъ къ себѣ часть оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ Оренбургскаго учебнаго округа, а также тѣхъ лицъ, которыя со временемъ окончатъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края, какъ скоро сіи послѣднія достигнутъ размѣра гимназій, что̀, безъ сомнѣнія, есть только вопросъ времени.

Изъ приведенной выписки можно видѣть, какъ шатки и поверхностны были доводы, по которымъ Омскъ былъ предпочтенъ Томску. Они сводятся къ тому: 1) что въ Омскѣ живетъ самъ генералъ-губернаторъ, 2) что въ Томскѣ слишкомъ много ссыльныхъ (а въ Омскѣ?) и при томъ тамъ будто бы не оказывается вполнѣ соотвѣтствующаго мѣста для постройки университетскихъ зданій (?) и 3) что Омскъ ближе къ Оренбургскому и Туркестанскому краю, какъ будто бы эта близость такова, что отъ Ташкента и Оренбурга до Омска—рукой подать. Отъ Ташкента, какъ извѣстно, около 3.000 верстъ степнаго пути, отъ Оренбурга около полутора тысячъ. При томъ въ Туркестанскомъ краѣ нѣтъ еще ни одной гимназіи, а Оренбургская, Уфимская и Пермская губерніи естественно тяготѣютъ къ Казанскому университету. Въ самомъ Омскѣ въ это время гимназія еще не была открыта.

Въ то время, когда вопросъ о Томскѣ и Омскѣ разсматривался въ департаментахъ Государственнаго Совѣта, меня случайно не было въ Петербургѣ. Возвратившись и узнавъ о послѣдовавшей перемѣнѣ, я тотчасъ же отправился къ графу Дмитрію Андреевичу просить, нельзя ли этотъ вопросъ разсмотрѣть пообстоятельнѣе. Выборомъ города для университета опредѣляется его будущность, успѣхъ или неуспѣхъ задуманнаго предпріятія. Этотъ вопросъ существенно важенъ, между тѣмъ въ основаніе для его рѣшенія были приняты обстоятельства случайныя, временныя, могущія подлежать измѣненію или устраненію, напр., присутствіе ссыльныхъ и отношеніе къ университету генералъ-губернатора. Несмотря на мои доводы, графъ находилъ рѣшительно невозможнымъ измѣнить положеніе дѣла, ссылаясь на то, что въ соединенныхъ департаментахъ $^{2}/_{3}$ членовъ

Государственнаго Совѣта уже высказались въ пользу Омска и измѣнить свое мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта они не могутъ. Это было бы и неудобно, и непослѣдовательно. Съ своей стороны, графъ замѣтилъ, что онъ лично не знаетъ ни Томска, ни Омска, а долженъ довѣрять словамъ генералъ-губернатора.

При такомъ положеніи дѣла я рѣшился просить у графа Дмитрія Андреевича разрѣшенія лично объяснить вопросъ о выборѣ города для Сибирскаго университета августѣйшему предсѣдателю Государственнаго Совѣта, великому князю Константину Николаевичу. Съ его императорскимъ высочествомъ я имѣлъ счастье много разъ встрѣчаться раньше въ качествѣ приватнаго врача его высочества, что было не безъизвѣстно и графу Дмитрію Андреевичу. Великій князь всегда относился ко мнѣ весьма благосклонно и много разъ въ свободныя минуты удостоивалъ меня поучительными бесѣдами по разнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ и по вопросу о Сибирскомъ университетѣ послѣ его возникновенія. Графъ, хотя и неохотно, но все же уполномочилъ меня на этотъ шагъ, замѣтивъ, что практическихъ результатовъ отсюда едва-ли можно ожидать: черезъ двѣ недѣли вопросъ о Сибирскомъ университетѣ долженъ будетъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ, члены котораго, несомнѣнно, согласятся съ постановленіемъ департаментовъ.

На другой же день я былъ у его высочества, доложилъ ему вышеуказанную страницу о выборѣ между Томскомъ и Омскомъ, съ объясненіемъ дополнительныхъ данныхъ, какія у меня имѣлись въ рукахъ, и моихъ личныхъ соображеній по этому вопросу. Какъ и слѣдовало ожидать, его императорское высочество изволилъ признать доводы, помѣщенные въ запискѣ министра народнаго просвѣщенія относительно Томска и Омска, слишкомъ краткими, не исчерпывающими всего вопроса и подлежащими новому болѣе обстоятельному обсужденію съ участіемъ лицъ, знающихъ оба эти города и вообще весь Сибирскій край. Съ такими инструкціями его высочество направилъ меня отъ своего имени къ его высокопревосходительству государственному секретарю Дмитрію Мартыновичу Сольскому. Послѣднему я объяснилъ желаніе его высочества, чтобы для обсужденія вопроса о мѣстопребываніи Сибирскаго университета было предложено министру народнаго просвѣщенія образовать особую коммиссію изъ свѣдущихъ людей, въ число которыхъ включили и меня.

Такимъ образомъ рѣшеніе въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса о Сибирскомъ университетѣ было отложено почти на цѣлый годъ. Коммиссія учреждена, подъ предсѣдательствомъ товарища министра князя А. Прох. Ширинскаго-Шихматова, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) Тайнаго совѣтника А. И. Деснота-Зеновича, ранѣе бывшаго то-

больскимъ губернаторомъ, хорошо знакомаго съ Сибирью по прежней продолжительной службѣ въ этомъ краѣ, 2) меня, какъ принимавшаго въ этомъ вопросѣ живое участіе, 3) главнаго инспектора училищъ Западной Сибири Дзюбы и 4) омскаго вице-губернатора Курбановскаго. Послѣдніе два члена были назначены по указанію Н. Г. Казнакова.

По поводу моего назначенія я получилъ отъ графа Дмитрія Андреевича слѣдующее оффиціальное письмо, отъ 28-го мая 1877 года (№ 6495), изъ котораго отчасти виденъ разсказанный мною выше ходъ этого дѣла.

„Милостивый государь Василій Марковичъ.

„Соединенные департаменты государственной экономіи и законовъ, по разсмотрѣніи представленія моего объ учрежденіи въ Сибири университета, предположили, согласно съ мнѣніями: моимъ и главнаго начальника края, учредить сей университетъ въ г. Омскѣ. Между тѣмъ, его императорское высочество, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, принявъ во вниманіе, что избраніе пункта для Сибирскаго университета представляетъ особенную важность, доводы же, приводившіеся въ пользу Омска и другихъ сибирскихъ городовъ, въ качествѣ университетскихъ центровъ, не обставлены въ дѣлѣ достаточными данными, призналъ необходимымъ, чтобы, прежде окончательнаго обсужденія сего вопроса въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, оный подвергнутъ былъ болѣе подробному изученію. По всеподданнѣйшему о семъ докладу его императорскаго высочества, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, его императорское величество, въ 16-й день мая сего года, высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ теченіе каникулярнаго въ Государственномъ Совѣтѣ времени, по ближайшему распоряженію министра народнаго просвѣщенія, коммиссію изъ лицъ, практически знакомыхъ съ Сибирью, по службѣ или долговременному пребыванію въ томъ краѣ, съ тѣмъ, чтобы соображенія этой коммиссіи о томъ, въ какомъ изъ сибирскихъ городовъ предпочтительнѣе учредить предполагаемый университетъ, со всѣми необходимыми, для разрѣшенія сего вопроса, статистическими и другими свѣдѣніями, внесены были имъ, министромъ, съ его заключеніемъ, въ Государственный Совѣтъ, по окончаніи каникулярнаго времени.

„Учредивъ въ исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника князя Ширинскаго - Шихматова, для всесторонняго обсужденія вопроса о мѣстности, въ которой окажется болѣе полезнымъ основать Сибирскій университетъ, я нашелъ нужнымъ назначить

ваше превосходительство членомъ означенной коммиссіи, о чемъ имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Графъ Дмитрій Толстой".

Несмотря на то, что обращеніе мое къ великому князю Константину Николаевичу было съ вѣдома и согласія г. министра и что я вслѣдъ за симъ доложилъ его сіятельству о результатахъ моей просьбы, графъ очевидно остался недоволенъ моимъ поступкомъ. Это было видно по его сухому тону въ обращеніи со мной въ теченіе нѣкотораго времени. Но какъ человѣкъ въ сущности весьма правдивый и безпристрастный, онъ въ скоромъ времени убѣдился, что въ моихъ настойчивыхъ дѣйствіяхъ была доля основанія, что мною руководило исключительно желаніе избѣжать ошибки при рѣшеніи столь важнаго и безповоротнаго дѣла. Поэтому, по мѣрѣ его разъясненія, графъ первый сознался въ излишней поспѣшности своихъ заключеній, основанныхъ на словахъ генералъ губернатора, и во все дальнѣйшее время сохранилъ ко мнѣ искреннее расположеніе и довѣрчивость. Что же касается Н. Г. Казнакова, то онъ мое вмѣшательство, повидимому, принялъ за личную себѣ обиду и при дальнѣйшихъ встрѣчахъ со мной, правда довольно рѣдкихъ, старался держать себя исключительно на оффиціальной почвѣ. Это обстоятельство заставило меня впослѣдствіи, при составленіи инструкціи строительному комитету для возведенія зданій Сибирскаго университета, просить графа Дмитрія Андреевича подчинить Томскій комитетъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія, безъ передаточной инстанціи генералъ-губернатора, что̀ и было исполнено.

Вѣсть о назначеніи вышеназванной коммиссіи вскорѣ распространилась по всѣмъ сибирскимъ городамъ, узнавшимъ объ этомъ частью изъ столичныхъ газетъ, частью, вѣроятно, по письмамъ изъ Омска. Точно по наряду, но совершенно безъ всякаго, съ моей стороны, участія, не знаю по чьей иниціативѣ, почти одновременно подпимается тотъ же вопросъ въ думахъ не только губернскихъ и областныхъ, но даже многихъ уѣздныхъ городовъ Восточной и Западной Сибири. Составляются постановленія, посылаются петиціи на имя министра просвѣщенія, не рѣдко весьма дѣльныя и краснорѣчиво изложенныя. Всѣ они потомъ передавались въ мои руки, такъ какъ на меня была возложена предсѣдателемъ нашей коммиссіи обязанность докладчика, секретаря и редактора ея трудовъ. Мнѣнія городовъ раздѣлялись на двѣ категоріи: одни были за Томскъ, и этихъ весьма значительное большинство, другіе за Омскъ. За послѣдній городъ высказались только Омская, Тюменская и Тобольская городскія думы [1]). Этимъ разсужде-

[1]) Труды коммиссіи объ избраніи города для Сибирскаго университета. Спб. 1878 г., стр. 144.

ніямъ и голосованіямъ въ думахъ нельзя было придавать большаго значенія, потому что изъ участвовавшихъ въ этомъ гласныхъ едва-ли сотая доля имѣли надлежащія представленія объ университетѣ и его потребностяхъ. Только въ заявленіи одной Томской городской думы, въ особенности же въ отдѣльной запискѣ томскаго золотопромышленника Цибульскаго, оказываются болѣе или менѣе вѣскія данныя о состояніи города Томска и его пригодности для университета.

Желая собрать болѣе точныя свѣдѣнія о Томскѣ, я писалъ объ этомъ въ началѣ 1876 года моему доброму знакомому, служащему тамъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, Дмитріеву-Мамонову. Онъ былъ такъ любезенъ, что не замедлилъ сообщить не только характеристику города, но также многія оффиціальныя свѣдѣнія, которыя очень пригодились при обсужденіи вопроса въ нашей коммиссіи. Въ Омскѣ у меня также былъ одинъ молодой человѣкъ, урожденный сибирякъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отправившійся туда на службу, нѣкто Н. М. Ядринцевъ. Я недавно познакомился съ нимъ у А. Ив. Деспота-Зеновича. Это былъ увлекающійся юноша, не окончившій курса гимназіи, нѣкогда состоявшій вольнымъ слушателемъ Петербургскаго университета, замѣшанный въ какія-то студенческія исторіи и высланный административнымъ порядкомъ сначала на родину, а потомъ сосланный въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Нынѣ онъ прощенъ и съ назначеніемъ Казнакова, по рекомендаціи Деспота-Зеновича, отправился въ Омскъ искать для себя какихъ-либо подходящихъ занятій. Зная мои отношенія къ Сибирскому университету, онъ прислалъ мнѣ письмо, характеризующее Омскъ съ весьма неприглядной стороны. Приведу здѣсь извлеченіе изъ этого письма [1]: „1 августа 1876 г. Омскъ. М. Г. Многоуважаемый Вас. Марк. Только-что я пріѣхалъ въ Омскъ и съ перваго же дня началъ испытывать всѣ жизненныя удобства, представляемыя этимъ городомъ. Городъ этотъ небольшой, съ казенной постройкой и убогими одноэтажными домиками, принадлежащими отставнымъ чиновникамъ и солдатамъ. Служащія лица не могутъ пріобрѣтать дома и обстраиваться, ни по своимъ средствамъ, ни по временному положенію. Купцовъ здѣсь 7,8 живущихъ на заднихъ улицахъ и имѣющихъ дома только для себя, очень не завидные. Для генеральства существуютъ казенныя квартиры въ крѣпости, какъ и для нѣкоторыхъ штабныхъ чиновъ. Если бы для генералъ-губернатора не былъ построенъ особенный казенный домъ, ему не было гдѣ занять квартиру, какую занимаетъ въ губернскомъ городѣ губернаторъ. Большія квартиры на перечетъ и заняты совѣтниками глав-

[1]) Письмо это можетъ дать понятіе о состояніи Омска въ половинѣ 70-хъ годовъ.

наго правленія; въ большинствѣ онѣ блестятъ только внутренней обстановкой, въ сущности же расположены въ обыкновенныхъ неприглядныхъ одноэтажныхъ домикахъ. Нѣтъ ни одной улицы, уподобляющейся не только Томску, но даже Тюмени. Солдатскія и казачьи слободки съ кварталомъ Кучугуръ, наполненнымъ бродягами и разбойниками, раскинуты и отдѣлены обширными площадями, что̀ безъ надобности увеличиваетъ разстоянія, способствуетъ пустынности и увеличиваетъ опасность прохода и проѣзда. Осенью на этихъ площадяхъ происходятъ нападенія и грабежи солдатами мѣстныхъ батальоновъ и ссыльными, выпускаемыми изъ остроговъ, и бродягами, наполняющими Кучугуры. Это далеко не оправдываетъ сопоставленія, что Омскъ менѣе имѣетъ ссыльныхъ, чѣмъ Томскъ, и добродѣтельнѣе послѣдняго. Доказательствомъ служатъ дѣлаемыя здѣсь войсками каждую осень облавы на бродягъ въ городѣ. Вся разница съ Томскомъ, что здѣсь менѣе штатъ полиціи и болѣе безобразій. Нѣтъ возможности водворить какую-нибудь безопасность. Если въ Томскѣ совершаютъ преступленія ссыльные, то въ Омскѣ къ этому присоединяются еще солдаты и разный пролетаріатъ, не имѣющій средствъ и занятій въ казенномъ городѣ. Нѣсколько дней назадъ здѣсь убиты два семейства среди бѣла дня. При Хрущевѣ (предшественникъ Казнакова) солдаты разбивали кабаки, грабили дома и нападали на прохожихъ. Солдаты здѣсь хуже ссыльныхъ.

„Пріѣзжему здѣсь приходится прежде всего возиться съ квартирами. Выборъ крайне малъ. Можно найти хижину для холостаго чиновника, или какія-нибудь двѣ-три комнаты у отставнаго солдата. Пріѣзжіе люди захватываютъ, что попалось. Но кромѣ квартиръ, которыя при убогости домовъ все-таки дешевы, важна обстановка и пріобрѣтеніе мебели. На огромное количество чиновниковъ и офицерства нѣтъ магазиновъ мебели и мастеровъ, а дѣлаютъ ее арестанты, или приходится покупать какую-нибудь ломь и старье на толкучемъ у жидовъ. Видные чиновники привозятъ мебель изъ Петербурга, или покупаютъ при случаѣ отъ уѣзжающихъ чиновниковъ.

„Кругомъ Омска голая степь. Мѣстами въ городѣ посажены деревца, но худо принимаются. Это начало Киргизской степи. Лѣтомъ засуха и пыль, зимой бураны. Общественной жизни почти никакой. Преобладающее сословіе—военное. Можно подумать, что въ городѣ масса войска. Ничего не бывало!—Одинъ баталіонъ, но масса штабовъ: главный, регулярный, иррегулярный, артиллерійскій, инженерный и проч. Говорятъ, комическое зрѣлище представляютъ здѣшніе смотры. Свита у генералъ-губернатора изъ офицеровъ и штаба является точно у главнокомандующаго огромной арміей, а войска три роты (такъ какъ одна бываетъ въ караулахъ) и учебная сотня казаковъ.

Цѣлая масса чиновъ артиллерійскаго вѣдомства, а въ распоряженіи буквально одна пушка, бывающая на смотру представительницей мѣстной артиллеріи. Когда-то въ Омскѣ былъ еще батальонъ и батарея, но давно ушли въ Туркестанъ. Въ Западной Сибири нѣтъ ни одной крѣпости, но живетъ инженерное начальство; нѣтъ лѣсовъ, но очень много лѣсничихъ: Омскъ есть собраніе всевозможнаго начальства, офицерства и чиновничества, но при отсутствіи подчиненныхъ. Это какой-то центръ безъ органовъ, голова безъ туловища. Мѣстнаго населенія въ городѣ почти нѣтъ, исключая полувоенныхъ казаковъ, какъ нѣтъ богатаго, торговаго и рабочаго класса.

„Городъ до того убогъ, что даже сторонники его надѣются только на отдаленное будущее. Многіе пріѣзжіе чиновники называютъ его „ловушкой“ въ томъ смыслѣ, что сюда завлекаютъ обѣщаніями разныхъ благъ, а по пріѣздѣ отсюда не такъ легко выбраться. Нигдѣ я не видалъ столько людей ожесточенныхъ, какъ въ Омскѣ; и это понятно, ибо горечь его, здѣсь живя, лучше измѣряется.

„Я слышалъ о (недавно построенномъ) хваленомъ Омскомъ госпиталѣ. Закладка его была съ закуской и пиромъ, пріемъ сопровождался обѣдомъ, при чемъ сердца пріемщиковъ были смягчены роскошью яствъ и елеемъ питій. На постройку его, какъ увѣряютъ, не было затрачено и половины ассигновки. Зданія его всѣ деревянныя, при морозахъ и вѣтрахъ продуваемыя, какъ сараи. Черезъ полгода полы, положенные прямо на землю, начали гнить, обнаружилась сырость, холодъ и другія неудобства. Гражданская больница еще хуже, старая, маленькая, грязная. Изъ этого вы видите, въ какую лужу и въ какое гнѣздо можетъ попасть Сибирскій университетъ. Больше прибавлять нечего. Если желательно его гибели, то, конечно, трудно найти лучшее мѣсто. Если вы можете что-либо сдѣлать къ разоблаченію этой чиновной мистификаціи, то Сибирь васъ никогда не забудетъ. Разочарованный человѣкъ можетъ оставить городъ, но учрежденіе нельзя перемѣстить въ другое мѣсто. Спасите же Сибирскій университетъ!“

Зная Ядринцева за человѣка увлекающагося и склоннаго къ пессимизму, я думалъ, что въ его характеристикѣ Омска наложены слишкомъ густыя тѣни. Но тѣмъ не менѣе письмо производило тяжелое впечатлѣніе. Что это за будущій университетскій городъ, въ которомъ открыто грабятъ на улицахъ среди бѣлаго дня, гдѣ почти невозможно найти порядочную квартиру, или пріобрѣсти мебель, гдѣ цехъ мастеровыхъ сосредоточивается только въ рукахъ арестантовъ, однимъ словомъ, гдѣ нѣтъ самыхъ элементарныхъ условій городской культурной жизни. Самъ я не былъ въ Омскѣ и не могу судить о немъ по личнымъ впечатлѣніямъ, но отовсюду слышу, что это не столько

городъ, сколько военная ставка. Такъ отзывается о немъ и А. И. Деспотъ-Зеновичъ, то же говорилъ и М. Гр. Соколовъ, омскій медицинскій инспекторъ, полковникъ Скерлетовъ, мой старый знакомый, долго служившій тамъ. Очевидно, есть въ Омскѣ что-то такое, что̀ дѣлаетъ его мало пригоднымъ для университета, независимо отъ географическаго положенія. Необходимо разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ: семь разъ помѣрять и одинъ разъ отрѣзать, какъ гласитъ пословица. Назначеніе коммиссіи оказывается какъ нельзя болѣе кстати.

Получивъ оффиціальную бумагу о назначеніи меня членомъ коммиссіи, я тотчасъ же написалъ Дмитріеву-Мамонову, чтобы онъ собралъ и доставилъ мнѣ необходимыя для разсмотрѣнія вопроса точныя свѣдѣнія о Томскѣ. Вопросы были такого рода: 1) о числѣ жителей города по сословіямъ; 2) о торговыхъ оборотахъ, о городскихъ доходахъ; 3) о числѣ ссыльныхъ и распредѣленіи ихъ по городамъ Томской губерніи, въ частности о числѣ политическихъ и административныхъ ссыльныхъ въ самомъ городѣ Томскѣ, о числѣ поляковъ, водворенныхъ и оставшихся здѣсь послѣ 1863 года; 4) о числѣ каменныхъ и деревянныхъ домовъ и о цѣнахъ на квартиры; 5) о состояніи городской и другихъ больницъ Томска, о числѣ кроватей въ нихъ и положеніи медицинской части вообще. О состояніи мѣстной духовной семинаріи и о числѣ учащихся въ ней (о гимназіи имѣлись свѣдѣнія въ департаментѣ); 7) о справочныхъ цѣнахъ на строительные матеріалы и рабочія руки; 8) о пригодности мѣста, отведеннаго подъ университетъ,—если можно, прислать планъ этого мѣста и планъ города, если таковой имѣется въ продажѣ. 19 іюля я получилъ отъ Мамонова телеграмму: „Всѣ свѣдѣнія высылаются почтой, городъ предполагаетъ послать депутацію, телеграфируйте, нужна ли депутація отъ городскаго сословія и когда именно, въ настоящее время, или когда поступитъ дѣло въ Государственный Совѣтъ, отвѣчайте немедленно—Дмитріевъ-Мамоновъ“. Я отвѣтилъ, что депутація излишня, но за свѣдѣнія очень благодарю. Они были получены 6 августа и оказались на столько подробными и обстоятельными, съ оффиціальными скрѣпами, что лучшаго нельзя было желать, особенно въ такой короткій срокъ. Соотвѣтствующія свѣдѣнія изъ Омска должны были привезти съ собой члены коммиссіи, назначенные по указанію генералъ-губернатора (Дзюба и Курбановскій). Послѣ ознакомленія съ присланными документами, я послалъ Александру Ипполитовичу слѣдующее письмо:

„Присланныя свѣдѣнія болѣе чѣмъ удовлетворительны. Все, что нужно было намъ знать, все, что мы предполагали имѣть въ подтвержденіе нашихъ доводовъ въ пользу Томска, я нашелъ въ вашей

запискѣ и приложеніяхъ къ ней. Съ этимъ оружіемъ мы спокойно можемъ ждать предстоящаго сраженія съ депутатами города Омска. Я надѣюсь, что мы побѣдимъ, и было бы странно не имѣть успѣха въ дѣлѣ совершенно справедливомъ, ясномъ для всѣхъ знающихъ это дѣло... Очень радъ, что вы прислали и планъ отведенной университету земли. Онъ намъ нуженъ вдвойнѣ: 1) чтобы отпарировать одинъ изъ доводовъ Н. Г. Казнакова, будто бы въ Томскѣ не оказывается удобнаго мѣста для постройки университетскихъ зданій, (странный доводъ!), 2) для соображеній по проекту построекъ, который предполагаемъ выработать нынѣшней же осенью. Копіи съ мнѣній городовъ (постановленій городскихъ думъ) также будутъ не безполезны. На нихъ можно будетъ сослаться какъ на общій голосъ сибиряковъ, что̀ тѣмъ болѣе важно, что Н. Г. Казнаковъ высказался, будто бы сибирскіе города въ этомъ отношеніи совершенно индифферентны. О ненужности депутаціи я уже васъ извѣщалъ. Я не думаю, чтобы онѣ имѣли какое-либо значеніе. Въ пользу дѣла будутъ говорить факты и цифры... Было бы гораздо полезнѣе пропагандировать между томскимъ купечествомъ мысль о дальнѣйшихъ пожертвованіяхъ въ пользу Томскаго университета, или на учрежденія ему пригодныя. Напримѣръ, въ вашей запискѣ я нашелъ свѣдѣніе о предполагаемомъ расширеніи больницы приказа общественнаго призрѣнія и что на это уже имѣются средства. Эта статья очень хорошая. Еще было бы лучше, если бы томское городское управленіе и вообще добрые сибиряки, послѣ утвержденія университета въ Томскѣ, рѣшились выстроить на свой счетъ хотя бы часть факультетскихъ клиникъ. Денегъ на постройку университетскихъ зданій у насъ очень мало; предполагаютъ разрѣшить не болѣе 600 т. руб., считая въ томъ числѣ и капиталы Демидова и Цибульскаго. На эту сумму, думается мнѣ, можно выстроить хорошій главный корпусъ и анатомическій институтъ, но врядъ ли много останется для клиникъ. Поэтому было бы очень хорошо, если бы городъ ассигновалъ на этотъ предметъ тысячъ 20—25, напримѣръ, спеціально на акушерскую, дѣтскую и глазную клиники. Ихъ можно выстроить особо, деревянными, по барачной системѣ, и онѣ обойдутся, при дешевизнѣ сибирскаго лѣса, едва-ли дороже указанной суммы. Между тѣмъ эта форма пожертвованія была бы очень полезна и для самаго города, въ которомъ нѣтъ спеціальныхъ больницъ этого рода, и рельефно выразила бы сочувствіе томскаго городскаго управленія къ университету именно въ ихъ городѣ...[1]) Точно также у насъ теперь въ большой модѣ жерт-

[1]) 25 сентября 1877 года томская городская дума дѣйствительно ассигновала 25 т. р. на постройку акушерской и дѣтской клиники и 5 т. р. на покупку

вовать на стипендіи учащимся. Вполнѣ этому сочувствуя, я тѣмъ не менѣе сказалъ бы, что вмѣсто денежныхъ стипендій гораздо было бы практичнѣе устроить для недостаточныхъ студентовъ даровое общежитіе. Съ этою цѣлью выстроенный домъ, обезпечивающій студентамъ здоровую и удобную квартиру вблизи университета, принесъ бы больше пользы, чѣмъ деньги, выдаваемыя на руки. Въ этой формѣ на ту же самую сумму можно было бы оказать гораздо больше помощи. Вообще я надѣюсь, что томское общество послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о Сибирскомъ университетѣ не оставитъ этотъ университетъ своимъ дальнѣйшимъ сочувствіемъ. Я ратую за Томскъ именно потому, что предвижу здѣсь широкое развитіе университетской жизни. Вздоръ говорятъ, что въ Сибири юный университетъ будетъ хромать. Напротивъ, я убѣжденъ, что онъ будетъ не только не хуже, а лучше многихъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. На первыхъ же порахъ онъ долженъ получить и высокій научный тонъ, и хорошій студенческій духъ. Все зависитъ отъ постановки дѣла. Что будетъ дальше—не знаю, но въ настоящее время мнѣ уже приходилось бесѣдовать со многими весьма солидными профессорами, которые не прочь были бы поработать въ Сибири надъ изученіемъ ея неисчерпаемыхъ научныхъ вопросовъ".

Одновременно съ этимъ Н. М. Ядринцевъ осаждалъ меня скорбными письмами изъ Омска. Въ нихъ повторялось одно и то же, а именно: что въ Омскѣ, подъ крыломъ генералъ-губернатора, университетъ погибнетъ, что нравственная атмосфера тамъ неудовлетворительная, ссыльныхъ почти столько же, какъ и въ Томскѣ, что помощи отъ города нельзя ждать никакой и что Омскій университетъ никогда не будетъ привлекать сочувствіе сибиряковъ. Правда это или нѣтъ, издали судить довольно трудно; но эти настойчивыя іереміады невольно заставляютъ подозрѣвать, что Ядринцевъ и Комп. боятся не столько города Омска, сколько военнаго генералъ-губернаторскаго режима.

Ссыльные, о которыхъ такъ много говоритъ г. Ядринцевъ въ своихъ письмахъ и на которыхъ ссылался Н. Г. Казнаковъ, говоря противъ Томска, по моему мнѣнію, не должны играть въ этомъ вопросѣ существенной роли. Сибирь вся населена ссыльными,—это ея злосчастная историческая доля. Въ какомъ городѣ ихъ больше или меньше, это безразлично, если считать ссыльныхъ всѣхъ категорій. Но къ университету дѣйствительно можетъ имѣть отношеніе политическая

книгъ для университетской библіотеки. Свѣдѣнія эти получены министерствомъ въ то время, какъ наша коммиссія, по выбору города, уже открыла свои дѣйствія.

ссылка. Эти люди, большею частью озлобленные противъ правительства, несочувствующіе данному русскому строю, нерѣдко сами бывшіе студенты, естественно могутъ пропагандировать свои утопіи въ средѣ будущихъ воспитанниковъ Томскаго университета, нарушая его нормальную жизнь. Чтобы охранить университетъ отъ этихъ элементовъ, нужно не городъ искать, гдѣ бы ихъ не было, а гораздо легче устранить самую ссылку, т. е. очистить отъ этихъ неблагонадежныхъ людей тотъ городъ, гдѣ будетъ рѣшено основать университетъ.

Изъ записокъ П. И. Степанова.

Петръ Ивановичъ Степановъ родился въ 1814 году, по происхожденію потомственный дворянинъ Костромской губерніи, образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ полный курсъ наукъ.

Службу свою началъ въ канцеляріи московскаго военнаго губернатора, генерала Закревскаго—помощникомъ столоначальника, перешелъ въ старшіе чиновники секретнаго отдѣленія, гдѣ, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, исполнялъ порученія губернатора по переразслѣдованію жалобъ на неправильное рѣшеніе суда. (Эти переразслѣдованія изданы имъ впослѣдствіи отдѣльнымъ сочиненіемъ „Правые и Виноватые“).

Затѣмъ принимаетъ должность судьи московскаго надворнаго суда, гдѣ пробылъ недолго, въ виду увольненія отъ должности судьи съ преданіемъ суду за растрату, произведенную казначеемъ суда, однофамильцемъ Степановымъ, о чемъ немедленно было сообщено губернаторомъ государю императору. Но когда было произведено подробное разслѣдованіе, выяснившее невинность судьи Степанова, губернаторъ Закревскій не пожелалъ измѣнить свой докладъ, почему и судья Степановъ былъ осужденъ съ лишеніемъ правъ и отдачею въ солдаты.

Въ 1854 и 1855 годахъ находился при защитѣ Севастополя безсмѣннымъ ординарцемъ у генералъ-лейтенанта Хрулева, гдѣ заслужилъ крестъ св. Георгія и производство въ прапорщики.

Въ 1856 состоялъ адъютантомъ при командующемъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ генералъ-лейтенантѣ Хрулевѣ и былъ назначенъ въ составъ коммиссіи по возвращеніи крѣпости Карса обратно туркамъ однимъ изъ главныхъ лицъ.

По расформированіи кавказскаго корпуса былъ переведенъ въ учебную гимнастическо-фехтовальную команду резервныхъ московскихъ войскъ.

Въ 1859 г. по домашнимъ обстоятельствамъ оставилъ военную службу и, переѣхавъ въ С.-Петербургъ, принялъ должность началь-

ника станціи только-что отстроенной французской компаніи С.-Петербурго-варшавской линіи. За отличную и распорядительную службу получилъ высочайшую благодарность и возстановленіе въ дворянскомъ достоинствѣ.

Въ 1869 году за свою службу былъ назначенъ на должность ревизора техническаго инспекторскаго комитета министерства путей сообщенія, гдѣ и умеръ въ 1876 году въ чинѣ коллежскаго совѣтника, не дослуживши нѣсколькихъ дней до пенсіи.

Въ свободное отъ занятій время посвящалъ свои досуги къ составленію описаній произведенныхъ переразслѣдованій, изданныхъ отдѣльною книгою „Правые и Виноватые“, событій подъ Севастополемъ и въ Малой Азіи, а также писалъ и драматическія произведенія; нѣкоторыя изъ нихъ были играны на императорскихъ театрахъ.

---

21 апрѣля 1856 г. генералу Хрулеву поручено командованіе войсками въ Азіатской Турціи; по его ходатайству я назначенъ высочайшимъ повелѣніемъ къ нему въ должность адъютанта.

И такъ, судьба меня передвинула изъ Севастополя въ Карсъ, мнѣ предстоитъ объѣхать Азовское море и ѣхать черезъ Кавказъ. Генералъ требуетъ, чтобъ я скорѣй ѣхалъ къ нему, а тутъ задержка въ разныхъ формальностяхъ; выручивъ всѣ нужныя бумаги, я распростился съ добрымъ семействомъ, въ средѣ котораго я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ у родныхъ. Въ среду на Святой недѣлѣ я выѣхалъ по тракту на Мелитополь черезъ Арбатскую стрѣлку и Чонгарскій мостъ; дорога хоть и грязна, но несравненно лучше Перекопской; я ѣхалъ къ сѣверу, куда стремился душой къ женѣ и дѣтямъ; но мнѣ еще не суждено было ихъ видѣть; изъ Ростова на Дону, или лучше сказать изъ Аксая я поворотилъ на югъ.

Изъ Ростова мнѣ предстояло ѣхать въ Аксай, въ 12 верстахъ можно было нанять одноконныя „дерендули“, въ родѣ древней ломоваго извозчика, я предпочелъ сдѣлать 25 верстъ по почтовому тракту, на перекладной,—привыкъ я къ ней; однако, по глинистой почвѣ и горамъ не безъ труда мы добрались до Аксая.

Аксай, станица войска донскаго, вы это сейчасъ замѣтите; и типъ другой и одежда другая, особенно женская, длинныя шубы; весь строй жизни, языкъ другой—точно и не Россія.

Въ Аксаѣ меня навязчиво угостили баранками, а балыка ни здѣсь, ни въ Ростовѣ не могъ достать, или дрянь, или дороже московскаго; сапожникъ всегда безъ сапогъ. Донъ, выше дамбы, судоходенъ только верстъ на сто.

На концѣ дамбы станція; отъ нея начинается гладкая, плодородная, черноземная степь до Ставрополя, съ слободами-станицами— въ тысячи душъ. Шибко напоминаетъ Малороссію и говоръ, и костюмы, и постройки. Славятся казачки красотою, особенно Червленная станица; въ будни такія же грязныя бабы, какъ и вездѣ, въ праздники принарядятся, только вовсе не такъ, какъ на театрѣ. Червленныя красавицы точно хороши, а нравственностью не похвалятся; всѣ набѣлены и нарумянены, что твои коломенскія купчихи.

На этой станціи я засталъ суматоху; почтальонъ съ экстрапочтой—потерялъ сумку, его арестовали; приходилось его замѣнить станціонному смотрителю, а у него болѣли зубы, раздуло щеку, голова на сторону; онъ упросилъ меня взять два чемодана экстрапочты безъ всякой отвѣтственности, кромѣ того, чтобъ не позволять ямщикамъ заѣзжать въ кабаки. Зато и лошадей мнѣ далъ; слѣдующія станціи воспользовались его примѣромъ, давали мнѣ такія тощія горбоносыя тройки, что выведутъ подъ узцы изъ сарая, пустятъ во весь духъ и летимъ тридцать верстъ, только гляди, чтобы не выскочить; какія тутъ наблюденія, какія тутъ впечатлѣнія, все только мелькаетъ; я и не видалъ, какъ въ сутки доскакалъ до послѣдней станціи передъ Ставрополемъ; былъ вечеръ, вдали мелькали огоньки города, я ѣхалъ часа три; это значитъ я разстался съ экстра-почтою, смотритель не осмѣлился отпустить со мною въ городъ чемоданы; конечно, я и не могъ бы ихъ сдавать. Вотъ я и въ Ставрополѣ, сдѣлалъ въ 6-ть дней 1.450 верстъ отъ Симферополя. На дорогѣ мнѣ попалось Харьковское ополченіе, оно не дошло до Ставрополя и возвращается восвояси.

Ставрополь какъ и всѣ губернскіе города; главная улица длинная съ бульваромъ по серединѣ, при въѣздѣ въ городъ большой водоемъ, а въ городѣ воды нѣтъ, намѣреваются сдѣлать водопроводы; бульваръ графа Завадовскаго упирается въ зданіе какихъ-то присутственныхъ мѣстъ, гдѣ въ это время была сельская выставка, ничего особеннаго, кромѣ конской сбруи; сзади зданія крутая гора и на ней великолѣпный соборъ, съ паперти въ трубу виденъ Владикавказъ; воздухъ чистый и здоровый, городъ опрятенъ, есть хорошіе дома и зданія, лучшія конечно казенныя. Была суббота, я прогоновъ получить не успѣлъ и вынужденъ былъ остаться до понедѣльника; скука смертельная, шлялся по городу, знакомыхъ нѣтъ, только къ вечеру столкнулся съ адъютантомъ Муравьева—Башмаковымъ.

29 апрѣля. Были у обѣдни въ соборѣ, хорошіе пѣвчіе, особеннаго ничего, вечеромъ Башмаковъ повезъ меня въ госпитальную церковь, на край города, смотрѣть свадьбу. При госпиталѣ хоро-

шенькій садъ; госпиталь—нѣсколько каменныхъ корпусовъ, какъ всѣ госпитали. Вѣнчали офицера генеральнаго штаба Анучина съ дочерью управляющаго коммиссаріатскою коммиссіею Мейера, того самаго, который меня задержалъ; не до дѣлъ было, коли свадьба. Въ понедѣльникъ мнѣ опять хотѣли оттянуть, по той же уважительной причинѣ, но я уперся и требовалъ деньги, сослались, что управляющаго нѣтъ, я пошелъ къ нему на квартиру.

Въ передней никого не было, лежала кипа дѣлъ и бумагъ, за дверью раздавался стукъ тарелокъ, обѣдали. На докладъ человѣка г. управляющій громко и грубо отвѣчалъ: мнѣ некогда, можетъ подождать, но я такъ же громко отвѣчалъ, что я ждать не намѣренъ и буду жаловаться въ Тифлисѣ. Это подѣйствовало, попросили меня къ столу?... нѣтъ, отыскать на прилавкѣ мои бумаги; я нашелъ, онъ подписалъ, мнѣ были выданы прогоны до Тифлиса, я немедленно выѣхалъ [1]).

1 мая. Вотъ я и на Кавказѣ; до горъ еще далеко, цѣлая Кумысская плоскость, наносы земли во время потопа, задержанные кавказскими скалами; такъ и видно, какъ они ложились пластами къ подошвѣ горъ, и наслаивались выше и выше. Я выѣхалъ въ 3 часа и сдѣлалъ только до ночи четыре переѣзда.

Нынче утромъ 3-го мая переѣхалъ рѣчку Малку, границу жалованья; за нею получаютъ двойной окладъ; какой-то добрый казачій офицеръ научилъ меня взять у мѣстныхъ властей свидѣтельство о днѣ переѣзда чрезъ благодѣтельную Малку, непривѣтливую только во время чумы, тутъ карантинъ; я поглядѣлъ на эти низкія каменныя казармы за стѣнами и радъ былъ, что не было чумы; думалъ поспѣть ночевать въ Владикавказѣ. На одной станціи меня задержали 5 часовъ, за неимѣніемъ лошадей, а въ станицѣ Змѣйской, куда я пріѣхалъ часу въ 6-мъ вечера, вовсе не пустили; поэтому я сдѣлалъ только 140 верстъ. Бродяги-черкесы любятъ грабить съ вечера, чтобъ успѣть ускакать до разсвѣту, а то мѣстность открытая — далеко видно. Въ Змѣйской по такой причинѣ скопилось довольно проѣзжихъ всякаго сорта; что дѣлать—разумѣется, въ карты играть, занятіе сподручное всякому, особенно военному люду, однако, я улегся спать.

Какой чудный край! это еще не горы, нѣтъ; дорога чудесная, все плоскою покатостью поднимались выше и выше, мѣстами крутой спускъ или подъемъ, въ родѣ Мячковскаго подъ Москвою; дорога

---

[1]) У моей жены была двоюродная сестра, съ которой она была очень дружна, звала ее Соничкой, но которой я никогда не видалъ. Оказалось послѣ, что я присутствовалъ на свадьбѣ ея дочери и помѣшалъ имъ обѣдать ни она, ни я тогда не догадались, что мы близкая родня.

суха и укатана, но въ грязь должно быть дурно; ѣдемъ привольными степями, почва плодородная, воздухъ превосходный; трактъ—чтобъ не сбиться—отмѣченъ частыми каменными столбами и земляными курганами, скаты срыты, мосты исправны, это опять какой-то особый уголокъ Россіи, населенный чисто русскими, а какъ будто не русскій. Это земля линейныхъ казаковъ, а какъ хороши ихъ станицы!—лучше чѣмъ у донцовъ; не вѣрится, что эти люди—не далѣе какъ за 70 лѣтъ стеклись сюда изъ разныхъ краевъ Россіи, почти въ однѣхъ рубашкахъ, бѣглецы, бродяги—такъ хорошо, привольно они живутъ; бѣлыя хаты, всѣ въ деревьяхъ, а деревья всѣ въ цвѣтахъ; прямыя, правильныя улицы, табуны скота и лошадей горной породы, въ поляхъ далеко отъ станицъ запашки, скирды хлѣба и сѣна; замѣчательно, что черкесы никогда не жгутъ и не истребляютъ скирдовъ. Конечно, казаки пашутъ, молотятъ—съ оружіемъ за поясомъ, съ винтовкой за плечами; они сами приняли совершенно кавказскій типъ, особенно, по одеждѣ не отличить отъ черкеса, правда, между ними много и черкесовъ осѣдлыхъ. Вездѣ разставлены вышки съ часовыми и осѣдланными лошадьми у коновязи, шесты съ соломою на верху, чтобъ сигналами предупредить станицы о набѣгѣ; пикеты и разъѣзды станицы окружены земляными валами съ засѣками, въ воротахъ пушки и вездѣ сторожевые! какой воинственный закалъ эта тревожная жизнь даетъ народу, всѣ молодцы. Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его пишутъ; набѣги стали рѣдки, край заселяется, буйныхъ сосѣдей загнали въ горы, да и окружили; случается, иногда убьютъ пастуха, угонятъ пару воловъ, да гдѣ жъ это не случается; мирнаго черкеса отъ немирнаго—не отличить, да и шалятъ больше шайки бродягъ нешалившихъ у себя, отверженныхъ свободными горцами, а не то, что настоящіе военные набѣги.

Вода не вездѣ хороша, поэтому я отдувался чихиремъ и молокомъ, кушаю фазановъ, какъ простую дворовую курицу, они здѣсь приручились, дѣлаются дворовою птицей.

Я мчался на тройкѣ одинъ, раздумью широкое поле, а тутъ передъ глазами раздольная степь; пасмурно и даль въ туманѣ, горъ не видать; къ вечеру вѣтеръ прогналъ и туманъ, и облака—точно поднялся театральный занавѣсъ; за степью, переливающейся зеленью и желтой жатвой—синѣютъ подошвы сплошныхъ утесовъ, острыя ледяныя верхушки, бѣлые снѣжные откосы — подъ лучами солнечнаго заката—блестятъ розовымъ, лиловымъ, всѣми радужными цвѣтами, на яркомъ бѣломъ фонѣ, изрѣзанномъ синѣющими полосами; это ущелья пропасти, все такъ громадно, величественно, великолѣпно; краски такъ тонки и ярки, переливы и тѣни такъ мягки, что никогда не передастъ ихъ кисть, никакое воображеніе не осуществитъ — можно

только видѣть въ природѣ. Такъ вотъ она цѣпь Кавказскихъ горъ, первый Кавказскій хребетъ, гдѣ гнѣздятся недружелюбные кабардинцы; кажется, рукой достанешь, Владикавказъ виденъ у подножья, а до горъ еще 100 верстъ, такъ обманчивъ чистый воздухъ. Какъ грязенъ, какъ ничтоженъ пресловутый Крымъ противъ этой могущественной и богатой страны. Между проѣзжими идетъ разговоръ, что восточная война возобновляется; невѣроятно всѣ разбиты.

Обѣдаю въ Владикавказѣ; онъ сторожитъ славно ущелье, крѣпость не всегда пугаетъ черкесовъ, они нынче ночью почти подъ стѣнами—вырѣзали патруль или секретъ не знаю,—таятъ!!!

Городъ смотритъ хорошимъ губернскимъ городомъ, округъ или губернія носитъ его имя; оглядѣть нѣкогда, черезъ Терекъ хорошіе мосты, здѣсь Терекъ усталый разлился и течетъ мелко и тихо, до поры до времени; растаютъ снѣга, и онъ забушуетъ; вообще городъ стоитъ на сыромъ мѣстѣ. За валами—укрѣпленіе, я въѣхалъ въ горы и скоро очутился между скалъ; дорога идетъ, возвышаясь по лѣвому берегу Терека. Думалъ ночевать въ Кабіи и на разсвѣтѣ перейти опасныя мѣста перевала, но пошелъ дождь, дорога осклизла, это самая скверная мостовая, лѣпится на высѣченномъ въ горахъ уступѣ, мѣстами суживается чуть не въ сажень, а все то подъемы, то спуски вокругъ скалъ; Терекъ все углубляется, т. е. самъ подымается на горы; Терекъ все бурливѣе, берега уже, онъ рвется, падаетъ водопадами, ворочаетъ громадныя глыбы; гулъ, шумъ, трескъ, а ущелье суживается, внизу Терекъ, по бокамъ мрачныя скалы покрыты мѣстами зеленоватымъ мхомъ, какъ могильные памятники и только на верху далеко, далеко—узкая лента синяго неба. Громадныя сосны на хребтѣ кажутся снизу кустами можжевельника. Какъ ничтоженъ тутъ человѣкъ, какъ убиваетъ его эта громадная природа... грустно, душно, а тутъ еще вѣтеръ и дождь.

Станція всего $16^1/_2$ верстъ, а ѣхалъ 3 часа. Это казармы инженерныхъ солдатъ; поселены въ общихъ и особыхъ домикахъ—семьями, завелись хозяйствомъ.

Черезъ рѣку, противъ нихъ выбралась покатая долина и сейчасъ заселилась саклями мирныхъ черкесовъ, видно два или три аула.

Вторая станція хуже первой, а матеріалъ для превосходнаго шоссе, кажется, подъ руками,—я запоздалъ, обмокъ и потому остановился въ Ларсѣ ночевать. Ларсъ—солдатская слободка, на скатѣ—казармы; въѣздъ вырубленъ въ скалѣ и нависла совершенно громадная полуарка; на верху этой скалы развалины древняго укрѣпленнаго замка, о немъ есть какая-то легенда, но толку добиться не могъ, осматривать было темно. Впрочемъ, это не путешествіе туриста, это замѣтки и впечатлѣнія проѣзжаго на курьерскихъ.

Опять насилу проѣхалъ двѣ станціи и остановился ночевать въ Коби; завтра черезъ перевалъ, есть обвалы и еще много снѣгу, на колесахъ ѣхать нельзя, а на ночь и не пытайся, къ Коби все подъемъ, природа грозная, мрачная; нѣтъ мягкихъ, нѣжныхъ цвѣтовъ; сзади Коби обрывъ голыхъ скалъ стѣной, на вершинѣ лѣсъ, богатый звѣрями; охотники, цѣпляясь крючьями, взбираются на эту отвѣсную стѣну; въ ущельяхъ раскиданы огромныя глыбы, когда-то слетѣвшія съ горъ; величественный безпорядокъ и при разнообразіи—утомительное однообразіе! Дорога безопасна отъ черкесъ, однако, частые казацкіе посты, безопасные отъ черкесовъ, но не отъ природы; земляной обвалъ, оторвавшійся камень—могутъ сбросить валъ—въ пропасть, а тамъ камни и Терекъ, дорога все выше и выше. Надъ нею еще выше ведутъ другую дорогу; боятся, что съ Казбека спустятся льды, они нѣсколько лѣтъ назадъ дали трещины и трещины увеличиваются: если кора отдѣлится, она рухнетъ въ Терекъ и запрудитъ на время, а потомъ хлынутъ воды, увлекутъ льдины и глыбы, зальютъ дорогу, смоютъ крѣпостцу Гуріель, но кора еще крѣпко держится,—на другой горѣ монастырь, славное будетъ зрѣлище монахамъ, они такъ уединенно живутъ. Я еще не видалъ прославленной красоты черкешенокъ; первые экземпляры чеченокъ встрѣтилъ въ Коби, старуха, мать и дочка, вдова русскаго офицера, недурна, кавказскій типъ, но нарядъ уже искаженъ.

По ущельямъ, на скатахъ аулы мирныхъ и смирныхъ осетинъ, странное у нихъ понятіе о честности, довѣрьте имъ золото, будетъ цѣло, а платокъ изъ кармана украдутъ, около ауловъ, гдѣ можетъ лѣпиться человѣкъ, расчищенные клочки пашни, грязно, мертво, нѣтъ зелени.

6 мая.—Я поднялся досвѣту, но не скоро добился лошадей, къ 6 часамъ одну навьючили моими вещами, другую дали мнѣ, на 3-ю сѣлъ ямщикъ—по силѣ подорожной тройка; надо было надѣть полушубокъ, начинается поясъ вѣчныхъ снѣговъ, дороги нѣтъ, по обрыву тропинка, лошади проваливаются, скользятъ, того и гляди, сорвутся въ пропасть, я пошелъ пѣшкомъ, мѣстами снѣжные завалы, восемь верстъ все въ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ дорога хуже и опаснѣе, а проводникъ разсказываетъ разные ужасы, какъ погибли проѣзжіе, но это большею частію преданія, они живучи въ народѣ. Впрочемъ, поднявшись на Крестовую гору, гдѣ построенъ какой-то караванъ-сарай, чтобъ отдохнуть, обогрѣться, подкрѣпиться путнику, въ немъ нѣтъ ни дровъ, ничего съѣстнаго, кромѣ сторожа и водки. Начинается подъемъ на Гутъ-гору, опять завалы и преданія, лошади обрываются, мѣсяцъ назадъ большой обвалъ завалилъ караванъ съ казенной монетой, 11 вьючныхъ животныхъ и 2 проводника погибли,

чуть не верста отвѣснаго паденья, внизу ущелье расходится далѣе въ зеленую долину, сотня рабочихъ расчищаетъ снѣгъ и собираетъ разсыпанные рубли. Не позволяютъ громко говорить, о выстрѣлѣ не думай, сотрясеніе воздуха—произведетъ новые обвалы, снѣгъ чуть держится на крутыхъ ребрахъ, и горе путнику, увлечетъ въ пропасть; наконецъ, достигли вершины и стали спускаться по южному скату Гутъ-горы. Проѣзжихъ много, на горахъ разъѣхаться трудно, на площадкахъ ожидаютъ встрѣчныхъ; пошли встрѣчаться осетины на салазкахъ, караваны товаровъ, вьюки на лошакахъ съ бубенчиками. Южный скатъ круче, потомъ унесло землю, воздухъ быстро измѣняется, дорога обнажилась, грязь, ручьи, грузинскія сторожевыя башни, горы расходятся шире, больше зелени, отраднѣе, не такъ давитъ душу, не такъ мертво, послѣ крупнаго поворота, наконецъ, черезъ 7 часовъ, пройдя пѣшкомъ 16 верстъ, мы на станціи Кайшауръ, я совсѣмъ разбилъ сапоги, усталъ, да еще лошадь ушибла ногу, ничего не замѣтилъ и радъ былъ въ порядочной гостиницѣ напиться чаю и растянуться на постели, кстати и лошадей нѣтъ.

Выспавшись вдоволь—я вышелъ на балконъ; налѣво дикія, мрачныя горы, не то туманъ, не то облака, вершины, снѣгъ и ледъ; обдаетъ холодомъ, на всемъ синій цвѣтъ мертвеца; оборачиваюсь въ другую сторону—южная весна это Грузія, яркое солнце, тепло и отрадно; осетинскія сакли, на крышахъ женщины, на пашняхъ—пахари, вездѣ стада съ бубенчиками, здѣсь жизнь, а тамъ смерть. Горы живописны, но не угрюмы; около бѣлыхъ саклей—зелень, луга, деревья въ зелени, внизу мирно течетъ какая-то рѣчка, я не узналъ Куры; бѣленькая дача князя Казбека; все это напомнило мнѣ картины Гропіуса, въ Москвѣ, возлѣ Страстного монастыря показывались; теперь вижу, что движеніе природы Гропіусъ передалъ вѣрно; онъ рисовалъ ихъ лучами свѣта. Предстоитъ крутой спускъ въ 4 версты, а тамъ 100 верстъ до Тифлиса, опасности миновались,—но три ночи я ждалъ лошадей и взялъ ихъ съ бою. Съ попутчикомъ землемѣромъ мы предпочли спуститься прямо въ духанъ—телѣги не дали, верхомъ не хотѣлось; вещи понесли осетины и оправдали свою репутацію, все, что я имъ сдалъ, принесено исправно, а плащъ, забытый на лошади, исчезъ безслѣдно.

Чѣмъ эти виды хуже Швейцаріи? здѣсь природа разнообразнѣе и богаче. Едва мы спустились къ духану и поѣхали по прекрасному шоссе вдоль рѣки. Горы приняли совсѣмъ другой видъ; въ самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ очертаніяхъ, въ самыхъ разныхъ переходахъ красокъ и тѣней—онѣ смѣются надъ живописью, на холстѣ будетъ безобразно, а тутъ въ природѣ очаровательно; грузинскіе аулы въ очаровательныхъ мѣстахъ, всѣ въ зелени, а зелень вся въ цвѣ-

тахъ, и все это облито золотыми лучами солнца; только сзади отходятъ прочь грозныя скалы.

Но по горамъ ѣзда не спора, не то что по донской глади; я только къ вечеру добрался до Тифлиса. Въ одномъ мѣстѣ—много смѣялся надъ усиліями грузинъ: отпряженные черные буйволы, толстокожія, почти безъ шерсти животныя, отъ жары забрались въ воду, и выжить ихъ оттуда дѣло мудреное, только голова и внизъ загнутые рога торчатъ изъ воды; вылѣзутъ, когда прозябнутъ, если не унесетъ быстрая Кура. Эта буйная рѣка при впаденіи Горнахъ, притока, никакъ не хотѣла дозволить устроить черезъ нее мостъ; какъ ни бились, сколько ни тратили усилій и денегъ—придетъ весна—моста какъ не бывало, сообщеніе прервано. Говорятъ, одинъ рядовой, изъ разжалованныхъ инженеровъ—разсѣкъ Гордіевъ узелъ, но прежде за идею выторговалъ себѣ у Воронцова прощеніе; рѣка, вырываясь изъ ущелій, дѣлаетъ крутой изгибъ всею силою воды ударяетъ въ непоколебимую основу горъ, и заворачивая за уголъ, теряетъ свою силу въ круговоротѣ; черезъ это мѣсто перекинули въ двѣ арка мостъ и онъ стоитъ и будетъ стоять; только объѣздъ версты въ двѣ, да что это за бѣда.

Я поздно въѣхалъ въ Тифлисъ; онъ въ горахъ и на горахъ расширяется, ползетъ все выше и выше; на поворотѣ дороги памятникъ: покойнаго императора понесли съ горы лошади прямо въ пропасть, на этомъ мѣстѣ онъ смѣло выпрыгнулъ изъ экипажа и этимъ себя спасъ. Самый городъ на ровной площади, строенія носятъ особый характеръ смѣсь азіатскаго съ европейскимъ, большею частью безъ крышъ, съ террасами, балконами, галлереями, причудливыми окнами; пестрота и разнообразіе, много новыхъ построекъ, казенныя строенія по формѣ. Вдоль главной улицы—бульваръ, вотъ первое впечатлѣніе, надо оглядѣться. Въ гостиницѣ цѣны московскія, чисто русскій поваръ; пили за общимъ столомъ за здоровье севастопольцевъ. Завтра являться по начальству, опять хлопотать о прогонахъ; не знаю, долго ли продержатъ. Толки, что Н. Н. Муравьевъ посланникомъ въ Вѣну, а на его мѣсто князь Барятинскій; не совсѣмъ ладно, онъ съ Хрулевымъ, говорятъ, не хорошъ.

Утро 8 мая по начальству; извозчики здѣсь 20 коп. конецъ, пролетка съ пристяжкой; послѣ обѣда ходилъ по городу, за Курой—предмѣстья, черезъ рѣку красивый мостъ; вообще городъ имѣетъ свою особенную физіономію, не похожъ съ виду на обычное устройство губернскихъ городовъ, самая мѣстность этому способствуетъ; параллельно главной улицѣ, прекрасно и разнообразно обстроенной, идетъ высокая почти отвѣсная гора; на половинѣ ея часовня, памятникъ Грибоѣдову, каменная лѣстница высѣчена въ утесѣ; много магазиновъ

русскихъ; хорошая книжная лавка, но одними книгами вѣрно торговля не выгодна, лавка дополняется разнымъ товаромъ. Торговля и въ рядахъ, а на площадяхъ въ рукахъ армянъ, они скопомъ подрываютъ русскую торговлю; этому помогаетъ своя особенность—учрежденіе въ родѣ ремесленныхъ цеховъ—ланкарствъ.

Это тѣ же цехи на торговлю, каждая отрасль, самая дробная, начиная отъ оптовой продажи хлѣба до корзинъ зелени—особыя ланкарства; староста учреждаетъ цѣны, и горе тому, 25 руб. штрафа, кто осмѣлится продать дешевле поставленной имъ таксы; иногда цѣны поднимаются до невѣроятія; Муравьевъ хотѣлъ уничтожить; поднялись въ цѣнѣ свѣчи, онъ назначилъ таксу,—всѣ свѣчныя лавки заперлись и городъ былъ безъ свѣчей; то же было съ сѣномъ, но когда принудили понизить цѣны на муку, армяне взбунтовались, перебили стекла и потребовались штыки. Захотѣлось испытать турецкія бани, весьма красивой архитектуры; первая комната это нашъ передбанникъ, съ трубками и кофеемъ; вамъ даютъ деревянные башмаки, полъ горячій, нагрѣвается съ низу, другая комната съ ванной, большая и нѣсколько маленькихъ; надъ большой комнатой, открытой съ боковъ, стеклянный куполъ; полки каменные и очень горячи, подстилаютъ тростниковую рогожку; парильщикъ набиваетъ въ пузырѣ мыло до пѣны и обдаетъ васъ горячей пылью; третъ суконкой, ладонями, ловко растираетъ и расправляетъ члены, дѣйствительно, возбуждается нѣга; окончивъ омовеніе, накидываютъ чистую простыню, и вы, стукая башмачками, возвращаетесь въ передбанникъ, гдѣ нельзя не полежать; трубки, кофей и бородобреи къ вашимъ услугамъ; за стѣной голоса женщинъ. Публичный садъ съ музыкой, уступами, густая зелень, но дурно содержанъ, общество русское, по преимуществу военное. Театра не было, я осмотрѣлъ зданіе; снаружи галлереи лавокъ, театръ внутри очень похожъ на малый московскій, но очень хорошо расположенъ и прекрасно росписанъ графомъ Толстымъ; акустика какъ нельзя лучше. Есть публичная библіотека, очень хорошая мѣстная газета „Кавказъ"; получаются петербургскія и московскія, а общество скучаетъ, никто не доволенъ.

12 мая меня отпустили и то потому, что надо было послать курьера съ депешами и деньгами въ дѣйствующій корпусъ. Поэтому я получилъ курьерскую подорожную и конвой. Привели отчаянную тройку бурыхъ; я въ Тифлисѣ кой-чего накупилъ, да казенные чемоданы—все это убѣдило меня, что неудобно на перекладныхъ имѣть много вещей, сидишь на торчкѣ и толчекъ можетъ скинуть съ телѣги. У таможенной заставы—казачій постъ; вмѣсто 12 конвойныхъ, мнѣ дали 7. Я выбрался часовъ въ 5-ть; за городомъ весьма дурная дорога на полу-горѣ, по берегу рѣки, а лошади такъ и рвутъ, русскій

ямщикъ насилу держитъ; заворотили направо и понеслись по ровному скату внизъ.

Казаки стали оттягивать, пропадать и къ слѣдующей станціи со мной пріѣхали двое; тутъ мнѣ дали 4-хъ, которыхъ я потерялъ на полдорогѣ, а на слѣдующемъ посту—ни одного; всѣ оказались въ лихорадкѣ; а ночь—темная, урядникъ высказалъ такое убѣжденіе, что въ случаѣ нападенія шайки—два или три казака не помогутъ, а если встрѣтится одинъ или два черкеса, они не нападутъ и на одного проѣзжаго; „вѣрно у него пистолетъ есть, ѣдетъ одинъ, должно быть взять нечего", а конвой изобличитъ, что есть что-нибудь, коли охраняютъ",—я разсудилъ, что это логично, и поѣхалъ одинъ, депеши задерживать было нельзя. Всю ночь мы ѣхали долинами, темнота страшная—только бѣлѣется полоска дороги, а звѣзды не даютъ свѣту, да тутъ еще заволокло, кое-гдѣ слышны звуки жизни, блеянье стадъ, а ничего не видно, рѣдко попадется всадникъ. Къ разсвѣту я въѣхалъ въ горы, это второй Кавказскій хребетъ, но ничего нѣтъ похожаго на первый: холмистыя горы одѣты роскошною зеленью, лѣсовъ мало, долины обработаны, вездѣ система орошеній изъ горъ по желобамъ, водопады, быстрыя рѣчки чудной воды; природа сильная и веселая. Это ужъ Арменія! дорога хороша, казачьи посты и пикеты черезъ нѣсколько верстъ.

Живописная дорога оживляется таборами горцевъ; жары ужъ высушили долины, они переселяются со всѣмъ имуществомъ и стадами въ горы; и богатые, и бѣдные—они бросаютъ свои землянки на лѣто и перекочевываютъ на высоты. Впереди гонятъ стада барановъ, лошаковъ, воловъ, буйволовъ, коней; всѣ навьючены, кромѣ лошадей, это въ ихъ обычаяхъ, благородное животное достойно только возить человѣка. Тюки, ковры, полотна—все на вьюнахъ, даже на телятахъ—иногда люлька съ ребенкомъ, на лошачкѣ пѣтухъ съ супругой или слабый ягненокъ; сзади женщины въ красныхъ шароварахъ, яркомъ тюникѣ; голова повязана платкомъ, на шеѣ до носу—платокъ, такъ что видно только черные глаза, тоненькій носъ и иногда какъ смоль черные волосы, лицо бронзовое. Богатыя верхомъ, по-мужски, бѣдныя и рабы—пѣхтурой. На хвостѣ каравана гарцуютъ вооруженные, статные красавцы-всадники, нарядная одежда, драгоцѣнное оружіе, щегольская сбруя—все это выставлено на показъ; сѣдобородый старикъ важно ѣдетъ въ серединѣ, на лучшемъ конѣ. Перекочевка—праздникъ, а мнѣ это представилось чѣмъ-то древнимъ, патріархальнымъ; это было при обстановкѣ живописной природы,—что-то эффектно театральное.

Передъ вечеромъ я выѣхалъ изъ горъ въ Александропольскую долину, кругомъ живописныя горы, плоскость верстъ 30; вдали видна

одинокая вершина Арарата, другая обрушилась и погребла нѣсколько армянскихъ деревень, курды налетѣли поживиться и тоже поплатились жизнью; городъ Гумри (Александрополь) на концѣ долины, подъ нимъ Араксъ; на скалистомъ берегу крѣпость, съ этой стороны неприступная; отъ города подходъ тоже невозможенъ; долина имѣетъ вулканическую почву, болѣе 4.000 метровъ надъ уровнемъ моря, покрыта небольшимъ слоемъ земли, стало быть траншей вести нельзя, одинъ только холмъ въ уровень съ крѣпостью и не знаю, почему на немъ нѣтъ редута; за Аркасомъ уже турецкая Арменія, Карскій пашалыкъ, еще занятый нашими. Подъѣзжая къ Александрополю, подумалось, что городъ сгорѣлъ, онъ безъ крышъ—съ террасами, торчатъ трубы точно послѣ пожара; дома одноэтажные сложены узорами изъ разноцвѣтнаго камня дикаго, бѣлаго, краснаго цвѣта; городъ, говорятъ, очень обстроился во время войны; кругомъ виднѣются лагери и самъ городъ похожъ на лагерь, все на военную ногу. Въ 20 часовъ я сдѣлалъ слишкомъ 270 верстъ по гористой дорогѣ и пріѣхалъ безъ конвоя; Хрулевъ встрѣтилъ меня дружески, но на первыхъ же порахъ распекъ, какъ я осмѣлился ночью съ депешами и деньгами ѣхать безъ конвоя, у меня и оружія-то, кромѣ хоть и хорошей, но форменной сабли, ничего не было; въ квартирѣ генерала въ Александрополѣ былъ главный штабъ, мнѣ уже была приготовлена комната, я забрался и славно выспался.

Три недѣли я почти не раздѣвался и спалъ только въ Ставрополѣ, Кайшаурѣ и Тифлисѣ, т. е. разъ въ недѣлю. Если выключить остановки въ этихъ городахъ, то я въ 12 дней сдѣлалъ 2.000 верстъ на курьерскихъ!

Представленіе по начальству. Генералъ меня спросилъ, отчего я долго не ѣхалъ, что я ему нуженъ, на первыхъ порахъ заставилъ разобрать весьма щекотливое дѣло; денежный разсчетъ, за арбную перевозку хлѣба; оказалось—докладъ не вѣренъ; генералъ по своей прямотѣ—поставилъ меня сразу въ враждебное положеніе съ генераломъ Ольшевскимъ, начальникомъ штаба, сказалъ ему въ глаза: „что вы за галиматью мнѣ напороли? вонъ онъ дѣло-то иначе разобралъ". Говорили, что это дѣлалось изъ-за трехъ тысячъ рублей; подрядчикъ Тапровъ не далъ, такъ хотѣли запутать и задержать выдачу 150.000 р.

Ѣздили объѣзжать лагери. Генералъ вездѣ пробовалъ пищу не изъ образцовой чаши, а изъ котла, съ самаго дна, такъ, правда, и любятъ же за это солдатики своего Хрулева; поѣздка кончилась неблагополучно для меня, лошадь меня занесла, я потерялъ стремена и соскочилъ, генералъ расхохотался; виною оказались шпоры, казацкія лошади ихъ не знаютъ—нѣтъ, не быть мнѣ джигитомъ! Генералъ

это очень хорошо понималъ и засадилъ меня за перо. Завѣтная, любимая мысль Хрулева была походъ въ Индію, завоеваніе Средней Азіи; изучивъ проектъ Наполеона Перваго, онъ вычиталъ все, что только могъ найти объ этомъ предметѣ, съ нимъ повсюду ѣздила цѣлая библіотека, а топографы, по его указанію, постоянно чертили карты, писались маршруты.

Передъ началомъ восточной войны онъ подавалъ полный проектъ похода въ Гератъ, чтобъ поднять афганцевъ и возмутить всю Индію, онъ просилъ 30.000 войска, это отвлекло бы и ослабило Англію и могло измѣнить всѣ замыслы Наполеона III; эти проекты еще въ Севастополѣ онъ читалъ капитану Черняеву, цѣня его мнѣніе. Ему отказали. Онъ повторилъ представленіе Александру II, поздно, былъ заключенъ миръ; теперь въ бездѣйствіи за Кавказомъ не оставляя задней мысли,—онъ хотѣлъ представить проектъ—мирными путями, слѣдуя примѣру Англіи, завладѣть ханствами Средней Азіи, черезъ торговлю, укрѣпленными факторіями; на меня возложенъ былъ этотъ трудъ; многому надо было учиться, много надо было читать; я былъ доволенъ, бивачныя забавы юныхъ офицеровъ, карты и кутежи—не могли мнѣ доставить удовольствія. Было получено свѣдѣніе, что Муравьевъ смѣненъ и назначенъ князь Барятинскій; генералъ сталъ писать проектъ окончательной и рѣшительной войны съ черкесами, многія статьи я редактировалъ; въ такомъ разнообразномъ трудѣ проводилъ я время далеко отъ родины, отъ всего, что было дорого сердцу. Вѣкъ живи, вѣкъ учись... мои столы завалены книгами, картами, вездѣ разбросаны выписки, замѣтки—повторяю географію Азіи и Индіи, составляю военно-дипломатическія ноты, изучаю край, обычаи, чуть не языки, генералъ торопитъ; спасибо ему—далъ пищу уму, а онъ давно не работалъ, я такъ освоился съ проектами Хрулева, что ужъ они и мнѣ не кажутся хитрыми; а все прежде дальняго интереснаго путешествія по Азіи хотѣлось бы отдохнуть въ Европѣ—отогрѣться въ семьѣ! жадно ждемъ извѣстія объ исполненіи мирнаго договора, гдѣ-то проведешь зиму, куда опять кинетъ прихотливая судьба.

Много интереснаго случилось въ это время, не успѣлъ даже накидать воспоминаній. Пріѣзжалъ флигель-адъютантъ Рылѣевъ, и мы ѣздили до границъ нашихъ временныхъ владѣній. Я былъ въ Карсѣ; безобразный, мрачный городъ на полугорѣ, обнесенъ прямыми стѣнами—вродѣ древнихъ русскихъ, цитадель (на половину взорванная) въ серединѣ; это крѣпость только по названію, безъ всякой системы обороны; три высоты ею командуютъ. Но англичане (Вилліамсъ) укрѣпили Карсъ такъ же, какъ мы укрѣпили подъ носомъ у французовъ Севастополь; на горахъ построили редуты, съ открытой стороны—зе-

мляныя обширныя укрѣпленія, по новой системѣ; ихъ-то и штурмовалъ Муравьевъ, они-то намъ и стоили десяти тысячъ жизней. Теперь они повреждены весенней водой, часть цитадели въ развалинахъ; англичане подбиваютъ турокъ требовать за это милліоны вознагражденія; они забыли, что такъ же во время перемирія взорвали севастопольскіе доки! и какъ взорвали, поправить нельзя. О взрывѣ Карса по газетамъ идетъ уже дипломатическая переписка у Валевскаго съ Горчаковымъ.

Край разоренъ войною, да и безъ того это умершій край, Арменія не воскреснетъ, народъ нравственно упалъ—это восточные евреи. Архитектуры нѣтъ никакой, дома съ безобразными пристройками и надстройками, улицы—грязныя, узкій лабиринтъ, ходятъ въ гости по крышамъ; вонючіе, открытые базары, отлично вооруженные азіатцы, женщины подъ простынями-чадрами, безъ чадръ только отвратительныя старухи, безъ покрывалъ вѣдьмы, борода касается носу, макбетовскія вѣдьмы, да все это тысячу разъ описано, извѣстно. Карскій губернаторъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ, образованный, умный, хитрый армянинъ, принялъ насъ и угостилъ на сколько могъ лучше. Оттуда осмотрѣли Араратъ, было два пика, одинъ разрушенъ недавно землетрясеніемъ; и ничего особеннаго, восхожденіе насъ не заманило, гораздо были интереснѣе развалины древней армянской столицы Вани или Ани; ѣздили съ сильнымъ конвоемъ; тамъ обитаютъ дикіе татары и великолѣпныя кошки-ангора; тоже дикія, но скоро дѣлаются совершенно ручными, татарята за абазъ дерутся съ кошками и отбиваютъ у нихъ котятъ; городъ разрушенный говорятъ землетрясеніемъ, обширенъ и большою частью уже заросъ землею, но стоятъ обломки стѣнъ, сводовъ, валяются колонны, архитравы; кое-гдѣ на смѣлыхъ сводахъ, на обломкахъ стѣнъ уцѣлѣли фрески, христіанскіе образа; архитектурныя украшенія, капители колоннъ высѣчены изъ камня; кусокъ такой древней работы Рылѣевъ взялъ съ собой. Великолѣпенъ, но грустенъ этотъ остатокъ города, обращающійся въ безобразныя груды. Такія мѣста всегда имѣютъ много легендъ; вотъ одна, которую проводники разсказали на мѣстѣ.

Армянинъ влюбился въ турчанку. Преступленіе! похитилъ ее изъ гарема и увезъ въ развалины! второе преступленіе; черезъ нѣсколько дней голодъ заставилъ его идти искать пищи въ ближнихъ селеніяхъ; возлюбленная осталась беззащитною въ пещерѣ; туда приползаетъ удавъ, обхватываетъ свою жертву и начинаетъ втягивать въ себя—съ ногъ! напрасно защищается несчастная, тѣло ея измято и въ гортани чудовища, распростертыя руки препятствуютъ только проглотить голову! Въ эту минуту возвращается любовникъ! онъ остолбенѣлъ отъ ужаса! „Спаси меня!“ кричитъ она. У него повисли руки, кин-

жалъ, шашка остаются въ ножнахъ! „Я слабѣю“... стонетъ она. Онъ не смѣетъ. „Трусъ!“ кричитъ она, „будь же ты женщиной!“—срываетъ съ себя повязку и опускаетъ руки: ея не стало! Пораженный армянинъ надѣваетъ женскую повязку на себя и не можетъ уже ее снять: она приросла, до смерти обреченъ носить ее. Старики говорятъ, что его помнятъ.

Мы на стѣнѣ, подъ именемъ Вилльямса записали свои имена; поспѣшили до ночи выѣхать изъ степи, не насытились зрѣлищемъ этихъ памятниковъ, а оно стоило бы внимательнаго разслѣдованія, скоро они вовсе исчезнутъ.

По возвращеніи въ Александрополь, мнѣ пришлось не спать и слѣдующую ночь; Рылѣевъ торопился въ Петербургъ и упросилъ меня редактировать осмотръ по дорогѣ изъ Россіи рекрутскихъ партій, возложенный на него государемъ.

6 іюня памятный намъ севастопольцамъ день (всѣ адъютанты Хрулева были севастопольцы: Самаринъ, Сикорскій, Владыкинъ); это день торжества, день славы Хрулева, мы отбили штурмъ. Годовщину этого дня мы хотѣли отпраздновать семейно и сюрпризомъ для генерала; но насъ не допустили—намъ всѣмъ задали военный праздникъ!

Праздникъ удался и имѣлъ общій характеръ лагерныхъ праздниковъ; я написалъ наскоро двѣ солдатскія пѣсни, одна очень понравилась князю Бебутову и осталась въ полковомъ репертуарѣ, но настоящимъ сюрпризомъ для Хрулева былъ финалъ; на мѣстности схожей съ батареей Жерве, съ фейерверкомъ и пальбой—была представлена знаменитая сцена отбитія штурма сѣвцами: „благодѣтели земной“. Генерала на бѣлой лошади въ папахѣ разыгралъ Сикорскій, участникъ дѣйствительной сцены! Съѣдено и выпито много, были танцы писарей, Богъ знаетъ съ кѣмъ и солдатскій театръ въ костюмахъ по всѣмъ извѣстной программѣ. Хорошо бы изслѣдовать, какъ попали эти сцены въ репертуаръ солдатъ, эти безсмыслицы переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и исполняются съ удивительнымъ однообразіемъ. Надо бы написать что-нибудь подходящее—поосмысленнѣе.

Я въ сельцѣ Никитинѣ, подумаешь подъ Москвой въ Россіи, великорусскія избы, мужики, жизнь, вся обстановка, обычаи, это деревня молокановъ, ихъ на Кавказѣ не мало.

Пріѣзжалъ къ Хрулеву Назаровъ, эриванскій губернаторъ, и упросилъ генерала пріѣхать къ нему крестить верстъ за 200, на дачу (изъ Эривани во время жаровъ всѣ выѣзжаютъ), и вотъ генералъ, докторъ Владыкинъ и я—ѣдемъ въ Эривань въ тарантасѣ; отъѣхали 80 верстъ и застряли. Дорогой я разговорился съ докторомъ объ от-

личной мѣстности близъ Никитина (Ганзичимань), гдѣ всѣ красоты природы и три разные минеральные источника; докторъ сказалъ, что воды были бы полезны генералу послѣ лихорадки. Хрулевъ ругнулъ меня, зачѣмъ я раньше не сказалъ; у него сказано—сдѣлано; осмотрѣли, понравилось, домикъ инженерный есть: воротитесь въ Александрополь и переведите сюда штабъ лагеремъ! Я возразилъ, что главную квартиру безъ позволенія Муравьева передвинуть нельзя; онъ разсердился. однако, велѣлъ написать и послать письмо къ Муравьеву, а между тѣмъ все-таки перевести его личный штабъ и часть писарей! Генералъ ускакалъ въ Эривань, я отправилъ гонца въ Тифлисъ и пью чай у коммиссіонера. Жена и свояченица дежурнаго штабъ-офицера Девеля, честнѣйшаго датчанина, ѣдутъ въ Гумри и берутъ меня съ собой.

Хрулевъ любилъ, чтобъ все исполнялось быстро, я умѣлъ ему угождать; въ тотъ же вечеръ весь багажъ генеральскій и нашъ, писаря и лазаретныя палатки, все уложено на арбы, въ тарантасѣ адъютанты и таинственная Вѣра, крещеная жидовочка, и все это къ утру ужъ было на пути въ Ганзичимань, я остался для окончательныхъ распоряженій.

Утромъ, когда я пилъ у Девеля чай, Девель мнѣ сказалъ, что я напрасно тружусь, генералу нельзя уѣхать! Почему? Развѣ Ольшевскій ничего не говорилъ? нѣтъ. Получено предписаніе Муравьева сдать 18 іюня Карсъ и завоеванныя области туркамъ и отступить въ наши границы! Я удивился, молчаніе Ольшевскаго было болѣе чѣмъ странно, пользуясь отсутствіемъ Хрулева, онъ, очевидно, хотѣлъ ему повредить!... Входитъ онъ, на мой вопросъ отвѣчаетъ: „да, я ужъ написалъ муширу и Лорисъ-Меликову!“ Я обомлѣлъ—Ольшевскій написалъ муширу, генералъ-маіору муширу, да вѣдь муширъ главнокомандующій всѣми войсками, намѣстникъ Анатоліи, да вѣдь онъ сочтетъ это за оскорбленіе; при спорѣ о взрывѣ Карса это предлогъ къ новой войнѣ! „Какъ же вы не дали знать генералу? позвольте прочесть!“—„Возьмите въ канцеляріи“. Я побѣжалъ въ штабъ, прочелъ бумаги и поскакалъ на курьерскихъ къ генералу; обозъ остановилъ на второй станціи и въ Никитовкѣ заѣхалъ къ коммиссіонеру выпить чаю. До Эривани по шоссе 150 верстъ, прямо черезъ горы 30, но опасно; въ эту минуту я получилъ отвѣтъ изъ Тифлиса; отказъ и выговоръ; по совѣту коммиссіонера, я написалъ письмо Хрулеву, вложилъ всѣ бумаги и отправилъ гонца, черезъ горы, съ конвоемъ, а самъ остался ночевать; уже вечерѣло.

На разсвѣтѣ отправилась Вѣра въ тарантасѣ; а въ 5-мъ часу, когда мы пили чай, одинъ съ казакомъ, въ ночь черезъ горы пріѣхалъ верхомъ Хрулевъ! „Скорѣе лошадей, въ Александрополь!“

тарантасъ пригодился, генералъ едва согласился выпить чаю, такъ онъ былъ взволнованъ. Мы поскакали, дорогой порѣшили написать Муравьеву, что сдать Карсъ и области меджису, какъ онъ писалъ, нельзя, поелику меджисъ—ратуша, городская дума не болѣе и что съ муширомъ надо обойтись учтивѣе и осторожнѣе. Прискакали въ Александрополь, весь вечеръ писали бумаги и въ часъ ночи отправили курьеромъ Сикорскаго въ Тифлисъ. Съ Ольшевскимъ генералъ не хотѣлъ говорить.

Когда кончили, генералъ приказалъ мнѣ все приготовить къ поѣздкѣ въ Карсъ и черезъ два часа его разбудить; вотъ те и отдыхъ! До Карса 70 верстъ, степью, дорога исправлена, русскія почтовыя станціи. Лорисъ-Меликовъ встрѣтилъ насъ возгласомъ: „за что вы меня, ваше превосходительство, въ солдаты ведете, какъ я сдамъ меджису провинціи, запасы! Муширъ Измаилъ-паша взбунтуется, мы погибли!“ онъ подалъ рапортъ, генералъ улыбнулся и далъ ему черновое донесеніе Муравьеву, обѣ бумаги были совершенно тождественны.

По совѣту Лориса было рѣшено написать муширу льстивое письмо, испрашивать его распоряженія и форменное отношеніе Ольшевскаго объяснить ошибкой. Фигурное, въ арабскомъ стилѣ письмо сочинено, переведено и переписано по-турецки. Письмо послалъ съ нарочнымъ; избрали меня; какъ я ни радъ былъ проѣхаться въ Арзерумъ, но боялся взять на себя такое щекотливое порученіе, не зная вовсе турецкаго языка и обычаевъ; мнѣ назначили переводчика, дипломатическаго агента, свиту и приказали со свѣтомъ выѣхать; Лорисъ, опасаясь, чтобъ муширъ не послалъ жалобы въ Константинополь, призвалъ мудира (исправника) и приказалъ распорядиться, чтобъ для посольства къ муширу были заготовлены почтовыя лошади. Онъ зналъ, что мудиръ донесетъ въ Арзерумъ, что ѣдетъ посланный.

Однако, вывѣдавъ, что Лорисъ самъ желаетъ ѣхать, какъ лично заинтересованный—я это уладилъ, и онъ собрался съ нами, я отошелъ на второй планъ, но на мнѣ лежала дипломатическая сторона, т. е. прекращеніе распри за Карсъ, угрожавшей Россіи такимъ же унизительнымъ принужденіемъ, какъ отдача Змѣинаго острова и Бѣлграда; турки требовали милліоны за взрывъ Карса, за вырубку лѣсовъ, за сборъ податей, да хотѣли перенести границу подъ самый Александрополь, а это значило отрѣзать нѣсколько селеній, похерить значеніе крѣпости. Дѣло не шуточное; мы изъ газетъ знали, что англичане и французы на ихъ сторонѣ.

Съ восходомъ солнца 17 іюля ямскія тройки были готовы; сорокъ верстъ на почтовыхъ, а тамъ путешествіе верхомъ. Въ турецкой Арменіи и во всей Малой Азіи нѣтъ колесной ѣзды; мѣстность позво-

ляла бы устроить дороги, да видно вѣковой обычай не сшибешь; почты, чиновники—совершають свои переѣзды верхомъ; товары, сельскія произведенія перевозятся на вьюкахъ; двухъ-колесныя арбы—только для домашняго обихода; въ нихъ впрягаются неповоротливые буйволы или волы, очень мелкой породы; ихъ рано пускаютъ въ работу, 2-хъ-лѣтокъ, а скотъ и безъ того мелокъ; для казенныхъ перевозокъ—тоже почтовыя лошади, несчастнѣе нашихъ; у насъ ямщикъ хоть кормъ даетъ своимъ кормильцамъ, а у армянъ—питайся подножнымъ кормомъ. Для насъ Мудиръ-Мадатъ-Бекъ поѣхалъ заготовлять лошадей; надо было поспѣшить въ Арзерумъ, да и любопытно было въ главномъ городѣ Малой Азіи, въ центрѣ полюбоваться восточною роскошью азіятцевъ; преданія, путешествія, газеты даже, столько накричали объ этой роскоши.

Видны часто развалины, кромѣ Вани, армяне говорятъ, что здѣсь когда-то царствовало христіанство, процвѣтало искусство; обвалившаяся бѣлая стѣна, среди поля, дополните по грудамъ очертаніе, и вы убѣдитесь, что армяне говорятъ правду: когда-то здѣсь кипѣла жизнь. Теперь только печальные армянскіе турецкіе аулы красуются на низменныхъ мѣстахъ, подъ скатами; умершая страна, не воскреснуть ей. Эти аулы полуземлянки, крыша—земляная насыпь, едва замѣтенъ каменный входъ. А тутъ еще прошла война, покинутые жителями аулы въ развалинахъ; не по чувству мести и жажды опустошенія—разорены, по необходимости, горькая необходимость! лѣсу нѣтъ, жгли постройки мирнаго народа. Жители укрылись въ горы, бросили поля и только привлеченные русскою обходительностью—начинають возвращаться, а все недовѣрчиво. Безъ нихъ хозяйничали башибузуки. Неживописенъ край, ни кусточка, ни дерева, поля необработаны, трава выжжена солнцемъ, жилища разорены и пусты, а небо темно-синее все облито жгучимъ солнцемъ, вдали кайма горъ, надъ ними величаво поднимается одинокая вершина Арарата; изъ-подъ колесъ пыль, сверху жара, душно, грустно; но вотъ жилая турецкая деревня, тамъ насъ ожидаетъ Мадатъ-Бекъ. Землянки въ безпорядкѣ раскиданы по полугорѣ, легче рыть и всѣ обращены выходами къ фонтану, попросту къ богатому водой ключу, грубо обложенному камнями. Люди оживили природу, внизу зеленѣется влажный лугъ, по немъ вилась дорожка и исчезала въ горахъ, одѣтыхъ лѣсомъ.

Мѣстные жители въ азіатскихъ одеждахъ грязны и оборваны, а Мадатъ-Бекъ уже претендуетъ на европеизмъ, онъ въ однобортномъ сюртукѣ, съ золотыми погонами, кабы не феска, и не узнать бы, что турокъ. Около ключа камни накрыли коврами, навѣсили пологъ, приготовили опрятный завтракъ или по-ихнему обѣдъ.

Турки обѣдаютъ послѣ заката солнца и всякій день ставятъ

стрѣлку часовъ, у кого они есть, на 5 часовъ, на нуль и отъ него считаютъ 24 часа; они не сознаютъ, что солнце измѣняетъ періодически время восхода и заката; въ полдень они завтракаютъ, но какъ кушанье одно и то же, то и выходитъ, что въ полдень они обѣдаютъ, а вечеромъ ужинаютъ; мы такъ неожиданно и поспѣшно выѣхали, что почти ничѣмъ не запаслись. Пыль насъ заставила вымыться, это соблюденіе ихъ обычая, видимо, понравилось правовѣрнымъ; въ этомъ климатѣ частыя омовенія—необходимость, Магометъ это зналъ и поставилъ обязательнымъ закономъ. Когда мы усѣлись на коврахъ, намъ подали крѣпкій, вкусный кофе въ маленькихъ, фарфоровыхъ чашечкахъ, съ мѣдными рюмками вмѣсто блюдечекъ, потомъ принесли огромный круглый подносъ, на немъ въ серединѣ грудой лежали чуреки; лепешки или блины прѣсные, безъ масла, это ихъ хлѣбъ; печей нѣтъ, жарятъ тѣсто на сковородкѣ; вокругъ на тарелочкахъ—разложены яичницы, овечій сыръ; жареная баранина, пловъ, катышки изъ фаршу, все это страшно приправлено корицей и перцемъ; не знаю, откуда услужливый Мадатъ-Бекъ досталъ для насъ ложки, и мы усердно опустошали подносъ; опять явился кофе; съ нами было кахетинское, выпили по стакану и затянули трубки; солнце было высоко, а намъ до ночлега 10 фарсинговъ (около 60 верстъ), лошади готовы, на коня, да въ путь.

Но какіе кони! измученные, мелкіе! чтобъ опротивила верховая ѣзда—надо проскакать 60 верстъ, на турецкомъ ободранномъ сѣдлѣ съ высокимъ арчакомъ, безъ подушки; на короткихъ стременахъ, такъ что колѣнки подъ носомъ; стремена широкія, загнутые углы замѣняютъ шпоры; бѣдные огневые турецкіе кони забыли ужъ всю энергію породы, изорванная уздечка достаточна, чтобъ ихъ сдерживать. Мучительно, а надо ѣхать на рысяхъ, иначе захватитъ ночь и можно наткнуться на курдовъ. Хоть насъ человѣкъ 15 и турецкій чиновникъ, да за него-то перваго и возьмутся курды. Переваливъ черезъ горы, мы спустились въ долину и поѣхали цѣликомъ, трава высокая и густая, усталыя лошади едва пробираются, хватаютъ и жрутъ верхушки, но вотъ долина съуживается, ущелье, тропинка около рѣчки, довольно густой сосновый лѣсъ, яркозеленый кустарникъ, ключи превосходной воды, но вода разжигаетъ только жажду; мы опять подымаемся въ гору, все круче и круче, сучья хлещутъ по лицу, но вотъ мы взобрались на вершину, дичь, пустыня—только щебечутъ всемірные воробьи, да безпощадно кусаютъ мухи. По горной тропинкѣ — караванъ растянулся, надо было дождаться вьюковъ, рады были растянуться на травѣ, такъ насъ разбило, а еще половина пути.

Какъ мы не поспѣшали, а все-таки запоздали, сумерекъ почти не

было; настигла ночь; блеснули огоньки, мы обрадовались, но лошади не прибавили шагу.

Онѣ знали, что это еще не станція, стоялъ какой-то караванъ; потирая колѣна, мы во тьмѣ отправились далѣе, боль въ колѣнахъ стала нестерпима, мы ѣхали по какому-то обрыву, внизу бурлила рѣка, ни зги не видно. Наконецъ-то, послышался дальній говоръ, лай собакъ, ревъ скота, замелькали огоньки. Большой турецкій аулъ Караурчай. Не безъ труда отыскали мы въ лабиринтѣ землянки, назначенныя для ночлега Мадитъ-Бекомъ. Какая-то конюшня—со стойлами—сажени въ четыре, накидана солома, покрыта коврами; еще такая же комната, а за ними обширное подземелье для скота, съ отдушинами въ крышѣ; на эту ночь мы были вѣрными стражниками хозяйскихъ буйволовъ, лошаковъ,ословъ, овецъ; ихъ вывести надо было черезъ насъ; вѣтеръ дулъ, еслибъ пошелъ дождь—навѣрное, насъ бы промочило, прибавьте къ этому сырость, вонь, насѣкомыхъ; пріятный ночлегъ, но усталость брала свое, и, напившись чаю, мы стали засыпать. Вдругъ въ тишинѣ раздались стоны, кого-то душатъ; мы всѣ вскочили, потребовали хозяина, оказалось, что возлѣ насъ оканчивалъ жизнь престарѣлый оселъ, покончить насильно его жизнь запрещаетъ коранъ. Но этимъ не кончилось, его вопли заманили волка, волкъ провалился въ отверстіе и переполошилъ все населеніе скотскаго двора, всѣхъ собакъ, а всѣмъ извѣстно, сколько ихъ въ турецкихъ деревняхъ. Почуявъ волка, онѣ съ воемъ и лаемъ собрались надъ нашими головами; какой тутъ сонъ. Волкъ самъ ошалѣлъ, его убили, но мы спать не могли, напились чаю и пустились въ путь. лошади перемѣнныя, прогоны ничтожные, около полукопѣйки съ версты и лошади.

Мѣстность опять гористая, ни одного селенія, ни одного деревца, палящій зной, переѣздъ 6 фарсинговъ; мы не щадили ни себя, ни лошадей, чтобъ скорѣй подъ крышу.

Въ большой деревнѣ Зарсъ станція; мы были встрѣчены мудиромъ другаго уѣзда Гулейнъ-Бекъ, изъ черкесъ, но Мадитъ-Бекъ ѣхалъ съ нами въ Эрзерумъ. Помѣщикъ Зара Мардекъ пригласилъ насъ къ себѣ. Двухъ-этажный хорошенькій деревянный домикъ вокругъ галлерея съ навѣсомъ, весь испещренъ, разукрашенъ рѣзьбой, ярко отдѣляется отъ густой зелени; главная комната аршинъ въ семь, окружена низкими диванами, устлана коврами, отдѣлена вся рѣзьбой по дереву съ стеклушками и фольгою. Мѣстность живописна, вокругъ дома садъ, но растительность для юга бѣдна. Вездѣ высокіе столбы—съ гнѣздами аистовъ; у турокъ повѣрье, что они приносятъ счастье ихъ хозяину; ихъ не трогаютъ, берегутъ, нарочно столбы ставятъ, какъ у насъ ласточекъ; если судить по числу гнѣздъ—хозяинъ

долженъ быть очень счастливъ. Меня поразило равнодушіе жителей; если бы въ русскую деревню заѣхали турки—отъ мала до велика всѣ бы высыпали, а тутъ ни души не было видно, точно всѣ вымерли. Или они ужъ такъ загнаны, что не смѣютъ носа показать изъ своихъ подземелій. Радушный хозяинъ угостилъ насъ чаемъ, кофеемъ и полдникомъ изъ самыхъ разнообразныхъ яствъ и жирныхъ, и сладкихъ, и кислыхъ, съ неизбѣжными чуреками. Мы сидѣли на подушкахъ, вокругъ низенькаго круглаго стола, и одно длинное полотенце служило всѣмъ салфеткою.

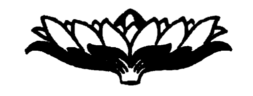
Послѣ безконечнаго числа перемѣнъ кушанья, намъ подали умыться; право, это приличнѣе того, какъ у насъ подаютъ полоскать ротъ—ничего противнѣе быть не можетъ. Умывальники мѣдные, изящной формы, тазъ имѣетъ крышку съ дырочками, такъ что грязная вода стекаетъ и не брызгаетъ. Затѣмъ на трехъ-аршинныхъ чубукахъ стамбулки съ табакомъ и кофей; чубукчиръ подаетъ трубку и даетъ закуривать раскаленнымъ углемъ, а не свѣчкой или бумагой; чтобъ не портить ковровъ, подъ трубку подставляется мѣдный тазикъ. Или у нихъ деспотизмъ такъ великъ, что каждый шагъ слуги—заученъ или его вовсе нѣтъ; слуги почтительны, но нераболѣпны, свободно отвѣчаютъ, смотрятъ весело, неужели и это по приказу?

Дружественно поблагодаривъ хозяина, мы поѣхали далѣе, надо было поспѣть ночевать въ крѣпость Гасанъ-Кале, 10 или 12 фарсинговъ (60—70 верстъ). Однообразіе, пустынность—удлинняютъ дорогу; на пути намъ Медатъ-Бекъ указалъ ключи минеральной воды желѣзистой. Спускаясь съ горы, намъ обрисовались на свѣтломъ небѣ башни крѣпости, мы удивились, что скоро пріѣхали; оказалось, что еще верстъ 30, такъ обманчива была чистота вечерняго воздуха. Налѣво мы осмотрѣли слѣды укрѣпленнаго лагеря; тутъ стоялъ авангардомъ во время войны генералъ Сусловъ, который шелъ на Эрзерумъ, а требовалъ подкрѣпленій; еслибъ онъ взялъ Эрзерумъ, Карсъ сейчасъ бы сдался безъ штурма.

Съ закатомъ солнца насъ окуталъ туманъ и промочилъ насквозь; ощупью, поздно доѣхали мы до Гасанъ-Кале. Насъ порадовала внимательность мушира, у воротъ крѣпости насъ встрѣтило начальство съ факелами и отрекомендовался присланный для сопровожденія насъ офицеръ генеральнаго штаба, воспитанный въ Константинополѣ, Сулейманъ-Ефенди, молодой человѣкъ, изрядно образованный, говоритъ по-французски и даже по-нѣмецки, что у нихъ рѣдко. Между нами планъ дѣйствія былъ составленъ, роли розданы, представителемъ былъ Лорисъ-Меликовъ; я сошелся съ Сулейманомъ. Ночуемъ у мудира Мустафы-Бека, грубаго бородача. Роскоши далеко не видно, лѣстницы какъ на чердакъ, полы такъ и пляшутъ, насквозь внизу видны ко-

нюшни, стѣны выбѣлены известкой, сальные диваны. Едва мы разобрались, какъ намъ сдѣлалъ визитъ Али-Паша, комендантъ крѣпости и бригадный командиръ; онъ откровенно разсказывалъ, что Суслову вовсе не нужно было подкрѣпленій; Али стоялъ противъ него съ двумя батальонами и баши-бузуками; двинься Сусловъ, и онъ бы сошелъ съ дороги, но Суслова испугала гора, которую завтра увидимъ, а отъ него узналъ, что стоило оставить половину отряда у крѣпости, а съ другою съ развернутыми знаменами идти въ Эрзерумъ боковою долиною, всего верстъ 20 лишнихъ, чтобъ занять Эрзерумъ: въ немъ одинъ баталіонъ. Возьми Сусловъ Эрзерумъ, сообщенія Карса прерваны, турки бы сложили оружіе и 10 тысячъ русскихъ не погибли бы подъ Карсомъ. Намъ постлали на диванахъ мягкіе пуховики, дали по два пышныхъ стеганыхъ одѣяла, одно вмѣсто простыни, другое для покрышки. Утромъ вѣжливость требовала отдать визитъ коменданту, это насъ задержало. Крѣпость Гасанъ-Кале много ничтожнѣе Карса, и турки ей не даютъ значенія; неправильныя, полуразваленныя стѣны съ башнями—стоятъ на полугорѣ, заднія высоты ими командуютъ; впереди широкая равнина, перерѣзанная рѣкой; въ крѣпости улицы такъ узки и неправильны, что всякое движеніе войскъ и артиллеріи невозможно. Эта крѣпость по преданію временъ Саладина. Бездна аистовъ, впрочемъ, мѣстоположеніе крѣпости, съ свѣтлымъ небомъ, зелеными горами—для рисунка живописно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Студенческія волненія въ Московскомъ университетѣ въ 1887 году.

Никогда еще студенческія волненія не привлекали къ себѣ въ такой степени вниманія нашего общества и администраціи, какъ это наблюдается теперь. Никогда еще наши высшія учебныя заведенія не переживали столь тяжелаго кризиса, какъ въ настоящій моментъ. Дѣйствительно, высшее образованіе въ Россіи теперь совершенно прервалось, и никому не извѣстно, долго ли будетъ продолжаться этотъ перерывъ.

Прекращеніе высшаго образованія является громаднымъ несчастіемъ для страны, въ особенности теперь для изстрадавшейся и безъ того Россіи, которую тяготитъ война и которой угрожаетъ грозная эпидемія холеры. Нужны дѣятели, нужны борцы въ усиленномъ противъ обыкновеннаго составѣ, а ихъ кадръ не только не увеличился обычнымъ ежегоднымъ притокомъ, но и не пополнился вмѣсто выбывшихъ членовъ его.

Кто же виновникъ этого несчастія?... Неужели виновата въ этомъ симпатичная, всегда отзывчивая ко всему доброму учащаяся молодежь, добровольно прекратившая занятія или, какъ говорятъ „забастовавшая"?... Такое обвиненіе могутъ предъявить, по нашему мнѣнію, или безсовѣстные люди, или лица, не внимательно относящіяся къ условіямъ существованія нашего студенчества и потому самому не могущія понять, что данное явленіе есть явленіе естественное, стихійное. Къ сожалѣнію, общество подъ вліяніемъ гнета администраціи всегда относилось къ студенческимъ волненіямъ съ недостаточнымъ вниманіемъ и не считало нужнымъ разобраться въ нихъ. Администрація же смотрѣла на студенческія волненія, какъ на результатъ дѣятельности злонамѣренныхъ людей, почему въ своихъ дѣйствіяхъ по устраненію волненій стремилась не къ выясненію дѣйствительныхъ причинъ волненій, а къ розыску какихъ-то агитаторовъ съ тѣмъ, чтобы ихъ удалить изъ университетовъ. Мнимые агитаторы и зачинщики всегда находились, ихъ изгоняли изъ университетовъ, тѣмъ временемъ жизнь въ послѣднихъ опять приходила

въ прежній, однако, не продолжительный порядокъ. Черезъ два—три года опять поднимались волненія, опять учинялись розыски, опять изгонялись жертвы административнаго произвола. Сколько такимъ образомъ погибло даровитыхъ лицъ, которыя могли бы быть очень полезными для страны, едва-ли кто въ состояніи перечесть. Этого, дѣйствительно, не возможно сдѣлать, хотя бы потому одному, что мы до сихъ поръ не имѣемъ подробныхъ описаній ни однихъ студенческихъ волненій, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ, составляемыхъ обычно съ извѣстной тенденціей. А между тѣмъ, очень возможно, что если бы къ студенческимъ волненіямъ относились болѣе внимательно, чѣмъ это дѣлалось, если бы на нихъ не смотрѣли, какъ на результатъ дѣйствія зловредныхъ лицъ, если бы въ каждыхъ волненіяхъ были бы выясняемы истинныя причины ихъ, наши высшія учебныя заведенія теперь, вѣроятно, не прервали бы своей дѣятельности.

Студенческія волненія 1887 года, собственно, назрѣвали уже съ 1885 года, т. е. со времени введенія въ университеты новаго устава 1884 года. Проводникомъ этого устава въ Москвѣ явился инспекторъ, теперь уже умершій, Брызгаловъ. Отъ его фамиліи данныя волненія называются „брызгаловскими". Но это названіе волненій 1887 года даетъ совершенно не точную характеристику ихъ. Дѣло заключалось не въ Брызгаловѣ, а въ уставѣ 1884 года. Дѣйствительно, если бы причиною волненій студентовъ былъ бы Брызгаловъ, то волненія ограничились бы однимъ Московскимъ университетомъ, а они быстро распространились на всѣ университеты, значитъ, для всѣхъ нихъ была общая причина, и этою послѣднею былъ новый университетскій уставъ. Въ настоящее время хотя и считается, что въ университетахъ дѣйствуетъ уставъ 1884 года, но это не вполнѣ вѣрно, такъ какъ въ немъ съ теченіемъ времени сдѣлано много измѣненій и дополненій. Только студентамъ-восьмидесятникамъ приходилось на самихъ себѣ испытывать всѣ прелести устава 1884 года.

Въ моей памяти живо рисуются грандіозныя студенческія волненія 1887-го года въ Москвѣ, повлекшія за собою закрытіе всѣхъ русскихъ университетовъ, кромѣ Кіевскаго. Явленіе, безспорно, важное. А много ли объ этомъ говорилось въ печати?... да ровно ничего, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ. Впрочемъ, недавно въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за прошлый годъ напечатана объ этихъ волненіяхъ статья „князя Б. А. Щетинина", подъ заглавіемъ „Первые шаги". Однако, сообщаемыя г. Щетининымъ свѣдѣнія настолько противорѣчатъ дѣйствительности, что читающій „Первые шаги" составитъ себѣ только извращенное представленіе о событіяхъ въ Московскомъ университетѣ въ 1887-мъ году. Тѣмъ болѣе,

что авторъ описываетъ эти событія, какъ бы очевидецъ (на что указываетъ, напр., описаніе говорящаго на сходкѣ ректора и др.); однако, если это такъ, то значитъ автору измѣнила память; если же нѣтъ,—то, слѣдовательно, авторъ сообщаетъ непровѣренные слухи. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ хотя бы на такіе факты: г. Щетининъ утверждаетъ, что на первой сходкѣ ректоръ Н. П. Боголѣповъ „невозмутимо спокойнымъ голосомъ, точь-въ-точь, какимъ онъ читалъ о римскихъ преторахъ и эдилахъ, сталъ убѣждать студентовъ разойтись, предупреждая и т. д... Его рѣчь была заглушена свистками и крикомъ, принудившими его удалиться". Все это съ перваго слова до послѣдняго не правда; ничего подобнаго не могло быть уже потому, что въ 1887-мъ году ректоромъ въ Московскомъ университетѣ былъ не покойный Н. П. Боголѣповъ, а филологъ Ивановъ, который вовсе не убѣждалъ студентовъ расходиться, не кричалъ на нихъ, и послѣдніе, въ свою очередь, обходились съ ректоромъ очень деликатно. Извращены г. Щетининымъ факты и объ арестѣ студентовъ, собравшихся на первую сходку: наоборотъ, здѣсь никто не былъ задержанъ. Вообще воспоминанія г-на Щетинина даютъ совершенно невѣрное представленіе о волненіяхъ студентовъ въ 1887-мъ году въ Москвѣ, о чемъ я считаю долгомъ заявить, чтобы предостеречь читателей.

Соотвѣтственно требованію этого устава студенты были подчинены строго разграниченнымъ двумъ властямъ: полицейской (инспекціи) и учебной (ректоръ, деканъ, профессора). При этомъ особеннымъ престижемъ пользовалась полицейская часть: она преслѣдовала студентовъ всюду: и на дому, и на улицахъ, и въ театрѣ, и въ лабораторіяхъ, и въ аудиторіяхъ; словомъ, студентъ не могъ дышать безъ университетской полиціи. Ближайшимъ полицейскимъ начальствомъ надъ студентомъ былъ педель, обычно невѣжественный человѣкъ. Много горя могъ сдѣлать и дѣлалъ этотъ агентъ университетской полиціи: отъ его отмѣтокъ зависѣло все: студента карали, наказывали, не зачитывали полугодій, сажали въ карцеръ, лишали стипендій и пособій и т. д., и т. д. Для избѣжанія этого нужно было каждому студенту вести себя подобающимъ—по воззрѣнію педеля-сыщика—образомъ. Молодая гордость студента съ этимъ, конечно, не мирилась и вотъ почва для недоразумѣній. Что касается учебной части по уставу 1884 года, то и она не могла удовлетворить студентовъ. Послѣдніе постоянно чувствовали, что профессоръ скованъ какою-то детальною программою; они чувствовали, что на лекціяхъ слышатъ не живую рѣчь, а какое-то казенное прочитываніе положеннаго. Въ своихъ занятіяхъ студентъ положительно растеривался; вмѣсто экзаменовъ явились какіе-то зачеты полугодій. Студентъ не могъ по-

нять (не понимали также и профессора), что требуется этими зачетами и что нужно для ихъ полученія. Это не экзаменъ, знаніе курса не требовалось, а требовалось что-то неопредѣленное; именно—доказательство, что студентъ занимался даннымъ предметомъ. Но въ чемъ могло выразиться доказательство прилежанія студента?.. Это понималось различно; одни профессора удовлетворялись посѣщаемостью студентами лекцій, для чего иногда пользовались отмѣтками педелей; другіе просили студентовъ писать рефераты; но это дѣлалось только для формы, такъ какъ сами же профессора, требовавшіе это, не считали писаніе рефератовъ серьезнымъ дѣломъ. Помню, напримѣръ, какъ покойный проф. Богдановъ просилъ студентовъ въ свои рефераты не списывать романовъ и повѣстей, но только относящееся къ зоологіи; иные профессора назначали семинаріи для рѣшенія тѣхъ или другихъ задачъ, при чемъ предоставили студентамъ полную свободу для переговоровъ, да иначе и нельзя было сдѣлать; иные дѣлали для зачета полугодій „перекличку", производя ее сами или поручая своимъ помощникамъ и даже служителямъ; только немногіе основывали зачетъ полугодій на серьезныхъ данныхъ, но это они большею частью дѣлали и до введенія новаго университетскаго устава. Такъ прошло два года дѣйствія новаго устава. Первые результаты устава въ учебномъ отношеніи ясно сказались уже въ концѣ втораго. Въ этомъ году медики должны были сдавать экзаменъ за два года, такъ называемый полукурсовой или полулекарскій экзаменъ. Результаты экзаменовъ оказались весьма плачевными, знанія студентовъ явно пали; многіе студенты вовсе не сдали экзаменовъ. Явился трудный вопросъ, что дѣлать съ этими студентами? Оставлять ихъ на второй годъ уставъ не дозволяетъ, да и на какомъ курсѣ ихъ оставить? на первомъ или на второмъ, рѣшить было совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что зачеты полугодій у нихъ были сдѣланы; исключать изъ университета такихъ студентовъ тоже было нельзя, такъ какъ по уставу исключились изъ университета только тѣ студенты, у которыхъ не было зачтено подъ рядъ три полугодія. Въ Москвѣ придумали сдѣлать такихъ студентовъ „внѣ семестра", предоставляя имъ въ теченіе 5-го семестра держать экзамены, по выдержаніи же ихъ, студентовъ опредѣляли, минуя 5-ый семестръ, прямо на 6-ой семестръ. Конечно, это было крайне неудобно въ учебномъ отношеніи. Вотъ съ какими обстоятельствами встрѣтились студенты благодаря новому уставу. Конечно, эти обстоятельства не могли дѣйствовать на студентовъ успокаивающимъ образомъ.

За послѣднее время рѣже стали говорить, что студенты должны только учиться и ни въ какомъ случаѣ не проявлять активности въ политикѣ, хотя бы послѣдняя касалась исключительно академической

жизни. Но ранѣе это были обычныя рѣчи, въ особенности въ періоды студенческаго возбужденія. Но если бы говорящіе такъ подумали о томъ, какія неудобства приходилось да и приходится теперь испытывать молодымъ людямъ для нормальныхъ, спокойныхъ своихъ научныхъ занятій, то они, можетъ быть, поняли бы, что студенты именно и стремились достигнуть, если не всегда, то большею частью, благопріятныхъ для этого условій. Волненія 1887 года въ сущности представляютъ страстное желаніе студентовъ устранить тѣ препятствія, которыя создалъ для ихъ научныхъ занятій университетскій уставъ 1884 г.

Выше только-что была изображена та почва, которая обусловливала волненія студентовъ 1887 года. Посмотримъ теперь, въ какую форму они вылились.

Уже съ начала 1887 года въ атмосферѣ студенческой жизни чувствовалось какое-то напряженіе; съ быстротою молніи распространялись среди студенчества тѣ или другіе факты единоличнаго или группового протеста противъ распоряженій инспекціи. Сообщалась масса свѣдѣній о дикихъ поступкахъ инспектора Брызгалова, поступкахъ, часто анекдотическаго характера. Эта личность, дѣйствительно, была любопытная. Это былъ не простой исполнительный чиновникъ, не только человѣкъ, проникнутый духомъ новаго полицейскаго университетскаго устава, но и фанатикъ своего дѣла. Будучи же по уму человѣкомъ ограниченнымъ, онъ часто становился въ нелѣпыя положенія, которыми, однако, онъ не стѣснялся. Да и почему бы ему было конфузиться этихъ нелѣпостей, если его непосредственное начальство не только извиняло ихъ, но даже поощряло своимъ молчаніемъ и покровительствомъ.

Чтобы показать читателю, въ какой степени Брызгаловъ могъ раздражать студентовъ, въ какой степени онъ мѣшалъ имъ учиться, сообщимъ здѣсь нѣсколько фактовъ изъ его дѣятельности. При этомъ предупреждаю читателя, что, несмотря на анекдотичность нижеслѣдующихъ сообщеній, они все-таки имѣли свое время и мѣсто, они факты.

Особенное вниманіе Брызгаловымъ было обращено на форму одежды студентовъ; въ случаѣ нарушенія ея, онъ былъ безпощаденъ. Но въ чемъ же могли обнаруживаться нарушенія студентами формы одежды?.. Это студенты не всегда могли угадать. По Брызгалову оказывалось, что ношеніе подъ сюртукомъ русской рубашки есть нарушеніе формы, хожденіе по улицамъ безъ шпаги—тоже; потеря одеждою нормальнаго цвѣта сукна отъ дѣйствія свѣта—тоже. На все это обращалось самое строгое вниманіе, и всякое такое нарушеніе формы жестоко преслѣдовалось. Вотъ, напримѣръ, педель „поймалъ“ одного студента, у котораго подъ сюртукомъ была русская рубашка; сейчасъ его тащатъ къ инспектору; этотъ долго объясняетъ тяжесть про-

ступка студента, доказывая ему, что онъ является революціонеромъ, ослушникомъ царя, такъ какъ нарушилъ высочайше утвержденный уставъ. Такого студента садятъ въ карцеръ. Идетъ, бывало, студентъ на лекцію въ жаркіе дни безъ пальто, вдругъ у дверей аудиторіи педель загораживаетъ ему входъ: оказывается студентъ, не прицѣпилъ шпаги, а ее будто бы необходимо носить, разъ вы не одѣли пальто; изъ-за отсутствія шпаги входъ въ аудиторію студенту закрытъ! Выгорѣла у васъ на солнцѣ фуражка — вы получаете замѣчаніе отъ инспектора. Брызгаловъ очень любилъ, чтобы ему оказывали почтеніе, при встрѣчахъ кланялись. Но не всякій же студентъ могъ знать Брызгалова, хотя этотъ послѣдній обязательно устраивалъ для вновь поступающихъ студентовъ нѣчто вродѣ представленія себѣ, выдавая лично входные въ университетъ билеты. Если встрѣченный Брызгаловымъ студентъ проходилъ мимо него безъ поклона, тотъ обязательно дѣлалъ ему замѣчанія по поводу этого тутъ же на мѣстѣ преступленія.

При такомъ пониманіи Брызгаловымъ своихъ обязанностей, при такихъ отношеніяхъ его къ студентамъ, конечно, создавалась весьма благопріятная почва для разнаго рода недоразумѣній, послужившихъ, какъ уже упомянуто было, матеріаломъ для комичныхъ анекдотовъ, въ которыхъ Брызгаловъ выставлялся какимъ-то маніакомъ, что и соотвѣтствовало дѣйствительности. Пересказывать здѣсь эти анекдоты, несмотря на интересъ ихъ фабулы, я не считаю, однако, нужнымъ, и безъ того уже посвящено достаточно мѣста покойному Брызгалову, который въ сущности былъ ничтожностью, не заслуживающею того, чтобы его именемъ назывались столь интересныя студенческія волненія, оставившія по себѣ наиболѣе интенсивную память въ студенчествѣ.

Итакъ, новый университетскій уставъ, уставъ 1884 г., задѣвая своею административно-полицейскою стороною личность впечатлительныхъ студентовъ, оскорбляя ихъ честь и надругаясь надъ ихъ „зрѣлостью“, вселялъ въ студенчество раздраженіе противъ установленнаго имъ режима. Своею же учебною частью онъ выбилъ студентовъ изъ колеи регулярныхъ, правильныхъ занятій. Два года его дѣйствія настолько сильно подѣйствовали на студенчество, что приходилось слышать отъ бывшихъ студентовъ мнѣніе о деморализаціи студенчества. Едва-ли можно отрицать справедливость этого мнѣнія; вѣдь это были несчастные восьмидесятые года, года упадка общественности и пылкихъ стремленій къ свѣтлымъ идеаламъ; вѣдь въ эти годы особенно былъ популяренъ афоризмъ: „наше время не время широкихъ задачъ“, тогда же особенно было развито пренебреженіе къ теоріи, господствовалъ нравственный аскетизмъ и т. д., и т. д. Конечно, процвѣтанію всего

этого въ средѣ учащейся молодежи не мало способствовалъ и университетскій уставъ 1884 года. Однако, едва-ли справедливо мнѣніе, такъ низко ставящее студенчество восьмидесятыхъ годовъ. Въ средѣ этой молодежи все же были живы и въ эти мрачные годы идеалы, завѣщанные предшественниками: молодежь болѣе, чѣмъ другіе слои обществъ, стремилась къ нимъ; молодежь старалась устранить тѣ путы, которыя сковывали развитіе его духовныхъ силъ, но увы, его борьба не встрѣчала ни поддержки, ни даже должной оцѣнки, правильнаго пониманія ни въ обществѣ, ни въ наиболѣе близкостоящихъ къ студенчеству профессорскихъ кругахъ.

Если въ настоящій моментъ мы видимъ, что студенческія „забастовки", по открытому заявленію профессорскихъ корпорацій и отдѣльныхъ профессоровъ, объясняются какъ результатъ общаго нестроенія государства, то въ то время такихъ рѣчей слышать не приходилось. Наоборотъ, какъ увидимъ ниже, даже профессора участвовали въ отысканіи и опредѣленіи кары агитаторамъ, даже они старались объяснить происхожденіе волненій не общими фактами, а какою-либо конкретною, но въ сущности маловажною причиною, въ родѣ инспектора Брызгалова. Да, мрачная была эта эпоха, и она рисуется въ воображеніи еще мрачнѣе при воспоминаніи, какъ общество оставалось индифферентнымъ къ протестующимъ взрывамъ молодежи противъ духовнаго гнета того времени.

Начало студенческому движенію 1887 года было положено въ Москвѣ на „студенческомъ" концертѣ 22-го ноября въ залѣ „благороднаго" собранія. Я нарочно поставилъ слово студенческомъ въ кавычкахъ. Эти концерты только оффиціально считались студенческими, громадная же масса студентовъ ихъ не считала своими; многіе изъ студентовъ даже считали для себя позоромъ присутствовать на этихъ концертахъ, и вотъ почему. Душою, организаторомъ и главнымъ распорядителемъ концертовъ былъ Брызгаловъ. На нихъ онъ устраивалъ выставку студентовъ высшему московскому обществу. Студенты на концерты допускались въ парадной формѣ: съ золотомъ и шпагами; студенты—участники концерта, т. е. хоръ и оркестръ, блистали своими бѣлыми подкладками и особыми жетонами, придуманными Брызгаловымъ, какъ эмблема любви и преданности студентовъ къ престолу: жетоны изображали какіе-то цвѣты, поднесенные или любимые кѣмъ-то изъ царствовавшихъ особъ. Распорядителями концертовъ были студенты (конечно, тоже по выбору Брызгалова), обычно франтоватые типы. Словомъ, студенчество представлялось обществу во всемъ блескѣ извѣстной части его. Надо къ этому прибавить, что и самый хоръ и оркестръ были подъ непосредственнымъ покровительствомъ Брызгалова; они и собирались-то у него на квартирѣ. По-

нятно, что хористы и оркестранты пользовались среди студентовъ презрѣніемъ, нося позорную кличку „Брызгаловцы“.

На такомъ блестящемъ вечерѣ былъ данъ студентамъ сигналъ къ волненіямъ. Въ этотъ вечеръ инспектору Брызгалову публично, въ концертномъ залѣ, была нанесена пощечина студентомъ юридическаго факультета 3-го курса г. Синявскимъ. Г. Щетининъ въ своей выше упомянутой статьѣ утверждаетъ, что г. Синявскій дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ по жребію. Оставляемъ это утвержденіе на совѣсти г. Щетинина; объ этомъ, дѣйствительно, были разговоры въ то время, но убѣдиться въ основательности ихъ я не имѣлъ случая, и думаю, что слухи эти не основательны. Дѣйствительно, душевное напряженіе студентовъ въ то время было на столько сильно, что нашлось бы не мало охотниковъ и на болѣе рѣшительныя дѣйствія. Конечно, поступокъ г. Синявскаго былъ сдѣланъ, какъ выражаются въ судѣ „съ заранѣе обдуманною цѣлью“ [1]), несомнѣнно, что рѣшеніе, быть можетъ, обсуждалось гдѣ-либо; во всякомъ случаѣ оно было извѣстно многимъ, и уже наканунѣ концерта въ нѣкоторыхъ студенческихъ кружкахъ знали, что на концертѣ произойдетъ то, что произошло. Но во всемъ этомъ не было организаціи; волненія вовсе не вызывались какими-то агитаторами, какъ хотѣла думать администрація, считая всѣ эти волненія дѣломъ рукъ какой-то небольшой шайки злодѣевъ. Что это такъ, показываетъ дальнѣйшій ходъ событій, въ которыхъ особенно не выдѣлялся никто, даже не было распространяемо среди студентовъ какихъ-либо воззваній, бюллетеней, что̀ обычно наблюдается теперь.

И такъ г. Синявскимъ было нанесено „оскорбленіе дѣйствіемъ“ инспектору Брызгалову въ блестящей обстановкѣ „студенческаго“ концерта, въ присутствіи высшаго столичнаго общества. Г. Синявскій былъ тутъ же арестованъ. Сначала, какъ говорили тогда, была попытка объяснить поступокъ г. Синявскаго личными счетами съ Брызгаловымъ. Но тутъ же опредѣленно выяснилось, что такихъ личныхъ отношеній между ними рѣшительно не было, и все дѣло было исключительно принципіальнымъ общестуденческимъ, цѣлью котораго было обратить вниманіе общества на тотъ гнетъ, въ которомъ студенты находились. Суда надъ г. Синявскимъ не было; онъ, какъ и студентъ Казанскаго университета г. Алексѣевъ и за то же дѣйствіе, по повелѣнію Александра III были отданы въ арестантскія роты на три года. Г. Щетининъ говоритъ, что судьба г. Синявскому „благоволила“. Но какъ можно за одну скобку ставить благоволеніе судьбы

---

[1]) Нахожу возможнымъ и нескромнымъ объ этомъ говорить открыто, такъ какъ г. Синявскій претерпѣлъ уже жестокое наказаніе за это.

и арестантскія роты! Какія бы облеченія тамъ ни были сдѣланы для г. Синявскаго (а они ему, дѣйствительно, дѣлались), арестантскія роты все-таки арестантскія роты, и человѣкъ, попавшій въ нихъ, все-таки арестантъ, лишенный правъ и свободы. Другое же указаніе г-на Щетинина на благоволеніе судьбы къ г. Синявскому именно, что онъ былъ принятъ въ одинъ изъ нашихъ университетовъ, уже прямо не вѣрно. Насколько мнѣ извѣстно, по отбытіи арестантскихъ ротъ г. Синявскій пріѣзжалъ въ Москву хлопотать о пріемѣ въ университетъ, но хлопоты его не имѣли надежды на успѣхъ, и г. Синявскій поѣхалъ обучаться медицинѣ въ Берлинскій университетъ.

Происшедшее на концертѣ быстро распространилось по Москвѣ, студенты на слѣдующій день уже утромъ всѣ знали объ этомъ событіи. Какъ же они восприняли свѣдѣнія о немъ?... Вотъ, если бы была какая-либо основательная организація волненій, вотъ если бы были агитаторы, то они, конечно, озаботились бы распространить среди студенчества прокламаціи, воззванія, сообщенія плана дѣйствій и т. д., и т. д. Ничего этого, однако, не было. 23-го ноября только кое-гдѣ ходили по аудиторіямъ жалкія записочки съ сообщеніемъ о часѣ и мѣстѣ назначенной сходки, да кое-гдѣ въ аудиторіяхъ объ этомъ объявлялось вслухъ. И вотъ на эту сходку 23-го ноября (во внутреннимъ дворѣ стараго университета) явилось только человѣкъ 30—40, не болѣе. Собравшіеся рѣшили разойтись и позвать товарищей на сходку въ слѣдующій день—24-го ноября на наружный дворъ стараго университета, чтб выходитъ на Моховую улицу. На эту сходку пришло тоже не много студентовъ, но все же собралось человѣкъ около 300 съ разныхъ факультетовъ и курсовъ, но по преимуществу съ первыхъ трехъ. На Моховой быстро собралась громадная толпа любопытныхъ, въ числѣ которыхъ было не мало студентовъ. Присутствіе послѣднихъ въ толпѣ любопытствующаго народа, конечно, дѣйствовало непріятно на демонстрантовъ, и послѣдніе дѣлали не лестныя замѣчанія по адресу любопытствующихъ студентовъ.

Сходка желала оффиціально сдѣлать свои заявленія и послала депутацію къ ректору, прося его придти на сходку. Между тѣмъ явилась полиція и охотники-добровольцы, укротители студентовъ (въ то время въ этомъ отличались охотнорядцы; теперь, говорятъ, они, къ счастью, измѣнили своимъ традиціямъ). Стали запирать калитки и ворота, студенты не допускали этого, почему и произошла небольшая свалка; ворота и калитки все-таки были заперты, чѣмъ уменьшился притокъ студентовъ на сходку. Вдругъ къ воротамъ подкатила карета, изъ которой стремительно вышелъ возбужденный и раскраснѣвшійся попечитель округа, теперь уже умершій П. Кап-

нистъ. Говорили, что онъ пріѣхалъ съ завтрака изъ Екатерининскаго института, справлявшаго свой актъ. Попечитель приказалъ открыть ворота, и, ставъ у нихъ въ картинную позу, повелительно потребовалъ отъ студентовъ расходиться; при этомъ назначилъ срокъ въ три минуты; досталъ часы и отсчитывалъ эти три минуты; послѣ третьей минуты вышелъ со сходки только одинъ какой-то студентъ. Попечитель приказалъ закрыть ворота; не много ранѣе передъ этимъ явился на сходку ректоръ университета, теперь тоже умершій профессоръ Ивановъ; студенты попросили его объясниться съ ними въ актовой залѣ, куда и направились съ ректоромъ, все время оказывая ему вниманіе и уваженіе. Разумѣется, студенты при описанномъ положеніи вещей вошли въ залъ не раздѣваясь: въ пальто и калошахъ такъ же, какъ и ректоръ; его, однако, студенты предупредительно раздѣли уже въ самой залѣ. Началось объясненіе сходки съ ректоромъ въ вполнѣ корректной формѣ; ректоръ тоже разговаривалъ со студентами ласково, мягко, безъ повышенія голоса.

Когда всѣ собрались въ залу, изъ среды студентовъ выдѣлился студентъ Г. и отчетливымъ голосомъ заявилъ ректору приблизительно слѣдующее: собравшіеся студенты заявляютъ, во-первыхъ, что поступокъ студента Синявскаго на концертѣ не есть личное его дѣло, а дѣло всего московскаго студенчества. Далѣе студенты требуютъ отмѣну новаго устава и возвращеніе устава 1863 года въ полномъ объемѣ. Наконецъ, студенты требуютъ немедленнаго увольненія Брызгалова. На это заявленіе ректоръ сталъ говорить, что Брызгаловъ, по существу, добрый человѣкъ, и не разъ ходатайствовалъ передъ нимъ за многихъ студентовъ; на это ректору отвѣтило нѣсколько голосовъ, что это онъ ходатайствовалъ за своихъ клевретовъ „брызгаловцевъ". Ректоръ сталъ что-то еще говорить, но въ этотъ моментъ взошелъ на каѳедру попечитель Капнистъ, взялъ ректора за плечо, сказалъ ему: „мы сюда пришли не для разговоровъ" и сталъ кричать на студентовъ, что они своимъ поведеніемъ (въ верхней одеждѣ и калошахъ въ актовой залѣ) оскорбляютъ университетъ (крики „вы оскорбляете его, введя въ него полицію": въ дверяхъ показались полицейскіе), попечитель сталъ кричать еще болѣе громко, требуя тишины, когда онъ говоритъ. Послѣ такого вызова поднялся шумъ. Въ концѣ концовъ попечитель сказалъ, что собравшіеся сюда студенты нарушили правила университета и до разбора дѣла лишаются права посѣщенія лекцій, почему и должны выдать свои входные въ университетъ билеты; это студенты охотно сдѣлали и затѣмъ разошлись по домамъ. Арестовъ въ этотъ день не было вовсе, вопреки увѣренію г. Щетинина. Но на слѣдующій день изъ бывшихъ на сходкѣ студентовъ человѣкъ около 30 (кажется 27) получили приглашеніе

явиться въ правленіе университета. Утромъ вызванные отправились, но ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе дни уже не возвращались домой. Только на четвертый или пятый день они были выпущены изъ бутырской тюрьмы для отправки въ тотъ же день на родину.

Впослѣдствіи оказалось, что эти 30 человѣкъ или около того были приглашены въ правленіе университета на судъ. Что же это былъ за судъ? Если уже попечитель обнаружилъ громадный произволъ, запретивъ участникамъ первой сходки посѣщать лекціи (отборъ входныхъ билетовъ), но не меньше произвола обнаружилъ этотъ судъ правленія. Прошло уже около двадцати лѣтъ со времени этихъ событій, и у многихъ участниковъ ихъ уже появилась въ большой степени сѣдина, слѣдовательно, можно довольно хладнокровно обсудить это дѣло. Авторъ этихъ воспоминаній лично зналъ многихъ изъ вызванныхъ студентовъ, про другихъ хорошо былъ освѣдомленъ, почему могъ судить о степени ихъ виновности въ данныхъ событіяхъ. Среди этихъ вызванныхъ особенно выдѣлявшихся въ данномъ движеніи отмѣтить было совершенно нельзя, развѣ только говорившаго на сходкѣ студента Г., и то только за то, что онъ говорилъ, но что это за преступленіе, вѣдь, можетъ быть, это онъ сдѣлалъ потому, что обладалъ большимъ голосомъ.

Вслѣдствіе этого мы, студенты, предполагали, что получившіе повѣстку явиться въ правленіе были вызваны только какъ первая партія, за которою послѣдуютъ вторая, третья и т. д. Но оказалось, что это не такъ; всѣ эти лица были вызваны какъ наиболѣе виновныя изъ бывшихъ на сходкѣ (агитаторы?). Спрашивается теперь, если о данныхъ лицахъ составилось такое мнѣніе, къ чему же правленію было вызывать ихъ „на судъ“? Чѣмъ руководствовалось правленіе, сочтя этихъ лицъ за наиболѣе виновныхъ; чѣмъ оно руководствовалось, произнося надъ ними жестокій приговоръ, это осталось тайною правленія; даже приговоренные не могли себѣ уяснить этого. Наказаніе было раздѣлено на двѣ категоріи; самое большее наказаніе понесли 4 лица: ихъ исключили изъ университета безъ права поступленія въ какое бы то ни было учебное заведеніе, прочихъ уволили съ правомъ поступленія въ другіе университеты (оправданныхъ не было).

О результатахъ этого суда нѣкоторое время студенты вовсе не знали, ни товарищи, ни ближайшіе родственники вызванныхъ на судъ не только не могли узнать этого, но даже не знали, куда дѣвали несчастныхъ страдальцевъ. Утромъ эти лица отправились въ университетъ и уже ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе четыре—пять ихъ не видѣли, и свѣдѣній о нихъ никто не получалъ. Дѣло въ томъ, что по окончаніи судбища при выходѣ изъ правленія на дворѣ всѣ безъ исключенія осужденные были окружены казаками или полицейскими

(точно не помню) и отведены въ бутырскую тюрьму. Такимъ образомъ, въ данномъ фактѣ нельзя не видѣть большой солидарности и согласованности дѣйствій университетскаго начальства и полицейскаго.

Когда стало извѣстнымъ, какъ правленіе университета расправилось съ несчастными жертвами, то это сильно возмутило студенчество. Дѣйствительно, послѣднимъ нельзя было не возмущаться; вѣдь оно знало прекрасно виновность вызванныхъ на судъ, знало степень ихъ участія во всей исторіи, какъ и другихъ, не попавшихъ въ данный списокъ, почему и могло объяснить дѣйствіе правленія исключительно только какъ произволъ, нарушеніе элементарныхъ требованій справедливости. Въ особенности возмущалъ студентовъ тотъ фактъ, что въ судѣ правленія участвовали профессора, студенты негодовали, что эти послѣдніе могли на основаніи данныхъ, собранныхъ исключительно инспекціей (при этомъ Брызгаловской), подписывать вердиктъ надъ жертвами. Я не буду называть фамилій этихъ профессоровъ: нѣкоторые изъ нихъ живы, пусть имъ будетъ хоть теперь совѣстно при воспоминаніи, что при ихъ участіи загублено нѣсколько молодыхъ силъ. Укажу, напримѣръ, на одного близко мнѣ знакомаго, тогдашняго пріятеля студента П., который попалъ въ первую категорію виновныхъ и былъ исключенъ изъ университета. Какое же было его особенное участіе въ этомъ дѣлѣ? Да особеннаго никакого; онъ зналъ о готовящейся пощечинѣ Брызгалову (что едва-ли правленію было извѣстнымъ), но вѣдь это знали многіе—и составляетъ ли это выдающуюся роль въ волненіяхъ, онъ былъ на концертѣ, но тамъ ничего не дѣлалъ, на сходкѣ не говорилъ, воззваній не распространялъ и т. д., и т. д. И вотъ, однако, его приговорили къ самому строгому наказанію... за что, съ возмущеніемъ спрашивали мы тогда?.. за что? спрашиваю я теперь, спустя почти двадцать лѣтъ. За что правленіе и профессора погубили этого юношу? Дѣйствительно; вы его погубили: какъ онъ ни стремился попасть въ университетъ—его съ волчьимъ билетомъ никуда не принимали. Попытался онъ учиться за границей, но и это ёму не удалось.

Конечно, такихъ случаевъ было много. Возмущенное несправедливостью и крайнимъ произволомъ правленія, выразившимся въ вышеизложенномъ приговорѣ послѣдняго, студенчество заволновалось еще болѣе, сходки стали устраиваться по нѣскольку разъ въ день и въ разныхъ мѣстахъ. Являлись на сходки профессора, но какое дѣйствіе могли они оказать на студентовъ, когда ихъ же товарищи участвовали въ судѣ правленія, такъ жестоко и несправедливо раздѣлавшемся съ первыми жертвами своего произвола. Да профессора и не понимали условій и причинъ студенческихъ волненій. Вспоминаю объясненіе на сходкѣ уважаемаго студентами пр. А. И. Чупрова, ко-

торый, убѣждалъ студентовъ успокоиться и приводилъ тотъ мотивъ, что Брызгаловъ не стоитъ стольких жертвъ, какъ будто бы въ Брызгаловѣ было дѣло. Даже А. И. Чупровъ не понялъ, что студенческія волненія 1887 года были выраженіемъ недовольства режимомъ новаго устава. Даже онъ не понялъ, что все увеличивающееся студенческое движеніе обусловливалось произволомъ и безтактностью университетской администраціи. При такихъ обстоятельствахъ студентамъ нечего было ждать отъ профессоровъ чего-либо могущаго ихъ удовлетворить; поэтому попытки (впрочемъ, только единичныя) профессоровъ внести успокоеніе въ среду студенчества потерпѣли полное фіаско. Студенты знали, что профессора, какъ корпорація, совершенно не реагировали на событія, а событія, какъ увидимъ сейчасъ, были дѣйствительно таковы, что должны были вызвать активное вмѣшательство лицъ близко, стоящихъ къ студенчеству и университету, т. е. профессоровъ, но они молчали, и въ этомъ ихъ преступленіе.

Считая рѣшеніе правленія несправедливымъ и произвольнымъ, студенты стали явно выражать свою солидарность съ пострадавшими. Съ этою цѣлью устраивались сходки, на которыхъ собирались входные билеты для передачи инспекціи, какъ доказательство присоединенія къ участникамъ первой сходки, у которыхъ, какъ указано выше, были отобраны инспекціей билеты. Однако, инспекція билетовъ не принимала. Это, конечно, странно, но понятно. Администраціи университета не хотѣлось, чтобы заявленное на первой сходкѣ было мнѣніемъ всего студенчества.

Сначала послѣ суда, сходки устраивались для выраженія негодованія противъ правленія и выраженія солидарности съ пострадавшими. Кѣмъ и какъ устраивались эти сходки? Университетская полиція, вѣроятно, искала организаторовъ, а между тѣмъ они устраивались сами собою. Замѣтитъ ли кто-либо толпу студентовъ, какъ уже предполагается, что это сходка, и толпа все увеличивается и увеличивается. Вообще сходокъ было много. Но большихъ было только нѣсколько. Перечислимъ ихъ. На слѣдующій день послѣ суда правленія, какимъ-то образомъ распространился слухъ (устный, прокламацій не было), что студенты собираются на Нарышкинскомъ скверѣ противъ новой Екатерининской больницы, гдѣ занимаются медики 5-го курса. Здѣсь собралось человѣкъ 300—400. Стали собирать входные билеты для передачи ихъ инспекціи съ выше указанной цѣлью. Вдругъ со стороны Каретнаго ряда показывается отрядъ полицейскихъ, который пошелъ прямо на студентовъ. Послѣдніе, не сопротивляясь, стали расходиться, направляясь къ выходу. Полицейскіе устремились на отступающихъ студентовъ, стали ихъ бить, студенты побѣжали къ

выходамъ, но всѣ выходы съ боковъ были заняты конными жандармами; студентамъ оставалось перейти на Страстной бульваръ, что они и сдѣлали, понуждаемые ударами полицейскихъ сзади. Дойдя до выхода со Страстнаго бульвара на Тверскую площадь, студенты нашли и этотъ выходъ запертымъ. Такимъ образомъ они попали въ ловушку. Идти имъ было уже некуда, а ихъ полицейскіе все били и били. Околодочные и пристава только смотрѣли на побоище. Студенты не защищались, не дрались. Такъ продолжалось минутъ пять. Когда всѣхъ студентовъ изрядно поколотили—у многихъ текла кровь,—выходы съ бульвара освободили, и студенты ринулись на площадь, гдѣ конными жандармами были разсѣяны въ разныя стороны обычнымъ пріемомъ. „Страстное" побоище возмутило все студенчество, тѣмъ болѣе, что распространился слухъ о двухъ убитыхъ—слухъ не подтвердившійся. Студенты возмущались, но ни общество, ни печать, ни профессорская коллегія не отзывались на эту дикую расправу съ молодежью.

На слѣдующій день или въ тотъ же день, точно не помню, вечеромъ распространился слухъ (опять таки черезъ устную передачу), что профессора хотятъ говорить со студентами у зданія новой химической лабораторіи. Несмотря на вечеръ, сюда быстро собралось человѣкъ 500, собралось бы еще больше, но ворота вскорѣ были заперты и человѣкъ 200—300 не попали во дворъ университета. Явились казаки и отвели этихъ въ Бутырки. Собравшіеся же во дворѣ собирали билеты. Конечно, никто изъ профессоровъ къ нимъ не выходилъ, а вышелъ субъинспекторъ Добровъ, который заявилъ, что онъ назначается вмѣсто Брызгалова инспекторомъ. Брызгаловъ пока увольняется въ отпускъ, а затѣмъ будетъ совсѣмъ уволенъ.

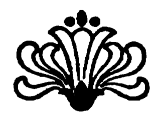
Вотъ если бы причиною волненій былъ Брызгаловъ, послѣ заявленія Доброва волненія должны бы успокоиться, но этого не только не произошло, но они все болѣе и болѣе разгорались. Въ университетѣ занятій собственно уже не происходило. Сходки устраивались во многихъ мѣстахъ, очень многолюдныя.

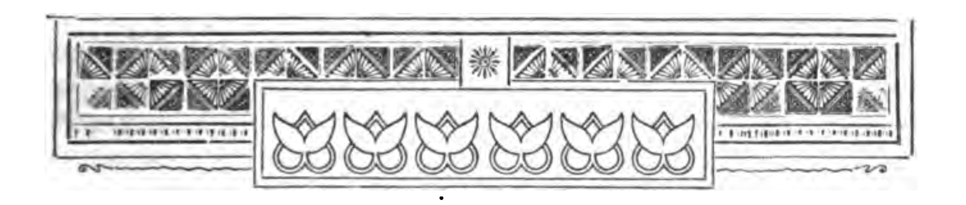
Въ послѣдній разъ сходки устраивались, если не ошибаюсь, 27-го ноября. Самыя многолюдныя были въ большой словесной аудиторіи и въ актовомъ залѣ. На нихъ студенты требовали разслѣдованія дѣла о „Страстномъ" побоищѣ, но ни отъ кого помощи въ этомъ не встрѣтили. Былъ на сходкѣ пр. А. И. Чупровъ, но когда его студенты стали просить научить ихъ привлечь полицію къ судебной отвѣтственности, онъ ничего другаго не нашелъ сказать, какъ, что не занимается судебными дѣлами и не знаетъ, какъ удовлетворить просьбу студентовъ [1]).

[1]) А. И. Чупровъ, кромѣ этого, говорилъ, что онъ былъ у генералъ-губернатора (покойнаго Долгорукова) по поводу избіенія студентовъ, но ничего студентамъ существеннаго по этому поводу не сообщилъ.

На этой сходкѣ было рѣшено лекцій не посѣщать, а на слѣдующій день собраться на общую сходку всѣхъ студентовъ. Но утромъ университетъ былъ объявленъ закрытымъ, студентовъ въ университетъ не пускали, и предложили имъ разъѣзжаться, кто куда хочетъ. Послѣ Рождественскихъ каникулъ занятія возобновились спокойно. Инспекторъ Брызгаловъ такъ и не возвращался „изъ отпуска“, въ теченіе котораго онъ вскорѣ и умеръ. Его мѣсто заступилъ субъинспекторъ Добровъ. Волненія студентовъ улеглись, но недовольство университетскимъ режимомъ осталось и продолжаетъ оставаться до сихъ поръ.

Г. Ростовцевъ.

Несомнѣнные признаки древняго православія въ Привисляньи.

Историческая справка.

Въ польской періодической печати появились за послѣднее время историческія замѣтки о прошломъ плоцкаго римско-католическаго каѳедральнаго костела.

Въ виду допущенныхъ авторами этихъ замѣтокъ нѣкоторыхъ историческихъ неточностей и погрѣшностей, мы для возстановленія картины давно прошедшихъ временъ и имѣя подъ рукой болѣе обширный историческій матеріалъ, считаемъ умѣстнымъ познакомить съ таковымъ, въ настоящей исторической справкѣ, интересующихся лицъ.

Христіанство въ Россіи и Польшѣ принято отдѣльными лицами и цѣлыми поселками далеко еще до княженія св. Владиміра на Руси и польскаго князя Мѣшка I, неправильно лишь называемаго королемъ по имени Мечиславомъ.

По изслѣдованіямъ чешскаго лѣтописца Гайка, современникъ Земовита Пястовича, князя польскаго, жившаго и княжившаго до Мѣшка I, равно и князь русско-хорватскій Бугаринъ, владѣнія котораго простирались по Бугу и Вислѣ [1]), были уже христіане. Главнымъ толчкомъ для принятія христіанства упомянутыми владѣтельными князьями послужила славянская политика великоморавскаго князя Святополка, который враждовалъ съ нѣмецкими императорами изъ-за вліянія на славянъ. Нѣмцы, желая расширить свои области и распространить вліяніе на славянъ съ конечною цѣлью племеннаго поглощенія, стали это дѣлать при помощи западнаго или латинскаго обряда. Святополкъ-Моравскій, считая себя представителемъ византійскихъ началъ и ученій, т. е. византійскаго православія, и видя тогда еще опаснаго врага для славянства и его идей въ западѣ

---

[1]) Рѣка Висла въ древности называлась Бѣлая рѣка.

съ его латинскимъ обрядомъ и нѣмецкими тенденціями и въ предупрежденіе этого явленія, образовалъ союзъ изъ владѣтельныхъ славянскихъ князей. Въ составъ этого союза вошли: велико-моравскій, польскій и русско-хорватскій князья. Союзъ могъ быть заключенъ только при условіи единовѣрія союзниковъ, поэтому тогдашніе владѣтельные князья и приняли христіанство черезъ христіанскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Въ виду отказа князя польскаго Попеля, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ жены-нѣмки, принять христіанство, союзъ лишилъ его княжескаго достоинства и способствовалъ выбору княземъ польскимъ Земовита Пястовича, принявшаго христіанство въ Гнѣзнѣ по восточному обряду. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ слѣдуетъ непреложное заключеніе, что христіанство по православному обряду существовало въ Польшѣ раньше княженія въ ней Мѣшка I.

Свѣтомъ христіанской вѣры просвѣтили славянъ, а именно: болгаръ, сербовъ, русскихъ, чеховъ, моравовъ и поляковъ, равноапостольные святые Кириллъ и Меѳодій. Меѳодій по смерти брата своего Кирилла въ продолженіе 16-лѣтней своей миссіонерской дѣятельности, какъ лично, такъ и черезъ своихъ учениковъ-миссіонеровъ и проповѣдниковъ, рукоположенныхъ имъ въ священническій санъ, обратили въ христіанство много народа, живущаго въ Паннонія, Моравіи, Польшѣ и другихъ мѣстахъ своей громадной епархіи, въ составъ которой входили русскія и русско-хорватскія земли. Эти проповѣдники возвѣщали слово Божіе народу на родномъ языкѣ, каковое обстоятельство засвидѣтельствовано въ лѣтописи преподобнаго Нестора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „И рады быша словены, слышаще величія Божія своимъ языкомъ". Послѣдующіе изслѣдователи этого вопроса, высокопреосвященный Модестъ, протоіерей Хойнацкій, Будинъ и другіе [1]) приводятъ на основаніи уцѣлѣвшихъ древнихъ документовъ подтвержденіе этого обстоятельства, въ слѣдующихъ выраженіяхъ лѣтописи: „Яко они (т. е. священники-проповѣдники, высылаемые архіепископомъ Меѳодіемъ) всюду христіанство по ученію греческія церкви основаху и утверждаху, свидѣтельствуетъ образъ церквей, иже сооружени быша въ Силезіи, Польшѣ, Россіи". Имена нѣкоторыхъ миссіонеровъ, высылаемыхъ св. Меѳодіемъ для проповѣди, извѣстны изъ историческихъ матеріаловъ, какъ, напр., Висногъ и Наврогъ. Новрогъ проповѣдывалъ въ Россіи и въ родственной ей красной и бѣлой Хорватіи, а Висногъ—въ Польшѣ. Оба эти пропо-

---

[1]) Лѣтопись пр. Нестора, стран. 13.

Очерки изъ исторіи правосл. церкви и благочестія на Волыни протоіер. Хойнацкаго. Житоміръ, 1878 г.

Христіанство въ Богеміи и Моравіи. Будина, 1724 г.

вѣдника дѣйствовали совмѣстно и вполнѣ солидарно: каждый въ своемъ районѣ, не мѣшая, а напротивъ способствуя другъ другу во всемъ, что касалось насажденія христіанства.

Большой знатокъ и изслѣдователь вопроса о православіи и русской народности въ Привислянскомъ краѣ, недавно умершій высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ волынскій и житомирскій, въ своихъ сочиненіяхъ по изслѣдованію вѣры и народности Привислянья приводитъ цѣлый рядъ, съ ссылкой на первоисточники, неоспоримыхъ данныхъ, доказывающихъ русскую коренную народность цѣлыхъ мѣстностей Привислянья и вѣковое въ немъ существованіе православнаго обряда, которое смывалось и уничтожалось, постепенно съ усердіемъ достойнымъ лучшей доли, польскими заблужденіями, подъ вліяніемъ запада, а въ особенности нѣмецкихъ интригъ, ведущихъ къ уничтоженію польскую народность въ частности и порывающихся на все славянство вообще.

Ниже и вкратцѣ мы приводимъ рядъ этихъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ сочиненій высокопреосвященнаго Модеста.

Когда Попель II, приверженецъ нѣмцевъ, отвергъ проповѣдь славянскихъ миссіонеровъ, то союзъ князей и поляки сочли это измѣною народности и прогнали его въ чужую страну, гдѣ онъ и умеръ, а княземъ избрали сперва Пяста, принявшаго проповѣдниковъ, а потомъ Земовита, крещенаго проповѣдниками по восточному обряду. Земовитъ нравился полякамъ, потому, что онъ защищалъ славянскіе обычаи и народную самостоятельность и былъ врагомъ нѣмцевъ. Земовитъ возвышался въ глазахъ народа и тѣмъ, что принялъ христіанство не изъ рукъ нѣмцевъ, а отъ славянскихъ проповѣдниковъ, совершившихъ постриженіе или крещеніе его [1]). Достойно вниманія, что посольство къ славянамъ и въ Польшу греческихъ миссіонеровъ Мартинъ Бѣльскій полагаетъ при Земовитѣ [2]). Около 913 года правитель Польши Земомыслъ или Земиславъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыя провинціи великаго княжества Моравскаго и, желая болѣе привязать къ себѣ жителей его, уже христіанъ, оказывалъ уваженіе къ ихъ вѣрѣ, и чрезъ это далъ христіанству возможность еще болѣе распространиться въ Польшѣ. Чрезъ нѣсколько времени многіе знатные люди переселились изъ Моравіи въ Польшу и потомъ вызвали оттуда для себя священнослужителей [3]). Къ сему времени Гозій относитъ и построеніе православной церкви въ Кра-

[1]) Encyklopedja Powszechna. Tom XXI, слово: Пястъ.

[2]) Петрушевичъ. Холмская епархія и ея святители. Львовъ, 1867 г. стран. 2—5.

[3]) Triese. Kirchengeschichte des Polen, p. 33 и Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ на 1866 г., стран. 105.

ковѣ во имя Пресвятыя Дѣвы Маріи [1]). Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что гораздо прежде обращенія Мѣшко I, христіанство, а именно по восточно-православному исповѣданію, уже существовало въ Польшѣ и многія тысячи христіанъ находились въ Польшѣ и въ сосѣдней съ ней Руси [2]). Въ началѣ X вѣка, многія моравскія фамиліи, убѣгая свирѣпства угровъ, владѣвшихъ частью Моравіи, поселились въ Польшѣ и, какъ сказано выше, многія духовныя лица перешли съ ними и въ русскую Хорватію. Они построили для себя въ Краковѣ церковь Св. Креста, гдѣ отправлялось богослуженіе для переселившихся моравцевъ. Эти люди духовные и свѣтскіе, а особенно находившіеся въ княжеской службѣ, или приходившіе въ край для торговли, имѣя свободный доступъ къ Мѣшку I, разъясняли ему заблужденія язычества и величіе христіанской религіи, которая одна можетъ доставить истинное счастіе. Убѣжденія подѣйствовали на Мѣшка, и онъ, склонившись къ принятію христіанства, пожелалъ взять въ замужество Дубравку, дочь чешскаго князя Болеслава I. Дубравка не иначе согласилась вступить въ бракъ съ Мѣшкомъ, какъ если онъ самъ и народъ польскій примутъ христіанство. По свидѣтельству моравскихъ и чешскихъ писателей, Дубравка прибыла въ Польшу въ сопровожденіи многихъ славянскихъ священниковъ для преподанія полякамъ вѣры на родномъ языкѣ. Мѣшко принялъ святое крещеніе отъ чешскаго священника Боговида или Өеофана въ 965 году, по восточному греко-славянскому или православному обряду и съ этихъ поръ и только послѣ крещенія его можно называть княземъ. Народъ, слѣдуя примѣру своего князя, во множествѣ принималъ св. православную вѣру [3]). Въ то время, какъ Кириллъ и Меѳодій распространяли православіе и славяно-восточный обрядъ богослуженія, на западѣ вовсе не было въ обычаѣ совершать богослуженія для вновь обращаемыхъ народовъ на ихъ родномъ нарѣчіи.

Распространеніе грекославянскаго обряда въ Болгаріи, Моравіи и Польшѣ встрѣчено западными миссіонерами крайне враждебно и сравнивалось съ распространеніемъ ереси. И, наоборотъ, восточные проповѣдники обвиняли римлянъ (латинянъ) того времени въ треязычной ереси, потому что, по ихъ мнѣнію, славить Бога можно только на трехъ языкахъ—еврейскомъ, греческомъ и римскомъ. Подобнаго мнѣ-

---

1) У Triese, p. 34.

2) Холмскій мѣсяцесловъ 1866 г., стран. 105—106.

3) Historja narodu Polskiego, Naruczewicz. Tom IV, Lipsk, 1836 r., стран. 17—19.

Maciejowski. Pierwotne Dzieje Polski i Litwy. Warszawa, 1846 г., стран. 119—120.

Bandkie. Dzieje Królewstwa Polskiego. Tom I, 1820, стран. 140—150.

нія не было въ православной восточной церкви. Слѣдовательно, грекославянскій обрядъ, распространенный Кирилломъ и Меѳодіемъ, есть доказательство православія того обряда. Далѣе извѣстно, что обрядъ заключаетъ въ себѣ и ученіе. Богослуженіе православной восточной церкви есть сокровищница православнаго богословія. Какое ученіе заключаетъ въ себѣ славянскій обрядъ? Ученіе не западной, а православно-восточной церкви, то же самое ученіе и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ состоитъ и теперь богослужебный чинъ церкви. Для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить богослужебныя книги, переведенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ на славянскій языкъ, съ богослужебными книгами греческой церкви, чтобы видѣть ихъ внутреннее согласіе и сходство. Напримѣръ, св. Кириллъ и Меѳодій перевели съ греческаго на славянскій языкъ книгу октоихъ, а книги октоиха вовсе нѣтъ въ западной церкви. Поэтому нельзя сказать, чтобы славянскій обрядъ былъ признакомъ римскаго католичества, а не восточнаго православія. А если принять во вниманіе, что въ IX вѣкѣ на западѣ стало распространяться ученіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына и что въ богослужебныхъ книгахъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, и въ самомъ исповѣданіи вѣры Кирилла и Меѳодія ясно возвѣщалось, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца, то не останется мѣста сомнѣнію, что св. Кириллъ и Меѳодій, греки по происхожденію, православные по вѣрѣ, ввели славянскій обрядъ и съ нимъ православную вѣру между славянами.

Римскіе епископы или папы усиливались истребить между славянами грекославянскій обрядъ вмѣстѣ съ православіемъ. Такое желаніе они могли осуществить посредствомъ преданныхъ имъ епископовъ и нѣмецкихъ императоровъ, для чего пользовались обстоятельствами, переживаемыми славянскими княжествами. Польское княжество находилось тогда въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны къ ней примыкала Русь. Св. Владиміръ послѣ Олега былъ дѣятельнымъ собирателемъ Руси, не любилъ запада и его обычаевъ, старался сдѣлать Русь великою. Мѣшко I, къ сожалѣнію, держался другой политики. Такъ какъ со всѣхъ другихъ сторонъ Польша окружена была нѣмцами, или приверженцами папизма и нѣмецкихъ обычаевъ, то подъ ихъ напоромъ Мѣшку приходилось сперва лавировать и даже заискивать у ненавистниковъ славянскихъ идей и элемента: нѣмцевъ—папы и добиваться даже у нихъ милости и покровительства. Нѣмецкій императоръ имѣлъ надъ польскимъ княземъ господство, потому Мѣшко I платилъ ему дань. Онъ долженъ былъ слушать императорскаго приказа, давать ему войско для войны. А нѣмецкіе епископы старались совершенно подчинить его папѣ и для этого льстили обѣщаніемъ исходатайствовать для него у папы королевскій титулъ.

А папа не торопился давать этотъ титулъ Мѣшку, какъ еретику, державшемуся славянскаго обряда и греческаго православія. Нужно было со стороны Мѣшка опровергнуть это и въ угожденіе папѣ измѣнить православію. Но пока жила дочь чешскаго короля Дубравка, это трудно было сдѣлать. Дубравка защищала православіе и славянскій обрядъ. Бывшіе при ней чешскіе священники и польскій народъ противились введенію латинскаго обряда и римско-католичества. Но по смерти Дубравки, слабохарактерный Мѣшко I женился на католической монахинѣ Одѣ, родомъ нѣмкѣ, украденной имъ изъ монастыря, и по ея вліянію, особенно послѣ смерти Мѣшка I, славянскій обрядъ въ Польшѣ, приверженицѣ папства и въ угоду нѣмцамъ, стали насильственно измѣнять на обрядъ латинскій и православіе на римскую вѣру [1]).

Явленія эти вызвали сильное упорство въ населеніи, съ которымъ пришлось вести католикамъ продолжительную борьбу. Еще въ концѣ 17-го столѣтія, потребовалось учрежденіе, напр., въ Плоцкѣ земскаго, обширнаго и богато обставленнаго монастыря Норбертанокъ, равно и въ другихъ мѣстностяхъ Привислянья монашескихъ орденовъ въ цѣляхъ борьбы съ упорствующими, а въ особенности съ консервативнымъ женскимъ элементомъ. Сохранилось преданіе о существованіи духовнаго застѣнка на Съѣздѣ, что̀ нынѣ домъ Магенты въ г. Плоцкѣ, который, вѣроятно, былъ построенъ въ цѣляхъ далеко не гуманныхъ, но способствующихъ уничтоженію упорства.

Послѣ всего сказаннаго, естественно, что князь Мѣшко при постройкѣ христіанскихъ храмовъ, какъ въ своемъ княжествѣ, такъ и на окраинахъ онаго и въ смежныхъ славянскихъ земляхъ, которыя были или въ ленной зависимости, или предполагались къ присоединенію къ владѣніямъ Мѣшка, строилъ храмы по образцу востока [2]). Обстоя-

---

[1]) Голосъ правды, переводъ съ польскаго. Кіевъ, 1870 г. Подолянина.

Bronisław Trętowski. Chowanna czyli systemat pedagogyi. Poznań, 1842 г. Томъ II, poszyt II.

[2]) Ссылка польскихъ современныхъ авторовъ въ историческихъ газетныхъ замѣткахъ о построеніи Мѣшкомъ костеловъ въ 9-ти названныхъ ими пунктахъ — неточна. Строились церкви, при чемъ построенная въ Холмѣ, а не Хелмѣ, церковь не могла быть тамъ выстроена, такъ какъ основаніе Холма относится къ XII столѣтію Обстоятельство это не исключаетъ возможности построенія церкви въ дер. Столпьѣ, около Холма. Построеніе церкви въ Краковѣ тоже не подлежитъ оспариванію, если только авторы не смѣшиваютъ Мѣшковской церкви съ церквами во имя Пресвятой Дѣвы Маріи и Св. Креста, построенными до княженія Мѣшка.

Недоумѣніе авторовъ историческихъ замѣтокъ по поводу указанія на отсутствіе герба у плоцкаго епископа Стефана объясняется очень просто и тѣмъ, что установленіе названія фамилій и гербовъ относится къ XIV столѣтію.

тельству этому способствовали священнослужители, прибывшіе съ женой Мѣшка, Дубравкой. Конечно, по ихъ планамъ и совѣтамъ были выписаны распорядители работъ, которые строили храмы, въ чисто византійскомъ стилѣ, безъ примѣси романизма. Такимъ образомъ плоцкій храмъ, построенный при Мѣшкѣ, по всѣмъ даннымъ, имѣющимся на лицо и замѣтнымъ по формѣ крестообразнаго зданія, построенъ былъ въ выдержанномъ византійскомъ стилѣ. Конечно, наслоенія послѣдующихъ религіозныхъ и политическихъ событій много повліяли на его форму и нынѣшній видъ, исказивъ первоначальный византійскій стиль до неузнаваемости. И такъ: наружныя стѣны, каменной кладки, были гораздо выше. Середина, выведенная въ кирпичной кладкѣ и возвышающаяся надъ уровнемъ каменной, явленіе послѣдующихъ вѣковъ, равно какъ и новѣйшая и сильно замѣтная кирпичная кладка алтарной части. Пристройка эта повышена непомѣрно и удлинена противъ первоначальнаго вида. Характерной особенностью этого памятника сѣдой славянской старины являются двѣ пристройки, прямоугольной формы каменной кладки у алтарной части. Всѣ древніе храмы восточной церкви имѣютъ такой именно видъ, такъ какъ въ былое время рядомъ съ алтаремъ (святая-святыхъ) съ лѣвой стороны устраивался жертвенникъ, а съ правой—діаконикъ. Оба эти помѣщенія соединялись непосредственно съ алтаремъ. Упоминаемая авторами историческихъ замѣтокъ желѣзная золоченая рѣшетка съ подсвѣчниками, отдѣляющая алтарь отъ храма ни болѣе, ни менѣе, какъ остатки, слѣды и доказательство существованія иконостаса. Строгое направленіе алтаря на востокъ, равно наличные признаки сѣверныхъ и южныхъ вратъ, хотя и задѣланныхъ, но существованіе которыхъ неоспоримо по имѣющимся полукруглымъ выступамъ, изобличаютъ въ цѣлости храма чисто византійскій стиль безъ примѣси какого бы то ни было романизма. Размѣры и цѣль настоящей исторической справки лишаютъ насъ возможности въ частностяхъ и деталяхъ разсмотрѣть этотъ вопросъ, но и сказанное, въ связи съ историческими данными о прошломъ, первоначально княжества, а впослѣдствіи королевства Польскаго и принятія въ немъ христіанства, говорятъ и убѣждаютъ въ томъ, что плоцкій храмъ построенъ былъ въ выдержанномъ византійскомъ стилѣ.

Что же касается металлическихъ дверей, ведущихъ изъ притвора въ самый храмъ, а не снаружи [1]), то авторы „историче-

[1]) Неизвѣстный, но усердный, а главное пылкій корреспондентъ, одной изъ польскихъ газетъ предлагаетъ выкупить (sic!) двери, при чемъ видно, что авторъ письма что-то слышалъ про какія-то двери, но, повидимому, не читалъ ничего печатающагося по этому поводу въ польскихъ газетахъ. Указанія нѣтъ: одного изъ авторовъ на событія при Августѣ II и неумѣстны и неосторожны:

скихъ замѣтокъ" недостаточно провѣрили это обстоятельство, придавъ ему не точную окраску. Ссылка авторовъ на историческіе матеріалы очень скромна и не убѣдительна, а высказываемыя догадки требуютъ строгой провѣрки. Благодаря любезности недавно скончавшагося каѳедральнаго протоіерея Софійскаго собора въ Новгородѣ, почтеннаго отца Орнатскаго, предоставившаго въ наше распоряженіе историческій матеріалъ, собранный ключаремъ Софійскаго собора священникомъ Конкординымъ относительно дверей Софійскаго собора, которыя носятъ названіе Корсунскихъ, мы можемъ дать точное таковыхъ описаніе. Раньше, однакожъ, этого описанія, справедливость требуетъ сказать, что точное происхожденіе дверей, въ Новгородѣ, неизвѣстно, хотя существуетъ предположеніе, что двери пріобрѣтены во время торговыхъ сношеній господина великаго Новгорода съ Ганзейскимъ союзомъ. Предположеніе это не исключаетъ и другаго предположенія, что двери эти могли быть пріобрѣтены, какъ военная добыча во время веденія войнъ тѣмъ же великимъ Новгородомъ или со шведами, или съ ливонцами, или съ Литвой. Личный нашъ взглядъ, по этому поводу, слѣдующій. Если и допустить, что двери эти были, не ранѣе XIII столѣтія, въ Плоцкомъ храмѣ, то исчезновеніе ихъ, на совершенно мирныхъ основаніяхъ, мы способны приписать тѣмъ же явленіямъ, примѣняемымъ раньше, которыя въ полной мѣрѣ и степени слѣдовали за 1566 годомъ, послѣ призыва Гозіемъ, епископомъ вармійскимъ, ордена іезуитовъ [1]). Въ этотъ періодъ погибло очень много памятниковъ славянства и польской старины, библіотеки очищены до неузнаваемости. Къ этому же времени надо отнести сожженіе св. библіи, переведенной въ Гданскѣ въ 1532 году на польскій языкъ, а также хроники Мартина Бѣльскаго, переведенной съ польскаго на русскій и можетъ быть писанной по-русски [2]). Вѣроятнѣе всего, что

такъ можетъ говорить человѣкъ, не изучавшій исторіи, а только умѣющій таковую дѣлать. Такая замѣтка могла быть допущена къ печати, только по недосмотру, такъ какъ содержаніе ея прямо противорѣчитъ изслѣдованіямъ, хотя и тенденціознымъ, но все же одного изъ польскихъ современныхъ исторіографовъ.

[1]) Encyklopedja Koscielna, томъ IX, Варшава, стран. 65, 66.

[2]) 1. Вѣстникъ западной Россіи, кн. III. Вильно, 1866 г., отд. III, стран. 27, 28.

2. O Zakladach naukowych i o shutkach oswiaty u Slowian przez Maciejowskiego, стран. 332, 333.

3. Encyklopedja Powszecwna. Tom XIII, стран. 330, 331.

4. Церковно-историческое описаніе Варшавской епархіи. Почаевъ, 1862 г., стран. 109, 120.

5. Вѣстникъ югозападной и западной Россіи, ноябрь, 1862 г., стран. 217.

6. Тоже, февраль, 1863 г., стран. 60.

7. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, 1865 г., стран. 370—405.

печальной участи—экстракціи, путемъ ли продажи, или мѣны, подвержены были своевременно и двери, какъ нѣмой свидѣтель прошлаго, нежелательнаго для послѣдователей запада и Рима. Во всякомъ случаѣ двери эти, если и были въ Плоцкѣ, то очень недолго, такъ какъ Новгородская лѣтопись (по Софійскому списку) подъ 1336 г. говоритъ: „св. Софіи соборъ тыномъ новымъ отынили и двери мѣдныя золоченыя устроили у паперти церковной“. Подъ 1450 г. въ той же лѣтописи передается объ исправленіи притвора св. Софіи, при чемъ врата эти называютъ „Корсунскими“. Надо полагать, что лѣтопись, передавая о постановкѣ вратъ въ 1336 г., не преминула бы упомянуть о томъ, что таковыя пріобрѣтены на войнѣ, или отобраны силой. Фактъ не маловажный для лѣтописца [1]). Изъ сказаннаго истекаетъ заключеніе, что двери, вѣрнѣе врата, или пріобрѣтены Новгородомъ у Ганзейскаго союза или, что вѣрнѣе, ганзейцы сами привезли ихъ въ Новгородъ [2]).

Допуская предположеніе, что̀ двери Софійскаго каѳедральнаго собора были когда-нибудь въ Плоцкѣ и разсуждая логически, безъ примѣси, въ данномъ случаѣ, какихъ бы то ни было историческихъ справокъ, невольно зарождается вопросъ: зачѣмъ для мѣстности съ кореннымъ, какъ будто польскимъ населеніемъ и исповѣдующимъ какъ будто римско-католическую вѣру, понадобились бы въ храмѣ Божіемъ двери съ надписями на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ? Мы полагаемъ, что только мѣстныя, чисто національныя условія вызвали эту необходимость; что же касается латинскихъ надписей, то это было, если можно такъ выразиться, пробнымъ шаромъ для постепеннаго пріученія, а затѣмъ и поглощенія вѣры и народности, что̀ послѣдующая, упорная и усиленная, вѣковая работа и нынѣшнее положеніе, блестяще доказываютъ.

Исходя изъ того же предположенія о принадлежности дверей Плоцкому храму и объясняя ихъ изготовленіе въ Магдебургѣ, можно заключить слѣдующее: двери могли быть заказаны въ Магдебургѣ, такъ какъ тамошніе архіепископы хотѣли и распространяли свою юрисдикцію и на земли славянъ. Хотя въ 1000 году польскій князь, а впослѣдствіи самокоронованный король Болеславъ заключилъ съ германскимъ императоромъ Оттономъ III договоръ, на основаніи котораго зависимость польской церкви отъ магдебургскихъ архіепископовъ прекращена, но тѣмъ не менѣе духовный Магдебургъ не дремалъ и такъ или иначе дѣйствовалъ черезъ дружелюбное духовенство на польскій, русскій и хорватско-русскій элементъ.

---

[1]) Данныя эти сообщилъ Ф. А. Ушаковъ, ссылающійся на изданія археографической комисс. 1879 г., Спб.

[2]) По сообщенію Н. П. Авенаріуса.

Корсунскія врата, находящіяся у западнаго входа въ Софійскій соборъ, по своей древности и устройству имѣютъ не малое значеніе въ археологическомъ отношеніи. Высота ихъ 5 аршинъ, а ширина $1^3/_4$ арш. Они состоятъ изъ двухъ половинокъ, на которыхъ 48 разной величины бронзовыхъ литыхъ пластинокъ или дощечекъ, прикрѣпленныхъ къ дереву винтами [1]). Предметы, изображенные на вратахъ (бронзовыхъ пластинкахъ), взяты большею частью изъ Священнаго Писанія (4 изъ ветхаго завѣта и 22—изъ жизни Іисуса Христа, на остальныхъ дощечкахъ разныя аллегорическія и миѳологическія фигуры). По краямъ обѣ половины обложены выпуклою бронзовою каймою съ разными украшеніями, и каждая въ отдѣльности раздѣляется поперечною каймою на 7 отдѣленій съ вычеканенными изображеніями или фигурами, при которыхъ въ большинствѣ случаевъ вырѣзаны и надписи на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

На одной половинѣ вратъ (правой, если смотрѣть отъ собора) въ верхнемъ отдѣленіи, въ срединѣ Спаситель, сидящій на престолѣ, правою рукою благословляющій, а въ лѣвой держитъ Евангеліе. Возлѣ главы Спасителя надпись ІС. ХС., а надъ главою а и ω; другія надписи по сторонамъ этого изображенія относятся къ слѣдующему. Вблизи Спасителя стоятъ два мужа (апостолы Петръ и Павелъ), у одного въ рукѣ ключъ, а у другаго -- свитокъ.

По правую сторону Спасителя на особой доскѣ, другіе шесть апостоловъ и впереди ихъ Богоматерь, у главы которой надпись: АПЛІ, относящаяся несомнѣнно къ апостоламъ.

По лѣвую сторону Спасителя, на особой доскѣ, другіе шесть апостоловъ, изъ коихъ видны четыре, а у двухъ — только однѣ головы, впереди апостоловъ стоитъ ап. Петръ съ ключемъ, здѣсь надпись: DUODECIM APLI.

Во 2-мъ отдѣленіи: на первой доскѣ — крещеніе Господне; мѣстомъ событія здѣсь представленъ не Іорданъ, а какой-то домъ, или храмъ; Предтеча, у котораго правая рука лежитъ на груди Спасителя, лѣвою рукою касается самой главы Спасителя; выше главы Спасителя надпись: IНС BABTIZATUR.

На второй доскѣ изображено Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ. Архангелъ стоитъ на какомъ-то животномъ, въ родѣ агнца, указательный палецъ правой руки приподнятъ вверхъ, а въ лѣвой — свитокъ. Дѣва Марія съ праслицею въ лѣвой рукѣ, сложенной къ сердцу,

---

[1]) Ранѣе деревянная рама была еловаго дерева, мѣстами попортившаяся, пластинки не всѣ были на винтахъ, поэтому въ послѣднюю раставрацію онѣ привинчены на дубовую раму винтами той формы, какая на иныхъ сохранилась съ исправленіемъ недостающихъ мелкихъ частей; съ исподней стороны дубовая доска обита мѣдными листами.

правою рукою оперлась на поясъ; Духъ Святый въ видѣ голубя клювомъ касается главы Пресвятой Дѣвы. Надъ главами архангела и Дѣвы надпись: + AVE MARIA GRACIA PLENA DNS TECUM + GABRIEL. На поперечной перекладинѣ небольшая фигура человѣка, держащаго что-то въ рукахъ.

На третьей доскѣ изображено Рождество Христово; Богоматерь представлена лежащею па ложѣ, покрытая покрываломъ; у изголовья Ея сидитъ праведный Іосифъ; въ углу надъ Богоматерью виденъ младенецъ — Іисусъ Христосъ, повитый пеленами въ ясляхъ, предъ Нимъ стоятъ волъ и оселъ.

Въ третьемъ отдѣленіи четыре доски:

На первой (крайней) — изображена неизвѣстная фигура стоящаго человѣка въ пестрой одеждѣ, держащаго у груди раскрытую книгу, фигура этого человѣка не имѣетъ никакого отношенія къ другимъ изображеніямъ.

На другой доскѣ — три волхва; въ рукахъ у одного волхва чаша съ дарами, надъ другой фигурой волхва находится корона, а въ правой рукѣ сосудъ съ дарами; подъ ногами третьей фигуры какое-то животное, вродѣ собаки или агнца, и въ рукахъ тоже сосудъ съ дарами, надъ головами фигуръ русская надпись: ВОЛСВИ ПЕРСИСТІ ИДУТ КЪ ХРУ З ДАРЫ.

На третьей доскѣ — Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ сидитъ на престолѣ съ низкою спинкою и тремя ступенями, правая рука Божественнаго Младенца простерта для благословенья; по лѣвую сторону отъ Богоматери стоитъ ангелъ, правою рукой подаетъ Богомладенцу шаръ, какъ символъ владычества, а въ лѣвой — держитъ свитокъ; съ правой стороны, выше престола, — звѣзда, надъ главою Богоматери надпись: ПРЧТАЯ.

На четвертой доскѣ изображена женщина съ младенцемъ, выше ея латинская и русская надпись: RACHEL, РАГХИЛЪ.

Въ четвертомъ отдѣленіи три доски:

На первой — Срѣтеніе Господне. Богоматерь стоитъ у стола и держитъ двухъ птенцовъ, предъ Нею старецъ, подающій младенца стоящей у колонны женщинѣ (вѣроятно, Аннѣ пророчицѣ), на доскѣ четыре надписи: СРѢТЕНІЕ ГНЕ, направо выше — ПРЧСТА ІС. ХС., лѣвѣе — СВЯТЫХЪ СВЯТІЯ.

На второй доскѣ — діаконъ въ римской церковной одеждѣ съ остриженными волосами, въ правой рукѣ его кадило, въ лѣвой — свитокъ, надъ нимъ надпись: ДІАКОНЪ.

На третьей — дверная ручка, имѣющая видъ двухъ змѣй, прикрѣпленныхъ къ львиной головѣ, въ зубахъ которой человѣческія головы, вверху надпись: АДЪ ПОЖИРАЕ ГРѢШНЫХ.

Въ пятомъ отдѣленіи четыре доски:

На первой изображено: посѣщеніе св. Дѣвою Елисаветы, надъ ними двѣ надписи — русская и латинская: МАРІЯ И ЕЛИСАВЕѲЬ ЧЕЛОВЯСТАСЯ, другая — MARIA ET ELISABET.

На второй — бѣгство св. Семейства въ Египетъ. Богоматерь сидитъ на животномъ, въ рукахъ Ея Младенецъ, у котораго раскрытая книга, — праведный Іосифъ одною рукою ведетъ впереди животное, а другою — держитъ что-то въ родѣ опахала; выше изображеній двѣ надписи: русская — МАРІЯ МТИ ІОВА СНИДЕ ВЬ ЕГИПЕГ СО ІѠСИФМ, въ латинской — + MARIA MATER IHU DESCNDIT IEGBTY CU IOSEPH.

На третьей — діаконъ римской церкви съ книгою, надъ нимъ надпись: ДІАКОНЪ.

На четвертой доскѣ — католическій епископъ въ церковной одеждѣ, на немъ шапка острымъ треугольникомъ кверху, правая рука поднята для благословенія, по римскому обряду, въ лѣвой посохъ, вверху нѣсколько загнутый, по сторонамъ два діакона, одинъ изъ коихъ (правый) держитъ свитокъ, а другой — сосудъ; надъ діаконами надпись: ДІАКОНЫ, у головы епископа латинская и русская надписи: + ALEXANDER EPS DE BLUCICH и АЛЕКСАНДРЪ ЕПКПЪ.

Въ шестомъ отдѣленіи двѣ доски:

На первой — взятіе Иліи на небо. Илія сидитъ на колесницѣ, запряженной двумя конями, взоръ его устремленъ вверхъ на облака, откуда видна рука благословляющая, правой рукой держитъ одежду, чтобы сбросить ее Елисею, лежащему на землѣ и смотрящему вслѣдъ уносящемуся на облака учителю. Выше надпись:

ВЗЯТЄ ИЛІИ ПРОРК Ѿ ЗЄМЛЯ В РАП.

На второй доскѣ — два аллегорическія изображенія — крѣпость и убожество, не имѣющія отношенія къ прочимъ изображеніямъ. Здѣсь изображенъ юный воинъ съ мечемъ въ рукѣ, стоящій на туловищѣ согбеннаго другаго человѣка, у головы воина надпись: КРѢПОСТЬ; рядомъ съ первымъ воиномъ стоитъ другой, старый, вооруженный щитомъ и копьемъ, одною ногою онъ стоитъ на спинѣ, а другою — на бедрѣ лежащаго человѣка, у головы воина надпись, отчасти закрытая каймою, которую можно принять за FORTITUDO, а внизу у лежащаго человѣка PAUPERTAS УБОЖЕСТВО.

Въ седьмомъ отдѣленіи пять досокъ:

На первой — мастеръ Риквинъ, съ вѣсами въ правой рукѣ и клещами въ лѣвой, вокругъ головы надпись: RIQVIN ME FEC, подъ ногами русская надпись: МАСТЕРЪ НИКВНЪ МЕ ПЕГИ.

На второй доскѣ — грѣхопаденіе Адама и Евы, которые пред-

ставлены стоящими у дерева, въ одной рукѣ у нихъ по яблоку, въ лѣвой — листья, которыми они закрываютъ свою наготу; вокругъ дерева обвился змѣй, устремляющій свое жало на Еву; вверху противъ Адама русская надпись: АДАМЪ, а противъ Евы — ЕВГА; у головы Адама другая надпись:

АДАМЪ СНѢДОСТ ОТЪ ПЛОДА ДРЕВУ.

На третьей доскѣ, въ рядъ съ каймою, изображенъ художникъ, въ надписи названный Авраамомъ; на шеѣ у него крестъ, въ лѣвой рукѣ клещи, а въ правой — молотокъ.

На четвертой — сотвореніе Евы; Творецъ изъ бедра Адамова вынимаетъ руками Еву, сверху спускаются два ангела, между ангелами надпись: СОТВОРЕНІЕ АДАМЛЕ И ЕВГИНО.

На пятой доскѣ — художникъ Воизмутъ, держащій въ рукахъ клещи, надъ главою латинская надпись: WAISMUTH, а у ногъ русская — ВОИЗМУТЪ.

Вторая (лѣвая) половина вратъ.

Верхняя доска занимаетъ всю ширину этой половины, на ней изображенъ Христосъ, Царь славы, въ кругѣ, поддерживаемомъ ангелами, сидящій на радугѣ со звѣздами; правою рукою Онъ благословляетъ, въ лѣвой Евангеліе, ноги Христа положены на животныхъ, правая — на львѣ, лѣвая — на крылатомъ драконѣ, по бокамъ Спасителя солнце и луна, а въ углахъ символы евангелистовъ: вверху лѣваго угла орелъ, на немъ надпись: IOHANES, внизу — крылатый левъ, у котораго написано S. MARC, внизу праваго угла — телецъ, надъ нимъ надпись — S. LUCAS, а вверху — ангелъ, на книгѣ коего написано — SCS. MATHEUS; у головы Спасителя по верхнему кругу надпись — DOMINUS VIRTUTUS, внизу круга другая надпись: IPSE CESTREX GLE.

Во второмъ отдѣленіи четыре доски:

На первой — человѣкъ, на груди его щитъ, въ правой рукѣ ножъ, надъ нимъ надпись: SIGERE.

На второй доскѣ — входъ Господень въ Іерусалимъ; Спаситель сидитъ на ослѣ, возлѣ котораго бѣжитъ осленокъ, въ лѣвой рукѣ держитъ пальмовую вѣтвь, правая рука приподнята для благословенія; три апостола идутъ позади осла, изъ коихъ одинъ оперся на крестецъ осла; въ рукахъ апостоловъ вѣтки пальмъ. На перекладинѣ, гдѣ поставленъ оселъ, написано: IN ASINO XPS. VEH.

На третьей — неизвѣстный молодой человѣкъ, въ короткой одеждѣ, пальцемъ правой руки указывающій на свитокъ, который онъ держитъ въ лѣвой рукѣ.

На каймѣ, отдѣляющей 2-ую доску отъ третьей — изображенъ человѣкъ со щитомъ и мечемъ, въ ногахъ его распростертая собака.

На четвертой доскѣ—Срѣтеніе Господне; здѣсь стоятъ въ городскихъ воротахъ нѣсколько лицъ съ пальмами въ рукахъ, ниже на землѣ видно какое-то растеніе въ родѣ лилій, выше — въ рукахъ юноши, надпись — IHERUZA-MEL, а противъ него другой юноша— указываетъ пальцами путь.

Въ третьемъ отдѣленіи четыре доски:

На первой доскѣ изображеніе какой-то женщины съ собакою въ рукахъ.

На второй — преданіе Іудою Господа. Предатель обнялъ обѣими руками Спасителя, чтобы облобызать Его; по одну сторону Спасителя стоитъ апостолъ Петръ въ печальномъ видѣ, а по другую — два воина въ колпакахъ, кверху заостренныхъ, и съ веревкой въ рукахъ. Мѣсто событія окружено 2-мя витыми столбами съ аркою, на которой написано: S.-PETRUS + IUDAS TRADIDIT X — PM.

На каймѣ—неизвѣстный, малаго роста, человѣкъ, со сложенными у груди руками, въ которыхъ держитъ палку, подъ ногами этого человѣка другой неизвѣстный, со щитомъ и палкою, стоящій на ногахъ другаго человѣка, въ рукахъ котораго свитокъ.

На третьей доскѣ — неизвѣстный молодой человѣкъ, въ рукахъ котораго змѣя съ открытою пастью.

На четвертой — Христосъ въ темницѣ. Спаситель, согнувшись подъ низкимъ сводомъ, сидитъ на каменномъ сѣдалищѣ, руки Его привязаны къ столбу; предъ Спасителемъ ангелъ-утѣшитель; по краямъ свода — двѣ башни, надъ аркою свода видны три воина, два—въ острыхъ колпакахъ, со щитами и мечами. Подъ изображеніемъ надпись: БЕИЕНИЕ IC ХВО У СТОЛПА.

Четвертое отдѣленіе:

Дверная ручка въ видѣ львиной головы съ открытой пастью, въ которой видна одна человѣческая голова.

На второмъ мѣстѣ—мужчина въ коронѣ, въ правой рукѣ у него мечъ, а лѣвою держитъ ножны, подъ нимъ написано — КОРОЛЬ.

На каймѣ — воинъ съ копьемъ въ правой рукѣ, подъ нимъ распростертая собака.

На слѣдующей доскѣ — царь Иродъ въ порфирѣ и на тронѣ, на головѣ у него корона, въ лѣвой рукѣ скипетръ, надъ головою надпись — HIERODES IMP.

На четвертой доскѣ изображено бичеваніе Христа, Который привязанъ къ столбу, сверху Спаситель обнаженъ, надъ Нимъ ангелъ съ книгою въ рукахъ, а на столбѣ Духъ Святый въ видѣ голубя; спереди и сзади Христа два воина въ остроконечныхъ шапкахъ. Недалеко отъ главы Спасителя надпись: + ІИС.

Пятое отдѣленіе:

На первой доскѣ — распятіе Христа; крестъ состоитъ изъ паль-

мовыхъ вѣтвей, на поперечной перекладинѣ, въ концахъ прибита дощечка, нижней части креста не видно, а ноги Божественнаго Страдальца пригвождены къ подножію; Спаситель съ креста подаетъ руку Своей Матери, которая обнимаетъ эту руку; по другую сторону стоитъ Іоаннъ Богословъ съ книгою въ рукѣ; у главы Спасителя склонились два ангела. На верхнемъ концѣ креста прибита доска съ надписью: RNE.

На второй доскѣ — неизвѣстное изображеніе женщины въ клѣтчатой одеждѣ съ какимъ-то закрытымъ сосудомъ въ рукѣ.

На третьей — неизвѣстное изображеніе молодаго мужчины въ такой же клѣтчатой одеждѣ, онъ опирается руками въ поясъ, одна рука обломана.

На четвертой — три мѵроносицы у гроба Спасителя, въ рукахъ каждой сосудъ съ ароматами, а одна — стоящая съ лѣвой стороны, держитъ еще въ правой рукѣ кадило, опущенное въ гробъ; у послѣдняго съ правой стороны сидитъ ангелъ, перстомъ указующій на гробъ.

Шестое отдѣленіе:

На первой доскѣ изображено сошествіе Іисуса Христа во адъ; у Спасителя въ рукахъ копье, обращенное въ преисподнюю, откуда виденъ сосудъ съ человѣческими головами. Надъ Спасителемъ надпись: + DESCENDIT AD IFEROS.

На второй—Вихманъ, епископъ Магдебургскій, въ полномъ облаченіи; правая рука сложена для благословенія, въ лѣвой — посохъ, кругомъ головы надпись: WICMANUS MEGIDEBURVRGESIS EPC.

На третьей доскѣ — Воскресшій Христосъ среди двухъ ангеловъ, правой рукой благословляетъ, въ лѣвой—крестъ, по сторонамъ Спасителя написано: Іс҃. Хс҃., надъ ангелами: АРХНГЛЪ [1]).

На четвертой доскѣ — неизвѣстное изображеніе пожилаго человѣка въ пестрой одеждѣ, въ правой рукѣ — мечъ, а въ лѣвой — ножны, прикрѣпленныя къ поясу.

Седьмое отдѣленіе:

На первой доскѣ—три вооруженныхъ воина, на головахъ двухъ— остроконечные шлемы, на тѣлѣ панцыри, у груди треугольные щиты и у одного въ рукѣ мечъ; средній воинъ стоитъ на драконѣ или змѣѣ.

На второй доскѣ—неизвѣстное изображеніе мужчины, лѣвою рукою онъ держитъ за волосы другаго небольшаго роста человѣка, чтобы поразить его мечомъ, оба они стоятъ на множествѣ дѣтскихъ тѣлъ.

---

[1]) Изъ этого описанія явствуетъ, что надписи сдѣланы вовсе не такъ хорошо по-латыни и не такъ плохо по-русски, о чемъ одинъ изъ польскихъ авторовъ предупредительно заявляетъ въ одной изъ историческихъ замѣтокъ.

На третьей—центавръ, у котораго верхняя половина тѣла человѣческая, а нижняя — лошадиная.

Мѣсто и время устройства Корсунскихъ вратъ въ точности не извѣстно, хотя большинство ученыхъ считаютъ эти врата произведеніемъ нѣмецкимъ и что они устроены въ Магдебургѣ, подтвержденіемъ чему служатъ слѣдующія обстоятельства: что на вратахъ этихъ изображены нѣмецкіе художники, западные епископы и діаконы въ нѣмецкой церковной одеждѣ среднихъ вѣковъ, что на нихъ же изображенъ и магдебургскій епископъ Вихманъ, умершій въ 1192 году, что самая архитектура и украшенія чисто западнаго характера, напримѣръ, тонкія башни съ остроконечными верхами, витыя колонны и что Новгородъ, который велъ постоянныя торговыя сношенія съ Ганзейскими городами, имѣлъ болѣе возможности пріобрѣсти эти врата на западѣ, нежели въ Корсуни, съ которымъ новгородцы не имѣли особыхъ сношеній, или, быть можетъ, эти врата достались Новгороду, какъ военная добыча во время походовъ противъ ливонцевъ.

Во всякомъ случаѣ, по работѣ и изображенію на вратахъ магдебургскаго епископа Вихмана (1152—1192) нужно полагать, что Корсунскія врата устроены не ранѣе второй половины XII вѣка, или даже начала XIII вѣка. Названіе же—„Корсунскій" означало въ то время то же, что рѣдкій, отличный, и употреблялось для выраженія понятія объ изящномъ, прекрасномъ, безъ всякаго отношенія къ мѣсту устроенія [1]). Заканчивая настоящую историческую замѣтку, которую мы назвали исторической справкой, считаемъ долгомъ предупредить, что таковая преслѣдуетъ и имѣетъ единственную цѣль—возстановленіе исторической истины, безъ примѣси какой бы то ни было тенденціи и желанія полемизировать по этому поводу. Для желающихъ навести точныя справки по первоисточникамъ, мы дали въ ссылкахъ указанія на историческій матеріалъ, послужившій основаніемъ при составленіи настоящей исторической справки. Въ заключеніе, слѣдуя вѣковому духу православія, шедшаго неизмѣнно по избранной и указанной Спасителемъ стезѣ въ христіанскомъ, миролюбивомъ и всепрощающемъ направленіи, закончимъ статью эту словами тропаря Свв. Кириллу и Меѳодію:

„Яко Апостоловъ единоправніи и Словенскихъ странъ учителіе, Кирилле и Меѳодіе Богомудріи, Владыку всѣхъ молите, вся языки Словенскія утвердити въ Православіи и единомысліи, умирити міръ и спасти души наша".

Вкн. Райковскій.

---

[1]) Археолог. опис. древн. архим. Макарія, стран. 274.

Эпизодъ изъ временъ крѣпостнаго права.

(Изъ мемуаровъ помѣщика Т—ской губерніи).

Недавно я посѣтилъ одну старинную барскую усадьбу Т—ской губерніи. Благодаря любезности владѣльцевъ имѣнія, осмотру моему была предоставлена обширная библіотека, книги которой въ настоящее время уже составляютъ библіографическую рѣдкость. Много я тамъ встрѣтилъ любопытнаго въ области сѣдой старины; но болѣе всего меня заинтересовалъ семейный архивъ. Тамъ также я нашелъ много интересныхъ документовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ: отъ 1812 года до 1877 и 78 гг. Но на одно письмо я обратилъ особенное вниманіе. Въ немъ разсказывалось о прискорбномъ инцидентѣ, бывшемъ съ извѣстной богачкой, помѣщицей Маріей Алексѣевной Х—вой. Въ 40-хъ годахъ эта особа занимала видное мѣсто среди помѣщиковъ А—скаго уѣзда. Х—ва была старая дѣва, 45 лѣтъ отъ роду, высокая, плотная, съ жиденькими русыми волосами, одутлыми щеками и маленькимъ ртомъ, съ тонкими губами. Марья Алексѣевна отличалась своей строгостью съ крѣпостными, строгостью, доходившей до жестокости. Всего больше доставалось отъ нея многочисленной дворнѣ. За малѣйшій проступокъ, не взирая на полъ и возрастъ виновнаго, его раскладывали предъ парадньмъ крыльцомъ и истязали самымъ жестокимъ образомъ. Сначала били отъ затылка по спинѣ и до пятокъ, потомъ перевертывали грудью кверху и производили то же самое — отъ горла до ступени. При истязаніи всегда присутствовала сама Х—ва. Бывали и такіе случаи, что жертву клали на бокъ, сначала одинъ, потомъ на другой и сѣкли. Такимъ образомъ у истязуемаго не оставалось уже ни одной части не изсѣченной. Барышня Марья Алексѣевна, всегда присутствовавшая при подобныхъ экзекуціяхъ, прекращала ихъ лишь тогда, когда жертва уже переставала не только кричать, но даже стонать. Долго терпѣли крѣпостные Х—вой этотъ страшный лютый гнетъ помѣщицы; наконецъ

терпѣніе дворовыхъ, которые болѣе крестьянъ подвергались пыткамъ,— лопнуло, и произошелъ, какъ я сказалъ выше, самый прискорбный инцидентъ. Одинъ разъ въ маѣ мѣсяцѣ 1842 года Х—ва отправилась въ гости верстъ за 30 къ сосѣдямъ. Для этого, разумѣется, была запряжена коляска четверкой лошадей, которыми правилъ молодой парень-кучеръ, Антипъ Осиповъ; около него на козлахъ помѣстился лакей, Тихонъ Ивановъ, также молодой парень, въ коляску сѣли барышня, Марья Алексѣевна и ея горничная, Марѳа Петровна или, какъ Х—ва называла ее, „Марѳутка", несмотря на то, что въ эту эпоху Марѳуткѣ было уже за 50 лѣтъ. Кстати замѣтимъ, что на обязанности послѣдней лежало поить барышню Марью Алексѣевну квасомъ, который имѣлся всегда въ бутылкѣ, засунутой въ карманъ дверцы. Если Марѳа Петрова не скоро исполняла эту процедуру наливанія кваса въ стаканъ, барышня Марья Алексѣевна тутъ же своеручно награждала ее пощечинами. Такимъ образомъ, въ сказанный день коляска помѣщицы выѣхала изъ усадьбы. Нѣкоторое время экипажъ катился среди полей, потомъ въѣхалъ въ березовую рощу, роща эта была очень густая. Проѣхавъ версты $1^1/_2$, Антипъ Осиповъ вдругъ остановилъ лошадей.

— Это что значитъ? грозно вскричала барышня.

— А вотъ сама увидишь, что значитъ... дерзко отвѣчалъ лакей, спрыгивая съ козелъ.

— А ножикъ-то у тебя есть? обратился къ послѣднему кучеръ.

— Есть. У меня въ карманѣ лежитъ, складной, отвѣчалъ Тихонъ.

Дѣвица Х—ва, слыша эти рѣчи, обмерла отъ ужаса. Она вообразила, что ее хотятъ зарѣзать. Однако вышло совсѣмъ иное, именно то, чего ужъ никакъ не могла ожидать строгая помѣщица. Лакей Тихонъ Ивановъ досталъ изъ кармана складной ножъ и направилъ свои шаги къ развѣсистымъ березамъ. Выбравъ самыя длинныя вѣтви, онъ нарѣзалъ нѣсколько пучковъ розогъ, которыя тщательно связалъ лычками, очистивъ розги отъ листьевъ, потомъ подошелъ къ коляскѣ и обратился къ Х—вой съ такой рѣчью:

— Ну, матушка-барышня, выходи на расправу! долго мы терпѣли твою лютость, пора и тебѣ отвѣдать березовой каши.

Х—ва, разумѣется, не трогалась съ мѣста. У нея отъ страха языкъ отнялся. „Слѣзай, Антипъ", обратился лакей къ кучеру, „лошади будутъ стоять смирно, а то такъ вотъ привяжемъ коренниковъ къ березѣ"...

— Зачѣмъ? лошади и такъ не тронутся съ мѣста, отвѣчалъ Антипъ, спрыгивая на землю. Такимъ образомъ злосчастную барышню Марію Алексѣевну кучеръ и лакей вытащили изъ коляски

и разложили посреди луга. Тихонъ Ивановъ весь робронтъ и юбки Х—вой завернулъ ей подъ голову, обнажилъ, сѣлъ на грудь, и сѣченіе началось. Его производилъ кучеръ Антипъ Осиповъ. При первыхъ ударахъ барышня завизжала на весь лѣсъ и стала дрыгать ногами.

— Да не дрыгай ногами-то, чортъ тебя забери, говорилъ Антипъ Осиповъ, придерживая лѣвой рукой ноги барышни, а правой нанося ей розгами удары по обнаженному тѣлу.

Сѣченіе продолжалось долго. Марья Алексѣевна кричала все громче и громче. Наконецъ крики ея стали слабѣе и затѣмъ совсѣмъ уже стихли.

— Будетъ, провалиться ей, смѣясь, сказалъ кучеръ; я ужъ и руку всю отмахалъ, смѣясь, говорилъ Антипъ.

Лакей освободилъ свою жертву, оправилъ насколько возможно ея туалетъ и полуживую „барышню" Х—ву уложили въ коляску. Экипажъ, разумѣется, повернулъ обратно въ усадьбу. Такое неожиданное возвращеніе помѣщицы привело въ великое недоумѣніе дворню. Всѣ шопотомъ спрашивали другъ друга, что это значитъ.

— Барышнѣ маленько не поздоровилось, смѣясь, говорилъ Тихонъ Ивановъ: несите ее на постель...

Горничныя бросились къ коляскѣ, вынули оттуда полуживую Х—ву, отнесли ее въ спальню и положили на постель. Не болѣе, какъ черезъ четверть часа барышня слабымъ голосомъ отдала приказаніе тотчасъ же позвать къ ней старосту Егора Самсонова. Приказаніе это помѣщицы, само собой разумѣется, тотчасъ же было исполнено, и староста Егоръ Самсоновъ вошелъ въ спальню барышни.

— Тотчасъ же заковать Тишку и Антипку и завтра рано утромъ отправить ихъ со стариками въ Т., гдѣ сдать въ солдаты въ счетъ будущихъ наборовъ.

— Слушаюсь, почтительно отвѣчалъ староста: приказаніе вашей милости будетъ исполнено.

Между тѣмъ герои этого происшествія—лакей Тихонъ Ивановъ и кучеръ Антипъ Осиповъ уже пришли въ застольную, гдѣ мало-помалу стала собираться многочисленная дворня: садовники, разные мастера, лакеи, повара, конюхи, кружевницы и прочій людъ. Когда застольная уже достаточно была наполнена домочадцами, лакей Тихонъ Ивановъ, какъ видно было, большой балагуръ и остроумникъ, повелъ къ присутствующимъ такую рѣчь:

— Вы, православные, на себѣ испытали всю лютость нашей помѣщицы барышни Марьи Алексѣевны Х—вой, а потому вы должны понять, что мой съ кучеромъ поступокъ съ ней вполнѣ законный.

Дѣло въ томъ, что сегодня часу въ 1-мъ утра, въ березовой рощѣ, близъ села Масалова мы отодрали Марію Алексѣевну, какъ говорится, на всѣ корки. Простите, православные, прибавилъ Тихонъ, терпѣнью нашему пришелъ конецъ. Я и мой товарищъ Антипъ не думаемъ отрицать совершившагося и готовы принять наказаніе: Сибирь такъ Сибирь!

Всѣ съ нѣмымъ ужасомъ слушали эту рѣчь лакея. Въ это время въ застольную отворилась дверь, и вошелъ староста Егоръ Самсоновъ въ сопровожденіи двухъ крестьянъ Забродина и Пехтерева. Выраженіе лица старосты было какое-то неопредѣленое: не то грусть выражало его лицо, не то ироническую улыбку: увидавъ старосту съ кандалами въ рукахъ, Тихонъ Ивановъ вскричалъ:

— Что, Самсонъ, знать, велѣла отправить насъ въ губернскій острогъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ, продолжая грустно улыбаться, Егоръ Самсоновъ:—приказала на зарѣ отправить васъ въ Т. и сдать въ солдаты въ зачетъ будущихъ наборовъ.

— Ай, радостно вскричалъ Тихонъ Ивановъ: первый сортъ. Стало быть, матушка барышня даетъ намъ вольную. Что же, будемъ служить царю-батюшкѣ, все же не хуже, чѣмъ рабствовать помѣщицѣ Х—вой. Куй, милый человѣкъ, продолжалъ Тихонъ Ивановъ, засучивая шаравары и протягивая ноги.

Оба парня были закованы въ желѣзо.

— А что, Егоръ Самсонычъ, не унимался Тихонъ Ивановъ, надо бы на радостяхъ-то пропустить по маленькой.

— Ну, парень, на этотъ счетъ ты не взыщи, отвѣчалъ староста: на вино ничего не дала.

— Эхъ, куда ни шло, у меня завелся билетикъ,—балагурилъ Тихонъ Ивановъ: слетай, миляга, въ кабакъ, обратился онъ къ казачку Алексѣю, купи штофикъ зелена вина.

— Это уже дѣло твое,—сказалъ староста и вышелъ изъ застольной.

Вскорѣ казачекъ Алеша принесъ вино, и попойка началась. Откуда-то явилась гармоника, на которой очень искусно Гаврило-садовникъ наигрывалъ „барыню“ и „плясовую“. Балагуръ и острякъ Тихонъ Ивановъ, приподнявъ желѣзо пояснымъ ремнемъ, ударился въ плясъ. Многіе изъ присутствовавшихъ запѣли пѣсню. Въ это самое время въ застольную вошла горничная Мареа Петрова.

— Что вы черти!.. вскричала она: такой садомъ подняли, аль очумѣли? Помилуй Богъ, еще услышитъ барышня, намъ всѣмъ не миновать бѣды.

Но горничную никто не хотѣлъ слушать; пляска и пѣніе про-

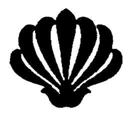
должались. Угрюмый кучеръ Антипъ Осиповъ также развеселился, припѣвая

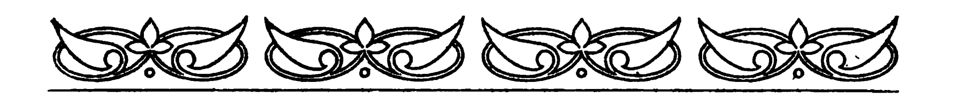
„ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь"

Самъ музыкантъ заигралъ барыню: „Ахъ барыня, барыня, сударыня барыня, по печкѣ елозила и т. д.". Оргія продолжалась до самаго разсвѣта, когда пріѣхали подводы и вошли старики, назначенные въ проводники и сдатчики. На одну изъ подводъ сѣлъ лакей Тихонъ Ивановъ, рядомъ съ нимъ помѣстился сдатчикъ, а на другую подводу посадили Антипа Осипова также съ проводникомъ. На этотъ разъ не было воя и плача, всѣ дворовые точно на праздникъ провожали рекрутъ. Никто изъ дворовыхъ не печалился, что лакей и кучеръ будутъ отданы въ солдаты на 25 лѣтъ. Каждый изъ провожавшихъ въ душѣ былъ убѣжденъ, что военная служба не въ примѣръ лучше ярма крѣпостничества. Обѣ подводы затрусили мелкой рысью по пыльной дорогѣ, лежащей по Т—скому тракту, и на другой день рано утромъ были уже на постояломъ дворѣ губернскаго города Т., отстоявшаго отъ селенія помѣщицы Х—вой въ 60 верстахъ. Часу въ 9-мъ утра сдатчики повезли рекрутъ въ палату. Тамъ дальнѣйшая процедура была неособенно сложная. Тихона Иванова и Антипа Осипова въ пріемной комнатѣ раздѣли до-нага, сняли съ нихъ желѣзо и, сдавъ инвалидному унтеръ-офицеру, остались въ первой комнатѣ. Рекрутъ къ сдачѣ было весьма мало, а потому пріемъ Тихона Иванова и Антипа Осипова, молодыхъ, здоровыхъ парней, совершился весьма быстро. Когда раздался роковой крикъ: „лобъ!" Тихонъ Ивановъ обратился къ доктору, осматривавшему его, и другимъ чиновникамъ съ заявленіемъ, что онъ Тихонъ Ивановъ и его товарищъ кучеръ Антипъ Осиповъ сданы въ солдаты за то, что они больно высѣкли свою помѣщицу, дѣвицу Марью Алексѣевну Х—ву. Докторъ и чиновники, хотя и весьма многозначительно улыбнулись, выслушавъ это заявленіе Тихона Иванова, но отвѣчали ему, что это къ дѣлу не относится. Обоимъ принятымъ парнямъ въ первой комнатѣ забрили лбы, и они были отправлены въ общую партію рекрутъ. Хотя докторъ и присутствовавшіе чиновники и замѣтили Тихону Иванову, что его заявленіе къ дѣлу не относится, но тѣмъ не менѣе вѣсть о сѣкуціи богатой помѣщицы Х—вой быстро распространилась по городу. Вѣсть эту разнесли главнымъ образомъ чиновницы: жена доктора по секрету сообщила о ней женѣ стряпчаго, послѣдняя въ свою очередь сообщила по секрету исправничихѣ и, какъ выразился Гоголь, „пошла писать губернія". Къ вечеру уже весь городъ зналъ всѣ подробности этой исторіи съ Х—вой. Почтеннѣйшая дѣвица Марья Алексѣевна не ожидала, чтобы ея крѣпостные осмѣлились

разсказать въ ректурскомъ присутствіи о печальномъ инцидентѣ въ березовой рощѣ. Она до послѣдней крайности хотѣла скрыть исторію этого позорнаго инцидента. Крѣпилась, сколько могла, врачевала спину домашними средствами, но ничего не помогло. Спина стала гнить. Волей неволей пришлось обратиться къ помощи врача. Въ то время въ А—скомъ уѣздѣ былъ лекаремъ нѣкто Д-скій. Призванный къ дѣвицѣ Х—вой и осмотрѣвъ ея спину, врачъ прописалъ ей лѣкарство и уѣхалъ обратно въ городъ. Само собой разумѣется, Д—скій узналъ и причину болѣзни барышни Х—вой. Отъ природы онъ былъ большой весельчакъ и говорунъ. На другой день, бывшій на вечерѣ у судьи лекарь Д—скій очень остроумно съ многими прибавленіями разсказалъ, какъ крѣпостные люди: лакей и кучеръ, „отдѣлали“ строгую помѣщицу Марью Алексѣевну Х—ву. Въ это время у судьи было многочисленное общество, кавалеровъ и дамъ. Всѣ съ большимъ любопытствомъ слушали разсказъ уѣзднаго лекаря. Конечно не обошлось дѣло безъ комментаріевъ и самыхъ нелѣпыхъ прибавленій. Изъ прочтеннаго мною письма я узналъ, что помѣщица Х—ва, послѣ случившагося съ нею инцидента въ березовой рощѣ и вылечивъ спину, уѣхала на жительство въ Москву въ собственный домъ на Остоженку. Тамъ, какъ гласитъ повѣствователь, дѣвица Марья Алексѣевна не могла уже производить экзекуцію передъ парадныиъ крыльцомъ, какъ она дѣлала это въ своемъ имѣніи, такъ какъ парадный подъѣздъ дома выходилъ на улицу; виновныхъ барышня приказывала растягивать при дѣвичьемъ крыльцѣ. Такіе порядки или, правильнѣе сказать, звѣрства существовали еще 19 лѣтъ до 1861 г.

Н. П.

Изъ прошлаго.

Записано со словъ генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева, въ январѣ 1900 г. въ Петербургѣ.

Весной 1878 г., по заключеніи „прелиминарнаго“ С.-Стефанскаго договора, мы были наканунѣ войны съ Австріей. Предполагалось двинуть одновременно двѣ арміи: южную подъ начальствомъ ген.-ад. Гурко изъ войскъ нашихъ, находившихся еще въ сѣверной Болгаріи, а также въ Румыніи, направляя ее на сѣверъ, въ Трансильванію, и армію восточную, формируемую на Волыни, долженствовавшую наступать въ Галицію. Командованіе этой послѣдней арміей предполагалось возложить на фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго. Ген.-ад. Обручевъ долженъ былъ быть начальникомъ штаба восточной арміи и уже занимался съ княземъ, жившимъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ то же время мы готовились и къ Берлинскому конгрессу, на которомъ главнымъ нашимъ уполномоченнымъ долженъ былъ быть канцлеръ князь А. М. Горчаковъ.

У князя Барятинскаго была тайная мысль: командовать обѣими арміями, въ качествѣ главнаго руководителя операцій, въ роли генералиссимуса; въ описываемое время онъ страдалъ подагрой и не выѣзжалъ изъ отведенныхъ ему въ Зимнемъ дворцѣ покоевъ.

Однажды, когда ген.-ад. Обручевъ, покончивъ докладъ, собирался уходить, князь Барятинскій, любившій говорить по-французски, сказалъ: „mon cher Николай Николаевичъ, demain Vous viendrez chez moi un peu plus tard; l'Empereur vient en ville [1]), il descendra certainement chez moi pour déjeuner et nos occupations sont forcement retardées“. На другой день Обручевъ пошелъ во дворецъ позже, около 2-хъ часовъ дня, но узналъ, что государь только-что пріѣхалъ, а потому въ этотъ день доклада не состоялось; когда же онъ при-

---

[1]) Изъ Царскаго Села.

шелъ въ слѣдующій разъ, то князь Барятинскій встрѣтилъ его словами: mon cher Николай Николаевичъ, nous ne travaillerons plus ensemble; l'Empereur ne désire pas que je commande l'armée. Далѣе князь разсказалъ, что государь пріѣхалъ въ Петербургъ позже предположеннаго, пришелъ къ князю и, увидѣвъ его въ полулежачемъ положеніи съ ногой, окутанной и протянутой на подушкахъ, сказалъ слѣдующее: „такъ ты дѣйствительно боленъ, князь; я думалъ, что ты только притворяешься, чтобы не ѣздить въ Царское. Ну, въ такомъ случаѣ я не могу взять на себя отвѣтственности передъ Богомъ и Россіей и не могу ввѣрить тебѣ командованіе арміей“.

Такъ назначеніе князя Барятинскаго и не состоялось, а затѣмъ и войны не было.

Впослѣдствіи выяснилось, что государь, выѣзжая въ этотъ день изъ Царскаго въ Петербургъ, сказалъ нѣкоторымъ приближеннымъ: „я ѣду сегодня сдѣлать два дѣла: отговорить князя Барятинскаго отъ командованія арміей, а князя Горчакова отъ поѣздки въ Берлинъ“.

Какъ видно изъ вышенаписаннаго, первое удалось государю вполнѣ, второе же—не удалось. Ген.-ад. Обручевъ прибавилъ: „Горчаковъ оказался хитрѣе; перехитрилъ государя и поѣхалъ въ Берлинъ“,—но прибавимъ отъ себя, поѣхалъ не на радость, а на позоръ Берлинскаго конгресса.

Записано въ январѣ 1900 г. въ Петербургѣ со словъ кн. Грузинскаго, бывшаго въ 1870—1878 гг. свидѣтелемъ всего ниже описаннаго.

Берлинскій конгрессъ долженъ былъ скоро открыться, наши уполномоченные: князь Горчаковъ и графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ [1]) собирались ѣхать въ Берлинъ; назначенъ былъ день и часъ отъѣзда. Въ этотъ самый день, незадолго до отхода поѣзда, гр. Шуваловъ былъ внезапно потребованъ къ государю въ Зимній дворецъ. Въ виду спѣшности гр. Шуваловъ пріѣхалъ въ сюртукѣ и, покончивъ бесѣду въ кабинетѣ, глазъ на глазъ съ государемъ, вышелъ въ галлерею, попрощался съ бывшими въ ней лицами и началъ спускаться по боковой лѣстницѣ. Въ это время изъ кабинета стремительно вышелъ государь, имѣя очки поднятыми на лобъ и торопясь спрашивалъ, гдѣ гр. Шуваловъ, а когда присутствующіе доложили, что графъ уже на лѣстницѣ, то государь направился туда. Гр. Шуваловъ, спустившійся уже на второе колѣно лѣстницы, узнавъ, что

---

[1]) Третій уполномоченный Убри былъ посломъ въ Берлинѣ.

государь его спрашиваетъ, поднялся нѣсколько ступеней, но былъ еще на второмъ поворотѣ лѣстницы, когда государь, выйдя на верхнюю ея площадку, стуча пальцемъ по периламъ, сказалъ громко, по-французски: comte Schouvaloff souvenez vous que vous me répondez sur votre tête pour la paix.

Это слышали многіе и въ томъ числѣ кн. Грузинскій, находившійся въ галлереѣ, у площадки лѣстницы.

Тотъ же разсказъ, съ буквальной точностью, повторенъ былъ при мнѣ П. М. фонъ К., разсказывавшимъ этотъ эпизодъ одному лицу, но съ прибавленіемъ, что слова государя были въ тотъ же день извѣстны въ германскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

Записано въ январѣ 1900 г. въ Петербургѣ, со словъ кн. Грузинскаго.

Въ 1870 году нѣмцы обложили Парижъ, заняли Версаль, но король Вильгельмъ не былъ еще провозглашенъ императоромъ. Однажды гр. Адлербергъ сказалъ мнѣ [1]), что меня отправляютъ курьеромъ въ Версаль и что я долженъ на другой день, рано утромъ, представиться государю въ Зимнемъ дворцѣ. Я пришелъ очень рано, и камердинеръ сказалъ мнѣ, что государь „еще въ уборной, изволятъ кофе кушать". Тѣмъ не менѣе меня скоро потребовали.

Государь взялъ какую-то коробку со стола и, отдавая ее мнѣ, сказалъ: „Тутъ четыре георгіевскихъ креста. Поѣзжай въ Версаль и доложи королю, что я жалую эти кресты наслѣдному принцу, принцу Фридриху-Карлу, Мантейфелю и Мольтке, а тутъ", сказалъ государь, взявъ другой ящикъ, гораздо больше перваго, „тутъ 100 солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ. Передай ихъ королю и доложи, что я счастливъ буду, когда мои кресты украсятъ грудь храбрыхъ прусскихъ гренадеръ. Понялъ?" Всѣ, кому случалось получать приказанія лично отъ государя Александра II, знали, что послѣ этого вопроса: „понялъ", никогда не слѣдуетъ говорить обычныя въ такомъ случаѣ: понимаю, понялъ, точно такъ и т. п., а надо сейчасъ же повторить все, сказанное государемъ. — Я такъ и сдѣлалъ. Государь остался доволенъ и прибавилъ: „а кромѣ того зайди къ князю Горчакову и получи у него письмо къ королю. Помни, что за цѣлость этого письма ты отвѣчаешь головой".

---

[1]) Т. е. кн. Грузинскому.

Явившись къ Горчакову, я получилъ конвертъ, при чемъ князь сказалъ мнѣ: „помните, что нѣтъ того золота въ мірѣ, которое бы не дали Англія съ Франціей для того, чтобы узнать содержаніе этого письма“.

Въ письмѣ этомъ было заявленіе государя, что онъ, въ виду измѣнившагося политическаго положенія Европы, не считаетъ болѣе себя связаннымъ Парижскимъ трактатомъ 1856 года въ нѣкоторыхъ его частяхъ и главнымъ образомъ въ томъ, что касается судоходства по Черному морю [1]).

Окончивъ эти дѣла, я, передъ отъѣздомъ, явился къ графу Адлербергу, который, выслушавъ мой докладъ, потребовалъ, чтобы я въ точности повторилъ слова государя. Я это исполнилъ. Вдругъ графъ говоритъ мнѣ: „Вы ослышались; государь вамъ не говорилъ: я счастливъ буду и т. д.“. Я стоялъ, недоумѣвая, отлично помня, что государь именно сказалъ такъ, какъ я докладывалъ. Графъ продолжалъ: „да, вы ослышались; государь вамъ не сказалъ: я счастливъ буду... государь вамъ сказалъ: доложи королю, что я буду очень радъ, когда мои кресты украсятъ грудь храбрыхъ прусскихъ гренадеръ“. Тутъ я, зная уже давно графа, понялъ въ чемъ дѣло и сказалъ: „да; должно быть, я ослышался“; на что̀ графъ, прощаясь со мной, повторилъ: „да, да, вы ослышались; государь не говорилъ, что онъ будетъ счастливъ, а сказалъ, что онъ будетъ очень радъ“....

Сообщилъ **П. Паренсовъ**.

Не мѣшаетъ къ сообщенному г. Паренсовымъ добавить нѣкоторыя подробности о томъ способѣ и о тѣхъ удобствахъ, которые встрѣтилъ посланецъ царскій, везшій въ Версаль секретную бумагу.

По словамъ князя Грузинскаго, отъ графа Адлерберга, бывшаго въ то время министромъ двора, онъ отправился на поѣздъ. Несмотря на то, что онъ везъ документъ государственной важности, для него не было сдѣлано никакихъ распоряженій, чтобы онъ могъ совершенно спокойно доѣхать до мѣста назначенія. При пособіи кондуктора ему удалось кое-какъ получить купэ, въ которомъ онъ доѣхалъ до Вержболова, гдѣ его подвергли всѣмъ формальностямъ таможеннаго досмотра.

Но едва князь Грузинскій попалъ въ Эйдкуненъ, какъ картина его путешествія совершенно измѣнилась. Тотчасъ по прибытіи на

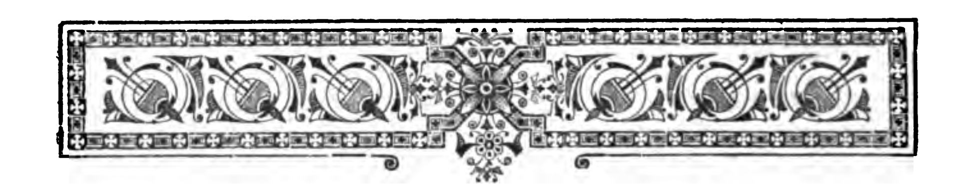
[1]) Статья 11-я.

станцію къ готовому уже для него вагону явилось какое-то желѣзнодорожное начальство, а на всемъ пути до Версаля на каждой станціи къ его вагону для охраны становились солдаты: со стороны платформы безоружный, а съ противоположной—съ ружьемъ. Такъ различно въ Россіи и Германіи охраняется документъ, за знакомство съ содержаніемъ котораго Франція и Англія, по словамъ князя Горчакова, не пожалѣли бы никакихъ денегъ.

Припомнимъ, что въ 1797 году послѣ неудачнаго конгресса въ Раштадтѣ два французскихъ уполномоченныхъ Робержо и Бенье были убиты, чтобы австрійцы могли получить ихъ секретныя бумаги.

Редакція.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Дневникъ Краковскаго возстанія

въ 1794 г. [1]).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Львовѣ найденъ случайно дневникъ Людовика Цѣшковскаго, вице-бригадира польскихъ войскъ, во время польскаго возстанія 1794 года. Дневникъ этотъ напечатанъ въ дополненіе къ издаваемой на средства львовскаго народнаго дома „Сводной галицко-русской лѣтописи“.

Издатель этого сборника, каноникъ Антоній Петрушевичъ, скрывающійся большею частью подъ псевдонимомъ „А. С. П.“, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ дѣятелей современной Галиціи.

„Занятый исключительно научными изслѣдованіями, онъ стоитъ въ сторонѣ отъ партійной борьбы, которой увлекаются многіе ученые современной Галиціи. Его квартира вся завалена книгами, для которыхъ не хватаетъ стоящихъ вдоль всѣхъ стѣнъ шкафовъ и которыми завалены подоконники, столы, стулья, диваны и даже кровать о. каноника. Между этими книгами не мало рѣдкихъ библіографическихъ изданій, а также имѣются цѣлыя рукописи и предметы старины. Самъ владѣлецъ этой библіотеки вѣчно въ работѣ и отъ времени до времени обогащаетъ науку своими вкладами. Несмотря на массу напечатаннаго, у него есть много научнаго матеріала, который еще ожидаетъ своего появленія на свѣтъ. Между этимъ матеріаломъ первое и самое главное мѣсто занимаетъ его, извѣстный всей Галиціи, филологическій словарь, цѣлая энциклопедія, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ такую массу филологическаго матеріала, которая

---

[1]) Свѣдѣнія о личности о. Петрушевича находимъ въ ст. „Новыя данныя къ исторіи польскаго возстанія 1794 г.“ о. Крыжановскаго.

едва-ли когда-либо умѣщалась въ издававшихся прежде словаряхъ. Надъ этимъ словаремъ онъ работалъ почти всю жизнь. Расходы, которые понадобились для его изданія, настолько велики, что ни одинъ изъ издателей не рѣшается взять на себя это дѣло и если не явится какой-либо меценатъ, то колоссальный трудъ о. Петрушевича едва-ли увидитъ свѣтъ".

„Петрушевичъ помѣщаетъ свои труды какъ въ галицкихъ, такъ и въ нѣмецкихъ изданіяхъ; его работы, за исключеніемъ развѣ, упомянутой выше „Сводной галицко-русской лѣтописи", большею частію невелики объемомъ, но свидѣтельствуютъ о большой эрудиціи и замѣчательномъ критическомъ талантѣ".

Изданный о. Петрушевичемъ дневникъ Цѣшковскаго, бывшаго членомъ польскаго патріотическаго клуба, образовавшагося въ 1794 г. въ г. Дубно Волынской губ. въ которомъ онъ не игралъ впрочемъ видной роли, повѣствуетъ о смутной эпохѣ 1794 г. и проливаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя описываемыя имъ событія. Онъ озаглавленъ: „Diariusz powstania Krakowskiego w roku 1794 г." и начинается съ 22 января 1794 г. [1]).

I.

22 января 1794 г., въ гор. Дубно, по почину доблестныхъ пановъ изъ дома князей Чарторыйскихъ, возникъ патріотическій клубъ, членовъ котораго выбирали съ большой осторожностью и которые добровольно присягали хранить все происходящее въ немъ въ тайнѣ.

Когда насъ увѣдомили, что кабинеты двухъ союзныхъ державъ выработали проектъ окончательнаго раздѣла Польши послѣ смерти польскаго короля Станислава-Августа, то было рѣшено взяться за оружіе, чтобы доказать Европѣ нашу готовность обороняться и сохранить преданія нашей народной славы, тѣмъ болѣе, что Австрія была раздражена тѣмъ, что берлинскій и петербургскій дворы совершили второй раздѣлъ Польши безъ ея участія.

Король саксонскій, побуждаемый своекорыстными цѣлями, вошелъ въ сношеніе съ Вѣной и, въ случаѣ окончательнаго принятія конституціи третьяго мая, дочь саксонскаго короля, объявленная польской инфантой, будетъ выдана замужъ за одного изъ братьевъ австрійскаго императора и польскій престолъ перейдетъ къ австрійскому дому. Въ Вѣнѣ отнеслись къ этому плану сочувственно.

---

[1]) Всѣ даты по новому стилю.

Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Дубно чрезъ Пулавы, резиденцію князей Чарторыйскихъ, куда ее сообщили польскіе патріоты, проживавшіе въ Дрезденѣ, то мы немедленно рѣшили дѣйствовать и составить конфедерацію. Долго колебались, кого выбрать маршаломъ конфедераціи: Малаховскаго, Закревскаго или Коллонтая. Наибольшее число сторонниковъ было у Игнатія Потоцкаго; предлагали также избрать Ржевусскаго; Ксаверій Богушъ предложилъ, примѣнительно къ господствовавшему духу времени, вызванному французской революціей, отмѣнить названіе конфедераціи и маршалковъ (которое стало непріятно и противно народу, неоднократно обманутому), переименовавъ первое въ инсуррекцію, а названіе маршалка замѣнить словомъ начальникъ и дѣйствовать подъ знаменемъ: вольности, равенства и независимости.

При обнародованіи акта о возстаніи, было рѣшено дать крестьянамъ право и вольности, сравнять мѣщанъ въ правахъ съ дворянами, польстить духовенству, выразивъ глубокое уваженіе къ религіи, обѣщая поддержать власть и неприкосновенность церкви, и этимъ объединить всѣ сословія.

Такимъ образомъ, нами былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями планъ, выработанный въ Дрезденѣ. Сообразуясь съ принципомъ равенства, было рѣшено выбрать на постъ начальника не изъ богатыхъ и родовитыхъ пановъ, а простаго шляхтича, безъ имѣній и титуловъ, извѣстнаго лишь своими талантами; намъ подали мысль избрать на этотъ постъ Косцюшко, прославившагося своими боевыми подвигами въ Америкѣ и доказавшаго свои способности и свою отвагу подъ Дубенкой, снискавъ этимъ любовь и довѣріе войска. Мы избрали его единогласно. Этого избранія желали и въ Пулавахъ, гдѣ относительно Косцюшки имѣли особые виды [1]). Возстаніе рѣшено было произвести 3-го мая, чтобы ознаменовать этотъ день великимъ для страны дѣломъ. Для каждаго воеводства были назначены особые инсуррекціонные агенты, какъ изъ чиновъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Коменданту Каменца, Орловскому, было поручено учредить военный клубъ. Всѣ эти постановленія и протоколы (засѣданій патріотическаго клуба) были переданы черезъ Пулавы въ Дрезденъ, послѣ чего Косцюшко выѣхалъ немедленно изъ Пулавъ и, пробывъ нѣкоторое время въ Сенявѣ, отправился въ Львовъ, чтобы ознакомиться съ жителями Галиціи. Эмиссарами для агитаціи въ Галицію

[1]) „Въ случаѣ удачнаго исхода возстанія", говоритъ Цѣшковскій въ примѣчаніи къ своему Дневнику, „предполагалось выдать княжну Виртембергскую, бывшую изъ рода Чарторыйскихъ, за Косцюшку, чтобы такимъ образомъ кн. Чарторыйскіе могли распространить свое вліяніе и на демократическіе слои польскаго общества.

были избраны Викентій Гржимайло и Францискъ Стралковскій; Михаилъ Стадницкій дѣйствовалъ въ Пршемысльскомъ воеводствѣ, Мокроновскій въ Варшавѣ, Скаржевскій и Кенжицкій въ Пруссіи. Разумѣется, ихъ дѣйствія не долго могли оставаться въ тайнѣ. Россія, содержавшая въ Польшѣ довольно многочисленную и щедро вознаграждаемую полицію, начала въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдить за нами. Игельстромъ (русскій уполномоченный въ Варшавѣ) взялъ на себя роль великаго инквизитора испанскаго; онъ заявилъ королю, что въ краѣ завелся якобинизмъ и что его нужно преслѣдовать; Станиславъ-Августъ, движимый любовью къ отечеству или быть можетъ боязнію подвергнуться участи Людовика XVI, со своей стороны старался раскрыть тайные происки, но, по обыкновенію, велъ себя двусмысленно и не могъ скрыть своего расположенія къ намъ и даже предостерегалъ нѣкоторыхъ польскихъ патріотовъ, находившихся въ Варшавѣ, и совѣтовалъ Косцюшкѣ немедленно выѣхать изъ Польши въ Лейпцигъ.

Между тѣмъ, Игельстромъ дѣятельно совѣщался съ гетманомъ Ожаровскимъ, и ими, совмѣстно съ военнымъ совѣтомъ, былъ выработанъ планъ распредѣленія оставшагося въ Польшѣ войска небольшими отрядами въ воеводствахъ подольскомъ, брацлавскомъ, волынскомъ и кіевскомъ. Польскія войска склоняли къ принятію русской службы. Генералъ Любовицкій получилъ отъ Кречетникова извѣстную сумму денегъ, чтобы склонить ихъ къ этому; ему удалось повліять въ этомъ смыслѣ на нѣкоторые отряды, но такъ какъ они не сдержали впослѣдствіи своего слова, то это очень повредило Любовицкому. Игельстромъ рѣшилъ обезоружить непокорное польское войско. Наканунѣ назначеннаго для этого дня, бригадиръ Антонъ Мадалинскій (бывшій барскій конфедератъ, которому хорошо были извѣстны всѣ наши планы) былъ предупрежденъ о намѣреніи Игельстрома анонимнымъ письмомъ и тотчасъ послалъ маіора Гуссаревскаго предупредить о томъ дивизіи Заіончека и Домбровскаго. Посланный ловко выполнилъ данное ему порученіе; сговорившись сначала съ младшими офицерами, онъ передалъ, затѣмъ, то, что ему было поручено, командовавшимъ дивизіями генераламъ, и замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ колебался, сказалъ ему: „я ручаюсь, что солдаты не будутъ повиноваться вашимъ приказаніямъ, и предостерегаю васъ, что вы покроете себя позоромъ и вамъ быть можетъ будетъ даже угрожать опасность“. Слова Гуссаревскаго подѣйствовали такъ, что всѣ три корпуса рѣшили дѣйствовать единодушно. Мадалинскій первый отказался повиноваться предписанію военнаго совѣта, его примѣру послѣдовали всѣ прочіе. Игельстромъ не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, но поспѣшилъ послать курьера въ Петербургъ, о чемъ король сообщилъ гене-

ралу Мокроновскому, которому онъ еще ранѣе высказалъ свое желаніе, чтобы народъ польскій не впалъ, наконецъ, въ отчаяніе. Король и впредь передавалъ Мокроновскому всѣ секретныя сообщенія, дѣлаемыя ему Игельстремомъ, а Мокроновскій въ свою очередь сообщалъ все это польскимъ патріотамъ въ Дрезденъ [1]).

Въ виду такихъ извѣстій было рѣшено поспѣшить съ его возстаніемъ. Казиміръ Сапѣга былъ посланъ для переговоровъ въ Вѣну (гдѣ онъ и скончался), а Косцюшко тѣмъ временемъ ожидалъ извѣстій въ Лейпцигѣ, а по полученіи письма отъ Коловрата [2]) въ первыхъ числахъ марта поспѣшно выѣхалъ изъ Вѣны въ Краковъ [3]), гдѣ его уже поджидали патріоты и куда стянулось войско.

24 марта 1794 г. былъ объявленъ актъ краковскаго возстанія. Главнокомандующимъ войскъ былъ назначенъ Костюшко; всѣ выразившіе желаніе участвовать въ оборонѣ подписывались и присягали. Подъ актомъ возстанія подписывались многіе изъ обывателей г. Кракова: Валевскій, Водзицкій, Ѳаддей Чацкій [4]), Велепольскій, Дембинскій и т. д. Актъ былъ обнародованъ въ заграничныхъ газетахъ.

Узнавъ объ этомъ 26 августа, Игельстромъ приказалъ вызвать Косцюшку въ судъ. Тогда почтенный и всѣми уважаемый королевскій прокуроръ Краевскій сложилъ съ себя обязанности прокурора; его мѣсто заступилъ Матвѣй Рогузскій, за подписью котораго и по-

---

[1]) По словамъ Цѣшковскаго (примѣчанія къ дневнику), король въ разговорѣ съ Мокроновскимъ говорилъ, что онъ искренно желаетъ счастія отечеству, съ которымъ тѣсно связана его судьба, и однажды прямо заявилъ, что „нужна революція". Цѣшковскій прибавляетъ къ этому, что „переходъ короля на сторону революціонеровъ и былъ причиною того, что Екатерина II лишила его престола, не дождавшись его смерти, и считала его измѣнникомъ".

Приведенныя Цѣшковскимъ слова короля свидѣтельствуютъ, что „Станиславъ-Августъ былъ далеко не такимъ исполнителемъ русской воли, какимъ его стараются выставить нѣкоторые польскіе историки".

[2]) Въ этомъ письмѣ Коловратъ увѣрялъ его въ покровительствѣ Австріи, совѣтовалъ начать дѣйствовать въ Краковѣ, чтобы, въ случаѣ первоначальной неудачи, онъ могъ бы укрыться со своими сторонниками на австрійской землѣ, гдѣ они были бы приняты подъ покровительство австрійскаго правительства; далѣе Коловратъ заявлялъ, что вице-губернаторъ во Львовѣ, Калембергъ, получилъ отъ двора настоятельный приказъ сохранять нейтралитетъ, не мѣшать переходу польскихъ войскъ черезъ Галицію, не требовать паспортовъ отъ желающихъ примкнуть къ инсуррекціоннымъ войскамъ галичанъ и per bona officia помогать полякамъ, что́ въ началѣ и исполнялось.

[3]) Въ Гамбургской газетѣ по этому поводу писали: генералъ американскихъ и польскихъ войскъ, хорошій гражданинъ и республиканецъ, но бѣдный литовскій шляхтичъ, пріѣхалъ 20 марта въ Краковъ въ бричкѣ, запряженной тройкой лошадей, а 24 марта объявилъ войну тремъ державамъ.

[4]) Бывшій впослѣдствіи визитаторомъ училищъ въ виленскомъ учебномъ округѣ.

явилось въ „Народовой Газетѣ“ объявленіе о томъ, что Косцюшко, какъ бунтовщикъ, вызывается въ судъ. Вскорѣ разнесся слухъ, что хотя Игельстромъ не получилъ изъ Петербурга никакого извѣстія, тѣмъ не менѣе онъ поспѣшилъ вновь сообщить о случившемся, но поляки задержали курьеровъ, ѣхавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Денисовъ и Ферзенъ, посланные противъ Косцюшко, встрѣтились съ нимъ: Косцюшко, имѣя 2.500 чел. войска, не считая краковскихъ коссиньеровъ, смѣло далъ сраженіе 12-тысячному русскому отряду; русскіе были разбиты подъ Полоннымъ и Рацлавицами, потеряли нѣсколько орудій и аммуницію и должны были отступить. Потерпѣвшіе пораженіе русскіе избѣгали вторичнаго сраженія и, отступая, грабили и жгли по пути мѣстныхъ жителей. Я получилъ письмо отъ Косцюшки, которое комендантъ Каменца Злотницкій получилъ за меня на почтѣ и препроводилъ Шереметеву. Мнѣ было приказано отправиться немедленно въ Житоміръ, откуда я былъ посланъ въ Несвижъ къ генералъ-губернатору Тутолмину, и благополучно возвратился, удачно исполнивъ возложенное на меня порученіе. Одержанная побѣда оживила духъ поляковъ; число повстанцевъ ежедневно увеличивалось. Игельстромъ, опасаясь мщенія и возстанія въ самой Варшавѣ и не получая никакого отвѣта изъ Петербурга, рѣшилъ послать своихъ курьеровъ черезъ Пруссію, а между тѣмъ составилъ смѣлый планъ захватить въ Варшавѣ арсеналъ, но король по своему обыкновенію извѣстилъ объ этомъ Мокроновскаго. Чтобы предупредить осуществленіе этого плана, рѣшено было поспѣшить съ возстаніемъ, и 18 апрѣля совершилась достопамятная въ лѣтописяхъ народа революція. Королю было извѣстно о томъ, что она должна была вскорѣ произойти, но ему не было извѣстно, въ какой именно день. Игельстромъ провѣдалъ о томъ, и, по его приказанію, въ Варшаву прибыло 17 апрѣля изъ лагеря 5.000 чел. войска. Это послужило сигналомъ ускорить возстаніе. Варшавскіе патріоты избрали мѣщанина Килинскаго, человѣка состоятельнаго и умнаго, подъ руководствомъ котораго они начали дѣйствовать. Простой народъ болѣе довѣрялъ ему; особенно разжигало страсти духовенство, которое на исповѣди внушило народу мысль о возстаніи, а для большаго страха распускало слухъ, будто „москали“ втащатъ во время заутрени въ костелы орудія, заберутъ изъ арсенала оружіе и произведутъ въ городѣ рѣзню, разграбя Варшаву. Слыша это изъ устъ духовенства, народъ вѣрилъ этому. Вступленіе 17 апрѣля въ Варшаву 5.000 русскихъ какъ бы подтвердило справедливость этого слуха. Польское войско, полкъ Дзялинскаго, Мѣровскаго, артиллерія, королевская гвардія, всѣ солдаты били москалей, народу было роздано изъ арсенала оружіе, словомъ, вся Варшава уподобилась военному лагерю (припоминали сицилійскую вечерню и Варео-

ломеевскую ночь въ Парижѣ). Русскіе защищались упорно, но пали жертвою справедливой мести, потерявъ 10 тысячъ убитыми и ранеными и взятыми въ плѣнъ. Наши взяли множество аммуниціи, но поляки понесли почти столь же значительныя потери; низкіе люди старались воспользоваться революціей въ своихъ выгодахъ; они грабили частныхъ лицъ. Домъ, въ которомъ жилъ Игельстромъ, былъ разнесенъ и разграбленъ чернью. Дипломатическая переписка посольства была спасена отъ утраты и досталась въ наши руки; мы нашли въ ней доказательство происковъ измѣнниковъ отечества и списокъ истинныхъ виновниковъ, найденъ былъ также списокъ лицъ, получавшихъ отъ Москвы постоянныя пенсіи, и были обнаружены тайные измѣнники отечества. Самъ Игельстромъ только при помощи Шидловскаго избѣгнулъ позорной смерти, которая угрожала ему въ отмщеніе за дурное отношеніе къ полякамъ.

Во время такого всеобщаго возбужденія поляки сохранили, однако, вполнѣ лойяльныя отношенія къ личности короля, что доказываетъ благородство ихъ души и говоритъ въ пользу народа. Когда храбрый маіоръ Стралковскій вывелъ лейбъ-гвардію изъ дворца на поле битвы, вопреки приказанію короля, то Станиславъ-Августъ вышелъ на крыльцо дворца и, взявъ въ руки штандартъ, оставался въ такомъ положеніи нѣсколько часовъ, окруженный лишь небольшой стражей, подвергая себя явной опасности; генералъ Бышевскій, выѣхавъ передъ толпой, сталъ убѣждать народъ успокоиться, но народъ озлобился на него за это и бросился на него. Бышевскій бѣжалъ передъ толпою въ замокъ, а народъ преслѣдовалъ его до воротъ замка, гдѣ, увидавъ короля, остановился и не посмѣлъ войти во дворъ; комендантъ Варшавы Мокроновскій и Закржевскій назначили изъ членовъ муниципалитета стражу для короля, и въ замкѣ нашли убѣжище и безопасность женщины и иностранные послы. Большая часть свиты королевской также примкнула къ возстанію, которое едва затихло къ утру субботы.

Въ субботу цѣлый день возили трупы и бросали ихъ въ Вислу вмѣсто того, чтобы предавать землѣ. Мокроновскій, съ помощью Циковскаго, вполнѣ водворилъ порядокъ. Башмачникъ Килинскій игралъ роль римскаго трибуна. Былъ учрежденъ революціонный судъ, который не могъ противустоять требованіямъ разъяреннаго народа, введеннаго въ обманъ интригами и происками; самые вліятельные сторонники Россіи были арестованы, и народъ требовалъ немедленнаго приговора ихъ къ повѣшенію. Къ лишенію жизни были приговорены, какъ измѣнники, епископы Массальскій и Косаковскій, гетманъ Ожаровскій, каштелянъ Анквичъ, которые и были повѣшены передъ костеломъ Бернардиновъ на краковскомъ предмѣстьѣ. Рачин-

скій и Билинскій избѣжали висѣлицы, получивъ предостереженіе отъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Рогожинскій, служившій Игельстрому шпіономъ, былъ повѣшенъ по заслугамъ, а Матѳей Рогуской былъ повѣшенъ за то, что, занимая должность королевскаго прокурора, подписалъ нѣсколько дней передъ тѣмъ указъ о вызовѣ Косцюшки въ судъ.

Подъ предсѣдательствомъ графа Казиміра Красинскаго, короннаго обознаго, открылись засѣданія совѣта. Польскія войска, услыхавъ о начавщемся возстаніи и о варшавской революціи, шли разными путями изъ Червонной Руси; пинскую бригаду привелъ поручикъ Колышко; Вышковскій, стоявшій надъ Днѣстромъ, и Карвицкій со своимъ полкомъ подошли къ границѣ Польши, но этотъ послѣдній былъ окруженъ русскими и не могъ дойти до мѣста; другіе между тѣмъ были обезоружены; весьма многіе съ большой опасностью присоединились къ мятежнымъ войскамъ; многихъ русскіе преслѣдовали. Генералъ Гроховскій повелъ эти отряды къ Косцюшкѣ и, остановивъ по пути русскій арьергардъ, захватилъ понтоны и иныя военныя принадлежности.

Господь благословилъ первыя дѣйствія поляковъ. Отряды, проходившіе черезъ Галицію, встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны населенія, и само правительство оказывало имъ всяческія льготы; они получили отъ жителей Галиціи даромъ не мало лошадей, полотенъ и денегъ, а ряды ихъ пополнились людьми.

10 мая, подъ предводительствомъ полковника Ясинскаго, началось возстаніе въ Вильнѣ, которое обошлось менѣе кровопролитно. Тамъ были повѣшены гетманъ Коссаковскій и Забѣлло, генералъ Арсеньевъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Варшаву. Подобное же возстаніе началось въ Курляндіи, гдѣ во главѣ его стоялъ Гедройцъ, и на Жмуди.

11 мая я переправился съ 65 чел. солдатъ чрезъ р. Збручъ [1]) нѣсколько выше Збрижа [2]); въ самый полдень мы ранили нѣсколько казаковъ; у насъ была убита всего одна лошадь, но насъ не преслѣдовали, полагая, что въ лѣсу, откуда мы ѣхали, была засада и что мы тамъ оставили возы съ оружіемъ и т. п. Я шелъ спокойно чрезъ Галицію, отдохнувъ въ окрестностяхъ Львова въ домѣ воеводы Гоздскаго, который далъ намъ 15 человѣкъ вполнѣ обмундированныхъ съ лошадьми, написалъ письмо къ Косцюшкѣ и послалъ ему со мною 5.000 п. зл. Въ Красномъ ставѣ я встрѣтилъ отрядъ польскаго войска подъ начальствомъ генерала Гауфмана; въ Пяскахъ [3]) былъ дру-

[1]) Лѣвый притокъ Днѣстра.

[2]) Мѣст. Подольской губ.

[3]) Пос. Люблинской губ.

гой отрядъ, коимъ командовалъ генералъ Ведельштедъ, получившій образованіе въ Пруссіи. Староста Венглинскій донесъ о моихъ дѣйствіяхъ въ Россію, за чтó лишился мѣста.

25 мая, начальникъ повстанцевъ, узнавъ о моемъ приходѣ, выслалъ мнѣ навстрѣчу маіора Іосифа Цѣшковскаго съ эскадрономъ полка Карвицкаго, который эскортировалъ меня какъ делегата подольскаго воеводства. Я передалъ командующему актъ о присоединеніи къ возстанію подолянъ [1]).

Въ приказѣ по полку было объявлено о моемъ приходѣ. Получивъ патентъ на чинъ вице-бригадира повстанческаго отряда подъ командою Косцюшко, я отправился въ Варшаву, увѣдомивъ совѣтъ о томъ, что подоляне обязались при появленіи польскихъ войскъ въ Подоліи выставить 10 тысячъ человѣкъ солдатъ, обмундировавъ ихъ на свои средства [2]). Совѣтъ приказалъ опубликовать объ этомъ въ газетахъ, для поощренія къ таковымъ жертвамъ прочихъ обывателей; но я не обнародовалъ этого приказа, дабы не подвергнуть подолянъ преслѣдованію со стороны русскихъ.

Во время моей бытности въ Варшавѣ пріѣхали изъ Дрездена Игнатій Потоцкій и Коллонтай; народъ, выпрягши лошадей изъ ихъ каретъ, самъ повезъ ихъ къ дому. Напрасно оказывались Коллонтаю эти почести, ибо онъ захватилъ себѣ въ совѣтѣ всю власть, сдѣлавшись почти диктаторомъ. По его наущенію вспыхнула вторая революція, коей руководилъ его слуга Конопка. Во время ея погибло не мало людей и между прочимъ князь Антонъ Четвертинскій [3]).

---

[1]) Въ примѣчаніяхъ къ „Дневнику" Цѣшковскій говоритъ, что по взятіи подъ Маціовицами въ плѣнъ начальника возстанцевъ (т. е. Косцюшки), онъ употребилъ все стараніе, чтобы добыть оригиналъ этого акта изъ архива повстанья. „Мнѣ пришлось, разсказываетъ онъ, дать за это одному человѣку 80 п. зл., но по крайней мѣрѣ я спасъ этимъ обывателей Подоліи отъ преслѣдованія, такъ какъ москали, взявъ архивъ, нашли только въ протоколѣ слѣдующую помѣтку: „мая 25 дня, обыватель Людовикъ Цѣшковскій, депутатъ Подоліи, доставилъ оригиналъ акта о присоединеніи (къ возстанію) подолянъ, зарегистрованный подъ № 1125, но его въ архивѣ не оказалось; онъ предупредилъ несчастье, но самъ сдѣлался жертвою преслѣдованія и т. д.

[2]) Въ данной мнѣ инструкціи, читаемъ въ „примѣчаніяхъ къ дневнику", было сказано, чтобы я не отдавалъ акта о присоединеніи, не освѣдомившись о томъ, на какихъ основаніяхъ составленъ актъ Краковскаго возстанія. Начальникъ созвалъ экстренное засѣданіе, показалъ мнѣ письмо Коловрата, письмо, полученное изъ Дрездена и т. д. Ознакомившись съ ними, я передалъ актъ. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что подоляне выполнили бы данное сообщеніе, такъ какъ въ подольскомъ воеводствѣ насчитывали 700.000 домовъ, а польскіе солдаты, обезоруженные русскими, были готовы явиться на службу по первому требованію.

[3]) Тотъ самый, который оказалъ въ 1773 г. много услугъ Польшѣ. Цѣшковскій относится къ Коллонтаю крайне несимпатично. Особенно не нрави-

7 іюня я былъ посланъ съ войскомъ подъ начальствомъ генерала Заіончека въ Червонную Русь и послалъ впередъ Либерацкаго въ Подолію, чтобы роздать печатныя воззванія жителямъ.

Вотъ текстъ этого характернаго воззванія, которое Цѣшковскій приводитъ въ приложеніи къ „Дневнику" по сохранившемуся у него печатному экземпляру.

„Воззваніе къ жителямъ Подоліи".

„Граждане! счастливый вашимъ довѣріемъ, я исполнилъ возложенное на меня порученіе. Изложеніе вашихъ желаній я передалъ 25 мая въ руки высшаго начальника вооруженныхъ силъ возстанія. Это письмо было принято съ тѣмъ чувствомъ искренняго удовольствія, какого заслуживаетъ благородство вашихъ гражданскихъ стремленій. Отъ васъ зависитъ доказать его на дѣлѣ. Дайте доказательство того, что можетъ сдѣлать человѣкъ, любящій свою родину. Пусть вооружитъ васъ отчаяніе; невинность же будетъ васъ защищать. Я иду къ вамъ во главѣ войска, предназначеннаго для того, чтобы освободить васъ изъ подъ ярма неволи и сокрушить оковы, въ которыя, подъ знаменемъ мнимой свободы и измѣнческой опеки, безчестно заключили васъ прислуживающіеся Россіи тарговичане. Подъ предводительствомъ уважаемаго гражданина, генерала Заіончка, часть войска вступитъ въ границы воеводства, отторгнутаго отъ народнаго тѣла гродненскимъ сеймомъ. Близокъ часъ нашего освобожденія; рука Божія, очевидно, благословляетъ наше оружіе. Соединимся съ нашими собратьями и избавителями. Образуемъ одну силу, чтобы намъ остаться единымъ народомъ; взявшись за оружіе, поспѣшимъ мстить за себя и бить враговъ нашего народа; будемъ стыдиться позорнаго имени невольника; теперь мы научимся дороже цѣнить дорогую родину и свободу, которую временно отняли у насъ; пусть на нашихъ сердцахъ будетъ начертанъ девизъ: vivre libre ou mourir! жить свободными или умереть и погибнуть въ одной могилѣ съ отечествомъ. Граждане и братья, поспѣшимъ взяться за оружіе. Данъ въ лагерѣ и проч. іюня 11-го дня 1794 г. Печать: свобода, равенство, незави-

---

лись ему демократическія тенденціи Коллонтая. Онъ разсказываетъ, что еще на сеймѣ Коллонтай заявилъ однажды: „не умру, пока не увижу руки хлопа на шеѣ шляхтича" и затѣмъ передаетъ слѣдующій фактъ. Въ 1797 г. на границѣ между сѣдлецкимъ и варшавскимъ округами, въ селѣ Залѣсьѣ, былъ пойманъ нѣкто Горшковскій; на допросѣ, по поводу обнаруженнаго имъ возбужденія хлоповъ противъ шляхты, онъ заявилъ, что дѣйствовалъ такъ по желанію Коллонтая, который снабдилъ его необходимыми для агитаціи деньгами. На воззваніяхъ, которыя онъ раздавалъ народу, стоялъ штемпель съ надписью: „Pasti more Piasta Zwyczajem", т. е. обычаемъ Пяста; этимъ намекалось на демократическое происхожденіе первой польской династіи.

симость (Wolhosć, rownosć, niepodleglosć!) Людовикъ Цѣшковскiй, депутатъ изъ Подолiи".

„11-го iюня мы были разбиты русскими подъ Дубенкой и Холмомъ и были вынуждены отступить, потерявъ довольно много людей. Заiончека обвиняли въ измѣнѣ, но я этому не вѣрю.

13 iюня была большая битва подъ Цѣхоцинскомъ въ которой Денисовъ и Ферзенъ были разбиты и отступили; въ то же самое время измѣнникъ король прусскiй (бывшiй нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ нашимъ единственнымъ союзникомъ), заключивъ миръ съ Францiей, напалъ неожиданно на поляковъ и вырвалъ изъ нашихъ рукъ побѣду, одержанную надъ русскими. Въ этотъ день мы были опечалены потерею двухъ отличныхъ генераловъ Водрицкаго и Гроховскаго и если бы Косцюшко не дѣйствовалъ со своимъ обычнымъ умѣнiемъ и мужествомъ, то мы всѣ погибли бы подъ Цѣхоцинскомъ. Но мы благополучно отступили, хотя и съ значительной потерею, подъ защиту окоповъ Варшавы, возведенныхъ старанiемъ и умѣнiемъ коменданта г. Варшавы, генерала Орловскаго. Стоя подъ Варшавой, мы позабыли объ всемъ и благодаря разнымъ интригамъ простояли подъ стѣнами этого города нѣсколько недѣль. Косцюшко былъ высоко честный гражданинъ и храбрый генералъ, но плохой политикъ; имѣя до 32 тысячъ войска, онъ не разсыпалъ его по краю, а стоя на мѣстѣ, далъ непрiятелю возможность атаковать насъ въ одномъ пунктѣ.

25 августа князь Iосифъ Понятовскiй потерялъ такъ называемую „шведскую" батарею подъ Варшавой, имѣвшую для насъ весьма важное значенiе. На слѣдующiй день началась битва; Косцюшко, самъ командовавшiй войсками, взялъ батарею обратно; въ этотъ день погибло 4.000 пруссаковъ, 1.000 поляковъ, не считая 2.000 горожанъ. Забава князя Понятовскаго обошлась 7.000 слишкомъ жизней. Косцюшко внялъ даннымъ ему совѣтамъ и послалъ отрядъ въ Великую Польшу; съ приходомъ великопольскихъ повстанцевъ Скаржевскаго и Кенжицкаго, посланныхъ къ Мадалинскому и Домбровскому, ихъ дѣла пошли лучше; они заняли Быдгощъ (Бромбергъ), гдѣ былъ убитъ прусскiй генералъ Секули. Король прусскiй, потерявъ до 8.000 чел. войска въ разныхъ столкновенiяхъ подъ Варшавой, подвергся 27 августа нападенiю со стороны краковскихъ пикинеровъ [1]) и уѣхалъ 28 числа изъ Варшавы. Когда это стало извѣстно, нѣсколько галеръ съ его амуницiей было затоплено и захвачено.

15 августа австрiйцы заняли Люблинъ, растянувъ предварительно русскiй пограничный кордонъ на Волыни. Король прусскiй подкупилъ

---

[1]) Пикинеры—солдаты, вооруженные однимъ холоднымъ оружiемъ.

вѣнскихъ министровъ, обѣщаніемъ допустить Австрію къ новому раздѣлу Польщи, и Австрія, потерявъ большія выгоды, погнавшись за меньшими, заняла часть воеводства люблинскаго, холмскаго и красноставскаго повѣта и начала преслѣдовать поляковъ.

До 1 сентября не случилось ничего особеннаго. Генералъ Сѣраковскій, посланный съ отборнымъ отрядомъ, потерялъ орудія на болотахъ подъ Брестъ-Литовскомъ.

Вслѣдствіе интригъ Коллонтая, доблестный Ясинскій былъ лишенъ командованія и на его мѣсто посланъ Віельгорскій, который сидѣлъ въ Вильнѣ безъ всякаго дѣла. Литовцы, раздраженные несправедливостью по отношенію къ Ясинскому, стали относиться къ дѣлу болѣе равнодушно. Мокроновскій, доблестно командовавшій своимъ корпусомъ подъ Варшавою, былъ посланъ въ Литву и, заболѣвъ по пути, лежалъ больной въ Бѣлостокѣ. Всѣ тому подобные непріятные факты слѣдуетъ приписать காзнямъ Коллонтая, который задумалъ смѣстить самого Косцюшку, объявить себя начальникомъ хлоповъ и, возбудивъ этотъ многочисленный классъ населенія противъ шляхты, уничтожить эту послѣднюю, зажечь революціонный пожаръ, болѣе сильный, чѣмъ во Франціи, и воспламенить весь сѣверъ Европы. Въ такомъ направленіи работала фантазія Коллонтая.

Когда Косцюшко узналъ объ измѣнѣ Австріи, границы которой онъ до тѣхъ поръ щадилъ, удерживая въ то же время галичанъ отъ намѣренія примкнуть къ революціи, то я былъ посланъ имъ 15 октября эмиссаромъ въ Галицію. На совѣщаніи съ Лещинскимъ было рѣшено, что 28 октября именемъ Ѳаддея Косцюшко въ Галиціи должно было начаться возстаніе, но событія опередили это рѣшеніе. Узнавъ о приближеніи Суворова съ новыми силами и желая предупредить его соединеніе съ Ферзеномъ, который, оставивъ осаду Варшавы, отступилъ за Вислу, Косцюшко взялъ 8.000 отборнаго войска и выступилъ изъ Варшавы, оставивъ въ совѣтѣ запечатанное письмо, въ которомъ на случай своей смерти назначалъ себѣ преемникомъ ген. Мадалинскаго (это доказываетъ, что онъ мало вѣрилъ въ удачу), намѣреваясь дать рѣшительное сраженіе, побѣдить, либо остаться на полѣ битвы и своей смертью спасти отъ погибели отечество. Для того чтобы преградить Ферзену отступленіе, Косцюшко велѣлъ генералу Понинскому идти съ 6.000 корпусомъ къ Зелехову. Косцюшко проявилъ подъ Маціовицами чудеса храбрости, но умышленно не обезпечилъ себѣ возможности отступленія. Потерявъ большую часть войска, раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ съ преданнымъ ему адъютантомъ Фишеромъ и Юліаномъ Нѣмцевичемъ. День 28 октября былъ для насъ роковымъ; либо Понинскій узналъ о томъ, что Косцюшко взятъ въ плѣнъ, какъ бы то ни было, онъ не пошелъ, какъ ему было при-

казано, чтобы отрѣзать путь Ферзену, и не тронулся изъ Варшавы, за что̀ былъ арестованъ, но его не было времени судить. Когда былъ взятъ въ плѣнъ Косцюшко, все пришло въ замѣшательство, войско, доведенное до отчаянія, побросало оружіе. Энергія народа была тѣсно связана съ его личностью: когда Коллонтай, въ совѣтѣ, вопреки всеобщему ожиданію, вмѣсто любимаго войскомъ и хорошо извѣстнаго ему генерала Мадалинскаго, назначилъ начальникомъ статскаго человѣка Тимоѳея Ваврженцкаго, то духъ въ польскихъ войскахъ окончательно упалъ. Мы отступили къ Варшавѣ. Доблестный комендантъ города Орловскій поспѣшилъ докончить сооруженіе батарей и укрѣпленій Праги, для осады которой, въ виду ихъ большаго протяженія, потребовалось очень много войска. Въ Прагѣ командовалъ войскомъ генералъ Заіончекъ. 1 ноября ген. Мадалинскій и Домбровскій, получивъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Косцюшко, поспѣшили изъ Пруссіи къ Варшавѣ. 4 ноября штабъ-офицеры съѣхались къ ген. Мадалинскому и склоняли его принять главное начальство надъ войскомъ и хотѣли, поведя его передъ фронтомъ, провозгласить главнокомандующимъ, но Мадалинскій еще колебался, когда Суворовъ 4 ноября послѣ непродолжительнаго штурма овладѣлъ на разсвѣтѣ несчастной Прагой. Ясинскій, стоявшій со своимъ корпусомъ у заставы, не хотѣлъ сдаться и палъ на мѣстѣ. Суворовъ запятналъ взятіе Праги, допустивъ страшную рѣзню, во время которой было изрублено безъ пощады 17 тысячъ жителей, а предмѣстье было разграблено и сожжено. Одни изъ насъ были убиты, другіе потонули въ Вислѣ, такъ какъ мостъ, соединявшій Прагу съ городомъ, былъ сожженъ. Объятая ужасомъ Варшава трепетала. 5-го ноября король послалъ къ Суворову съ извѣстіемъ, что Варшава капитулируетъ. Суворовъ потребовалъ предварительно выдачи Игнатія Потоцкаго, Коллонтая, президента Закревскаго и полковника Килинскаго. Всѣ они, за исключеніемъ Коллонтая, готовы были пожертвовать собою и, пренебрегая смертью, какъ истинные дворяне, поѣхали къ Суворову, который отправилъ ихъ въ Петербургъ. Варшава заплатила 46 тысячъ п. зол. контрибуціи. Коллонтай же еще 4 ноября вмѣстѣ со своимъ братомъ бѣжалъ изъ Варшавы, захвативъ съ собою бриліанты и серебро и часть казенныхъ денегъ, но онъ не воспользовался похищеннымъ, такъ какъ Вышковскій, посланный за нимъ въ погоню, догналъ его. Коллонтай успѣлъ ослѣпить Вышковскаго; онъ спѣшилъ перейти австрійскую границу, полагая, что онъ будетъ тамъ въ безопасности, но его постигла справедливая кара Божія; какъ только онъ вступилъ въ Галицію, онъ былъ тотчасъ же арестованъ по приказанію австрійскаго правительства за участіе въ венгерскомъ возстаніи Мартиновича [1]); всѣ цѣнности,

[1]) Іосифъ-Игнатій Мартиновичъ, профессоръ Львовскаго университета, соучастникъ въ угорскомъ заговорѣ, былъ казненъ 20 мая 1795 г.

бывшія при немъ, были отобраны, за исключеніемъ того, что его брату удалось увезти.

(?) ноября мы вступили подъ начальствомъ ген. Мадалинскаго и Домбровскаго къ Конскому, гдѣ Варжецкій подвергся нападенію корпуса Мадалинскаго; но онъ прибѣгнулъ къ хитрости, приказавъ срубить обручи съ нѣсколькихъ бочекъ, наполненныхъ звонкою монетою, и разсыпать ихъ. Солдаты увлеклись собираніемъ разсыпанныхъ денегъ, а Вавржецкій спасся, бѣжавъ въ русскій лагерь.

12 ноября мы остановились въ Малогощахъ; согласно поданнымъ рапортамъ, въ лагерѣ было 10 тысячъ человѣкъ; мы составили планъ пробиться черезъ Пруссію во Францію; намъ помогли въ этомъ сѣрадзскіе повстанцы, находившіеся подъ начальствомъ генерала Скаржевскаго, съ которыми мы встрѣтились въ Радошицахъ, но въ лагерѣ появился нѣкій Зверховскій, галичанинъ, агентъ князя Іосифа Понятовскаго, который сталъ распространять слухъ, что всѣ тѣ, кои возвратятся въ корпусъ Понятовскаго, будутъ приняты въ польское войско, и будто мы продали пруссакамъ нашихъ собратьевъ и поэтому хотимъ уйти въ глубь Пруссіи и предать ихъ пруссакамъ. Распустивъ этотъ ложный слухъ, онъ поспѣшно возвратился въ лагерь, его слова произвели столь сильное впечатлѣніе, что въ теченіе одной ночи до 5.000 человѣкъ дезертировало изъ лагеря; были и такіе люди, которые осмѣлились обвинить насъ въ измѣнѣ, вслѣдствіе чего мы были вынуждены отмѣнить наше рѣшеніе. Я возвратился съ 350 чел. солдатъ въ Радошицы, гдѣ я принесъ повинную. Получивъ отъ Вавржецкаго отпускъ и раздавъ своимъ подчиненнымъ отъ себя денегъ, я взялъ 356 чел. на свое иждивеніе и обязался отвезти ихъ въ Варшаву съ оружіемъ и лошадьми. Подъ Радошицами я встрѣтился съ полковникомъ Боровскимъ, который отблагодарилъ меня за вниманіе, оказанное мною ему нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Этотъ доблестный полковникъ пошелъ вмѣстѣ со мною къ Варшавѣ и заботился о доставкѣ продовольствія для людей и фуража для лошадей моего отряда. Пришедши въ Варшаву и получивъ паспортъ отъ Суворова, я распустилъ своихъ людей, и изъ нихъ человѣкъ 80 возвратились со мною, не потерявъ ни оружія, ни лошадей, чѣмъ я вполнѣ обязанъ полковнику Боровскому.

Вернемся къ австрійцамъ. Послѣ сраженія подъ Маціовицами, когда убѣдились въ измѣнѣ австрійцевъ, маіоръ Цибульскій безо всякаго приказанія отъ главнаго начальства и маіоръ Кучинскій съ 300 чел. солдатъ напали подъ Іосифовымъ на 4.000 лагерь австрійцевъ, среди которыхъ они поселили тревогу: взяли у нихъ 70 лошадей и забрали на Вислѣ двѣ галеры со овсомъ; при этомъ убито болѣе двадцати австрійцевъ и 40 чел. взято въ плѣнъ, кои были

отосланы въ Варшаву. Австрійцы обходились на границѣ съ польскимъ войскомъ безчеловѣчно, принуждали ихъ къ службѣ, арестовывали, отбирали у нихъ лошадей и вещи и варварски морили поляковъ голодомъ и били ихъ.

Такимъ образомъ со взятіемъ въ плѣнъ Косцюшки все наше войско разбрелось.

Тѣ, которые ѣхали по нѣсколько человѣкъ, подвергались обидамъ и нападенію со стороны казаковъ. Я также лишился вещей вслѣдствіе нерадѣнія своихъ людей, но благополучно довезъ до дому все то, что было при мнѣ и что намъ удалось отбить у казаковъ. У меня осталось бумажныхъ денегъ почти на 10 тысячъ, такъ какъ я, до послѣдняго момента, платилъ своимъ подчиненнымъ жалованье серебромъ, на что я имѣю отъ нихъ квитанціи.

Косцюшко только послѣ смерти Екатерины II былъ отпущенъ императоромъ Павломъ на волю вмѣстѣ съ прочими поляками.

Послѣ раздѣла Польши въ 1796 г., Домбровскій, Княжевичъ, Заіончекъ и многіе другіе офицеры пробрались съ опасностью жизни во Францію, гдѣ Домбровскій составилъ проектъ сформировать польскіе легіоны изъ австрійскихъ плѣнныхъ и дезертировъ. Онъ обратился съ воззваніемъ къ полякамъ, и многіе офицеры пробрались въ эти легіоны и служили Франціи, въ надеждѣ вернуть свое отечество.

Они были обнадежены въ этомъ нѣкоторыми трактатами, какъ вдругъ, въ 1807 г., вспыхнула неожиданно война съ Пруссіей, по окончаніи которой было образовано великое княжество Варшавское.

На этомъ я кончаю грустное описаніе и дневникъ славнаго Краковскаго возстанія.

Парижъ въ отзывахъ иностранцевъ въ 1802 г. [1]).

I.

Амьенскій миръ, заключенный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1802 г. и положившій конецъ многолѣтней распрѣ между Франціей и Англіей, былъ восторженно привѣтствованъ населеніемъ обѣихъ странъ, страдавшимъ отъ продолжительнаго перерыва сношеній, вызваннаго французской революціей и войной.

Уже 18 ноября 1801 г., мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ были

---

[1]) Entre anglais et français. De Londres à Paris en 1802. (La Revue, 1-er octobre 1905).

подписаны предварительныя условія этого мирнаго договора, между Парижемъ и Лондономъ было возстановлено правильное почтовое сообщеніе, прерванное съ началомъ военныхъ дѣйствій, и множество англійскихъ путешественниковъ, подобно долго сдерживаемому бурному потоку, устремились во Францію.

Въ то время осуществилась мечта перваго консула: Франція играла въ Европѣ роль первенствующей державы. Австрія утратила преобладающее положеніе не только въ сѣверной Европѣ, но и въ Италіи, Англія, истратившая нѣсколько милліоновъ и потерявшая столько человѣческихъ жизней въ войнѣ съ Франціей, получила въ результатѣ только островъ Тринидадъ и голландскія факторіи на о. Цейлонѣ, Пруссія также не могла болѣе соперничать съ Франціей. Основы, на коихъ зиждилась монархія Фридриха Великаго, были расшатаны; онъ унесъ съ собою въ могилу тайну управленія, доставившую его королевству такой блескъ, и отъ собранной имъ казны, которую онъ считалъ первымъ и могучимъ средствомъ своихъ военныхъ побѣдъ, не осталось ничего. Конечно, обаяніе, связанное съ памятью о Фридрихѣ Великомъ, давало Пруссіи еще нѣкоторый нравственный авторитетъ въ Германіи, но ея власть стала призрачной, и, во всякомъ случаѣ, Пруссія была не въ состояніи служить противовѣсомъ вліянію Франціи, столица коей пріобрѣла въ глазахъ прочихъ націй значеніе міроваго города.

Величіе и трагизмъ революціи, высокіе примѣры самоотверженнаго патріотизма, громкія побѣды республиканскихъ войскъ, геній Бонапарта, выдающаяся роль, которую онъ игралъ, какъ глава французскаго народа, умственное превосходство коего было признано всѣмъ свѣтомъ,—все это окружило Парижъ ореоломъ, привлекавшимъ всѣ взоры. Неудивительно поэтому, что множество иностранцевъ спѣшило отдать этому городу дань восторга. Въ числѣ ихъ англичане занимали первое мѣсто, какъ по числу, такъ и по знатности происхожденія.

На одномъ изъ первыхъ пакеботовъ, прибывшихъ изъ Лондона въ Калэ лѣтомъ 1802 г., пріѣхало во Францію шестьдесятъ три англійскихъ лэди; въ теченіе послѣдующихъ 10 дней высадилось еще 198 великобританскихъ подданныхъ; лѣтомъ слѣдующаго года Францію посѣтило болѣе 80 членовъ англійскаго парламента, принадлежавшихъ почти исключительно къ либеральной партіи, а въ августѣ того же года въ Парижѣ насчитывали уже свыше пяти тысячъ англичанъ, лицъ высокопоставленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ.

Между тѣмъ впечатлѣнія, вынесенныя англійскими туристами изъ поѣздки во Францію, излагались ими зачастую въ такихъ краскахъ, что это могло отнять всякое желаніе посѣтить эту страну; печальная картина матеріальнаго положенія Франціи соотвѣтствовала не особенно

утѣшительнымъ отзывамъ относительно нравственныхъ свойствъ юнаго поколѣнія республики; но это не только не умѣряло любопытства иностранцевъ, а напротивъ еще болѣе разжигало его; къ тому же самое путешествіе совершалось безъ особенныхъ трудностей. Между Лондономъ и Парижемъ были установлены правильные рейсы почтовыхъ каретъ и для проѣзда между этими двумя городами выдавались билеты прямаго сообщенія черезъ Дувръ и Калэ. Билетъ стоилъ 4 фунта ст. 13 шил.—немного менѣе ста двадцати франковъ, и дорога продолжалась пять дней: день отъ Лондона до Дувра, день моремъ до береговъ Франціи и два или три дня отъ Калэ до Парижа. Нѣкоторые предпочитали высаживаться въ Булоньи, но тутъ къ прочимъ неудобствамъ путешествія присоединялось то обстоятельство, что въ этомъ мѣстѣ не всегда было удобно сойти на берегъ. Впрочемъ, для посторонняго зрителя высадка путешественниковъ въ Булоньи представляла зрѣлище довольно живописное и забавное.

Нѣкто Ѳома Маннингъ, въ письмѣ къ отцу, описываетъ эту курьезную процедуру такъ: „Вода была мелка, поэтому мы были вынуждены высадиться, не заходя въ гавань. Уже стемнѣло, когда лодка, посланная за нами изъ Булоньи, доставила насъ на берегъ, гдѣ лодочникъ присталъ между скалъ. Какъ только мы причалили къ берегу, на нашу лодку нахлынула толпа женщинъ, которыя, подоткнувъ юбки до пояса и даже выше, собирались переносить насъ на берегъ. Такъ какъ мы не ожидали ничего подобнаго, то мы не кинулись въ объятья этихъ сиренъ такъ скоро, какъ бы слѣдовало, вслѣдствіе чего сидѣвшихъ на кормѣ обдало морскою водою. Что касается меня, то, такъ какъ я сидѣлъ на носу и понялъ то, что намъ кричали эти морскія нимфы, я поспѣшно взобрался на спину одной изъ нихъ и очутился здравъ и невредимъ и совершенно сухимъ на берегу. Но одному злополучному пассажиру не посчастливилось; онъ выскользнулъ изъ рукъ этихъ бравыхъ женщинъ и выкупался съ ногъ до головы“.

Общественный дилижансъ отъ Калэ до Парижа ѣхалъ со скоростью не болѣе шести километровъ въ часъ, такъ что на этотъ путь требовалось отъ 55—60 часовъ; но можно было нанять почтовую карету, и тогда путешествіе значительно сокращалось. Большею частію нѣсколько человѣкъ нанимало такую карету сообща, иные богатые люди, какъ напр. лордъ Гильфордъ, даже привозили во Францію свои собственныя кареты, но имъ приходилось, по высадкѣ на берегъ, покупать лошадей, такъ какъ ввозить во Францію англійскихъ лошадей было воспрещено. Впрочемъ, подобную роскошь позволяли себѣ весьма немногіе и всѣ предпочитали обыкновенно ѣхать въ наемныхъ каретахъ, хотя онѣ были менѣе комфортабельны, но за то были лучше приспособлены къ грубой упряжи и къ ухабамъ большихъ дорогъ.

„Все видѣнное мною во Франціи произвело на меня, на первыхъ порахъ, такое же точно впечатлѣніе, какъ и на прочихъ путешественниковъ“, пишетъ анонимный авторъ „Дневника увеселительной поѣздки въ Парижъ, совершенной въ августѣ 1802 г.“, „что касается удобствъ жизни, то французы отстали отъ насъ на цѣлое столѣтіе, но всѣмъ бросается въ глаза свойственная имъ чрезвычайная живость ума и способность заниматься съ успѣхомъ самыми разнообразными отраслями человѣческой дѣятельности. Простой народъ, повидимому, также гораздо болѣе образованъ и развитъ, нежели у насъ, а со времени революціи въ выраженіи его лица и манерѣ держать себя запечатлѣлась какая-то независимость, какой прежде не замѣчалось“.

Авторъ очень хвалитъ во Франціи дороги. „Онѣ содержатся не хуже англійскихъ, раза въ два или три шире этихъ послѣднихъ, и по большимъ дорогамъ можно ѣхать вполнѣ безопасно даже ночью. Прекрасное состояніе дорогъ объясняется тѣмъ, что для исправленія ихъ существуетъ особая повинность, на которую очень ропщутъ французы; дѣйствительно, это очень плохое учрежденіе въ томъ смыслѣ, что вся тяжесть его падаетъ на бѣдныхъ людей, ее несетъ каждый мелкій фермеръ, тогда какъ отъ нея освобождено духовенство и дворянство.

Авторъ удивляется между прочимъ обилію въ странѣ яблонь.

„Этихъ деревьевъ растетъ тутъ такое множество, что всякій прохожій можетъ срывать сколько угодно плодовъ, съ условіемъ съѣсть ихъ на мѣстѣ, ибо уносить считается воровствомъ“. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, „едва-ли здѣсь ѣдятъ много яблокъ, такъ какъ они терпки и непріятны на вкусъ. Приготовляемый изъ нихъ сидръ также не отличается хорошимъ вкусомъ. Я покупалъ въ Парижѣ самый лучшій сидръ, но долженъ сказать, что онъ не можетъ выдержать сравненія съ сидромъ самаго низшаго качества, изготовляемымъ въ Англіи, который покажется нектаромъ и амброзіей по сравненію съ этимъ отвратительнымъ напиткомъ. Чтобы не портить довольно порядочнаго обѣда, я покупалъ за двѣнадцать су бутылку превосходнаго бургунскаго вина“. Что касается крестьянъ, то авторъ не находитъ словъ, высказывая свое осужденіе по поводу того, что „они никогда не носятъ хотя бы подобія чистой рубашки, не носятъ ни чулокъ, ни сапогъ, надѣваютъ огромныя шляпы съ опущенными полями и истребляютъ огромное количество нюхательнаго табаку.

„Въ настоящее время“, съ грустью замѣчаетъ далѣе набожный англичанинъ, „изъ 60 человѣкъ во Франціи едва-ли найдется одинъ, который молился бы Богу“. Въ Руанѣ онъ нашелъ обильную пищу своему негодованію по поводу безбожія французовъ:

„На поворотѣ улицы, при въѣздѣ въ городъ, я увидѣлъ въ открытыя ворота во дворѣ католической церкви какіе-то экипажи, лошади, сбрую. Мы также въѣхали въ этотъ дворъ. За нами тотчасъ заперли ворота, и мы очутились, послѣ уличнаго шума, среди безмолвія могилъ и монастырскихъ стѣнъ, я былъ внѣ себя отъ изумленія. Меня вывели изъ этого состоянія, объяснивъ, что эта церковь, по постановленію революціоннаго правительства, перешла въ собственность націи и была продана почтмейстеру г. Руана, который обратилъ ее въ конюшню. На мѣстѣ бывшаго алтаря стоялъ поломанный кабріолетъ, въ бывшей ризницѣ лошади преспокойно ѣли овесъ".

Постоялые дворы и гостиницы вызвали разочарованіе съ точки зрѣнія комфорта: „насъ ввели, пишетъ онъ, съ грязной лѣстницы въ комнату, походившую на мансарду, въ которой окна отворялись вертикально, на подобіе двухстворчатыхъ дверей, какъ это принято во Франціи. Полъ былъ выстланъ плитами; единственную меблировку комнаты составлялъ столъ изъ сосноваго дерева, нѣсколько грубыхъ стульевъ, два большихъ зеркала замѣчательной работы съ такими же подсвѣчниками; подобное убранство встрѣчается во всѣхъ харчевняхъ, разсѣянныхъ во Франціи на большихъ дорогахъ, какъ я это узналъ впослѣдствіи. За нами послѣдовала содержательница гостиницы,—ибо надобно замѣтить, что французы предоставляютъ обыкновенно въ домѣ большую часть работы женщинамъ,—съ носильщикомъ, который несъ наши сундуки; шествіе замыкали двѣ кухарки въ чепчикахъ, которые были вѣроятно когда-то бѣлые; у каждой изъ нихъ было въ рукахъ по ножу. Всѣ эти люди были очень возбуждены, они говорили всѣ вмѣстѣ и такъ быстро, что было даже мучительно слушать ихъ. Хозяева гостиницы, казалось, были очень рады нашему пріѣзду: они говорили о нашемъ костюмѣ, о континентальной системѣ, о щедрости англичанъ и о множествѣ другихъ вещей, такъ что ничего нельзя было понять. Наконецъ, они успокоились, и мы воспользовались этимъ и попросили отвести насъ поскорѣе въ наши комнаты и приготовить намъ хорошій обѣдъ. Приведя съ дороги въ порядокъ свой туалетъ, мы сѣли за столъ; намъ подали превосходное кофе съ горячимъ молокомъ, превосходный хлѣбъ и порядочное масло; но, къ нашему величайшему изумленію, на столѣ не оказалось ни одного ножа: во Франціи принято, чтобы каждый имѣлъ ножъ при себѣ. Такъ какъ я, къ несчастью, потерялъ свой ножъ, то я попросилъ служанку принести мнѣ таковой, и она тотчасъ вытащила изъ кармана огромный складной ножъ, отъ котораго распространился по комнатѣ сильный запахъ чеснока; обтеревъ его о столъ, она граціозно подала его мнѣ, сказавъ: „Извольте,

милостивый государь". За обѣдъ, постель и утренній завтракъ, за насъ пятерыхъ, за двухъ лакеевъ и курьера взяли 89 ливровъ 7 су".

Всѣ путешественники сходятся во мнѣніи относительно дороговизны жизни и путешествія во Франціи, а также жалуются единодушно на неудобство почтовыхъ экипажей и, главное, на дерзкое обращеніе почталіоновъ, коихъ всѣ изображаютъ лѣнтяями и пьяницами: „французскій почтальонъ, говоритъ одинъ изъ туристовъ, Робертъ Симъ, надѣваетъ поверхъ башмаковъ огромные сапоги изъ толстой кожи, подбитой ватой, и стянутые желѣзными обручами: въ каждомъ сапогѣ могло бы помѣститься три ноги. Послѣдняя вещь, которую дѣлаетъ почтальонъ прежде чѣмъ сѣсть на лошадь, это надѣть свои сапоги; прибывъ на мѣсто, онъ прежде всего заботится снять ихъ".

„Высадившись въ Калэ, пишетъ Симъ, мы отправились въ гостиницу „Серебряный Левъ", владѣлецъ коего, Дюронъ, человѣкъ очень ловкій, говоритъ довольно хорошо по-англійски. Въ девять часовъ намъ подали прекрасный обѣдъ, за которымъ слѣдовала музыка и балъ, въ коемъ приняли участіе нѣсколько дамъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами на суднѣ. На слѣдующій день мы осматривали городъ. Главный контингентъ торговцевъ составляютъ часовыхъ дѣлъ мастера, бакалейщики, сапожники и портные; всѣ они, какъ мнѣ кажется, занимаются контрабандой. Хозяинъ гостиницы взыскалъ съ насъ кромѣ платы за содержаніе 12 гиней (около 320 франковъ) за предоставленную имъ въ наше распоряженіе старую почтовую карету, безъ лошадей и сбруи. Почталіономъ былъ у насъ швейцарецъ, Лебревъ, получавшій по 5 шиллинговъ въ день (6 франковъ 30 с.). 24 іюля (1802 г.) въ шесть часовъ вечера, мы выѣхали изъ Калэ; въ нашу карету была запряжена четверка лошадей; слуга ѣхалъ впереди верхомъ. Въ одиннадцать часовъ мы прибыли въ Булонь. Намъ совѣтовали остановиться въ этомъ городѣ въ „Британскомъ отелѣ", но почтальонъ счелъ болѣе удобнымъ остановиться въ другой гостиницѣ, гдѣ намъ было очень плохо.

„Мы не хотѣли останавливаться въ Аміенѣ, но почтальонъ, у котораго были тамъ, какъ оказалось, сердечныя привязанности, рѣшилъ иначе. Онъ сталъ увѣрять насъ, что ночью на большой дорогѣ ѣхать не безопасно; видя, что мы ему не вѣримъ, онъ придумалъ вывинтить изъ задняго колеса гайку и сталъ доказывать намъ, какой опасности мы подвергались. Я увѣренъ, что гайка была вывинчена имъ самимъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы карета могла проѣхать безъ нея болѣе десяти метровъ. Мы высказали ему свое предположеніе; онъ улыбнулся, мы разсмѣялись и рѣшили остаться но-

чевать въ Аміенѣ. Я былъ увѣренъ, что гайка отыщется на слѣдующее утро къ тому времени, когда Лебренъ сочтетъ удобнымъ для себя пуститься въ дальнѣйшій путь; я думаю, что это такъ и было бы, если бы мы не дали ему понять, что знаемъ его хитрость. Онъ розыскалъ кузнеца, который черезъ три часа починилъ нашъ экипажъ, и мы могли ѣхать дальше. Мы уже порядочно отъѣхали отъ города, когда насъ нагналъ человѣкъ, посланный кузнецомъ за нами въ погоню, который потребовалъ отъ насъ два или три франка, кои мы по его словамъ ему не доплатили. Послѣ долгихъ пререканій одинъ изъ моихъ спутниковъ выругался по-французски и послалъ его къ чорту. Въ ту же минуту, почтальоны слѣзли съ лошадей и, снявъ свои сапожища, пресерьезнѣйшимъ образомъ начали выпрягать лошадей, намѣреваясь бросить насъ однихъ на большой дорогѣ, вдали отъ всякаго жилища. Такимъ образомъ мы были вынуждены заплатить все, что отъ насъ требовали, и утѣшиться мыслью, въ какомъ бы мы очутились положеніи, если бы къ намъ отнеслись также дерзко и съ такимъ же цинизмомъ въ Англіи".

„Дорога отъ Шантильи до Парижа, длиною въ 25 миль, очень широка и вымощена на подобіе улицъ Лондона. Во Франціи обращаютъ, повидимому, большое вниманіе на состояніе дорогъ, и почтальоны, что̀бы мы имъ ни говорили, всегда предпочитаютъ ѣхать по рединѣ шоссе, а не по краямъ дороги. Подъѣзжая къ Парижу, англичанина поражаетъ болѣе всего удивительный контрастъ между предмѣстьями обѣихъ столицъ. За нѣсколько миль отъ Лондона уже чувствуется близость большаго города: по обѣ стороны дороги тянутся виллы и сады, по дорогѣ снуютъ почтовыя кареты, кабріолеты, изящныя верховыя лошади, огромныя телѣги, нагруженныя всевозможнымъ товаромъ и съѣстными припасами. Между тѣмъ какъ выѣхавъ изъ Парижа и миновавъ послѣднюю заставу, путешественникъ попадаетъ сразу въ поле, какъ будто онъ очутился за пятьдесятъ лье отъ столицы. Тутъ вы не видите ни одной виллы, не встрѣтите ни почтовой кареты, ни кабріолета, ни всадника, ни телѣги, только кое-гдѣ попадается одинокій путникъ, или нѣсколько англичанъ, ѣдущихъ въ Парижъ и обратно, да время отъ времени попадется навстрѣчу почтовая карета, развалившійся дилижансъ или кучка бродящихъ солдатъ. Кругомъ царствуютъ полная тишина и безмолвіе".

„По прієздѣ въ Парижъ и осмотрѣ паспортовъ, у насъ спросили: въ какой гостиницѣ мы намѣрены остановиться. Мы назвали „Гостиницу для иностранцевъ" въ улицѣ Вивьенъ, которую намъ рекомендовали, послѣ чего намъ позволили проѣхать".

„Не знаю, что бы съ нами было, если бы мы не могли назвать гостиницы. Весьма вѣроятно, намъ указали бы какой-нибудь отель, въ которомъ намъ и пришлось бы остановиться“.

II.

„Шпіонство доведено въ Парижѣ до чудовищныхъ размѣровъ“, говоритъ другой путешественникъ, „хотя никого не преслѣдуютъ за его убѣжденія и всякій можетъ говорить, что хочетъ, ежели онъ не переходитъ отъ словъ къ дѣлу“.

„По пріѣздѣ въ отель, намъ показали нѣсколько комнатъ, стоившихъ по 8 гиней въ недѣлю (немного болѣе двухсотъ франковъ), которыя были всѣ проходныя, какъ это принято во Франціи; тотчасъ явился какой-то человѣкъ, управляющій или лакей; когда онъ вошелъ, нашъ слуга подошелъ къ намъ и сказалъ, понизивъ голосъ, что это переодѣтый полицейскій и что намъ слѣдуетъ говорить осторожнѣе. Мы отвѣчали, что такъ какъ мы пріѣхали во Францію для собственнаго удовольствія и намъ нечего скрывать, то намъ все равно, хотя бы за нами по пятамъ ходило пятьдесятъ шпіоновъ. Въ первые дни по пріѣздѣ, какъ только мы садились въ карету, чтобы ѣхать куда-нибудь, на запятки вскакивалъ шпіонъ, подъ предлогомъ, что онъ обязанъ намъ открывать дверцы кареты, когда мы будемъ выходить; въ сущности онъ слѣдилъ за тѣмъ, куда мы ѣздили, и намъ пришлось, въ концѣ концовъ, заплатить ему за услугу по пяти шиллинговъ въ день; когда онъ убѣдился въ томъ, что мы ѣздили только къ г. Мерри, велико-британскому повѣренному въ дѣлахъ, къ американскому посланнику Ливингстону, къ нашему банкиру Периго, да въ театры, то онъ пересталъ сопровождать насъ, а только стоялъ въ передней и изрѣдка подавалъ намъ за обѣдомъ какое-нибудь блюдо.

Послѣ того какъ насъ посѣтилъ племянникъ американскаго посланника, Ливингстонъ и пригласилъ насъ на обѣдъ къ его превосходительству, шпіонъ почувствовалъ къ намъ особое уваженіе; впрочемъ, все обошлось благополучно, такъ какъ у насъ не бывало никакихъ подозрительныхъ лицъ, о чемъ онъ, вѣроятно, сообщилъ своему начальству.

На другой день по пріѣздѣ мы отправились къ гражданину Дюбуа, префекту полиціи, человѣку, занимавшему очень видное положеніе. Его секретари обошлись съ нами крайне дерзко и презрительно. Продержавъ насъ болѣе получаса въ пріемной вмѣстѣ съ

*

разнымъ сбродомъ, насъ направили къ одному изъ клерковъ этого великаго человѣка, который выдалъ намъ новые паспорта, дававшіе намъ право прожить извѣстное время въ коммунѣ г. Парижа, по истеченіи котораго намъ было предписано явиться вторично въ полицейскую контору.

„Во Франціи, говоритъ тотъ же авторъ, народъ живетъ повидимому въ большой бѣдности. Нѣтъ ни торговли, ни личной безопасности, нѣтъ жизни, всѣ удручены и забиты военнымъ деспотизмомъ. На лицахъ прохожихъ отражается робость и страхъ и если случайно увидишь, что кто-либо смѣется, то это навѣрно окажется англичанинъ, позволившій себѣ громко выразить свое веселье. Съ наступленіемъ темноты, всѣ дома и лавки закрываются и всѣ жители, кои не идутъ въ театръ или не рѣшили утопиться въ тотъ вечеръ въ Сенѣ, что случается каждый день, избѣгаютъ выходить изъ дома. По улицамъ днемъ и ночью парадируютъ пѣшіе и конные патрули Бонапарта. Въ городѣ 10.000 жителей, а въ распоряженіи правительства находится всегда 20.000 солдатъ, которые могутъ быть въ сборѣ черезъ часъ; замокъ Шантильи превращенъ въ казарму, биткомъ набитую войскомъ. Не знаю, гдѣ хоронятъ мертвыхъ въ Парижѣ, такъ какъ мы не видѣли ни одного кладбища. За то я видѣлъ однажды похороны. Тѣло лежало на дрогахъ, похожихъ на нашу погребальную колесницу, но такъ какъ черный бархатный балдахинъ поддерживался четырьмя тоненькими деревянными колонками, то тѣло было на виду. Оно было покрыто чернымъ бархатнымъ покровомъ, который облегалъ его такъ плотно, что можно было видѣть всѣ очертанія тѣла. Ясно, что оно не лежало въ гробу; я полагаю, что въ Парижѣ слишкомъ мало дерева и оно слишкомъ дорого, чтобы люди могли позволить себѣ подобную роскошь. Мнѣ говорили, что если кто умеръ сегодня, то его хоронятъ на другой день, въ полдень".

Но послушаемъ, что говоритъ другой путешественникъ.

„Парижъ", пишетъ Троттеръ, „несмотря на его узкія улицы и отсутствіе троттуаровъ, что свидѣтельствуетъ о малой заботливости о здоровьи и удобствѣ жителей, произвелъ на меня съ перваго взгляда самое благопріятное впечатлѣніе. Нигдѣ не видно ни ливрейныхъ лакеевъ, ни каретъ съ гербами: всюду замѣтна республиканская простота, заслуживающая полнаго уваженія; контрастъ между роскошью и скромной простотою не бросается въ глаза; эта похвальная черта сохранилась со времени революціи, между тѣмъ какъ здравый смыслъ измѣнилъ крайнюю распущенность въ одеждѣ и небрежность костюма, введенную республиканцами изъ принципа и въ знакъ своего пламеннаго патріотизма".

„Въ Парижѣ насъ поразило еще одно не менѣе удивительное

послѣдствіе революціи. Тамъ была масса звонкой монеты. Въ Лондонѣ вы съ трудомъ можете добиться отъ банкира нѣсколько гиней золотомъ, тогда какъ въ Парижѣ, въ банкѣ, вамъ предлагаютъ на выборъ взять золото или серебро. Это обиліе благороднаго металла служитъ блестящимъ доказательствомъ того, что положеніе страны значительно улучшилось, тогда какъ матеріальное положеніе Англіи сильно пошатнулось во время войны" [1]).

Похвалы Троттера Франціи этимъ не ограничиваются; по его словамъ, земледѣліе находилось въ этой странѣ въ цвѣтущемъ состояніи, торговля процвѣтала и купцы не скрывали своего удовольствія по поводу того, что богатые иностранцы наводняли Парижъ.

Онъ восхищается утонченными манерами и обращеніемъ французовъ, опровергаетъ, какъ ни на чемъ не основанное, обвиненіе ихъ въ лицемѣріи и говоритъ, что французы, на сколько онъ могъ замѣтить, способны къ искренней дружбѣ, очень чувствительны и снисходительны.

Отмѣчая ихъ живой веселый характеръ, Троттеръ не осуждаетъ ихъ за это; „жизнь такъ коротка", говоритъ онъ, „что ее не мѣшаетъ позолотить весельемъ и остроуміемъ". Онъ подмѣтилъ въ французахъ много сходственныхъ чертъ со своими соотечественниками, ирландцами: „Въ обществѣ французы очень пріятные собесѣдники. Что касается женщинъ, то трудно себѣ представить всю прелесть ихъ бесѣды. Ихъ живость, остроуміе, изящество какъ бы созданы для того, чтобы сдѣлать жизнь мужчины очаровательнымъ сновидѣніемъ", таковы разнорѣчивые отзывы путешественниковъ, посѣтившихъ Парижъ въ одно и то же время, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1802 г. Объясняется ли это ихъ неумѣніемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что они видѣли, и разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ? Какъ бы то ни было, англійскіе туристы, посѣтившіе Францію въ началѣ прошлаго вѣка, и принадлежавшіе къ образованному классу англійскаго общества, зачастую расходятся самымъ рѣшительнымъ образомъ въ оцѣнкѣ тѣхъ фактовъ, съ которыми имъ пришлось столкнуться во Франціи. Нѣтъ вопроса, относительно котораго можно было бы встрѣтить два одинаковыхъ отзыва въ тѣхъ многочисленныхъ мемуарахъ, путевыхъ запискахъ, набросках, воспоминаніяхъ, въ коихъ эти англичане старались подѣлиться со своими соотечественниками впечатлѣніями, вынесенными ими изъ поѣздки во Французскую республику; они были видимо глубоко поражены и изумлены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ и не могли хорошенько разобраться въ тѣхъ фактахъ, которые

1) Mémoires des dernières années du Très Honorable Charles James Fox, par John Trotter, esg. Londres, 1811.

были для нихъ совершенно новы и вызывали съ ихъ стороны безграничное удивленіе.

Въ числѣ высокопоставленныхъ лицъ, проживавшихъ въ Парижѣ въ 1802 г., находился англійскій посланникъ лордъ Витвортъ. „Онъ не пользовался ничьей любовью и былъ какъ будто умышленно избранъ своимъ правительствомъ, чтобы сдѣлать непріятное французскому правительству“. Высокаго роста, довольно красивый, онъ держалъ себя въ высшей степени высокомѣрно, такъ же точно, какъ и его жена, вслѣдствіе чего онъ былъ такъ не любимъ французами, что его пребываніе въ Парижѣ едва ли могло оставить въ немъ пріятное воспоминаніе.

Рядомъ съ нимъ блисталъ лордъ Іармутъ (Iarmauth), впослѣдствіи маркизъ Гертфордъ, относительно котораго, какъ французами, такъ и его соотечественниками высказывались самыя разнорѣчивыя мнѣнія, но котораго всѣ единодушно признавали человѣкомъ замѣчательнаго ума. Совсѣмъ молодой, онъ относился къ людямъ въ высокой степени презрительно, что ясно отражалось на его лицѣ. Въ его обращеніи и улыбкѣ выражалась холодность и безпощадная критика всего, что онъ видѣлъ; однако, онъ умѣлъ быть пріятнымъ въ обществѣ. Среди лицъ англійской колоніи выдавалась также лэди Коннингамъ, которую любили за ея привѣтливость. Она была въ то время въ расцвѣтѣ красоты, которой она такъ славилась впослѣдствіи въ Англіи; но французы считали ея лицо мало выразительнымъ. Лэди Коннингамъ была чрезвычайно изящна, одѣта всегда съ величайшимъ вкусомъ; говорили, будто она такъ заботилась о сохраненіи своей красоты, что проводила цѣлый день въ кровати, и вставала только тогда, когда ей надобно было ѣхать на балъ или на какое-нибудь празднество. Лордъ Коннингамъ былъ совершенной противуположностью своей жены. Герцогиня Гордонъ сравнивала его съ гребнемъ: „онъ весь зубастый и костлявый“, говорила она.

Среди этого блестящаго общества находился также полковникъ Джемсъ Григъ, лэди Форстеръ, впослѣдствіи герцогиня Девонширская, молодая вдова, чаровавшая всѣхъ своимъ непринужденнымъ обхожденіемъ, мистрисъ Гаррисонъ, которая пріѣхала изъ Индіи, гдѣ ея мужъ занималъ видный постъ; герцогиня Гордонъ прославившаяся своей эксцентричностью, и ея дочь, лэди Georgiana; наконецъ, графъ и графиня Чолмонделэ, которыхъ очень любили за ихъ сочувственное отношеніе къ Бонапарту, его генераламъ и солдатамъ, передъ доблестью которыхъ они преклонялись; первый консулъ очень уважалъ ихъ. Надобно упомянуть еще о г-жѣ Вильмотъ; она служила примѣромъ того, до какой степени могли доходить восхищеніе и преклоненіе передъ Бонапартомъ. У нея состояли на жалованіи осо-

быя лица, которыя были обязаны увѣдомлять ее о томъ, когда первый консулъ собирался посѣтить спектакль; тогда она поспѣшно отправлялась въ указанный театръ и, не жалѣя денегъ, всегда получала мѣсто напротивъ своего излюбленнаго героя. Родственница Питта, главы коалиціи, составленной противъ Франціи, она не приносила своихъ чувствъ въ жертву родственнымъ отношеніямъ, и ея пятеро дѣтей относились къ Бонапарту съ такимъ же восторженнымъ обожаніемъ. Не менѣе увлекалась первымъ консуломъ и лэди Гренвиль. Чтобы понять это увлеченіе Бонапартомъ высокопоставленныхъ англичанъ, замѣтимъ, что обаяніе, коимъ пользовался Парижъ и первый консулъ, привлекало во Францію не мало выдающихся лицъ и другихъ націй. Нѣмцы также устремились во Францію; за ними послѣдовало множество русскихъ, лишь только вступившій на престолъ юный Александръ I далъ своимъ подданнымъ разрѣшеніе отправляться въ чужіе края. „Перемѣна, происшедшая во внутренней политикѣ Россіи, расположила всѣ сердца къ молодому императору, и русскіе, пріѣзжавшіе во Францію, выказывали своему молодому монарху чувства искренняго расположенія. У многихъ изъ нихъ, во внутреннихъ покояхъ рядомъ съ образами, висѣлъ его портретъ, осыпанный такъ же, какъ и образа, драгоцѣнными камнями и передъ которымъ они также возжигали свѣчи. Въ описываемое время въ Парижѣ быстро смѣнилось нѣсколько русскихъ посланниковъ. На мѣсто отозваннаго Спренгпортена былъ посланъ Колычевъ, который не былъ облеченъ никакой дипломатической миссіей, но провезъ первому консулу собственноручное письмо императора Павла. Посланный имъ во Францію, онъ не успѣлъ еще выполнить возложенное на него порученіе, какъ на престолъ вступилъ Александръ I. Впрочемъ, Колычева смѣнилъ вскорѣ графъ Марковъ, назначенный во Францію полномочнымъ министромъ. Чтобы дополнить этотъ списокъ знатныхъ иностранцевъ, появившихся въ Парижѣ, надобно назвать еще графа Людвига Кобенцеля, только, что подписавшаго въ Люневиллѣ мирный договоръ между Франціей и Австріей. Ему было лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ очень дуренъ собою и очень напоминалъ Мирабо; его маленькіе глаза и голова съ копной густыхъ волосъ еще болѣе увеличивали это сходство. Онъ обладалъ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ и былъ страстнымъ поклонникомъ театра. Кобенцель былъ долгое время австрійскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины II и былъ ея страстнымъ и восторженнымъ поклонникомъ и когда разговоръ переходилъ на его любимую тему, то онъ съ увлеченіемъ предавался воспоминаніямъ о театрѣ Эрмитажа и тогда уже не могъ говорить ни о чемъ иномъ.

Чтобы дополнить картинную галлерею знаменитостей, посѣтив-

шихъ въ 1802 г. Парижъ, остается назвать принцессу Роганъ, княгиню Трубецкую, герцогиню Саганъ, герцогиню Курляндскую, знаменитую своими разводами, къ которой первый консулъ относился съ нескрываемой антипатіей, и ея мать, которая сумѣла своимъ высокомѣріемъ возстановить всѣхъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что во Францію съѣхалось со всѣхъ концовъ Европы не мало лицъ, которыя могли поспорить съ нею древностью рода. Назовемъ еще княгиню Долгорукую, пользовавшуюся большей симпатіей французовъ, нежели своихъ соотечественниковъ, и, наконецъ, граціозную г-жу Замойскую, очаровавшую всѣхъ своей любезностью, изящными манерами и правильными чертами лица. Она и ея мужъ, который былъ впрочемъ гораздо болѣе холоденъ и замкнутъ, пользовались въ Парижѣ наибольшею любовью.

Парижъ въ 1802 г. въ отзывахъ англійскихъ путешественниковъ.

III.

Среди этой плеяды знаменитыхъ людей блистали имена Мальтуса, Бентама, Шеридана и другихъ.

Мальтусъ познакомился съ Франціей впервые въ 1799 г., посѣтивъ ее во время путешествія по Германіи, Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, единственнымъ странамъ, которыя были, въ то время, доступны англійскимъ туристамъ. Пріѣхавъ въ Парижъ вторично въ 1802 г., онъ убѣдился съ удовольствіемъ въ томъ, что революція подтвердила основательность его научныхъ теорій. „Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій революціи надобно считать то“, писалъ онъ, „что люди сдѣлались болѣе независимы другъ отъ друга и стали болѣе полагаться на свои собственныя силы. Такимъ образомъ, трудящіеся классы стали болѣе работящи, болѣе экономны и болѣе осмотрительны при заключеніи браковъ. Помимо этого революція, несомнѣнно, не принесла имъ никакихъ выгодъ“.

Бентамъ также былъ раньше знакомъ съ Франціей; онъ посѣтилъ Парижъ въ 1764 г. восемнадцатилѣтнимъ юношей, вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Тогда на него произвелъ особенно сильное впечатлѣніе замокъ Шантильи съ его знаменитыми карпами, которые, по его словамъ, были до того приручены, что хватали зубами палки, которыя имъ протягивали посѣтители.

Въ другой пріѣздъ во Францію, въ 1785 г., онъ увидѣлъ впер-

вые въ Парижѣ только-что изобрѣтенныя тогда фосфорныя спички, которыя привели его въ такой восторгъ, что онъ написалъ поэму, „въ которой высказывалъ удивленіе, какимъ образомъ свѣтъ жилъ такъ долго безъ этого великолѣпнаго изобрѣтенія".

Въ 1802 г. Бентамъ не могъ удержаться отъ желанія посѣтить еще разъ „обновленную" Францію и провелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ короткое время въ Парижѣ, гдѣ онъ возобновилъ, между прочимъ, знакомство съ герцогомъ Ліанкуръ и его сыномъ, служившимъ въ Нидерландахъ подъ начальствомъ герцога Іоркскаго.

„Онъ разсказывалъ мнѣ", передаетъ Бентамъ, „что герцогъ каждый день послѣ обѣда былъ пьянъ и что онъ одинъ виноватъ въ пораженіи его арміи. Слѣдовательно, десятки тысячъ человѣкъ были принесены въ жертву тщеславія одного человѣка.

Въ томъ же 1802 г. въ Парижѣ находился одинъ англичанинъ, славившійся не столько своими способностями, сколько своими таинственными и удивительными приключеніями. Это былъ нѣкто Левисъ Гольдсмитъ. Родившись въ Англіи, въ Ричмондѣ, въ 1773 г., и объѣздивъ всю Европу, онъ издалъ въ 1801 г. памфлетъ, озаглавленный „Преступленія правительствъ" (Les crimes des gouvernements), въ которомъ приписывалъ Англіи и континентальнымъ державамъ намѣреніе расчленить Францію. Подвергшись вслѣдствіе этого обвиненія преслѣдованію со стороны англійскаго правительства, онъ уѣхалъ въ Парижъ, куда за нимъ послѣдовали его жена и дочь. По его словамъ, онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Діеппъ, гдѣ его хотѣли выдать англійскому правительству, какъ заговорщика, но такъ какъ переговоры, происходившіе по этому поводу, кончились ничѣмъ, то онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ предложилъ свои услуги Бонапарту, задумавшему основать въ Парижѣ англійскій журналъ, съ цѣлью распространить свои идеи въ Англіи и ея колоніяхъ. Любопытно, что, основывая этотъ органъ, получившій названіе „Аргусъ", первый консулъ какъ бы подражалъ, самъ того не зная, англійскому правительству, основавшему или субсидировавшему въ 1650 г. еженедѣльный журналъ „Les Nouvelles ordinaires de Londres", который издавался на французскомъ языкѣ и распространялся на континентѣ. Въ „Аргусѣ", издававшемся приблизительно лѣтъ восемь, помѣщались пространныя выдержки изъ лондонскихъ журналовъ, которыя сопровождались комментаріями въ тонѣ, явно враждебномъ Питту, и тѣмъ, кто поддерживалъ его политику; англійскій посланникъ Мерри называлъ этотъ журналъ „низкимъ и презрѣннымъ". Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1802 г. Бонапартъ приказалъ посылать еженедѣльно пятьсотъ экземпляровъ этого журнала во французскія владѣнія Индіи, откуда они распространялись въ англійскихъ владѣніяхъ Индіи.

Когда, въ февралѣ мѣсяцѣ 1803 г., „Аргусъ“ перемѣнилъ тонъ, что послужило для англійскаго правительства знакомъ примиренія, то Гольдсмитъ былъ уволенъ отъ редактированія журнала и потребовалъ семь тысячъ франковъ вознагражденія, мотивируя свою претензію тѣмъ, что ему было обѣщано предоставить этотъ журналъ въ его полную собственность, что ему дорого стоило перевезти свою меблировку изъ Англіи и пришлось сдѣлать значительныя затраты для воспитанія дочери, заплативъ впередъ за ея обученіе, а такъ какъ англичане, проживавшіе въ Парижѣ, угрожали убить его, то онъ хотѣлъ уѣхать изъ Франціи какъ можно скорѣе. Однако, онъ остался еще нѣкоторое время въ Парижѣ, занимаясь литературной работой, пока онъ не возвратился, наконецъ, въ 1809 г. въ Англію. Заключенный на нѣкоторое время въ тюрьму, онъ принялся, по выходѣ на свободу, энергично писать противъ Наполеона и въ 1815 г. предлагалъ оцѣнить его голову.

Среди пріѣхавшихъ изъ Англіи сановниковъ особенное вниманіе обращалъ на себя извѣстный англійскій государственный дѣятель и глава англійской либеральной партіи Фоксъ, по заключеніи Амьенскаго мира также пожелавшій посѣтить континентъ. Въ молодыхъ годахъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ щеголей Лондона и совершилъ, въ сопровожденіи лорда Карлайеля, поѣздку въ Парижъ и Ліонъ, съ единственной цѣлью „купить модные жилеты“. Во все время путешествія, Фоксъ и его другъ, по свидѣтельству одного современника, ни о чемъ другомъ не разговаривали, какъ объ этихъ жилетахъ, но въ 1802 г. пятидесяти трехъ-лѣтній государственный дѣятель, предпринявъ путешествіе во Францію, руководствовался болѣе серьезными цѣлями. Поглощенный серьезными историческими изслѣдованіями, онъ нуждался для своихъ работъ въ новыхъ источникахъ и надѣялся отыскать въ Парижѣ нужные для него документы. Его сопровождалъ въ качествѣ секретаря Троттеръ, отзывы котораго о Франціи приведены выше.

Фоксъ, популярнѣйшій изъ современныхъ дѣятелей Англіи, глубоко симпатизировалъ Франціи и сумѣлъ пріобрѣсти симпатіи французовъ, настроенныхъ вообще враждебно къ Англіи. Въ то время какъ другъ Фокса, писатель Шериданъ, раздѣлялъ чувство ненависти, которое большинство англичанъ питало къ Франціи, Фоксъ считалъ необходимымъ уничтожить вражду, существовавшую между двумя націями.

Однимъ изъ первыхъ посѣтилъ Фокса въ Парижѣ знаменитый предводитель польскихъ войскъ Косцюшко.

„На взглядъ онъ былъ здоровъ“, пишетъ Троттеръ, но я думаю, что онъ никогда не оправится окончательно отъ полученныхъ имъ

ранъ. Фоксъ принялъ его любезно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти. Этотъ великій патріотъ жилъ во Франціи безвѣстнымъ въ самой скромной обстановкѣ, игнорируемый новымъ правительствомъ, созидавшимъ свое могущество на развалинахъ республиканскаго строя, и чувствовалъ себя одинокимъ среди той блестящей толпы иностранцевъ, которые спѣшили въ Парижъ, полные веселья и беззаботности".

Первою заботою Фокса, по пріѣздѣ въ Парижъ, было получить аудіенцію у Бонапарта. Для пріема представителей иностранныхъ державъ и вообще иностранцевъ, съѣзжавшихся со всѣхъ концовъ міра, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе первому консулу, былъ отведенъ рядъ комнатъ, которыя были извѣстны подъ общимъ названіемъ „зала посланниковъ". Фокса сопровождали на аудіенцію лордъ Голландъ, лордъ Робертъ Спенсеръ, лордъ Сентъ Джонъ, Эрскинъ, Эдайръ и, само собою разумѣется, Троттеръ.

„Надобно сознаться", говоритъ послѣдній, что новизна и величіе всего происходившаго на моихъ глазахъ чрезвычайно заинтересовали меня. Этотъ „великій базаръ житейской суеты" производилъ поразительное впечатлѣніе, не поддающееся описанію: личность перваго консула, ради котораго собрались присутствовавшіе, старинный дворецъ Бурбоновъ, изумительное положеніе, занятое Франціей—все это поражало воображеніе и почти лишало возможности высказать о видѣнномъ правильное сужденіе. На губахъ присутствующихъ блуждала едва уловимая улыбка, говорившая ясно: возможно ли все это? долговѣчно ли будетъ это новое правительство?

Тутъ же присутствовалъ великобританскій посолъ Мерри, которому предстояло не мало труда, такъ какъ въ залѣ находилось болѣе англичанъ, нежели представителей другихъ націй. Рядомъ съ нимъ стоялъ испанскій посланникъ, кавалеръ Азара, оживленно разговаривавшій съ Фоксомъ, далѣе стоялъ сверкавшій бриліантами графъ Марковъ, съ его страшнымъ лицомъ и неприступнымъ видомъ, и турецкій посланникъ, явившійся въ сопровожденіи цѣлой свиты красивыхъ господъ; онъ возлежалъ на диванѣ, такъ какъ жара была нестерпимая; его свита совершенно свободно говорила по-французски; лица этихъ господъ были чистѣйшаго греческаго типа. Тутъ же находился маркизъ Луккезини, прусскій посланникъ, занимавшій нѣкогда скромный постъ чтеца при министрѣ, а съ теченіемъ времени возвысившійся до самыхъ высшихъ дипломатическихъ должностей. Онъ былъ одѣтъ всегда очень пышно въ платье яркаго цвѣта и напоминалъ экзотическую птицу; сходство это еще болѣе увеличивалось его физіономіей; впрочемъ, онъ былъ пріятенъ въ обращеніи и всѣмъ доступенъ.

Почтенный графъ Кобенцель, слишкомъ умный для того, чтобы выказать малѣйшее неудовольствіе, и слишкомъ тонкій политикъ,

чтобы не склониться предъ силой, стоялъ блѣдный, изможденный придворными интригами, какъ будто пощаженный смертью для того, чтобы быть свидѣтелемъ настоящей сцены, опровергавшей всѣ его политическія аксіомы и системы; рядомъ съ нимъ стояли: американскій посланникъ Ливингстонъ, отличавшійся отъ всѣхъ простотою своихъ манеръ и одежды, и неаполитанскій посланникъ, маркизъ Галло, болѣе чѣмъ посредственный дворянинъ старой школы, верхъ изящества по манерамъ, но неспособный играть никакой роли въ политикѣ.

„Въ комнатахъ толпилось множество сановниковъ и высокопоставленныхъ лицъ—англичанъ, русскихъ и шведскихъ офицеровъ. Представитель папы, кардиналъ Капрара, въ своихъ красныхъ чулкахъ и огромномъ красномъ плащѣ представлялъ для меня зрѣлище необычайное".

Присутствующимъ пришлось ожидать довольно долго въ залѣ посланниковъ. Ливрейные лакеи разносили кофе, дорогое вино и пирожное на блюдахъ изъ китайскаго фарфора, на которыхъ была изображена одна буква Б. безъ всякаго герба. „Жара была нестерпимая, и ожиданіе начинало переходить въ томительную скуку, когда дверь распахнулась и префектъ дворца объявилъ кардиналу Капрара, что первый консулъ готовъ. Затѣмъ онъ обратился къ кавалеру Азара; всѣ послѣдовали за ними, не соблюдая порядка, поднялись по большой лѣстницѣ Тюильрійскаго дворца, и вошли во внутренніе покои, гдѣ Бонапартъ стоялъ съ двумя другими консулами, Лебреномъ и Камбасересомъ. окруженный генералами, министрами, сенаторами и офицерами, толпившимися вокругъ него полукругомъ. Пришедшіе изъ залы посланниковъ, составивъ также полукругъ, присоединились къ толпѣ лицъ, окружавшихъ перваго консула. Невысокій ростомъ, не импонирующій своей осанкой, одѣтый безпритязательно въ шитый золотомъ консульскій мундиръ, съ ненапудренной головою, онъ казался на первый взглядъ самымъ простымъ частнымъ человѣкомъ съ самыми скромными манерами, который совершенно не заботился о своемъ костюмѣ.

Два другихъ консула, огромные ростомъ и тяжеловѣсные походили на два массивные столба, нуждавшіеся въ подпоркѣ; все время ауліенціи они, видимо, не знали, что дѣлать со своими руками и какъ держать себя. Какъ только всѣ окружили Бонапарта, онъ обратился къ испанскому посланнику, затѣмъ долго бесѣдовалъ съ представителемъ Америки. Когда онъ дошелъ до англійскаго посланника, тотъ представилъ ему нѣсколькихъ сановныхъ англичанъ и назвалъ Фокса.

Первый консулъ, видимо, очень взволнованный, сказалъ скороговоркою:

— А! г. Фоксъ, я былъ радъ слышать о вашемъ пріѣздѣ, я очень

хотѣлъ видѣть васъ... Я давно восхищался вами, какъ ораторомъ и какъ другомъ народа, который, ратуя за миръ, служилъ самымъ насущнымъ интересамъ своей страны, всей Европы, — всего человѣческаго рода. Обѣ великія націи Европы нуждаются въ мирѣ; имъ нечего опасаться; имъ слѣдовало бы лучше понять и цѣнить другъ друга... Въ вашемъ лицѣ, г. Фоксъ, я вижу съ удовольствіемъ великаго государственнаго человѣка, который проповѣдывалъ миръ въ виду того, что не было уважительной причины вести войну, которая безцѣльно разоряла Европу и лишала ее покоя.

Фоксъ отвѣчалъ кратко; онъ всегда неохотно отвѣчалъ на похвалы. Въ заключеніе Бонапартъ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, касавшихся его путешествія.

Въ числѣ англичанъ, представлявшихся въ тотъ день Бонапарту, находился также лордъ Эрскинъ, другъ Фокса. Этотъ извѣстнѣйшій въ Англіи юристъ полагалъ, что его имя было знакомо и за предѣлами Англіи, но онъ испыталъ, вѣроятно, нѣкоторое разочарованіе, когда, вопреки его ожиданію, первый консулъ не узналъ его. Лордъ Эрскинъ очень плохо говорилъ по-французски, и Талейранъ, опасаясь чтобы не произошло замѣшательства, повторялъ съ нетерпѣніемъ, обращаясь къ Троттеру: „говоритъ ли онъ по-французски? да говоритъ ли онъ по-французски?“ Англійскій посланникъ Мерри, утомленный множествомъ представлявшихся, спѣшилъ и назвалъ лорда Эрскина мимоходомъ. „Вы юристъ?“ спросилъ Бонапартъ въ высшей степени равнодушно и даже нѣсколько презрительно.

Хотя эта аудіенція не имѣла въ сущности значенія, но англійскія министерскія газеты не пропустили случая, и на главу оппозиціи Фокса и его спутниковъ появилось множество каррикатуръ. На одномъ изъ этихъ рисунковъ юмористъ Джильрей изобразилъ Бонапарта возсѣдающимъ на стулѣ, окруженный мамелюками, между тѣмъ какъ Фоксъ и его жена, чрезвычайно тучные, преусердно дѣлали реверансы и преклоняли предъ нимъ колѣна. Лордъ Эрскинъ, въ адвокатской мантіи, стоялъ, приложивъ руку къ сердцу; возлѣ нихъ стояли лордъ и лэди Голландъ, принадлежавшіе къ либеральной партіи, и Комбъ.

Во время пребыванія въ Парижѣ, Фоксъ познакомился съ Талейраномъ, „на непріятномъ лицѣ котораго не отражалось ничего возвышеннаго и благороднаго; хотя, несомнѣнно, это былъ человѣкъ очень дальновидный и хитрый“; а также съ его женою „очень любезной дамой, державшей себя, впрочемъ, высокомѣрно“, съ аббатомъ Сіэсомъ, который „училъ замкнуто на своей виллѣ, наслаждаясь семейнымъ счастьемъ“ и съ супругою перваго консула, г-жею Бонапартъ, которая „плохо умѣла скрывать разницу лѣтъ между нею и первымъ консуломъ, усердно употребляя румяна“. Онъ видѣлъ также Лафайета,

который показался ему весьма симпатичнымъ, г-жу Рекамье, и съ Бертье, „послѣдній былъ очень дѣятельный и пріятный въ обхожденіи, и повидимому, одинаково способенъ къ военной и къ дипломатической карьерѣ". Видѣлъ также Массену „съ небольшими черными пронзительными глазами, очень подвижнаго и съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, какъ будто онъ готовился схватить добычу".

IV.

Въ описываемое время въ Парижѣ люди самаго лучшаго общества посѣщали общественныя ванны. „Мнѣ очень понравился этотъ обычай", говоритъ авторъ „Увеселительной поѣздки въ Парижъ". Въ ванномъ заведеніи строго соблюдаются правила благопристойности. Каждый надѣваетъ коротенькіе штаны или обматываетъ вокругъ пояса длинный кусокъ матеріи; свыше ста человѣкъ учатся одновременно плавать. Продолжая описаніе Парижа, авторъ отмѣчаетъ, что, хотя „на Луврѣ, Тюильри и вообще на фронтонѣ всѣхъ общественныхъ зданій было начертано крупными золотыми буквами: „свобода, равенство, братство", но только однѣ эти надписи и напоминали о „свободѣ" французовъ.

Вообще, онъ старается убѣдить своихъ соотечественниковъ въ томъ, что Парижъ отнюдь не оправдывалъ любопытства, съ какимъ туда стремились путешественники, и говоритъ, что они поступили бы благоразумнѣе, оставаясь въ Англіи, которая въ отношеніи даровъ природы и удобствъ жизни стоитъ несравненно выше Франціи. Онъ описываетъ парижанъ всѣхъ возрастовъ и классовъ общества людьми гордыми, склонными хвастать своими занятіями. Невѣжество французовъ онъ приписываетъ врожденной имъ лѣни и привычкѣ относиться легкомысленно къ самымъ серьезнымъ вопросамъ и при этомъ жестоко критикуетъ распущенность нравовъ во Франціи. „Трудно себѣ представить, говоритъ онъ, какъ чувствуютъ себя во Франціи, во всѣхъ классахъ общества, мужья, ибо нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ услышать такую фразу: „это другъ госпожи такой-то", т. е. ея любовникъ. Я не могу, конечно, утверждать, чтобы это было общимъ правиломъ, но не могу также сказать, чтобы это встрѣчалось очень рѣдко.

Познакомимся теперь съ отзывами другаго путешественника, повидимому, довольно безпристрастнаго въ своихъ сужденіяхъ, это автора весьма распространеннаго въ свое время сочиненія: „Бѣглый очеркъ

современнаго Парижа или письма о нравахъ, развлеченіяхъ и достопримѣчательностяхъ этой столицы" [1]).

„По пріѣздѣ въ Парижъ, мнѣ пришлось кочевать изъ одного отеля въ другой", пишетъ онъ, пока я нашелъ помѣщеніе. „Я помѣстился пока въ очень плохенькой комнаткѣ; судя по всему, что я видѣлъ и слышалъ, мнѣ придется посвятить большую часть драгоцѣннаго времени на поиски приличнаго помѣщенія. Хорошія комнаты здѣсь очень рѣдки, такъ какъ большая часть меблированныхъ отелей разграблена во время революціи, а тѣ, которые уцѣлѣли, переполнены иностранцами, которые послѣ заключенія мира наѣхали сюда со всѣхъ концовъ свѣта.

„Улицы Лондона настолько превосходятъ парижскія шириною, чистотою и красотою зданій, что, я полагаю, даже французъ не сталъ бы оспаривать этого. Онѣ представляютъ полнѣйшую противоположность съ узкими, грязными и плохо вымощенными улицами французской столицы, которыя такъ плохо вымощены, что ѣхать по нимъ сущее мученье, не говоря уже о томъ, что колеса быстро портятся на этой убійственной мостовой. Освѣщеніе улицъ весьма скудное, фонари подвѣшены посреди улицы, на высотѣ 15—20 футъ на веревкѣ, протянутой отъ одного дома къ другому. Огромныхъ размѣровъ фонари освѣщаютъ скорѣе дома, нежели улицу, такъ что жители могутъ у окна читать при ихъ свѣтѣ. Это красиво, но мостовая и всѣ закоулки погружены въ совершенныя потемки". Съ другой стороны, авторъ отводитъ Парижу первое мѣсто по красотѣ дворцовъ и общественныхъ зданій, восхищается стилемъ и архитектурой частныхъ зданій. „Хотя они красивѣе и расположеніе комнатъ въ нихъ удобнѣе, нежели у насъ, говоритъ онъ, такъ какъ въ каждомъ этажѣ есть цѣлый рядъ комнатъ, но въ этихъ домахъ, именно по причинѣ ихъ большихъ размѣровъ, живетъ нѣсколько семействъ, вслѣдствіе чего общія лѣстницы очень грязны и столь же противны, какъ и самыя плохо содержимыя улицы. Если въ домѣ живетъ одна семья, что́ бываетъ рѣдко, то число слугъ обыкновенно до того не соотвѣтствуетъ величинѣ помѣщенія, что весь домъ бываетъ запущенъ и содержится отвратительно. Вообще, французы очень нечистоплотны, употребленіе щетки для мытья посуды имъ неизвѣстно, точно такъ же, какъ тряпки и помойныя ведра; во всѣхъ провинціальныхъ городахъ на главныхъ улицахъ розлиты жидкости, издающія зловонный запахъ".

О характерѣ парижанъ авторъ отзывается весьма сочувственно. „Такъ какъ правительство разрѣшило возстановить нѣкоторые ста-

---

[1]) L'Esquisse rapide du Paris moderne, ou Lettres sur la société, les moeurs, les distractions et les curiosités publiques de cette capitale".

ринные обычаи, говоритъ, онъ то парижане празднуютъ снова масляницу съ той веселостью и оживленіемъ, какія присущи французскому характеру. Они такъ жаждутъ удовольствія и всякаго рода зрѣлищъ, что готовы на всякія жертвы, чтобы удовлетворить этой страсти. Во время этого всеобщаго веселья, на улицахъ не случается никакихъ безпорядковъ, не замѣтно пьяныхъ, и женщины не подвергаются оскорбленіямъ. Особенно заслуживаетъ похвалы то обстоятельство, что во Франціи можно посѣщать общественныя зрѣлища вполнѣ спокойно и безопасно, не рискуя натолкнуться на скандалъ или безпорядокъ".

Это признаніе англичанина о томъ, что французская толпа вела себя порядочно и благопристойно, служитъ наилучшимъ доказательствомъ добрыхъ нравовъ французскаго общества и его умственнаго развитія, о которомъ отзывались неодобрительно многіе современные англійскіе путешественники.

Но былъ одинъ пунктъ, относительно котораго сходились самые ярые хулители всего французскаго. Луврскій музей, обогащенный Бонапартомъ художественными произведеніями всей Европы, былъ для любителей искусства обѣтованной землею, гдѣ въ одномъ роскошномъ зданіи были собраны лучшія произведенія искусства всего міра, разсѣянныя до тѣхъ поръ по всему свѣту. Никто изъ иностранцевъ, наиболѣе предубѣжденныхъ противъ Франціи, наиболѣе пристрастныхъ въ своихъ сужденіяхъ, не могъ произнести ни слова въ осужденіе этого памятника искусства, созданнаго республикой; большинство даже не находило словъ, чтобы выразить свой восторгъ.

„Я очутился въ великолѣпномъ залѣ, говоритъ авторъ „Бѣглаго очерка современнаго Парижа", стѣны котораго были увѣшаны великолѣпнѣйшими произведеніями человѣческаго искусства. Когда нашъ умъ предвкушаетъ какое-нибудь удовольствіе, когда воображеніе рисуетъ самыми соблазнительными красками, то зачастую бываетъ, что дѣйствительность не соотвѣтствуетъ представленію, созданному воображеніемъ. На этотъ разъ мнѣ не пришлось разочароваться. Я ожидалъ чего-то выдающагося, я составилъ себѣ необычайное представленіе о томъ, что я увижу, но полученное мною удовольствіе превзошло всѣ ожиданія. Я стоялъ нѣкоторое время пораженный. Сторожъ, предложившій мнѣ каталогъ, составленный, какъ оказалось, весьма тщательно, вывелъ меня изъ задумчивости, и тогда только я пришелъ нѣсколько въ себя отъ изумленія отъ всего видѣннаго".

Впрочемъ, одни любители живописи и скульптуры находили въ Парижѣ пищу для восхищенія. Французская сцена сіяла въ то время осо-

бымъ блескомъ и парижскіе театры могли соперничать съ лучшими произведеніями искусства. Цѣлая плеяда знаменитыхъ артистовъ, во главѣ которыхъ блистали Марсъ, Тальма, Сенъ-При, Дюшенуа, Вольнэ, привлекала въ театры иностранцевъ, съ графомъ Кобенцелемъ во главѣ, который страстно любилъ театръ, въ особенности когда онъ могъ отправиться туда, какъ онъ выражался, „инкогнито“, т. е. оставивъ двадцать или тридцать орденскихъ знаковъ въ каретѣ и надѣвъ ихъ всего штукъ пять или шесть. Вотъ что пишетъ одинъ англичанинъ о французскомъ драматическомъ театрѣ.

„Англійскій подданный, посѣщающій французскій театръ впервые, бываетъ удивленъ весьма многимъ. Прежде всего его поражаетъ отсутствіе въ залѣ свѣта, что́ дѣлается съ цѣлью придать болѣе эффекта сценѣ, но человѣкъ непредубѣжденный вскорѣ понимаетъ все преимущество этой системы. Благодаря темнотѣ залы ярче выступаетъ сцена, и французскій способъ освѣщенія несравненно лучше оттѣняетъ пейзажъ, нежели наше вездѣ одинаково яркое освѣщеніе, при которомъ отсутствуютъ свѣтъ и тѣни. Въ парижскомъ театрѣ характеръ французовъ проявляется въ истинномъ свѣтѣ. Сосредоточенное вниманіе, съ какимъ зрители слѣдятъ за представленіемъ, взрывы одобренія и рукоплесканія, расточаемыя любимымъ или „подающимъ надежды“ артистамъ, соблюденіе полнѣйшей тишины слезы, которыя проливаютъ мужчины и женщины въ трогательныхъ мѣстахъ, непринужденная веселость, которая охватываетъ всѣхъ во время представленія комедіи—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что французы вполнѣ заслуживаютъ репутацію людей одаренныхъ чувствомъ изящнаго и прекраснаго“.

„Французская декламація вначалѣ нѣсколько поражаетъ англійскій слухъ, и мнѣ кажется, что болѣе простоты и менѣе напыщенности не повредили бы дѣлу. Но это первое впечатлѣніе вскорѣ изглаживается, и надобно сознаться, что страсть и воодушевленіе, съ коими играютъ французскіе актеры, не имѣютъ себѣ равнаго. Короткіе антракты значительно поддерживаютъ въ зрителѣ интересъ къ пьесѣ. Актеры какъ будто во истину переживаютъ изображаемыя ими страсти, они не подлаживаются къ публикѣ, желая сорвать аплодисменты, но играютъ съ такимъ увлеченіемъ, что можно забыть, что видишь передъ собою сцену и декораціи, вообразивъ, что передъ тобою разыгрывается дѣйствительная жизнь“.

Въ тотъ день, когда авторъ былъ въ театрѣ, давали „Федру“ Расина. На спектаклѣ присутствовалъ Фоксъ. Его узналъ весь партеръ, всѣ взоры обратились къ нему и когда по залѣ пронеслось шопотомъ его имя, всѣ встали и стали аплодировать. Одинъ только Фоксъ остался неподвиженъ; хотя онъ былъ тронутъ этимъ знакомъ

вниманія, но онъ не хотѣлъ встать, чтобы не показать, что онъ принимаетъ эти рукоплесканія на свой счетъ.

Другой авторъ говоритъ, что хотя въ Парижѣ множество театровъ (при этомъ онъ возмущался тѣмъ, что спектакли бываютъ въ воскресные дни), тѣмъ не менѣе актеры вездѣ талантливые и играютъ безподобно. Онъ ставитъ рѣшительно парижскіе театры выше лондонскихъ.

Но не богатство парижскихъ музеевъ и блескъ его театровъ влекли иностранцевъ во Францію; главною приманкою былъ, какъ уже мы говорили, первый консулъ.

Видѣть Бонапарта! это были магическія слова, которыя околдовывали всѣхъ. Этому желанію не могли противустоять самые ярые ненавистники Франціи, замкнутые въ своей національной городости, такъ же какъ и люди самые индифферентные къ великимъ идеямъ, превозглашеннымъ французской революціей.

Желаніе „видѣть Бонапарта“ было иногда такъ велико, такъ неудержимо, что многіе англичане пріѣзжали въ Парижъ только на одинъ день, чтобы присутствовать на смотру, и уѣзжали въ тотъ же вечеръ, увозя воспоминаніе о своемъ героѣ, видѣнномъ въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ. Большинство ѣхало во Францію, имѣя самое превратное представленіе о Бонапартѣ, о которомъ разсказывали всякія небылицы. Такъ напр., одни разсказывали, будто первый консулъ пьетъ каждый часъ по чашкѣ кофе, другіе, что онъ никогда не ходитъ пѣшкомъ; третьи, что онъ сидитъ по цѣлымъ днямъ въ ваннѣ; иные увѣряли, что онъ ѣстъ всегда стоя, и многіе пріѣзжіе имѣли о немъ столь ложное представленіе, что, увидавъ его, они бывали совершенно поражены. Число англичанъ и ирландцевъ, желавшихъ получить аудіенцію у перваго консула, было такъ велико, что англійскій посланникъ былъ вынужденъ объявить, что таковыя просьбы будутъ удовлетворяться лишь въ томъ случаѣ, если желающій получить аудіенцію явится къ нему съ личной рекомендаціей отъ лорда Гаукесберри; такимъ образомъ въ то время какъ высоко поставленные англичане представлялись первому консулу, ихъ менѣе счастливые соотечественники вознаграждали себя тѣмъ, что старались увидѣть своего кумира въ общественныхъ мѣстахъ и на смотрахъ. Авторы всѣхъ мемуаровъ, писемъ, путеводителей и тому подобныхъ сочиненій, желая распространить свою книгу, украшали ее непремѣнно портретомъ перваго консула и прилагали къ нему описаніе, сдѣланное ими не столько на основаніи личныхъ наблюденій, сколько заимствованное изъ другихъ описаній, которыя они только дополняли личными замѣтками.

„15 термидора, пишетъ одинъ изъ этихъ авторовъ, мы видѣли

Бонапарта въ то время какъ онъ производилъ смотръ войску; это былъ вѣроятно цвѣтъ его арміи, такъ какъ эти солдаты совершенно не походили на тѣхъ, коихъ мы видѣли по пути отъ Калэ. Мы никогда не видѣли такого великолѣпнаго войска; лошади и обмундировка были роскошны. Корпусъ егерей и жандармовъ былъ составленъ изъ самыхъ красивыхъ, рослыхъ людей точно такъ же, какъ и корпусъ колонновожатыхъ. Послѣдними командовалъ молодой Богарне, зять Бонапарта. Было около одиннадцати часовъ, когда мы прибыли въ Тюильри; вскорѣ были заперты желѣзныя ворота. Бонапартъ находился уже во дворцѣ, пріѣхавъ рано утромъ изъ Мальмезона, гдѣ онъ живетъ. Мы слышали, что, заботясь о его личной безопасности, тщательно скрываютъ, по какой дорогѣ онъ долженъ пріѣхать и уѣхать".

„Около полудня первый консулъ спустился по главной лѣстницѣ, и одно лицо, бывшее съ нами и стоявшее какъ разъ напротивъ входа, сказало намъ, что Бонапартъ, чтобы сѣсть на лошадь, влѣзъ на маленькую скамеечку. Его свиту составляли человѣкъ пятнадцать или двадцать генераловъ и египетскій мамелюкъ; вся его свита была напудрена и одѣта роскошно; а онъ былъ въ простомъ темно-зеленомъ сюртукѣ безъ единаго галуна и украшенія". Описывая смотръ, авторъ говоритъ: „первый консулъ пробылъ на лошади часа полтора; все это время онъ ни разу не открылъ рта и не повернулъ головы ни вправо, ни влѣво, онъ смотрѣлъ все время между ушей своей лошади. Ни съ кѣмъ не разговаривалъ и его не привѣтствовали и не провожали восторженными криками. По утру намъ говорили, что мы будемъ, вѣроятно, свидѣтелями того, какъ онъ обниметъ нѣкоторыхъ солдатъ, раздавая имъ почетныя сабли и трубы. Ничего подобнаго однако мы не видѣли, хотя двумъ полкамъ, 8 и 24, были розданы новыя знамена.

„Большая часть солдатъ носитъ серьги и имъ позволяется носить усы длиною приблизительно въ полъ-дюйма, чтó придаетъ брюнетамъ весьма воинственный видъ. Піонеры имѣютъ напудренные волосы и длинную бороду, напоминая евреевъ. Когда смотръ окончился и всѣ солдаты направились въ казармы, Бонапартъ сошелъ съ лошади, ступивъ опять на скамеечку и, быстро поднявшись по лѣстницѣ, возвратился въ свои апартаменты".

Изъ архивныхъ мелочей.

С.-Петербургъ. 21-го февраля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи кіевскій военный губернаторъ Феншъ. Приношеніе кіевскаго благороднаго дворянства на устроеніе дворянскаго училища семидесяти тысячъ рублей, въ донесеніи вашемъ изображенное, принимаю я знакомъ отличнаго ихъ на пользу общую усердія и поручаю вамъ изъявить имъ мою признательность. Мнѣ пріятно видѣть въ семъ несомнѣнное доказательство, сколь много цѣнятъ они просвѣщеніе и пользу воспитанія. Я увѣренъ, что назидательному ихъ примѣру по возможности послѣдуютъ и прочіе дворяне, подъ именемъ арендовыхъ поссессоровъ въ губерніи вамъ ввѣренной извѣстные. Впрочемъ удостовѣрьте ихъ, что желаніе ихъ о помѣщеніи въ сіе училище изъ каждаго повѣта по двѣнадцати дворянскихъ дѣтей исполнено будетъ. Пребываю вамъ благосклонный „Александръ".

С.-Петербургъ, 18-го февраля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и кіевскій губернаторъ Феншъ! Пріемля съ монаршимъ благоволеніемъ пожертвованіе каневскаго базиліанскаго монастыря архимандрита Физипевича, изъ усердія къ пользѣ отечества опредѣляющее благопріобрѣтенное имъ мѣстечко Каневъ навсегда для содержанія училища при тамошнемъ базиліанскомъ мо-

настырѣ имъ заведеннаго, находимъ мы учиненное имъ по сему предмету распоряженіе яко зависящее отъ доброй его воли основаннымъ на законахъ; почему препровождая у сего помянутое распоряженіе, повелѣваемъ вамъ записать оное надлежащимъ образомъ въ актахъ, въ знакъ же особеннаго вниманія нашего къ сему поступку, влагаемъ у сего крестъ для врученія ему, Физипевичу, при особомъ рескриптѣ, пребывая вамъ благосклонный „Александръ“.

Помѣта: полученъ 11-го марта 1802 г.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи управляющій гражданскою частію въ губерніяхъ Кіевской и Минской, Фенштъ. Санктпетербургское вольное экономическое общество представило мнѣ предположеніе его о сочиненіи общаго Россіи описанія по части земледѣлія и сельскаго хозяйства. Къ составленію сего полезнаго сочиненія ему нужно будетъ собрать съ самихъ мѣстъ разныя свѣдѣнія, почему и расположилося общество, сообщивъ всѣмъ начальникамъ губерній начертаніе тѣхъ предметовъ, кои въ планъ сего творенія входятъ, просить содѣйствія ихъ въ скоромъ и подробнѣйшемъ доставленіи сихъ свѣдѣній, назначивъ при томъ и пристойныя награды лицамъ, кои будутъ въ составленіи ихъ трудиться. Принявъ съ удовольствіемъ столь полезное общества экономическаго предположеніе, я нахожу нужнымъ предварительно поручить вашему попечительному благоразумію содѣйствовать всѣми возможными мѣрами наилучшему и совершеннѣйшему успѣху сего предпріятія по ввѣреннымъ вамъ губерніямъ. Все участіе, какое въ дѣлѣ семъ руководствомъ, ободреніемъ и побужденіями вашими принять вы можете, будетъ для меня весьма примѣтнымъ доказательствомъ истиннаго просвѣщенія и любви къ отечественнымъ пользамъ. Пребываю вамъ благосклонный „Александръ“.

Помѣта: полученъ 25-го апрѣля 1802 г.

С.-Петербургъ, 16-го апрѣля 1802 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи кіевскій военный губернаторъ, Фенштъ. Имѣющіе въ Кіевѣ собственные домы разныхъ присутственныхъ мѣстъ канцелярскіе чиновники вошли ко мнѣ съ прошеніями объ увольненіи домовъ ихъ отъ постоя и объ освобожденіи ихъ отъ

обязанности давать провожатыхъ для препровожденія изъ города арестантовъ. Считая первую изъ сихъ повинностей общею тягостью всѣхъ гражданъ, домы въ городѣ имѣющихъ, я нахожу справедливымъ, чтобъ и сіи чиновники въ ней участвовали, о чемъ вы имъ и объявите; но вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдите, чтобъ постой сей расположенъ былъ со всевозможными уравненіями, и чтобъ чины полицейскіе, медицинскіе, архитекторскіе, форшт-мейстерскіе, почтамтскіе и дикастерскіе въ собственныхъ ихъ домахъ отъ онаго изъяты не были, какъ то доселѣ весьма несправедливо было допущено. Что принадлежитъ до обязанности давать провожатыхъ арестантамъ, я считаю сіе не только притѣснительнымъ и излишнимъ, но и выходящимъ изъ всякаго порядка, ибо на сіе есть опредѣленныя воинскія команды, и почему обращено сіе въ повинность городскую и возложено на участіе людей, кои ни по званію ихъ, ни по чинамъ, ни по должности провожатыми арестантамъ быть не могутъ, требую отъ васъ объясненія. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонный „Александръ".

Помѣта: полученъ 4-го мая 1802 г.

С.-Петербургъ, 1-го сентября 1802 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи кіевскому военному губернатору Феншу.

Бывшей королевской французской службы подполковникъ Шарлъ-де-Ландъ по желанію его будетъ имѣть жительство въ Кіевѣ, получая изъ кабинета на содержаніе свое чрезъ губернское начальство по триста рублей въ годъ по третямъ. Предъувѣдомляя васъ о семъ, я желаю, чтобъ по прибытіи его имѣли вы за нимъ наблюденіе, не стѣсняя впрочемъ его свободы. „Александръ".

Помѣта: полученъ 15-го сентября 1802 г.

С.-Петербургъ, 21-го октября 1802 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи кіевскому военному губернатору Феншу.

Сколько пріятно мнѣ было видѣть знакъ усердія, изъявленнаго кіевскими гражданами въ сооруженіи памятника святому и равноапостольному в. к. Владиміру, особенно по уваженію моему къ главной и благочестивой мысли сего памятника, столько крайне былъ я уди-

вленъ, что о предположеніи семъ отъ васъ предъувѣдомленъ я не былъ. Зданія сего рода столько сами по себѣ важны, что не могутъ быть начинаемы съ единаго вѣдома мѣстнаго начальства, и долгъ онаго, весьма по мнѣнію моему ясный, есть доносить о нихъ предварительно высшему правительству. Я узналъ о семъ единственно изъ отношенія вашего къ бывшему генералъ-прокурору, на сихъ только дняхъ къ свѣдѣнію моему дошедшему.

Поставляя сіе особенно вамъ въ замѣчаніе, я тѣмъ не менѣе отдаю справедливость доброму намѣренію кіевскихъ гражданъ и особливо за назначеніе его построить богадѣльню въ пользу страждущаго человѣчества. Поручаю вамъ изъявить за сіе мою ему признательность. „Александръ".

Помѣта: полученъ 7-го ноября 1802 г.

С.-Петербургъ, 19-го декабря 1802 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи кіевскому военному губернатору Феншу.

Изъ переписки съ бывшимъ генералъ-прокуроромъ вамъ уже извѣстны жалобы отъ кіевскихъ гражданъ ко мнѣ дошедшія на тягость лежащихъ на нихъ повинностей, и исканіе ихъ о разныхъ способахъ къ облегченію.

Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ свѣдѣнія, какія по дѣлу сему были собраны. Разсмотрѣвъ его въ настоящемъ его положеніи, я нахожу, что если съ одной стороны магистратъ безотчетнымъ управленіемъ доходовъ и безпорядочнымъ веденіемъ книгъ и документовъ былъ виною замѣшательства въ сей части и содѣйствовалъ умноженію городскихъ долговъ, то съ другой стороны и начальство, полицейскими повинностями управлявшее, неправо можетъ быть въ томъ, что, не опредѣливъ съ точностію ни числа расходовъ, ни способовъ къ уравнительному ихъ удовлетворенію, требованіями своими вывело его изъ соразмѣрности съ доходами и вовлекло въ издержки, кои казенною палатою при ревизіи счетовъ неправильными признаны.

Для извлеченія города изъ сего затруднительнаго положенія и для постановленія на будущее время постояннаго на сію часть правила, признаю нужнымъ, чтобъ поручили вы гражданскому губернатору сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1-е. Составивъ подъ предсѣдательствомъ его комитетъ изъ вице-губернатора, губернскаго маршала и одного члена магистрата, всѣ

счеты городскихъ доходовъ за 1799 и 1800 годы по документамъ ихъ въономъ разсмотрѣть, и по соображенію ихъ не только съ узаконеніями, но и съ дѣйствительными нуждами и временными обстоятельствами опредѣлить, какіе расходы могутъ быть приняты на счетъ городскихъ доходовъ, какіе затѣмъ должны остаться на счетѣ жителей, и какіе наконецъ подлежатъ особенному взысканію съ тѣхъ, кои могутъ открыться при семъ разсмотрѣніи виновными въ злоупотребленіи, или произвольныхъ и ненужныхъ издержкахъ.

2-е. Составивъ такимъ образомъ три вѣдомости расходовъ, комитетъ сей долженъ присовокупить и мнѣніе его о способахъ уплатить долги городскіе средствами наименѣе для жителей отяготительными, и все сіе представить мнѣ на усмотрѣніе.

3-е. Между тѣмъ, какъ будетъ постановлена сія мѣра на дѣла прошедшихъ лѣтъ, дабы въ то же время положить и на будущее точный въ сей части порядокъ, составить подъ вѣдѣніемъ гражданскаго губернатора другой комитетъ изъ одного члена по выбору отъ дворянства, имѣющаго въ городѣ домы, одного отъ купечества, одного отъ мѣщанства и изъ губернскаго прокурора.

4-е. Главнымъ предметомъ сего комитета будетъ опредѣлить съ точностью состояніе городскихъ доходовъ; разсмотрѣть, содержатся ли они въ порядкѣ; нѣтъ ли статей упущенныхъ, или отъ недостатка экономіи пренебреженныхъ.

5-е. Исчислить всѣ городскія повинности какъ денежныя, такъ и личныя, какъ-то: сборъ на полицію, на содержаніе казармъ, постой, ночную стражу, пожарныхъ служителей, освѣщеніе улицъ, мостовыя; словомъ, всѣ предметы, составляющіе полицейскую обязанность гражданъ.

6-е. Сравнивъ денежныя издержки съ городскими доходами и исчисливъ, чего будетъ не доставать, во-первыхъ, положить удобнѣйшіе способы наполнять недостатокъ сей ежегодно, посредствомъ ли поземельнаго сбора, оцѣнкою ли домовъ и получаемыхъ съ нихъ доходовъ, или другимъ образомъ, какой можетъ быть наиболѣе уравнительный и наименѣе тягостный, а особливо для бѣдныхъ.

7-е. Подобное сему разсмотрѣніе сдѣлать и о тѣхъ повинностяхъ, кои лично обывателями должны быть исправляемы. Они должны быть расположены съ соблюденіемъ всего возможнаго уравненія.

8-е. Когда такимъ образомъ, какъ денежные дополнительные сборы, такъ и личныя повинности съ точностью опредѣлятся, сдѣлать изъ нихъ общее положеніе, или табель, изъ коей бы каждый обыватель могъ видѣть, что ему платить или исправлять по состоянію его должно. Извѣстность таковая есть главное и самое существенное средство къ

облегченію повинностей, коихъ тягость наипаче оттого бываетъ чувствительна, что онѣ имѣютъ видъ произвольный.

9-е. Въ пособіе сему комитету въ его соображеніяхъ прилагаются здѣсь правила для таковыхъ же, въ обѣихъ столицахъ постановленныхъ, коими долженъ онъ руководствоваться, поколику къ мѣстнымъ положеніямъ приспособлены они быть могутъ. „Александръ".

Помѣта: „полученъ 5-го января 1803 г. Графъ С. Кочубей".

С.-Петербургъ. 5-го января 1803 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи, кіевскому военному губернатору Феншу.

По случаю послѣдовавшаго со стороны коммиссіи кіевскаго провіантскаго депо упущенія въ продовольствіи северскаго драгунскаго полка фуражемъ, я приказалъ уже прежнихъ присутствующихъ той коммиссіи отрѣшить отъ должностей и на мѣста ихъ опредѣлить другихъ чиновниковъ, а находившагося у продовольствія того полку коммиссіонера 9-го класса Давыдова арестовавъ, судить военнымъ судомъ. А какъ изъ получаемыхъ донесеній видно, что покупка провіанта и фуража на всѣ въ кіевской губерніи расположенныя войска основана помянутою коммиссіею на цѣнахъ, открытыхъ коммиссіонеромъ Давыдовымъ и утвержденныхъ тамошнимъ гражданскимъ правительствомъ, не къ пользѣ казеннаго интереса, чему доказательствомъ принятіе покупки на свое попеченіе северскимъ драгунскимъ полкомъ по цѣнамъ гораздо дешевѣйшимъ; то я предписываю вамъ взять, отъ кого надлежитъ, по части гражданской, и отъ провіантской коммиссіи отвѣты, для чего столь несообразное казенной пользѣ, кіевскимъ губернскимъ правленіемъ и коммиссіею кіевскаго провіантскаго депо учинено постановленіе цѣнъ на покупку провіанта и фуража въ цѣлой губерніи, тогда какъ въ самое то же время можно было купить его за цѣны, несравненно утвержденныхъ выгоднѣйшія; и разсмотря оныя при соображеніи обстоятельствъ и возможности не подвергать казны напраснымъ убыткамъ, съ заключеніемъ вашимъ о томъ, что и кѣмъ при помянутомъ случаѣ упущено, представить ко мнѣ. „Александръ".

Помѣта: полученъ 20-го января 1803 г.

Въ С.-Петербургѣ. 13-го іюня 1803 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

По случаю проѣзда эрцгерцога Іосифа палатино-венгерскаго на возвратномъ его пути въ Вѣну черезъ Кіевъ, я желаю, чтобы вы сдѣлали ему пріемъ, во всемъ соотвѣтственный достоинству его, обратили вниманіе ваше, дабы какъ во время пребыванія его въ мѣстѣ начальства вашего, такъ и въ проѣздъ его чрезъ губерніи, вамъ ввѣренныя, нашелъ онъ всѣ выгоды, какія только доставлены ему быть могутъ. „Александръ“.

Помѣта: полученъ 28-го іюля 1803 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 11-го декабря 1803 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

Дозволивъ отставному полковнику, князю Кантемиру, по особому повелѣнію до нынѣ въ Ревелѣ проживавшему, водвориться на будущее время въ Кіевѣ, поручаю вамъ наблюсти, чтобы онъ безъ особаго повелѣнія изъ города сего не отлучался, но чтобы, впрочемъ, кромѣ благопристойнаго надзора за поведеніемъ его никакого стѣсненія ему въ образѣ жизни отъ мѣстнаго начальства чинимо не было. О поведеніи его я буду ожидать отъ васъ, а въ небытность вашу въ Кіевѣ отъ гражданскаго губернатора, ежемѣсячныхъ донесеній. „Александръ“.

Помѣта: Получено 4-го января 1804 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 23-го декабря 1804 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи, кіевскому военному губернатору Тормасову.

Министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ мнѣ о просьбѣ живущихъ въ кіевской губерніи, въ городѣ Махновкѣ иностранцевъ, вызванныхъ изъ Германіи по контрактамъ, графомъ Протопотоцкимъ (sic), еще во время существованія Польши, чтобъ освободить ихъ отъ рекрутской повинности и подушнаго оклада, въ которыхъ они съ

1795-го года по мѣщанству несправедливо записаны, на томъ основаніи, какъ освобождены отъ того менонисты, почти вмѣстѣ съ ними вышедшіе и въ повѣтѣ Махновскомъ поселившіеся.

Разсмотрѣвъ причины, въ основаніе ими къ сему приводимыя, и доставленное отъ кіевскаго гражданскаго губернатора свѣдѣніе, что они вызваны на одинакомъ правѣ съ менонистами, и что разность между ими только та, что послѣдніе, яко въ совѣтѣ жительствующіе, по ревизіи написаны симъ званіемъ, а они, по пребыванію въ городѣ, названы иностранцами въ числѣ мѣщанъ, и находя исканіе ихъ справедливымъ, согласно утвержденному 11-го іюля 1803 года положенію о менонистахъ, повелѣваю:

1-е. Иностранцевъ, въ городѣ Махновкѣ жительствующихъ, кои по показанію мѣстному состоятъ въ числѣ 118 душъ мужескаго пола, изъ подушнаго оклада исключить.

2-е. Возвратить имъ и взысканныя съ нихъ до сего подушныя деньги.

3-е. Освободить ихъ также отъ рекрутскаго набора, такъ какъ и манифестомъ 1763 года всѣ переселенцы, безъ различія, отъ онаго освобождены, и

4-е. Затѣмъ всѣ городскія повинности должны они исправлять на общемъ со всѣми другими положеніи. „Александръ".

Помѣта: Полученъ 9-го января 1805 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 30-го декабря 1804 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

Министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ мнѣ, по представленію кіевскаго гражданскаго губернатора, о затруднительномъ положеніи кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія и о средствахъ къ усиленію его доходовъ.

Находя, что одно изъ сихъ средствъ, обращеніе въ доходъ приказа остатковъ отъ ежегодныхъ расходовъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, можетъ быть нынѣ же приведено въ дѣйствіе тѣмъ съ большею справедливостью, что въ заведеніяхъ приказа и обыватели сихъ городовъ могутъ въ случаѣ нужды пользоваться, повелѣваю:

1) Согласно назначенію гражданскаго губернатора, изъ уѣздныхъ городовъ отъ остатковъ ихъ суммъ обращать ежегодно въ доходъ приказа общественнаго призрѣнія количества, соразмѣрныя симъ остаткамъ и исправленію собственныхъ ихъ нуждъ.

2) Войти въ разсмотрѣніе самыхъ капиталовъ сихъ городовъ, и если остаются они безъ обращенія, тогда, принимая ихъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, раздавать въ займы на общемъ положеніи, не смѣшивая, однако жъ, сихъ суммъ, яко собственно городамъ принадлежащихъ, съ капиталомъ приказа, и изъ процентовъ удерживая въ пользу его одинъ процентъ подаянія, остальные возвращать въ доходъ тѣхъ городовъ, развѣ бы сами они изъявили согласіе на уступку приказу въ пользу благотворительныхъ его заведеній нѣкоторой части сихъ капиталовъ „Александръ".

Помѣта: полученъ 16-го января 1805 г.—графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ. 11-го февраля 1805 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи, кіевскому военному губернатору Тормасову.

Разсмотрѣвъ поднесенный мнѣ отъ комитета, учрежденнаго въ Кіевѣ для разбора городскихъ домовъ, докладъ и мнѣніе ваше о лучшемъ устройствѣ винныхъ сборовъ, городу принадлежащихъ, я нахожу:

1) Что винные сборы, принадлежащіе городу Кіеву, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ статей его доходовъ, и что по сему отъ возвышенія ихъ зависитъ безостановочное исправленіе городскихъ нуждъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, облегченіе обывателей въ повинностяхъ, на нихъ лежащихъ,

2) что бывшій доселѣ образъ управленія сихъ сборовъ, по безотчетности его, имѣлъ важныя неудобства, не приносилъ городу, а особливо бѣдной части обывателей его, соразмѣрной пользы, и при разсмотрѣніи комитета, найденъ во многихъ статьяхъ недостаточнымъ и неисправнымъ, и что по сему продолжить сей образъ содержанія на будущее время на тѣхъ же правилахъ было бы ненадежнымъ, какъ для истинныхъ пользъ города, такъ и для уплаты его долговъ,

3) что представленныя вами средства къ устройству винныхъ сборовъ сколько съ одной стороны сообразны порядку, существующему по сей части въ другихъ городахъ, подобнымъ правомъ пользующихся, столько и основаны на существенныхъ выгодахъ обывателей.

По уваженію сихъ причинъ, повелѣваю:

1) Винные сборы, принадлежащіе городу Кіеву, по истеченіи настоящаго срока, отдавать въ содержаніе не иначе, какъ въ казенной палатѣ, съ публичныхъ торговъ и съ приглашеніемъ къ тому

всѣхъ желающихъ по установленному вообще на таковые откупы порядку.

2) Если при сихъ торгахъ городское общество пожелаетъ сборы сіи удержать за послѣднюю съ торговъ даваемую цѣну за собою: тогда отдать ему оные предпочтительно.

3) Общество обязано будетъ взносить сію установленную при торгахъ сумму, въ положенные сроки, въ градскую казну бездоимочно.

4) Доходъ отъ содержанія винныхъ сборовъ получаемый, принадлежа всѣмъ членамъ градскаго общества и поступая въ городскую казну, не иначе долженъ быть въ расходъ употребляемъ, какъ по общему положенію, какое сдѣлано будетъ въ комитетѣ объ уравненіи въ Кіевѣ повинностей на всѣ другія статьи городскихъ доходовъ.

5) Изъ дохода сего въ первые четыре года должны быть предпочтительно уплачиваемы долги, на городской казнѣ лежащіе, а остальная сумма имѣетъ быть употребляема по назначенію, въ предыдущемъ пунктѣ изображенному.

6) Для надзора и повѣрки въ надлежащемъ поступленіи сихъ сборовъ, когда они отданы будутъ въ содержаніе градскому обществу, такъ какъ и вообще для вѣрнаго управленія городскими доходами и расходами учредить, согласно представленію кіевскаго гражданскаго губернатора, по выбору отъ всѣхъ состояній, градское общество составляющихъ, особенную коммиссію, которая бы, отдавая отчетъ въ поступленіи сборовъ казенной палатѣ и гражданскому губернатору, дѣйствіемъ своимъ замѣняла градскую думу, до 1798 года въ Кіевѣ, подобно прочимъ городамъ существовавшую. Комитетъ объ уравненіи повинностей опредѣлитъ въ подробности число членовъ въ сіи коммиссіи быть долженствующихъ и порядокъ ея дѣйствія, и вмѣстѣ съ прочими соображеніями представитъ и о семъ на утвержденіе.

7) Какъ выгода, коею доселѣ пользовались нѣкоторые обыватели, имѣя дозволеніе ввозить нужное для нихъ количество вина, сама въ себѣ по мѣстному положенію бывъ маловажна, впослѣдствіи замѣнится съ избыткомъ возвышеніемъ винныхъ сборовъ, кои обращаться будутъ въ равную для всѣхъ гражданъ пользу, то дозволеніе сіе при отдачѣ на будущее время винныхъ сборовъ отмѣнить. Отмѣна сія признается тѣмъ болѣе справедливою, что и въ настоящемъ порядкѣ не всѣ обыватели равно симъ дозволеніемъ пользовались, и что въ Кіевѣ цѣны хлѣбнаго вина вообще столько умѣренны, что частнымъ людямъ не можетъ быть важной выгоды ввозить свое вино; а для содержателя самая неопредѣленность сего ввоза, свидѣтельство

и повѣрка его сдѣлали бы весьма важную разстройку, и слѣдовательно въ ущербъ городскихъ доходовъ нарочито уменьшили бы откупную сумму.

8) Какъ изъ представленія вашего и изъ свѣдѣній при докладѣ комитета приложенныхъ видно, что расходы изъ городскихъ суммъ доселѣ были чинимы безпорядочно и безъ точныхъ предписаній, то въ пресѣченіе на будущее время сего неустройства, вы не оставите наблюсти, чтобъ комитетъ объ уравненіи въ Кіевѣ повинностей, сочинивъ балансъ доходамъ и расходамъ городскимъ, положилъ правила, по коимъ издержки впредь имѣютъ быть производимы, примѣняясь къ тому порядку, какой для сего установленъ въ С.-Петербургѣ.—На сей конецъ министръ внутреннихъ дѣлъ доставитъ къ вамъ подробнѣйшія по всѣмъ статьямъ къ сему относящимся свѣдѣнія, коими комитетъ сей руководствоваться долженъ.

9) Впрочемъ, какъ окончательное устройство городскихъ въ Кіевѣ повинностей зависитъ отъ дѣйствія комитета, для сего тѣмъ учрежденнаго и слишкомъ уже два года существующаго: то и считаю я нужнымъ вамъ поручить, чтобъ обратили вы особенное ваше вниманіе на скорѣйшее приведеніе дѣлъ сихъ къ окончанію. „Александръ".

Помѣта: полученъ 3-го марта 1805 г. графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербругѣ 3-го марта 1805 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи кіевскому военному губернатору Тормасову.

Министръ внутреннихъ дѣлъ доносилъ мнѣ по вошедшимъ къ нему представленіямъ о неудобствѣ, кои найдены мѣстнымъ начальствомъ въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, въ свидѣтельствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазейновъ, по особенному образу, коимъ хлѣбъ въ нихъ сохраняется.

Уваживъ неудобства сіи и признавъ нужнымъ сколь можно облегчить порядокъ, коимъ установленіе хлѣбныхъ магазейновъ охраняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить всякое притѣсненіе и разстройку въ хозяйствѣ, для помѣщиковъ отъ сего быть могущую, повелѣваю для свидѣтельства сихъ магазейновъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ въ губерніяхъ вамъ ввѣренныхъ, принять слѣдующія правила:

1) Вмѣсто свидѣтельства магазейновъ, нынѣ производимаго, земскіе суды имѣютъ ежегодно брать въ помѣщичьихъ селеніяхъ за

подписаніемъ войтовъ и управителей ихъ подписки въ томъ, что въ нихъ положенное количество хлѣба дѣйствительно находится.

2) Какъ скоро за сею подпискою дойдетъ къ земскому суду свѣдѣніе, что магазейны содержатся неисправно: то донеся о томъ начальнику губерніи и получивъ его разрѣшеніе, земской судъ имѣетъ произвесть свидѣтельство и повѣрку магазейнамъ на мѣстѣ.

3) Если по повѣркѣ сей откроется, что магазейны неисправны и надлежащаго количества хлѣба нѣтъ: виновные въ ложномъ показаніи и неисполненіи данной ими подписки предаются суду по законамъ.

4) Какъ мѣры сіи могутъ быть достаточны къ охраненію магазейновъ въ помѣщичьихъ только селеніяхъ, гдѣ помѣщики, бывъ обязаны общимъ закономъ доставлять продовольствіе поселянамъ въ случаѣ недостатка хлѣба, должны потому сами наиболѣе пещись объ исправномъ состояніи магазейновъ: то положенія сіи и не могутъ быть распространены на магазейны, въ казенныхъ селеніяхъ учрежденные. Свидѣтельство и повѣрка оныхъ остается на прежнемъ основаніи. „Александръ".

Помѣта: полученъ 20-го марта 1805 г.—графъ В. Кочубей.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1805 г.

Господину генералу-отъ-кавалеріи, кіевскому военному губернатору Тормасову.

Въ дополненіе распоряженій, въ указѣ 9-го мая 1802 г. о выходящихъ изъ-за границы изображенныхъ, по вышедшимъ вновь отъ губернскихъ начальствъ представленіямъ о разныхъ случаяхъ въ дѣлахъ сего рода встрѣчающихся, въ разрѣшеніе оныхъ признаю нужнымъ слѣдующія постановить правила:

1) Людей россійской націи подъ именемъ непомнящихъ родства изъ-за границы выходящихъ и въ губерніяхъ безъ пашпортовъ являющихся семейныхъ и безъ-семейныхъ не принимать для водворенія, но въ отвращеніе бродяжничества поступать съ ними, какъ вообще о возвращающихся изъ-за границы бѣглыхъ россійскихъ людяхъ узаконено, то есть, годныхъ отдавать въ рекруты, а негодныхъ отсылать въ крѣпостныя работы. Какимъ же образомъ по усмотрѣнію добраго ихъ поведенія, въ работахъ, участь ихъ можетъ быть облегчаема, о томъ ниже сего подробно постановлено будетъ.

2) О безпашпортныхъ людяхъ помѣщичьихъ, кои отосланы будутъ подъ видомъ бѣглыхъ въ работу, публикаціи дѣлать не только

въ публичныхъ вѣдомостяхъ, но и повѣщать, сверхъ того, чрезъ земскія и городскія полиціи въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики по показанію ихъ жительство имѣютъ, дабы тѣмъ удобнѣе въ положенный срокъ о пріемѣ ихъ могли они сдѣлать свои распоряженія.

3) Безпашпортныхъ помѣщичьихъ людей, кои въ положенный годичный срокъ помѣщиками ихъ требованы не будутъ, но по истеченіи сего срока, если окажутся они добраго поведенія, начальники губерній имѣютъ представлять объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной работы; по освобожденіи же имѣютъ они быть поселяемы при казенныхъ селеніяхъ по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, гдѣ удобнѣе признано будетъ, исключая тѣхъ губерній, въ коихъ они прежде жили.

4) Распоряженія въ предыдущихъ двухъ статьяхъ о повѣщеніи и водвореніи людей сего рода распространить и на казенныхъ безпашпортныхъ людей, кои не за преступленія, но за бродяжничество сосланы будутъ въ работы, и коихъ волостныя правленія по повѣсткѣ въ положенный срокъ требовать обратно не будутъ.

5) Объ иностранныхъ выходцахъ, кои присланы будутъ въ крѣпостныя работы, единственно потому, что они найдены безпашпортными, военный губернаторъ, по одобренію ихъ поведенія, безсрочно имѣетъ представлять объ освобожденіи ихъ, и получивъ высочайшее разрѣшеніе, будетъ освобождать ихъ или для возвращенія за границу, или для водворенія въ Россіи, выдавая имъ пашпорты въ первомъ случаѣ на три мѣсяца, а во второмъ—на девять по общему объ иностранныхъ выходцахъ положенію.

6) Кордонныя свидѣтельства, иностраннымъ выходцамъ на границѣ по указу 9-го мая 1802 г. выдаваемыя, въ трехмѣсячный срокъ должны быть являемы въ земскихъ судахъ.

7) По явкѣ и запискѣ ихъ въ земскихъ судахъ, будутъ уже они имѣть силу пашпортовъ еще на шесть мѣсяцевъ, а всего на девять мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ иностранные выходцы могутъ быть принимаемы и записываемы въ тѣ состоянія, кои указомъ вышеприведеннымъ имъ предназначено.

8) Если иностранный выходецъ данное ему кордонное свидѣтельство потеряетъ и о томъ при взятіи его въ видѣ безпашпортнаго объявитъ: тогда, не ссылая его въ крѣпостную работу, мѣстное начальство имѣетъ снестись съ губернскимъ правленіемъ той губерніи, гдѣ онъ изъ-за границы вышелъ, и если по вѣдомостямъ, кои отъ кордонныхъ начальниковъ въ губернскія правленіи о всѣхъ выданныхъ ими свидѣтельствахъ должны быть доставляемы, найдется, что ему таковое свидѣтельство дѣйствительно было выдано, то взамѣнъ потеряннаго дать ему другое свидѣтельство на остальные дни его

срока, считая со времени его задержанія. Въ противномъ же случаѣ поступить съ нимъ какъ съ безпашпортнымъ. „Александръ".

Помѣта: полученъ 30-го сентября 1805 г.—графъ В. Кочубей.

С.-Петербургъ. 28-го сентября 1806 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову.

При настоящемъ положеніи обстоятельствъ, имѣя въ виду требующій вниманія постъ кіевскаго военнаго губернатора, остающійся до нынѣ безъ начальства, я возлагаю должность эту на васъ, и вслѣдствіе сего повелѣваю вамъ предписать всѣмъ войскамъ шестой, седьмой и восьмой дивизій состоять подъ командою первой—генерала-отъ-кавалеріи барона Беннигсена, а послѣднимъ двумъ генерала-отъ-инфантеріи графа Буксгевдена, съ тѣмъ, чтобы дивизіонные командиры каждый по своему назначенію немедленно отправили рапорты свои къ вышеупомянутымъ генераламъ, кои главную квартиру свою будутъ имѣть: баронъ Беннигсенъ въ Гроднѣ, а графъ Буксгевденъ въ Брестѣ-Литовскомъ, и потомъ учинивъ всѣ нужныя и отъ васъ зависящія по сему предписанію распоряженія, отправиться въ Кіевъ и вступить въ должность тамошняго военнаго губернатора. „Александръ".

Таврогенъ. 28-го іюня 1807 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и кіевскій военный губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Упорная и кровопролитная между Россіею и Франціею война, въ которой каждый шагъ, каждое дѣйствіе ознаменованы неустрашимою храбростью и мужествомъ войскъ россійскихъ, заключеннымъ 27-го дня сего мѣсяца миромъ, богу благодареніе, прекращена. Возстановлено блаженное спокойствіе, неприкосновенность и безопасность границъ россійскихъ охранена новымъ приращеніемъ и Россія симъ обязана геройскимъ и единственно подвигамъ, неутомимымъ трудамъ и ревнію, съ которымъ храбрые ея сыны на всѣ бѣдствія и на самую смерть безстрашно стремились. Я спѣшу о семъ благополучномъ происшествіи васъ увѣдомить для извѣщенія во всемъ начальствѣ вашемъ. „Александръ".

Помѣта: полученъ съ нарочнымъ курьеромъ 5-го іюля 1807 г.

С.-Петербургъ. 10-го сентября 1807 г.

Господину генералу-отъ-инфантеріи, кіевскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову.

По принесенному отъ кіево-греческаго екатерининскаго монастыря прошенію объ освобожденіи отъ постоя состоящаго при томъ монастырѣ подворья, уваживъ, что доходы съ онаго подворья по заведенному обычаю отсылаются въ Синайскую гору для пособія тамошнимъ православнымъ монастырямъ, повелѣваю подворье сіе отъ постоя, въ положеніи о распорядкѣ въ Кіевѣ квартиръ 7-го августа 1806 г. вообще установленнаго, освободить и оставить оное на прежнемъ основаніи. „Александръ".

Помѣта: получено 30-го сентября 1807 г. — графъ В. Кочубей.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

вѣстие о необычайномъ поступкѣ молодого синодальнаго члена: Арсеній не принималъ присяги на свою должность, такъ какъ не признавалъ Государыню „высшимъ своимъ судіей“, а признавалъ таковымъ только Христа. Вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣзжаетъ въ Ростовъ, хорошо зная о враждебномъ настроеніи противъ себя. Едва онъ прибылъ въ Ростовъ, какъ ему прислали изъ Св. Синода запросъ, почему онъ не принялъ присяги и отчего не является на засѣданія въ Синодъ. Митрополитъ Арсеній отвѣчалъ, что въ вѣрности его императрицѣ сомнѣваться никто не можетъ, такъ какъ онъ еще въ Тобольскѣ присягалъ на вѣрноподданство ей, а о причинахъ своего отъѣзда у него было лично объясненіе съ государыней и письменное оправданіе своихъ поступковъ предъ нею.

Новый митрополитъ ростовскій началъ свое служеніе въ Ростовѣ съ изумительнымъ рвеніемъ и въ продолженіе 20 лѣтъ проводилъ съ неослабѣвающею настойчивостью свои убѣжденія, и оставилъ по себѣ въ Ростовѣ глубокую память, какъ святитель распорядительный, строгій, но и снисходительный. Съ нарушителями церковнаго благочинія онъ обходился сурово и безъ всякаго послабленія. Виновные подвергались у него тѣлесному наказанію и тѣмъ строгимъ взысканіямъ, какія примѣнялись всѣми архіереями. Не мало потрудился Арсеній въ борьбѣ съ раскольниками и лютеранами; въ 1745 г. было разсмотрѣно имъ и при его содѣйствіи напечатано „Обличеніе неправды раскольнической“; въ 1747 г. была основана Ярославская семинарія. Арсеній принялся за новое дѣло со свойственною ему энергіей: онъ самъ принялъ участіе въ преподаваніи наукъ; принималъ и административныя мѣры къ матеріальному обезпеченію семинаріи.

Ростовская епархія считалась одною изъ самыхъ богатыхъ какъ по количеству церковныхъ земель съ обширной территоріи, такъ и по громадному числу вотчинъ—собственно архіерейскаго дома и вотчинъ монастырскихъ. Митрополитъ Арсеній сталъ наслѣдникомъ архіерейскихъ правъ на всѣ эти имѣнія,—правъ собственности и защиты,—въ самое тревожное время, когда со всѣхъ сторонъ усиливались притязанія на нихъ. 6-го марта 1763 г. онъ послалъ свое „первое“ доношеніе Св. Синоду, въ которомъ указывалъ: во-1-хъ, у духовенства отнимаютъ обычныя права собственности однимъ тѣмъ, что его заставляютъ давать отчетъ въ своихъ доходахъ постороннему вѣдомству; во-2-хъ, церковную доходность несправедливо употребляютъ на предметы не церковные; въ-3-хъ, ограниченіе содержанія духовенству, или штаты, нарушало бы завѣщаніе вкладчиковъ-благотворителей, отдавшихъ земельную свою собственность въ полное владѣніе духовныхъ отцовъ, по теплотѣ своей вѣры и любви, и, между тѣмъ, приведетъ всѣ обители въ скудость. Получивъ доношеніе Арсенія, Св. Синодъ нашелъ въ немъ „все“ что ни есть, слѣдуетъ въ оскорбленіе ея импер. величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію, но безъ вѣдома ея и. в. Св. Синодъ приступить не смѣетъ, а предаетъ на высочайшее благоусмотрѣніе и на высочайшую ея им. вел. безпрегладную милость“. Императрица въ отвѣтъ на такой докладъ поручила судить митрополита ростовскаго самому Св. Синоду, не только какъ политическаго преступника, но и какъ ложнаго истолкователя св. Писанія. Синодъ прежде всего сдѣлалъ распоряженіе арестовать митрополита Арсенія и привезти его въ Москву для производства надъ нимъ суда. 14 мая 1763 г. отправили въ Ростовъ офицера, который при арестѣ долженъ былъ забрать въ кельяхъ его письма, кромѣ книгъ. Между тѣмъ Арсеній посылаетъ въ Синодъ второе доношеніе, въ которомъ духовную комиссію правительственнымъ учрежденіемъ не признаетъ, контроль ея считаетъ вреднымъ для церкви и государственнаго строя и незаконнымъ; къ противодѣйствію ей онъ призываетъ и Синодъ. Въ заключеніе проситъ уволить его по старости на покой. 17 марта его привезли въ Москву и помѣстили въ Симоновомъ монастырѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Судъ надъ митрополитомъ начался 1-го апрѣля и кончился 7-го постановленіемъ: „архіерейства и клобука его лишить и сослать въ отдаленный монастырь подъ крѣпкое смотрѣніе и ни бумаги, ни чернилъ не давать тамъ“. Императрица смягчила приговоръ: „санъ митрополита и священства снять,.. монашества только чинъ оставить, отъ гражданскаго же суда и истязанія мы, по человѣколюбію, его освобождаемъ, повелѣвая послать его въ отдаленный монастырь подъ смотрѣніе разумнаго начальника, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы тамъ невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабыхъ и простыхъ людей“. Онъ былъ сосланъ въ Николаевскій корельскій монастырь; Арсенію отвели тамъ казематъ низкій и тѣсный, подъ алтарными сводами Успенской каменной церкви. Ему позволялось ходить подъ надзоромъ въ церковь къ богослуженію и по монастырю, но болѣзнь не позволяла ему пользоваться такою льготою. Содержаніе было свое; онъ долженъ былъ покупать для себя муку ржаную и пшеничную, солодъ для кваса, хмѣль, треску, палтусину, сахаръ и проч.

Вслѣдствіе подозрѣнія въ составленіи заговора противъ императрицы и за произношеніе рѣчей, возбуждавшихъ въ народѣ негодованіе на правительство, Арсеній былъ вновь судимъ. Приговоръ Императрицы былъ: разстричь въ губернской канцеляріи и, по лишеніи монашества, одѣть въ мужицкую одежду, затѣмъ, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, сослать на вѣчное и безысходное содержаніе въ Ревель въ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ казематовъ подъ неусыпный караулъ; бумаги, чернилъ, береста ему не давать и „не допускать къ нему ни подъ какимъ видомъ не только для разговоровъ, но ниже для посмотрѣнія—никого, и, однимъ словомъ, такъ его содержать, чтобы и караульные не только о состояніи его, но ниже и о семъ его гнусномъ имени не знали“.

Утромъ 28-го февраля 1772 г. кончились страданія Арсенія. За два дня предъ кончиною онъ тяжко заболѣлъ и просилъ послать ему священника. Похороненъ при ревельской Николаевской церкви.

Таковы въ краткихъ чертахъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности митрополита Арсенія Мацѣевича.

И. К-н-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ФЕВРАЛЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 115-й. Матеріалы Екатерининской законодательной коммиссіи. Т. X.

Въ разсматриваемомъ нами томѣ Сборника напечатаны наказы отъ разныхъ видовъ сельскихъ обывателей губерній: Московской, Кіевской, Казанской и Астраханской.

Наказы отъ сельскихъ обывателей очень различаются отъ дворянскихъ и городскихъ по крайнему разнообразію состава ихъ сочинителей. Обрядъ выборовъ, составленный императрицею Екатериною, дѣлаетъ попытку опредѣлить тѣ разряды сельскаго населенія, которые должны были выслать по одному депутату отъ каждой провинціи и дать имъ наказы. Она называетъ слѣдующіе разряды: 1) однодворцы; 2) пахотные солдаты и разныхъ службъ служилые люди, содержащіе ландмилицію; 3) черносошные и ясашные крестьяне; 4) инородцы крещеные и некрещеные; 5) казацкія и запорожскія войска.

Дѣйствительность не оправдала этихъ предначертаній императрицы. Однодворцы тоже содержали ландмилицію, а потому писали иногда наказы вмѣстѣ со служилыми людьми старыхъ службъ и съ пахотными солдатами, а черносошные крестьяне — отдѣльно отъ ясашныхъ; крещеные инородцы также отдѣльно отъ инородцевъ некрещеныхъ, такъ какъ ихъ нужды и недостатки не во всемъ совпадали. А съ другой стороны оказались такіе разряды лицъ, которые Обрядомъ вовсе не были предусмотрѣны, но въ выборѣ депутатовъ и въ составленіи наказовъ приняли участіе, напр., крестьянскіе пристава и сторожа, отставные унтеръ-офицеры и солдаты, засѣчные сторожа, служилые мурзы и татары, раскольники и т. д.

За единицу, которой было предоставлено право писать наказъ, Обрядъ принимаетъ погостъ. Жители каждаго погоста могли избрать изъ своей среды погостнаго повѣреннаго и дать ему наказъ, который должны были подписать священникъ и не менѣе 7-ми хозяевъ. Эти повѣренные собираются въ уѣздъ и избираютъ изъ своей среды по каждому разряду—уѣздныхъ повѣренныхъ, которымъ и передаютъ всѣ привезенные ими наказы. Уѣздные повѣренные собираются въ провинціальномъ городѣ и избираютъ изъ своей среды провинціальнаго депутата также отъ каждаго изъ означенныхъ въ Обрядѣ разрядовъ сельскихъ обывателей, которымъ и передаютъ всѣ собравшіеся въ ихъ рукахъ наказы.

Сельскимъ обывателямъ предоставлено было на волю—избирать депутата или нѣтъ, а потому печатаемые наказы нельзя считать отголоскомъ всего сельскаго населенія. Были села и деревни, которыя на призывъ Екатерины вовсе не отозвались.

Причины нуждъ и недостатковъ были чрезвычайно разнообразны, но многія изъ нихъ сводятся къ плохому состоянію правосудія, управленія и законодательства, для исправленія которыхъ и созывалась коммиссія. XVIII вѣкъ—вѣкъ крупныхъ реформъ, начало которымъ положилъ Петръ Великій. Нѣкоторыя изъ его начинаній при исполненіи были недостаточно хорошо соображены съ мѣстными условіями, а потому, несмотря на отличныя намѣренія законодатели, тяжело отразились на народномъ бытѣ. Плохое состояніе правосудія давало возможность сильнымъ людямъ дѣлать все, что имъ было угодно. Сельскіе обыватели жалуются, что помѣщики-сосѣди силою отбираютъ у нихъ земли и присоединяютъ къ своимъ. Въ наказахъ приводятся имена, чины и громкіе титулы этихъ опасныхъ сосѣдей. Если сельскіе обыватели пробовали отражать силу силою, это вело къ такимъ послѣдствіямъ: „А когда помѣщики станутъ отъ насъ землю отнимать,—говорится въ одномъ наказѣ,—и то мы не станемъ допускать, и то они на насъ просятъ у судей, якобы его крѣпостная дача. И тѣ судьи изъ нашихъ жительствъ забираютъ много людей, человѣкъ по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и сажаютъ насъ въ приказъ и въ тюрьму, и бьютъ немилостиво, и морятъ насъ бѣдныхъ мѣсяца по два, и по три, и по году, и приневоливаютъ безвинно мириться. И мы бѣдные безгласные, чтобы государственныхъ податей остановки не было, принуждены и безвинно мириться“.

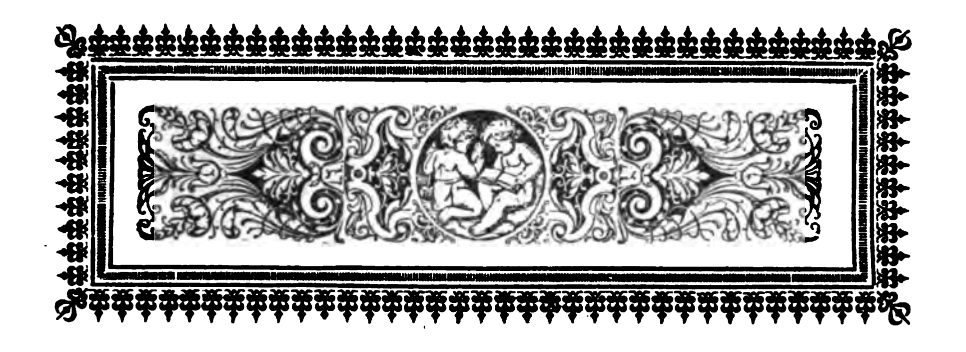
Если такъ плохо были ограждены имущественныя права, то объ огражденіи неприкосновенности лица маленькаго человѣка и рѣчи быть не могло. Вотъ что читаемъ въ нѣкоторыхъ наказахъ: „По состоянію насъ, государственныхъ крестьянъ, находимся не въ призрѣніи не только благороднаго дворянства, но и отъ самыхъ послѣднихъ служителей за бой и безчестье... почти всякаго, только особливо изъ военно-служащихъ развѣ не можетъ обидѣть, кто самъ не захочетъ, а кто пожелаетъ, то всегда чѣмъ захочетъ, тѣмъ и обидѣть можетъ“.

Введеніе Петромъ Великимъ подушной подати было богато разнообразными и весьма важными послѣдствіями. Оно установило равные душевые надѣлы и передѣлы земли и ввело новое начало въ распредѣленіи податей, котораго наша древность совершенно не знала. Въ до-Московской и Московской Россіи повинности лежали не на душахъ, а на хозяйствѣ. Люди бѣдные, ничего не имѣвшіе, вовсе не облагались и ничего не платили государству. Подушная подать облагаетъ не имущество, а душу.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Петръ Ивановичъ
Степановъ.

Записки В. А. Инсарскаго.

IV [1]).

Отъѣздъ князя за границу.—Невозможность предвидѣть того, что произошло послѣ этого отъѣзда.—Мой отъѣздъ изъ Тифлиса.—Прощальный праздникъ, данный мнѣ Тифлисомъ.—Завалы въ горахъ.—Бунтъ линейныхъ казаковъ.—Свиданіе съ княземъ Дмитріемъ Мирскимъ и графомъ Евдокимовымъ.—Бѣдность извѣстій о князѣ.—Стремленіе его уединиться.—Неудачная попытка нѣкоторыхъ нарушить это уединеніе.—Дурное настроеніе Петербурга въ отношеніи къ князю.—Бутковъ перемѣнилъ тонъ.—Отъѣздъ мой въ Подмосковную.—Неожиданное требованіе меня княземъ въ Дрезденъ.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда князя. День былъ ясный и свѣтлый, какъ почти всѣ они на Кавказѣ. Почти весь Тифлисъ провожалъ князя. Огромныя толпы народа окружали дворецъ. Князя, все еще безногаго, помѣстили въ прекрасную покойную коляску, купленную имъ во время коронаціи у англійскаго посланника. Садясь въ эту коляску, онъ сказалъ мнѣ: „до свиданія въ Петербургѣ“. За тѣмъ коляска, окруженная адъютантами и конвоемъ, тронулась и повезла князя на Поти, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на пароходъ. Восторженные крики „ура!“ провожали князя. Вслѣдъ за нимъ отправилась свита его, въ которой, по обычаю, состояли Тромповскій и Зиновьевъ... Думалъ ли самъ князь, уѣзжая въ этотъ моментъ изъ Тифлиса, что онъ уже не вернется въ свой любимый Кавказъ, въ страну, воспитавшую и возвеличившую его, думали ли граждане и обитатели этой страны, чиновные и не чиновные, знатные и незнатные, что они не увидятъ болѣе своего велико-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1906 г.

лѣпнаго намѣстника! Нѣтъ! никто этого не думалъ и думать не могъ. Никто не могъ предвидѣть обстоятельствъ, сложившихся потомъ и затруднившихъ обратный путь князя въ Тифлисъ. Точно также бѣдный Тромповскій, разставаясь бодрымъ, веселымъ, счастливымъ, съ безчисленными пріятелями тифлисскими, ибо весь Тифлисъ былъ его пріятелемъ, не могъ думать и ожидать, что въ этомъ предстоящемъ, мирномъ и пріятномъ, путешествіи ему суждено погибнуть отъ ничтожной болѣзни (поноса), возникшей отъ ничтожнѣйшей причины (капусты нѣмецкой)! Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ нашего земнаго странствія, является мудрость и непреложность той пословицы, которая гласитъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“.

Послѣ отъѣзда князя, сталъ собираться и я. Не стану говорить подробно о праздникахъ, безъ которыхъ Тифлисъ рѣшительно не можетъ допустить ни пріѣзда, ни отъѣзда кого бы то ни было изъ сколько-нибудь значительныхъ лицъ. Изъ предъидущихъ моихъ разсказовъ видно, что судьбѣ угодно было сдѣлать изъ меня тамъ, въ нѣкоторой степени, значительное лицо. По правдѣ сказать, я не очень обращалъ вниманіе на эту значительную сторону моего оффиціальнаго положенія и якшался запросто съ самыми разнородными личностями. Мнѣ пріятно было думать, что общее расположеніе, которое я вокругъ себя видѣлъ, происходитъ не столько отъ мѣстъ и званій, которыя я занималъ, сколько отъ личныхъ моихъ свойствъ, свойствъ, какъ я сказалъ уже, открытой, широкой натуры. Поэтому, у меня вездѣ были пріятели: и въ толпѣ княжескихъ адъютантовъ, и въ средѣ незначительныхъ чиновниковъ. Поэтому, когда разнымъ высшимъ лицамъ тифлисскаго гражданскаго управленія въ шутку присвоивали петербургскія имена тамошнихъ значительныхъ лицъ—меня называли „Бутковымъ“.

Къ удивленію князь смотрѣлъ на популярность мою не совсѣмъ благосклонно, хотя, казалось, самъ искалъ популярности, разумѣется, другими путями. Такъ, напр., онъ не одинъ разъ передавалъ мнѣ, черезъ другихъ приближенныхъ лицъ и преимущественно черезъ Фадѣева, свое удивленіе, что я, при моемъ значеніи, со всѣми его адъютантами на „ты“. Этому удивленію я, въ свою очередь, тоже „удивлялся“. Сближаясь, по своей натурѣ, со всѣми классами, я полагалъ въ то же время доставить князю пріятное чувство видѣть, что въ средѣ, въ которую онъ меня поставилъ, я держусь не одними его милостями и благоволеніемъ, но немножко и личными свойствами. Быть можетъ его безпокоили высшіе мои сотоварищи, не оставлявшіе, какъ можно заключить, изъ зависти пускать въ меня шпильки такого свойства, что „какой же это, дескать, государственный чело-

вѣкъ, который якшается со всѣми, кутитъ и поетъ пѣсни". Впрочемъ, на все это я мало обращалъ вниманія, не будучи рѣшительно созданъ для интригъ возвышеннаго свойства. Вообще, я никогда не думалъ и не заботился о томъ, что обо мнѣ скажутъ, полагаясь совершенно на мою натуру, самою природою такъ созданную, что она не могла допустить ничего подлаго, злаго, безсовѣстнаго. Конецъ концовъ былъ тотъ, что самъ князь, такъ способный понимать другихъ и знавшій меня болѣе, чѣмъ кто-либо, говорилъ обо мнѣ, что у меня „сердце ангела!" При всей поэтической формѣ такого отзыва, она хорошо опредѣляетъ мои свойства. Отсюда понятно, каковы были мои отношенія къ Тифлису и ко всѣмъ подраздѣленіямъ его. Прибавлю только, что въ женской половинѣ его у меня были самыя обширныя и дружескія связи. Понятно также, что при предстоящемъ моемъ отъѣздѣ всѣ наперерывъ старались выразить мнѣ дружеское свое вниманіе.

Щедрый и роскошный Мирзоевъ, кажется, первый началъ дѣло. Но не исчисляя разнообразныхъ формъ и случаевъ, въ которыхъ выражалось это вниманіе, я упомяну объ одномъ только праздникѣ наиболѣе громадныхъ размѣровъ, который былъ устроенъ въ честь мою гражданскимъ міромъ моихъ сослуживцевъ. Онъ былъ данъ въ Ботаническомъ саду и въ общемъ видѣ сходствовалъ съ тѣмъ праздникомъ, въ томъ же саду, который я уже описалъ въ началѣ моихъ разсказовъ о Кавказѣ. Существенная разница состояла въ томъ только, что на этомъ праздникѣ я былъ осыпанъ хвалебными спичами, которые заключались желаніемъ моего возвращенія. Но наиболѣе отличительною и лестною для меня чертою этого праздника было то, что все общество со всею обстановкою: фонарями, свѣчами, музыкой, зурнами, пѣсельниками—торжественно проводило меня до моего дома и не только проводило, но сдѣлало подъ моимъ балкономъ, такъ сказать, новый праздникъ. Изъ сосѣднихъ улицъ и домовъ присоединились огромныя толпы народа и всѣ, по туземному обычаю, съ зажженными свѣчами. Противъ дома, который я занималъ, былъ домъ Томамшіевыхъ, о которыхъ я говорилъ. Домъ этотъ горѣлъ, какъ фонарь, и буквально былъ набитъ знакомыми мнѣ дамами. Всѣ окна и балконы были заняты ими. Хотя съ приближеніемъ къ моей квартирѣ я въ словахъ, богатыхъ не столько краснорѣчіемъ, сколько чувствомъ, торжественно распрощался съ обществомъ моихъ друзей, но это нисколько не закончило праздника. Толпы оставались предъ моими окнами, музыка гремѣла, мое имя постоянно раздавалось на разные тоны. Я долженъ былъ много разъ появляться на балконѣ. При моемъ появленіи, крики „ура" неистово неслись къ темному небу; друзья, съ виномъ въ рукахъ, выражали добрыя желанія; дамы, занимавшія

противоположный домъ, рукоплескали и махали платками. Однимъ словомъ, въ эту минуту, по оваціямъ, которыя мнѣ, такъ шумно и такъ блистательно, воздавались, я могъ, по русскому выраженію, „за поясъ заткнуть“ любаго нѣмецкаго царька средней руки.

На другой день условлено было устроить для меня окончательные проводы за городомъ. Всевозможныя возраженія съ моей стороны не имѣли никакой силы. Но роль героя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, имѣетъ вмѣстѣ съ своими пріятностями и свои неудобства. Эта постоянная необходимость держать себя настороже, отвѣчать на всѣ привѣтствія и пожеланія и отвѣчать всегда складно, съ эффектомъ, быть средоточіемъ всѣхъ взоровъ—утомляетъ героя значительно, такъ, что герой, если вó-время не прекратитъ свою роль, можетъ сдѣлаться смѣшнымъ. Поэтому, какъ только закончился пиръ и толпы разошлись, я тотчасъ распорядился послать за лошадьми. Такое коварное распоряженіе, быть можетъ, и не имѣло бы мѣста, если бы я отправлялся одинъ; но для моей больной жены рѣшительно было невозможно останавливаться среди дороги для новаго пира и, въ свою очередь, сдѣлаться также предметомъ нескончаемыхъ овацій. Поэтому, прежде нежели взошло солнце на другой день, мои экипажи тихо и незамѣтно покинули Тифлисъ, столь же мною любимый, сколько ненавидимый моей женой...

Это было ранней весною 1861 года. Весна—обыкновенное время заваловъ въ Кавказскихъ горахъ. Такъ точно предъ моимъ отъѣздомъ было нѣсколько страшныхъ заваловъ, прекратившихъ на нѣсколько дней всякое сообщеніе. Разумѣется, сосредоточены были значительныя силы для расчистки дороги. Расчистка эта продолжалась очень долго. Почти переносились на рукахъ. Путешественники съ обѣихъ сторонъ выжидали. Нѣкоторые изъ тифлисцевъ и между прочимъ Старицкій (гражданскій) теряли терпѣніе и пускались на авось. Кончалось тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы ожидать спокойно въ Тифлисѣ, они вынуждены были ожидать въ холодныхъ, грязноватыхъ и биткомъ набитыхъ почтовыхъ станціяхъ по нѣскольку дней. Я внимательно слѣдилъ за ходомъ работъ по расчисткѣ заваловъ и нетерпѣливо ждалъ возможности отправиться. Наконецъ, Кохановъ, управляющій почтовою частью, увѣдомилъ меня, что завалы расчищены и проѣздъ возстановленъ. За всѣмъ тѣмъ, инженеры-распорядители снабдили меня какими-то полномочіями требовать пособія мѣстныхъ командъ при переѣздѣ чрезъ завалы.

Когда мы приблизились къ этимъ заваламъ, то предъ нами предстали необъятныя горы снѣга и узенькая пробитая сквозь нихъ дорожка. Эта дорожка и называлась „возстановленнымъ проѣздомъ“. Но ни о ѣздѣ, ни о проѣздѣ тутъ и рѣчи быть не могло. Заваловъ

было три. При нашемъ приближеніи къ первому изъ нихъ, насъ окружила туча солдатъ. Большая часть уцѣпилась за наши экипажи, изъ которыхъ, разумѣется, мы вышли. Остальные ухватились за насъ, ради поддержки. Но помощь ихъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оказывалась слабою. Экипажи прыгали съ одного снѣжнаго уступа на другой, разсчитывая преимущественно на собственную крѣпость. Я и жена моя безпрерывно проваливались и падали вмѣстѣ съ солдатами, насъ поддерживавшими. Столь же удобный и покойный проѣздъ былъ на другомъ и на третьемъ завалахъ, то есть, собственно не проѣздъ, а ужасный и мучительный до невозможности переходъ. Впрочемъ, надо благодарить Бога и за то, что все кончилось однимъ физическимъ утомленіемъ. Впослѣдствіи оказалось, что инженеры, расчищавшіе завалы, никакъ не могли попасть на тропинку, называемую Военно-Грузинской дорогой, а пробивали проѣзжія тропинки въ массахъ снѣга, лежавшихъ надъ пропастями.

Измученные и разстроенные, мы добрались кое-какъ до Владикавказа, гдѣ, при внимательномъ обозрѣніи нашихъ экипажей, открылись въ нихъ самыя существенныя поврежденія. Въ особенности пострадала моя прекрасная четырехмѣстная коляска, работа Тацки, предназначенная жить и дѣйствовать на петербургскихъ ровныхъ мостовыхъ, а не дѣлать въ Кавказскихъ горахъ двухъаршинные скачки, съ одного снѣжнаго уступа на другой. Къ счастію, мое имя и мое значеніе слишкомъ были извѣстны въ Владикавказѣ, такъ что согнанные отовсюду полковые кузнецы съ горемъ пополамъ залѣпили, такъ сказать, самыя чувствительныя раны съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ Ставрополѣ уже подвергнуть мой великолѣпный, но изувѣченный, экипажъ болѣе радикальному лѣченію.

На пути отъ Владикавказа къ Ставрополю совершенно неожиданно предстало предъ нами обстоятельство, которое въ свое время надѣлало много шума. Рано утромъ, подъѣзжая къ одной изъ казацкихъ станицъ, Александровской, или Андреевской уже не помню, я замѣтилъ въ полѣ, близъ нея, кучу бѣлыхъ палатокъ, нѣчто въ родѣ военнаго лагеря.

Малоопытный въ воинскихъ распорядкахъ и вообще мало интересующійся ими, я не обратилъ на это никакого вниманія. Точно также, когда мы въѣхали въ станицу, я не обратилъ вниманія и на особенное оживленіе, происходившее въ ней. Но когда станціонный смотритель, прописавъ мою подорожную, принесъ ее ко мнѣ, я спросилъ его: не праздникъ ли какой въ станицѣ, что народъ такъ снуетъ по улицамъ? Смотритель отвѣчалъ: „казаки празднуютъ замиреніе!“ „Какое замиреніе?“ спросилъ я. „А какже-съ!“ продолжалъ смотритель: „казаки взбунтовались! Имъ объявленъ приказъ переселяться, а они говорятъ: не хотимъ! И такъ и сякъ, стоятъ на

одномъ: не пойдемъ да и только! Тогда прислали Нижегородскій драгунскій полкъ, чтобы попугать, а казаки весь скотъ и всѣ пожитки въ лѣсъ, да и говорятъ: посмотримъ еще—чья возьметъ? Всѣ вооружились. Такіе страшные всѣ стали! Сегодня прискакалъ князь Мирскій (тогда помощникъ Евдокимова) и объявилъ, что переселенія не будетъ и казакамъ дозволяется остаться на мѣстѣ. Теперь вотъ они на радостяхъ и празднуютъ. Разводятъ костры, рѣжутъ и жарятъ быковъ!"

Разсказъ станціоннаго смотрителя заинтересовалъ меня въ высшей степени. Я спросилъ: „когда Мирскій ѣдетъ изъ станицы?" „Должно быть сейчасъ, велѣно держать лошадей наготовѣ", отвѣчалъ онъ. „Скажи князю", поручилъ я смотрителю, „что я подожду его на слѣдующей станціи!" Съ этими словами мои экипажи помчались далѣе... На слѣдующую станцію, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ моего пріѣзда, дѣйствительно прискакалъ Мирскій, и мы, соединивъ свои дорожные запасы, расположились вмѣстѣ обѣдать. Во время этого обѣда князь, въ сущности, разсказалъ мнѣ то же самое, что и смотритель, съ присовокупленіемъ сильныхъ порицаній плана переселенія казаковъ. На мою замѣтку, хорошо ли поступаетъ начальство, дѣлая такую скорую и легкую уступку упорству казаковъ, князь Мирскій, не совсѣмъ понятно для меня, отвѣчалъ, что это рѣшительно ничего не значитъ, что ослушаніе и упорство ихъ относится къ гражданскимъ обстоятельствамъ и съ военною субординаціею ничего общаго не имѣетъ!..

Дѣло это, къ которому болѣе или менѣе я долженъ былъ потомъ имѣть нѣкоторыя прямыя соприкосновенія, заключалось въ томъ, что по мѣрѣ распространенія нашихъ завоеваній впередъ, станицы старой линіи, остававшихся далеко назади, теряли уже всякое значеніе, и потому возникъ планъ, по которому они долженствовали быть выдвинуты вновь впередъ и слѣдовательно переселены на новыя мѣста. Подобныя передвиженія бывали и прежде, но они совершались такимъ образомъ, что старыя станицы выдѣляли изъ себя извѣстную, третью или четвертую, часть населенія, и эти собственно части обращались на образованіе новыхъ станицъ. Старая же станица оставалась на мѣстѣ со всѣми своими правами и имуществомъ. Въ настоящемъ же случаѣ рѣшено было двинуть станицы впередъ цѣликомъ. Кому собственно принадлежала эта мысль, сказать положительно не могу, хотя все это дѣло было нѣсколько разъ въ моихъ рукахъ; но въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что мнѣ придется говорить не только объ обстоятельствахъ, сюда относящихся, но и вообще о какихъ-либо обстоятельствахъ моего земнаго странствованія. Помню, однако, что и въ то время это было какимъ-то

вопросомъ темнымъ и спорнымъ. Одни говорили, что мысль о переселенiи старыхъ станицъ цѣликомъ принадлежала Евдокимову, а другiе—что она создалась въ головѣ самого князя. Какъ бы то ни было, но мысль эта не удалась и оказанное казаками сопротивленiе произвело во всемъ Кавказскомъ мiрѣ весьма значительный скандалъ, тѣмъ болѣе значительный, что главнаго хозяина, который могъ бы рѣшительно повернуть дѣло туда или сюда, т. е. князя Барятинскаго, не было дома, а заступавшiй его мѣсто добрый и слабый князь Орбелiани, купно съ новымъ и еще неопытнымъ начальникомъ главнаго штаба Карцовымъ, естественно должны были дѣйствовать ощупью изъ опасенья сломать собственную шею какими-либо рѣшительными и неудачными мѣрами. Умный Карцовъ, впрочемъ, нашелъ наилучшимъ средствомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ свалить всю вину на Евдокимова. Я самъ потомъ читалъ огромныя письма его къ князю, въ которыхъ онъ рѣзко разбиралъ и критиковалъ дѣйствiя Евдокимова.

По прибытiи моемъ въ Ставрополь я видѣлся съ Евдокимовымъ. Умный и прозорливый онъ понималъ, что не сегодня, такъ завтра и во всякомъ случаѣ прежде его я буду имѣть счастiе вновь интимно бесѣдовать съ княземъ, и потому нашелъ полезнымъ, независимо отъ обычныхъ его любезностей въ отношенiи ко мнѣ, посвятить меня во всѣ подробности этого несчастнаго дѣла, которыя повторять здѣсь не буду, потому, что плохо помню ихъ и навѣрное что-нибудь напутаю. Помню только, что въ заключенiе своего подробнаго разсказа онъ сталъ положительно просить меня довести до свѣдѣнiя князя, что „онъ усталъ“, что болѣзни и старыя раны лишаютъ его прежней энергiи и что онъ только о томъ и думаетъ, „какъ бы на покой“ и т. п. Когда я замѣтилъ, что со стороны его нужно только главное руководство, а что самое исполненiе его идей можно предоставлять такому энергичному помощнику, какъ князь Мирскiй, Евдокимовъ съ обычною своею манерою, въ которой было настолько же ума, насколько внѣшней простоты, сказалъ: „Ну, батюшка! Плохо я вѣрю этимъ помощникамъ и не привыкъ полагаться на нихъ. Какъ бы отличны и распрекрасны ни были эти помощники, все-таки себѣ я болѣе вѣрю, чѣмъ имъ. Работая всегда своимъ умомъ, своими руками и глазами, я не умѣю уже работать чрезъ помощниковъ!“ Разставшись съ Евдокимовымъ, я вынесъ изъ бесѣды съ нимъ такое впечатлѣнiе, что каковы бы ни были его отношенiя къ вопросу о сопротивленiи казаковъ, его громадныя заслуги въ прошедшемъ, необходимость его личности для будущности Кавказа ограждаютъ его, во всякомъ случаѣ, какъ стѣной, отъ нареканiй и укоровъ. Послѣдствiя показали, однако, что не всѣ раздѣляли это убѣжденiе и — удивительное дѣло!—менѣе всѣхъ князь Барятинскiй!..

Послѣ любезныхъ овацій и со стороны ставропольскихъ властей, я отправился далѣе. По пути отъ Ставрополя до Москвы я уже не припомню ничего замѣчательнаго. Замѣчательнаго, впрочемъ, было то, что въ то время, когда по мѣрѣ приближенія къ нашимъ столицамъ, я ожидалъ скораго свиданія съ княземъ въ Петербургѣ, куда онъ долженъ былъ явиться по приказанію государя прежде, чѣмъ предаться заграничному лѣченію, различныя личности, встрѣчаемыя мною по пути, знавшія меня и князя и вообще кавказскій міръ, изумляли меня извѣстіемъ, что князя нѣтъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ и что нѣтъ даже никакихъ свѣдѣній, гдѣ онъ находится. Плохо довѣряя, этимъ страннымъ и непонятнымъ извѣстіямъ, я прибылъ въ Москву, гдѣ они нашли уже полнѣйшее подтвержденіе.

Случайно встрѣтилъ я тамъ одного изъ адъютантовъ князя, Николаева, того самаго Николаева, о которомъ я выше разсказывалъ и который, явившись къ князю просить мѣста, получилъ отъ него заграничный отпускъ. Въ тотъ моментъ, когда я встрѣтилъ его въ Москвѣ, онъ только-что возвратился изъ своего невольнаго путешествія. Отъ Николаева я узналъ слѣдующее: когда ему сдѣлалось извѣстнымъ, что князь отправился за границу, Николаевъ рѣшился тамъ преслѣдовать его своими просьбами, разсчитывая, что въ чужестранномъ климатѣ онѣ лучше будутъ выслушаны. Кажется, въ Парижѣ онъ встрѣтился съ княземъ Викторомъ Барятинскимъ, который, наслушавшись весьма неблагопріятныхъ свѣдѣній о болѣзняхъ брата, спѣшилъ свидѣться съ нимъ и тѣмъ выразить ему братскую любовь и привязанность. Связанные, хотя различными побужденіями, но единою цѣлью увидѣть князя, князь Викторъ и Николаевъ стали ухитряться, какъ бы изловить князя. Въ этихъ видахъ они стали разсылать во всѣ города, чрезъ которые, по ихъ предположенію, князь долженъ проѣзжать, телеграммы, на его имя. Ни на одну изъ нихъ, однако, они не получали отвѣта и такимъ образомъ погружены были въ сильнѣйшее недоумѣніе. Имъ удалось, однако, совершенно другими путями узнать, что князь проѣхалъ тамъ-то и, вѣроятно, будетъ тамъ-то. Въ эту точку они поспѣшно и устремились. Князь дѣйствительно находился тамъ.

Николаевъ разсказывалъ мнѣ, что дѣло было вечеромъ, когда они прибыли въ это мѣсто. Узнавъ гостинницу, гдѣ остановился князь, они отправились къ нему. При входѣ ихъ князь стоялъ въ углу и мылъ руки. Обернувшись къ нимъ, онъ выразилъ на лицѣ своемъ самое непріятное изумленіе и тотчасъ сердито сказалъ: „что вы меня травите, какъ зайца! Если бы я хотѣлъ васъ видѣть, я бы отвѣчалъ на ваши безчисленныя телеграммы. Неужели я и здѣсь не могу имѣть покою!“ Однимъ словомъ, пріемъ былъ столь суровъ

и неблагосклоненъ, что князь Викторъ и Николаевъ должны были тотчасъ убираться по добру по здорову. Объ этомъ пріемѣ князь Викторъ писалъ съ достодолжною искренностью своимъ петербургскимъ братьямъ, такъ что это оригинальное обстоятельство сдѣлалось предметомъ столичныхъ толковъ. Слушая разсказъ Николаева, я подумалъ про себя: „вѣрно, князь погруженъ въ устройство своихъ романическихъ дѣлишекъ и не хочетъ, чтобы ему мѣшали". Ужъ не помню, тутъ ли отъ Николаева же, или нѣсколько позже, изъ другихъ источниковъ я узналъ, что государь, во вниманіе, что князь находится уже за границей, поручилъ ему тамъ оставаться и лѣчиться, а предположенное свиданіе съ его величествомъ отложить до того времени, когда поправится и поѣдетъ обратно въ Тифлисъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я, разумѣется, не нашелъ тамъ князя. На первыхъ же порахъ мнѣ стало замѣтно, что Петербургъ относится къ нему, какъ человѣку поконченному. Происходили ли эти отношенія изъ упадка вліянія князя, или изъ убѣжденія, что онъ уже не поправится и покончитъ дни свои за границей—только видно было, что въ общемъ мнѣніи князь Барятинскій обратился въ ничто. Въ особенности это грустное явленіе выступало рельефно при свиданіяхъ моихъ съ Бутковымъ. Милѣйшій Владиміръ Петровичъ, такъ любезно и подобострастно ожидавшій нѣкогда цѣлые часы въ пріемной князя, теперь страшно поднялъ носъ и вѣчно плывущій по вѣтру, началъ третировать князя свысока—и даже нѣсколько враждебно. Когда съ цѣлью обратить его, по возможности, на прежній путь, я упомянулъ о постоянной дружбѣ, связывавшей ихъ, Владиміръ Петровичъ возвышеннымъ тономъ сталъ проповѣдывать, что онъ поддерживалъ и поддерживаетъ не личности, но принципы, что князя Воронцова и князя Барятинскаго онъ поддерживалъ потому, что раздѣлялъ принципы, которыми они руководились, что, напротивъ, Муравьева онъ свалилъ потому, что не раздѣлялъ его принциповъ, и т. п. Я почтительно слушалъ и думалъ про себя: „Страсти Господни! Вотъ что значитъ государственный мужъ! Тотъ же человѣкъ, да сталъ не тотъ!" Добрый и благородный Милютинъ не заносился такъ высоко; но держался какихъ-то равнодушныхъ отношеній къ князю, выражая удивленіе, что онъ скрылся отъ всѣхъ, никому не пишетъ и даже государю не отвѣчалъ на два письма! „Удивительно, какой добрый государь", прибавлялъ Милютинъ „не сердится". При свиданіяхъ съ Милютинымъ я передалъ ему, что зналъ о бунтѣ казаковъ, который и въ Петербургѣ произвелъ сильное впечатлѣніе. Разсказъ мой Милютинъ нашелъ интереснымъ и сказалъ, что на-дняхъ только получилъ съ Кавказа оффиціальныя бумаги, сюда относящіяся...

Я видѣлъ, что мнѣ нечего дѣлать въ Петербургѣ. Объѣздивъ всѣ

острова, заселенные уже дачниками, посмотрѣвъ на закатъ солнца съ извѣстной стрѣлки Елагинскаго острова (la pointe), исправивъ свои гардеробы, при помощи любезнаго и разорительнаго Сара, я рѣшился повернуть оглобли и засѣсть на лѣто въ нашей Подмосковной, о которой выше говорилъ, въ ожиданіи, что̀ теченіе волнъ житейскихъ покажетъ далѣе? Поглощенный моремъ зелени, окружавшей наше жилище со всѣхъ сторонъ, освѣжаемый ежедневно и по нѣскольку разъ видами Москвы рѣки, на берегу которой стоитъ это жилище, сосредоточивши свое вниманіе исключительно на достоинствѣ обѣдовъ и ужиновъ, однимъ словомъ, поглощенный физическимъ, помѣщичьимъ существованіемъ, я забылъ всѣ другіе высшіе интересы; если и вспоминались подчасъ Кавказъ, князь, Бутковъ, то какъ-то смутно, неопредѣленно и, главное, безсильно для того, чтобы возмутить мое полнѣйшее спокойствіе. Но, увы! оно неожиданно было нарушено съ такой стороны, съ которой менѣе всего предполагать было можно...

Какъ теперь помню великолѣпнѣйшій лѣтній день. Обѣдали мы, какъ обыкновенно, на балконѣ. Внизу перебиралась, по камешкамъ, мелководная Москва рѣка; на противоположномъ берегу стояло задумчивое стадо; далѣе въ морѣ густой ржи мелькали бѣлыя рубахи жницъ; множество птичекъ порхали надъ нашими головами въ гнѣзда, свитыя на самомъ балконѣ, и изъ гнѣздъ обратно въ голубое пространство. Однимъ словомъ, общая картина была безукоризненно идиллическая! Разговоры шли о томъ, въ какую сторону, на какой пунктъ и при какихъ условіяхъ предстоитъ сдѣлать послѣобѣденную прогулку и т. п. Среди этой мирной тишины вдругъ раздался звонъ почтоваго колокольчика. „Письма и газеты!“ воскликнули многіе голоса.

Надобно замѣтить, что сельцо Петрово, въ которомъ я мирно проживалъ, отстояло верстахъ въ 18 отъ уѣзднаго города Рузы, Московской губерніи. По стариннымъ связямъ моимъ съ почтовымъ вѣдомствомъ дѣло моей корреспонденціи устроено было такимъ образомъ, что всѣ газеты на мое имя рузскій почтмейстеръ пересылалъ съ крестьянами нашими, или изъ окрестныхъ деревень, безпрерывно сновавшими въ Рузу и обратно по своимъ промышленнымъ и другимъ дѣламъ; письма же, мнѣ адресованныя, онъ немедленно доставлялъ съ эстафетой, которая слѣдовала всегда въ бѣговыхъ дрожкахъ и звономъ почтоваго колокольчика издали уже возвѣщала свое прибытіе. Такъ точно было и теперь. Отдаленный звонъ колокольчика говорилъ намъ, что ѣдутъ письма.

Не знаю, какъ другіе, а я всегда испытывалъ какое-то пріятное чувство, когда мнѣ подносятъ запечатанный пакетъ. Самая неиз-

вѣстность, откуда этотъ пакетъ и что въ себѣ содержитъ, щекотитъ любопытство и производитъ волненіе, не лишенное удовольствія. Весьма часто случается, что распечатанный пакетъ и посланіе, въ немъ заключавшееся, съ негодованіемъ тотчасъ предаются уничтоженію съ присоединеніемъ ядовитыхъ словъ, по части содержанія этого посланія—тѣмъ не менѣе, пока оно не прочитано, васъ сильно занимаетъ вопросъ: что тамъ такое? Такъ точно, когда въ маскарадѣ васъ беретъ подъ руку маска и начинаетъ пищать надъ вашимъ ухомъ, вами овладѣваетъ страшное любопытство узнать, кто это скрывается подъ маской, любопытство, въ которомъ всегда есть какое-то смутное ожиданіе: не сама ли жаръ-птица слетѣла для васъ изъ волшебныхъ странъ или, быть можетъ, какая-нибудь изъ чужестранныхъ принцессъ, наслышавшись о вашей красотѣ и вашихъ доблестяхъ, стѣсняемая международными отношеніями, рѣшилась, какъ простая смертная, пріѣхать въ маскарадъ, чтобъ взглянуть на васъ и побесѣдовать съ вами? А что во всякомъ случаѣ вы непремѣнно ожидаете, что подъ маской скрывается неописанная красавица—за это я ручаюсь головой. Всѣ эти сомнѣнія, ожиданія, предположенія, имѣющія камнемъ основанія ваше громадное самолюбіе и убѣжденіе въ неизмѣримомъ превосходствѣ вашемъ надъ другими—доставляютъ вамъ много наслажденія. Но подобно тому, какъ, прочитавъ пустое письмо, вы бросаете его съ гнѣвомъ на полъ, такъ точно, узнавъ въ этой китайской принцессѣ какую-нибудь увядшую гувернантку вашихъ знакомыхъ, вы разомъ падаете съ неба, начинаете ненавидѣть эту бѣдную женщину, для которой только и свободы, что подъ маской, и коварно ухитряетесь, какъ бы поскорѣе улизнуть отъ нея...

Наконецъ, бѣговыя дрожки подъѣхали къ крыльцу и посланный представилъ мнѣ пакетъ. По почерку, которымъ сдѣлана была надпись, я тотчасъ узналъ, что письмо отъ князя Владиміра Барятинскаго. Онъ писалъ: „Спѣшу сообщить вамъ полученную вчера депешу отъ князя Александра Ивановича. Потрудитесь мнѣ сказать, когда вы можете выѣхать въ Дрезденъ? Я желалъ бы князю телеграфировать о днѣ вашего отъѣзда. По прочтеніи депеши прошу мнѣ ее возвратить. Примите и пр. Царское Село, 11 іюля 1861 г.“. Въ депешѣ князя Александра Ивановича, на французскомъ языкѣ, сказано было просто и до крайности кратко, чтобы я пріѣхалъ къ нему, если могу, какъ можно скорѣе.

Такое неожиданное требованіе рѣшительно переполошило мою мирную семью; явились слезы и другія обстоятельства, столь естественныя при подобныхъ случаяхъ въ каждомъ порядочномъ семействѣ; но, привыкнувъ благоговѣть предъ желаніями и велѣніями князя, я имѣлъ въ виду только депешу, требующую меня въ Дрез-

день, и такъ живо повернулъ дѣломъ, что пока мы оканчивали обѣдъ, камердинеръ мой совершенно уложился, зная по предыдущимъ путешествіямъ всѣ мои привычки и потребности, а у подъѣзда стоялъ совершенно готовый дорожный экипажъ. Послѣ обѣда вся семья моя настоятельно желала проводить меня до великолѣпной рощи, расположенной вблизи селенія по большой дорогѣ, въ чемъ, конечно, я отказать не могъ. Тамъ я расцѣловалъ всѣхъ своихъ и простился съ ними. Утромъ, на другой день, я ужъ былъ въ Москвѣ, и только перемѣнивъ мой сельскій, черезчуръ уже безцеремонный, костюмъ, расположился въ почтовомъ вагонѣ желѣзной дороги, въ которомъ обыкновенно совершалъ свои переѣзды изъ Петербурга въ Москву и обратно. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я тотчасъ бросился къ Милютину, Буткову, князю Владиміру Барятинскому. Самыя энергическія хлопоты сосредоточены были, разумѣется, на немедленномъ полученіи для меня заграничнаго паспорта. Владиміръ Петровичъ Бутковъ немедленно сообщилъ требованіе о томъ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ я такъ упорно и неотвязчиво надоѣдалъ всѣмъ, что паспортъ былъ полученъ чрезвычайно скоро. Жара, помню, стояла страшная. Я постоянно обливался потомъ и имѣлъ рѣшительное сходство съ грецкой губкой...

Вообще, замѣтно было, что требованіе меня княземъ въ Дрезденъ произвело значительное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Не безъ основанія можно предполагать, что князя, дѣйствительно, считали, если не умершимъ уже, то умирающимъ, чѣмъ болѣе всего можно объяснить и тотъ высокопарный тонъ добрѣйшаго Владиміра Петровича, о которомъ я выше говорилъ; требованіе княземъ меня въ Дрезденъ показало, что князь сохраняетъ еще признаки жизни и, чего добраго, можетъ дать кому-нибудь такого пинка, отъ котораго и не опомнишься. Само собою разумѣется, что я не могу уже припомнить всѣхъ явленій и обстоятельствъ, изъ которыхъ создалось это впечатлѣніе; но самое это впечатлѣніе я живо помню. Начать съ того, что со мною гораздо болѣе любезничали, чѣмъ въ предыдущій пріѣздъ. Милютинъ оставался тотъ же и выражалъ то же удивленіе, что князь никому не пишетъ и не отвѣчаетъ даже самому государю; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ мнѣ, что по дѣлу о казакахъ государь приказалъ спросить мнѣніе князя, которое и ожидается отъ него. Владиміръ Петровичъ видимо былъ сдержаннѣе, чѣмъ въ предыдущій мой пріѣздъ.

Хотя я не могъ знать въ точности, для какихъ именно дѣлъ князь требуетъ меня къ себѣ, однако, по различнымъ признакамъ, могъ предполагать, что какія бы тамъ дѣла меня ни ожидали, Мингрельское дѣло непремѣнно займетъ въ нихъ видное мѣсто. Поэтому,

при одномъ изъ свиданій съ Бутковымъ, я рѣшился сказать ему: „есть признаки, ваше превосходительство, что князь не совсѣмъ доволенъ рѣшеніемъ Кавказскаго комитета по Мингрельскому дѣлу. Поэтому, не изволите ли мнѣ дать какія-либо наставленія въ этомъ отношеніи, которыхъ я могъ бы держаться при личныхъ объясненіяхъ съ княземъ!“ Съ свойственною ему живостью, Владиміръ Петровичъ сказалъ: „Тутъ ужъ ничего не остается дѣлать, какъ исполнить высочайшее повелѣніе. Дѣло это разобрано со всѣхъ сторонъ самымъ глубочайшимъ образомъ. Оно было на заключеніи графа Блудова и графа Панина и рѣшено единогласно всѣмъ Кавказскимъ комитетомъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ самымъ энергическимъ образомъ защищалъ сторону княгини Дадьянъ. Наконецъ, самъ государь во дворцѣ при всѣхъ поздравлялъ ее. Что жъ тутъ можно сдѣлать? Самое лучшее—это исполнить высочайшее повелѣніе. Нельзя идти противъ всѣхъ. Самъ государь будетъ недоволенъ, хотя, быть можетъ, и не выразитъ этого. Государь добрый и любитъ князя Барятинскаго, но крѣпко держится за свои права и свою власть. Вы знаете дѣло о земляхъ?“ „Нѣтъ, не знаю“, отвѣчалъ я. „Какже“, продолжалъ Владиміръ Петровичъ, „въ бытность свою здѣсь, въ 1859 году, князь представилъ записку о томъ, чтобы ему предоставлено было право самому раздавать земли на Кавказѣ разнымъ лицамъ за службу. Государь написалъ на этой запискѣ: „Барятинскій хочетъ присвоить себѣ мои права, чего допустить нельзя“ и выслалъ эту записку ко мнѣ, а самому князю не сказалъ объ этомъ ни слова“... „Впрочемъ“, продолжалъ Владиміръ Петровичъ, „я скоро буду самъ въ Дрезденѣ, увижусь съ княземъ и переговорю лично съ нимъ. До тѣхъ поръ просите его рѣшительно ничего не предпринимать...“

VII.

Моя поѣздка въ Дрезденъ.—Мое помѣщеніе вмѣстѣ съ княземъ въ „Hotel de Vienne“.—Свиданіе съ княземъ.—Зиновьевъ, преобразившійся въ статскаго франта.—Его сила и опытность въ мірѣ камелій.—Соблазны, на меня направленные.—Осетинъ Гиго, тоже превратившійся въ франта.—Его успѣхи при дворѣ прусскаго короля.—Тромповскій, отчаянно больной.—Чистота города.—Прелестныя окрестности.—Дрезденская галлерея.—Брюллевская терраса.—Впечатлѣніе, произведенное на меня дрезденскимъ населеніемъ.—Чувство гордости, испытанное мною, что я русскій.—Русскія женщины сравнительно съ туземными.—Способности русскаго человѣка устраиваться въ чужестранныхъ государствахъ.—Мингрельское дѣло.—Первыя бурныя объясненія мои съ княземъ по этому дѣлу.—Восхищеніе князя моимъ проектомъ разрѣшенія

этого дѣла.—Безконечная возня съ этимъ проектомъ.—Пріѣздъ Буткова въ Дрезденъ.—Свиданіе его съ княземъ.—Названіе „деспота", данное князю Бутковымъ.—Проводы Буткова.—Письма Милютину и Буткову о разныхъ личностяхъ.—Несчастное лицемѣріе князя.—Комическій случай при составленіи этихъ писемъ.—Наивность князя въ денежныхъ дѣлахъ.—Вопросъ: гдѣ въ это время была Давыдова?

Такимъ образомъ, снабженный различными свѣдѣніями, наставленіями, полный впечатлѣній по части отношеній Петербурга къ князю Александру Ивановичу я пустился въ заграничный путь. Путь этотъ, совершенно для меня новый, почти на каждомъ шагу представлялъ для меня лично тотъ или другой интересъ; но само собою разумѣется, что въ немъ не было и не могло быть интереса, такъ сказать, общаго. Заграничныя дороги во всѣ концы сдѣлались для русскихъ, и въ особенности для петербуржцевъ, едва-ли не болѣе знакомыми, чѣмъ дороги внутренней Россіи, слѣдовательно, сказать что-нибудь новое по этой части рѣшительно невозможно. Взглянувъ мимоходомъ на Берлинъ, который мнѣ показался, по внѣшнему виду, сродни нашему Петербургу,—я преблагополучно примчался въ Дрезденъ.

Князь жилъ во второстепенной и едва-ли не третьестепенной гостиницѣ „Вѣна" (Hotel de Vienne, Stade Vien), садъ которой расположенъ былъ по берегу Эльбы, что, кажется, и составляло существенную причину предпочтенія княземъ этой неблистательной гостиницы другимъ, несравненно болѣе блистательнымъ гостиницамъ, какъ, напр., Hotel de Sax, Hotel belle vue и др. Князь занималъ заднее отдѣленіе гостиницы, комнаты въ три, которое выходило прямо въ садъ. Въ саду былъ особый павильонъ, который занималъ Зиновьевъ, имѣвшій, такимъ образомъ, полную свободу для своихъ романическихъ похожденій. Тромповскій, больной уже, занималъ номеръ въ переднемъ отдѣленіи гостиницы, имѣвшемъ три этажа и выходившемъ на обширную площадь, оживленную самымъ суетливымъ и многолюднымъ движеніемъ дрезденскихъ обывателей. На этой площади стояла гауптвахта и предъ ней, каждый день, часовъ въ 12, при смѣнѣ караула, играла прекрасная полковая музыка.

Само собою разумѣется, что я пріѣхалъ въ ту же гостиницу, гдѣ жилъ князь и гдѣ мнѣ отвели милѣйшее помѣщеніе, милѣйшее не по великолѣпію, но по удобству и уютности. Я занялъ одну, довольно большую, комнату, необычайно умно раздѣленную какъ-то на-двое: одна половина представляла пріемную и кабинетъ, другая спальню и уборную. Окна этой комнаты выходили именно на ту веселую площадь, о которой я говорилъ. Камердинеру моему отвели особый маленькій номеръ, чрезъ коридоръ, и все это стоило только

талеръ, тогда какъ въ Петербургѣ такое удобное и милое помѣщеніе нельзя имѣть и за три рубля. Едва мы расположились кое-какъ, какъ началось облаченіе моей фигуры въ парадную форму со всѣми регаліями, которыми отечество меня украсило, для торжественнаго представленія князю; но лишь только кончилось убранство, какъ камердинеръ князя, именемъ его, объявилъ мнѣ, что мундирнаго блеска не нужно и чтобы я пожаловалъ къ князю просто въ сюртукѣ.

Перейдя дворъ гостиницы, чистый, какъ комната, и раздѣляющій переднее отдѣленіе, гдѣ я помѣстился, отъ задняго, которое занималъ князь, я отворилъ наружную дверь его помѣщенія и въ первой же комнатѣ увидалъ князя, лежащаго на диванѣ съ покрытыми, какъ и въ Тифлисѣ, ногами. Никакихъ внѣшнихъ перемѣнъ я въ немъ не замѣтилъ, да, впрочемъ, и не ожидалъ ихъ найти. Удивительное дѣло! При самыхъ жестокихъ страданіяхъ прекрасное лицо князя весьма мало измѣнялось. Для самаго опытнаго наблюдателя, въ подобныхъ случаяхъ, могла быть замѣтна только незначительная мутность въ его великолѣпныхъ голубыхъ глазахъ. Нечего и говорить, что князь принялъ меня самымъ благосклоннымъ и радушнымъ образомъ, благодарилъ, что я пріѣхалъ, извинялся, что потревожилъ меня и поручилъ тотчасъ написать женѣ моей, что онъ долго меня не задержитъ и скоро отпуститъ. Первое наше свиданіе не было продолжительно: я передалъ ему бездну петербургскихъ поклоновъ; онъ передалъ мнѣ нѣсколько подробностей относительно своего лѣченія, руководимаго знаменитымъ (едва-ли не по шарлатанству только) Вальтеромъ. Затѣмъ, князь отпустилъ меня, любезно приглашая отдохнуть послѣ дороги.

Я тотчасъ бросился въ павильонъ, занимаемый Зиновьевымъ, и съ перваго взгляда на его обстановку, былъ рѣшительно пораженъ бездною самыхъ разнородныхъ франтовскихъ принадлежностей, которыя я нашелъ въ его уборной комнатѣ. Самого его я почти не узналъ. Неуклюжій, некрасивый, дурно одѣтый, тифлисскій офицеръ преобразился въ парижскаго франта. Пальто, пиджаковъ, жакетовъ, утреннихъ, вечернихъ, денныхъ, ночныхъ, свѣтлыхъ, темныхъ, длинныхъ, короткихъ было у него невообразимое количество. Однѣхъ шляпъ, какъ я говорилъ уже, была огромная коллекція. Веселый и свѣжій Зиновьевъ обрадовался мнѣ, радушно меня принялъ и согласно моей просьбѣ взялъ меня въ полное свое руководство по части разнородныхъ похожденій въ незнакомомъ нѣмецкомъ городѣ, гдѣ онъ, вообще страшно опытный по части заграничныхъ поѣздокъ, и, кажется, посѣтившій всѣ точки земнаго шара, плавалъ уже, какъ рыба въ водѣ. И я съ благодарностью долженъ сказать, что руко-

водство его было дѣйствительно столько же полезно, сколько и пріятно. Почти дня не проходило, чтобы я, вмѣстѣ съ другими заѣзжими въ Дрезденъ кавказцами, именно подъ командою Зиновьева, не совершалъ какихъ-нибудь загородныхъ поѣздокъ или другихъ увеселительныхъ предпріятій, украшенныхъ, большею частію, женскимъ участіемъ.

Я уже говорилъ, какъ силенъ былъ Зиновьевъ особенно въ этомъ отношеніи, учредивъ даже особенныхъ повѣренныхъ и коммиссіонеровъ, обязанныхъ зорко слѣдить за всѣми движеніями и передвиженіями въ мірѣ камелій высшаго сорта и доносить ему о всемъ замѣчательномъ. Понятно, что нравственность моя, какъ семейнаго человѣка, подвергалась сильнѣйшимъ искушеніямъ. Ясно видно было, что хорошенькимъ нѣмкамъ особенно было поручено атаковать меня и во что бы то ни стало низринуть въ бездну соблазна. Были признаки, что въ подобныхъ заговорахъ на мое грѣхопаданіе принималъ участіе самъ князь Александръ Ивановичъ, которому Зиновьевъ, за утреннимъ чаемъ, подробно разсказывалъ всѣ наши похожденія и который могъ дать ему нѣкоторыя, въ этомъ отношеніи, инструкціи. Существенный признакъ заключался, между прочимъ, въ томъ, что Зиновьевъ изъ кожи лѣзъ, чтобы совратить меня, и съ обычною своею горячностью доказывалъ мнѣ, почти ежедневно, до какой степени неблагородно, подло даже, по его мнѣнію, проводить цѣлый вечеръ съ хорошенькой женщиной и не доводить дѣло до конца, что̀, по мнѣнію его, столь опытнаго въ подобныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, составляло сильнѣйшее для нея оскорбленіе, котораго не долженъ допускать ни одинъ порядочный человѣкъ. Свирѣпыя эти рѣчи я слушалъ съ подозрительной улыбкой и прямо говорилъ: „вишь, какъ старается человѣкъ! Въ самомъ дѣлѣ досадно, что никакъ не можетъ исполнить порученія высшаго начальства. Успокойтесь! Не удастся вамъ съ княземъ совратить меня съ нравственнаго пути. Я удивлю васъ, грѣховодниковъ, чистотою своихъ правилъ!“ „Да, очень намъ нужно съ княземъ хлопотать объ этакой телятинѣ“, уклончиво отвѣчалъ Зиновьевъ: „дѣло въ томъ, что такое поведеніе гадко и нéдостойно порядочнаго человѣка!“

Извѣстно, что князь любилъ женщинъ. Несмотря на то, что онъ числился по спискамъ больнымъ, намъ говорили нѣкоторыя хорошенькія женщины, что были у него. Что касается до меня, то намѣреніе князя, предполагаемое, впрочемъ, совратить меня проистекать могло просто изъ шаловливыхъ затѣй, отъ которыхъ князь былъ всегда не прочь, а быть можетъ изъ желанія дѣйствительно поколебать мои дѣйствительно чистыя до глупости отношенія къ семейству и тѣмъ самымъ сдѣлать разлуку мою съ нимъ, какъ въ настоящемъ

случаѣ, такъ и въ другихъ будущихъ случаяхъ, которые прозорливый князь быть можетъ уже предвидѣлъ, менѣе тягостною. Усиліе Зиновьева и соблазны натравленныхъ на меня женщинъ остались, однако, безплодными, и послѣ одной бурной ночи, когда и эти усилія, и эти соблазны дѣйствовали съ наибольшею энергіею, князь, вѣроятно, выслушавъ донесеніе Зиновьева, разрушавшее окончательно всѣ разсчеты, какъ-то полушутливо, полусерьезно сказалъ мнѣ: „однако, знаете ли что? Я долженъ написать вашей женѣ о вашемъ неприличномъ поведеніи. Вы всѣ ночи проводите съ женщинами. Мнѣ еще достанется отвѣчать за васъ предъ вашей женой. Я не зналъ, что вы такой развратникъ!“ „Жена знаетъ меня“, отвѣчалъ я, „да и Василій Васильевичъ (Зиновьевъ) можетъ засвидѣтельствовать о моихъ добродѣтеляхъ“. „Разсказывайте!“ весело продолжалъ князь, „я тоже думалъ, что вы солидный человѣкъ; но что Зиновьевъ про васъ разсказываетъ—это просто ужасъ!“.

Кромѣ Зиновьева, въ свитѣ князя, къ несказанному моему удивленію, оказался другой франтъ, въ которомъ еще труднѣе было узнать одного изъ старыхъ моихъ пріятелей. Тотъ самый осетинъ, который всегда представлялся мнѣ въ громаднѣйшей папахѣ почти на бритой головѣ, вѣчно въ костюмѣ линейныхъ казаковъ, съ узкими азіатскими глазами и нѣсколько выдавшимися скулами, осетинъ, едва говорившій по-русски ломанымъ языкомъ, тотъ самый Гиго, любимецъ князя, которому приписываютъ похищеніе Да—ой изъ Одессы, предсталъ предо мною въ элегантномъ пиджакѣ, съ отложными воротничками, въ изящной маленькой шляпѣ и съ тросточкой въ рукахъ. Я долго смотрѣлъ на его улыбающуюся фигуру, прежде чѣмъ узналъ въ ней конвойнаго казака—Гиго. Въ новомъ костюмѣ онъ былъ недуренъ и даже интересенъ, именно азіатскимъ характеромъ своей личности. Этого мало. Оказалось, что онъ уже успѣлъ подружиться съ прусскимъ королемъ. Какъ это случилось: князь ли представлялся королю, сопровождаемый Гиго, или король навѣстилъ князя и замѣтилъ эту эффектную личность въ эффектномъ костюмѣ кавказскаго линейнаго казака, я ужъ не помню, хотя въ то время мнѣ подробно объ этомъ разсказывали; помню только тотъ несомнѣнный фактъ, что Гиго чрезвычайно понравился его величеству и былъ выпрошенъ у князя на нѣкоторое время. Все это время Гиго жилъ во дворцѣ, постоянно находился въ свитѣ короля и вообще былъ предметомъ самаго любезнаго вниманія. Когда король взялъ его съ собою на какіе-то маневры, всѣ нѣмецкіе воины смотрѣли на него, какъ на чудо: до такой степени онъ поразилъ ихъ своимъ отчаяннымъ джигитствомъ на конѣ и различными штуками, которыя ни въ какомъ циркѣ видѣть нельзя. Въ Дрезденъ онъ пріѣхалъ изъ Берлина, только-что

предъ моимъ пріѣздомъ, обласканный какъ королемъ, такъ и вообще пруссаками, и здѣсь уже замѣнилъ свой воинственный костюмъ франтовскими пиджаками.

Бѣднаго Тромповскаго я нашелъ въ постели. Въ моментъ моего пріѣзда, никто еще не предвидѣлъ той опасности, которая его ожидала, такъ что я, при свиданіи съ нимъ, шутливо, укорялъ его, что онъ позволяетъ себѣ лежать и нѣжиться при такой вздорной болѣзни, и требовалъ настоятельно, чтобы онъ немедленно вставалъ и принялъ дѣятельное участіе въ исполненіи обширныхъ плановъ, которые мы съ Зиновьевымъ тотчасъ проектировали по части веселаго препровожденія времени. И въ самомъ дѣлѣ можно ли было думать, что одно простое разстройство желудка, произведенное нѣмецкою капустою, сведетъ въ могилу такого богатыря, какъ толстый и громадный Тромповскій? И сведетъ въ могилу въ то время, когда эта, казалось, пустѣйшая болѣзнь была въ рукахъ такого знаменитаго изъ знаменитыхъ доктора, какимъ считался въ то время, а можетъ быть считается и теперь, Вальтеръ? Я, конечно, не могу судить, хорошо или дурно лѣчилъ Вальтеръ Тромповскаго, но справедливость требуетъ сказать, что уходъ, учрежденный имъ за больнымъ, не оставлялъ желать ничего болѣе. Начать съ того, что самъ Вальтеръ, ежедневно посѣщавшій князя, постоянно отъ него шелъ прямо къ Тромповскому; этого мало: въ теченіе дня нѣсколько разъ посѣщалъ больнаго одинъ изъ главныхъ помощниковъ Вальтера, спеціально приставленный, такъ сказать, къ Тромповскому; кромѣ того, при немъ постоянно, безотлучно, день и ночь, находились, во-первыхъ, какая-то личность, въ родѣ фельдшера, или лѣкарскаго помощника, которая слѣдила за всѣми малѣйшими явленіями въ состояніи больнаго и ходѣ болѣзни и докладывала свои замѣчанія по принадлежности помощнику Вальтера и самому Вальтеру, и, во-вторыхъ, добрѣйшая, хотя нѣмецкой формы, старушка, въ родѣ нашей сидѣлки, которая вѣчно торчала подлѣ постели Тромповскаго. Несмотря на эту роскошную въ своемъ родѣ обстановку, дѣло шло хуже и хуже, но, повторяю, при моемъ пріѣздѣ въ Дрезденъ, и я, и другіе думали, что все это вздоръ и Тромповскій скоро оправится, хотя, при нѣкоторомъ вниманіи, можно было замѣтить, что въ улыбкѣ его, съ которою онъ слушалъ мои настоянія скорѣе вставать и заняться исполненіемъ веселыхъ предпріятій, было что-то до крайности грустное и даже зловѣщее...

Само собою разумѣется, что я спѣшилъ, прежде всего, ознакомиться съ городомъ и всѣми мѣстными его условіями. Невообразимая внѣшняя чистота его, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ нашимъ Петербургомъ, чрезвычайно поразила меня. На улицахъ, буквально,

можно булавку найти, если вы ее потеряли. Дворы домовъ чисты, какъ комнаты. Когда я высказывалъ свои впечатлѣнія по этой части князю, онъ замѣтилъ: „чудесный городъ; видно, что нѣмцы давно здѣсь живутъ и хорошо устроились". Для выраженія степени этой чистоты достаточно привести слѣдующій случай. Чрезъ нѣсколько дней послѣ меня пріѣхалъ въ Дрезденъ пріятель мой Харитоновъ и привезъ съ собою свое семейство, предполагая отправить его далѣе, на какія-то минеральныя воды. Онъ занялъ комнаты въ верхнемъ этажѣ, прямо надо мною. Одинъ изъ его маленькихъ сыновей лежалъ на открытомъ окнѣ и смотрѣлъ на площадь, кипѣвшую народомъ. По русскому обычаю онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и плюнулъ внизъ. Почти въ то же мгновеніе является въ номеръ, занимаемый семействомъ Харитоновыхъ, какой-то градскій стражъ или коммиссаръ и требуетъ за эту великороссійскую штуку штрафа десять талеровъ. Бѣдный Харитоновъ страшно переполошился и едва отдѣлался отъ этого представителя объясненіями, что это произошло отъ дѣтской неопытности, незнанія мѣстныхъ распорядковъ и т. п. и увѣреніями, что впередъ такихъ штукъ не будетъ.

Окрестности Дрездена восхитительны, нѣкоторыя изъ нихъ даже называются Саксонскою Швейцаріею! Нечего и говорить, что эти окрестности мы исколесили по всѣмъ направленіямъ. Независимо отъ ежедневныхъ почти поѣздокъ, то въ ту, то въ другую сторону, я часто, по утрамъ, дѣлалъ по десяти верстъ по шоссе, обсаженному великолѣпными деревьями и потому похожему не столько на простую дорогу, сколько на садовую аллею. При этихъ-то прогулкахъ я видѣлъ, какъ аккуратные нѣмцы, отнявъ свободу у бѣдныхъ собакъ, бѣгающихъ у насъ, когда и сколько угодно, перевозили на нихъ различныя тяжести; какъ работникъ, разбивающій, напр., камень для ремонтированія шоссе, вооружался огромными синими очками; какъ штукатуръ или маляръ какой-нибудь, приставляя къ дому лѣстницу, укрѣплялъ ее внизу въ землю придѣланными къ лѣстницѣ желѣзными острыми шипами; какъ, наконецъ, извозчикъ, влекущій на тощей клячѣ свои „дрошкенъ", при малѣйшемъ наклоненіи дороги внизъ начиналъ вертѣть придѣланную къ козламъ пружину, замѣняющую нашъ тормозъ и т. п. Вообще все, что бросалось въ глаза по части внѣшней обстановки Дрездена и его общественной жизни, говорило, прежде всего, о необыкновенной чистотѣ и аккуратности. Дрезденскія гостиницы, напр., за исключеніемъ, разумѣется, той, въ которой мы съ княземъ помѣщались, такія гостиницы, какъ Hotel de Saxe, Hotel Bellevue—прелесть.

Надо замѣтить, что Дрезденъ по части красоты много обязанъ разрѣзывающей его прекрасной быстрой Эльбѣ. Знаменитый мостъ

*

чрезъ эту рѣку, разрушенный нѣкогда французами, представляетъ грандіозное сооруженіе. Вообще въ Дрезденѣ много прекрасныхъ сооруженій, какъ, напр., дворецъ, знаменитая Дрезденская галлерея, театръ, церковь и пр. Прямо отъ моста возвышается не менѣе знаменитая терраса Брюля, и я сомнѣваюсь, что бы было гдѣ-нибудь и что-нибудь подобное. Возвышаясь надъ Эльбою, засаженная столѣтними деревьями, открывающая великолѣпные виды во всѣ стороны, Брюллевская терраса составляетъ центръ, куда стекаются и коренные граждане Дрездена, и путешественники, въ ряду которыхъ первенство, по крайней мѣрѣ, по количеству, безъ сомнѣнія, принадлежитъ русскимъ. Посреди Эльбы, именно посреди, а не у береговъ ея, какъ у насъ, построено нѣсколько купаленъ, расположенныхъ чрезвычайно остроумно. Въ срединѣ находится общій большой бассейнъ, гдѣ можно плавать. Кругомъ этого бассейна расположено множество отдѣльныхъ номеровъ.

Перевозчики, на маленькихъ, чистенькихъ лодкахъ, берутъ васъ съ берега, подвозятъ къ купальнямъ, и когда вы выкупаетесь — доставляютъ васъ обратно на берегъ. Вообще, вспоминая всѣ эти подробности, я и теперь испытываю величайшее удовольствіе. Время проведенное мною тамъ, оставило во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе.

День мой, когда я былъ свободенъ,—а я былъ свободенъ большею частью,—начинался съ того, что я отправлялся въ купальню, бралъ себѣ отдѣльный номеръ и полоскался тамъ, сколько душѣ угодно. Возвратившись въ гостиницу и приведя свою персону въ должный порядокъ, я являлся на короткое время (разумѣется, когда не было занятій) къ князю и затѣмъ, вольной птицей, или пускался по живописнымъ окрестностямъ, или, съ каталогомъ въ рукахъ, углублялся въ Дрезденскую галлерею и вмѣстѣ съ другими благоговѣйно стоялъ предъ „Сикстинской Мадонной“ или, если былъ праздникъ — шелъ въ церковь, садился вмѣстѣ съ нѣмцами на скамью и слушалъ великолѣпную музыку и великолѣпное пѣніе, стараясь удерживать на лицѣ самое набожное выраженіе, потому что швейцаръ при этой церкви былъ самый свирѣпѣйшій изъ всевозможныхъ швейцаровъ, распоряжался посѣтителями, какъ стадомъ барановъ, и на моихъ глазахъ многихъ выводилъ за сколько-нибудь громкое слово, за малѣйшую улыбку и т. п.

Вопросъ объ обѣдахъ составлялъ наиважнѣйшій вопросъ въ нашей средѣ и почти ежедневно подвергался многостороннему обсужденію. Но я прежде скажу объ обѣдахъ, такъ сказать, домашнихъ, которыми первое время угощали меня въ гостиницѣ. Тотчасъ по моемъ пріѣздѣ, меня предупредили, что общій столъ, такъ называе-

мый „table d'hote",—мерзость мерзостью, и потому я объявилъ, что буду обѣдать въ своей комнатѣ. Послѣ перваго же обѣда я убѣдился въ полнѣйшемъ разладѣ русскихъ обычаевъ по этой части съ обычаями нѣмецкими. Меня поразило, прежде всего, странное качество и невообразимое количество блюдъ, составлявшихъ этотъ обѣдъ. По части качества все было какъ-то мелочно и плоховато. Подаютъ вамъ, напр., мерзѣйшій супъ, до котораго вы если и дотрогиваетесь, то единственно въ томъ разсчетѣ, чтобы не оскорбить автора; подаютъ вамъ, напр., кусокъ говядины и при этомъ на десяти особыхъ маленькихъ тарелочкахъ разной дряни, въ видѣ принадлежностей. Пирожныхъ предлагалось безчисленное множество. Однимъ словомъ, чтобы имѣть дѣло съ нѣмецкими обѣдами, надобно имѣть, во-первыхъ, нѣмецкій желудокъ и, во-вторыхъ, и это главное, нѣмецкое умѣнье обращаться съ ними. Само собою разумѣется, что я не имѣлъ ни того, ни другаго и потому, поглотивъ въ началѣ обѣда нѣсколько блюдъ съ русскимъ азартомъ, я въ срединѣ уже обѣда становился втупикъ и не только безъ аппетита, но даже непріязненно смотрѣлъ на множество маленькихъ тарелочекъ, постоянно и безконечно являющихся и исчезающихъ предъ моими глазами. Мнѣ казалось, что слуга, занимавшійся этими превращеніями, какъ-то насмѣшливо посматривалъ на меня. Чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія, я прямо объявилъ хозяину, что никакъ не могу одолѣвать его обѣдовъ, и требовалъ, чтобы размѣръ ихъ убавленъ былъ, по крайней мѣрѣ, на половину. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что обѣдъ, который онъ присылалъ мнѣ, стоитъ талеръ и пятнадцать грошей и что на будущее время онъ будетъ присылать мнѣ обѣдъ только въ одинъ талеръ; на томъ мы и порѣшили. Но немного уже довелось ему пріобрѣсти выгоды по этой статьѣ, потому что мы, довольно значительной семьей, составившейся изъ меня, Зиновьева, князя Мірскаго, Новосельскаго, Дорогобужинова и др., учредили очередные обѣды, то въ той, то въ другой гостиницѣ, и обѣды эти большею частію располагались уже не по нѣмецкой программѣ, но по нашимъ заблаговременнымъ указаніямъ.

Послѣобѣденное время, какъ я говорилъ уже, посвящалось большею частію загороднымъ поѣздкамъ, которыя обходились не дешево и, главное, потому что при общей дрезденской дешевизнѣ наемные экипажи тамъ,—удивительное дѣло!—стоили очень дорого. Коляски, которыми мы исключительно пользовались, стоили талеръ въ часъ, такъ что за время отъ 5 до двѣнадцати, а зачастую и до двухъ часовъ мы постоянно платили отъ 7 до 10 талеровъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда поѣздки эти не составлялись почему-либо, мы шли въ театръ. Именно въ Дрезденѣ я слышалъ прекрасно исполненную

оперу Вагнера „Ріензи“ и великолѣпнаго пѣвца Тихачека, который въ это время былъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ, потому находился на закатѣ своей славы. Харитоновъ, какъ спеціалистъ музыкальнаго дѣла, утверждалъ, что дрезденскій оркестръ просто чудо и по совершенству своему не уступитъ нашему петербургскому. Когда не было ни театра, ни поѣздки—неизмѣннымъ пристанищемъ нашимъ была дивнѣйшая Брюллевская терраса, гдѣ постоянно толпились массы народа и гдѣ, въ особомъ вокзалѣ, вѣчно гремѣла музыка. Въ самомъ вокзалѣ и на площадкѣ, находящейся предъ нимъ, находилось безчисленное множество маленькихъ столиковъ, окруженныхъ стульями. На стульяхъ сидѣли нѣмцы и нѣмки, на столахъ стояли кружки съ пѣнящимся пивомъ. Мы платили нѣсколько грошей за входъ, занимали маленькіе столики и пили, въ меньшей степени, пиво, и въ большей—шампанское!

Именно шампанское заставляетъ меня, послѣ изображенія внѣшнихъ прелестей Дрездена, сказать нѣсколько словъ о туземномъ народѣ и томъ уровнѣ, на которомъ онъ стоитъ. Въ первый день моего прибытія туда, переѣзжая со станціи желѣзной дороги въ гостиницу, я замѣтилъ какое-то громадное зданіе, съ громадною надписью: „фабрика шампанскаго!“ Сгоряча я не понялъ даже, что это такое? Я даже думалъ, что не ошибся ли я? Но потомъ мнѣ объяснили, да я и самъ, страшный любитель шампанскаго, собственными опытами убѣдился, что въ Дрезденѣ, во всѣхъ гостиницахъ, только и подаютъ, что туземное фабричное шампанское! Въ какой степени относится фабричное шампанское къ настоящему, въ такой точно степени дрезденскій народъ, по моимъ наблюденіямъ, относится къ нашему петербургскому народу. Совѣстно сказать, но всѣ туземцы показались мнѣ какими-то сапожниками, мастеровыми. Невѣроятное дѣло! но мнѣ положительно не случалось встрѣтить какого-нибудь джентльмена, въ родѣ тѣхъ, которые ежедневно толпами расхаживаютъ у насъ по Невскому. Быть можетъ, это случилось и оттого, что по случаю лѣтняго времени весь высшій свѣтъ разъѣхался по дачамъ и чужимъ землямъ. Дрезденскія женщины—ужасъ! Гадкія, старыя, большею частію, въ отвратительныхъ костюмахъ съ какими-то лопухами на головахъ, вмѣсто тѣхъ великолѣпныхъ шляпъ, которыя были тогда въ модѣ. Случалось нерѣдко, что, сидя въ вокзалѣ Брюллевской террасы и не зная, на какой физіономіи остановить свой взоръ, потому что всѣ онѣ одинаково пошлы и ничуть не привлекательны, вдругъ замѣтишь оживленную группу прелестныхъ женщинъ, въ прелестныхъ нарядахъ, въ шляпахъ, съ перьями на головѣ, группу, на которую всѣ нѣмцы съ удивленіемъ уставили свои глаза. „Наконецъ-то“, думаешь, „вотъ онѣ, настоящія-то саксонки, хорошаго тона и обще-

ства!“ Приближаешься къ группѣ, чтобъ ближе разсмотрѣть это рѣдкое явленіе, и слышишь русскую рѣчь, видишь оживленныя, прекрасныя лица, видишь смѣющіяся уста и горящіе глаза, однимъ словомъ, видишь съ восторгомъ нашихъ русскихъ женщинъ, едва-ли не самыхъ великолѣпныхъ женщинъ въ мірѣ!

Въ Дрезденѣ я только созналъ неизмѣримое превосходство русскихъ предъ нѣмцами и искренно гордился тѣмъ, что я, благодареніе Богу, русскій, а не нѣмецъ! И, боюсь, что не повѣрятъ мнѣ, это гордое сознаніе, должно быть, до такой степени сильно и рельефно выражалось во всей моей фигурѣ, что, когда я шелъ по улицѣ, нѣмцы положительно уступали мнѣ дорогу и иногда посматривали мнѣ въ слѣдъ...

До какой степени русскій человѣкъ, по натурѣ своей, превосходствуетъ предъ нѣмцемъ, укажу на отношенія моего камердинера и камердинера Харитонова, простыхъ русскихъ лакеевъ, рѣшительно не знавшихъ и не понимавшихъ ни одного нѣмецкаго слова, къ новой средѣ, въ которой они находились. Начать съ того, что они умѣли какъ-то взять въ свою команду всю прислугу гостиницы и распоряжались ею, какъ обыкновенно распоряжается барскій камердинеръ второстепенною прислугою въ господскомъ домѣ. Однимъ словомъ, наши люди были, какъ у себя дома, и мы точно также отдавали имъ различныя приказанія, какъ въ Петербургѣ. Ни мы, ни они, какъ будто не замѣчали, что мы окружены сплошь да рядомъ нѣмцами, которые ихъ не понимали и которыхъ они не понимали. Какъ это они устраивались—уму непостижимо. По крайней мѣрѣ, не было ни одного случая, гдѣ бы данное мною камердинеру приказаніе не было исполнено, или было исполнено не такъ, вслѣдствіе того, что мы находились среди нѣмцевъ. Тутъ мнѣ стало понятно, что какая-нибудь ярославская старуха добирается до Іерусалима, проходя разныя чужія земли и прорѣзывая поселенія невѣрныхъ народовъ. Отъ этого происходило, что я самъ лично, тоже незнатокъ нѣмецкаго языка, избѣгалъ всевозможно непосредственныхъ сношеній съ нѣмцами и старался предоставлять ихъ умѣнію и искусству моего Василья. Такъ, напр., отправляясь ежедневно купаться, я постоянно бралъ его съ собою, не столько для услуги, сколько именно для переговоровъ, во-первыхъ, съ лодочниками, которые перевозили насъ съ берега въ купальню и обратно и, во-вторыхъ „съ мадамой“, какъ называлъ мой Василій ту нѣмку, которая заправляла внутренними распорядками въ купальнѣ. Переговоры эти шли у него чрезвычайно успѣшно, хотя связаны были съ денежными разсчетами, что́, казалось, дѣлало ихъ болѣе затруднительными. Я помню, что однажды, при нашемъ возвращеніи на берегъ, Василій мой бойко бросилъ, ни слова не

говоря, нѣсколько монетъ лодочнику. „Чортъ знаетъ", подумалъ я, „что онъ это ему кидаетъ? Быть можетъ, очень мало или очень много!" Изъ любопытства я спросилъ его: „Василій! сколько ты далъ лодочнику?" „Восемь финиковъ!" бойко отвѣчалъ онъ, какъ будто рѣчь шла о нашихъ восьми копѣйкахъ. Что это еще за финики? подумалъ я про себя и по нѣкоторомъ размышленіи догадался, что это должно быть „пфенниги", какая-то крошечная нѣмецкая монетка. „Да, быть можетъ, это мало!" замѣтилъ я. „Да мы съ нимъ ужъ говорили, онъ сказалъ, что довольно!" отвѣчалъ Василій. Какъ они ужъ между собою говорили—я не разспрашивалъ.

Едва-ли нужно говорить, что на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ на пути въ Дрезденъ и обратно всѣ распоряженія и сношенія съ нѣмцами, заправляющими этими станціями, я предоставлялъ тому же Василію. „Нужда научитъ калачи ѣсть!" замѣтятъ мнѣ на это, можетъ быть. „Баринъ приказываетъ, надобно такъ или этакъ исполнить приказаніе!" Положимъ, что и такъ, положимъ, что дѣйствительно необходимость заставляетъ ухитряться каждаго человѣка, будь онъ русскій или нѣмецъ даже. Но позвольте представить вашему вниманію слѣдующее обстоятельство. Надо прежде замѣтить, что въ гостиницѣ, гдѣ мы жили, прислуга раздѣлялась на двѣ половины: мужскую и женскую. Мужская прислуга имѣла обязанности, такъ сказать, представительныя. Такъ, напр., она подавала чай, служила за столомъ и т. п. На женской прислугѣ лежали обязанности, такъ сказать, внутренняго хозяйства: она убирала комнаты, перемѣняла бѣлье и т. п. Женская прислуга численностью значительно превосходила мужскую. Женщины безпрерывно шныряли по нашимъ комнатамъ, то за тѣмъ, то за другимъ. Это были, большею частію, молодые, но вовсе непривлекательные экземпляры. Не такъ, однако, смотрѣли на нихъ наши люди. Возвращаясь откуда-нибудь въ свою гостиницу, мы постоянно находили толпу этихъ женщинъ въ сообществѣ съ нашими камердинерами и постоянно въ самомъ веселомъ настроеніи. Тутъ, согласитесь, никакой гнетущей необходимости уже не было; было единственно собственное произволеніе и проявленіе несомнѣнныхъ талантовъ русскаго человѣка понимать всѣ языки и заставлять понимать себя всѣ народы. Проводить цѣлые вечера съ нѣмками, ни слова не зная по-нѣмецки—это вещь поразительная! Слышно было, что нѣмкамъ такъ нравилось общество „нашихъ кавалеровъ", что хозяйка, т. е. жена хозяина, должна была, и не одинъ разъ, внезапно являясь, среди веселой компаніи разгонять пощечинами „милыхъ дамъ".

Къ сожалѣнію, на-ряду съ этими несомнѣнными талантами проявились и подловатыя черты простаго русскаго человѣка—черты наду-

вательства всюду и во всемъ, гдѣ только можно надуть. Довольно долго спустя послѣ нашего возвращенія изъ Дрездена, когда мы съ Харитоновымъ жили въ Петербургѣ, слѣдя за романическими похожденіями нашего князя, мой добрый пріятель Харитоновъ сталъ получать изъ Дрездена какія-то слезливыя нѣмецкія письма. Эти письма трогательно повѣствовали, что коварный камердинеръ Харитонова обольстилъ одну изъ этихъ довѣрчивыхъ женщинъ, обѣщалъ выписать ее въ Петербургъ и жениться на ней, а между тѣмъ, какъ только уѣхалъ изъ Дрездена, забылъ ее, и она, купно съ плодомъ любви, ввергнута такимъ вѣроломствомъ въ пучину несчастій. Впрочемъ, Харитоновъ не имѣлъ рѣшительно никакой возможности извлечь ее изъ этой пучины, потому что еще до полученія этихъ слезливыхъ писемъ—камердинеръ его, обнаружившій и другія прелестныя качества, былъ уже прогнанъ...

Но пора перейти къ дѣловой сторонѣ моей заграничной поѣздки. На другой день моего прибытія я передалъ князю все, что находилъ нужнымъ для того, чтобы вѣрнѣе и опредѣлительнѣе обрисовать дѣйствительныя отношенія къ нему Петербурга въ ту минуту. Князь внимательно слушалъ и по обыкновенію „моталъ себѣ на усъ". Послѣдствія показали, что многія черты моихъ разсказовъ особенно рельефно засѣли въ его памяти. Такъ, напр., на него сильно подѣйствовало выраженное Милютинымъ удивленіе, что добрый государь не сердится за то, что князь не отвѣчаетъ на собственныя письма его величества. Съ его пылкимъ воображеніемъ, всегда забѣгающимъ впередъ, обращаясь потомъ много разъ къ этому предмету, князь выражалъ положительное безпокойство, что „государь сердится", и мнѣ надо было каждый разъ доказывать, что сердится ли государь, или не сердится, это не извѣстно, но что Милютинъ выразилъ только удивленіе, что государь не сердится. „Ну если уже Милютинъ такъ говоритъ", замѣчалъ князь, „значитъ, что государь сердится". Разсказы о воззрѣніяхъ Буткова и о той запискѣ, на которой будто бы государь сдѣлалъ знаменательную резолюцію относительно раздачи кавказскихъ земель, произвели на него, видимо, непріятное впечатлѣніе и вызвали съ его стороны суровое замѣчаніе, что „это все вздоръ". Князь всегда такъ говорилъ, когда что-нибудь ему не нравилось. Потомъ началось обсужденіе знаменитаго Мингрельскаго дѣла, для котораго, какъ оказалось, я преимущественно и былъ вызванъ.

Надобно, прежде всего, замѣтить, что по этому дѣлу князь сильно былъ вооруженъ противъ кавказскаго комитета и вообще противъ Петербурга тѣми мнѣніями и соображеніями, которыя доставлены были ему изъ Тифлиса. И удивительное дѣло! На этомъ поприщѣ

болѣе всѣхъ подвизался скромный и недѣловитый Кру—нъ, отъ котораго менѣе всего можно было ожидать такой прыти. Высылая князю толстѣйшія тетради съ подробнымъ изложеніемъ существа дѣла, изложеніемъ, сдѣланнымъ столь же топорно, сколько и не удобопонятно, Кр—нъ доказывалъ, что рѣшеніе кавказскаго комитета компрометтируетъ и роняетъ власть и достоинство намѣстника. Этого было достаточно для гордаго князя. Для него было достаточно одного замѣчанія въ этомъ отношеніи со стороны Кр—на, ибо, по своему обычаю, въ мнѣніи Кр—на князь читалъ мнѣніе всей страны. Такимъ образомъ, въ Мингрельскомъ дѣлѣ князь видѣлъ роковой для себя вопросъ: „быть или не быть?“.

При такомъ раздраженномъ настроеніи наши обоюдныя совѣщанія, съ перваго же шагу, пошли очень дурно. Князь плавалъ въ высшихъ соображеніяхъ и сердито говорилъ: „Государь можетъ меня прогнать, если я дѣлаю глупости; но когда я, его намѣстникъ, и сижу на мѣстѣ, нельзя говорить цѣлой странѣ, что мой намѣстникъ у васъ дуракъ!“ Я же, съ своей стороны, старался свести его изъ этихъ облаковъ и привлечь на почву самаго дѣла и показать, что въ немъ нѣтъ ничего особенно чрезвычайнаго. Но мои усилія въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ первое время, не имѣли никакого успѣха и совершенно разбивались о предубѣжденія князя. Начать съ того, что, не привыкнувъ читать толстыхъ, дѣловыхъ тетрадей, онъ не такъ понялъ тетради, высланныя ему изъ Тифлиса, и приводилъ факты, не существующіе въ дѣлѣ. Я возражалъ, что сущность дѣла не представляетъ такихъ фактовъ. Князь сердился. Я продолжалъ доказывать ему, что, если онъ не выслушаетъ меня и не уяснитъ себѣ—въ чемъ именно заключается спорная сторона дѣла, князь не можетъ дать вѣрнаго направленія ему. Споръ принималъ непріятный характеръ; но я считалъ своею обязанностью удержать князя, во что бы то ни стало, отъ промаха въ такомъ важномъ дѣлѣ, что́ и высказывалъ ему довольно рѣзко.

„Во всякомъ случаѣ“, продолжалъ князь, „кавказскій комитетъ не смѣлъ рѣшить этого дѣла безъ меня; что они въ немъ смыслятъ? Онъ обязанъ былъ свое рѣшеніе прежде прислать мнѣ, какъ онъ и дѣлалъ по другимъ важнымъ дѣламъ!“ Къ несчастію, князь и здѣсь спуталъ понятія. Дѣйствительно, случалось, что по нѣкоторымъ дѣламъ кавказскій комитетъ, собравъ мнѣнія различныхъ министерствъ, передавалъ эти мнѣнія, прежде окончательнаго рѣшенія дѣла, на заключеніе князя. Сосредоточивая все свое вниманіе на предстоящей борьбѣ съ кавказскимъ комитетомъ, князь припомнилъ подобные случаи и представилъ себѣ, что кавказскій комитетъ самыя рѣшенія свои по важнѣйшимъ дѣламъ присылалъ предварительно къ нему на его

одобреніе и что такъ точно онъ долженъ былъ поступить и въ Мингрельскомъ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что я энергически доказывалъ, что этого никогда не было, да и быть не могло, что къ нему присылались предварительно заключенія различныхъ министерствъ, но не самыя постановленія кавказскаго комитета и что если бы такъ было, то выходило бы, что не онъ, какъ намѣстникъ, представляетъ свои мнѣнія и предположенія кавказскому комитету, а, наоборотъ, комитетъ дѣлаетъ свои представленія ему, какъ кавказскому намѣстнику. Князь спорилъ и горячился. Съ своей стороны, и я проявилъ невиданное дотолѣ упорство.

Я очень хорошо понималъ, что уступить князю и согласиться съ нимъ значило ввести его же самого въ величайшій скандалъ. Я доказывалъ ему, что такая открытая борьба съ цѣлымъ кавказскимъ комитетомъ поставитъ самого государя въ большое затрудненіе, ибо для него трудно будетъ, не говоря уже о собственномъ его утвержденіи новаго рѣшенія дѣла, принесть, такъ сказать, въ жертву цѣлый сонмъ государственныхъ людей одному князю. Я доказывалъ, что для выигрыша дѣла надобно непремѣнно отнестись къ высочайше утвержденному мнѣнію кавказскаго комитета почтительно и наши мѣры представить, не какъ протестъ, но какъ наилучшій способъ исполненія этого самаго постановленія, способъ, соглашенный съ различными мѣстными обстоятельствами. Князю непріятно было видѣть, что его воззрѣнія разбиваются одни за другими; князю, въ его величіи, рѣшительно невозможно было сознаться, что онъ ошибался и что мой планъ гораздо практичнѣе. Поэтому онъ выражалъ величайшее нетерпѣніе при изложеніи моихъ доводовъ, спорилъ, горячился, такъ что первое совѣщаніе наше кончилось страшно неудачно, почти ссорой.

Разстались мы очень холодно. Для князя, конечно, тяжело было видѣть, что человѣкъ, на котораго онъ совершенно полагался, котораго онъ и выписалъ единственно за тѣмъ только, чтобы придуманное имъ направленіе блистательно изложить на бумагѣ, вдругъ протестуетъ противъ этого направленія и протестуетъ такъ упорно, какъ никогда. Но я сильно вѣрилъ въ свѣтлый умъ князя; я зналъ, что въ его „кухнѣ“, какъ онъ называлъ свою голову, переварится все, что мною сказано, и онъ непремѣнно пойметъ, что правда на моей сторонѣ; я зналъ также, что онъ обратитъ вниманіе и на то, что я, всегда внимательный и почтительный, возвышаю голосъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, представляющихъ положительную опасность сбиться съ прямаго пути. Прошло нѣсколько дней, по правдѣ сказать; не совсѣмъ пріятныхъ. Мнѣ тяжело было видѣть затруднительное положеніе князя, въ которое, нѣкоторымъ образомъ, я же его по-

ставилъ. Онъ уже ни слова не говорилъ о Мингрельскомъ дѣлѣ и продолжалъ, повидимому, переваривать совершенно новыя воззрѣнія на него, которыя я ему изложилъ. Такое натянутое состояніе скоро мнѣ надоѣло. Въ одно прекрасное утро я явился къ князю и сказалъ ему: „не признаете ли, ваше сіятельство, въ ожиданіи скораго пріѣзда Владиміра Петровича, полезнымъ заготовить проектъ всеподданнѣйшаго доклада по Мингрельскому дѣлу? По прибытіи его, ваше сіятельство, можете показать нашъ проектъ Владиміру Петровичу и обязать его поддерживать нашу сторону". Предложеніе это князю чрезвычайно понравилось; онъ благодарилъ меня и тотчасъ передалъ мнѣ, во-первыхъ, кучу писемъ, тетрадей и различныхъ бумагъ, присланныхъ ему по этому дѣлу изъ Тифлиса и, во-вторыхъ, различныя карандашовыя замѣтки, сдѣланныя на отдѣльныхъ листахъ собственною его рукою.

Къ величайшему удивленію, изъ этихъ замѣтокъ оказалось, что главнымъ виновникомъ порчи Мингрельскаго дѣла князь признавалъ добрѣйшаго Владиміра Петровича. Въ замѣткахъ этихъ высказывалась та мысль, что основанія Мингрельскаго дѣла, т. е. удаленіе изъ Мингреліи малолѣтняго владѣтеля съ матерью и введеніе тамъ русскаго управленія въ тѣхъ видахъ, чтобы владѣтель и по достиженіи совершеннолѣтія не имѣлъ уже ни основанія, ни интереса вступать въ личное управленіе этою страною и такимъ образомъ окончательно отказался отъ нея, предпочитая спокойно получать хорошее содержаніе отъ государства,—составляли государственную тайну, которая извѣстна была только государю и Буткову и которую князь не имѣлъ права обнаруживать предъ кавказскимъ комитетомъ, и что поэтому на немъ, Владимірѣ Петровичѣ Бутковѣ, лежитъ отвѣтственность за то, что основанія эти поколеблены послѣднимъ постановленіемъ кавказскаго комитета. Какъ ни мало основателенъ былъ и этотъ взглядъ, но я предпочелъ отложить дальнѣйшіе споры до времени и тотчасъ приняться за работу, рѣшившись допустить въ ней одинъ только, такъ сказать, запахъ этого несправедливаго взгляда, да и тотъ уничтожить при послѣдующихъ объясненіяхъ съ княземъ. Это мнѣ удалось.

Въ теченіе утра я набросалъ проектъ всеподданнѣйшаго рапорта князя къ государю, гдѣ изложилъ планъ, какъ все устроить, т. е., чтобы и высочайше утвержденное постановленіе кавказскаго комитета считалось исполненнымъ и въ то же время политическія основанія князя остались безъ нарушенія. Я выше уже излагалъ сущность дѣла; здѣсь неизлишне припомнить, что постановленіемъ комитета предоставлялось владѣтелю собирать съ мингрельцевъ различные сборы, которые принадлежали ему, какъ владѣтелю страны, и такимъ

образомъ установлялись снова постоянныя сношенія его, или его представителей, съ народомъ, сношенія, которыя князь считалъ необходимымъ, для вышеизложенныхъ политическихъ цѣлей, совершенно прервать. Эту, сколько могу припомнить, самую щекотливую статью я предлагалъ разрѣшить оцѣнкою принадлежащихъ владѣтелю сборовъ и, устранивъ прямыя его сношенія съ страной, назначить ему соотвѣтственное за эти сборы вознагражденіе изъ государственнаго казначейства.

На другой день, когда я пришелъ къ князю, онъ уже дѣйствительно успѣлъ придумать два, три, впрочемъ, совершенно не значительныя измѣненія. Нисколько не придавая значенія этимъ измѣненіямъ, я остановилъ вниманіе князя на той неблагопріятной тѣни, которую наше сочиненіе набрасываетъ на Владиміра Петровича Буткова. „Припомните, ваше сіятельство“, говорилъ я, „какъ всегда вы были довольны имъ; какъ всегда онъ усердно служилъ вамъ во всѣхъ дѣлахъ!“ „Мало-ли что!“ возражалъ князь, „когда служилъ, я и былъ ему благодаренъ; а когда пошелъ противъ меня, то и мнѣ церемониться нечего“... На дальнѣйшіе мои протесты князь отвѣчалъ: „да вѣдь онъ самъ пріѣдетъ сюда. Посмотримъ, какъ будетъ вести себя, и всегда успѣемъ исправить или исключить то, что до него относится“... Указанныя княземъ исправленія сдѣланы, и, казалось— дѣло кончено, но я зналъ уже, что далеко не кончено, а только начинается. И дѣйствительно, какъ я говорилъ уже, въ продолженіе недѣли или двухъ, мы только и дѣлали, что измѣняли и исправляли бумагу, несмотря на то, что она сразу привела князя въ восхищеніе. Положительно случалось такъ, что сегодня, напр., одну какую-нибудь фразу мы замѣняли другою, на завтра эта другая фраза уничтожалась и замѣнялась опять прежнею. Наконецъ, эти безконечныя перемѣны и перестановки надоѣли мнѣ страшнѣйшимъ образомъ, потому особенно, что я какъ-то не умѣлъ найти въ Дрезденѣ хорошаго русскаго писца и потому долженъ былъ собственноручно переписывать перемаранные листы для того, чтобы завтра снова ихъ исправлять и перемарывать. Чувство скуки и досады, которое естественно возбуждалось во мнѣ этимъ „толченіемъ воды“, этимъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее я, не церемонясь, высказывалъ „другу“ князя, Зиновьеву, а отъ него, какъ и можно было ожидать, оно доведено до свѣдѣнія самого князя. Какъ-то утромъ, когда мы снова придумывали, какъ бы замѣнить одну фразу другой, князь самъ сказалъ: „не правда ли, со мной трудно работать?“ Я рѣшительно отвѣчалъ: „правда, ваше сіятельство! но хуже всего то, что вы сами себя слишкомъ утомляете, едва-ли не напрасно. Результаты далеко не соотвѣтствуютъ вашимъ личнымъ трудамъ. Тотъ, кто бу-

деть читать бумагу, никогда не пойметь того различія одной фразы оть другой, надъ которыми ваше сіятельство сосредоточиваете столько заботъ...“ „Ну ужъ, что дѣлать?“ уклончиво отвѣчалъ князь: „быть можетъ, это и правда, но ужъ у меня такая натура. Пожалуйста, извините меня!“ Но долго ли, коротко ли, всѣ эти передѣлки кончились. Между тѣмъ въ Дрезденъ прибыло одно довольно ничтожное существо греческаго происхожденія изъ числа состоящихъ при князѣ, съ своей красавицей женой, на которой онъ, какъ злые языки утверждали, и женился для того, чтобы быть пріятнѣе князю и пріобрѣтать болѣе служебныхъ благъ всякаго рода. Его-то мы и запрягли переписывать наше произведеніе. Когда и эта операція кончилась, князь, вооруженный изготовленной бумагой, сталъ ожидать пріѣзда Буткова.

Чтобъ не прерывать разсказа, я здѣсь же скажу, что, когда наступилъ этотъ ожидаемый моментъ, и князь и Бутковъ, можно безошибочно сказать, не были чужды нѣкоторыхъ волненій. Пріѣхавъ въ Дрезденъ, остановившись въ Hotel de Saxe, Бутковъ спросилъ меня запиской: „когда онъ можетъ представиться князю?“ Я представилъ эту записку князю, и онъ отвѣчалъ: „когда хотите, хоть сейчасъ!“ Я предполагалъ лично доставить этотъ отвѣтъ Владиміру Петровичу, потому что гостиница, гдѣ онъ остановился, была только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей гостиницы; но князь положительно мнѣ это запретилъ, поручивъ увѣдомить его письменно. Часовъ въ одиннадцать Владиміръ Петровичъ весьма эффектно подкатилъ къ нашей гостиницѣ въ прекрасномъ экипажѣ, на прекрасныхъ лошадяхъ гостиницы Hotel de Saxe. Вся наша маленькая свита съ любопытствомъ слѣдила за его появленіемъ. Всѣ ожидали, что непремѣнно произойдетъ интересное столкновеніе у него съ княземъ. Къ величайшему сожалѣнію, никто изъ насъ, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ быть свидѣтелемъ этого интереснаго свиданія, и потому мы должны были, хоть и не совсѣмъ честно, немножко по-школярному, поручить камердинеру князя замѣтить въ особенности, какъ они встрѣтятся, и потомъ обстоятельно донести намъ. Изъ донесенія этого оказалось, что Владиміръ Петровичъ, съ обычнымъ шумомъ и беззаботностью, на этотъ разъ, вѣроятно, и искусственною, влетѣлъ въ кабинетъ князя и, какъ всегда, приближался къ нему съ распростертыми объятіями, готовясь обниматься и цѣловаться. Но князь отстранилъ эти объятія и серьезно спросилъ Буткова:

— Прежде всего скажите, Владиміръ Петровичъ, какъ мы теперь встрѣчаемся: старыми друзьями или врагами? Вопросъ этотъ значительно смутилъ Владиміра Петровича. Само собою разумѣется, что онъ сталъ увѣрять, до какой степени его изумляетъ и огорчаетъ

такое сомнѣніе, однимъ словомъ, доказывать, что онъ никогда не мѣнялся, всегда былъ и остается преданнымъ князю человѣкомъ.

Утреннее свиданіе ихъ не было продолжительно. Отъ князя Владиміръ Петровичъ зашелъ прямо ко мнѣ; отъ меня мы вмѣстѣ отправились вверхъ къ Харитонову; держалъ онъ себя, по обычаю, весело, какъ ни въ чемъ не бывало, сыпалъ остротами, тоже по обычаю, довольно свободными и заключилъ свиданіе съ нами условіемъ обѣдать вмѣстѣ, кажется, въ вокзалѣ Брюллевской террасы; хорошо не помню; помню только, что именно на этой террасѣ и въ самый день пріѣзда, гуляя со мной послѣ обѣда, когда я разсказывалъ ему наши мученія съ Мингрельскимъ дѣломъ, Владиміръ Петровичъ нѣсколько разъ повторилъ въ отношеніи князя: „Деспотъ! величайшій деспотъ“.

Замѣтно было, что свиданіе ихъ, какія бы внѣшнія формы ни облекали его, неминуемо оставитъ глубокіе и непріятные слѣды въ душѣ Владиміра Петровича. Часовъ въ 6 онъ, согласно условію, снова отправился къ князю и оставался у него цѣлый вечеръ. Когда уѣхалъ Бутковъ, князь потребовалъ меня. Онъ лежалъ въ постели; на лицѣ его играла самодовольная улыбка. При моемъ появленіи князь весело сказалъ:

— Ну, батюшка, совершилось знаменитое свиданіе!

Я спросилъ, доволенъ ли князь результатомъ.

— Ничего, отвѣчалъ князь, я читалъ ему нашу бумагу, разумѣется, за исключеніемъ того, что до него касается. Онъ хвалитъ и обѣщаетъ поддерживать, если дѣло поступитъ опять въ кавказскій комитетъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ молчанія князь прибавилъ: „относительно Кипіани онъ сказалъ, что онъ не долженъ оставаться на службѣ“.

Надо замѣтить, какъ я и выше говорилъ, кажется, въ біографіи Кипіани, что все это дѣло загорѣлось отъ него. Въ качествѣ представителя опекунши надъ малолѣтнимъ владѣтелемъ, т. е. матери его княгини Екатерины Александровны Дадьянъ, Кипіани не поладилъ какъ-то съ мѣстнымъ нашимъ управленіемъ въ Мингреліи. Споры, сначала незначительные, разгорались болѣе и болѣе и, наконецъ, перешли въ Петербургъ, куда переѣхалъ и самъ Кипіани. Ловкая, умная и, главное, красивая княгиня Дадьянъ была въ рукахъ его сильнымъ и могущественнымъ средствомъ. Она путешествовала по дворцамъ и пріемнымъ министровъ и трогательнымъ голосомъ, поддерживаемымъ выразительными грузинскими глазами, разсказывала свои бѣдствія и несправедливости, сдѣланныя ей кавказскимъ начальствомъ. Ея разсказы и въ то же время краснорѣчивыя прошенія

и записки, изготовляемыя искуснымъ перомъ Кипіани и всюду разсылаемыя, имѣли тотъ результатъ, что дѣло рѣшено вопреки предположеній и политическихъ цѣлей князя. Однимъ словомъ, смыслъ былъ тотъ, что Кипіани, чиновникъ князя, дерзнулъ вступить съ нимъ въ борьбу и одержалъ побѣду. Поэтому я сильно удивлялся, что, когда мы работали и спорили съ княземъ, у него не вырвалось ни одного непріязненнаго слова въ отношеніи Кипіани, и я часто недоумѣвалъ, что это значитъ? Занятый предстоящей борьбой съ цѣлымъ кавказскимъ комитетомъ, презираетъ ли онъ эту, по отношенію къ нему, „козявку?" думалъ я, или держится своего правила отвергать всякое мщеніе? Какъ бы то ни было, но я, лично, очень доволенъ былъ, что князь не останавливаетъ своего вниманія на дѣйствіяхъ этого господина, ибо въ такомъ случаѣ и на мою долю неминуемо досталось бы кое-что, такъ какъ я преимущественно развивалъ прелестныя послѣдствія, которыя принесетъ и Мингреліи, съ одной стороны, и кавказскому начальству, съ другой, назначеніе именно Кипіани представителемъ опеки надъ малолѣтнимъ владѣтелемъ. Но теперь я еще болѣе былъ удивленъ, когда князь передалъ мнѣ замѣчаніе Буткова, что Кипіани не должно оставлять не только представителемъ опеки, но даже и на службѣ. Это замѣчаніе показало, что дѣйствія Кипіани были предметомъ обсужденія между княземъ и Бутковымъ и, стало быть, не остались незамѣченными, какъ я предполагалъ, со стороны князя. Во всякомъ случаѣ я думалъ, что, передавая мнѣ мнѣніе Владиміра Петровича, князь хотѣлъ показать мнѣ свое великодушіе: „вотъ, дескать, Бутковъ полагаетъ, что этого господина надобно выгнать, а я его щажу". Но послѣдствія показали не то: князь дѣйствительно потребовалъ и потребовалъ настоятельно увольненія Кипіани и хотя красивая княгиня Дадьянъ, какъ слышно было, становилась на колѣни предъ нимъ, защищая своего вѣрнаго слугу, однакожъ, не успѣла измѣнить рѣшенія князя, и Кипіани дѣйствительно былъ уволенъ.

На другой день Бутковъ опять все утро провелъ у князя. Я не могу припомнить положительно, два или три дня провелъ онъ въ Дрезденѣ; только весьма немного, помню, что мы, какъ я сказалъ уже, гуляли съ нимъ по Брюллевской террасѣ; помню, что мы ѣздили съ нимъ по окрестностямъ Дрездена; помню, наконецъ, что въ день своего отъѣзда онъ задалъ намъ великолѣпный обѣдъ, за которымъ мы торжественно, хотя и фальшиво, распрощались съ нимъ. Поѣздъ, съ которымъ онъ отправлялся, отходилъ часовъ въ 6 или 7, и потому мы условились, простившись съ нимъ въ его помѣщеніи, сдѣлать ему сюрпризъ нашимъ появленіемъ въ цѣломъ составѣ на станціи желѣзной дороги. Такъ все и сдѣлано было. Веселый, до-

вольный Владиміръ Петровичъ снова распростился съ нами и покатилъ въ Парижъ и другія веселыя мѣста, гдѣ уже не преслѣдовали его ни мингрельскія и никакія другія дѣла...

Мингрельское дѣло было, такъ сказать, капитальнымъ нашимъ дѣломъ; но кругомъ его группировалось множество второстепенныхъ дѣлишекъ, такъ что я долженъ былъ безпрерывно перебрасываться письмами и телеграммами, то съ Милютинымъ, то съ Бутковымъ, когда онъ былъ еще въ Петербургѣ, то съ Кр—мъ. Неизлишне замѣтить, что скоро по моемъ пріѣздѣ, князь показалъ мнѣ свое мнѣніе, которое онъ отправилъ уже въ Петербургъ, по дѣлу о возмущеніи казаковъ. Мнѣніе это они сочиняли вдвоемъ съ однимъ изъ племянниковъ князя, молодымъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, то есть сочиняли такимъ образомъ, что князь диктовалъ, а Орловъ-Давыдовъ писалъ. Разумѣется, слогъ былъ ужасенъ, а сущность, къ удивленію, состояла въ томъ, что графъ Евдокимовъ обвинялся и княземъ въ своихъ распоряженіяхъ, и потому предлагалось, чтобы высочайшимъ рескриптомъ ему сдѣлано было замѣчаніе, а казакамъ даны были при переселеніи новыя права и преимущества. Такое предположеніе такъ было несоотвѣтственно съ тѣмъ, что говорилъ мнѣ Евдокимовъ и что я передалъ князю, что я не могъ не выразить князю своего опасенія, что все это глубоко оскорбитъ заслуженнаго старика и, быть можетъ, заставитъ его оставить службу. На это князь какъ-то уклончиво и неопредѣленно отвѣчалъ: „ну, что жъ было дѣлать?..“ Едва-ли нужно говорить, что въ Петербургѣ поступили совершенно по мнѣнію князя.

Потомъ однажды утромъ, еще до пріѣзда Владиміра Петровича въ Дрезденъ, князь сказалъ мнѣ:

— На моей совѣсти лежитъ много личныхъ дѣлъ; помогите мнѣ свалить эту обузу. Вѣдь вы знаете, что я предполагалъ быть прежде въ Петербургѣ и видѣться съ государемъ. Если бы это состоялось, я бы разомъ покончилъ со всѣми просьбами, которыя на меня навалили; а теперь, когда я буду въ Петербургѣ и увижу государя, Богъ знаетъ! Между тѣмъ всѣ эти господа ждутъ. Вотъ у меня какой длинный списокъ... Надобно все это свалить на Милютина и Буткова...

Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ читать вполголоса, какъ будто про себя, списокъ господъ, испрашивающихъ разныхъ благъ и милостей, и при этомъ не оставилъ подпустить коварнѣйшей и тончайшей штуки слѣдующаго содержанія: продолжая пробѣгать имена, значащіяся въ спискѣ, онъ произносилъ: „Дюкруаси, Мухранскій, Инсарскій... ну, объ этомъ я самъ буду просить государя...“ Я молчаливо наклонился въ знакъ безпредѣльной моей благодарности. Потомъ, раздѣливъ статскихъ отъ военныхъ, князь сталъ мнѣ объяснять, что

нужно писать Милютину о военныхъ, а въ заключеніе, отдавая мнѣ списокъ, онъ прибавилъ: „Просьбы статскихъ вамъ извѣстны. О нихъ напишите Буткову“.

Я замѣтилъ князю, что такъ какъ Бутковъ скоро долженъ быть въ Дрезденѣ, то, казалось бы, переговоры объ этихъ личностяхъ лучше отложить до предстоящаго личнаго съ нимъ свиданія. Мысль эта рѣшительно не понравилась князю.

— Помилуйте, Василій Антоновичъ! вскричалъ онъ,—вѣдь здѣсь дѣло идетъ о судьбѣ этихъ господъ, рѣшенія которой они ждутъ со дня на день. Какъ же тутъ откладывать! Пишите, Бога ради, пишите скорѣе. Бутковъ радъ будетъ привезти хорошій отвѣтъ, чтобъ помириться со мной, и для этого поспѣшитъ обдѣлать всѣ эти дѣла до своего отъѣзда изъ С.-Петербурга. Да и государь теперь скорѣе утвердитъ мои представленія, зная, что я не совсѣмъ доволенъ...

Я съ удовольствіемъ выслушалъ этотъ энергическій протестъ, видя въ немъ такую заботливость о людяхъ, ему подчиненныхъ. Письмо Буткову вышло весьма пространное. Всего содержанія его я уже не помню; помню только, что Дюкруаси, какъ знатокъ, по его собственному убѣжденію, финансоваго дѣла, просилъ мѣсто члена совѣта министра финансовъ, а князь Мухранскій, какъ юристъ, просилъ перемѣстить его въ консультацію министра юстиціи. Само собою разумѣется, что оба они просили сохранить имъ кавказское ихъ содержаніе, въ чемъ и заключался самый главный камень преткновенія. Въ этомъ же письмѣ помѣщена была просьба старика Фадѣева, въ которой онъ ходатайствовалъ объ обезпеченіи, въ случаѣ его смерти, незамужней его дочери. Письмо, наскоро набросанное и не читанное княземъ, отправлено въ Петербургъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы оно не только застало тамъ Владиміра Петровича, но чтобы онъ успѣлъ обработать всѣ дѣла, въ немъ изложенныя, до своего отъѣзда. Увы! разсчеты наши рѣшительно не оправдались! Бутковъ, пріѣхавъ въ Дрезденъ, просто на просто объявилъ, что не получилъ этого письма, что было рѣшительной неправдой, потому что онъ привезъ отвѣты на нѣкоторыя другія письма, значительно позже къ нему отправленныя. Не раздѣлялъ ли онъ тѣхъ ходатайствъ и предположеній, которыя заключались въ письмѣ князя, считалъ ли онъ обременительнымъ для себя заняться ими при своемъ отъѣздѣ,—не извѣстно; видно было только, что отзывъ его о неполученіи письма сшитъ былъ „бѣлыми нитками“ и, само собою разумѣется, что князь первый не повѣрилъ ему, хотя и не высказалъ этого невѣрія самому Буткову.

Послѣ дрезденскаго свиданія, доставившаго столь мало пріятнаго для Владиміра Петровича, еще менѣе можно было ожидать, чтобы

онъ приложилъ потомъ, въ отношеніи этого письма, то энергическое участіе, какое онъ проявлялъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно желалъ сдѣлать дѣло. Вопросы о Дюкруаси и князѣ Мухранскомъ онъ передалъ рутиннымъ порядкомъ, по принадлежности, министрамъ финансовъ и юстиціи, и тѣ, разумѣется, воздвигли стѣны препятствій. Въ особенности они напирали на тѣ оклады содержанія, которые эти господа желали сохранить, и говорили, что такихъ окладовъ не существуетъ въ Петербургѣ и сохраненіе ихъ, для этихъ лицъ, произведетъ скандалъ между новыми ихъ товарищами. Такъ это дѣло и погибло. Спасся только отъ крушенія и гибели старикъ Фадѣевъ съ своею просьбою о дочери, получившею какое-то удовлетвореніе...

Съ письмомъ Милютину, которое приняло громаднѣйшіе размѣры, произошли двѣ комедіи. Одна изъ нихъ состояла въ слѣдующемъ: не помню, говорилъ ли я, что, при моемъ отъѣздѣ изъ С.-Петербурга въ Дрезденъ, Милютинъ далъ мнѣ письмо князю, которое, разумѣется, я и доставилъ по принадлежности. Поэтому наше письмо началось чѣмъ-то въ этомъ родѣ: „Письмо ваше, присланное съ г. Инсарскимъ, я получилъ"... Просматривая заготовленный мною проектъ, князь вскричалъ:

„Зачѣмъ г. Инсарскій? Пишите: Василій Антоновичъ! Инсарскихъ много, а Василій Антоновичъ одинъ и единственный! Разумѣется, Милютинъ будетъ подлинникомъ читать мое письмо государю. Пусть и государь знаетъ, что мой старый другъ—Василій Антоновичъ!" Такъ и было сдѣлано, хотя я рѣшительно не видѣлъ, съ своей стороны, ни цѣли, ни пользы, что государь узнаетъ, что меня, Инсарскаго, зовутъ Василіемъ Антоновичемъ. Мнѣ даже показалось какъ-то смутно, что этою любезностью князь уподобилъ меня нѣкоторымъ образомъ Гоголевскому Добчинскому, или Бобчинскому, который такъ усердно желалъ, чтобы государь непремѣнно узналъ о его существованіи...

Другая комедія, которая заставляла хохотать многихъ, кому я разсказывалъ ее впослѣдствіи, была слѣдующаго рода. Письмо касалось множества важныхъ лицъ, изъ которыхъ однихъ князь предполагалъ назначить на новыя мѣста, другихъ перевезти, а третьихъ наградить. Всѣ эти лица хорошо были извѣстны Милютину по прежней должности начальника главнаго штаба кавказской арміи и во всякомъ случаѣ гораздо лучше, нежели мнѣ. Поэтому, начиная говорить о какой-либо личности, я предпосылалъ иногда слѣдующія слова: „Вамъ извѣстно и т. д." Само собою разумѣется, что такіе пріемы изрѣдка только были разбросаны по всему письму, такъ, чтобы они не были замѣтны между другими періодами, начинавшимися другими словами. Случилось такъ, что князь, слушая проектъ, оста-

новился на одномъ изъ первыхъ періодовъ, именно начинавшемся другими словами. Подумавъ съ минуту, князь сказалъ: „нѣтъ! Вы лучше начните такъ: вамъ извѣстно, что генералъ и т. д.“ Я сдѣлалъ указанныя исправленія и подозрительно посматривалъ на слѣдующій періодъ, который именно начинался у меня словами: „Вамъ извѣстно“... Ну, думаю, потомъ замѣню эти слова другими... Когда періодъ, остановившій на себѣ вниманіе князя, былъ исправленъ, князь сказалъ: „прочитайте-ка еще разъ!“ Я началъ: „вамъ извѣстно и т. д.“ Когда я кончилъ, князь сказалъ: „прекрасно! Читайте дальше!“ Я опять началъ: „вамъ извѣстно“... „Помилуйте, Василій Антоновичъ!“ вскричалъ князь „что это такое? Все—вамъ извѣстно, да вамъ извѣстно! Нельзя же всю бумагу начинать этими: „вамъ извѣстно!“ Князь былъ очень удивленъ, когда замѣтилъ, что этотъ протестъ, который онъ, конечно, находилъ и дѣльнымъ, и серьезнымъ, произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я съ величайшимъ трудомъ удерживался, чтобы не засмѣяться. Князь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: „Что вамъ тутъ смѣшнаго?“ Я объяснилъ ему невольное столкновеніе этихъ знаменитыхъ „вамъ извѣстно“, и онъ весело сказалъ: „ну, такъ исправьте, какъ знаете“.

Что въ князѣ, на мои глаза, по крайней мѣрѣ, имѣло особенную прелесть—это соединеніе страшнаго величія вельможи и сановника съ какою-то чисто юношескою, офицерскою наивностью. Изъ дрезденской нашей жизни припоминаю одну черту, сюда относящуюся. Скоро послѣ моего пріѣзда туда князь, столь деликатный по части денежной, съ нѣкоторою краскою въ лицѣ, сказалъ мнѣ:

— Василій Антоновичъ! Вы, пожалуйста, записывайте все, что вы здѣсь тратите. Всѣ расходы ваши, разумѣется, должны относиться на мой счетъ.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на князя. Эти слова и нѣкоторое волненіе князя, отражавшееся на его прекрасномъ лицѣ, ясно говорили мнѣ, что, выписавъ меня въ Дрезденъ, онъ не знаетъ, какъ установить и рѣшить финансовую сторону этой поѣздки. Я отвѣчалъ неопредѣленно: „Очень хорошо!“ потомъ прибавилъ:

— Только я не знаю, почему мои расходы должны падать на собственный вашъ счетъ. Я выписанъ вами по дѣламъ службы и, кажется, казна должна дать мнѣ, что слѣдуетъ по закону.

— Да, да! И въ самомъ дѣлѣ! Ваша правда! съ видимымъ удовольствіемъ вскричалъ князь.

— И прекрасно! Ахъ, я очень радъ! Вы представить не можете, какъ я бѣденъ! Мнѣ такъ мало дали на дорогу, всего 10 т. р. А сколько стоитъ мнѣ одинъ Тромповскій? У меня ужъ остается очень мало! Прекрасно.

Я продолжалъ:—Алексѣй Александровичъ Харитоновъ (считавшійся и въ это время главнымъ нашимъ финансистомъ) представитъ вашему сіятельству оффиціальный докладъ по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что онъ самъ находится въ положеніи, подобномъ моему.

Надо замѣтить, что Харитоновъ, какъ великій кавказскій финансистъ, долженъ былъ отправиться изъ Дрездена въ Парижъ и Лондонъ для пріисканія капиталовъ на сооруженіе Кавказской желѣзной дороги.

— Прекрасно, прекрасно! повторялъ князь,—я очень радъ. Скажите Харитонову, чтобъ представилъ докладъ. Сколько онъ тамъ себѣ выведетъ, столько я и вамъ назначу.

Видимо было, что князь былъ чрезвычайно доволенъ, какъ будто у него гора съ плечъ свалилась.

Между тѣмъ бѣдный Тромповскій, который дѣйствительно стоилъ копѣйку князю, видимо угасалъ. Никакія медицинскія средства не дѣйствовали, и самъ Вальтеръ объявилъ князю, что положеніе его безнадежно. Князь, хотя по-прежнему безногій, рѣшился посѣтить больнаго и взглянуть на него въ послѣдній разъ. Я очень хорошо помню день, когда князя понесли два сильныхъ человѣка, на какихъ-то носилкахъ изъ его помѣщенія въ помѣщеніе Тромповскаго. Подробности этого свиданія передавалъ мнѣ самъ князь. Тромповскій, взглянувъ на князя, заплакалъ. Князь очень хорошо зналъ, что завѣтною мечтою Тромповскаго всегда было: достигнуть чина генерала, имѣть пенсію въ 3 т. р. и провести остатокъ жизни на родинѣ, гдѣ-то въ Лифляндіи. И чинъ и пенсія у него были; но онъ, скромный, деликатный, не смѣлъ произнести предъ княземъ просьбы объ удаленіи на родину, быть можетъ, подавляемый тѣми же художественными пріемами князя душить всякія просьбы, которые я на себѣ испыталъ. Князь видѣлъ, что теперь удерживать его уже нечего и, по его словамъ, самъ началъ къ нему такую рѣчь:

— Послушайте, Тромповскій! Вы не ребенокъ, и потому я не буду скрывать отъ васъ, что ваша болѣзнь очень серьезна. Нечего думать ни о Кавказѣ, ни о службѣ. Вамъ надо ѣхать на родину и стараться укрѣпить ваше здоровье. Мнѣ тяжело съ вами разстаться, вы это знаете, но вы также знаете, что я васъ всегда приму, какъ друга, если, Богъ дастъ, поправитесь и пріѣдете ко мнѣ.

Восторгъ Тромповскаго отъ этого дозволенія былъ безпредѣленъ, онъ горячо благодарилъ князя, а потомъ, какъ только онъ удалился, пригласилъ къ себѣ Зиновьева и вручилъ ему всѣ нужныя бумаги, вмѣстѣ съ форменной просьбой, относительно его увольненія отъ службы. Оказалось, что бумаги эти онъ давно и постоянно возилъ съ собою, выжидая случая высказать князю свое желаніе. Къ сожалѣнію,

случай этотъ представился слишкомъ поздно... Радость Тромповскаго была такъ велика, что, казалось, онъ ожилъ и сталъ поправляться; но это оживленіе было искусственно и кратковременно, потомъ дѣло пошло хуже и хуже, такъ что, въ виду неминуемой катастрофы, признано было нужнымъ вызвать изъ Лифляндіи брата Тромповскаго, какого-то статскаго господина, который и прибылъ въ Дрезденъ въ день моего оттуда отъѣзда.

Неизлишне было бы сказать что-нибудь о лѣченіи самого князя, да я не знаю, что сказать? Бонтонный Вальтеръ въ великолѣпномъ экипажѣ ежедневно пріѣзжалъ въ полдень къ князю, бесѣдовалъ съ нимъ и уѣзжалъ. Часто я присутствовалъ при этихъ бесѣдахъ, но мало понималъ ихъ, потому что они происходили большею частью на нѣмецкомъ языкѣ. Я зналъ, что князь принималъ какія-то ванны; зналъ, что больную ногу его лѣчатъ электричествомъ, на которое князь особенно мнѣ жаловался.

— Чортъ знаетъ, что за гадость! говорилъ онъ,—приложатъ какую-то штуку къ плечу, а пальцы на ногѣ начинаютъ шевелиться. Точно надъ мертвымъ дѣлаютъ опыты. Пренепріятно!

Впрочемъ, болѣзненное положеніе князя только и выражалось тѣмъ, что онъ постоянно лежалъ; но было ли это дѣйствительнымъ свидѣтельствомъ его болѣзни—это одинъ Аллахъ, да самъ князь знаютъ! За исключеніемъ этого лежанья, общее положеніе его было весьма удовлетворительно: всегда или большею частью онъ былъ веселъ и, сколько извѣстно было, прекрасно ѣлъ и спалъ...

Тотъ, кто будетъ читать эти записки (если таковые найдутся), имѣетъ полное право замѣтить: „Боже мой! какая скука! Только и толкуетъ о дѣлахъ. Видно, что чиновникъ! Разсказалъ бы лучше о романическихъ похожденіяхъ князя. Гдѣ Лиза? Что съ ней?" Позвольте, позвольте! Вполнѣ сознаю справедливость этого замѣчанія; да бѣда въ томъ, что я чрезвычайно слабъ въ этомъ отношеніи и никакихъ интересныхъ матеріаловъ по этой части не имѣю. Можно бы, конечно, и присочинить кое-что, въ видахъ увеличенія интереса моихъ разсказовъ, но ужъ извините—это рѣшительно не по моей части. Худы ли, хороши ли, скучны или веселы они, я не знаю; но за то ручаюсь, что въ нихъ нѣтъ ни одного слова неправды, разумѣется, намѣренной. Весьма можетъ быть, что гдѣ-нибудь, особенно по части военныхъ дѣлъ и лицъ, я что-нибудь и понапуталъ, но это могло быть прегрѣшеніемъ рѣшительно невольнымъ, въ которомъ и прошу извинить, именно во вниманіи ненамѣренности.

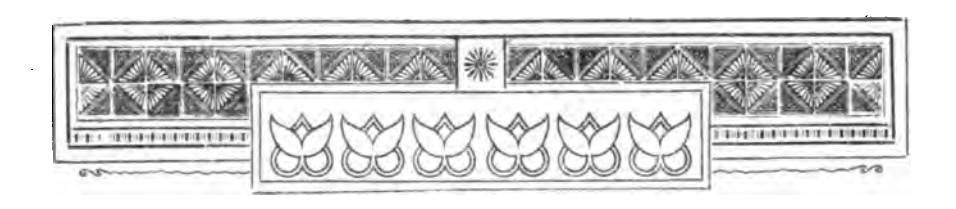
Впослѣдствіи, значительное время спустя, камердинеръ князя говорилъ моему камердинеру, что, во время пребыванія нашего въ Дрезденѣ, Д—а была тоже тамъ. По разнымъ признакамъ это пред-

ставляется весьма вѣроятнымъ; но правда это или нѣтъ—я положительно утверждать не могу. Однимъ изъ этихъ признаковъ можно считать то, что князь почти ежедневно совершалъ весьма продолжительныя прогулки въ экипажѣ. Часа въ два обыкновенно являлась на дворѣ гостиницы одна и та же коляска и становилась у подъѣзда князя. Князя кое-какъ выводили или выносили изъ его комнатъ и помѣщали въ коляску. Съ нимъ постоянно садился Зиновьевъ, и они отправлялись—куда? неизвѣстно. Возвращались они обыкновенно къ обѣду, такъ что отсутствіе ихъ продолжалось обыкновенно часа три или четыре. Если принять во вниманіе, что постоянно кататься все это время нелѣпо и что князь, при его болѣзни въ ногахъ, не могъ удѣлять часть этого времени на прогулку пѣшкомъ, можно предположить, что они дѣйствительно заѣзжали въ какое-нибудь пріятное мѣсто; но было ли это поэтическое обиталище таинственной Л. или другой какой-нибудь пріютъ,—этотъ вопросъ оставался и остается для меня лично покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Припоминаю, впрочемъ, что по поводу этихъ поѣздокъ говорили тогда, что князю понравилась какая-то дача, которую онъ и хочетъ нанять для себя и потому внимательно ее осматриваетъ. Припоминаю также, что Зиновьевъ съ злыми насмѣшками разсказывалъ о письмѣ Д—а, полученномъ въ это время или нѣсколько ранѣе княземъ, въ которомъ Д—въ требовалъ или умолялъ князя открыть убѣжище его жены и на которое князь, по словамъ Зиновьева, отвѣчалъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Кажется, эта именно переписка и завязала дѣло о дуэли, состоявшейся потомъ. Болѣе я ничего не знаю.

Вслѣдствіе несомнѣнныхъ признаковъ геніальности, большихъ причудъ и странностей, любви къ женщинамъ и, наконецъ, физической красоты—нѣкоторые кавказцы называли князя „Алкивіадомъ". Въ какой степени сравненіе это вѣрно—я не знаю; но вся исторія его съ Д—й. несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о его величайшемъ искусствѣ вести романическія дѣла. Я уже не говорю ни о планѣ поѣздки за границу, предложенномъ имъ мужу, ни о планѣ похищенія на дорогѣ Л.—все это понятно и возможно; но укрыть предметъ своего обожанія такимъ образомъ, что въ теченіе, кажется, двухъ или трехъ лѣтъ постоянные и самые энергическіе поиски, предпринятые какъ со стороны покинутаго мужа, такъ и со стороны нѣжныхъ родителей Л., не могли открыть ея убѣжища—это уже кажется просто невозможнымъ и непонятнымъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

VI [1]).

Командировка войскъ для подавленія возстанія. — Юго-западная граница. — Формированіе пограничнаго баталіона.—Недостатки организаціи войска, обнаружившіеся благодаря возстанію.—Учрежденіе должности товарища военнаго министра.—Графъ Кевенгюллеръ и его противодѣйствіе моей дѣятельности.—Рѣшеніе мое ѣхать въ Россію для личнаго доклада о болгарскомъ войскѣ и положеніи дѣлъ въ княжествѣ, насколько это положеніе касалось войска и меня.

На военномъ положеніи были объявлены всѣ мѣстности восточной Болгаріи, ограничивая ихъ линіей, приблизительно, отъ Рущука на Тырновъ; имѣя же въ виду быстро и энергично водворить порядокъ, оборвать возстаніе въ самомъ началѣ, пришлось двинуть въ этотъ районъ войска и изъ другихъ мѣстностей, не объявленныхъ на военномъ положеніи. Необходимость оставить часть дружинъ въ мѣстахъ постояннаго ихъ квартированія для несенія гарнизонной службы, охраны правительственныхъ учрежденій и складовъ, привела къ дробленію дружинъ и командированію ихъ не цѣликомъ, въ полномъ составѣ, а по нѣсколько ротъ отъ каждой дружины и при томъ въ разные пункты, возлагая на нихъ дѣйствія самостоятельныя; эта посылка частей дружинъ, при необходимости сосредоточить сразу большія силы, въ свою очередь, вызвала необходимость тронуть войска изъ другихъ военныхъ отдѣловъ.

Въ юго-западномъ углу княжества, по границѣ Македоніи, было тоже неблагополучно, но тамъ характеръ былъ другой. Болгарское населеніе Македоніи, бывшее всегда болѣе воинственнымъ, чѣмъ населеніе сѣверной, придунайской Болгаріи, образовало, во время

---

[1]) См. „Русскую Старину" январь 1906 г.

войны, нѣсколько самостоятельныхъ четъ и, кромѣ того, въ дружинахъ ополченія служило много македонцевъ. Обездоленные берлинскимъ трактатомъ македонцы, вернувшись домой, не могли сразу перейти на мирное положеніе и многіе изъ нихъ примкнули къ мѣстнымъ „комитамъ", такъ что турецкія власти вынуждены были, съ своей стороны, притянуть туда войска и начались стычки, чему много способствовало то, что въ этой части граница не была еще вполнѣ точно опредѣлена. Особенно усложнилось дѣло въ Джумаѣ, гдѣ болгарское населеніе бѣжало отъ турецкихъ войскъ, а турецкое отъ македонскихъ „комитовъ". Городъ Джумая оказался совершенно пустымъ, такъ какъ командовавшій тамъ Сулейманъ-Паша не впускалъ въ городъ ни турокъ, ни христіанъ, впредь до разъясненія вопроса о границѣ. Пришлось командировать туда для разбора дѣлъ командира софійской № 1—дружины русскаго маіора Чиляева [1]), очень расторопнаго офицера, служившаго во время войны въ болгарскомъ ополченіи, заслужившаго отличную боевую репутацію и популярность въ Болгаріи. Чиляевъ предложилъ Сулейману устроить нейтральную полосу, отодвинувъ болгарскую и турецкую пограничныя стражи другъ отъ друга. Сулейманъ согласился, тишина временно водворилась, Чиляева же пришлось вернуть въ Софію, гдѣ присутствіе его, какъ командира софійской № 1 дружины, шефомъ которой провозгласилъ себя князь, было необходимо.

Кстати упомяну здѣсь о слѣдующемъ. Князю очень хотѣлось чтобы нашъ государь принялъ на себя званіе шефа этой дружины, но онъ не рѣшался самъ заявить объ этомъ, а поручилъ флигель-адъютанту полковнику Шепелеву зондировать почву. А. А. Шепелевъ понималъ, что россійскій императоръ не можетъ быть шефомъ воинской части вассальнаго государства, но, уступая настояніямъ князя, 16-го августа телеграфировалъ графу Милютину, шифромъ, слѣдующее:

„Князь сообщилъ мнѣ, что *завѣтная его мысль и желаніе народа видѣть* Государя Императора *шефомъ первой дружины*. Князь не рѣшился до сихъ поръ просить объ этомъ государя потому, что *не знаетъ какъ отнесется Его Величество къ подобной просьбѣ* при настоящемъ положеніи *Болгаріи. Князь былъ бы счастливъ провозгласить Государя Императора шефомъ 30 августа* и проситъ ваше сіятельство, не благоугодно ли будетъ Его Величеству соизволить на ходатайство о томъ. Если Государь Императоръ *не соизволитъ принять нынѣ это званіе, то князь назначитъ себя шефомъ первой дру-*

---

[1]) Бывшій конногренадеръ.

жины съ тѣмъ, чтобы непремѣнно, по *достиженіи независимости, поднести Государю Императору это званіе*".

Государь былъ въ путешествіи, и Шепелевъ получилъ 18 августа, изъ Варшавы, слѣдующую телеграмму отъ графа Милютина: „Государь Императоръ изволитъ признать неудобнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, *принять званіе* [1]), о которомъ сообщается телеграммою 16-го числа".

Отвѣтъ понятный.

Взамѣнъ Чиляева на границу Македоніи я послалъ моего адъютанта, болгарина Бендерева, выдающагося своими способностями артиллерійскаго офицера [2]). Бендеревъ представилъ мнѣ замѣчательный проектъ: принимая во вниманіе, что члены „четъ" и „комитъ", еще до освобожденія Болгаріи, вели постоянную партизанскую войну съ турецкими войсками, участвуя во всѣхъ возстаніяхъ, главнымъ же образомъ сражались въ послѣдней войнѣ и получили за нее награды отъ русскаго правительства, теперь же, по случаю замиренія, остались ни при чемъ, не имѣя пристанища и средствъ къ существованію, то образовать изъ нихъ отдѣльный пограничный батальонъ, сильнаго состава, сформировавъ его на подобіе остальныхъ дружинъ княжества, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ установленной организаціи, вызываемыми особенностями ихъ службы и кордоннаго расположенія. Мысль эта мнѣ очень понравилась, такъ какъ этимъ достигалось: увеличеніе вооруженныхъ силъ княжества на цѣлую тактическую единицу, освобожденіе регулярныхъ дружинъ отъ пограничной, кордонной службы, всегда расшатывающей дисциплину, болѣе дѣйствительная охрана границы людьми, уже привыкшими къ особенностямъ такой службы и знающими мѣстность; главнымъ же образомъ мнѣ являлась возможность сдѣлать дѣло, нѣкоторымъ образомъ патріотическое: пристроить, популярныхъ въ народѣ, борцовъ за освобожденіе. Переговоривъ съ моими коллегами по министерству, а также съ опредѣлившимися уже тогда вождями будущихъ оппозиціонныхъ партій, я получилъ увѣренность, что предстоящее народное собраніе не откажетъ мнѣ въ кредитѣ на это дѣло, и потому

---

[1]) Напечатанное курсивомъ было написано шифромъ.

[2]) Бендеревъ блистательно отличился въ сербско-болгарской войнѣ, въ сраженіи при Сливницѣ, но былъ на дурномъ счету у князя, какъ человѣкъ, вполнѣ мнѣ преданный. Во время диктатуры Стамбулова сидѣлъ въ тюрьмѣ, едва избѣгъ казни. Кончивъ курсъ въ нашей академіи генеральнаго штаба, составилъ и издалъ обширный трудъ: „Военная географія и статистика Македоніи и сосѣднихъ съ нею областей Балканскаго полуострова". Избѣгнувъ казни, Бендеревъ эмигрировалъ въ Россію и находится на службѣ въ нашихъ войскахъ.

поручилъ Бендереву разработать проектъ на мѣстѣ, обсудивъ все съ выдающимися четниками и комитами [1]).

Бендеревъ провелъ все лѣто на границѣ, устраивая это дѣло, но до осуществленія его, пограничныя регулярныя дружины изъ Самокова, Кюстендиля и Радоміра не смогли быть передвинуты на востокъ. Софія, какъ столица, резиденція князя и правительства, требовала увеличенія числа войскъ, въ ней расположенныхъ, такъ какъ одной дружинѣ было слишкомъ тяжело нести разные наряды, и я испросилъ разрѣшенія князя перевести въ Софію Тетевенскую дружину, а для усиленія войскъ на востокѣ пришлось двинуть войска изъ западнаго отдѣла.

Передвиженія войскъ въ новые пункты временнаго ихъ квартированія, командировки для подавленія возстанія, происходившія при этомъ стычки отрядовъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія съ отличными турецкими солдатами, образовавшими сильныя шайки, преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ, вполнѣ наглядно доказали мнѣ всю несостоятельность организаціи *Земскаго* войска, при народившейся потребности имѣть *армію, постоянную, подвижную* и *боевую*. Не скрою, конечно, что я былъ ревностнымъ носителемъ идеи о цѣлокупной Болгаріи и понималъ, что достигнуть этой „цѣлокупности" можно будетъ не иначе, какъ, опираясь на благоустроенную, боевую армію, а не на земское войско—милицію.

Укажу главное, что выяснилось вслѣдствіе мусульманскаго возстанія, сослужившаго, противъ воли, отличную службу болгарской арміи, которая, благодаря этому, въ неособенно отдаленномъ будущемъ, не на востокѣ, а, къ сожалѣнію, на западѣ и, къ несчастію, не при выполненіи идеи о „цѣлокупности", а наоборотъ, въ братоубійственной сербской войнѣ, проявила отличныя боевыя качества и замѣчательную подвижность.

Отчисленіе русскихъ кадровъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ значительно понизило качество болгарскихъ войскъ. Прекрасный, но молодой матерьялъ, не имѣя опытныхъ руководителей и учителей, въ стычкахъ съ турками, не всегда выдерживалъ.

Обоза въ войскахъ почти не было, а это естественно отражалось на довольствіи передвигаемыхъ частей и на снабженіи ихъ по всѣмъ отраслямъ ихъ существованія и службы.

На основаніи первоначальнаго положенія о *земскомъ* войскѣ, квартирующемъ въ своемъ округѣ, нѣкоторыхъ отпусковъ отъ казны

---

[1]) Мнѣ лично извѣстны были до войны: Панаіотъ Хитовъ, о которомъ я уже упоминалъ въ 1-й части „Изъ прошлаго", а затѣмъ, во время войны и послѣ нея: Илья воевода и воеводы Велко и Тотя.

совсѣмъ не полагалось. Такъ, солдаты жалованія не получали, теплой одежды и даже бѣлья тоже не получали. Въ дружинахъ былъ только одинъ комплектъ обмундированія, построенный еще русскими, который, понятно, истрепался совсѣмъ. Недостатокъ бѣлья привелъ къ тому, что въ частяхъ, передвинутыхъ на новыя мѣста и постоянно находившихся въ движеніи, при столкновеніи и преслѣдованіи шаекъ, развились на людяхъ насѣкомыя, а затѣмъ и накожныя, чесоточныя болѣзни.

Предположенное по окончаніи войны удешевленіе всѣхъ предметовъ довольствія и снабженія не состоялось, отпускаемыхъ 40 сантимовъ не хватало, и мнѣ пришлось, не ожидая созыва собранія, внести въ совѣтъ министровъ и на утвержденіе князя указъ о добавкѣ 10 сантимовъ на человѣка. Русскимъ правительствомъ были подарены болгарскому войску ружья системы Крнка, которыя, выдержавъ всю войну, сдѣлались уже не вполнѣ годными. Артиллерійскія орудія, дѣйствовавшія во время войны, оказались съ значительнымъ разстрѣломъ, а лафеты—потерявшими прочность. Лошади кавалеріи, купленныя у нашихъ казаковъ, а также артиллерійскія продѣлали всю кампанію, выслужили всѣ сроки и въ значительномъ числѣ оказались тоже негодными.

Не желая утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ открывшихся прорухъ и недочетовъ и отсылая интересующихся къ „Объяснительной запискѣ о дѣятельности военнаго министерства“ [1]), скажу только и при этомъ скажу не преувеличивая, а по чистой совѣсти: все указанное выше составляетъ малую часть всѣхъ недостатковъ и всего, что приходилось творить. Но не это меня пугало; главная же затруднительность моего *тогдашняго* положенія заключалась въ томъ, что я былъ одинъ!

Какъ выше сказано [2]), одинъ изъ моихъ помощниковъ, начальникъ строеваго и инспекторскаго отдѣленія министерства, очень способный капитанъ Н. И. Соловьевъ серьезно заболѣлъ и уѣхалъ на время въ Россію; отличный, способный штабъ-офицеръ, полковникъ П. А. Плеве, разработавшій „широкіе“ проекты, трудился безъ отдыха, но, понятно, только по своей части и затѣмъ тоже уѣхалъ въ отпускъ. Остались со мной, въ самомъ министерствѣ: капитанъ Ясенскій, завѣдывавшій хозяйственной частью министерства и весьма старательный штабъ-офицеръ для порученій Д. А. Каменицкій, которому я всецѣло обязанъ тѣмъ, что удалось снабдить войско бѣльемъ, мундирной одеждой и обувью. Кромѣ того, на немъ лежали всякія командировки. Я

---

[1]) Будетъ помѣщена въ концѣ „воспоминаній“.

[2]) Глава II.

же лично былъ нѣчто какъ во Франціи, въ бѣдныхъ семьяхъ, бываютъ служанки: pour tout faire [1]), въ томъ числѣ: вести текущія дѣла министерства, осматривать войска (такъ какъ въ сущности, при естественномъ главенствѣ надъ арміей князя, я олицетворялъ въ себѣ командующаго арміей), сочинять проекты переустройства арміи и быть членомъ кабинета по остальнымъ дѣламъ государства.

Такое положеніе длиться не могло; я рѣшилъ переорганизовать военное министерство и прежде всего найти себѣ помощника, на котораго я могъ бы вполнѣ положиться. Я остановился на полковникѣ генеральнаго штаба, А. К. Тимлеръ, моемъ товарищѣ по академіи и другѣ, съ которымъ списался, получилъ его согласіе и выхлопоталъ предварительное одобреніе князя, а также моихъ коллегъ, на приглашеніе его въ Болгарію, сначала для временной службы, такъ какъ установленіе новой должности, закономъ не предусмотрѣнной, требовало утвержденія народнаго собранія. На мое счастіе, имѣвъ возможность во время войны побывать во многихъ мѣстностяхъ Болгаріи и познакомиться со многими будущими дѣятелями княжества, а затѣмъ успѣвъ уже зарекомендовать себя своей работой и строгимъ соблюденіемъ законности, мнѣ удавалось очень многое, чего я, вѣроятно, не достигъ бы при отсутствіи помянутыхъ сейчасъ условій.

Помогло еще и слѣдующее. На основаніи временнаго положенія о войскѣ, существовала должность инспектора войскъ. Права и обязанности этой должности были весьма туманны и даже отношенія его къ военному министру, въ смыслѣ подчиненности, не были точно опредѣлены. Я и рѣшилъ эту должность упразднить, создавъ вмѣсто нея должность товарища министра; такая комбинація давала мнѣ возможность не испрашивать новаго кредита у народнаго собранія.

Первыя препятствія моей организаторской дѣятельности я встрѣтилъ въ представителѣ Австріи, графѣ Кевенгюллерѣ.

Отношенія мои къ этому выдающемуся дипломату были довольно оригинальны. Въ гл. IV я уже очертилъ его личность и указалъ, что это былъ злѣйшій врагъ славянства; въ Болгаріи, а потомъ въ Сербіи, ему представилось широкое поле дѣятельности и онъ не сидѣлъ сложа руки.

По образованіи кабинета, всѣ представители иностранныхъ державъ дѣлали поочередно дипломатическіе обѣды, приглашая на оные министровъ поочередно, или по нѣсколько заразъ. Понятно, что и я бывалъ на такихъ обѣдахъ, а когда въ Софію пріѣхала моя жена и мы зажили какъ слѣдуетъ семейнымъ домомъ, а не на холостую

---

[1]) На всякую потребу.

ногу, какъ я жилъ первое время, то, конечно, и мы приглашали обѣдать дипломатовъ и другихъ лицъ, занимавшихъ какіе-нибудь важные посты, или выдававшихся дѣятелей. Единственный дипломатъ, который ни разу не пригласилъ меня, былъ Кевенгюллеръ. У него бывали собранья по вечерамъ, на этихъ собраньяхъ „винтили", но я, какъ не играющій въ карты, приглашаемъ не былъ. Не будучи приглашаемъ имъ, и я, въ свою очередь, не приглашалъ его обѣдать или вечеромъ, и мы обмѣнивались только утренними визитами, при чемъ, въ общемъ, отношенія наши были строго корректныя. Во время этихъ визитовъ, понятно, затрогивались разные вопросы, касавшіеся княжества; говорили и о войскѣ. Гр. Кевенгюллеръ говорилъ мнѣ, что онъ очень внимательно слѣдитъ за моей дѣятельностью, читаетъ мои приказы, при чемъ откровенно выражалъ, въ самой вѣжливой и деликатной формѣ, несочувствіе моимъ начинаніямъ относительно переорганизаціи и упроченія арміи. Исходная точка графа была слѣдующая: княжество—государство вассальное и, вдобавокъ къ этому, находится подъ контролемъ и покровительствомъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ; изъ этого очевидно, что княжество никакой самостоятельной политики имѣть не можетъ и не должно. Къ чему же тогда армія? Страна еще въ младенчествѣ, источники доходовъ не изслѣдованы, не опредѣлены, а потому самые доходы весьма незначительны, слѣдовательно, бюджетъ княжества долженъ быть весьма ограниченъ, и во всякомъ случаѣ расходованіе поступленій должно быть направлено къ внутреннему развитію государства, а отнюдь не на армію, которая, при этихъ условіяхъ, является дорогой и ненужной игрушкой. Кевенгюллеръ осторожно намекалъ при этомъ, что мои дѣйствія идутъ въ разрѣзъ съ постановленіями Берлинскаго трактата и могутъ вызвать неудовольствіе державъ. Дойдя до этого пункта, онъ всегда очень вкрадчиво, но и ехидно, спрашивалъ: „Но, можетъ быть, вы уполномочены такъ поступать русскимъ правительствомъ, такъ какъ мнѣ извѣстно, что ваша отставка изъ русской службы фиктивна?" Кончалъ онъ всегда стереотипной фразой: „на вашемъ мѣстѣ я бы учредилъ хорошую жандармерію, для поддержанія порядка [1])".

Я не особенно спорилъ съ нимъ, отдѣлывался общими мѣстами, но велъ свою линію и, какъ-то разъ, послѣ одного разговора съ нимъ, въ которомъ онъ особенно напиралъ на то, что болгарское войско—*земское* войско, т. е. милиція, я порѣшилъ, не поднимая шума, съ словомъ „земское"—покончить. Случай скоро представился. Въ министерствѣ и въ частяхъ войскъ были израсходованы бланки для оф-

---

[1]) A votre place je ferais une bonne gendarmerie pour maintenir l'ordre.

фиціальной переписки, въ заголовкѣ которыхъ стояло: „Болгарское *земское* войско“; я приказалъ новыя бланки отпечатать безъ слова „земское“. То же приказалъ я дѣлать въ заголовкахъ и въ текстѣ, печатавшихся въ то время, разныхъ уставовъ, положеній, наставленій и т. п. для войска, равно какъ и на всѣхъ вывѣскахъ военныхъ зданій, складовъ и проч. Кевенгюллеръ злился, говорилъ, что я хочу устроить переворотъ [1]). Не будучи въ состояніи сдѣлать что-либо противъ меня непосредственно, онъ избралъ другой путь, окольный; онъ началъ возстановлять противъ меня князя и при томъ возстановлять не противъ моей оффиціальной дѣятельности, какъ министра, а противъ моей личности, проводя мысль, что я слишкомъ самостоятеленъ, слишкомъ популяренъ въ арміи и у болгаръ вообще, а также, что я дружу съ либералами въ то время, когда князь ихъ не любитъ, а коллеги мои съ нимъ враждуютъ.

Извѣстно, что ловко пущенная клевета легко распространяется и растетъ. Въ оперѣ „Севильскій цирюльникъ“ донъ Базиліо очень картинно рисуетъ доктору Бартоло, какъ клевета вначалѣ стелется, почти незримо, по землѣ, но затѣмъ постепенно растетъ, растетъ, распространяется вверхъ и въ стороны и, наконецъ, разражается съ шумомъ на подобіе пушечныхъ выстрѣловъ, поражая свою жертву. Такъ вышло и тутъ. Князь, очень самолюбивый, трудно мирился съ своимъ положеніемъ вассала, а потому вполнѣ сочувствовалъ упроченію войска, но, будучи весьма властолюбивъ и подозрителенъ, хотѣлъ непремѣнно вставлять въ военное дѣло собственные свои взгляды и начинанія, что̀ было очень трудно осуществить, такъ какъ болгарская армія была устроена русскими людьми, по русскимъ образцамъ, обучалась по русскимъ уставамъ, русскими инструкторами и ихъ учениками, болгарскими офицерами. Тѣмъ не менѣе князь хотѣлъ непремѣнно вставить „свое“. Случай скоро представился и, какъ всегда, началось съ совершенныхъ пустяковъ.

Въ разныхъ мѣстахъ дворца князя и на подъѣздѣ стояли часовые; смѣна караула происходила всегда очень торжественно, передъ дворцомъ, при чемъ знамя части, заступавшей въ караулъ, вносилось во дворецъ, съ соотвѣтстственнымъ, по уставу, церемоніаломъ. Князь любилъ все военное, но, будучи очень молодъ, вполнѣ естественно увлекался, главнымъ образомъ, внѣшней, парадной стороной. При одномъ изъ моихъ докладовъ князь сказалъ мнѣ, что, наблюдая изъ окна смѣну карауловъ, онъ обратилъ вниманіе на церемоніалъ, который совершается иначе, чѣмъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, въ прусскихъ войскахъ. Я доложилъ, что, дѣйствительно, болгарскія

---

[1]) Il me semble que le général Parensoff veut faire un coup de tête.

войска обучены по русскимъ уставамъ, различествующимъ отъ прусскихъ, и думалъ, что это было сказано только, какъ говорится: „къ слову". Но затѣмъ князь сталъ возвращаться къ этому вопросу и, наконецъ, просилъ меня измѣнить уставъ, согласно его желанію. Строго говоря, армія не пострадала бы отъ того, что знамя внесутъ во дворецъ такъ или иначе, но тутъ возникалъ вопросъ принципіальный: 1) Русскіе офицеры могли обучать своихъ болгарскихъ учениковъ только тому, что имъ хорошо извѣстно и усвоено. 2) Въ такое горячее время, когда приходилось заниматься обширной, творческой, созидательной работой, не было возможности размѣниваться на мелочи и заставлять не только учениковъ - болгаръ, но и самихъ русскихъ учителей переучиваться. 3) Всякія новшества, позаимствованныя у нѣмцевъ, были бы встрѣчены въ арміи весьма недружелюбно, и 4) я не имѣлъ никакой гарантіи, что князь, начавъ съ церемоніи относа знаменъ, на этомъ остановится и не пойдетъ дальше; наоборотъ, у меня были данныя на то, что князь хочетъ многое перевернуть à la Берлинъ.

Одновременно съ этимъ возникъ вопросъ, поднятый княземъ, о принятіи на службу въ войска иностранныхъ офицеровъ изъ австрійскихъ и преимущественно прусскихъ войскъ. Впослѣдствіи я имѣлъ возможность удостовѣриться, что въ этомъ дѣлѣ князь былъ плѣнникомъ обѣщаній, данныхъ имъ разнымъ его товарищамъ и знакомымъ, офицерамъ прусскихъ войскъ, которые, при избраніи его въ князья болгарскіе, выпросили у него обѣщаніе пристроить ихъ въ Болгаріи. Вначалѣ вопросъ этотъ не былъ поставленъ остро; я доложилъ князю, что теперь, до созыва народнаго собранія, я не могу и возбуждать его, такъ какъ, на основаніи §§ 65 и 66 конституціи княжества, иностранные подданные могутъ быть принимаемы на службу только съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, народнаго собранія [1]).

Третій вопросъ разногласія моего съ княземъ касался титула, о чемъ я уже упомянулъ выше [2]). Послѣ описанной тамъ сцены я, съ одобренія нашего дипломатическаго агента, А. П. Давыдова во всѣхъ документахъ, писанныхъ по-болгарски, ставилъ „Свѣтлость", а въ личномъ обращеніи къ князю и въ словесныхъ докладахъ, происходившихъ на французскомъ языкѣ, называлъ его Altesse (Высочество), безъ прибавки Sérénissime, обозначающей „Свѣтлость". Такъ дѣло шло довольно гладко, но, тоже, какъ всегда бываетъ, одинъ незна-

[1]) Въ секретныхъ протоколахъ Тырновскаго учредительнаго собранія было оговорено, что §§ эти не касаются русскихъ.

[2]) Глава III.

чительный случай, привелъ къ тому, что вопросъ о титулѣ выплылъ на поверхность и, будучи личнымъ, весьма быстро обострился.

Во время пребыванія князя въ Тырновѣ, офицеры саперной роты, тамъ расположенной, послѣ смотра просили разрѣшенія князя поднести ему различныя фотографіи обученія роты, а затѣмъ въ концѣ іюля или августа, завѣдывавшій инженерной частью арміи, русскій капитанъ Е. С. Саранчовъ, представилъ мнѣ двѣ большихъ, роскошныхъ папки съ фотографіями. Одна изъ нихъ предназначалась для князя, другая мнѣ. На княжеской папкѣ золотыми буквами было вытѣснено: „Его Свѣтлости князю Александру Болгарскому...“ и т. д. Принявъ благосклонно подношеніе, князь, оставшись со мной вдвоемъ, конфузясь и краснѣя сказалъ: „pourtant c'est l'armée seule qui me nomme свѣтлость, tandis que tout le monde me nomme высочество [1]).

По поводу этого титула много говорилось и писалось за границей и въ Россіи. Нѣмецкія газеты, а съ ихъ словъ и „Голосъ“ въ Россіи, утверждали, что князь, уже по рожденію своему, былъ высочество. Это утвержденіе не имѣло ни малѣйшаго основанія. Братъ нашей императрицы Маріи Александровны принцъ Александръ Гессенскій, служа въ австрійскихъ войскахъ и бывая часто въ Петербургѣ, еще молодымъ человѣкомъ влюбился въ фрейлину императрицы, графиню Гауке и на ней женился, морганатическимъ бракомъ, при чемъ графиня Гауке не была возведена въ принцессы гессенскаго дома, и соотвѣтственнаго титула не получила, а именовалась княгиней Батенбергъ, безъ титула высочества. Дѣти отъ этого брака тоже не получили титула принцевъ гессенскихъ, а князей Батенбергъ. Далѣе: проектъ статей конституціи составлялся въ Россіи, разсматривался въ Тырновскомъ учредительномъ собраніи и въ конституцію былъ внесенъ титулъ свѣтлости, при полной освѣдомленности нашего правительства о томъ, кто будетъ первымъ княземъ Болгаріи. Съ точки зрѣнія тщеславія и болгарамъ и мнѣ было бы пріятнѣе имѣть во главѣ насъ лицо не только съ титуломъ высочества, но и величества, царя Болгаріи и весь вопросъ сводился къ тому, чтобы измѣненіе это произошло законнымъ путемъ, черезъ народное собраніе. Такому обороту я вполнѣ сочувствовалъ и при обостреніи вопроса о титулѣ, какъ укажемъ ниже, уже завелъ переговоры съ вожаками различныхъ партій, чтобы ближайшее народное собраніе возбудило этотъ вопросъ. Изложенное подтверждается и письмами флигель-адъютанта полковника Шепелева къ графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину, тоже приводимыми далѣе.

---

[1]) Однако, одна армія называетъ меня свѣтлостью, тогда какъ всѣ остальные—высочествомъ.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ, крайне непріятныхъ, видна была, конечно, въ разной степени силы, рука Кевенгюллера. Меньше всего онъ интересовался тенденціями князя о введеніи въ болгарское войско прусскихъ уставовъ и формъ. Отчасти, это его, какъ австрійскаго улана, не интересовало, отчасти же, онъ, какъ умный человѣкъ, понималъ, что тутъ я неуязвимъ, покуда въ войскѣ служатъ русскіе инструкторы. Относительно принятія иностранныхъ офицеровъ въ войско, графъ Кевенгюллеръ держался тоже довольно безучастно, потому что австрійскихъ кандидатовъ явилось очень малое число, нѣсколько единицъ, а поступленіе прусскихъ инструкторовъ совсѣмъ не было на руку австрійцу, католику и мальтійскому кавалеру, по происхожденію—чеху. Но зато въ вопросѣ о титулѣ графъ Кевенгюллеръ разошелся. Для него было важно устранить, или, по крайней мѣрѣ, обезвредить, лично меня, Паренсова, зараженнаго славянскими симпатіями, славянофильскими воззрѣніями, горячаго проводника идеи „цѣлокупной“ Болгаріи, т. е. княжества Болгарскаго, слившагося съ Ѳракіей (окрещенной берлинскимъ конгрессомъ именемъ Восточной Румеліи) и Македоніей, мечтавшаго о федераціи славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Кевенгюллеру, предпринявшему походъ противъ моей личности, удобнѣе всего, и вѣрнѣе всего, было вести эту борьбу на почвѣ личностей: князя и моей. Не отвергая значенія §§ конституціи, Кевенгюллеръ опирался на то, что мои коллеги покорно склонили выю передъ желаніемъ князя, не постѣснявшись конституціей, слѣдовательно, если я не примкнулъ къ нимъ, то корень этого надо искать отнюдь не въ приверженности моей къ существующему закону, а въ несочувствіи къ личности избраннаго князя, причиною же этого несочувствія служитъ то, что я славянинъ, православный, а князь, не сочувствующій Россіи, полунѣмецъ, полуполякъ и лютеранинъ. По мѣрѣ развитія этого вопроса, выставлялись уже и другія причины: мое честолюбіе и властолюбіе, стремленіе стать „управляющимъ“, а не „управляемымъ“ и, въ концѣ концевъ, мою, якобы принадлежность къ нигилистическому направленію, народившемуся въ Россіи.

Изложенное показываетъ, что мое положеніе осложнялось, и даже весьма. Я взиралъ на Россію, ждалъ помощи отъ графа Д. А. Милютина и государя. Мой другъ, А. А. Шепелевъ, помогалъ мнѣ, насколько могъ, поддерживая меня личнымъ сочувствіемъ въ Софіи и письмами въ Петербургъ графу Милютину.

Среди этихъ невзгодъ и кипучей работы по министерству, возникъ еще одинъ, очень важный, вопросъ, о личномъ составѣ русскихъ офицеровъ, оставшихся на службѣ въ войскѣ. При эвакуаціи войскъ дѣйствующей арміи въ Россію, много отличныхъ офицеровъ,

служившихъ въ болгарскомъ войскѣ, не согласились остаться на службѣ въ княжествѣ и, несмотря на очень большіе оклады, уѣхали. Главной причиной было желаніе ѣхать „домой". Помыкавшись болѣе 2-хъ лѣтъ на мобилизованномъ и военномъ положеніи, съ осени 1876 по весну 1879 года, всѣмъ хотѣлось успокоиться на родинѣ, а потому многія хорошія личности уѣхали. Въ числѣ оставшихся въ княжествѣ было также много отличныхъ офицеровъ, но были и такіе, которые хороши были только въ Россіи, при прочной организаціи и твердой, давно установленной, власти; въ Болгаріи же, предоставленные себѣ самимъ, они дѣлались не подходящими. Чтобы заполнить открывшіяся вакансіи и не оставить войска въ не-комплектѣ, военная часть управленія императорскаго коммиссара вынуждена была принимать офицеровъ, желающихъ остаться въ Болгаріи, безъ особаго разбора. Приходилось торопиться. Благодаря всему этому, на лицо, въ войскѣ оказались офицеры: хорошіе вообще и вездѣ, даже отличные; хорошіе только въ Россіи и не годившіеся, какъ инструкторы болгаръ и совсѣмъ не хорошіе—нигдѣ. Мнѣ лично были извѣстны офицеры, исключенные изъ русскихъ частей судомъ общества офицеровъ, нашедшіе пріютъ въ болгарскомъ войскѣ. Кромѣ того, бросалась въ глаза несообразность въ командномъ составѣ: дружинами пѣхоты командовали бывшіе кавалеристы, въ чинахъ подполковника и поручика, командиры сотенъ были совсѣмъ неопытные, не командовавшіе въ Россіи эскадронами и т. д.

Власть моя надъ русскими офицерами была совсѣмъ не опредѣлена. Это понималось и чувствовалось на столько всѣми, что однажды, по поводу одного моего распоряженія, одинъ изъ русскихъ офицеровъ, возражая мнѣ, позволилъ себѣ спросить меня, или правильнѣе—указать мнѣ: „какъ-то посмотритъ на это русское императорское правительство". Очевидно было, что дальше идти такъ нельзя, и я рѣшилъ принципіально удалить всѣхъ, по моему мнѣнію, не подходящихъ русскихъ офицеровъ, но для этого надо было заблаговременно заготовить кадръ ихъ замѣстителей.

Какъ видно, вопросовъ накопилось столько, что излагать ихъ на бумагѣ было почти невозможно, и я рѣшилъ поѣхать въ Россію, для личнаго доклада. Въ необходимости такой поѣздки со мной были вполнѣ согласны А. А. Шепелевъ и А. П. Давыдовъ; послѣдній ѣхалъ тоже въ Россію по дѣламъ княжества и взялъ на себя испросить разрѣшеніе на мой пріѣздъ, не стѣсняя меня, однако, временемъ. Я же рѣшилъ подождать пріѣзда А. К. Тимлера, чтобы посвятить его въ курсъ дѣла, составить вмѣстѣ съ нимъ обстоятельную записку о всѣхъ нуждахъ и вопросахъ и, сдавъ ему временно должность, поѣхать.

Немедленно по пріѣздѣ Тимлера мы разсмотрѣли списки русскихъ офицеровъ, по моему мнѣнію, не подходящихъ, но рѣшенія никакого еще не постановили, и я просилъ Тимлера, предварительно, во время моего отсутствія, произвести инспекторскіе смотры, по возможности, большему числу дружинъ и присмотрѣться къ личному составу русскихъ офицеровъ. Я обратилъ вниманіе Тимлера на необходимость оцѣнивать нашихъ офицеровъ не только со стороны ихъ умѣнья обучать болгарское войско, но и съ нравственной стороны, такта, умѣнья держать себя съ болгарами безъ различія партій, не вмѣшиваясь въ ихъ борьбу. Инспекторскіе смотры Тимлера должны были всесторонне разсмотрѣть положеніе войскъ. По хозяйственной части надо было выяснить: что̀ гдѣ есть и чего нѣтъ. Для облегченія работы я разрѣшилъ ему, собственно по министерству, въ мое отсутствіе, ограничиться текущей перепиской, не предпринимая ничего существеннаго.

Я возлагалъ большія надежды на Тимлера, зная его опытность, способности, идеальную честность и личную ко мнѣ привязанность. Еще въ академіи генеральнаго штаба мы жили вмѣстѣ; онъ былъ гораздо старше меня годами, воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія и въ Севастопольскую войну поступилъ юнкеромъ въ Бородинскій полкъ, но полкъ не дошелъ до Севастополя по случаю заключенія мира; служилъ долго въ арміи, а затѣмъ въ лейбъ-гвардіи гренадерскомъ полку, въ генеральномъ штабѣ и во время войны былъ сначала въ Нижне-Дунайскомъ отрядѣ, а потомъ командовалъ желѣзнодорожнымъ батальономъ. На бѣду всѣ отличныя качества Тимлера разбились о князя, чему, впрочемъ, отчасти, способствовала раздражительность самого Тимлера, которая, при мнѣ, не доходила до князя, но высказывалась, въ мое отсутствіе, при ихъ непосредственныхъ сношеніяхъ. Тимлеръ съ мѣста не понравился князю и обратно. Происходило это еще и отъ того, что Тимлеръ, зная зарождавшееся нерасположеніе князя ко мнѣ, смотрѣлъ на него недружелюбно, а князь говорилъ: le colonel Timler a l'air d'un crocodile qui veut m'engloutir [1]).

Я успокоивалъ себя тѣмъ, что, въ мое отсутствіе, докладовъ у князя будетъ мало [2]), если же и будутъ, то несущественные, не вызывающіе разногласія, а по пріѣздѣ моемъ Тимлеру и совсѣмъ не прійдется бывать у князя. Передъ отъѣздомъ моимъ, мы составили перечень главныхъ вопросовъ, которые мнѣ надлежало разрѣшить въ

---

[1]) Полковникъ Тимлеръ похожъ на крокодила, который желаетъ меня поглотить.

[2]) Тѣмъ болѣе, что князь Александръ уѣзжалъ въ Бухарестъ, къ королю Карлу, гдѣ и пробылъ до начала октября.

Россіи, испросивъ на то согласіе князя. Главнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе:

выяснить и опредѣлить мое отношеніе къ конституціи, съ точки зрѣнія Россіи. Въ этотъ вопросъ входило дѣло о титулѣ князя;

выяснить мое отношеніе къ русскимъ офицерамъ и опредѣлить, что я изображаю относительно нихъ въ Болгаріи: старшаго товарища, подобнаго имъ волонтера, или же властнаго начальника, имѣющаго право, по докладу князю, удалять, по моему мнѣнію, неподходящихъ, съ обстоятельнымъ донесеніемъ въ Петербургъ о причинахъ, вызвавшихъ это удаленіе;

выяснить мое отношеніе къ народному собранію и главнымъ образомъ рѣшить вопросъ: долженъ ли я, при паденіи теперешняго министерства, тоже уйти, даже если мнѣ лично не будетъ выражено недовѣріе палаты.

Дальнѣйшіе вопросы касались дѣлъ войска. Испрашивалось: разрѣшить мнѣ приглашать изъ Россіи извѣстныхъ мнѣ, или рекомендованныхъ, офицеровъ, для замѣны уходящихъ и вообще при открытіи вакансій, съ предоставленіемъ имъ тѣхъ же правъ, которыми пользовались мы;

вызвать изъ Россіи желающихъ унтеръ-офицеровъ, коихъ, по нашимъ расчетамъ, требовалось 506 человѣкъ;

затронуть вопросъ и пощупать почву относительно полученія изъ Россіи, для всего болгарскаго войска, состоящаго на дѣйствительной службѣ, полнаго комплекта новыхъ ружей, системы Бердана, принятаго въ Россіи образца, съ уплатой, но по удешевленной цѣнѣ и въ разсрочку. Попросить сукна для постройки втораго комплекта обмундированія, тоже на все войско. Кромѣ этихъ главныхъ, были еще менѣе важные вопросы, такъ что, въ общемъ, хлопотать приходилось о многомъ.

Поѣздкѣ моей рѣшено было придать совершенно частный характеръ; я ѣхалъ въ отпускъ, чтобы привезти мою семью въ Софію, но такъ какъ, пріѣхавъ въ Россію и ѣдучи черезъ Одессу, неудобно не представиться государю и русскимъ властямъ, находящимся въ Крыму, то я испрошу разрѣшенія *заѣхать* въ Ливадію.

Весь этотъ маскарадъ не привелъ ни къ чему, а, наоборотъ, еще болѣе раздувалъ значеніе моей поѣздки, и софійскій корреспондентъ „Politische Correspondenz“ сообщилъ, 28 сентября, своей газетѣ слѣдующее:

„Состоявшійся втихомолку отъѣздъ въ Ливадію болгарскаго военнаго министра Паренсова вызвалъ самые разнообразные толки и подалъ поводъ къ самымъ рискованнымъ предположеніямъ. По словамъ однихъ поѣздка эта находится въ связи съ предположенной переорганизаціей арміи, а по увѣренію

другихъ, генералу поручено переговорить въ Ливадіи о покупкѣ оружія въ Тулѣ. Очень можетъ быть, что генералъ Паренсовъ посовѣтуется объ этомъ предметѣ, и о другихъ подобныхъ вещахъ, съ русскимъ военнымъ министромъ генераломъ Милютинымъ, находящимся въ Ливадіи вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, однако, дѣйствительно данное ему порученіе, по слухамъ, имѣетъ величайшее и высокополитическое значеніе. Извѣстно, что Порта, въ силу 13 протокола Берлинскаго конгресса, имѣетъ право, въ случаѣ надобности, направлять черезъ Болгарію въ Коссовскій вилайетъ войска изъ Ѳракіи и въ частности изъ Адріанополя. Означенную этапную дорогу пришлось бы провести къ югу отъ Софіи и близъ Кюстендиля соединить съ военной дорогой Салоникскаго вилайета. Оттоманскіе коммиссары въ болгарской коммиссіи по установленію границъ настаивали на оставленіи за Турціей права, обезпеченнаго ей международнымъ трактатомъ въ томъ смыслѣ, что потребовали ближайшаго топографическаго обозначенія упомянутой этапной дороги. Коммиссія не пришла къ единогласію въ рѣшеніи вопроса, при чемъ русскій делегатъ даже вошелъ въ разсмотрѣніе этого вопроса, признавъ пренія о турецкой военной дорогѣ черезъ княжество совершенно неумѣстными, въ виду разногласія самихъ великихъ державъ насчетъ возможности занятія балканскихъ проходовъ и нѣкоторыхъ пунктовъ Восточной Румеліи. Къ этой оппозиціи Россіи слѣдовало относиться тѣмъ серьезнѣе, что къ ней примкнулъ и французскій коммиссаръ, вслѣдствіе чего остальные коммиссары запросили инструкціи своихъ правительствъ, которыя и были даны въ смыслѣ поддержанія турецкихъ требованій. Намѣчена была дорога на Базарджикъ, Эгри-Паланка, Самоковъ, Дубница, Кюстендиль. Болгарское правительство очутилось въ положеніи необходимости подчиниться рѣшенію. Но какъ ни непріятна такая случайность, правительство взглянуло бы на нее спокойно, если бы изъ болгарскихъ народныхъ кружковъ не посыпались яростные протесты противъ означеннаго рѣшенія и не возникло основательнаго опасенія, что агитаторы воспользуются настоящимъ случаемъ для того, чтобы ниспровергнуть министерство. Можно, впрочемъ, утверждать не безъ основанія, что радикалы воспользовались бы проходомъ турецкихъ войскъ для низверженія всего порядка, созданнаго Берлинскимъ конгрессомъ [1]). Нельзя отрицать того факта, что волны необузданныхъ яростей партій подкатываются къ ступенямъ трона. Здѣсь не могли не обратить на это самаго серьезнаго вниманія и въ засѣданіяхъ совѣта министровъ, происходившихъ передъ отъѣздомъ князя [2]), рѣшено ходатайствовать передъ великими державами объ устраненіи грозящихъ княжеству опасностей. Чтобы посовѣтоваться объ этомъ съ русскимъ дворомъ, военный министръ генералъ Паренсовъ лично отправленъ въ Ливадію".

Изъ ранѣе написаннаго видно, что справедливо въ этой корреспонденціи было то, что касалось переорганизаціи арміи и тульскихъ ружей, но въ ней не было упомянуто, да и не могло быть сообщено главнаго, что мнѣ предстояло: выяснить государю императору и русскому императорскому правительству дѣйствительное положеніе вещей въ Болгаріи, разувѣрить въ томъ, что настоящее, „консервативное" министерство составляетъ какой-то оплотъ порядка, процвѣтанія

---

[1]) Это пылкая фантазія корреспондента.

[2]) Въ Бухарестъ, съ визитомъ къ королю Карлу. П. П.

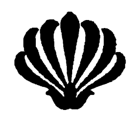
страны и прочности княжескаго правленія; разувѣрить въ воображаемой опасности, могущей произойти отъ паденія теперешняго министерства и появленія у власти „либераловъ“, главнымъ же образомъ доказать необходимость удержанія князя на соблюденіи только-что данныхъ основныхъ законовъ, посовѣтовавъ не становиться на путь политическихъ приключеній, устранивъ совершенно мысль о государственномъ переворотѣ и уничтоженіи, или даже временномъ пріостановленіи, конституціи.

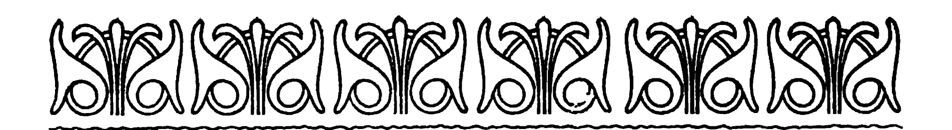
Путь для моихъ переговоровъ былъ подготовленъ письмами А. А. Шепелева къ графу Милютину, но мнѣ предстояло бороться и съ противорѣчивыми взглядами на положеніе дѣлъ: донесеніями А. П. Давыдова, соглашавшагося съ нами во многомъ, частномъ, кромѣ главнаго: необходимости, въ случаѣ паденія кабинета, допустить къ власти людей изъ оппозиціи и съ заявленіями князя, имѣвшими характеръ совершенно противоположный взглядамъ Шепелева и моимъ.

Такъ какъ поѣздка моя въ Ливадію положила начало новому періоду моей дѣятельности въ Болгаріи, съ болѣе твердымъ проведеніемъ въ жизнь взглядовъ, сознанныхъ и усвоенныхъ мною съ самаго начала, то, чтобы освѣтить, не въ моемъ изложеніи, все предъидущее, привожу в. секретное письмо А. А. Шепелева къ графу Милютину отъ 8—20 сентября 1879 года, послужившее авангардомъ моимъ личнымъ докладамъ въ Ливадіи.

П. Паренсовъ.

Въ первой книжкѣ „Русской Старины“, въ статьѣ „Въ Болгаріи“, гл. V, вкрались слѣдующія опечатки. 1) Стр. 65, строка 14 снизу, напечатано: *соблюдая,* должно быть: *понимая.* 2) Стр. 68, стр. 15 сверху, напечатано: *предложить* должно быть: *предложилъ.* 3) Стр. 72, стр. 16 снизу, напечатано: *научной,* должно быть: *лучшей.* 4) Стр. 74, стр. 12 снизу, напечатано: *тройка,* должно быть: *трепка.* П. Паренсовъ.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

III [1]).

Неудачный проектъ университетскаго зданія, представленный Казнаковымъ.— Мое перемѣщеніе въ Казань.

Съ 1877 по 1880 годъ я былъ, если можно такъ выразиться, не гласнымъ участникомъ въ дѣлахъ Сибирскаго университета. Несмотря на то, что не состоялъ ни въ какихъ оффиціальныхъ къ нему отношеніяхъ, я велъ личные переговоры и довольно обширную переписку по этому дѣлу съ разными лицами и учрежденіями, а министерство ко мнѣ же направляло всѣ возникавшіе частные вопросы по этому предмету. Желая охарактеризовать мои отношенія къ Сибирскому университету, графъ Дм. Андреевичъ нерѣдко давалъ мнѣ преждевременный титулъ „Ректора будущаго Сибирскаго университета", и это придуманное званіе оставалось за мной, конечно, не въ оффиціальныхъ бумагахъ, до самаго переѣзда моего въ Томскъ (въ 1885 г.) на должность попечителя вновь открытаго учебнаго округа. И на самомъ дѣлѣ я состоялъ какъ бы партикулярнымъ ректоромъ несуществующаго университета, даже послѣ того, когда былъ назначенъ членомъ строительнаго комитета при возведеніи университетскихъ зданій (съ 1880 г.), такъ какъ мнѣ были даны при этомъ особыя полномочія для непосредственныхъ сношеній съ министерствомъ.

Не буду, однако же, забѣгать впередъ, а возвращусь опять къ 1877 году. По окончаніи засѣданій коммиссіи по пересмотру общаго университетскаго устава, вторая половина зимы (съ января по апрѣль), была посвящена редактированію трудовъ коммиссіи въ составѣ тѣхъ ея членовъ, которые оставались въ Петербургѣ (А. Ив. Георгіевскій, я, Н. А. Любимовъ и А. М. Гезенъ).

---

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1906 г.

Одновременно съ этимъ вырабатывался при моемъ участіи проектъ зданій для Сибирскаго университета. Эту послѣднюю задачу первоначально взялъ на себя, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, Н. Г. Казнаковъ, поручивъ составленіе плановъ омскому архитектору Эзету, имѣвшему весьма смутное представленіе объ университетскихъ потребностяхъ. Выработанный въ Омскѣ планъ былъ препровожденъ генералъ-губернаторомъ въ министерство народнаго просвѣщенія въ началѣ 1877 г. Ознакомившись съ нимъ, я былъ поистинѣ удивленъ смѣлостью и рѣшимостью составителей взяться не за свое дѣло. Проектированный Эзетомъ главный университетскій корпусъ представлялъ собой не то казарму, не то фабрику. Представьте себѣ неуклюжій трехъэтажный четыреугольный ящикъ, раздѣленный по всѣмъ этажамъ внутреннимъ корридоромъ съ равномѣрными клѣтками по ту и другую его сторону. Клѣтки должны были изображать собой аудиторіи и профессорскіе кабинеты, безъ малѣйшаго представленія о томъ, какой цѣли они должны соотвѣтствовать. Въ одинаковой мѣрѣ, онѣ могли служить и арестантскими камерами для губернской тюрьмы, и богадѣльней или инвалиднымъ домомъ допотопной конструкціи, но никакъ не мѣстамъ культивированія современной науки. Само собой разумѣется, что проектъ съ перваго же взгляда былъ забракованъ. Для выработки новаго графъ Д. А. Толстой назначилъ особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ директора департамента М. Е. Братке. Въ составъ коммиссіи вошли слѣдующія лица: 1) я, какъ выразитель потребностей медицинскаго факультета, 2) профессоръ Д. И. Менделѣевъ для физико-математическаго факультета и 3) архитекторъ А. К. Бруни.

Мы должны были опредѣлить число, размѣры и относительное размѣщеніе кабинетовъ, музеевъ, лабораторій и аудиторій, принимая во вниманіе и общія административныя и хозяйственныя помѣщенія. Изъ набросанныхъ такимъ образомъ черновыхъ чертежей дѣлался общій, если можно такъ выразиться, факультетскій сводъ распредѣленія помѣщеній, по которому архитекторъ долженъ былъ уже выработать настоящій проектъ. По самому существу задачи, на мою долю, т. е. для медицинскаго факультета пришлось заготовить почти $^2/_3$ всѣхъ черновыхъ чертежей, но ихъ удалось осуществить, и то не вполнѣ, только въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ, уже послѣ открытія университета.

Мой планъ для медицинскихъ построекъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1) предполагался особый двухъэтажный анатомическій корпусъ въ 25 саж. длины и 7 саж. ширины, съ главнымъ входомъ по срединѣ и двумя боковыми крыльцами. Здѣсь размѣщались всѣ каѳедры, имѣвшія дѣло съ человѣческими трупами, т. е., описательная анатомія, патологическая

анатомія, оперативная хирургія съ хирургической анатоміей, судебная медицина и гистологія. Здѣсь же были соотвѣтствующіе обширные музеи, секціонныя залы, профессорскіе и прозекторскіе кабинеты и двѣ аудиторіи, большая (амфитеатромъ) и малая (для гистологіи и судебной медицины). Рядомъ съ анатомическимъ корпусомъ имѣлось въ виду построить небольшую каменную часовню съ подвальнымъ этажемъ для храненія труповъ и особый домикъ для грязныхъ анатомическихъ работъ и мацерацій. Проектируя анатомическій корпусъ, я старался воспользоваться всѣмъ, что мнѣ было извѣстно по этому предмету, какъ въ заграничныхъ университетахъ, такъ и въ отечественныхъ. Послѣдніе, впрочемъ, служили лишь отрицательнымъ указателемъ, чтобы избѣжать тѣхъ вопіющихъ недостатковъ, какіе составляли злобу дня того времени почти во всѣхъ нашихъ университетахъ [1]). Къ сожалѣнію, мой проектъ анатомическаго корпуса не былъ даже воспроизведенъ на архитекторскихъ чертежахъ. Послѣдовавшія въ скоромъ времени въ высшихъ правительственныхъ сферахъ колебанія мнѣній относительно числа факультетовъ Сибирскаго университета пріостановили окончательную выработку плановъ для спеціальныхъ медицинскихъ институтовъ. Въ 1880 году было уже извѣстно, что Сибирскій университетъ предполагается открыть въ составѣ только трехъ факультетовъ, безъ медицинскаго. Поэтому, задачи архитектора Бруни ограничились разработкой одного главнаго корпуса и служебныхъ флигелей.

2) Вторымъ проектомъ, выпавшимъ на мою долю, былъ клиническій корпусъ. Планъ его также былъ начерченъ мною (вчернѣ) въ 1877 году въ томъ видѣ, съ павильонами, какъ онъ существуетъ нынѣ въ дѣйствительности, но архитектурная обработка этого проекта была сдѣлана только лѣтомъ 1883 года, бывшимъ строителемъ университетскихъ зданій, архитекторомъ П. П. Нароновичемъ. Смѣло могу сказать, что по тому времени это былъ образцовый проектъ клиническихъ сооруженій, въ которомъ приняты во вниманіе всѣ современныя требованія науки, удобства и безопасности. Когда мы съ Нароновичемъ вычерчивали этотъ планъ въ 1883 году, мы не имѣли въ виду близкаго открытія медицинскаго факультета, а дѣлали это, такъ сказать, въ запасъ для будущаго. Впослѣдствіи оказалось, что такая предусмотрительность была далеко не лишнею, такъ какъ за годъ до открытія университета въ правительственныхъ сферахъ снова произошелъ поворотъ въ мнѣніяхъ о числѣ его факультетовъ: вмѣсто предполагавшихся трехъ—филологическаго, юридическаго и физико-ма-

---

[1]) См. мою книгу о состояніи и потребностяхъ русскихъ медицинскихъ факультетовъ. Спб. 1875 г.

тематическаго, рѣшено было открыть только одинъ медицинскій, который во время постройки зданій вовсе не имѣлся въ виду.

3) Составъ главнаго университетскаго корпуса былъ намѣченъ мною вмѣстѣ съ Д. И. Менделѣевымъ. Послѣднему принадлежало распредѣленіе помѣщеній для каѳедры химіи и физики, ботаники, минералогіи, геологіи и зоологіи. Химическія лабораторіи и всѣ прочіе музеи и кабинеты физико-математическаго факультета предполагалось размѣстить въ первомъ этажѣ главнаго университетскаго корпуса, а медицинскія каѳедры физіологіи, общей патологіи, фармакологіи и гигіены—во второмъ этажѣ. Въ центрѣ зданій, по ту и другую сторону параднаго подъѣзда, по переднему фасаду помѣщались—въ первомъ этажѣ библіотека, во второмъ этажѣ церковь, актовый залъ, залъ факультетскихъ засѣданій въ особой профессорской комнатѣ и музей изящныхъ искусствъ съ археологіей. Комнаты для правленія и инспекціи отводились въ первомъ этажѣ флигелей, гдѣ въ остальныхъ этажахъ проектировались квартиры для служащихъ въ университетѣ.

Въ такомъ видѣ былъ выработанъ мной и Менделѣевымъ черновой планъ главнаго университетскаго корпуса. При этомъ было опредѣлено кубическое содержаніе помѣщеній для каждой каѳедры и намѣченъ порядокъ или взаимныя отношенія лабораторій, музеевъ и кабинетовъ къ соотвѣтствующимъ аудиторіямъ. Были даже начерчены на большихъ листахъ примѣрные планы внутренняго расположенія зданій. Количество студентовъ при этомъ принималось на всѣхъ факультетахъ не болѣе 700 человѣкъ. Подготовленный такимъ образомъ въ коммиссіи матеріалъ былъ переданъ архитектору Бруни для составленія окончательнаго проекта и смѣты по правиламъ строительнаго искусства; помнится, это было въ началѣ мая 1877 г.

Выработка плановъ для построекъ высшаго учебнаго заведенія, или какого бы то ни было спеціальнаго учрежденія необходимо должна слагаться изъ участія двухъ силъ: 1) людей, близко знакомыхъ съ задачами и потребностями проектируемаго учрежденія и 2) изъ спеціалистовъ-техниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ выраженіе предъявленныхъ потребностей въ извѣстныхъ архитектурныхъ формахъ. Въ постройкахъ спеціальнаго назначенія задачи перваго рода имѣютъ первостепенную важность, потому что ими собственно и опредѣляется цѣлесообразность постройки, архитектурная же форма имѣетъ лишь эстетическое и экономическое значеніе. Поэтому при постройкѣ сложныхъ общественныхъ зданій заслуга и отвѣтственность архитектора относится только къ красотѣ внѣшнихъ формъ, къ безопасности и прочности. Что же касается до цѣлесообразности зданія, на сколько въ немъ были приняты во вниманіе всѣ его будущія функ-

ціи, это лежитъ на отвѣтственности тѣхъ людей, которые руководили архитекторомъ, предъявляя ему соотвѣтствующія задачи. Тѣмъ же людямъ должна принадлежать и заслуга по цѣлесообразности проекта. Такъ я смотрѣлъ на порученное мнѣ дѣло по приготовленію зданій для Томскаго университета. Объ исторіи этого дѣла я упоминаю здѣсь потому, что о проектахъ Бруни впослѣдствіи высказывались не вполнѣ одобрительные отзывы какъ въ техническо-строительномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и въ нашемъ министерствѣ. Здѣсь я долженъ объяснить, почему это произошло.

Выше было упомянуто, что матеріалы для проектовъ были переданы Бруни въ началѣ мая. По личному нашему соглашенію детальная разработка и вычерчиваніе плановъ должны были вестись подъ моимъ контролемъ, но лѣтомъ я долженъ былъ оставить Петербургъ и провести это время въ Либавѣ на морскихъ купаньяхъ, для поправленія здоровья моего и моей семьи. Такимъ образомъ, университетскіе планы разработывались въ мое отсутствіе и при томъ очень поспѣшно: къ началу ноября они были уже вполнѣ готовы.

Затрудняюсь сказать, недостатокъ ли вниманія къ даннымъ, выработаннымъ коммиссіей, спѣшность ли работы, или желаніе проявить оригинальное творчество были причиною того, что академикъ Бруни при выполненіи чертежей допустилъ довольно много отступленій отъ первоначальнаго плана. Главнѣйшія изъ нихъ состояли въ слѣдующемъ: 1) отъ всѣхъ аудиторій безъ всякой надобности было отдѣлено деревянною переборкою по небольшой комнатѣ въ одно окно, представлявшей родъ передней для входа профессора. Это уменьшило размѣръ аудиторій, вмѣсто 3—4 оконъ, въ 2—3 окна, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ оказались недостаточно просторны; 2) въ актовомъ залѣ было показано 8 громадныхъ оконъ (по фасадной и боковой сторонѣ) и 5 дверей, вслѣдствіе чего залъ получилъ видъ стеклянной оранжереи съ весьма узкими простѣнками въ видѣ пилястръ; 3) по другую сторону церкви, для симметріи, начерченъ такой же двухсвѣтный залъ съ 8 громадными окнами, названный „сборная для студентовъ“ (нынѣ здѣсь помѣщается иностранный отдѣлъ библіотеки). По нашему плану здѣсь предполагалось помѣстить залъ факультетскихъ засѣданій, профессорскую комнату и музей изящныхъ искусствъ и археологіи, устроивъ эти помѣщенія не въ два, а въ одинъ свѣтъ (раздѣливъ потолкомъ на два этажа); 4) церковь по плану Бруни занимала только средину нынѣшняго ея помѣщенія, покрытую сводомъ, подхорныя же пространства, а также и нынѣшній алтарь, отдѣленный глухою стѣною, предназначались для музея изящныхъ искусствъ. Это было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно: церковь оказывалась слишкомъ мала и слабо освѣщена, а музей изящныхъ

искусствъ имѣлъ видъ длинныхъ и узкихъ коридоровъ, конструкція которыхъ совсѣмъ не соотвѣтствовала ихъ назначенію; 5) по ту и другую сторону параднаго входа во второмъ этажѣ, почти противъ самыхъ церковныхъ дверей, архитекторъ Бруни помѣстилъ два ватерклозета, что̀ было совсѣмъ неумѣстно. Кромѣ перечисленныхъ, въ планахъ Бруни оказались и другіе второстепенные недосмотры.

16 декабря 1877 года я получилъ отъ директора департамента М. Е. Братке слѣдующее за № 1353 письмо: „М. Г. Вас. Марк. Г. министръ народнаго просвѣщенія призналъ нужнымъ поручить разсмотрѣніе составленныхъ проектовъ плановъ и чертежей для предполагаемыхъ зданій будущаго Сибирскаго университета особому совѣщанію подъ моимъ предсѣдательствомъ, при чемъ изволилъ изъявить желаніе, чтобы ваше превосходительство приняли участіе въ этомъ совѣщаніи. Сообщая объ этомъ, нужнымъ считаю присовокупить, что о времени и мѣстѣ совѣщаній вы получите въ свое время особое извѣщеніе".

Первое засѣданіе совѣщанія было назначено въ четвергъ, 19 января. Составъ этой коммиссіи для разсмотрѣнія плановъ былъ тотъ же самый, какъ и семь мѣсяцевъ тому назадъ, т. е. я и профессоръ Менделѣевъ, но, кромѣ насъ, былъ еще приглашенъ профессоръ Овсянниковъ.

Съ недосмотромъ и ошибками чертежей Бруни я былъ уже ознакомленъ раньше, но считалъ ихъ легко устранимыми при исполненіи строительныхъ работъ, что̀ я и высказалъ въ коммиссіи. Было бы, конечно, правильнѣе предложить архитектору Бруни исправить самые чертежи, но это требовало продолжительнаго времени, такъ какъ пришлось бы перечерчивать почти всѣ листы плановъ и фасадовъ. Вслѣдствіе этого коммиссія, обративъ вниманіе на недостатки проекта Бруни, признала все-таки возможнымъ препроводить его съ извѣстными оговорками въ техническо-строительный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія чертежей съ технической стороны. Послѣ того, черезъ двѣ недѣли я переселился въ Казань (3 февраля 1878 г.) и дальнѣйшія перипетіи съ планами Сибирскаго университета происходили уже въ мое отсутствіе. Къ этому вопросу я еще возвращусь ниже. О планахъ академика Бруни я долженъ здѣсь сказать еще нѣсколько пояснительныхъ словъ. Проектиру̀я главный университетскій корпусъ въ томъ объемѣ и въ той формѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, мы не могли задаваться слишкомъ широкими задачами. Намъ указаны были опредѣленныя финансовыя рамки, за которыя мы не имѣли права выходить, именно въ размѣрѣ не свыше 600 тыс. рублей на всѣ сооруженія, за исключеніемъ клиникъ, которыхъ въ то время не имѣлось еще въ виду. При такой скромной цифрѣ нельзя было думать ни объ особыхъ корпусахъ для химиче-

скаго и физіологическаго институтовъ, ни объ обширныхъ музейныхъ помѣщеніяхъ, ни объ архитектурной роскоши фасадовъ. Нашъ девизъ былъ „простота и удобство". Скромные размѣры помѣщеній нами были намѣчены и въ тѣхъ соображеніяхъ, что въ Сибирскомъ университетѣ мы не ожидали большаго наплыва учащихся, такъ какъ число гимназій и дух. семинарій въ Сибири было весьма ограниченное, а воспитанники семинарій Европейской Россіи имѣли въ то время свободный доступъ во всѣ русскіе университеты. Само собой разумѣется, что, задумывая Сибирскій университетъ, невозможно было предвидѣть, до какихъ размѣровъ и какъ быстро разростутся его ученыя коллекціи и библіотеки. Мы стали убѣждаться въ этомъ только начиная съ 1880 года, и по мѣрѣ надобности, во время сооруженія зданія, стали принимать мѣры для приспособленія помѣщеній къ принятію стекающихся научныхъ богатствъ. Такъ или иначе, но размѣры зданій по проекту Бруни я признавалъ на первое время достаточными, а нѣкоторыя неправильности въ расположеніи внутреннихъ помѣщеній легко устранимыми. Это вполнѣ подтвердилось на дѣлѣ при сооруженіи построекъ и при жизни открытаго университета въ первое его десятилѣтіе.

Послѣдняя четверть 1877 года была мною посвящена занятіямъ въ коммиссіи по избранію города для Сибирскаго университета. Какъ образовалась эта коммиссія и изъ какихъ членовъ она состояла, объ этомъ я уже говорилъ выше; теперь скажу о ея дѣятельности. Представители интересовъ города Омска, Дзюба и Курбановскій, командированные генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ, прибыли въ Петербургъ въ первыхъ числахъ ноября. Первое засѣданіе коммиссіи состоялось 22-го ноября. За четыре дня до этого засѣданія князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ писалъ мнѣ: „Препровождаю вашему превосходительству всѣ бумаги, доставленныя господиномъ депутатомъ изъ Сибири, равно и матеріалы, переданные мнѣ вами. Послѣднихъ—каюсь—не успѣлъ еще прочитать, но, думаю, что и въ тѣхъ и другихъ одинаковыя свѣдѣнія. Разсмотрѣвъ всѣ бумаги въ пачкѣ „изъ Сибири" я нахожу, что данныя о городахъ Томскѣ и Омскѣ удивительно схожи. Разница главная въ городскихъ доходахъ. Я полагаю, что первое засѣданіе можно назначить, если для васъ это будетъ удобно, во вторникъ, 22 числа, въ 11 часовъ утра. Если вы ничего не имѣете противъ, то я прошу сообщить мнѣ объ этомъ, и я поручу разослать повѣстки. Надобно обдумать какого плана держаться въ порядкѣ засѣданій, чтобы не путаться и не затягивать разсмотрѣнія дѣла, что непремѣнно будетъ, если будемъ дѣйствовать безъ заранѣе намѣченной системы.

„Вашъ покорный слуга князь А. Шихматовъ. 18-го ноября 1877 г."

Въ тотъ же день я лично доложилъ князю Ал. Прох. свой планъ предстоящихъ докладовъ и порядка обсужденія вопроса, познакомивъ его вкратцѣ на словахъ съ заготовленнымъ мною матеріаломъ.

Первое засѣданіе коммиссіи было посвящено почти исключительно моему докладу, въ которомъ были изложены: 1) общія начала относительно цѣли учрежденія Сибирскаго университета, 2) общія условія, которыя необходимо имѣть въ виду при выборѣ того или другаго города для проектируемаго высшаго учебнаго заведенія и 3) предшествовавшее развитіе даннаго вопроса. Въ этомъ докладѣ я старался установить точку зрѣнія на данный вопросъ, познакомить постороннихъ нашему министерству членовъ съ исторіей его развитія и намѣтить частные вопросы, которые предстоятъ нашему обсужденію. Во второмъ засѣданіи, 24-го ноября, было доложено письмо генералъ-губернатора Восточной Сибири, въ которомъ онъ, между прочимъ, выражается такъ: „предполагаемый Сибирскій университетъ учреждается съ цѣлью дать возможность получить высшее образованіе всему учащемуся юношеству Сибири, и, слѣдовательно, долженъ быть открытъ въ мѣстности центральной для обѣихъ частей этого края. Я нахожу, что таковымъ центральнымъ пунктомъ долженъ въ настоящее время считаться г. Томскъ, а посему и университетъ для пользы той и другой части Сибири необходимо учредить въ этомъ городѣ. „Далѣе генералъ-губернаторъ развиваетъ мысль, что существованіе университета въ Омскѣ лишало бы возможности большую часть юношества Восточной Сибири получать образованіе въ Сибирскомъ университетѣ, а равно и воспитанниковъ изъ Тобольской губерніи, Акмолинской и Семипалатинской областей. Омскій университетъ не принесъ бы существеннаго облегченія, такъ какъ юношество этихъ мѣстностей можетъ оканчивать образованіе въ недальнемъ по разстоянію Казанскомъ университетѣ. Въ заключеніе генералъ-губернаторъ прибавляетъ, что такое же мнѣніе выражаетъ все иркутское городское общество и общества всѣхъ городовъ Восточной Сибири, поэтому „считаетъ своимъ долгомъ покорнѣйше просить предсѣдателя коммиссіи не отказать въ благосклонномъ содѣйствіи къ учрежденію Сибирскаго университета, по первоначальному предположенію, въ г. Томскѣ“.

Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ мой докладъ, въ которомъ были изложены: 1) статистическія данныя относительно распредѣленія христіанскаго населенія по губерніямъ и областямъ Сибири, 2) данныя о количествѣ городскаго населенія сибирскихъ городовъ, 3) о сравнительныхъ разстояніяхъ этихъ городовъ

отъ Томска и Омска [1]). Собирая и группируя по этимъ пунктамъ современныя данныя, я имѣлъ въ виду не столько членовъ коммиссіи, болѣе или менѣе знакомыхъ съ этими вопросами, сколько читателей нашихъ трудовъ, которымъ предстояло рѣшить вопросъ о мѣстопребываніи Сибирскаго университета. Думаю, что нѣкоторыя части этого доклада могутъ быть не безъинтересны и для читающей публики вообще, какъ очеркъ состоянія Сибири въ 70-хъ годахъ. Поэтому позволяю себѣ привести здѣсь небольшія извлеченія изъ печатнаго 2-го протокола трудовъ коммиссіи.

„При взглядѣ на этнографическую карту Сибири легко замѣтить, что русское населеніе этой обширной страны, въ силу климатическихъ и почвенныхъ условій, группируется преимущественно по средней полосѣ сибирской территоріи, занимая широкую ленту черноземной почвы, которая простирается отъ Средняго урала до Амура и далѣе, вплоть до Восточнаго океана.

Къ сѣверу отъ этой полосы начинаются пограничные лѣса и тундры, пригодныя для обитанія только кочевыхъ или полукочевыхъ инородцевъ, къ югу — киргизскія степи, пригодныя по преимуществу для кочевниковъ.

Исключенія здѣсь составляютъ лишь отдѣльные оазисы плодородной почвы, могущіе привлечь извѣстную часть осѣдлаго русскаго населенія, но сплошная или даже вообще значительная колонизація южно-Акмолинской степи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ едва-ли будетъ возможна. Въ Томской и Енисейской губерніяхъ лента черноземной полосы значительно расширяется къ югу, къ предгоріямъ Алтая, вслѣдствіе чего и русское населеніе разлилось здѣсь значительно шире. Эта часть Сибири проявляла до настоящаго времени болѣе жизненныхъ силъ, чѣмъ остальныя ея части. Ей предстоитъ и болѣе блестящее будущее, такъ какъ въ ней сгруппированы массы самыхъ разнообразныхъ естественныхъ богатствъ, и она пользуется сравнительно лучшими климатическими условіями. Напротивъ того, между Обью и Иртышемъ сѣверная тундра простирается гораздо далѣе на югъ и почти непосредственно переходитъ въ южныя степи, образуя, такъ называемую, Барабинскую и Кулундинскую степь, отдѣляющую Томскую губернію отъ Тобольской губерніи и Акмолинской области. Эта, частію болотистая, частію степная полоса, съ горько-соленымъ озеромъ и солончаками тоже мало пригодна для густаго осѣдлаго населенія. Наконецъ, отъ черноземной срединной полосы, сплошь заселенной русскимъ племенемъ, тянутся въ разныя стороны, по направленію рѣкъ, узкія и

---

[1]) См. Трудъ коммиссіи, стр. 12—36.

сравнительно жидкія полосы русскаго населенія, почти исключительно по берегамъ главныхъ сибирскихъ рѣкъ, служащихъ въ отдаленныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ главными, почти единственными, путями сообщенія. Таковы степныя поселенія вдоль по Иртышу, выше Омска, по среднему теченію Оби, по нижнему теченію Енисея, по Ленѣ и нѣкоторымъ ея притокамъ.

Такое распредѣленіе русскаго осѣдлаго населенія, сообразующееся съ характеромъ сибирской почвы, съ климатическими и экономическими условіями, нельзя не принять во вниманіе при опредѣленіи центральности избираемаго для университета города. Изъ вышеприведеннаго очерка ясно, что географическій центръ по отношенію ко всему пространству Сибири далеко не совпадаетъ съ центромъ этнографическаго распредѣленія населенія. Для опредѣленія послѣдняго необходимо взять во вниманіе не все пространство Сибири, а только ту культурную и населенную ея полосу, которая, соотвѣтствуя черноземной полосѣ, тянется въ видѣ широкой ленты съ запада на востокъ черезъ всю Сибирь. Начиная отъ границъ Пермской губерніи, затѣмъ, частію прерываясь за Иртышемъ, на протяженіи около 600 верстъ, Барабинскою степью, эта, сплошь населенная полоса тянется до Байкала и далѣе, до верховьевъ Амура. По отношенію къ ней Омскъ лежитъ почти на самой юго-западной окраинѣ, Томскъ же, считая отъ Байкала, занимаетъ совершенно центральное мѣсто.

По отношенію къ Томску и Омску христіанское народонаселеніе Сибири распредѣляется такъ: на западъ отъ Томскаго меридіана (считая всю Тобольскую губернію, половину Томской, всю Акмолинскую область и $^3/_4$ Семипалатинской) живетъ 1.555.785 душъ. На востокъ отъ того же меридіана (считая восточную половину Томской губерніи и всю восточную Сибирь) христіанскаго населенія живетъ 1.627.203.

По отношенію къ Омску, на западъ отъ Омскаго меридіана (Тобольская губернія и Акмолинская область) христіанское населеніе составляетъ 1.025.352 души обоего пола; на востокъ же отъ сего меридіана 2.057.638.

Изъ приведенныхъ статистическихъ данныхъ усматривается, что наиболѣе центральнымъ пунктомъ для христіанскаго населенія всей Сибири слѣдуетъ считать г. Томскъ.

Въ перечисленныхъ 25 городахъ, лежащихъ ближе къ Томску, со включеніемъ и сего послѣдняго, существуетъ 7 среднихъ учебныхъ заведеній, дающихъ право на поступленіе въ университетъ, именно: въ Томскѣ—гимназія и духовная семинарія, въ Иркутскѣ—гимназія и духовная семинарія, въ Красноярскѣ — гимназія, въ

Якутскѣ—духовная семинарія, въ Благовѣщенскѣ — духовная семинарія, сверхъ того, двѣ прогимназіи: въ Николаевскѣ и Якутскѣ, и предполагается къ открытію гимназія въ Читѣ.

Въ городахъ, лежащихъ ближе къ Омску, со включеніемъ, его самого, имѣется только три соотвѣтствующихъ учебныхъ заведенія, именно въ Тобольскѣ гимназія и духовная семинарія и въ Омскѣ только что открытая гимназія. Сверхъ того, по устному заявленію главнаго инспектора училищъ Западной Сибири, генералъ-губернатору заявлено ходатайство городскихъ обществъ относительно учрежденія прогимназій въ Семипалатинскѣ, Петропавловскѣ и Каинскѣ, но въ министерствѣ народнаго просвѣщенія объ этомъ до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній не имѣется.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, коммиссія пришла къ заключенію, что Томскъ, по центральности его положенія, относительно общаго и городскаго населенія Сибири, слѣдуетъ признать наиболѣе удобнымъ пунктомъ для учрежденія Сибирскаго университета. Такой выборъ вполнѣ удовлетворялъ бы и цѣлямъ учрежденія университета и потребностямъ всей Сибири. Если въ настоящее время жители Сибири затрудняются доставлять своимъ дѣтямъ высшее образованіе и сознаютъ настоятельную потребность въ мѣстномъ университетѣ, то именно потому, что ближайшій отъ нихъ университетъ — Казанскій удаленъ отъ центра Сибири почти на три тысячи верстъ. Предполагаемый нынѣ къ открытію Сибирскій университетъ долженъ устранить это неудобство, т. е. приблизить по возможности всѣ сибирскіе города къ мѣсту высшаго образованія. Это условіе тѣмъ болѣе важно, что Сибирь сама по себѣ представляетъ слишкомъ большія разстоянія. Проѣхать всю Сибирь, считая даже отъ Иркутска, не включая Забайкальскую, Якутскую, Амурскую и Приморскую области, гдѣ также, вѣроятно, въ скоромъ времени возникнутъ гимназіи, — есть подвигъ для молодыхъ людей, сопряженный съ большими трудностями, потерей времени и значительными издержками. Кто проѣхалъ всю Сибирь до Тюмени, того не устрашитъ уже, сравнительно менѣе значительный, а главное болѣе удобный и дешевый путь до Казани и даже до Москвы. Поэтому университетъ, учрежденный въ Омскѣ, на самой западной окраинѣ обширнѣйшей сибирской территоріи, будучи удаленъ отъ большей части сибирскихъ гимназій и духовныхъ семинарій на многія сотни и даже тысячи верстъ, принесъ бы учащемуся сибирскому юношеству наименьшую выгоду.

Далѣе коммиссія полагаетъ, что при сравненіи городовъ необходимо принимать во вниманіе не одно только разстояніе, но и средства сообщенія. И въ этомъ отношеніи Томскъ представляетъ существенныя

преимущества передъ Омскомъ, находясь въ центрѣ всѣхъ главнѣйшихъ путей сообщенія Сибири. Черезъ него проходитъ, такъ называемый, сибирскій почтовый трактъ, отъ него начинается правильное срочное пароходство до Тобольска и Тюмени, помощью котораго производится главнѣйшее передвиженіе по Сибири грузовъ и пассажировъ. Вслѣдствіе этого, Томскъ гораздо болѣе связанъ даже съ Тобольскомъ и Тюменью, несмотря на то, что эти города по разстоянію ближе къ Омску.

По богатству и внѣшнему благоустройству, городъ Томскъ, по отношенію къ Сибирскому университету, могъ бы считаться наиболѣе удовлетворительнымъ: а) для прiисканія соотвѣтствующаго числа квартиръ, какъ для профессоровъ и служащихъ при университетѣ, такъ и для студентовъ. По заявленію томскаго городскаго головы квартиры въ настоящее время могутъ быть нанимаемы для штабъ-офицерскихъ чиновъ отъ 300 до 500 руб. въ годъ, а для оберъ-офицерскихъ отъ 120 до 300 руб. въ годъ, смотря по мѣстности и удобствамъ. Принимая во вниманіе цѣнность недвижимыхъ имуществъ города, число каменныхъ и деревянныхъ жилыхъ домовъ въ немъ, дешевизну строительныхъ матеріаловъ и достаточное число капиталистовъ, могущихъ предпринять постройку новыхъ зданій, коммиссія полагаетъ, что при открытіи университета квартирный вопросъ здѣсь не представитъ никакого затрудненія; б) Томскъ былъ бы полезнѣе Омска для приумноженія матеріальныхъ средствъ на устройство и обогащеніе университета учебными пособіями, путемъ частныхъ пожертвованій и содѣйствіемъ города къ расширенію и улучшенію его лѣчебныхъ заведеній, предоставленныхъ въ пользованіе университета,—обезпеченія матеріальнаго быта студентовъ, для поощренія ученыхъ предпріятій профессоровъ и пр. Интересы университета обыкновенно ближе всего сознаются жителями университетскаго города, поэтому, чѣмъ послѣдніе богаче и просвѣщеннѣе, тѣмъ они болѣе способны къ поддержанію и обогащенію своего разсадника просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ Томскъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ, безспорно, оказалъ бы университету наибольшую пользу, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Сибири, неоднократно уже заявившій себя разными пожертвованіями въ пользу благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій.

в) По отношенію къ физико-математическому факультету, имѣющему цѣлью, кромѣ своихъ учебныхъ задачъ, изученіе естественныхъ богатствъ страны и чрезъ это споспѣшествованіе ея промышленности, пребываніе въ Томскѣ, какъ городѣ наиболѣе богатомъ, могло бы значительно содѣйствовать ученой дѣятельности профессоровъ. Задачи ихъ по вопросамъ изслѣдованія края могутъ быть выполняемы болѣе успѣшно только при содѣйствіи мѣстныхъ капиталистовъ, прямо за-

*

интересованныхъ въ этомъ дѣлѣ и, слѣдовательно, могущихъ содѣйствовать своими средствами ученымъ экспедиціямъ профессоровъ въ свободное отъ ихъ учебныхъ занятій время. Какое вліяніе имѣютъ ученыя силы и лабораторіи высшихъ учебныхъ заведеній на производительность края и на изслѣдованіе его, втунѣ лежащихъ, сокровищъ, видно изъ того, что почти всѣ, нынѣ существующіе, русскіе университеты безпрерывно получаютъ разнообразнѣйшія предложенія со стороны частныхъ лицъ по изслѣдованію разныхъ рудъ, красокъ, солей, почвенныхъ земель, минеральныхъ водъ и пр., съ цѣлью уяснить возможность или невозможность того или другаго промышленнаго предпріятія. Въ этомъ отношеніи университетъ, расположенный въ центрѣ промышленнаго района и въ богатомъ промышленномъ городѣ, каковъ Томскъ, безъ сомнѣнія, окажетъ гораздо болѣе благотворнаго вліянія на производительность страны, чѣмъ существующій въ сторонѣ отъ промышленной жизни, въ городѣ чисто административномъ. Этому можетъ также содѣйствовать и то обстоятельство, что Томскъ лежитъ вблизи самаго богатаго и интереснаго въ этомъ отношеніи Алтайскаго округа, въ которомъ, при содѣйствіи ученыхъ силъ университета, по всей вѣроятности, будутъ найдены громадныя минеральныя богатства, до сихъ поръ слабо изслѣдованныя. Сверхъ того, ученые представители Сибирскаго университета изъ Томска имѣли бы большую возможность, въ каникулярное время, распространять свои ученыя изысканія и на болѣе отдаленныя области восточной Сибири и Сѣвернаго океана, такъ какъ изъ Томска существуетъ къ этому гораздо болѣе способовъ и относительно матеріальныхъ средствъ на подобныя экспедиціи, и относительно средствъ сообщенія, при частыхъ пароходныхъ и сухопутныхъ сношеніяхъ томскихъ купцовъ и промышленниковъ съ этими отдаленными мѣстностями. Такія экспедиціи, кромѣ пользы для края, приносили бы университету богатые ученые вклады для его кабинетовъ и музеевъ, что̀ имѣло бы особенно важное значеніе въ университетѣ новомъ, нуждающемся въ коллекціяхъ по всѣмъ царствамъ природы и преимущественно въ коллекціяхъ своего края.

Далѣе въ моемъ докладѣ разсматриваются Томскъ и Омскъ въ климатическомъ и санитарномъ отношеніяхъ и по условіямъ жизни въ этихъ городахъ. Данныя, на основаніи которыхъ сдѣланы эти характеристики, почерпнуты мною частью изъ литературныхъ источниковъ, но главнымъ образомъ изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ по Томску А. Ип. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, а по Омску М. Г. Соколовымъ, медицинскимъ инспекторомъ западной Сибири. Они имѣли документальный характеръ, потому трудно было сдѣлать противъ нихъ вѣскія возраженія.

Третье засѣданіе коммиссіи было 28 ноября. Въ немъ обсуждался

вопросъ, тоже на основаніи составленнаго мною доклада, о значеніи лѣчебныхъ заведеній Томска и Омска, какъ необходимыхъ пособій для медицинскаго образованія въ будущемъ Сибирскомъ университетѣ. Опредѣливъ по отчетамъ число и размѣры больницъ и лазаретовъ въ томъ и другомъ городѣ, я объяснилъ коммиссіи значеніе этого матеріала: а) для устройства госпитальныхъ клиникъ и б) для снабженія медицинскаго факультета трупами, для чего могутъ быть весьма полезны и больницы тюремныхъ замковъ. Далѣе мною выяснено относительное значеніе городскихъ больницъ и военныхъ лазаретовъ въ смыслѣ пригодности ихъ для клиническихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи Омскій военный госпиталь, несмотря на его значительные размѣры на 150—200 кроватей, можетъ принести меньше пользы клиническому преподаванію, нежели Томская больница приказа на 75 кроватей.

Въ четвертомъ засѣданіи коммиссіи (1 декабря) разсматривался вопросъ объ естественныхъ условіяхъ, способствовавшихъ возникновенію и существованію городовъ Томска и Омска, и о прочности этихъ условій по отношенію къ будущности названныхъ городовъ (стр. 67—89, докладъ А. И. Деспота-Зеновича).

Въ пятомъ засѣданіи (8 декабря) коммиссія разсматривала вопросъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ городовъ Томска и Омска, могущихъ доставить университету контингентъ учащихся; о средствахъ, отпускаемыхъ означенными городами на поддержаніе среднихъ учебныхъ заведеній, и о вѣроятной будущности Томска и Омска по отношенію къ дальнѣйшему развитію въ нихъ среднихъ учебныхъ заведеній; о пособіяхъ со стороны сибирскихъ городовъ и частныхъ лицъ учреждаемому Сибирскому университету; значеніе такихъ пособій по отношенію къ существующимъ русскимъ университетамъ и къ университету Сибирскому въ связи съ учрежденіемъ его въ Томскѣ или въ Омскѣ (стр. 89—101, мой докладъ).

Во всѣхъ предшествовавшихъ засѣданіяхъ омскіе члены Дзюба и Курбановскій не дѣлали почти никакихъ возраженій, можетъ быть, потому, что трудно было сказать что-либо противъ фактовъ и цифръ, но отчасти и потому, что они раньше не были ознакомлены съ моими докладами. По этому поводу нашъ предсѣдатель князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ 7 декабря прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

„М. Г. Вас. Марк., сегодня былъ у меня А. П. Дзюба. Онъ очень проситъ доставить ему до засѣданія тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ просилъ васъ письменно. Положеніе его, понятно, весьма непріятное, и онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать свое слово въ защиту Омска, интересы котораго онъ обязанъ оберегать по порученію генералъ-губернатора. Онъ совершенно согласенъ, что всѣ данныя на сторонѣ Томска, но не сказать ни слова за Омскъ онъ, а

вѣроятно и его товарищъ признаютъ для себя невозможнымъ. Если вамъ угодно назначить ему часъ, когда онъ можетъ застать васъ дома, то онъ придетъ самъ къ вамъ. Весьма непріятная коммиссія защищать дѣло, которому не сочувствуешь. До свиданія. Завтра въ 12 часовъ.—Покорный слуга кн. А. Шихматовъ".

Само собой разумѣется, что мной въ тотъ же день были переданы А. П. Дзюбѣ всѣ мои доклады по предшествовавшимъ засѣданіямъ и по предстоящему на слѣдующій день (8 декабря) разсмотрѣнію вопроса о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для заблаговременнаго съ нимъ ознакомленія. Но, несмотря на это, Дзюба ни на другой день, ни позднѣе не высказалъ никакихъ замѣчаній съ своей стороны. Сказать было дѣйствительно нечего. Въ Омскѣ и во всей Акмолинской и Семипалатинской областяхъ изъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній существовала всего одна гимназія, открытая лишь годъ тому назадъ (15 августа 1876 г.). Изъ городовъ Тобольской губерніи гимназія и дух. семинарія существовали только въ одномъ Тобольскѣ, откуда воспитанникамъ гораздо удобнѣе было отправляться въ Томскъ, при правильномъ нароходномъ сообщеніи по Иртышу и Оби, нежели въ Омскъ по почтовому тракту (600 верстъ); правильныхъ пароходныхъ рейсовъ по Иртышу между Тобольскомъ и Омскомъ въ то время совсѣмъ не существовало и не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ. О новыхъ гимназіяхъ въ Тюмени, Ишимѣ, Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ, по незначительности этихъ городовъ, нельзя было поднимать серьѐзнаго вопроса. Это была бы пустая иллюзія.

Послѣднія засѣданія коммиссіи были 15 и 19 декабря. Въ первомъ изъ нихъ была прочитана пространная записка А. И. Деспота-Зеновича: „историческій очеркъ ссылки въ Сибирь, начиная съ временъ царя Алексѣя Михайловича до нашихъ дней [1]). Здѣсь же разбирались категоріи ссыльныхъ — государственныхъ преступниковъ, политическихъ преступниковъ и осужденныхъ за общія гражданскія преступленія, съ объясненіемъ отношенія каждой изъ этихъ категорій къ городамъ Томску и Омску. Въ томъ же засѣданіи прочитана другая записка члена М. Н. Курбановскаго по тому же вопросу. По

[1]) А. Ив. Деспотъ-Зеновичъ, кромѣ участія въ коммиссіи по избранію города для Сибирскаго университета, въ которой онъ прочиталъ два вышеуказанныхъ доклада, никакого дальнѣйшаго участія въ вопросахъ о Сибирскомъ университетѣ не принималъ. Объ этомъ я считаю не излишнимъ упомянуть потому, что въ некрологѣ его, напечатанномъ въ № 6909 „Новаго Времени" (26 мая 1895 г.), несправедливо сказано, будто бы „окончательное рѣшеніе о выборѣ мѣста для Сибирскаго университета состоялось на основаніи усиленныхъ стараній и представленій Александра Ивановича". Ничего подобнаго не было и быть не могло.

выслушаніи этихъ докладовъ и дебатовъ по нимъ, коммиссія пришла къ заключенію, что вопросъ о ссыльныхъ при выборѣ города для Сибирскаго университета не можетъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ: 1) этотъ элементъ, находящійся и въ Томскѣ и въ Омскѣ, составляемъ самую незначительную часть населенія, 2) онъ не заключаетъ въ себѣ дѣйствительно опасныхъ государственныхъ преступниковъ, наконецъ, 3) этотъ элементъ на будущее время легко можетъ быть совершенно устраненъ административными или законодательными мѣрами.

Въ послѣднемъ засѣданіи, 19 декабря, мною былъ прочитанъ сводъ заявленій отъ разныхъ сибирскихъ городскихъ обществъ, обсуждавшихъ вопросы о наиболѣе соотвѣтствующемъ ихъ выгодамъ и удобстрамъ мѣстѣ для учрежденія Сибирскаго университета. Изъ 11 городовъ 8 высказывались въ пользу Томска, 2 въ пользу Омска (Омскъ и Тюмень) и 1 Тобольскъ заявилъ свои собственныя права на Сибирскій университетъ.

За два дня до послѣдняго засѣданія я получилъ отъ князя А. Пр. Ширинскаго - Шихматова слѣдующее письмо: „М. Г. Вас. Марк. Вчера вечеромъ, я видѣлъ графа Дмитрія Андреевича (Толстого). Передавъ ему свѣдѣнія о ходѣ дѣла въ коммиссіи, графъ высказалъ свое желаніе, дабы все дѣло было представлено ему въ напечатанномъ экземплярѣ и просилъ теперь же начать печатать его въ числѣ 100 экземпляровъ. Графъ весьма желаетъ и признаетъ необходимымъ, чтобы коммиссія высказала въ своихъ протоколахъ о необходимости назначенія попечителя со времени приступа къ постройкѣ университетскихъ зданій. Думаю, что объ этомъ надобно заявить въ понедѣльникъ въ засѣданіи. Другое непремѣнное желаніе графа, дабы коммиссія высказала необходимость прекращенія ссылки въ Томскъ, въ случаѣ назначенія его университетскимъ городомъ (съ чѣмъ по запискѣ А. И. Деспота-Зеновича коммиссія вполнѣ согласна), это условіе должно быть высказано, какъ и первое (о попечителѣ), какъ непремѣнныя условія, въ протоколахъ коммиссіи.

„Дай Богъ намъ благополучно и мирно окончить начатое дѣло, столь убѣдительно высказанное въ пользу Томска, трудами вашего превосходительства и А. Ив. Д.-З., доказательства котораго для меня также весьма убѣдительны.

„Прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, покорнѣйшій слуга

17 дек. 1877 г.“ кн. А. Шихматовъ.

P. S. Въ понедѣльникъ только я могу разсчитывать видаться съ М. Е. Брадке и передать ему волю графа. Если вы увидитесь съ

нимъ ранѣе, потрудитесь передать ему. Впрочемъ, едва-ли вы успѣете приготовить къ печатанію часть трудовъ и протоколовъ вашихъ до понедѣльника. Графъ желаетъ, чтобы, по принятому въ министерствѣ обыкновенію, протоколы и приложенія были напечатаны въ восьмушку, для удобства читающихъ".

Протоколы у меня были готовы, и я на другой же день свезъ ихъ въ типографію, сообщивъ М. Е. Брадке о распоряженіяхъ графа. Въ тотъ же день я заготовилъ для предстоящаго послѣдняго засѣданія дополнительный текстъ о ссыльныхъ и попечителѣ, согласно желанію министра, и проектъ заключенія коммиссіи. Вотъ ихъ содержаніе:

„Вслѣдствіе выработаннаго коммиссіею убѣжденія, что Сибирскій университетъ было бы цѣлесообразнѣе учредить въ городѣ Томскѣ, сочтено необходимымъ, по предложенію предсѣдателя коммиссіи, коснуться вопроса о подчиненіи университета, въ семъ послѣднемъ случаѣ, подлежащей мѣстной власти.

По существующему порядку, всѣ русскіе университеты подчинены непосредственно начальству попечителей учебныхъ округовъ, имѣющихъ постоянное мѣстопребываніе въ соотвѣтствующемъ университетскомъ городѣ. Послѣднее обстоятельство признается необходимымъ потому, что университетъ, болѣе чѣмъ всѣ остальныя, среднія и низшія учебныя заведенія, требуетъ постояннаго бдительнаго попеченія о развитіи и преуспѣяніи его многоразличныхъ учебныхъ учрежденій и о правильномъ строѣ учебной жизни. Направленіе высшаго образованія и обезпеченіе его соотвѣтствующими средствами составляютъ такую сложную и спеціальную задачу, которая не можетъ быть съ успѣхомъ выполнена лицомъ, обремененнымъ множествомъ разнообразныхъ занятій по другимъ частямъ управленія. По сему, вслѣдствіе дознаннаго опытомъ неудобства совмѣщенія, по отношенію къ университету, обязанностей попечителя въ лицѣ генералъ-губернатора, признано необходимымъ поручать вѣдѣніе университетами спеціально для сего предназначенному лицу—попечителю учебнаго округа, служащему непосредственнымъ органомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ такомъ духѣ было преобразовано высшее управленіе университетами: Харьковскимъ, св. Владиміра, Варшавскимъ, которые въ прежнее время были подчинены вѣдѣнію мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ; въ такомъ же видѣ было устроено управленіе недавно открытаго Новороссійскаго университета.

По отношенію ко вновь учреждаемому университету Сибирскому, такое подчиненіе его спеціальному лицу отъ министерства народнаго просвѣщенія представляется условіемъ еще болѣе необходимымъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Такое лицо необходимо при первоначальномъ устройствѣ Сибирскаго университета, для наблюденія за постройками зданій и приспособленіями ихъ къ спеціальнымъ учебнымъ цѣлямъ. Частности этихъ приспособленій не могутъ быть выполнены однимъ архитекторомъ или строительною коммиссіею, по заранѣе опредѣленному плану, безъ совѣта и руководства спеціально знакомаго съ этимъ дѣломъ лица отъ учебнаго вѣдомства. Таковы постройки аудиторій, лабораторій, учебныхъ кабинетовъ, музеевъ, библіотеки, спеціальныхъ клиникъ, анатомическаго и физіологическаго институтовъ и т. п. Какъ бы тщательно ни были выработаны проекты построекъ, но, при детальной отдѣлкѣ ихъ по устройству учебныхъ приспособленій, всегда потребуется ежедневное наблюденіе, на мѣстѣ постройки, со стороны лица, знакомаго съ учебнымъ дѣломъ. Безъ этого, лучшимъ архитекторомъ могутъ быть допущены крупныя ошибки и излишнія затраты, не соотвѣтствующія цѣлямъ учрежденія. Такія ошибки встрѣчались неоднократно, при чемъ учебныя зданія, при открытіи въ нихъ занятій, оказывались неудобными, именно потому, что частности ихъ приспособленій производились исключительно лицами, незнакомыми съ потребностями учебныхъ каѳедръ.

Наблюденіе спеціальнаго лица отъ учебнаго вѣдомства необходимо, не только во время постройки университетскихъ зданій, но даже при первой планировкѣ ихъ и закладкѣ; ибо размѣщеніе спеціальныхъ построекъ, каковы, напримѣръ, клиники, анатомическій институтъ, астрономическая обсерваторія и проч. требуютъ и съ гигіенической и съ научной стороны соблюденія особыхъ условій, пренебреженіе которыми можетъ лишить спеціальныя постройки значительной доли ихъ цѣнности въ учебномъ и научномъ смыслѣ. Такіе примѣры случались неоднократно. Казанскій университетъ, напримѣръ, признаетъ свою астрономическую обсерваторію неудобною именно потому, что она выстроена вблизи улицы, слѣдовательно, при постройкѣ ея не было принято во вниманіе сотрясеніе почвы при городской ѣздѣ, препятствующее точности астрономическихъ наблюденій. Подобныя жалобы высказываютъ профессора и другихъ опытныхъ наукъ, напримѣръ: физики, физіологіи и проч., указывающіе, какъ на крупный недостатокъ своихъ лабораторій—на сотрясеніе приборовъ, установленныхъ на недостаточно солидномъ фундаментѣ. Неправильное помѣщеніе и устройство анатомическихъ зданій можетъ вызвать сѣтованія не только учащихъ и учащихся, но и городскихъ жителей, если при этомъ не будутъ приняты во вниманіе условія гигіены, какъ самаго зданія, такъ и отводящихъ его нечистоты каналовъ. Эти и многіе имъ подобные факты показываютъ, на сколько важно заблаговременно опредѣлить пригодность или непригодность предпола-

гаемаго размѣщенія на отведенной землѣ университетскихъ построекъ, сообразно ихъ спеціальнымъ цѣлямъ, что̀ можетъ быть опредѣлено только лицомъ, близко знакомымъ съ научными требованіями по такимъ вопросамъ.

2) Лицо отъ учебнаго вѣдомства, которому было ввѣрено попеченіе объ университетѣ, необходимо и для того, чтобы заблаговременно озаботиться прісканіемъ и пріобрѣтеніемъ, къ началу открытія учебныхъ курсовъ, необходимѣйшихъ инструментовъ, аппаратовъ и учебныхъ приборовъ для кабинетовъ профессоровъ, книгъ для библіотеки, приборовъ для лабораторій, нѣкоторыхъ коллекцій для музеевъ, безъ которыхъ невозможно начать чтеніе лекцій. Равнымъ образомъ, такое лицо необходимо для пріисканія кандидатовъ на преподавательскія вакансіи и вообще для отношеній и многочисленныхъ заботъ по устройству учебной части. Центральное управленіе министерства народнаго просвѣщенія не можетъ принять такія заботы исключительно на себя, ибо онѣ требуютъ въ извѣстное время присутствія на мѣстѣ устраиваемаго университата, а равно и многочисленныхъ разъѣздовъ для пріисканія необходимыхъ для университета предметовъ. Равнымъ образомъ, по тѣмъ же причинамъ, едва-ли удобно поручить такія заботы генералъ-губернатору, какъ лицу, замѣняющему собою попечителя учебнаго округа; ибо при многочисленности и сложности его прямыхъ обязанностей, для университетскаго дѣла едва-ли оказалось бы у него достаточно свободнаго времени. Наконецъ, нельзя полагать, чтобы такія заботы по устройству университета можно было бы начать предъ самымъ открытіемъ въ немъ учебныхъ курсовъ, такъ какъ, по своей многочисленности и сложности, онѣ требуютъ значительнаго времени. Приготовить помѣщеніе, дать первыя средства для учебныхъ занятій, организовать преподаваніе въ такомъ сложномъ учрежденіи, какъ университетъ, невозможно въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ, особенно принявъ во вниманіе отдаленность разстоянія г. Томска отъ русскимъ и заграничныхъ центровъ, гдѣ можно пріискать все необходимое для организаціи университетскаго учебнаго дѣла.

3) Спеціальное попеченіе объ университетѣ, въ лицѣ особаго попечителя отъ министерства народнаго просвѣщенія, необходимо и при дальнѣйшемъ существованіи этого учебнаго учрежденія,—для единства управленія учебною частію, для болѣе правильнаго надзора за развитіемъ самаго университета и болѣе близкаго попеченія о его многочисленныхъ нуждахъ и потребностяхъ, и для болѣе прямаго и близкаго сношенія, какъ съ управленіемъ университета, такъ и съ центральнымъ управленіемъ министерства народнаго просвѣщенія.

Всѣ эти условія были бы совершенно невыполнимы въ томъ слу-

чаѣ, если бы Сибирскій университетъ, при учрежденіи его въ городѣ Томскѣ, былъ подчиненъ непосредственному вѣдѣнію генералъ-губернатора западной Сибири, имѣющаго пребываніе въ г. Омскѣ.

Въ продолженіе недѣли печатаніе трудовъ коммиссіи было окончено и 100 экземпляровъ брошюръ доставлены князю Александру Прохоровичу. Одновременно съ этимъ мнѣ же было поручено составленіе и печатаніе записки для внесенія въ Государственный Совѣтъ разсмотрѣннаго въ коммиссіи вопроса объ избраніи города для Сибирскаго университета. Эта послѣдняя работа не требовала много времени. Она заключалась въ томъ, чтобы въ сжатомъ видѣ, рельефно изложить самую сущность нашихъ разсужденій, такъ сказать, подвести итоги заключеніямъ коммиссіи. Исполнивъ эту работу и прочитавъ ее въ рукописи князю Ширинскому и графу Дм. А. Толстому, я передалъ ее дѣлопроизводителю Бѣлявскому для отправленія въ типографію, помимо директора департамента. Это обстоятельство вызвало неудовольствіе со стороны М. Е. Брадке, о чемъ замѣтилъ мнѣ и князь Ал. Прох., хотя и въ очень деликатной формѣ. Вотъ его письмо: „Я думаю, многоуважаемый Василій Марковичъ, что вы не посѣтуете на меня за выраженіе моего мнѣнія,—что проектъ записки, готовящійся въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ представленіе, долженъ бы быть на разсмотрѣніи директора департамента и одобренъ имъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, не по существу дѣла, а по формѣ. Когда этотъ вопросъ будетъ считаться оконченнымъ, я прочту это представленіе и засимъ, по одобреніи графа, онъ долженъ быть напечатанъ въ незначительномъ числѣ экземпляровъ. Даже о мѣстѣ печати надобно будетъ переговорить съ Мануиломъ Егоровичемъ. Я держусь такого правила въ сношеніяхъ моихъ съ департаментомъ, что не миную никоимъ образомъ подлежащую власть, отвѣтственную за все, что въ департаментѣ дѣлается. Я позволилъ себѣ сообщить для свѣдѣнія вамъ способъ моихъ сношеній съ департаментомъ, дабы не вызвать какихъ-либо недоразумѣній, становясь въ прямыя сношенія съ дѣлопроизводителями. Извините за эту замѣтку. Вашъ покорный слуга кн. А. Ширинскій, 25 янв. 1878 г.“.

Ошибка моя въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, что, получивъ одобреніе записки отъ г. министра, для ускоренія дѣла, я думалъ миновать цѣлую лѣстницу формальныхъ представленій, сначала директору департамента, потомъ предсѣдателю коммиссіи, который съ запискою хорошо знакомъ, а этотъ послѣдній, по формѣ дѣлопроизводства, долженъ былъ представить ее министру. Само собой разумѣется, что я поступилъ согласно указанію князя. На эту процедуру потребовалась цѣлая недѣля. Директоръ сдѣлалъ на запискѣ кое-какія стилистическія поправки, и она печаталась уже послѣ моего отъ-

ѣзда въ Казань (3 февр.). Въ Государственный Совѣтъ это представленіе было внесено 11 февраля 1878 года, за № 1917.

Въ то время, когда происходили засѣданія комиссіи объ избраніи города для Сибирскаго университета, я уже состоялъ на службѣ въ Казанскомъ университетѣ (утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней 17 октября 1877 г.). Разоривъ свою петербургскую квартиру и распродавъ наибольшую часть громоздкой движимости, я съ ноября мѣсяца переселился съ семьей въ гостиницу и ожидалъ только окончанія коммиссіонныхъ дѣлъ, чтобы двинуться въ путь. О причинахъ моего перемѣщенія въ Казань я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Первый годъ послѣ оставленія службы въ медицинской академіи я не замѣчалъ пустоты въ моей новой служебной обстановкѣ. Поѣздка по всѣмъ русскимъ университетамъ, затѣмъ обработка собранныхъ при этомъ матеріаловъ, дальнѣйшія занятія въ коммиссіи по пересмотру общаго университетскаго устава и по разработкѣ вопроса о Сибирскомъ университетѣ наполняли мой досугъ болѣе чѣмъ достаточно. Я видѣлъ передъ собой живое и, казалось, плодотворное дѣло и невольно увлекался имъ. Но это были временныя занятія, по минованіи которыхъ въ будущемъ не представлялось ничего, кромѣ монотонныхъ засѣданій, по разу въ недѣлю, въ ученомъ комитетѣ и въ медицинскомъ совѣтѣ, гдѣ я состоялъ членомъ. Это нельзя было назвать настоящею службой для человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ и духовныхъ силъ (мнѣ тогда было всего 42 года). Такія должности обыкновенно занимаютъ либо въ видѣ придатка къ другимъ занятіямъ, либо люди, уже закончившіе свою активную карьеру. Послѣднее для меня было еще слишкомъ рано. Сверхъ того, по старой привычкѣ, я начиналъ скучать объ аудиторіи, о профессорской обстановкѣ и о научныхъ интересахъ, связанныхъ съ этою обстановкою. Наконецъ, имѣя уже за спиной 19 лѣтъ учебной службы, для меня былъ не безразличенъ и пенсіонный вопросъ, который въ званіи профессора разрѣшается вполнѣ опредѣленно и въ болѣе короткій срокъ, тогда какъ, состоя членомъ ученаго комитета и медицинскаго совѣта, я предоставлялъ бы свою семью въ этомъ отношеніи только благоусмотрѣнію высшаго начальства. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я рѣшился просить графа Дмитрія Андреевича отпустить меня въ Казань, гдѣ въ это время освободилась вакансія по той каѳедрѣ, которую я занималъ прежде въ медицинской академіи (вслѣдствіе перехода профессора Славянскаго на мое мѣсто въ Петербургъ).

Графу мое желаніе съ перваго раза показалось страннымъ. Зная, что въ Петербургѣ я имѣлъ большую врачебную практику, онъ находилъ мое перемѣщеніе въ провинціальный городъ какъ бы шагомъ назадъ

по житейской лѣстницѣ. Онъ убѣждалъ меня не оставлять дѣла по Сибирскому университету, надѣялся на скорое его открытіе и обѣщалъ назначить меня ректоромъ этого университета, при чемъ права моей учебной службы и пенсіи нисколько не пострадаютъ. Слышать такое участіе мнѣ было очень пріятно, но, тѣмъ не менѣе, я не могъ не высказать сомнѣнія въ близкомъ осуществленіи Сибирскаго университета и въ томъ, какіе факультеты въ немъ будутъ открыты. 1877 годъ былъ годомъ политическихъ тревогъ, по случаю разгоравшейся восточной войны. Можно ли было предвидѣть, чѣмъ все это кончится и какъ отразится на нашихъ финансахъ и на срокѣ осуществленія Сибирскаго университета.

17 сентября 1877 г. я послалъ графу (находившемуся тогда въ своемъ имѣніи) письмо такого содержанія:

„Ваше сіятельство были такъ милостивы ко мнѣ, что по выходѣ моемъ изъ медико-хирургической академіи по возможности устроили мою судьбу, прикомандировавъ меня къ министерству народнаго просвѣщенія съ назначеніемъ членомъ медицинскаго совѣта. Въ этомъ положеніи, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, я имѣлъ достаточно занятій, вполнѣ меня удовлетворяющихъ, главнымъ образомъ по обязанности члена высочайше учрежденной коммиссіи по пересмотру университетскаго устава и по вопросамъ о проектируемомъ Сибирскомъ университетѣ. Въ настоящее время всѣ эти случайныя и временныя занятія приходятъ къ концу и въ будущемъ мнѣ предстоитъ ограничиться исполненіемъ весьма немногочисленныхъ обязанностей по званію члена ученаго комитета и медицинскаго совѣта.

Вашему сіятельству угодно было выразить мнѣ весьма лестное предложеніе о назначеніи меня впослѣдствіи ректоромъ будущаго Сибирскаго университета. Эта дѣятельность вполнѣ соотвѣтствовала бы моимъ желаніямъ, такъ какъ вашему сіятельству извѣстно, что въ это дѣло до сихъ поръ я вкладывалъ всю мою душу и всегда бы былъ готовъ служить ему съ полнымъ увлеченіемъ. Но я опасаюсь, что осуществленіе Сибирскаго университета при нынѣшнихъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ можетъ быть, если не отклонено, то отложено на продолжительное время.

Въ послѣднемъ случаѣ мнѣ пришлось бы долго оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что самая постройка университетскихъ зданій потребуетъ не менѣе 3—4 лѣтъ времени. Принимая это во вниманіе и предполагая, что вашему сіятельству было бы затруднительно ходатайствовать о назначеніи меня ректоромъ Сибирскаго университета со времени начала его построекъ, я осмѣливаюсь просить вашего разрѣшенія снова поступить на учебную профессорскую службу. Поводомъ къ этой просьбѣ послужило открытіе

свободной каѳедры въ Казани, вслѣдствіе перемѣщенія проф. Славянскаго въ медико-хирургическую академію на оставшуюся послѣ моего выхода изъ академіи вакансію. Вслѣдствіе этого я могъ бы нынѣ же предъявить себя однимъ изъ кандидатовъ для замѣщенія каѳедры акушерства и женскихъ болѣзней въ Казанскій университетъ, если бы ваше сіятельство изъявили согласіе отпустить меня изъ Петербурга. Профессорскую службу я предпочиталъ бы нынѣшнему своему неопредѣленному положенію не только вслѣдствіе образовавшейся уже привычки къ преподавательской дѣятельности, но и потому, что тамъ я могъ бы разсчитывать черезъ 6 лѣтъ на полную профессорскую пенсію.

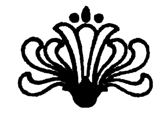
Если бы вашему сіятельству благоугодно было имѣть меня впослѣдствіи въ виду для продолженія дѣлъ по Сибирскому университету, то я во всякое время принялъ бы это порученіе съ охотой и благодарностью, даже состоя на профессорской службѣ, тѣмъ болѣе, что до открытія курсовъ въ Сибирскомъ университетѣ едва-ли будетъ предстоять надобность окончательно переселиться въ Томскъ".

На это я получилъ отъ графа слѣдующее отвѣтное письмо отъ 21 сент.: „Какъ мнѣ ни прискорбно разстаться на нѣсколько лѣтъ съ вами, многоуважаемый Василій Марковичъ, но я не почитаю себя вправѣ мѣшать продолженію вашей ученой карьеры, на которой вы составили себѣ извѣстность. Позвольте надѣяться, что вы не откажетесь пріѣхать на короткое время изъ Казани въ Петербургъ для участія въ коммиссіи о мѣстѣ для учрежденія Сибирскаго университета. Къ сожалѣнію, открытіе этой коммиссіи замедлилось, какъ знаете, за неприбытіемъ г. Дзюбы и за недоставленіемъ генералъ-губернаторомъ затребованныхъ отъ него свѣдѣній. Искренно преданный вамъ гр. Д. Толстой. Лѣсище, 21 сентября 1877 года".

Такимъ образомъ, графъ благословилъ меня подать ректору Казанскаго университета заявленіе о моей кандидатурѣ и взялъ съ меня обѣщаніе, будучи въ Казани, относиться къ Сибирскому университету такъ же, какъ я относился къ нему до сихъ поръ. Это было въ сентябрѣ 1877 года.

По университетскому уставу 1863 года избраніе профессоровъ было всецѣло предоставлено компетенціи факультета и совѣта. Попечитель округа въ этомъ случаѣ игралъ лишь передаточную роль, а министръ только утверждалъ представленіе, почти никогда не выражая въ этихъ дѣлахъ собственной инициативы. Въ автономіи совѣта лежала основа университетскихъ привилегій. Съ преподавательскимъ составомъ Казанскаго университета я въ первый разъ познакомился во время поѣздки коммиссіи въ 1875 году, но независимо отъ того я имѣлъ здѣсь въ числѣ профессоровъ нѣсколько прежнихъ

товарищей по заграничной командировкѣ 1861—63 года, напр., Н. О. Ковалевскаго, Н. А. Виноградова, Н. М. Мельникова, Ив. М. Гвоздева. Здѣсь же были мои старые знакомые проф. В. В. Ворошиловъ и В. В. Пашутинъ. Они весьма сочувственно отнеслись къ моему заявленію, равно какъ и прочіе профессоры. Въ первыхъ же засѣданіяхъ факультета и совѣта, 17 октября, я былъ выбранъ почти единогласно, за исключеніемъ двухъ черныхъ шаровъ, въ ординарные профессоры по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней. Деканъ медицинскаго факультета Н. А. Виноградовъ и профессоръ Пашутинъ тотчасъ же извѣстили меня объ этомъ телеграммой, и я былъ утвержденъ въ должности съ 17 октября 1877 года.

Изъ записокъ П. И. Степанова [1]).

До Эрзерума 35 верстъ; до половины дорога плоской долиной; вокругъ горы грунтъ въ зимнее время долженъ быть топокъ. Турки ведутъ нѣчто въ родѣ дороги, т. е. прямолинейную полосу земли окапываютъ канавками, а матеріалъ для шоссе у нихъ подъ руками; работаютъ солдаты, рота или двѣ, очень лѣниво. Вотъ и знаменитая гора, задавшая страха Суслову, точно ее взять нельзя, чуть не верста отвѣснаго подъема, верхомъ ѣхать нельзя, мы вели лошадей въ поводу, а на верху три батареи.

Ничѣмъ такъ не прохладишься и не утолишь жажды — какъ простоквашею, разбавленною водою. Турки какъ - то особенно ее приготовляютъ.

По лѣстницѣ изъ природныхъ плитъ мы взобрались на гору; необходимъ привалъ, но наверху у караванъ-сарая насъ ожидалъ почетный караулъ, взводъ драгунъ. Въ караванъ-сараѣ были приготовлены ковры, вѣчный кофе, трубки. Какая предупредительность, мы только переглянулись. Сулейманъ - ефенди премилый собесѣдникъ, дорогой кое - что ужъ мнѣ разсказалъ; я подарилъ ему хорошіе часы, разумѣется, не свои.

Эрзерумъ виденъ съ горы, онъ въ лощинѣ, какъ Александрополь, лощина вулканической почвы; издали городъ живописенъ, высокія строенія, крѣпостная стѣна, башни, минареты, все это перемѣшано зеленью, зато долина голая.

Дорога стала оживляться, видно, что близко городъ; караваны, арбы съ запасами, лѣсомъ.

Къ намъ подскакало нѣсколько всадниковъ; впереди, на гнѣдомъ арабскомъ жеребцѣ, лихо мчался мальчикъ лѣтъ десяти, наѣздникъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1906 г.

на другой лошади держалъ другаго мальчика; оба въ богатой одеждѣ. Это дѣти Медатъ-Бека выѣхали навстрѣчу отцу. Какая радость и гордость выразились на лицѣ отца, съ какой любовью онъ ихъ расцѣловалъ и представилъ намъ.

Немного отдохнули у фонтана, высѣченнаго въ горѣ, такихъ фонтановъ много, этотъ всѣхъ изящнѣе; около него платформа, на которой нѣсколько турокъ совершали свой кейфъ.

Тутъ начались для насъ сюрпризы. Австрійскій консулъ Маркевичъ выѣхалъ къ намъ навстрѣчу верстъ за семь со всей своей свитой и значками; во время войны ему были поручены русскіе; чтобъ отвести глаза туркамъ и другимъ консуламъ, онъ розыгралъ роль, что думалъ встрѣтить нашего консула Жабу. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ городу, тѣмъ болѣе онъ терялъ свою красоту, уродливыя постройки, башни безтолково высовывались между мрачныхъ и безтолковыхъ домовъ, нѣтъ даже первообраза архитектуры; стройные минареты приняли видъ какой-то каланчи, пышная зелень — вблизи походила на вѣники.

Къ намъ навстрѣчу выѣхалъ и персидскій консулъ со свитой, въ пышныхъ азіятскихъ нарядахъ, со значкомъ впереди; яркіе цвѣта ихъ одежды смѣшались съ черными сюртуками австрійцевъ. У воротъ насъ ожидала встрѣча съ военною почестью.

Передъ въѣздомъ въ городъ потянулись кладбища, стоячія доски изъ камня, черные столбы съ золотой луной и золотыми надписями изъ Корана; очень тѣсны и мрачны эти кладбища. Изъ города по сторонамъ дороги вываливаютъ всѣ нечистоты, вонь ужасная.

Поѣздъ нашъ растянулся по узкой улицѣ; на крышахъ, террасахъ былъ народъ, изъ оконъ робко выглядывали и прятались женскія личики.

Объ архитектурѣ и понятія нѣтъ. Жилища,—домами ихъ назвать нельзя,—строятся, какъ попало, съ пристройками, выпусками, надстройками въ нѣсколько этажей изъ темнаго камня, обтесаннаго съ одной стороны.

Намъ назначили квартиру Аидъ-Хамба-паши; его не было, по лабиринту улицъ мы вдругъ уперлись въ двери. Аидъ одинъ изъ образованныхъ пашей, въ его кабинетѣ европейская мебель, на столѣ и на каминѣ французскія и англійскія книги серьезнаго содержанія, съ его замѣтками. Въ залѣ хотя кругомъ и диваны, но посрединѣ круглый столъ и стулья, лѣстница простая, некрашенная, но приличная, въ сторонѣ буфетъ, людская, далѣе мы не проникали. Жилье во второмъ этажѣ, внизу непремѣнно конюшни. Гдѣ же азіятская роскошь?

Къ намъ сейчасъ явился адъютантъ мушира, каймакамъ (пол-

ковникъ) въ голубой венгеркѣ, съ бѣлыми аксель-бантами, Османъ-Бекъ, онъ воспитанъ въ Парижѣ; отъ имени мушира спросилъ насъ: „благополучно ли мы доѣхали и зачѣмъ пріѣхали?“ Получивъ отвѣтъ, просилъ насъ закусить и поѣхалъ съ докладомъ муширу.

Въ прислугѣ много иностранцевъ, одѣты въ военные сюртуки, но въ фескахъ, метрь-д'отель мушира итальянецъ; для бритья явился вертлявый грекъ, сущій Фигаро. Мои часы совершенно незамѣтно перескочили въ его карманъ.

На столѣ былъ поданъ завтракъ, посерединѣ водка, вина и кругомъ маленькія блюдечки со всѣми возможными закусками, отъ маслинъ до сардинокъ и конфектъ; завтракать подали и молочный супъ и желе, и зелень, фрукты и баранину. Сулейманъ хозяйничалъ, но не надоѣдалъ угощеніемъ; можно не ѣсть блюда, но вовсе не взять считается обидою; едва кто отпивалъ вино, стаканъ снова наполнялся, принужденія никакого.

Вскорѣ Османъ-Бекъ воротился съ приглашеніемъ на аудіенцію, а за нимъ явились восемь сѣрыхъ рослыхъ жеребцовъ въ щегольской сбруѣ, красныхъ бархатныхъ чепракахъ, шитыхъ золотомъ, съ нукерами, трубачами, почетнымъ конвоемъ. Вѣдь и у насъ бы въ такомъ случаѣ прислали бы придворные экипажи. У меня душа ушла въ пятки, когда увидалъ, что нукера ведутъ лошадей за поводья и вскочилъ смѣло, но выпустилъ мундштучные поводья, нукера замѣтили, пересмѣхнулись. Мы двинулись гуськомъ по старшинству, поѣздъ растянулся на полверсты, крыши переполнены были народомъ въ ярко пестрыхъ костюмахъ; въ Эрзерумѣ 150 т. жителей, на половину армянъ. У дворца мушира мы слѣзли съ лошадей, по переулку шпалерой стояли солдаты и отдавали честь, насъ радовалъ и обнадеживалъ такой пріемъ, а впереди ожидали еще большія почести; мы только переглядывались. Вѣроятно, у мушира дворецъ—образецъ роскоши, онъ довольно великъ. Вотъ описаніе. Изъ переулка мы вышли на внутренній дворикъ; полъ устланъ плитами, въ сторонѣ вѣрно на показъ или для церемоніи—гордый превосходный конь, сѣрый въ яблокахъ, въ драгоцѣнной сбруѣ, у нихъ не употребляютъ недоуздковъ, а пускаютъ лошадь въ денникѣ на свободѣ, или на ногу надѣваютъ цѣпь, укрѣпленную другимъ концомъ къ полу. Въ стѣнахъ неправильно расположенныя окна, стѣны выбѣлены; противъ входа стѣна вся стеклянная въ мелкихъ клѣткахъ, весьма невзрачная. На порогѣ кіоска насъ ожидалъ самъ муширъ въ мундирѣ, великій почетъ! Это мужчина еще не старый, съ открытымъ добрымъ лицемъ, русою окладистою бородою, эполеты въ родѣ нашихъ, сюртукъ однобортный; говорятъ, онъ русскій, ребенкомъ увезенъ съ Кавказа и проданъ въ Константинополѣ; этому по очерку

лица можно повѣрить; Сулейманъ сказывалъ, что онъ говоритъ по-русски, но при насъ не станетъ, чтобы не заподозрили въ Стамбулѣ; муширъ вовсе необразованъ, но въ немъ виденъ природный умъ и много здраваго смысла. Первая комната кіоска—квадратный залъ вымощенный плитой, съ обширнымъ водоемомъ и тремя фонтанами, съ боку двери во внутреннія комнаты, прямо полукруглое углубленіе, по срединѣ углубленія орѣховый столикъ изящной работы, съ большимъ канделябромъ, французской бронзы, а вокругъ диваны, обитые русскимъ пестрымъ ситцемъ, окна завѣшаны дешевой кисеей, съ простыми штамбованными багетами; зато подъ окнами съ пышной растительностью садъ; надъ фонтанами жестяные фонари, слѣпленные изъ нѣскольхихъ лампочекъ, стѣны выбѣлены; вотъ тебѣ и роскошь.

Муширъ, выслушавъ Лорисъ-Меликова (онъ говорилъ по-турецки), принялъ конвертъ и просилъ садиться; по числу гостей явились чубучкиры съ трубками. Муширу подали кальянъ; за ними внесли большой подносъ, покрытый богатой парчевой салфеткой. Метръ-д'отель ловко ее снялъ и положилъ на плечо и сталъ разливать кофе. Аудіенція длилась недолго, муширъ посмотрѣлъ письмо Хрулева. Хрулевъ, чтобы задобрить мушира, испрашивалъ его распоряженій, какимъ порядкомъ и кому сдать Карсъ, приглашая его самого, чтобы осмотрѣть взрывъ, и объявилъ, что дастъ отвѣтъ послѣ, прося насъ ознакомиться пока съ городомъ; мы откланялись, онъ проводилъ насъ до дверей, и прежнимъ порядкомъ возвратились. Муширъ былъ взбѣшенъ письмомъ Ольшевскаго, счелъ дерзкимъ оскорбленнымъ и послалъ курьера съ жалобой въ Константинополь, но предъувѣдомленный, что ѣдетъ посольство, воротилъ его изъ Трапезонта.

Вечеромъ мы отдыхали; Сулейманъ-эфенди не оставлялъ насъ, онъ предупредилъ, что мы окружены шпіонами турецкими, англійскими и всякими другими и чтобъ мы ни при комъ не говорили лишняго по-русски, между прислугой есть поляки. Приходилъ секретарь персидскаго консула, очень дружитъ намъ, молодой ученый персіанинъ; персіане сохранили свой національный костюмъ, парадный шелковый балахонъ и высокую баранью шапку, немножко приплюснутую сверху; онъ по-армянски передалъ Лорису, что англичане сильно подбиваютъ султана прижать насъ и не давать квитанціи въ принятіи Карса, а требовать два милліона; обѣщаютъ почести, награды, покровительство; французы держатъ ихъ сторону, но что муширъ помалчиваетъ. Былъ также и Мирковичъ.

На другой день мы просили позволенія сдѣлать визиты властямъ, муширъ опять прислалъ своихъ лошадей; нукерамъ и прислугѣ это было съ руки, мы имъ дали по золотому на каждаго. Визиты мы дѣлали по старшинству. Сперва къ губернатору Эрзерумскаго паша-

*

лыка Махмедъ-Вадлей-пашѣ; простой старикъ не изъ передовыхъ; потомъ къ предсѣдателю военнаго совѣта Дервишъ-пашѣ, умному, дѣльному генералу; онъ принялъ насъ въ залѣ совѣта; обширное пустое зало, по бокамъ диваны, занятые членами, по серединѣ круглый столъ заваленный бумагами; онъ познакомилъ насъ съ членами, мы не догадались для чего, но Сулейманъ объяснилъ, что Дервишъ не хотѣлъ съ нами говорить наединѣ; другъ друга боятся; мы не забыли нашихъ старыхъ знакомыхъ Сулеймана и Али Карскихъ пашей; они у насъ были въ плѣну съ Вилліамсомъ; очевидно, живутъ въ бѣдности, заброшенные, униженные, на одномъ мы замѣтили штаны русской формы. У всѣхъ пашей пріемъ былъ однообразный; тѣ же грязныя, голыя стѣны, ситцевые диваны, кофе и трубки, даже въ залѣ военнаго совѣта; та же разбитная прислуга, въ европейской формѣ. У насъ существуетъ понятіе, что въ сношеніяхъ съ турками—необходимы китайскія стѣснительныя церемоніи, мы не нашли этого, какъ не нашли роскоши; ничего особеннаго нѣтъ, прилично вѣжливы, общепринятый этикетъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мѣстныхъ обычаевъ; но не все ли равно расшаркаться и дѣлать поклоны какъ мы, взять на вытяжку подъ козырекъ, или по-турецки, протянуть руку къ землѣ, приложить потомъ къ губамъ, ко лбу и прижать къ груди; въ переводѣ это значитъ: „цѣлую прахъ ногъ вашихъ и посыпаю имъ чело съ сердечною преданностью". Обращеніе съ нами самого мушира и пашей, обращеніе ихъ между собою и съ младшими офицерами—показали, что между ними обыкновенное чинопочитаніе. У нихъ нѣтъ сословій, всякій солдатъ можетъ выслужиться, и поэтому ихъ офицеры до капитанскаго чина (эфенди) не избавлены отъ тѣлеснаго наказанія.

Только у Хаджи-Теймура, Кайма-паши, башибузуковъ, мы нашли прежнюю турецкую обстановку, хотя въ такихъ же сараяхъ, какъ и у другихъ пашей. Онъ вполнѣ сохранилъ восточные обычаи и одежду, очевидно онъ богаче другихъ; низенькіе диваны и подушки обиты штофомъ, персидскіе ковры всплошную покрываютъ полы и часть стѣнъ; стѣны увѣшаны большимъ количествомъ новаго и древняго оружія; Хаджи-Теймуръ хвастается этимъ собраніемъ; прислуга подобострастна въ театральныхъ турецкихъ костюмахъ съ пистолетами, кинжалами, ятаганами; для кофею серебряный подносъ и подчашники отличной филограмовой работы. Самъ Хаджи въ красной шелковой рубашкѣ, шаровары и куртка шитыя золотомъ, чалма, туфли! Вы видите, что вы въ Азіи. Самъ онъ пылкій и живой мужчина лѣтъ сорока, важно растянулся на подушкахъ.

Вѣжливость требовала, да и дѣло тоже, отдать визитъ Мирко-

вичу, а поэтому нельзя было не заѣхать къ французскому и англійскому консуламъ, не считая персидскаго.

Мирковичъ женатъ, говорятъ, отъ живой жены на придурной армянкѣ, угостилъ насъ чаемъ; въ передней рядъ заряженныхъ штуцеровъ, видно, предосторожность въ Эрзерумѣ нужна, и у другихъ консуловъ тоже. Только у англичанъ вмѣсто штуцеровъ—вездѣ раскиданы револьверы; коммиссара Бранта, преемника Вилліамса, не было, гдѣ-то на дачѣ, но нашли у Бранта—его помощниковъ Стафферта, Пиля, Стюарта—какія все знаменитыя фамиліи! Они собирались уѣхать въ Константинополь, но нашъ пріѣздъ ихъ задержалъ. Французскій консулъ принялъ насъ какъ французъ; разсыпался благодарностью за пріемъ, сдѣланный въ Тифлисѣ и Александрополѣ ихъ офицерамъ Маршеръ и Сажо. Я забылъ отмѣтить, что Брантъ присылалъ Стюарта осмотрѣть, что взорвано въ Карсѣ, но Лорисъ-Меликовъ очень ловко его не допустилъ, а Сажо и Маршера привезъ въ Александрополь, такъ что они Карса не видали. Я съ Сажо и Маршеромъ познакомился еще въ Крыму, во время перемирія, мы условились видѣться въ Парижѣ или Петербургѣ, а встрѣтились въ Азіи.

Всѣхъ торжественнѣе и откровенно дружелюбнѣе принялъ насъ персидскій консулъ. Я думалъ, что мы вошли въ индійскій храмъ: въ концѣ на возвышенности сидѣлъ онъ самъ, по бокамъ длинной и узкой комнаты, на диванахъ сидѣли, поджавши ноги, какъ куклы, безмолвно, болѣе дюжины персіанъ, въ коричневыхъ парадныхъ халатахъ и острыхъ бараньихъ шапкахъ. Всѣ встали и ровно поклонились намъ; послѣ церемоній консулъ развернулся, ругалъ и англичанъ, и турокъ, далъ намъ очень дѣльныя предостереженія и совѣты и обѣщалъ сообщать все, что будетъ дѣлаться и говориться, хвастался оружіемъ, очень дюжиннымъ, стрѣлялъ изъ окна на улицу по воробьямъ, болталъ кое-какъ по-французски и вообще разыгрывалъ смѣлаго удальца.

Послѣ столькихъ визитовъ верхомъ, мы въ 8 часовъ вернулись къ себѣ, и намъ еще предстоялъ обѣдъ у мушира.

Онъ принялъ насъ въ кіоскѣ, плохо освѣщалъ и канделябръ; передъ ужиномъ обнесли на подносѣ водку; турки очень хорошо пьютъ и вино и водку, только запиваютъ водку водой, для этого на подносѣ первый рядъ рюмокъ ужъ налитыхъ, потомъ рядъ блюдечекъ съ закусками, за ними салфеточки и ломтики хлѣба и сзади стаканы съ водой.

Муширъ пригласилъ къ ужину; передъ нами по темнымъ лѣстницамъ и переходамъ понесли канделябръ и факелы.

Обѣденный залъ накрытъ по-европейски, желѣзные съ плетеж-

ками стулья — по серединѣ прекрасной работы судокъ на серебряномъ слонѣ, фарфоръ, а ножи и ложки нейезильберъ!!! Стѣны грязныя когда-то были росписаны; въ задней части лаковая, китайская стѣна, надъ нею хоры съ тяжелыми драпировками; вѣроятно, за ними любопытныя одалиски, но что ужасно—это полковая музыка; что-то слышится знакомое, а не разберешь. Кушанья безъ всякаго порядка и ихъ, и наши; вина — сколько угодно, въ заключеніе шампанское. За обѣдомъ, или по нашему за ужиномъ, никого не было кромѣ насъ и приближенныхъ султана, и поэтому бесѣда шла откровенно. Вообще о борьбѣ Англіи противъ Россіи за преобладаніе на Востокѣ мушиpъ имѣлъ очень вѣрное понятіе и дивился слѣпотѣ дивана; онъ даже высказалъ прямо, что тамъ продаютъ Турцію; по его мнѣнію, Россія и Турція должны быть въ крѣпкомъ союзѣ, къ выгодѣ обѣихъ. Его слова насъ ободряли—дѣло шло хорошо; кому слѣдовало, были сдѣланы подарки и даны обѣщанія, въ перевѣсъ англійскимъ. О взрывѣ цитадели Карса (взорванъ только одинъ этажъ) мушиpъ относился съ насмѣшкой, по его мнѣнію, убытку тысячъ на 15, да и то не убытокъ, потому что эту цитадель слѣдуетъ срыть и построить вновь.

Усталые возвратились мы домой, а утромъ предстояло принимать гостей съ визитами. Первый пріѣхалъ мушиpъ съ большимъ парадомъ, мы встрѣтили его на порогѣ, приняли съ лошади и повели подъ - ручки; его визитъ окончательно взбѣсилъ англичанъ; они ему обѣщали чуть ли не Орденъ Подвязки, если онъ не поѣдетъ въ Карсъ и не дастъ квитанціи, мы обѣщали любой орденъ; подъ рукой намъ передано, что онъ желаетъ Бѣлаго Орла! Ладно. Во всѣхъ его словахъ видно было удовольствіе и дружественное расположеніе, онъ прямо объявилъ, что желаетъ устранить всякое недоразумѣніе и неудовольствіе между Россіей и Турціей и не поддастся никакому постороннему вліянію. Отправился съ тѣмъ же торжественнымъ парадомъ; народъ вовсе не прятался и не падалъ ницъ.

За нимъ стали являться всѣ паши, у которыхъ мы были, и даже такіе, у которыхъ мы не были; бѣдный Сулейманъ-паша явился въ чужомъ сюртукѣ, сверхъ русскихъ панталонъ и сюртукъ на спинѣ лопнулъ. Перебывали всѣ консулы, много выпито кофею и выкурено трубокъ; какой-то туристъ, застрявшій въ Эрзерумѣ, навязалъ Лорисъ-Меликову пару револьверовъ за большую цѣну.

Персіанинъ - купецъ принесъ брилліанты, бирюзу, янтари, но заломилъ необъятную цѣну и не продалъ, разумѣется, ничего; онъ считалъ насъ бабами и глупцами.

Какъ только узнали купцы, что мы за все платимъ золотомъ, сейчасъ понизили курсъ съ 6 руб. на $5^1/_2$; въ Эрзерумѣ очень много

нашей монеты; во время войны армяне получали ее у насъ по нормальному курсу, а спускали съ лажемъ; вотъ вамъ и биржевой ажіотажъ, безъ биржи и маклеровъ.

Обѣдали дома, вечеромъ получили конвертъ съ письмомъ мушира къ Хрулеву, но насъ просили погостить. Муширъ затруднялся ѣхать въ Карсъ, такъ какъ Карсъ былъ во владѣніи русскихъ, а онъ не имѣлъ права выѣхать за границу; мы уладили тѣмъ, чтобъ онъ послалъ впередъ войско вступить въ Карсъ и выкинуть турецкій флагъ; онъ сейчасъ приказалъ двинуть туда дивизіи и назначилъ своего начальника штаба молодаго Али-пашу, воспитанника французской политехнической школы.

Весь вечеръ мы провели въ переговорахъ и совѣщаніяхъ; написали отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ, просили устроить въ Карсѣ самый торжественный пріемъ, курьеромъ съ двумя линейцами отправили Владыкина; муширъ очень жалѣлъ, Владыкинъ такой хорошенькій гусарикъ. Онъ въ сутки проскакалъ 250 верстъ, не засталъ въ Карсѣ Хрулева, сѣлъ на тройку, въ Александрополѣ подалъ конвертъ и тутъ же заснулъ на диванѣ.

Слѣдующій день мы посвятили осмотру города. Постройки безобразны, а улицы, гдѣ можно, расширены, довольно чисты и вымощены; во время бывшей тамъ въ 1848 г. холеры муширъ принялъ энергическія мѣры, чтобъ очистить городъ и поддерживать порядокъ; главные элементы населенія—турки и армяне; торговля вся въ рукахъ армянъ, ремесла пали на долю турокъ, которые работаютъ въ лавкахъ. Улицы оживлены сильнымъ движеніемъ, бѣдности и угнетенія въ армянахъ не видно; мы вообще не замѣтили и не слыхали никакихъ фактовъ притѣсненій и жестокостей мусульманъ противъ раевъ; говорятъ даже, этого не бывало и во время войны, а злоупотребленія гдѣ не встрѣчаются!!! Религіозное презрѣніе, фанатизмъ, очень естественны въ читателяхъ Корана, они крѣпки своей вѣрѣ и обычаямъ; высшій слой въ переходномъ положеніи и потому безнравственъ; переходъ отъ грубаго невѣжества прямо къ нравственному просвѣщенію — едва-ли возможенъ; они думаютъ, что стали европейцами, потому что вмѣсто халата и чалмы надѣли сюртукъ и феску, также одѣли прислугу, напиваются виномъ и водкой и рѣже дѣлаютъ омовенія; есть исключенія, напримѣръ, Гуссейнъ Али-паша, начальникъ штаба, можетъ вполнѣ назваться образованнымъ человѣкомъ. Экипажей въ городѣ нѣтъ, у мушира только есть старомодная коляска, въ которой онъ собирается ѣхать въ Карсъ.

Посрединѣ города старинная крѣпость—это то же, что нашъ Кремль, только не бѣлокаменный; военнаго значенія не имѣетъ.

На площадяхъ, кое-гдѣ на улицахъ попадаются казенные желтые

и бѣлые дома на европейскій ладъ, зато почти все остальное, изъ дикаго мрачнаго камня, нависшими балконами, лавками, навѣсами и безъ крышъ смотрятъ пожарищемъ—рамы въ окнахъ рѣдкость, трубы огромныя. Какъ и въ Александрополѣ—употребляется цвѣтной камень, но безъ всякой обдѣлки, кромѣ лицевой стороны, и бѣлая смазка—расходится самыми прихотливыми узорами. Между построекъ вылѣзаютъ мечети, съ куполами, балконами, минаретами, есть древнія, но незамѣчательныя. Пріятно на насъ подѣйствовалъ видъ армянской церкви, почти въ центрѣ города. Обнесена стѣной, обширный дворъ; по стѣнѣ жилища духовенства, посрединѣ большое, новое почти четырехъугольное зданіе, саженъ 12, безъ крыши, но съ портикомъ на колоннахъ и небольшимъ колоколомъ. Внутри храмъ раздѣленъ цѣльными колоннами подъ сводами на три придѣла; два алтаря католическихъ и одинъ греческій, съ отличной рѣзьбой, но не совсѣмъ отдѣланные; для женщинъ позади хоры съ рѣшетками. Онъ построенъ иждивеніемъ жителей, лѣтъ восемь передъ этимъ, конечно, не тайно отъ турокъ, но докончить отдѣлку не хватаетъ средствъ; духовенство насъ встрѣтило, и мы прослушали молебенъ, турки очень чинно стояли за воротами, ни одинъ не переступилъ.

Но что болѣе насъ удивило—это военные госпитали. Они устроены въ караванъ-сараяхъ и въ большомъ порядкѣ, аптеки богаты, снабжены отличными инструментами и химическими аппаратами, аптекаря и лѣкаря—иностранцы, на большомъ содержаніи, но уже есть и туземцы; насъ удивило одно, что у нихъ корпія и бинты бумажной пряжи. Больныхъ мало; я не могъ понять, какъ эти сараи отапливаются въ холодъ, а они объяснили; можетъ быть, у нихъ холодовъ нѣтъ, а сырость?

Не всякому слуху вѣрь; насъ завѣрили, что можно дешево купить полотна, кружевъ; ничего не нашли; всѣ товары англійскіе и русскіе—низкаго сорта, а цѣны высокія; накупили ради памяти мѣстнаго вздору: чубуковъ, стамбулокъ, табаку; трубочки по 6 коп. мѣдью; высшій сортъ табаку 60 коп., но зато нашли погребокъ съ отличными винами: я купилъ портвейнъ по 4 руб. 50 коп. ас., портеръ и шампанское по рублю серебромъ. Торговые ряды по улицамъ, лавки открытыя съ навѣсами, изъ мѣстныхъ произведеній замѣчательна по изяществу сбруя. Все кишитъ народомъ, на насъ глазѣютъ какъ на диковинку, вездѣ сидятъ нищіе съ чашечками; у гауптвахтъ часовые, но полиціи не видать, можетъ быть, потому, что она не имѣетъ особыхъ знаковъ. Сулейманъ-эфенди — въ видѣ комплимента передавалъ намъ, что турки вообще уважаютъ русскихъ, почему вы думаете? потому что англичане и французы не могли защитить

Карса; о Севастополѣ они и не слыхивали. У такого народа военная слава выше всего, паденіе Карса—разнеслось по всей Азіи.

О красотѣ турецкихъ женщинъ ничего не могу сказать, я ихъ не видалъ; онѣ всѣ подъ чадрами и только видны улыбающіеся черные глаза; старухи безъ чадръ отвратительны.

Армянки и молодыя не красивы, да и молодость ихъ коротка, въ 12 лѣтъ онѣ выходяхъ замужъ, а въ 20 онѣ ужъ отцвѣли, расползлись, большіе глаза ввалились, носъ вытянулся и хочетъ сойтись съ подбородкомъ; да и костюмъ уродуетъ—узкія проймы подхватываютъ груди снизу и сжимаютъ ихъ вмѣстѣ, и онѣ висятъ полуоткрытыя черезъ проймы.

Передъ ужиномъ у мушира случилось маленькое происшествіе; оно напомнило, что мы въ Турціи: мы сидѣли кругомъ и длинные чубуки сходились къ центру; чубукчиръ Вадлея-паши, прыгая черезъ нихъ, зацѣпился и уронилъ его кальянъ; Вадлей такъ взглянулъ, что чубукчиръ весь затрясся, душа ушла въ пятки.

Мы опять ѣздили по городу и съ неоффиціальными визитами; въ этотъ день мушир назначилъ за городомъ смотръ регулярныхъ войскъ. Эволюціи всѣ наши, да вѣдь мы и посылали учителей; ружья кремневыя; пріемы съ громомъ и трескомъ, обмундировка русская армейская; отличался стрѣлковый баталіонъ, волтижоры хорошо дерутся на сабляхъ, артиллерія стрѣляетъ медленно, но зато можетъ круто поворачивать орудія. Муширъ былъ въ мундирѣ гусарскаго своего имени полка; когда гусары на рысяхъ пошли мимо насъ церемоніальнымъ маршемъ, муширъ выскакалъ, провелъ мимо насъ и отдалъ намъ честь; Стюартъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

Въ 6 часовъ вечера въ тѣни по реомюру 28 градусовъ жары.

Въ этотъ день мы были приглашены на два обѣда, послѣ заката солнца къ англичанамъ (наружно мы были друзья) и къ персидскому консулу.

Отличныя вина, портеръ, ростбифъ, пудинги, спичи, фрукты, тосты по порядку. Не знаю, съ умысломъ или нѣтъ, послѣ царскихъ тостовъ, англичане предложили тостъ Муравьева, да и забыли выпить за здоровье Мушира-Измаилъ-паши, а за столомъ былъ его представитель Османъ-Бекъ. Лорисъ-Меликовъ ловкимъ спичемъ по-французски загладилъ эту невѣжливость, что, конечно, было передано муширу. Я разыгрывалъ роль боеваго задорнаго офицера, для котораго вся жизнь, всѣ страсти--война и ничего больше на умѣ нѣтъ; лучше не проговоришься.

И послѣ этого изящнаго, сытнаго обѣда еще обѣдъ у персіанина, а нельзя, дали слово, онъ такъ много намъ помогалъ.

Въ тѣсной душной комнатѣ былъ накрытъ столъ, поставлены

стулья! Столъ уставленъ самыми тяжелыми, жиромъ пропитанными яствами, а отказываться нельзя—обидишь радушнаго хозяина, а тутъ еще въ углу раскачивается знаменитый персидскій импровизаторъ, съ губной гармоникой и зурной; поетъ что-нибудь чувствительное, персіане въ умиленіи и восторгѣ, а мнѣ смерть-тошно.

За ужиномъ не было ни англичанъ, ни турокъ, только Османъ-Бека пригласили по необходимости, но зато явились русскіе бѣглецы, ренегаты. Одинъ маіоръ изъ черкесъ; онъ здѣсь паша, сирѣчь генералъ; говорятъ, что онъ бѣжалъ вслѣдствіе какихъ-то темныхъ дѣлъ, а онъ оправдывается бѣдностью. Онъ расчувствовался, въ разсказѣ сквозила непритворная грусть, раскаяніе; турки презираютъ измѣнниковъ, и онъ сознавался, что хоть и платятъ хорошо, но нравственное униженіе ужасно. Съ горя онъ напился пьянъ къ концу; винъ персіане не пили, а портеръ уничтожали дружно.

А импровизаторъ то декламировалъ, то выводилъ въ носъ заунывные мотивы, съ горловыми трелями, закатывалъ глаза и приходилъ въ азартъ, должно быть, очень хорошо, но только того и гляжу, что стошнитъ.

Намъ надо было прежде мушира поспѣть въ Карсъ, онъ объявилъ, что на-дняхъ выѣзжаетъ. Мы торжественно откланялись на прощальной аудіенціи; размѣнялись подарками. Гусейну-пашѣ мы подарили приборъ на узду, бляхи изящной отдѣлки изъ разноцвѣтнаго золота, зятю мушира кальянъ съ брилліантами, щедро одарили прислугу, сверхъ того, обѣщали выхлопотать ордена; мнѣ муширъ подарилъ лошадь и англійскіе часы.

Мы выѣхали въ тотъ же день очень весело, очевидно, дѣло было выиграно, на зло англичанамъ.

Персидскій, австрійскій консулы, нѣсколько турокъ и европейцевъ провожали насъ за городъ.

Общественной жизни въ Эрзерумѣ нѣтъ никакой, жизнь народа—базаръ, жизнь пашей—затворничество въ гаремахъ; европейцы консулы замкнуты въ своихъ кружкахъ семейно; вѣчныя интриги и распри ихъ разъединяютъ, взаимное шпіонство развито до-нельзя; и мы были окружены шпіонами, но эфенди насъ предостерегъ, что есть поляки, знающіе по-русски - не удалось.

Роскоши никакой, скорѣе нищета! объ искусствахъ ни малѣйшаго понятія, ни литературы, ни живописи, ни архитектуры, ни музыки, во всемъ, даже и въ садахъ всякое отсутствіе вкуса; даже нѣтъ никакой своеобразности, все безцвѣтно! и мечтаютъ о развитіи турецкаго племени.

Обѣдали въ Гассанъ-Кале, заѣзжали въ лагерь Али-паши; хотѣлъ похвастаться ружейными пріемами, да и осрамился. Лорисъ-Мели-

ковъ такъ вскидывалъ ружьемъ, что удивилъ ихъ до разинутія ртовъ; у этой бригады ружья пистонныя.

Заѣзжали въ деревню, гдѣ преемникъ Вилліамса, молодой человѣкъ лѣчился минеральными водами, принялъ очень радушно, много говорили о Севастополѣ, о курдахъ, ему очень хотѣлось вывѣдать политическіе планы русскихъ на Турцію, а я все толковалъ о войнѣ, и Лорисъ-Меликовъ меня не понялъ. Испугался, чтобъ это не испортило дѣла.

Впослѣдствіи сынъ нашего консула Жабы, пріѣзжавшій изъ Эрзерума, говорилъ мнѣ, что дѣйствительно я отвелъ глаза всѣмъ и за мной не такъ слѣдили, но турки поняли и видѣли мое назначеніе въ этомъ посольствѣ.

На дорогѣ мы были встрѣчены старшиной курдовъ, богатымъ кочевымъ владѣльцемъ, онъ нарочно выѣхалъ, чтобъ упросить насъ ночевать у него въ лѣтнемъ кочевьѣ. Курды, заходя часто по горамъ въ предѣлы Россіи, очень дружатъ намъ; во время войны они уклонялись съ нами драться, то есть, измѣняли туркамъ, этотъ нейтралитетъ стоилъ Бебутову, говорятъ, до 800 тысячъ. Зато война выиграна. Курды—славные джигиты; хорошо вооружены, смѣлы; хоть ихъ и смѣшиваютъ съ баши-бузуками, но баши-бузуки—нищая сволочь. Есть картинка „Переправа курдовъ“, посмотрите и получите полное понятіе о ихъ наружности; у нихъ пика на длинныхъ тростникахъ съ шаромъ изъ конскаго волоса или страусовыхъ перьевъ у конца древка; когда онъ скачетъ, мелькаетъ только этотъ черный шаръ, нельзя отклонить удара. Вотъ это чистая Азія.

Мы своротили съ дороги и поѣхали цѣликомъ, горы уже выше лѣсной полосы, но покрыты злачною, густою травою, по плоскостямъ ручьи и болота. Попадались большія стада коней, барановъ, рогатаго скота, но кочевья не видали; къ вечеру въ лощинѣ мы увидали первый кочевой лагерь нашего старшины.

Палатки большія изъ чернаго сукна—полукругомъ и группами около потнаго мѣста; одна большая, лицомъ на востокъ, по-отдаль. Палатка старшины очень обширна, раздѣлена на нѣсколько большихъ отдѣленій перегородками изъ тростника, тростникъ красиво переплетенъ узоромъ изъ разноцвѣтной шерсти, въ пріемной комнатѣ аршинъ 12-ть, низенькіе шелковые диваны, персидскіе ковры; передняя часть полога на востокъ поднята; для удаленія мушкары впереди вѣчно курится каминъ. На низменности пасутся кони, окутанные въ попоны съ головы до ногъ; кони—богатство и гордость хозяина; во всѣхъ палаткахъ движеніе и жизнь, у старшины крѣпостныхъ до 400 семей; управленіе патріархальное. Эта особенность выказалась ясно послѣ нашего ужина; возлѣ палатки собралась ужинать личная

прислуга старшины, пастухи, конюхи; подали бараній пловъ и молочное, самъ старикъ ухаживалъ, они шумно болтали и когда отъужинали, подходили къ нему цѣловать руку.

Вечеръ былъ восхитителенъ; влажная теплота, не жарко, но какъ-то легко; съ закатомъ солнца съ разныхъ сторонъ по скатамъ горъ спускались стада, вездѣ пестрѣла яркая одежда курдовъ; тамъ пастухи сгоняли скотъ, здѣсь ловкій наѣздникъ догонялъ сорвавшагося съ коновязи лихаго жеребца, тамъ женщины доили коровъ и овецъ.

Женщины очень стройны и красивы, даже въ лохмотьяхъ, онѣ не носятъ покрывалъ, нарядъ ихъ легокъ; все въ нихъ напоминаетъ древній іудейскій типъ красавицы.

Я былъ пораженъ, встрѣтивъ дочь старшины: такой красоты я не видывалъ и, вѣроятно, не увижу въ пресловутой Европѣ.

Высокая стройная дѣвушка лѣтъ двадцати; типъ еврейскій; жизнь бьетъ ключемъ! черные, полные огня и ума глаза; необыкновенная граціозность движенія и позъ; нарядъ изъ шелковой красной туники, голубой юбки и красныхъ шароваръ, грудь посерединѣ косымъ греческимъ лифомъ полуобнажена, руки голыя до плечъ, на шеѣ ожерелья изъ коралловъ, янтарей, монетъ; на рукахъ браслеты; черные волосы распущены назадъ множествомъ косъ съ красными лентами; туфли и весь нарядъ отдѣланы золотымъ шитьемъ и бахрамой; гибкій станъ перехваченъ богатымъ золотымъ кованымъ поясомъ съ камнями. Я обомлѣлъ, она смотрѣла съ улыбкой; какъ гадокъ долженъ былъ казаться ей нашъ европейскій нарядъ: фуражка, сѣрое пальто, небритая борода. Она ужинала съ нами, черезъ переводчика разспрашивала о жизни, нарядахъ, красотѣ нашихъ женщинъ и ушла очень величаво, за ней двѣ прислужницы тоже очень красивыя.

Конечно, ночевать у курда было пріятнѣе, нежели въ турецкой землянкѣ съ умирающимъ осломъ и травлею волка.

Утромъ хозяинъ проводилъ насъ до большой дороги; обѣдали въ зарѣ у Морбека, на послѣдней станціи насъ ждали тройки: какъ спокойно въ телѣгѣ послѣ турецкаго сѣдла, Мадитъ-Бекъ воротился съ нами въ Карсъ, тамъ ужъ былъ Хрулевъ со всѣмъ штабомъ и для торжества стянулъ къ Карсу—цѣлую дивизію; то-то обрадовались газеты, чтобъ закричать, что русскіе послѣ мира обложили Карсъ.

И такъ мы были въ сердцѣ Азіи. Гдѣ же эта сказочная роскошь? гдѣ же эти великолѣпные гаремы и сады; не видали мы тирановъ-пашей, ни закованныхъ рабовъ, даже не видали кольевъ съ насаженными головами, не все же для насъ нарочно убрали. Вотъ и вѣрь въ арабскія сказки Тысячи одной ночи.—Нѣтъ, видно, поэзія оставила землю, вездѣ разочарованіе. Вѣрь послѣ этого за-

пискамъ путешественниковъ, не на мѣстѣ они записываютъ свои впечатлѣнія.

Пришла турецкая дивизія подъ начальствомъ Гусейнъ-паши, мы выстроили бригаду за укрѣпленіями на большомъ полѣ, встрѣтили турокъ съ военной почестью. Стоя другъ противъ друга, войска преклонили знамена; предводители Гусейнъ-паша и Лорисъ-Меликовъ съѣхались на срединѣ. Наши войска съ музыкой прошли черезъ крѣпость и расположились въ лагерѣ; турецкія войска вступили въ крѣпость, смѣнили наши караулы, выставили турецкое знамя и сто одинъ выстрѣлъ возвѣстилъ, что крѣпость сдана; муширъ могъ пріѣхать.

Стюартъ съ товарищами пріѣхалъ слѣдомъ; нельзя ли помѣшать да разстроить; остановились у насъ въ лагерѣ; молодымъ адъютантамъ поручено было угощать посмѣнно незванныхъ гостей, да такъ угощать, по-русски, чтобъ они себя не помнили; грогъ, шампанское, портеръ, водка, портвейнъ въ перемежку, сколько вольется. Порученіе было въ точности исполнено.

Дано знать, что ѣдетъ муширъ. Лорисъ поѣхалъ встрѣтить его на послѣдній ночлегъ съ двумя сотнями линейныхъ казаковъ, я ожидалъ на половинѣ послѣдняго переѣзда съ драгунами, у крѣпости наша пѣхота съ артиллеріей; мы платили за почетъ почетомъ. Наша свита и многочисленная свита мушира смѣшались; казаки джигитовали съ баши-бузуками, музыка играла все время. Измаилъ-паша ѣхалъ верхомъ на своемъ красавцѣ-жеребцѣ.

На другой день Измаилъ и Хрулевъ съѣхались на половинѣ дороги между крѣпостью и лагеремъ, начались окончательные переговоры.

У насъ большой военный праздникъ. Парадъ, обѣдъ, фейерверкъ, солдатскій театръ, джигитовка, лезгинскій танецъ, четыре хора музыки, пѣсельники. Муширъ въ восторгѣ, англичане ничего не видятъ. Солдатъ представлялъ въ комедіи дѣвку, муширъ не хотѣлъ вѣрить, пока не убѣдился ощупью, далъ актеру 4 золотыхъ.

Поздно вечеромъ, съ факелами при смоляныхъ бочкахъ, мы проводили мушира до крѣпости; обнимались съ турками по-братски.

Въ Александрополѣ намъ угрожалъ голодъ, все было забрано въ лагерь, даже фейерверкъ готовый привезенъ оттуда; когда только успѣли сдѣлать!

На другой день мы обѣдали у мушира, вечеромъ получили квитанцію въ пріемѣ Карса съ областями безъ всякихъ претензій. Всѣ интриги рушились, мы торжествовали, съ этой стороны честь Россіи осталась неприкосновенною, а все это стоило, можетъ быть, тысячъ двадцать, считая подарки. Такъ удачно кончилось это щекотливое дѣло.

Съ разсвѣтомъ мы снялись съ лагеря и отступили въ свои границы; имя Бакланова навѣки осталось въ Карсѣ; гора, которую онъ занималъ во время осады, такъ и сохранила имя Баклановской.

Мы ѣхали съ генераломъ сдѣлать прощальный визитъ, оттуда отправиться въ Гумри; въ лагерѣ оставалась одна палатка, въ ней опочивалъ Стюартъ съ товарищами. Когда онъ увидѣлъ хвосты колоннъ, обозы, запустѣніе,—онъ понялъ, что дѣло его проиграно, не удалось насъ поссорить съ турками, отнять у насъ 30 деревень и 2 милліона; говорятъ, онъ схватился за револьверъ.

Муширъ распростился дружески, просилъ позволенія послать своего зятя въ Тифлисъ съ благодарственнымъ письмомъ къ Муравьеву, за отличное состояніе возвращенныхъ областей, проводилъ насъ съ военной церемоніей и хотѣлъ послать до границы почетный конвой; генералъ отказался, и конвой вѣрно былъ доволенъ,—вмѣсто того, чтобъ проскакать сто верстъ, онъ получилъ по золотому.

Зять мушира, кавалерійскій каймакамъ Асейфъ-Бекъ, молодой человѣкъ лѣтъ 20-ти, здоровый, рыжій, обстриженъ подъ гребенку; генералъ назначилъ меня сопровождать его и представить Муравьеву; болѣе для того, чтобъ разсказать Н. Н. то, чего нельзя было написать, а это дѣло его сильно интересовало; взрывъ Карса послѣ мира—всей тяжестью ложился на него, хотя и былъ слѣдствіемъ недоразумѣнія; телеграфовъ не было.

Съ трудомъ досталъ я у генерала Неелова старенькій тарантасъ, не на перекладныхъ же было везти по горамъ непривычнаго турка.

Несмотря на запрещеніе переступить границу, къ намъ пріѣзжали покутить Османъ-паша и другіе турки. Всѣ перепились, и когда гостей повезли домой, пришелъ Ольшевскій, качаясь на ногахъ, упрекать генерала, зачѣмъ онъ такъ хорошо обошелся съ подлецами турками. Генералъ посмотрѣлъ на него.

— А вы зачѣмъ съ подлецами нализались, ваше превосходительство?

Ольшевскій ушелъ безъ отвѣта.

На половинѣ дороги у насъ почти разсыпалось колесо, кое-какъ скрутили веревками и надо ѣхать шагомъ, ночь, до станціи еще верстъ шесть; вижу, скучаетъ нашъ турокъ; я предложилъ ему водки; на послѣдней станціи я только-что наполнилъ флягу—фруктовымъ спиртомъ. Выпилъ самъ, по обычаю, потомъ поднесъ ему, разложилъ закуски и съ переводчикомъ пошелъ пѣшкомъ.

На станціи раньше утра не брались починить колеса; каймакамъ спалъ, я распорядился постелями, ужиномъ и послалъ переводчика его разбудить; оказалось, что онъ мертвецки пьянъ, а фляжка (полштофа) пуста, пришлось отпаивать кофеемъ, вотъ те и законы Корана.

Въ Тифлисѣ я занялъ лучшія комнаты гостиницы и спросилъ Бека, какой онъ хочетъ обѣдъ: турецкій, французскій или русскій; онъ выбралъ послѣдній, я его угостилъ борщемъ, кулебякой и поросенкомъ съ кашей. Остался восхищенъ; въ самомъ дѣлѣ поваръ русскій отличный.

На другой день я повезъ его на дачу Гадуюръ—представить Муравьеву—за 12 верстъ все въ гору.

Муравьевъ его, конечно, обласкалъ, говорилъ по-турецки и пригласилъ насъ въ 5 часовъ къ обѣду. Беку отвели павильонъ, меня ординарецъ воротилъ къ Н. Н.

Онъ сидѣлъ одинъ въ кабинетѣ.

— Скиньте шарфъ, садитесь, разскажите мнѣ, что какъ тамъ вы устроили.

Я разсказалъ со всѣми подробностями то, что не было писано.

Разговоръ перешелъ на Карсъ, сравнивали укрѣпленія и осаду съ Севастополемъ. „Да сказалъ Муравьевъ, я знаю, что меня обвиняютъ за штурмъ! А развѣ можно было ждать? Омеръ-паша высадился на Черномъ морѣ съ 30 тысячами, черезъ двѣ недѣли онъ подошелъ бы къ Карсу и заставилъ бы насъ отступить; развѣ я могъ знать, что онъ завязнетъ въ болотахъ, тогда обвинили бы, зачѣмъ я не взялъ приступомъ Карса! Вашего Севастополя въ Азіи не знаютъ, а паденіе Карса разнеслось даже по Китаю и всей Индіи; большое нравственное значеніе для азіатцевъ, они знали, что турокъ защищали, да не спасли, англичане и французы. Вотъ почему я поторопился приступомъ. Меня исторія оправдаетъ, да и не исторія, а ближнія послѣдствія“.

— Если позволите возразить, ваше высокопревосходительство, то, говорятъ, турки не имѣли запасовъ, ѣли мертвечину, голодъ ихъ вынудилъ бы сдаться безъ бою.

— Никогда, они ужъ двѣ недѣли терпѣли голодъ, да и обложить города вполнѣ не могъ, мало бы войскъ, припасы подвозили.

— Я слышалъ отъ турецкаго генерала, что еслибъ Сусловъ взялъ Эрзерумъ, то Карсъ бы дня не держался.

— Не могъ, требовалъ подкрѣпленія.

— Извините, ваше высокопревосходительство, я видѣлъ позицію, ретраншементы, на мѣстѣ мнѣ указывали обходы! — и я разсказалъ все, что узналъ на мѣстѣ объ ошибкѣ Суслова.

Муравьевъ нахмурилъ лобъ; видно было, что я сообщилъ ему нѣчто новое для него. Онъ только спросилъ: вы все это видѣли? и потомъ спросилъ, почему я въ такомъ маленькомъ чинѣ; я откровенно разсказалъ свою грустную исторію; Н. Н. подробно разспросилъ о дѣлѣ, о семействѣ, ругнулъ Закревскаго. Я никогда не любилъ этого

человѣка, онъ глупъ и золъ. Потомъ спросилъ, не нуждаюсь ли я въ деньгахъ? „Я велю вамъ выдать годовой окладъ, вы уладили скверное дѣло, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?“ Записалъ. „Да, меня упрекаютъ, что я мало даю офицерамъ денегъ, вы теперь видѣли здѣсь жизнь? на что имъ? въ карты проиграть, пропить, проб...! лучше дамъ, когда пойдутъ отсюда; я вотъ скопилъ на дорогу, у насъ дороги нѣтъ черезъ Кавказъ; посмотримъ, съумѣетъ ли воспользоваться моей экономіей преемникъ!“

Уже было извѣстно назначеніе Барятинскаго.

Мы такъ заговорились, что время не замѣтили; лакей вошелъ доложить, что кушанье поставили и Бекъ давно дожидается.

Обѣдъ былъ двойной—постный и скоромный.

Замѣтя, что я не постничаю, онъ спросилъ, постится ли Хрулевъ, лгать не хотѣлось, я оправдалъ Хрулева болѣзнью, лихорадкой. Муравьевъ улыбнулся; много и дружески разговаривалъ съ Бекомъ по-турецки; Бекъ держитъ себя съ отличнымъ тактомъ.

Это свиданіе съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Муравьевъ останется навсегда въ моей памяти! Русская душа, суровъ можетъ быть, но прямъ и честенъ, за это можетъ быть и не долюбливали.

Попировавъ въ Тифлисѣ, я отвезъ Бека, вполнѣ довольнаго поѣздкой,—въ Александрополь. Хрулевъ сбирался перенести штабъ отряда въ Ганзигеманъ; отрядъ расположился на зимнія квартиры, ожидали распущенія корпуса.

Опять принялись мы со Степаномъ Александровичемъ писать, переписывать, чертить, какъ будто ужъ намъ дали отрядъ идти въ Хиву, Бухару, Туркестанъ; ему хотѣлось окончить проекты рѣшительнаго покоренія Кавказа и мирнаго покоренія среднеазіатскихъ ханствъ. Первое составлялъ онъ, второе—я.

Съ частью штаба мы перебрались въ Ганзигеманъ и разбили больничныя палатки; мѣстность превосходная; между двухъ горъ, внизу вышло около рѣчки шоссе, въ рѣчкѣ форель. Правая гора уступами, на первомъ уступѣ инженерный домикъ, занятъ семействомъ Девеля, внизу будка надъ ванной желѣзистаго ключа, онъ такъ силенъ, что мнѣ докторъ запретилъ и пить и купаться; говоритъ, кондрашка хватнтъ; на второй плоскости нашъ лагерь, далѣе и все выше, и выше, лѣсъ; въ нихъ фруктовыя деревья. Другой берегъ—отвѣсная гора, съ нея видна вся Куринская долина.

Изъ этой горы съ верху течетъ сильный сѣрный ключъ; подъ водопадомъ наслоилась желтая сѣра, есть недалеко и щелочный ключъ; и все это безъ всякаго вниманія.

Чтобъ полюбоваться Куринской долиной, мы сдѣлали всѣмъ обществомъ восхожденіе на гору, съ самоваромъ и прочими удоволь-

ствіями, да остались въ дуракахъ; передъ нами открылось широкое море, въ долинѣ лежалъ густой синій туманъ и волновался точно вода, крупными валами; высокіе холмы выходили какъ острова.

2 сентября.—Все это время ничего замѣчательнаго; войска тронулись въ Россію. Нѣсколько дней завернули холода, такъ что по утрамъ трава была бѣлая, дожди, вѣтры, да такіе, что срывало наши палатки; Девель уѣхалъ, мы перебрались въ ихъ домикъ; гулять нельзя и некогда, Хрулевъ нетерпѣливо понукаетъ.

Записываю нѣкоторые случаи, они обрисовываютъ характеръ Хрулева.

Открылось, что въ одномъ госпиталѣ не отмѣчаютъ умершихъ и получаютъ на нихъ содержаніе; по слѣдствію и начету оказалось злоупотребленіе тысячи на три. Но главный докторъ былъ—старикъ съ большимъ семействомъ. Генералъ исходатайствовалъ у Муравьева не предавать суду, но заставилъ полковаго командира Неелова и другихъ виновныхъ заплатить вдвойнѣ деньги; смѣстилъ доктора, а смотрителя уволилъ отъ службы. Сперва надо искоренить зло, принять мѣры... а теперь за что же губить тѣхъ, кто былъ глупѣе другихъ и попался. Урокъ хорошъ и этотъ.

Я изобличилъ по слѣдствію ротнаго командира крѣпостной роты— въ жестокости, въ незанесеніи въ журналъ наказаній. Генералъ этого не терпѣлъ, но это было въ правахъ ротнаго командира. За неисправности онъ его арестовалъ, а людей, которые жаловались, чтобъ избавить мщенія, перевелъ въ другія команды; когда корпусъ распустили, власть надъ крѣпостью Хрулева кончилась, мы встрѣтили одного изъ нихъ, его возвращали. Хрулевъ взбѣсился и настоялъ, чтобъ ротнаго командира за это выгнали.

Кавалерская дума сдѣлала запросъ, — былъ ли данъ Хрулевымъ знакъ военнаго ордена юнкеру Хо—ну въ Севастополѣ; по спискамъ моимъ значился другой; сдѣлали справки, оказалось, что въ Севастополѣ послѣ какой-то вылазки Хо—нъ явился къ полковому командиру своему барону Дельвигу и объявилъ, что Хрулевъ надѣлъ ему крестъ. Ему повѣрили и занесли въ формуляръ. На дѣлѣ было иначе. Хо—нъ отличился подъ Альмой; улепетывая отъ непріятеля, онъ сбросилъ съ себя все, кромѣ рубашки, въ Севастополѣ больше пребывалъ въ госпиталяхъ и тамъ у умершаго юнкера укралъ крестъ. Это было неоффиціально, но стоило Хрулеву сказать, что онъ креста не давалъ, и Хо—нъ солдатъ, но онъ этого не сказалъ, потому что узнали, что Хо—нъ одинъ сынъ въ большомъ семействѣ и хорошій сынъ.

Иначе поступилъ генералъ съ юнкеромъ Ма—ымъ; М—нъ также сослался на Хрулева, что ему была поручена въ Севастополѣ вы-

лазка, гдѣ онъ былъ раненъ и награжденъ офицерскимъ чиномъ, все это было ложь и свидѣтельство отъ имени Хрулева—фальшивое, М—нъ былъ преданъ суду.

Въ Севастополѣ въ траншеяхъ было запрещено не только шумѣть, но и говорить; на голоса непріятель ночью направлялъ выстрѣлы и кидалъ ручныя гранаты. Хрулевъ съ начальникомъ штаба княземъ Васильчиковымъ, обходя траншею 30 мая 1855 г., услышали въ ложементѣ сильный шумъ; Ивановъ былъ пьянъ и буянилъ, на ихъ замѣчаніе онъ наговорилъ дерзостей Васильчикову. Преступленіе важное для военнаго времени, его арестовали и предали полковому военному суду, онъ подлежалъ разстрѣлянію въ 24 часа; черезъ годъ вдругъ Хрулевъ получаетъ рапортъ военно-ссудной коммиссіи изъ Херсона; оказывается, что дѣло Иванова тамъ еще и не рѣшено, требуются дополнительныя свѣдѣнія.

Генералъ далъ свѣдѣнія, но дополнилъ, что строгій судъ нуженъ былъ въ свое время для примѣра другимъ офицерамъ, теперь же по его мнѣнію Ивановъ достаточно уже наказанъ.

Мы скоро оставляемъ Арменію! Богатая природой страна, но страна отжившая; нѣтъ ей воскресенія, если не прибудутъ чужія свѣжія силы; армяне утратили всякій нравственный государственный строй, въ нихъ нѣтъ понятій о нравственности, это кулаки, торгаши низкаго разбора (конечно, есть исключенія, я говорю о массѣ). Нельзя не сознаться, что и администрація крайне дурна, злоупотребленіямъ нѣтъ числа, въ ней много армянъ; правосудія нѣтъ, все на взяткахъ и притѣсненіяхъ, становые—это паши; стыдно сознаться, но армянамъ подъ властью турокъ лучше, нежели у насъ; фактъ: мы ждали, что за войскомъ изъ турецкихъ владѣній къ намъ переселится тысячъ семьдесятъ семей, не тутъ-то было, почти никто. Совсѣмъ другой народъ, маленькій народъ грузины, но это мѣстная аристократія. И эта была когда-то просвѣщенная страна; въ ней селились рыцари крестоносцы, изгнанные изъ Іерусалима; ихъ оружія съ латинскими надписями и священными изображеніями хранятся какъ святыня въ аулахъ Хевсуріи, Тушетіи, Дагестана, но потомки забыли свое европейское происхожденіе, одичали.

Фельдъегерь 16 сентября привезъ Хрулеву орденъ Бѣлаго Орла за сдачу Карса; князь Барятинскій перешагнулъ черезъ 100 человѣкъ, да 12 лицъ очень значительныхъ; полнымъ генераломъ и намѣстникомъ ѣдетъ на Кавказъ; Бебутовъ сильно обидѣлся, но ему въ утѣшеніе подарили домъ тысячъ въ 50 въ Тифлисѣ.

Холода и вѣтры выгнали насъ изъ Ганзичемани, мы переселились верстъ за 20 ближе къ Тифлису въ Рѣдькинъ лагерь, въ ущелье Делижанъ (!?). Мѣстность много ниже Гинзичемани; все въ

цвѣту, жарко до того, что вода въ рѣчкѣ, какъ отварная; тамъ мы нагнали Девеля, онъ ушибся и лѣчится, тутъ нѣсколько домиковъ, живутъ инженеры. Разсвѣтаетъ въ 6 часовъ и въ 6 часовъ вечера темно, ночь падаетъ вдругъ, почти безъ сумерекъ.

Внизу у насъ чудное лѣто, сильная зелень; на половинѣ горы желтый листъ—осень, а на вершинахъ снѣгъ и льды, все это видно изъ моихъ оконъ. Богатая долина, въ рѣкѣ ловятъ рыбу и раковъ руками, въ лѣсу бездна всякой дичи и фруктовъ, вкуснѣе нашихъ оранжерейныхъ. Оказалась русская баня,—какъ я обрадовался!

Князю Барятинскому подчинено Каспійское море съ его военною флотиліею, онъ поѣхалъ на Астрахань, оттуда моремъ въ Баку и оттуда по Лезгинской линіи въ Тифлисъ. Моя коммерческая статья о средствахъ развитія среднеазіатской торговли кончена; пишу параллельную дипломатическую; въ ней особенно важна статья о Евфратской желѣзной дорогѣ; мы получаемъ газеты изъ Константинополя безъ цензуры; изъ нихъ я вычиталъ, что англичанинъ Джонъ-Макъ-Нейль, преслѣдуя общую въ Англіи идею исканія болѣе близкихъ путей въ Индію, придумалъ построить желѣзную дорогу отъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу по берегу Евфрата. Сейчасъ собралась компанія, и Нейль хлопочетъ о концессіи, Турція поддается. Разсчетъ Нейля вѣрный, это древній торговый трактъ Европы и всей Азіи до Китая и Индіи. Дорога должна начаться у пристани Селеція или Александретты на устьяхъ Оронта, пройти черезъ Алепъ къ замку Жаберъ на Евфратѣ, оттуда Евфратскою долиною на Багдадъ. На этомъ остановился Хрулевъ: Багдадъ—это центръ среднеазіатской торговли—транзитный пунктъ для Персіи, Закавказья, Чернаго моря.

— Это надо предупредить, Россія много потеряетъ, — сказалъ Хрулевъ.—Англичане заведутъ въ Багдадѣ свои конторы и овладѣютъ вполнѣ всей торговлей Турціи, Персіи и нашего Закавказья, Тифлисъ пропалъ, всѣ капиталы перейдутъ въ руки англичанъ, наши провинціи между Чернымъ и Каспійскимъ морями заглохнутъ. Англичане выпросятъ или купятъ у персовъ и построятъ на Каспіи пароходы, тогда прощай и наше Каспійское море, и Средняя Азія. А въ военномъ отношеніи? Еще хуже, къ Багдаду передвиженіе войскъ можетъ совершаться быстро, мы не поспѣемъ; недолго разработать дороги изъ Багдада въ Трапезондъ, Эрзерумъ, Баязетъ, т. е. на наши границы; въ случаѣ разрыва съ турками или съ персами,—прощай все Закавказье. Напишите скорѣй статью противъ замысловъ Нейля и лорда Баркенланда, надо помѣшать имъ, предупредить; я сейчасъ пошлю князю Горчакову.

Статья была написана и послана; Евфратская дорога не состоялась, а было все готово для концессіи съ гарантіей 6% и трети акцій.

По милости Хрулева я изучилъ Азію чуть ли не больше Европы.

Въ Александрополѣ было небольшое землетрясеніе, вся долина вулканической почвы, отъ этого и крѣпость неприступна, наносъ земли очень малъ и съ одной стороны нельзя вести траншей, а съ другой неприступныя природныя стѣны, чтобы обезпечить осаду; часть Александрополя, приближавшаяся къ крѣпости, была срыта.

Корпусъ окончательно распущенъ, мы впредь до распоряженія переѣзжаемъ въ Тифлисъ.

Въ Тифлисѣ 27-го сентября зима, т. е. дожди и вѣтры, а все въ зелени, цвѣтутъ розы.

Вмѣсто Индреніуса назначенъ начальникъ штаба къ намѣстнику Милютинъ, Д. А., мой школьный товарищъ, человѣкъ весьма ученый и передовой.

Жизнь недорога, квартиру, пополамъ съ Лупиковымъ за рѣкой, я нанялъ по 10 руб. въ мѣсяцъ, четыре комнаты и кухня: хозяйкѣ, женѣ коммиссіонера, 22-й годъ, а у нея дочь 9-ти лѣтъ.

Жизнь идетъ вяло, будущее въ неизвѣстности, опять жары, знакомства не завожу. Былъ въ театрѣ, примадонна русской труппы дочь московскаго актера Лененко; съ ней вышелъ скандалъ, режиссеръ на сценѣ публично надавалъ ей пощечинъ; приходится уѣхать.

Генерала требуютъ въ Петербургъ, зачѣмъ, неизвѣстно, но онъ хочетъ дождаться Барятинскаго. Если онъ уѣдетъ и я за нимъ! куда, зачѣмъ, все равно, я буду въ Москвѣ, дома, въ семьѣ; отъ радости и сонъ и аппетитъ пропали, работать не могу.

Статьи переписываются во многихъ экземплярахъ.

Громы и торжества коронаціи не разбудили грузинскую спячку: такъ же скучно и мертво! Славны бубны за горами: не такъ привлекателенъ Кавказъ, не всѣ герои, не столько и опасностей и трудовъ, какъ кажется издали, послѣ Севастополя — фата-моргана Кавказа поблекла; поэтическій черкесъ, красивый, но грязный, оборванный — нищій, разбойникъ. Грузинки вовсе не такъ хороши, ранняя старость и дубины-носы ихъ портятъ; аристократія носитъ европейскіе костюмы, но сохраняетъ свой головной уборъ. Эта парчевая, или бархатная, вышитая золотомъ, жемчугомъ повязка закрываетъ лобъ до половины, виски подстрижены, а сзади волосы распущены во всю длину; сверхъ повязки легкій вуаль. На улицѣ отъ жары и пыли онѣ закутываются въ бѣлую чадру, и тогда видны только одни прекрасные глаза. Грузины еще азіатцы, и потому Тифлисъ, несмотря на 70 т. жителей — безжизненъ, какъ всѣ азіатскіе города. Русскіе офицеры и чиновники большей частью бѣдняки, чистая провинція. Надѣются, что Барятинскій оживитъ городъ. Вдругъ всѣ съѣстные припасы вздорожали — почему спросите: ланкарства. Канаусы, мовь, ковры—всѣ эти персид-

скія издѣлія, конечно, дешевле, чѣмъ въ Россіи, но зато остальное все русское.

Городская архитектура очень красива и самобытна; это соединеніе европейскихъ удобствъ въ примѣненіи къ климату и обычаямъ; плоскія крыши или террасы, балконы, переходы, въ нѣсколько этажей, съ рѣшетками, навѣсами, все ярко и пестро раскрашено, но со вкусомъ, все оживлено зеленью и цвѣтами. Проспектъ по главной улицѣ вымощенъ гранитомъ, но узокъ. Внутри обоевъ мало, болѣе краски, нѣкоторые потолки великолѣпно отдѣланы причудливой арабской лѣпной работой, съ зеркальцами и цвѣтными стеклами, все это персіане дѣлаютъ отъ руки изъ алебастру, но такъ вѣрно, какъ будто весь рисунокъ отлитъ въ формы.

Я уже говорилъ, что публичный садъ уступами съ прудомъ, но крайне запущенъ. Публики мало, хоть и играетъ полковая музыка Рязанскаго полка.

Танцовали у Девеля, чудный человѣкъ.

Намѣстника задержало астраханское наводненіе, и онъ только-что пріѣхалъ въ Шуру. За эрзерумскія любезности, по ходатайству генерала, вышли туркамъ ордена, муширу—Бѣлаго Орла, начальнику штаба—Станислава 1 ст., Юсефъ-Беку—Владиміра, всего 9, а мы отъ нихъ Меджидіе еще не получали.

Для пріѣзда Барятинскаго готовится торжественная встрѣча, Индреніусъ и нѣкоторыя другія лица поѣхали къ нему навстрѣчу въ Баку, генералъ послалъ ему наши записки при письмѣ, проситъ отъ нечего дѣлать просмотрѣть ихъ въ каретѣ, при проѣздѣ по Лезгинской линіи. Намѣстникъ велѣлъ взять театръ въ казенное управленіе, онъ выписалъ балетъ и труппу.

Барятинскій пріѣхалъ! Его встрѣтили съ военной почестью, ланкарства съ значками, дворянство верхами съ зурнами и шарманками. Торжественный въѣздъ царскаго намѣстника, съ широкими правами; онъ сошелъ у собора, гдѣ ждало духовенство; общее представленіе. Муравьевъ много допустилъ злоупотребленій, придется потрудиться Барятинскому; онъ, по случаю дороговизны на все, началъ войну съ ланкарствами, но не штыками, а подрѣзалъ хлѣбное ланкарство очень просто, велѣлъ продавать хлѣбъ изъ военныхъ запасовъ.

Мы обѣдали у князя; генералъ представилъ меня, какъ автора статей. Барятинскій, очевидно, перемѣнилъ мнѣніе о Хрулевѣ. О способѣ окончанія войны съ горцами князь выразился, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія Хрулева, и предложилъ ему мѣсто Козловскаго, онъ уклонялся сперва тѣмъ, что не хочетъ лишить старика, а когда Барятинскій объяснилъ, что поэтому нельзя его и оставить, Хрулевъ далъ понять, что это дивизія, а онъ командовалъ корпусомъ.

Напрасно я его уговаривалъ дома, что правое крыло—не дивизія, а большой корпусъ, 45 тысячъ войска и три губерніи (Ставропольская, Владикавказскій округъ и земля Черноморскихъ казаковъ) въ управленіи, что на правомъ крылѣ будутъ самыя важныя дѣйствія. Наконецъ, что Барятинскій обѣщалъ преобразовать кавказскій корпусъ въ армію, а дивизіи въ корпуса,—ничего не убѣдило. Потомъ Барятинскій уговаривалъ Хрулева остаться при немъ, съ тѣмъ, чтобъ его назначить инспекторомъ всѣхъ войскъ на Кавказѣ, т. е. его помощникомъ по военной части—и на это не согласился. Его отуманилъ пріемъ въ Петербургѣ, когда онъ возвратился увѣнчанный славой изъ Севастополя.

Хрулевъ удержалъ за собой невыгодную репутацію пьяницы, игрока, развратника! Положимъ, что его семейныя отношенія дурны, но пьянымъ и за картами я его никогда не видалъ. Конечно, онъ не придворный, прямой, прямодушный воинъ, но не справедливо его считаютъ только храбрымъ, онъ человѣкъ ученый и жаждущій познаній теперь спеціальныхъ; онъ не чуждъ политики—это доказалъ Карсъ,—да, поди, разувѣрь всѣхъ, хорошая слава лежитъ, а дурная бѣжитъ.

Съ особеннымъ сочувствіемъ князь прочелъ мою статью объ азіатской торговлѣ; мысль быть исполнителемъ замысловъ Петра Великаго и путемъ торговли покорить среднеазіатскія ханства—очевидно, льстила ему. Зная связи Хрулева съ В. А. Кокоревымъ, онъ далъ мысль посвятить статью Кокореву и при свиданіи подбить его составить коммерческую компанію. Кокоревъ своими пожертвованіями, предпріятіями, пріемомъ севастопольцевъ пріобрѣлъ извѣстность и популярность.

Сказано—сдѣлано, посвященіе написано тому „кто палъ ницъ передъ севастопольцами", и полетѣло въ Москву съ первымъ курьеромъ.

Барятинскій подвергъ остракизму шампанское и потребовалъ, чтобы здоровье пили своимъ виномъ—кахетинскимъ.

Всѣ готовились къ балу, особенно нѣкоторыя дамы, пользовавшіяся расположеніемъ князя, когда онъ былъ начальникомъ штаба, надеждамъ ихъ не суждено было осуществиться, онъ обошелся со всѣми равно холодно и гордо; даже для открытія танцевъ, обратился къ предводителю: „пожалуйста, подводите меня по старшинству, я позабылъ нѣкоторыя отношенія, да есть и новыя лица".

А грузинки и чиновницы изъ послѣдняго тянулись, чтобъ нарядиться на этотъ балъ; заложили ложки, мужья забрали впередъ жалованье.

Балъ былъ данъ въ залахъ гимназіи, посѣтителей до 600 чело-

вѣкъ; залы были убраны вензелями и гирляндами; крайняя зала отдѣлана въ древне-грузинскомъ вкусѣ, на полкахъ много дорогихъ древностей, въ углу наигрываетъ грузинская музыка; особенно бросилась въ глаза входная лѣстница, съ арматурными листами, колоннами, перилами и длинный коридоръ съ красными драпировками и китайскими фонарями; все обошлось благополучно; по обычаю танцы наши и національные, фейерверкъ изъ 8 картинъ съ тысячами ракетъ въ букетѣ; только намѣстникъ опоздалъ, не знали даже гдѣ онъ; оказалось, что онъ въ церкви вѣнчаетъ одного коммиссіонера, который пять лѣтъ жилъ съ одной хорошей дѣвушкой и хотѣлъ бросить. Князь предложилъ или жениться, или выйти въ отставку. Значитъ, взялся за нравственность.

12-го ноября мы распростились съ Тифлисомъ; князь былъ явно недоволенъ отказомъ Хрулева. При проѣздѣ черезъ горы—мы встрѣтились съ Милютинымъ, онъ ѣхалъ со всѣмъ семействомъ. Хотя оба шли пѣшкомъ, но ни онъ, ни Хрулевъ не подошли другъ къ другу, только холодный поклонъ.

Ѣдемъ медленно, дорога черезъ горы ужасна, во вторникъ сдѣлали одну станцію, въ четвергъ тоже одну, въ Пайшаурѣ везли въ гору 12 паръ воловъ, мы ѣхали верхомъ по глубокому снѣгу; только въ пятницу перевалили черезъ хребетъ и только сегодня, 13 ноября, добрались мы до Владикавказа; генералъ торопился уѣхать, но является депутація просить на прощальный обѣдъ Вревскому; онъ 11 лѣтъ управлялъ округомъ и очень любимъ. Вревскій уговорилъ насъ остаться еще на день, городъ даетъ балъ.

Такъ мы миновали цѣлы и здоровы самую дурную дорогу и въ это время самую опасную, но подвинулись только на 160 верстъ.

То торопимся, загоняемъ лошадей, то пируемъ; Хрулевъ положительно популяренъ, вездѣ встрѣчи, обѣды; продержали въ Новочеркаскѣ казаки, задержали въ Воронежѣ.

Наконецъ, мы въ Тулѣ, сейчасъ ѣду въ Москву.

24-го ноября ровно два года, число въ число, какъ я оставилъ Москву и семейство въ самомъ отчаянномъ, въ самомъ грустномъ положеніи. Я обѣщался вернуться черезъ годъ, вернулся черезъ два; не сдержалъ; но зато сдержалъ другое слово—я уѣхалъ опозоренный, униженный, оскорбленный—вернулся возстановивши честь!

24-го ноября 1856 года.

Изъ семейнаго архива графа Нессельроде.

Сынъ нашего извѣстнаго канцлера, К. В. Нессельроде, Александръ Карловичъ Нессельроде сталъ печатать, хранящіяся у него письма и бумаги его отца, на французскомъ языкѣ, подъ общимъ заглавіемъ „Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850 extraits de ses archives, publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode“ [1]).

По настоящее время издано три тома означенныхъ писемъ и бумагъ, обнимающіе періодъ времени съ 1760 г. по 1804 г., но издатель надѣется прожить еще не мало и дать полную біографію своего отца, а также изложить всю его политическую карьеру, начиная со взятія Парижа въ 1814 г. до Парижскаго конгресса 1856 года, послѣ чего можно будетъ сдѣлать правильную оцѣнку дѣятельности и характера самого канцлера. Пожелавъ графу А. К. Нессельроде полнаго успѣха въ осуществленіи его благаго намѣренія, позволимъ себѣ, въ ожиданіи появленія дальнѣйшихъ томовъ предпринятаго имъ изданія, познакомить читателей съ содержаніемъ вышедшихъ уже трехъ томовъ онаго.

I.

Карлъ Васильевичъ Нессельроде; его происхожденіе и служебная дѣятельность.—Пребываніе въ Берлинѣ у Фридриха II.—Пріѣздъ въ Россію; назначеніе посланникомъ въ Лиссабонъ. — Бракъ его съ Луизою Гонтаръ. — Перемѣщеніе въ Берлинъ.—Переписка съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и его супругою. — Зачисленіе сына Карла на службу въ русскій флотъ.— Отправка его въ Петербургъ.—Служба его при Павлѣ I.—Посылка въ Штуттгартъ.—Назначеніе въ Берлинъ.—Перемѣщеніе въ Гаагу.—Перемѣны въ Голландіи.—Перемѣщеніе Нессельроде въ Берлинъ.—Назначеніе его дипломатическимъ агентомъ при фельдмаршалѣ А. Ѳ. Каменскомъ; командировка въ Вѣну.—Назначеніе совѣтникомъ посольства въ Парижѣ.

Потомокъ древней фамиліи въ Германіи изъ герцогства Бергъ [2]), Вильгельмъ Нессельроде родился въ 1720 году; по обычаю того вре-

[1]) Это издано въ Парижѣ Лагюромъ. (Paris. Lahure, imprimeur-éditeur).

[2]) Герцогство Бергъ, вошедшее съ 1815 г. въ составъ Пруссіи, въ средніе вѣка было однимъ изъ главнѣйшихъ германскихъ княжествъ втораго разряда

мени въ Германіи долженъ былъ искать себѣ счастья въ различныхъ чужихъ странахъ. Онъ состоялъ на службѣ какъ при крупныхъ, такъ и при мелкихъ европейскихъ дворахъ того времени, занимая должности то въ военной, то въ гражданской службѣ. Графъ Вильгельмъ Нессельроде съ 1747 г. служилъ въ рядахъ войскъ австрійской имперіи, сражался при Лауфельдѣ [1]), былъ раненъ саблею въ голову, и слѣды этого удара сохранились всю жизнь его. Позднѣе онъ перешелъ на службу къ Палатинскому курфюрсту, или точнѣе, къ его супругѣ, осыпавшей его милостями. Это навлекло на него зависть другихъ царедворцевъ и возбудило вражду противъ него также самого курфюрста. Графъ Витгенштейнъ, камергеръ принцессы Палатинской, сообщалъ Нессельроде, что его поведеніе внушаетъ подозрѣніе и большое сомнѣніе о его характерѣ, что его обвиняютъ въ недостаткѣ уваженія къ особѣ, которой онъ обязанъ многимъ, и въ томъ, что онъ насмѣхается надъ высшею властью. Нессельроде 1 іюля 1760 г. оправдывался въ отвѣтномъ письмѣ къ графу, сообщая, что все это лишено основанія. „Близость его съ представителемъ Франціи, выставленная противъ него главнымъ обвиненіемъ съ тѣмъ, чтобы его погубить, основана на желаніи его быть ближе посвященнымъ въ дѣла государственныя, на желаніи—похвальномъ въ человѣкѣ, который всю жизнь старается быть полезнымъ. Что же можетъ имѣть подозрительнаго связь и сношенія съ посланникомъ союзной державы? Я не способенъ измѣнить особамъ, которымъ преданъ; пусть судитъ сама курфюрстина; я пробылъ тутъ 5 лѣтъ и ни разу не сдѣлалъ чего-либо для нея несоотвѣтствующаго. Мое рвеніе и преданность къ ней все тѣ же и умрутъ вмѣстѣ со мною. Въ чемъ же заключается неопредѣленность моего характера? Кому же я сдѣлалъ зло? Ни одной изъ сторонъ, окружавшихъ насъ. Я многимъ оказалъ услуги, но коль скоро не желаешь, чтобы тебя попирала ногами самая ничтожная сволочь, то и пріобрѣтаешь репутацію опаснаго человѣка, между тѣмъ какъ всѣ опасности порождаются этою сволочью. Сенъ-Жер-

---

и находилось на правомъ берегу Рейна въ округѣ Вестфальскомъ. Позднѣе оно соединилось съ княжествомъ Юліи; въ 1511 г. они оба перешли во власть Клеве, а въ 1742 г. всѣ три владѣнія Бергъ, Клеве и Юліи перешли къ палатинскому электору, а затѣмъ къ герцогу Цвейбрюкенскому. По Люневильскому миру 1802 г. эти владѣнія были уступлены Франціи, и Наполеонъ I въ 1806 г. изъ нихъ составилъ *герцогство Бергъ* и пожаловалъ таковое супругу своей сестры Іоахиму Мюрату (позднѣе король неаполитанскій). Главнымъ городомъ герцогства былъ Дюссельдорфъ.

[1]) Лауфельдъ во Фландріи—въ австро-прусскую войну 1740—48 французы одержали дорогою цѣною побѣду 2 іюля 1747 г. надъ пруссаками и ихъ союзниками.

менъ [1]), французскій министръ при Людовикѣ XV, былъ правъ, замѣтивъ, что надо имѣть болѣе ума въ обращеніи со скотами, нежели съ разумными людьми, потому что первые всегда хотятъ сѣсть верхомъ, тогда какъ рождены для того, чтобы быть осѣдланы сами. Я очень желаю, чтобы сама курфюрстина разсмотрѣла все это; полагаюсь на ея проницательность, умъ и просвѣщенные взгляды. Я знаю, что нѣкоторые пользуются ея слабостью. Я знаю доброту ея и восхищаюсь ею и буду постоянно ей преданъ, несмотря на интриги и клевету".

Изъ писемъ Нессельроде къ этой принцессѣ можно заключить, что онъ былъ очарованъ ею и влюбленъ, но что она удерживала при себѣ какого-то Rodenhausen,—tandis que vous me promettiez encore dans notre conversation d'hier de ne rien faire de contraire à notre amour. Elles sont donc là ces promesses sacrées, que vous sacrifierez l'amitié à l'amour. Voilà donc l'honneur, l'amour et l'humanité trahis tout à la fois" (т. е. удерживала Роденгаузена, между тѣмъ, какъ еще въ разговорѣ вчера обѣщала мнѣ не дѣлать ничего противнаго нашей любви. Гдѣ же послѣ этого священные обѣты пожертвовать дружбою для любви... Вотъ заразъ измѣна чести, любви и человѣчности). Роденгаузенъ состоялъ на службѣ при дворѣ герцога Палатинскаго въ 1760 годахъ и пользовался большою благосклонностью его супруги.

Это заставило Нессельроде снова перемѣнить родъ службы. Онъ отправился во Францію, гдѣ, благодаря покровительству герцога Шуазеля [2]), тогда всемогущаго министра, былъ назначенъ полковникомъ въ полкъ Royal Allemand. Онъ жилъ то въ Парижѣ, то въ Версалѣ, нашелъ весьма симпатичное общество умныхъ и остроумныхъ людей, посѣщалъ извѣстные того времени салоны, театры (ruelles), имѣлъ знакомство съ очень многими литераторами, учеными,

---

[1]) Сенъ-Жерменъ-Клавдій-Людовикъ графъ родился въ 1707 г. въ Лонсѣ во Франціи и служилъ въ рядахъ арміи курфюрста Палатинскаго, отличался въ войнахъ съ турками въ Венгріи въ 1738 г., а потомъ, перейдя на службу къ электору Баварскому, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ. Позднѣе онъ возвратился во Францію, произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1748 г., а затѣмъ поступилъ на службу Даніи и командовалъ ея арміею съ титуломъ фельдмаршала. Въ 1768 г. онъ снова явился на службу Франціи, завѣдывалъ военнымъ министерствомъ въ 1775 г. и умеръ въ Парижѣ въ 1778 г.

[2]) Шуазель, Этьенъ герцогъ д'Амбуазъ и графъ Стэнвиллъ, родился въ 1719 г., служилъ въ рядахъ войскъ, а потомъ, оставивъ армію, былъ резидентомъ въ Римѣ и Вѣнѣ. Затѣмъ, при содѣйствіи маркизы Помпадуръ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Франціи въ 1758 г. и занялъ первое мѣсто при дворѣ. Противъ него интриговала позднѣе дю-Барри, и Людовикъ XV въ 1770 г. приказалъ Шуазелю удалиться въ свое помѣстье Шантелу. Хотя Людовикъ XVI и вернулъ его въ 1774 г., но Шуазель болѣе не имѣлъ значенія и умеръ въ 1785 г., оставивъ свои мемуары.

актрисами Парижа того времени и былъ вездѣ всѣми очень радушно принятъ.

Съ паденіемъ Шуазеля онъ лишился также мѣста и расположенія двора, покинулъ Францію и отправился сперва по домашнимъ своимъ дѣламъ въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ Фридриху II, королю прусскому. Потомъ онъ поѣхалъ ко двору въ Гессенъ-Дармштадтъ, а затѣмъ въ Веймаръ, гдѣ и пріобрѣлъ знакомства и друзей на всю свою жизнь. Мелкіе дворы германскаго союза не представляли обширнаго поприща ни для его честолюбивой дѣятельности, ни для примѣненія его способностей и осуществленія стремленій его честолюбія, возбужденныхъ въ немъ пребываніемъ въ столицѣ Европы. Онъ рѣшился ѣхать къ Фридриху Великому въ Берлинъ и скоро обворожилъ друга Вольтера —своимъ чисто французскимъ умомъ, своимъ очаровательнымъ разговоромъ, массою забавныхъ анекдотовъ, любопытныхъ воспоминаній, замѣчаній, наблюденій, собранныхъ имъ на разныхъ ступеняхъ жизни. Фридрихъ II сдѣлалъ его камергеромъ и членомъ небольшаго кружка своихъ приближенныхъ, возлагалъ на него различныя политическія порученія, которыя Нессельроде исполнялъ всегда къ удовольствію короля. Но эти новыя должности доставляли ему мало средствъ къ жизни, онѣ давали болѣе почестей, нежели денегъ. Онъ пробылъ въ Берлинѣ, не занимая должности какой-либо, шесть лѣтъ. Фридрихъ предлагалъ ему мѣсто посланника въ Вѣнѣ, но назначалъ такъ мало жалованья, что Нессельроде могъ быть представителемъ только нищенствующихъ орденовъ, а не Прусскаго королевства, ибо, не имѣя самъ состоянія, получалъ ничтожное содержаніе. Онъ написалъ королю просьбу объ его увольненіи. Король разсердился на его просьбу, несмотря на то, что Нессельроде величалъ его величайшимъ изъ королей, и написалъ ему довольно рѣзко, что если онъ считаетъ нужнымъ просить увольненія, чтобы удобнѣе заняться домашними дѣлами своими, то король не желаетъ ему отказать въ просьбѣ и даетъ просимое увольненіе. Нессельроде покинулъ Берлинъ. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ, Нессельроде свелъ знакомство съ кн. Гр. Гр. Орловымъ, который предложилъ ему пріѣхать въ Россію. Это же поддерживала Екатерина II и ландграфиня Дармштадтская, мать Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла.

Императрица Екатерина II отнеслась очень благосклонно къ этому и назначила Нессельроде камергеромъ, и скоро затѣмъ министромъ-резидентомъ въ Португалію. 13 (25) сентября 1778 г. послѣдовалъ высочайшій указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, „что дворянинъ нѣмецкій, графъ Вильгельмъ Нессельроде, принимается на русскую службу и назначается къ португальскому двору въ качествѣ чрезвы-

чайнаго посланника и уполномоченнаго министра съ званіемъ дѣйствительнаго камергера, при чемъ отъ португальскаго двора будетъ посланъ такой же посланникъ, съ назначеніемъ содержанія 8.000 руб. въ годъ, на канцелярскіе и почтовые расходы—400 р. и на проѣздъ и обстановку 6.000 р.". Еще передъ отъѣздомъ въ Лиссабонъ Нессельроде вступилъ въ бракъ въ Франкфуртѣ, въ январѣ 1780 года, съ дѣвицею Луизою Гонтаръ, которая n'est ni belle, ni jeune, ni noble, mais elle est digne de toute mon estime; pour faire une petite revolution dans mon état domestique, une femme pourait être un meuble très utile pour le bonheur de la vie et en consequence je vais m'en donner une" (т. е. она не красавица, не молода, не благороднаго происхожденія, но вполнѣ достойна моего уваженія. Чтобы совершить небольшой переворотъ въ моемъ домашнемъ быту, супруга можетъ явиться очень полезнымъ орудіемъ для счастья въ жизни, слѣдовательно, я обзавожусь таковою...), писалъ онъ брату своему графу Фридриху Нессельроде.

Избранная имъ супругою принадлежала къ англиканству, хотя самъ Нессельроде былъ католикомъ, но, какъ поклонникъ философовъ XVIII вѣка и энциклопедистовъ, онъ легко согласился на желаніе своей супруги, чтобы сынъ ихъ (будущій нашъ канцлеръ), былъ крещенъ въ ея вѣрѣ. Въ то время въ Лиссабонѣ была только одна англиканская церковь при англійскомъ посольствѣ, въ которой и былъ крещенъ родившійся 2 (14) декабря 1780 г. въ Лиссабонѣ сынъ его Карлъ-Робертъ и сдѣлался членомъ англиканской церкви на всю жизнь. Онъ имѣлъ едва 6 лѣтъ, когда лишился матери своей. Въ 1787 г. отецъ его имѣлъ уже 60 лѣтъ и страдалъ подагрою. Убитый горемъ отъ потери супруги и усталый, онъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и просилъ увольненія отъ службы въ Лиссабонѣ, чтобы заняться воспитаніемъ сына, но не могъ устоять передъ лестными отзывами о его дипломатическихъ способностяхъ и согласился принять постъ полномочнаго министра Россіи при берлинскомъ дворѣ.

Въ Берлинѣ, ранѣе этого, былъ посланникомъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ [1]). Изъ-за вопроса этикета онъ поссорился съ дворомъ, хотя самъ былъ не вполнѣ правъ. Это принудило Екатерину II, отозвавъ его, предложить мѣсто Нессельроде. При политическихъ обстоятельствахъ того времени, это мѣсто было столь же

---

[1]) Румянцовъ, Сергѣй Петровичъ, родился въ 1755 г., былъ назначенъ въ 1771 г. камеръ-юнкеромъ, а затѣмъ посланникомъ, сперва къ курфюрсту Баварскому въ 1785 г., а послѣ въ Берлинъ, откуда былъ скоро отозванъ въ 1788 г. Послѣ этого С. П. Румянцовъ не занималъ государственныхъ должностей и умеръ въ 1838 году. По его запискѣ состоялся указъ 25 февраля 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

важно, какъ и трудно. Россія воевала съ Пруссіею и Швеціею. Успѣхи нашего оружія тревожили Англію, которая опасалась осуществленія на дѣлѣ проектовъ на счетъ Турціи, высказанныхъ неосторожно, и Питтъ возымѣлъ мысль составить союзъ съ Пруссіею, чтобы противодѣйствовать союзу Россіи съ Австріею и военными демонстраціями на морѣ и на сушѣ противиться стремленіямъ этихъ двухъ державъ. Нессельроде долженъ былъ раскрыть все это и противодѣйствовать усиліямъ англійскаго посла: вовлечь Пруссію въ союзъ противъ Россіи. Нессельроде, пробывъ ранѣе довольно долго въ Берлинѣ, сохранилъ близкія связи съ вліятельными лицами при дворѣ и располагалъ всѣми необходимыми средствами для выполненія возложеннаго на него порученія съ успѣхомъ.

Сообщимъ при этомъ, что наслѣдникъ Россійскаго престола, Павелъ Петровичъ, очень уважалъ Нессельроде и былъ съ нимъ въ то время въ перепискѣ, съ которой позволимъ себѣ познакомить нашихъ читателей.

Такъ великій князь изъ Выборга въ 1788 году ему писалъ по-французски: „хочу еще разъ проститься съ вами, повторить тѣ чувства, какія вы мнѣ внушили къ себѣ, и просить никогда не сомнѣваться въ моемъ расположеніи къ вамъ. Минуты, проведенныя съ вами, навсегда останутся въ моемъ сердцѣ и будутъ отраднымъ для меня воспоминаніемъ...

„Вспоминайте по временамъ о всемъ, что я вамъ говорилъ, сожалѣйте меня, но что же дѣлать? Терпѣніе и спокойствіе. Patience et tranquilité. Навсегда вашъ вѣрный другъ“.

Въ другомъ письмѣ 3 октября 1788 г.: „возвратясь къ своимъ пенатамъ, высказываю вамъ признательность за дружбу вашу, выраженную моей женѣ во время моего отсутствія. Примите также и ту, которую я вамъ долженъ за ваше ко мнѣ расположеніе. Сохраните мнѣ вашу дружбу и полагайтесь на вашего вѣрнаго друга“.

1 (12) ноября 1788 г.: „Очень обрадовался, получивъ ваше письмо“...

28 декабря 1788 г.: „Наши дѣла личныя такого рода, что не предвидится вовсе чего-либо утѣшительнаго, если они останутся навсегда безъ перемѣны. Едва мы дышемъ и мы даже желаемъ возвращенія князя Потемкина... Вашъ вѣрный другъ“.

5 (16) іюля 1789 г. посылаетъ проигранное пари (держалъ, что не возьмутъ Очаковъ).

28 февраля 1789 г. пишетъ о политикѣ, о Потемкинѣ, что онъ желаетъ мира, ибо у насъ нѣтъ ни средствъ, ни денегъ вести войну.

7 (18) августа 1789 г. много пишетъ о Гольцѣ, графѣ, полковникѣ. предлагаетъ ему 2.000 руб. ежегодно, пока будетъ здѣсь у насъ. „Онъ найдетъ много матеріаловъ, приготовленныхъ по моему плану

по которому долженъ передѣлать всю систему, отстранить злоупотребленія и побудить принять послѣдовательную систему, доселѣ не существовавшую, потому что позабыли всѣ прежніе регламенты и держались только произвола, смотря по времени и лицамъ. Я радуюсь заранѣе, имѣя матеріалъ, соотвѣтствующій талантамъ и личнымъ качествамъ графа Гольца".

11 (22) іюля 1789 г.: „Мы здѣсь ослѣплены относительно нашего положенія и нашихъ интересовъ. Положеніе не отрадное, ни извнѣ, ни внутри, и нашъ тонъ, раздуваемый подкупленными людьми, не сдѣлаетъ оное лучше. Очи и уши закрыты; мы не хотимъ познать себя, а многія лица заинтересованы въ томъ, чтобы не открывать намъ глазъ и ушей съ тѣмъ, чтобы удобнѣе ловить въ мутной водѣ. Вы, мой другъ, можете установить порядокъ сношенія съ нами; предоставляю это вашему усмотрѣнію. Не теряйте изъ вида нашего положенія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго.

„Бодрствуйте, ради Бога, и восполняйте то, что мнѣ здѣсь невозможно произвести моимъ личнымъ положеніемъ. Гольцъ имѣлъ аудіенціи, но я ничего не могу сказать о нихъ; все обошлось по прежнему порядку".

7 (18) августа 1789 г. „Я желалъ бы, чтобы Гольцъ не поступалъ на службу, чтобы удобнѣе пользоваться имъ. Но, какъ необходимо имѣть высокій чинъ, чтобы лучше и больше вліять и работать, то онъ можетъ поступить на службу Даніи. Это облегчитъ ему переходъ на нашу службу, какъ приходящему изъ дружественной намъ державы, изъ которой къ намъ постоянно переходятъ даже генералы. Планы— вещь щекотливая, особенно для меня; гдѣ взять время, чтобы ихъ списать и какъ списать то, что я неимовѣрными трудами добылъ для себя. Многое написано моею рукою или рукою того, кто со мною работалъ. Кромѣ того, онъ проситъ ему доставить прежнія распоряженія, которыя надо перевести; они всѣ на русскомъ языкѣ; потомъ надо объяснить ему, въ чемъ ихъ измѣнили и въ чемъ отступили отъ нихъ, и указать всѣ злоупотребленія, имѣющія основаніемъ недостатки, пороки, которые можно понять, только изучивъ самый народъ. Потомъ пойдутъ объясненія и подробности моей системы, которую надо ему перевести. При томъ самая система эта во многомъ еще только проектъ, за недостаткомъ достаточныхъ матеріаловъ. Вы знаете, что многое мѣняется у насъ всякій годъ. Вотъ мои затрудненія, но я вполнѣ доволенъ его точкою зрѣнія".

15 (26) іюня 1790 г.: „Замедлилъ отвѣтами на ваши письма. Пожелаю вамъ мира. Но что скажетё вы про Францію, и какой выводъ изъ того урока, который она даетъ всѣмъ странамъ. Ужасный

урокъ! Не пишу о Гольцѣ, ибо полагаю, что все уже устроено. Желаю вамъ здоровья. Сохраните вашу дружбу ко мнѣ".

Нессельроде писалъ Павлу изъ Берлина 20 (31) марта 1790 г.: „Гольцъ неизбѣжно будетъ у васъ, когда только прикажете. Онъ рѣшился ѣхать въ Данію; пока онъ назначенъ тамъ генералъ-инспекторомъ пѣхоты; онъ отклонилъ командованіе полкомъ въ Гольштейнѣ. Онъ мнѣ писалъ, что не замедлитъ, по обѣщанію своему, явиться къ вамъ по требованію, но не можетъ изъ деликатности принять предлагаемое вами жалованье 2.000 рублей теперь же, пока состоитъ на чужой службѣ, но когда явится къ вамъ, то приметъ оное съ признательностью. Я совершенно боленъ, измученъ ревматизмомъ и не могу двигаться. Приближается конецъ мой. Я не имѣю никакого честолюбія; единственное мое желаніе—да сохранитъ Богъ ваши драгоцѣнные дни".

Также Марія Θедоровна, супруга Павла I, писала Нессельроде того же 3 октября, какъ она счастлива быть снова со своимъ супругомъ и сожалѣетъ, что съ ними нѣтъ Нессельроде. Они много говорятъ о немъ, пользуются плодами его трудовъ, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его пріѣзда, она проситъ сохранить дружбу и расположеніе къ нимъ.

Ноября 1 (12) 1788 г.: политическія обстоятельства настоящаго времени прямо удручающія. Наше личное положеніе таково, что намъ остается только желать, чтобы оно таковымъ оставалось постоянно. Оно тихо, спокойно, безмятежно, повидимому; это взаимное стѣсненіе какъ бы изгнано. Какъ жаль, дорогой графъ, что вы не можете быть свидѣтелемъ нашего счастья. Чтобы сдѣлать пріятное государынѣ и снискать ея добрыя расположенія минуты, я начала учиться гравировать и подарила ей мою первую работу этого рода. Она очень ей понравилась, и съ тѣхъ поръ государыня добрѣе къ намъ обоимъ".

2 (13) декабря 1788 г.: называетъ его mon ami, проситъ о какомъ-то дѣлѣ, не можетъ выразить, съ какимъ удовольствіемъ она и ея супругъ читаютъ его письма; пишетъ о дѣлахъ съ турками, негодуетъ, что Потемкинъ поздно увѣдомилъ о взятіи Очакова; желаетъ счастливаго новаго года. Votre sincère amie. Говоритъ о Бенкендорфѣ, Ангальтѣ, что 9 марта Румянцевъ уволенъ и на его мѣсто Потемкинъ, желаетъ мира болѣе, чѣмъ когда-либо и т. д.

17 (28) іюня 1789 г.: Гольцъ ей понравился, выражается съ благородствомъ; говорятъ, императрица очень хорошо приняла его и осталась довольна имъ. „Миръ, въ которомъ нуждаемся, очень далекъ отъ насъ; всеобщее къ намъ нерасположеніе (malveillance) слишкомъ велико; наши успѣхи только увеличиваютъ оное, ибо полагаютъ, что мы легко ими возгордимся. Англія противъ насъ озлоблена"...

3 (14) декабря 1790 г.: „Пишу вамъ съ случаемъ, чтобы напомнить о моей дружбѣ и моей памяти о васъ. Желаю вамъ всего лучшаго; да поможетъ вамъ Богъ; сохраните вашу ко мнѣ дружбу и знайте твердо, что ни время, ни отсутствіе не имѣютъ никакого вліянія на мои чувства, что я къ вамъ привязана и буду всегда предана".

5 (16) декабря 1790 г.: радуется, что заключенъ миръ съ Турціею и Швеціею.

Занимая постъ посланника въ Берлинѣ, В. Нессельроде сдѣлался большимъ другомъ и пріятелемъ извѣстнаго барона Дальбергъ [1]), епископа Регенсбургскаго и президента Рейнскаго союза и, по его совѣту, поручилъ воспитаніе своего сына Карла извѣстному педагогу Гедике [2]) въ Берлинѣ, а между тѣмъ, по достиженіи сыномъ восьми лѣтъ, записалъ его въ списки русскаго флота гардемариномъ (midshipmann). Не много позднѣе, молодой Карлъ Нессельроде посѣщалъ и берлинскую гимназію, директоромъ которой былъ упомянутый Гедике.

Эта гимназія не подготовляла къ морскому дѣлу и къ той дѣятельности, которой онъ предался позднѣе. По достиженіи 16 лѣтъ, т. е. въ 1798 году, молодой Нессельроде былъ отправленъ на службу въ Петербургъ, куда пріѣхалъ за полгода до кончины Екатерины II, былъ ей представленъ, и она поручила его адмиралу Карцову, подъ руководствомъ котораго онъ долженъ былъ знакомиться со службою. Карцовъ былъ въ то время начальникъ 2-го отдѣла морскаго кадетскаго корпуса въ Кронштадтѣ.

Въ сентябрѣ 1796 г. Нессельроде поѣхалъ въ Кронштадтъ, а въ началѣ декабря скончалась императрица Екатерина II.

Павелъ I, еще великимъ княземъ благоволившій къ старику, вспомнилъ и о его сынѣ и при вступленіи на престолъ назначилъ его флигель-адъютантомъ по флоту.

---

[1]) Дальбергъ примасъ католической церкви въ Германіи, очень древней фамиліи, родился въ 1745 г. въ Гернсгеймѣ близъ Вормса, поступилъ въ духовенство и былъ епископомъ въ Констанцѣ, электоромъ Майнцкимъ въ 1802 г. и епископомъ Ротисбанскимъ и архи-канцлеромъ Германской имперіи. Онъ предсѣдательствовалъ на послѣднемъ сеймѣ Германіи и старался противодѣйствовать стремленіямъ Наполеона I, а затѣмъ, сдѣлавшись президентомъ Рейнскаго союза и великимъ герцогомъ Франкфуртскимъ, явился приверженцемъ Наполеона, за что и былъ при паденіи послѣдняго лишенъ большей части своихъ владѣній. Онъ умеръ въ 1817 г.

[2]) Гедике Фридрихъ родился въ Бранденбургѣ въ 1754 г., занимался педагогіею, былъ директоромъ различныхъ гимназій въ Пруссіи, членомъ Академіи Наукъ въ Берлинѣ и инспекторомъ школъ въ Пруссіи. Онъ умеръ въ 1805 г., оставивъ нѣсколько педагогическихъ сочиненій и изслѣдованіе о философіи Цицерона.

Это заставило молодаго Нессельроде покинуть Кронштадтъ, прибыть въ Петербургъ и представиться государю, принявшему его очень благосклонно; императоръ назначилъ его дежурнымъ при себѣ. Однажды его величество спросилъ молодаго Нессельроде—имѣетъ-ли онъ расположеніе къ морской службѣ. Тотъ отвѣтилъ, что до сего времени еще не имѣлъ случая пріобрѣсти оное. Государь ему сказалъ, что такъ и думалъ, самъ зная, что я получилъ воспитаніе въ Берлинѣ, и спросилъ, не хочу ли я перейти въ сухопутныя войска. Я согласился охотно, и государь назначилъ меня въ л.-гв. конную гвардію поручикомъ, оставивъ меня въ званіи флигель-адъютанта. Въ этомъ званіи Нессельроде сопровождалъ государя на коронацію его въ Москву. По возвращеніи изъ Москвы прибылъ въ Петербургъ его отецъ, чтобы благодарить государя за расположеніе и милость, оказанную сыну, а также, чтобы руководить имъ въ началѣ службы и устроить его положеніе. Онъ продолжалъ быть флигель-адъютантомъ.

Во время пребыванія при дворѣ Павла I молодой Нессельроде нерѣдко сообщалъ отцу о различныхъ новостяхъ и событіяхъ придворной жизни. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ:

1798 г. 31-го іюля. Обѣ придворныя партіи, мужчинъ и женщинъ, сразились между собою, успѣхъ на сторонѣ мужчинъ и слѣдствіемъ ея—немилость нашей покровительницы Нелидовой[1]). Всѣ покровительствуемые ею падаютъ и исчезаютъ. Первою жертвою былъ Нелединскій-Мелецкій (госуд. секретарь по гражд. дѣламъ). На его мѣсто назначенъ Неплюевъ, нашъ другъ; вторая жертва—вице-адмиралъ Плещеевъ; онъ уволенъ безъ мундира. Графъ Буксгевденъ потерялъ мѣсто военнаго губернатора; на его мѣсто—храбрый генералъ Паленъ. Куракины оба у края пропасти, но еще не погибли; Кочубей будетъ вице-канцлеромъ. Кто будетъ генералъ-прокуроромъ—еще неизвѣстно. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ удаленъ въ 1798 г. въ Саратовъ; прочатъ трехъ лицъ: Трощинскаго, Лопухина, Гагарина. Кутайсовъ послѣ этой битвы получилъ орденъ св. Анны 1-ой степени.

1798 г. 14—20, вѣроятно, août (а не avril) Паленъ часто говоритъ о васъ; онъ занимаетъ три должности: губернатора столицы, инспек-

---

[1]) Нелидова Екатерина Ивановна, дочь армейскаго поручика, родилась 12 декабря 1756 г., была опредѣлена во вновь учрежденное воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь) при первомъ пріемѣ въ 1762 г. и, окончивъ обученіе въ 1776 г. съ золотою медалью, скоро была назначена фрейлиною великой княгини Маріи Ѳеодоровны, супруги наслѣдника престола. Нелидова успѣла сдѣлаться подругою Маріи Ѳеодоровны и Павла I, пользовалась большимъ расположеніемъ послѣдняго, но въ 1798 г. покинула дворъ и Гатчино, удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ и скончалась 2 января 1839 г. Она похоронена на Охтенскомъ кладбищѣ.

тора дивизіи и командира нашего полка, гдѣ три генерала. Было небольшое производство. Лопухинъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, а Аракчеевъ—принятъ вновь на службу генералъ-лейтенантомъ, въ свиту государя; старшій Ливенъ сдѣланъ командиромъ гренадерскаго полка. Вьельгорскій уволенъ; на его мѣсто Нарышкинъ. Умерла великая звѣзда и очень умная особа—графиня Потоцкая; она умерла въ субботу; очень ее сожалѣютъ.

1798 г. 8—19 сентября. Н. П. Румянцевъ уволенъ; оберъ-гофмейстеромъ назначенъ графъ Тизенгаузенъ. Гагаринъ сдѣланъ директоромъ банка; Нащокинъ—гофмаршаломъ, на мѣсто Тизенгаузена и т. д.

1798 г. декабря 22. Нелидова удалилась въ Лифляндію къ графинѣ Буксгевденъ. Ее замѣстила дочь генералъ-прокурора Лопухина. Николай Румянцевъ и Александръ Куракинъ—вице-канцлеры, уволены оба; на мѣсто Куракина прочатъ графа Семена Воронцова, ибо Кочубей хочетъ получить мѣсто посла въ Лондонѣ.

Растопчинъ на высотѣ величія и милости. Вообще, нашъ бѣдный императоръ окруженъ людьми, которые желаютъ всевозможнаго зла своимъ соотечественникамъ и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать государя гораздо худшимъ, нежели онъ на самомъ дѣлѣ, и заглушить въ его сердцѣ даже малѣйшую искру доброты. Они стараются снискать его милость, открывая заговорщиковъ. Бѣдная конная гвардія въ немилости болѣе, чѣмъ когда-либо; ее прогнали изъ Гатчино и хотя есть вакансіи, но производства не дѣлаютъ. Я болѣе двухъ мѣсяцевъ стою первымъ, чтобы быть капитаномъ. Корфа арестовали. Сенаторъ Гейкингъ также удаленъ въ свои земли.

1798 г. декабвя 15. Царитъ вполнѣ Иванъ Кутайсовъ: онъ творитъ все и вся послѣ паденія Нелидовой; всѣ мѣста заняты его креатурами и приверженцами; имъ однимъ только держатся и дѣлаютъ карьеру. Онъ вполнѣ одинъ. Примадонна Лопухина,—дочь генералъ-прокурора, выбрана имъ же. Императрица въ несчастномъ положеніи, потому что государь видитъ ее очень мало. Окончивъ парадъ, совершаемый очень быстро, государь немедленно и тайно уѣзжаетъ къ Лопухиной въ каретѣ Кутайсова, камеръ-лакея. Послѣ обѣда она пріѣзжаетъ къ Кутайсову и остается весь вечеръ. Дѣла государства занимаютъ краткое время и только утромъ и ограничиваются глупостями Мальтійскаго ордена. Вообразите себѣ, до чего доводятъ глупости: назначили князя Волконскаго комендантомъ острова Мальты и зачислили уже нѣсколько полковъ въ составъ гарнизона острова, не овладѣвъ еще послѣднимъ!... Паленъ не разъ въ день повторяетъ: какъ вы умно сдѣлали, покинувъ эту страну. Меня лично пока оставляютъ въ покоѣ; я только одинъ разъ былъ подъ арестомъ

на сутки, за то, что замедлилъ явиться по требованію императора; я мылся послѣ караула и не могъ сейчасъ идти.

1798 г. 20-го декабря. Во главѣ всѣхъ интригановъ стоитъ Кутайсовъ оберъ-шталмейстеръ; онъ все вершитъ. Властитель болѣе, чѣмъ когда-либо друженъ съ нимъ и проводитъ у него остальной день послѣ полудня. Онъ занятъ только своею красавицею и Мальтійскимъ орденомъ, а австрійцы занимаются имъ нѣсколько иначе; ихъ посланникъ пишетъ о немъ неимовѣрныя вещи. Всѣ негодуютъ на него. Растопчинъ стоитъ во главѣ иностранныхъ дѣлъ; умный человѣкъ, но характеръ его не заслуживаетъ похвалы. Также нельзя хвалить и Голицына, завѣдывающаго военными дѣлами; онъ держится только потому, что имѣетъ честь быть любовникомъ княжны Гагариной. Уваровъ, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ,—любовникъ Лопухиной, мачихи извѣстной красавицы. Одинъ достойный человѣкъ—это Паленъ; его обожаютъ всѣ жители столицы. Конная гвардія по-прежнему очень не въ милости. Остерегайтесь быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицею. Лучше обращайтесь прямо къ Растопчину; это право хорошій совѣтъ.

11-го марта 1799 г. Я вернулся въ полкъ, меня произвели въ капитаны [1]). Служба не трудная; веду жизнь спокойную и имѣю случай ознакомиться со службою, которую бы никогда не позналъ въ прежнемъ моемъ званіи. Баварскій посланникъ принужденъ былъ покинуть Россію.

Въ 1798 г. составилась новая коалиція противъ французской республики, въ которой участвовала и Россія. Войска ея, подъ начальствомъ Розенберга и Суворова, двинулись въ Италію, а другая армія, подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, была направлена въ Швейцарію.

Императоръ предложилъ своимъ флигель-адъютантамъ ѣхать въ дѣйствующую армію, и молодой Нессельроде былъ назначенъ въ итальянскую армію, собравшуюся на границахъ Подоліи. Я отправился, говоритъ Нессельроде, но, доѣхавъ до Кіева, получилъ приказаніе немедленно возвратиться. Мечты о военной славѣ разсѣялись; я долженъ былъ отказаться отъ участія въ знаменитой итальянской кампаніи безсмертнаго Суворова, величайшаго изъ современныхъ полководцевъ. Я вернулся въ Петербургъ, былъ грозно принятъ государемъ,

[1]) Изъ указаннаго выше формуляра усматривается, что К. В. Нессельроде былъ причисленъ въ л.-гв. Конный полкъ: поручикомъ — 19 декабря 1796 г., произведенъ въ штабъ-ротмистры — 17 сентября 1797 г. и въ ротмистры — 6 января 1799 г. Уволенъ отъ исправленія обязанностей флигель-адъютанта и опредѣленъ въ полкъ въ эскадронъ князя Голицына—въ 1799 г., а потомъ въ эскадронъ полковника Берникова.

сказавшимъ мнѣ: „вы не пожелали служить при мнѣ, а потому служите въ вашемъ полку“. Я былъ исключенъ изъ флигель-адъютантовъ и поступилъ въ л.-гв. Конный полкъ подъ начальство князя Бориса Голицына.

Старикъ Нессельроде былъ не доволенъ, что сынъ его перешелъ въ полкъ, оставивъ придворную службу. Онъ писалъ сыну 6-го ноября 1799 г.: „никогда не теряй изъ виду свою будущность, которая должна заключаться въ томъ, чтобы неизбѣжно получить въ полную собственность мызу Нейгутъ, ибо для пріобрѣтенія славы нужно имѣть еще что ѣсть и гораздо легче добиться этой милости, находясь на службѣ при дворѣ, нежели тогда, когда долженъ будешь покинуть военную службу. Съ чиномъ полковника, имѣя 20 лѣтъ, невозможно не перейти куда-либо и несравненно почтеннѣе быть камергеромъ, нежели служить въ низшемъ званіи“.

Въ полку въ то время было избранное общество дворянъ, изъ самыхъ знатныхъ семействъ; все львы петербургскаго общества. Но полкъ не пользовался расположеніемъ императора. На каждомъ парадѣ, каждомъ ученьѣ въ высочайшемъ присутствіи, дѣлались выговоры и замѣчанія, сыпались немилости, разжалованія (destitution) и смѣны. Это было причиною, что производство въ полку шло быстро очень и, 9-го іюля 1799 г. я былъ уже полковникомъ, но очень не долго.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ мой эскадронъ былъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ; одинъ изъ офицеровъ, не разслышавъ команды полковника, сдѣлалъ ошибку. Государь разсердился, пришелъ въ гнѣвъ, разжаловалъ офицера, смѣнилъ командира князя Голицына, назначивъ на его мѣсто вел. кн. Константина Павловича, и отослалъ полкъ изъ Петербурга въ Царское Село. Я раздѣлилъ эту немилость, но при этомъ государь сдѣлалъ меня камергеромъ въ 1800 году. Я съ сожалѣніемъ покинулъ военную службу, имѣя 20 лѣтъ, и былъ обреченъ на бездѣйствіе, которое не соотвѣтствовало ни моимъ наклонностямъ къ занятіямъ, ни стремленію обезпечить свою будущность. Пользуясь досугомъ, я занялся чтеніемъ разныхъ сочиненій, чтобы наверстать, хотя, сколько-нибудь, большіе пробѣлы моего образованія. Такъ прошелъ годъ; лѣтомъ государь въ припадкѣ гнѣва уволилъ всѣхъ почти камергеровъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, перемѣщенныхъ по гражданской службѣ. Я былъ уволенъ безъ всякаго назначенія, но уже подъ конецъ 1800 г. Павелъ I объявилъ, что дозволяетъ всѣмъ уволеннымъ, какъ гражданскимъ чинамъ, такъ и военнымъ, ходатайствовать о принятіи ихъ вновь на службу. Я воспользовался этимъ и, подавъ надлежащее прошеніе, былъ снова назначенъ камергеромъ. Я находился при открытіи Михайловскаго дворца, вновь выстроеннаго,

и на послѣднемъ куртагѣ. По вступленіи на престолъ Александра I я былъ посланъ съ извѣстіемъ объ этомъ герцогу Виртембергскому, брату вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Герцогъ въ это время покинулъ уже свои владѣнія, по случаю войны съ Франціею, и жилъ въ Эрлангенѣ, гдѣ я и представился ему. Скоро былъ, 9-го февраля 1801 г., заключенъ Люневильскій миръ, по которому французскія войска очистили Виртембергъ; король намѣревался возвратиться въ свою столицу Штуттгартъ и предложилъ Нессельроде ѣхать съ нимъ. Онъ воспользовался этимъ приглашеніемъ и проѣздомъ былъ въ Франкфуртѣ, навѣстилъ отца, который, по увольненіи отъ службы въ 1795 г., поселился въ этомъ городѣ, получая пенсію въ 2.000 рублей. Пробывъ съ отцомъ десять дней, молодой Нессельроде поѣхалъ къ герцогу Виртембергскому, жившему въ замкѣ его, Луизбургѣ; онъ очень тогда безпокоился о здоровьѣ своего любимца графа Цепелина (оберъ-камергера и государственнаго министра), страдавшаго неисцѣлимымъ недугомъ. „Этотъ герцоргъ Виртембергскій, замѣчаетъ Нессельроде, при высокомъ умѣ, обладалъ страшнымъ характеромъ; онъ былъ тираннъ своего семейства и своей страны. Онъ былъ изумительный фантазеръ".

Возвратясь въ Франкфуртъ къ отцу, гдѣ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, Нессельроде поѣхалъ въ Россію, рѣшившись поступить на дипломатическое поприще. „Мой отецъ, пишетъ будущій канцлеръ, былъ очень противъ этого; онъ видѣлъ и зналъ по опыту, что на этомъ пути болѣе шиповъ, нежели розъ, и не желалъ, чтобы я подвергался такому тернистому странствованію; къ тому же онъ, быть можетъ, сомнѣвался въ достаточности моихъ способностей для этого поприща, по опыту зная, что оно требуетъ качествъ, которыми я не обладалъ.

„Какъ бы тамъ ни было, я, однако, настаивалъ на своемъ намѣреніи и проѣздомъ въ Берлинъ спрашивалъ барона Криднера, согласенъ ли онъ будетъ на то, чтобы меня причислили къ посольству въ Берлинѣ. Онъ изъявилъ свое на это согласіе, а потому, прибывъ въ Петербургъ, я подалъ объ этомъ просьбу Панину (Никитѣ Петровичу, умеръ въ Москвѣ 1837 г.), министру иностранныхъ дѣлъ въ то время, (т. е. при Павлѣ I и первые мѣсяцы царствованія Александра I), и онъ меня причислилъ къ Берлинскому посольству, а черезъ 18 лѣтъ я самъ уже причислилъ сына его, Виктора Никитича, въ то же министерство иностранныхъ дѣлъ. По прибытіи моемъ въ Берлинъ, Криднеръ принялъ меня очень радушно, пріютилъ у себя, руководилъ моими первыми шагами на дипломатическомъ поприщѣ и совмѣстно съ своимъ сыномъ заставилъ прослушать курсъ публичнаго права у знаменитаго Ансилльона (автора „Traité des révolutions du système

politique de l'Europe"), профессора исторіи, позднѣе, черезъ 30 лѣтъ, министра иностранныхъ дѣлъ Пруссіи, и составившаго вмѣстѣ съ Нессельроде (тогда же вице-канцлеромъ), ноту объ отношеніи 3-хъ сѣверныхъ державъ: Австріи, Пруссіи и Россіи—къ правительству Людовика Филиппа во Франціи".

Зимній сезонъ въ Берлинѣ въ этомъ году былъ очень блестящъ. Королева Луиза была во всемъ блескѣ ея красоты; прусскій дворъ давалъ великолѣпныя торжества; различные костюмированные балы, парадные спектакли, обѣды и т. д. шли все время безпрерывно. Дипломатическій корпусъ не отставалъ въ этомъ отъ двора. Это доставляло Нессельроде возможность сблизиться коротко со многими выдающимися людьми, позднѣе игравшими большую политическую роль, какъ-то: графъ Стадіонъ и его секретарь баронъ Вессембергъ, генералы: Бернонвилль и Биньонъ—извѣстный, какъ писатель, любовью своею къ Россіи и ненавистью къ русскимъ; генералъ O'Farill—испанецъ и, наконецъ, извѣстный Генцъ [1]), служившій тогда въ Пруссіи, авторъ сочиненій, поставившихъ его наравнѣ съ такими писателями, какъ Боркъ, Мале-дю-Панъ и т. д., именно: одно объ управленіи въ Англіи и системѣ Питта и второе: l'Etat de l'Europe avant et après la revolution française, изданное въ опроверженіе сочиненія Hauterivé à l'Etat de la France à la fin de l'an VII, написаннаго по заказу Наполеона, при достиженіи имъ консульства. Сочиненіе Генца, имѣло громадный успѣхъ; онъ съ этихъ поръ явился самымъ храбрымъ и самымъ просвѣщеннымъ защитникомъ хорошихъ началъ. Къ несчастью, его нравственный характеръ не былъ на одинаковой высотѣ съ его умственными дарованіями. Его обвиняли въ продажности, не безъ основанія, но онъ до самой смерти ни на минуту не измѣнилъ своимъ принципамъ, какъ это, напримѣръ, случилось съ Іоанномъ Миллеромъ, историкомъ Швейцаріи, и многими другими. Генцъ вслѣдствіе своего сочиненія, получилъ отъ Австріи предложеніе перейти на службу Имперіи; онъ принялъ это съ большимъ удовольствіемъ, предпочитая служить болѣе сильному консервативному государству, нежели прусскому кабинету съ Гаугвицомъ во главѣ, слабому, непостоянному во взглядахъ и дѣйствіяхъ. Нессельроде также очень сблизился съ

---

[1]) Генцъ Фридрихъ, извѣстный нѣмецкій публицистъ, родился въ Бреславлѣ въ 1764 г. и постоянно писалъ памфлеты противъ Франціи и ея порядковъ. Съ 1805 г. онъ состоялъ въ тайной канцеляріи Австрійскаго бюро, писалъ манифесты противъ Наполеона I, издаваемые коалиціею 1813 г. Онъ былъ первымъ секретаремъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1814 г. и однимъ изъ главныхъ редакторовъ Парижскаго трактата 1815 г. Позднѣе онъ участвовалъ на конгрессахъ: въ Аахенѣ 1818 г., Лайбахѣ (1820 г.) и Веронѣ (1821 г.). Генцъ умеръ въ 1852 г.

принцемъ Людовикомъ Фердинандомъ, племянникомъ Фридриха Великаго, позже погибшаго въ сраженіи при Заальфельдѣ въ 1806 году. Въ обществѣ этихъ выдающихся людей Нессельроде проводилъ всю зиму.

Весною занемогъ его отецъ, но, къ счастью, поправился, затѣмъ умеръ его начальникъ Криднеръ внезапно, на прогулкѣ Подъ Липами въ Берлинѣ. На Криднера мѣсто былъ назначенъ Алопеусъ, пользовавшійся покровительствомъ Остермана, личный врагъ отца Нессельроде и всячески интриговавшій противъ него. Сынъ Нессельроде счелъ неудобнымъ оставаться при посольствѣ въ Берлинѣ, и, по своей о томъ просьбѣ, былъ переведенъ въ Гаагу, совершивъ тѣмъ временемъ поѣздку по Богеміи, очень пріятную, при чемъ встрѣтился съ Меттернихомъ, въ то время посланникомъ Австріи при Саксонскомъ дворѣ, познакомился въ г. Тёплицѣ съ семействомъ Клари и принцемъ де-Линь, старикомъ, бывшимъ при Екатеринѣ II въ Россіи (онъ умеръ въ Вѣнѣ въ 1814 г.); тутъ собиралось избранное общество изъ представителей всѣхъ европейскихъ державъ, въ особенности выдавался князь Лобковицъ [1]), страшный меломанъ; онъ въ своемъ замкѣ Эйзенбергѣ и Раудницѣ имѣлъ свою оперу и ставилъ сочиненія Паэра, итальянскаго композитора. Это его разорило страшно. Лобковицъ принялъ очень радушно Нессельроде, имѣвшаго къ нему письмо отъ графа Стадіона. Нессельроде прожилъ у него 8 дней и едва могъ разстаться съ этимъ очаровательнымъ мѣстомъ и съ трудомъ поѣхалъ въ Гаагу, навѣстивъ дорогою отца и своего двоюроднаго брата, Карла Нессельроде, главу семейства, владѣтеля маіората и женатаго на графинѣ Іозефинѣ Гацфельдтъ. Онъ былъ очень образованный человѣкъ и большой музыкантъ (а жена его—великая музыкантша). Сестра его была графиня Лерхенфельдтъ.

Нессельроде очень сблизился съ ними и наслаждался его умнымъ и интереснымъ разговоромъ. Въ Гаагѣ русскимъ посломъ былъ Штакельбергъ, сынъ бывшаго когда-то посланника въ Варшавѣ; онъ принялъ Нессельроде вѣжливо-холодно, заставилъ работать и скоро сошелся съ нимъ. Находясь въ равномъ почти разстояніи отъ Франціи, Германіи и Англіи, К. Нессельроде очутился ближе къ великимъ, совершавшимся въ то время, событіямъ, и имѣлъ случай лучше ознакомиться съ представителями могущественной въ то время Франціи, державшей въ рукахъ

---

[1]) Лобковицъ, Антоній-Исидоръ, князь, родился въ 1755 г., богатый владѣтель въ Богеміи и покровитель наукъ и искусствъ. Въ войну съ Франціею 1809 г. онъ собралъ въ своихъ владѣніяхъ баталіонъ ландвера, сталъ въ его главѣ и сражался съ французами непрерывно до заключенія Парижскаго мира въ 1815 г., послѣ чего возвратился къ мирнымъ занятіямъ и умеръ всѣми уважаемый въ 1819 г.

своихъ судьбы Европы. Въ Голландіи, не за долго передъ его проѣздомъ, была образована республика Батавская, при чемъ господствовала партія патріотовъ, оранжисты же были совсѣмъ устранены отъ дѣлъ и вліянія; многія семейства ихъ, въ томъ числѣ Гекерены, отецъ извѣстнаго Дантеса, жили въ Гаагѣ, составляли избранное общество, посѣщаемое всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, въ составѣ котораго былъ Листонъ—представитель Англіи, Семонвилль—посолъ Франціи, баронъ Фельцъ—посолъ Австріи. Но скоро очень, въ 1803 г., Аміенскій миръ былъ расторгнутъ; надъ Голландіею разразилась гроза и французскія войска заняли ее. Торговля Голландіи прекратилась; страна была доведена до крайности. Скоро правительство Батавское было замѣнено великимъ пенсіонаріемъ, каковымъ былъ Шиммельпеннинкъ [1]), бывшій адвокатъ въ Амстердамѣ, умный человѣкъ, имѣвшій значеніе въ партіи патріотовъ. Это совершилось въ 1804 г., а весною 1805 г. Штакельбергъ уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы вступить въ бракъ съ графинею Лудольфъ, и К. В. Нессельроде пришлось исполнять его обязанности, потому что первый секретарь посольства, Мальтицъ, былъ назначенъ въ Лиссабонъ. Въ первый разъ Нессельроде сталъ дѣйствовать самостоятельно и старался выказаться передъ своимъ министерствомъ. „Мои донесенія, пишетъ онъ, принимались въ министерствѣ благосклонно; находили, что я могу быть назначенъ на должности (employable); это было все, что я пока желалъ. Гаага была довольно интереснымъ мѣстомъ. Въ это время готовилась громкая экспедиція въ Англію; войска французскія стояли лагеремъ при Цейстѣ, подъ начальствомъ Мармана. Въ то же время образовалась коалиція: Россіи, Австріи, Англіи противъ Франціи, и затѣмъ вспыхнула война. Марманъ двинулся на югъ Германіи, и скоро дошли до Гааги извѣстія о пораженіяхъ австрійцевъ подъ Ульмомъ и русскихъ подъ Аустерлицемъ. Добрые голландцы искренно сожалѣли о нашихъ пораженіяхъ; они томились подъ игомъ французовъ и очень желали его свергнуть, но вдругъ были обращены въ Голландское королевство, которое Россія отказалась признать. Нессельроде остался въ Гаагѣ только какъ частный человѣкъ, уклоняясь по возможности отъ

---

[1]) Шиммельпеннинкъ, Рутгеръ-Іоаннъ родился, въ 1761 г. въ Голландіи, былъ предсѣдателемъ муниципалитета въ Амстердамѣ въ 1795 г., посланникомъ въ Парижѣ въ 1798 г., а послѣ и въ Лондонѣ въ 1802 г. Наполеонъ, ввѣривъ управленіе Голландіею одному лицу, носившему титулъ великой пансіонаріи, назначилъ таковымъ въ 1805 г. Шиммельпеннинка, отправлявшаго эту обязанность всего 15 мѣсяцевъ, послѣ которыхъ изъ Голландіи было образовано особое королевство для Людовика, брата Наполеона, а затѣмъ Голландія была присоединена къ Франціи въ 1810 г. Шиммельпеннинкъ былъ сдѣланъ сенаторомъ и графомъ. При возстановленіи Голландскаго королевства въ 1815 г. онъ былъ членомъ генеральнаго собранія и умеръ въ 1825 г.

подозрительныхъ наблюденій за нимъ со стороны Бонапарта и принимая мѣры предосторожности въ отношеніи своей переписки, свидѣтельствующей только объ изумительномъ могуществѣ Наполеона. Скоро онъ получилъ приказаніе ѣхать въ Берлинъ и ожидать дальнѣйшаго назначенія. „Я выѣхалъ въ самый день въѣзда новаго короля Людовика Бонапарте. Дорогой я посѣтилъ отца въ Франкфуртѣ, пробылъ у него дней 15 и уѣхалъ въ то время, какъ нашъ русскій посланникъ Убри былъ посланъ въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ вмѣстѣ съ англичаниномъ Лаудердалемъ. Онъ уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ, что покой Европы будетъ обезпеченъ, если не продолжительнымъ миромъ, то, по крайней мѣрѣ, продолжительнымъ перемиріемъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я нашелъ, что Россія имѣла тамъ страннаго представителя. Замѣнившій Гарденберга [1]) снова Гаугвицъ былъ преданъ Франціи. Алопеусъ заявилъ, что не желаетъ вести съ нимъ переговоровъ, но это заявленіе не побудило однако прусскаго короля перемѣнить Гаугвица и взять снова Гарденберга. Императоръ Александръ I не счелъ возможнымъ прерывать свои сношенія съ берлинскимъ кабинетомъ и поручилъ вести переговоры съ Гаугвицемъ Штакельбергу. Я былъ назначенъ къ сему послѣднему. Намъ надлежало преимущественно добиваться соглашенія (mediation) между Пруссіею и Швеціею, занимавшею въ то время еще нѣсколько земель на материкѣ сѣверной Германіи. Надо было принудить Швецію оставить эти земли; послѣ долгихъ переговоровъ мы этого и добились. Вдругъ пріѣхалъ Убри съ трактатомъ, заключеннымъ имъ съ Франціею. Трактатъ этотъ не былъ ратификованъ, и мнѣ было поручено объѣхать по югу Германіи и собрать точныя свѣдѣнія о числѣ французскихъ войскъ, которыя Наполеонъ держалъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи, вопреки Пресбургскому миру. Я поѣхалъ и отовсюду посылалъ донесенія. Вернувшись въ Берлинъ, я нашелъ, что Гаугвицъ обратился уже въ рьянаго приверженца войны съ Франціей и вотъ по какому поводу. При переговорахъ послѣ Аустерлицкаго сраженія, Гаугвицъ добился отъ Наполеона уступки Ганновера въ пользу Пруссіи. Между тѣмъ въ

[1]) Гарденбергъ, Карлъ-Августъ, князь, родился въ Пруссіи въ 1750 г., служилъ по дипломатической части, велъ переговоры при заключеніи Базельскаго трактата 1795 г., онъ замѣнилъ въ качествѣ перваго министра Гаугвица въ 1804 г., но уже въ 1805 г., по требованію Наполеона, онъ былъ уволенъ отъ должности, но сохранилъ тайное вліяніе на политику прусскаго кабинета и послѣ Іенскаго разгрома 1806 г. сталъ во главѣ кабинета, но при заключеніи Тильзитскаго мира въ 1807 г. снова былъ удаленъ отъ дѣлъ и вновь появился въ 1810 г. и непрерывно стремился отмстить Наполеону. Въ 1814 г. Гарденбергъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство и на Вѣнскомъ конгрессѣ домогался настойчиво раздѣла Франціи между побѣдителями. Онъ умеръ въ 1822 г.

своихъ переговорахъ съ Англіею Наполеонъ обѣщалъ уступить Ганноверъ Англіи.

Это двуличіе причинило разрывъ трактата, принятый въ Берлинѣ съ восторгомъ, особенно арміею, которая все вспоминала о побѣдахъ Фридриха II.

Наступила война. Король Пруссіи послалъ генерала Круземарка въ Петербургъ просить содѣйствія Россіи, но, благодаря пререканіямъ съ Гаугвицемъ, это было сдѣлано слишкомъ поздно. Александръ I сейчасъ же послалъ 2 корпуса войскъ въ Пруссію; полагали, что они уже вблизи отъ театра военныхъ дѣйствій, и меня послали ихъ увѣдомить о послѣдовавшемъ уже пораженіи подъ Іеною, а наши уполномоченные въ это время уѣхали изъ Берлина въ Гольштейнъ.

„Я встрѣтилъ русскія войска не на берегахъ Вислы, какъ полагали, но еще въ Гродно, и сообщилъ Беннигсену о пораженіи подъ Іеною, поѣхалъ дальше въ Петербургъ, черезъ Ригу, гдѣ нашелъ генерала Буксгевдена, назначеннаго командиромъ войскъ 2-го корпуса, посланныхъ на помощь Пруссіи. Печальный исходъ кампаніи 1806 года вызвалъ перемѣну въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Князь Чарторижскій, хлопотавшій о коалиціи противъ Наполеона, долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ; на его мѣсто былъ назначенъ Будбергъ, бывшій ранѣе посломъ въ Швеціи; я его мало зналъ. Онъ былъ любезный въ обхожденіи генералъ, galant homme, но болѣзненный, посредственнаго ума и вовсе не соотвѣтствовалъ тому высокому положенію, которое долженъ былъ занимать. Онъ обошелся со мною очень любезно-радушно и скоро назначилъ меня сопровождать графа Петра Алексѣевича Толстого, котораго намѣревались послать въ главную квартиру прусскихъ войскъ. Но Іенское пораженіе побудило отмѣнить это распоряженіе, и меня назначили къ фельдмаршалу М. Ѳ. Каменскому, получившему командованіе надъ обоими русскими корпусами, для объединенія ихъ дѣйствій противъ французовъ. При главнокомандующемъ всегда имѣется агентъ министерства иностранныхъ дѣлъ для переписки съ гражданскими и военными властями союзныхъ державъ. Я и былъ назначенъ такимъ агентомъ въ ноябрѣ 1806 года. Представившись Каменскому, я отправился съ нимъ по страшно дурнымъ дорогамъ въ Вильно и затѣмъ все время кампаніи 1806—1807 годовъ состоялъ при арміи“.

Болѣе точныя свѣдѣнія о родѣ предстоящихъ ему обязанностей Нессельроде долженъ былъ получить отъ коллежскаго совѣтника Цимлера, состоявшаго въ то время при генералѣ Беннигсенѣ, и руководствоваться ими (см. письмо Будберга къ Нессельроде 14 ноября 1806 г.); помощникомъ ему назначался баронъ Ашъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Нессельроде обязанъ былъ отправлять переписку дипломати-

ческую и при ген. Эссенѣ или какомъ-либо другомъ изъ начальниковъ дивизіи (см. письмо Будберга 10 января 1807 г.). Нессельроде немедленно отправился по назначенію и писалъ своему отцу изъ Ариса 4—16 января 1807 года, что Каменскій заболѣлъ, передалъ команду надъ войсками графу Буксгевдену, самому старшему изъ генераловъ его арміи, при которомъ онъ и состоитъ теперь. Выборъ Буксгевдена не былъ одобренъ государемъ, и скоро прибылъ курьеръ съ приказаніемъ, что на мѣсто Буксгевдена назначенъ Беннигсенъ. Такъ какъ при послѣднемъ состояло уже лицо для дипломатической переписки, пользовавшееся большимъ его довѣріемъ, то К. Нессельроде надѣялся получить какое-либо другое назначеніе, а пока пребывалъ при арміи и очень сблизился съ генераломъ-квартирмистромъ Кноррингомъ.

По заключеніи мира всѣ разъѣхались, и Нессельроде прибылъ въ Петербургъ и участвовалъ въ великолѣпномъ празднествѣ, происходившемъ въ столицѣ, въ день именинъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22 іюля.

Послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, Нессельроде былъ посланъ въ апрѣлѣ 1807 г. въ Вѣну, по приказанію, изъ Петербурга, чтобы преимущественно сообщить австрійскому кабинету значительность потерь французской арміи. Находившійся во главѣ австрійскаго кабинета, Стадіонъ принялъ его, какъ стараго знакомаго. Нашъ посолъ въ Вѣнѣ, графъ Разумовскій, послѣ сраженія при Аустерлицѣ, хотя и былъ замѣненъ Куракинымъ, но послѣдній еще не пріѣхалъ, и Разумовскій продолжалъ отправлять свою обязанность. Я сообщилъ ему и Стадіону о положеніи дѣлъ и о томъ, что видѣлъ. Вся Вѣна пришла въ восторгъ отъ пораженія Наполеона. Я прожилъ въ Вѣнѣ три мѣсяца въ блестящемъ обществѣ, весьма весело, среди очаровательныхъ и соблазнительныхъ женщинъ, австріекъ и полекъ, среди коихъ въ первомъ ряду блистала графиня Замойская (рожденная Грохольская), супруга Станислава Замойскаго.

Въ Вѣнѣ въ то время собиралось очень занимательное общество, было не мало русскихъ интересныхъ особъ, какъ-то: княгиня Долгорукова, графиня Шувалова, въ особенности любезная княгиня Багратіонъ. Вся русская колонія совсѣмъ овладѣла Нессельроде, или точнѣе онъ всецѣло ей предался. Кромѣ того, собиралось блестящее общество у графа Стадіона, князя Лобковица, графа де-Линь, графа Кобенцеля, а также у Перейра, Арнштейнера и его дяди Гонтара, у котораго, кромѣ того, бывали хорошіе обѣды. Цѣль посылки Нессельроде въ Вѣну была побудить Австрію оставить свое гибельное бездѣйствіе и принять рѣшительное участіе въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ противъ Наполеона и тѣмъ отрѣ-

зать ему отступленіе изъ Пруссіи. Беннигсенъ писалъ ему изъ Бартенштейна, 24 апрѣля 1807 г., чтобы онъ убѣждалъ австрійцевъ прислать ему отрядъ въ 20 тысячъ человѣкъ.

Австрійское правительство намѣревалось послать генерала Винцента къ Беннигсену, чтобы сговориться о разныхъ политическихъ и военныхъ комбинаціяхъ. Въ это время самъ Александръ I прибылъ въ армію Беннигсена въ Бартенштейнъ вмѣстѣ съ Будбергомъ, который приказалъ мнѣ какъ можно скорѣе прибыть въ армію. Онъ намѣревался послать меня къ жившему тогда въ Миланѣ, Людовику XVIII, который, собираясь сообщить нашему правительству свои планы и многочисленные проекты о реакціи во Франціи, просилъ прислать къ нему посредника.

Послѣдовавшее вскорѣ сраженіе при Фридландѣ, для насъ неблагопріятное, измѣнило все это. Нессельроде получилъ приказаніе императора возвратиться въ армію.

Оставивъ Вѣну, Нессельроде прибылъ въ дѣйствующую армію, стоявшую уже въ Тильзитѣ, и принялъ участіе въ происходившихъ переговорахъ, которые привели къ извѣстному Тильзитскому миру. Нессельроде во время переговоровъ прожилъ въ Тильзитѣ, но въ полномъ уединеніи и видѣлъ только монарховъ и сильныхъ міра, проѣзжавшихъ по улицѣ. Участіе Нессельроде въ заключеніи Тильзитскаго мира состояло въ томъ, что онъ переписывалъ трактатъ послѣ того, какъ всѣ условія онаго были установлены личными переговорами двухъ монарховъ, продолжавшимися ежедневно, далеко за полночь. Изложеніе ихъ бесѣдъ дѣлалось во французской канцеляріи, а мнѣ оставалось только переписать ихъ. По заключеніи Тильзитскаго мира, я поѣхалъ въ Петербургъ, вскорѣ послѣ императора. Будбергъ вышелъ затѣмъ въ отставку; на его мѣсто былъ назначенъ графъ Н. П. Румянцевъ, который скоро отправилъ въ Парижъ посломъ графа Петра Алексѣевича Толстого. „Я же былъ назначенъ совѣтникомъ посольства [1]), пишетъ Нессельроде. Я никогда не имѣлъ симпатіи ни къ самой Франціи, ни къ лицу, управляющему ею, и готовъ былъ отказаться отъ этого назначенія, но благосклонныя слова императора Александра I положили конецъ моимъ колебаніямъ. Я принялъ новую должность, которая явилась первою ступенью въ блестящемъ и великомъ поприщѣ, которое Богъ судилъ меня совершить. Графъ Толстой, ѣхалъ также не охотно, даже съ отвращеніемъ. Но онъ имѣлъ успѣхъ у Наполеона, и я часто излагалъ на бумагѣ всѣ ихъ разговоры. Наши донесенія не всегда были въ пользу союза съ

---

[1]) Это назначеніе состоялось 31 августа 1807 г. (см. формуляръ о службѣ Нессельроде въ архивѣ Государственнаго. Совѣта).

Франціею; они поэтому и не нравились Румянцеву, l'ame damnée de Napoleon".

Пребывая въ Парижѣ совѣтникомъ русскаго посольства, Нессельроде имѣлъ особое порученіе отъ государя, очень хорошо рисующее характеръ послѣдняго. Александръ I, независимо отъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ему посломъ въ Парижѣ, княземъ Куракинымъ, настоятельно желалъ имѣть еще и помимо графа Куракина непосредственныя извѣстія, доставляемыя ему исключительно оффиціознымъ путемъ. Графъ Сперанскій, стоявшій на высотѣ своего величія въ то время, былъ избранъ императоромъ Александромъ прямымъ посредникомъ между нимъ и молодымъ дипломатомъ, обязаннымъ сообщать извѣстія для государя. Письма Нессельроде къ Сперанскому весьма замѣчательны; они показываютъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали нерѣдко для полученія свѣдѣній о дѣлахъ совершенно тайныхъ, и до него доходила продажность лицъ въ то время. Кромѣ того, эти письма свидѣтельствуютъ о томъ, до какой двойственности доходили многія изъ первостепенныхъ государственныхъ людей во Франціи за это время.

Эта переписка является введеніемъ къ событіямъ знаменитой эпохи 1812 года, а потому, предполагая познакомить съ нею нашихъ читателей болѣе подробно въ слѣдующей статьѣ, закончимъ настоящую, сказавъ нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни старика Вильгельма Нессельроде. Императоръ Павелъ I благоволилъ къ нему за оказанныя имъ ранѣе услуги и наградилъ В. Нессельроде орденомъ св. Александра Невскаго и пожаловалъ ему на 12 лѣтъ имѣніе Нейгутъ въ Курляндіи. Павелъ I предлагалъ графу поселиться совсѣмъ въ Россіи, но графъ, по причинѣ слабаго здоровья, не нашелъ возможнымъ принять это предложеніе. Проживъ годъ въ Петербургѣ, графъ Вильгельмъ Нессельроде закончилъ свое трудное дипломатическое поприще, вышелъ въ отставку лѣтомъ 1798 года и, оставивъ Россію, поселился въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Этотъ, въ то время, вольный городъ Священной имперіи имѣлъ господствующее вліяніе въ литературной Германіи и европейской политикѣ, и являлся центромъ дѣлъ и интригъ всякаго рода, былъ мѣстомъ остановки для всѣхъ важныхъ путешественниковъ, направлявшихся по Европѣ съ запада на востокъ.

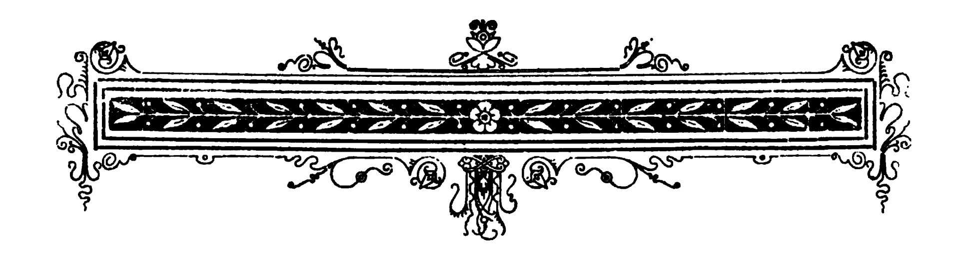
Въ этомъ городѣ сосредоточивались въ то время всевозможныя политическія извѣстія изъ Германіи, Франціи, Голландіи, и при посредствѣ послѣдней, даже изъ Англіи; „Франкфуртская газета" считалась въ то время, по справедливости, наиболѣе полною и лучше другихъ освѣдомленною. Этотъ городъ вполнѣ подходилъ для мѣстопребыванія В. Нессельроде, которому открывался здѣсь полный про-

сторъ его дѣятельности и полная возможность наблюдать со стороны за совершавшимися событіями, сообщать наиболѣе сенсаціонныя новости и встрѣчать наиболѣе выдающихся пріѣзжихъ. Нессельроде, живя во Франкфуртѣ, велъ обширную переписку со своимъ сыномъ Карломъ, только-что, выступавшимъ тогда на дипломатическомъ поприщѣ, и руководилъ имъ въ выработкѣ взглядовъ, болѣе или менѣе правильныхъ, на людей и на вещи. Множество его писемъ къ сыну проникнуты ненавистью и вмѣстѣ съ тѣмъ страхомъ, внушаемымъ какъ отцу, такъ и сыну, Корсиканскимъ тиранномъ, бичемъ человѣчества, великимъ императоромъ. Они оба наперерывъ измышляютъ повсюду надежды и средства къ тому, чтобы остановить какимъ-либо образомъ тріумфальное шествіе Наполеона по Европѣ; они оба упрекаютъ въ слабости и нерѣшительности политику кабинетовъ Вѣнскаго, Прусскаго и Петербургскаго, а сынъ доходитъ даже до того, что упрекаетъ отца своего за присутствіе на обѣдѣ, данномъ въ честь французскихъ генераловъ, находя, что подобнымъ присутствіемъ онъ унизилъ собственное достоинство. Пребывая въ Франкфуртѣ, старикъ Вильгельмъ Нессельроде скончался въ 1810 году.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О выборномъ началѣ въ церкви.

I.

Вопросъ о выборномъ началѣ примѣнительно къ духовенству возникъ въ эпоху всяческихъ общественныхъ вопросовъ,—въ началѣ 60-хъ годовъ. Поднялся онъ не потому, что общество вдругъ почувствовало симпатію къ духовному сословію и захотѣло по собственной свободной инициативѣ помочь устроенію его быта. Нѣтъ, вопросъ возникъ вслѣдствіе неотложной необходимости.

Незабвенное въ нашей исторіи 19-ое февраля 1861 года, которое милліонамъ крестьянъ доставило свободу и радость,—это 19-ое февраля духовенство поставило въ невозможное положеніе. Подъ гнетомъ помѣщиковъ, часто самодуровъ, духовенству жилось не сладко, но все же были готовый пріютъ и содержаніе. Великая реформа въ очень многихъ мѣстахъ лишила духовенство того и другаго. Въ тогдашнихъ журналахъ появились сообщенія, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ Пермской губерніи владѣльцы помѣщичьихъ селеній и частныхъ заводовъ прекращаютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже и прекратили. опредѣленное церковнымъ причтамъ содержаніе и назначаютъ въ продажу съ аукціона дома, выстроенные для квартиръ священно-церковно-служителей, относя все содержаніе причтовъ на приходскія и крестьянскія общества. Между тѣмъ въ большей части помѣщичьихъ приходовъ пахотной и сѣнокосной земли въ церквамъ не отведено, а если гдѣ таковая и значится, то не передана во владѣніе причтовъ и никакихъ актовъ на нее къ церквахъ нѣтъ; поэтому причты съ своими семействами остаются въ бѣдственномъ положеніи“ [1]).

Новыя тяжелыя обстоятельства жизни и обтерпѣвшееся, привыкшее къ нуждѣ, духовенство заставили проснуться и заявить о своемъ

---

[1]) „Прав. Обозр.“ 1863 г. январь, 34 стр. Замѣтки.

невозможномъ существованіи. Да такъ заявить, что къ его голосу не могла остаться уже безучастной и свѣтская печать. Это былъ настоящій непритворный, горькій плачъ цѣлаго, оказавшагося въ безвыходномъ положеніи, сословія. Онъ просилъ освободить это сословіе отъ нищенскаго попрошайничества, просилъ правъ, въ которыхъ не отказывало правительство другимъ. Заявленія о безвыходной нуждѣ духовенства и о ненормальности его матеріальной зависимости отъ голодающей паствы тянутся черезъ весь разсматриваемый нами періодъ въ печати, то замирая на время, когда уже не оставалось никакой надежды быть услышанными, то поднимаясь съ новою силой. Но особенно многочисленны были они въ эти начальные шестидесятые годы. Ихъ искренность не заглушали появлявшіеся фальшивые голоса сытаго столичнаго духовенства о своемъ яко бы тоже тяжеломъ положеніи; ихъ не могли успокоить нѣкоторые журналы [1]), совѣтовавшіе примириться съ поборами съ прихожанъ въ виду того, что поборы служатъ къ нравственному сближенію пастыря съ пасомыми. Духовенство не внимало этимъ убѣжденіямъ, которыя походили на предложеніе камней вмѣсто хлѣба и скорпіона вмѣсто рыбы; оно не переставало просить о жалованьи. На трагическое положеніе духовенства должно было обратить вниманіе правительство. Въ 1863 г. 17-го января, по повелѣнію государя Александра II, въ Петербургѣ открыло свои засѣданія „особое присутствіе для изысканія способовъ къ обезпеченію быта духовенства“. Въ первое же засѣданіе присутствіе выработало программу и разослало по епархіальнымъ архіереямъ для отвѣтовъ на поставленные въ программѣ вопросы относительно способовъ улучшенія быта духовенства, предоставивъ имъ приглашать къ обсужденію вопросовъ и лицъ изъ подвѣдомственнаго духовенства. А затѣмъ присутствіе нашло нужнымъ привлечь къ дѣлу и представителей свѣтскаго общества. По губерніямъ были составлены епархіальные комитеты изъ духовенства и губернскія присутствія, составившіяся изъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній и управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ, съ приглашеніемъ, на правахъ членовъ, губернскихъ предводителей дворянства и губернскихъ головъ [2]). Никакихъ реформъ и значительныхъ облегченій особое присутствіе не сдѣлало для духовенства [3]), заявленія послѣдняго казались присутствію черезчуръ притязательными; губерн-

---

[1]) „Прав. Обозрѣніе“, „День“, „Московскія Вѣдомости“.

[2]) Высоч. утвержд. отъ 14 апр. 1863 г. журналъ присутствія — „Прав. Обозрѣніе“ 1863 г. май, замѣтки, стр. 11.

[3]) Въ 1863 г. кромѣ учрежденія губ. присутствій и еп. комитетовъ мы находимъ одно постановленіе о постройкѣ домовъ для причтовъ при учрежденіи новыхъ приходовъ. „Прав. Обозр.“ 1863 г. сент., замѣт., 12 стр.

скія присутствія и комитеты существенныхъ средствъ, кромѣ правительственнаго жалованья, указать не могли; но все это принесло ту важную пользу, что побудило духовенство высказать свои нужды, какъ чрезъ посредство епархіальныхъ комитетовъ, такъ еще болѣе на страницахъ различныхъ, больше духовныхъ, предоставившихъ свои услуги духовенству,—журналовъ. Кромѣ того, здѣсь былъ сдѣланъ первый опытъ совокупнаго рѣшенія клиромъ и представителями изъ міранъ вопросовъ, касающихся церкви и духовенства; здѣсь же въ первый разъ возбуждена мысль попеченія о нуждахъ церкви и клира возложить на учрежденіе, состоящее изъ обоихъ элементовъ церкви— какъ причта, такъ и міранъ. Разумѣемъ мысль о повсемѣстномъ учрежденіи приходскихъ совѣтовъ, высказанную въ „запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ по предмету изысканія способовъ для улучшенія матеріальнаго быта духовенства“ [1]). Мысль эта была сочувственно подхвачена журналами, особенно духовными, потому что защитники интересовъ духовенства надѣялись здѣсь встрѣтить матеріальную поддержку духовенству, не нашедшему ея у правительства. Ожидали и другихъ, не матеріальныхъ, но еще болѣе важныхъ результатовъ дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ, и не для одного духовенства. Для иллюстраціи послѣднихъ словъ адресуемся къ статьѣ одного священника [2]). Это учрежденіе, по его мнѣнію, далеко не ограничивается интересами одного духовенства. Напротивъ, очень многіе и весьма важные общественные интересы находятъ въ немъ ближайшее содѣйствіе и выраженіе. Устройство и поддержаніе православныхъ храмовъ, развитіе общественной нравственности, распространеніе народнаго образованія, благотворительная помощь бѣднымъ,—все это въ связи съ улучшеніемъ не только матеріальнаго, но и нравственнаго быта духовенства—такіе предметы, которые должны составлять прямую обязанность совѣтовъ и которыхъ важность несомнѣнна не для духовенства только, но никакъ не менѣе, если не болѣе—для самого общества. Авторъ совѣтуетъ, чтобы правительство открыло эти учрежденія законодательнымъ порядкомъ, такъ какъ ихъ потребность сознана уже обществомъ и литературою. Кромѣ отдѣль-

[1]) „Надлежитъ сохранять въ виду, говорится въ запискѣ, что дѣло обезпеченія церквей и духовенства есть дѣло общественное, въ которомъ прихожане призваны къ столь же непосредственному участію, какъ и само правительство... Надлежало бы только возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность приходскихъ обществъ, и здѣсь учрежденіе приходскихъ совѣтовъ могло бы принести особую пользу“. „Прав. Обозр.“ 1863 г. сент., зам., 4 стр.

[2]) І. Чижевскаго. Нѣсколько словъ объ учрежденіи ц.-прих. совѣт. „Прав. Обозр.“ 1863 г. окт.

ныхъ мѣстныхъ приходскихъ совѣтовъ весьма полезно было бы, по мнѣнію автора, учредить изъ нѣсколькихъ священниковъ, церковныхъ старостъ и членовъ совѣтовъ, избранныхъ отъ приходовъ, общіе окружные и церковно-городскіе совѣты: въ нихъ могутъ принять участіе архіереи и свѣтскія вліятельныя лица; занятія совѣтовъ должны быть чуждыми формализма и вестись словесно. Чрезъ окружные приходскіе совѣты не только духовенство сблизится между собою,—такъ что добрые примѣры и мысли частныхъ лицъ сдѣлаются общимъ достояніемъ,—но и самые міряне станутъ ближе къ духовенству.

Кое-гдѣ такіе совѣты были открыты, но они оказались учрежденіемъ мертворожденнымъ и въ практическомъ отношеніи ничего не сдѣлали.

Въ 1864 году высочайше утвержденнымъ положеніемъ совѣты были обращены въ церковно-приходскія попечительства. По I ст. этого положенія попечительства „учреждаются для попеченія о благоустройствѣ церкви и причта въ хозяйственномъ отношеніи, а также объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей и для благотворительныхъ дѣйствій въ предѣлахъ прихода“.

Но попечительства постигла та же печальная участь, какая постигла совѣты и какая вообще постигаетъ всѣ учрежденія, навязываемыя свыше, необходимость которыхъ не сознается тѣми, для кого они предназначены. Попечительства значились открытыми, а результатовъ или не было никакихъ, такъ какъ они существовали только на бумагѣ, или ихъ дѣятельность была слишкомъ ничтожна. Принесли ли они пользу духовенству,—объ этомъ пусть говоритъ за насъ одинъ сельскій священникъ, пишущій въ 1876 г.: „Попечительства—это жалкія и заносчивыя учрежденія, они по отношенію къ причту то же, что синедріонъ ко Христу. Ихъ задача (по крайней мѣрѣ, они такъ понимаютъ ее) украшать храмы, пріобрѣтать стопудовые колокола, заводить пѣвческіе хоры и не помогать духовенству, а, по возможности, парализовать его. Постоянно вращаясь въ приходской общинѣ, они стараются настраивать народъ противъ духовенства; облеченные мнимою властью, члены этого приходскаго синедріона слѣдятъ за каждымъ шагомъ священника, контролируютъ его дѣйствія и указываютъ даже, какое облаченіе долженъ надѣть онъ [1]).

Такимъ образомъ, не лучше было и тамъ, гдѣ эти учрежденія дѣйствовали; зависѣло это, по мнѣнію духовенства, отъ того, что

---

[1]) „Церк.-Общ. Вѣстникъ“ 1876 г. № 87. „Кое-что къ забытому вопросу объ улучшеніи быта пр. дух.“.

„положеніе“ рекомендовало предсѣдателей для попечительствъ выбирать изъ свѣтскихъ лицъ, такъ что попечительство удобно могло стать въ оппозицію причту, выражавшуюся въ селахъ, конечно, въ своеобразной формѣ. Къ концу 70-хъ годовъ дѣятельность попечительствъ уже получила за рѣдкими исключеніями, формальный, внѣшній характеръ [1]).

Такимъ же неудачнымъ въ приложеніи пріемомъ для поднятія благосостоянія церкви и духовенства оказался и начавшій приводиться съ 1869 года въ исполненіе проектъ сокращенія приходовъ и причтовъ. Закрыто было въ 41 епархіи больше 3 тысячъ церквей, уменьшенъ наличный составъ духовенства на 28 тысячъ человѣкъ [2]), но закрытіе церквей и прекращеніе въ нихъ богослуженія тяжело отозвалось на религіозной жизни народа и, не улучшивши положенія духовенства, во многихъ мѣстностяхъ вызвало сильное неудовольствіе противъ него, не пощадившаго, съ точки зрѣнія прихожанъ, и храмовъ Божіихъ ради своего кармана. Но, несмотря на то, что попечительства не выполнили своего назначенія въ дѣлѣ улучшенія быта духовенства, наша печать и особенно свѣтская, очень сочувствовала этимъ учрежденіямъ и возлагала на нихъ большія надежды. Это былъ важный опытъ широкаго и живаго участія прихожанъ въ жизни своей церкви съ приложеніемъ въ этой области выборнаго начала. Когда позднѣе былъ поднятъ вопросъ о выборѣ церковной приходской общиной себѣ священниковъ, очень многіе видѣли въ церковныхъ попечительствахъ уже готовую и удобную почву для участія прихожанъ въ жизни приходской общины и въ выборѣ пастырей. Такимъ образомъ, въ шестидесятые года уже ясно намѣчены были главные пункты вопроса о выборномъ началѣ въ церковной жизни.

Духовенство не могло оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ совершавшагося въ общественно-государственной жизни сильнаго поворота къ самоуправленію во всѣхъ ея областяхъ. Высказывая свои нужды и желанія, оно прежде всего потребовало себѣ нѣкоторой доли самоуправленія и приложенія въ своей сферѣ выборнаго начала, прямо ссылаясь на вводимый порядокъ въ другихъ областяхъ жизни. Реформы 60-хъ годовъ, съ одной стороны, непосредственно содѣйствовали введенію выборнаго начала среди духовенства: таковъ новый уставъ духовно-учебныхъ заведеній 1869 года; съ другой,—реформы нѣкоторыхъ сторонъ гражданской жизни заставляли духовенство и всѣхъ тѣхъ, кому дороги были его интересы и интересы

---

[1]) Блестящее исключеніе составляли, напр., попечительства Петербургск. уѣзда съ широкою благотворительною дѣятельностью.

[2]) „Моск. Церк. Вѣд.“ 1880 г. № 24.

церкви, стремиться къ примѣненію благодѣтельныхъ результатовъ новыхъ преобразованій къ соотвѣтствующимъ сторонамъ церковной жизни: такой смыслъ имѣло возникновеніе вопроса о духовно-судебной реформѣ въ 1870 году.

Выборы должностныхъ лицъ самимъ духовенствомъ—вотъ первый пунктъ вопроса о выборномъ началѣ. Въ такомъ видѣ выборное начало отстаивалось и находило себѣ защиту больше всего въ духовныхъ журналахъ. Правда, и свѣтское общество сочувствовало освобожденію духовенства изъ-подъ тяжелаго гнета всецѣлой зависимости отъ епархіальныхъ властей посредствомъ этого начала. Въ 1858 году въ Лейпцигѣ вышла книга: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи", гдѣ въ мрачныхъ краскахъ изображено положеніе забитаго и угнетаемаго іерархическимъ монашествомъ сельскаго духовенства; книга произвела на русское общество большое впечатлѣніе. „Печать ухватилась за нитье помой изъ этой книги съ жадностью дикаря"—говоритъ негодующій авторъ книги „Бѣлое духовенство и его интересы" [1]). Но свѣтское общество и свѣтская печать желали выборнаго начала не въ этой формѣ. Они видѣли въ такого рода самоуправленіи духовенства главную причину развитія въ немъ кастовой замкнутости, опасались клерикализма. Они всегда тяготѣли къ веденію выборнаго начала въ иномъ видѣ,—какъ права избранія самого духовенства и участія въ дѣлахъ прихода мірскаго элемента церкви. И въ началѣ 80-хъ годовъ свѣтская печать этотъ вопросъ особенно энергично выдвинула и единодушно поддержала. Наша задача—прослѣдить вопросъ о выборномъ началѣ въ обѣихъ его формахъ.

II.

Какъ только поднялся вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, въ нашихъ духовныхъ журналахъ появились статьи въ пользу введенія выборнаго начала въ духовенствѣ, какъ средства улучшить этотъ бытъ и возвысить вліяніе пастырей на пасомыхъ. Прежде всего заговорили о выборныхъ благочинныхъ, потому что для нихъ существовали очень близкіе историческіе примѣры: въ русской церкви въ первой половинѣ XIX столѣтія нѣсколько разъ вводились выборные благочинные. Вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалась и нужда въ съѣздахъ.

Въ 1862 году начинаютъ высказываться настойчивыя пожеланія, чтобы выборное начало, дозволенное тогда Сvнодомъ монастырямъ

---

[1]) Изд. Елагина 1881 г., стр. 10.

для избранія настоятелей,—было распространено и на бѣлое духовенство. Указывалось на то, что выборъ благочинныхъ уже нѣкогда практиковался въ Кіевѣ и Полтавской епархіи; обращалось вниманіе на добрые результаты, долженствующіе послѣдовать отъ введенія такого порядка по всей Россіи. Говорилось, что при выборныхъ благочинныхъ полезно учредить словесное судопроизводство по маловажнымъ проступкамъ. Раздались голоса, что начальство, назначая благочиннаго, руководится формулярными достоинствами лица, а между тѣмъ достоинства эти не всегда совпадаютъ съ тѣми качествами, которыя долженъ имѣть представитель мѣстнаго духовенства, каковымъ является благочинный. Первымъ качествомъ его должна быть добросовѣстность, близость къ своимъ собратьямъ, разумное пониманіе ихъ интересовъ и доступность. При выборномъ началѣ, гдѣ отличія въ разсчетъ не берутся, скорѣе будетъ оказано предпочтеніе дѣйствительно достойному и способному. И если до сего времени выборное начало не вездѣ введено, то по той причинѣ, что заявленіе своихъ нуждъ для духовенства слишкомъ затруднительно, тогда какъ другія сословія имѣютъ свои собранія, право разсуждать міромъ о своихъ потребностяхъ [1]). Пора духовенству принять участіе и въ общественныхъ дѣлахъ: въ судѣ присяжныхъ, въ земскихъ выборахъ, а для этого прежде всего ему нужно предоставить возможность участвовать въ дѣлахъ, касающихся его самого, въ своемъ вѣдомствѣ. Пора положить конецъ порядку вещей, когда духовенство руководится однимъ внѣшнимъ началомъ: „дѣлай, какъ приказано", и дѣйствуетъ только съ цѣлью угодить высшимъ, а не въ интересахъ вѣры и церкви; оно не проникнуто сознаніемъ общественной пользы и собственнаго достоинства. Такое положеніе образовалось отъ неправильныхъ отношеній, въ какія поставлены духовныя лица между собою и къ своей власти,—отъ существующей системы епархіальнаго управленія.

Чтобы пробудить духовенство отъ усыпленія, возвысить его нравственно и заставить думать и дѣйствовать самостоятельно,—для этого нужно, чтобы лица, чрезъ которыхъ производится управленіе и надзоръ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, избираемы были не консисторіею, а самимъ духовенствомъ, какъ священно, такъ и церковно-служителями, которымъ извѣстны нравственныя и умственныя качества избираемыхъ и которые будутъ выбирать изъ среды своей дѣятелей, болѣе способныхъ нести извѣстную должность и болѣе радѣющихъ объ общемъ благѣ. А чтобы труднѣе были злоупотребленія, выбирать на

---

[1]) „Прав. Обозр." 1862 г. іюнь, замѣтки. Письмо протоіер. Карелина „Духовный Вѣстн." 1862 г. іюнь. Лѣтописный листокъ Н. Родницкаго. Первая замѣтка о выборныхъ благочинныхъ появилась въ ноябрской книжкѣ „Духа христіанина".

должность благочинныхъ нужно года на три, на пять и при томъ на одну только должность.

Необходимо дѣлать общія благочинническія собранія: въ уѣздномъ городѣ—для взаимныхъ обсужденій нуждъ и желаній ввѣренныхъ попеченію благочинныхъ причтовъ—и года черезъ три въ епархіальномъ городѣ, гдѣ благочинные, собравшись вмѣстѣ съ другими должностными лицами у архіерея, давали бы отчеты въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, заявляли желанія и нужды духовенства, предлагали на общее обсужденіе тѣ или другія недоумѣнія, указывали мѣры, принимаемыя духовенствомъ относительно раскола, распространенія просвѣщенія, улучшенія нравственнаго состоянія пасомыхъ, собственнаго быта духовенства и т. п. [1]).

Писали, что выборъ благочинныхъ согласенъ не только съ современными требованіями общественно-государственной жизни, но и съ духомъ православной церкви. На Руси въ прежнее время выбирались народомъ и самые священники; еще Григорій, митроп. с.-петербургскій и новгородскій, поощрялъ это. До Петра I старосты поповскіе, замѣнявшіе нашихъ благочинныхъ, избирались самимъ духовенствомъ. Въ южныхъ и юго-западныхъ епархіяхъ выборные благочинные, наряду съ братствами, и теперь еще на свѣжей памяти. Выборный порядокъ замѣненъ былъ назначеніемъ только по соображенію съ общимъ государственнымъ строемъ, который сталъ носить характеръ централизаціи. Но теперь этотъ строй измѣняется. Выборное начало всѣми путями входитъ въ жизнь народа и дѣлается основнымъ началомъ народнаго устройства и управленія. Церковь не можетъ не привѣтствовать тѣхъ формъ въ государствѣ, которыя ей особенно близки, сродны и могутъ открывать болѣе широкій просторъ ея внутреннимъ силамъ и дѣятельности.

Всякое общество неминуемо впадаетъ въ апатію и нравственный сонъ, въ разобщенность, когда членамъ его становятся чуждыми функціи этого общества, когда члены являются только безучастными зрителями. Въ подобномъ положеніи находится духовенство при назначеніи благочинныхъ. Назначенные благочинные стараются объ одномъ—угодить поставившему ихъ начальству, до нуждъ же подчиненнаго духовенства имъ нѣтъ никакого дѣла. Зато и духовенство привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на чиновниковъ. Не имѣя никакого участія въ управленіи, оно считаетъ лишнимъ слѣдить за ходомъ дѣла какъ церковнаго, такъ и сословнаго. Духовенство живетъ и дѣйствуетъ разобщенно. Установленіе благочиннических выборовъ

---

[1]) „Прав. Обозр." 1863 г. ноябрь. Объ улучшеніи быта прав. духов. С. Д-нъ, стр. 223—225.

разбудило бы его отъ этого сна, введя его въ ближайшее взаимное соприкосновеніе, давши ему видъ братства, которое жило бы въ нѣкоторомъ смыслѣ общею жизнью. При этомъ каждый ближе присмотрѣлся бы другъ къ другу, явился бы живой обмѣнъ мыслями и желаніе подражать тѣмъ, кто умнѣе ведетъ дѣло. Небольшія права, сообщенныя духовенству, довѣріе къ нему начальства, должны поднять его духъ, пробудить желаніе дѣятельности для общаго блага [1]).

Вотъ мотивы, зазвучавшіе въ нашей духовной печати съ 1862 г. Но далеко нельзя сказать, чтобы только такія, благопріятныя для выборнаго начала, сужденія и слышались въ ней. Хотя и высказывалось мнѣніе, что „невозможно даже допустить, чтобы нашлись люди, убѣжденные въ преимуществѣ существующаго порядка (назначенія) предъ благочинными выборными“ [2]), но въ дѣйствительности такіе люди были; ихъ прежде всего смущало то, что вопросъ о выборныхъ благочинныхъ возникъ подъ вліяніемъ либеральныхъ вѣяній; они боялись, чтобы отъ выборныхъ благочинныхъ не пошли дальше, опасались потрясенія каноническихъ основъ церковнаго устройства.

Во главѣ несочувствующихъ выбору благочинныхъ стоялъ Филаретъ, митрополитъ московскій. Въ своей „запискѣ о выборныхъ благочинныхъ“ [3]), отъ 10-го января 1866 года, этотъ архипастырь о распространеніи обычая избирать благочинныхъ отзывается именно какъ только о простомъ обнаруженіи „русской способности и склонности перенимать чужое“. „Съ нѣкотораго времени,—говоритъ онъ,—громко проповѣдуются и на дѣлѣ распространяются гласность и выборное начало. Духовенство видитъ и говоритъ: и намъ надобны гласность и выборное начало“. Отмѣтивъ, какъ быстро прививается выборъ благочинныхъ въ Русской церкви, Филаретъ сравниваетъ прежній и новый порядки выбора. „Ранѣе архіерей старался лично узнавать преимущественно способныхъ и благонадежныхъ священниковъ, видя ихъ у себя по дѣламъ службы и во время обозрѣнія епархіи; при случахъ пріобрѣталъ о таковыхъ свѣдѣнія отъ благочинныхъ и почетныхъ прихожанъ, и, такимъ образомъ, имѣлъ, хотя не всегда, готовыхъ кандидатовъ въ благочинныхъ; сверхъ сего, принималъ въ разсужденіе мнѣніе консисторіи. Такимъ образомъ, избираемы были благочинные на много лѣтъ; при возрастающей опытности, они имѣли сильное вліяніе на усовершеніе подвѣдомыхъ въ ди-

---

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей“, 1863 г. № 3. „О благочинническихъ выборахъ и неудобствахъ, будто бы съ ними сопряж.“ св. А. Колосова, стр. 60—75.

[2]) „Дух. Вѣстн.“ 1862 г. іюнь. Лѣтописный листокъ.

[3]) „Чтенія въ Моск. Общ. Любит. Дух. Просвѣщенія“, 1868 г. кн. 5. „Матеріалы для біографіи Филарета“, стр. 168.

сциплинѣ, нравственности и усердіи къ дѣламъ службы. Можно ли этого ждать отъ благочинныхъ, которые созданы своими подчиненными на три или на пять лѣтъ?" Митрополитъ Филаретъ ссылается на отзывы различныхъ лицъ. — Одинъ „откровенный священникъ" выразился о выборныхъ благочинныхъ одному архіерею такъ: „они для насъ лучше, а для васъ хуже", потому что духовенство выбираетъ не ревностныхъ и строгихъ въ правдѣ, а снисходительныхъ и слабыхъ, покрывающихъ его недостатки и не доносящихъ о безпорядкахъ. Довѣренный другаго архіерея накрылъ въ двухъ округахъ подготовку недостойными лицами большинства голосовъ въ свою пользу на предстоящіе выборы. Одинъ „свѣдущій сановникъ, съ характеромъ свободомыслія", говорилъ архіерею о желательности примѣненія выборнаго начала къ должностямъ епарх. управленія, но когда архіерей указалъ ему на выборъ благочинныхъ, то собесѣдникъ отвѣтилъ, что онъ разумѣетъ другія должности. Благочинный есть довѣренное лицо архіерея. Странно было бы начальнику имѣть своимъ довѣреннымъ не того, кому онъ довѣряетъ, а того, кому довѣряютъ другіе. Благочинный есть око архіерея въ надзорѣ. Естественно ли, чтобы пришли посторонніе и вставили начальнику глазъ? Пр. Филаретъ приглашаетъ показать свѣтлую сторону выборнаго начала тѣхъ, „которые постарались открыть ее прозорливымъ разсужденіемъ и опытомъ, а не увлеклись мелькающимъ блескомъ современныхъ мнѣній".

„Записка" писана въ началѣ 1866 года; здѣсь высказаны всѣ существенныя возраженія противъ выборныхъ благочинныхъ. Но начались возраженія не съ этой записки, а гораздо ранѣе. Еще въ 1862 году, когда только-что пошли слухи о выборахъ благочинныхъ самимъ духовенствомъ, нѣкоторые изъ представителей послѣдняго сочли своимъ долгомъ предостеречь своихъ собратій отъ выборнаго начала,—этого опаснаго „безпаспортнаго, заморскаго выходца". Передъ нами двѣ статьи такого рода, появившіяся въ 1862 году въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ херсонскихъ [1]) и подольскихъ [2]). Чего опасаются ихъ авторы отъ выборовъ благочинныхъ? Духовенство не сможетъ,—убѣждаютъ они,—единодушно выбрать себѣ благочиннаго, а только перессорится; если же и выберетъ, то скорѣе худшаго благочиннаго, потому что члены духовенства могутъ и будутъ руководствоваться только семинарскимъ знакомствомъ, гдѣ понятія о достоинствахъ и недостаткахъ совершенно превратны, а взаимнаго знакомства по службѣ среди духовенства почти не бываетъ. Выборные благочинные еще больше будутъ брать съ подвѣдомственнаго духо-

[1]) „Херс. Еп. Вѣд." 1862 г. № 21.
[2]) „Подол. Еп. Вѣд." 1862 г. №№ 20 и 21.

венства. Должность благочиннаго не можетъ подлежать выбору и по существу, какъ исполнительная: вѣдь городничіе и засѣдатели выбору не подлежатъ. То ли дѣло, когда благочинные назначаются, по представленіямъ консисторіи, усмотрѣніемъ епархіальныхъ архіереевъ, которые хорошо знаютъ свое духовенство изъ формуляровъ, семинарскихъ экзаменовъ, изъ ревизіи. Но главное зло выборныхъ благочинныхъ въ ихъ зависимости отъ выбравшаго духовенства,—какъ бы такое положеніе дѣла не ослабило вліянія архіереевъ на духовенство. Кромѣ того, хотя прямо и не высказывается, но такъ и сквозитъ между строками этихъ статей главнѣйшее опасеніе, какъ бы члены консисторіи не потеряли своихъ правъ, своего могучаго вліянія на простое духовенство. Да и всѣ возраженія противъ выбора благочинныхъ, равно какъ и противъ другихъ проявленій выборнаго начала въ духовенствѣ, полны таковаго опасенія. Они часто звучатъ раздраженіемъ уколотаго самолюбія и исходятъ изъ одного источника, отъ лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, отъ городскаго вліятельнаго духовенства, отъ членовъ консисторіи [1]). Оттого-то статьи такого рода всегда дышатъ предвзятостью, лишены характера свободнаго обсужденія вопроса. Оттого-то сужденія противниковъ выборнаго начала въ духовенствѣ легко разбивались и сводились къ нулю защитниками этого начала.

Совершенно справедливо отвѣчаетъ св. Колосовъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" [2]) защитникамъ назначенія благочинныхъ, что всѣ ихъ опасенія совершенно не основательны, что нынѣ и крестьяне признаны способными къ самоуправленію; что хотя на выборахъ дѣло не обходится безъ преній, но ихъ бояться не нужно; мертвая тишина и глубокая таинственность дѣлопроизводства не мѣшаетъ, а благопріятствуетъ злоупотребленіямъ,—что́ сознало и наше правительство, вводя, напримѣръ, судебную реформу; а для приведенія преній къ концу есть правило—большинства голосовъ; мнѣніе о духовенствѣ, будто оно выберетъ худшаго,—несправедливо и на опытахъ не основано; для самаго духовенства невыгодно выбирать человѣка негоднаго, слабаго, недѣятельнаго, „не могущаго ни разсуждать, ни пристращать, ни остановить",—потому что это отзовется на ихъ же интересахъ; по мѣрѣ опытности, ошибки въ выборахъ все будутъ невозможнѣе.

Въ семинаріяхъ образуются даже преданія о лучшихъ ученикахъ,—сужденія о превратности семинарскихъ понятій относительно до-

---

[1]) Статья „Под. Еп. Вѣд." написана соборнымъ ключаремъ.

[2]) №№ 3 и 4. О благочинныхъ выборахъ и неудобствахъ, будто бы съ ними сопряженныхъ.

стоинствъ и недостатковъ — явно преувеличены. Духовенство мало знаетъ другъ друга—это правда, но благочинническіе выборы и послужатъ уничтоженію разрозненности. „Первые же выборы заставятъ всѣхъ въ округѣ подумать другъ о другѣ и по возможности другъ друга оцѣнить“. Взятки берутъ назначаемые благочинные, а при выборахъ имъ не будетъ мѣста, потому что взяточникъ долженъ будетъ знать, что въ другой разъ ему уже не позволятъ занять должности. Если сравнивать благочинническую должность, то не съ городничьей или засѣдательской, а лучше съ должностью посредника, судящаго и исполняющаго, или еще лучше и естественнѣе съ должностью настоятеля монастыря, который и управляетъ, и судитъ, и исполняетъ, какъ братъ и въ то же время начальникъ. А настоятелей повелѣно братіи избирать.

Что касается до представленій консисторій, то откуда,—задается справедливымъ вопросомъ авторъ статьи въ „Рук. для Сел. Пастырей“,—городскіе протоіереи возьмутъ вѣрныя свѣдѣнія о священникахъ епархіи? Одинъ изъ авторовъ (подольскій ключарь) предлагаетъ услуги чиновниковъ консисторіи.—Критикъ скромно замѣчаетъ на это, что сей источникъ „не всегда благонадеженъ“ (позднѣе на этотъ пунктъ, не безъ основаній, выражались яснѣе и энергичнѣе). Или познакомятся съ духовенствомъ по дѣламъ? Но въ дѣлахъ бываетъ замѣшана худшая часть духовенства. По дѣламъ, пожалуй, можно еще заключить объ исполнительности благочинныхъ, т. е. о навыкѣ составлять отчеты и аккуратно доставлять ихъ къ сроку.

Представленія консисторіи поступаютъ на усмотрѣніе архіерея,—восклицаютъ защитники назначенія благочинныхъ,—развѣ можно не довѣрять высшему начальству?

Но если ректоръ семинаріи не знаетъ всѣхъ семинаристовъ, то архіерей, побывши на экзаменахъ, или потомъ, ревизуя епархію, гдѣ болѣе тысячи священниковъ,—развѣ можетъ всѣхъ ихъ узнать? Страхи предъ зловредностью вліянія духовенства на выборныхъ благочинныхъ совершенно ложны: „благочинные избираются всѣми и никѣмъ въ отдѣльности“. Духовенство только больше будетъ имѣть довѣрія и уваженія къ человѣку, признанному имъ самимъ наилучшимъ и достойнѣйшимъ изъ среды себя. Благочиннымъ чувство зависти тоже принесетъ пользу: они будутъ знать, что за невнимательность къ нуждамъ духовенства и за неправды—ихъ отставятъ отъ должности.

Не осталась безъ отвѣта и записка митрополита Филарета. Отвѣтъ послѣдовалъ со стороны „одного архипастыря“ въ томъ же 1866 году, но въ печати могъ появиться по весьма понятнымъ причинамъ только двумя годами позже, т. е. въ 1868 году, когда м. Филарета не было

въ живыхъ [1]), безъ упоминанія имени Филарета и съ возраженіями цензора [2]). Здѣсь, собственно, тѣ же мысли, что и въ разсмотрѣнной нами статьѣ „Руков. для с. пастырей", съ тѣмъ различіемъ, что преосвященный авторъ обращается къ примѣрамъ исторіи — этого нелицепріятнаго судьи во всякомъ спорномъ дѣлѣ. Онъ пользуется статьей „Кіевскихъ Еп. Вѣдомостей" [3]) для доказательства, что выборное начало не новизна для православной церкви и не простое подражаніе чужимъ порядкамъ, а исконное достояніе церкви, какъ Апостольской и древней вселенской, такъ и нашей русской до Петра I, о чемъ свидѣтельствуютъ: постановленія Стоглаваго собора о поповскихъ старостахъ и десятскихъ; соборный приговоръ отъ 1595 года; нѣсколько данныхъ отъ 17-го вѣка [4]). На западѣ Россіи выборное начало было развито особенно широко и примѣнялось, какъ къ лицамъ іерархическимъ, такъ и духовно-учебнымъ должностямъ, при томъ съ участіемъ міряпъ; окружные протопопы (наши благочинные) тамъ выбирались до конца 18-го вѣка; порядокъ избранія протопоповъ изложенъ въ актахъ пинской конгрегаціи 1792 г. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1825 году, составлены были правила, узаконявшія выборъ благочинныхъ (митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ, который и предположилъ ввести выборъ у себя), но почему-то правила остались неосуществленными [5]).

Говорится въ упомянутыхъ выше древнихъ документахъ также о собраніяхъ духовенства подъ предсѣдательствомъ поповскаго старосты [6]), а въ Западной Россіи подъ предсѣдательствомъ протопопа; говорится и объ общихъ собраніяхъ старостъ и десятскихъ [7]).

То, что лежитъ въ духѣ и основѣ церкви, должно быть возстановлено; теперь для этого наступило благопріятное время и все духовенство желаетъ возстановленія выбора благочинныхъ. Оппонентъ

---

[1]) Въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Дух. Просвѣщ." 1868 г. кн. 5,—вмѣстѣ съ Запиской Филарета.

[2]) Профессора Моск. дух. акад. П. С. Казанскаго.

[3]) „Кіевск. Еп. Вѣд." 1862 г. № 23.

[4]) Въ документахъ отъ 1646 г. „память отъ поповскаго старосты Шенкурскаго острогу"; 1674: „патріаршій наказъ объ избраніи поповскаго сторосты" и извѣстіе о выборѣ Тихвинскаго поповскаго старосты (въ актахъ археогр. ком., т. V, № 244).

[5]) Цензоръ замѣчаетъ, что выборные благочинные дѣйствительно и были въ Кіевѣ съ 1824 по 1835 годъ, когда отмѣнены по указу Сѵнода.

[6]) Соб. приговоръ объ учрежденіи моск. старостъ поповскихъ: „и колико будетъ старостъ, только и соборовъ . . . . . и тѣ священницы и діаконы, которые въ ихъ соборѣ, всегда сходясь, совѣщаются предъ ними и исправляются въ церковныхъ чинѣхъ и всякихъ духовныхъ дѣлахъ".

[7]) Приговоръ 1595 года назначаетъ особую избу у Покрова на Рву для общихъ совѣщаній поповскихъ старостъ и десятскихъ московскихъ.

митр. Филарета протестуетъ противъ мнѣнія, что духовенство будетъ выбирать въ благочинные слабыхъ и безхарактерныхъ людей и что интриганы всегда будутъ склонять выборы въ свою пользу,—возможны только частные случаи подобнаго рода, говоритъ онъ,—торжество такихъ благочинныхъ будетъ недолгое: они либо станутъ потворствовать избирателямъ и не угодятъ начальству, и потому будутъ низвергнуты, либо станутъ угождать начальству, сдѣлаются тягостны для подчиненныхъ и не будутъ выбраны въ другой разъ. Есть и орудіе противъ интриги — гласность. Несправедливо и то предположеніе, что выборные благочинные не будутъ имѣть должнаго вліянія и авторитета: и то и другое зависитъ отъ личности; благочинные, облеченные двойнымъ довѣріемъ духовенства и начальства, могутъ дѣйствовать еще съ большимъ авторитетомъ. Правда, что благочинные — есть довѣренное лицо архіерея, но не было ли бы самымъ прекраснымъ явленіемъ такое довѣріе между епархіальнымъ начальствомъ и духовенствомъ, при которомъ лица, избираемыя самимъ духовенствомъ въ качествѣ представителей его нуждъ и интересовъ предъ начальствомъ, могли бы быть вмѣстѣ органами надзора и управленія, достойными и довѣрія начальства. Таковъ общій ходъ мыслей преосвященнаго—защитника выборныхъ благочинныхъ.

Просматривая тогдашніе духовные журналы, не трудно убѣдиться, что большинство—за выборное начало, а не противъ него. Впрочемъ, архіереи вводили его въ своихъ епархіяхъ очень осторожно, до 1863 года (включительно) мы встрѣтили извѣстія о существованіи выбора благочинныхъ только въ епархіяхъ Кіевской, Полтавской и Вятской, въ 1866 году выборные благочинные были въ 7 или 8 епархіяхъ [1]). Но съ теченіемъ времени выборъ благочинныхъ сталъ распространяться быстро по епархіямъ. Голоса, враждебные выбору, умолкаютъ; извѣстія о безпорядкахъ, происходящихъ на выборахъ, нерѣдко появлявшіяся на первыхъ порахъ, все менѣе и менѣе имѣютъ мѣста.

Что касается самаго способа выбора благочинныхъ, то сначала мы встрѣчаемъ проекты открытой подачи голосовъ, съ правами участія въ ней всѣхъ членовъ причта даннаго благочинія, хотя и съ неравными голосами [2]). Но на практикѣ скоро убѣдились, что открытая подача голосовъ неудобна, поэтому въ извѣстіяхъ о выборахъ благочинныхъ мы постоянно читаемъ о закрытой баллотировкѣ. А относительно участія членовъ причта въ выборахъ опредѣленнаго порядка не было; въ большинствѣ случаевъ, кажется, участвовали

---

[1]) „Чтенія въ Моск. Общ. Д. Пр.“ 5 кн. „О выб. началѣ въ прилож. къ благоч., 1 стр.

[2]) „Прав. Обозр.“ 1862 г. сент. „О выб. благоч. причтами“, прот. І. Поспѣлова.

одни священники. Время служенія выборныхъ благочинныхъ три—четыре года.

Стали появляться въ нашей печати извѣстія объ учрежденіяхъ, возникающихъ около выборныхъ благочинныхъ: 1) о благочинническихъ совѣтахъ, состоящихъ, кромѣ благочиннаго, изъ его помощника и одного или нѣсколькихъ священниковъ, также избираемыхъ изъ среды окружнаго духовенства; 2) о благочинническихъ съѣздахъ,—собраніяхъ священниковъ извѣстнаго благочинническаго округа, подъ предсѣдательствомъ благочиннаго, для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ общій пастырскій интересъ. Низшіе члены причта печатно предъявляли свои права и на участіе въ совѣтахъ [1]), но подобной практики мы не встрѣчаемъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ дьяконы и псаломщики участвовали въ благочинническихъ съѣздахъ. Но и здѣсь они терпѣлись неохотно, такъ какъ часто, вслѣдствіе низкаго уровня развитія, не могли принимать дѣятельнаго участія въ обсужденіи дѣлъ и присутствовали только „для мебели“ [2]).

Нѣкоторые преосвященные сами поощряли введеніе такихъ учрежденій. Такъ, въ 1866 году кіевскій митрополитъ Арсеній сдѣлалъ запросъ своей епархіи: „Не признаетъ ли духовенство нужнымъ, для рѣшенія мелкихъ дѣлъ, учрежденіе совѣтовъ изъ трехъ лицъ: благочиннаго, его помощника и выборнаго священника, съ условіемъ принятія безапелляціонно ихъ рѣшенія?“ Духовенство приняло это учрежденіе съ полною готовностью. Въ томъ же году Нектарій, еп. нижегородскій, по ходатайству одного благочиннаго, разрѣшилъ въ своей епархіи благочинническіе съѣзды съ тѣмъ только, чтобы при такихъ собраніяхъ не происходило никакихъ затрудненій въ приходахъ по отправленію богослуженія и требъ и чтобы съѣзды имѣли характеръ не судебнаго или административнаго учрежденія, а братскаго совѣщанія и вспомоществованія другъ другу совѣтомъ, утѣшеніемъ и увѣщаніемъ, и чтобы о каждомъ съѣздѣ было доносимо начальству [3]). Въ Минской епархіи возобновленъ издавна существовавшій обычай сопоставлять „соборики“, на которыхъ благочинный объявлялъ распоряженія еп. начальства, разсматривалъ документы подвѣдомственныхъ церквей, требовалъ у священниковъ отчета о занятіяхъ по приходу; за упущенія дѣлалъ гласный выговоръ. О занятіяхъ доносилось архіерею. Высшая духовная власть не издавала какого-либо прямаго закона относительно выборныхъ благочинныхъ, совѣтовъ и съѣздовъ, но въ отчетахъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода мы находимъ

---

[1]) „Прав. Обозр.“ 1863 г. янв. „О словесномъ судопроизводствѣ на благ. собр.“.

[2]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1877 г. № 84. Съѣзды дух-ва Донской епарх.

[3]) „Прав. Обозр.“ 1866 г. октябрь, замѣтки, стр. 101—102.

очень сочувственные отзывы по поводу такого рода проявленія выборнаго начала. Такъ, относительно выборныхъ благочинныхъ об.-прокуроръ не разъ свидѣтельствовалъ, что преосвященные, которымъ принадлежитъ утвержденіе выборныхъ благочинныхъ, ничего не теряли изъ своей власти, а своимъ довѣріемъ къ духовенству даютъ побужденіе къ добросовѣстному исполненію долга избраніемъ на благочинническое служеніе лицъ, вполнѣ достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и готовыхъ съ усердіемъ и пользою пещись о ввѣренныхъ имъ интересахъ церквей и причтовъ [1]); что духовенство, „видя въ этомъ правѣ доказательство довѣрія къ нему со стороны еп. власти, всемѣрно старается оправдать оное и показать себя его достойнымъ и потому выбираетъ дѣйствительно лицъ достойныхъ. Выборные благочинные, стоя ближе къ избравшему ихъ духовенству и относясь къ нему съ большею искренностью, оказываются и лучшими дѣятелями на пользу церковно-приходскаго благоустройства, чѣмъ назначаемые [2]). Такого же сочувственнаго характерера и отзывы об.-прокурора о благочиннических совѣтахъ, которые къ 70-мъ годамъ уже вошли въ практику въ очень многихъ епархіяхъ, хотя, какъ учрежденія съ дѣятельностью, опредѣленною закономъ, и не имѣли вездѣ одинаковаго устройства и точно очерченнаго круга дѣлъ. Совѣты, по донесеніямъ преосвященныхъ, представляются очень важною подмогой консисторіи, избавляя ее отъ массы мелкихъ дѣлъ. Примѣненіе къ нимъ выборнаго начала дѣлаетъ ихъ учрежденіями, съ одной стороны, пользующимися довѣріемъ духовенства, съ другой,— имѣющими въ самихъ себѣ всѣ условія къ безпристрастному, добросовѣстному дѣйствованію въ предначертанномъ кругѣ. Они содѣйствуютъ благочиннымъ въ исполненіи ихъ обязанностей, занимаются разбирательствомъ столкновеній, возникающихъ, какъ между членами причта, такъ и между послѣдними и прихожанами, и рѣшаютъ ихъ словесно. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ подвергаютъ виновныхъ выговорамъ и денежнымъ взысканіямъ, а достойныхъ священниковъ рекомендуютъ епархіальному начальству [3]). Вообще, рекомендація для выборныхъ благочинныхъ и благочинническихъ совѣтовъ была самая лестная: такого же характера и отзывы о благочинническихъ съѣздахъ.

Наша духовная печать, по преимуществу вѣдавшая интересы духовенства, не ограничивала приложеніе выборнаго начала только избраніемъ благочинныхъ и возникавшими при нихъ совѣтами. И, конечно, печать въ данномъ случаѣ служила отраженіемъ мнѣній самого духовенства. Еще въ 1862 году „Духовный Вѣстникъ“ заго-

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода за 1866 годъ.

[2]) Отчеты оберъ-прокурора за 1870 и 1872 годы.

[3]) Всепод. отчетъ за 1868, 1870 и 1872 годы.

ворилъ о необходимости избранія членовъ консисторіи и, какъ pia desideria, высказывалъ мысль объ избраніи ректоровъ семинаріи [1]). Въ запискѣ митр. Филарета выборное начало въ приложеніи къ членамъ консисторіи, духовнаго правленія, къ депутатамъ въ административныя и судебныя мѣста представляется болѣе нормальнымъ, чѣмъ къ благочинному. Но духовныя правленія въ то время уже доживали послѣдніе дни. Противъ выборныхъ членовъ консисторіи явились тѣ доводы, что въ такомъ случаѣ число членовъ увеличилось бы до значительной цифры, по количеству уѣздовъ епархіи; члены, выбранные изъ уѣздовъ, оторваны были бы отъ своихъ приходовъ на продолжительный срокъ прохожденія своей должности; а кромѣ того, частая перемѣна членовъ, мѣшающая возможности ознакомиться хорошо съ дѣломъ, вліяла бы на дѣлопроизводство консисторіи очень вредно. Къ семидесятымъ годамъ выборный порядокъ примѣнялся къ должностямъ депутатовъ, представителей духовенства въ административныхъ и судебныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства, духовныхъ слѣдователей и духовниковъ.

Но всего лучше привилось и принесло наибольшую пользу духовенству и его интересамъ выборное начало, выразившееся въ епархіальныхъ съѣздахъ. Развитію этихъ съѣздовъ благопріятствовало больше всего то обстоятельство, что сама высшая духовная власть поручила имъ попеченіе надъ духовно-учебными заведеніями. Такого рода кровные для духовенства интересы обезпечили настолько широкое развитіе съѣздовъ и вызвали духовенство на такую энергичную дѣятельность, что нѣкоторые органы свѣтской печати серьезно стали опасаться развитія клерикализма въ Россіи... Но изложимъ дѣло по порядку.

III.

Когда въ 1863 году было составлено „особое присутствіе для изысканія способовъ къ обезпеченію быта духовенства“, печатью, какъ свѣтскою, такъ и духовною, было высказано единодушное желаніе, чтобы при обсужденіи вопроса были выслушаны голоса заинтересованнаго въ немъ духовенства. Такъ, въ газ. „День“ нѣкто И. Б—въ успѣхъ разрѣшенія поднятаго вопроса ставитъ прямо въ зависимость отъ способовъ, какими будетъ вестись дѣло: можно почерпнуть свѣдѣнія изъ оффиціальныхъ вѣдомостей Сvнодской канцеляріи, можно

---

[1]) „Дух. В.“ 1862 г. Лѣт. листокъ, іюнь, 269 стр.

потребовать особыхъ свѣдѣній отъ епарх. начальствъ чрезъ консисторію;—свѣдѣнія будутъ получены очень скоро. Но есть третій способъ веденія дѣла, не ручающійся за быстроту, затруднительный, довольно сложный, но за то едва-ли не единственный, могущій ручаться за вѣрность и достаточность собранныхъ свѣдѣній,—это вызовъ въ Петербургъ выборныхъ отъ приходскаго духовенства, по два священника или дьякона изъ каждой епархіи, одного изъ городскихъ, а другаго изъ сельскихъ, съ тѣмъ, чтобы выборные эти были назначены не епарх. начальствомъ, а избраны самимъ приходскихъ духовенствомъ. „Православное Обозр.", приводя цѣликомъ эту статью, вполнѣ соглашается съ ней [1]). Добавляя, что для того, чтобы духовенство могло подать свой голосъ, для него необходимы предварительныя и довольно долгія совѣщанія, необходимо учрежденіе епарх. комитетовъ. Эти комитеты, какъ мы знаемъ, и были дѣйствительно составлены.

Кромѣ собственнаго обезпеченія у доховенства была еще большая нужда, для устраненія которой тоже необходимы были общія совѣщанія. Еще съ 50-хъ годовъ у духовенства появилась важная забота: возникъ вопросъ о переустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній. Неудовлетворительность духовной школы къ 60-мъ годамъ вошла въ пословицу; общество познакомилось съ „бурсой" во всей ея наготѣ по очеркамъ Помяловскаго. Раздались голоса, негодовавшіе въ обществѣ и въ свѣтской печати противъ существующаго въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ порядка дѣлъ. Въ духовныхъ журналахъ мы находимъ массу статей, трактующихъ о томъ, какъ помочь горю, сообщающихъ о средствахъ, къ какимъ прибѣгаютъ въ различныхъ епархіяхъ для увеличенія средствъ на лучшее устройство семинарій и училищъ. Правительство прислушивалось къ этимъ голосамъ печати и само поощряло свободное обсужденіе вопроса.

Въ 1860 году былъ составленъ при св. Сѵнодѣ, по высочайшему повелѣнію, комитетъ для обсужденія отзывовъ,—доставленныхъ по приглашенію оберъ-прокурора св. Сѵнода начальствующими духовно-учебныхъ заведеній еще въ 50-хъ годахъ, о важнѣйшихъ недостаткахъ этихъ заведеній,—и для „изысканія мѣръ къ улучшенію быта духовно-учебныхъ заведеній во всѣхъ отношеніяхъ". Продолживши свои занятія до 1862 года, комитетъ составилъ проектъ устава епархіальныхъ семинарій, по которому семинаріи и училища должны были соединиться, и изложилъ свои соображенія относительно общаго управленія дух.-учебными заведеніями. Постановленія комитета разосланы были по преосвященнымъ съ предложеніемъ для обсужденія

[1]) „Прав. Обозрѣніе", 1863 г. янв. Замѣтки.

ихъ учредить епархіальные комитеты изъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и образованнѣйшаго духовенства [1]). Въ 1866 году отзывы комитетовъ, архіереевъ и мнѣнія печати были сведены вмѣстѣ и изъ нихъ составленъ и напечатанъ краткій общій сводъ. Проектъ оказался неудовлетворительнымъ, поэтому въ апрѣлѣ 1866 года открылся новый комитетъ [2]) и его постановленія были утверждены, какъ новый уставъ дух. семинарій и училищъ 14 мая 1867 года. Въ это продолжительное время, когда обсуждался вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, духовенство не бездѣйствовало. Если оно и могло надѣяться, что его высшее начальство позаботится о постановкѣ собственно учебнаго дѣла, то средства для матеріальнаго обезпеченія учебныхъ заведеній оно должно было изыскивать само. И вотъ во многихъ епархіяхъ собираются съѣзды благочинныхъ, на которыхъ идутъ жаркія разсужденія относительно изысканія средствъ для семинарій и училищъ. Первыми учредителями подобныхъ съѣздовъ были епископы: Михаилъ минскій, Антонинъ смоленскій и Нектарій харьковскій.

Иногда здѣсь разрѣшаются и другіе вопросы, важность которыхъ сознается всѣмъ духовенствомъ: такъ, въ 1866 году въ Тамбовѣ на собраніи благочинныхъ, приглашенныхъ архіереемъ для обсужденія вопроса о денежныхъ средствахъ для учебныхъ заведеній, заявлена мысль положить основаніе капиталу въ пользу престарѣлыхъ, больныхъ и заштатныхъ лицъ дух. званія; въ Каменецъ-Подольскѣ разсуждали объ отношеніяхъ къ прихожанамъ, о церковныхъ библіотекахъ, приходскихъ школахъ, объ образованіи бѣдныхъ духовныхъ дѣвицъ и т. п. [3]).

Не пришлось духовенству быть только простымъ безучастнымъ наблюдателемъ въ дѣлѣ образованія своихъ дѣтей и послѣ.

Правда, съ 1866 года высочайше повелѣно было выдавать изъ государственнаго казначейства по полтора милліона въ годъ на усиленіе средствъ духовно-учебныхъ заведеній, но нужды духовенства въ этомъ отношенія были велики. Приходилось открывать въ духовныхъ школахъ параллельные классы; затѣмъ, соотвѣтственно духу времени, стало необходимостью и для сельскихъ священниковъ давать образованіе дѣвочкамъ. На все это нужно было приготовить средства; обо всемъ нужно было подумать и разсудить сообща.

---

[1]) Въ то же время работы комитета сообщены были попечителямъ учебныхъ округовъ Министерства Народн. Просв., извѣстнымъ ученымъ и литераторамъ.

[2]) „Прав. Обозр.“ 1867 г. О дѣйствіи Комитета, Высоч. утвержд. для преобразов. дух.-уч. зав., февраль, стр. 365.

[3]) Отчетъ Об.-Прокурора за 1866 г.

Самый новый духовно-учебный уставъ предоставилъ духовенству принимать дѣятельнѣйшее участіе въ учебномъ дѣлѣ. Уставъ временные съѣзды духовенства для разсужденій объ улучшеніи содержанія училищъ и семинарій обратилъ въ постоянные и указалъ новую область приложенія выборнаго начала среди духовенства. Согласно этому уставу, духовенство училищнаго округа однажды или дважды въ годъ устраиваетъ съѣзды изъ священно-служителей, избираемыхъ для сего по одному отъ десяти причтовъ. Избранные депутаты являлись полномочными представителями духовенства и имъ даны были нѣкоторыя права не только по экономической части, но и по учебно-воспитательной: посредствомъ закрытой баллотировки они избирали кандидатовъ на должность училищнаго смотрителя и членовъ училищнаго правленія изъ мѣстнаго духовенства на 4 года.

Члены могли во всякое время слѣдить за преподаваніемъ въ училищахъ; присутствовали на экзаменахъ, разсматривали дѣла о пріемѣ, успѣхахъ и переводѣ учениковъ. Кромѣ того, выборные депутаты со всей епархіи должны собираться на подобные же съѣзды въ епархіальный городъ. Они избирали трехъ членовъ въ правленіе семинаріи (члены участвовали въ выборахъ ректора и инспектора и во всѣхъ засѣданіяхъ семинарскаго правленія) [1]) и вѣдали экономическую сторону семинарій.

Духовенство горячо принялось за осуществленіе дарованныхъ ему правъ, въ особенности на епархіальныхъ съѣздахъ, гдѣ оно являлось въ лицѣ своихъ депутатовъ in corpore. Въ 1868 году появились уже подробные отчеты о такого рода съѣздахъ. Примѣръ подали съѣзды Петербургскаго духовенства; первый съѣздъ здѣсь былъ въ мѣсяцахъ маѣ—іюнѣ; депутаты были выбраны по одному отъ благочинія; въ сентябрѣ состоялся уже другой съѣздъ съ депутатами, избранными по одному отъ десяти причтовъ, согласно уставу. Свѣтская и духовная печать съ удовольствіемъ отмѣчала, что на этомъ второмъ съѣздѣ въ преніяхъ депутатовъ были свобода и непринужденность. Каждый депутатъ старался выслушать мнѣніе другого; столичные депутаты мѣнялись мыслями съ сельскими, а сельскіе съ столичными; участіе въ обсужденіи вопросовъ было общее [2]). Стали попадаться въ органахъ печати извѣстія о съѣздахъ въ другихъ епархіяхъ и объ ихъ энергичной дѣятельности какъ на пользу духовно-учебныхъ заведеній, такъ и для удовлетворенія другихъ вопіющихъ нуждъ.

---

[1]) Впослѣдствіи въ печати выражалось желаніе, чтобы духовенство имѣло одинаковое съ наставниками вліяніе на избраніе ректоровъ семинаріи,— чтобы число избирателей было равное, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. „Ц.-О. Вѣст.“ 1876 г. „Замѣтки о необх. измѣн. въ уст. дух. сем. и уч.“.

[2]) „Прав. Обозр.“ 1868 г. октябрь, Совр. Обозр., 39 стр.

Тамъ рѣшатъ купить новое зданіе для училища, для общежитія; тутъ откроютъ на свои средства епархіальное училище для дѣвочекъ; заводятъ свои епархіальные свѣчные заводы, дающіе большіе доходы для епархіальныхъ нуждъ; здѣсь полагаютъ начало эмеритальной кассѣ, пенсіонному капиталу, взаимному страховому обществу и т. д. Какъ осязательны были результаты епархіальныхъ съѣздовъ, особенно въ богатыхъ епархіяхъ, это видно, напр., изъ дѣятельности ихъ въ Саратовѣ. За время съѣздовъ до 1881 года духовенство Саратовской епархіи собрало капиталъ въ 250 тысячъ для вспоможенія заштатнымъ и сиротствующимъ. „И это въ 12 лѣтъ, безъ всякихъ предписаній и прещеній, а такъ, вольной волей, по братскому единодушію, тогда какъ въ предыдущія сорокъ лѣтъ помощью приглашеній, приказаній, штрафовъ, архипастырскихъ посланій и пр. едва успѣли собрать въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія 35 тысячъ рублей",—справедливо восторгается корреспондентъ, сообщая объ этомъ въ „Церковно-Общ. Вѣстникъ". Для духовныхъ училищъ построены прекрасныя общежитія; епархіальное женское училище, содержимое изъ прибылей свѣчнаго завода. Затѣмъ открыто общество взаимнаго страхованія и положено начало студенческому капиталу для пособія нуждающимся дѣтямъ духовенства, учащимся во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Обсуждались на съѣздахъ и другіе вопросы, чуждые экономическаго характера: о церковномъ проповѣдничествѣ, о лучшей постановкѣ законоучительства въ сельскихъ школахъ, о продажѣ при церквахъ книжекъ и иконъ [2]), объ установленіи выбора благочинныхъ [3]) и другихъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ церковно-приходской практикѣ.

Конечно, не всегда на съѣздахъ дѣла шли гладко; иногда предсѣдатель, польщенный новой ролью, держалъ себя слишкомъ властно [4]), иногда начальство учебныхъ заведеній прямо третировало депутатовъ съѣздовъ, дозволяя по отношенію къ нимъ неумѣстныя начальническія выходки; депутатамъ предлагались, напр., готовые протоколы для подписи [5]). Высшая духовная власть, давшая сначала широкія права епархіальнымъ и особенно окружнымъ съѣздамъ, потомъ начала ихъ урѣзывать: такъ, указомъ Св. Сунода отъ 1871 г. предоставлено съѣздамъ вѣдать исключительно только экономическую сто-

---

[1]) „Ц.-О. Вѣст." 1881 г. № 52, О съѣздахъ духовенства. Изъ Саратовской епархіи.

[2]) Напр. въ Харьковѣ,—„Ц.-О. В." 1880 г. № 42. Епарх. отголоски.

[3]) Такъ было на Тверскомъ епарх. съѣздѣ въ 1877 г. „Ц.-О. В." 1877 г. № 17—Корреспонденція изъ Твери.

[4]) „Ц.-О. В." 1876 г. № 101. Наши епарх. дѣла.

[5]) „Ц.-О. В." 1876 г. № 14. Корреспонд. изъ Симбирска.

рону училищъ, а педагогической и учебной дѣятельности не касаться. Смотрителей Сунодъ сталъ посылать тоже своихъ. Ограниченіе дѣятельности съѣздовъ вызвано было частыми столкновеніями съѣздовъ съ училищнымъ начальствомъ и епархіальными властями. Послѣдняго рода столкновенія происходили особенно часто. Страницы тогдашнихъ газетъ, интересовавшихся выборнымъ началомъ среди духовенства, были переполнены извѣстіями о такихъ фактахъ. Иногда съѣзды дѣлали постановленія въ ущербъ и противъ желанія архіереевъ и консисторіи; а еще чаще сама епархіальная власть, не привыкшая ни къ какимъ ограниченіямъ, весьма несочувственно относилась къ дѣятельности съѣздовъ, къ ихъ постановленіямъ и безцеремонно удаляла не нравящихся ей депутатовъ [1]), а послѣдніе не молчали и обращались къ печати. Столкновеніе интересовъ между выборными представителями духовенства на съѣздахъ и епархіальными властями тѣмъ болѣе болѣзненнымъ образомъ дѣйствовало на тѣхъ и другихъ, что съѣзды облечены были закономъ извѣстною долей самостоятельности. Другое дѣло—выборные благочинные, съ ними можно было не церемониться. Выборъ ихъ, введенный однимъ архіереемъ, могъ быть свободно отмѣненъ другимъ. Такъ и бывало [2]). Другіе изъ архіереевъ, если не совершенно отмѣняли выборныхъ благочинныхъ, то вводили такой порядокъ, что самодѣятельность духовенства въ этомъ отношеніи равнялась нулю [3]). Естественно, что это возбуждало неудовольствіе въ духовенствѣ, уже привыкавшемъ къ выборному началу, и заставляло браться за перо защитниковъ интересовъ духовенства и выборнаго начала. Однимъ изъ видныхъ защитниковъ послѣдняго является въ 70-хъ годахъ св. М. Морошкинъ. Его замѣтки относительно выборнаго начала мы встрѣчаемъ, впрочемъ, уже и въ 60-хъ годахъ [4]). Въ 1870 году онъ издалъ брошюру: „Выборное начало въ духовенствѣ", гдѣ доказывалъ его легальность и отстаивалъ его необходимость. Брошюра произвела большое впечатлѣніе въ печати [5]).

Въ 70-хъ годахъ поднялся вопросъ объ отношеніяхъ между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, — подъ послѣднимъ обыкновенно

[1]) См. напр. „Ц.-О. Вѣст." 1876 г. Наши епарх. дѣла, „Ц.-О. В." 1881 г. № 88, Епарх. самоуправленіе. Особенно много яркихъ фактовъ незаконнаго вмѣшательства епарх. власти въ дѣла съѣздовъ приводится у Беллюстина въ „Бесѣдѣ" 1871 г. мартъ.

[2]) Факты въ той же статьѣ Беллюстина въ „Бесѣдѣ" 1871 г.

[3]) Такъ, въ 1877 году саратовскій архіерей позволилъ избирать 5 кандидатовъ, изъ которыхъ одного и выбиралъ самъ, по представленію консисторіи. „Ц.-О. Вѣст." 1877 г. № 17.

[4]) Напр. „Прав. Обозр." 1863 г., декабрь, замѣтка: „Документъ, относящійся къ выборн. началу среди духовенства".

[5]) Содержанія ея коснемся ниже.

разумѣлись архіереи. Попытки ввести духовно-судебную реформу и ихъ исходъ обострили этотъ вопросъ до высшей степени.

Первый комитетъ для разсмотрѣнія реформы, учрежденный 12 января и открытый 30 апрѣля 1870 года, былъ встрѣченъ радостнымъ, единодушнымъ хоромъ большинства духовной и всей свѣтской печати. Ждали, что при примѣненіи къ духовному суду основныхъ началъ гражданской судебной реформы 20 ноября 1864 года, духовенство получитъ судъ правый и нелицепріятный, не зависящій отъ произвола епархіальной власти и гласный. „Необходимо, чтобы положеніе духовенства было упрочено, чтобы оно всегда опиралось на законъ и ни въ какомъ случаѣ не зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія кого бы то ни было“ [1]),—вотъ общее желаніе тогдашней печати. Выборное начало по проектамъ комитетскимъ должно было имѣть широкое приложеніе при введеніи духовно-судебной реформы: всѣ священно- и церковно-служители духовно-суднаго участка должны избирать себѣ духовныхъ судей и кандидатовъ къ нимъ (судьи по проекту,—первая инстанція духовнаго суда); члены епархіальныхъ судовъ (второй инстанціи) вмѣстѣ съ кандидатами къ нимъ должны быть избираемы депутатами отъ епархіальнаго духовенства [2]). Архіерею должно принадлежать только право утвержденія. Но, какъ извѣстно [3]), этой реформѣ не суждено было осуществиться. Главнымъ камнемъ преткновенія оказалось составляющее ея сущность—отдѣленіе въ церкви судебной власти отъ административной; реформа имѣла цѣлью—изъятіе права суда изъ рукъ епископа. Но какъ легко было раздѣлить эти двѣ функціи власти въ гражданскомъ судѣ, настолько же оказалось труднымъ сдѣлать это въ области духовно-судебной. На этомъ основномъ пунктѣ церковно-судебная реформа встрѣтилась съ церковными законами, по которымъ искони въ епархіальномъ управленіи епископу принадлежали обѣ власти—онъ былъ и судьей, и администраторомъ подвѣдомственнаго духовенства. Главнымъ защитникомъ существующаго въ нашей церкви порядка вещей въ отношеніи судопроизводства и противникомъ предполагавшейся реформы былъ профессоръ Московской духовной академіи, канонистъ А. Ф. Лавровъ (впослѣдствіи Алексѣй, архіепископъ литовск. и виленск.); сильнымъ по эрудиціи противникомъ Лаврова выступилъ проф. Моск. университета Н. К. Соколовъ, видѣвшій главное основаніе для возможности введенія духовно-судебной реформы въ практику въ томъ,

[1]) „Христіанское Чтеніе“, 1871 г., ч. II, стр. 103. Соврем. обозрѣніе.

[2]) Члены послѣдней инстанціи—Суднаго отдѣленія Св. Сѵнода, по проекту, назначаются Высоч. властью.

[3]) Подробнѣе касаться этого интереснаго вопроса не позволяютъ рамки статьи.

что правила, касающіяся внѣшняго устройства и управленія церкви, могутъ быть и были измѣняемы по требованію историческихъ обстоятельствъ жизни церкви [1]). Изданное Елагинымъ сочиненіе А. Ф. Лаврова, „Предполагаемая реформа церковнаго суда“ (въ двухъ книгахъ 1872—73 гг.), посвященное всесторонней критикѣ какъ комитетскихъ проектовъ, такъ и мнѣній Соколова, Барсова и журнальныхъ статей, защищающихъ реформу, и представляющее обширное толкованіе мѣстъ Св. Писанія, изложеніе ученія св. отцовъ, каноновъ и практики церкви относительно церковнаго суда,—это сочиненіе имѣло рѣшающее значеніе. Реформа была оставлена. Справедливость требуетъ сказать, что большинство печати было на сторонѣ реформы. Рѣшительными и главными противниками предполагавшейся реформы явились епархіальные архіереи. „Голосъ“ въ 1876 году жалуется, что на разосланный еще въ 1873 году проектъ духовно-судебной реформы въ теченіе всего 1875 года не поступило въ Св. Сунодъ ни одного отзыва ни отъ епархіальныхъ архіереевъ, ни отъ духовныхъ консисторій. Чѣмъ другимъ, замѣчаетъ „Голосъ“, какъ не особымъ обаяніемъ внѣшней власти удобнѣе объяснить поднятую противъ реформы оппозицію, въ которой, видимо, идеальныя духовно-нравственныя преимущества епископскаго сана приносятся въ жертву матеріальному положенію и правамъ епархіальнаго начальства [2]). „Правосл. Обозрѣніе“, „Христіанское Чтеніе“, „Биржевыя и С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ съ одинаковымъ сочувствіемъ относились къ духовно-судебной реформѣ. „Реформа эта, писалось въ „Ц.-О. Вѣстникѣ“, нужна нашему духовенству, какъ насущный хлѣбъ; дряхлые порядки церковнаго суда только вслѣдствіе искусственныхъ мѣръ стоятъ и дѣйствуютъ посреди духовнаго сословія; разваливаясь сами, они могутъ со временемъ увлечь въ своемъ паденіи и тѣ начала, на которыхъ зиждется пастырская дѣятельность духовенства [3]). Неуспѣхъ реформы журналъ приписываетъ главнымъ образомъ книгѣ: „Предполагаемая реформа церковнаго суда“; „книга эта произвела рѣшительное дѣйствіе на благое намѣреніе церковнаго правительства выполнить высочайшую волю... Духовно-судебная реформа затормозилась и духовенство по-прежнему осталось въ безконтрольномъ распоряженіи еп. властей и консисторскихъ секретарей, столоначальниковъ, писцовъ и сторожей“ [4]).

Очень понятно, какъ сильно должна была повліять на духовен-

[1]) Статьи Лаврова помѣщались въ Прибавл. къ Тв. Св. Отцевъ, Соколова—въ „Прав. Обозр.“

[2]) Цитируемъ по „Ц.-О. Вѣстнику“ 1876 г. № 37. Обозрѣніе печати.

[3]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1876 г. № 35 (передовая).

[4]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1881 г., № 11, стр. 2-я.

ство неудача этой реформы, бывшей, повидимому, такъ близко къ осуществленію. Открытый и молчаливый протестъ архіереевъ естественно возстановлялъ противъ нихъ духовенство и ревнителей его интересовъ. Яркое выраженіе неудовольствія противъ епархіальныхъ властей, накопившагося къ семидесятымъ годамъ и возросшаго въ началѣ ихъ до максимума своего напряженія, мы находимъ въ статьяхъ, вышедшихъ изъ-подъ остраго и ѣдкаго пера либеральнаго публициста-священника Беллюстина и въ замѣткахъ Ростиславова.

Въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ свѣтскомъ журналѣ „Бесѣда“ [1]) за 1871—72 года: „Что сдѣлано“ и „Что дѣлается по вопросу о духовенствѣ“, Беллюстинъ рисуетъ яркими красками бѣдственное, безправное положеніе бѣлаго духовенства. Всѣ мѣры для улучшенія его быта только скользятъ по поверхности дѣла, не задѣвая его сути. Духовенство все еще остается жалкою кастой требоисправителей, давимыхъ своимъ начальствомъ и раболѣпствующихъ предъ нимъ. Приводя многочисленные и дѣйствительно поразительные примѣры, Беллюстинъ приходитъ къ мысли, что право выборнаго начала среди духовенства—только громкое слово, не имѣющее оправданія въ дѣйствительности.

„Право подъ давленіемъ безграничнаго деспотизма: какая злая насмѣшка надъ безправіемъ этой среды. И какъ дорого поплатились тѣ, которые приняли это кажущееся право за нѣчто существенное и на самомъ дѣлѣ имъ дарованное“. Консисторія самымъ циничнымъ образомъ властвуетъ надъ духовенствомъ. Пастырство „доселѣ не можетъ избавиться (повсемѣстно) отъ этой злѣйшей своей язвы, что зовется благочинными, назначаемыми отъ консисторіи съ утвержденіемъ епархіальной властью; доселѣ не можетъ добиться законнаго права—избирать себѣ свободно хоть этихъ меньшихъ чиновъ своей администраціи“. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ вводятся выборные благочинные, „но развѣ тутъ право, на законъ опирающееся и имъ охраняемое?“ Нисколько; все тотъ же произволъ, который вводитъ то или другое, а завтра однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ введенное [2]). Число архіереевъ увеличивается викарными, но жизнь паствы не улучшается. Архіереи непосредственно своихъ паствъ не знаютъ, и приходится судить о духовенствѣ чрезъ шпіонство и по лакейскому пресмыкательству; они заботятся только о византійской помпѣ, о пышности служенія. Не излюбленные и не избранные паствами, они чужды ихъ внутренней жизни и чаще всего преслѣдуютъ личныя цѣли“ [3]). Не ждетъ ничего добраго Беллюстинъ ни отъ сокращенія

[1]) Толстый журналъ, издававшійся Юрьевымъ.
[2]) „Бесѣда“ 1871 г. мартъ. „Что сдѣлано по вопросу о духовенствѣ“.
[3]) „Бесѣда“ 1871 г., кн. 11.

причтовъ, ни отъ судебной реформы, ни отъ другихъ мѣръ [1]). Деспотическій произволъ начальства и внутреннее безотрадное состояніе духовенства, — вотъ преграда всякимъ улучшеніямъ. Семинаристы бѣгутъ изъ духовнаго званія, простой народъ идетъ въ расколъ; высшее общество заражается невѣріемъ и сектантствомъ—таковы безотрадныя, но необходимыя слѣдствія описаннаго порядка вещей. Вообще грустныя картины рисуетъ Беллюстинъ.

Д. И. Ростиславовъ, бывшій профессоръ Петербургской духовной академіи, прекрасно изучившій состояніе нашихъ монастырей и хорошо знавшій консисторскіе, духовно-училищные и иные порядки разныхъ сторонъ жизни духовенства, также непрестанно указывалъ обществу на всю ненормальность этихъ порядковъ, горячо заступался за бѣлое духовенство и отстаивалъ его права въ своихъ многочисленыхъ статьяхъ [2]). Вотъ, напримѣръ, мысли его статьи: „О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіальными властями и бѣлымъ духовенствомъ“ [3]). Всѣми и давно сознается, что взаимныя отношенія между епархіальными властями и бѣлымъ духовенствомъ ненормальны: они чужды единенія, тяжелы, унизительны для подчиненныхъ и не дѣлаютъ чести начальствующимъ; здѣсь есть что-то похожее на крѣпостное право. Говорить объ этомъ у насъ стали только съ 60-хъ годовъ. Перемѣны и теперь произошли только въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, взаимныя же отношенія между епархіальными властями и подчиненными имъ лицами и теперь не измѣнились въ законодательномъ порядкѣ. Выборное начало среди духовенства непрочно, ненадежно, случайно, касается второстепенныхъ пунктовъ. Постановленія съѣздовъ подлежатъ безконтрольному произволу властей. Оказывается, что выборнымъ началомъ пользуются всѣ классы и сословія общества: и дворяне, и купечество, и мѣщанство, и крестьяне, только не обезпечено оно за духовенствомъ. Также несчастливо духовенство и въ судебномъ отношеніи. Оно и здѣсь не пользуется правами и преимуществами гласнаго и обезпеченнаго отъ пристрастія суда, которымъ пользуются всѣ русскіе подданные.

Такимъ образомъ, ропотъ противъ деспотизма епархіальныхъ властей и требованія самоуправленія для духовенства — все болѣе и болѣе росли къ восьмидесятымъ годамъ. Такое положеніе дѣла не могло не пугать радѣтелей интересовъ епархіальной власти; естественно

---

[1]) Тоже 1872 г., кн. 2. „Что дѣлается по вопросу о духовенствѣ“.

[2]) „О бѣломъ и черномъ духовенствѣ“, „Судебная реформа и церковные каноны“. („Ц.-О. Вѣст.“ 1874 г.), „Духовныя семинаріи и училища“, „Епископы и пресвитеры“ (1875 г.), „О необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ уставѣ дух. сем. и училищъ“, „О попечительствѣ надъ дух. уч. заведеніями“ (1876 г.).

[3]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1877 годъ.

было ждать съ этой стороны оппозиціи подобнымъ стремленіямъ духовенства. Такого рода оппозицію мы и встрѣчаемъ въ вышедшей въ 1881 году книжкѣ, изданной Елагинымъ: „Бѣлое духовенство и его интересы". Авторъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ ополчается какъ на бѣлое духовенство, рисуя его въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ, такъ и на защитниковъ его правъ: Беллюстина, Ростиславова, Морошкина, „Ц. О. Вѣстникъ", не скупясь на краски для ихъ нравственныхъ характеристикъ. „Въ основѣ всѣхъ жалобъ и требованій духовенства, по взгляду автора книги, лежитъ недовольство существующимъ порядкомъ вещей, недовольство властью и желаніе освободиться отъ нея, хотя бы это было соединено съ потрясеніемъ церковныхъ и государственныхъ началъ" [1]). Требуя себѣ правъ, духовенство попало на удочку шестидесятниковъ-крѣпостниковъ и нарождающихся нигилистовъ, которые, испугавшись вліянія духовенства на народъ, стремились посредствомъ печати поселить въ немъ внутреннюю междоусобицу, оторвать отъ вліянія архіереевъ и вооружить противъ правительства. Авторъ негодуетъ на недовѣріе къ консисторіямъ и къ архіереямъ, выразившееся въ томъ, что, при обсужденіи вопроса объ улучшеніи быта духовенства, требовали отзывовъ и свѣдѣній помимо консисторіи и просили архіереевъ доставлять мнѣнія самого духовенства [2]). Онъ предлагаетъ свой проектъ переустройства церковной жизни,—основной характеръ котораго всецѣло вліяніе церкви на всѣ стороны государственной жизни.

Эта книга вызвала большую тревогу какъ среди духовной, такъ и свѣтской печати. Духовная была недовольна пристрастной характеристикой духовенства и взглядами на его права; свѣтская испугалась проводимой здѣсь мысли о насильственномъ вліяніи церкви на совѣсть людей, путемъ подчиненія вліянію церкви факторовъ цивилизаціи: науки, печати, воспитанія, администраціи. Тревога тѣмъ болѣе имѣла основаній, что анонимный авторъ книги намекалъ на свою близость къ высшимъ сферамъ. „Иные могутъ подумать, что она заключаетъ въ себѣ програму дѣйствій новаго оберъ-прокурора г. Побѣдоносцева"—замѣчалъ рецензентъ „Прав. Обозрѣнія" [3]). Изданіе Елагина подверглось серьезной критикѣ со стороны печати [4]), которая горячо протестовала противъ общаго тона книги. „Новая книжка стремится къ безповоротному закрѣпленію духовенства въ томъ заколдованномъ

1) Стран. 140.

2) Стран. 8.

3) „Прав. Обозр." 1881 г., январь, стр. 183—184.

4) Въ янв. книжкѣ „Прав. Обозр." (1881 г.) появилась статья Смирнова-Платонова объ этой книгѣ, въ „Ц.-О. Вѣст." рядъ статей И. Старова, вышедшихъ въ томъ же году отдѣльной книжкой: „Въ защиту бѣлаго духовенства" и др.

кругу, изъ котораго оно тщетно желаетъ выбиться, чтобы вздохнуть, наконецъ, свободнѣе и сдѣлаться полноправнымъ членомъ окружающаго общества" [1]), вотъ мнѣніе о ней „Ц.-О. Вѣстника",—одного изъ главныхъ поборниковъ выборнаго начала среди духовенства.

Опасенія за выборное начало оказались не безосновательными. Вскорѣ въ газетахъ появились упорные слухи, что предпринимается рядъ мѣръ къ возвышенію нравственнаго вліянія духовенства на пасомыхъ и что въ числѣ этихъ мѣръ постановлена и отмѣна выборнаго начала среди духовенства. Слухи оправдались. Указомъ Св. Сѵнода отъ 5-го апрѣля 1881 г. повелѣно благочинныхъ и духовныхъ слѣдователей назначать самимъ пресвященнымъ.

Такъ былъ положенъ конецъ порядку, уже, казалось, прочно устанавливавшемуся. Несчастное 1-ое марта 1881 года ускорило упраздненіе выборнаго начала среди духовенства. Упраздненіе это согласовалось съ общимъ характеромъ новаго царствованія, обратившагося къ усиленной централизаціи и бюрократизму. Но было ли это упраздненіе общимъ желаніемъ русскаго духовенства и общества, вытекало ли оно изъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей церковной жизни,—это вопросъ иной. Обращаемся къ печати, вѣрной выразительницѣ желаній и стремленій общества.

Появленіе слуховъ о прекращеніи выборнаго начала въ средѣ духовенства заставило вполнѣ высказаться какъ противниковъ, такъ и защитниковъ выбора благочинныхъ, благочинническихъ совѣтовъ и съѣздовъ, а также и епархіальныхъ съѣздовъ (Слухи касались прекращенія и этихъ послѣднихъ). О полезности епарх. съѣздовъ печать, защищавшая выборное начало, особенно заговорила послѣ обнародованія указа о прекращеніи выбора благочинныхъ и духовныхъ слѣдователей, съ цѣлью отстоять хотя ихъ для духовенства. Цѣлый 1881 годъ журналы были наполнены обсужденіемъ значенія выборнаго начала. Защитниковъ его среди духовенства было очень много. Говорилось, что выборное начало совсѣмъ не могло быть причиною нравственнаго упадка духовенства. Напротивъ, выборъ благочинныхъ, напримѣръ, введенъ былъ самими архіереями именно для нравственнаго подъема духовенства, съ мыслію вызвать болѣе живое содѣйствіе самого духовенства епархіальной власти въ дѣлахъ епархіальнаго управленія и суда, заручиться свидѣтельствомъ о лицахъ, наиболѣе способныхъ и достойныхъ быть споспѣшниками ея въ этихъ дѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить въ духовенствѣ духъ самоустроенія, самопопеченія, нравственной солидарности и единенія, могущаго заявлять себя въ выборѣ желанныхъ лицъ.

---

1) „Ц.-О. Вѣст." 1881 г. № 11 (передов.).

Выражалось желаніе, чтобы оставлены были хоть благочинническіе совѣты съ выборнымъ началомъ [1]). Указывалось въ печати и на то, что въ прежнихъ отчетахъ оберъ-прокурора, составленныхъ по донесеніямъ архіереевъ, результаты выборнаго начала рисовались въ самомъ выгодномъ свѣтѣ [2]); что консисторія, которая должна будетъ представлять кандидатовъ въ благочинные, не въ состояніи будетъ исполнить этой обязанности, руководясь только формулярами, консисторскими дѣлами и отчетами. А архіерей провѣрить консисторію не будетъ въ состояніи: самому ему духовенство мало извѣстно; съ одной стороны возрастъ, стремленіе къ созерцательной жизни, съ другой стороны—разбросанность епархій, — все это можетъ служить причиною интригъ, подкупа, кумовства. Выборное начало имѣетъ въ виду только ограничить самовластіе и произволъ начальствующихъ лицъ, всегда вредные для подчиненныхъ и для дѣла; самостоятельность же архіерея сохраняется полностью и не терпитъ ни малѣйшаго ущерба [3]).

Если иногда и бываютъ пререканія съ епарх. властью на съѣздахъ, то въ дѣлахъ незначительныхъ; при томъ открытыя заявленія чрезъ депутатовъ гораздо лучше глухаго недовольства [4]).

Благодѣтельные результаты выборнаго начала уже достаточно обнаружились и должны быть очевидными для всякаго: среди освобожденнаго духовенства исчезъ грозный типъ благочиннаго, котораго трепеталъ весь причтъ едва-ли не болѣе, чѣмъ самого архіерея. Епархіальные съѣзды сослужили также большую службу интересамъ духовенства въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, которые имъ предоставлены: изысканы новыя средства для духовно-учебныхъ заведеній, учрежденъ контроль надъ церковными старостами, открыты свѣчные епархіальные заводы, и теперь зданія училищъ и семинарій стали похожи на настоящіе храмы науки, питомцы ихъ одѣты и согрѣты [5]). И для самихъ архіереевъ съѣзды полезны. — Всякое хорошее управленіе обусловливается тѣмъ, что управляющій долженъ основательно знать управляемыхъ. Всякому администратору необходимы хорошіе помощники, а избрать ихъ онъ можетъ тогда, когда знаетъ подчиненныхъ. Съѣздъ, состоящій изъ десятой части пастырей епархіи, представляетъ для этого прекрасное средство. Составъ депутатовъ мѣняется каждое

---

[1]) „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ 1881 г. май: „Къ вопросу о выбор. благочинныхъ“.

[2]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. №№ 38—39: „Съѣзды и выбор. начало среди духовенства“.

[3]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. №№ 55—56: „Отмѣна выборнаго начала“.

[4]) „Моск. Церк. Вѣд.“ 1881 г. № 23, передовая ст.

[5]) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. №№ 52—53: „Полезны или вредны съѣзды духовен.“, №№ 22—23 „О съѣздахъ духовенства“; „Моск. Ц. Вѣд.“ 1881 г. № 31.

трехлѣтіе,—въ 6—9 лѣтъ архіерей можетъ узнать все духовенство; здѣсь же и прекрасный случай для архіерея говорить съ сотней пастырей [1]). И духовенство на съѣздахъ можетъ сообщать о своихъ нуждахъ непосредственно архіерею, помимо консисторіи; цѣлое собраніе служитъ гарантіей „смѣть свое сужденіе имѣть" [2]). Общее мнѣніе защитниковъ было то, что выборное начало не уничтожать нужно, а расширить и оградить отъ случайностей и злоупотребленій со стороны епарх. властей; сферу вѣдѣнія епархіальныхъ съѣздовъ увеличить; ихъ сухо-матеріальную экономическую программу оживить широкимъ введеніемъ въ кругъ ихъ дѣятельности обсужденія предметовъ церковно-приходской практики и церковно-общественной жизни [3]).

Обращаемся къ печати свѣтской. Говоря вообще, она тоже не за новый порядокъ. „Страна" находила противорѣчіе новаго указа Св. Сѵнода съ общими воззрѣніями новаго правительства, которое призываетъ общество къ извѣстной долѣ самодѣятельности [4]), и выражала желаніе, чтобы исполненіе этой мѣры (отмѣна выб. благочинныхъ) было пріостановлено и самая мѣра пересмотрѣна вновь и не въ Сѵнодской только канцеляріи, а при помощи сношеній съ епарх. архіереями. „Голосъ" также замѣчалъ, по поводу Сѵнодскаго указа, что высочайшая воля прежде всего желаетъ возвышенія нравственной жизни духовенства, но по отчетамъ выборное начало нравственности духовенства не вредило. Самое обоснованіе указа очень слабое. Отчего бы справкѣ не обратиться къ обстоятельству 1825 года, когда, по порученію Александра I, данному графу Аракчееву, митр. Евгеній для возвышенія нравственности рекомендовалъ, именно, выборное начало. Чѣмъ бы ни мотивировалась эта отмѣна, говоритъ „Голосъ", она служитъ выраженіемъ яснаго недовѣрія церковной власти къ свѣжести нравственнаго чувства въ духовенствѣ и обличаетъ въ немъ недостаточность любви къ правдѣ и своему дѣлу. И это въ тотъ неудобный моментъ, когда правительство обращается съ довѣріемъ ко всему русскому обществу [5]). „Новости" отмѣну съѣздовъ признавали немыслимою, такъ какъ она повлекла бы за собой закрытіе 187 духовныхъ и 30 епархіальныхъ женскихъ училищъ, существующихъ почти исключительно на средства, изыскиваемыя съѣздами [6]). „Порядокъ",

---

[1]) „Ц.-О. Вѣст." 1881 г.: „Значеніе съѣзд. въ обл. еп. упр." № 42.

[2]) „Ц.-О. Вѣст." 1881 г. №№ 135—36: „Къ вопросу о съѣздахъ духовенства".

[3]) Напр., „Ц.-О. Вѣст." 1881 г. № 22—23; 42; „Кіевск. Еп. Вѣд." 1881 г. № 17 („О выборномъ началѣ въ духовенствѣ") и мн. др.

[4]) Разумѣется циркуляръ гр. Игнатьева по восшествіи на престолъ Александра III.

[5]) Мнѣнія и отзывы печати „Ц.-О. Вѣст." 1881 г. № 78.

[6]) „Церковный Вѣстникъ" № 1, 1881 г. Мнѣнія печати по церковнымъ вопросамъ.

либеральный органъ Стасюлевича, говорилъ, что хотя отрывочное и не всегда соблюдавшееся право выбора благочинныхъ и не представляло надежнаго средства для уврачеванія всѣхъ золъ нынѣшняго ненормальнаго положенія церкви, но и возвратъ къ положенію и взглядамъ 20-хъ годовъ едва-ли обезпечитъ хорошее будущее... Несомнѣнно одно: постановленія 1823 и 1828 годовъ (на которыя указывается въ справкѣ къ указу объ отмѣнѣ благочинныхъ) были отмѣнены именно вслѣдствіе того, что, по опыту многихъ лѣтъ, они оказались безполезными; что сдѣлаетъ ихъ теперь болѣе полезными,—не видно.

Можетъ быть лучше было бы, по мнѣнію „Порядка", сначала исправить недостатки выборнаго начала и уже только послѣ того осудить его окончательно [1]). Что касается съѣздовъ, то „Порядокъ" энергично высказывался за нихъ. „Хотя, говоритъ онъ, и не исполнились всѣ надежды, возлагавшіяся на съѣзды духовенствомъ и обществомъ, которыя думали, что на нихъ вполнѣ выразятся всѣ нужды пастырей и пасомыхъ и найдутся средства для ихъ удовлетворенія, но это не по винѣ самихъ съѣздовъ. Послѣдніе все-таки значительно сблизили духовенство и подняли его умственный и нравственный кругозоръ [2]). Достаточно этихъ немногихъ сужденій, чтобы видѣть, что и наши либеральные органы въ принципѣ стояли за выборное начало среди духовенства. Если они иногда и возставали противъ выборовъ благочинныхъ, противъ съѣздовъ, то имѣли въ виду не самое выборное начало, а ту узкую форму, какую получало оно здѣсь: эта печать требовала выборнаго начала не въ одномъ духовенствѣ, гдѣ оно развивало, по ея мнѣнію, кастовую обособленность, а въ церкви, состоящей изъ клира и міранъ, которые также должны принимать участіе въ дѣлахъ церковныхъ, а слѣдовательно и въ выборахъ. Тотъ же самый „Порядокъ" считаетъ справедливѣйшимъ и имѣющимъ полную гарантію добросовѣстности только такой выборъ благочинныхъ, когда въ немъ будутъ принимать участіе и духовенство, и прихожане [3]). Этого требовали не однѣ либеральныя газеты; это было общимъ желаніемъ печати, искренно ратовавшей за лучшій порядокъ въ церкви, за обновленіе церковной жизни. Но, будучи недовольна существующимъ строемъ церковной жизни, печать ничуть не видѣла въ отмѣнѣ выборнаго начала поворота къ лучшему". „Если бы, писалось въ „Современныхъ Извѣстіяхъ", отмѣна выбора послѣдовала съ цѣлью возстановить въ нашей церкви виды и способы, болѣе соотвѣтствующіе правиламъ апостольскимъ, само собою можно было бы

---

1) „Ц.-О. В." 1881 г. № 56. Отзывы печати по ц. вопр.
2) „Церковный Вѣстникъ". Мнѣнія печати по ц. вопр. № 2.
3) „Порядокъ", 1881 г. № 127 (передовая).

только радоваться... Но теперешніе выборы замѣняются представленіемъ консисторіи! Достаточно назвать это слово, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ болѣе надежно ручательство и за самого благочиннаго, и за подвѣдомое ему духовенство при будущемъ способѣ назначенія. Почему совѣтъ одной консисторіи будетъ надежнѣе для архіерея, нежели тотъ же совѣтъ, да сверхъ того еще рекомендація отъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ цѣлаго благочинія? Архіерей, не стѣсненный своимъ выборомъ, только болѣе былъ бы обезпеченъ отъ ошибокъ и пристрастія" [1]). „Совр. Извѣстія" возстаютъ противъ съѣздовъ, но только въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, когда они, по выраженію этой газеты, „учреждены съ цѣлью хищенія чужой собственности въ свою пользу" и поэтому, если не создали, то подогрѣли раздоръ между пастырями и пасомыми; сожалѣютъ, что въ съѣздахъ не принимаютъ участія хотя церковные старосты, но совсѣмъ не отрицаютъ права духовенства принимать участіе въ обсужденіи нуждъ духовно-учебныхъ заведеній, напротивъ, стоятъ за то, чтобы съѣздамъ предоставлены были болѣе широкія полномочія разсуждать о дѣлахъ проповѣди, о недоумѣніяхъ въ пастырской практикѣ, объ опасностяхъ для христіанской нравственности пасомыхъ и о другихъ предметахъ, даже не касающихся пастырства, напримѣръ, относительно землевладѣнія [2]). Такіе же взгляды на съѣзды духовенства высказывалъ и славянофильскій органъ И. С. Аксакова „Русь". Помѣщая статью нѣкоего NN. противъ училищныхъ съѣздовъ, редакція высказываетъ такой общій взглядъ на съѣзды духовенства. „Въ томъ видѣ, въ какомъ они у насъ введены, они, по нашему мнѣнію, скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Вредны прежде всего потому, что носятъ какой-то сословный характеръ, обращаютъ духовенство въ какую-то корпорацію. Съѣзды должны быть чѣмъ-то въ родѣ мѣстныхъ малыхъ соборовъ, въ которыхъ участвовать должны всѣ члены мѣстной церковной единицы; вовсе не одно духовенство, но и міряне, на однихъ съ нимъ правахъ [3]). Въ самой статьѣ г. NN. члены окружныхъ съѣздовъ признаются не компетентными въ сужденіи объ учебно-

---

[1]) „Ц.-О. Вѣст." 1881 г. № 78. Мнѣнія и отзывы печати.

[2]) „Церковный Вѣстникъ" 1881 г. № 3. Мнѣнія печати по ц. вопр.

[3]) Нужно замѣтить, что раздавались голоса и изъ среды духовенства за допущеніе на съѣзды мірскаго элемента, хотя въ лицѣ ктиторовъ. „Не отъ того ли у насъ теперь по милости съѣздовъ и разныя непріятности съ ктиторами, что послѣдніе оттерты отъ участія въ дѣлахъ, а съѣздамъ изъ духовенства предоставлены такія дѣла, участвовать въ которыхъ и ктиторы считаютъ себя въ правѣ?"—пишетъ „одинъ изъ депутатовъ" въ „Ц.-О. Вѣст." № 42, 1881 г. См. также прекрасную ст. въ „Кіев. Еп. Вѣд." за 1881 г. № 17; кромѣ старостъ здѣсь признается важнымъ пригласить на съѣзды членовъ братствъ, попечительствъ и учебныхъ корпорацій.

воспитательной части училищъ; средства для содержанія училищъ тоже уже сдѣлались опредѣленными,—такъ что постоянное и ежегодное созываніе съѣздовъ признается излишнимъ [1]). Эта статья показываетъ, что все-таки встрѣчались и прямые противники выборнаго начала и зиждущихся на немъ съѣздовъ. Даже и въ духовныхъ журналахъ мы встрѣчаемъ возраженія такого рода. Таково, напримѣръ, заявленіе противъ съѣздовъ протоіерея Халколиванова [2]). Безъ нужды съѣзжаются,—говоритъ онъ,—до 70 человѣкъ и бродятъ по городу, между тѣмъ для дѣла нужно пять—шесть хорошихъ головъ. Нужно, напримѣръ, выбрать членовъ въ правленіе семинаріи, въ совѣтъ училища? Но вѣдь хорошіе дѣльцы не изъ земли родятся, а выбираются изъ наличнаго духовенства городскаго или окрестнаго; они почти всегда одни и тѣ же. Смѣты на расходы составляются по дѣйствительнымъ нуждамъ учебныхъ заведеній и урѣзывать ихъ нерезонно. Вообще съѣзды, по мнѣнію протоіерея, мало помогаютъ дѣлу, а истощаютъ лишь и безъ того тощій карманъ духовенства.

Нашлись возражатели и противъ выборныхъ благочинныхъ. Въ „Ц.-О. Вѣстникѣ“ [3]) одинъ священникъ прямо признаетъ отмѣну выборныхъ благочинныхъ въ порядкѣ вещей. Впрочемъ, онъ вообще противъ благочинныхъ по той причинѣ, что начальствовать равный надъ равнымъ не можетъ и руководитель онъ для нихъ плохой. Авторъ совѣтуетъ благочинныхъ замѣнить хорепископами въ каждомъ уѣздѣ; тогда не нужно бы ни консисторій, ни слѣдователей, и вообще настала бы рай земной. Жаль, что авторъ не указываетъ ясно, гдѣ взять людей и средствъ для столькихъ начальниковъ съ канцеляріями, хотя бы и „крохотными“. Но самымъ рѣшительнымъ и неумолимымъ противникомъ выборнаго начала явилась газета „Востокъ“. Причиной введенія выбора благочинныхъ „Востокъ“ считаетъ „сокрытіе преступленій“ [4]). Съ азартомъ газета вооружается и противъ съѣздовъ духовенства.

Священники тратятъ на свои поѣздки церковныя деньги; общеепархіальные съѣзды стали задаваться разными матеріями, имъ не подвѣдомыми; окружные—соваться въ жизнь и дѣятельность духовно-учебныхъ заведеній. Съѣзды развиваютъ не пастырскій духъ смиренія, а заносчивость, доходящую иногда до буйныхъ выходокъ; они тяжело отзываются на духовной жизни тѣхъ приходовъ, священники коихъ уѣзжаютъ на съѣзды. Дѣятельность священника должна быть

---

1) „Русь“, 1881 г. № 36: „О съѣздахъ духовенства по учил. дѣламъ“.

2) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 22—23.

3) „Ц.-О. Вѣст.“ 1881 г. № 104: „Чѣмъ замѣнить нынѣшнихъ благочинныхъ“.

4) Цитируемъ по „Ц.-О. Вѣст.“ № 64 1881 г. Обстоятельный отвѣтъ на статью „Востока“ дали „Кіевск. Еп. Вѣд.“ 1881 г. май.

сосредоточена на духовно-нравственныхъ интересахъ своихъ прихожанъ, а не на этой дутой, фальшивой, публицистической дѣятельности внѣ приходовъ, на съѣздахъ. Здѣсь развивается корпоративный духъ. Что-то не русское, неправославное чудится въ этихъ шатаніяхъ сельскихъ пастырей по стогнамъ, когда словесныя овцы ихъ оставлены по селамъ на произволъ судьбы [1]). Въ одномъ изъ №№, объявляя свою программу, та же газета отмѣчаетъ, между прочимъ, такіе пункты: „мы считаемъ незаконнымъ отстраненіе выборныхъ отъ прихода, отъ участія въ еп. съѣздахъ, которые, безъ его согласія, посягаютъ на деньги, пожертвованныя имъ на нужды церкви. Точно также осуждаемъ всѣ мѣры, которыя ведутъ къ обособленію духовенства отъ народа; осуждаемъ устройство свѣчныхъ еп. заводовъ, свѣчную монополію, преслѣдованіе свѣчеторговцевъ" [2]) и т. д. Постройка своихъ свѣчныхъ заводовъ и контроль надъ старостами—вотъ главная причина нападенія „Востока",—этого органа московскихъ старостъ и свѣчеторговцевъ противъ съѣздовъ. Такая неблаговидная и тенденціозная причина нападеній тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ неосновательными.

Вотъ и все, что говорилось противъ выборнаго начала и съѣздовъ. Суть подавляющаго большинства отзывовъ печати самыхъ различныхъ направленій одна: выборное начало должно существовать въ духовенствѣ; его постановка только должна быть улучшена. Но высшая власть судила иначе. Съѣзды остались, а благочинныхъ приказано выбирать; вмѣстѣ съ этимъ рушилось выб. начало и примѣнительно къ учрежденіямъ, возникшимъ при выб. благочинныхъ. Въ этомъ уничтоженіи выб. начала, имѣвшаго въ свою пользу историческіе примѣры и уже вросшаго въ епарх. жизнь, еще разъ краснорѣчиво сказалось вліяніе государственнаго строя на жизнь церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Ц. Вѣст." № 3. Мнѣнія печати 1881 г.

[2]) „Ц.-О. Вѣст." 1881 г. № 84. Отзывы печати.

Церковно-историческая жизнь Грузіи подъ русскимъ владычествомъ.

I.

Грузинская церковь подъ управленіемъ Св. Сvнода.—Миссіонерская дѣятельность русскихъ на Кавказѣ.—Католикосъ Антоній II и его управленіе.—Число епархій, церквей, монастырей и духовныхъ лицъ.—Состояніе грузинскаго духовенства въ первые годы русскаго владычества на Кавказѣ.—Тифлисскій митрополитъ Арсеній.—Общій взглядъ на церковно-историческую жизнь въ Грузіи.

Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, взошедшая 12 сентября 1801 года на небосклонѣ истерзанной страдалицы—Грузіи заря новой и болѣе лучшей жизни разсѣяла своимъ умиротворяющимъ блескомъ висѣвшій надъ благодатною страною Дамокловымъ мечомъ непроглядный туманъ грядущихъ на нее со всѣхъ сторонъ опасностей, и мрачный горизонтъ ея сталъ постепенно проясняться.

Православный грузинскій народъ, согрѣваемый лучами сѣвернаго солнца—могущественной Россіи, мирно начинаетъ пользоваться всѣми благами прогресса и цивилизаціи. Грузинскій витія, епископъ некресскій Амвросій, въ своей рѣчи, произнесенной въ этотъ знаменательный день, сравниваетъ милость, оказанную императоромъ Александромъ I Грузіи принятіемъ ея въ подданство Россіи, съ живительною теплотою солнца, возвращающею замерзшему человѣку жизнь, съ благодатіею Божіею, посылающею умирающему исцѣленіе, и съ тою своевременною и умѣлою помощью, которую оказываетъ умирающему искусный врачъ, возвратившій его посредствомъ соотвѣтственныхъ лѣкарствъ къ жизни. Грузинская церковь начинаетъ жить иною жизнью съ того самаго дня, какъ она вошла въ качествѣ родной сестры въ лоно россійской церкви, подчинившись Св. Сvноду еще въ 1783 году при католикосѣ Антоніи I, возведенномъ тогда же въ званіе сvнодальнаго члена. Но еще ранѣе этого событія, а именно въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII в. Св. Сvнодомъ было обращено особенное вниманіе на возстановленіе православія у кавказскихъ горцевъ, которые почти всѣ совратились или въ магометанство или

въ язычество. Къ горнымъ твердынямъ негостепріимнаго тогда Кавказа были посланы опытные миссіонеры, знавшіе осетинскій языкъ. Къ 1767 году они уже успѣли крестить до 2.000 осетинъ; но, къ сожалѣнію, скоро стали вмѣшиваться въ ихъ мірскія дѣла, ничего общаго съ религіей не имѣющія, и не поладили съ ними. Поэтому въ 1771 году Св. Сvнодъ нашемъ нужнымъ отправить новую миссію изъ 4 священниковъ, 3 діаконовъ, 3 причетниковъ и переводчиковъ, во главѣ съ протоіереемъ Лебедевымъ. Въ руководство имъ дана инструкція и для содержанія назначено жалованье. Къ 1790 году имъ удалось крестить до 6.000 осетинъ. Для большихъ успѣховъ христіанской проповѣди между ними была открыта въ городѣ Моздокѣ каѳедра астраханскаго викаріатства и предписано устроить два монастыря съ просвѣтительнымъ значеніемъ для Кавказскаго края. Но скоро успѣхи и этой миссіи были остановлены. Среди нѣкоторыхъ горцевъ, уступленныхъ по Кайнарджійскому миру Турціи, появились фанатическіе проповѣдники ислама. Онъ быстро развивался по Кавказу; вмѣстѣ съ этимъ росла ненависть герцевъ къ русскому правительству. Со своихъ горъ они спускались и разоряли страны съ христіанскимъ населеніемъ, мстя за успѣхъ русскаго оружія надъ турками. Между тѣмъ Моздокская епархія съ ея миссіонерскими монастырями была закрыта за два года передъ окончательнымъ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, и тогда-то обнаружилось, какъ были непрочны успѣхи православной миссіи среди осетинъ. Многіе изъ нихъ, крещенные миссіонерами, снова совращались въ магометанство или возвращались къ языческимъ суевѣріямъ [1]). Дѣло возстановленія христіянства среди горцевъ Кавказа пріостановило такимъ образомъ свое теченіе какъ разъ къ знаменательному моменту церковно-исторической жизни православной Грузіи, т. е. къ 12 сентября 1801 года.

Остается теперь постепенно, шагъ за шагомъ, прослѣдить съ этого важнаго для церкви грузинской дня за ея послѣдовательнымъ историческимъ развитіемъ въ первыя двадцать пять лѣтъ подъ управленіемъ Св. Сvнода, и сначала остановить, главнымъ образомъ, свое вниманіе на томъ, въ какомъ видѣ и положеніи вступила она въ сферу власти Св. Сvнода.

Въ годъ присоединенія Грузіи къ Россіи во главѣ грузинской церкви стоялъ католикосо-патріархъ Антоній II (1798—1811 г.), сынъ царя Ираклія II. Подъ управленіемъ его находились: 7 митрополитовъ, 2 архіепископа и 5 епископовъ; 9 архимандрій; 6 архимандритовъ; монаховъ 75, церквей 799, священниковъ 746, діако-

---

[1]) А. Доброклонскій — Руководство по исторіи русской церкви. Вып. IV, Москва, 1893 г., стран. 47.

новъ 146, церковниковъ 661. Епархій всѣхъ считалось 13, монастырей 19. При католикосѣ-патріархѣ находилась дикастерія или правленіе духовное [1]), учрежденное въ Грузіи еще католикосомъ Антоніемъ I, въ 1771 году [2]).

Прежде всего, при изученіи быта грузинскаго духовенства въ описываемый періодъ времени, бросается въ глаза довольно странная аномалія, существовавшая, впрочемъ, de facto, хотя и въ другомъ видѣ, и у насъ въ Россіи до 1861 года, а именно: многіе изъ членовъ этого сословія находились въ крѣпостной зависимости отъ дворянъ и только при окончательномъ водвореніи русскаго владычества были освобождены отъ такого состоянія, несогласнаго съ историческимъ назначеніемъ духовенства. Приведемъ здѣсь, кстати, текстъ высочайшаго повелѣнія императора Александра I на имя графа Гудовича 7 іюля 1801 года, которымъ уничтожалась крѣпостная зависимость представителей низшаго духовенства въ Грузіи, „Усмотрѣвъ изъ представленія вашего къ министру внутреннихъ дѣлъ, что по слабости бывшаго въ Грузіи правительства, многіе изъ духовныхъ, въ священническомъ и діаконскомъ званіи состоящіе, присвоены тамошними князьями и дворянами въ крѣпость и несутъ оброкъ и прочія повинности, на крестьянахъ лежащія, и находя такое положеніе вещей ни съ законами россійскими несогласнымъ, ни сыну духовному, толико мною уваженному, неприличнымъ, я повелѣваю: I) принять навсегда общимъ въ Грузіи правиломъ, что состояніе духовное не только отъ крѣпости, но и отъ всѣхъ податей и повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ свободно; а II) потому и всѣхъ людей сего званія, доселѣ по явному злоупотребленію за князьями и дворянами закрѣпленныхъ и несущихъ положенный ими оброкъ и другія повинности, какъ отъ крѣпости, такъ и отъ оброка и повинностей сихъ навсегда освободить“.

Что касается качественнаго состава грузинскаго духовенства того времени, то на этотъ счетъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Принятіе въ священническій и монашескій санъ происходило совершенно произвольно, что и заставило князя Циціанова, главнокомандующаго расположенными въ Грузіи войсками, обратиться къ католикосу Антонію II 23 марта 1804 года съ отношеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „знаю и то, что всякій архіепископъ и епископъ посвящаетъ, какъ въ священники, такъ и въ должности другихъ служителей, а архимандриты въ монахи постригаютъ безъ всякаго разбора, по волѣ своей, не взирая ни на лѣта, ни на званіе чело-

[1]) Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели. А. Натроевъ. Тифлисъ. 1901 г. стран. 456—457.

[2]) Д. П. Пурцеладзе. Грузинскіе церковные гуджары, стран. 31—32.

вѣка, такъ что и крѣпостныхъ людей вольны постригать въ монашескій чинъ. Такія правила, злоупотребленіемъ рожденныя и корыстью поддерживаемыя, заставляютъ меня опасаться, чтобы одна половина Грузіи не обратилась въ иноческій санъ, а другая въ бѣлое духовенство". Здѣсь-то, между прочимъ, по нашему мнѣнію, и скрывается причина, почему нѣкоторые изъ членовъ духовенства были въ крѣпостной зависимости отъ грузинскихъ помѣщиковъ: поставляемые въ священный санъ изъ крѣпостныхъ людей, они, естественно, оставались въ глазахъ дворянъ и князей въ своемъ первобытномъ состояніи, отъ котораго принятый ими санъ вовсе и не освобождалъ. Такъ могли думать и, вѣроятно, думали грузинскіе дворяне и князья. Далѣе князь Циціановъ указываетъ на бѣдность нѣкоторыхъ церквей и монастырей, которая увеличивается съ увеличеніемъ числа монаховъ и священниковъ и проситъ католикоса остановить такое увеличеніе. „Вашему святѣйшеству также извѣстно,— говоритъ онъ,—сколь бѣдны здѣшніе церкви и монастыри, пребывая въ постыдномъ для христіанства состояніи какъ велелѣпіемъ своимъ, такъ и священнослужителями, едва умѣющими читать... Вашему святѣйшеству извѣстно, что есть церкви, не имѣющія дохода и на нужнѣйшія свои поправки, а имѣющія 14 священниковъ" [1]). Затѣмъ, въ виду недостатка грузинскихъ богослужебныхъ книгъ, князь Циціановъ просилъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода оказать содѣйствіе къ переводу съ церковно-славянскаго на грузинскій языкъ нѣкоторыхъ книгъ и къ напечатанію ихъ на казенный счетъ, хотя въ количествѣ 200 экземпляровъ. „За сіе,—пишетъ князь въ концѣ своего отношенія,— церковь грузинская обязана будетъ вашему сіятельству вѣчною благодарностью, а меня изволите избавить отъ неудовольствія ссориться съ здѣшнимъ духовенствомъ и при всякой церемоніи заботиться, чтобы возглашенія были не вздорно произносимыя" [2]). Заботясь о лучшемъ благоустройствѣ грузинской церкви, князь Циціановъ командируетъ греческаго архимандрита Аѳанасія, знающаго грузинскій языкъ, въ константинопольскіе, іерусалимскіе и другіе монастыри и проситъ правительство оказать содѣйствіе этому архимандриту, который взялся, по недостатку въ Грузіи богослужебныхъ книгъ, выпросить таковыя въ библіотекахъ этихъ монастырей.

Изъ темныхъ сторонъ грузинской церковной жизни за описываемый нами періодъ отмѣтимъ еще слѣдующія. Епископы сплошь и рядомъ, желая способствовать увеличенію церковныхъ доходовъ, назначали въ пользу церкви штрафы за преступленія, косвеннымъ обра-

---

[1]) Акты Кавк. археограф. ком., т. II, стран. 524 и 530.

[2]) Тамъ же, стран. 531.

зомъ поощряя къ нимъ, особенно людей состоятельныхъ. Такъ, напримѣръ, въ XVI в. самтавскій епископъ Григорій опредѣлялъ слѣдующія взысканія въ пользу церкви и духовенства: за убійство— 5 быковъ; за колдовство и ворожбу виновныхъ подвергали отрѣзанію носа, но въ случаѣ раскаянія они отдѣлывались уплатой штрафа— 2 коровы; за преступную связь другъ съ другомъ лицъ, между которыми существовало естественное или духовное родство, эти лица должны быть по закону побиты каменьями, но въ случаѣ раскаянія могли откупиться штрафомъ—4 коровы; священникъ за воровство лишался сана, въ случаѣ же раскаянія уплачивалъ штрафъ—3 коровы... Подобныя взысканія назначались и въ другихъ епархіяхъ и практиковались даже въ XVIII и въ первые годы XIX столѣтія. Невольно является мысль: вѣдь это не борьба съ преступленіями, а назначеніе за нихъ таксы, въ видѣ той, которую устанавливала, напр., наша „Русская Правда“ въ ту эпоху, когда преступленіе разсматривалось не какъ актъ злой воли, причиняющій ущербъ всему обществу и нарушающій божескіе и человѣческіе законы, а какъ „обида“, причиняющая вредъ отдѣльной личности, и какъ доходная статья для владѣльца той или иной мѣстности. При такомъ печальномъ состояніи духовенства не удивительно, что православная вѣра, за которую бился съ врагами искони православный грузинскій народъ, обращалась въ исполненіе внѣшнихъ обрядностей, смѣшанное со множествомъ суевѣрій. Происходило буквально то же самое, что, напр., у насъ въ Россіи рѣзко обозначилось въ XV и XVI вѣкахъ и особенно въ XVI вѣкѣ, когда Іоаннъ Грозный для улучшенія религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа, только-что освобожденнаго отъ владычества татаръ, собралъ извѣстный Стоглавый соборъ. Насколько обрядовая сторона религіи въ грузинскомъ народѣ, какъ въ свое время и въ русскомъ, даже въ высшихъ слояхъ его, преобладала надъ сущностью евангельскаго ученія, видно изъ слѣдующаго отзыва генерала Лазарева о членахъ семьи царя Георгія XII: „Они присягу, клятву ни во что ставили, а сохраненіе закона полагаютъ въ томъ, чтобы по постамъ, средамъ и пятницамъ не ѣсть мяса; но разорить, похитить имѣніе, обокрасть и отнять жизнь у человѣка для своего интереса ни за что поставляютъ; рады изъ-за рубля присягать. Вотъ каковы они отъ перваго до послѣдняго“ [1]). Суровый приговоръ... Но необходимо помнить, что этотъ приговоръ данъ честнымъ безпристрастнымъ очевидцемъ, человѣкомъ, прекрасно знавшимъ ту обстановку, среди которой онъ жилъ и среди которой погибъ при исполненіи служебнаго долга. Духовенство грузинское само не имѣло до-

---

[1]) Акты Кавказ. арх. ком., т. I, стран. 454.

статочнаго образованія для того, чтобы руководить просвѣщеніемъ народа [1]).

Но ни при главнокомандующемъ Кноррингѣ, которому было предписано изъ С.-Петербурга по собраннымъ предварительно свѣдѣніямъ привести въ должный порядокъ дѣла по управленію грузинскимъ духовенствомъ, ни при смѣнившемъ его князѣ Циціановѣ, несмотря на заботы и старанія русскаго правительства, православное грузинское духовенство, какъ это и было констатировано прибывшимъ въ 1809 году на Кавказъ новымъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ генераломъ-отъ-кавалеріи А. П. Тормасовымъ, все еще оставалось въ совершенно забытомъ положеніи.

Если бы кто пожелалъ въ то время поинтересоваться, сколько существовало церквей въ Грузіи, и сколько именно состояло на-лицо духовенства, то его любознательность осталась бы совершенно неудовлетворенной. И это вполнѣ понятно, потому что въ самомъ управленіи духовенствомъ, а также и въ его жизни, царилъ полный безпорядокъ, уничтожить который, хотя и были попытки у предшественниковъ генерала Тормасова, все-таки не удалось. Церковная жизнь въ Грузіи была, такимъ образомъ, въ высшей степени непригляднa. Знакомящагося съ этой жизнью на первыхъ порахъ поражало прежде всего обиліе духовенства (вспомнимъ нашихъ крестцовыхъ поповъ при Екатеринѣ II), число котораго было настолько значительно, что рѣдкая церковь не имѣла при себѣ трехъ или четырехъ священниковъ, да и всѣ эти вообще церкви, какъ состоявщія подъ непосредственнымъ управленіемъ грузинскаго католикосо-патріарха Антонія II, такъ и подъ управленіемъ прочихъ епархіальныхъ архіереевъ и митрополитовъ, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и во всемъ терпѣли самый крайній недостатокъ. Однѣ изъ нихъ потеряли свои богатства во время почти безпрерывныхъ войнъ грузинскаго народа съ его врагами, доходы же другихъ были расхищаемы епархіальными архіереями и самимъ духовенствомъ. Во всеподданнѣйшемъ прошеніи митрополита Арсенія, отъ 20 августа 1809 года, говорится, между прочимъ: „предписать соизвольте, изслѣдовать дѣла ихъ отъ общества, какъ католикосъ ограбилъ церкви Мцхетскую и Алавердскую, главныя епархіи, и кто доходы ихъ похищаетъ, такъ что церковныя украшенія почти по торгу носятъ на продажу“. Этотъ же самый митрополитъ въ письмѣ своемъ къ сvнодальному оберъ-прокурору князю Голицыну, отъ 1 февраля 1810 года, сообщалъ, что „епископъ Іустинъ не имѣетъ храма, гдѣ бы можно было отправлять литургію, и хотя отъ покойнаго генерала князя Циціанова прислано ему 2.000 рублей, но по нестара-

---

[1]) Романовскій. Очерки изъ исторіи Грузіи, стран. 441—445.

тельству его не выстроена церковь; руствельскій епископъ также расточаетъ всѣ доходы, не имѣетъ церкви и образъ Спасителя находится въ Тифлисѣ у армянъ на откупѣ". Отъ безконтрольнаго пользованія церковными доходами и имуществомъ не былъ свободенъ и самъ митрополитъ Арсеній, который своимъ обращеніемъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ вызвалъ то, что протоіерей Квашоэтской Георгіевской церкви Петръ и священникъ Павелъ подали на него генералу Тормасову 22 января 1810 года прошеніе, гдѣ, между прочимъ, говорится: „...объявляемъ вашему высокопревосходительству, что церковь сія Квашоэтская имѣетъ отъ соорудившаго её посвященныя 5 лавокъ, кои были ввѣрены намъ отъ посвятителя и отъ отошедшихъ отъ сего міра преосвященныхъ его предмѣстниковъ, и имѣли оныя по 1804-й годъ и доходы, съ оныхъ получаемые, употребляли на церковныя надобности и по рѣшенію остались оныя лавки за нами, но оныхъ церковь сія лишается понынѣ и, какъ его преосвященство принялъ оныя лавки въ свое вѣдѣніе, въ январѣ мѣсяцѣ 1804 года, сверхъ того и получаемые доходы за могилы и съ продажи свѣчей, принадлежащихъ церкви особенно, онъ же принялъ и пользуется; и, сверхъ того, кладбищное мѣсто отдалъ другимъ, на что не имѣетъ власти, а церковь сія остается лишенной отъ всякой помощи, и, какъ вы сами видѣли, что прекрасное строеніе ея подходитъ къ паденію по неимѣнію попечителя..; теперь сказанный преосвященный, не совсѣмъ покорный своему начальнику, не даетъ имѣнія и доходовъ и весьма обижаетъ, о чемъ, кому намъ пожаловаться, если не вамъ, и дороги не знаемъ; вы здѣсь, въ лицѣ государя, долгъ имѣете входить въ столь несчастное положеніе, чтобы церкви сей возвращено было принадлежащее ей имѣніе, равно и взятыя имъ деньги...". Даже, писалъ генералъ Тормасовъ, „самъ глава духовенства католикосо-патріархъ, сынъ царя Ираклія, по всей справедливости особа рѣдкихъ свойствъ и правилъ, общественно-уважаемая, но обремененъ будучи слабостію и удрученъ болѣзнями, отдается въ распоряженіе пылкихъ и затѣйливыхъ духовныхъ лицъ, его окружающихъ, и сколь неправильно, что его святѣйшество приняло въ уваженіе доносы духовныхъ лицъ на митрополита Арсенія, предпринимаетъ мѣры къ сохраненію духовныхъ доходовъ, но не можно въ равной мѣрѣ умолчать и о томъ, что сіи же самыя духовныя лица, кои возбуждаютъ въ патріархѣ Антоніи неблагорасположеніе къ митрополиту Арсенію, сами не брегутъ о своихъ обязанностяхъ и не сохраняютъ доходы церквей, въ коихъ къ стыду всего духовенства видны во всемъ недостатки, а между тѣмъ многочисленное духовенство пользуется доходами церквей". Однако, удивляться этому не слѣдуетъ, потому что епархіальные архіереи и остальное грузинское духовенство, рас-

хищая по своему собственному произволу и хотѣнію доходы и имущества, принадлежащія церквамъ, подражали въ данномъ случаѣ своей верховной главѣ, его святѣйшеству католикосо-патріарху Антонію. Извѣстно [1]), что католикосъ „не при грузинскихъ царяхъ, а со времени Россійскаго правительства и при нынѣ назначенномъ ему выѣздѣ въ С.-Петербургъ, жаловалъ, раздавалъ и закладывалъ монастырскія и церковныя имѣнія разнаго званія людямъ, каковымъ онъ во время царствованія грузинскихъ царей никакъ не могъ, да и не смѣлъ,—словомъ сказать, даже и одного аршина самой пустой земли самовластно дарить и жаловать кому-либо... Нынѣ же его святѣйшество роздалъ таковыхъ имѣній до 1.000.000 рублей".

Уже одинъ этотъ фактъ самопроизвольнаго пользованія верховнымъ первосвятителемъ грузинской церкви церковными доходами и имуществомъ, а также вполнѣ безконтрольное употребленіе послѣднихъ лицами, приближенными къ католикосу, и прочими епархіальными архіереями служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что большинство церквей, подвергшихся такому побору, необходимо должны были терпѣть самый крайній недостатокъ. Теперь представьте же себѣ самихъ священниковъ, состоящихъ при этихъ церквахъ. Однако, состояніе этихъ пастырей было еще сносно по сравненію съ бытомъ тѣхъ изъ священниковъ, которые и вовсе не имѣли приходовъ, а такихъ въ то время было довольно порядочное количество. „Къ тому же"—приводимъ буквально слова генерала Тормасова—„должно сказать, что многочисленное здѣсь духовенство ни малѣйшей не приноситъ пользы, ибо посвящаются въ священническій санъ, какъ равно и въ высшія монашескія званія, люди безъ всякаго свѣдѣнія и правилъ, не по достоинству, но чрезъ происки, къ чему не мало содѣйствуетъ жадность, врожденная вообще въ здѣшнемъ народѣ къ корыстолюбію". Единственная причина, объясняющая такое обиліе духовенства въ Грузіи, заключалась, главнымъ образомъ, въ злоупотребленіи епископовъ, которые въ своихъ епархіяхъ широко пользовались правомъ возводить въ священный санъ безъ вѣдома духовнаго правленія и вопреки высочайшему повелѣнію, данному въ 7-й день іюля мѣсяца 1804 года. Отъ кандидатовъ священства они не требовали ни образованія, ни высоко-нравственныхъ качествъ, а руководствовались въ этомъ случаѣ только личными и часто матеріальными выгодами. Извѣстно, что даже самъ глава грузинскаго доховенства, его святѣйшество католикосо-патріархъ Антоній II-й не гнушался брать съ посвящаемыхъ имъ лицъ деньги, не обращая

---

[1]) Донесеніе генералу Тормасову прокурора Плахотина, отъ 23-го іюля 1810 г., № 108.

вниманія на то, имѣютъ ли эти лица соотвѣтствующія пастырскому служенію нравственныя качества, и, кромѣ того, рукополагалъ даже и въ томъ случаѣ, когда государь императоръ, по представленію бывшаго главноуправляющаго Грузіею князя Циціанова, высочайше повелѣть соизволилъ, „дабы его святѣйшество впредь не смѣлъ посвящать ни въ который санъ никого".

Такъ, напр., онъ „посвятилъ въ прежнемъ бунтѣ находящагося, который былъ заарестованъ генералъ-майоромъ Гуляковымъ, священника и настоятеля придворной церкви Елевѳерія въ архимандриты", взявъ съ него за это посвященіе, якобы въ подарокъ, 300 рублей сер., игумена Никифора—тоже въ архимандриты, отъ котораго и получилъ за это въ подарокъ 150 рублей и, кромѣ того, карманные часы. Въ общемъ посвященіе въ архимандриты вышеупомянутому игумену Никифору обошлось не дешево, такъ какъ, кромѣ суммы, данной имъ католикосу, пришлось еще одарить и другихъ приближенныхъ къ святителю лицъ, изъ которыхъ племянникъ католикоса Антонія кн. Циціановъ за ходатайство получилъ 200 рублей, какой-то Барамъ, состоявшій при томъ подъ слѣдствіемъ,—50 рублей, а архимандритъ Доситеосъ получилъ отъ него въ подарокъ архимандричій крестъ.

Легкость полученія священнаго сана и сопряженныя съ этимъ званіемъ выгоды манили къ себѣ большинство желающихъ освободиться за деньги отъ стѣсняющихъ ихъ въ свѣтской жизни неблагопріятныхъ условій. Дѣло въ томъ, что многіе изъ казенныхъ и даже помѣщичьихъ крестьянъ, имѣя намѣреніе выйти изъ крестьянства или избавиться отъ возложенныхъ на нихъ разнаго рода повинностей, являлись къ своему епархіальному архіерею, которымъ за деньги и были постригаемы въ священный санъ и даже, что̀ было нерѣдко, безъ настоятельной къ тому надобности. Въ жизни грузинской церкви того времени допускались и такіе факты, что постригали въ монашество людей, вовсе не имѣвшихъ къ тому ни желанія, ни склонности, но единственно по той причинѣ, что имѣнія и различнаго рода угодья этихъ лицъ могли отойти съ принятіемъ ими монашества къ доходамъ епархіальнаго архіерея, и вотъ „этихъ-то людей безъ правилъ и познаній посвящали потомъ въ высшія званія духовенства!"

Нечего и говорить, что среди священниковъ, вышедшихъ изъ крестьянскаго сословія, неудивительно было встрѣтить людей, не только съ трудомъ умѣвшихъ читать, но даже и совершенно безграмотныхъ, не получившихъ рѣшительно никакого образованія.

Въ данномъ случаѣ повторилось и здѣсь то же самое историческое явленіе, какое имѣло мѣсто и въ жизни русской церкви. Мы разумѣемъ упадокъ духовнаго просвѣщенія въ XV—XVI вѣкахъ. Развѣ

образовательный цензъ грузинскихъ ставленниковъ не былъ похожъ на тотъ же цензъ русскихъ искателей священнаго чина и званія въ эпоху новгородскаго владыки Геннадія.

„Приводятъ ко мнѣ,—пишетъ онъ—мужика въ попы ставить. Я велю читать ему Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу ему и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ; ...пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое...“ [1]).

Зло еще болѣе усугублялось тѣмъ, что въ Грузіи не было ни духовныхъ училищъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, ни семинаріи, гдѣ молодые люди, посвятившіе себя пастырскому служенію, могли бы получать необходимыя для этого дѣла познанія и воспитать себя такъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться достойными и полезнѣйшими дѣятелями въ средѣ современнаго имъ грузинскаго общества. Само собою разумѣется, что при тогдашнихъ условіяхъ церковной жизни бѣдный простой народъ оставался безъ религіозно-нравственнаго образованія, а о благотворномъ вліяніи на него пастырей церкви не могло быть и рѣчи въ виду полной неспособности нѣкоторыхъ изъ нихъ къ прохожденію высокаго священническаго служенія. Но и среди лицъ высшаго духовенства, не говоря уже о самомъ католикосѣ Антоніи II, встрѣчались люди, которые своими поступками не отвѣчали высокому идеалу пастырей церкви Христовой. Для примѣра достаточно прочитать прошеніе протоіерея Квашоэтской города Тифлиса церкви Петра и священника Павла, поданное ими на тифлисскаго митрополита Арсенія генералу Тормасову 22-го января 1810 года. Въ этомъ прошеніи подробно изложена характеристика митрополита Арсенія. Изъ нея видно, что во время царствованія Ираклія II и его сына, послѣдняго царя Грузіи—Георгія XII, означенный святитель „находился во всей кротости и въ тихомъ обращеніи, какъ агнецъ или пастырь добрый, за что онъ и заслужилъ достоинство тифлисскаго митрополита“. Будучи назначенъ на этотъ видный постъ, митрополитъ Арсеній „началъ усердно трудиться за церковь и ближнихъ“. Впрочемъ, такая его плодотворная дѣятельность, какъ оказывается, продолжалась недолго, и онъ „мало-по-малу началъ показывать дикость только къ нѣкоторымъ подвластнымъ своимъ“. Но пойти дальше по этому пути святителю не удавалось за „надзираніемъ царя“, который сдерживалъ его буйные порывы

[1]) Руководство къ русской церковной исторіи. П. Знаменскій. Изд. 5-е. Казань. 1888 г., стран. 135.

проявлять свою власть желаннымъ для него образомъ, такъ что открыто кому-нибудь вредить не смѣлъ. По смерти же царя Георгія, „обратился сей кроткій агнецъ въ лютый волкъ совсѣмъ почти противъ многихъ, и въ особенности возсталъ противъ насъ (т. е. протоіерея Павла и священника Петра), по нынѣ немилосерднымъ нашимъ мучителемъ и обратилъ миръ церковный во вражду, благословеніе—въ ругательство и брань, утѣшеніе въ муку и даже въ лишеніе жизни, и, какъ волкъ, терзающій барана, безъ всякихъ причинъ и законовъ сдѣлался стѣснителемъ и безвинно лишителемъ жизни нашей". Особенно же тяжко пришлось отъ митрополита Арсенія престарѣлому отцу протоіерея Павла и священника Петра, которые въ своемъ прошеніи говорили, что отъ преосвященнаго Арсенія были причинены ему „многочисленныя язвы или побои", вспоминалось также и о томъ, какъ митрополитъ „арестовывалъ, подобно важнымъ преступникамъ, какъ плѣнныхъ, въ непристойныхъ мѣстахъ, и такъ же, какъ онъ приходилъ разъяренный, облаченный въ священныя ризы, въ домъ нашъ палкою бить и ругать насъ среди нашего семейства и многократно какъ разграблялъ и наказывалъ, — подобно описать невозможно, по безчисленности оныхъ претерпѣнныхъ нами бѣдъ, изъ коихъ важнѣйшія утверждены могутъ быть свидѣтельствомъ вѣрныхъ людей подъ присягою, на каковыя дѣла онъ не смѣлъ рѣшаться во время царя".

Таковы вообще отношенія митрополита Арсенія къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и подчиненнымъ.

Бросая бѣглый взглядъ на состояніе грузинской церкви, нашему взору рисуется вполнѣ опредѣленная картина, на мрачномъ фонѣ которой, съ поразительною ясностью, словно живые, выдѣляются образы, во-первыхъ, главы всего духовенства, его святѣйшества католикосо-патріарха Арсенія II, потомка славныхъ грузинскихъ царей, по всей справедливости особы рѣдкихъ свойствъ и правилъ, общественноуважаемой, ничего для себя лично не ищущей, но совершенно безвольной, властно, безъ всякаго контроля, о чемъ русская власть нисколько не позаботилась, распоряжающагося подъ вліяніемъ пылкихъ и „затѣйливыхъ" духовныхъ лицъ, его окружающихъ непроходимою стѣною, въ ущербъ всему духовному хозяйству доходами и имуществомъ церквей, монастырей, цѣлыхъ епархій и архимандритовъ, а также и прочихъ приходовъ искони православной Грузіи; подлѣ него ютятся всѣ его приспѣшники и приближенные, которые, пользуясь изливаемыми на нихъ милостями и благоволеніемъ католикоса, во главѣ съ его любимцемъ племянникомъ, ни сколько не стѣснялись посягать на не принадлежащее имъ церковное имущество и доходы; во-вторыхъ, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы,

подражая въ этомъ случаѣ своей главѣ, католикосу Антонію II, и совершенно не принимая во вниманіе ни соборныхъ опредѣленій, ни узаконеній русскаго правительства, не прибѣгая даже къ совѣтамъ своей собственной совѣсти, рѣшаются, вопреки заповѣди Спасителя: „даромъ получили, даромъ и давайте (Мѳ. X, 8)", — на рукоположеніе въ священный санъ за деньги, при чемъ не обращаютъ вниманія на то, правоспособенъ ли стоящій передъ ними кандидатъ священства отправлять пастырскія обязанности, ни на то, отвѣчаетъ ли онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ самой идеѣ высокаго священническаго служенія. Отъ всего этого далеки были ихъ мысли и не туда обращался ихъ взоръ, который искалъ только возможности увидѣть, сколь велика была ихъ сумма, принесенная желающимъ принять отъ нихъ священный санъ. И вотъ люди прямо отъ земледѣльческихъ орудій и отъ виноградниковъ, никогда не видавшіе (рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ) въ глаза книги, не умѣвшіе читать надлежащимъ образомъ, люди, бѣгущіе отъ труда, чтобы не платить возложенныхъ на нихъ податей, желающіе, очевидно, прожить какъ можно легче на бѣломъ свѣтѣ, спокойно идутъ къ своему епархіальному архіерею съ приличнымъ вознагражденіемъ въ рукахъ просить о рукоположеніи ихъ въ священный санъ, будучи хорошо убѣждены въ томъ, что отказа не послѣдуетъ, что ихъ желаніе будетъ вполнѣ удовлетворено. Приходятъ и получаютъ желаемое. Вдали же на черномъ фонѣ этой картины стоятъ церкви, изъ которыхъ однѣ представляютъ грустныя на видъ развалины, много пострадавшія отъ непріятельскаго огня и меча, другія же, разрушаемыя временемъ, безъ всякаго стѣсненія опустошаются жадными до наживы своими пастырями. Вокругъ церквей группируется многочисленное духовенство, жаждущее и алчущее средствъ къ своему пропитанію, едва могущее удовлетворить имѣющимися на лицо церковными доходами свои незатѣйливыя во всѣхъ отношеніяхъ потребности. А бѣдный, находящійся во тьмѣ, народъ ищетъ свѣта для своего религіозно-нравственнаго просвѣщенія, и ищетъ и не находитъ. Грустная, безрадостная картина! Во всемъ этомъ главная вина, конечно, ложится на условія самой жизни, такъ неблагопріятно сложившейся для грузинскаго народа, которому со всѣхъ сторонъ угрожали враги, внося въ его страну смерть и разрушеніе всему тому, что должно было служить къ его благу и благоденствію. Развѣ возможно было думать о внутреннихъ реформахъ, о всесословномъ образованіи, когда надъ головою висѣлъ своего рода Дамокловъ мечъ, готовый ежеминутно упасть въ лицѣ многочисленныхъ враговъ на головы тѣхъ, которые рѣшились бы хоть на минуту позабыть объ обезпеченіи себя отъ возможныхъ непріятельскихъ нападеній? Единственно только въ томъ и заключается опра-

вданіе всему тому, что происходило въ грузинской церковной жизни въ описываемый нами періодъ[1]).

II.

Мѣропріятія русской правительственной власти къ упорядоченію церковно-религіозной жизни Грузіи.—Вызовъ католикоса Антонія II въ С.-Петербургъ, пріѣздъ его туда, жизнь его во внутренней Россіи, смерть его и погребеніе.

Существующіе въ то время въ Грузіи порядки, обрисованные нами въ предшествующей главѣ, обратили на себя вниманіе новаго главнокомандующаго русскихъ войскъ Александра Петровича Тормасова, который, предварительно объяснившись лично съ грузинскимъ католикосомъ Антоніемъ II, обратился съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ[2]).

Предпославъ краткое замѣчаніе о томъ, что грузинское духовенство еще до сихъ поръ находится въ совершенно забытомъ положеніи, и упомянувъ о безпорядкахъ, найденныхъ имъ въ управленіи грузинскою церковью, генералъ Тормасовъ предложилъ высшей правительственной власти для устраненія послѣднихъ и улучшенія быта духовенства учредить въ Грузіи „Духовную Дикастерію" на такомъ же точно основаніи, на какомъ существовали въ то время подобныя же учрежденія и въ Россіи. Съ своей стороны, и католикосъ Антоній II еще ранѣе вошелъ къ Тормасову съ формальнымъ предложеніемъ объ этомъ же самомъ предметѣ. Во главѣ означеннаго учрежденія, по мысли и предложенію Тормасова, долженъ былъ стоять въ качествѣ президента католикосъ Антоній „во уваженіе царскаго рода и всеобщаго къ нему здѣсь почтенія". Кромѣ президента, въ составъ „Духовной Дикастеріи" должны были войти и слѣдующіе члены: вице-президентъ, три члена, избираемые самимъ духовенствомъ, одинъ секретарь, одинъ переводчикъ и потребное количество писцовъ. Вице-президентомъ предполагалось назначить архіепископа Варлаама (изъ князей Эристовыхъ), бывшаго членомъ Св. Сѵнода, хорошо знающаго весь порядокъ дѣлъ по управленію духовенствомъ и вполнѣ знакомаго съ Россіей. Это назначеніе признавалось „наиполезнѣйшимъ", такъ какъ архіепископъ Варлаамъ въ данномъ случаѣ являлся человѣкомъ вполнѣ способнымъ къ прохожденію этой долж-

---

[1]) Подробности см. въ нашихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата" за 1893 годъ.

[2]) Отношеніе генерала Тормасова, отъ 6-го іюня 1809 года, № 36, на имя оберъ-прокурора Св. Сѵнода, кн. А. Н. Голицына.

ности и могъ бы послѣ католикоса Антонія II, что̀ въ свое время и оправдалось, занять мѣсто президента „Духовной Дикастеріи“.

Впрочемъ, означеннаго персонала для удобнаго и продуктивнаго веденія дѣла въ этомъ учрежденіи не было достаточно, вслѣдствіе чего, въ число присутствующихъ въ немъ членовъ, генераломъ Тормасовымъ предложено Св. Сѵноду включить еще и директора тифлисскаго благороднаго училища [1]), о. протоіерея Петріева, какъ опытнаго и знающаго порядокъ теченія дѣлъ и какъ человѣка, при томъ, способнаго и пользующагося по своей дѣятельности среди мѣстнаго духовенства и свѣтскаго общества широкою извѣстностью. А такъ какъ протоіерей Петріевъ, кромѣ того, давно уже выразилъ желаніе принять монашество и имѣлъ на это еще съ 1803 года позволеніе отъ Св. Сѵнода, то, по мнѣнію католикоса Антонія, было бы весьма полезно опредѣлить его въ Сіонскую соборную церковь и поручить ему всю Тифлисскую епархію, предварительно возведя его въ санъ архимандрита. Опредѣленіе это мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что протоіерей Петріевъ, будучи членомъ „Духовной Дикастеріи“ и въ то же время завѣдующимъ епархіей, могъ гораздо успѣшнѣе дѣйствовать въ смыслѣ заведенія порядка между грузинскимъ духовенствомъ, подавая послѣднему достойный подражанія примѣръ собственнымъ своимъ управленіемъ какъ церквами, такъ и духовенствомъ поручаемой ему епархіи. Такимъ образомъ, протоіерей Петріевъ, предназначаемый къ управленію Тифлисской епархіей, долженъ былъ замѣнить собою епархіальнаго архіерея, въ которомъ уже, по мнѣнію католикоса Антонія, не имѣлось особой надобности, въ виду того, во-первыхъ, что первенствующій въ грузинской церкви католикосъ имѣлъ свое непремѣнное мѣстопребываніе въ Тифлисѣ, гдѣ несравненно большая часть церквей принадлежала его епархіи и всецѣло находилась подъ его непосредственнымъ управленіемъ, и во 2-хъ, находящіяся въ Тифлисской епархіи 9 церквей, изъ коихъ 2 въ самомъ городѣ, а 7 — въ уѣздѣ, были крайне бѣдны и не могли поэтому доставлять необходимыя средства по содержанію особаго епископа для означенной епархіи, особенно, если еще припомнимъ что при этихъ церквахъ находилось отъ трехъ и до четырехъ священниковъ, которые, въ свою очередь, тоже нуждались хоть въ сколько-нибудь сносномъ прокормленіи.

„Духовная Дикастерія“, такимъ образомъ, должна была состоять изъ: а) президента; б) трехъ членовъ отъ духовенства и, кромѣ того, в) сверхштатнаго члена—совѣтника и руководителя, какимъ въ дан-

---

[1]) Тифлисское благородное училище основано было въ 1803 году, преобразовано въ гимназію въ 1828 г. и въ настоящее время извѣстно подъ именемъ 1-й Тифлисской классической гимназіи.

номъ случаѣ являлся протоіерей Петріевъ; г) одного секретаря; д) одного переводчика, и е) потребнаго количества писцовъ. Представивъ на благоусмотрѣніе Св. Сѵнода свои соображенія о составѣ членовъ учреждаемой въ Грузіи „Духовной Дикастеріи“, генералъ Тормасовъ не забылъ упомянуть въ своемъ отношеніи сѵнодальному оберъ-прокурору о проектѣ устроить въ Тифлисѣ особое для „Дикастеріи“ зданіе, а также и о средствахъ на содержаніе какъ присутствующихъ въ ней членовъ, такъ равно и канцелярскихъ служителей. и на другія могущія быть надобности и непредвидѣнные расходы. Съ этою цѣлью онъ просилъ всемилостивѣйше назначить въ качествѣ единовременнаго пособія 5.000 рублей серебромъ, въ виду неприведеннаго еще въ извѣстность количества церковныхъ доходовъ. „По учрежденіи же, — пишетъ Тормасовъ, — и приведеніи въ порядокъ Дикастеріи потребная на содержаніе оной сумма можетъ быть получаема ежегодно изъ церковныхъ доходовъ“.

Одновременно съ вопросомъ объ учрежденіи „Духовной Дикастеріи“ поднято было дѣло и объ основаніи въ Грузіи духовной семинаріи, потребность въ которой въ то время весьма сильно ощущалась, такъ какъ необходимо же было поднять уровень образованія въ средѣ тогдашняго православнаго духовенства и приготовить изъ лицъ, посвящающихъ себя высокому пастырскому служенію, вполнѣ пригодныхъ и полезныхъ наставниковъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго на почвѣ христіанственности развитія грузинскаго народа. Но, къ сожалѣнію, писалъ Тормасовъ, „по неизвѣстности еще церковныхъ доходовъ невозможно теперь, за поддержаніемъ церквей и за содержаніемъ духовенства, отдѣлить потребную на сіе сумму, то, по мнѣнію моему, заведеніе сіе и нужно отложить до времени, пока церковные доходы и число духовенства будутъ приведены въ извѣстность“. Основаніе духовной семинаріи за недостаткомъ денежныхъ средствъ отлагалось, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, такъ какъ считалось болѣе важнымъ и крайне необходимымъ открытіе въ Грузіи особаго духовнаго правленія.

Отправивъ въ Петербургъ свое отношеніе къ князю Голицыну, оберъ-прокурору Св. Сѵнода, объ учрежденіи въ Тифлисѣ „Духовной Дикастеріи“ и семинаріи, генералъ Тормасовъ не ограничился этимъ, но предложилъ въ особомъ письмѣ католикосу Антонію II, датированномъ 15 іюня 1809 г. № 212, заняться, въ виду облегченія предстоящей работы членамъ Духовной Дикастеріи, приведеніемъ въ надлежащую ясность какъ числа духовенства, несоразмѣрность котораго съ количествомъ существующихъ на лицо церквей уже слишкомъ бросалась въ глаза, такъ равно и числа церквей, озаботиться благоустройствомъ послѣднихъ, а также,—въ чемъ была крайняя необхо-

димость,—привести въ извѣстность и церковные доходы. Для этого рекомендовалось католикосу Антонію II избрать, по его собственному желанію, опытныхъ и извѣстныхъ по своей дѣятельности духовныхъ особъ, составить коммиссію, которой и поручить „неукоснительно заняться описаніемъ по всей Грузіи числа церквей и состоящаго при оныхъ духовенства". А чтобы прекратить такъ долго существовавшее злоупотребленіе епархіальныхъ архіереевъ постригать всякаго желающаго во священника, католикосу Антонію II предлагалось „строго подтвердить во всѣ епархіи всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы въ силу высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, въ 7-й день іюля 1804 года состоявшагося, отнюдь никто не былъ посвящаемъ безъ самой крайней необходимости въ духовное званіе до полученія высочайшаго рѣшенія объ учрежденіи Дикастеріи и то съ вѣдома правительства, дабы, при излишнемъ и теперь числѣ духовенства, послѣ, когда установлено будетъ духовное правленіе, а вмѣстѣ съ онымъ и надлежащій порядокъ, чрезъ новое нынѣ умноженіе духовенства не поставить сіе правленіе въ совершенную невозможность опредѣлить къ мѣстамъ существующихъ теперь духовныхъ особъ и подвергнуть истощенію церковные доходы, если при каждой церкви будутъ излишніе духовные чиновники, коихъ содержаніе могло бы обращаться въ пользу церквей". Но если бы, сверхъ ожиданія, епархіальные архіереи игнорировали по-прежнему означенное высочайшее повелѣніе и кого-либо безъ всякой къ тому надобности и разрѣшенія рукоположили бы во священника до учрежденія въ Грузіи Духовной Дикастеріи, то этимъ священникамъ, возведеннымъ въ санъ вопреки распоряженію подлежащей власти, грозила непріятность быть непризнанными въ духовномъ званіи, и о нихъ, кромѣ того, со стороны генерала Тормасова могло воспослѣдовать особенное представленіе въ Св. Сѵнодъ объ обращеніи ихъ въ первобытное состояніе, какъ лицъ, безъ всякаго на то разрѣшенія и противозаконно рукоположенныхъ.

Прошло уже почти пять мѣсяцевъ со дня отсылки генераломъ Тормасовымъ въ Петербургъ своего отношенія объ учрежденіи въ Грузіи особаго духовнаго правленія и семинаріи, но что было сдѣлано за этотъ періодъ времени католикосомъ Антоніемъ II по вопросу о приведеніи въ извѣстность числа церквей, духовенства и церковныхъ доходовъ, по документальнымъ даннымъ ничего не извѣстно. Вѣроятнѣе всего, что католикосъ Антоній II оставилъ пока означенный вопросъ безъ разрѣшенія. Это—съ одной стороны. Съ другой,—судя по отзыву генерала Тормасова, онъ даже не былъ вполнѣ правоспособенъ выполнить, что̀ и оказалось впослѣдствіи, возложенную на него задачу, „какъ по причинѣ слабости своего здоровья, такъ еще болѣе по привычкѣ распоряжаться всѣмъ самопроизвольно, не давая

рѣшительно никому отчета, къ чему давало ему право, по здѣшнимъ обычаямъ, происхожденіе его изъ царской фамиліи".

Но вотъ, наконецъ, изъ Петербурга получается въ Тифлисѣ письмо князя Голицына, адресованное на имя генерала Тормасова, отъ 2 ноября 1809 года за № 957, въ которомъ, согласно высочайшей волѣ императора Александра I, предлагалось, „чтобы католикосъ Антоній, какъ первенствующій митрополитъ въ Грузіи, пріѣхалъ въ Петербургъ для положенія прочныхъ основаній въ дѣлѣ, относящемся до тамошняго духовенства, ибо по оному нужно будетъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, а въ другихъ мѣстахъ поясненія, что черезъ переписку было бы затруднительно и даже продолжительно". Въ виду этого, генералъ Тормасовъ поспѣшилъ немедленно дать генералъ-маіору Ахвердову предписаніе, чтобы тотъ увѣдомилъ объ этой высочайшей волѣ католикоса Антонія. Послѣдній, получивъ отъ Ахвердова 13 декабря 1809 года письмо, вмѣстѣ съ копіей отношенія князя Голицына къ генералу Тормасову, соизволилъ 2 января 1810 года увѣдомить главнокомандующаго въ Грузіи: „таковая всемилостивѣйшая воля, клонящаяся къ благосостоянію всего здѣшняго духовенства, а при томъ и восхитительная мысль узрѣть священное лице государя императора, возводящаго отечество мое на верхъ счастья, приводятъ меня въ восторгъ вожделѣнной радости". Но столь возвышенныя чувства, овладѣвшія душою католикоса Антонія II, не помѣшали ему, однако, представить въ этомъ же своемъ увѣдомленіи цѣлую серію причинъ, якобы мѣшающихъ ему отправиться въ С.-Петербургъ. „Но сколь я несчастливъ",—говоритъ онъ,—„что не имѣю силъ послѣдовать движеніямъ сердца моего, ибо въ прошломъ году, будучи одержимъ болѣзнью не малое время, приведенъ былъ въ крайнюю слабость, отъ которой и доселѣ здоровье мое весьма разстроено. Какъ сіе, такъ и сложеніе корпуса моего, весьма часто различнымъ припадкамъ склоннаго, лишаютъ меня надежды перенесть толико дальній и немало затруднительный путь безъ подверженія даже самой опасной болѣзни или, по крайней мѣрѣ, безъ чувственнаго здоровью моему вреда".

Думается, что не эти выставленныя причины мѣшали католикосу Антонію II выѣхать въ С.-Петербургъ. Быть можетъ, до него какими-либо путями дошли свѣдѣнія о томъ, что въ Петербургѣ уже извѣстно о его дѣятельности въ Грузіи, за которую ему по всей справедливости пришлось бы отдавать полный отчетъ и испытать не малую долю непріятностей и щекотливыхъ для его самолюбія объясненій. Вотъ почему католикосъ Антоній II и предлагалъ, вмѣсто себя, отправить въ С.-Петербургъ члена Св. Сѵнода, архіепископа Варлаама и перваго въ Грузіи архимандрита Доситеоса, „какъ отличнѣйшихъ

по всему между здѣшнимъ духовенствомъ", которые, руководствуясь даннымъ имъ отъ католикоса наставленіемъ, а при томъ и имѣя достаточныя свѣдѣнія о всемъ, относящемся до грузинскаго духовенства, могли бы представить всѣ необходимыя соображенія по упорядоченію самаго дѣла управленія мѣстною церковью. Этотъ отказъ католикоса Антонія II ѣхать въ С.-Петербургъ былъ доведенъ до свѣдѣнія генерала Тормасова, который 12 января 1810 года и сообщилъ обо всемъ вышеизложенномъ въ С.-Петербургъ. До полученія же оттуда рѣшенія по возбужденному вопросу католикосу Антонію II мѣстною властью было предложено снабдить архіепископа Варлаама полными и точными свѣдѣніями о всемъ, что касалось до грузинскаго духовенства, къ исполненію чего его святѣйшество имѣлъ теперь очень удобное время, такъ какъ всѣ епархіальные митрополиты и архіереи находились въ Тифлисѣ. Собравъ отъ нихъ по интересующему Св. Сѵнодъ и русское правительство вопросу необходимыя свѣдѣнія, католикосъ Антоній долженъ былъ приготовить, кромѣ того, подробное наставленіе или инструкцію для архіепископа Варлаама. Необходимость эта вытекала изъ простаго желанія не возбуждать впослѣдствіи по каждому отдѣльному вопросу продолжительной переписки. Спустя нѣсколько недѣль, а именно, 25 февраля 1810 года, изъ Петербурга увѣдомили, что государь приказалъ предложить католикосу Антонію прибыть въ столицу, когда здоровье его поправится, а до того времени самое разсмотрѣніе обстоятельствъ, относящихся до устройства церковныхъ дѣлъ въ Грузіи, отложить до времени пріѣзда его святѣйшества въ С.-Петербургъ. Очевидно, что русское правительство рѣшило устранить подъ благовиднымъ предлогомъ верховнаго предстоятеля грузинской церкви отъ управленія ею. Но, вмѣстѣ съ этимъ, и самое рѣшеніе по вопросу объ учрежденіи въ Грузіи Духовной Дикастеріи откладывалось, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, такъ какъ оно всецѣло было связано съ личнымъ прибытіемъ въ С.-Петербургъ католикоса Антонія II, отъ котораго тамъ ожидался подробный и обстоятельный докладъ по дѣлу о состояніи грузинскаго духовенства и объ учрежденіи для упорядоченія церковной жизни особаго духовнаго правленія, а также и по поводу могущихъ въ недалекомъ будущемъ произойти реформъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы существенно измѣнить даже самый бытъ грузинскаго духовенства того времени.

Наконецъ, какъ показываетъ отношеніе генерала Тормасова къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода кн. Голицыну, отъ 29 іюля 1810 года за № 94, у католикоса Антонія явилась рѣшимость отправиться въ С.-Петербургъ, на что, по его просьбѣ, ему отпустили изъ казны 5.000 рублей на путевыя издержки, но, получивъ деньги эти, онъ

отложилъ по неизвѣстной причинѣ свой отъѣздъ до августа мѣсяца 1810 года. Между тѣмъ, пока католикосъ Антоній II собирался въ дорогу, архимандритъ Доситеосъ (Досиѳей), назначенный къ выѣзду въ С.-Петербургъ въ числѣ свиты его святѣйшества, употреблялъ оставшееся до отъѣзда время съ великою для себя пользою. Неизвѣстно доподлинно, дѣйствовалъ ли онъ по собственной инициативѣ, или же по порученію его святѣйшества, но дѣло въ томъ, что все это время онъ разъѣзжалъ по деревнямъ и собиралъ съ крестьянъ довольно значительныя суммы денегъ, отъ 50 рублей до 400 и болѣе съ каждаго дыма (т. е. двора), увѣряя крестьянъ, что если они пособятъ католикосу на дорогу, то послѣдній, по прибытіи въ С.-Петербургъ, исходатайствуетъ у государя такую имъ вольность, что они никогда уже не будутъ платить въ казну никакихъ больше повинностей. Простодушные люди, разумѣется, отъ всего сердца вѣрили этимъ никогда не могущимъ сбыться обѣщаніямъ о. архимандрита и отдавали ему заработанныя тяжелымъ трудомъ и, быть можетъ, даже послѣднія свои деньги. Съ крестьянъ же селенія Капареули, Телавскаго уѣзда, принадлежащаго князю Чавчавадзе, архимандритъ Доситеосъ рѣшился даже принужденно требовать 300 рублей серебромъ, когда они, по всей вѣроятности, не поддались на его обѣщанія, способныя вскружить голову развѣ только однимъ легковѣрнымъ людямъ.

Въ это же время, когда происходили сборы католикоса Антонія II къ отъѣзду его въ Петербургъ, главнымъ начальникомъ края получены были очень важныя извѣстія о томъ, „что вѣтренный мальчикъ царевичъ Леванъ изъ Осетіи послалъ возмутительныхъ людей къ Арагвскимъ осетинамъ, чтобы ихъ возбудить къ мятежу и къ отнятію католикоса Антонія въ проѣздъ его въ Россію". Обстоятельство это зародило въ душѣ генерала сильныя подозрѣнія въ благонадежности и вѣрности католикоса русскому правительству, почему и поручено было 20 августа 1810 года генералу Ахвердову разслѣдовать все это дѣло и „примѣчать неослабно за окружающими его святѣйшество, не теряя также изъ виду и его самого".

Чтобы какъ можно дальше протянуть время, столь необходимое для болѣе обстоятельнаго изслѣдованія замысловъ, какъ самого католикоса Антонія, такъ и грузинскихъ князей, генералъ Тормасовъ „счелъ полезнѣйшимъ" нѣсколько повременить отъѣздомъ его святѣйшества въ С.-Петербургъ, „во избѣжаніе, кромѣ того, всѣхъ хлопотъ и необходимости давать ему сильный конвой для препровожденія". Но нѣтъ худа безъ добра, и эта истина получила въ данномъ случаѣ полное свое примѣненіе на дѣлѣ. Мы разумѣемъ здѣсь весьма тактичный, заслуживающій особеннаго вниманія и особенной похвалы, пріемъ генерала Тормасова, который въ достаточной степени, не-

*

въ какомъ видѣ и на какомъ основаніи устроить управленіе грузинскимъ духовенствомъ и при томъ такъ, чтобы оно было въ зависимости отъ Св. Сѵнода, съ обозначеніемъ фамилій лицъ, изъ коихъ возможно было бы образовать самый составъ проектируемаго духовнаго правленія.

Между тѣмъ розыски по дѣлу о замыслахъ католикоса Антонія II и окружающихъ его лицъ были приведены къ благополучному концу, результатомъ чего и явилась возможность не задерживать болѣе отъѣзда его святѣйшества въ С.-Петербургъ, куда онъ и выѣхалъ изъ Тифлиса 3-го ноября 1810 года, простившись предварительно въ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ со всѣми епархіальными архіереями. По прибытіи въ Мцхетъ, католикосъ Антоній II прожилъ здѣсь до 9 ноября, а затѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь, сопровождаемый до Коби 16-ю казаками Данилова полка во главѣ съ офицеромъ, а изъ Коби до Владикавказа—расположенными въ Хевскомъ и Тагаурскомъ ущельяхъ ротами пѣхотныхъ солдатъ, такъ какъ дорога эта была небезопасна для путешественниковъ со стороны немирныхъ горцевъ [1]). Католикосъ Антоній прибылъ въ С.-Петербургъ въ началѣ 1811 года.

Императоръ Александръ I отнесся къ нему чрезвычайно милостиво: назначилъ его членомъ Св. Сѵнода, подарилъ ему богатую мантію зеленаго бархата съ крижалями, украсилъ его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго и, кромѣ гонорара па этотъ орденъ, пожаловалъ ему ежегодную пенсію въ 54.000 рублей ассигнаціями, что по тогдашнему курсу составляло значительную сумму. Но, вѣроятно, дороговизна жизни въ С.-Петербургѣ, требовавшая тамъ на содержаніе большой свиты весьма значительныхъ издержекъ и вовлекшая католикоса въ неизбѣжные долги, а можетъ быть, и другія какія-либо причины заставили его изъ сѣверной столицы удалиться во внутреннюю Россію: онъ отправился на покой, былъ уволенъ 11 іюня 1811 года, и потомъ жилъ въ Москвѣ, съ 1812 года—въ Тамбовѣ, съ 1819 года опять въ Петербургѣ и, наконецъ, въ Нижнемъ Новгородѣ [2]).

Изъ всѣхъ великороссійскихъ губерній католикосъ Антоній II предпочелъ избрать окончательнымъ своимъ мѣстопребываніемъ Нижегородскую, быть можетъ, потому, что здѣсь жили его соотечественники: потомокъ карталинскихъ царей князь Георгій Александровичъ Грузинскій, вдова князя Леона Грузинскаго, Параскева Евграфовна,

---

[1]) См. мою статью—„Нѣсколько страницъ изъ исторіи Грузинской церкви“ въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата“ за 1893 годъ.

[2]) Исторія христіанской церкви въ XIX в., изд. Лопухина. Спб., 1901 г., т. II, стран. 572.

урожденная Татищева, съ своимъ семействомъ, которую называли еще княгинею Катунской, по помѣстью ея, селу Катункамъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ и свойственникъ его по матери князь Николай Александровичъ Дадіанъ. А такъ какъ многіе изъ нихъ были постоянными прихожанами Покровской церкви, то подъ сѣнію этого же храма и царственный святитель пріютился въ качествѣ прихожанина со своимъ штатомъ, состоящимъ изъ однихъ грузинъ, монашествующихъ и мірянъ, а изъ принадлежащихъ лично ему, выѣхавшихъ съ нимъ изъ Грузіи, дворовыхъ людей, изъ которыхъ иные были съ семействами. Изъ близкихъ родственниковъ находился при немъ родной его племянникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Евстафій Давидовичъ Циціановъ, выѣхавшій съ нимъ изъ Грузіи въ Россію, жившій при немъ 17 лѣтъ неотлучно и управлявшій всѣми его домашними дѣлами. При князѣ Циціановѣ также находилось нѣсколько семействъ крѣпостныхъ людей, взятыхъ имъ изъ Грузіи. По пріѣздѣ своемъ въ Нижегородскую губернію, католикосъ нѣкоторое время гостилъ въ селѣ Лысковѣ у камергера, князя Г. А. Грузинскаго, бывшаго болѣе 20 лѣтъ сряду нижегородскимъ предводителемъ дворянства, имѣвшаго большое состояніе и жившаго, по примѣру истыхъ вельможъ прежнихъ временъ, открыто, гостепріимно, по-княжески. Изъ Лыскова католикосъ Антоній II переѣхалъ въ 1824 году весной на житье въ Нижній Новгородъ и сначала занималъ домъ, принадлежащій тогда Рюмину, почти напротивъ Покровской церкви, которая постоянно была молельнымъ храмомъ его святѣйшества; въ ней Харлампіевскій придѣлъ отведенъ былъ грузинамъ для отправленія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ богослуженія на ихъ отечественномъ діалектѣ. При этихъ богослуженіяхъ почти всегда присутствовалъ католикосъ, какъ богомолецъ, сидя бо́льшею частію, по слабости ногъ, посреди церкви подъ аркой, на высокихъ креслахъ, покрытыхъ бѣлымъ чахломъ. Памятникомъ его пребыванія въ Покровскомъ приходѣ служитъ принесенная имъ въ даръ церкви небольшая икона Св. Троицы, о которой самъ его святѣйшество свидѣтельствовалъ, что она старинная и чудотворная. Кромѣ того, въ метрической церкви записано, что 9-го октября 1824 года былъ онъ воспріемникомъ съ княжною Дарьею Леоновной Грузинской у гвардіи поручика Александра Александровича и супруги его Ольги Леоновны Турчаниновыхъ, дочери Варвары. Самъ Антоній II, хотя и служилъ въ каѳедральномъ соборѣ и въ новомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, но весьма рѣдко. Монахини шестидесятыхъ годовъ помнили и разсказывали, какъ парадно пріѣзжалъ, бывало, къ нимъ блаженнѣйшій католикосъ въ своей золотой каретѣ, и какъ онъ совершалъ у нихъ литургію на грузинскомъ языкѣ, котораго всѣ онѣ не пони-

мали, между тѣмъ, какъ служащіе съ нимъ и пѣвчіе отправляли службу по-славянски. Разсказывали также, что онъ одинъ разъ послѣ литургіи кушалъ въ монастырской трапезѣ, сидя на возвышеніи вмѣстѣ съ игуменіей Дороѳеей Михайловой, въ виду всѣхъ сестеръ обители, помѣщавшихся за длинными столами, у окошекъ.

Когда нижегородскій преосвященный Моѵсей, въ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы 1824 года, ѣхавшій служить въ Дѣвичій монастырь литургію, былъ на дорогѣ, въ каретѣ, пораженъ апоплексическимъ ударомъ, то, во время его болѣзни, католикосъ освящалъ антиминсы, посвящалъ всѣхъ ставленниковъ и отпѣвалъ преосвященнаго Моѵсея, скончавшагося 10-го января 1825 года. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1825 года, по случаю кончины императора Александра I, католикосъ Антоній II, въ небытность епархіальнаго архіерея, два раза приводилъ нижегородскихъ гражданъ къ присягѣ: въ первый разъ ночью — императору Константину I, въ другой разъ послѣ вечерни—императору Николаю I.

На эктеніяхъ величали его „блаженнѣйшимъ" католикосомъ карталинскимъ и кахетинскимъ, а въ разговорѣ и на письмѣ именовали „святѣйшествомъ". Въ свободное время Антоній II любилъ заниматься отечественной литературой, владѣя драгоцѣнной коллекціей грузинскихъ книгъ, преемственно доставшихся ему отъ предмѣстника его, покойнаго католикоса Антонія I, который самъ написалъ нѣсколько полезнѣйшихъ сочиненій по учебной части и во всю жизнь свою не щадилъ ничего на пріумноженіе своей грузинской библіотеки. Многіе нижегородцы того времени долго помнили своего знаменитаго гостя и разсказывали, что блаженнѣйшій католикосъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, отличался сановитою наружностью, имѣлъ высокій ростъ, лицо полное, свѣжее, восточнаго типа, красоты замѣчательной, съ большою окладистою бородою; глубокіе черные глаза его осѣнялись густыми бровями, голова его украшалась бѣлымъ клобукомъ съ брилліантовымъ крестомъ и съ жемчужными херувимами на плечахъ, на груди у него блистали двѣ драгоцѣнныя панагіи и наперстный крестъ съ двумя крупными брилліантами; золотая цѣпь и звѣзда ордена св. Андрея Первозваннаго, Александровская звѣзда и, среди всѣхъ этихъ первоклассныхъ и цѣнныхъ украшеній, простой бронзовый крессъ въ память отечественной войны 1812 года на Владимірской лентѣ. Всѣ эти знаки отличія придавали ему величественный видъ. Обращеніе его со всѣми было чрезвычайно вѣжливое и благосклонное; манеры его соотвѣтствовали высокому сану и происхожденію; затрудняясь въ произношеніи русскихъ словъ, разговаривалъ онъ большею частію черезъ переводчика, любилъ бесѣды образованныхъ лицъ, принималъ охотно посѣщенія и часто самъ бывалъ

въ обществѣ. Свои парадные выѣзды католикосъ Антоній II совершалъ въ подаренной ему императоромъ Александромъ I золотой каретѣ, принадлежавшей ранѣе императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. У этой шестистекольной, французскаго издѣлія, кареты, кузовъ былъ расписанъ лиліями и гирляндами; запрягалась она обыкновенно цугомъ, въ шесть лошадей, съ шарами и страусовыми перьями на головахъ. Въ незатѣйливомъ губернскомъ городѣ все это было такъ диковинно, такъ необыкновенно, что народъ не могъ довольно наглядѣться на грузинскаго іерарха и вездѣ сопровождалъ его толпами. Угасая на холодномъ сѣверѣ, вдали отъ родной своей Грузіи, католикосъ Антоній II болѣе всего скорбѣлъ душою о томъ, что не имѣетъ чѣмъ обезпечить жизнь своихъ близкихъ. Хотя и получалъ онъ отъ казны ежегодный гонораръ въ 54.000 руб. ассигнаціями, но, при высокомъ смиреніи своемъ, не скопилъ для себя ничего, потому что всегда и вездѣ содержалъ въ довольствѣ свой штатъ, много раздавалъ бѣднымъ, помогалъ своимъ соотечественникамъ; самъ же, въ полномъ смыслѣ слова, богатъ былъ одною нищетою, такъ что и похоронить его было нечѣмъ.

Католикосъ Антоній II скончался послѣ непродолжительной болѣзни, 66 лѣтъ отъ роду, 21-го декабря 1827 года, въ 10 часовъ утра, о чемъ въ то же время генералъ-губернаторъ Бахметевъ извѣстилъ шефа жандармовъ Бенкендорфа, оберъ-прокурора Св. Сѵнода князя П. С. Мещерскаго и министра внутреннихъ дѣлъ.

Такъ какъ послѣ смерти католикоса осталось въ наличности денегъ только 400 рублей ассигнаціями, то князь Г. А. Грузинскій, для отданія ему послѣдняго долга, принужденъ былъ занять 6.000 рублей, о чемъ тогда же извѣстилъ мѣстное начальство и принялъ на себя всѣ похоронныя хлопоты и распоряженія. Съ подобающими высокому сану и достоинству покойнаго іерарха-царевича почестями тѣло его было вынесено 24-го декабря изъ дома г. Ефимьевскаго въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ устроенъ былъ великолѣпный катафалкъ подъ короной, и вся внутренность церкви была одѣта глубокимъ трауромъ съ гербами и цвѣтами Грузіи. Со дня кончины до самыхъ похоронъ все духовенство Нижняго Новгорода, по очереди, дежурило день и ночь при тѣлѣ почившаго католикоса: священники читали въ головахъ усопшаго евангеліе, діаконы держали надъ нимъ золотые его дикиріи, а причетники осѣняли золотыми же рипидами. 31-го декабря совершено было съ печально-торжественною церемоніею погребеніе сего потомка царей грузинскихъ преосвященными епископами—нижегородскимъ Аѳанасіемъ и пензенскимъ Иринеемъ. Передъ выносомъ гроба изъ Благовѣщенскаго собора протоіерей Лебедевъ произнесъ надъ нимъ прощальную рѣчь. Въ процессіи несли знаки отличія

покойнаго и слѣдовали—генералъ-губернаторъ Бахметевъ, губернаторъ Храповицкій, губернскій предводитель дворянства кн. Грузинскій и всѣ городскія власти въ полной парадной формѣ; войска, стоявшія въ строю на Верхне-базарной площади, отдавали знаменитому усопшему царскую почесть. Прахъ католикоса Антонія II покоился въ Скорбященскомъ соборѣ около 14-ти лѣтъ, а 9-го сентября 1841 года, по разобраніи этого собора, перенесенъ былъ подъ своды новаго Преображенскаго каѳедральнаго собора, гдѣ и положенъ въ усыпальницѣ въ нынѣшнемъ алтарѣ Дмитріевскаго придѣла, по правую сторону [1]).

III.

Вступленіе архіепископа Варлаама во временное управленіе грузинскимъ духовенствомъ.— Труды архіепископа Варлаама по приведенію въ извѣстность числа духовенства, церквей, монастырей, церковныхъ имѣній и доходовъ.— Учрежденіе Духовной Дикастеріи.—Новый проектъ митрополита Варлаама и архіепископа Досиѳея по управленію грузинскимъ духовенствомъ.—Учрежденіе и открытіе Грузино-Имеретинской Св. Сѵнода конторы и Осетинской духовной коммиссіи.—Неудовлетворительная дѣятельность послѣдней.—Увольненіе отъ службы 1-го экзарха Грузіи и Имеретіи, митрополита Варлаама и архіепископа грузино-кавказскаго Досиѳея.

За отъѣздомъ его святѣйшества католикосо-патріарха Антонія II въ Россію, во временное управленіе грузинскимъ духовенствомъ вступилъ архіепископъ Варлаамъ Эристовъ, которому и предстояло, съ одной стороны, выработать проектъ учрежденія въ Грузіи Духовной Дикастеріи, а съ другой—представить высшей власти обстоятельный докладъ о томъ, въ какомъ видѣ находится ввѣренное ему духовенство, какія предполагаются имъ мѣры къ приведенію послѣдняго въ должный порядокъ и къ учрежденію здѣсь Духовной Дикастеріи, имѣетъ ли онъ въ своемъ распоряженіи по этому предмету какое-либо для своего руководства наставленіе изъ Св. Сѵнода, а также и о томъ, какія именно лица должны войти въ составъ проектируемаго учрежденія. Возложенная на архіепископа Варлаама задача была не изъ легкихъ, такъ какъ дѣла по управленію грузинскимъ духовенствомъ за все время предстоятельства католикоса Антонія II были слишкомъ запутаны и находились въ хаотическомъ состояніи, особенно по вопросу о числѣ доходовъ, приносимыхъ

---

[1]) Журналъ „Странникъ“ за 1865 г., августъ, стран. 95—102.

церквами и монастырями. Въ этой области царилъ полный произволъ: епархіальные архіереи, въ распоряженіи которыхъ состояли эти доходы, рѣшительно никому никакого отчета по этому дѣлу не давали, да и сами къ тому же не имѣли точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о количествѣ получаемыхъ ими съ указанныхъ источниковъ денежныхъ суммъ, каковыми совершенно безконтрольно пользовались не только они сами, но свою долю участія въ нихъ имѣли также и принадлежащіе къ церквамъ дворяне. Какъ тѣ, такъ и другіе прикрывались въ данномъ случаѣ соизволеніемъ бывшаго католикосо-патріарха Антонія II, по которому епархіальные архіереи и церковные дворяне имѣли право на обоюдное пользованіе церковными доходами и имуществомъ. Но что всего удивительнѣе, такъ это—отсутствіе положительныхъ свѣдѣній о числѣ церквей и самаго духовенства, а также и о количествѣ движимаго и недвижимаго имущества, принадлежащаго церквамъ. Все это было покрыто мракомъ неизвѣстности и крайней неопредѣленности. Архіепископъ Варлаамъ не замедлилъ, съ своей стороны, въ скоромъ времени выполнить съ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ успѣхомъ возложенное на него порученіе и тѣмъ далъ возможность начальнику края, генералу Тормасову, черезъ посредство оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода князя Голицына, представить обстоятельный докладъ, отъ 18-го февраля 1811 года, Св. Сѵноду по вопросу объ упорядоченіи всего церковнаго строя въ тогдашней Грузіи. 21-го іюня 1811 года на высочайшее благоусмотрѣніе императора Александра I было представлено опредѣленіе самого Св. Сѵнода. Въ немъ сообщалось, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ съ Кавказа, въ Грузіи состояло въ то время: епархій — 13, въ нихъ архіереевъ — 7, церквей — 799, священниковъ — 746, діаконовъ — 146, церковниковъ — 661, архимандрій — 9, архимандритовъ—6, монашествующихъ 75 и при нихъ крестьянскихъ дворовъ 2.213; въ 9 архимандріяхъ—637 дворовъ, да у церковныхъ дворянъ—470 семействъ. Весь доходъ съ церквей, монастырей и принадлежащихъ послѣднимъ имѣній, по сообщенію архіепископа Варлаама, въ епархіяхъ исчислялся въ 26.360 р., а въ архимандріяхъ—въ 13.224 рубля. А потому — говорилось въ сѵнодальномъ докладѣ — правительство и управляющій духовенствомъ (въ виду гадательности этихъ цифръ, итогъ которымъ былъ подведенъ только лишь приблизительно) приложатъ все свое стараніе въ дѣлѣ изысканія болѣе лучшихъ путей и средствъ къ увеличенію самой суммы получаемыхъ церковныхъ доходовъ, остатокъ которой, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей церковной жизни, возможно впослѣдствіи употребить на богоугодныя заведенія, содержимыя казною. Изъ существовавшихъ же тогда 13 епархій, по мнѣнію архіепископа

Варлаама, предполагалось составить только двѣ—Мцхетско-Карталинскую и Алавердско-Кахетинскую. Архіерею первой епархіи, какъ начальнику надъ грузинскимъ духовенствомъ, предоставить право называться митрополитомъ мцхетскимъ и карталинскимъ и экзархомъ сѵнодскимъ надъ Грузіею, и быть ему подъ вѣдомствомъ Св. Сѵнода, въ который онъ обязывался въ случаѣ особенно важныхъ дѣлъ входить рапортами. Изъ 9 архимандрій предпологалось образовать только пять.

Что же касается Духовной Дикастеріи, то послѣдняя проектировалась по образцу существовавшихъ тогда въ Россіи подобнаго рода духовныхъ учрежденій, при чемъ предсѣдателемъ ея обязывался быть управляющій грузинскимъ духовенствомъ, а членами —архіереи, архимандриты и протоіереи. По смыслу выработанныхъ правилъ, Дикастерія должна была обо всемъ, что касалось грузинскаго духовенства, получать представленія и необходимыя свѣдѣнія отъ епархій и архимандрій.

Первоначальною же обязанностью означенному учрежденію имѣлось въ виду поставить: а) опредѣлить подлинное (а не гадательное только) число существовавшихъ тогда церквей, а также и духовенства, изъ которыхъ лишнія упразднить, а оставленному за штатомъ вслѣдствіе этого духовенству опредѣлить соотвѣтственное званію содержаніе изъ церковныхъ доходовъ; б) привести въ совершенный порядокъ доходы съ церковныхъ крестьянъ, для чего Дикастерія обязана разсмотрѣть и повѣрить всѣ счеты о приходахъ и расходахъ, а также и распоряжаться своими доходами, предназначенными на содержаніе учебныхъ и прочихъ богоугодныхъ заведеній. Общая же сумма всѣхъ расходовъ по грузинскому экзархату не должна была превышать 39.548 рублей въ годъ, изъ коихъ экзарху Грузіи предполагалось назначить на ежегодное содержаніе 5.000 рублей; в) такъ какъ сборъ церковныхъ доходовъ натурою представлялся крайне затруднительнымъ, то архіереямъ и архимандритамъ предложить, чтобы означенный сборъ былъ обращенъ въ денежный для доставленія его въ Дикастерію, которая, въ свою очередь, полученную сумму распредѣляетъ по статьямъ расхода на содержаніе учебныхъ и прочихъ заведеній въ экзархатѣ. А тѣ доходы, которые назначены въ жалованье архіереямъ и архимандритамъ, предоставить имъ получать съ крестьянъ натурою, при чемъ Дикастерія, съ своей стороны, назначаетъ каждому изъ нихъ опредѣленную деревню и опредѣленное число крестьянскихъ дворовъ, съ которыхъ они получали бы, съ вѣдома Дикастеріи, опредѣленное содержаніе; г) въ виду той общей пользы, какую приноситъ образованное ученіемъ и воспитаніемъ духовенство, но особенно можетъ быть употребляемо для проповѣданія слова

Божія сосѣднимъ съ Грузіею горскимъ идолопоклонническимъ племенамъ. Для осуществленія этой цѣли, за неимѣніемъ въ Грузіи духовныхъ училищъ, признается необходимымъ основать гимназію для дѣтей священниковъ и діаконовъ. Число учениковъ на первое время могло бы состоять изъ 60 человѣкъ. Окончившихъ курсъ ученія въ этой гимназіи имѣлось въ виду опредѣлять на епархіальную службу. Въ уѣздныхъ же училищахъ могутъ обучаться дѣти не только духовенства, но и бѣдныхъ дворянъ и гражданъ, гдѣ будутъ преподаваемы русскій и грузинскій языки и первыя правила ариѳметики.

Что же касается дворянъ, принадлежащихъ епархіямъ и монастырямъ, которые, въ качествѣ управителей церковными имѣніями, пользовались вполнѣ безконтрольно доходами съ нихъ, получивъ это право отъ епархіальныхъ архіереевъ, несмотря на то, что эти послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могли, да и не имѣли рѣшительно никакой власти, по грузинскому узаконенію, раздавать церковныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ имѣніями, — то Св. Сѵнодъ, вполнѣ раздѣляя по этому вопросу мнѣніе архіепископа Варлаама и генерала Тормасова, предложилъ, съ своей стороны, „чтобы тѣ имѣнія оставить церквамъ, дворянъ же церковныхъ съ ихъ имѣніями и крестьянами передать въ казенное вѣдомство и переселить на пустопорожнія земли, принадлежащія правительству“. Равнымъ образомъ, „о священническихъ и діаконскихъ вдовахъ и дѣтяхъ, дабы первыя послѣ смерти мужей, а послѣднія отцовъ своихъ, не оставались безъ пропитанія, необходимо признавалось озаботиться путемъ обезпеченія чрезъ отчисленіе на ихъ содержаніе особой суммы, за исключеніемъ тѣхъ вдовъ и сиротъ, которыя будутъ имѣть сами вполнѣ достаточное состояніе или собственныя недвижимыя имѣнія“.

Св. Сѵнодъ, разсмотрѣвъ изложенныя выше свѣдѣнія о состояніи въ Грузіи духовенства, пришелъ къ тому заключенію, что оставить его въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось до сихъ поръ, нельзя, между прочимъ, и потому: 1) что 13 епархій по своему количеству превышаютъ мѣру какъ по пространству, такъ и по числу церквей въ Грузіи; 2) что отсутствіе духовныхъ судебныхъ мѣстъ, наблюдающихъ, подобно русскимъ духовнымъ консисторіямъ и духовнымъ правленіямъ, надъ дѣятельностью духовенства, влечетъ за собою неустройство и безпорядки; 3) устройство духовной семинаріи необходимо для того, чтобы въ приходахъ имѣть всегда такихъ священнослужителей, которые были бы по своему образованію наставниками въ законѣ, а по жизни — примѣромъ для своихъ прихожанъ, наконецъ, 4) что раздача частнымъ лицамъ церковнаго имѣнія безъ всякаго на это права неминуемо лишила правительство средствъ для приличнаго содержанія какъ церквей, такъ и духовенства.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, Св. Сѵнодъ и пришелъ къ такому рѣшенію: а) вмѣсто 13 епархій, образовать только двѣ—одну подъ названіемъ Мцхетской и Карталинской, а другую — Алавердской и Кахетинской; изъ 9 архимандрій оставить только пять, согласно представленію архіепископа Варлаама; б) начальникомъ надъ грузинскимъ духовенствомъ быть митрополиту мцхетскому и карталинскому, съ присвоеніемъ ему навсегда титула члена Св. Сѵнода и экзарха Грузіи; в) учредить Духовную Дикастерію на равномъ съ русскими духовными консисторіями основаніи и подъ верховнымъ начальствомъ управляющаго грузинскимъ духовенствомъ съ представленіемъ ему права по своему усмотрѣнію опредѣлять въ нее присутствующими членами способныхъ изъ монашествующихъ лицъ и бѣлаго духовенства, а самой Духовной Дикастеріи, сверхъ возлагаемой на нее обязанности, въ производствѣ дѣлъ предписывалось поступать, согласно слову Божію, правиламъ свв. соборовъ и отецъ, государственнымъ узаконеніямъ и предписаніямъ изъ Св. Сѵнода.

Когда же учрежденіе Дикастеріи станетъ совершившимся фактомъ, то предполагалось начальствующему надъ грузинскимъ духовенствомъ предоставить право, принимая во вниманіе удобство и количество церквей, для начальнаго судопроизводства между духовенствомъ, устроить во всѣхъ уѣздныхъ городахъ духовныя правленія, въ которыя и назначить членами мѣстныхъ протоіереевъ и священниковъ, а для надлежащаго надзора надъ духовенствомъ имѣть также и благочинныхъ; г) для обученія дѣтей священно-церковно служителей и приготовленія ихъ къ духовному званію, Св. Сѵнодъ нашелъ необходимымъ основать духовную семинарію; что же касается до уѣздныхъ училищъ, то, по мнѣнію членовъ Сѵнода, надлежало открыть таковыя въ удобныхъ мѣстахъ и непремѣнно въ то время, когда въ семинаріи будетъ сдѣланъ первый выпускъ окончившихъ курсъ ея воспитанниковъ, изъ которыхъ и возможно будетъ выбрать годныхъ для этого дѣла учителей; д) суммы, ассигнуемыя на содержаніе архіеревъ, архимандритовъ, Дикастеріи, семинаріи, а также и на пенсіи вдовамъ и сиротамъ духовенства и на удовлетвореніе другихъ расходовъ, должны быть образовываемы изъ церковныхъ доходовъ, получаемыхъ съ церковныхъ крестьянъ. Относительно же денежныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія уѣздныхъ училищъ, то таковыя ассигновать уже по открытіи ихъ, а до того времени, если встрѣтится надобность, то часть изъ этихъ суммъ можно употреблять на устроеніе семинаріи и приведеніе въ порядокъ всѣхъ ея частей, остальныя же деньги хранить до открытія училищъ; е) къ поддержанію церквей и духовенства Св. Сѵнодъ согласенъ съ мнѣніемъ архіепископа Варлаама и генерала Тормасова объ обращеніи раньше

розданныхъ частнымъ лицамъ церковныхъ имѣній въ духовное вѣдомство, при чемъ дворянъ, занимающихъ должности управляющихъ этими имѣніями, такъ какъ сборъ доходовъ съ церковныхъ крестьянъ возлагается уже на Дикастерію, отчислить отъ должности, потому что надобности въ нихъ уже больше не предвидится; но такъ какъ переселеніе ихъ на пустопорожнія мѣста въ краѣ зависитъ не отъ духовнаго начальства, то Св. Сѵнодъ всеподданнѣйше и представляетъ это обстоятельство высочайшему разсмотрѣнію.

Императоръ Александръ I означенный докладъ Св. Сѵнода всемилостивѣйше утвердилъ 30-го іюня 1811 года, начертавъ на подлинномъ собственноручно: „Быть по сему“.

Св. Сѵноду предстояло теперь сдѣлать непремѣнное распоряженіе о томъ, въ какихъ именно случаяхъ экзархъ Грузіи обязанъ сноситься съ Св. Сѵнодомъ и въ какихъ можетъ самостоятельно рѣшать тѣ или другіе вопросы по епархіальному управленію на мѣстѣ. Кромѣ этого, на обязанности Св. Сѵнода лежало еще и снабженіе управляющаго грузинскимъ духовенствомъ свѣдѣніями и правилами, дѣйствовавшими до этого времени въ Грузіи при обращеніи въ христіанство язычниковъ Кавказскихъ горъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, по ознакомленіи съ ними, представилъ свои соображенія по данному вопросу въ Св. Сѵнодъ [1]).

Такимъ образомъ, по высочайше утвержденному 30-го іюня 1811 г. докладу Св. Сѵнода, грузинская церковь, основанная въ IV вѣкѣ по Рожд. Христовомъ, уже окончательно входитъ въ составъ церкви русской, съ подчиненіемъ Св. Сѵноду и подъ непосредственнымъ управленіемъ экзарховъ.

8-го мая 1815 года состоялось въ городѣ Тифлисѣ и самое открытіе грузино-имеретиской Св. Правительствующаго Сѵнода конторы. Наканунѣ этого событія совершено было всенощное богослуженіе въ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ, а въ самый день—литургія, которую совершалъ первый экзархъ Грузіи, митрополитъ Варлаамъ, съ присутствующими членами сѵнодальной конторы. За богослуженіемъ было сказано его высокопреосвященствомъ на грузинскомъ языкѣ приличествующее обстоятельствамъ слово. По совершеніи божественной литургіи, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго дома, митрополитомъ Варлаамомъ съ преосвященными архіепископами—Досиѳеемъ телавскимъ и грузино-кавказскимъ и Стефаномъ, бывшимъ ниноцминдскимъ и руставскимъ, съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ. По отправленіи благодарственнаго молебна, вышеупомянутые

---

[1]) См. мою статью въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата“ за 1893 годъ и № 19 того же журнала за 1894 годъ.

преосвященные и съ ними прочіе присутствующіе члены конторы, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ г. Тифлиса, вышли изъ Сіонскаго собора и направились въ домъ, находящійся въ подворьѣ Тифлисскаго греческаго монастыря въ честь воздвиженія Креста Господня и предназначенный для торжества открытія сvнодальной конторы; въ этомъ шествіи принимало участіе и все знатное городское духовенство, въ сопровожденіи главнокомандующаго въ Грузіи, генерала Ртищева, тифлисскаго военнаго губернатора, генералитета, губернскаго и уѣзднаго маршаловъ, знатныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и почетныхъ мокалаковъ. До самаго мѣста открытія шли впереди пѣвчіе съ приличнымъ случаю пѣніемъ. По входѣ въ домъ, митрополитъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми преосвященными и духовенствомъ, въ присутствіи всѣхъ представителей знатнѣйшихъ сословій, совершилъ водоосвященіе, по окончаніи котораго, секретарь сvнодальной конторы Чиляевъ прочиталъ высочайшій указъ объ ея открытіи, послѣ чего членомъ конторы, архимандритомъ Аѳанасіемъ, сказана была на русскомъ языкѣ привѣтственная рѣчь; затѣмъ, какъ предсѣдатель сvнодальной конторы, такъ и всѣ члены послѣдней, согласно духовному регламенту и по изданной формѣ, приняли присягу на вѣрность службы. Въ этотъ же день, по установленному порядку, съ занятіемъ соотвѣтствующихъ званію мѣстъ, присутствующіе открыли первое засѣданіе, по окончаніи котораго всѣ отправились къ высокопреосвященному Варлааму, митрополиту мцхетскому, гдѣ сервированъ былъ завтракъ для всѣхъ рѣшительно лицъ, участвовавшихъ въ торжествѣ открытія грузино-имеретинской сvнодальной конторы. Изъ особеннаго соучастія въ этомъ радостномъ для всей Грузіи торжествѣ, положившемъ собою начало новой и болѣе лучшей жизни мѣстной православной церкви, главнокомандующій, съ своей стороны, далъ обѣдъ, къ которому были приглашены какъ почетнѣйшее духовенство, такъ и всѣ знатные военные и гражданскіе чины и грузинское дворянство. Во всѣхъ церквахъ города Тифлиса цѣлый день продолжался колокольный звонъ [1]).

Вмѣстѣ съ грузино-имеретинской сvнодальной конторой, высочайшею волею призвана была къ новой жизни и осетинская духовная коммиссія для наиболѣе успѣшнаго распространенія христіанства, какъ среди осетинскаго народа, такъ и другихъ горскихъ племенъ Кавказа. Эти племена еще въ отдаленной древности, благодаря миссіонерскимъ трудамъ свв. апостоловъ, а также грузинскихъ и греческихъ про-

[1]) Подробности см. въ моей статьѣ „Нѣсколько страницъ изъ исторіи Грузинской церкви", въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата" за 1894 г., № 19.

повѣдниковъ, исповѣдывали православно-христіанскую вѣру. До сихъ поръ еще по самымъ глухимъ ущельямъ Кавказа разсѣяно много мѣстъ, которыя абхазцы, сванеты, осетины, кистины, кабардинцы, многія чеченскія общества, большая часть одыговъ окружаютъ благоговѣніемъ, необъяснимымъ для нихъ самихъ; въ смутномъ понятіи ихъ о святости такихъ мѣстъ всегда мерцаетъ какой-нибудь слѣдъ христіанскаго преданія. „Картлисъ-Цховреба" свидѣтельствуетъ, что съ 696 года просвѣщенные христіанствомъ осетины составляли паству мцхетскаго католикоса и подчинялись его юрисдикціи. Но особенно много заботился о крещеніи кавказскихъ горцевъ византійскій императоръ Юстиніанъ (527—565), который въ 541 году къ покореннымъ его войсками абхазцамъ посылаетъ священниковъ, строитъ церкви и учреждаетъ архіепископскую каѳедру въ Пицундѣ, подчинивъ ее юрисдикціи константинопольскаго патріарха [1]). Объ этомъ императорѣ, славянинѣ по происхожденію, которому приписываютъ преимущественную честь распространенія евангельскаго ученія въ западномъ Кавказѣ, до сихъ поръ сохраняется живое воспоминаніе въ адыгскихъ пѣсняхъ. Памятникомъ просвѣтительной дѣятельности императора Юстиніана является знаменитый и величественный храмъ питіусскій-пицундскій на берегу Чернаго моря, недалеко отъ Сухума, обновленный послѣдній разъ 3 сентября 1885 года, при архіепископѣ Павлѣ, экзархѣ Грузіи.

Отсюда, изъ этого священнаго мѣста, при императорѣ-строителѣ Юстиніанѣ, многочисленные греческіе проповѣдники проникали въ нѣдра горъ до самой кабардинской плоскости, и множество разрушенныхъ древнихъ церквей, часовенъ, крестовъ и полуистертыхъ надписей на камняхъ, этихъ нѣмыхъ для нашего времени свидѣтелей прежняго, хотя и въ зачаточномъ только видѣ, состоянія христіанской культуры и гражданственности, въ недоступной глуши горъ, обитаемыхъ теперь магометанами, въ верховьяхъ Кубани, на Шебердѣ и въ другихъ ущельяхъ и дебряхъ Кавказа,—относится, по всей вѣроятности, еще къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ вѣкамъ, когда крестъ Христовъ былъ лучезарнымъ знаменемъ, около котораго соединялись въ одну христіанскую семью различныя племена кавказскихъ горцевъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ распространенія христіанства для его окончательнаго успѣха не доставало одного великаго условія—національной самостоятельности. Книги св. писанія не были переводимы на туземные языки; богослуженіе совершалось на греческомъ діалектѣ;

[1]) Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рожд. Хр. до 1879 года. Архим. Арсеній. Спб. 1880 г., стран. 225.

христіанство находилось въ строгой зависимости отъ Византіи, съ паденіемъ которой угасъ источникъ евангельскаго свѣта для Кавказа. Туземцы не успѣли еще высвободиться изъ переходнаго состоянія отъ язычества къ христіанству; первое имѣло болѣе глубокіе корни, чѣмъ послѣднее. Мнимые кавказскіе христіане оказывались въ дѣйствительности язычниками. И теперь передъ многими, сохранившимися до нынѣ, вещественными памятниками угасшей тамъ вѣры Христовой, горцы шепчутъ свои молитвы, но, конечно, не тому Богу, въ чье имя они сооружены. Кромѣ того, нашествіе на Кавказъ арабовъ въ VII—VIII столѣтіяхъ подавило едва начавшееся здѣсь христіанство. Оно было истреблено почти повсемѣстно въ горахъ Кавказа,—не только среди лезгинъ и чеченцевъ, но даже и въ болѣе далекой Осетіи. Возникшія мусульманскія правительства, по самому географическому и историческому положенію своему, имѣли на горцевъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ грузинскіе цари и католикосы, и съ успѣхомъ распространяли въ горахъ исламизмъ, который—кстати сказать—въ настоящее время успѣлъ на большомъ протяженіи Кавказскихъ горъ слиться съ бытомъ народнымъ. Впрочемъ, въ Осетіи приверженность къ христіанству все-таки укоренилась глубже, чѣмъ въ восточномъ Кавказѣ. Однако, и этотъ народъ, по сообщенію арабскаго писателя Масуди, въ 931 году выгналъ изъ страны своихъ священниковъ, разрушилъ свои христіанскія церкви и принялъ исламъ. Около 1050 года, сынъ грузинскаго царя Георгія I (1014—1027 г.), Димитрій вступилъ на престолъ Осетіи, положивъ тамъ начало грузинской багратіоновской династіи. Воцареніе Димитрія, несомнѣнно, было благопріятно для гонимаго въ Осетіи христіанства. На указанный упадокъ послѣдняго между кавказскими горцами грузинская церковь всегда обращала свое вниманіе, принимая соотвѣтственныя мѣры къ его возстановленію. Въ то время, какъ грузинскіе проповѣдники, отдаваясь съ полнымъ самоотверженіемъ своему высокому служенію, несли дикимъ племенамъ угрюмаго Кавказа, въ самыя глухія его мѣста, слово спасенія, вѣнценосные вожди Грузіи, несмотря на скудость своихъ средствъ, строили по ихъ слѣдамъ вѣковыя церкви, отписывали на нихъ имѣнія и высылали въ горы многочисленныхъ священниковъ-миссіонеровъ. Извѣстно, напримѣръ, что, когда во времена грузинскаго царя Давида III Возобновителя (1089—1125), осетины возмутились противъ него, то онъ силою оружія заставилъ ихъ признать надъ собою его власть и господство, а затѣмъ много потрудился и положилъ силъ въ дѣлѣ возобновленія въ Осетіи старыхъ и построенія новыхъ храмовъ и вообще просвѣщенія осетинъ свѣтомъ Христова ученія. А великая царица Грузіи Тамара (1174—1204)? Произнесите ея имя—говоритъ одинъ русскій паломникъ—и

вамъ откликнутся горы и долины Кавказа. Поэтому, нисколько неудивительно, что съ великимъ именемъ Тамары, какъ щедрой строительницы, связаны своимъ существованіемъ многочисленные храмы, разсѣянные въ горахъ, ущельяхъ и часто на еле доступныхъ высотахъ Осетіи и самое имя этой царицы, популярнѣйшее изъ вѣнценосныхъ именъ, всѣми горцами произносится съ любовью и величайшимъ благоговѣніемъ. Такимъ образомъ, сѣмя, брошенное впервые еще апостолами, принесло свой плодъ: христіанство оживилось и даже процвѣтало на сѣверномъ Кавказѣ, во второмъ періодѣ своего развитія, съ V по XIV вв. Грузія и Византія, въ лицѣ своихъ представителей—царя Вахтанга I, императора Юстиніана и царицы Тамары, — содѣйствовали росту евангельскаго сѣмени на сѣверномъ Кавказѣ. Внѣшнимъ выраженіемъ процвѣтанія христіанства здѣсь въ этотъ грузино-византійскій періодъ была Аланская епархія (впослѣдствіи митрополія),—громадная по пространству и значительная численностью своихъ церквей. Къ этому, именно, періоду народное преданіе относитъ постройку болѣе 20 церквей, развалины которыхъ существуютъ и теперь по Осетіи и Чечнѣ: „юстъ-дзуаръ" (церковь Юстиніана) въ Галіатѣ, церковь въ Нузалѣ, дзгвигская и рекомская часовни, у ингушей—тхаба-эрда (т. е. 2.000 святыхъ). Центромъ этой епархіи былъ городъ съ нѣсколькими церквами, на развалинахъ которыхъ устроенъ теперь Зеленчукскій монастырь. Самымъ же дорогимъ и роднымъ для насъ памятникомъ этого періода досталась въ наслѣдство намъ и грядущимъ поколѣніямъ чудотворная моздокско-иверская икона Божіей Матери. Она въ древнѣйшія времена сохранялась въ одномъ изъ храмовъ, созданныхъ великою Тамарою, развалины котораго видны и понынѣ въ Карталинскомъ ущельѣ. Храмъ этотъ два раза былъ разрушаемъ пожаромъ, и два раза икону Богоматери находили подъ грудою развалинъ и пепла невредимою. 600 лѣтъ пребывала икона въ Карталинскомъ ущельѣ. Но когда магометанство ворвалось въ Кавказскія горы, а русское правительство пригласило горскихъ христіанъ за Терекъ, къ Моздоку,—святая икона Иверіи становится русскою святынею. Сохранилось преданіе, что когда, въ 1793 году, партія горцевъ прибыла къ Моздоку съ иконой, и тогдашній епископъ моздокскій, встрѣтивъ ее съ крестами и хоругвями, внесъ въ соборъ, то Богоматерь особеннымъ чудомъ извѣстила, что икона должна остаться внѣ города, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбѣ. Тамъ соорудили часовню, а впослѣдствіи воздвигли храмъ во имя Успенія Божіей Матери. И нынѣ паломники стекаются сюда на поклоненіе со всего Кавказа и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ русской земли.

Что грузинская церковь и иверійцы старались поглубже внѣдрять

среди кавказскихъ горцевъ, особенно осетинъ, и дѣйствительно внѣдряли начала христіанскаго вѣроученія, чему отчасти помогали и греки, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что осетинскія названія храмовъ, часовенъ, различныхъ церковно-богослужебныхъ принадлежностей, и вообще христіанская терминологія получили свое начало и происхожденіе изъ грузинскаго лексикона. Наконецъ, о святомъ рвеніи грузинъ къ миссіонерству среди полудикихъ племенъ Кавказа говоритъ и самое существованіе, въ періодъ присоединенія Грузіи къ Россіи, въ Некресской епархіи миссіонерскаго училища, задачею котораго было подготовить опытныхъ миссіонеровъ-проповѣдниковъ. Генуэзецъ Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря между 1550 и 1557 годами, нашелъ христіанство даже въ тамошнемъ черкесскомъ населеніи. „Черкесы называютъ себя христіанами", пишетъ онъ, „и имѣютъ греческихъ священниковъ, но дѣтей крестятъ не ранѣе, какъ когда имъ минетъ 8 лѣтъ. Священники обливаютъ ихъ водою на свой ладъ, къ чему присовокупляютъ краткую молитву. Знатные люди не входятъ въ церковь до шестидесятилѣтняго возраста, опасаясь осквернить ее своимъ присутствіемъ, такъ какъ всѣ они живутъ грабежомъ. Перейдя эти лѣта, они перестаютъ воровать и грабить, и присутствуютъ тогда при богослуженіи, которое въ молодости слушали не иначе, какъ сидя на конѣ передъ дверями церковными. У народа этого нѣтъ азбуки. Ихъ священники для богослуженія употребляютъ греческія книги, которыхъ вовсе не понимаютъ".

Въ этомъ была великая ошибка всѣхъ просвѣтителей горскаго Кавказа. Ни апостолы и ихъ первые ученики, ни греки, ни грузины, ни императоръ Юстиніанъ, ни царица Тамара, никто не позаботился о томъ, чтобы вмѣстѣ съ проповѣдію Евангелія создать письменный языкъ для обращенныхъ народовъ и сдѣлать переводъ необходимыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыя, внѣ всякаго сомнѣнія, могли бы упрочить въ сердцахъ людей христіанскія понятія даже въ отсутствіе учителей. Если нашлись въ ихъ исторіи люди, ревностно исполнявшіе дѣло святаго Владиміра равноапостольнаго, то, къ сожалѣнію, не нашлось никого, способнаго на просвѣтительный подвигъ святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянства. Нечего и удивляться, что сѣмена Христовой вѣры, посѣянныя при такихъ печальныхъ и неблагопріятныхъ для своего дальнѣйшаго роста условіяхъ, не дали въ горахъ Кавказа роскошнаго всхода. Сообщенія съ горами во всѣхъ отношеніяхъ были крайне опасны и затруднительны, а потому и вліяніе православной Грузіи на горскія племена Кавказа всегда было весьма ограничено; большею частію оно уступало мѣсто ожесточенной враждѣ. Да и самое христіанство среди обитателей дикихъ скалъ и ущелій не имѣло никакой самостоятельности; при разрывѣ съ равниной оно лишалось всякой

поддержки. Эти разрывы случались безпрестанно; мы знаемъ, что грузинскіе владѣтели, для наказанія горцевъ за частые грабежи, иногда даже поставляли ихъ въ непрерывное блокадное положеніе, не позволяя имъ выходить изъ ущелій. Блокадное положеніе, въ какое, напр., поставилъ Сванетію имеретинскій царь Александръ, повлекло за собою разореніе и совершенное одичаніе страны. При такихъ условіяхъ, постоянное и безпрерывное рукоположеніе духовенства въ горахъ Кавказа сдѣлалось невозможнымъ. Вмѣсто прежнихъ грузинскихъ священниковъ, охранителями опустѣлыхъ церквей явились „деканозы", т. е. духовенство туземное, нерукоположенное, чуждое самыхъ основныхъ понятій о христіанской религіи. Теперь, въ христіанскихъ храмахъ деканозы приносятъ жертвы, читаютъ непонятныя какъ для нихъ самихъ, такъ и для слушателей молитвы, совершаютъ нелѣпые обряды. Вся религія этихъ одичавшихъ христіанъ заключается въ обоготвореніи тайныхъ силъ природы, которыя олицетворяются въ видѣ различныхъ фантастическихъ существъ, обитающихъ въ извѣстныхъ рощахъ или на извѣстныхъ скалахъ. Ихъ религіозныя обязанности ограничиваются тѣмъ, что они собираются иногда на тѣхъ или другихъ мѣстахъ и тамъ приносятъ въ жертву быковъ и барановъ, мясо которыхъ съѣдается на мѣстѣ же, послѣ чего происходятъ скачки, стрѣльба въ цѣль и т. п. Слѣды дѣятельности христіанскихъ проповѣдниковъ и просвѣтителей обозначились въ горахъ сооруженіемъ нѣсколькихъ небольшихъ церквей или часовенъ въ честь разныхъ святыхъ и водруженіемъ въ иныхъ мѣстахъ крестовъ.

Все это представлялось горцами лишь въ видѣ дополненій къ прежнимъ ихъ вѣрованіямъ; церкви, часовни и кресты сдѣлались предметами благоговѣнія народнаго на-ряду съ рощами и скалами. Св. Георгій, Св. Илья, Маріамъ и другіе святые христіанской церкви примкнули къ сонму мѣстныхъ языческихъ боговъ, какъ ихъ неразлучные спутники и сожители одинаково благосклонные или враждебные къ дикому обитателю Кавказскихъ горъ. Празднованіе дней памяти христіанскихъ святыхъ отличалось по преимуществу языческимъ характеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обычай горскихъ племенъ вошло соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне умѣренны въ употребленіи пищи. Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не подчинились; такъ, напр., супружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчіи съ церковными положеніями. Нечего и говорить, что обычай кровомщенія сохранился у нихъ во всей силѣ, вопреки евангельскому ученію о кротости и прощеніи обидъ. Словомъ, свѣтъ христіанскаго ученія среди кавказскихъ горцевъ явился въ видѣ молніи, мгновен-

ный блескъ которой среди непроглядной ночи смѣнился для нихъ глубочайшимъ мракомъ.

Съ паденіемъ въ 1453 году Константинополя и генуэзскихъ колоній Чернаго моря, владыкою кавказскихъ береговъ сдѣлалась магометанская Турція. Христіанская Грузія, эта единственная въ то время защитница христіанства, сама все болѣе и болѣе слабѣла и расшатывалась подъ безпощадными ударами мусульманскаго фанатизма. Понятно, что исламъ долженъ былъ торжествовать все болѣе и болѣе надъ горами Кавказа. Уже 50 лѣтъ спустя послѣ Интеріано, доминиканецъ Іоаннъ Луккскій, посѣтившій Черкесію около 1637 года, пишетъ о ней: „Черкесы говорятъ и по-черкесски и по-турецки; нѣкоторые изъ нихъ магометане, другіе греческаго вѣроисповѣданія. Но магометанъ болѣе. Священникъ, который живетъ въ Терки, иногда креститъ ихъ, но мало объясняетъ имъ законъ Божій. Съ каждымъ днемъ число мусульманъ возрастаетъ: отъ греческаго вѣроисповѣданія сохранился лишь обычай носить пищу на могилы и нѣсколько постовъ... Абхазцы неграмотны; они считаются христіанами, но не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обрядовъ. Въ землѣ ихъ встрѣчается много водруженныхъ крестовъ. Жители величайшіе мошенники... Они носятъ усы, но бреютъ бороду, за исключеніемъ „папаровъ“. Такъ называются люди, хоронящіе мертвыхъ и молящіеся за упокой души ихъ. Покойниковъ кладутъ въ колоды, которыя потомъ ставятъ на четыре кола“...

Съ 1745 года, когда русское правительство прислало въ Кизляръ нѣсколько миссіонеровъ, начался и продолжается доселѣ третій—„русскій“ періодъ распространенія христіанства и развитія миссіонерскаго дѣла на сѣверномъ Кавказѣ. Къ этому дѣлу, во-первыхъ, подали мысль бывшій въ Москвѣ грузинскій архіепископъ Іосифъ и Московскаго Знаменскаго монастыря архимандритъ (изъ грузинъ) Николай, войдя съ представленіемъ въ Св. Сѵнодъ. Образовалось „Осетинское подворье“ въ Кизлярѣ, переведенное затѣмъ, подъ именемъ „Осетинской коммиссіи“ въ г. Моздокъ и, наконецъ, въ г. Тифлисъ (1814 г.). Цѣлью было проповѣдывать христіанство среди осетинъ и иныхъ горскихъ племенъ, которыя, съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, были для церкви почти совершенно потеряны [1]).

[1]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Изданіе Кавказскаго горскаго управленія. Выпускъ II. Тифлисъ, 1869 г., стран. 18—22. „Очерки Кавказа“. Евгенія Маркова. Изд. Вольфа. Спб., 1887 г., стран. 170—180. Краткій очеркъ исторіи Грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901 г., стран. 87—90. Брошюра „Преосвященный Іосифъ, епископъ Владикавказскій (1821 — 1890)“. Сост. свящ. Іоаннъ Поповъ. Кіевъ. 1902 г.

Тогда же, въ 1745 году, проповѣдниками были назначены архимандритъ и два игумена изъ грузинъ. Содержаніе этой миссіи обходилось казнѣ ежегодно 1.550 рублей и 70 четвертей хлѣба. Но отъ 1752—по 1770 годъ на опытѣ оказалось, что и эти проповѣдники, не исполняя въ точности возложенныхъ на нихъ обязанностей, не обнаружили тѣхъ успѣховъ, какихъ ожидало правительство отъ ихъ дѣятельности. Факты краснорѣчиво свидѣтельствовали, что осетины какъ вступали въ христіанскую церковь безъ всякаго внутренняго убѣжденія, такъ легко и оставляли ее, и что, къ крайнему сожалѣнію, сами „учителя вѣры, не имѣя ни должной ревности, ни способности къ дѣйствованію, больше о собственныхъ своихъ прибыткахъ мыслили“. Коллегія иностранныхъ дѣлъ, замѣтивъ, что совершенно напрасно издерживаются государственныя средства на проповѣдниковъ, поручила составить новый проектъ по мѣстному положенію кизлярскому коменданту Потапову. Послѣдній исполнилъ данное ему порученіе, и Св. Сѵнодъ, по соглашенію съ Сенатомъ, опредѣлилъ новый штатъ. Въ 1771 году снова была преобразована Осетинская духовная коммиссія, для чиновниковъ которой была тогда же составлена присяга отъ Св. Сѵнода и издана „по секрету“ полная для руководства инструкція, регламентирующая собою дѣятельность проповѣдниковъ христіанства среди дикихъ обитателей Кавказскихъ горъ. Впослѣдствіи, а именно въ 1777 году, императрица Екатерина II въ рескриптѣ астраханскому губернатору Якоби высочайше, между прочимъ, повелѣла: „чтобы Сѵнодъ протопопу Осетинской коммиссіи далъ наставленіе въ томъ, чтобы онъ не считалъ исполненнымъ званіе и долгъ свой въ торопливомъ сподобленіи крещенія, а старался бы внушать имъ и силу христіанскаго ученія, и руководствовать ко всякому благонравію, безъ чего крещеніе, дикимъ людямъ преподаваемое, едва-ли не можетъ быть названо злоупотребленіемъ одного изъ величайшихъ таинствъ вѣры христіанской“. Св. Сѵнодъ въ правилахъ, данныхъ тогда Моздокской коммиссіи, постановилъ: 1) проповѣдники слова Божія отнюдь не должны говорить, что присланы по указу; 2) предлагать крещеніе по довольномъ наученіи и утвержденіи въ вѣрѣ; 3) никакихъ непристойныхъ и до званія проповѣдническаго не касающихся разглашеній не чинить. Кромѣ этихъ, чисто внутренняго характера, причинъ, были еще и другія. Хотя на бумагѣ и много были обезпечены посылаемые въ горы проповѣдники, но на самомъ дѣлѣ не существовало даже дома

стран. 2. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ и біографіяхъ. В. А. Потто. Спб., т. I, стран. 235—236. Сказаніе о чудотворной иконѣ Иверской Божіей Матери, находящейся въ Успенской церкви гор. Моздока. Изд. Ѳ. Н. Копылова. Москва. 1878 г., стран. 1—36.

для жительства поставленнаго во главѣ миссіи протоіерея, который вскорѣ и умеръ отъ недостатковъ и лишеній, а за нимъ послѣдовали и прочіе его сработники съ одинаковою участью; свѣтское правительство слабо дѣйствовало въ пособіяхъ, да и люди, избранные для служенія святому дѣлу проповѣди, были безъ достойныхъ качествъ. Результаты отъ всего этого получились неутѣшительные. Рейнеггсъ, путешествовавшій по Кавказу между 1783 и 1784 годами, разсказываетъ объ абхазцахъ: „каждый изъ нихъ имѣетъ особыя заблужденія, которыя называетъ своею вѣрою. Ихъ догматы весьма разнообразны; упомяну лишь о тѣхъ, которые наиболѣе распространены. Слѣдуя древнему обычаю, они празднуютъ весеннее равноденствіе, окрашивая яица въ разные цвѣта, при чемъ пируютъ. Въ этотъ день и въ два слѣдующіе за нимъ происходятъ скачки, борьба и другія увеселенія... Въ началѣ мая собираются въ густомъ лѣсу, который почитаютъ священнымъ и въ которомъ никто не смѣетъ срубить дерева, что, по ихъ мнѣнію, прогнѣвило бы Всевышняго, которому достойно и успѣшно молиться можно лишь въ этомъ лѣсу. Посреди лѣса, какъ увѣряютъ, находится большой и тяжелый желѣзный крестъ, охраняемый благочестивыми отшельниками. Никто не знаетъ, когда и кѣмъ онъ былъ поставленъ. Но отшельники разсказываютъ о немъ много чудеснаго и сверхъестественнаго, не имѣющаго никакого отношенія къ христіанству: этимъ привлекаютъ они даянія народныя“ [1]).

Въ 1795 году учреждена была викарная Моздокская епархія для лучшаго распространенія и утвержденія православія среди горскихъ племенъ, обитающихъ по близости къ Кавказской линіи, вмѣсто бывшей предъ тѣмъ временемъ Осетинской коммиссіи, которая съ 1792 года перестала дѣйствовать, вслѣдствіе чего новообращенные осетины и другіе горцы, не имѣя у себя ни церквей, ни постояннаго богослуженія, оставленные на произволъ судьбы своими учителями, обратились къ прежнему своему заблужденію, исключая тѣхъ, которые жили вблизи православныхъ и приходили съ ними въ ближайшее соприкосновеніе по торговымъ и другимъ дѣламъ. Но и съ устройствомъ Моздокской каѳедры, какъ это видно изъ сохранившихся до нашего времени документовъ, вновь назначеннымъ проповѣдникамъ никакихъ для руководства опредѣленныхъ правилъ выдаваемо не было, а въ полной мѣрѣ держались прежде изданныхъ постановленій, „съ тѣмъ, однако, различіемъ, что гораздо бдительнѣе и ревностнѣе отправляемо было самое дѣло, успѣхи же въ обращеніи горцевъ почти одни и

---

[1]) „Очерки Кавказа“ Евгенія Маркова. Изд. Вольфа. Спб. 1887 года, стран. 170—180.

тѣ же имѣли препятствія: не во всякое время со стороны свѣтскаго правительства оказываемо было должное и необходимое содѣйствіе, то обстоятельствамъ политическимъ, то по положенію мѣстныхъ неудобствъ. Да и сами жители горъ съ ослабленіемъ надежды сдѣлаться свободными (въ чемъ, быть можетъ, и увѣряли ихъ проповѣдники христіанства) не только отъ владѣльцевъ, но и отъ гражданскаго начальства, съ отвращеніемъ слушали проповѣдниковъ вѣры, которые часто для усмиренія ихъ испрашивали со слезами помощи отъ воинскихъ командъ. Впрочемъ, бывали и отрадные случаи, когда сами жители обращались съ просьбами объ устроеніи ихъ церковнаго быта, какъ это было, напр., при главнокомандующемъ въ Грузіи Кноррингѣ, которому генералъ Лазаревъ въ 1802 году доносилъ, что осетины готовы принять православную вѣру, если къ нимъ будутъ опредѣлены „благоразумные священники".

Въ 1815-мъ году была учреждена Осетинская духовная коммиссія въ г. Тифлисѣ, гдѣ она и открыла свои дѣйствія подъ непосредственнымъ начальствомъ преосвященнаго Досиѳея, архіепископа телавскаго и грузино-кавказскаго.

При открытіи этой коммиссіи государь императоръ соизволилъ пожаловать изъ своего кабинета два архіерейскихъ облаченія и для всей духовной свиты по три полныхъ облаченія со всѣми другими принадлежностями при архіерейскомъ служеніи. Кромѣ того, отъ казны для содержанія названной коммиссіи повелѣно было отпускать ежегодно 14.750 рублей. Такимъ образомъ, ей предстояло съ этого времени широкое и благотворное въ дѣлѣ распространенія христіанства среди кавказскихъ горцевъ поле дѣятельности, обѣщавшей несомнѣнно успѣхъ, такъ какъ большинство осетинъ, напр., жители Нарскаго ущелья еще въ 1814 году безъ всякаго посторонняго имъ внушенія сами просили главное военное и гражданское начальства прислать имъ священниковъ.

Просьба эта была, какъ извѣстно изъ оффиціальныхъ документовъ, въ свое время исполнена, и миссіонеръ, посланный туда, въ теченіе 7 мѣсяцевъ, безъ всякой сторонней помощи и помимо какого-либо вмѣшательства со стороны гражданскихъ и другихъ властей, обратилъ къ вѣрѣ Христовой до 150 душъ. Это обстоятельство ясно свидѣтельствовало о томъ, что почва для посѣва на ней слова Божія среди горцевъ была болѣе или менѣе подготовлена, и новымъ дѣятелямъ оставалось только благоразумно воспользоваться столь благопріятнымъ для дѣла миссіи положеніемъ. Но дѣятельность Осетинской коммиссіи, подъ управленіемъ преосвященнаго Досиѳея, архіепископа телавскаго и грузино-кавказскаго, не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ и была признана въ значительной мѣрѣ фик-

тивною, а потому весь штатъ и канцелярія коммиссіи были переданы въ непосредственное вѣдѣніе Грузино-Имеретинской сунодальной конторы въ 1817-мъ году [1]). Это мѣропріятіе по отношенію къ Осетинской духовной коммиссіи состоялось со стороны Св. Сѵнода въ виду того, главнымъ образомъ, обстоятельства, что коммиссія, имѣвшая вліяніе на осетинъ, жительствующихъ по хребту Кавказскихъ горъ, прилегающихъ къ Горійскому уѣзду, вмѣшивалась въ дѣла, касающіяся военнаго и гражданскаго правительства, входила въ недолжное разбирательство ихъ и не только удаляла мѣстное начальство отъ завѣдыванія осетинами, но и лишала правъ даже самихъ помѣщиковъ на владѣніе ими, вслѣдствіе чего послѣдніе не получали никакихъ доходовъ отъ осетинъ. Кромѣ того, отъ князей, дворянъ и заслуживающихъ уваженія почетныхъ стариковъ Горійскаго уѣзда дознано было, какъ они, нерѣдко бывая у проповѣдника слова Божія, сами слышали внушенія его къ осетинамъ, что принявшіе св. крещеніе никому болѣе, за исключеніемъ казны, не принадлежатъ, и не одинъ уже бывшій до сего ихъ помѣщикъ не въ правѣ взыскивать съ таковыхъ какую-либо повинность, да и сами осетины свидѣтельствовали, что когда начато было введеніе между ними христіанства, то миссіонеры, не проповѣдуя слова Божія и не внушая, что значитъ св. крещеніе, заявляли только объ одномъ, что всѣ крестившіеся осетины, принадлежащіе помѣщикамъ, не будутъ уже больше принадлежать имъ, а останутся навсегда за казной, обѣщая при этомъ, что все, украденное ими до крещенія у жителей Карталиніи, останется безъ взысканія въ пользу самихъ осетинъ. Мало того, нѣкоторые изъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ внушали послѣднимъ, что всякій крестившійся осетинъ не будетъ у себя имѣть никого болѣе изъ начальниковъ, какъ только монаховъ, и не одинъ мѣстный начальникъ уже не посмѣетъ сдѣлать безъ воли духовенства какихъ-либо взысканій съ осетинъ. Эти внушенія не замедлили оказать свое вліяніе на самое поведеніе названныхъ горцевъ. Когда окружной начальникъ явился къ осетинамъ въ Чвривское ущелье для сбора казенной подати, то они, не принявъ его къ себѣ, объявили, что не знаютъ окружнаго начальника, а знаютъ одного только архимандрита, которому и будутъ повиноваться [2]).

Несомнѣнно, что подобнаго рода дѣйствія проповѣдниковъ христіанства стояли въ прямой зависимости отъ взглядовъ самого упра-

---

[1]) Краткій очеркъ исторіи Грузинской церкви и экзархата за XIX ст. Е. К. Тифлисъ. 1901 г., стран. 96—97. Прав. Богосл. Энциклопедія. Изд. А. П. Лопухина. Спб. 1903 г., т. IV, стран. 743—744.

[2]) Акты Кавказ. Арх. Ком., т. VI, ч. I, стран. 363.

влявющаго Осетинской духовной коммиссіей, архіепископа Досиѳея, который, въ свою очередь, въ это же самое время поднялъ дѣло объ отобраніи въ казну отъ князей Эристовыхъ имѣній, расположенныхъ въ Осетіи, основывая эти свои притязанія на томъ соображеніи, что Осетинская духовная коммиссія тогда только можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ дѣлѣ распространенія среди горцевъ христіанства, когда жители ксанскіе и гвердисъ-дзирскіе будутъ изъяты изъ-подъ власти названныхъ князей. По поводу этого дѣла главный начальникъ края, А. П. Ермоловъ, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ рапортомъ, отъ 15 ноября 1816 года, къ государю императору, въ которомъ и высказалъ свое мнѣніе объ Осетинской духовной коммиссіи, при чемъ представилъ и всю переписку по возбужденному архіепископомъ Досиѳеемъ вопросу. „Коммиссія эта—говоритъ Ермоловъ—совершенно можетъ существовать и дѣйствовать въ распространеніи христіанской вѣры между идолопоклонниками безъ взятія въ казну какъ имѣній князей Эристовыхъ, такъ и другихъ помѣщиковъ, да и какое могли бы они сдѣлать въ томъ помѣшательство. Напротивъ того, какъ вѣра обращаетъ людей къ кротости, повиновенію властямъ и къ исполненію обязанностей, то, безъ всякаго сомнѣнія, и князья Эристовы пожелаютъ имѣть у себя такихъ подвластныхъ и приложатъ со стороны своей стараніе къ обращенію ихъ на путь истины. Да изъ всѣхъ доводовъ, представляемыхъ епископомъ Досиѳеемъ относительно отобранія имѣній сперва у Эристовыхъ и потомъ у князей Мачабели, я никакой не нашелъ существенной причины или необходимости; при томъ же, что заставляетъ его непремѣнно обратиться къ просвѣщенію сперва ксанскихъ осетинъ, тогда какъ въ виду есть множество идолопоклонниковъ и осетинъ, живущихъ по Арагвскому ущелью, также народы хевсурскіе, гудакамарскіе, мтіулинскіе и множество другихъ, гдѣ не встрѣтилъ бы онъ надобности въ отобраніи имѣній и чужихъ собственностей и гдѣ нужно было бы одно только благочестіе и добрые примѣры къ обращенію. Но какъ, повидимому, изъ отстраненія его преосвященствомъ нѣкоторыхъ членовъ собранія, гдѣ разсматривался поднятый имъ вопросъ, возраженій его на поданныя мнѣнія, а болѣе изъ безпрестанныхъ представленій его о правахъ родственниковъ своихъ заключить должно, что не столько польза Осетинской коммиссіи требуетъ имѣнія князей Эристовыхъ, сколько польза родства его, дабы, по взятіи имѣнія у Эристовыхъ, были они благонадежнѣе водворены на Ксани и, будучи назначаемы имъ членами коммиссіи, могли бы съ большимъ удобствомъ наблюдать свои выгоды, вмѣсто распространенія христіанской вѣры, тогда какъ, напротивъ, должно стараться этихъ дворянъ удалить съ того мѣста, ибо они уже обнаружены въ неблагонадежности своей и всегда

могутъ быть готовы къ причиненію вреда тамошнему краю, такъ какъ по дѣлу, производившемся уголовнымъ порядкомъ, о возмущеніи ксанскихъ жителей въ 1808 году видно, что нѣкоторые изъ этихъ дворянъ, именно — Николай и Глаха Пицхелаури, родные братья архіепископа Досиѳея, возмущали народъ къ неповиновенію не только помѣщикамъ, но и самому правительству, за что освобождены отъ наказанія единственно по всемилостивѣйшему манифесту, въ 31-й день августа 1814 года изданному. Но если согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ преосвященнаго, что Гвердисъ-дзирское имѣніе для того только нужно взять у князей Эристовыхъ, что оно смежно съ Ксанскимъ, которые могутъ вредить коммиссіи, владѣя первымъ, то, по сему случаю, чѣмъ же другіе помѣщики правы, у коихъ также живутъ осетины и за землю, ими занимаемую, платятъ положенную грузинскими законами подать, — слѣдовательно, должно для просвѣщенія и у тѣхъ отобрать осетинъ, а съ ними вмѣстѣ подъ предлогомъ смежности и коренныхъ ихъ крестьянъ, дабы и тѣ помѣщики не могли, по мнѣнію архіепископа Досиѳея, вредить Осетинской коммиссіи въ ея дѣйствіяхъ.

Обращаясь затѣмъ къ успѣху просвѣщенія, нельзя умолчать и о томъ, что въ декабрѣ 1815 года архіепископомъ Досиѳей увѣдомилъ бывшаго начальникомъ края генерала Ртищева о поразительномъ успѣхѣ христіанской проповѣди среди горцевъ. По его словамъ, со дня открытія осетинской коммиссіи окрещено въ христіанскую вѣру въ дальнѣйшихъ мѣстахъ Кавказскихъ горъ болѣе 14.000 душъ обоего пола, и что всѣ эти новокрещенныя племена начали вести жизнь тихую и покойную и обнаруживаютъ приверженность къ государю своему и начальству. Но вѣроятное ли дѣло, чтобъ въ теченіе столь короткаго времени возможно было обратить такое множество людей въ христіанство и до такой степени, что племена посредствомъ крещенія обратились уже къ покорности, тогда какъ они, будучи погружены въ самомъ закоснѣломъ невѣжествѣ, занимались единственно воровствомъ, грабежами, смертоубійствомъ, поставляя это послѣднее ни во что и тогда, какъ большая часть ихъ не знаетъ и грузинскаго языка, то какимъ, спрашивается, чудеснымъ образомъ могли они понять отъ проповѣдниковъ слова Божія христіанскую вѣру и чрезъ оную смириться? Справедливо и то, что нѣкоторая часть тѣхъ племенъ, особенно же осетинъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, окрещена, но крещеніе это приняли они не для спасенія своего, о чемъ они и понятія не имѣютъ, но единственно изъ обѣщанной имъ свободы проповѣдниками, что они никому ни принадлежать, ни платить податей не будутъ, также за раздаваемыя еньги и подарки, изъ чего видно, что таинство св. крещенія совер-

шено было съ торгу, вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ по Закону Божію не прельшеніями, а примѣромъ кротости и убѣжденіемъ о той пользѣ, какую приноситъ съ собою для нравственной жизни человѣка принятая имъ христіанская вѣра. Между тѣмъ, какая рѣзкая противоположность столь призрачному успѣху евангельской проповѣди среди кавказскихъ горцевъ открывается изъ такого, напр., факта: когда ксанскіе жители узнали объ учрежденіи вновь Осетинской коммиссіи подъ непосредственнымъ начальствомъ архіепископа Досиѳея, то они рѣшительнымъ образомъ заявили свое желаніе 20-го января 1815 года объ избавленіи ихъ отъ преосвященнаго и что они страшатся даже одного его имени.

Вотъ почему сомнительно, чтобы въ столь короткое затѣмъ время въ сердцахъ названныхъ горцевъ могла возродиться такая довѣрчивость, которая привела ихъ въ такомъ великомъ множествѣ къ подножію креста Господня. Очевидно, что здѣсь дѣйствовало не истинное желаніе послѣдовать за Христомъ, а подарки, сопряженные съ невозвратною и безполезною потерею казны" [1]).

Въ отвѣтъ на это послѣдовало высочайшее повелѣніе генералу А. П. Ермолову, отъ 8-го февраля 1817 года, въ которомъ было сказано: „По намѣреніямъ моимъ объ Осетинской духовной коммиссіи, данъ былъ предмѣстнику вашему генералу-отъ-инфантеріи Ртищеву 1814 года августа въ 31 день указъ объ обращеніи въ казенное вѣдомство Ксанскаго имѣнія вмѣстѣ съ имѣніемъ Гвердисъ-дзири, принадлежащихъ фамиліи князей Эристовыхъ. Нынѣ удостовѣрясь чрезъ донесеніе ваше, отъ 15-го ноября прошлаго года, что упомянутая духовная коммиссія не только существовать, но и предназначенной ею цѣли достигнуть можетъ, не обращая тѣхъ имѣній въ казенное вѣдомство, повелѣваю вамъ вышеизложеннаго указа моего, отъ 31-го августа 1814 года, въ исполненіе не приводить, имѣнія же Ксанское и Гвердисъ-дзири оставить по-прежнему во владѣніи князей Эристовыхъ на основаніи указа моего 5-го мая 1803 года [2]).

Вскорѣ выяснилась ненадежность обоихъ преосвященныхъ, Варлаама и Досиѳея, для церковнаго управленія и рѣшено было назначить въ Грузію экзархомъ человѣка дѣятельнаго и способнаго, а Досиѳея и Варлаама удалить, перваго по неблагонадежности, а второго—по неспособности. Досиѳей былъ помѣщенъ на пенсію въ Москвѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, а Варлаамъ вызванъ въ С.-Петер-

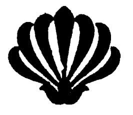
---

[1]) Тамъ же, на стр. 643—368.

[2]) Тамъ же, стран. 369.

бургъ къ постоянному присутствованію въ Св. Сѵнодѣ, изъ котораго былъ уволенъ 5-го февраля 1825 года, а 20-го февраля назначенъ управляющимъ Московскимъ Даниловымъ монастыремъ, гдѣ и скончался 18-го декабря 1830 года; погребенъ подъ соборнымъ монастырскимъ храмомъ [1]).

Священникъ Н. Покровскій.

[1]) Исторія христіанской церкви въ XIX в. Изд. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г., стран. 573.

Заграничныя замѣтки.

Барра въ Люксембургскомъ дворцѣ [1]).

Послѣ 9 термидора (день паденія Робеспьера), Франція веселилась и танцовала до упада. Всѣ тѣ, кои не погибли во время террора, были такъ рады сознанію, что они остались живы, что ими обуяла безумная жажда веселья. Въ Парижѣ было ежедневно не менѣе шестисотъ общественныхъ баловъ, начиная отъ самыхъ простонародныхъ и кончая раскошными балами въ Елисейскихъ поляхъ и Полэ-Роялѣ:—въ Ренелагэ и Тиволи мужчины и женщины предавались самымъ разнузданнымъ танцамъ. Танцовщикъ Вестрисъ воцарился въ Парижѣ на мѣсто Робеспьера въ роскошныхъ салонахъ Люксембургскаго дворца, гдѣ жилъ Барра, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ недавно раздавались стоны, разучивали подъ звуки марсельезы пасціэ (passe-pied) танецъ съ пѣснями. Революція и тутъ оставила свои слѣды: дворецъ Маріи Медичи не былъ пощаженъ также точно какъ и церковь кардинала; со стѣнъ исчезли картины Рубенса, въ садахъ были побиты статуи, на стѣнахъ еще были видны надписи, начертанныя въ послѣднія минуты жизни приговоренными къ казни; подъ сѣнью стараго парка прогуливались теперь публичныя женщины, устраивались танцы подъ звуки народныхъ инструментовъ; ворота парка не запирались ни днемъ, ни ночью. По улицѣ Турнонъ, на которой мостовая носила еще слѣды выбоинъ отъ телѣгъ, на коихъ возили на казнь осужденныхъ, съ трудомъ можно было проѣхать къ заколоченному дворцу.

4-го ноября 1794 г. въ обширныхъ, опустѣлыхъ залахъ дворца собрались на первое засѣданіе вновь избранные члены директоріи: Ларевельеръ, бывшій инженерный офицеръ, Летурнеръ, Ревбель, Барра и Сіейсъ, котораго замѣнилъ, въ послѣдній моментъ, Карно.

---

[1]) Edmond Pilon. Barras au Luxembourg.

Ожидавшій ихъ у входа привратникъ Дюглонъ вручилъ директорамъ ключи отъ зданія и принесъ маленькій поломанный столикъ и пять расшатанныхъ стульевъ, на которыя они усѣлись. Засѣданіе происходило въ залѣ нижняго этажа, наименѣе пострадавшемъ во время революціи, гдѣ уцѣлѣли стекла и нѣкоторыя стѣнныя украшенія.

Честолюбіе и любовь къ роскоши, составлявшія отличительную черту Барра, сказались тотчасъ. Въ то время, какъ Ларевельеръ, Летурнеръ и Карно поселились въ маленькомъ Люксембургскомъ дворцѣ, онъ занялъ большой дворецъ со всѣми принадлежащими къ нему службами. По его же, „великолѣпнаго Барра", настоянію, всѣмъ членамъ директоріи было назначено по 150 тысячъ франковъ жалованія. Было приказано, чтобы въ Люксембургскомъ дворцѣ находилось всегда въ караулѣ сто сорокъ человѣкъ пѣхоты и такое же количество кавалеріи; накопецъ, для дворцовой прислуги была придумана особая ливрея: шитый золотомъ свѣтло-красный фракъ съ бѣлымъ жилетомъ, голубой кушакъ съ золотой бахромой, шпага, круглая шляпа съ трехцвѣтнымъ султаномъ.

Дворецъ былъ наводненъ легіонами рабочихъ, которые подновляли позолоту на дверяхъ, карнизахъ, прибивали занавѣси, подвѣшивали люстры, разставляли мебель, вазы съ цвѣтами, бронзу, фарфоръ.

Такимъ образомъ большой Люксембургскій дворецъ, въ которомъ помѣстился Барра, поражалъ роскошью убранства, въ то время какъ малый дворецъ, гдѣ жили прочіе члены директоріи: Карно, человѣкъ науки, любившій тишину и уединеніе; строгій Ревбель, врагъ всего утонченнаго и поклонникъ тишины Ларевельеръ,—имѣлъ самый скромный провинціальный видъ. „Гражданка Ларевельеръ", „со слезами" разставшаяся со своей маленькой квартиркой въ улицѣ Копо, о которой она не могла вспомнить безъ сожалѣнія, сама вела свое скромное хозяйство, подобно графинѣ Кайлюсъ, жившей нѣкогда въ томъ же маломъ дворцѣ; она любила слѣдить за курами, бѣгавшими по птичьему двору, за коровами, стоявшими въ молочной. Самъ Ларевельеръ, человѣкъ скромныхъ вкусовъ и привычекъ, не любилъ шумныхъ, многолюдныхъ собраній и находилъ удовольствіе лишь въ концертахъ устраиваемыхъ въ тѣсномъ кругу друзей, и въ изученіи древесныхъ породъ. У него бывали Дюси и Бернарденъ де-Сенъ Пьеръ.

„Каждую декаду", пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, „у насъ собиралось нѣсколько друзей. Веселыя игры, не выходившія изъ рамокъ приличія, смѣнялись маленькими концертами, коими дирижировалъ Мегюль или я самъ; за концертомъ слѣдовалъ ужинъ. Г-жа Ларевельеръ сама прислуживала. Маленькая группа приглашенныхъ была одушевлена республиканскими идеалами. Бернарденъ, Дюпонъ

де Немуръ и Себастіанъ Мерсье бесѣдовали о литературѣ и философіи; Карно отстаивалъ неприкосновенность членовъ Директоріи; Ларевельеръ спорилъ, излагалъ свои планы и мечты; такъ возникъ мало по малу тотъ маленькій кружокъ деистовъ, тайной главою котораго былъ Ларевельеръ и которые мечтали объ идеальной миролюбивой республикѣ, въ коей процвѣтали бы нравы золотаго вѣка".

Но откуда доносятся эти звуки флейтъ? эти звуки танцевъ? Откуда слышатся пѣсни, вздохи, поцѣлуи? Какое эхо доноситъ ихъ изъ большаго Люксембургскаго дворца до слуха этихъ скромныхъ безпритязательныхъ людей, напоминая имъ о томъ, что тамъ веселится и танцуетъ Барра? Большой Люксембургскій дворецъ ярко освѣщенъ. Тамъ идутъ пиръ, веселье. Изящные щеголи расхаживаютъ, при яркомъ свѣтѣ люстръ, съ щеголихами (merveilleuse); кафтаны бутылочнаго цвѣта съ перламутровыми пуговицами пестрѣютъ рядомъ съ декольтированными пеплонами молодыхъ женщинъ, съ мундирами военныхъ. Смѣшные франты подпрыгиваютъ на ходу, зюзюкаютъ, гримасничаютъ. Въ зеркалахъ отражаются фалды ихъ широкихъ платьевъ, ихъ трехугольныя шляпы, съ которыхъ они уже откололи кокарды.

Вотъ законодатель моды, красавецъ Фреронъ; его шея туго затянута высокимъ воротникомъ; кружевное жебо ниспадаетъ на широкій шелковый жилетъ, короткіе штаны скрѣплены по бокамъ лентами и туго обтягиваютъ икры. За нимъ идетъ толпа какихъ-то подозрительныхъ личностей, среди которыхъ самые завзятые мошенники изъ среды золотой молодежи. Вотъ появилось новое лицо, въ большомъ, слегка напудренномъ парикѣ—это Талейранъ. Вотъ гражданинъ Эгюильенъ (Aiguillon), бывшій герцогъ Ришенье-Дюплесси, пэръ Франціи и полковникъ въ отставкѣ; онъ явился сюда въ поискахъ за г-жею Таліенъ. Вотъ Грезъ, такъ мастерски изображающій на полотнѣ цѣломудренную любовь и любующійся здѣсь наготою женскаго тѣла, вотъ хромой болтунъ Лемерсье, съ нимъ Мари-Жозефъ Шенье. Далѣе Дону, Волней, герцогъ Фитцъ-Джемсъ, Бойли, Губертъ-Робертъ, Колленъ Дарвиль, генералы, военные коммиссары, представители обоихъ совѣтовъ, Гара, Вижэ, Александръ Дюваль, юный Легуве; наконецъ оба Ламета и Феликсъ Лепеллетье де Сенъ-Фаржо. Послѣдніе явились сюда, чтобы видѣть госпожу Таліенъ.

Наконецъ, появляется красавица — героиня 9-го Термидора. Она идетъ опираясь на руку г-жи Шато-Реньо. Онѣ похожи на двухъ сестеръ разнаго типа. Шато-Ренье какъ бы играетъ роль наперсницы Таліенъ; она стушевывается передъ нею, но со свойственной ей граціей и очарованіемъ умѣетъ хранить вокругъ царицы Директоріи какую-то особую женственную прелесть.

„Таліенъ — олицетвореніе самаго изящнаго, совершеннаго типа женской красоты. Безупречныя черты ея прелестнаго лица оживляются блестящими черными глазами и восхитительнымъ цвѣтомъ лица. Ей чрезвычайно идетъ облекающее ея фигуру платье греческаго покроя, которое оставляетъ обнаженными ея дивныя руки и грудь. Улыбка озаряетъ ея лицо, обнажая прелестные зубки, граціозная походка слегка напоминаетъ танецъ. Она хороша собой и нарядна; ее всѣ привѣтствуютъ, ею всѣ восхищаются, ее воспѣваютъ поэты, изображаютъ художники. Это уже не вульгарная Кабаррюсъ, воспѣтая якобинскими легендами, та „донна Терезія, которую жители Бордо съ изумленіетъ видѣли стоящею на колесницѣ, въ красномъ колпакѣ съ пикою въ рукахъ“.

Теперь она сдѣлалась предметомъ всеобщаго поклоненія и восторга. Ее сопровождаетъ толпа молодыхъ женщинъ. Г-жи Сталь и Рекамье считаютсяея интимными друзьями; а эта дама, которая, проходя мимо, склоняется передъ нею—это супруга Бонапарта.

Среди этой толпы блестящихъ женщинъ и мужчинъ, жаждущихъ вкусить всѣ наслажденія жизни, подобно Алкивіаду, въ своей яркой директорской мантіи расхаживаетъ спокойный и невозмутимый Барра.

Среди окружающихъ его женщинъ нѣтъ ни одной, которая бы не была близка ему, нѣтъ мужчины, который бы не заискивалъ въ немъ; все сулитъ ему успѣхъ. Дѣвица Ланжъ обожаетъ его, Таліенъ любитъ его, весь дворъ льститъ ему и воскуриваетъ ему ѳиміамъ.

Послѣ ужина раскроются карточные столы, за которыми будутъ играть въ вистъ или въ „двадцать одинъ“—Талейранъ и г-жа Сталь, Фуше и Миранда и г-жа Шато-Реньо. Вотъ появляется Гойэ. Вмѣстѣ съ нимъ приходятъ граждане Камбасересъ и Савари. Таліенъ идетъ, высоко поднявъ голову, онъ держится прямо, говоритъ громко. У него красавица жена, которую онъ любитъ тихою спокойною любовью; его руки еще запятнаны кровью Робеспьера. Онъ жеманно кланяется Барра.

Но вотъ новая толпа мужчинъ и женщинъ, сопровождающихъ г-жу Сталь. Тутъ военный министръ Милле-Мюро, министръ финансовъ Робертъ-Линде, министръ иностранныхъ дѣлъ Рейнгардъ, Фуше, уже назначенный министромъ полиціи, Маре, Беррье, Дюбуа-Крансе. Вотъ испанскій посланникъ Мускитцъ, прусскій посланникъ баронъ Сандозъ, посолъ Лигурійской республики Бонарди, представитель Цизальпійской республики герцогъ Сербеллони и курфирста Виртембергскаго—Абель. Можно подумать, что тутъ собралась вся Европа, чтобы привѣтствовать счастливаго директора. Цельтнеръ ведетъ подъ руку г-жу Сталь. Они громко говорятъ и смѣются, указывая другъ другу на красавицъ: г-жу Рекамье, во всемъ блескѣ самой ранней

молодости; m-elle де Сантъ-Фаржо, „дочь націи", впослѣдствіи госпожа Виттъ, о которой г-жа Жюно писала, что она была „алѣе розы". Давидъ, Жироде, Гуеренъ увѣковѣчили на полотнѣ божественныя черты этихъ красавицъ, такъ же точно, какъ и остальныхъ мотыльковъ, вертѣвшихся въ этомъ салонѣ.

Но вотъ появился полномочный министръ Баденскаго двора при Французской республикѣ, баронъ Рейценштейнъ, а этотъ высокій, очень красивый молодой человѣкъ, въ яркомъ костюмѣ, —это президентъ совѣта пятисотъ, Люсіенъ Бонапартъ.

Барра ходитъ взадъ и впередъ, всѣмъ улыбается, говоритъ съ мужчинами, склоняется передъ дамами, освѣдомляется объ отсутствующихъ, называетъ фамиліи посланниковъ, представляетъ гостей другъ другу.

Стоящіе у дверей „придверники директорской комнаты" громогласно возвѣщаютъ имена пріѣзжихъ, подобно тому, какъ это дѣлалось въ то время, когда во дворцѣ жилъ братъ короля. Въ хрустальныхъ бокалахъ сверкаетъ и пѣнится дорогое вино и ликеры. Г-жа Шато-Реньо и генералъ-Шавембургъ приготовляютъ столы для азартныхъ игръ, на которыхъ директоръ и красавица Тереза, смѣлая Кабаррюсъ пригоршнями сыплютъ золото. Конта и Рокуръ разыгрываютъ комедію"...

Нигдѣ жизнь не кипѣла такъ бурно, какъ въ салонахъ Барра, нигдѣ не было столько блеска и великолѣпія, не происходило столько оргій, не было такого вѣчнаго праздника. Весь Парижъ стекался въ Люксембургскій дворецъ; это было самое порочное мѣсто республики. Въ прилегавшихъ ко дворцу службахъ помѣщался цѣлый штатъ, начиная отъ секретарей и кончая поварами. На прочихъ директоровъ, запрятанныхъ въ маломъ дворцѣ, едва обращали вниманіе, ихъ затемнялъ новый Периклъ. Никогда еще въ бывшихъ покояхъ Маріи Медичи не замышлялось столько заговоровъ, не происходило столько интригъ, не заключалось столько безмолвныхъ и позорныхъ соглашеній.

Въ салонахъ герцогини Беррійской, въ самыя развратныя времена регентства не было такихъ кутежей. Возмущенный всѣмъ этимъ кроткій Ларевельеръ выражалъ свое презрѣніе къ Барра. Онъ писалъ одному изъ своихъ коллегъ:

„Барра окружилъ себя самыми безпутными главарями анархической партіи, самыми подкупными аристократами, развратными женщинами, промотавшимися кутилами, наложницами и фаворитами. Въ его домѣ свилъ себѣ гнѣздо величайшій развратъ. Онъ поддерживаетъ генераловъ, которые угнетаютъ и грабятъ народъ, продажныхъ администраторовъ, взяточниковъ, поставщиковъ, чиновниковъ, бездѣльниковъ. Онъ окружилъ Директорію величайшими мошенниками".

*

Газеты только и писали о Барра, о его празднествахъ и увеселеніяхъ. Достаточно было, чтобы кто-либо изъ его поваровъ лишилъ себя жизни, чтобы въ газетахъ тотчасъ появилась статья, подъ сенсаціоннымъ заголовкомъ: „Подробности несчастнаго случая въ Люксембургскомъ дворцѣ: самоубійство повара директора Барра".

Съ именемъ Барра были связаны самыя гнусныя исторіи. Случалось, что люди приходили въ негодованіе и оглашали какую-нибудь исторію въ печати. Такъ, напр., извѣстный аббатъ Пуанселенъ высказалъ Барра порицаніе на страницахъ „Gazette de France" послѣ знаменитаго празднества, происходившаго 21-го января 1797 г., въ годовщину казни Людовика XVI, когда Барра произнесъ рѣчь въ якобинскомъ духѣ и старался обѣлить себя отъ всякихъ подозрѣній въ роялизмѣ.

„Тотчасъ послѣ появленія этой статьи, читаемъ въ „Grondeur" (февраль 1797 г.), Пуанселена захватили въ его загородномъ домѣ и потащили въ Люксембургскій садъ. Человѣкъ пятнадцать клевретовъ директора повалили его, связали ему руки, повѣсили его ногами кверху и высѣкли!"

Эта исторія надѣлала много шума.

„Редакторомъ „Gazette de France", которую издавалъ Пуанселенъ, былъ въ то время юный Фіевэ", пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Абрантесъ: „у него хватило гражданскаго мужества выступить обвинителемъ противъ этого гнуснаго покушенія; имъ была подана противъ Директоріи жалоба мировому судьѣ Люксембургскаго квартала, у котораго хватило, въ свою очередь, мужества принять ее".

Барра испугался, помѣстилъ опроверженіе въ газетахъ, оправдывался, предлагалъ даже Пуанселену пріѣхать въ Люксембургскій садъ, указать мѣсто, гдѣ надъ нимъ было произведено насиліе и признать людей его избившихъ. Но Пуанселенъ, застращенный Барра, или, быть можетъ, подкупленный имъ, вдругъ позабылъ все случившееся.

Какъ? его били? его ударили? кто это сказалъ? Развѣ онъ, аббатъ Пуанселенъ, жаловался?

Тогда въ „Grondeur'ѣ" появилась негодующая статья. „Ему приснилось, что его отвезли въ Люксембургскій садъ, ему приснилось, что съ него спустили штаны и что ему наложили то, что всѣмъ извѣстно; ему приснилось, что двѣнадцать или пятнадцать гайдуковъ превратили его сидѣнье въ рубленую говядину!"

„Вотъ такъ бѣдняга, аббатъ Пуанселенъ; чтобы чортъ меня побралъ, если я когда-нибудь стану защищать такую з—у!"

Клубъ роялистовъ въ Клиши заволновался, золотая молодежь негодовала, на стѣнахъ дворца появились оскорбительные пасквили; къ

числу недовольныхъ присоединились оба совѣта. Якобинцы, совершившіе переворотъ въ Преріалѣ, и роялисты, дѣйствовавшіе 13 вендеміера, задумывали снова походъ противъ Люксембургскаго дворца. Въ самыхъ нѣдрахъ Директоріи произошелъ разладъ: только-что избранный въ директора Бартелеми повліялъ на Карно, который разссорился съ Ревбелемъ и Ларевельеромъ.

Тогда Барра рѣшилъ устроить рядъ празднествъ. Неожиданное обстоятельство дало ему возможность поддержать свою популярность и заставить позабыть на время дѣло Пуанселена; то былъ пріѣздъ въ Парижъ посланника султана Селима III, Эссеидъ-Али-Эффенди, по случаю котораго Барра, не жалѣя денегъ, устраивалъ пиршества, фейерверки и разныя увеселенія.

Въ распоряженіе посланника былъ предоставленъ дворецъ Монако, составляющій нынѣ собственность герцогини Талейранъ-Саганъ. Для него былъ открытъ паркъ Монсо, гдѣ посолъ торжественно прогуливался. Но все это были пустяки; самое главное былъ оффиціальный пріемъ посланника въ Люксембургскомъ дворцѣ.

Эссеидъ-Али, заботясь о соблюденіи самаго строгаго восточнаго этикета, выразилъ желаніе ѣхать во дворецъ, нигдѣ не останавливаясь, даже въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и сидѣть одному въ каретѣ, запряженной шестеркой лошадей, которая должна была ѣхать позади всѣхъ экипажей.

Обсужденіе подробностей церемоніала этой дипломатической аудіенціи было возложено на Талейрана.

Пріемъ посла происходилъ 10 термидора и прошелъ къ полному удовольствію всѣхъ участвовавшихъ.

Эссеидъ-Али, отказавшись отъ мысли о знаменитой каретѣ запряженной шестеркой лошадей, пожелалъ отправиться во дворецъ верхомъ, какъ онъ и изображенъ на гравюрѣ той эпохи, гарцующимъ позади своей кареты на довольно тощей лошади, покрытой великолѣпнымъ чепракомъ.

Введенный по пріѣздѣ во дворецъ въ частную гостиную директора Карно, Эссеидъ-Али перешелъ затѣмъ въ роскошно убранное праздничное зало, сооруженное по этому случаю на большомъ дворцовомъ дворѣ, гдѣ „былъ устроенъ полукруглый амфитеатръ, украшенный статуями Свободы, Равенства и Мудрости, и убранный военными трофеями. Въ верхней части амфитеатра, въ глубинѣ, было поставлено пять креселъ для директоровъ; на двухъ боковыхъ эстрадахъ стояли кресла для министровъ; по обѣимъ сторонамъ амфитеатра стояли кресла для дипломатическаго корпуса; конная гвардія Директоріи была разставлена во дворѣ лицомъ ко дворцу; въ саду, на виду у всѣхъ, была поставлена артиллерія. Въ окнахъ дворца

толпились гражданки въ легкихъ, свѣтлыхъ платьяхъ, любуясь необычайнымъ зрѣлищемъ.

Ровно въ пять часовъ, за нѣсколько минутъ до пріѣзда посла, изъ залы засѣданій вышли директора; на нихъ было парадное одѣяніе: бѣлый атласный кафтанъ и панталоны, красная вышитая мантія, голубой поясъ, серебряная сабля на боку и широкополая шляпа, украшенная трехцвѣтными перьями на головѣ; впереди ихъ шла пѣшая стража, придверники и прочія должностныя лица въ живописныхъ костюмахъ à la Van-Dyck, министры и государственный секретарь—всѣ въ новыхъ, съ иголочки, мундирахъ; всѣ эти лица заняли, предназначенныя имъ мѣста на амфитеатрѣ.

Представленіе Эссеидъ-Али совершалось съ большой церемоніей. Его представили министръ внутреннихъ дѣлъ Бенезехъ и Талейранъ. Какъ только онъ подошелъ, всѣ пять директоровъ: Карно, Барра, Ларевельеръ, Бартелеми и Ревбель встали со своихъ мѣстъ. Эссеидъ-Али произнесъ привѣтствіе, которое было переведено драгоманомъ. Ему отвѣчалъ Карно.

Затѣмъ Эссеиду-Али было предложено сѣсть на возвышенномъ креслѣ, по правую сторону отъ директоровъ. Этимъ торжество не окончилось.

„Директоріи представлялись въ тотъ же день и произносили рѣчи маркизъ Массими, полномочный папскій посолъ, и Боккарди, полномочный посолъ Генуэзской республики; военный министръ Шереръ представилъ адъютанта генерала Дюмона, Готье, привезшаго два знамени, взятые Рейнской и Мозельской арміями у непріятеля. Залпъ изъ орудій возвѣстилъ начало празднества Свободы. Воспитанники консерваторіи и оркестръ исполнили симфонію и пропѣли „Гимнъ Свободѣ", Карно произнесъ рѣчь въ честь годовщины 9 термидора и заклеймилъ еще разъ память Робеспьера; подъ мощные звуки „Пѣсни отъѣзда" (Chant du départ) директора торжественно возвратились во дворецъ".

Жизнерадостные парижане, страстные охотники до увеселеній, увлекшись празднествами, быстро позабыли дѣло Пуанселена. Строгій Карно и кроткій Ларевельеръ замѣнили на время Барра, потерявшаго въ мнѣніи общества.

Мужчины и дамы только и мечтали о томъ, какъ бы увидѣть Эссеидъ-Али. Для него были даны празднества въ Тиволи, гдѣ Руджіери сжегъ роскошный фейерверкъ, былъ данъ балъ въ Елисейскомъ дворцѣ, ужинъ въ Идаліи (Idalie). Въ Одеонѣ, который былъ роскошно иллюминованъ, состоялся спектакль въ честь мусульманина.

Въ ложахъ сидѣли г-жа Таліенъ, дѣвица Ланжъ и другія красавицы, соперничая нарядами, кокетствомъ и красотою. Восхищенная

публика рукоплескала. M-elle Ланжъ, съ которой Эссеидъ-Али не сводилъ глазъ, ликовала. Г-жа Таліенъ съ досады разрыдалась и дала себѣ слово отомстить. Это удалось ей нѣсколько дней спустя, въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ она появилась въ платьѣ турецкаго покроя: бѣлой юбкѣ, шелковомъ казакинѣ съ короткими рукавами и полумѣсяцемъ на шеѣ. Это было сигналомъ къ новой модѣ, которая держалась очень долго; дамы стали носить платья турецкаго покроя, тюрбаны, широкія и длинныя шубы, прически à la Bajazet. Г-жа Сталь такъ пристрастилась къ тюрбану, что носила его много лѣтъ спустя.

Въ салонахъ Барра, у Талейрана, въ Тиволи, въ Люксембургскомъ дворцѣ—всюду турецкій посолъ былъ окруженъ толпою красавицъ, имена которыхъ перечислялись въ печати. Въ современномъ листкѣ „le Thé“ приводились имена г-жъ де-Ноаль, Флеріо, Таліенъ, Лешодэ, Гервазіо, Лозаль, Пюисегюръ, Перрего (во времена Имперіи вышедшей замужъ за маршала Мармона, герцога Рагузскаго), Делоръ, Шовеленъ, Маскараль. Посолъ раздавалъ всѣмъ благовонныя пастилки сераля, розовую эссенцію, ладанки съ благословеніемъ муфтія и просилъ сказать имъ по-французски: „красавица, прелестная, очаровательная“.

Стараясь загладить свои политическіе промахи, потакая любви французовъ къ увеселеніямъ, Директорія нашла средство властвовать и даже отчасти снискать любовь народа. Такимъ образомъ, Барра пользовался всякимъ предлогомъ, чтобы дать празднество, балъ, устроить смотръ, сжечь фейерверкъ.

Подходящіе къ тому случаи доставляла ему итальянская кампанія. Въ Парижъ каждый день пріѣзжали курьеры съ отобранными знаменами и извѣстіями о побѣдахъ.

Еще до аудіенціи турецкаго посла въ Люксембургскомъ дворцѣ состоялся пріемъ генерала Ожеро.

„Завтра, 10 жерминаля V года (29-го марта 1794 г.)“, читаемъ въ одномъ объявленіи того времени, „въ полдень, въ садахъ Люксембургскаго дворца состоится блестящее празднество по случаю поднесенія шестидесяти знаменъ, взятыхъ у императора (австрійскаго). Торжество будетъ происходить въ саду, чтобы въ немъ могъ участвовать народъ. Храбрый Ожеро, совершившій всѣ походы въ Испанію, не былъ ни разу побѣжденъ, перешелъ въ Италію. Этотъ герой, правая рука непобѣдимаго Бонапарта, лично поднесетъ знамена. Съ нимъ прибыло пять генераловъ“.

Извѣстна роль, которую сыгралъ впослѣдствіи Ожеро въ существованіе Директоріи и въ переворотѣ 18 фруктидора. Онъ именно собралъ, въ ночь на этотъ достопамятный день, болѣе 12.000 человѣкъ войска вокругъ дворца, гдѣ засѣдали совѣты. Барра, Ревбель, Ларе-

вельеръ ловкимъ маневромъ сумѣли еще разъ удержать въ своихъ рукахъ колебавшуюся власть. Многіе роялисты, генералъ Пишегрю, многіе служащіе, многіе члены совѣта, въ томъ числѣ Лафонъ Ладеба, Барбе-Марбуа, Мюринэ, Роверъ и Тронсонъ-Дюкудрэ были арестованы. Директоръ Бартелеми былъ арестованъ дворцовой стражею въ Люксембургскомъ дворцѣ. Карно удалось бѣжать черезъ садъ, онъ спрятался подъ деревьями и пробрался на аллею обсерваторіи. Въ тотъ же вечеръ мѣсто Бартелеми занялъ Летурнеръ. Арестованные были отведены въ Тампль, а затѣмъ вскорѣ отправлены подъ конвоемъ по дорогѣ въ Орлеанъ.

„Вмѣсто того, чтобы идти по улицѣ Сенъ-Жакъ, разсказываетъ генералъ-адъютантъ Рашель, бывшій въ числѣ арестованныхъ, конвойные, миновавъ мосты, свернули направо, провели насъ подлѣ Люксембургскаго дворца, гдѣ мы простояли болѣе трехъ четвертей часа. Дворецъ былъ ярко освѣщенъ; мы слышали, сквозь громкіе крики веселья стражи, какъ позвали начальника нашего конвоя, отвратительнаго Дютерта, и какъ ему было приказано строго присматривать „за этими господами“. Нѣсколько членовъ совѣта пятисотъ, изъ меньшинства, которое пріобрѣло столь печальную извѣстность, засѣдавшіе въ Одеонѣ, гдѣ происходило знаменитое безсмѣнное засѣданіе, вышли на улицу, чтобы взглянуть на насъ и грубо оскорбили насъ; они были запанибрата съ конвоировавшими насъ егерями, угощали ихъ спиртными напитками, и, подойдя къ нашимъ телѣгамъ, пили за наше здоровье и говорили о прощеніи и помилованіи.

„Бурная ночь, отблескъ костровъ, горѣвшихъ вокругъ Одеона, и вопли террористовъ придавали этой прощальной сценѣ зловѣщій видъ, вполнѣ достойный тѣхъ варваровъ, которые подготовили ее. Наконецъ, нашъ конвой тронулся, прошелъ по Адской улицѣ, и мы вышли изъ Парижа“ [1]).

Барра торжествовалъ и только и мечталъ о томъ, какъ бы упрочить власть, коей онъ являлся высшимъ представителемъ. Послѣ Ожеро онъ задумалъ привлечь на свою сторону главнокомандующаго итальянской арміей. 20 фримера VI года, Директорія торжественно принимала въ Люксембургскомъ дворцѣ самого Бонапарта. Во дворцѣ былъ воздвигнутъ большой алтарь отечества, передъ которымъ возвышалась эстрада директоровъ. Эти послѣдніе появились на ней въ своихъ роскошныхъ костюмахъ. Вдоль стѣнъ были разставлены, въ видѣ трофея, отнятыя у непріятеля знамена. Стѣны были задрапированы трехцвѣтной матеріей, подобранной военными арматурами и гражданскими эмблемами. На высокихъ помостахъ возсѣдали всѣ знаменито-

[1]) Fructidor, par l'adjutant général Resmel.

сти парижскаго свѣта. Среди нихъ, рядомъ съ „вѣрнымъ" Талейраномъ сидѣлъ Эссеидъ-Али, дававшій на другой день въ честь Бонапарта балъ. Самыя первыя красавицы Директоріи придавали еще болѣе блеска собранію, въ которомъ сверкали мундиры.

Костюмы турецкаго и греческаго покроя перемѣшивались съ доломанами гренадеръ и гусаръ. Рядомъ съ г-жею Таліенъ можно было видѣть г-жу Рекамье, потерявшую счетъ своимъ поклонникамъ, которая мечтала о побѣдѣ надъ героемъ, стяжавшимъ военные лавры

„Самъ Бонапартъ, писалъ Ламартинъ, былъ пораженъ такъ же, какъ и всѣ остальные, этой выдающейся красавицей Парижа. Онъ замѣтилъ ее издали, въ толпѣ, на празднествѣ, данномъ въ честь его Директоріей въ Люксембургскомъ дворцѣ".

Несмѣтная толпа народа наполнила дворцовые сады. Тамъ танцовали и пили. Директорія вручила Бонапарту знамя для итальянской арміи. Этотъ день прошелъ шумно и воинственно.

Это было не послѣднее и не единственное празднество въ этомъ родѣ, происходившее въ стѣнахъ Люксембургскаго дворца.

30 преріаля VII года въ Парижѣ снова вспыхнули волненія. Трельяръ, Ларевельеръ и Мерленъ де Дуэ были вынуждены уступить директорскія мѣста Гойэ, Роже-Дюко и Мулену. Въ Люксембургскомъ дворцѣ водворилась вновь борьба партій. Въ концѣ концовъ Ларевельеръ ушелъ въ отставку и удалился вскорѣ въ Андилли, близъ Монморанси, гдѣ онъ погрузился въ свои любимыя книги и цвѣты. Его примѣру послѣдовалъ Мерленъ де Дуэ. Барра торжествовалъ, но ненадолго. Въ клубѣ манежа, игравшемъ ту же роль, какъ клубъ Клиши, гдѣ собирались члены оппозиціи, громко требовали избранія Бонапарта: за него были Ожеро, Люсіенъ Бонапартъ, генералъ Моро, Мекдональдъ, Бертье, Берновиль, Мюратъ, Лефевръ и множество офицеровъ. 18 брюммера было неизбѣжно. Еще пять дней, и Директорія должна была пасть.

Сосредоточеніе огромныхъ военныхъ силъ обезпечило Бонапарту власть. Въ то время, какъ онъ самъ отправился въ Сенъ-Клу, въ совѣтъ пятисотъ, Ланнъ двинулся на Тюильри, а генералъ Моро, во главѣ отряда въ пятьсотъ человѣкъ окружилъ садъ Люксембургскаго дворца.

Барра, не ожидавшій такого поспѣшнаго нападенія со стороны Бонапарта, сидѣлъ въ ваннѣ, въ тотъ моментъ, когда ему донесли объ этомъ. Вскорѣ ему пришли сказать, что войска окружили дворецъ исполнительной директоріи. Пораженный, не понимая въ чемъ дѣло, онъ сталъ спѣшить; онъ считалъ свое владычество нескончаемымъ, свою власть безграничной.

Вскорѣ ему пришлось подумать объ отъѣздѣ въ свое имѣніе Гро-

буа, гдѣ у него было скоплено столько богатствъ, не говоря о роскошной мебели и картинахъ. Онъ призвалъ своего секретаря Ботто и поручилъ ему изъявить отъ его имени покорность Бонапарту.

Онъ самъ написалъ ему письмо, которое можетъ служить образцомъ пошлости и искусства. Его прочелъ вслухъ Люсіенъ Бонапартъ. Въ то же время къ Барра прибѣжали Муленъ и Гойэ, его коллеги, не измѣнившіе ему такъ подло, какъ Сіейсъ и Роже Дюко. Они застали Барра очень блѣднымъ, разстроеннымъ, но не обнаруживавшимъ слабости.

Во дворецъ только-что пріѣхала Таліенъ, со слезами умолявшая генерала Моро разрѣшить ей свиданіе съ Барра.

— Что же ты предпримешь? сказала она.—Бонапартъ побѣдитель; народъ, который тебя обожалъ, пока ты могъ давать ему празднества, кричитъ сегодня, требуя твоей головы, и Бонапартъ защищаетъ тебя отъ его злобы. Что ты намѣренъ дѣлать? Лишившись власти, постарайся, по крайней мѣрѣ, уберечь свою славу". Барра пожалъ плечами:

— Что же мнѣ дѣлать, какъ ни сидѣть спокойно и просить Бонапарта, чтобы онъ дозволилъ мнѣ жить спокойно въ Парижѣ. Я поѣду въ оперу [1]).

Это были послѣднія политическія слова Барра.

Бонапартъ заставилъ ждать своего отвѣта. Барра получилъ его лишь 19 брюмера. Онъ провелъ томительную ночь. Всѣ попытки, сдѣланныя Гойэ и Муленомъ, не привели ни къ чему. Имъ пришлось возвратиться во дворецъ, гдѣ они были арестованы генераломъ Моро.

На другой день Барра уѣхалъ, наконецъ, изъ Люксембургскаго дворца, бросивъ послѣдній разъ взглядъ на эти роскошные салоны, эти великолѣпные обои, на всю эту роскошь, среди которой протекала его порочная жизнь.

У подъѣзда ожидала карета. Когда онъ сѣлъ въ нее, экипажъ былъ окруженъ отрядомъ драгунъ. Командовавшій ими офицеръ приказалъ отвезти Барра въ Гробуа. Нѣсколько времени спустя, улица Турнонъ была заполнена кавалеріей, которая выстроилась передъ Люксембургскимъ дворцомъ. Тутъ были всѣ войска парижскаго гарнизона съ Ланномъ, Бессьеромъ и Мюратомъ во главѣ. Во дворъ Люксембургскаго дворца въѣхала карета, запряженная шестеркой великолѣпныхъ бѣлыхъ лошадей; войска сдѣлали на караулъ. Изъ кареты вышелъ генералъ Бонапартъ.

---

[1]) Записки г-жи Абрантесъ.

Цензура при Наполеонѣ III.

Какова была въ нѣкоторыхъ случаяхъ французская цензура въ указанное время, могутъ наглядно служить нѣсколько данныхъ, приводимыхъ въ „Nouvelle Revue".

Вотъ, напримѣръ, три рапорта, составленныхъ въ 1851 году по поводу драмы „Дама съ камеліями" Александра Дюма-сына, принятой къ постановкѣ на сценѣ театра Водевиль.

Первый рапортъ, помѣченный отъ 28-го августа 1851 г., гласитъ: Пьеса рисуетъ лихорадочную жизнь и беззастѣнчивый разгулъ, которому безъ удержу предаются женщины легкаго поведенія, которыя въ погонѣ за наслажденіями, роскошью и блескомъ, не щадятъ ничего, даже собственнаго здоровья, но у которыхъ, среди ихъ пресыщенія, иногда просыпается сердце, и, тогда, слѣдуя его голосу, онѣ способны на порывы величайшей преданности и самоотверженности.

„Такова Маргарита, прозванная „Дамой съ камеліями" за то, что она никого не любитъ и носитъ только эти цвѣты безъ запаха. Изъ бѣдной работницы-бѣлошвейки, въ началѣ своей карьеры, она попадаетъ подъ благосклонное покровительство стараго герцога и открыто состоитъ на содержаніи богатаго графа, щедроты котораго, не считая постороннихъ подарковъ, достигаютъ ежегодно пятидесяти тысячъ франковъ, которые она тратитъ съ безумной расточительностью; тѣмъ болѣе, что, чувствуя себя неизлѣчимо больной какимъ-то невѣдомымъ недугомъ, она хочетъ хотя недолго, но хорошо пожить".

Далѣе слѣдуетъ содержаніе пьесы, изложенное тѣмъ своеобразнымъ стилемъ, къ которому прибѣгаютъ гг. цензора, когда желаютъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ произведеніе, которое они уже обрекли на казнь. Забавно прослѣдить, къ какимъ иносказательнымъ образамъ и недомолвкамъ они прибѣгаютъ, чтобы не называть вещи ихъ настоящими именами и даже для того, чтобы исказить мысль автора. Вотъ цензорскій отзывъ:

„Послѣ четырехъ дней подъ рядъ, когда Арманъ каждый вечеръ приходилъ въ полночь и удалялся только въ тѣ часы, въ которые удаляются утромъ тѣ, которыхъ любятъ и которыхъ принимаютъ въ полночь, Маргарита попросила своего возлюбленнаго дать ей покой на пятую ночь, но Арманъ, обезумѣвшій отъ любви, уже ревнуетъ, какъ тигръ. Онъ подозрѣваетъ, что она хочетъ принять кого-то. Но она просто утомлена. Вѣдь, не каждый же день, или вѣрнѣе, не каждую же ночь, праздникъ.—Клянись мнѣ, что ты никого не ожидаешь. — Клянусь тебѣ, что я люблю тебя, только тебя одного; до-

статочно ли тебѣ этого?.. Арманъ, скрѣпя сердце, удаляется, а графъ, котораго она, какъ ей кажется, также любитъ, замѣняетъ его...“

Послѣ изложенія пьесы, первый отзывъ заканчивается такимъ образомъ:

„Этотъ анализъ, хотя крайне неполный, какъ со стороны фактовъ, такъ и скандальныхъ подробностей, все же достаточно выясняетъ, на сколько эта пьеса затрогиваетъ чувство нравственности и общественной стыдливости.

Это картина, въ которой выборъ дѣйствующихъ лицъ и яркость сгущенныхъ красокъ превосходятъ самыя крайнія границы театральной терпимости. Неудобство затронутаго сюжета и его изображеніе на сценѣ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ является воспроизведеніемъ жизни одной недавно умершей женщины, давшей матеріалъ одному романисту и одному талантливому критику написать книгу и біографію, сдѣлавшіяся на столько популярными, что этимъ вполнѣ объясняется, на сколько нѣкоторыя положенія и подробности могли бы оказаться на подмосткахъ непристойными [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и единодушнаго нашего мнѣнія, мы почтительнѣйше предлагаемъ г-ну министру не давать разрѣшенія на постановку этой пьесы“.

Александръ Дюма-сынъ, какъ равно и директеръ театра Водевиль, конечно, не удовлетворились этимъ запрещеніемъ, и пьеса, послѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ, была снова представлена на просмотръ гг. цензорамъ, и тѣ положили слѣдующую резолюцію:

„Г. Буффе, отъ имени директора театра Водевиль, обратился къ намъ по поводу пьесы въ пяти актахъ и шести картинахъ безъ куплетовъ, подъ названіемъ „Дама съ камеліями“, и представилъ новую рукопись этой пьесы, изъ которой, по его словамъ, авторъ выкинулъ всѣ мѣста, наиболѣе возбудившія наше неодобреніе. Мы не считали себя въ правѣ отказаться отъ новаго пересмотра пьесы. Но вторичное чтеніе убѣдило насъ, что по существу и по развитію дѣйствій пьеса остается все той же. Это по-прежнему картина нравовъ и интимной жизни продажныхъ женщинъ. Маргарита продолжаетъ получать средства отъ стараго герцога и графа, съ разсчетомъ ликвидировать свое прошлое и начать спокойную жизнь въ деревнѣ съ Арманомъ, котораго любитъ ради его самого, а когда ей приходится отказаться отъ этого друга сердца, она принимаетъ состояніе, предложенное г-мъ де-Варвиль, и открыто становится его любовницей.

---

[1]) Романистъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ г. Дюма-сынъ, а критикъ никто иной, какъ г. Жюль Жаненъ.

При такомъ положеніи вещей, мы единогласно настаиваемъ на соображеніяхъ и резолюціи, высказанныхъ въ нашемъ отзывѣ, отъ 28-го августа с. г.".

Наконецъ, послѣ третьяго просмотра пьесы гг. цензора составили 1 октября 1851 года нижеслѣдующій третій отзывъ:

„При третьемъ тщательномъ просмотрѣ пьесы „Дама съ камеліями", мы признали, что въ рукописи, присланной намъ г. министромъ, сдѣлано много купюръ. Но мы убѣдились также, что это изъятіе болѣе или менѣе рискованныхъ деталей все-таки не устраняетъ отмѣченныхъ нами въ отзывахъ, отъ 28-го августа и 1-го сентября, существенныхъ неудобствъ въ самой основѣ пьесы.

„Правда, двѣ картины слиты въ одну, но эта работа, равно какъ и другія купюры ничего не измѣнили въ основной части пьесы; она сокращена, но не переработана. Драма, съ точки зрѣнія нравовъ и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, остается прежней.

Въ виду всего этого, мы, съ крайнимъ сожалѣніемъ, все-таки считаемъ своимъ долгомъ настаивать на выводахъ и заключеніяхъ, высказанныхъ въ нашихъ предшествовавшихъ отзывахъ".

Несмотря на эти отзывы, пьеса все-таки была поставлена, благодаря вмѣшательству г. де-Морнее, и уже извѣстно, какой она имѣла огромный успѣхъ. Публика оказалась менѣе щепетильной, чѣмъ гг. цензора.

„Mademoiselle de-la Seiglière". Казалось бы, что, если есть пьеса, которая менѣе всего можетъ навлечь запреты суровой madame цензуры, то это безспорно утонченно-изящное произведеніе г. Жюля Сандо. Эта пьеса, принятая въ 1851 году къ постановкѣ во французскомъ театрѣ, подъ названіемъ: „Замокъ де-ла Сейглієръ", была тѣмъ не менѣе запрещена цензурой.

Изложивъ содержаніе пьесы,—конечно, отчасти, по ихъ способу,— гг. императорскіе цензора заканчиваютъ такъ свое постановленіе:

„Конечно, въ содержаніи пьесы нѣтъ ничего такого, что̀ не было бы безусловно морально и намъ оставалось бы только разрѣшить, если бы мы не усмотрѣли въ спорѣ о „національныхъ имуществахъ" возможнаго повода къ раздраженію, а въ лицѣ стараго маркиза—смѣшное и до нѣкоторой степени отвратительное олицетвореніе стараго режима, чѣмъ, конечно, могутъ быть задѣты нѣкоторыя личности. Обративъ на этотъ предметъ вниманіе авторовъ, гг. Жюля Сандо и Г. Ренье изъ французской комедіи, мы получили отъ нихъ отвѣтъ въ такомъ духѣ:

„Какъ люди, стоящіе совершенно въ сторонѣ отъ всякой политической борьбы, они хотѣли только создать чисто литературное произведеніе и старались очертить характеры дѣйствующихъ лицъ, по воз-

можности, жизненнѣе, что же касается маркиза де-ла Сейглiеръ, роль котораго такъ насъ напугала, то на-ряду съ нимъ они поставили въ самыя благородныя и самыя симпатичныя условiя двѣ личности, m-lle де-ла Сейглiеръ и Рауля де-Воберъ, олицетворяющихъ молодую, современную аристократiю. Измѣнить же характеръ маркиза авторы не могутъ, такъ какъ иначе они обезцвѣтили бы все свое произведенiе. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманiе наши замѣчанiя, авторы обѣщали вычеркнуть въ своей комедiи все то, что по существу можетъ дать серьезные поводы къ сомнѣнiю.

„Работа эта была выполнена, хотя, быть можетъ, и не столь радикально, какъ намъ было бы желательно, тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что мѣста, которыя мы въ особенности рекомендовали вниманiю авторовъ, частью вычеркнуты, частью передѣланы, и мы склонны думать, что пьеса можетъ быть поставлена на сценѣ, не возбуждая серьезныхъ нареканiй. Тѣмъ не менѣе, въ виду тѣхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые затрогиваются въ пьесѣ, и въ виду неизвѣстности по поводу того, въ какой мѣрѣ г. министръ намѣренъ оказать защиту могущимъ быть затронутыми чувствамъ недовольства, мы считаемъ своимъ долгомъ рекомендовать это произведенiе его особенному вниманiю для личнаго его одобренiя".

Андрэ дель Сарто. Даже самому очаровательному поэту, Альфреду де-Мюссе, не всегда удавалось ускользать отъ столкновенiй съ цензурой. Всѣмъ извѣстна, хотя бы только въ чтенiи, его чарующая драма „Андрэ дель-Сарто". Принятая къ постановкѣ въ театрѣ Одеонъ въ 1851 году, она дала поводъ гг. цензорамъ къ двумъ отзывамъ, выводы которыхъ мы здѣсь приводимъ.

Этотъ разборъ (пьесы) достаточно показываетъ, на сколько не цензурна пьеса, какъ по основному своему сюжету, такъ и по различнымъ эпизодамъ, содѣйствующимъ развитiю дѣйствiя.

Въ ней выставлена любовь, доведенная до такой экзальтацiи, что находитъ въ себѣ силу на оправданiе даже измѣны, адюльтера и убiйства, и, въ заключенiе, мужъ рѣшается на самоубiйство для того, чтобы избавить отъ угрызенiй совѣсти преступную жену и вѣроломнаго друга, обагреннаго кровью.

Помимо всего этого, мы думаемъ, что представленiе „Андрэ дель-Сарто" будетъ имѣть еще совершенно особыя неудобства на сценѣ театра, посѣщаемаго учащейся молодежью и субсидируемаго правительствомъ.

Вслѣдствiе этого мы не считаемъ себя въ правѣ предложить къ разрѣшенiю этой пьесы въ ея настоящемъ видѣ.

Между прочимъ, имѣется еще одно обстоятельство, которое мы должны привести на благосклонное усмотрѣнiе г. министра. Эта

пьеса заимствована изъ стараго давно отпечатаннаго сборника. Первоначально ея прототипъ былъ въ трехъ актахъ. Поставленная въ 1848 году, на сценѣ французскаго театра, пьеса успѣха не имѣла и выдержала весьма малое число представленій.

Второй отзывъ. Въ то время, когда мы подписывали вышеприведенный отзывъ, директоръ театра „Одеонъ", предвидя затрудненія съ пьесой, явился самъ просить насъ сообщить ему наше мнѣніе прежде, чѣмъ оно будетъ представлено г. министру. Мы не считали себя въ правѣ отказать его просьбѣ и сообщили ему все то, что возбудило въ пьесѣ наше неодобреніе. Онъ обѣщалъ передать наши замѣчанія автору и вскорѣ привезъ намъ рукопись, въ которой были сдѣланы столь существенныя измѣненія, что изъ пьесы совершенно исчезли тѣ нецензурныя мѣста, которыя мы замѣтили при первомъ чтеніи. Для противовѣса слишкомъ пылкимъ теоріямъ и парадоксамъ, авторъ ввелъ реплики въ формѣ корректива, значительно смягчающія смыслъ. Слишкомъ рѣзкія детали смягчены, или совершенно выброшены. Въ заключеніе Кордіани умираетъ отъ раны и искупаетъ такимъ образомъ свою измѣну и свой проступокъ; такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы двое виновныхъ остались счастливыми и свободными, благодаря смерти Андрэ, остается одна только женщина, вдвойнѣ наказанная за свое преступленіе утратой любовника и самоубійствомъ мужа, память о великодушіи котораго теперь только усугубляетъ ея угрызенія совѣсти.

При такомъ положеніи вещей и, принимая во вниманіе уже состоявшуюся репетицію въ то время, когда пьеса была въ гораздо менѣе допустимомъ видѣ, мы пришли къ выводу, что, при коренной передѣлкѣ и прочихъ измѣненіяхъ, внесенныхъ авторомъ, нѣтъ болѣе основанія настаивать на выводахъ нашего предъидущаго отзыва; а потому мы предлагаемъ разрѣшеніе пьесы.

„Діана". Цензура, хотя и не посмѣла запретить этого прекраснаго произведенія Эмиля Ожье, тѣмъ не менѣе она сочла нужнымъ, рапортомъ отъ 3 февраля 1852 года, довести до свѣдѣнія министерства о неудобствахъ, могущихъ возникнуть отъ постановки этой пьесы.

Рапортъ этотъ отнюдь не лишенъ находчивости, такъ какъ благодаря ему г.г. цензора очень ловко выгораживаютъ самихъ себя.

Въ этой пьесѣ роли двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ принадлежатъ Ришелье и Діанѣ. Молодая дѣвушка такъ энергично разстраиваетъ покушеніе на жизнь нужнаго Франціи человѣка, что нецензурность самаго покушенія намъ кажется сглаженной общимъ характеромъ всего произведенія.

„Кромѣ того эта драма была лично изустно одобрена предше-

ственникомъ г-на министра, хотя формальнаго разрѣшенія еще не успѣли выдать.

„Независимо отъ этого высокаго одобренія, наше личное мнѣніе также привело бы насъ къ испрошенію разрѣшенія, которое мы имѣемъ честь представить господину министру.

„Однако, каковы бы ни были благія намѣренія авторовъ, ихъ осторожность и талантъ, подобный сюжетъ не можетъ подвергнуться разработкѣ безъ того, чтобы не возникли возраженія, которыя мы и должны представить на высокое усмотрѣніе г. министра, въ видѣ нѣсколькихъ выдержекъ.

„Какъ бы ни были гнусны и безсмысленны подозрѣнія, противъ которыхъ возмущается наше гражданское чувство, долгъ разслѣдователей заставляетъ насъ приступить безъ ложной щепетильности къ этому деликатному вопросу.

„Какіе упреки наша непредусмотрительность вызвала бы со стороны г. министра, еслибы недоброжелательность враждебныхъ партій вдругъ вспыхнула бы публично въ театрѣ по поводу нижеслѣдующихъ строфъ.

Дѣйствіе II.—Сцена 3 (между заговорщиками).

„Убьемъ кардинала. Нанеся ударъ, уѣдемъ въ Седанъ и будемъ ждать результата.

„Кто теряетъ время,—теряетъ все противъ такого противника“.

„Смерть его оправдапа, коль скоро она необходима“.

„Моя ненависть къ тираннамъ разгорается въ тиши“.

„О, съ какимъ нетерпѣньемъ я стряхнулъ бы свои цѣпи!“

„Мы считаемъ долгомъ обратить особенное вниманіе г. министра на эту спену“.

Діана де-Ли (Diana de Lys). Г-ну Александру Дюма-сыну рѣшительно не везло въ его сношеніяхъ съ цензурой. Послѣ „Дамы съ камеліями“, его новая пьеса „Діана де-Ли“ подверглась запрещенію цензуры въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Вотъ причины, которыя были указаны въ данномъ случаѣ г.г. цензорами въ ихъ отзывѣ отъ 10 января 1853 г.

„Въ этой драмѣ, если страсть не проповѣдуетъ адюльтера, то утонченный порокъ распространяетъ заразу. Отъ постановки подобнаго рода пьесы, по нашему мнѣнію, возникаетъ троякаго рода опасность.

„Подрывая основы брака, драма расшатываетъ семью; изображая въ ложномъ свѣтѣ людей высшаго круга, она даетъ поводъ къ нареканіямъ противъ высшихъ классовъ общества, наконецъ она одухотворяетъ на сценѣ тѣ теоріи упадка нравственности, которыя съ 1830 года воцарились въ современныхъ драмѣ и романахъ.

„Въ виду всего этого и по единогласному нашему рѣшенію, мы

не считаемъ себя въ правѣ рекомендовать разрѣшеніе этого произведенія".

Однако послѣ нѣсколькихъ значительныхъ поправокъ, внесенныхъ г. Дюма-сыномъ въ его произведеніе, гг. цензора отмѣнили рапортомъ отъ 14 ноября 1853 г. ихъ первоначальное запрещеніе.

Молодость Людовика XV (La jeunesse de Louis XV) у Александра Дюма-отца, такъ же, какъ и у его сына, бывали недоразумѣнія съ цензурой. Такъ, напримѣръ, его пьеса „Молодость Людовика XV" была воспрещена цензурой нижеслѣдующимъ рапортомъ отъ 9 ноября 1853 г.

„Людовику XV 23 года; его любовь къ королевѣ мало-по-малу охладѣла. Эта принцесса также отвернулась отъ него и, вотъ, весь дворъ наперерывъ старается навязать королю метрессу и т. д. Не касаясь пьесы по существу, мы отмѣчаемъ только: цинизмъ супружеской покладливости завѣдующаго государственной казной Дево. Имя кардинала Флери замѣшано также въ интригу, недостойную нравственнаго облика этого пастыря. И вообще вся эта слишкомъ ярко подчеркнутая придворная коалиція противъ добродѣтели короля.

„Эти важныя неудобства не позволяютъ намъ, при нынѣшней формѣ произведенія, рекомендовать его къ разрѣшенію".

Лоріанская ярмарка (La foire de Lorient) на-ряду съ серьезными произведеніями, принадлежавшими перу самыхъ извѣстныхъ драматическихъ авторовъ, запрещеніямъ цензуры подвергались также и простые водевили, даже фарсы.

Вотъ почему маленькій водевиль „Le foire de Lorient" вызвалъ со стороны гг. цензоровъ слѣдующій глубокомысленный отзывъ:

„Театръ представляетъ ярмарку. Сцена занята двумя конкурирующими между собой балаганами. Первый принадлежитъ Фанфарону, великому сѣверному силачу; другой, увѣнчанный полумѣсяцемъ, принадлежитъ Саладину, первому эквилибристу въ Европѣ.

„Нѣтъ ли основанія опасаться, что въ изображеніи сѣвернаго силача Фанфарона имѣются оскорбительныя указанія на одного монарха, о которомъ, въ связи съ намеками на Константинополь, предписывается, по особому распоряженію г. министра, вовсе не касаться со сцены?

„Въ этомъ вопросѣ высшей политической учтивости мы ожидаемъ особыхъ предписаній отъ его превосходительства".

Взоръ министра (Un regard de Ministre). Но самые интересные отзывы гг. цензоровъ не всегда были самыми пространными. Наоборотъ, они страдаютъ краткостью, какъ это видно по нижеслѣдующему отзыву объ одноактномъ водевилѣ, подъ названіемъ „Взоръ министра".

„21 іюля 1854 г.

... мы рекомендуемъ пьесу къ разрѣшенію, но подъ условіемъ измѣненія заглавія, которое намъ кажется недопустимымъ“.

Домовладѣльцы такъ же, какъ и гг. министры пользовались особымъ покровительствомъ цензуры, что видно изъ приведеннаго ниже рапорта.

Повышеніе квартирной платы (La Hausse des Loyers). Водевиль въ одномъ дѣйствіи г. Любиза. Плисоно, квартиронаниматель, громитъ домовладѣльцевъ за повышеніе квартирной платы, но, сдѣлавшись самъ домовладѣльцемъ, далеко превосходитъ своего предшественника въ требовательности и безжалостныхъ надбавкахъ на квартирантовъ, изъ чего какъ-бы слѣдуетъ, что достаточно сдѣлаться домовладѣльцемъ, чтобы превратиться въ гнусное существо (un être immonde). Но фабула здѣсь является только предлогомъ для самыхъ рѣзкихъ нападокъ на всѣхъ собственниковъ. Родственники, друзья, помолвленные женихъ и невѣста, слуги, даже дѣти, однимъ словомъ, всѣ въ этой пьесѣ, словно на перебой, стараются забросать домовладѣльцевъ грязью. Быть собственникомъ, значитъ, быть палачемъ своихъ согражданъ, гонителемъ рода человѣческаго.

„Мы полагаемъ, что эта опасная пьеса не можетъ быть допущена къ представленію, а потому мы не беремся рекомендовать ее къ разрѣшенію.

„Авторъ въ письмѣ къ министру ссылается на нѣкоторые отрывки изъ „Обозрѣній“ (Revue), разрѣшенныхъ цензурой до конца минувшаго года и затрогивающихъ домовладѣльцевъ. Но существуетъ огромная разница между безобидными шутками, затерявшимися на протяженіи нѣсколькихъ актовъ и картинъ театральнаго обозрѣнія, и пьесой, имѣющей серьезное значеніе, не взирая на комическій элементъ, въ изобиліи примѣшанный къ основному сюжету.

„Вотъ почему мы можемъ только настаивать на нашемъ первоначальномъ отказѣ въ разрѣшеніи къ постановкѣ этой пьесы“.

Приводимъ здѣсь же упомянутое въ отзывѣ цензоровъ письмо автора.

„Господинъ министръ. Водевиль „Повышеніе квартирной платы“ является не болѣе, какъ повтореніемъ всего того, о чемъ уже неоднократно говорилось въ обозрѣніяхъ въ 1852 и 1853 гг. Къ тому же эта маленькая пьеса не только не заключаетъ въ себѣ памфлета на домовладѣльцевъ, но является просто этюдомъ человѣческаго сердца, что я и докажу, изложивъ пьесу въ двухъ словахъ. Квартирантъ, раздраженный и негодующій на повышеніе квартирной платы, натравляетъ на домовладѣльца свою дочь, своего цирюльника и свою

служанку. Но, сдѣлавшись, въ свой чередъ, домовладѣльцемъ, онъ надбавляетъ еще сверхъ цѣнъ прежняго домовладѣльца и проявляетъ настоящее скаредничество, коль скоро дѣло касается его личныхъ интересовъ. Во всемъ этомъ, какъ изволите видѣть, ваше превосходительство, нѣтъ ничего особенно опаснаго.

„Намъ уже и такъ воспрещено выставлять съ комичной стороны священнослужителей, чиновниковъ и военныхъ, и было бы, право, даже жестоко отнять у насъ буржуа. Если же домовладѣльцы злоупотребляютъ, чего въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя отрицать, то это еще очень безобидно, если мы слегка подшутимъ надъ ихъ алчностью.

„Нельская башня“ („Le Tour de Nesle“). Произведеніе Александра Дюма-отца и Гильярдэ было впервые поставлено на сценѣ театра La Porte Saint-Martin 29 мая 1832 г. Въ тѣ времена еще не существовало драматической цензуры. Пьеса имѣла огромный успѣхъ и выдержала 300 представленій въ Парижѣ.

Въ 1836 году, когда была основана цензура, Тьеръ пригласилъ въ свой кабинетъ коммиссію цензоровъ и рекомендовалъ имъ не разрѣшать пьесъ въ родѣ „Нельской башни“. Тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайной популярности этой драмы снять ее съ репертуара и запретить тогда не рѣшились. Только въ 1853 году болѣе смѣлый и рѣшительный де-Персиньи, министръ внутреннихъ дѣлъ, включилъ „Нельскую башню“ въ число запрещенныхъ пьесъ. Однако, по просьбѣ многочисленныхъ театральныхъ директоровъ, пьеса была отдана на пересмотръ цензуры, постановившей слѣдующій отзывъ:

„Нельская башня“ принадлежитъ къ тѣмъ пьесамъ, которыми мотивировано было въ 1835 году возстановленіе драматической цензуры, не въ силу какихъ-либо соображеній текущей политики, но съ точки зрѣнія общественной нравственности всѣхъ временъ.

„Если многихъ благонамѣренныхъ людей шокируетъ униженіе, до котораго доходятъ царственныя особы въ пьесѣ „Царица“ (Czarine), то возможно ли разрѣшить къ представленію драму, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ фигурируетъ королева Франціи Маргарита Бургонская, которая, послѣ еженочныхъ оргій, приказывала бросать въ Сену трупъ того возлюбленнаго, которому отдавалась въ ту ночь.

„Пьеса эта—есть безконечный рядъ преступленій и чудовищностей, она была подвергнута запрещенію по приказанію высшаго начальства, и цензурная коммиссія не находитъ ни въ своей совѣсти, ни въ своемъ опытѣ никакихъ мотивовъ для отмѣны этого, болѣе чѣмъ справедливаго, запрета.

„Коммиссія усердно проситъ всѣхъ тѣхъ, которые пожелали бы

ходатайствовать о снятіи запрещенія съ этого, безспорно высокоталантливаго произведенія прочесть его предварительно съ точки зрѣнія общественной морали, уваженія къ коронованнымъ лицамъ и вообще впечатлѣнія, которое могутъ произвести подобныя картины на настроеніе массъ.

„Коммиссія полагаетъ, что, разрѣшивъ теперь это крупное произведеніе, она повлекла бы къ неизбѣжному возстановленію всѣхъ запрещенныхъ пьесъ и открыла бы настежь двери передъ той беззастѣнчивой литературой, которая причинила уже столько скандаловъ и столько несчастій.

Представленіе этой пьесы представляется коммиссіи противорѣчащимъ взглядамъ и интересамъ правительства".

„Олимпійскій бракъ" („Le Mariage d'Olympe") Гг. цензорамъ показалось также недостаточно моральной превосходная пьеса Эмиля Ожье „Олимпійскій бракъ", разрѣшенная только послѣ многочисленныхъ передѣлокъ.

„Намъ кажется,—писали цензора,—что по основной фабулѣ произведеніе можетъ быть допустимо, подробности же заходятъ слишкомъ далеко и вотъ главные пункты, возбуждающіе наши возраженія:

1. Личность матери, встрѣчающейся съ дочерью и принимающей участіе въ ужинѣ втораго дѣйствія, намъ кажется неестественной. Мать, раздѣляющая и поддерживающая дурныя страсти дочери, не должна фигурировать подъ этимъ именемъ въ пьесѣ.

2. Финалъ не можетъ быть допустимымъ съ моральной и религіозной точекъ зрѣнія. Старикъ, олицетворяющій собой идеалъ чести и добродѣтели, не долженъ быть выставленъ кончающимъ самоубійствомъ, послѣ того, какъ имъ совершенъ актъ правосудія убійствомъ, тѣмъ временемъ, какъ его жена присутствуетъ при катастрофѣ, стоя на колѣняхъ и молясь Богу.

При устраненіи этихъ условій и другихъ особо указанныхъ деталей, мы полагаемъ, что пьеса можетъ быть допущена къ представленію".

„Соборъ Парижской Богоматери" (Notre Dame de Paris). Пьеса, передѣланная г. Полемъ Фуше изъ прекраснаго романа Виктора Гюго, подала поводъ къ пяти отзывамъ, одинаково клонившимся къ запрещенію.

Въ первомъ отзывѣ, помѣченномъ отъ 27-го августа 1857 года, сказано:

„Пьеса изобилуетъ возмутительными картинами и сценами, противорѣчащими порядку и нравственности и выходками противъ религіи. Авторъ пьесы напрасно внесъ нѣкоторыя измѣненія, переименовавъ, напримѣръ, Клодо Фроло въ торговца религіозными предметами при

соборѣ Парижской Богоматери. По рѣчамъ этого дѣйствующаго лица, по средѣ, въ которой онъ поставленъ, публика, какъ бы мало она ни была предупреждена, всегда узнаетъ въ немъ священника—подстрекателя, развратника и убійцу".

Въ слѣдующемъ отзывѣ въ мартѣ 1858 гг. цензора еще подробнѣе распространяются о причинахъ, побуждающихъ ихъ къ запрещенію пьесы:

„Возможно ли выводить на сценѣ въ священнической рясѣ полнѣйшаго негодяя, какъ опредѣляетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ, и подвергать всѣмъ справедливымъ порицаніямъ публики измышленный воображеніемъ поэта образъ?

Мы съ этимъ не согласны.

Роль Клодо Фроло переноситъ насъ къ самымъ тяжелымъ днямъ нашего театра, наступившимъ послѣ іюльской революціи, когда на сценѣ, освобожденной отъ всякаго предварительнаго контроля цензуры, начали одновременно появляться такія пьесы, какъ „Кюрэ Мингра" (Curé Mingraf), „Епископство" (La Curé de l'Archevéché), „Кюре Мерино" (Curé Merinot) и нѣсколько подражаній „Монаху" де-Леви (Moin de Levis).

По нашему мнѣнію, выводить священниковъ на сценахъ народныхъ театровъ нужно не иначе, какъ съ большой осмотрительностью, и только тогда, когда эта личность можетъ произвести благопріятное, возвышенное и облагораживающее впечатлѣніе на публику. Но изображать его, въ особенности, если это только измышленіе автора, не имѣющее никакой исторической подкладки, порочнымъ, расточительнымъ и убійцей и вдобавокъ, по ходу пьесы, сдѣлать его еще главнымъ предателемъ, на котораго обрушивается вся ненависть и злоба публики, это значитъ серьезно компрометтировать уваженіе къ священнической рясѣ и подрывать религіозный духъ".

„Бѣдныя львицы" (Les Lionnes pauvres). Безъ личнаго вмѣшательства принца Наполеона, который былъ менѣе деспотиченъ, чѣмъ его цензора, прекрасная пьеса Ожье, быть можетъ, не была бы поставлена вовсе во времена имперіи. Цензура находила эту пьесу исключительно безнравственной.

Давая доступъ на сцену замученной продажной женщинѣ, не будетъ ли это процедентомъ, могущимъ повлечь къ очень прискорбнымъ послѣдствіямъ?

Читая пьесу: „Бѣдныя львицы", невольно задаешься вопросомъ, какую цѣль преслѣдовалъ авторъ и какую мораль можно извлечь изъ подобной пьесы, но искать назиданія въ подобномъ произведеніи было бы безполезно.

Въ этомъ двойномъ адюльтерѣ, замужняя женщина, принимая

деньги и подарки отъ человѣка, также женатаго и имѣющаго добрую и честную жену, нѣтъ даже оправданія ссылкой на бѣдность, или увлеченіемъ страсти...

Мы полагаемъ, что было бы оскорбительнымъ для святости брака и для спокойствія домашняго очага показывать передъ публикой во всей наготѣ подобную язву, которая, сама быть можетъ и существуетъ въ обществѣ, то до сихъ поръ была еще устранена съ театральныхъ подмостоковъ“.

„Свободные каменщики“ (Франкмасоны). Теперь, когда масонство возбуждаетъ такъ много толковъ, небезъинтересно познакомиться съ мнѣніемъ цензоровъ второй имперіи объ этомъ учрежденіи, которое въ тѣ времена было гораздо болѣе замкнутымъ и тайнымъ, нежели въ наши дни.

Когда драматургъ Дебомондъ представилъ на разсмотрѣніе цензуры пьесу подъ названіемъ: „Свободные каменщики“, его произведеніе было запрещено:

„Авторъ комедіи „Свободные каменщики“, желая оправдать названіе, данное имъ своему произведенію, рисуетъ сцены, служащія непрерывной и подъ-часъ даже преувеличенной апологіей масонства и услугъ, оказываемыхъ имъ обществу.

„Отсюда между дѣйствующими лицами происходятъ философскія бесѣды, въ которыхъ религіозныя вѣрованія подвергаются нападкамъ, искаженіямъ и извращеніяхъ, при чемъ всѣ выводы неизбѣжно клонятся къ восхваленію масонства и его приверженцевъ.

„Какъ бы ни было почтенно общество, прикрывающееся благотворительностью и филантропіей, мы полагаемъ, что было бы неумѣстнымъ въ смыслѣ общественнаго порядка допустить на подмосткахъ сцены диспуты, въ которыхъ затрогиваются религіозно-нравственныя и политическія основы.

„Эти замѣчанія могутъ пріобрѣсти тѣмъ бо́льшую силу и важность въ моментъ, когда новые выборы депутатовъ грозятъ взволновать умы и внести новый поводъ къ общественнымъ распрямъ.

„Добавимъ при этомъ, что никакія измѣненія и передѣлки не устранятъ отмѣченныхъ нами неудобствъ, вотъ почему намъ кажется болѣе разумнымъ совершенно устранить со сцены произведеніе, которое по своему существу можетъ послужить поводомъ къ расколу и даже смутамъ“.

Съ любовью не шутятъ (On ne badine pas avec l'amour). Не дерзая запретить восхитительную комедію Альфреда де-Мюссе „Съ любовью не шутятъ“, гг. цензора все-таки дѣлаютъ на данномъ ими разрѣшеніи свои курьезныя замѣчанія.

„Прочитавъ эту пьесу, написанную съ такимъ большимъ талан-

томъ, невозможно не выразить глубокаго сожалѣнія по поводу того духа невѣрія, которымъ проникнуто все произведеніе и который выступаетъ еще замѣтнѣе въ положеніяхъ, нежели въ словахъ.

„Первоначальная работа была значительно измѣнена и смягчена прежде, чѣмъ пьеса допущена къ представленію на французской сценѣ. Мы сами отмѣтили нѣсколько шокирующихъ деталей, которыя были, или могли быть измѣнены; тѣмъ не менѣе пьеса въ общемъ была и останется произведеніемъ мало симпатичнымъ въ смыслѣ религіозныхъ вѣрованій, и, если одна часть публики пожалѣетъ объ уступкахъ, сдѣланныхъ ради театральныхъ условностей, то еще бóльшая часть зрителей, въ особенности, при нынѣшнихъ условіяхъ, будетъ поражена общимъ направленіемъ пьесы, разрѣшеніе которой можетъ даже показаться чѣмъ-то въ родѣ манифестаціи и уступки въ смыслѣ требованій извѣстной части прессы противъ религіозныхъ конгрегацій.

„Мы не беремъ на себя отвѣтственности за разрѣшеніе и имѣемъ честь перенести этотъ важный вопросъ на усмотрѣніе его превосходительства".

Въ вышеприведенныхъ выдержкахъ, мы, какъ кажется, достаточно выяснили, на сколько враждебно цензура относилась къ писателямъ. И тѣмъ временемъ, какъ она упрямо придиралась къ крупнымъ и цѣннымъ литературнымъ произведеніямъ, она снисходительно пропускала всякія кафе-концертныя глупости, гораздо болѣе опасныя, чѣмъ проза такихъ писателей, какъ оба Дюма, Ожье, Сандо, де-Мюссе. „Вотъ почему мы далеко не изъ тѣхъ, которые будутъ проливать слезы по случаю кончины madame цензуры", говоритъ въ заключеніе Арманъ Шарпантье.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

рыхъ,—въ немъ самомъ, потому что онъ дѣлалъ промахи въ назначеніяхъ вслѣдствіе недостатка глубокихъ опредѣленій дѣла. Когда, благодаря своимъ заслугамъ, онъ дошелъ до высшаго поста и популярность его достигла крайней степени, онъ сталъ чувствовать себя слишкомъ высокимъ, а всѣ дѣла казались ему слишкомъ легкими. Кромѣ того, онъ протежировалъ при назначеніяхъ тѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, кто раньше дѣлилъ съ нимъ горе и опасности, и кто теперь долженъ былъ воспользоваться успѣхами своей работы. Давая отвѣтственныя должности, онъ не заставлялъ себя потрудиться узнать, насколько ихъ способности отвѣчаютъ назначеніямъ. Далѣе Лихунчжанъ успѣлъ сформировать и обучить новыя войска, но онъ не зналъ основныхъ началъ стратегіи; онъ умѣлъ отыскивать средства, но онъ не имѣлъ понятія о главныхъ источникахъ этихъ средствъ: все дѣлалось у него какъ-то отчасти, незаконченно и, въ концѣ концовъ, не привело къ положительнымъ результатамъ.

Война съ Японіей послужила началомъ эпохи обновленія Китая и паденіемъ необычайной популярности Лихунчжана. Китайско-японская война возникла изъ-за Кореи, которая была вассаломъ Китая. Въ февралѣ 1876 г. корейскимъ королемъ было заключено съ Японіей соглашеніе, въ первой статьѣ котораго говорилось: „Японія признаетъ Корею самостоятельнымъ, независимымъ государствомъ, имѣющимъ равныя права съ Японіей, самостоятельной и независимой“. Съ 1882 г. всѣ государства во всѣхъ сношеніяхъ относятся къ Кореѣ уже не какъ къ вассалу Китая. Въ 1885 г. Лихунчжанъ съ маркизомъ Ито Хиробуми заключили въ Тянцзинѣ соглашеніе, въ которомъ ясно опредѣлили, что, на случай какихъ-либо затрудненій въ Кореѣ,—обязуются не отправлять въ Корею своихъ войскъ безъ предварительнаго взаимнаго оповѣщенія объ этомъ. Этимъ самымъ Корея ставилась какъ бы подъ протекторатъ двухъ государствъ, что повело къ пререканіямъ, вызвавшимъ войну 1894 г.

Военныя дѣйствія зимой 1894 г. приняли такой оборотъ, что Китаю оставался одинъ исходъ: обратиться съ предложеніемъ о мирѣ. Для переговоровъ былъ назначенъ Лихунчжанъ. 24 февраля 1895 г. онъ прибылъ въ Симоносеки и началъ переговоры съ японскими уполномоченными. 28 февраля, въ то время, когда Лихунчжанъ возвращался съ 3-го засѣданія уполномоченныхъ, на него было сдѣлано въ пути неожиданное покушеніе, и револьвернымъ выстрѣломъ онъ былъ раненъ въ лѣвую щеку. Пуля глубоко проникла подъ лѣвый глазъ; нѣсколько времени Лихунчжанъ лежалъ безъ чувствъ. Японскія власти, при извѣстіи объ этомъ, одинъ за другимъ прибыли для выраженія соболѣзнованія. Консиліумъ докторовъ для благопріятнаго исхода лѣченія раны призналъ необходимымъ извлечь пулю и требовалъ, чтобы больному данъ былъ продолжительный отдыхъ и спокойствіе. Но Лихунчжанъ, услышавъ это, съ воодушевленіемъ сказалъ: „положеніе государства критическое; нельзя ни минуты медлить съ мирнымъ договоромъ. Какъ я смѣю затягивать время, упуская изъ виду интересы моего отечества? Лучше умереть, чѣмъ позволить извлекать пулю“. Тотчасъ послѣ покушенія Лихунчжаномъ было получено выраженіе высочайшей горести и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало назначеніе Лицзинфана уполномоченнымъ. Но Лихунчжанъ все-таки рѣшалъ всѣ вопросы самолично. Несмотря на то, что онъ раненый лежалъ въ постели, онъ диктовалъ свои рѣшенія и сильно смущалъ докторовъ. 7-го марта ему были присланы готовыя условія мирнаго договора; 10-го онъ изготовилъ отвѣтъ на нихъ, изложивъ важнѣйшіе пункты своихъ условій въ видѣ отвѣта на 4 положенія о самостоятельности Кореи, о территоріальныхъ уступкахъ, вознагражденіи и урегулированіи торговыхъ интересовъ.

Лихунчжана можно охарактеризовать кратко слѣдующими словами: слабая сторона его—это отсутствіе широкаго образованія и нерѣшительность на совершеніе поступковъ выше обычныхъ человѣческихъ понятій; положительная сторона его характера—небоязнь трудовъ и лишеній и безстрашіе передъ клеветой.

Лихунчжанъ безусловно достоинъ славы выдающагося человѣка, но онъ не былъ знакомъ съ государственнымъ механизмомъ, не усвоилъ себѣ идею государства, не зналъ соотношенія между государствомъ, какъ цѣлымъ, и правительствомъ, не зналъ объ отвѣтственности министровъ; былъ знатокомъ военнаго дѣла, но не зналъ, что значитъ управлять народомъ; былъ прекрасный дипломатъ, но не умѣлъ руководить внутренней политикой; онъ зналъ царствующій домъ, но не зналъ всей націи; постоянно упрекалъ людей въ незнакомствѣ съ сутью дѣла, а первый не понималъ ея.

Умеръ Лихунчжанъ 27 сентября 1902 г. въ Пекинѣ, на 78 году жизни. Въ обнародованномъ по случаю его смерти высочайшемъ актѣ, между прочимъ, значится: „и пусть будетъ тебѣ по смерти имя „Вэнчжунъ“ (безупречный и преданный). Пусть будетъ тебѣ вслѣдъ даровано званіе „Тайфу“ (великаго наставника) и титулъ маркиза первой степени. Имя же твое да внесется въ храмъ Сянлинсы“.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. МАРТЪ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1906.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Лихунчжанъ или политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ. Сочин. Лянцичао. Перевели съ китайскаго А. Н. Вознесенскій и Чжанчинтунъ. Съ предисловіемъ Чжанчинтуна. Изд. В. Березовскаго. Спб. 1905 г. Цѣна 2 р.

Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, Лянцичао,—одинъ изъ реформаторовъ Китая, стоящихъ во главѣ прогрессивнаго движенія. Какъ извѣстно, въ 1898 г. въ Пекинѣ произошли важныя политическія перемѣны, и Лянцичао искалъ убѣжища въ Японіи, гдѣ онъ находится и до сихъ поръ. Его перу принадлежатъ труды: „Душа Китая“, „Свобода“, „Журналъ нововведеній“ и др. Въ сочиненіи о Лихунчжанѣ не только подробно и съ большою живостью изложены событія въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, но дается также краткій обзоръ постепенныхъ перемѣнъ государственной жизни Китая. Это сочиненіе произвело большое впечатлѣніе среди восточно-азіатской прессы и представляетъ интересъ и для русской публики, даже не занимающейся спеціально вопросами Дальняго Востока.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что личность Лихунчжана займетъ видное мѣсто въ китайской исторіи на долгія времена точно такъ же, какъ безспорно и то, что въ всемірной исторіи XIX вѣка онъ займетъ не послѣднее мѣсто. Широкая популярность Лихунчжана,—этого Бисмарка Дальняго Востока, какъ его называли въ Россіи,—и симпатія къ нему русскаго общества понятны: онъ, видѣвшій залогъ прогресса въ международномъ общеніи, подписалъ въ 1896 г. Манчжурскую конвенцію. Это обстоятельство могло дать основаніе Россіи отнестись теплѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, къ памяти Лихунчжана. Въ то время, какъ въ Россіи питали къ нему симпатію,—въ Китаѣ большинство чувствовало иное.

Лихунчжана можно упрекать за промахи скорѣе во внутренней политикѣ, нежели во внѣшней. Вотъ полное прозорливости письмо его къ Ито въ Симоносеки по вопросу о территоріальныхъ уступкахъ: „Вся территорія государства есть наслѣдственное, неотчуждаемое владѣніе, завѣщанное предками, а Мукденъ, кромѣ того, есть тотъ пунктъ, изъ котораго дано счастіе нашимъ священнымъ основателямъ династіи... Захватомъ территоріи къ югу отъ Мукдена Японія нанесла бы ужасный ударъ національному самолюбію народа, въ сердцѣ котораго съ этихъ поръ запала бы навсегда мысль объ отомщеніи. Значеніе Японіи поднялось; большее или меньшее количество присоединенной территоріи не будетъ имѣть вліянія на дальнѣйшее увеличеніе значенія Японіи, но оно явится тѣмъ основнымъ условіемъ, которое опредѣлитъ весь дальнѣйшій ходъ взаимныхъ отношеній двухъ націй“.

Кромѣ своего общеизвѣстнаго имени Лихунчжанъ носилъ еще имя Цзанфу и Шаоцюань. Онъ родился въ провинціи Анхуй, въ области Люйчжоу и уѣздѣ Хэфэй, въ 1823 г. Молодые годы Лихунчжанъ провелъ въ обученіи у обыкновеннаго учителя, затѣмъ готовился къ государственнымъ экзаменамъ, которые и выдержалъ, получивъ сразу ученыя степени магистра и доктора. Въ это время ему было 25 лѣтъ. Съ молодостью его совпало то время, когда въ Европѣ давно прошли раскаты грома революціи, сошелъ со сцены Наполеонъ. Державы не вели больше войнъ, занятыя мирнымъ развитіемъ своихъ естественныхъ силъ, чтобы перенести ихъ на Востокъ.

Въ теченіе своей жизни Лихунчжанъ занималъ слѣдующіе посты: старшаго государственнаго секретаря, главноначальствующаго Байяномъ, члена коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ, главнаго торговаго коммиссара, губернатора провинціи Цзянсу, генералъ-губернатора Хугуана, Лянгуана, Лянцзяна и Чжили. Этотъ перечень свидѣтельствуетъ, что онъ занималъ исключительное положеніе.

Мѣропріятія Лихунчжана могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: относящіяся къ военному дѣлу,—какъ заказы военныхъ судовъ и орудій, самостоятельная постройка судовъ и издѣлія военныхъ принадлежностей, постройка крѣпостей, сооруженіе доковъ и т. п.; вторая группа—мѣропріятія, относящіяся къ торговымъ сношеніямъ, какъ: желѣзныя дороги, морскія акціонерныя компаніи, компаніи прядильныхъ фабрикъ, телеграфъ, оборудованіе каменноугольныхъ копей, золотыхъ пріисковъ и др. Среди этихъ мѣропріятій—такія, какъ открытіе школъ и посылка молодыхъ людей за границу для полученія образованія, преслѣдовали главнымъ образомъ чисто военныя цѣли. На развитіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Лихунчжанъ тратилъ всѣ свои силы въ теченіе всей жизни. Благодаря своимъ военнымъ успѣхамъ (усмиреніе тайпинговъ и няньфэевъ), онъ достигъ высокаго положенія; этими успѣхами онъ былъ обязанъ тому, что преобразовалъ свою армію по образцу иностранныхъ, проведя нѣсколько времени среди европейскихъ войскъ и имѣя случай убѣдиться въ превосходствѣ ихъ боевыхъ средствъ. Онъ ясно видѣлъ при этомъ, что китайскихъ силъ вполнѣ достаточно для подавленія внутреннихъ волненій и вовсе недостаточно для защиты извнѣ, и военному дѣлу отдавалъ всѣ свои силы, считая его вопросомъ первостепенной важности.

Что касается причины неудачъ Лихунчжана, то она кроется, во-первыхъ,—въ тѣхъ нападкахъ по его адресу, которыя мѣшали ему, и, во-вто-

Записки В. А. Инсарскаго.

VIII [1]).

Мое возвращеніе въ Петербургъ.—Неожиданное отправленіе меня курьеромъ къ государю.—Внезапная рѣшимость князя ѣхать въ Петербургъ.—Поѣздка въ Красное Село, гдѣ находился государь.—Свиданіе мое съ Милютинымъ, графомъ Ламбертомъ и графомъ Адлербергомъ.—Пріѣздъ князя.—Рѣшеніе Мингрельскаго дѣла.—Политическая бесѣда князя съ государемъ.—Стѣснительное положеніе Милютина.—Вліяніе князя на польскія дѣла и особенно на образованіе Варшавскаго управленія.—Графъ Ламбертъ—намѣстникъ, Герштенцвейгъ—генералъ-губурнаторъ.—Переселеніе наше въ Царское Село.—Мое личное положеніе-—Всеобщій разъѣздъ: государя въ Россію, князя за границу и графа Ламберта въ Варшаву.—Прощаніе съ княземъ.—Его задумчивое состояніе.

Дѣловыя мои обязанности въ Дрезденѣ кончились. Всѣ дѣла, какія накопились у князя, пущены въ ходъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ дней я оставался уже рѣшительно безъ дѣла и главнымъ моимъ занятіемъ было читать разныя запрещенныя русскія книги, изданныя заграницей, которыми самъ князь меня снабдилъ въ величайшемъ изобиліи.

Частію по собственнымъ соображеніямъ, а частію по совѣту моихъ друзей я предположилъ воспользоваться этимъ свободнымъ временемъ и слетать на нѣсколько дней „въ мѣстечко Парижъ“, чтобы имѣть какое-нибудь нонятіе объ этомъ новомъ Вавилонѣ. Друзья мои, столь опытные вообще въ заграничныхъ путешествіяхъ и столь знакомые съ этимъ „мѣстечкомъ“, снабдили меня всевозможными совѣтами и

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1906 г.

наставленіями, такъ что въ планѣ моей поѣздки, не только дни, но и часы были распредѣлены и имѣли свое назначеніе. Оставалось испросить согласіе князя, для чего я и предназначилъ извѣстный день, нисколько не сомнѣваясь, что онъ и минуты не затруднится отпустить меня. Въ этотъ день, по обыкновенію, утромъ я отправился въ купальню; возвращаясь оттуда, я случайно встрѣтилъ хозяина нашей гостиницы, который началъ толковать что-то о нашихъ паспортахъ, упомянувъ что-то о предстоящемъ отъѣздѣ князя. Ничего не понявъ изъ запутанныхъ объясненій нѣмца, я переодѣлся и отправился къ князю, предполагая изложить ему мою просьбу относительно поѣздки въ веселое „мѣстечко". При самомъ появленіи моемъ князь вскричалъ:

— А! любезнѣйшій Василій Антоновичъ! Чувствуете ли вы, что сегодня же отправляетесь въ Петербургъ курьеромъ къ государю?

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, до такой степени это извѣстіе было непредвидѣнно и неожиданно. Я молчалъ. Князь продолжалъ:

— Возьмите это письмо, вложите въ пакетъ, запечатайте и помогите мнѣ сдѣлать надпись.

Когда письмо государю было запечатано и надписано, князь, вручивъ его мнѣ, сказалъ:

— Отправьтесь сегодня же.

Затѣмъ князь сталъ давать мнѣ наставленія, какъ устроить для него при его поѣздкѣ въ Петербургъ, которая должна послѣдовать вслѣдъ за мною, остановки въ Динабургѣ и Ковно, какъ распорядиться относительно почетныхъ карауловъ, что передать тамъ мѣстнымъ начальникамъ и т. п.

Это былъ уже часъ второй, а поѣздъ отходилъ, если не ошибаюсь, часа въ три. Слушая пространныя наставленія князя, я думалъ про себя: „когда же вы отпустите меня, ваше сіятельство? Когда же я успѣю уложиться, разсчитаться съ гостиницей и поспѣть къ отходу поѣзда"? Но князь, какъ я и выше замѣчалъ, не только не обращалъ никогда вниманія на эти мелочныя подробности, но едва-ли не намѣренно любилъ ставить человѣка въ самое затруднительное положеніе. Такъ точно было и здѣсь. Кончивъ наставленія относительно сношеній моихъ съ ковенскими и динабургскими властями, князь сказалъ:

— Да вотъ еще! Все забываю вамъ отдать!

Съ этими словами онъ взялъ какую-то бумагу со стола и, вручая ее мнѣ, продолжалъ:

— Надобно немедленно отвѣчать. Пожалуйста, напишите отвѣтъ и пришлите мнѣ. Ну, прощайте. Дайте я васъ обниму.

Понятно, съ какимъ сумбуромъ въ головѣ я вышелъ отъ князя.

До отхода поѣзда оставалось не болѣе часу. Возвратясь въ свою комнату, я неистово закричалъ: „укладываться! Сейчасъ ѣдемъ! Счетъ"! Камердинеръ мой бросился, какъ угорѣлый. На помощь ему явился камердинеръ Харитонова, и дѣло у нихъ закипѣло. Но я рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ бумагою, которою наградилъ меня князь. Бросить ее и не исполнить его приказанiе рѣшительно было невозможно. Тоже невозможно было въ короткое время, остающееся до отъѣзда, составить черновую и потомъ, что отвратительнѣе всего, самому же переписать. Я присѣлъ было къ письменному столу, но, подавляемый боязнью опоздать на желѣзную дорогу, рѣшительно не могъ собрать мыслей. Въ этомъ стѣсненномъ положенiи, я потребовалъ къ себѣ П—о, началъ обнимать его, увѣрять въ вѣчной моей дружбѣ и умолять выручить меня изъ бѣды. Я передалъ ему на словахъ, что, по моему мнѣнiю, слѣдовало написать, и просилъ составленный, въ этомъ видѣ, проектъ представить князю. Коварный грекъ, на мое счастiе, согласился, не столько, конечно, вслѣдствiе моихъ просьбъ, сколько въ виду довольно цѣннаго счастiя, хоть на минуту сдѣлаться докладчикомъ князю. Частью уложивъ и частью уничтоживъ весь хламъ, которымъ заваленъ былъ мой рабочiй столъ, я вздохнулъ свободно и потребовалъ шампанскаго. Обмѣнявшись тостами и взаимными пожеланiями съ моими прiятелями, я, въ сопровожденiи ихъ, отправился на станцiю желѣзной дороги и между вторымъ и третьимъ звонками успѣлъ вскочить въ вагонъ.

Чѣмъ же объясняется и поспѣшность моего внезапнаго отправленiя въ Петербургъ, и столь же внезапная рѣшимость самого князя ѣхать туда? Изъ совокупности различныхъ свѣдѣнiй, сюда относящихся, оказывается слѣдующее. Извѣстiя, привезенныя мною, объ отношенiяхъ князя къ Петербургу, повидимому, глубоко затронули его и сдѣлались главнымъ предметомъ переварки „въ его кухнѣ". Весьма вѣроятно, что и другiя извѣстiя отъ братьевъ князя сходствовали съ моими и говорили, что отношенiя его къ Петербургу сильно поколебались. Вотъ слова, по удостовѣренiю Зиновьева, сказанныя ему самимъ княземъ:

— „Надо ѣхать въ Петербургъ и поближе посмотрѣть на работу моихъ друзей: если они окончательно уже подкопались подъ меня, то нечего дѣлать; а если еще не совсѣмъ, то, быть можетъ, удастся разрушить и завалить ихъ подкопы".

Слова эти показывали, что у князя былъ уже готовый, выработанный планъ разрушенiя этихъ прiятельскихъ подкоповъ. Отрывочныя фразы, которыя онъ иногда произносилъ предо мною, а главное послѣдующiя обстоятельства объяснили, что планъ этотъ основанъ былъ на политическихъ обстоятельствахъ этого времени. Польша на-

чинала уже глухо волноваться и отголоски предстоящей бури князю, за границей, конечно, были слышнѣе, чѣмъ кому-либо внутри Россіи. Часто, касаясь современнаго политическаго положенія нашихъ дѣлъ и, разумѣется, болѣе или менѣе критикуя ихъ, князь говорилъ:

— Я удивилъ бы ихъ, если бы мнѣ дали распорядиться!

Кого князь хотѣлъ удивить, чѣмъ предполагалъ распорядиться, я плохо понималъ, не имѣя ни достаточныхъ силъ, ни особенной охоты забираться въ политическую высоту, но видѣлъ, что слова князя относятся даже не къ Кавказу, собственно, но вообще къ государству. Несчастное увлеченіе!

Припоминаю вновь слова одного изъ Кочубеевъ, что князь никогда не думаетъ о настоящемъ, а всегда о будущемъ. Слова эти можно перевести и такимъ образомъ: „Князь никогда не доволенъ настоящимъ, а всегда требуетъ чего-нибудь отъ будущаго“! Такъ точно было и здѣсь. Мало было ему Кавказа, мало славы покорителя Шамиля, мало самаго высшаго положенія въ военномъ мірѣ! Захотѣлось сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ и едва-ли не это желаніе было главной причиной упадка его!

Какъ бы то ни было, князь рѣшился видѣться съ государемъ и писалъ о томъ его величеству. Государь въ то время собирался ѣхать куда-то въ Россію, первоначально, а потомъ, въ Крымъ и на Кавказъ и поэтому отвѣчалъ князю, что всего лучше устроить ихъ свиданіе въ Крыму. Но князь не раздѣлялъ этого мнѣнія и даже объяснялъ намъ причины, по которымъ онъ находилъ это предположеніе для себя невыгоднымъ. Главнѣйшею изъ нихъ было то, что князь тамъ, въ Крыму, не могъ быть помѣщенъ въ одномъ зданіи съ государемъ, а гдѣ-то отдѣльно и въ значительномъ отдаленіи. Князь даже подробно описывалъ, какъ и гдѣ стоитъ дворецъ государя, и то помѣщеніе, которое, по его предположеніямъ, ему отведутъ. „Можетъ случиться, что пріѣдешь къ государю“, говорилъ князь, „а онъ занятъ, надо дожидаться вмѣстѣ съ другими, а то и просто возвратиться домой ни съ чѣмъ; вообще непріятно“! Такимъ образомъ, вѣроятно, сильно увѣренный въ добротѣ и расположеніи къ нему государя, князь рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и застать тамъ государя, до его отъѣзда. Именно съ этимъ-то письмомъ онъ и погналъ меня такъ неожиданно въ Петербургъ.

Въ жаркій іюльскій день, вечеромъ, я прикатилъ въ нашу сѣверную Пальмиру. Еще на дорогѣ я узналъ, что государь, военный министръ и вся военная знать въ Красномъ Селѣ, на маневрахъ, куда и мнѣ, разумѣется, слѣдовало тотчасъ отправиться. Пока я переѣзжалъ со станціи желѣзной дороги въ свою обычную гостиницу „Парижъ“, пока мѣнялъ свой гардеробъ и, вообще, приводилъ свою фигуру въ

надлежащій порядокъ, наступилъ, рѣшительно, вечеръ, когда по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, поѣзда желѣзной дороги въ Красное Село уже прекратились. Оставаться до другаго дня я положительно не смѣлъ, и потому, подрядивъ на какихъ-то исключительныхъ условіяхъ, двухмѣстную карету, я помчался въ ней въ Красное Село. Чрезъ часъ я былъ уже тамъ, и можно безъ преувеличенія сказать, что никогда наемная карета такъ быстро не летѣла, никогда наемный кучеръ не былъ такъ щедро награжденъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я прибылъ въ Красное Село, была уже ночь. Отыскавъ домъ, гдѣ помѣщался Милютинъ, и войдя въ его комнаты, я узналъ, что онъ у государя. Въ ожиданіи его возвращенія мнѣ подали великолѣпный ужинъ, которымъ я и не оставилъ воспользоваться. Въ это же время различные офицеры, находившіеся въ его комнатахъ, передали мнѣ различныя петербургскія новости и въ числѣ ихъ ту, что графъ Карлъ Ламбертъ назначается варшавскимъ генералъ-губернаторомъ.

Скоро возвратился и Милютинъ, такой же милый, добрый и привѣтливый, какъ и всегда. Я передалъ ему письмо князя государю и различныя, наиболѣе интересныя, подробности о его положеніи. Выслушавъ все это на скорую руку, Милютинъ торопливо сказалъ:

— Надо опять идти къ государю. Пойдемте вмѣстѣ. Быть можетъ, государь пожелаетъ васъ видѣть.

Ночь была очень темная, а освѣщеніе улицы, сколько могу припомнить, весьма плоховатое. Ощупью мы побрели ко дворцу, который издали горѣлъ огнями. Подойдя ко дворцу, Милютинъ распорядился, чтобы доложили государю о нашемъ прибытіи. Оказалось, что государь со всѣмъ семействомъ изволитъ ужинать, вслѣдствіе чего мы должны были ожидать нѣсколько минутъ. Потомъ скоро потребованъ былъ Милютинъ къ государю и оставался у него весьма короткое время. Возвратившись отъ государя, Милютинъ сказалъ:

— Его величество ложится спать и теперь уже не можетъ принять васъ.

Мы побрели тѣмъ же порядкомъ въ обратный путь. На этихъ переходахъ Милютинъ, въ общемъ разговорѣ, замѣтилъ, что пріѣздъ князя не совсѣмъ вб-время. Когда мы возвратились въ комнаты Милютина, какъ будто изъ земли выросъ графъ Карлъ Ламбертъ и, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ о князѣ, пустился, несмотря на такое позднее время, въ объясненіе съ Милютинымъ по какимъ-то дѣламъ, вѣроятно относящимся къ его предстоящему назначенію, а я пошелъ отыскивать стараго друга князя, графа Александра Адлерберга. Поиски мои не были продолжительны, потому что онъ помѣщался въ томъ же домѣ, въ другомъ только отдѣленіи. Графъ уже былъ въ

постели, но все-таки меня принялъ. Съ участіемъ разспросивъ о положеніи князя, графъ сказалъ, что относительно предстоящаго пріѣзда его сюда они уже ведутъ между собою жаркіе телеграфные переговоры. Распростившись съ нимъ, я съ тѣмъ пріятнымъ чувствомъ, которое всегда оставляетъ въ насъ сваленное съ плечъ дѣло, ввалился въ свою карету и заснулъ такъ крѣпко, что проснулся по пріѣздѣ, уже на разсвѣтѣ, въ Петербургъ. Безошибочно можно было заключить, что сколько быстрымъ образомъ совершился нашъ путь въ Красное, столько же соннымъ образомъ исполненъ былъ обратный путь. Ясно было, что все спало: и сѣдокъ, и кучеръ, и даже лошади, предоставленныя сами себѣ...

Само собою разумѣется, что весь Петербургъ, въ особенности военный и административный, узналъ о предстоящемъ пріѣздѣ князя. Братья князя тоже всполошились. Я, кажется, говорилъ уже, что въ семьѣ князя Анатолія Ивановича, котораго я тоже посѣтилъ въ Красномъ на другой или на третій день, происходило со мной продолжительное совѣщаніе о томъ: хорошо ли будетъ и не разсердится ли князь, если на Царскосельской станціи встрѣтятъ его, вмѣстѣ съ другими, жена князя Анатолія и его сыновья? Это тревожное совѣщаніе показываетъ лучше всего, какъ относился князь Александръ Ивановичъ, въ то время, къ семейной жизни вообще и къ родственнымъ нѣжностямъ въ особенности. Я говорилъ также, что, когда самъ государь велѣлъ князьямъ Владиміру и Анатолію ѣхать навстрѣчу князю Александру Ивановичу, то графъ Карлъ Ламбертъ, хорошо знавшій и характеръ князя и отношенія его къ братьямъ, сказалъ имъ слѣдующую многознаменательную фразу: „ну, поздравляемъ васъ! Не желалъ бы быть на вашемъ мѣстѣ!"

Въ назначенный день и часъ я отправился, облеченный въ парадную форму, на Гатчинскую станцію встрѣчать князя. Туда же явился, и тоже въ парадной формѣ, князь Владиміръ. Потомъ невидимо и неслышимо оказалось тамъ нѣсколько тѣхъ лукавыхъ царедворцевъ, которые плывутъ по вѣтру и, смотря по теченію волнъ житейскихъ, сегодня ваши друзья, а завтра ваши враги. Изъ этой коллекціи я особенно помню стараго, хотя франтоватаго, графа Ферзена. Онъ, одинъ изъ первыхъ, заключилъ въ дружескія объятія князя и тотчасъ усѣлся рядомъ съ нимъ, чтобъ продолжать дальнѣйшій путь въ пріятельской бесѣдѣ. И замѣчательная вещь! Князь тоже встрѣтилъ этого господина привѣтливо въ высшей степени, тогда какъ всѣ мы знали, что мнѣніе князя о немъ было отвратительно тоже въ высшей степени. Я, разумѣется, держался на заднемъ планѣ и смиренно присоединился къ поѣзду. На Царскосельской станціи князя ожидала несравненно значительнѣйшая группа, во главѣ которой стоялъ воен-

ный министръ Милютинъ, въ полной парадной формѣ. Здѣсь были: жена князя Владиміра, жена князя Анатолія съ дѣтьми, семейство графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ и пр., и пр. Здѣсь же была толпа придворныхъ служителей и лакеевъ съ экипажами, которые должны были перевезти князя, его свиту и его поклажу въ Петергофъ. Князя вынули изъ вагона и помѣстили предъ вокзаломъ въ покойное кресло, въ которомъ онъ и принималъ всѣхъ, жаждущихъ счастья ему представиться. День былъ великолѣпный, и все это представляло довольно торжественный видъ. Князь былъ очень веселъ и говорливъ. Онъ какъ будто сразу, по придворному, такъ сказать, запаху видѣлъ, что подкопы его благопріятелей, которые онъ пріѣхалъ разрушать, не суть важны. Я, впрочемъ, не дождался окончанія его бесѣдъ съ представлявшимися и отъѣзда его съ этого пункта въ Петергофъ и съ тѣмъ же поѣздомъ, который привезъ князя, поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы забрать свои пожитки и въ тотъ же день успѣть тоже переселиться окончательно въ Петергофъ. Планъ этотъ, разумѣется, не встрѣтилъ никакихъ затрудненій и, дѣйствительно, хотя поздно вечеромъ, но въ тотъ же день я водворился въ Петергофѣ.

Князю отведенъ былъ тотъ изъ готическихъ домиковъ, который занималъ вел. кн. Александръ Николаевичъ, когда былъ наслѣдникомъ. Князь любилъ часто указывать на это обстоятельство. Я не знаю ни устройства, ни расположенія другихъ готическихъ домиковъ, весьма сходныхъ по внѣшнему виду; но домъ, отведенный князю, поистинѣ, представлялъ прелесть прелестей!.. Нижній этажъ, роскошно отдѣланный, съ прелестнымъ садикомъ предъ балкономъ, занималъ самъ князь. Верхній этажъ, раздѣленный во всю ширину коридоромъ, отданъ былъ въ наше распоряженіе. Каждая половина, въ свою очередь, была раздѣлена на нѣсколько отдѣленій, и каждое отдѣленіе, заключая въ себѣ пріемную, спальню, кабинетъ или уборную, какъ хотите, было устроено и отдѣлано такъ мило, такъ уютно, что каждый готовъ бы былъ провести тамъ цѣлую жизнь. Одно отдѣленіе занималъ я, другое—неизмѣнный мой пріятель Харитоновъ, третье—Зиновьевъ, четвертое Орловы-Давыдовы и т. д. Вмѣстѣ съ роскошнымъ помѣщеніемъ явилась столь же роскошная обстановка нашего житья-бытья и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Толпы придворныхъ лакеевъ смотрѣли намъ въ глаза и ожидали нашихъ приказаній. Завтраки, обѣды, ужины говорили истинно о царской роскоши. Въ распоряженіи каждаго изъ насъ находился отдѣльный прекрасный экипажъ. Величіе и могущество князя Александра Ивановича отражалось на насъ самымъ осязательнымъ образомъ, и, конечно, каждый изъ насъ, если только не захочетъ ломаться и важничать, долженъ признать самыми великолѣпными днями своей жизни именно тѣ дни,

когда мы, такъ сказать, на хвостѣ князя забирались въ царскіе дворцы!

Величіе и могущество! Если мы, въ своемъ ничтожествѣ, могли считать внѣшнюю нашу обстановку признакомъ силы и могущества князя, то для него собственно эти признаки или вовсе не имѣли цѣны, или имѣли цѣну самую ничтожную. Для него были нужны другіе признаки, болѣе существенные, болѣе рельефные. Признаки этого рода не замедлили явиться. Вслѣдъ за пріѣздомъ князя пріѣхалъ въ Петергофъ и государь съ семействомъ и поселился въ Александріи. Ускорилъ ли его величество окончаніемъ Красносельскихъ маневровъ собственно по случаю пріѣзда князя, или сами они прекратились по плану, для нихъ составленному, я не знаю, помню только, что едва-ли не на другой же день государь лично посѣтилъ князя. Первая бесѣда ихъ была довольно продолжительна. Очевидно, что тутъ же была рѣчь и о Мингрельскомъ дѣлѣ, потому что какъ только государь уѣхалъ, князь призвалъ меня, отдалъ мнѣ заготовленную нами въ Дрезденѣ бумагу и сказалъ:

„Я говорилъ государю объ этомъ дѣлѣ; онъ приказалъ прислать ему нашу бумагу. Запечатайте и отправьте теперь же“.

Князь былъ веселъ и, видимо, доволенъ первымъ своимъ свиданіемъ съ государемъ. Я взялъ Мингрельскую бумагу, запечаталъ въ пакетъ, собственноручно сдѣлалъ надпись и отправилъ его величеству, въ собственныя руки.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ этому скучному дѣлу, я здѣсь же прибавлю, что бумага эта скоро возвратилась къ князю съ резолюціею государя: „исполнить“. Какъ она исполнена, я уже не знаю, потому что мнѣ уже не суждено было болѣе погружаться въ водоворотъ кавказскихъ дѣлъ. Но изъ совокупности послѣдующихъ обстоятельствъ видно было, что не одно Мингрельское дѣло было предметомъ этой первой бесѣды князя съ государемъ.

Начать съ того, что самъ князь, вслѣдъ за этой бесѣдой, весело и самодовольно говорилъ:

„Я могу тотчасъ уѣхать отсюда; я все сдѣлалъ и все сказалъ государю, что было нужно; мнѣ собственно здѣсь нечего болѣе дѣлать“.

Для меня эти загадочныя дѣла были непонятны, и въ простотѣ душевной я не могъ относить ихъ ни къ чему другому, какъ къ успѣшному окончанію Мингрельскаго дѣла. Не такъ было въ дѣйствительности. Скоро послѣ этого свиданія Зиновьевъ, катаясь со мною по Петергофскимъ аллеямъ, по поводу таинственныхъ словъ князя, сказалъ мнѣ:

„Князь дѣйствительно доволенъ, что успѣлъ высказать государю

все, что хотѣлъ. Онъ сказалъ государю: „я не буду говорить вашему величеству о моей личной преданности къ вамъ и о вашей дружбѣ ко мнѣ, начавшейся съ раннихъ нашихъ лѣтъ. Я буду говорить вамъ, какъ вѣрный слуга своего царя, на порогѣ своей смерти; буду говорить какъ умирающій“... Потомъ князь изложилъ государю свои мысли о настоящемъ положеніи государства, о политическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ оно находится, и о мѣрахъ, которыя надо принять... Въ числѣ этихъ мѣръ князь ставилъ, прежде всего, необходимость перемѣнить министра иностранныхъ дѣлъ и замѣнить бездарнаго князя Горчакова другимъ, болѣе даровитымъ и болѣе способнымъ понимать современное положеніе обстоятельствъ. Государь замѣтилъ будто бы, что онъ, напротивъ, доволенъ княземъ Горчаковымъ и, кажется, всѣ имъ довольны, что ему было бы пріятно, если бы они, т. е. князь Горчаковъ и князь Барятинскій обмѣнялись мыслями и сошлись, и что для этого государь пришлетъ князя Горчакова къ князю.

Въ чемъ именно заключались политическіе планы князя, я рѣшительно не зналъ; а Зиновьевъ, если и зналъ, то не хотѣлъ или не умѣлъ передать; но мы всѣ знали и видѣли, что князь Горчаковъ, безъ сомнѣнья, вытребованный государемъ изъ С.-Петербурга, или дачныхъ мѣстъ, гдѣ онъ проводилъ то лѣто, поздней ночью пріѣхалъ къ князю, долго оставался у него и потомъ чуть ли не каждый день посѣщалъ его. Мы всѣ подсмѣивались надъ его оригинальнымъ утреннимъ костюмомъ, въ которомъ онъ часто являлся къ князю и въ которомъ нерѣдко заставалъ его самъ государь. Это были какіе-то триковые или шерстяные, безконечные, нераздѣльные штаны, которые составляли въ одно время собственно штаны, чулки и чуть ли не рубашку и дополнялись снизу башмаками, а сверху столь же оригинальнымъ пиджакомъ. Какіе вопросы были предметомъ ихъ частыхъ и продолжительныхъ свиданій—разумѣется, осталось, по крайней мѣрѣ, для меня, покрытымъ мракомъ неизвѣстности; но замѣчательно то, что эти два царедворца, эти два искуснѣйшіе дипломата, готовые внутренно проглотить другъ друга, къ чему, какъ выше замѣчено, со стороны князя и сдѣлана была рѣшительная попытка, во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ имѣли видъ самыхъ закадычныхъ друзей.

Къ этому именно періоду относится оригинальный и комическій разсказъ князя, который, кажется, я уже выше привелъ. Князь Горчаковъ говоритъ ему однажды: „однако, ты хорошо сохранился и еще довольно красивъ“. На это князь отвѣчалъ: „ты это говоришь для того, чтобы и я тебя похвалилъ. Извини, не могу“. Князь Горчаковъ возразилъ: „для меня въ твоихъ похвалахъ нѣтъ никакой надобности, я знаю, что нравлюсь женщинамъ!“ „Ну, и поздравляю тебя!“

сказалъ князь, „а на мои глаза, такъ ты просто уродъ"! Можно ли представить намъ, простымъ смертнымъ, чтобы этотъ, замѣчательный по дружеской краткости, разговоръ принадлежалъ двумъ заклятымъ врагамъ?

Пока продолжалась между ними эта утонченная борьба, государь осыпалъ князя величайшими знаками своего вниманія и своей дружбы. Почти дня не проходило, чтобы онъ, по пути въ Александрію, или изъ Александріи, не заѣхалъ къ князю, такъ что въ извѣстные часы мы привыкли встрѣчать и провожать государя, какъ къ чему-то обычному. На переходахъ къ князю и отъ князя, добрый и привѣтливый государь останавливался предъ нашей толпой и удостоивалъ насъ милостивыми словами. Доброта и привѣтливость государя просто невѣроятна. Приведу слѣдующій случай изъ нашей Петергофской жизни. Былъ какой-то церковный парадъ. Войска, или кадеты расположены были въ верхнемъ саду, вокругъ одного изъ прудовъ, съ одной стороны котораго устроена была палатка для духовенства и для помѣщенія царской фамиліи. День былъ прекрасный. Народу было бездна. Изъ простаго любопытства и я отправился туда и вмѣшался въ народныя толпы, расположенныя на одной изъ аллей, позади войскъ. Государя еще не было и все находилось въ ожиданіи. Наконецъ, государь явился, раздалась музыка, и онъ, сопровождаемый громаднѣйшею толпою генералитета, пошелъ по рядамъ войскъ. Одѣтый въ штатское платье, затертый народомъ—могъ ли я ожидать, что государь, окруженный истинно царскимъ величіемъ, отличитъ меня въ толпѣ и остановитъ на мнѣ свое вниманіе, особенно въ такую минуту, когда его ожидаютъ митрополитъ и знатнѣйшіе сановники царства. Но смуглая ли моя фигура была тому причиною, я ужъ не знаю, только, проходя мимо тѣхъ народныхъ массъ, гдѣ я былъ зарытъ, государь замѣтилъ меня и со всѣмъ генералитетомъ, его сопровождавшимъ, повернулъ въ сторону и прямо подошелъ ко мнѣ. Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ, государь спросилъ, видѣлъ ли я сегодня фельдмаршала и въ какомъ онъ положеніи? Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Такое вниманіе къ фельдмаршалу, или, лучше сказать, такое публичное и торжественное посредничество мое между государемъ и княземъ просто ошеломило меня. Народъ, какъ я замѣтилъ, съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ почтеніемъ смотрѣлъ на меня, безъ сомнѣнія, предполагая во мнѣ, по меньшей мѣрѣ, только-что прибывшаго посланника бразильскаго императора. Но это не было единственнымъ случаемъ. И въ Петергофѣ, и потомъ въ Царскомъ Селѣ, куда государь, а за нимъ нашъ намѣстникъ, а за намѣстникомъ всѣ мы переѣхали, я имѣлъ много случаевъ испытать на себѣ ангельскую привѣтливость нашего добраго государя. Въ

своемъ мѣстѣ разскажу, что и послѣ того, какъ я, вслѣдъ за княземъ, прервалъ окончательно мои обязательныя отношенія къ Кавказу, государь не лишалъ меня счастія видѣть знаки той же привѣтливости.

Ясно, что, если государь удостоивалъ такого вниманія приближенныхъ къ князю, то на самого князя разсыпалось это вниманіе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Самымъ рѣдкимъ и почетнѣйшимъ проявленіемъ вниманія было то, что государь на другой же или на третій день, привезъ къ князю императрицу, которая и потомъ посѣщала его нѣсколько разъ. Самъ князь любилъ внушать намъ, какихъ необъятнѣйшихъ размѣровъ эта высокая честь, и объяснялъ, что императрица никогда и ни у кого не бываетъ и т. п. Едва-ли нужно говорить, что, когда государь и императрица были такъ внимательны къ князю, то и весь придворный и высшій свѣтъ постоянно лѣзъ къ нему съ своими ложными изъявленіями пріязни и уваженія. Старый другъ князя графъ Александръ Адлербергъ, жившій въ сосѣднемъ готическомъ домикѣ, по нѣскольку разъ въ день бывалъ у князя. Нѣтъ сомнѣнія, что дружба съ такимъ человѣкомъ, независимо отъ пріятности, была полезна князю въ высшей степени. Было замѣтно, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ собственно придворной сферы графъ Адлербергъ былъ сильнѣе и опытнѣе князя. Такъ, напр., у князя было какое-то женское одѣяніе въ родѣ плаща или бурнуса, изготовленное воспитанницами Закавказскаго женскаго института; князь хотѣлъ поднести его, какъ подарокъ, императрицѣ.

Казалось бы, вещь простая, но не такова она была въ глазахъ князя, да и самъ Адлербергъ тоже не находилъ ее простою. Они долго совѣщались и условливались о томъ, какимъ образомъ графъ Адлербергъ долженъ предварительно, издалека и стороною, освѣдомиться и вывѣдать, какъ будетъ принято это приношеніе. Принято оно прекрасно, и я потомъ всегда видѣлъ императрицу постоянно въ этомъ кавказскомъ плащѣ, въ которомъ, впрочемъ, не было ничего особеннаго, кромѣ только того, что онъ былъ кавказскій. Но дѣло не въ этомъ плащѣ. Я привожу этотъ случай затѣмъ собственно, чтобъ показать, что графъ Адлербергъ былъ необходимъ князю уже по части однѣхъ придворныхъ тонкостей; но если принять во вниманіе, что Адлербергъ былъ неразлучнымъ домашнимъ другомъ государя, то будетъ понятно, какъ онъ былъ полезенъ князю и по части тонкостей всякаго другаго рода.

Милютинъ былъ истиннымъ мученикомъ, съ одной стороны, прямыхъ своихъ обязанностей, а съ другой—эгоизма и деспотизма князя. Обязанный ему своимъ высокимъ положеніемъ и еще не освободившійся, такъ сказать, отъ прежняго обаянія и вліянія на него князя,

подъ которыми онъ находился на Кавказѣ, онъ попалъ къ нему въ этотъ періодъ просто въ кабалу. Князь зналъ, что Милютинъ ѣздилъ каждое утро съ докладами къ государю, но это знаніе служило ему, кажется, для того единственно, чтобы поручить этому милому и кроткому человѣку являться предъ этими докладами къ нему и выслушивать его порученія и наставленія. О томъ, что у Милютина, кромѣ этихъ докладовъ, были другія обширнѣйшія занятія и обязанности по званію военнаго министра, князь уже положительно знать не хотѣлъ и держалъ его у себя, можно сказать, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. До какой степени князь мало церемонился въ этомъ отношеніи, достаточно привести, что задержанный княземъ предъ докладомъ государю, Милютинъ часто опаздывалъ къ часу, опредѣленному для этого доклада, и, вырываясь изъ кабинета князя, весь разстроенный, бросался стремглавъ въ коляску и летѣлъ въ Александрію. Онъ часто жаловался намъ на такое стѣснительное положеніе, и мы предложили ему, съ своей стороны, помощь слѣдующаго рода: по мѣрѣ приближенія часа, опредѣленнаго для доклада государю, мы посылали въ кабинетъ князя дежурнаго адъютанта напомнить Милютину объ этомъ, не столько для Милютина, который хорошо зналъ приближеніе этого часа, сколько для того, чтобъ этими напоминаніями понудить князя освободить своего плѣнника. Но и эта помощь не всегда была дѣйствительна, и случалось, что во время этихъ безуспѣшныхъ демонстрацій врывался къ намъ, какъ бѣшеный, прискакавшій изъ Александріи, фельдъегерь и громко говорилъ: „государь ожидаетъ военнаго министра“. Проводивъ Милютина, мы пускались въ разсужденія, что было бы, если бы военный министръ, или другой какой-либо министръ заставилъ ожидать себя покойнаго императора Николая Павловича? Трудно сказать, какіе именно вопросы были предметомъ продолжительныхъ бесѣдъ князя съ Милютинымъ; но безошибочно можно заключить, что не столько кавказскія, сколько польскія дѣла, и въ особенности образованіе варшавскаго управленія, стояли здѣсь на первомъ планѣ.

Какіе результаты имѣли политическія совѣщанія князя Александра Ивановича съ княземъ Горчаковымъ неизвѣстно; но и по ходу тогдашнихъ обстоятельствъ, а главное по существу обстоятельствъ, впослѣдствіи объяснившихся—не остается никакого сомнѣнія, что польскія дѣла и особенно образованіе варшавскаго управленія подчинены были, въ то время, сильному вліянію князя. Это подтверждалось и внѣшнимъ, такъ сказать, образомъ, именно тѣмъ, что графъ Ламбертъ положительно жилъ безвыходно въ комнатахъ князя. Когда князь былъ свободенъ, графъ Ламбертъ входилъ къ нему въ кабинетъ; когда князь былъ занятъ, онъ торчалъ въ его комнатахъ предъ кабине-

томъ. Для каждаго было ясно, что будущая его варшавская судьба въ рукахъ князя. Самъ князь, съ чувствомъ какой-то гордости и самодовольствія, говорилъ мнѣ:

— Странные люди! Въ государственныхъ дѣлахъ стѣсняются пустыми обычаями, рутиною! Говорятъ: молодъ, какъ можно! Когда человѣкъ нуженъ, говорю я, дайте ему все и пошлите его!

Въ этихъ размышленіяхъ князь не называлъ графа Ламберта, но ясно было, что они не могли относиться ни къ кому другому, какъ только къ нему. И дѣйствительно, скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что графъ Ламбертъ назначается уже не варшавскимъ военнымъ губернаторомъ, какъ прежде предполагалось, а прямо намѣстникомъ. Военнымъ же губернаторомъ назначается дежурный генералъ главнаго штаба генералъ Герштенцвейгъ.

Личность эта, сколько по отзывамъ, которые я слышалъ, столько и по впечатлѣнію, непосредственно на меня произведенному, была въ высшей степени замѣчательна. Красивый, ловкій, талантливый Герштенцвейгъ пошелъ бы, безъ сомнѣнія, далеко, если бы князь не врѣзался, такъ сказать, въ его судьбу. Начать съ того, что по своимъ обширнымъ связямъ, по своимъ дарованіямъ и вообще по расположенію служебныхъ обстоятельствъ, гордый и тщеславный Герштенцвейгъ считалъ мѣсто товарища военнаго министра принадлежащимъ себѣ, равно какъ, впослѣдствіи, и мѣсто самого военнаго министра. Князь поставилъ на эту позицію Милютина и такимъ образомъ загородилъ Герштенцвейгу дорогу, вслѣдствіе чего онъ возненавидѣлъ и князя, и Милютина. Понятно, что когда Милютинъ вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ—сотрудничество такого господина не представляло уже для него ничего пріятнаго; напротивъ, надобно было думать, какъ бы сбыть его куда-нибудь поприличнѣе. Тутъ явился князь и необходимость сформировать варшавское управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и комбинація назначить Герштенцвейга варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Герштенцвейгъ являлся не одинъ разъ къ князю, и я любовался его истинно царедворскою наружностью. Смотря на него, я невольно думалъ: „скоро проглотитъ этотъ господинъ милаго, но малодаровитаго и слабоватаго Ламберта!“ Обстоятельства какъ-то круто повернули въ сторону, и скоро послѣ отправленія этихъ новыхъ сановниковъ въ Варшаву Петербургъ истинно пораженъ былъ вѣстью, что Герштенцвейгъ застрѣлился...

Подобно графу Ламберту, Герштенцвейгу—къ князю лѣзли и всѣ другіе, назначаемые или разсчитывающіе на назначеніе въ Варшаву. Однимъ словомъ, что-то безъ словъ говорило, что князь истинный хозяинъ этого дѣла.

Занятый этими высшими вопросами, князь оставлялъ насъ въ

покоѣ, такъ что ни у меня, ни у моихъ товарищей не было рѣшительно никакихъ занятій. Мы великолѣпно завтракали, обѣдали, катались по окрестностямъ Петергофа и вообще роскошествовали баснословнымъ образомъ. Въ царскіе дни насъ приглашали во дворецъ къ кавалерскому столу, гдѣ и представляли насъ разнымъ знатнымъ особамъ и фрейлинамъ. За этими обѣдами я удостоился великой чести разговаривать съ знаменитою княжною Долгоруковою, впослѣдствіи Альбединскою, родной братъ которой, сосланный на Кавказъ, былъ однимъ изъ моихъ пріятелей. Вообще, безъ преувеличенія можно сказать, что, озаренные, такъ сказать, блескомъ знаменитаго имени Барятинскаго—мы, лично, представляли нѣкоторый интересъ для петербургскихъ и петергофскихъ гражданъ; на насъ пристально вглядывались, за нами ухаживали, намъ оказывали особенное вниманіе. Послѣ обѣда предъ дворцомъ играли два хора великолѣпной военной музыки и собирались необъятныя толпы расфранченнаго народа. Едва-ли нужно говорить, что прорѣзывать во всѣхъ направленіяхъ и осматривать эти толпы—было однимъ изъ главныхъ и едва-ли не главнѣйшимъ нашимъ занятіемъ.

Съ благодарностью должно вспомнить о самыхъ любезныхъ стараніяхъ со стороны князя Анатолія Ивановича и семейства его сдѣлать наше пребываніе въ Петергофѣ сколько можно болѣе пріятнымъ и разнообразнымъ. Князь жилъ тоже въ Петергофѣ и занималъ одну изъ лучшихъ дачъ. Предъ тѣмъ онъ только-что получилъ изъ Англіи коллекціи самыхъ разнообразныхъ экипажей и разнородныхъ лошадей, начиная отъ маленькихъ „пони“ до громаднѣйшихъ каретныхъ коней. Въ своемъ мѣстѣ я разсказывалъ уже, какъ стѣснительны и подобострастны были отношенія братьевъ къ князю Александру Ивановичу. Такъ точно было и здѣсь. Въ теченіе дня самъ князь Анатолій Ивановичъ, или жена его, или дѣти, по нѣскольку разъ заѣзжали къ князю, въ разнокалиберныхъ своихъ экипажахъ, но большею частью ограничивались порученіемъ сказать князю, „что они пріѣзжали“, требовать же пріема они не рѣшались, а если и рѣшались, то послѣ продолжительныхъ предварительныхъ разспросовъ: не занятъ ли князь, не усталъ ли, да пріятно ли ему будетъ и т. п. и послѣ рѣшительныхъ нашихъ утвержденій, что князь и не занятъ, и не усталъ и т. п. Но если отношенія этого милаго семейства къ князю представляли что-то рѣшительно неестественное, то отношенія его къ намъ отличались прелестью и радушіемъ.

Князь Анатолій Ивановичъ, извѣстный и опытный лошадникъ, любилъ наполнять одинъ изъ своихъ англійскихъ экипажей, какого наименованія ужъ не знаю, гостями, нацѣплять по нѣскольку англійскихъ лошадей гусемъ и летать по петергофскимъ аллеямъ во всѣхъ

направленіяхъ. Меня онъ постоянно сажалъ рядомъ съ собою, на какую-то невообразимую высоту и удивлялъ несомнѣннымъ искусстромъ управлять, посредствомъ одной руки, четырьмя огромными англійскими лошадьми.

Между тѣмъ стало приближаться время отъѣзда царской семьи. Императрица отправлялась ранѣе, ужъ не помню какого числа. Государь же назначилъ свой отъѣздъ 6-го августа; но съ отъѣздомъ императрицы переселялся изъ Петергофа въ Царское Село, куда, разумѣется, долженъ былъ перебраться и князь, а за нимъ и всѣ мы. Вопросъ о томъ, куда потомъ направится князь, достаточно уже уяснился. Онъ продолжалъ лежать и тѣмъ самымъ говорилъ, что здоровье его далеко не возстановлено и, слѣдовательно, возвращеніе его на Кавказъ еще невозможно. Поэтому между нимъ и государемъ условлено было такъ, что въ одинъ и тотъ же день они отправятся: государь поѣдетъ по Россіи, потомъ въ Крымъ, потомъ на Кавказъ, а князь опять за границу, моремъ, для чего государь назначилъ царскій пароходъ: „Штандартъ". Въ тотъ же день графъ Ламбертъ предназначилъ отправиться въ свою Варшаву. Наконецъ, въ назначенный день мы перебрались въ Царское Село, гдѣ насъ ожидало помѣщеніе, далеко уже не столь роскошное, какъ въ Петергофѣ. Князь помѣстился въ самомъ дворцѣ, въ двухъ, трехъ комнатахъ; мы помѣстились въ извѣстномъ циркулѣ. Само собою разумѣется, что вся другая обстановка осталась та же. Императрица отправилась, а государь, сколько можно было замѣтить, рѣшился провести остальные дни до своего отъѣзда вполнѣ на холостую ногу. Извѣстно было, что каждый день, довольно поздно вечеромъ, государь приходилъ къ князю и въ самомъ интимномъ кружкѣ проводилъ тамъ время далеко за полночь. Мы, съ своей стороны, т. е. свита князя, нашли великолѣпный пріютъ въ Павловскѣ, гдѣ въ это время былъ самый сильный разгаръ музыки и франтовства. Располагая отдѣльными экипажами, мы ежедневно носились туда и обратно.

Весьма понятно, что въ водоворотѣ этой придворной жизни, я не могъ забыть самаго существеннаго для меня вопроса о будущемъ моемъ устройствѣ въ Петербургѣ. Сначала я былъ совершенно спокоенъ, убаюканный словами самого князя, сказанными въ Дрезденѣ, что онъ будетъ говорить или писать обо мнѣ самому государю. „Что же болѣе"! думалъ я: „дѣло въ шляпѣ". Но потомъ, когда я видѣлъ, что государь почти ежедневно посѣщаетъ князя, что Адлербергъ, Милютинъ и другіе сильные міра сего постоянно бываютъ въ его кабинетѣ или его пріемной, а обо мнѣ ни слова, когда я видѣлъ, что время уходитъ и наступаетъ разъѣздъ всѣхъ въ разныя стороны, а мой вопросъ не подвинулся ни на шагъ — мною стало овладѣвать

естественное безпокойство. Предъ наступленіемъ отъѣзда князь почти все время, дни и ночи проводилъ съ графомъ Александромъ Адлербергомъ, и мнѣ какъ-то смутно представлялось, что князь сдѣлаетъ именно его устроителемъ моей судьбы, подобно тому, какъ нѣкогда, отъѣзжая на Кавказъ, онъ возложилъ подобную миссію на князя Владиміра Барятинскаго, миссію, имѣвшую столь печальные результаты. О томъ, чтобы князь, согласно собственному своему обѣщанію, предпринималъ говорить обо мнѣ самому государю, и думать уже было нечего. По всѣмъ признакамъ ясно было видно, что въ этомъ отношеніи князь обманулъ меня самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Для меня рѣшительно непостижима та смѣлость, съ которою лица, подобно князю, такъ высоко стоящія, позволяютъ себѣ подобные поступки. Сказать, обѣщать и не сдѣлать—для нихъ ничего не значитъ, тогда какъ подобныя дѣйствія и въ нашемъ мѣщанскомъ кругу имѣютъ самый неблаговидный и, на мои глаза, просто отвратительный характеръ. Во-первыхъ, зачѣмъ говорить то, чего не намѣрены исполнить. Мои отношенія къ князю были таковы, что никакая требовательность съ моей стороны не могла имѣть мѣста. Я былъ подчиненъ ему съ головы до пятокъ — это первое, и слѣдовательно никакихъ торговъ и условій между нами быть не могло; потомъ онъ сдѣлалъ мнѣ, въ продолженіе нашихъ отношеній, много другихъ, смѣло можно сказать, благодѣяній, и на немъ не лежало, собственно, прямой обязанности непремѣнно дѣлать мнѣ и въ этомъ случаѣ новое благодѣяніе; однимъ словомъ, ничто не заставляло князя давать мнѣ дрезденское обѣщаніе. Но если это обѣщаніе дано уже, зачѣмъ его не исполнить? Всему міру было извѣстно, что князь считалъ меня полезнѣйшимъ и даровитѣйшимъ изъ своихъ подчиненныхъ, слѣдовательно нечего было стѣсняться и церемониться рекомендовать такого полезнаго господина для Петербургской службы; напротивъ, какъ онъ самъ много разъ выражалъ въ своихъ государственныхъ воззрѣніяхъ, это прямой долгъ высокихъ, стоящихъ близъ царя, лицъ—выводить способныхъ людей и открывать имъ дорогу. Потомъ я былъ уже очень хорошо извѣстенъ государю, какъ самый приближенный человѣкъ князя, безпрерывно болтался на его глазахъ, много разъ находился въ кабинетѣ князя, когда государь входилъ къ нему, встрѣчался съ его величествомъ на царскосельскихъ, точно также, какъ на петербургскихъ аллеяхъ и если не всегда, то очень часто удостоивался милостивыхъ привѣтливыхъ словъ государя. Слѣдовательно, для государя я не былъ личностью, совершенно неизвѣстною, о которой нужно было бы сказки разсказывать; напротивъ, государь самъ видѣлъ мое положеніе, мои отношенія къ князю и такъ или

иначе имя мое непремѣнно упоминалось въ дружескихъ бесѣдахъ государя съ княземъ.

Но предположимъ даже, что все это не такъ и что мои умозаключенія не вѣрны, что же тогда остается? Тогда остается предположить, что князь затруднялся доложить государю обо мнѣ, какъ затруднялись нѣкогда наши министры докладывать о чемъ-нибудь подобномъ грозному царю Николаю. Но это уже будетъ чистѣйшій вздоръ. Начать съ того, что отношенія князя къ государю были таковы, что, если и существовала съ чьей-либо стороны утонченная деликатность и сдержанность, то никакъ не со стороны князя. Я читалъ письма его государю и удивлялся ихъ смѣлости и безцеремонности; я былъ свидѣтелемъ ихъ личныхъ отношеній и погружался въ неменьшее удивленіе. Я приводилъ уже одну рельефную сцену въ этомъ отношеніи и несмотря на сильное опасеніе заслужить справедливый укоръ за повторенія, которыми испещрены мои записки, рѣшаюсь разсказать здѣсь вновь эту сцену. Предъ наступленіемъ отъѣзда, князь счелъ нужнымъ послать на Кавказъ нѣсколько писемъ князю Орбеліани, Крузенштерну, Карцеву... Однажды я сидѣлъ у князя въ кабинетѣ, и мы усердно занимались сочиненіемъ этихъ писемъ. Князь, по обыкновенію, лежалъ на диванѣ, поставленномъ у стѣны, противуположной окнамъ; подлѣ дивана стоялъ столъ, за которымъ я работалъ. День былъ ясный; окна были отворены. Вдругъ, совершенно неожиданно, къ одному изъ оконъ подошелъ государь. Я всталъ со стула, отодвинулся шага на два и остался въ кабинетѣ, потому что князь ни словомъ, ни знакомъ не показалъ, что я долженъ удалиться. Такимъ образомъ, я сдѣлался волею неволею свидѣтелемъ этой сцены. Государь, съ веселымъ лицомъ, на которомъ такъ и выступала доброта и благость, началъ разсказывать, разумѣется на французскомъ языкѣ, какъ одна дама въ саду схватила его за ноги, обняла ихъ и объявила, что она не выпуститъ ихъ, пока государь не исполнитъ ея просьбы. Разсказывая это, государь смѣялся самымъ добродушнымъ образомъ. Я взглянулъ на князя. Онъ слушалъ этотъ разсказъ съ какою-то неопредѣленною, не хорошею улыбкой, въ которой не было не только и тѣни подобострастія, но даже и простой симпатіи. Она, казалось, говорила: „стоило для такихъ пустяковъ отрывать меня отъ занятій". По окончаніи разсказа государя князь какъ-то лѣниво и вовсе несочувственно замѣтилъ только: „однако вы эдакъ могли упасть". Потомъ тотчасъ спросилъ: „былъ у васъ Шамиль?" Когда государь сказалъ, что былъ, князь лѣниво прибавилъ: „это я послалъ его къ вамъ". Потомъ государь поговорилъ еще что-то, намекнулъ на наши занятія, при чемъ кивнулъ привѣтливо на меня и удалился. Однимъ словомъ, ни жестомъ, ни

словомъ князь не выразилъ той почтительности, которая подобаетъ царскому величеству. Я тутъ же подумалъ: „надобно, чтобы государь много любилъ князя, чтобъ смотрѣлъ равнодушно на такую заносчивость“. Вообще, если бы сдѣлать свидѣтелемъ этой сцены какого-либо простого человѣка, отъ роду не видавшаго ни государя, ни князя, и потомъ спросить: кто тутъ государь, а кто князь—этотъ не хитрый свидѣтель сильно затруднился бы отвѣчать на этотъ вопросъ и едва ли угадалъ истину.

Всегда ли такъ выражались отношенія князя къ государю или, въ этомъ случаѣ, князь разсчитывалъ показать мнѣ, вящшимъ образомъ, свое величіе, я не знаю; но ясно, что князь, ни по вопросу обо мнѣ, ни по вопросу о комъ-либо и о чемъ-либо другомъ — не могъ стѣсняться докладами такому доброму и списходительному государю, государю, едва-ли въ продолженіе всего своего царствованія отказавшему въ какомъ-либо добромъ дѣлѣ, о которомъ ему докладывали. Что же, наконецъ, было причиною со стороны князя дать обѣщаніе и не исполнить его? Самое лучшее и полезное объясненіе этого вопроса въ отношеніи къ князю можетъ заключаться въ томъ, что онъ, хотя и выразилъ желаніе отпустить меня и разстаться со мною, но въ то же время сохранялъ желаніе приберечь меня для себя и встрѣченными мною затрудненіями въ устройствѣ петербургскаго моего положенія вынудить меня снова обратиться къ Кавказу. Предположеніе это значительно подтверждается послѣдующими обстоятельствами, но за несомнѣнную достовѣрность его я все-таки ручаться не могу. Съ глубокимъ сожалѣніемъ, но въ то же время съ большою достовѣрностію я долженъ сказать, что въ натурѣ князя, высокой и благородной, былъ одинъ, на мои глаза, весьма существенный, недостатокъ, который онъ, напротивъ, считалъ, повидимому, большимъ достоинствомъ — это стремленіе хитрить. Что этотъ недостатокъ онъ дѣйствительно считалъ достоинствомъ, доказываютъ собственные его разсказы въ этомъ отношеніи, тѣ уроки и наставленія, какіе онъ давалъ, не только не стѣсняясь, но, напротивъ, какъ будто гордясь своимъ искусствомъ, другимъ лицамъ по этой части. Я живо помню, напр., какъ въ Вильнѣ, при всѣхъ насъ, онъ давалъ пріхавшему туда брату своему, князю Владиміру Ивановичу, тономъ знатока и учителя, самымъ серьезнымъ и внушительнымъ тономъ, поученія, какимъ образомъ дешевое вино выдавать за драгоцѣнное, какія здѣсь должны быть принимаемы предварительныя мѣры, какіе надо заранѣе распускать слухи и т. п. Подобную несчастную черту мнѣ случалось въ теченіе моей жизни встрѣчать и въ другихъ, хотя не столь знатныхъ и высокихъ, но довольно почтенныхъ личностяхъ. Тотъ самый Корнѣевъ, съ которымъ судьба меня столкнула въ на-

чалѣ моего служебнаго поприща, будучи статсъ-секретаремъ и тайнымъ совѣтникомъ, съ чувствомъ особеннаго самодовольствія любилъ разсказывать, что онъ одного надулъ, другаго поддѣлъ и т. п. Черта эта на мои глаза граничитъ съ тою болѣзненною чертою въ нѣкоторыхъ, тоже почтенныхъ, личностяхъ, которая могущественно заставляетъ ихъ стягивать чужія вещи, ибо, если одни воруютъ безъ нужды и безъ смысла, то другіе также точно лгутъ и обманываютъ тоже безъ всякой необходимости.

Я не знаю, какіе плоды насчитываетъ князь отъ своего страннаго, непостижимаго, ненужнаго искусства, но я убѣжденъ, что оно доставило ему одни убытки, разумѣется, моральнаго свойства. Большимъ убыткомъ должно считать то, что на Кавказѣ ему мало или вовсе не вѣрили и въ отношеніи къ нему держались собственной его системы, т. е. лжи и хитрости. Убыткомъ должно считать то, что именно, вслѣдствіе этой системы, у него рѣшительно не было преданныхъ людей и тѣ, которые носили маску преданности, тотчасъ сняли ее, какъ только онъ оставилъ Кавказъ. Убыткомъ надо считать то, что всѣ тѣ, которыхъ безъ нужды онъ осыпалъ, подобно мнѣ, великолѣпными обѣщаніями и которымъ ничего не сдѣлалъ, обратились, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, въ его враговъ, ничтожныхъ отдѣльно, но сильныхъ въ массѣ. Мою любовь, мою преданность, мою благодарность къ князю ничто не въ состояніи истребить; но во имя правды, я долженъ сказать, что чувства эти были бы чище, если бы къ другимъ достоинствамъ, князь присоединилъ безукоризненное служеніе правдѣ, ибо для совершенства моего идеала необходимо прежде всего, чтобъ онъ олицетворялъ правду...

Какъ я сказалъ уже, съ приближеніемъ общаго разъѣзда князь постоянно занимался съ графомъ Адлербергомъ. Входя иногда въ кабинетъ князя во время этихъ занятій, я видѣлъ на столѣ реэстры кавказскихъ дѣлъ и личностей, карандашемъ набросанные и испещренные карандашевыми замѣтками. Ясно было, что эти реэстры, сопровождаемые личными объясненіями, должны были составлять для Адлерберга, а частію и для государя путеводную нить, за которую они должны держаться при предстоящемъ посѣщеніи ими Кавказа, въ отсутствіе главнаго хозяина страны. Нѣтъ сомнѣнія, что эти дѣловыя совѣщанія превращались въ дружескую бесѣду, когда, какъ я замѣтилъ уже, съ наступленіемъ поздняго вечера государь приходилъ къ князю и проводилъ тамъ большую часть ночи. Однажды, возвратившись откуда-то довольно рано, осаждаемый непріятными и тревожными мыслями относительно своей будущности, я ничего не придумалъ лучше, какъ лечь въ постель, часовъ въ 11, и сномъ прекратить мои волненія и недоумѣнія. Едва я заснулъ, какъ меня

торопливо разбудили и объявили, что князь требуетъ меня немедленно. Сосредоточивая всѣ мысли постоянно на одномъ и томъ же пунктѣ, я тотчасъ предрѣшилъ, что и это внезапное требованіе относится сюда же. Я зналъ, какъ деликатенъ князь, и былъ убѣжденъ, что онъ не велѣлъ бы меня будить, если бы дѣло не касалось собственныхъ моихъ интересовъ. Однимъ словомъ, я полагалъ, что ему удалось наконецъ устроить мое петербургское положеніе переговорами съ Адлербергомъ, а можетъ быть и самимъ государемъ и онъ спѣшитъ обрадовать меня. Человѣку такъ свойственно заблуждаться и обольщаться, несмотря на тяжкіе уроки и опыты. Одѣвшись на-скоро, я пересѣкалъ большой лугъ, раздѣлявшій извѣстный циркуль отъ дворца, съ такими же чувствами, которыя я испытывалъ нѣкогда, отправляясь въ Зимній дворецъ, одинъ разъ по требованію князя Владиміра Барятинскаго, а другой—по требованію стараго графа Адлерберга. Какъ тогда, такъ и теперь, самое могущественное и рельефное изъ этихъ чувствъ было радостное ожиданіе какихъ-то невѣдомыхъ благъ и полнѣйшаго счастія. Зато какъ тогда, такъ и теперь, меня встрѣтило полнѣйшее разочарованіе.

Едва появился я въ пріемной князя, ярко освѣщенной, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались на меня возгласы: „ваше превосходительство! Тромповскій умеръ!“ или „изволили слышать, ваше превосходительство, что генералъ Тромповскій изволили скончаться!“ Извѣстіе это, разумѣется, огорчило, но не поразило меня, потому что всѣ мы ждали такого заключенія, зная, что другаго и быть не можетъ. Сознаюсь, что меня непріятно кольнуло быстро мелькнувшее въ головѣ моей соображеніе, что я потребованъ именно вслѣдствіе этого событія, но отнюдь не для блистательнаго разрѣшенія моихъ личныхъ плановъ и ожиданій. При входѣ въ кабинетъ князя я, по обычаю, нашелъ тамъ графа Адлерберга, а на столѣ кучу реэстровъ и различныхъ бумагъ, князь встрѣтилъ меня фразой:

„Знаете, нашъ бѣдный Тромповскій умеръ!!“

„Да, я знаю, ваше сіятельство!“ отвѣчалъ я.

„Какъ знаете?“ съ удивленіемъ спросилъ князь, „кто вамъ сказалъ?“

„Трудно сказать, кто сказалъ“, продолжалъ я, „въ пріемной нѣсколько человѣкъ разомъ мнѣ сказали объ этомъ“.

„Удивительное дѣло!“ замѣтилъ князь, обращаясь къ Адлербергу, „ты видѣлъ, что я сейчасъ только получилъ телеграмму и вмѣстѣ съ тобою прочиталъ; ты видѣлъ, что я рѣшительно ни одному человѣку не говорилъ, а всѣ уже знаютъ. Это чортъ знаетъ что такое!“

Въ этой депешѣ братъ Тромповскаго, увѣдомляя о смерти его, просилъ князя выхлопотать дозволеніе на безпрепятственный про-

пускъ тѣла покойнаго чрезъ нашу границу на родину его, и князь, поручая мнѣ заготовить немедленно нужныя для того бумаги, по обычаю прибавилъ: „извините, что я безпокоилъ васъ!“

Съ завянувшими надеждами, темной ночью, спотыкаясь, я побрелъ черезъ мокрый лугъ въ свой циркуль, но прежде, чѣмъ я успѣлъ сдѣлать половину дороги, какъ былъ снова возвращенъ къ князю. Не оставалось уже сомнѣнія, что князь желалъ дополнить чѣмъ-нибудь свои инструкціи относительно бѣднаго Тромповскаго, и въ этомъ убѣжденіи я лѣниво снова вошелъ въ кабинетъ князя. Я говорилъ уже, что князь большой сердцевѣдецъ и умѣлъ отлично читать по физіономіи человѣка внутреннее его состояніе. Нѣтъ сомнѣнія, что по игрѣ на моей физіономіи различныхъ ощущеній, быстро смѣнявшихся, онъ хорошо видѣлъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился, такъ или иначе, коснуться его. При вторичномъ моемъ появленіи князь сказалъ:

„Давайте, Василій Антоновичъ, кончимъ кстати (?) ваше дѣло“.

Затѣмъ, обратившись къ Адлербергу, онъ продолжалъ:

„Ты знаешь его и мои къ нему отношенія. Стало быть, рекомендовать его тебѣ нечего. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ и не хочетъ служить на Кавказѣ и бросаетъ меня. Пожалуйста, устройте вмѣстѣ съ отцомъ его здѣсь“. Графъ Адлербергъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ относительно меня, прибавилъ, что онъ знаетъ, какъ неохотно отецъ разставался со мной, а въ заключеніе, какъ водится, удостовѣрилъ въ полнѣйшей готовности его сдѣлать для меня все, что будетъ въ его средствахъ!

Не трудно понять было, что все, что̀ было произнесено предо мной этими высокими царедворцами, было одною комедіею и что по этой части несомнѣнно существовалъ между ними, предварительно, другой разговоръ, какого содержанія—я, разумѣется, постичь не могъ. Плохое искусство, съ которымъ разыграна была эта комедія, впервые заронило въ меня мысль, что князь все-таки приберегаетъ меня для себя и никакъ не хочетъ дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи къ моему петербургскому устройству. Какъ бы то ни было, я хорошо видѣлъ, что ни на такой слабой рекомендаціи князя, ни на такихъ форменно любезныхъ словахъ графа Адлерберга далеко не уѣдешь, и потому поспѣшилъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, заключить всю эту непріятную сцену слѣдующими словами:

„Глубоко благодаренъ вашему сіятельству; позвольте мнѣ надѣяться, что до тѣхъ поръ, пока, при благосклонномъ содѣйствіи графа Александра Владиміровича, мнѣ удастся пристроиться въ Петербургѣ, вы дозволите мнѣ сохранить мое кавказское положеніе. Иначе я очутился бы въ величайшемъ затрудненіи“.

„Само собою разумѣется“, живо отвѣчалъ князь, видимо, довольный, что эти переговоры, безъ сомнѣнія, стѣснительные для него самого, такъ мирно и благополучно кончились. Чрезъ нѣсколько минутъ я принесъ ему бумаги о Тромповскомъ, которыя, несмотря на незначительпость ихъ содержанія, очень ему понравились.

Хотя, по натурѣ своей, я не принадлежу къ разряду тѣхъ личностей, которыя любятъ полагаться „на авось“, напротивъ, олицетворяя въ себѣ, можно сказать, типъ русскаго человѣка, я отличаюсь отъ этого общаго типа именно тою чертою, что ни на волосъ не чувствую въ себѣ благополучной и сладкой безпечности, а постоянно смотрю за сто верстъ впередъ; тѣмъ не менѣе въ томъ положеніи, въ которомъ я тогда находился, мнѣ ничего не оставалось, какъ покориться обстоятельствамъ. Я могъ значительно успокоиться, удержавъ за собою выгоды кавказскаго положенія до того времени, когда придетъ другое положеніе. „Посмотримъ“,—думалъ я, „что будетъ дальше? Если графъ дѣйствительно устроитъ меня въ Петербургѣ—ладно; если нѣтъ, то сильный князь опять будетъ хлопотать. Въ крайнемъ же случаѣ, опять возвращусь съ нимъ на Кавказъ и буду ждать у моря погоды“. Взглянувъ съ этой точки на свое положеніе, я пересталъ о немъ думать и съ спокойнымъ духомъ погрузился въ подробности, съ предстоящими проводами князя сопряженными.

Князь Александръ Ивановичъ намекалъ, что ему было бы пріятно, если бы я проводилъ его до Штетина на царскомъ пароходѣ „Штандартъ“; но я уклонился самымъ благовиднымъ и приличнымъ образомъ отъ этой чести. Мнѣ надоѣло кочевать, и я спѣшилъ къ семьѣ, которая не переставала взывать ко мнѣ о скорѣйшемъ возвращеніи, къ семьѣ, которая манила меня въ зелень, въ рощи, въ сельскій міръ со всѣми его прелестями. Князь, видимо, гордился тѣмъ, что этотъ великолѣпный, роскошный царскій пароходъ отданъ въ его распоряженіе, всѣмъ говорилъ объ этомъ и всѣмъ предлагалъ ѣхать съ собою. И дѣйствительно, набралась порядочная толпа, которая не замедлила воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Всѣхъ личностей этого рода я уже припомнить не могу; помню, однако, что въ числѣ ихъ былъ старый адъютантъ князя, вышедшій давно въ отставку, князь Петръ Гагаринъ съ красавицей женой и еще какія-то дамы. Съ княземъ отправился Харитоновъ, для поисковъ за границей капиталовъ, на которые можно было бы построить Закавказскую желѣзную дорогу, любимѣйшее изъ предпріятій князя. Съ княземъ ѣхалъ адъютантъ его князь Долгоруковъ, сынъ князя Василія Андреевича, но не въ качествѣ адъютанта, а въ качествѣ больнаго, ѣхавшаго искать спасенія отъ атаковавшей его кавказской лихорадки.

Наконецъ, наступило 6-ое августа, день отъѣзда государя и князя.

Это было, кажется, воскресенье. Несмотря на свое величіе, князь былъ не чуждъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Такъ, напр., онъ никогда не выѣзжалъ въ дорогу въ понедѣльникъ, считающійся, какъ извѣстно, самымъ тяжелымъ для всевозможныхъ начинаній. Такъ точно было и здѣсь. Государь уѣзжалъ послѣ обѣда; само собою разумѣется, что князь могъ отправиться только послѣ него; затѣмъ предстояло перелетѣть въ экипажахъ изъ Царскаго Села въ Петергофъ; тамъ сѣсть на петергофской пристани на маленькій пароходъ и переѣхать на „Штандартъ“, стоящій въ морѣ, и на немъ уже тронуться въ дѣйствительный путь. Князь сильно заботился о томъ, чтобы все это было исполнено до 12-ти часовъ ночи, т. е. до наступленія понедѣльника, и далъ всѣмъ приближеннымъ соотвѣтственныя тому приказанія. Въ числѣ этихъ приказаній рельефно выдавалось то, чтобы вся свита и всѣ лица, ѣдущія съ нимъ, съ утра были въ Петергофѣ и заранѣе помѣщались и устраивались на „Штандартѣ“. Князь рѣшительно предупреждалъ всѣхъ, что какъ только сядетъ на пароходъ, тотчасъ тронется и никого ожидать не будетъ. Такимъ образомъ, въ самый день отъѣзда—при князѣ въ Царскомъ Селѣ находились только двое: я и Зиновьевъ, я—по части бумажной, Зиновьевъ—по части хозяйственной и дорожной. Исполненіе моихъ обязанностей шло довольно благополучно; между Зиновьевымъ и княземъ происходили недоумѣнія, столкновенія и шумныя объясненія, какъ я уже выше замѣчалъ, было то, что Зиновьевъ, въ продолженіе всего переѣзда нашего изъ Царскаго Села въ Петергофъ, объяснялъ мнѣ, какой несносный человѣкъ этотъ князь и что только одна дружба (?) къ нему заставляетъ переносить всѣ его капризы.

Послѣ обѣда часовъ въ 6 или 7 государь пришелъ проститься съ княземъ и прямо, разумѣется, вошелъ къ нему въ кабинетъ. Пріемная князя была полна народу. Тутъ былъ графъ Ламбертъ, князь Владиміръ Барятинскій и много другихъ. Съ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ произошла передъ тѣмъ комическая сцена. Если не ошибаюсь, онъ сдѣлалъ съ женою какое-то условіе, относящееся къ проводамъ князя, и, кажется, обѣщался выслать ей какое-то свѣдѣніе по этой части. Дѣло, сколько могу припомнить, шло о томъ, въ какомъ именно часу отправляется князь? Само собою разумѣется, что никто, кромѣ самого князя, не могъ разрѣшить этого вопроса положительно. У князя, между тѣмъ, кто-то былъ въ кабинетѣ, такъ что доступъ туда не былъ свободенъ. Князь Владиміръ Ивановичъ послѣ тщетныхъ и безплодныхъ разспросовъ по предмету, его занимающему, былъ страшно озабоченъ, находясь въ непріятномъ положеніи между этой неизвѣстностью и ожиданіемъ жены его рѣшительнаго и скораго отъ него отвѣта. Въ замѣтномъ волненіи онъ подошелъ, между про-

чимъ, ко мнѣ и сказалъ: „право, не знаю, что дѣлать?“ „Да войдите просто въ кабинетъ и спросите самого князя“, отвѣчалъ я. Послѣ нѣкотораго колебанія, подкрѣпляемый и ободряемый моими совѣтами, князь дѣйствительно вошелъ въ кабинетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, весь красный и смущенный и, не говоря ни слова, снова остановился въ какой-то видимой нерѣшимости. Я тотчасъ подошелъ къ нему и спросилъ: „ну что?“ „Да что!“ какъ-то мрачно отвѣчалъ князь, „едва я вошелъ въ кабинетъ, князь взглянулъ на меня и сказалъ: „ну, садись и ничего не говори!“ Я сѣлъ и молча слушалъ, что они тамъ толковали. Такъ прошло минутъ пять. Мнѣ надоѣло сидѣть дуракомъ. Я всталъ и вышелъ. Вотъ и все!“—„Ну пошлите сказать княгинѣ, что ничего неизвѣстно!“ замѣтилъ я.

Государь оставался у князя недолго и вышелъ отъ него съ влажными глазами. Въ пріемной онъ сталъ прощаться со всѣми и многихъ онъ обнималъ и цѣловалъ. Сколько разъ мнѣ ни случалось видѣть и слышать государя, мною всегда неотразимо овладѣвало впечатлѣніе, что прежде всего—это человѣкъ и человѣкъ прекрасной души! Когда государь удалился, всѣ бросились въ кабинетъ князя прощаться съ нимъ. Потомъ началось всеобщее прощаніе отъѣзжающихъ съ остающимися, или остающихся съ отъѣзжающими, и тутъ-то графъ Ламбертъ, худой, какъ скелетъ, когда при обниманіяхъ и лобзаніяхъ съ кѣмъ-то вышло у него какое-то замѣшательство, весьма нерѣдкое въ подобныхъ случаяхъ, остроумно замѣтилъ: „вотъ странный человѣкъ. Ищетъ у меня щекъ, которыхъ вовсе нѣтъ!“ Между тѣмъ у подъѣзда стояли два экипажа. Когда церемонія прощанья кончилась, безногаго князя вывели и усадили въ экипажъ. Съ нимъ помѣстился князь Владиміръ Ивановичъ. Въ другой экипажъ помѣстились мы съ Зиновьевымъ. Наступалъ уже темный августовскій вечеръ, и я про себя испытывалъ нѣкоторое безпокойство: успѣетъ ли князь до наступленія 12-ти часовъ сѣсть на „Штандартъ“ и тронуться въ путь. Но когда при возгласахъ: „прощайте, будьте счастливы, благополучнаго пути и т. п.“ экипажи наши помчались, именно съ быстротою стрѣлы, это безпокойство тотчасъ значительно умалилось. Скорость, съ которою летѣли эти экипажи, была изумительна! На половинѣ дороги была подстава. Въ одну минуту прежнія лошади замѣнены были новыми, свѣжими, и мы вновь помчались.

Издали уже мы могли видѣть блистательное освѣщеніе петергофской пристани и огни, которыми горѣлъ въ морѣ, на значительномъ разстояніи отъ берега, великолѣпный „Штандартъ“. На пристани была бездна народу. Во-первыхъ, тутъ находились какія-то морскія власти, въ значительномъ числѣ, торжественно встрѣтившія князя; во-вторыхъ, тутъ находились всѣ отправлявшіеся съ княземъ и погру-

зившіеся уже на „Штандартъ“; въ-третьихъ, тутъ находились остальные родные и знакомые князя, которые не могли проститься съ нимъ въ Царскомъ Селѣ, какъ, напр., все семейство князя Анатолія Ивановича и т. п.; наконецъ, тутъ находилось чуть ли не все населеніе Петергофа, жаждущее видѣть торжественное отправленіе князя-фельдмаршала, что̀ дѣйствительно составляло довольно рѣдкій и великолѣпный спектакль. Когда мы подъѣхали къ пристани и морскія власти исполнили обрядъ своего представленія, князя перенесли и усадили на маленькомъ пароходѣ, на который въ то же время помѣстились и всѣ родные и приближенные князя. Пароходикъ зашумѣлъ, двинулся и благополучно доставилъ насъ на „Штандартъ“, какъ я сказалъ уже, блистательно освѣщенный огнями, остановясь потомъ въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи въ ожиданіи тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ доставить обратно на берегъ. Само собою разумѣется, что я рѣшительно ничего не смыслю въ морскомъ дѣлѣ вообще, а въ качествѣ и достоинствѣ морскихъ судовъ въ особенности; но „Штандартъ“ показался мнѣ просто чудомъ великолѣпія и роскоши.

Ночь была темная; до 12 часовъ еще было далеко, и всѣ мы, остающіеся, имѣли время и возможность подробно разсмотрѣть этотъ чудный водяной царскій дворецъ. Каждый изъ тѣхъ, кто ѣхалъ съ княземъ, тащилъ въ свою каюту и въ каждой каютѣ надобно было удивляться комфорту, уютности, роскоши и богатству. Этотъ безпрерывный переходъ изъ одного отдѣленія парохода въ другое, изъ одной каюты въ другую — едва-ли не былъ причиною моей гибели, самой глупой изъ всѣхъ родовъ гибели. При входѣ въ какую-нибудь каюту, я тотчасъ останавливался, отбрасывался всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ и въ этомъ положеніи обозрѣвалъ всѣ прелести, какія мнѣ указывалъ и объяснялъ хозяинъ каюты. Эта поза, эта наклонность откидываться назадъ, сдѣлалась на это время какою-то потребностью, какою-то безотчетною привычкою. Когда, по окончаніи обозрѣнія роскошныхъ частностей парохода, я, сопровождаемый пріятелями, вышелъ на палубу, эта привычка продолжала господствовать надо мною и невольно тянула меня откинуться къ стѣнѣ. Я сказалъ уже, что ночь была темная сама по себѣ, а отъ огней, находившихся на пароходѣ, казалась еще темнѣй, такъ что не было никакой возможности отдѣлить линіи борта отъ окружающаго мрака. Увлекаемый этою привычкою и какимъ-то непостижимымъ самозабвеніемъ, я, приблизившись къ борту, также откинулся назадъ, какъ-то смутно предполагая здѣсь стѣну. Этого момента изобразить невозможно; но безъ чувства невольнаго страха я и теперь не могу о немъ вспомнить. Линія тоньше волоска спасла меня отъ смерти. Какъ я удержался, чтобы не перевалиться за бортъ, тоже объяснить не могу;

IX.

Пониженіе фондовъ князя.—Сравненіе пріѣзда князя въ 1859 году съ пріѣздомъ его въ 1861 году.—Невыгодные результаты этого сравненія.—Пиръ мой съ товарищами на минеральныхъ водахъ.—Поѣздка моя въ подмосковную.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Свиданіе и объясненіе мое съ графомъ Адлербергомъ.—Соглашеніе мое съ Милютинымъ —Нашъ кавказскій кружокъ.—Князь Иванъ и князь Ираклій—Грузинскіе.—Извѣстія о князѣ Барятинскомъ.

Излагая разсказъ мой о пріѣздѣ князя изъ-за границы въ Петербургъ, я долженъ сказать, что какъ ни почетны, какъ ни блистательны были для него различныя частности, сюда относящіяся, но общій характеръ этого пребыванія здѣсь князя далеко не представлялъ того торжественнаго величія, которымъ сопровождался пріѣздъ его въ Петербургъ въ 1859 году. Самое безграничное вниманіе къ князю со стороны государя было равносильно какъ тогда, такъ и теперь; но нельзя было не замѣтить, что въ 1859 году оно сопровождалось сильнымъ народнымъ, такъ сказать, сочувствіемъ. Общество торжествовало побѣду восточнаго Кавказа, плѣнъ страшнаго врага Шамиля и чествовало побѣдителя. Здѣсь вниманіе государя являлось какъ-то одинокимъ. Въ воздухѣ какъ-то слышалось, что общественное значеніе князя слабѣетъ. Можно было думать, что враги князя, хотя и не кончили своихъ подкоповъ подъ него, однако, работа ихъ не пропала даромъ. Однимъ словомъ, видно было, что между 1859 и 1861 годами есть разница и, разумѣется, не въ пользу князя. Нѣтъ сомнѣнія, что этой разницѣ, независимо отъ козней враговъ князя, много содѣйствовало абадзехское дѣло. Дѣло это, какъ я разсказывалъ уже, принято было, какъ полное покореніе этого народа, и за него собственно князь получилъ чинъ фельдмаршала, а между тѣмъ скоро оказалось, что тутъ полнаго покоренія не было, а были только какія-то условія съ нимъ, сочиненныя Филипсономъ и довольно неудачныя для достоинства государства. Благопріятели князя не замедлили протрезвонить, что вся эта штука искусственно выдѣлана самимъ княземъ именно для того, чтобы сдѣлаться фельдмаршаломъ, тогда какъ онъ не былъ въ ней нисколько не виноватъ и болѣе, чѣмъ кто-либо, негодовалъ за нее на Филипсона. Нельзя отрицать и того, что переворотъ, сдѣланный княземъ въ Мингрельскомъ дѣлѣ, тоже былъ, по всей вѣроятности, одною изъ причинъ нѣкотораго охлажденія къ нему со стороны высшихъ слоевъ общества, гдѣ хитрая княгиня Дадьянъ умѣла представить себя съ сыномъ жертвами деспотизма и произвола князя. Однимъ словомъ, сравненіе 1859 года съ 1861 годомъ было невыгодно въ отношеніи къ князю. Отъ прозорливаго его ума не могли ускользнуть результаты этого сравненія и, смотря на его за-

думчивую позу при его отъѣздѣ, о которой я упоминалъ, я имѣлъ нѣкоторое основаніе предполагать, что это сравненіе и его результаты именно и составляютъ предметъ его глубокихъ размышленій.

Но обстоятельства, впослѣдствіи объяснившіяся, если не совсѣмъ уничтожили это предположеніе, то значительно его ослабили. Оказалось, что у князя былъ и другой предметъ, достойный еще болѣе его глубокихъ размышленій. Основываясь на различныхъ источникахъ, я говорилъ уже, что тотчасъ по пріѣздѣ изъ Дрездена въ Петербургъ и при первомъ свиданіи съ государемъ, князь сообщилъ ему какіе-то политическіе планы, придуманные и обдуманные имъ за границей и что князь тутъ же прибавилъ, что князь Горчаковъ не годится для завѣдыванія нашими иностранными дѣлами. Государь, какъ я тоже говорилъ, въ тотъ же день послалъ князя Горчакова къ князю, но относительно политическихъ его соображеній не высказалъ никакого рѣшительнаго мнѣнія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло во все продолженіе пребыванія князя въ Петербургѣ. Только при самомъ отъѣздѣ князя, какъ оказалось впослѣдствіи, государь сказалъ ему коротко и рѣшительно, что онъ хорошо помнитъ все то, что говорилъ ему князь, но что онъ имѣетъ на этотъ счетъ свои убѣжденія и считаетъ своимъ долгомъ, какъ солдатъ на часахъ, стоять на стражѣ этихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, если князь и имѣлъ поводъ задумываться надъ сравненіемъ своего появленія въ Петербургѣ въ 1859 и 1861 годахъ, то еще большій поводъ имѣлъ онъ углубляться въ размышленія по поводу этихъ многозначительныхъ словъ государя. Ясно было, что съ принятіемъ его плановъ должно было установиться и его государственное вліяніе. Ясно было, что, съ отстраненіемъ этихъ плановъ, князь терялъ всѣ разсчеты и надежды на это могущественное вліяніе.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что мнѣ совершенно неизвѣстно, что было предложено княземъ государю и, слѣдовательно, что государемъ отвергнуто; но не подлежитъ сомнѣнію, что князь, какъ я говорилъ уже, имѣлъ громадное вліяніе на образованіе варшавскаго управленія и даже не только на это образованіе, но и на установленіе самой системы дѣйствій въ этомъ краѣ. Извѣстно, что въ первое время эта система отличалась либерализмомъ и гуманностью и только тогда, когда этимъ путемъ дѣла наши пошли отвратительно, она была замѣнена другою, противуположною, Муравьевскою, системой, которая, такъ или иначе, вызвала рукоплесканія русскаго народа. Обстоятельство, что князь имѣлъ вліяніе на установленіе первоначальной системы, доказывается словами моего кавказскаго пріятеля, генерала Фадѣева, который лѣтомъ 1865 года ѣздилъ за границу, видѣлся съ княземъ, а потомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и въ теченіе

цѣлаго мѣсяца, и почти ежедневно, проводилъ время у меня на дачѣ. Фадѣевъ, какъ я говорилъ уже, былъ однимъ изъ приближенныхъ людей князя и двѣ недѣли жилъ у него на дачѣ, близъ Лондона. Въ постоянныхъ бесѣдахъ съ нимъ, Фадѣевъ постоянно слышалъ сѣтованія князя за несправедливые, по его мнѣнію, укоры, обращенные къ нему самимъ государемъ, за совѣты, которые онъ давалъ по польскимъ дѣламъ, совѣты, не оправдавшіеся на дѣлѣ. По словамъ Фадѣева, князь утверждалъ, что совѣты были хороши; но ихъ не умѣли исполнить. Какъ бы то ни было, ясно, что князь давалъ совѣты относительно веденія польскихъ дѣлъ, что совѣты эти были приняты, оказались неудобными и что князь подвергся за нихъ упрекамъ...

Въ октябрѣ я со всѣмъ своимъ семействомъ переселился въ Петербургъ, гдѣ я по-прежнему и водворился въ гостиницѣ „Парижъ".

Свѣдѣнія, которыя я нашелъ въ Петербургѣ, были неопредѣленны и неинтересны. Было извѣстно, что государь посѣтилъ Кавказъ, остался всѣмъ доволенъ и разсыпалъ бездну наградъ, разумѣется, по программамъ князя, сочиненнымъ въ Царскомъ Селѣ. Возвратившійся изъ-за границы Харитоновъ, безплодно искавшій тамъ капиталовъ для Закавказской желѣзной дороги, сообщилъ, что князь по-прежнему продолжаетъ лѣчиться, но что въ положеніи его нѣтъ особенныхъ перемѣнъ. Вслѣдъ за Харитоновымъ пріѣхало въ Петербургъ много кавказскихъ личностей, частью тоже изъ-за границы, а частью изъ Тифлиса и все это селилось въ гостиницѣ „Парижъ", которую въ шутку мы переименовали въ „Кавказскую гостиницу". Здѣсь были князь Георгій Багратіонъ-Мухранскій, пріѣхавшій изъ Тифлиса въ отпускъ, Дюкруаси, князь Ираклій Грузинскій и много другихъ, такъ что у насъ образовалась довольно многочисленная кавказская колонія. Понятно, что какъ ни была мила эта колонія, я не могъ сосредоточить въ ней всѣ мои интересы и продолжалъ мечтать о моемъ петербургскомъ устройствѣ. Какъ ни ясно было данное мнѣ разрѣшеніе сохранить мое кавказское положеніе до тѣхъ поръ, когда оно будетъ замѣнено другимъ, столь же прочнымъ положеніемъ, вопросъ этотъ, при моемъ заботливомъ характерѣ, началъ значительно возмущать мое спокойствіе.

Я рѣшился идти къ его разъясненію и атаковать графа Александра Адлерберга. Облеченный въ парадную форму, я отправился въ одно сквернѣйшее утро къ этому милому, но беззаботному царедворцу. Кто когда-нибудь имѣлъ съ нимъ дѣло, тотъ знаетъ, до какой степени затруднителенъ доступъ къ нему. Вѣчно: „спитъ" или „нѣтъ дома!" Дѣйствительно ли онъ такъ много спитъ или такъ рѣдко бываетъ дома—Богъ его знаетъ; только изъ тысячи разъ, въ которые

вы, разумѣется, малозначительный и не находящійся въ прямыхъ великосвѣтскихъ съ нимъ отношеніяхъ, явитесь къ нему, девятьсотъ девяносто семь разъ вы непремѣнно услышите отъ его людей этотъ отвѣтъ. На этотъ разъ я былъ счастливѣе. Начать съ того, что всѣ люди его хорошо меня знали; потомъ моя мундирная форма съ присовокупленіемъ различныхъ регалій производила на нихъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но, нисколько не полагаясь, однако, на эти благопріятныя условія, я объявилъ имъ, что мнѣ необходимо видѣть графа по порученію князя Александра Ивановича. Значеніе князя въ домѣ графа Александра Владиміровича было необъятно и по взаимной дружбѣ ихъ и по близкимъ отношеніямъ того и другаго къ государю. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ предварительныхъ мѣръ было то, что мнѣ сказали: „не угодно ли подождать? Графъ еще почиваетъ!“ Само собою разумѣется, что я готовъ былъ ждать сколько угодно, лишь бы добиться объясненія съ этимъ безспорно добрымъ, но столь же безспорно малодоступнымъ господиномъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ положеній въ жизни, самое отвратительнѣйшее—это положеніе просителя. Какъ различенъ одинъ и тотъ же человѣкъ, когда онъ проситъ и когда не проситъ! Какія чудовищно различныя чувства испытываетъ онъ въ томъ и другомъ положеніи. Едва наступила необходимость просить, человѣкъ какъ-будто перерождается. Куда дѣвается его спокойное достоинство, его самоувѣренность? Откуда берется какая-то подлѣйшая трусость, неодолимая наклонность къ самоуничиженію? Я живо помню, что, въ ожиданіи окончательнаго пріема, я невольно сравнивалъ мое настоящее положеніе съ положеніемъ своимъ въ департаментѣ общихъ дѣлъ, когда я самъ величаво принималъ какого-нибудь губернатора или столь же величаво приглашалъ его, чрезъ докладчика, повременить нѣсколько минутъ. Сравненіе это заставляло меня краснѣть. Какъ некрасивъ показался бы я въ эту минуту моимъ многочисленнымъ сотрудникамъ и подчиненнымъ, которые относились ко мнѣ, всегда, какъ къ начальнику сильному, стойкому и характерному! Этотъ сильный и характерный начальникъ въ сію минуту былъ довольно жалокъ. Прождавъ уже, быть можетъ, болѣе часу, онъ испытывалъ самое тревожное опасеніе, что его сіятельство, проснувшись, изволитъ выслать сказать, что извиняется, сожалѣетъ и т. п., а принять не можетъ.

Но имя князя Александра Ивановича и здѣсь меня выручило. По разнымъ признакамъ видно было, что ему доложили обо мнѣ, какъ явившемся отъ князя. Это предположеніе вполнѣ подтвердилось съ первыхъ словъ нашего свиданія и объясненія. Графъ, принявъ меня въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, проявилъ вполнѣ свою любез-

ность царедворца и усадилъ меня подлѣ себя въ покойное кресло. Послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ фразъ, когда графъ, очевидно, ожидалъ изложенія извѣстій о князѣ и порученій его, съ которыми я пришелъ, я прямо приступилъ къ своему дѣлу и тотчасъ замѣтилъ, что графъ сильно покраснѣлъ. Что значила эта краска—одинъ онъ, да всевѣдающій Богъ знаетъ! Было ли то непріятное разочарованіе, что я пришелъ не отъ князя, а отъ самого себя; было ли то внутреннимъ укоромъ для него, что онъ забылъ и меня и порученіе, данное относительно меня княземъ; было ли то затрудненіе, внезапно наступившее—разыграть прилично и искусно условленную между имъ и княземъ комедію? Все это осталось для меня, какъ говорится, покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Но тотъ фактъ, что графъ покраснѣлъ, подѣйствовалъ на меня самымъ непріятнымъ образомъ, — какъ нѣчто зловѣщее. Было бы безполезно передавать всѣ подробности нашего свиданія, да я ихъ и припомнить не могу; сущность его состояла главнѣйше въ доказательствахъ съ моей стороны, что, при совокупной силѣ такихъ могущественныхъ людей, какъ князь, онъ, графъ Адлербергъ, и отецъ его, другой графъ Адлербергъ—можно все сдѣлать, и въ увѣреніяхъ съ его стороны, что онъ съ радостью готовъ сдѣлать все, что можетъ, но что для этого нуженъ благопріятный случай, что онъ переговоритъ съ отцомъ и долгомъ поставитъ увѣдомить меня объ этомъ. Во всемъ этомъ была бездна любезности, деликатности, вѣжливости; но сквозь эту нѣжную сѣтку виднѣлась совершенная пустота и полнѣйшее отсутствіе всего прочнаго, солиднаго, существеннаго. Я видѣлъ, что тутъ толку никакого не будетъ, не по отсутствію, быть можетъ, желанія сдѣлать для меня что-нибудь, но уже по одной безпечности, какой-то умственной распущенности, которая, если иногда сосредоточивалась на чемъ-нибудь, то уже никакъ не болѣе, какъ на своихъ собственныхъ интересахъ. Такой безнадежный взглядъ на дѣло умѣрялся нѣсколько смутнымъ предположеніемъ, что, если графъ Александръ Владиміровичъ дѣйствительно переговоритъ съ отцомъ, то изъ этого можетъ еще выйти что-нибудь. Мнѣ казалось, что старый графъ, такъ упорно противодѣйствовавшій переходу моему изъ его вѣдомства на Кавказъ, всегда высоко цѣнившій мои дарованія, наконецъ, прочившій меня, по собственнымъ его словамъ, въ директоры канцеляріи своего министерства, будетъ радъ пріобрѣсти меня опять въ свою команду. Вступать въ личныя объясненія съ старымъ графомъ по этой части я не хотѣлъ, придавая всему этому дѣлу такой видъ, что хлопочу не я самъ, а хлопочетъ за меня князь Александръ Ивановичъ. И это предположеніе оказалось тоже неосновательнымъ. Говорилъ ли графъ Александръ съ графомъ Владиміромъ—я не знаю; но скоро

явилось обстоятельство, окончательно подтвердившее, что ни отъ того, ни отъ другаго ожидать рѣшительно нечего.

Вотъ въ чемъ дѣло: милый и добрый Пейкеръ, о которомъ я выше говорилъ, описывая погребеніе императора Николая, и который былъ потомъ директоромъ капитула орденовъ, скоропостижно умеръ. Я тотчасъ написалъ графу Александру Адлербергу, который въ это время жилъ въ Царскомъ Селѣ, что если онъ дѣйствительно желаетъ исполнить просьбу князя и устроить меня, то болѣе благопріятнаго случая и ожидать нельзя. Надо замѣтить, что какимъ-то чудомъ всему городу было уже извѣстно, что на Адлербергахъ лежитъ миссія устроить меня. Поэтому, съ открытіемъ вакансіи мѣста директора капитула, многіе поздравляли меня съ этимъ мѣстомъ, какъ уже неотъемлемо мнѣ принадлежащимъ. Я помню именно въ это время былъ какой-то обѣдъ у Владиміра Петровича Буткова, и за этимъ обѣдомъ всѣ относились ко мнѣ, какъ уже къ назначенному директоромъ капитула. M-me Буткова расписывала мнѣ дружелюбно, какая у меня славная, большая квартира будетъ, какъ пріятно имѣть постоянно придворный экипажъ и т. п. Вообще, дѣло имѣло такой видъ, что я самъ считалъ осуществленіе его возможнымъ. Въ чиновныхъ мірахъ ходило много нелѣпѣйшихъ слуховъ, сюда относящихся. Говорили, напр., что князь Александръ Ивановичъ высылалъ изъ-за границы въ пользу мою телеграммы государю и обоимъ Адлербергамъ и т. п. Между тѣмъ, конецъ и разрѣшеніе всѣхъ этихъ волненій былъ самый печальный для меня. Въ одинъ прекрасный день, а именно 17-го ноября 1861 г., я получилъ отъ графа Александра Адлерберга слѣдующее письмо: „Къ сожалѣнію, любезный и многоуважаемый Василій Антоновичъ, въ самый день смерти Пейкера, мѣсто его было уже отдано товарищу Тюрберту, которому оно было обѣщано, какъ наслѣдство. Мнѣ крайне прискорбно, что обстоятельства лишаютъ меня возможности сдѣлать вамъ пріятное, ибо вы не можете сомнѣваться въ моемъ желаніи оказать вамъ услугу, равно какъ и въ искренности чувствъ моего къ вамъ уваженія и преданности. Графъ Адлербергъ“.

Такимъ образомъ всѣ разсчеты на Адлерберговъ лопнули, какъ мыльный пузырь. Оставалось предаться ожиданіямъ новаго пріѣзда князя Александра Ивановича въ Петербургъ и дальнѣйшихъ его распоряженій, а въ крайнемъ случаѣ и обратнаго шествія моего въ страну Кавказа, съ разсчетомъ на лучшія времена.

Само собою разумѣется, что въ этомъ неопредѣленномъ ожиданіи не было ничего утѣшительнаго, да другаго нечего было дѣлать. Бѣгать по переднимъ разныхъ министровъ я никакъ не рѣшался изъ опасенія уронить свое личное достоинство и достоинство князя,

какъ моего покровителя. Кромѣ того, такая практика была отвратительна для моего характера, къ которому природа подмѣшала значительную, быть можетъ не въ мѣру, долю самолюбія и гордости. Надо замѣтить, впрочемъ, Милютинъ, сдѣлавшись уже военнымъ министромъ и хорошо знавшій мое положеніе и мои ожиданія, самъ постоянно принималъ во мнѣ участіе и предложилъ мнѣ соглашеніе, о которомъ я всегда буду вспоминать съ благодарностію. Послѣдующія обстоятельства такъ сложились, что въ осуществленіи этого соглашенія не было уже надобности; но въ то время, о которомъ говорю, оно представляло для меня много утѣшительнаго. Дѣло въ томъ, что наши кавказскіе оклады содержанія, искусственно дополняемыезъ и различныхъ источниковъ, значительно превосходили оклады петербургскіе, присвоенные однороднымъ должностямъ.

Такъ, напр., мой прямой окладъ по высшей изъ должностей моихъ составлялъ 4.500 р., въ дѣйствительности же я получалъ до 7 тыс. руб. Добрый Милютинъ, изъявляя полнѣйшую готовность пристроить меня въ своемъ министерствѣ, находилъ рѣшительно невозможнымъ сохранить мой кавказскій окладъ, утверждая, что въ его министерствѣ выше 5 т. р. никто не получаетъ. И этотъ окладъ, по его объясненію, составляется особеннымъ образомъ: собственно прямаго содержанія полагается до 3.500 руб., а 1.500 руб. назначается дополнительно, каждый разъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ. Поэтому между нами условлено было такимъ образомъ, что, если до возвращенія князя или при его возвращеніи, я не успѣю устроиться лучшимъ образомъ, тогда князь напишетъ письмо извѣстнаго содержанія Милютину, Милютинъ доложитъ его подлинникомъ государю, и я войду въ составъ военнаго министерства съ окладомъ въ 5 тыс. руб. Въ отношеніи любезности Милютина соглашеніе это, какъ я сказалъ уже, было для меня очень пріятно; но я рѣшился держать его въ запасѣ и воспользоваться имъ только въ случаѣ крайней необходимости.

Съ такимъ рѣшеніемъ я предался самому бездѣятельному и безплодному существованію. Главныя черты этого существованія состояли въ томъ, что мы почти ежедневно собирались въ своемъ кавказскомъ кружкѣ, предаваясь воспоминаніямъ о тифлисскомъ житьѣ-бытьѣ нашемъ и многоразличнымъ предположеніямъ о томъ, что дальше будетъ? Самымъ существеннымъ занятіемъ нашимъ были обѣды. Если не ежедневно, то большею частью мы обѣдали вмѣстѣ и гурьбой отправлялись или къ Милютину, у котораго мало было гастрономическихъ прелестей, но зато всегда много радушія къ его прежнимъ землякамъ, или къ Новосельскому, который въ это время, хотя уже сильно катился подъ гору, но опутанный кавказскими дѣ-

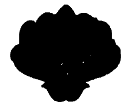
лами, считалъ нужнымъ ухаживать за нами и угощать обѣдами, которые вообще играли сильную роль во всей его эфемерной карьерѣ. Вся геніальность, которую одно время ему приписывали, заключалась, кажется, единственно въ томъ, что онъ постигъ, едва-ли не лучше всѣхъ, могущество обѣдовъ во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Англійскій клубъ служилъ намъ также постояннымъ пріютомъ, гдѣ мы собирались, обѣдали, играли подъ главнымъ предводительствомъ князя Ивана Грузинскаго, стараго члена клуба и вообще мастера въ занятіяхъ этого рода, тѣмъ болѣе, что у него и не было рѣшительно никакихъ другихъ занятій. Къ этому присоединялись наши очередные обѣды и ужины, сегодня, напр., у князя Мухранскаго, завтра у князя Ираклія Грузинскаго, который вообще старался поддержать въ лицѣ своемъ достоинство наслѣдника грузинскихъ царей, и т. д.

Князь Ираклій былъ очень умный человѣкъ, но съ чрезвычайно желчной натурой. Всѣ его взгляды, мнѣнія, разговоры, постоянно проникнуты были злѣйшей ироніей. Онъ смѣялся надо всѣмъ и критиковалъ все. Можно было безошибочно предвидѣть, что если бы онъ могъ только, то перевернулъ бы все вверхъ дномъ и прежде всего выгналъ бы изъ Грузіи русскихъ, къ которымъ онъ не имѣлъ рѣшительно никакой симпатіи. Постоянное раздраженіе, истекавшее изъ его натуры, вѣроятно, значительно увеличивалось различными и весьма серьезными недугами, которыми онъ постоянно страдалъ. Какъ бы то ни было, онъ и по своимъ средствамъ и по своему уму успѣлъ пріобрѣсти въ нашемъ кружкѣ какое-то первенство. Мы не только не стѣснялись его раздражительностью, но даже любовались ею, потому что, исполненная всегда остроумія, она никогда не выходила изъ границъ приличія. И, Боже мой! сколько доставалось отъ него бѣдному князю Ивану Грузинскому, который представлялъ собою личность, совершенно противуположную, по своимъ свойствамъ, князю Ираклію Грузинскому. Въ какой степени одинъ былъ золъ и уменъ, въ такой же точно другой былъ добродушенъ. Схватки ихъ, постоянныя и ежедневныя, представляли для насъ истинный и чрезвычайно занимательный спектакль. Схватки эти точно также никогда не выходили изъ границъ приличія, хотя они и задѣвали иногда заживо добродушнаго и вѣчно веселаго князя Ивана. По крайней мѣрѣ, оставаясь со мной наединѣ, онъ нерѣдко жаловался на неумѣстную рѣзкость князя Ираклія. Впрочемъ, оба они представляли два истинныхъ типа грузинъ: говорливые, крикливые, какъ будто бранчивые, но почти никогда не доходящіе до серьезной ссоры.

Само собою разумѣется, что гдѣ бы мы ни были, главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ былъ постоянно тотъ же князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, имѣвшій удивительное и непонятное свой-

ство приковывать къ себѣ вниманіе и быть именно всегда и вездѣ предметомъ разговоровъ. Въ Тифлисѣ, напр., можно безъ преувеличенія сказать, едва сойдутся два, три человѣка—рѣчь, какое бы начало ни имѣла, непремѣнно свернется на князя. Я принадлежалъ тамъ ко всевозможнымъ кружкамъ и рѣшительно не помню, чтобы когда-нибудь бесѣда обходилась безъ того, чтобы косточки князя оставались не перемытыми. Помню очень хорошо, что я много разъ обращалъ на это странное обстоятельство вниманіе своихъ друзей и знакомыхъ. Всѣ, какъ и я, удивлялись такому явленію и объясняли его безспорнымъ превосходствомъ и исключительностью замѣчательной натуры князя. Всѣ соглашались въ томъ, что его можно любить или ненавидѣть, можно хвалить или бранить, но что это человѣкъ изъ ряду вонъ! И что говорить о другихъ: люди хорошіе или нехорошіе—и только. Не то князь Александръ Ивановичъ Барятинскій! Я помню, что тотъ кружокъ, который самъ князь называлъ кружкомъ умниковъ, который заключалъ въ себѣ Фадѣевыхъ, Бартоломеевъ, Иваницкихъ и пр., и къ которому я принадлежалъ, сходясь, начиналъ Барятинскимъ и кончалъ Барятинскимъ, и кончалъ потому, что наступалъ четвертый часъ утра, а вовсе не потому, чтобы нечего уже было говорить о немъ, ибо на другой день начиналась та же нескончаемая исторія... Такъ точно было и здѣсь. Казалось бы: князь за границей, что тутъ толковать? Между тѣмъ толки въ нашемъ кружкѣ, постоянно сосредоточиваясь на этой личности, продолжались прежнимъ порядкомъ... Понятно, что, если они могли существовать при нормальномъ, такъ сказать, теченіи дѣлъ, то не трудно представить себѣ, какое оживленіе они получили, когда явилось обстоятельство, совершенно неожиданное и совершенно невѣроятное...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера германскаго штаба).

Письмо флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Д. А. Милютину [1]).

VII [2]).

Письмо флигель-адъютанта полковника Шепелева къ графу Милютину отъ 8 (20) сентября 1879 г.—Поясненія къ этому письму.—Поѣздка моя въ Ливадію и Петербургъ.—Доклады государю императору, графу Милютину и Н. К. Гирсу.—Возвращеніе въ Софію.

София 8 (20) сентября 1879 г.

Милостивый Государь Графъ Дмитрій Алексѣевичъ.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ Болгарское Княжество вступило на путь самостоятельной государственной жизни, подготовленный ему заботами русскаго правительства, и положеніе, занятое первымъ министерствомъ, успѣло уже настолько обрисоваться, что я считаю возможнымъ представить вашему сіятельству краткій очеркъ настоящей политической физіономіи страны, который до извѣстной степени можетъ уяснить послѣдующій ходъ дѣлъ.

Еще въ бытность князя Александра въ Тырновѣ установленъ былъ списокъ перваго болгарскаго кабинета, въ составъ котораго предназначены были лица, принадлежавшія, къ такъ называемой, умѣренной или консервативной партіи, бывшей, однако, въ меньшинствѣ въ тырновскомъ учредительномъ собраніи. Между этой партіи,

[1]) Всѣ приводимые мною документы частью сохранились у меня отъ прежняго времени, частью же находятся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба. П. П.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1906 г. февраль.

дѣйствительно, легче было найти людей, болѣе или менѣе образованныхъ и пригодныхъ къ занятію министерскихъ постовъ, поэтому, естественно, князь Александръ и нѣкоторые изъ его совѣтниковъ, склонялись въ пользу составленія однороднаго кабинета, именно изъ этихъ лицъ. Съ другой стороны, я находилъ, что при образованіи перваго министерства не слѣдовало упускать изъ виду и другой, именовавшейся либеральной или народной, партіи, которая играла въ собраніи важную роль и увлекала за собой большинство народныхъ представителей. При составленіи исключительно консервативнаго кабинета, противная партія могла считать себя обиженною и, ставъ въ открытую оппозицію правительству, воспользовалась бы своимъ вліяніемъ для возбужденія умовъ противъ перваго министерства. Чтобы избѣжать крайне вредныхъ для правильнаго развитія новаго государства внутреннихъ раздоровъ и отдалить отъ князя упрекъ въ пристрастіи къ одной, и при томъ считавшейся въ меньшинствѣ, партіи,—я совѣтовалъ образовать министерство сліянія, пригласивъ въ составъ онаго хотя-бы одно лицо противоположнаго лагеря, именно Цанкова, признаваемаго вождемъ либераловъ. Мнѣніе мое было принято во вниманіе, и Цанкову предложили портфель министерства внутреннихъ дѣлъ; но, къ сожалѣнію, личныя отношенія его къ нѣкоторымъ изъ предназначавшихся въ составъ кабинета лицъ, или, быть можетъ, соображенія политическаго свойства побудили Цанкова отказаться отъ сдѣланнаго ему предложенія [1]). Вторая, подобная же попытка, обращенная къ другому члену либеральной партіи [2]), оказалась также безуспѣшной, и министерство образовалось, наконецъ, въ составѣ, уже извѣстномъ вашему сіятельству.

Для вѣрнаго пониманія взаимныхъ отношеній партій необходимо замѣтить, что присвоенные имъ термины, „консервативная и либеральная", не вполнѣ правильны и не даютъ яснаго понятія о политическомъ направленіи каждаго изъ нихъ. Еще во времена перваго тырновскаго собранія такія наименованія могли имѣть основаніе, потому что консерваторами считались лица, признававшія необходимость строго держаться на почвѣ берлинскаго договора и выработать для страны такой органическій уставъ, который, упрочивая правительственную власть, давалъ бы ей законныя средства противодѣйствовать стремленіямъ анархическихъ элементовъ, къ счастью, не существующихъ еще пока въ странѣ. Либералы же настаивали на распущеніи собранія, чтобы тѣмъ заявить протестъ болгарскаго народа противъ несправедливыхъ рѣшеній берлинскаго конгресса, а впослѣдствіи,

[1]) См. глава III. Н. П.

[2]) Каравеловъ.

когда это не удалось, они стремились внести въ конституцію самыя широкія начала самоуправленія, забывая подчасъ, что болгаре далеко еще не дозрѣли до конституціонныхъ порядковъ западной Европы.

Теперь же, когда болгарская конституція, выработанная подъ наблюденіемъ императорскаго русскаго коммиссара и иностранныхъ делегатовъ, вошла въ силу и князь торжественно присягнулъ ей, положеніе, занятое обѣими политическими партіями, обратно измѣнилось: консерваторами, на самомъ дѣлѣ, являются, такъ называемые, либералы, или оппозиція, желающая точнаго соблюденія принятой конституціи и потому нападающая, въ своихъ печатныхъ органахъ, на министерство, которое, неумѣлыми своими дѣйствіями, давало уже неоднократные поводы къ обвиненію его въ нарушеніи органическаго устава княжества. Собственно говоря, въ радикальной партіи радикальнаго только то и есть, что она стремится свергнуть нынѣшнее министерство; а попробуй поставить этихъ радикаловъ во главѣ управленія, и я увѣренъ, они явились бы еще болѣе строгими охранителями правительственной власти, чѣмъ нынѣшніе министры, но только повели бы всѣ дѣла свои ловче ихъ.

Надо правду сказать, что теперешнее министерство, составленное изъ людей, по репутаціи честныхъ и добрыхъ патріотовъ, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ политическаго такта, такъ напр., первымъ дѣломъ министерства было почти поголовное смѣщеніе окружныхъ начальниковъ, назначенныхъ еще императорскимъ коммиссаромъ, изъ нелѣпой боязни, что они могутъ поддаться вліянію такъ называемыхъ либераловъ и настраивать населеніе противъ мѣропріятій нынѣшняго кабинета. Мѣра эта вызвала, конечно, неудовольствіе въ нѣкоторыхъ округахъ и привела къ результату, противному ожиданіямъ министерства, такъ какъ сдѣлала изъ многихъ уволенныхъ чиновниковъ, не принадлежавшихъ до того ни къ какой партіи, явныхъ сторонниковъ оппозиціоннаго лагеря. Кромѣ того, въ полемикѣ, возникшей по поводу этихъ административныхъ смѣщеній, оффиціозный органъ министерства „Витоша“ впуталъ въ дѣло князя, доказывая, что ему предоставлено конституціей право назначать и увольнять чиновниковъ и потому всякое неудовольствіе подобными распоряженіями есть неуваженіе къ особѣ князя. Оффиціозный органъ не понялъ въ этомъ случаѣ, что глава конституціоннаго государства долженъ стоять внѣ всякихъ интересовъ партій, и что хотя онъ подписываетъ всѣ декреты, но отвѣтственность за нихъ лежитъ ни на немъ, а на министерствѣ.

Еще болѣе серьезными поводами къ неудовольствію противъ нынѣшняго кабинета являются три слѣдующіе, изданные имъ, указа: одинъ, сбавившій цѣнность серебрянаго рубля до 3 франковъ 70 сан-

тимовъ и объясняемый наплывомъ рублевой монеты изъ Румыніи, гдѣ цѣнность ея была еще раньше понижена до той же нормы; второй указъ возвысилъ пошлину на привозную соль съ 8 на 30 процентовъ и постановилъ, что всѣ владѣльцы соляныхъ складовъ, сдѣлавшіе свои запасы при существованіи еще 8%-ной пошлины, обязаны теперь доплатить въ казну разницу между прежней и вновь утвержденной пошлиной; наконецъ, третій указъ отмѣнилъ выборное начало общиннаго управленія, существовавшее въ теченіе столѣтій, при турецкомъ режимѣ, и ввелъ назначеніе общественныхъ старостъ администраціей.

Первыя двѣ мѣры, чувствительно отзывающіяся на карманѣ населенія, и послѣдняя, рѣзко нарушающая, вѣками освященный, принципъ общиннаго самоуправленія, будетъ, разумѣется, жадно эксплуатироваться противниками министерства, въ особенности теперь, когда начинается повсемѣстная подготовка къ предстоящимъ, 30 сентября, выборамъ въ народное собраніе. Уже въ нѣкоторыхъ городахъ устраивались, правда, незначительные по числу участвовавшихъ, митинги для порицанія дѣйствій министерства, о чемъ и отправляемы были къ князю телеграммы, въ которыхъ одновременно съ указаніемъ на противозаконные поступки министровъ, давались князю увѣренія въ безпредѣльной къ нему преданности и любви народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ народномъ собраніи министерство подвергнется сильнымъ нападкамъ со стороны оппозиціи за свой противоконституціонный образъ дѣйствій и оно можетъ удержать за собою власть лишь въ томъ случаѣ, если между нынѣшними министрами найдется достаточно смѣлый и изворотливый человѣкъ, чтобы искусною защитою оправдать дѣйствія кабинета. Но, сколько мнѣ извѣстно, такой человѣкъ едва-ли найдется въ числѣ министровъ. Допустивъ даже, что нынѣшнее правительство, пользуясь административными средствами, успѣетъ обезпечить за собою большинство при выборахъ въ депутаты, нельзя отнюдь ручаться, чтобы это большинство оставалось благопріятнымъ министерству во все время преній въ собраніи. При неподготовленности массы народныхъ представителей къ разумному обсужденію государственныхъ вопросовъ, парламентское большинство не можетъ быть постояннымъ, а будетъ измѣняться то въ ту, то въ другую сторону, подъ минутнымъ впечатлѣніемъ оратора, сумѣющаго овладѣть настроеніемъ простодушныхъ слушателей. Въ этомъ отношеніи оппозиція можетъ разсчитывать на большій успѣхъ въ собраніи, такъ какъ имѣетъ въ своихъ рядахъ лицъ, обладающихъ смѣлостью и умѣньемъ говорить съ народомъ.

Все это позволяетъ предвидѣть, что министерству придется выдержать нешуточную борьбу въ народномъ собраніи; и если послѣд-

нее выскажется въ большинствѣ вопросовъ противъ настоящаго министерствв, то князю будетъ предстоять выборъ: или составить новый кабинетъ изъ такъ называемой либеральной партіи, или же прибѣгнуть къ распущенію собранія, оставивъ нынѣшнее министерство у кормила правленія. Какъ то, такъ и другое рѣшеніе имѣетъ свои неудобства: при громадномъ, вообще, недостаткѣ людей, способныхъ занимать высокіе административные посты, образованіе новаго, однороднаго въ цѣломъ составѣ, кабинета будетъ сопряжено съ большими затрудненіями; и хотя оппозиціонная партія, заранѣе увѣренная въ своемъ успѣхѣ, заявляетъ, что имѣетъ наготовѣ кандидатовъ на каждое министерство, — я все-таки сомнѣваюсь, чтобы, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, лица эти были даже настолько подготовлены къ веденію дѣлъ, какъ нынѣшніе министры. Но это еще меньшее зло. Напротивъ, распущеніе перваго же народнаго собранія, послѣ воцаренія князя, представляется мнѣ,—вопреки мнѣнію другихъ [1]),—мѣрою крайне не политичною: она прямо укажетъ на разладъ, существующій между княземъ и представителями народа, можетъ повести къ тревожнымъ толкамъ въ странѣ, неминуемо повлекущимъ за собою застой въ зарождающихся промышленныхъ предпріятіяхъ и, вообще, еще болѣе усложнитъ миролюбивую развязку кризиса; наконецъ, она дастъ поводъ недоброжелательной части Европы кричать, что Россія сдѣлала ошибку, освободивъ Болгарію и даровавъ ей самостоятельное устройство, съ которымъ болгаре не умѣютъ справиться.

Конечно, лучшимъ исходомъ, въ случаѣ паденія нынѣшняго министерства, было бы составленіе новаго кабинета изъ выдающихся членовъ парламентскаго большинства со включеніемъ въ него хотя бы двухъ изъ нынѣшнихъ министровъ, менѣе прочихъ вызывающихъ нападки. Но, къ сожалѣнію, разсчитывать на это трудно, такъ какъ препятствіемъ къ соглашенію является не столько различіе въ политическихъ взглядахъ, сколько личная вражда между представителями противныхъ лагерей, ведущая свое начало со времени Тырновскаго учредительнаго собранія.

Поэтому, если бы обстоятельства привели къ необходимости отставки министерства, я бы скорѣе склоненъ былъ совѣтовать князю призвать къ управленію, такъ называемую, либеральную партію. Во-первыхъ, такимъ актомъ, князь выказалъ бы полное безпристрастіе, свойственное главѣ государства, стоящему выше и внѣ всякихъ партій; убѣдившись, что нынѣшній кабинетъ не пользуется довѣріемъ большинства, князю естественнѣе всего обратиться къ людямъ другой

[1]) А. П. Давыдова, что я и пояснилъ на словахъ графу Д. А. Милютину. П. П.

партіи, чтобы на опытѣ удостовѣриться, на сколько они способны вести дѣло, нежели ихъ предшественники. Во-вторыхъ, есть не мало данныхъ разсчитывать на то, что, будучи призвано къ управленію, либеральное (по-своему) министерство съумѣетъ, съ конституціею въ рукахъ, провести необходимыя въ той же конституціи измѣненія, которыхъ нынѣшній кабинетъ едва-ли въ состояніи будетъ добиться инымъ путемъ, какъ антиконституціонными средствами. Кромѣ того, новое министерство, взятое изъ рядовъ большинства народнаго собранія, будетъ всегда обладать большимъ нравственнымъ авторитетомъ въ странѣ, чѣмъ теперешніе министры, которые, несмотря на замѣщеніе административныхъ должностей преданными имъ лицами, не въ силахъ поддерживать достоинство правительственной власти.

Князь Александръ самъ сознаетъ неудовлетворительность нынѣшняго кабинета во многихъ отношеніяхъ и также сомнѣвается въ достаточной энергіи и ловкости его, чтобы отстоять свои дѣйствія передъ собраніемъ; но не рѣшается произвести теперь же необходимыя измѣненія въ министерскомъ составѣ, дабы тѣмъ, такъ сказать, не подтвердить справедливости нападокъ оппозиціи. Такимъ образомъ, участь настоящаго кабинета рѣшится только въ народномъ собраніи.

Вашему сіятельству, конечно, извѣстно, что, еще въ бытность въ Ливадіи, князь Александръ высказывался противъ нѣкоторыхъ статей конституціи, какъ-то: безусловной свободы печати и собраній; ограниченія правъ князя учреждать ордена, кромѣ военнаго; отмѣны титуловъ и, наконецъ, порядка измѣненія конституціи, для котораго, въ каждомъ случаѣ, требуется созваніе великаго народнаго собранія. Къ этому прибавилось, уже по прибытіи въ Софію, еще вопросъ о титулѣ самого князя. По конституціи онъ титулуется „свѣтлостью", между тѣмъ князь Александръ заявилъ министерству, что, будучи даже принцемъ Батенбергскимъ, онъ пользовался титуломъ „Высочества", а потому не можетъ допустить, чтобы въ Болгаріи ему присвоенъ былъ титулъ ниже того, которымъ онъ пользовался до избранія его на княжество. Министры, разумѣется, подчинились желанію князя и стали во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ именовать его „Высочествомъ"; одно только военное вѣдомство продолжало держаться титула, установленнаго въ законѣ и объявленнаго у насъ въ высочайшемъ приказѣ о назначеніи князя болгарскаго шефомъ 13 стрѣлковаго батальона. Съ своей стороны противники министерства не упустили случая обвинить его въ нарушеніи конституціи, оговариваясь при томъ, что, конечно, каждый болгаринъ былъ бы радъ называть своего государя не только высочествомъ, но и величествомъ, но разъ какъ въ конституціи установленъ такой-то титулъ, то всѣ обязаны

держаться его одного до тѣхъ поръ, пока подлежащая о томъ статья не будетъ легально измѣнена.

Князь Александръ, считая вопросъ о титулѣ личнымъ для него вопросомъ, былъ задѣтъ заживо возгорѣвшеюся по сему полемикою (скоро, впрочемъ, прекратившеюся изъ уваженія къ князю) и неоднократно высказывалъ мнѣ, что если предстоящее народное собраніе не измѣнитъ въ желательномъ для него смыслѣ приведенныхъ выше статей конституціи, то онъ твердо намѣренъ отказаться отъ престола и покинуть Болгарію. При этомъ князь говорилъ, что онъ еще раньше отказывался вступить на княжескій престолъ при условіяхъ настоящей конституціи, но уступилъ только настояніямъ государя императора, изволившаго обѣщать ему свою могущественную поддержку въ дѣлѣ измѣненія неудобныхъ статей конституціи.

Я постарался объяснить князю весь вредъ, который можетъ произойти отъ такой крутой постановки вопроса, и высказалъ увѣренность, что патріотизмъ его не дозволитъ князю, посредствомъ рѣшительнаго и, по-моему, ничѣмъ не оправдываемаго шага, ввергнуть страну, единодушно избравшую его, въ гибельныя внутреннія потрясенія и въ неизвѣстность будущаго. Я убѣжденъ, прибавилъ я, что великодушный государь нашъ, отечески любящій князя и желающій добра освобожденному имъ народу, не одобрилъ бы такого рѣшенія и что, обнадеживая въ своей высокой поддержкѣ, его величество, конечно, изволилъ имѣть въ виду оказать ее лишь при такихъ обстоятельствахъ, когда эта поддержка можетъ быть болѣе всего полезна самому князю и его государству.

Что же касается собственно практическаго способа достигнуть отмѣны извѣстныхъ статей конституціи, то найти его быть можетъ не такъ трудно, какъ кажется, но для этого необходимо, по моему, не насиловать нормальнаго теченія дѣлъ, а поступать съ большою осмотрительностью. При настоящемъ не популярномъ министерствѣ, я бы не совѣтовалъ князю вносить въ собраніе отъ имени правительства предложеніе объ измѣненіи конституціи. Оппозиція воспользовалась бы этимъ, чтобы еще сильнѣе обвинить министерство въ сдѣланныхъ имъ нарушеніяхъ въ государственномъ уставѣ и въ желаніи отдѣлаться отъ статей, лично неудобныхъ министрамъ. Кромѣ того, если бы народное собраніе и высказалось большинствомъ болѣе $^2/_3$ за предложеніе о пересмотрѣ конституціи, то все-таки потребовалось бы созваніе великаго собранія, для окончательнаго рѣшенія возбужденныхъ вопросовъ; а при настоящемъ настроеніи общественнаго мнѣнія и неизбѣжной агитаціи въ странѣ, еще Богъ вѣсть въ какомъ смыслѣ высказалось бы великое собраніе. Поэтому мнѣ казалось бы выгоднѣе и политичнѣе, чтобы почннъ предложенія о пере-

смотрѣ конституціи исходилъ не отъ министерства, а отъ искусно подготовленной къ тому части всего населенія или, по крайней мѣрѣ, отъ извѣстной группы народнаго собранія. При такомъ направленіи дѣла больше шансовъ на успѣхъ; а если бы даже предложенія эти не привели къ желаемому результату, то все же это не составило бы такого чувствительнаго пораженія для правительства, какъ если бы предложенія были внесены самимъ министерствомъ.

Во всякомъ случаѣ, для достиженія успѣха въ вопросѣ объ измѣненіи конституціи необходима поддержка вожаковъ оппозиціи, и въ этихъ видахъ желательно, чтобы князь не сторонился ихъ, но иногда даже совѣтовался съ ними; тѣмъ болѣе, что, повторяю еще разъ, между такъ называемыми консерваторами и радикалами существуетъ теперь разладъ не въ принципахъ, а въ способѣ примѣненія конституціи, и ведется просто борьба за обладаніе властью.

Князь хочетъ, чтобы конституція была пересмотрѣна и измѣнена непремѣнно въ этомъ же году, и я вполнѣ понимаю его желаніе, но вопросъ въ томъ, насколько представляется это удобнымъ? Нынѣшняя конституція, какъ всѣмъ извѣстно, выработана подъ наблюденіемъ и, такъ сказать, съ одобренія русскаго правительства, которое, если бы желало, могло, въ свое время, не допустить вылиться конституціи въ настоящую ея форму. Посему пересмотръ конституціи, спустя четыре—пять мѣсяцевъ по вступленіи ея въ дѣйствіе и присяги ей князя, дастъ основаніе говорить, что Россія или поступила необдуманно, снабдивъ Болгарію конституціею, оказавшеюся, на первыхъ же порахъ, неудобопримѣнимою, или же сдѣлала это съ цѣлью, чтобы пользуясь внутренними раздорами въ странѣ, имѣть тамъ постоянно свою руку и тѣмъ тормозить порывы болгарскаго правительства къ слишкомъ самостоятельной политикѣ, въ особенности, если она будетъ клониться въ ущербъ русскимъ видамъ. Это послѣднее толкованіе будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, развиваемо на всѣ лады враждебною намъ, иностранною печатью.

Я уже слишкомъ распространился о конституціи и отношеніи къ ней князя, но считалъ это умѣстнымъ потому, во-первыхъ, что мой взглядъ на этотъ предметъ нѣсколько разнится отъ взглядовъ, высказываемыхъ княземъ Александромъ въ письмѣ къ государю императору, и, во-вторыхъ, что мое слабое мнѣніе, быть можетъ, послужитъ не лишнимъ матеріаломъ при обсужденіи въ Ливадіи положенія, которое долженъ занять русскій представитель въ Болгаріи въ вопросѣ о пересмотрѣ конституціи, о чемъ князь также намекаетъ въ письмѣ къ его величеству.

Въ сущности разница въ воззрѣніяхъ князя и моихъ касается вовсе не конституціи, а способа обращенія съ нею и своевременности

ея пересмотра. Вполнѣ сознавая, что настоящая конституція не по плечу болгарамъ, и что полезнѣе бы было дать имъ сперва менѣе сложное органическое устройство, съ тѣмъ, чтобы лишь постепенно и съ осторожностью расширять его, сообразно умственному и политическому развитію народа,—я нахожу, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, приступать къ коренному пересмотру только-что введенной конституціи не практично. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ безпристрастныхъ русскихъ лицъ, ѣздившихъ по нѣкоторымъ округамъ, нынѣшнее министерство, благодаря необдуманнымъ мѣрамъ, до того непопулярно, что не ему, открыто нарушающему конституцію, разсчитывать успѣшно провести дѣло объ измѣненіяхъ въ ней. Лично же князь Александръ еще слишкомъ мало извѣстенъ странѣ и недостаточно сближается съ мѣстными представителями, чтобы одно его желаніе имѣло безусловно авторитетное значеніе. Одинъ только голосъ, и это голосъ русскаго государя, который всѣми выслушается съ благоговѣніемъ и будетъ имѣть силу закона въ народѣ. Но именно потому, что слова царя такъ высоко цѣнятся здѣсь, къ нему слѣдуетъ прибѣгать съ крайнею осмотрительностью и лишь въ важныя, рѣшительныя минуты, а не дѣлать его орудіемъ извѣстной партіи, которая захочетъ связать священное для болгаръ имя ихъ освободителя съ своими дѣйствіями, вызывающими неудовольствіе народа.

Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что необходимо предоставить ходъ дѣлъ естественному теченію и не прибѣгать ни къ какимъ чрезвычайнымъ средствамъ, отъ которыхъ не ожидаю добра ни князю, ни странѣ. Если нынѣшнее министерство падетъ и невозможно будетъ образовать коалиціонный кабинетъ, то пусть князь призоветъ къ управленію членовъ оппозиціи. Легко возможно, что и либеральное министерство окажется не лучше своего предшественника; въ такомъ только случаѣ князь будетъ имѣть полное основаніе составить дѣловой кабинетъ изъ лицъ, къ которымъ онъ лично питаетъ довѣріе, и на немъ не будетъ лежать упрека въ пристрастіи къ той или другой партіи. Что касается измѣненія конституціи, то я остаюсь при убѣжденіи, что достигнуть этого возможно лишь искуснымъ, исподволь, направленіемъ общественнаго мнѣнія въ пользу ея пересмотра, вызвавъ или подачу адресовъ со стороны населенія, или подготовивъ палату сдѣлать о томъ рѣшающее заявленіе. Но, повторяю, нынѣшнее министерство не въ силахъ сдѣлать это.

Дипломатическій агентъ нашъ Давыдовъ, ѣдущій на-дняхъ въ Ливадію, и генералъ Паренсовъ могутъ дать самыя подробныя разъясненія на счетъ настоящаго положенія дѣлъ въ краѣ, и я считалъ бы чрезвычайно важнымъ, если бы, по всестороннемъ обсужденіи затронутыхъ здѣсь вопросовъ, государю императору благоугодно было

преподать князю Александру, лично отъ себя, соотвѣтствующія наставленія относительно образа его дѣйствій въ будущемъ. Князь слишкомъ еще молодъ, не вникаетъ серьезно въ дѣла и не пріобрѣлъ еще необходимаго политическаго такта, но любитъ иногда рѣшать самостоятельно. Вотъ почему полезно, чтобы онъ услышалъ доброжелательныя, но твердыя слова совѣта, которыя имѣли бы для него непреложный авторитетъ мудрости и силы.

Генералу Паренсову поручено княземъ представить вашему сіятельству нѣкоторыя соображенія по военному вѣдомству, въ томъ числѣ проектъ о содержаніи русскихъ офицеровъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, и ходатайство о разрѣшеніи принять на болгарскую службу до 500 русскихъ унтеръ-офицеровъ, безъ которыхъ дѣло обученія молодыхъ солдатъ не идетъ на ладъ. Надо сказать вообще, что болгарское войско только и держится нашими офицерами, тогда какъ туземныхъ—солдаты третируютъ чуть не за панибрата.

О Паренсовѣ могу доложить, что это прекрасный офицеръ и хорошій работникъ, держащій себя съ полнымъ достоинствомъ, хотя положеніе его, какъ русскаго, въ средѣ министерства, довольно щекотливое, такъ какъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ министровъ относятся съ худо скрываемымъ недовѣріемъ ко всему русскому, считая, что русскіе являются сюда чуть не для эксплоатаціи бѣдныхъ болгаръ; сами же они куда какъ не прочь поживиться на счетъ Россіи. Тѣмъ не менѣе Паренсовъ съумѣлъ поставить себя вполнѣ самостоятельно и, дѣйствуя всегда безпристрастно и всегда на легальной почвѣ, заслужилъ, въ короткое время, уваженіе обѣихъ партій. Князь Александръ, съ своей стороны, весьма доволенъ имъ, что и выразилъ въ письмѣ къ государю".

Замѣчательное письмо это, въ сжатой формѣ, даетъ вѣрную и яркую картину положенія дѣлъ княжества въ первое время его существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ самого полковника Шепелева, этого богато одареннаго человѣка, обладавшаго широкимъ государственнымъ умомъ. Его необыкновенный тактъ, выдержка, спокойное обсужденіе волнующихъ вопросовъ, вѣрная оцѣнка происходящаго и несомнѣнная прозорливость вполнѣ вылились въ этомъ письмѣ. Дальнѣйшее повѣствованіе укажетъ, насколько правъ былъ Шепелевъ, рисуя различныя въ будущемъ комбинаціи, и на сколько справедливы были его опасенія относительно того, какой будетъ избранъ выходъ изъ положенія. Но къ этому письму необходимы комментаріи.

1. Хотя Шепелевъ зналъ, что въ лицѣ А. П. Давыдова ни онъ, ни я не найдемъ твердой опоры нашимъ возрѣніямъ, но все же не предполагалъ, что нашъ дипломатическій представитель будетъ на-

столько проникнутъ лицепріятіемъ и какой-то злобной ненавистью къ либеральной партіи, что, въ своихъ докладахъ, пойдетъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ нами; кромѣ того мы знали, что Давыдовъ рѣшилъ уйти, сдѣлалъ объ этомъ намеки лично въ Ливадіи и наконецъ категорически просилъ увольненія въ письмѣ, посланномъ со мной, къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсу. Мы надѣялись, что Давыдовъ уйдетъ, если не сейчасъ, то въ ближайшемъ будущемъ; надѣялись также, что въ виду предстоящаго ухода, онъ будетъ уступчивѣе и не станетъ такъ упорно отстаивать непопулярное министерство. Мы ошиблись. Давыдовъ ушелъ, но не скоро, успѣвъ своими совѣтами князю надѣлать много осложненій; мало того, Давыдовъ, вѣроятно сильно напирая на Гирса, успѣлъ, до нѣкоторой впрочемъ степени, поколебать аргументы, съ такой ясностью изложенные въ письмѣ Шепелева и мои словесные доклады, чтó видно изъ приводимаго дальше отвѣта графа Д. А. Милютина, изъ Ливадіи, А. А. Шепелеву.

Письмо графа Д. А. Милютина А. А. Шепелеву отъ 27 сентября.—В. секретно.

„Письмо ваше отъ 8/20 (весьма секретное) было доложено мною государю императору и заслужило полное одобреніе его величества. Изложенныя въ ономъ соображенія ваши *большей частью,* [1]) совпадаютъ (?) и съ мыслями Г. Давыдова, котораго прибытіе въ Ливадію послужило полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ къ вашему письму. По возвращеніи въ Софію онъ вручитъ князю Александру собственноручный рескриптъ государя императора, рескриптъ, въ которомъ, молодой и не опытный еще въ дѣлахъ государственныхъ, князь найдетъ мудрые и полезные совѣты. Можно надѣяться, что эти высочайшія указанія облегчатъ выпавшую на вашу долю задачу и что вы успѣете, при свойственныхъ вамъ тактѣ и сдержанности, пріобрѣсти полезное для самого князя и для его страны вліяніе, *особенно если будете постоянно дѣйствовать заодно съ нашимъ дипломатическимъ агентомъ и всегда въ одинаковомъ смыслѣ* [2]). Вы можете быть увѣрены, что оказываемая вами князю Александру благоразумная и искренняя поддержка достаточно цѣнится государемъ императоромъ“.

Напечатанное курсивомъ очень связало свободу дѣйствій Шепелева и, какъ увидимъ ниже, весьма вредно отразилось на будущихъ его дѣйствіяхъ. Въ своемъ мѣстѣ [3]) я приведу другой документъ, въ которомъ А. А. Шепелевъ вынужденъ былъ объяснить свое по-

[1]) Курсивъ мой. П. П.

[2]) Курсивъ мой. П. П.

[3]) Гл. VIII.

веденіе и уклоненіе отъ основныхъ идей, изложенныхъ имъ въ приведенномъ выше письмѣ отъ 8/20 сентября, обязанностью сообразоваться съ инструкціями, данными Давыдову и исходившими изъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

2. Возвращаясь къ письму А. А. Шепелева, остановлюсь еще на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что князь доволенъ мною. Дѣйствительно, въ это время я еще пользовался расположеніемъ князя, но были другія причины, объясняющія это расположеніе, несмотря на нѣкоторую, уже обнаружившуюся, разность взглядовъ, какъ напр., о титулѣ, о принятіи иностранныхъ офицеровъ въ войска, объ измѣненіи воинскаго устава съ введеніемъ прусскихъ формъ и т. п. Дѣло въ томъ, что князь послалъ со мной письмо государю, приказавъ передать изъ рукъ въ руки. Хотя я письма этого не читалъ, но отъ самого государя императора Александра Николаевича знаю, что писано оно было въ смыслѣ совершенно противоположномъ письму Шепелева и моимъ словеснымъ докладамъ. Князь надѣялся, несомнѣнно, что просьбы его будутъ приняты государемъ во вниманіе и что я, получивъ отъ его величества указанія, соотвѣтствующія желаніямъ князя, возвращусь въ Софію шелковымъ, покорнымъ исполнителемъ его желаній; мы же, т. е., Шепелевъ и я, надѣялись и разсчитывали на обратное: что благодаря нашимъ представленіямъ государь императоръ выскажетъ: „доброжелательныя, но твердыя слова совѣта, которыя имѣли бы для него (для князя) непреложный авторитетъ мудрости и силы“. При такихъ воззрѣніяхъ, хотя совершенно различныхъ по существу и исходной точкѣ, отношенія князя ко мнѣ продолжали быть благопріятными, до времени. Эта благопріятность и побудила Шепелева упомянуть о ней въ письмѣ графу Милютину.

Изъ Софіи выѣхалъ я, черезъ Берковацкій перевалъ, въ Ломъ-Паланку, гдѣ сѣлъ на срочный пароходъ австрійскаго Лойда. При входѣ моемъ на палубу, капитанъ парохода, изъ международной вѣжливости, поднялъ болгарскій флагъ, подъ которымъ мы и доѣхали до Рущука, откуда я послалъ въ Ливадію, графу Д. А. Милютину слѣдующую телеграмму: „Испрашиваю ходатайства вашего сіятельства представиться Ливадіи. Везу письма: его свѣтлости князя Александра его императорскому величеству, отъ полковника Шепелева вашему сіятельству, отъ камергера Давыдова тайному совѣтнику Гирсу. Въ

случаѣ разрѣшенія могу выѣхать изъ Одессы въ понедѣльникъ. Не откажите отвѣтомъ Одессу, Сѣверная гостиница".

Довольно интересна скорость этой корреспонденціи. Моя телеграмма подана въ Рущукѣ 12-го сентября въ 3 часа пополудни; получена въ Ливадіи въ 5 ч. 30 м. того же дня. На подлинникѣ, писанномъ въ Ливадіи, находится собственноручная резолюція графа Милютина: „Высочайше разрѣшено. Ген.-ад. гр. Милютинъ. 12 сентября", и я получивъ поздно вечеромъ отвѣтъ, на другой день выѣхалъ изъ Рущука, на болгарскомъ военномъ пароходѣ „Опытъ", подаренномъ Болгаріи Россіей. Пароходомъ командовалъ нашъ морской офицеръ капитанъ Александръ Егоровичъ Конкевичъ, считавшійся моимъ подчиненнымъ, такъ какъ болгарская флотилія числилась въ военномъ министерствѣ княжества [1]).

Въ Ялту пріѣхалъ я на пароходѣ изъ Одессы около 7 ч. вечера. Несмотря на заранѣе посланную телеграмму, въ гостинницѣ „Россія" не нашлось ни одного свободнаго номера и меня пріютилъ мой корпусный товарищъ, султанъ Чингизъ-Ханъ, находившійся въ свитѣ государя.

Переодѣвшись поѣхалъ я въ Ливадію, былъ тотчасъ принятъ графомъ Д. А. Милютинымъ и вручилъ ему письмо Шепелева отъ 8/20 сентября.

Графъ Милютинъ долго и внимательно слушалъ мой докладъ, при чемъ я постепенно дошелъ до отношеній моихъ къ князю, а слѣдовательно и до вопроса о титулѣ. Я удивился той энергіи, настойчивости и даже нѣкоторой горячности, съ которыми, всегда, въ высшей степени, сдержанный и спокойный графъ Милютинъ отвѣчалъ мнѣ по поводу „Свѣтлости" и „Высочества". „Какія глупости. Мы здѣсь обсуждали вопросъ о титулѣ, отлично зная, кто будетъ княземъ. Продолжайте пожалуйста по-прежнему"... По окончаніи доклада Дмитрій Алексѣевичъ сказалъ мнѣ, чтобы я, на другой день, пріѣхалъ утромъ въ Ливадію для представленія государю.

На другой день, поѣхавъ въ Ливадію пораньше, я представился нашему министру иностранныхъ дѣлъ, Николаю Карловичу Гирсу и передалъ ему письмо Давыдова. Гирсъ приходился двоюроднымъ дядей моей женѣ, и я, въ Петербургѣ, пользовался его благосклон-

---

[1]) Россія подарила Болгаріи слѣдующіе пароходы: „Опытъ", „Взрывъ", состоявшіе прежде въ черноморскомъ флотѣ, „Порадимъ", „Горній Студень" и еще одинъ, заказанные въ Бельгіи для Дуная, во время войны; морскую шхуну „Псезуапе" и 8 катеровъ. По неимѣнію тогда морскаго порта и при невозможности пользоваться этой шкуной она была промѣнена на русскій пароходъ „Голубчикъ", который былъ отдѣланъ для князя и считался княжеской яхтой.

ностью. Въ Ливадіи я былъ принятъ имъ весьма любезно, и разговоръ нашъ шелъ за чашкой утренняго кофе. Въ военные вопросы я Николая Карловича не посвящалъ, говорили о болгарскихъ партіяхъ, о конституціи и, наконецъ, тоже дошли до титула князя, при чемъ я разсказалъ мою точку зрѣнія, затрудненія и непріятности, возникающія изъ этого осложненія, но ни слова не сказалъ о вчерашнемъ разговорѣ моемъ съ графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ. Каково же было мое удивленіе, когда Гирсъ, полулежа на кожаномъ диванѣ, выслушавъ меня, выговорилъ [1]): „au fond, mon cher, une fois que cela lui fait plaisir,—pourquoi ne pas le nommer высочество".

Я остолбенѣлъ. Какъ же такъ: вчера одинъ министръ говорилъ мнѣ весьма опредѣленно: „пожалуйста продолжайте по-прежнему", а черезъ 12 часовъ, другой министръ, да еще иностранныхъ дѣлъ, высказываетъ совсѣмъ противоположное! Но я рѣшилъ на эту тему не распространяться, и мы перешли къ письму Давыдова. Гирсъ пересѣлъ къ письменному столу и началъ вполголоса, скороговоркой читать письмо, такъ, что я все слышалъ. Давыдовъ былъ недавно самъ въ Ливадіи, а потому, особенно новаго, касающагося Болгаріи, въ письмѣ не сообщалъ, но весьма много, и при томъ настойчиво писалъ о желаніи своемъ уйти съ занимаемаго имъ поста, что, очевидно, очень раздражало Гирса. Николай Карловичъ, добрѣйшій человѣкъ, сердился и, читая уже громко, перебивалъ чтеніе письма своими вставками: „ну вотъ, опять... просится уйти. Не могутъ посидѣть на мѣстѣ... Я такъ не могу..." и, помолчавъ немного, отрѣзалъ: „Пускай посидитъ еще; такъ нельзя".

Покончивъ тутъ мои дѣла, направился я ко дворцу и былъ, довольно скоро, приглашенъ къ его величеству. Государь сидѣлъ въ кабинетѣ у письменнаго стола, принялъ меня очень милостиво и приказалъ мнѣ сѣсть противъ него. Я вручилъ его величеству письмо князя, которое государь положилъ на столъ, не распечатывая, и при мнѣ его не читалъ. Обдумывая предстоявшій мнѣ впервые докладъ государю, я порѣшилъ не особенно много утруждать его величество разсказами о болгарскихъ партіяхъ, теченіяхъ, вліяніяхъ, предоставляя это докладчикамъ съ большимъ вѣсомъ, т. е. графу Милютину и Н. К. Гирсу, которые, на основаніи писемъ Шепелева, Давыдова и моимъ докладамъ достаточно освѣдомлены; рѣшилъ также поменьше говорить о князѣ и совсѣмъ не упоминать о титулѣ, если только самъ государь не спроситъ, а, потому, весь докладъ мой касался только болгарскаго

---

[1]) Французскую фразу привожу буквально:

Въ сущности, мой другъ, разъ это доставляетъ ему удовольствіе, отчего бы и не называть его—высочество.

войска, его нуждъ, моихъ предположеній для будущаго и того, что уже мною сдѣлано. Я былъ очень счастливъ, когда государь, перебивая меня, неоднократно говорилъ: „и прекрасно сдѣлалъ...“, „это хорошо...“, „вполнѣ правильно...“. На докладъ мой о нуждахъ войска государь отвѣчалъ такъ: „надо вамъ помочь...“, „я подумаю“. По вопросу о ружьяхъ государь вполнѣ опредѣленно выразился: „поможемъ“, а объ унтеръ-офицерахъ: „намъ и самимъ нужны, но если найдутся желающіе, то возьми, только переговори объ этомъ въ Петербургѣ въ главномъ штабѣ, а я вполнѣ понимаю, какъ они вамъ нужны“. Государь спросилъ меня, хороши ли наши офицеры; я доложилъ, что есть разные, но что объ этомъ я представилъ графу Милютину особый докладъ.

Дни, проведенные мною въ Ливадіи, оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе и, такъ какъ я, все время, былъ вблизи государя и его главныхъ сотрудниковъ, то и помѣщу здѣсь воспоминанія и объ этомъ времени, хотя не все будетъ касаться Болгаріи.

За завтраками, на которые я былъ ежедневно приглашаемъ, бывало не много лицъ. За столомъ государя обыкновенно сидѣли: Н. К. Гирсъ, генералъ-адъютантъ А. М. Салтыковъ, флигель-адъютантъ И. А. Фуллонъ, иногда генералъ-адъютантъ германскаго императора Вердеръ, жившій въ Ливадіи, по одному разу были: князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ и К. П. фонъ-Кауфманъ, пріѣхавшій изъ Ташкента, и я. На отдѣльномъ столикѣ, нѣсколько вдали, сидѣли состоявшіе при Гирсѣ: графъ В. Н. Ламздорфъ и князь Оболенскій. Графъ Д. А. Милютинъ къ завтраку, при мнѣ, ни разу не пришелъ, и государь однажды, смѣясь, сказалъ: „графъ Дмитрій Алексѣевичъ либеральничаетъ; никогда къ завтраку не приходитъ“. Н. К. Гирсъ очень тяготился необходимостью ежедневно быть за завтракомъ и обѣдомъ, говорилъ, что это его очень утомляетъ, а когда я спросилъ его, почему онъ не послѣдуетъ примѣру его коллеги, гр. Милютина,— Н. К., съ нескрываемымъ ужасомъ, отвѣчалъ: „non, c'est impossible. L'empereur ne dit rien, mais cela lui et désagréable [1])“. Къ обѣду съѣзжалось до 20 лицъ; тутъ были постоянно, сверхъ поименованныхъ выше: графъ А. Вл. Адлербергъ, лейбъ-медики: С. П. Боткинъ и Головинъ, командующій войсками одесскаго военнаго округа гр. Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, переѣхавшій жить въ Ялту на время пребыванія государя въ Ливадіи, вся свита государя и всегда нѣсколько пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ. Къ обѣду приходилъ и гр. Милютинъ, а также Петръ Александровичъ Черевинъ, остальное время всегда гдѣ-то пропадавшій. Послѣ обѣда шли въ другую

---

[1]) Нѣтъ, это невозможно. Государь не высказываетъ, но это ему непріятно.

комнату пить кофе и курить. Въ первый день я не рѣшился идти туда, незваннымъ, но скоро пришелъ А. М. Салтыковъ и сказалъ, что государь зоветъ „болгарскаго военнаго министра". Съ этихъ поръ я ходилъ уже постоянно, продолжая жить въ Ялтѣ, но съ утра пріѣзжая въ Ливадію и имѣя пріютъ у П. А. Черевина. Я успѣлъ въ эти дни доложить гр. Милютину все, для меня нужное.

Самые интересные для меня разговоры были во время завтраковъ. Государь много разспрашивалъ о жизни въ Болгаріи, интересовался знать, какъ я лично тамъ устроился и какъ живутъ наши офицеры. Его величеству очень понравился мой генеральскій мундиръ съ чернымъ бархатнымъ, отложнымъ воротникомъ и шитьемъ, какъ у насъ, на генеральскихъ мундирахъ. Обративъ вниманіе на то, что у меня кавказская шашка, государь разспрашивалъ, откуда у меня такая роскошная шашка, и я разсказалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ мнѣ подарилъ ее мой бывшій товарищъ по „Зеленымъ горамъ", подъ Плевной, Индризъ (Андрей) Шанаевъ [1]), зарубившій ею нѣсколькихъ турокъ. Осматривая шашку, государь сказалъ: „а у меня лучше" и велѣлъ принести шашку, поднесенную его величеству его конвоемъ. При сравненіи оказалось, что наружная отдѣлка государевой шашки несомнѣнно роскошнѣе, но за то мой клинокъ—куда лучше. Однажды къ завтраку подали чудесный, вареный картофель и замѣчательное сливочное масло. Картофель былъ необычайно крупный, разсыпавшійся при надавленіи вилкой. Онъ всѣмъ нравился, всѣ повторили; государь соблазнился тоже и сказалъ: „попрошу и я еще картофеля". За зеленой ширмой, заслонявшей дверь, черезъ которую вносили кушанья, началось шушуканье, шуршаніе ногъ лакеевъ и послѣ нѣкотораго ожиданія, показавшагося намъ очень продолжительнымъ, вышедшій изъ-за ширмы, почтенный лакей доложилъ—не безъ нѣкотораго смущенія, что картофеля больше нѣтъ. Государь очень добродушно смѣялся, но лица у лакеевъ вытянулись.

О князѣ Александрѣ государь, при другихъ, не разговаривалъ, спросивъ только однажды, удобно ли устроенъ его дворецъ, но черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, передъ завтракомъ, стоя у закусочнаго стола, его величество отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ слѣдующія, замѣчательныя слова: „я прочиталъ письма Шепелева и Давыдова. Шепелевъ пишетъ совершенно то же, что и ты мнѣ доложилъ, и Давыдовъ пишетъ почти то же самое, князь же Александръ пишетъ мнѣ другое. Но это ничего; я ему напишу".

Изъ этихъ словъ я понялъ, что государю все извѣстно и что въ этихъ словахъ заключается согласіе его величества съ воззрѣніями,

---

1) О Шанаевѣ смотри: „Изъ прошлаго". Часть 1-я. „На войнѣ". Стр. 347.

изложенными Шепелевымъ въ его письмахъ къ Милютину и доложенными мною въ личныхъ докладахъ графу Дмитрію Алексѣевичу; я понялъ, что, получивъ такое одобреніе государя en block всего, ему доложеннаго Милютинымъ, мнѣ остается только продолжать дѣло въ томъ же направленіи, и что мнѣ въ Ливадіи больше дѣлать нечего. На вопросъ государя о времени моего отъѣзда, я доложилъ, что завтра ѣду въ Петербургъ, заберу свою семью и, покончивъ дѣла въ главномъ штабѣ, немедленно тронусь въ Софію. Наканунѣ моего отъѣзда, послѣ обѣда, государь, отпуская всѣхъ присутствовавшихъ, сказалъ мнѣ при всѣхъ: „Относительно нашихъ офицеровъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ укажетъ тебѣ подробности. Помни, что *ты* мнѣ за нихъ отвѣчаешь. Помни еще и передай имъ, что они не только служатъ въ болгарскихъ войскахъ, но что каждый изъ нихъ есть *носитель имени русскаго*. Кланяйся князю; я ему напишу. Продолжай служить, какъ служишь“.

На „*ты* отвѣчаешь“ и „*носитель имени русскаго*“ государь сдѣлалъ особое удареніе. При этомъ присутствовали графы: Милютинъ, Адлербергъ и Тотлебенъ, К. П. фонъ-Кауфманъ, Н. К. Гирсъ и А. М. Салтыковъ. Я былъ вполнѣ удовлетворенъ, обрадованъ, обласканъ государемъ; почерпнулъ новыя силы служить и работать. Не чувствовалъ я тогда, что именно въ словахъ государя: „*ты* мнѣ за нихъ отвѣчаешь“ былъ положенъ тотъ камень преткновенія, о который я, по возвращеніи въ Софію, преткнулся.

Не знаю, по чьему приказанію въ Одессу дано было знать о моемъ пріѣздѣ туда изъ Ялты, но на пристани я былъ встрѣченъ какимъ-то штабъ-офицеромъ отъ коменданта, мнѣ было отведено помѣщеніе и только-что я въ немъ расположился, какъ ко мнѣ пріѣхалъ съ оффиціальнымъ визитомъ, въ мундирѣ, почтеннѣйшій Николай Степановичъ Ганецкій, командовавшій корпусомъ, въ Одессѣ расположеннымъ и, за отсутствіемъ графа Тотлебена, оставшійся старшимъ военнымъ лицомъ въ городѣ.

Тогда же я получилъ телеграмму князя Александра изъ Софіи съ приказаніемъ посѣтить 15 стрѣлковый батальонъ, котораго князь былъ шефомъ, и передать ему привѣтъ отъ шефа. Батальонъ былъ въ лагерѣ, вмѣстѣ съ остальными пѣхотными частями, подъ общимъ начальствомъ начальника лагернаго сбора генерала А. Д. Горемыкина, къ которому я и пріѣхалъ за разрѣшеніемъ посѣтить батальонъ. Горемыкинъ просилъ меня пріѣхать на другой день утромъ и устроилъ цѣлый парадъ съ церемоніальнымъ маршемъ, послѣ того какъ я передалъ выстроенному батальону привѣтствіе отъ имени князя. Я былъ очень сконфуженъ, когда, при прохожденіи мимо меня батальона по-ротно, подъ звуки болгарскаго марша „Шуми Марица“, самъ Го-

ремыкинъ прошелъ на флангѣ головной роты, держа подъ козырекъ, но, къ счастью, я нашелся и, попросивъ Горемыкина пропустить баталіонъ еще разъ колонною, забѣжалъ впередъ и, ставъ на флангѣ колонны, въ свою очередь, прошелъ церемоніаломъ мимо Горемыкина, оставшагося, кажется, этимъ довольнымъ. Послѣ обмѣна любезностей и по представленіи мнѣ офицеровъ, послѣдовалъ завтракъ, весьма обильный и продолжительный, съ рѣчами, телеграммами князю и т. д.

Въ Петербургѣ, у меня дома, шла спѣшная укладка имущества; приходилось везти въ Софію рѣшительно все, такъ какъ на мѣстѣ, въ Софіи, ничего купить было нельзя, продавать же спѣшно, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ выписывать изъ Вѣны, этой общей поставщицы Балканскаго полуострова, было слишкомъ убыточно. Укладка требовалась тщательная, такъ какъ вещи, доѣхавъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою до Ломъ-Паланки, должны были быть отправлены далѣе, въ Софію, черезъ Балканы на волахъ. Особенно много было затрудненій съ прислугой. Въ Софіи никакой прислуги нанять было нельзя, а наша петербургская боялась ѣхать въ такую даль. Наконецъ, сговорились при условіи прибавки жалованья и перевода его съ кредитныхъ рублей на золото, рубль за рубль. Лакей, горничная, нянька согласились ѣхать, кухарки же отказывались, и мнѣ пришлось нанять повара, уже въ Одессѣ, за 75 р. въ мѣсяцъ, такъ что, хотя я получалъ весьма солидное жалованье, 15 т. кредит. рублей въ годъ, но, принявъ во вниманіе всѣ эти расходы, перевозку семьи, имущества и проч. и проч., очевидно, что я еле-еле сводилъ концы съ концами и, какъ увидимъ ниже, при отъѣздѣ изъ Болгаріи очутился даже въ затруднительномъ финансовомъ положеніи.

За то служебныя дѣла шли отлично. Послѣдовало высочайшее соизволеніе на отправку въ Болгарію охотниками 506 унтеръ-офицеровъ, по моему вызову. На практикѣ дѣло это, понятно, встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, но все же въ октябрѣ въ Варну прибыла первая партія, въ 139 человѣкъ, изъ числа только-что кончившихъ службу въ Россіи, съ рекомендаціями начальниковъ частей.

Переговоры о ружьяхъ шли тоже удачно. Товарищъ генерала-фельдцейхмейстера графъ Баранцевъ очень любезно обѣщалъ полное содѣйствіе, далъ предварительное согласіе отпустить 16.000 винтовокъ Бердана и патроновъ къ нимъ, на условіяхъ, мною предложенныхъ. Надо было только, по возвращеніи моемъ въ Болгарію, представить оффиціальныя ходатайства отъ правительства княжества и расчеты уплаты. Доставку оружія до дунайскихъ портовъ взяла на себя Россія, а по Дунаю мы могли везти на своихъ пароходахъ. При переговорахъ моихъ съ графомъ Баранцовымъ, произошелъ довольно комичный эпизодъ. Графъ, будучи уже очень въ преклонныхъ

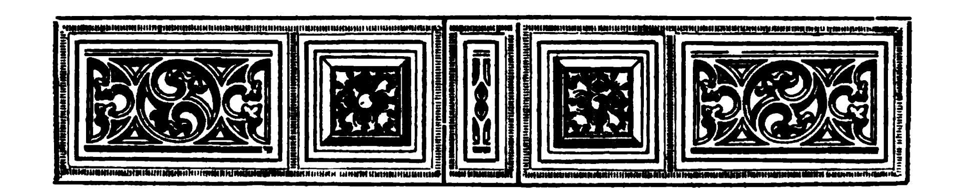
лѣтахъ, почему-то вообразилъ, что я природный болгаринъ, хотя моя наружность совсѣмъ не изобличаетъ уроженца юга. Я попробовалъ деликатнѣйшимъ образомъ навести почтеннаго Александра Алексѣевича на истинный путь, говорилъ, что я воспитанникъ Пажескаго корпуса, русскій офицеръ, — ничего не помогало, Баранцевъ наговорилъ мнѣ много комплиментовъ по поводу того, что я очень чисто говорю по-русски, и радовался, что русское воспитаніе дало мнѣ возможность выйти въ люди и служить Болгаріи. Мнѣ не хотѣлось ставить его въ неловкое положеніе, и я остался для него болгариномъ, получившимъ хорошее военное образованіе въ Россіи. Наконецъ, покончивъ всѣ дѣла, служебныя и домашнія, отправился я съ семьей и необходимыми, на первое время, вещами черезъ Москву до Рени по желѣзной дорогѣ, а отъ Рени уже на своемъ болгарскомъ пароходѣ „Опытъ" до Ломъ-Паланки и далѣе, на лошадяхъ, въ Софію.

Къ этому времени относится одно мое предпріятіе, казавшееся весьма полезнымъ, но которое доставило мнѣ потомъ кучу хлопотъ и непріятностей. Въ Софіи всѣ лучшіе дома были, задолго до моего пріѣзда, разобраны и наняты. Жить съ семьей, да еще зимой, въ томъ картонномъ домикѣ, сколоченномъ изъ досокъ, въ которомъ я жилъ лѣтомъ одинъ, не было возможности. По совѣту и при содѣйствіи, очень ко мнѣ расположеннаго моего коллеги, министра финансовъ Григорія Дмитріевича Начовича, я рѣшилъ купить въ Софіи землю и построить домъ. На окраинахъ города было много пустопорожнихъ земель, принадлежавшихъ туркамъ, умершимъ, убитымъ, бѣжавшимъ. Земли эти взяло въ свое вѣдѣніе правительство княжества и продавало по вемьма низкой цѣнѣ. Такой кусокъ земли съ садомъ купилъ и я, на окраинѣ города, рядомъ съ знаменитой впослѣдствіи Черной Джаміей, бывшей когда-то мечетью. При мнѣ въ ней былъ складъ разнаго имущества, оставленнаго русскими войсками, впослѣдствіи же Черная Джамія была превращена въ государственную тюрьму, гдѣ, при властительствѣ Стамбулова, содержались и пытались, такъ называемые, государственные преступники, а въ сущности, только члены оппозиціи и въ числѣ ихъ Каравеловъ.

Вся операція покупки земли и постройки дома, казавшаяся мнѣ вначалѣ необходимой и выгодной, вслѣдствіе моей неопытности, отсутствія людей, съ которыми я могъ бы посовѣтоваться, отчасти же благодаря архитектору, въ результатѣ, доставила мнѣ очень много непріятностей и большой убытокъ. Ко времени пріѣзда моего съ семьей, домъ не былъ готовъ, и я долженъ былъ нанять, временно, другой, глинобитной постройки и безъ печей, что́ было очень неутѣшительно въ виду надвигавшейся зимы.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ русско-турецкой войны.

Со времени послѣдней турецкой войны 1877—78 гг. прошло уже болѣе четверти вѣка, и мы не только не имѣемъ ея оффиціальной исторіи, но даже и обстоятельныхъ мемуаровъ ея участниковъ. Вышло, правда, нѣсколько книгъ о ней писателей, бывшихъ въ качествѣ корреспондентовъ при дѣйствующей арміи,—какъ-то: В. И. Немировича-Данченко, В. В. Крестовскаго, художника Верещагина и др. Однѣ книги были въ формѣ романовъ и разсказовъ, другія въ видѣ историческихъ описаній, но всѣ они давали лишь общія картины боевъ, между тѣмъ, какъ вся сумма мелочей, изъ которыхъ создавалась трудная обстановка походной и боевой жизни офицеровъ и солдатъ, ускользала въ этихъ описаніяхъ, такъ какъ, конечно, наши извѣстные художники пера инстинктивно тянулись къ болѣе яркимъ картинамъ войны. Вотъ этотъ-то чувствительный пробѣлъ невольно требуется теперь пополнить.

Совершенно случайно, разбираясь въ бумагахъ моего покойнаго отца, я наткнулся на большую связку писемъ его изъ Турціи къ близкимъ роднымъ и знакомымъ. Передъ началомъ войны мой отецъ командовалъ 67-мъ пѣхотнымъ Тарутинскимъ великаго герцога Ольденбургскаго полкомъ, который онъ принялъ послѣ ряда должностей въ генеральномъ штабѣ, въ формѣ котораго принималъ участіе въ покореніи Западнаго Кавказа.

Тарутинскій полкъ былъ мобилизованъ однимъ изъ первыхъ и двинутъ сначала въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ оставался до объявленія войны Турціи, затѣмъ прослѣдовалъ походнымъ порядкомъ чрезъ Румынію, переправился чрезъ Дунай у Браилова въ составѣ корпуса генерала Циммермана, послѣ чего стоялъ въ Добруджѣ до тѣхъ поръ, пока египетскія войска не обрушились на генерала Циммермана, и моему отцу съ полкомъ пришлось выдержать горячій бой

подъ Хаджи-Оглу-Басарджикомъ. Въ этомъ бою полкъ справился съ девятью турецкими таборами, понесъ большія потери, отецъ мой былъ тяжело раненъ и, произведенный въ генералы, уѣхалъ лѣчиться на родину. На этомъ и оборвалась его переписка, такъ какъ вскорѣ былъ заключенъ миръ.

Нижеслѣдующія выдержки изъ его писемъ, касающіяся исключительно походной и боевой жизни полка и тѣхъ трудныхъ условій, коими она была обставлена, дадутъ—смѣю думать—не мало матеріала для изученія быта нашихъ войскъ въ турецкую войну. Со свойственной ему наблюдательностью отецъ мой не пропустилъ ни одного мало-мальски интереснаго явленія. Вотъ почему въ этихъ отрывкахъ, какъ въ калейдоскопѣ, мѣняется цѣлая серія картинъ, изъ которыхъ можно составить себѣ совершенно опредѣленное представленіе, какъ пришлось жить и воевать нашимъ войскамъ въ послѣднюю освободительную войну.

Ю. Елецъ.

Полонное, 24 ноября. 9 часовъ вечера, 1876 г.

Не доѣзжая Смоленска начали угощать солдатъ чаемъ отъ общества Краснаго Креста, и это продожалось до самаго почти Полоннаго. Исключеніе составляютъ Столбцы, за Минскомъ, объ угощеніи въ которыхъ была телеграмма, но ею все и ограничилось, а угощенія здѣсь никакого не было. Въ Брестѣ, вмѣсто дневки, мы пробыли нѣсколько часовъ, пріѣхавъ туда ночью; да и вообще всѣ города пришлось проѣзжать ночью, и я ни одного не видѣлъ. Въ Брестѣ я получилъ дислокацію полка; весь онъ на пространныхъ квартирахъ по деревнямъ въ Ново-Ушицкомъ и Могилевскомъ уѣздахъ, будетъ страшно разбросанъ, ближе 40 верстъ нѣтъ ни одной роты отъ Каменецъ-Подольска, а больше въ 60 и 80 верстахъ; только двѣ роты будутъ въ самомъ К.-Подольскѣ, для содержанія карауловъ при полковомъ штабѣ, а городскіе караулы останутся содержать мѣстныя войска. Въ К.-Подольскѣ на первое время я поставлю 1 и 2 стрѣлковыя роты, а потомъ буду смѣнять ихъ. Въ здѣшнихъ странахъ, начиная съ Гродненской губерніи—только три дня, какъ выпалъ снѣгъ и начались легкіе морозы, градуса 3—4, а то шли дожди и дороги ужасныя; ежели не подмерзнетъ еще, то мнѣ съ обозомъ предстоитъ бѣдствіе не малое. Въ Полонномъ отвели мнѣ квартиру у еврея, чистыхъ очень двѣ комнаты и хозяйка услужливая: самоваръ былъ готовъ къ моему пріѣзду и меня спросили, не хочу ли ужинать. Дала почтовой

бумаги и чернилъ, такъ какъ вещи мои съ вокзала еще не прибыли, а я не хотѣлъ терять время, зная, что завтра будетъ работы на цѣлый день.

Полонное—это большое мѣстечко, есть хорошія постройки; отъ станціи желѣзной дороги версты четыре.

Къ пріѣзду моего поѣзда на станціи ждали становые и полицейскіе, были приготовлены лошади (для меня тройка) для отвоза насъ въ мѣстечко на квартиры. По новому маршруту, полученному мною изъ Кіева, здѣсь назначена дневка, отчего мы приходимъ въ Каменецъ 8 декабря, а не 7-го, какъ было назначено прежде.

Путешествіе наше, благодаря Бога, было благополучно, люди, несмотря на большой хаосъ, вели себя хорошо и не было ни одного случая. Между тѣмъ въ Московскомъ полку, юнкеръ, дежурный по батальону, послѣ звонка выгонялъ долго людей изъ трактира, опоздалъ въ вагонъ, на ходу хотѣлъ вскочить, поскользнулся, упалъ, и ему переломило ребро и подножкою вагона разбило голову, такъ что полумертваго отнесли на станцію; докторъ сказалъ, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе жизни.

Полонное, 25-го ноября.

Со вчерашняго дня здѣсь повалилъ снѣгъ, а ночью и днемъ сегодня вьюга, намело по колѣна; что будетъ съ обозомъ при такой дорогѣ, да еще по гористой мѣстности—не знаю. Московскій полкъ, выступившій отсюда вчера, мучился на первомъ переходѣ до глубокой ночи; вообще намъ предстоитъ зимній походъ при весьма непривлекательныхъ условіяхъ.

Старо-Константиновъ. 29 ноября, 1876 г.

Три дня зимняго похода дали себя почувствовать; морозъ 12°, снѣгъ мѣстами очень глубокъ, съ обозомъ возни по горло, много поломалось, нѣкоторыя принадлежности потеряны при перегрузкахъ на желѣзныхъ дорогахъ; все это дѣлалось ночью, въ морозъ, руки костенѣли, и по совѣсти нельзя винить людей. Лошади спали съ тѣла замѣтно, на желѣзной дорогѣ не ѣли корма, а тутъ и присмотра невозможно учредить, разбросаны по всей деревнѣ по 3—4 въ каждомъ дворѣ, такъ что не знаешь, гдѣ и какъ ихъ отыскивать.

Начиная отъ Полоннаго, здѣсь чистая Малороссія, хаты всѣ выбѣлены, хохлы чистѣйшій типъ и по костюму, живутъ опрятно, хлѣба такого какъ у насъ я не видѣлъ нигдѣ: просѣянный черезъ сито, великолѣпно выпеченный, ѣшь съ наслажденіемъ—и это вездѣ, гдѣ только пришлось побывать. Сегодня при выѣздѣ въ Старо-Константиновъ, пропустивъ мимо себя обозъ, я зашелъ обогрѣться въ корчму

и засталъ тамъ мужиковъ за завтракомъ; спрашиваю: кто вы? отвѣчаютъ: хохлы!

На слѣдующей станціи ночлегъ былъ указанъ въ домѣ священника, который съ трудомъ согласился пустить къ себѣ и вообще отнесся ко мнѣ очень враждебно. Но присутствіе чиновника, присланнаго отъ волынскаго губернатора для встрѣчи полка, заставило его смириться; вообще со стороны гражданскихъ властей здѣсь большое содѣйствіе; видно, что ихъ подтянули. Дѣла гибель и очень сложнаго, и самъ я на ногахъ съ 8-ми утра до 5 вечера, что́ замѣтно подтянуло людей. Въ Московскомъ полку, говорятъ, несравненно хуже, и было нѣсколько случаевъ: одного офицера чуть не переѣхало патроннымъ ящикомъ съ горы и порядочно помяло, лошадь сломала ногу и еще въ этомъ же родѣ. На мое счастье выпалъ снѣгъ и стали морозы,иначе обозъ не было бы возможности вытащить: по здѣшнимъ дорогамъ грязь черноземная такая, что ступицы прячутся; боюсь, чтобы за Проскуровомъ, гдѣ, говорятъ, большія горы, не измѣнилась погода и не испортила дорогу, и теперь плохо—въ снѣгу, а въ грязи—матъ совсѣмъ. Московскій полкъ уже здѣсь, на мѣстѣ, хотя ему и короче походъ, но я не завидую. Стоянка плохая: городишко хуже Мещовска, кромѣ зимняго времени грязь невозможная. А про Каменецъ-Подольскъ здѣсь говорятъ, какъ про что-то недосягаемое для глухой провинціи.

Гор. Проскуровъ. 2-го декабря 1876 г.

Вчера при переѣздѣ моемъ въ Проскуровъ, на половинѣ дороги явился ко мнѣ становой приставъ и, отрапортовавъ, что онъ командированъ отъ губернатора для встрѣчи полка, закончилъ свою тираду такъ: „Подольская губернія, Проскуровскій уѣздъ!“

Здѣсь страшное скопленіе войскъ и такая же тѣснота, кромѣ Московскаго полка, котораго прежнюю стоянку перемѣнили на здѣшнюю, мой, какъ проходящій и два казачьихъ изъ Рязани, слѣдующихъ тоже въ Каменецъ-Подольскъ и его окрестности; тѣснота ужасная, такъ что лошади мои поставлены въ коновязяхъ подъ открытымъ небомъ, за неимѣніемъ конюшенъ. Городъ небольшой, немного лучше Старо-Константинова, есть нѣсколько порядочныхъ домовъ, а затѣмъ еврейскія лачуги. Здѣсь ходятъ разные слухи о нашемъ назначеніи, говорятъ, что скоро насъ двинутъ далѣе, такъ какъ мы составляемъ *резервъ* дѣйствующей арміи. По всему видно, что конференція ничего не сдѣлаетъ, и начнутся военныя дѣйствія, а тогда наша стоянка здѣсь не имѣетъ смысла, потому что оберегать границу противъ Австріи нечего; она не противъ насъ.

Масса разнородныхъ впечатлѣній, перемѣна обстановки и условій

жизни сдѣлали то, что мнѣ кажется, будто я цѣлый годъ, какъ изъ Москвы, а всего только двѣ недѣли.

Второй день здѣсь прекрасная погода, тепло, ясное небо и мѣстность превосходная, но для движенія неудобно, потому что довольно большія горы, боюсь, чтобы не настала оттепель, тогда съ обозомъ плохо будетъ по здѣшнему чернозему. Отъ Проскурова полкъ расходится по двумъ дорогамъ: штабъ и двѣ стрѣлковыя роты идутъ на К.-Подольскъ, а остальные по другой дорогѣ, проселочной, на свои квартиры.

Каменецъ-Подольскъ. 8-го декабря.

Пріисканіе квартиръ здѣсь сущее бѣдствіе особенно въ настоящую пору года, когда все лучшее занято съ лѣта, остаются оборыши и тѣ изъ рукъ вонъ плохи. Кромѣ неудобствъ квартиръ отъ дурной постройки домовъ, мы затруднены здѣсь еще и потому, что всѣ семейства офицеровъ двухъ полковъ, вышедшихъ отсюда, остались здѣсь, черезъ что недостатокъ квартиръ и повышеніе платы при увеличившемся спросѣ.

Видъ города въ высшей степени оригинальный и своеобразный. Представь себѣ небольшую долину, правильно окруженную горами, на пологихъ склонахъ которыхъ разбросаны части города, называемыя: Польскіе фольварки, Русскіе фольварки, Новый планъ и Подзамче; внутри долины скалистый полуостровъ, съ трехъ сторонъ омываемый рѣкою Смотричемъ, въ гранитныхъ отвѣсныхъ берегахъ; на этомъ-то полуостровѣ, протяженіемъ не болѣе $^3/_4$ версты въ каждую сторону, построенъ Каменецъ-Подольскъ или старый городъ. Тутъ вполнѣ сохранилась турецкая крѣпость. Самъ городъ на возвышенной мѣстности, но гораздо ниже окружающихъ его поименованныхъ выше, частей, такъ что картина единственная въ своемъ родѣ. Зданія, хотя каменныя, но старинной постройки, улицы узенькія, какъ въ древнихъ городахъ. На фольваркахъ шире, зелени очень много, но евреевъ несравненно болѣе: кромѣ нихъ, никого не видно.

Послѣднюю станцію я проѣхалъ на почтовыхъ и едва успѣлъ показаться въ городъ, какъ меня атаковали факторы съ предложеніемъ услугъ; одинъ изъ нихъ, довольно цивилизованный, объявилъ, что ждетъ меня уже двѣ недѣли, что квартиры, одна другой лучше, имъ приторгованы, мебель на прокатъ готова и т. д. Разумѣется, что всѣ квартиры, показанныя имъ, оказались сущею мерзостью, но онъ счелъ долгомъ сопровождать меня по всему городу въ теченіе цѣлаго дня, стоя на запяткахъ. Здѣсь сани извозчичьи парныя, широкія, съ запятками, по-старинному.

Заѣзжаю въ гостиницу обѣдать—факторъ стоитъ сзади стула, на

почту—онъ тормошитъ всѣхъ чиновниковъ, оретъ: „господинъ полковникъ, давайте ему писемъ!“ Поѣхалъ я осматривать полковыя помѣщенія—онъ опять за мною и передаетъ разныя подробности, однимъ словомъ, тѣнь да и только. Далъ я ему за усердіе 3 рубля, и онъ съ чувствомъ приналъ къ моей рукѣ. Теперь побѣжалъ топить и устраивать мою квартиру, куда я завтра перебираюсь.

Путешествіе наше отъ Проскурова до мѣста было, благодаря Бога, благополучное, два раза я имѣлъ квартиру у помѣщиковъ, принявшихъ меня и штабъ мой съ большимъ радушіемъ; оба поляки, люди очень образованные и въ высшей степени гостепріимные, поили старымъ венгерскимъ, особенно на предпослѣдней станціи, гдѣ была дневка. Но всѣ вообще жалуются на свое положеніе: денегъ нѣтъ, контрибуцію платятъ, имѣній покупать не могутъ, вообще все въ рукахъ жидовъ и край нищаетъ замѣтно. Несмотря на это, у обоихъ помѣщиковъ столъ для обѣда былъ накрытъ на 20 человѣкъ.

Каменецъ-Подольскъ. 29-го декабря.

Отъ Дрентельна было распоряженіе, что въ виду назначенія нашего составлять резервъ дѣйствующей арміи, мы должны быть готовы къ выступленію по экстренному приказанію, для чего немедленно распорядиться приведеніемъ въ порядокъ всего пришедшаго въ разстройство за походъ, сдѣлать всѣ предварительныя распоряженія для движенія, маршруты для котораго будутъ высланы прямо командирамъ полковъ до станцій желѣзныхъ дорогъ, надо думать, до Проскурова.

Съ тѣхъ поръ прошла недѣля, но маршрутовъ намъ не выслали изъ Кіева, хотя это можетъ случиться каждую минуту; и пойдетъ ли мой полкъ на Проскуровъ или обыкновеннымъ порядкомъ, я до сихъ поръ не знаю.

Праздники я провелъ вотъ какъ: на первый день въ соборѣ у обѣдни, оттуда зашли всѣ къ преосвященному Өеогносту, у него былъ завтракъ, потомъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, обѣдалъ у себя, а вечеромъ собрались ко мнѣ свои и проиграли въ карты до трехъ часовъ утра. На второй день я, Ганъ, Брандтъ и вице-губернаторъ обѣдали у Толмачева, губ. воинскаго начальника, на третій день я поѣхалъ отдавать визитъ казачьему бригадному генералу Родіонову (лихой малый) и просидѣлъ у него часа три, гдѣ и познакомился съ предсѣдателемъ соединенной палаты гражданскаго и уголовнаго судовъ, у котораго, какъ преумнаго и прекраснаго господина, моего ближайшаго сосѣда, былъ съ визитомъ на 4-й день и тоже просидѣлъ часа 3.

Подъ новый годъ въ клубѣ балъ, куда я со всѣми своими офицерами собираюсь.

Тотчасъ по нашемъ приходѣ сюда явился капельмейстеръ Гартунгъ изъ Петербурга, котораго мнѣ рекомендовала агентура, и я изъ Проскурова написалъ ему условія. Онъ служилъ въ л.-гв. казачьемъ полку, а потомъ въ 1-мъ гвардейскомъ стрѣлковомъ батальонѣ, видно, что знаетъ свое дѣло хорошо, еще молодой, изъ консерваторіи, учитъ толково. Про музыку сказалъ: „это супъ безъ соли, нѣтъ души въ игрѣ и нѣтъ шику."—А вѣдь это правда!

Каменецъ-Подольскъ. 1877 г. 27-го марта.

Находящійся здѣсь бригадный генералъ Арнольди сегодня получилъ телеграмму тотчасъ пріѣхать къ бригадѣ, такъ какъ войска дѣйствующей арміи выступаютъ. Мы сегодня еще ничего не имѣемъ, но понятное дѣло, коль скоро Турція не приметъ предложеній—сейчасъ армія наша двинется.

Каменецъ-Подольскъ. 30-го марта 1877 г.

Войска дѣйствующей арміи сосредоточиваютъ въ Бессарабіи, такъ какъ часть ихъ до сихъ поръ была по линіи Одесской дороги отъ Винницы до ст. Раздѣльной; теперь полки эти двигаются въ Сороки, а стоявшіе въ Сорокахъ въ Бѣльцы. Гдѣ же моя квартира тогда будетъ?

Телеграмма, полученная генераломъ Арнольди, объясняется тѣмъ, что драгуны изъ Сорокъ переходятъ въ Бѣльцы, а далѣе куда—неизвѣстно.

Молдавія, Кодоешты, 17-го мая 1877 г.

Время это было очень тревожное по причинѣ задержки въ обозѣ; лошади до того выбились изъ силъ, что на шоссе совершенно гладкомъ не могутъ везти повозокъ и шатаются, какъ тѣни. Выѣхавъ изъ Яссъ, я прямо слѣдовалъ къ полку и нагналъ его за городомъ. Въ виду дневки въ Яссахъ вслѣдствіе промедленія съ переправой черезъ Прутъ, пришлось отступить отъ маршрута, надо было наверстать потерянное, а потому послѣдовало приказаніе пройти сразу двѣ станціи, такъ что въ Поэни мы только обѣдали и въ 5 часовъ двинулись въ Кодоешты. Дорога отъ Яссъ прекрасная, хорошее шоссе, мѣстность живописная, хотя гористая, сплошная зелень виноградниковъ и лѣса, какъ будто въ паркѣ. Здѣсь счетъ идетъ на мили, въ каждой около 10 нашихъ верстъ, а въ маршрутѣ нашемъ разстоянія показаны почти на половину менѣе дѣйствительныхъ: отъ Поэни до Кодоешты 40 верстъ, а показано 20. Люди страшно устали и, несмотря на отличную дорогу и погоду, пришли сюда только въ 6-мъ часу утра,

сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 60 верстъ. Сегодня здѣсь дневка, а завтра тоже 30 верстъ въ гор. Васлуй. Обозъ съ большимъ трудомъ нагналъ полкъ сегодня вечеромъ.

Пріѣхали мы сюда ночью въ 11 часовъ и остановились въ огромномъ помѣщичьемъ необитаемомъ домѣ. Всѣ повалились спать, какъ убитые, закусивъ на-скоро. Кодоешты крошечное мѣстечко изъ 60-ти домовъ въ 5-ти верстахъ въ сторонѣ отъ дороги; улицы освѣщаются фонарями и оно видно издали. Мы долго путались, пока добрались сюда, и только благодаря фонарямъ и расположенію мѣстечка на горѣ, мы его нашли. Волы мои еще не явились, хотя изъ Скуменъ (молдаванскихъ) вышли вчера утромъ; хлѣбъ подошелъ только въ половинномъ количествѣ, потому что въ Яссахъ нужно было нанимать подводы и не нашли ихъ, сколько нужно. Оказывается, что „товарищество" [1]) по поставкѣ продуктовъ войскамъ заготовило ихъ не на всѣхъ станціяхъ, а на нѣкоторыхъ только, какъ намъ сообщили. Въ Поэни я взялъ очень хорошій ржаной хлѣбъ, сѣно и ячмень, тоже и здѣсь; а намъ все перепутали въ распоряженіяхъ, и мы совершенно напрасно пекли хлѣбъ.

Гор. Васлуй. 18-го мая 1877 г.

Сегодняшнюю станцію я сдѣлалъ верхомъ почти всю. За 5 верстъ отъ города выѣхало навстрѣчу намъ нѣсколько экипажей, а въ городѣ у заставы ждали еще двѣ коляски съ дамами.

Вступалъ полкъ съ музыкой; квартиру мнѣ отвели, очень хорошую, у помѣщика, который просилъ меня обѣдать; но поваръ мой былъ посланъ наканунѣ съ приказаніемъ готовить обѣдъ непремѣнно, поэтому я ѣлъ свой обѣдъ, пригласивъ Сколепскаго и Мерчанскаго. Каждый день я приглашалъ кого-нибудь: вчера Мерчанскій, Костылевъ и Бушенъ; третьяго дня Сухотинъ и Тутолминъ; готовится на одного столько, что всегда найдется для двухъ или трехъ. Вечеромъ играла музыка и по улицѣ было большое движеніе публики пѣшкомъ и въ экипажахъ.

Васлуй городъ небольшой, но чистый и много зелени. Жители чрезвычайно деликатны и предупредительны; говорятъ больше по-французски, въ домахъ обстановка очень хорошая, ничего подобнаго невозможно встрѣтить въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. При проходѣ черезъ деревни и города—всѣ кланяются намъ, оказывая полнѣйшую предупредительность и вниманіе: вообще, видна цивилизація, не чета нашей; ни одного пьянаго мы не видѣли, все чинно и прилично. Мѣстность здѣсь гористая, еще болѣе, чѣмъ въ Бессарабіи.

---

[1]) Грегеръ, Горвицъ и Коганъ, стяжавшіе себѣ столь печальную извѣстность.

Здѣсь есть наша военная почта, и это письмо я сдаю завтра утромъ; говорятъ, что отходитъ каждый день въ Россію, интересно на который день оно придетъ. Послѣзавтра придетъ въ г. Бырладъ. Интендантскій чиновникъ съ жалованіемъ, котораго мы ждали въ злополучныхъ Скулянахъ, до сихъ поръ не явился, и, вѣроятно, ранѣе прихода въ Галацъ мы его не увидимъ.

Гор. Бырладъ. 21-го мая 1877 г.

Предыдущее письмо изъ Васлуя хотѣлъ отправить по полевой почтѣ, но оказалось, что тамъ она еще не дѣйствовала, и я послалъ по румынской. Здѣсь за 1 франкъ пересылаютъ 4 письма, на каждомъ по 2 марки. Жаль, что я не зналъ: оказалось, что въ Яссахъ наши офицеры мѣняли золото и получили за полуимперіалъ по 9 рублей; здѣсь даютъ только по петербургскому курсу 7 руб. 62 коп.

Вчера мы пришли въ Бырладъ, а сегодня дневали. Городъ довольно большой: 30 т. жителей, много магазиновъ и хорошихъ зданій, хотя есть и лачуги; евреевъ на половину. Весь городъ мощеный, хорошо освѣщенный и имѣетъ превосходный общественный садъ, изящно содержимый; вечеромъ аллеи освѣщаютъ фонарями, масса изящныхъ чугунныхъ скамеекъ, окрашенныхъ бѣлою краскою; породы деревьевъ намъ незнакомыя.

Сегодня по случаю праздника (Константина и Елены) префектъ просилъ у меня музыку и въ саду собралась масса публики.

Квартира у меня небольшая, одна гостиная, но отдѣльно отъ хозяевъ, ихъ постель, съ такимъ же одѣяломъ, какъ въ Бессарабіи (на пуговкахъ), маленькія подушки, которыхъ кладутъ 4, по двѣ въ рядъ; утромъ и вечеромъ подаютъ „шербетъ". Въ городѣ чрезвычайно развита уличная жизнь. Около ресторановъ, хотя и плохихъ, цѣлый день на тротуарахъ сидитъ публика за столами и бесѣдуетъ. Извозчики такіе же, какъ въ Яссахъ, но менѣе изящны; есть двѣ русскія лавки и хорошая французская кондитерская.

Встрѣтилъ начальника 35-ой дивизіи генерала Баранова, поговорили о походѣ: его дивизія прошла другой дорогой,—тоже черезъ Бырладъ, и вчера я засталъ еще здѣсь Моршанскій полкъ. При переправѣ черезъ Прутъ они страшно бѣдствовали, такъ же, какъ и мы, а въ артиллеріи утонуло двѣ лошади.

Барановъ очень милый человѣкъ и вполнѣ джентльменъ, отъ Гана [1]) въ восторгѣ. Послѣдній еще въ Кишиневѣ, а его корпусъ идетъ въ

---

[1]) Генерала, бывшаго начальника 17-й дивизіи, въ составъ которой входилъ Тарутинскій полкъ.

Баніасъ, сѣвернѣе Букареста на нѣсколько верстъ. Желѣзная дорога испорчена разливомъ рѣки и сообщеніе прекращено уже 6 дней; поэтому артиллерія 31-я бригада 15-го корпуса высадилась въ Яссахъ и идетъ съ Бородинскимъ полкомъ. Они постоянно ночуютъ на бивуакѣ: нѣтъ мѣста такой массѣ войскъ, а мы только одинъ день передъ Бырладомъ, въ Кицханахъ, ночевали въ полѣ. У меня была квартира съ Брандтомъ, въ маленькой деревенькѣ въ 40 домовъ, на квартирахъ были только офицеры. Хорошо, что, начиная съ Яссъ, тоитъ прекрасная погода: днемъ очень жарко, но зато сухо; переходы огромные, отъ 30 до 40 верстъ, и люди сильно устаютъ. Теперь я назначаю выступленіе въ 4 часа утра. Никакихъ газетъ по случаю порчи желѣзной дороги здѣсь не получается, и мы въ совершенной неизвѣстности, что дѣлается на театрѣ войны; вѣроятно, такъ будетъ до Галаца.

Мой поваръ ведетъ счетъ на франки и умудряется достать то, что нужно. Сегодня, напримѣръ: борщъ, свиныя котлеты и творогъ со сливками; это по моему заказу, и все досталъ, счетъ и сдачу представилъ левами, т. е. франками.

Наши офицеры, глядя на щеголей румынъ, стали одѣваться въ городахъ очень чисто; сегодня утромъ даже самые замарашки вытащили изъ походныхъ чемодановъ новое платье и гуляли по городу франтами.

Гор. Пропинешты. 22-го мая 1877 г.

Сегодня мы ночуемъ не по маршруту: оказалось, что деревняЛіешты въ 7-ми верстахъ отъ дороги, и мы остались въ Пропинештахъ — прекраснѣйшей мѣстности, какую можно себѣ вообразить. 180 дворовъ разбросаны на большомъ пространствѣ, среди сплошныхъ садовъ и роскошнѣйшей зелени виноградниковъ; каштановыя деревья громадныхъ размѣровъ, грецкіе орѣхи и черешня, которая недѣли черезъ двѣ совсѣмъ поспѣетъ. Отъ Бырлада идетъ вѣтвь желѣзной дороги до Текуча, и нашъ путь пролегаетъ близъ самыхъ рельсовъ, пересѣкая желѣзную дорогу нѣсколько разъ. Сейчасъ заѣзжалъ ко мнѣ Шемелевъ (полковой поставщикъ) и сказалъ, что въ Бырладѣ получены свѣдѣнія о томъ, будто бы въ Букарестѣ, съ пріѣздомъ туда 25-го мая государя императора, начнутся переговоры. Англія хлопочетъ кончить дѣло мирнымъ путемъ, при условіи выполненія Турціей нашихъ требованій въ 6-ти мѣсячный срокъ, съ уплатою военныхъ издержекъ, подъ гарантіей Англіи, а въ это время войска наши должны оставаться на этомъ берегу Дуная, въ видѣ обезпеченія въ исполненіи обязательствъ Турціи и какъ угроза на случай уклоненія турецкаго правительства отъ обязательствъ. Слухъ этотъ вчера еще

мнѣ передавалъ офицеръ 35-й дивизіи, говоря, что ихъ дивизія останется въ Букарестѣ. Справедливость этихъ извѣстій можетъ подтвердиться только въ Галацѣ. Можетъ быть и теперь есть уже въ русскихъ газетахъ что-нибудь по этому вопросу, но мы не знаемъ.

Провозглашеніе румынскаго князя королемъ едва-ли состоится, по несочувствію націи къ этому вопросу. Вообще здѣсь замѣчательно развита политическая свобода, и всѣ сужденія интеллигентныхъ лицъ говорятъ въ пользу ихъ развитія и самодѣятельности. Нѣкоторые безъ церемоніи говорятъ, что, ежели Россія хочетъ возвести нашего князя на степень короля, то пусть уступитъ намъ Бессарабію, а иначе королевство въ теперешнихъ размѣрахъ немыслимо и не имѣетъ средствъ содержать штатъ королевскаго двора.

Евреи, живущіе здѣсь въ большомъ числѣ, явно сочувствуютъ Турціи и сообщаютъ шифрованными депешами различныя свѣдѣнія о нашихъ войскахъ. По обнаруженіи этихъ продѣлокъ, говорятъ, запрещено отправлять шифрованныя депеши; особенно послѣ того, какъ узнали, что евреи телеграфировали о прибытіи въ извѣстный часъ поѣзда въ Браиловъ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, вслѣдствіе чего турки и открыли огонь по станціи желѣзной дороги; но поѣздъ опоздалъ на нѣсколько минутъ, и этимъ только предотвращено было несчастіе. О нашихъ, такъ сказать, домашнихъ дѣлахъ нечего говорить: офицеры очень довольны пріемомъ мѣстныхъ жителей и заводятъ мимолетныя знакомства, объясняясь частью невозможнымъ нарѣчіемъ, ими самими изобрѣтеннымъ, частью мимикой.

По случаю прохода нашей арміи, во всѣхъ городахъ появились русскія вывѣски, весьма забавныя, какъ, напр.: „золотникъ и серебреникъ“, „кабинетъ для размѣна монетъ“ и т. п. Вчера я видѣлъ румынскаго гусара, въ новой формѣ, карабинъ за плечомъ, на тощей лошаденкѣ, а за нею сзади жеребенокъ.

Гор. Текучъ. 23-го мая 1877 г.

Жара даетъ себя чувствовать, особенно при такихъ большихъ переходахъ, какіе мы дѣлаемъ. Сегодня выступили въ 4 часа утра и только въ $2^1/_2$ притащились на мѣсто.

Текучъ хорошій городъ, всѣ улицы шоссированы, садовъ масса, много лавокъ, есть щегольскіе дома. Здѣсь проходитъ желѣзная дорога и шоссе, по которому мы слѣдуемъ до самаго Галаца, осталось только три дня похода и одна дневка. По расчету отъ Каменца до Галаца мы сдѣлаемъ 700 верстъ, а по маршруту показано 520;—это для успокоенія, чтобы при началѣ не обезкураживать насъ.

Завтра здѣсь будетъ проѣздомъ государь нашъ: приготовленія уже

сдѣланы, станція желѣзной дороги убрана флагами и зеленью очень хорошо; но проѣздъ послѣдуетъ ночью, въ 1-мъ часу, и сомнительно, чтобы государь вышелъ изъ вагона.

Подобно Яссамъ здѣсь въ ресторанѣ, весьма незавидномъ, впрочемъ, играетъ музыка и одинъ изъ музыкантовъ поетъ, но далеко не такъ, какъ нашъ пѣвецъ въ Яссахъ, которымъ мы наслаждались. Замѣчательно, какъ здѣсь во всѣхъ даже маленькихъ городахъ развита общественная жизнь: по вечерамъ рестораны полны публики, на улицахъ сидятъ за столами и пьютъ пиво, довольно, впрочемъ, незавидное; извозчики всѣ въ колясках, чего не встрѣтишь у насъ даже въ губернскихъ городахъ. Замѣтно, однако, отсутствіе женщинъ и ни одного красиваго лица я не видѣлъ. Гор. Текучъ—солдаты называютъ „Текущій“. Лошади до того испортились, что многія не могли идти въ поводу, и я долженъ былъ продать почти даромъ: за 10 лошадей—55 руб.

На Дунаѣ, гор. Галацъ. 29-го мая 1877 г.

Галацъ на лѣвомъ берегу Дуная, большой торговый городъ, отличается множествомъ весьма изящныхъ магазиновъ, много хорошихъ зданій и гостиницъ, рестораны и кафе, вполнѣ роскошные, на каждомъ шагу; только мостовыя вродѣ московскихъ и портятъ впечатлѣніе. Пришли мы сюда въ 2 часа дня, выступивъ съ ночлега въ 3 часа утра. Жара страшная, 30°, окончательно истомляетъ. Здѣсь застали уже 18-ю дивизію (нашего корпуса), а бывшій тутъ 11-й корпусъ ушелъ къ Рущуку. Моему полку указано мѣсто бивуака на самомъ берегу Дуная у городскаго предмѣстья; прочія войска стоятъ въ полѣ, не доходя города. Располагаемся въ маленькихъ палаткахъ изъ непромокаемой парусины, по 6 человѣкъ въ каждой; на троихъ оберъ-офицеровъ и на 2-хъ штабъ-офицеровъ одна такая же палатка. Я нанялъ для себя деревенскій домикъ, близъ лагеря, изъ 2-хъ комнатъ съ кухней и маленькой прихожей, за 30 франковъ въ недѣлю, спокойно и удобно, хотя цѣна чрезвычайно высока по-здѣшнему.

Дунай разлился по правому берегу верстъ на 7: нѣсколько турецкихъ деревень залиты водой, а вдали виднѣются Балканскія горы, формой и величиной напоминающія Кавказскія. Сильное разлитіе Дуная задерживаетъ переправу нашу и еще не знаемъ, когда она состоится.

Стоимъ въ виду непріятеля, который, однако, ничего не дѣлаетъ: суда его ушли далеко, къ Мачину, и тамъ затерты нашими торпедами. На-дняхъ корпусный командиръ, ген. Циммерманъ, ѣздилъ на лодкѣ по Дунаю рекогносцировать правый берегъ, и съ турецкихъ постовъ, видныхъ отсюда въ бинокль, въ него стрѣляли. Было вы-

*

стрѣловъ до 20-ти, но всѣ мимо, хотя одно весло въ лодкѣ пробило пулею.

Когда мы были на дневкѣ въ Ивештѣ (два перехода отъ Галаца), то въ 10 часовъ утра проѣхалъ государь съ большою свитою; дорога пролегаетъ по самому мѣстечку, и я поставилъ полкъ шпалерами по обѣ стороны дороги. Съ приближеніемъ поѣзда люди кричали „ура“, музыка играла гимнъ, государь изъ окна привѣтливо кланялся. Наслѣдникъ тоже.

Во время проѣзда государя, по всей линіи желѣзной дороги были разставлены казаки и солдаты на небольшихъ разстояніяхъ, для охраны пути отъ порчи. Говорятъ, что недалеко отъ Берлада какой-то жидъ вечеромъ положилъ на рельсы камень, сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ лѣсъ; казакъ, замѣтивъ его, выстрѣлилъ въ догонку, ранилъ его, и когда тотъ свалился съ лошади, добѣжалъ до него и прокололъ пикою; за это получилъ сто рублей.

Изъ газетъ уже извѣстно о взрывѣ другаго монитора: это было сдѣлано истинно геройски: два морскихъ офицера, Шестаковъ и Дубасовъ, на двухъ лодкахъ, съ командами, отправились ночью, кажется 14-го мая, изъ Браилова къ турецкой флотиліи и, подойдя къ монитору, подвели мины, взорвавъ его моментально; но прежде чѣмъ они успѣли это сдѣлать, ихъ замѣтили турки и опросили, наши отвѣтили имъ по-турецки „свой“; но турки догадались, открывъ жестокую пальбу изъ всѣхъ судовъ, но благодаря Бога, дѣло кончилось такъ счастливо, что ни одинъ человѣкъ не раненъ: выстрѣлы летѣли поверхъ головы и попадали, въ темнотѣ, въ другія турецкія суда, изъ которыхъ люди бросались въ воду отъ паники и сюрприза: ночь была темная, дождливая, взрывъ и пальба навели ужасъ на весь Браиловъ, жители думали, что турки бомбардируютъ городъ, а наши герои возвратились невредимы.

Офицеры получили георгіевскіе кресты, представлялись здѣсь государю, который обнялъ ихъ и цѣловалъ. Взорванный броненосецъ второй по величинѣ послѣ перваго, взорваннаго гранатою.

Все время здѣсь стоитъ убійственная жара: въ комнатѣ, въ тѣни 20°. Офицерамъ разрѣшено, кромѣ кителей, носить рубашки бѣлыя и сѣрыя. Я заказалъ себѣ двѣ за 30 франковъ, съ косымъ воротомъ, съ боку карманъ; сегодня принесутъ ихъ и надѣну.

Гор. Браиловъ, 1-го іюня 1877 года.

Надѣялись простоять въ Галацѣ недѣлю или двѣ, какъ вдругъ приказано нашей бригадѣ выступить въ Браиловъ. Переходъ въ 50 верстъ, при 30° жары, былъ очень тяжелъ; но еще хуже бивуачное

мѣсто: голое, безъ воды (въ 2-хъ верстахъ отъ Дуная), пыль неимовѣрная! отъ города 3 версты, такъ что я, хотя и нанялъ себѣ комнату въ предмѣстьѣ, но по дальности отъ лагеря — перехожу туда и сегодня ставятъ мою палатку.

Накопленіе депешъ на станціяхъ ужасное, и никто изъ Россіи не получаетъ отвѣта; видно, что наши телеграммы не доходятъ. Послѣ завтра сюда переѣзжаетъ изъ Галаца корпусное отдѣленіе полевой почты и, вѣроятно, привезетъ письма: здѣсь же нѣтъ нашей почты до сихъ поръ, а за письмами надо посылать въ Галацъ.

У насъ дѣлаются приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай; о числѣ турокъ на противоположномъ берегу не знаемъ, но въ трубу видны войска и лошади. Вода стала сбывать значительно и есть секретныя свѣдѣнія, что переправу предпримемъ 4-го или 5-го. Главныя силы, при которыхъ государь, переправляются между Рущукомъ и Виддиномъ, а нашъ отрядъ нижне-дунайскій—здѣсь. Какъ-то Господь поможетъ намъ въ первомъ и весьма важномъ дѣйствіи.

Здѣсь, въ Браиловѣ, сохранились крѣпостные валы и рвы на большомъ протяженіи. Не далеко отъ нихъ, составляющихъ теперь городскую черту—нашъ бивуакъ и тутъ же большой садъ, въ которомъ на искусственномъ курганѣ поставленъ памятникъ русскимъ, при взятіи Браилова въ 1828 г. Памятникъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упало ядро, пущенное изъ крѣпости, около государя Николая Павловича, лично производившаго рекогносцировку.

Браиловъ большой городъ, съ хорошими строеніями, много садовъ, магазиновъ, но мостовыя отвратительныя: огромные булыжники раздѣляются одинъ отъ другаго значительными промежутками — и это мостовая.

Только день, какъ мы здѣсь стоимъ, но уже выходимъ изъ терпѣнія отъ всѣхъ неудобствъ, окружающихъ нашъ бивуакъ, и молимъ Бога о дождѣ, котораго не было со дня пріѣзда въ Яссы.

На томъ берегу Дуная, въ горахъ, должно быть не такъ жарко и пыльно. Солдаты вычерпали воду изъ всѣхъ ближайшихъ колодцевъ, а въ Дунаѣ вода мутная, желтоватая и очень непріятная по виду, вѣроятно, и вкусъ не лучше; я не пробовалъ и стараюсь избѣгать ее. Насъ отдѣляетъ отъ Дуная $^{3}/_{4}$ версты засѣяннаго поля, до самаго берега покрытаго мелкимъ лѣсомъ, такъ что рѣка не видна, а только горы праваго берега. Нашъ—сильно укрѣпленъ батареями, съ огромными осадными орудіями. Я видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ взорванъ первый мониторъ, на самомъ Дунаѣ, ближе къ правому берегу.

Бивуакъ нашъ (пять полковъ пѣхотныхъ и одинъ казачій, съ тремя батареями артиллеріи) представляютъ оригинальную картину:

масса лошадей, крикъ, ходьба за водою толпами, пѣсни солдатиковъ, все въ обстановкѣ, непривычной глазу, хотя и военному.

Браиловъ, 2-го іюня, 1877 г.

Новостей, кромѣ приготовленія средствъ къ переправѣ, нѣтъ никакихъ. Ожидаемъ приказанія со дня на день и хочется скорѣе выбраться изъ неудобнаго браиловскаго бивуака. Сегодня послѣ обѣда поднялся сильнѣйшій вѣтеръ, нагнавъ тучи, но дождя пока нѣтъ, а мы ждемъ его съ нетерпѣніемъ, хоть пыль убьетъ, невозможно дышать.

Браиловъ, 6-го іюня, 1877 г.

Третьяго дня нашъ корпусный командиръ, г. Циммерманъ, сдѣлалъ рекогносцировку праваго берега Дуная и пригласилъ меня и Маклакова (ком. Бородинскаго полка), такъ какъ Бородинскій, а затѣмъ мой полкъ—начнемъ переправу для овладѣнія Мачиномъ.

Часть пути, версты три, мы проѣхали на пароходѣ; потомъ, сѣвъ на лошадей и по плавнямъ, отправились далѣе; не доѣхали до Мачина верстъ 5-ть, все по водѣ; дорога залита и размыта, такъ что и признаковъ ея не осталось. Все время вода была по брюхо лошадямъ, а въ четырехъ мѣстахъ шли вплавь, такъ что вода заливала карманы брюкъ. Обратно такимъ же порядкомъ: промокли окончательно. Я, возвратясь, сейчасъ натерся спиртомъ, перемѣнилъ бѣлье и платье, и въ результатѣ оказалось все хорошо, какъ будто бы и не купался. Вчера пришли сюда бутырцы.

Когда дойдетъ это письмо, то мы будемъ уже на томъ берегу Дуная, куда переѣдемъ на лодкахъ и баржахъ къ самому Мачину; тамъ, говорятъ, очень мало турокъ, и едва-ли будетъ съ ихъ стороны упорное сопротивленіе. Начнетъ переправу Бородинскій, а за нимъ и мы; идемъ безъ ранцевъ, только съ сухарями. Обозъ и все прочее остается на этомъ берегу, и потомъ уже, по занятіи Мачина, когда утвердимся въ немъ, станемъ перевозить на баржахъ тяжести для дальнѣйшаго слѣдованія. Страшное, небывалое разлитіе Дуная тормозитъ наши предпріятія, иначе мы давно уже были бы за нимъ.

Живу въ палаткѣ очень большой, составленной изъ нѣсколькихъ малыхъ; обѣдъ готовится на керосиновой кухнѣ; каждый день кого-нибудь приглашаю и сыты. Здоровье до сихъ поръ въ самомъ лучшемъ состояніи.

Браиловъ, 7-го іюня, 1877 г.

Завтра или послѣ завтра — сюда ждутъ государя, будетъ смотръ намъ, и, какъ говорятъ, государь желаетъ присутствовать при пере-

правѣ нашей за Дунай, что было бы очень лестно для насъ и воодушевило бы войска, которыя тяготятся бездѣйствіемъ и неопредѣленностью времени перехода.

Не знаю почему, но я совершенно спокоенъ и жду этого дѣла безъ малѣйшаго смущенія, отдаваясь вполнѣ на волю Провидѣнія. M-me Мевесъ получила разрѣшеніе быть сестрою милосердія при нашемъ отрядѣ и немного успокоилась.

Въ городѣ я былъ только два раза по необходимости, сижу у себя въ палаткѣ и занимаюсь дѣломъ, котораго гибель: одна переписка увеличилась втрое противъ обыкновеннаго, по случаю новыхъ отчетностей и свѣдѣній въ штабы корпусный и арміи, а писать не на чемъ, столовъ въ походѣ нѣтъ и не полагается на бивуакѣ; пишутъ на доскахъ и какихъ-то обрубкахъ, почти лежа, потому что въ маленькихъ палаточкахъ можно только лежать, но не сидѣть.

Браиловъ, 12-го іюня, 1877 г.

Вполнѣ справедливо, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Все было расчитано и сдѣлано для того, чтобы главная роль въ форсированіи переправы досталась моему и Бородинскому полкамъ. Циммерманъ хотѣлъ непремѣнно доставить эту честь намъ; назначенъ былъ день и часъ (секретно), ночью съ 11-го на 12-е, сдѣланы всѣ распоряженія, отдано лично имъ приказаніе мнѣ и Маклакову и болѣе никому. Въ то же время, для поддержанія нашей атаки на Мачинъ должна была идти изъ Галаца бригада 18-й дивизіи: Рязанскій и Ряжскій полки, которымъ нужно было пройти Дунаемъ и затѣмъ по горамъ, вдвое больше нашего, и они должны были выступить днемъ ранѣе, чтобы подойти къ Мачину съ другой стороны, одновременно съ нами; со стороны отъ Галаца, кромѣ того ожидали самаго слабаго сопротивленія со стороны турокъ, а все должно было рѣшиться въ Мачинѣ, гдѣ у нихъ были сильныя батареи и 3 тыс. войска. Наши полки должны были, переправившись по наведенному черезъ Дунай мосту, идти далѣе до Мачина 12 верстъ вверхъ по теченію старымъ Дунаемъ, или однимъ изъ рукавовъ Дуная, разлившимся на большое пространство, почти вплоть до самаго Мачина, на лодкахъ и плотахъ съ пароходами, первымъ Бородинскій, за нимъ мой на тѣхъ же лодкахъ, по высадкѣ изъ нихъ бородинцевъ. Дѣло предстояло чрезвычайно трудное и рискованное: непріятель могъ стрѣлять изъ своихъ батарей по лодкамъ и плотамъ за три версты отъ Мачина, а затѣмъ пришлось бы высаживаться на твердую землю шагахъ въ 300—400 отъ города, тоже подъ огнемъ орудій и ружей почти въ упоръ.

Вдругъ утромъ, въ 3 часа, съ 10-го на 11-е слышимъ въ лагерѣ пушечную пальбу на томъ берегу, въ сторонѣ Галаца; пальба не прерывалась все время до 12-ти часовъ. Въ 8-мъ часу я поѣхалъ въ городъ, на пристани и батареи за собираніемъ свѣдѣній; взошелъ на обсерваціонный пунктъ: тамъ собрался генералитетъ, а корпусный командиръ, оказалось, ночью уѣхалъ въ Галацъ; смотрѣли мы въ трубу и бинокли: на турецкомъ берегу, явно, идетъ бой, залпы страшные, видны орудія, дымъ, части войскъ, бѣготня, суета; все это на разстояніи отъ насъ верстъ 12. Но никто не знаетъ кто дерется: нѣкоторые начали утверждать, что турки дѣлаютъ у себя ученье.

Вся набережная въ Браиловѣ и городской садъ, тоже на берегу Дуная, унизаны тысячами народа, съ биноклями, слѣдящаго за дѣломъ, но не знающаго въ чемъ суть. У насъ оканчиваютъ въ это время наводку моста противъ Браилова, собственно для насъ. Иду къ Акимову и узнаю, что дерутся наши; они ночью двинулись изъ Галаца на лодкахъ и плотахъ, какъ было предположено, и, пройдя плавни, стали приставать къ твердой землѣ у горы Буджакъ; но тутъ, сверхъ ожиданія, ихъ встрѣтили турки, стрѣляли по лодкамъ и затѣмъ при высадкѣ и началось дѣло, продолжавшееся 9-ть часовъ почти безъ перерыва, потому что наши полки могли подходить только частями, идя противъ теченія.

Отсюда мы видѣли, что турки подаются назадъ, къ Мачину. Результатомъ было: полное пораженіе турокъ, которые, не видя со стороны Браилова нашего движенія и думая, что вся масса нашихъ войскъ идетъ отъ Галаца, взяли изъ Мачина всѣ свои войска на подмогу къ тѣмъ, которыя были на Буджакѣ и послѣ пораженія были отброшены отъ Мачина на югъ за 35 верстъ. Вечеромъ изъ Мачина пріѣхали на лодкахъ болгары и сказали, что Мачинъ очищенъ отъ турецкихъ войскъ. Сейчасъ же двинулись туда команды нашихъ охотниковъ, по 30 отъ полка, и заняли Мачинъ, а нашъ дессантъ оказался уже лишнимъ. Вчера перевезенъ въ Мачинъ Бородинскій полкъ на пароходахъ и баржахъ, а завтра или послѣзавтра поѣдемъ и мы. Побѣдители: рязанцы и ряжцы, вступаютъ туда сегодня съ другой стороны. Ночью въ 3 часа съ 10-го на 11-е пріѣхалъ сюда государь, и, узнавъ на вокзалѣ о совершившейся переправѣ и занятіи Мачина, тотчасъ поѣхалъ далѣе въ Галацъ, гдѣ былъ еще и Циммерманъ, такъ какъ безъ него никто не могъ доложить государю о ходѣ дѣла подробно. Между тѣмъ ночью я получилъ приказаніе: въ 10 часовъ утра 11-го идти къ пристани для перевозки въ Мачинъ. Бородинцы выступили, мои собирались, снимали палатки, хлопотали полуодѣтые при укладкѣ, какъ вдругъ прибѣгаетъ офицеръ и говоритъ, что на лѣвомъ флангѣ бивуака великій князь. Я крикнулъ людямъ одѣться

и выстроиться передъ первымъ рядомъ снятыхъ уже палатокъ, безъ ружей. Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ къ полку государь, съ огромной свитой, наслѣдникъ, великій князь Владиміръ Александровичъ, Милютинъ, Суворовъ, Адлербергъ и проч. Государь верхомъ на своей бѣлой лошади, въ бѣломъ кителѣ, бѣлой фуражкѣ, длинныхъ сапогахъ. Мои офицеры стояли всѣ вмѣстѣ, я впереди ихъ.

Остановившись у офицеровъ, государь сказалъ: „здравствуйте, господа, здравствуйте!“ Мы поклонились; государь, обращаясь ко мнѣ (я стоялъ съ правой стороны, въ двухъ шагахъ отъ государя), сказалъ: „поздравляю со вчерашнею побѣдою; та бригада (рукою указалъ назадъ, къ сторонѣ Галаца) дралась прекрасно; надѣюсь, что и вы поддержите свою славу“. На это я сказалъ: „мы все сдѣлаемъ для славы вашего оружія“. Государь отвѣтилъ съ улыбкой: „я увѣренъ“. Тогда я продолжалъ: „намъ прискорбно, что мы не могли быть вчера въ числѣ первыхъ участниковъ, какъ надѣялись“. Государь поклонился привѣтливо. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, его величество остановился и опять говоритъ мнѣ: „сегодня я смотрѣлъ раненыхъ, всѣ такъ весело, привѣтливо смотрятъ, а тому, который первымъ вскочилъ, я самъ повѣсилъ Георгія“ (и показалъ при этомъ на свой Георгіевскій крестъ). Въ это время солдаты кричали „ура“, музыка играла гимнъ, государь былъ въ отличномъ настроеніи, улыбался привѣтливо, кланялся. Солдаты, конечно, въ восторгѣ. Проѣхавъ потомъ по Бутырскому полку, государь и вся свита сѣли въ экипажи и уѣхали. Въ коляскѣ съ его величествомъ сидѣлъ наслѣдникъ, великій князь Владиміръ Александровичъ и Циммерманъ. Тотчасъ по отъѣздѣ государя я повелъ полкъ на пристань; при насъ уѣхалъ послѣдній эшелонъ бородинцевъ въ Мачинъ. Когда пароходъ тронулся—публика стала кричать „ура“, махала платками и выказывала видимое сочувствіе намъ.

Прождавъ на пристани часа два, я получилъ записку отъ Акимова, что полкъ не будетъ сегодня перевезенъ и возвратился бы въ лагерь.

Черезъ два часа прискакалъ казакъ съ приказаніемъ вести полкъ на пристань; по тревогѣ собрались и тронулись; я поѣхалъ впередъ къ корпусному командиру, только-что возвратившемуся изъ Мачина, и получилъ приказаніе вернуть полкъ на бивуакъ, такъ какъ 12-го числа будетъ перевозиться въ Мачинъ бородинцамъ продовольствіе, ранцы и пр., а мой переѣздъ послѣ. Опять вернулъ полкъ съ половины дороги.

И такъ, нашъ корпусъ, предполагавшійся быть въ резервѣ, первымъ перешелъ Дунай; потери наши еще неизвѣстны точно: говорятъ, 100 раненыхъ, около 50 убитыхъ, въ томъ числѣ два офицера, а

ранено ихъ до 20. При высадкѣ турки стрѣляли залпами и дрались упорно все время. Слышно, что мы взяли у нихъ 4 орудія. Потери наши были бы менѣе, если бы можно было сразу подвести нашу артиллерію, а то она на плотахъ противъ теченія двигалась медленно и могла высадиться на берегъ только порядочно спустя послѣ пѣхоты, которая, по словамъ государя артиллеристамъ, „одна должна была нести тягость боя и вздохнула только съ приходомъ артиллеріи". Слышно, что, возвратясь изъ нашего лагеря, государь получилъ депешу о переправѣ у Никополя, гдѣ турками были устроены очень сильныя батареи и дѣло вышло кровопролитное. Получивъ эту телеграмму, государь тотчасъ же выѣхалъ обратно въ Плоэшти. Дай Богъ, чтобы и тамъ былъ полный успѣхъ!

Передъ нашей переправой, дня за три, нѣкоторые офицеры написали завѣщанія, положили ихъ въ денежный ящикъ для храненія на случай смерти, и вложили туда же свои лишнія деньги подъ мои квитанціи. Всѣ готовились къ смерти и если бы Богъ не направилъ дѣло такъ, какъ оно состоялось, то намъ и бородинцамъ пришлось бы лечь на половину, многіе и не достигли бы Мачина, будучи потоплены на лодкахъ и плотахъ выстрѣлами противника версты за 3 и болѣе, а тѣ, которые бы уцѣлѣли, то при высадкѣ ихъ ожидала бы не лучшая участь, подъ огнемъ чуть не въ упоръ, но Господь избавилъ насъ и направилъ все къ лучшему; теперь уже на твердой землѣ, съ достаточнымъ числомъ орудій, дѣло пойдетъ. Съ переходомъ нашимъ по ту сторону Дуная, отдѣленіе полевой почты при корпусномъ штабѣ постоянно, а мы около него и сообщеніе съ Браиловомъ уже въ нашихъ рукахъ!

9-го іюня у меня утонулъ фурштатъ съ лошадью изъ подъ денежнаго ящика, во время купанья лошадей, попалъ въ водоворотъ и погибъ въ Дунаѣ.

Гор. Браиловъ. 16-го іюня 1877 г.

Въ предыдущемъ письмѣ, № 5, я говорилъ, что на другой день перехожу въ Мачинъ; но это отложено на цѣлую недѣлю, такъ что только 17-го или 18-го я двинусь туда; большія задержки въ переправѣ обоза и лошадей; теперь еще только переправляютъ тяжести Рязанскаго и Ряжскаго полковъ, а потомъ уже я двинусь. Разливъ Дуная ужасный, вода выше ординара на 15 футовъ.

Въ газетахъ, издающихся въ Букарестѣ, вчера напечатано, что близъ Силистріи переправились еще 15 тысячъ нашихъ войскъ; такъ что почти на всѣхъ пунктахъ мы окончили одно изъ самыхъ трудныхъ предпріятій. Крѣпости, лежащія на пути нашего корпуса: Гирсово, Исакча, Тульча—очищены турками; войска ихъ отступили къ

югу, а жители, кромѣ христіанъ, бѣжали за ними; христіане остались на своихъ мѣстахъ. Въ занятыхъ городахъ и мѣстностяхъ вводится наше управленіе, для чего изъ главной квартиры присланы чиновники.

Только-что я пообѣдалъ, какъ отъ корпуснаго командира прискакалъ казакъ съ запискою, проситъ къ себѣ немедленно. Когда я явился, Циммерманъ говоритъ мнѣ: къ вамъ дѣло и очень важное: сообщеніе съ Мачиномъ до сихъ поръ не устроено, дорога работается чрезвычайно медленно, всѣ лѣнятся, инженеры тоже; возьмите это дѣло въ свои руки, берите весь вашъ полкъ, распоряжайтесь, указывайте; инженеры и саперы будутъ въ вашемъ распоряженіи, и во что бы ни стало дѣлайте дорогу скорѣе. Когда я возразилъ на это, что я не спеціалистъ, и никогда не занимался этимъ дѣломъ практически, а знакомъ съ нимъ по теоріи, то Циммерманъ сказалъ: вы и офицеръ генеральнаго штаба, и инженеръ, и артиллеристъ, безъ васъ это дѣло не устроится, я знаю васъ, мнѣ Ганъ говорилъ, что какое бы дѣло вамъ ни дать, вы его сдѣлаете, да я и самъ убѣдился въ этомъ, и я увѣренъ въ васъ, и разсказалъ при этомъ нѣкоторыя частности, замѣченныя имъ при работахъ.

Зная настойчивость Циммермана, хотя я и видѣлъ всю трудность возложеннаго на меня порученія, но долженъ былъ согласиться: время военное, разговаривать нельзя. Сейчасъ же поѣхалъ на правый берегъ Дуная осмотрѣть мѣстность и начатыя работы, переговорилъ съ инженерами, которыхъ утромъ Циммерманъ распекъ жесточайшимъ образомъ, условился съ ними въ подробностяхъ и вернулся въ лагерь дѣлать распоряженія. Завтра съ 5-ти часовъ утра начинаются работы исключительно моимъ полкомъ. Я назначилъ по 700 человѣкъ утромъ и послѣ обѣда. Дорогу нужно прокладывать въ камышахъ, по болотамъ и топи; гдѣ дѣлать гать, а гдѣ перекидывать мостки; на протяженіи 12-ти верстъ до Мачина ихъ будетъ не менѣе 10-ти. Самъ буду на работахъ и можетъ быть успѣю устроить что-нибудь. Вслѣдствіе всего этого полкъ мой не пойдетъ въ Мачинъ такъ скоро, какъ я ожидалъ, и офицеры рады, такъ какъ здѣсь привлекаютъ ихъ разные кафе-шантаны, пѣвицы, гулянье въ саду, музыка во всѣхъ гостиницахъ и т. п. Сегодня передавали мнѣ подробности посѣщенія государемъ раненыхъ въ Галацкомъ госпиталѣ. Государь подошелъ прежде къ поручику Ряжскаго полка, Эльснеру, ротному командиру, который первымъ вскочилъ на берегъ, подъ огнемъ непріятеля, благодарилъ его и подалъ ему руку. Эльснеръ, раненый въ ногу выше колѣна, съ чувствомъ припалъ къ рукѣ государя и сказалъ: „я исполнилъ только свой долгъ". Тогда государь сказалъ: „и я исполню свой", вынулъ изъ кармана Георгіевскій крестъ и далъ ему; при этомъ самъ

прослезился. Потомъ подходилъ ко всѣмъ солдатамъ и подробно разспрашивалъ каждаго; одинъ на вопросъ: какого полка? отвѣтилъ: а вотъ мой ротный командиръ и указалъ на Эльснера; другой съ большимъ оживленіемъ разсказывалъ, какъ онъ убилъ двухъ кавалеристовъ и кончилъ такъ: „вѣдь они басурмане, съ ними иначе нельзя!" Государь вынулъ изъ кармана всѣ деньги, какія у него были, и далъ ему; кромѣ того, приказалъ раздать деньги и прочимъ раненымъ, каждаго ласкалъ, гладилъ по головѣ, а самъ съ трудомъ удерживался отъ слезъ. Вотъ объ этихъ-то раненыхъ и о ихъ хорошемъ настроеніи государь и говорилъ мнѣ. Государь далъ золотой и раненому турку, взятому въ плѣнъ.

Говорятъ, что во время разсказа солдатикомъ подробностей о ходѣ сраженія и о томъ, какъ онъ убилъ двухъ кавалеристовъ, наслѣдникъ отъ души смѣялся и вся свита тоже. На стрѣлковыя роты, бывшія въ дѣлѣ долѣе прочихъ, дано по 5 Георгіевскихъ крестовъ, а на прочія по три. По свѣдѣніямъ здѣшнихъ газетъ турокъ было отъ 3—4 тысячъ въ дѣлѣ.

Въ то время, когда началось сраженіе со стороны Галаца, изъ Браилова былъ посланъ нашъ пароходъ подъ командою Дубасова, для того, чтобы высмотрѣть позицію въ Мачинѣ; это было въ 3 часа ночи; съ нашего парохода сдѣлали два выстрѣла изъ пушки, но такъ какъ разстояніе было очень большое, болѣе двухъ верстъ, то гранаты не долетали до турецкой батареи; оказалось на другой день, по занятіи Мачина, что осколками ранено два турка, не далеко отъ батареи: они лѣчатся здѣсь въ госпиталѣ. По пароходу же турки сдѣлали 22 выстрѣла и ни одинъ не попалъ, хотя гранаты перелетали далеко за пароходъ. Это мнѣ говорилъ самъ Дубасовъ и матросы, когда я утромъ былъ на пароходѣ.

Гор. Браиловъ, 20-го іюня 1877 года.

Въ предыдущемъ письмѣ я сказалъ о возложенномъ на меня порученіи по устройству дороги въ Мачинъ; это задержало меня въ Браиловѣ, и не ранѣе, какъ черезъ 5 дней я переберусь туда. Работа идетъ хорошо, хотя чрезвычайно трудно людямъ: по поясъ въ водѣ и въ болотѣ должны работать; рубятъ хворостъ, копаютъ землю, строятъ съ саперами мосты, которыхъ на каждой верстѣ по 3—4, длиною нѣкоторые до 30 саженъ, косятъ камышъ, величиною въ двѣ сажени, таскаютъ на себѣ все это; но за всѣмъ тѣмъ, работаютъ усердно и не ропщутъ. Циммерманъ каждый день бываетъ на работахъ и очень доволенъ. Сегодня утромъ, между прочимъ, говоритъ: „вашъ и Бородинскій полкъ самые лучшіе въ корпусѣ, я ихъ болѣе всѣхъ люблю; такъ я и докладывалъ государю; дай Богъ вамъ быть

въ хорошемъ дѣлѣ, отъ души желаю. Я выпросилъ у него, чтобы людямъ давать ежедневно по чаркѣ водки, и онъ далъ на это деньги, изъ экстраординарныхъ суммъ, въ день по 50 рублей. Вообще онъ очень хорошій человѣкъ—разумный, свѣдущій, не мелочной, но любитъ службу, порядокъ и требуетъ точной исполнительности; распекаетъ сильно, когда понадобится. За переправу нашу черезъ Дунай онъ уже получилъ Александра Невскаго.

На-дняхъ сдѣлана также переправа главныхъ силъ у Систова, между Рущукомъ и Никополемъ. Первою перешла 14-ая дивизія, Драгомірова, и онъ получилъ Георгія 3-й степени. Потери наши тамъ болѣе 1.000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Горная батарея, бывшая на баржѣ, въ которую попала турецкая граната, пошла ко дну со всѣми людьми и орудіями; турки дрались упорно, на пунктѣ переправы выставили 5 т. и много орудій, но были разбиты. Непокойчицкій получилъ Георгія на шею, великій князь главнокомандующій—Георгія 2-й степени, а его сынъ 4-й степени. Бо́льшихъ подробностей не знаемъ еще.

Измайловъ со своимъ казачьимъ полкомъ ходилъ на поиски въ Бабадачу изъ Мачина; нагналъ турокъ, гнавшихъ 4 т. головъ скота, отбилъ его, взялъ нѣсколько плѣнниковъ; были убитые и раненые, какъ у турокъ, такъ и у казаковъ, у послѣднихъ, кажется, 8 человѣкъ.

Нашъ корпусъ постепенно сосредоточивается въ Мачинѣ, а потомъ уже двинется всей массой къ югу; гдѣ встрѣтитъ непріятеля—не знаемъ: по близости, верстъ на 60, его не видно. Все время, съ 6 утра до 8 вечера, я на работахъ, пріѣзжаю въ первомъ часу только пообѣдать; для сближенія къ мѣсту работъ мой полкъ перемѣстили изъ общаго бивуака на противоположную сторону Браилова, къ Дунаю и мосту на немъ. Мостъ, длиною 540 саженъ, на плотахъ, весьма солидной работы, и по немъ я четыре раза въ день переѣзжаю на работы и обратно. Полкъ стоитъ лагеремъ въ городской чертѣ, на окраинѣ, и я нанялъ себѣ двѣ крошечныя комнаты, по франку въ день. Недалеко отъ меня живутъ Мевесы; она въ сестрахъ милосердія и когда ожидали дѣла у Мачина (мой и Бородинскій полки), то на правомъ берегу Дуная былъ устроенъ перевязочный пунктъ.

Княгиня Шаховская тоже здѣсь съ частью своего отряда, но я еще не видѣлъ ея.

Завтра надѣюсь окончить работы и послѣ завтра, вѣроятно, перейду въ Мачинъ, куда сосредоточивается весь корпусъ; долго ли тамъ простоимъ—не знаю.

Въ дѣйствующую армію наѣхала масса флигель-адъютантовъ и генераловъ свиты; все за отличіями; при нашемъ отрядѣ ихъ 4, въ

томъ числѣ сынъ Милютина и братъ Раевскаго, убитаго въ Сербіи. Нашъ корпусъ въ отдѣлѣ отъ арміи и едва-ли мы сойдемся гдѣ-нибудь съ нею; Добруджа составитъ, вѣроятно, отдѣльный театръ дѣйствій, и это было бы хорошо при Циммерманѣ. Многіе уже начинаютъ тяготиться настоящимъ порядкомъ вещей и спрашиваютъ другъ друга: скоро ли кончится война? Каждый по этому поводу дѣлаетъ свои заключенія, конечно, очень мало сходныя съ дѣйствительностью.

Здоровье мое, благодаря Бога, въ прекрасномъ состояніи; движеніе, чистый воздухъ и относительное спокойствіе тому причиною. Хотя дѣла много, но никто не суетитъ, не придирается къ мелочамъ, все идетъ своимъ чередомъ, и знаю, что несправедливыхъ придирокъ не встрѣчу; что будетъ далѣе, Богу извѣстно.

Тороплюсь дѣлать распоряженія по выступленію въ Мачинъ.

Гор. Мачинъ (Турція) 23-го іюня, 1877 г.

Въ 9 часовъ утра сегодня пришли мы въ Мачинъ, а въ 4 послѣ обѣда выступаемъ далѣе, ночевать будемъ въ 11 верстахъ отсюда, затѣмъ идемъ далѣе до г. Меджидіе, вся наша дивизія, безъ Московскаго полка, бригада казаковъ и артиллерія. Мачинъ—первый турецкій городъ на нашемъ пути, въ немъ остались только болгаре которые живутъ хорошо, есть дома съ большимъ комфортомъ устроенные; часть города разграблена турками, но теперь открылись уже лавки и можно достать всякую провизію, табакъ очень дешевъ и всѣ запасаются имъ. Послѣднюю ночь я провелъ на бивуакѣ, въ камышахъ подъ проливнымъ дождемъ, но палатка моя защищаетъ хорошо, хотя внизу, на землѣ, было не мало воды.

За нашимъ отрядомъ перебрался сюда какой-то трактирщикъ съ пѣвицами и музыкантами; я зашелъ сейчасъ выпить тамъ стаканъ кофе и слышу, что поютъ: „выхожу одинъ я на дорогу“, мнѣ такъ тяжело стало: знакомый мотивъ, такъ много мнѣ напоминающій, я слышу въ Турціи и при такой обстановкѣ, которая невольно заставляетъ примѣнить къ себѣ содержаніе романса.

На этомъ мѣстѣ я былъ прерванъ увѣдомленіемъ, что Циммерманъ нагналъ мой обозъ на дорогѣ, изображающей собою сплошное болото, поднялъ ужасный гвалтъ, разругалъ всѣхъ и тотчасъ самъ пріѣхалъ сюда; при встрѣчѣ со мною выразилъ неудовольствіе за видѣнное. Я объяснялъ ему невозможность чего-либо лучшаго, но онъ, когда разгорячится, а это съ нимъ бываетъ часто, не внимаетъ никакимъ доводамъ; ну, да дѣло обошлось.

Теперь за Дунаемъ становится весьма затруднительнымъ продо-

вольствовать людей и лошадей; товарищество почему-то не дѣйствуетъ именно тамъ, гдѣ ему нужно; такъ что мы положительно не знаемъ, что предпринять. Отсюда выступаемъ завтра и гдѣ остановимся—не знаемъ.

Хуже всего вообще, а въ особенности въ военное время, суетливость и горячность, всѣхъ сбиваетъ съ толку и всѣ теряютъ головы. Ну, да дѣлать нечего, нужно переносить, пока возможно, всѣ невзгоды настоящаго положенія, а тамъ, что Богъ дастъ.

Д. Джульгеръ (въ Добруджѣ), 28-го іюня, 1877 г.

Послѣ пятидневнаго марша мы остановились здѣсь на день или на два, самъ не знаю; кажется, что здѣсь подождемъ Московскаго полка и отставшаго лазарета и транспортовъ. Здѣсь стоятъ бутырцы, шесть батарей и двѣ казачьи сотни, а въ 8 верстахъ впереди насъ бородинцы, нѣсколько батарей и казачья дивизія. Шамшевъ назначенъ начальникомъ нашего отряда, дальнѣйшее слѣдованіе котораго на Меджидіе, на линіи желѣзной дороги Черноводы—Кюстенджи. Изъ Мачина мы шли съ четырьмя батареями и транспортомъ интендантскимъ, везущимъ сухари и крупу. Жара невыносимая, воды мало, исключительно въ колодцахъ, лѣсовъ нѣтъ и признака: изжарились окончательно, питаясь почти однимъ чаемъ, потому что отъ постоянной испарины и утомленія пропалъ аппетитъ. Ночевали одинъ разъ въ молдаванской деревнѣ, а прочіе дни въ турецкихъ разрушенныхъ деревняхъ. Турки, всѣ безъ исключенія, бѣжали, изъ своихъ деревень по пути нашего слѣдованія, забравъ съ собою все имущество, и во всѣхъ домахъ мы не нашли даже ни оконъ, ни дверей. Турецкія деревни очень похожи на малороссійскія: постройки такія же мазанки, изъ нѣсколькихъ комнатъ у болѣе богатыхъ. Снаружи и внутри выбѣлены и содержатся чисто. Кромѣ дома, есть при каждомъ хозяйствѣ конюшни, сараи, погреба и нерѣдко сады, преимущественно фруктовые; абрикосы я ѣлъ въ Мачинѣ прямо съ дерева. Поля засѣяны на огромномъ пространствѣ, преимущественно ячменемъ, менѣе пшеницей и овсомъ, но ржи нѣтъ нигдѣ. Птицы у всѣхъ было много, что видно по большему количеству перьевъ на всѣхъ дворахъ и садикахъ. Вообще обстановка турокъ отличается домовитостью, чистотою и довольствомъ. Вчера, только-что мы разобрались на бивуакѣ и я выбралъ себѣ одну изъ лучшихъ избъ, недалеко отъ мечети съ деревяннымъ минаретомъ, какъ поднялся пожаръ, а вскорѣ проливной дождь съ бурей. Мое помѣщеніе, хотя и полуразрушенное, оказалось весьма удобнымъ при такихъ условіяхъ; окна и двери завѣсилъ попонами и снаружи укрѣпилъ палками, чтобы не сорвалъ вѣтеръ, и

провелъ ночь удобно послѣ сильнѣйшей усталости подъ 30° зноемъ. Обѣдалъ у Мевесовъ, прибывшихъ сюда днемъ ранѣе; они остановились въ такомъ же домѣ и съ такими же приспособленіями; у меня и у нихъ по 3 комнаты, одну изъ коихъ въ моемъ жилищѣ занимаетъ мой лакей Петръ. Сегодня значительно холоднѣе, только 12° и день пасмурный, такъ что я, завернувшись въ теплое одѣяло, проспалъ до 9 часовъ, а въ предыдущіе дни вставалъ въ четыре. Изъ разсказовъ христіанъ, оставшихся въ своихъ деревняхъ, видно, что съ турками они жили хорошо, но только черкесы по временамъ обижали ихъ; обстановка христіанъ такъ же, какъ и турокъ, доказываетъ довольство и обиліе.

Теперь отступая изъ Мачина и другихъ городовъ, послѣ нашей переправы черезъ Дунай, турецкія войска по пути ограбили у христіанъ весь почти скотъ и все могущее идти въ пищу; у одного, напримѣръ, болгарина въ д. Сатуновой, по его словамъ, взяли 18 лошадей! Много ли въ Россіи найдется крестьянъ, у которыхъ лошади считались бы десятками? Въ трехъ христіанскихъ деревняхъ, черезъ которыя мы проходили, есть хорошія церкви, лучше чѣмъ въ Бессарабіи. Видно, что всѣ притѣсненія и гоненія были не въ этой мѣстности, а въ центрѣ Болгаріи, около Рущука и южнѣе.

Про ходъ военныхъ операцій мы не знаемъ почти ничего; слышали только, что войска наши заняли болгарскій городъ Тырново, древнюю столицу Болгаріи, и тамъ основалъ свою резиденцію князь Черкасскій, назначенный губернаторомъ Болгаріи, и вводитъ въ ней наше управленіе, которое сюда еще не проникло.

Идемъ по странѣ, гдѣ ничего нельзя достать; говядина только съ нами въ видѣ быковъ, я взялъ съ собой небольшой запасъ крупъ, а хлѣбъ кончился вчера и сегодня буду обѣдать съ сухарями, размачивая ихъ въ супѣ. Чай, котораго я никогда не жаловалъ, надоѣлъ теперь донельзя, такъ какъ за эти дни приходилось выпивать его по 10 стакановъ, спасаясь отъ жажды; вода не вездѣ хорошая и я очищаю ее квасцами; бѣлья мыть некому. Передъ выходомъ изъ Браилова заболѣлъ мой сѣрый конь, и я два дня мучился въ походѣ, ѣхавъ на подъемномъ; но теперь онъ поправился и служитъ мнѣ подмогой, потому что очень спокоенъ на ходу, а это весьма важно,— при жарѣ раскисаешь и утомляешься страшно, такъ что хорошій конь, съ плавнымъ ходомъ, большое удобство.

M-me Мевесъ испытываетъ всѣ неудобства походной боевой жизни, что̀ крайне стѣсняетъ ее, но до сихъ поръ еще ни разу не пришлось ночевать въ палаткѣ, а что будетъ, какъ необходимость заставитъ провести сутки или болѣе подъ проливнымъ дождемъ, въ грязи по колѣна?...

у Меджидіе, 1-го января 1878 г.

Выступленіе наше назначено на 4 января; идетъ весь корпусъ, только въ Черноводахъ и Кюстенджи остаются по одному баталіону до прихода полковъ 36-й дивизіи, которые уже въ пути.

д. Киркилисъ, 14 января 1878 г.

Давно не писалъ: походная обстановка и недостатокъ времени лишили меня возможности взяться за перо. Къ тому же думалъ написать уже по приходѣ въ Базарджикъ, когда немножко разберусь. Но этого долго ждать, и я пользуюсь свободной минутой, чтобъ дать вѣсть о моемъ положеніи.

Выступили мы 6-го января и послѣ четырехдневнаго похода, при порядочномъ морозѣ, 10-го подошли къ Базарджику въ разстояніи 10 верстъ, гдѣ и стоимъ до сихъ поръ, не зная, что дѣлать...

Штурмовать не рѣшаемся, а турки и египтяне, въ числѣ 15 т., сидятъ за укрѣпленіями и не уходятъ. Подходя къ настоящей стоянкѣ, 10-го числа, мы за нѣсколько верстъ слышали сильную пальбу: это было дѣло казаковъ съ непріятельскими войсками, выбитыми изъ той деревни, куда шла наша дивизія и гдѣ стоимъ теперь. Прійдя въ деревню, мы застали бой въ 2-хъ верстахъ впереди и не остановились на бивуакѣ, въ ожиданіи развязки дѣла. Тотчасъ потребовали одну батарею (ту, которая шла съ моимъ полкомъ отъ Каменца), затѣмъ повели Бородинскій полкъ, а черезъ часъ и мой. Я пришелъ и сталъ въ резервъ. Дѣло было только артиллерійское, гранаты падали шагахъ въ 20-ти отъ насъ, но, благодаря Бога, безвредно. Наша батарея сдѣлала 138 выстрѣловъ, а турецкая артиллерія была въ укрѣпленіи. Бородинцы, пришедшіе ранѣе насъ, выдвинулись впередъ и имѣли трехъ раненыхъ солдатъ и батальоннаго командира контуженнымъ въ голову. Мой полкъ простоялъ на полѣ сраженія около часу и когда уже совсѣмъ смерклосѣ, прекратилась пальба, и мы пришли на бивуакъ, гдѣ я расположился на окраинѣ деревни въ комнаткѣ, средней между конюшней и жильемъ; но радъ былъ и этому пріюту, такъ какъ съ 7-ми часовъ утра и до 8-ми часовъ вечера не слѣзалъ съ лошади и ноги почти окаменѣли; въ этотъ день была вьюга, а къ вечеру пошелъ дождь, и я повалился на кровать безъ памяти. На другой и на третій день была тревога, потому что турки выступали нѣсколько разъ изъ своихъ укрѣпленій впереди города, съ цѣлью сбить наши аванпосты.

Третьяго дня они завязали перестрѣлку, продолжавшуюся нѣсколько часовъ, съ казаками. Наконецъ, для обезпеченія былъ посланъ мой

полкъ съ батареей, для занятія одной высоты на линіи аванпостовъ. Какъ только наша батарея показалась на курганѣ, полетѣли къ намъ гранаты. 1-я стрѣлковая рота, бывшая въ цѣпи, около батареи, получила нѣсколько гранатъ, но безвредно; я былъ за батареей; проѣзжалъ къ правому флангу роты и двѣ гранаты упали въ нѣсколькихъ шагахъ, но зарылись въ землю, не разорвавшись; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ артиллеріи, при видѣ нашей пѣхоты—турки повернули назадъ и пошли въ свои укрѣпленія. Сегодня 1-я бригада нашей дивизіи и 1-я бригада 18-й дивизіи выступили для обхода Базарджика со стороны Варны, надѣясь этимъ заставить турокъ очистить городъ. Мы остаемся на мѣстѣ, и видно, что Циммерманъ самъ не знаетъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія: штурмовать рискованно, стоять въ виду непріятеля безъ дѣла нелѣпо; спрашивается, зачѣмъ же мы шли съ своихъ квартиръ и мучимъ людей въ морозъ и слякоть, безъ дровъ, при недостаткѣ воды и неимѣніи корма для лошадей. Занятіе Базарджика при теперешнемъ положеніи дѣлъ не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія на ходъ переговоровъ, а неудача скомпрометтируетъ насъ сильно. Циммерманъ не знаетъ, что начать, а отступать въ Меджидіе значило бы признать себя побѣжденными.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстія о перемиріи, потому что только оно развяжетъ нашъ узелъ.

Вчера мы всѣ здѣсь были поражены, узнавъ изъ газетъ о производствѣ 29-го декабря Маклакова въ генералы, *„за отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ“*. Это было въ то время, когда онъ, подобно всѣмъ намъ, сидѣлъ въ Меджидіе и проводилъ время въ своемъ трактирѣ. Вотъ до чего дошла теперь безсовѣстность въ служебномъ произволѣ и протекціонизмѣ, и стоитъ ли послѣ этого служить?!...

Всѣ возмущены до крайности и по этому поводу много разныхъ предположеній и догадокъ.

Походъ я сдѣлалъ болѣе удобно, чѣмъ ожидалъ; вездѣ приходилось ночевать въ теплыхъ избахъ, теплыхъ потому, что жители оставили ихъ передъ нашимъ приходомъ, не испортивъ печей, а только вынули окна; но мы на ночь занавѣшивали ихъ и было сносно.

Ежели мы простоимъ здѣсь еще нѣсколько дней, то мои запасы совсѣмъ истощатся; весь походъ на сухаряхъ,—это не бѣда, но далѣе, кромѣ говядины, ничего не будетъ, а я небольшой охотникъ до нея вообще, а тѣмъ болѣе продолжительное время, безъ перемѣны. Но по всему видно, что ранѣе прихода нашей арміи въ Константинополь перемирія не будетъ заключено, и намъ придется здѣсь томиться въ тревожномъ состояніи и неизвѣстности.

Базарджикъ, 20 января 1878 г.

Спѣшу увѣдомить, что здоровье мое, благодаря Бога, въ отличномъ состояніи; даже, какъ кажется, въ ранѣ не будетъ нагноенія, потому что каналъ ея затягивается, стѣнки сростаются. Теперь я чувствую боль только при движеніи ноги, но это боль мускульная, ни одинъ изъ сосудовъ не поврежденъ. Сегодня я уже сижу, надѣлъ халатъ и въ такомъ видѣ принимаю своихъ гостей, вниманіе которыхъ меня трогаетъ. Наши полковые стараются доставлять мнѣ всевозможныя удобства, улучшить мое питаніе, всѣ по нѣсколько разъ въ день приходятъ ко мнѣ, стараясь развлечь и выказать участіе и вниманіе.

Послѣ этого дѣла репутація Тарутинскаго полка сдѣлалась громкою, всѣ поздравляютъ нашихъ офицеровъ и говорятъ, что намъ принадлежитъ честь боя 14 января; и дѣйствительно, если бы мой полкъ оказалъ менѣе стойкости, дѣло приняло бы гибельный оборотъ для насъ. Турки и египтяне, въ числѣ 20 т. при 42 орудіяхъ (гораздо болѣе, чѣмъ мы думали), бросились главнымъ образомъ на мой полкъ, занимавшій правый флангъ позиціи и дорогу, по которой мы должны были отступать и гдѣ были всѣ обозы, артиллерійскіе парки и лазареты, не далѣе, какъ въ 4 верстахъ, и завязли въ непроходимой грязи; дрогни полкъ—и все погибло бы. Оказалось, что противъ 1-го батальона дѣйствовало 5 таборовъ, по 800 человѣкъ; здѣсь былъ самый упорный бой, жестокій перекрестный огонь, ружейный и артиллерійскій, и здѣсь же я и былъ раненъ. На всей остальной линіи былъ почти исключительно артиллерійскій бой и въ пѣхотѣ потерь нѣтъ; только въ Бутырскомъ полку, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, выбыло 8 человѣкъ ранеными. У меня, только благодаря хорошо принятому разсыпному строю, не было гораздо бо́льшихъ потерь; весь полкъ лежалъ и были разомкнуты ряды; отчего масса пуль и снарядовъ ложились въ промежутки между людьми, тогда какъ непріятель направлялъ особо огонь на резервы, думая, что они въ колоннахъ, такъ, какъ у него. Это построеніе и было для него гибелью, потому что въ колоннахъ наши пули и гранаты вырывали цѣлые ряды. 1-й баталіонъ стрѣлялъ на 500 шаговъ въ теченіе двухъ часовъ, а въ прочее время боя непріятель подходилъ на 300 шаговъ. Жители говорятъ, что потеря турокъ и египтянъ доходитъ до 2 т., что́ весьма вѣроятно, иначе они не бросили бы такихъ сильныхъ укрѣпленій, какъ здѣсь. Базарджикъ втрое болѣе Меджидіе, есть порядочные дома, очень много пустыхъ лавокъ. Войска наши стоятъ впереди города по дорогѣ къ Варнѣ и, вѣроятно, далѣе не пойдутъ. Бездорожье прекратило подвозъ продовольствія и фуража, даемъ по 1 ф. сухарей, лошадямъ нечего ѣсть.

*

Базарджикъ, 23 января 1878 г.

Я говорилъ, что нагноеніе въ моей ранѣ, кажется, не будетъ, но вчера оно появилось въ незначительной степени и ходъ заживанія раны очень успѣшенъ; я чувствую не очень сильную боль только при движеніи ноги и второй день сижу, а съ помощью палки могу пройти по комнатѣ; общее состояніе организма отличное, апетитъ хорошъ; думаю, что черезъ недѣлю или полторы буду въ состояніи ходить. У меня первоначально было намѣреніе уѣхать въ Меджидіе, а когда рана заживетъ—въ Москву. Но видя невозможность проѣхать 200 слишкомъ верстъ по теперешней дорогѣ, гдѣ пришлось бы сидѣть въ грязи можетъ быть цѣлую недѣлю и лишиться лошадей, я остановился на рѣшеніи долѣчиться здѣсь, въ Базарджикѣ.

Изъ оффиціальной телеграммы ужъ извѣстно о нашемъ дѣлѣ; но телеграмма была составлена поспѣшно, безъ необходимыхъ справокъ и вышла невѣрна и непослѣдовательна: сказано, что непріятель оставилъ на мѣстѣ болѣе 150 тѣлъ, тогда какъ противъ 1-го нашего баталіона, въ разстояніи 300 шаговъ отъ цѣпи лежали кучи, человѣкъ до 250, изъ которыхъ мои солдаты похоронили 80, а остальныхъ не успѣли; затѣмъ масса убитыхъ по всему протяженію фронта и въ укрѣпленіяхъ.

Вчера мнѣ говорили артиллеристы, осматривавшіе турецкіе госпитали, оставленные здѣсь, что раненые египетскіе и турецкіе офицеры, съ которыми они говорили черезъ переводчика, между прочимъ высказали, что наша артиллерія навела на нихъ панику, и полкъ, бывшій на правомъ нашемъ флангѣ (это нашъ), такъ стрѣлялъ, что почти каждая попавшая пуля валила на смерть; они спрашивали, какой это полкъ? Я сдѣлалъ представленіе о пожалованіи солдатамъ георгіевскихъ крестовъ: дадутъ, безъ сомнѣнія, но не знаю сколько. Скоро опять буду писать; почта ходитъ сюда верхомъ, привозитъ очень мало и я не имѣю давно писемъ.

Надѣюсь, что къ Георгію рота присудитъ Кашперова, который велъ себя прекрасно подъ сильнѣйшимъ огнемъ въ стрѣлковой цѣпи, гдѣ былъ самый сильный напоръ турокъ; а я представилъ его въ офицеры.

Базарджикъ, 28 января 1878 г.

Вчера пріѣхалъ сюда изъ Варны, начальникъ штаба принца Гассана, полковникъ генеральнаго штаба со свитою, для переговоровъ о перемиріи. Какъ самъ онъ, родомъ, какъ видно, изъ Галиціи, потому что говоритъ по-польски, такъ и его офицеры и солдаты, щеголи и молодцы; солдаты,—египетскіе драгуны, народъ видный, одѣты съ

иголочки, сапоги изъ лакированной кожи, бѣлые воротнички рубашекъ отворочены, накрахмалены, мундиры новые—тонкіе. По случаю дурныхъ дорогъ и ледохода на Дунаѣ, телеграмма Циммермана о взятіи Базарджика не была получена главнокомандующимъ при заключеніи перемирія, иначе мы выговорили бы себѣ Варну и имѣли бы отличное сообщеніе съ Россіей черезъ Одессу. Дороги здѣсь до того ужасны, что почты мы не имѣемъ совсѣмъ; телеграммы посылаемъ въ Меджидіе и получаемъ оттуда съ верховыми, которые ѣдутъ—три дня въ одинъ конецъ.

Мой полкъ выпустилъ 39.000 патроновъ въ бою 14 января, такъ какъ непріятель былъ противъ насъ втрое сильнѣе и стрѣлялъ гораздо чаще, то, вѣроятно, они послали намъ не менѣе 100.000 пуль и не знаю сколько гранатъ; можно судить, каковъ былъ огонь и какое впечатлѣніе онъ производилъ. Сейчасъ навѣщалъ меня корпусный командиръ, разспрашивалъ о здоровьѣ и сказалъ, что представилъ меня къ золотой саблѣ и къ чину генерала. Я благодарилъ его за заботу и вниманіе. Думаю, однако, что едва-ли выйдутъ двѣ награды—больно счастливо было бы!.. Здѣсь прервалъ меня Гололобовъ—принесъ разныхъ сладостей; право, мнѣ совѣстно, такъ внимательны ко мнѣ наши! Каждый несетъ что-нибудь, лишь бы угодить и показать участіе: папиросы, вино, табакъ, индѣйку и пр.

Базарджикъ, 5 февраля 1878 г.

Рана моя теперь на хорошемъ пути, хотя назадъ тому недѣлю были нехорошіе признаки. Костылевъ—знатокъ этого дѣла и самъ перевязываетъ мнѣ раны два раза въ день. Уже четвертая недѣля моей болѣзни и лежанья. дай Богъ, чтобы еще черезъ недѣлю я могъ начать двигаться. Позюмскій очень плохъ, едва-ли останется живъ; жаль бѣднаго очень; вѣдь пуля пробила грудь насквозь. Новостей здѣсь никакихъ, кромѣ того, что Силистрія и Рущукъ уже сданы намъ окончательно. Циммерманъ посылалъ въ Шумлу Швейковскаго и Гершельмана для переговоровъ и сдачи крѣпостей. Посланные возвратились вчера; были приняты комендантомъ Шумлы Фезли-пашой весьма любезно; за обѣдомъ очень хорошимъ, съ ними были еще три начальника дивизій турецкіе; всѣ очень милые и образованные люди. Фезли-паша предложилъ тостъ „за русскаго императора“; наши отвѣтили тостомъ за турецкаго султана; затѣмъ другой тостъ „за храбрую русскую армію“; отвѣтили такимъ же за турецкую. Паши откровенно говорили, что всему виною... англичане; они затѣяли эту войну и насъ втянули, а сами мы не воевали бы съ Россіей и т. п. Сервировка стола была роскошная, шампанскаго по горло; послѣ обѣда

паши сняли фески, надѣли пиджаки и отъ души дурачились съ нашими делегатами. Мое препровожденіе времени то же, что и прежде, съ тою разницею, что по вечерамъ собираются свои и, о, ужасъ! играемъ въ стуколку.

Базарджикъ населяется быстро, жители возвращаются, лавокъ открыто много, все есть. Аммерсъ, милѣйшій, притащилъ мнѣ цѣлую наволочку печеній, разныхъ сортовъ, очень хорошихъ, такъ что у меня обиліе всего. Мнѣ очень пріятно, что Жуковъ и Циммерманъ пропустили всѣ мои представленія о наградахъ; дай Богъ, чтобы ихъ не слишкомъ сократили. Теперь полкомъ командуетъ Рейнгардъ, хотя я и отдаю приказанія и подписываю болѣе важныя бумаги.

По подробной повѣркѣ, у насъ въ полку была потеря 204 человѣкъ, а не 162, какъ сосчитали сгоряча; нѣкоторые раненые уже умерли въ Меджидіе, многимъ ампутація ноги и руки. Теперь про нашего вѣрнаго полковаго друга „Жука": онъ живъ; 14-го побѣжалъ съ полкомъ на поле сраженія, оттуда прибѣжалъ на перевязочный пунктъ, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него разорвало гранату, но его не задѣло. Недавно приводили его ко мнѣ: похудѣлъ, должно быть отъ сильныхъ потрясеній. И такъ, онъ совершилъ съ полкомъ всю кампанію, былъ въ бою и этимъ запечатлѣлъ окончательно свою связь съ тарутинцами. Я приказалъ сдѣлать ему металлическій ошейникъ съ соотвѣтствующею надписью.

Генералъ-лейтенантъ Решидъ-паша, командовавшій всѣми войсками противъ насъ въ бою 14-го, вчера прислалъ къ Циммерману изъ Варны письмо и четыре турецкія лиры, прося его купить и выслать ему хорошаго русскаго чаю. Ему тотчасъ Циммерманъ послалъ 5 ф. самаго лучшаго чаю и деньги, разумѣется, возвратилъ, при письмѣ на французскомъ языкѣ.

Свѣдѣній о ходѣ переговоровъ не имѣемъ; частные слухи—какъ будто бы есть вѣроятіе, что миръ будетъ заключенъ до 1 марта, и войска сейчасъ же будутъ направлены въ Россію. Останется ли нашъ корпусъ на оккупацію—никто не знаетъ и не желаетъ, всѣ стремятся скорѣе домой, несмотря на нѣкоторыя выгоды здѣшняго расположенія.

Базарджикъ, 9 февраля 1878 г.

Въ газетахъ прочиталъ телеграммы: сначала Циммермановскую, посланную военному министру, и былъ нѣсколько озадаченъ пропускомъ той фразы, гдѣ сказано въ подлинной телеграммы: „здѣсь генералъ Нильсонъ и полковникъ Елецъ хорошо распорядились". Дойдя до № отъ 26 января, я былъ успокоенъ; его высочество въ своей телеграммѣ освѣтилъ дѣло гораздо выгоднѣе вообще, назвавъ

его „жаркимъ боемъ", а для меня въ особенности, поименовавъ „наиболѣе отличившимися ген. Нильсонъ и полк. Ельца съ Тарутинскимъ полкомъ"; послѣднее особенно пріятно для меня, такъ какъ мое имя связано съ полкомъ, что даетъ основаніе хлопотать о георгіевскихъ знаменахъ. Дохожу постепенно и до своей біографіи, сначала въ „Русскомъ Мірѣ" отъ 20-го, а потомъ, къ удивленію и въ „Голосѣ" отъ 20-го же. Въ первомъ кратко, во второмъ подробнѣе, съ маленькою ошибкою относительно времени моего назначенія въ Тарутинскій полкъ. Но я рѣшительно не могъ удержаться отъ смѣха, читая изображеніе моихъ подвиговъ на Кавказѣ и въ настоящую войну! Удивляюсь, откуда редакціи берутъ эти свѣдѣнія и чья дружеская, невѣдомая мнѣ рука такъ широко расписала мое геройство и подвиги?

Рана моя заживаетъ. Костылевъ говоритъ, что черезъ пять дней совсѣмъ заживетъ; дай Богъ! теперь я могу ступать на ногу, но чувствую боль въ мышцахъ при растяженіи ихъ, потому что каналъ раны не пришелъ еще въ нормальный видъ, и пустота, сдѣланная египетскою пулею, не заполнилась окончательно.

Посѣщенія отнимаютъ у меня почти все утро, до обѣда, и я сдѣлался положительно свѣтскимъ человѣкомъ, разсыпая любезности направо и налѣво. Находятъ, что я отлично выгляжу, лучше, чѣмъ до раны. На-дняхъ начальн. дивизіи прислалъ ко мнѣ адъютанта со спискомъ представленныхъ мною къ наградамъ, прося, чтобы я отмѣтилъ кого можно исключить; я сказалъ, что „никого изъ представленныхъ мною я не могу не только исключить какъ вполнѣ достойныхъ, а напротивъ, завтра представлю еще пять человѣкъ". Черезъ день по приказанію корпуснаго командира отъ меня потребовали представленія еще трехъ офицеровъ, что я и сдѣлалъ.

Базарджикъ, 28 февраля 1878 г.

Здѣсь у насъ появился тифъ: болѣютъ солдаты, умеръ офицеръ Московскаго полка. Мои раны заживаютъ, одна почти совсѣмъ, а другая капризничаетъ; хожу только по комнатѣ съ палкою, потому что движеніе раздражаетъ рану и вызываетъ воспаленіе.

И такъ, вотъ уже седьмая недѣля моего сидѣнья, а я думалъ, что потребуется на лѣченіе двѣ, много три, недѣли.

По многимъ даннымъ мы заключаемъ, что нашъ корпусъ останется на оккупаціи и займетъ Варну и Шумлу; многіе очень этимъ недовольны, всѣмъ хочется въ Россію—къ своимъ.

Въ Базарджикѣ осталась только наша дивизія и корпусный штабъ; всѣ прочія войска ушли на линію Черноводы-Кюстенджи; мой 3-й ба-

тальонъ на-дняхъ отправленъ въ Бальчикъ, на берегу моря, порядочный городъ; оттуда Гололобовъ прислалъ мнѣ двѣ очень хорошія фески, красную и малиновую, обѣщалъ прислать зелени, которая доставляется туда на пароходахъ изъ Константинополя: салатъ, редиска и т. п. Погода здѣсь весенняя, снѣгу давно уже нѣтъ, тепло, дни большею частью ясные, изрѣдка дожди.

Базарджикъ, 6 марта 1878 г.

Вчера я выѣхалъ въ первый разъ, былъ у Циммермана, благодарилъ его за вниманіе ко мнѣ во время болѣзни, затѣмъ у Жукова и др. На оккупацію остаются 4, 9 и 13 корпуса, а нашъ въ маѣ мѣсяцѣ будетъ перевезенъ моремъ изъ Варны въ Одессу; дальнѣйшее слѣдованіе неизвѣстно, но, вѣроятно, пѣшкомъ въ Москву. Наша дивизія вся, а можетъ быть одна бригада, черезъ недѣлю будетъ переведена въ Варну, по уходѣ оттуда нашихъ противниковъ египтянъ и турокъ; пойдетъ ли мой полкъ—не знаю еще.

Базарджикъ, 8 марта 1878 г.

Третьяго дня я попробовалъ въ первый разъ выѣхать изъ дому и хотя почти не ходилъ и раны были забинтованы, но къ вечеру 6-го одна рана открылась, пошла матерія и воспаленіе кругомъ на порядочное пространство. Опять усиленное лѣченіе и опять сидѣть неподвижно цѣлую недѣлю! досада невѣроятная. Болитъ кость, которая безъ сомнѣнія контужена. Вообще, по мнѣнію докторовъ, всякая рана, даже самая, повидимому, легкая, можетъ имѣть дурной исходъ, и трудно объяснить это. Моему солдатику пуля пробила мягкую часть ноги, на три вершка выше колѣна, пуля малаго калибра, гладкая рана, на которую при перевязкѣ не обратили вниманія, и вдругъ на третій день антоновъ огонь, а на 5-й умеръ; ни Костылевъ, никто другой объяснить этого не могутъ: „бываетъ", вотъ одинъ ихъ отвѣтъ. По прошествіи семи недѣль, изъ числа 142 раненыхъ моего полка возвратились только 16 и между ними трое такихъ, которыхъ я считалъ умершими, видя ихъ раны на полѣ сраженія: двое въ грудь, а одинъ въ голову, а съ менѣе серьезными ранами многіе еще лежатъ до сихъ поръ въ госпиталяхъ. Вотъ хоть бы Позюмскій—раненъ въ грудь насквозь, чего еще хуже, а между тѣмъ, если бы онъ былъ здороваго сложенія и не имѣлъ предрасположенія (наслѣдственнаго) къ чахоткѣ, то былъ бы уже на ногахъ. И теперь ему двѣ недѣли тому назадъ было настолько хорошо, что онъ ходилъ, а вчера пошла кровь горломъ и опять плохо.

Разсчитывать на какія-нибудь преимущества при вновь изданныхъ правилахъ о покровительствѣ комитета теперь немыслимо: для этого нужно, чтобы отъ человѣка осталась только одна половина—напр.: лишеніе обѣихъ ногъ или рукъ, одной ноги и одной руки, совершенная потеря зрѣнія, параличъ позвоночнаго столба и т. п. увѣчья только даютъ право на пособіе изъ инвалиднаго капитала. Позюмскій при своей ранѣ не имѣетъ права на пенсію, такъ какъ рана не подходитъ ни къ одному изъ 13-ти §§, да ежели бы и подходила, то получалъ бы 200 р. въ годъ.

Со вчерашняго утра здѣсь страшная мятель, какой я никогда не видѣлъ; занесло снѣгомъ, говорятъ, всѣ улицы по поясъ; буря продолжается и освященіе знаменъ, какъ я предполагалъ, не можетъ состояться; не знаю, выберу ли удобное время до моего отъѣзда; а ужъ такъ надоѣло сидѣть въ тюрьмѣ, просто до отчаянія: въ окно моей комнаты виденъ только дворикъ, обнесенный каменною стѣною, какъ во всѣхъ турецкихъ домахъ—острогъ да и только. Костылевъ съ батальономъ въ Бальчикѣ, 2-й батальонъ выступилъ за 20 верстъ отсюда по деревнямъ на демаркаціонную линію и полкъ разбрелся. Хочу ѣхать на Браиловъ, Яссы и Черновицы.

Базарджикъ, 11 марта 1878 г.

Сегодня ровно 8 недѣль моей ранѣ, а перевязку снять еще нельзя. Вчера прислали мнѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, гдѣ помѣщена статья, довольно большая, съ описаніемъ боя 14-го января. Статья довольно правдивая, исключая нѣкоторыхъ пропущенныхъ деталей и потери турокъ. Сказано, что она простирается „приблизительно до 1000“, въ дѣйствительности гораздо болѣе, такъ какъ мои уложили не менѣе 600—700, а сколько артиллерія?! Въ газетѣ „La Turquie“, издаваемой въ Константинополѣ и получаемой здѣсь, я читалъ, уже двѣ недѣли тому назадъ, о наградахъ туркамъ и египетскимъ войскамъ, за дѣло подъ Базарджикомъ (гдѣ они были побиты), а мы, побѣдители, еще неизвѣстно, когда дождемся наградъ.

Въ числѣ произведенныхъ двое турокъ и одинъ египтянинъ, командиръ 2-го гвардейскаго египетскаго полка—въ паши. Выходитъ, что тарутинцы посчитались съ египетскою гвардіей, и надѣюсь, что оставили въ ней хорошее о себѣ воспоминаніе. Ихъ бригадный паша, Захарій, убитъ около знаменитаго кургана моимъ 1-мъ батальономъ, ведя противъ насъ третью атаку, такую же безуспѣшную, какъ и всѣ предыдущія и послѣдующія; его лошадь караковая, арабская, долго бѣгала между нашею цѣпью и своею, и, несмотря на ужасный

огонь, точно барабанная дробь, не была задѣта, а потомъ уже при отступленіи египтянъ, и она побѣжала за ними.

Мой сѣрый конь здравствуетъ; въ бою я не былъ на немъ, потому что передъ этимъ въ походѣ онъ простудился и кашлялъ; вороной же стоялъ, какъ вкопанный и только, когда его ранили, понесъ меня, закусивъ удила, до первой гранаты, разорвавшейся предъ его носомъ.

Яссы, 25-го марта 1878 г.

Ночью съ 24-го на 25-е я пріѣхалъ въ Яссы, послѣ трехдневнаго непрерывнаго почти путешествія изъ Базарджика; а потому и рѣшилъ здѣсь отдохнуть. Кромѣ того, для поѣздки черезъ Галицію нужно статское платье, которымъ я и запасусь здѣсь.

Наши дорогіе тарутинцы устроили мнѣ самые задушевные проводы. Къ часу моего отъѣзда собрались ко мнѣ на квартиру и привели музыку; явилось, конечно, и шампанское; я думалъ, что этимъ, какъ водится, дѣло ограничится, но они придумали нѣчто оригинальное въ своемъ родѣ и почти единственное. Пользуясь близостью отъ Базарджика поля сраженія, они рѣшили, еще ранѣе, тамъ устроить настоящіе проводы, и пока я собирался, чтобы выйти изъ дому, они, простившись со мною, отправили на повозкахъ впередъ музыку и закуску, а сами просили позволенія проводить меня по городу. Такимъ образомъ я, сопровождаемый кортежемъ конныхъ и въ телѣгахъ, двинулся изъ Базарджика, и, проѣхавъ 7 верстъ, былъ своротенъ съ дороги въ сторону, на то мѣсто, гдѣ происходилъ бой. Тамъ была уже музыка, и на коврѣ, разостланномъ близъ того именно мѣста, гдѣ я былъ раненъ, устроенъ завтракъ. Много было тостовъ, говорились даже спичи и въ такомъ лестномъ для меня духѣ, что я и не могъ даже ожидать. Я уже на пути; сидя въ Базарджикѣ, мнѣ не вѣрилось, что я могу когда-нибудь выѣхать оттуда свободнымъ человѣкомъ; да и теперь еще я не совсѣмъ опомнился: ѣду одинъ безъ всякихъ служебныхъ заботъ, и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ было столько передумано и перечувствовано въ теченіе чуть не цѣлаго года!

Много можно было бы разсказать подробностей о моихъ проводахъ тарутинцами, но всего не опишешь, дополню послѣ на словахъ.

С.-Петербургъ, 9-го апрѣля 1878 г.

Сію минуту изъ дворца, государь былъ очень милостивъ, подробно разспрашивалъ о моей ранѣ, подалъ руку и поцѣловалъ меня въ голову.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1878 г.

Сегодня видѣлъ подлинный докладъ о моемъ производствѣ, съ резолюціей государя; противъ моей фамиліи слѣдуетъ отчетливо карандашемъ: „согласенъ, и въ бригадные командиры“. Съ производствомъ я назначаюсь въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующей арміи по его ходатайству.

С.-Петербургъ, 2-го мая 1878 г.

Наконецъ, сегодня въ 11 часовъ утра, я представлялся его высочеству фельдмаршалу! Принялъ онъ меня такъ ласково, такъ любезно, что я не могъ даже вообразить себѣ что-нибудь подобное; расхваливалъ Тарутинскій полкъ и меня, говорилъ любезности, въ теченіе разговора три раза цѣловалъ меня и сказалъ, что награда полку *будетъ!* Выразилъ удивленіе, что Тарутинскій полкъ не имѣетъ георгіевскихъ знаменъ, сказавъ: „какъ, тарутинцы (удареніе на этомъ словѣ) не имѣютъ георгіевскихъ знаменъ?! Это не можетъ быть! а за Севастополь?“...

Ю. Елецъ.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

IV [1]).

Мои работы въ Казани.—Утвержденіе университета въ Томскѣ.—Проекты Бруни и Жибера.—Пріобрѣтеніе книгъ для университетской библіотеки.—Пожертвованія графовъ Строгановыхъ.—Мой выѣздъ въ Сибирь.—Замѣчательная сдѣлка между двумя архитекторами.—Устраненіе Бруни.—Выходъ графа Толстого въ отставку.—Ядринцевъ и сибирская пресса.

Съ переселеніемъ въ Казань (10 февраля) для меня началась другая жизнь, съ иными занятіями, интересами и отношеніями. Городъ и университетъ приняли меня весьма ласково. Послѣ 25 лѣтъ столичной жизни (считая со времени студенчества) тихая провинція пахнула на меня живой струей и яркаго солнечнаго свѣта, и душевнаго спокойствія. Какъ нарочно, въ годъ нашего переселенія въ Казани была не обычно ранняя и чудная весна: въ началѣ марта ѣздили уже на колесахъ, а въ день Благовѣщенія (25-го марта) мы гуляли въ лѣтнихъ костюмахъ и любовались величественнымъ разливомъ Волги. Но не одна природа и условія жизни подѣйствовали благотворно на мое здоровье [2]) и бодрое настроеніе духа. Гораздо важнѣе было то, что я здѣсь отрѣшился отъ безконечныхъ коммиссій и сухихъ канцелярскихъ дѣлъ, принадлежалъ только самому себѣ и своей каѳедрѣ, могъ заняться своимъ дѣломъ по личному усмотрѣнію. Лекціи и клиника меня не обременяли; частная практика, не менѣе прибыльная, чѣмъ въ Пе-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1906 г.

[2]) Въ послѣдніе годы въ Петербургѣ я страдалъ упорными мигренями и частымъ головокруженіемъ, что̀ приписывалъ чрезмѣрному утомленію и высокимъ лѣстницамъ петербургскихъ квартиръ. Занимаясь частной практикой, мнѣ приходилось ежедневно дѣлать по 10—15 визитовъ, не считая служебныхъ и вечернихъ занятій.

тербургѣ не была слишкомъ утомительна по отсутствію въ городѣ большихъ разстояній и многоэтажныхъ домовъ. Съ половины мая начинались университетскія каникулы, и до сентября я могъ считать себя совершенно свободнымъ.

Первымъ каникулярнымъ временемъ я воспользовался для того, чтобы попытать свои силы въ сочиненіи руководства по народной медицинѣ, по программѣ, предложенной ученымъ комитетомъ въ 1876 году на конкурсъ для премій императора Петра Великаго. Тема была предложена срокомъ на одинъ годъ, но по истеченіи этого срока не было представлено ни одного сочиненія, почему конкурсъ былъ продолженъ еще на годъ. Будучи въ то время членомъ ученаго комитета и принимая живое участіе въ осуществленіи этого, мнѣ казалось, весьма полезнаго дѣла, я имѣлъ основаніе опасаться по неудачѣ перваго конкурса, что и второй его срокъ можетъ остаться безъ результата. Поэтому я рѣшился самъ попробовать свои силы для осуществленія данной задачи, послѣ того, когда я, переселившись въ Казань, могъ выступить съ своимъ сочиненіемъ какъ постороннее комитету лицо. Этотъ трудъ былъ начатъ мною въ маѣ 1878 года; въ октябрѣ того же года онъ уже былъ представленъ въ ученый комитетъ, согласно условіямъ конкурса, анонимно подъ девизомъ въ запечатанномъ конвертѣ. Рукопись подъ заглавіемъ: „Домашняя медицина, Лѣчебникъ для народнаго употребленія"—была разсмотрѣна особою коммиссіею ученыхъ спеціалистовъ и была удостоена премія [1]).

Въ 1881 году въ Казани же было мною задумано и выполнено изданіе замѣчательной рукописи Н. Н. Бантыша-Каменскаго подъ заглавіемъ: „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ (изданіе въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири, съ предисловіемъ и прибавленіями издателя. Казань, 1882 г., 565 страницъ in 8⁰).

Въ 1882 году мною составленъ и напечатанъ „Курсъ акушерства". Лекціи, читанныя въ императорскомъ Казанскомъ университетѣ (397 стр., какъ продолженіе первыхъ двухъ выпусковъ гинекологіи, изданныхъ въ Петербургѣ въ 1869 и 1870 г., когда я былъ профессоромъ академіи). Не перечисляя другихъ мелкихъ журнальныхъ и газетныхъ статей, по однимъ названнымъ изданіямъ трехъ довольно объемистыхъ томовъ можно судить о моей казанской жизни. Я здѣсь имѣю въ виду не качество трудовъ, о чемъ не мнѣ судить, я хочу лишь показать, на чтó употреблялись досуги въ Петербургѣ и въ Казани. Если бы

---

[1]) Первое изданіе домашней медицины было напечатано мною въ Казани въ 1880 году (875 страницъ in 8⁰); второе изданіе въ 1884 г., третье въ 1887 г., четвертое, въ 1890 г., пятое, въ 1892 г., шестое, въ 1894 г., каждое по 2.000 экземпляровъ.

можно было сравнить количество исписанныхъ мною листовъ за трехлѣтній петербургскій періодъ (съ 1875 по 1878 г.), то перевѣсъ оказался бы на первомъ изъ нихъ. Но отъ петербургской дѣятельности не осталось почти никакого слѣда. Это были канцелярскія донесенія, представленія, соображенія, планы и проекты, большею частію безличные, неосуществленные и никому не нужные [1]).

Устроившись въ Казани, я надѣялся, что вопросъ о Сибирскомъ университетѣ пойдетъ помимо меня, своимъ чередомъ, не торопясь. Время отъ времени я получалъ изъ Петербурга частныя свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла. Между прочимъ, князь А. Пр. Ширинскій-Шихматовъ писалъ мнѣ отъ 12 апрѣля 1878 г.: „Сообщаю вамъ о положеніи дѣла по Сибирскому университету. Чрезъ общее собраніе (госуд. совѣта) дѣло еще не прошло, но въ департаментахъ его рѣшили по-нашему. Министерству предоставлено будетъ представить свои соображенія и планы о предполагаемыхъ постройкахъ. О денежномъ вопросѣ до тѣхъ поръ и рѣчи не будетъ, если еще не сядетъ намъ на шею новая война, а если это будетъ, то конечно, дѣло отложатъ на неопредѣленное время. Хорошо вы сдѣлали, Василій Марковичъ, что стали опять на путь пенсіонный. Будущаго, конечно, никто предвидѣть не можетъ. Тяжкое мы переживаемъ время: война на носу и это всѣмъ извѣстно, а насъ истощаютъ и сосутъ нашу кровь безъ боли“.

Въ маѣ мѣсяцѣ я встрѣтился съ Казнаковымъ въ Казани, когда онъ возвращался изъ Петербурга въ Омскъ. Отъ него перваго я узналъ, что нашъ проектъ о назначеніи Томска мѣстомъ для Сибирскаго университета былъ принятъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта единогласно. Объ Омскѣ не было и рѣчи. Передавая это, Николай Геннадіевичъ какъ бы выражалъ полное сочувствіе такому обороту дѣла, хотя я зналъ очень хорошо, что это противорѣчило его взглядамъ. Въ скоромъ времени я прочиталъ и высочайшее повелѣніе отъ 16 мая 1878 г., въ которомъ было указано:

1) „Разрѣшить учрежденіе императорскаго Сибирскаго университета въ г. Томскѣ съ четырьмя факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ.

и 2) „Предоставить министру народнаго просвѣщенія нынѣ же заняться предварительными распоряженіями по устройству Сибирскаго университета съ тѣмъ, чтобы по составленіи и утвержденіи въ установленномъ порядкѣ техническихъ смѣтъ и чертежей на постройку зданій университета и факультетскихъ приономъ клиникъ, онъ, ми-

---

[1]) Особенно много было письма по пересмотру университетскаго устава, но все это осталось балластомъ въ моемъ портфелѣ, или затерялось въ архивныхъ грудахъ министерства.

нистръ: 1) немедленно приступилъ къ выполненію строительныхъ работъ, на счетъ, какъ имѣющагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, такъ и могущихъ впредь поступить суммъ частныхъ пожертвованій и 2) вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о требующихся на сіе дѣло расходахъ изъ казны, а затѣмъ, въ свое время внесъ прочія соображенія, съ тѣми въ нихъ измѣненіями, необходимость коихъ въ ту пору выяснится" [1]).

О дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ по Сибирскому университету послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга въ Казань удобнѣе всего видѣть по письмамъ, полученнымъ мною отъ лицъ, близко стоящихъ къ этому вопросу. Поэтому я считаю не излишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ сохраняющейся у меня переписки преимущественно съ кн. А. Пр. Шихматовымъ. Отъ 16 августа 1878 г. онъ сообщаетъ: „По вашему будущему университету ничего хорошаго еще нѣтъ. Въ м-вѣ внутр. дѣлъ для разсмотрѣнія плановъ, засѣдала новая коммиссія, вмѣсто вашей,—Бруни, Менделѣевъ и Фаминцынъ. Споры и пререканья дошли до крупной ссоры. Я просилъ сообщать мнѣ, по крайней мѣрѣ, суть дѣла, но за многими обѣщаніями ничего не получилъ и о судьбѣ проекта и о различныхъ мнѣніяхъ, встрѣтившихся тамъ, оффиціально никакихъ свѣдѣній не доходитъ пока до меня. Словомъ, полное бездѣйствіе тормозитъ и наши начинанія. Потерпѣть надобно...

„Начинается сборъ учащихся. Болитъ и ноетъ душа, распечатывая отъ попечителя конвертъ „секретно". Все думается, все ли благополучно? Съ такимъ же чувствомъ распечатывалъ я на-дняхъ бумагу съ этою подписью отъ м-ра внутр. дѣлъ. Оказалось, что... не благополучно! Отправили на заключеніе казанскаго попечителя. Думаю, что всему причиной случайное и внезапное нездоровье ректора (Осокина), иначе и объяснить себѣ этого не умѣю. Возможно ли такое безобразіе!" [2]).

Въ другомъ письмѣ отъ 10 апр. 1878 г. кн. Александръ Прохоровичъ пишетъ: „Рѣшительно не везетъ дѣлу постройки Сибирскаго университета! Глубокоуважаемый Василій Марковичъ! Несмотря на всѣ мои хлопоты и настоянія, чтобы мнѣ сказали, хотя кратко, въ чемъ заключаются недостатки проекта Бруни,—до сей минуты отвѣта нѣтъ (изъ м-ва вн. д.). Самъ Бруни сначала жаловался на неспра-

---

[1]) Частныхъ пожертвованій на постройку университетскихъ зданій въ это время имѣлось въ распоряженіи министерства около 300 т. руб., именно: капиталъ Демидова 160 т., Цибульскаго 100 т., Трапезникова 10 т. и обѣщано Томской городской думой 25 т. руб.

[2]) Это было личное, довольно скандальное приключеніе съ ректоромъ Евгр. Гр. Осокинымъ.

ведливость къ нему, теперь и носу не кажетъ ко мнѣ и никакихъ свѣдѣній не доставляетъ. Частно мнѣ сообщаютъ, что онъ положительно разбитъ и что ему указаны ошибки такія серьезныя, что ему нельзя и возразить противъ мнѣнія коммиссіи (въ техн. строит. комитетѣ м. в. д.), которая сама начинаетъ готовить новый проектъ. Можетъ быть, все это вздоръ и сплетня, но у меня невольно залегло недовѣріе къ Бруни, если не къ его знанію, то къ его равнодушію. Съ понедѣльника вступитъ въ должность М. Е. Брадке, бывшій предсѣдатель нашей коммиссіи (по выработкѣ плановъ). Передамъ ему мои сомнѣнія. Пусть онъ лично объяснится въ коммиссіи, авось, узнаемъ что-нибудь навѣрное. Генералъ Казнаковъ тоже пока отмалчивается и не даетъ никакого заключенія (по нѣкоторымъ вновь возбужденнымъ строительнымъ вопросамъ или точнѣе справкамъ). Чуть это дѣло проявитъ признаки жизни, я васъ увѣдомлю, и свѣдѣнія отъ васъ полученныя пущу въ ходъ при надобности".

Письмо князя Александра Прохоровича отъ 14 окт. 1878 г.: „Наконецъ-то министерство внутреннихъ дѣлъ прислало свои замѣчанія. Архитектору Бруни предложено сообразно имъ исправить планъ и истребовать изъ Томска по телеграфу нужныя для этого свѣдѣнія (планъ отведенной земли и справочныя цѣны). Вотъ и все. Болѣе и сказать нечего по этому вопросу. По будущему вашему университету получено 100 т. руб. отъ Сибирякова. Государь императоръ изволилъ приказать благодарить его и представить къ наградѣ".

Отъ М. Е. Брадке я получилъ извѣщеніе, что архитектору Бруни, кромѣ исправленія плановъ, предложено составить, кромѣ того, проектъ факультетскихъ клиникъ. По изготовленіи его, онъ отправленъ былъ въ медицинскую академію для просмотра и тамъ забракованъ. А такъ какъ Бруни не соглашался перечертить всѣ планы, то въ министерствѣ рѣшено поручить академику архитектуры Жиберу составленіе новыхъ проектовъ построекъ Сибирскаго университета, съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ въ 3.000 руб. изъ строительнаго капитала. Бруни заплачено столько же, по условію.

Письмо кн. Ал. Прох. отъ 30-го октября 1878 г.:

„Спѣшу отвѣтить вашему превосходительству на оба ваши любезныя письма и сказать нѣсколько словъ о вашемъ нарождающемся, но не народившемся еще чадѣ. Я говорилъ съ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ (Толстымъ) о предположеніи вашемъ исходатайствовать у его высочества разрѣшеніе поощрить жертвователей на Сибирскій университетъ внесеніемъ ихъ именъ на памятныя мраморныя доски и постановкою портретовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ университетскомъ залѣ. Графъ не слыхалъ отъ васъ объ этомъ предположеніи въ бытность вашу здѣсь, но вполнѣ сочувствуетъ вашей мысли. Отъ имени

его я прошу васъ, искренне уважаемый Василій Марковичъ, составить докладную записку, въ которой изложите всѣ мотивы, подкрѣпляющіе ожидаемую отъ сего пользу, и ваше предположеніе о раздѣленіи жертвователей по категоріямъ—какой категоріи что вы предполагаете присвоить, какое изъ вышеназванныхъ правъ. Графъ на основаніи вашей записки войдетъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Записку эту будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать. Угодно будетъ вамъ прислать ее на мое имя, я представлю ее графу и сообщу вамъ о послѣдствіяхъ. По ходу дѣлъ о постройкѣ ничего нѣтъ новаго. Бруни, говорятъ, переправляетъ планы. Еще новое пожертвованіе сдѣлано на Сибирскій университетъ, 10 тыс. руб., и это пригодится; а Сибиряковскіе 100 тыс. руб. нельзя употребить на постройку: они назначены собственно на снабженіе университета учебными пособіями".

Письмо кн. Ал. Прох. отъ 27-го декабря 1878 г.:

„Съ наступившими праздниками и близкимъ новымъ годомъ поздравляю васъ, искренне уважаемый Василій Марковичъ, и шлю вамъ съ семействомъ вашимъ лучшія желанія свои! Конецъ года, самая горячая пора разрѣшеній, перечисленій и тому подобнаго рода счетныхъ работъ, составляющихъ часть моихъ служебныхъ занятій, въ общемъ вовсе не тяжелыхъ, но скопляющихся и приходящихъ извнѣ именно къ концу года, т. е. ко времени сведенія счетовъ для контроля за истекающій годъ. Не подивитесь же, что мой отвѣтъ на ваши письма и на докладную записку будетъ, ради праздниковъ и соединенныхъ съ ними визитовъ, еще скуднѣе обычнаго. Графъ раздѣляетъ вполнѣ ваши предположенія о наградахъ (за пожертвованія Сибирскому университету) и думаетъ привести ихъ въ исполненіе. Онъ надѣется, что предположеніе о портретахъ и записяхъ жертвователей онъ исходатайствуетъ съ высочайшаго разрѣшенія, но онъ не соглашается только на предварительное опубликованіе въ видѣ вызова (на новыя пожертвованія). Вообще же дѣло о постройкѣ университета стоитъ точно такъ же, какъ и стояло, безъ движенія, ибо доселѣ еще планы не выработаны на основаніи указаній коммиссіи мин. вн. дѣлъ и отъ генералъ-губернатора Казнакова еще не получили ни строчки по предложеннымъ ему по университету вопросамъ. Терпѣніе и терпѣніе! Здѣсь естественно обращаетъ на себя главное вниманіе ненормальное состояніе духа нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Точно головы у студентовъ помутились. Теперь, слава Богу, пока всѣ эти нелѣпыя движенія улеглись, но кто поручится за прочность добраго настроенія! Объ уставѣ (университетскомъ) нѣтъ пока и рѣчи. Насколько онъ измѣненъ противъ предположеній коммиссіи Ивана Давыдовича (Делянова), никто и ничего не знаетъ, развѣ только одинъ изъ вашихъ пріятелей (А. Н. Георгіевскій). Словомъ... вотъ и всѣ почти

новости. Какъ видите, надобно подождать; оттого я и не торопился писать къ вамъ и отвлекать васъ отъ настоящихъ вашихъ служебныхъ занятій къ будущимъ. Всему есть свое время подъ небесемъ, говоритъ Премудрый!"

Изъ приведенныхъ писемъ видно, что дѣло о планахъ для Сибирскаго университета въ продолженіе почти года послѣ моего отъѣзда въ Казань не двигалось впередъ. Затрудняюсь, чѣмъ это объяснить, канцелярской ли формалистикой, или побочными вліяніями лицъ, не сочувствовавшихъ Сибирскому университету. Такихъ лицъ было много, и очень вліятельныхъ, но къ ихъ числу, конечно, не принадлежали ни министръ народнаго просвѣщенія, ни его товарищъ кн. А. П. Шихматовъ. Надо полагать, что слухи объ этомъ, можетъ быть, умышленномъ замедленіи въ разработкѣ плановъ для построекъ Сибирскаго университета дошли до предсѣдателя Государственнаго Совѣта, великаго князя Константина Николаевича, живо интересовавшагося этимъ вопросомъ. При встрѣчѣ съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ его высочество высказалъ ему легкій упрекъ за такую медленность, что, конечно, крайне обидѣло Александра Прохоровича, такъ какъ задержка плановъ зависѣла не отъ него. По этому поводу въ письмѣ отъ 29-го января 1879 года, онъ высказываетъ мнѣ свое горькое разочарованіе. Вотъ извлеченіе изъ этого письма: „На-дняхъ былъ балъ въ Зимнемъ дворцѣ въ концертномъ залѣ. Послѣ ужина я, нежданно, негаданно, получилъ замѣчаніе отъ великаго князя, а за что, рѣшительно не знаю! Я выслушалъ нотацію за бездѣйствіе по дѣлу о Сибирскомъ университетѣ, за холодное казенное отношеніе къ нему. Я по совѣсти могу только винить м—во вн. дѣлъ за дѣйствія его строительнаго отдѣленія, похоронившаго и 3.000 р., заплаченные за планы Бруни, и труды вашей коммиссіи. При министерствѣ просвѣщенія могу винить строительное отдѣленіе и за время, которое впередъ еще будетъ потеряно, и за составленіе новыхъ плановъ (Жибера), на что́ назначенъ срокъ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ, да на неизбѣжныя при этомъ по закону сношенія съ начальствомъ Западной Сибири и на разсмотрѣніе новыхъ плановъ въ строительномъ отдѣленіи того же м—ва потребуется столько же времени. Но всѣ эти замедленія отнюдь не произошли отъ нашего министерства, а тѣмъ болѣе не отъ меня. Передавъ по приказанію великаго князя выраженіе его неудовольствія, кому должно было передать, я совершенно отстраняюсь теперь отъ дѣла, которое занимало меня не только какъ дѣло м—ва народн. просвѣщ., но какъ дѣло, живо меня интересующее. Признаюсь, грустное я вынесъ впечатлѣніе отъ всего этого. На будущее время, душевно уважаемый и чтимый Василій Марковичъ, я буду васъ просить, по вашимъ предложеніямъ и по нуждамъ буду-

щаго Сибирскаго университета, относиться болѣе удобнымъ путемъ, глядя на меня только какъ на человѣка, сердечно сочувствующаго въ этомъ дѣлѣ и вамъ и графу Дмитрію Андреевичу, но не принадлежащаго къ дѣятельнымъ членамъ управленія по этому вопросу. Трудно и вамъ проводить ваши желанія и мысли изъ такого громаднаго „далека", какова Казань отъ Петербурга".

Несмотря на полученное разочарованіе, князь Александръ Прохоровичъ продолжалъ по-прежнему дѣятельно относиться къ Сибирскому университету и очень любезно ко мнѣ. Отъ февраля 20-го числа онъ писалъ мнѣ: „Усердно благодарю васъ за письмо отъ 12-го февраля. Слава Богу, что вы здоровы и покойно относитесь къ опасеніямъ будущаго (ожидаемой Ветлянской чумѣ). Послѣднее письмо къ вамъ, душевно уважаемый Василій Марковичъ, я писалъ подъ вліяніемъ обиженнаго чувства. Я не имѣю теперь прямого отношенія къ дѣлу устройства Сибирскаго университета. Дѣло это идетъ подъ руководствомъ графа (Толстого), и я буду только, и то, когда узнаю что, сообщать вамъ о прогрессивномъ его движеніи. Графъ живо интересуется скорѣйшимъ его ходомъ, и не зная о дальнѣйшихъ разговорахъ его съ великимъ княземъ, я могу только увѣрить васъ, что для скорѣйшаго окончанія ничто не будетъ упущено. Теперь дѣлаются новые планы (Жибера) и засимъ опять представятъ ихъ на провѣрку м—ва вн. дѣлъ, и, вѣроятно, къ лѣту вопросъ о постройкахъ будетъ разрѣшенъ".

Отъ 18-го іюня 1879 г. кн. Ал. Прох., между прочимъ, писалъ: „На послѣднее полученное мною отъ васъ письмо (въ мартѣ) я отвѣчалъ коротко, потому что оно застало меня при самомъ выѣздѣ въ отпускъ, который мнѣ удалось получить на два мѣсяца. Теперь я возвратился изъ отпуска, слава Богу, съ нѣкоторою пользою для здоровья и въ спокойномъ состояніи духа... Вчера представлялся въ Павловскѣ возвратившемуся съ Чернаго моря его высочеству генералъ-адмиралу. Онъ безъ личнаго мнѣ укора посѣтовалъ опять на ходъ дѣла по вашему университету. Я отвѣтилъ только, что графа видѣлъ только еще одинъ разъ и ничего не слыхалъ отъ него о переговорахъ съ бывшимъ, говорятъ, тутъ Казнаковымъ. Кончили ли дѣло съ планами по м—ву вн. дѣлъ—тоже не знаю. Дѣйствительно, я еще не имѣлъ возможности просмотрѣть дѣла, бывшія безъ меня.. Что ваши занятія? Собираетесь ли вы въ Петербургъ и когда? Новаго ничего не могу сказать вамъ, ибо еще самъ какъ будто на новосельѣ. Хочу только дать вѣсточку о себѣ и буду ждать таковую же отъ васъ".

Только черезъ 17 мѣсяцевъ, именно 15-го іюля 1879 года, я собрался изъ Казани побывать въ Петербургѣ, повидаться съ родными и знакомыми. Въ министерствѣ мнѣ показали новые планы и смѣты Жибера,

*

къ тому времени уже изготовленные. При разсмотрѣніи ихъ прежде всего бросалась въ глаза общая сумма стоимости построекъ, раздѣленныхъ свыше милліона двухъ сотъ тысячъ рублей, безъ анатомическаго корпуса, водопровода и газоваго завода. Смѣта, такимъ образомъ, вдвое превышала смѣту Бруни, а самыя постройки, хотя и проектированныя въ болѣе изящной внѣшней архитектурной формѣ, по внутреннему расположенію помѣщеній все-таки не лишены были нѣкоторыхъ существенныхъ учебныхъ неудобствъ. На это я обратилъ вниманіе графа Толстаго и князя Ширинскаго-Шихматова.

Объ изготовленіи новыхъ плановъ и смѣтъ было доложено его высочеству председателю Государственнаго Совѣта, великому князю Константину Николаевичу, выразившему желаніе познакомиться съ ними ранѣе представленія въ Государственный Совѣтъ вопроса о постройкѣ зданій Сибирскаго университета. Его высочеству угодно было поручить князю Ширинскому лично ознакомить его съ планами Жибера и Бруни, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы при этомъ докладѣ присутствовалъ также архитекторъ Жиберъ и я, для могущихъ встрѣтиться разъясненій плановъ съ учебной стороны [1]). Представленіе было назначено въ Павловскомъ дворцѣ. По этому поводу графъ Толстой прислалъ мнѣ слѣдующую записку: „поспѣшаю увѣдомить васъ, многоуважаемый Василій Марковичъ, что его высочество генералъ-адмиралъ изволитъ принять васъ въ Павловскѣ 23-го числа, въ понедѣльникъ, въ два часа, для разсмотрѣнія плановъ Сибирскаго университета. Искренно преданный гр. Д. Толстой. 21-го іюля 1879 г.“.

Прибывъ въ назначенное время, мы расположили развернутые чертежи въ такомъ порядкѣ, чтобы удобно было сравнивать проекты того и другаго автора. Чертежи Жибера, какъ и слѣдовало ожидать, произвели лучшее впечатлѣніе, по грандіозности сооруженій; но, узнавъ смѣтную стоимость, его высочество рѣшительно объявилъ, что въ настоящее, трудное для государственной экономіи, время (не законченная восточная война) невозможно разсчитывать на милліонныя ассигновки изъ казны для постройки зданій учебнаго заведенія. Относительно чертежей Бруни великій князь изволилъ обратить вниманіе на тѣ же недостатки, какіе были указаны мною выше, главное на малые размѣры церкви и на конструкцію оконъ въ актовомъ залѣ и, въ такъ называемой, сборной для студентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его высочество замѣтилъ, что эти конструктивные недостатки могли бы быть исправлены при самой постройкѣ, если въ другихъ отноше-

[1]) Великому князю было извѣстно о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ и о прежнемъ участіи въ составленіи проекта Бруни.

ніяхъ планы могутъ удовлетворять учебнымъ потребностямъ. Я высказалъ свое мнѣніе по этому поводу въ томъ смыслѣ, что Сибирскій университетъ можетъ удовлетвориться на первое время скромными помѣщеніями, безъ ущерба для его учебныхъ и научныхъ функцій и что планы Бруни въ этомъ отношеніи можно было бы признать достаточными, если въ нихъ сдѣлать соотвѣтствующія исправленія. Этимъ безповоротно рѣшился вопросъ о выборѣ плановъ. Проектъ Жибера былъ устраненъ, и министерство народнаго просвѣщенія снова препроводило проектъ Бруни въ техническо-строительный комитетъ, прося разсмотрѣть его только съ технической стороны. На этотъ разъ комитетъ одобрилъ его съ нѣкоторыми техническими замѣчаніями, и въ такомъ видѣ онъ былъ утвержденъ къ исполненію товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ 6-го сентября 1879 г. Смѣта была утверждена въ суммѣ 648.312 руб. 47 коп. при расцѣнкѣ по справочнымъ цѣнамъ Томска 1877 года, которыя потомъ оказались далеко ниже дѣйствительности. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось слышать стороной, что нѣкоторые профессора Томскаго университета ставили мнѣ въ укоръ, почему я не ходатайствовалъ предъ его высочествомъ и не настаивалъ въ министерствѣ на осуществленіи проектовъ Жибера, если они, дѣйствительно, имѣли значительныя преимущества передъ проектами Бруни. Въ объясненіе этого я могу сказать, что проекты Жибера отличались не столько удобствомъ и просторомъ внутреннихъ помѣщеній университета, сколько красотою и излишнею роскошью внѣшнихъ фасадовъ. Но самое главное, они были расцѣнены въ смѣтѣ, по тѣмъ же даннымъ справочныхъ цѣнъ 1877 г., какъ и у Бруни, вдвое дороже (1.200.000, вмѣсто 648.312 р.). При тогдашнемъ положеніи русскихъ финансовъ (послѣдняя турецкая война) нельзя было думать, чтобы правительство ассигновало милліонъ на постройку университетскаго корпуса (около 200—250 т. имѣлось въ виду пожертвованныхъ средствъ Демидова и Цибульскаго).

Предъявлять такія требованія въ то время значило бы отклонить вопросъ о постройкѣ университета на продолжительный срокъ, пока поправятся государственные финансы. По этой же причинѣ ни въ смѣту Бруни, ни въ смѣту Жибера не входило устройство университетскаго водопровода и газоваго завода, необходимость коихъ сознавалась мной вполнѣ, но я разсчитывалъ соорудить ихъ впослѣдствіи, изыскавъ на это тѣ или другія средства. Къ 1885 г. ихъ удалось построить на экономическіе остатки, отъ смѣтныхъ строительныхъ суммъ, не возбуждая ходатайствъ объ особомъ на это ассигнованіи, что, естественно, потребовало бы много времени и не представляло тогда благопріятныхъ условій для скораго удовлетворенія такого хо-

датайства. Въ правительственныхъ сферахъ, за исключеніемъ немногихъ лицъ, на Сибирскій университетъ въ то время смотрѣли не сочувственно и недовѣрчиво. Зная это, я по возможности старался удовлетворить всѣ непредусмотрѣнныя нужды университета, не прибѣгая къ ходатайствамъ о дополнительномъ смѣтномъ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства.

Съ принятіемъ плановъ Бруни задача сооруженія зданій Сибирскаго университета значительно осложнялась. Если вообще при постройкахъ подобнаго рода невозможно ограничиться однимъ техническимъ надзоромъ архитектора, а требуется непосредственное наблюденіе лица близко знакомаго съ потребностями сооружаемаго учрежденія, то въ примѣненіи къ предстоящимъ университетскимъ постройкамъ требовалось не одно наблюденіе, а исправленіе самыхъ чертежей при ихъ исполненіи. Эту послѣднюю задачу невозможно было поручить ни строителю зданій, ни избранному изъ мѣстныхъ лицъ въ Томскѣ строительному комитету. Министерство ясно сознавало эту потребность еще въ 1877 году, когда графъ Д. А. Толстой настаивалъ на необходимости включить этотъ пунктъ въ послѣднее свое представлеіе въ Государственный Совѣтъ о Сибирскомъ университетѣ (11 февраля 1878 г.).

Послѣ того, когда вѣсть о предполагаемомъ учрежденіи Сибирскаго университста въ Томскѣ была распространена газетами по всей Россіи, въ министерство стали поступать многочисленныя заявленія о пріобрѣтеніи для новаго университета разныхъ учебныхъ принадлежностей, больше всего — книгъ. Министерство направляло всѣ эти предложенія ко мнѣ для разбора и оцѣнки. Такъ, въ концѣ 1877 г., неизвѣстный мнѣ почетный гражданинъ города Чигирина, Ѳома Марковичъ Бондыревъ, предлагалъ купить у него коллекцію старыхъ книгъ духовнаго содержанія. Судя по каталогу, въ числѣ ихъ значилось: 1) двѣ рукописи — евангеліе, писанное на пергаментѣ и рукописная псалтырь; 2) сочиненія Василія Великаго, Островское изданіе 1594 г.; 3) Шестодневъ, Виленское изданіе 1650 г.; 4) творенія Ефрема Сирина и Саввы Дорофея 1687 г.; 5) Маргаритъ и житіе св. Іоанна Златоуста, изд. 1641 г.; 6) Толкованіе четырехъ евангелистовъ, изд. 1647 г.; 7) Октоихъ, Львовское изд. 1644 г.; 8) тоже, Московское изд. 1593 г.; 9) книга о вѣрѣ, избранная отъ многихъ отцовъ церкви, изд. въ Гроднѣ, 1785 г.; 10) Библія, изд. 1758 г.—и другія въ этомъ родѣ рѣдкія изданія—XVII и XVIII столѣтій, всего 65 номеровъ. Къ сожалѣнію, эту коллекцію не удалось пріобрѣсти по неимѣнію въ то время денежныхъ средствъ.

Въ 1879 году явился цѣлый рядъ предложеній о покупкѣ библіотекъ, большею частію послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, со сто-

роны ихъ наслѣдниковъ. Многія изъ этихъ предложеній, при разсмотрѣніи присланныхъ каталоговъ, оказались либо слишкомъ высоко оцѣненными, либо мало пригодными, и потому были мною отклонены.

Такимъ образомъ, лѣто 1879 года, проведенное мною въ Петербургѣ, противъ моего ожиданія, почти все было посвящено дѣламъ Сибирскаго университета. Такъ складывались обстоятельства помимо моей воли. Кромѣ меня, въ министерствѣ не было никого, кто бы такъ близко стоялъ къ курсу этихъ дѣлъ, осложнявшихся больше и больше. Поэтому, въ исходѣ 1879 года, графъ Д. А. Толстой, сдѣлалъ мнѣ словесное предложеніе взять въ свои руки созидающійся Томскій университетъ, оставивъ профессорскую службу въ Казани. Такая комбинація снова ставила меня въ крайне неопредѣленное служебное положеніе, несмотря на предлагаемое достаточное вознагражденіе (10 т. руб. въ годъ).

Служба Томскому университету при такихъ условіяхъ считалась бы лишь временной командировкой, безъ опредѣленныхъ правъ на пенсію, безъ яснаго будущаго. Должность, мнѣ предлагаемая, или точнѣе, ассигновка содержанія, была разсчитана всего на три года; но можно ли было предвидѣть, что въ этотъ именно срокъ будутъ заключены всѣ постройки и будетъ открытъ университетъ, въ которомъ и для меня нашлось бы штатное мѣсто. Съ увѣренностью нельзя было сказать ни того, ни другаго. Поэтому я не могъ рѣшиться оставить казанскую службу, разорить только-что свитое гнѣздо и снова, какъ въ 1875 году, выступить на скользкій путь временныхъ коммиссій и командировокъ безъ прочной служебной почвы.

Въ такомъ смыслѣ данъ былъ мной отвѣтъ графу Дмитрію Андреевичу. Послѣ того онъ предложилъ мнѣ другую комбинацію: не оставляя службы въ Казанскомъ университетѣ, взять на себя временное порученіе министерства по наблюденію за постройкой Сибирскаго университета, за его имуществомъ и за всѣмъ, что сюда относиться можетъ. По этой инструкціи мнѣ вмѣнялось въ обязанность ежегодно, съ половины мая и до конца августа, быть въ Томскѣ для наблюденія за строительными работами, а зимой, въ свободное отъ лекцій время (рождественскія и пасхальныя каникулы) являться въ Петербургъ для личнаго доклада г. министру по дѣламъ созидаемаго университета. Во время моего отсутствія изъ Томска (съ сентября по май, когда строительныя работы пріостанавливаются), въ строительномъ комитетѣ меня долженъ замѣнять другой членъ отъ министерства съ опредѣленнымъ годовымъ содержаніемъ въ 3.500 руб. На него возлагались обязанности дѣлопроизводителя комитета, а въ мое отсутствіе ему предоставлялось въ комитетѣ право голоса наравнѣ съ

прочими членами [1]). Мое вознагражденіе при этой комбинаціи опредѣлилось въ 6.000 руб. въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, при чемъ половина этой суммы, если не болѣе, должна была идти, по разсчету, на путевые расходы по поѣздкамъ въ Томскъ и Петербургъ и на содержаніе въ этихъ городахъ во время почти полугодовой бивуачной жизни.

Не могу сказать, чтобы изложенная комбинація лично для меня представляла какія-либо выгоды. Напротивъ того, ежегодное, почти полугодовое отсутствіе изъ Казани для меня, какъ практическаго врача, неизбѣжно должно было рѣзко отразиться на моихъ средствахъ, не говоря уже о неудобствахъ кочевой жизни вообще. Но на эту невыгодную сторону сдѣланнаго мнѣ предложенія я не обращалъ особаго вниманія. Меня гораздо болѣе смущало сомнѣніе, буду ли я въ силахъ справиться съ поручаемымъ дѣломъ. Если бы оно касалось только устройства учебной части и учебнаго имущества, то здѣсь я считалъ бы себя болѣе или менѣе свѣдущимъ лицомъ, способнымъ принести извѣстную долю пользы; но мнѣ предстояло, какъ члену строительнаго комитета, нести нравственную, а можетъ быть и матеріальную отвѣтственность за качество самыхъ строительныхъ работъ, о которыхъ, въ то время, я не имѣлъ никакого практическаго понятія. Общественное мнѣніе семидесятыхъ годовъ склонно было относиться къ строителямъ казенныхъ сооруженій съ большою долею скептицизма. Правильно или неправильно, но всюду мерещились упущенія, или злоупотребленія. Такія, можетъ быть, легкомысленныя, сужденія приходилось слышать даже въ Петербургѣ, гдѣ строительное дѣло стоитъ на подобающей высотѣ. Что же сказать о далекой Сибирской провинціи? Для меня она была въ этомъ отношеніи terta incognita, но какое-то смутное предчувствіе заставляло думать, что самую трудную и отвѣтственную задачу мы встрѣтимъ именно при сооруженіи зданій Сибирскаго университета. При всѣхъ добрыхъ пожеланіяхъ, здѣсь можно было ожидать разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, прежде всего въ выборѣ архитектора, въ составѣ членовъ строительнаго комитета и ихъ отношеній къ порученному дѣлу, въ качествѣ мѣстныхъ рабочихъ и строительныхъ матеріаловъ, однимъ словомъ, во всемъ, чѣмъ гарантируется правильное и экономическое веденіе постройки.

Съ другой стороны, думалось мнѣ: волка бояться, въ лѣсъ не ходить. При доброй волѣ и энергіи, при поддержкѣ министерства,

---

[1]) Дѣлопроизводителемъ строительнаго комитета былъ назначенъ чиновникъ департамента нар. просв. статскій совѣтникъ А. С. Бѣлявскій. Онъ все время оставался въ Томскѣ, гдѣ и скончался отъ легочной чахотки въ 1887 г.

въ чемъ не представлялось сомнѣнія, можно устранить препятствія и затрудненія, если бы они дѣйствительно оказались. Всякое другое лицо, поставленное на мое мѣсто, оказалось бы въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, съ тою, быть можетъ, разницей, что оно не относилось бы къ созидаемому университету съ такимъ теплымъ чувствомъ, какъ я, въ силу образовавшейся уже въ теченіе четырехъ лѣтъ привычки. Такимъ образомъ, по зрѣломъ обсужденіи, я рѣшился принять предложеніе министра народнаго просвѣщенія и съ 15 марта 1880 года вступилъ въ оффиціальную роль устроителя Сибирскаго университета, оставаясь въ то же время ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета.

Въ Казань я возвратился въ началѣ сентября. Вскорѣ послѣ того я получилъ отъ гр. Д. А. Толстого оффиціальное письмо (отъ 11 окт. 1879 г.), въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Признавая необходимымъ приступать нынѣ же къ изготовленію строительныхъ матеріаловъ для возведенія зданій (Сибирскаго университета), покорнѣйше прошу васъ доставить мнѣ, по возможности въ скорѣйшемъ времени, соображенія ваши о томъ, какимъ, по вашему мнѣнію, способомъ было бы удобнѣе произвести означенныя работы, т. е. посредствомъ ли подряда или хозяйственнымъ образомъ. Въ случаѣ же, если бы вы полагали болѣе полезнымъ хозяйственный способъ постройки, я покорнѣйше просилъ бы васъ сообщить мнѣ также подробныя соображенія ваши какъ по вопросу о составѣ той строительной коммиссіи, которую необходимо будетъ учредить въ г. Томскѣ для надлежащаго наблюденія за постройкою университетскихъ зданій и вообще для веденія всего этого обширнаго дѣла, такъ и относительно той инструкціи, которою нужно будетъ снабдить сію коммиссію. Прямите увѣренія и пр. Графъ Д. Толстой“.

Не зная мѣстныхъ строительныхъ условій Томска, я не могъ, конечно, напередъ сказать, какой изъ способовъ постройки, подрядный или хозяйственный, будетъ выгоднѣе, но первый я находилъ едва-ли примѣнимымъ уже по тому самому, что, во время сооруженія зданій, планы Бруни должны были подлежать значительному видоизмѣненію, что было извѣстно заранѣе. Строительная коммиссія была намѣчена мною въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—мѣстный губернаторъ, представитель отъ министерства народнаго просвѣщенія, предсѣдатель томскаго губернскаго правленія, городской голова Цибульскій, какъ крупный жертвователь изъ мѣстныхъ жителей и строитель зданій (архитекторъ).

Проектъ инструкціи я тоже составилъ, примѣняясь къ существовавшимъ условіямъ, при чемъ просилъ подчинить коммиссію не генералъ-губернатору Западной Сибири, а непосредственно министру на-

роднаго просвѣщенія. По этому вопросу графъ долженъ былъ предварительно снестись съ Н. Г. Казнаковымъ, который весьма неохотно, но все-таки выразилъ свое согласіе объ изъятіи строительнаго комитета изъ его вѣдѣнія. Въ такомъ смыслѣ инструкція была утверждена государемъ.

По этому поводу кн. Ал. Прохоровичъ писалъ мнѣ отъ 15 марта 1880 года. Вотъ его письмо: „Вчера, глубокоуважаемый Василій Марковичъ, графъ докладывалъ государю предположенія министерства о способѣ постройки Сибирскаго, вашего, университета. Предположенія эти высочайше утверждены. Строительная коммиссія будетъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, подъ главнымъ завѣдываніемъ министерства, которому и подчиняется эта коммиссія и ея дѣятели. При этомъ, конечно, архитекторъ отсюда, нѣкто г. Арнольдъ, котораго я не знаю. Всѣ эти новости вамъ, конечно, будутъ сообщены оффиціально, а я дѣлаю это конфиденціально. Вѣроятно, и васъ скоро увидимъ въ Питерѣ".

Дѣйствительно, въ скоромъ времени меня вызвали въ Петербургъ для личныхъ объясненій, или, точнѣе, для инструкцій по строительному дѣлу, такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ мнѣ предстояло уже отправиться въ Томскъ для начала построекъ. Въ Петербургъ я выѣхалъ изъ Казани 28 марта, въ самую распутицу. Пришлось ѣхать горой (берегомъ), а не обычнымъ зимнимъ трактомъ, вдоль по Волгѣ. Дорога въ это время бываетъ отвратительная: въ иныхъ мѣстахъ голая земля, въ другихъ—глубокій рыхлый снѣгъ, съ зажорами по овражкамъ и наледями по низинамъ и рѣчкамъ. Темною ночью въ 9 часовъ вечера я выѣхалъ изъ Казани.

Съ половины марта, когда волжскій ледъ дѣлается ненадежнымъ, почту переводятъ на лѣтній трактъ, для чего требуется на протяженіи 400 верстъ расчистить глубокій снѣгъ. Для этого сгоняютъ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, но, при всемъ ихъ стараніи, неѣзженный путь обыкновенно бываетъ очень плохъ. Въ зажорахъ мнѣ приходилось сиживать по 3—4 часа, пока призванные изъ ближайшей деревни крестьяне не вытащатъ повозку и лошадей. Зажорой называется такое мѣсто въ небольшихъ оврагахъ, гдѣ подъ рыхлой коркой снѣга течетъ весенняя вода. На ночь я остановился на одной изъ станцій (Кривой логъ) переждать до разсвѣта. Здѣсь я совершенно случайно встрѣтился съ нашимъ будущимъ архитекторомъ Максиміаномъ Юрьевичемъ Арнольдомъ. Ранѣе того объ Арнольдѣ я не имѣлъ никакого понятія и ни разу его не видалъ. Онъ меня лично тоже не зналъ, хотя слышалъ въ министерствѣ и отъ Бруни о моемъ участіи въ дѣлахъ Сибирскаго университета. Арнольдъ пріѣхалъ на станцію раньше меня и расположился пить чай на единственномъ

столѣ въ маленькой комнаткѣ для проѣзжающихъ. По замашкамъ и костюму онъ напоминалъ богатаго помѣщика, или цивилизованнаго купца. Ѣхалъ онъ въ собственномъ щегольскомъ экипажѣ, съ ловкимъ камердинеромъ и ворохомъ дорожныхъ ларцевъ, нагруженныхъ закусками и прочими принадлежностями далекаго путешествія. Я ѣхалъ одинъ, на перекладныхъ, съ легкимъ чемоданчикомъ. Разговоръ между нами завязался по поводу заварки моего чая изъ поданнаго ему самовара. Затѣмъ онъ перешелъ къ обычнымъ разспросамъ о качествѣ дороги и о томъ, кто куда направляется. Узнавъ, что мой собесѣдникъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Томскъ, я сначала принялъ его за сибирскаго негоціанта и естественно поинтересовался разспросами о Сибири и о Томскѣ въ частности. Оказалось, что Томска онъ не знаетъ и ѣдетъ туда въ первый разъ—строить Сибирскій университетъ. Послѣ такого отвѣта я освѣдомился о фамиліи собесѣдника и сообщилъ ему свою, такъ какъ мы ѣхали по одному и тому же дѣлу, хотя и въ противуположныя стороны.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Арнольдомъ я узналъ слѣдующія, неожиданныя для меня новости: 1) Главнымъ строителемъ Томскаго университета назначенъ академикъ Бруни, но съ тѣмъ, что онъ будетъ руководить постройками изъ Петербурга (!), а вмѣсто него на мѣстѣ построекъ будетъ находиться его помощникъ—этотъ самый Арнольдъ. 2) Оба они будутъ получать содержаніе изъ 4°/₀ назначенной на постройку суммы, дѣля это вознагражденіе поровну, т. е. 2°/₀ будетъ получать Бруни за свою фирму, другими словами ни за что, ни про что, а двумя процентами будетъ пользоваться Арнольдъ, живя неотлучно въ Томскѣ, какъ дѣйствительный строитель. Въ счетъ этой суммы имъ уже получено изъ министерства (изъ строительнаго капитала) 2.500 руб. на подъемъ и путевые расходы отъ Петербурга до Томска.

Въ 1880 году нашъ строительный кредитъ былъ опредѣленъ въ 650 т. руб., слѣдов., 2°/₀ съ него составляли 13 т. руб. Этимъ выражалось вознагражденіе архитектора за все время постройки. Предполагая, что строительныя работы будутъ продолжаться никакъ не менѣе пяти лѣтъ, и выключивъ изъ данной суммы 2.500 р. полученнаго уже путеваго пособія, содержаніе Арнольда въ Томскѣ опредѣлялось такимъ образомъ не свыше 2.000 р. въ годъ. На эти скромныя средства онъ долженъ былъ содержать не только себя, но и оставленную въ Петербургѣ свою семью, между тѣмъ какъ Бруни долженъ былъ получить изъ того же кредита свою половину (13 т. р.), сидя въ Петербургѣ и ничего не дѣлая. Въ этомъ дѣлежѣ выходила такая глупая несообразность, что я не могъ не выразить Арнольду моего крайняго изумленія по поводу сообщенной мнѣ уже состояв-

шейся комбинаціи. Въ заключеніе я сказалъ, что нынѣ же буду просить министра предложить Бруни либо отказаться отъ своей доли вознагражденія, либо принять на себя обязательство ежегодно проводить лѣто въ Томскѣ на постройкахъ, въ качествѣ старшаго архитектора. Иначе, получаемые имъ 2% будутъ имѣть характеръ взятки, или, выражаясь деликатнѣе, переуступки права на вознагражденіе строителя другому лицу, со скидкою 50%, какъ это иногда дѣлается при передачѣ подрядовъ. Начинать съ такими сомнительными задатками строительную практику Сибирскаго университета, по меньшей мѣрѣ, неблаговидно. Арнольдъ отвѣтилъ, что разсчетъ съ Бруни есть его личное дѣло, что онъ имѣетъ право въ знакъ благодарности за рекомендацію и за могущіе понадобиться его совѣты посылать своему патрону половину своего содержанія даже въ томъ случаѣ, если бы это не было оформлено министерскимъ распоряженіемъ. Но съ такими взглядами я никакъ не могъ согласиться и замѣтилъ Арнольду, что не понимаю его щедрости относительно Бруни; если же онъ разсчитываетъ въ Томскѣ на добавочные строительные доходы, то ему благоразумнѣе было бы вовсе отказаться отъ работы. На этомъ мы и покончили нашъ первый разговоръ. Было около 12 часовъ ночи. Собесѣдникъ мой отправился въ дальнѣйшій путь, повидимому, окрыляемый розовыми надеждами, а я остался на станціи дожидаться разсвѣта, на досугѣ размышляя о впечатлѣніяхъ неожиданной встрѣчи.

Такъ-то, думалось мнѣ, рѣшаетъ министерство первостепенный вопросъ объ осуществленіи постройки Сибирскаго университета. Неужели ни графу Толстому, ни директору департамента не бросилась въ глаза слишкомъ прозрачная и наивная уловка строителей, такъ безцеремонно раздѣлившихъ между собой причитающіеся по закону 4% вознагражденія. Если министерство находитъ правильнымъ, чтобы Бруни, сидя на мѣстѣ, получилъ 13 т. руб. только за рекомендацію Арнольда, то подумало ли оно, изъ какихъ источниковъ и какими способами будетъ дополнять свое вознагражденіе Арнольдъ. Наконецъ, можно ли полагаться на такую рекомендацію, въ основѣ которой лежитъ корыстный разсчетъ; имѣетъ ли Арнольдъ достаточно технической опытности, чтобы довести до конца такое крупное дѣло, какъ постройка университета, при томъ, въ такой дали и глуши, какъ Томскъ, о строительныхъ силахъ котораго мы почти ничего не знаемъ. Мнѣ представляется, что министерство совсѣмъ не задавалось такими вопросами, ограничившись канцелярской формой бумажныхъ сношеній. Такія мысли невольно тревожили меня. Будущее постройки и мое участіе въ ней рисовались далеко не привлекательными.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я первымъ дѣломъ постарался навести справки о прежней дѣятельности Арнольда. Прочитавъ въ департа-

ментѣ его послужной списокъ, я узналъ, что послѣдними его работами были: постройка госпитальныхъ бараковъ въ Корнештахъ во время восточной войны, и сооруженіе крыши на Корсунскомъ храмѣ св. Владиміра близъ Севастополя. Ранѣе того Арнольдъ служилъ въ петербургскомъ строительномъ училищѣ въ званіи преподавателя исторіи архитектуры. О постройкѣ бараковъ въ Корнештахъ я могъ навести справку у моего близкаго знакомаго доктора А. И. Байкова, завѣдывавшаго этимъ госпиталемъ, а о храмѣ св. Владиміра — въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода, въ вѣдѣніи котораго находилось это сооруженіе. Какъ Андрей Ивановичъ Байковъ, такъ и правитель оберъ-прокурорской канцеляріи И. А. Ненарокомовъ, были моими старыми и близкими знакомыми. Отъ нихъ я могъ получить не оффиціальную справку, а именно такія свѣдѣнія, какія мнѣ были нужны. Оказалось, что въ Корнештахъ Арнольдъ зарекомендовалъ себя съ самой невыгодной стороны, и Ненарокомовъ о немъ отозвался, что въ ихъ канцеляріи возбуждено дѣло о взысканіи съ Арнольда 10 т. рублей за неудачно построенную крышу на соборѣ, которую, вслѣдствіе слабыхъ и неумѣлыхъ скрѣпленій, цѣликомъ унесло въ море при первомъ штормѣ, вскорѣ послѣ ея сооруженія. Вотъ какую правду пришлось узнать о практическихъ познаніяхъ и способностяхъ даннаго намъ строителя.

Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ я доложилъ г. министру, выразивъ ему свое сожалѣніе, что постройка Сибирскаго университета, повидимому, вручена человѣку не вполнѣ искусному. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ графу о странной комбинаціи между Бруни и Арнольдомъ, и просилъ, чтобы первому изъ нихъ также было предложено наблюдать за постройками не изъ Петербурга, а отправляться въ Томскъ, подобно мнѣ, на лѣтнюю рабочую пору, или совсѣмъ отказаться отъ своей доли двухпроцентнаго вознагражденія. Замѣчательно, что графъ вовсе не имѣлъ въ виду поѣздки Бруни въ Томскъ, находя, что при его большихъ работахъ въ Петербургѣ, вознагражденіе не только въ двѣ, но даже въ три тысячи за лѣто не можетъ его удовлетворить. Но тѣмъ не менѣе графъ поручилъ мнѣ переговорить съ Бруни объ этомъ вопросѣ и въ случаѣ его отказа передать ему, что онъ отъ строительнаго комитета будетъ отчисленъ [1]).

[1]) По всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, государь императоръ 14 марта 1880 г. высочайше соизволилъ на учрежденіе въ Томскѣ строительнаго комитета, для возведенія зданій Сибирскаго университета, въ составѣ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя — томскаго губернатора, членовъ: предсѣдателя томскаго губернскаго управленія, томскаго городскаго головы Цибульскаго, члена отъ министерства народнаго просвѣщенія д. с. с.

Понятно, что Бруни на поѣздку не согласился, и такимъ образомъ онъ былъ совершенно отстраненъ отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ отношеній къ комитету и къ его денежнымъ средствамъ.

Что касается до Арнольда, то графъ совѣтовалъ мнѣ внимательнѣе наблюдать за его отрицательными дѣйствіями и въ случаѣ какихъ-либо неисправностей доносить объ этомъ въ министерство. Повидимому, министръ самъ сознавалъ, что назначеніе архитектора состоялось довольно легкомысленно и слишкомъ поспѣшно, но поправить это было уже трудно. Оставалась надежда на то, что Арнольдъ, получая полное вознагражденіе въ 4% со строительной суммы, внимательнѣе отнесется къ дѣлу и не будетъ имѣть повода жаловаться на скудость своихъ средствъ.

Въ Петербургѣ на этотъ разъ я пробылъ $2^1/_2$ недѣли (съ 1 по 17 апрѣля). Сибирскаго дѣла здѣсь оказалось, какъ и всегда, гораздо больше, чѣмъ я ожидалъ. Независимо отъ разъясненія архитекторскаго вопроса и выбора надежнаго дѣлопроизводителя для строительнаго комитета (изъ чиновниковъ департамента народнаго просвѣщенія), который могъ бы замѣнять меня въ Томскѣ во время зимнихъ мѣсяцевъ, пришлось не мало хлопотать объ университетской библіотекѣ. Выше я уже говорилъ, что уже въ истекшемъ 1879 году въ Томскій университетъ стали поступать обширныя и богатыя коллекціи книгъ, большею частію въ видѣ дарственныхъ вкладовъ. Всѣ эти сокровища, уложенныя въ сотни ящиковъ и составлявшія грузъ около трехъ тысячъ пудовъ, сосредоточивались въ министерствѣ, которое не знало, что дѣлать съ этимъ громаднымъ грузомъ и гдѣ хранить его. Рѣшено было отправить книги въ Томскъ на мое попеченіе, но министерство не располагало никакими средствами для пересылки столь значительныхъ тяжестей. Провозная цѣна, отъ Петербурга до Томска, въ то время назначалась транспортными конторами отъ $4^1/_2$ до 5 р. съ пуда, что составляло расходъ около 13 — 14 тысячъ рублей. Нужно было прежде всего изыскать средства на эту пересылку [1]). Въ наличности

Флоринскаго и двухъ строителей зданій,—инженера-архитектора коллежскаго ассесора Арнольда и академика архитектуры коллежскаго совѣтника Бруни. Послѣдній въ оффиціальныхъ бумагахъ именовался инспекторомъ работъ, но въ чемъ должна была выражаться его инспекція, этого не указано. А такъ какъ Бруни вовсе не имѣлъ въ виду посѣщеніе Томска, хотя бы только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, то, очевидно, онъ членомъ комитета могъ бы числиться только номинально, а инспекторскія обязанности его представляли бы пустую фикцію, или придуманный предлогъ для полученія денежнаго содержанія. Удивительно, какъ въ министерствѣ не обратили на это вниманія.

[1]) Чрезъ контору россійскаго общ. транспортированія кладей было отправлено изъ Петербурга въ Томскъ весной 1880 г. 142 ящика книгъ библіотеки гр. Строганова, вѣсомъ 1.770 пуд., 36 ящиковъ библіотеки князя

никакихъ средствъ не имѣлось въ виду, кромѣ обѣщанныхъ томскою городскою думою 5.000 руб., въ счетъ которыхъ мною была уже пріобрѣтена библіотека академика Никитенко (2.000 р.), Артемьева (900 р.) и около 3.000 дублетовъ, отобранныхъ изъ императорской публичной библіотеки (разсчетъ за нихъ еще не былъ произведенъ). Такимъ образомъ изъ этой суммы на пересылку оставалось не болѣе 1.000 руб. Но я надѣялся, что со временемъ добрые люди такъ или иначе помогутъ устроиться съ этимъ дѣломъ, и рѣшился просить Россійское общество препроводить наши грузы въ Томскъ, не стѣсняя насъ сроками расплаты. Надежды меня не обманули. Въ томъ же году въ министерство были доставлены на этотъ предметъ (И. В. Ефимовымъ) 4.000 руб., собранные по подпискѣ въ сибирскихъ городахъ; 3.000 уплатилъ, по моей просьбѣ, многоуважаемый и всегда отзывчивый къ нуждамъ Сибирскаго университета Александръ Михайловичъ Сибиряковъ, остальная сумма была покрыта въ разные сроки, частію изъ остатковъ на содержаніе членовъ строительнаго комитета (ежегодно на непредвидѣнные расходы оставалось по 500 руб.), а въ окончательный разсчетъ въ 1884 году — изъ средствъ, отпущенныхъ казной на первоначальное обзаведеніе университета [1]).

Изъ отправляемыхъ въ Томскъ въ 1880 году книжныхъ грузовъ самый важный по объему и цѣнности представляла библіотека графа Строганова (142 большихъ ящика, вѣсомъ 1.770 пуд.). О ея пріобрѣтеніи я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. О существованіи этой замѣчательной библіотеки, хранившейся съ конца пятидесятыхъ годовъ въ кладовыхъ внутри Гостинаго двора въ Петербургѣ, я узналъ случайно лѣтомъ 1875 года. Это была библіотека Григорія Александровича Строганова, отца Александра и Сергѣя Григорьевичей, бывшаго когда-то посланникомъ въ Константинополѣ и потомъ въ Парижѣ. Послѣ кончины графа Григорія Александровича она перешла въ наслѣдство его дѣтямъ, у которыхъ имѣлись свои соб-

---

Голицына,—372 пуда и 86 ящиковъ книгъ, купленныхъ и пожертвованныхъ другими лицами и дублетовъ, отобранныхъ мной изъ публичной библіотеки, 739 пудовъ, а всего 264 ящика вѣсомъ 2.880 пудовъ. За пересылку приходилось уплатить свыше 13 т. рублей.

[1]) Это была сумма въ 25 т. руб., отчисленная по моему ходатайству изъ смѣтнаго строительнаго капитала на сверхсмѣтные расходы, именно устройство церковнаго иконостаса и церковную утварь, на первоначальную меблировку университетскихъ помѣщеній, въ томъ числѣ актоваго зала (царскіе портреты, каѳедра, кресла и стулья), меблировка канцелярій и библіотеки и пр. Эти 25 т. руб. были удержаны въ министорствѣ и расходовались по представляемымъ мною счетамъ помимо строительнаго комитета. Изъ этого же источника производилась дальнѣйшая уплата за пересылку весьма большаго количества книгъ и ученыхъ коллекцій послѣ 1883 года.

ственныя громадныя библіотеки. Потому, въ ожиданіи раздѣла, она уложена была въ ящики и помѣщена въ складахъ Гостинаго двора. Осенью 1875 года, когда я былъ въ Одессѣ вмѣстѣ съ коммиссіей, объѣзжавшей университеты по случаю готовившагося пересмотра общаго университетскаго устава, мы встрѣтились въ этомъ городѣ съ графомъ Д. А. Толстымъ. Чрезъ него я познакомился съ Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, жившимъ въ Одессѣ въ собственномъ великолѣпномъ домѣ, на Морскомъ бульварѣ. Разъ, будучи у него вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ, зашла рѣчь о Сибирскомъ университетѣ, вопросъ о которомъ въ то время составлялъ новость дня. Я не упустилъ случая напомнить при этомъ, что знаменитый родъ Строгановыхъ, триста лѣтъ тому назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ снабженіи Ермаковой дружины матеріальными средствами для перваго завоеванія Сибирскаго царства, по всей вѣроятности отнесется также сочувственно и къ духовному покоренію Сибири, орудіемъ котораго предназначается быть Томскому университету. Здѣсь же мимоходомъ я завелъ рѣчь о наслѣдственной ихъ библіотекѣ, упомянувъ, что, вѣроятно, въ ней не ощущается большая надобность, если она такъ долго остается въ закупоренныхъ ящикахъ. Графъ Д. А. Толстой поддержалъ мою мысль и встрѣтилъ со стороны многоуважаемаго хозяина полную готовность пожертвовать эту библіотеку Сибирскому университету. Но Александръ Григорьевичъ тутъ же замѣтилъ, что она принадлежитъ не ему одному, а совмѣстно съ братомъ, Сергѣемъ Григорьевичемъ, съ которымъ необходимо переговорить особо по этому поводу. По возвращеніи въ Петербургъ, графъ Толстой возложилъ на меня это порученіе, но Сергѣя Григорьевича мнѣ удалось видѣть только въ 1877 году. Съ его стороны я встрѣтилъ ту же полную готовность передать библіотеку Сибирскому университету, если противъ этого не будетъ ничего имѣть сынъ его, Николай Сергѣевичъ. Въ концѣ-концовъ дѣло это устроилось. Въ 1879 году ящики съ книгами были переданы министерству народнаго просвѣщенія, а весной 1880 года, какъ я уже говорилъ, отправлены въ Томскъ черезъ контору Россійскаго общества транспортированія кладей.

Принимая библіотеку графовъ Строгановыхъ, я не зналъ въ то время ея содержимаго. Повидимому, и жертвователи имѣли о ней неясное представленіе. Каталоги ея, по словамъ главнаго управляющаго Сергѣя Григорьевича, должны были находиться въ одномъ изъ ящиковъ съ книгами, но въ которомъ именно, этого онъ не могъ указать. Ящики переданы были вѣсомъ и счетомъ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ замѣтилъ только, что въ числѣ книгъ, въ какомъ-то изъ ящиковъ, должны находиться фамильныя бумаги и дѣла Григорія Александровича. Ихъ онъ просилъ при разборкѣ книгъ переслать въ

Одессу. Рѣдкія рукописи, какія найдутся въ ящикахъ, по волѣ жертвователей, должны быть переданы въ императорскую публичную библіотеку. Само собою разумѣется, что все это было въ точности исполнено.

О значеніи Строгановской библіотеки я здѣсь распространяться не буду. Скажу лишь вкратцѣ, что это оказался неоцѣнимый научный кладъ, такое сокровище, какимъ едва-ли могутъ обладать даже самые богатые и старые наши столичные университеты. Для юнаго и далекаго Сибирскаго университета такое пріобрѣтеніе можно считать неожиданнымъ счастіемъ. Я вспоминаю объ этомъ съ глубокой благодарностью къ доблестному роду графовъ Строгановыхъ, оказавшему Сибири незабвенныя услуги какъ во время ея перваго покоренія, такъ и теперь, когда надъ Сибирью загорается первая заря духовнаго свѣта. Надѣюсь, что будущіе профессора Сибирскаго университета по достоинству оцѣнятъ этотъ щедрый даръ и воспользуются имъ для своихъ научныхъ работъ. Обширная и всесторонняя по содержанію библіотека есть необходимѣйшій и самый прочный фундаментъ нашего духовнаго развитія, и плохой тотъ профессоръ, который будетъ имѣть передъ глазами только новости текущаго дня, не интересуясь, что дѣлали и какъ думали наши предшественники. Профессоръ безъ хорошей библіотеки—это воинъ безъ оружія. Тотъ, кто идетъ на поводу только у текущей, хотя бы и научной, журналистики, напоминаетъ щеголя, для котораго мода дня—выше всего. Мыслящій профессоръ долженъ искать въ книгѣ не текущія новости, а новыя идеи. Для этой цѣли старая хорошая книга сплошь и рядомъ даетъ больше пищи, нежели современный газетный листокъ, которымъ, къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ много увлекаются. Лично я всегда имѣлъ больше пристрастія къ старымъ литературнымъ друзьямъ, всегда цѣнилъ и лелѣялъ ихъ, имѣя свою собственную довольно богатую библіотеку. Безъ сподручныхъ книгъ, казалось мнѣ, невозможно начать ни одного научнаго дѣла. Такъ я смотрю и на потребности будущаго Сибирскаго университета, стараясь, раньше возведенія его стѣнъ, приготовить для него возможно больше духовной пищи.

Во время нынѣшняго пребыванія въ Петербургѣ мнѣ пришлось узнать весьма прискорбную для меня новость о предполагаемыхъ перемѣнахъ въ нашемъ министерствѣ. Глубоко мною уважаемый товарищъ министра, князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ предполагаетъ оставить свой постъ. Предлогомъ къ этому онъ ставитъ утомленіе и болѣзнь, но, независимо отъ болѣзни, кажется, здѣсь имѣютъ мѣсто и другія причины, именно недостатокъ гармоніи въ личныхъ отношеніяхъ къ графу Дмитрію Андреевичу. Такъ или иначе, но мнѣ очень жаль Александра Прохоровича: онъ былъ самымъ близкимъ для меня человѣкомъ въ министерствѣ. По отноше-

нію къ Сибирскому университету это былъ искренній ревнитель его осуществленія и вѣрный его слуга и заступникъ. О желаніи оставить министерство въ самомъ непродолжительномъ времени князь говорилъ мнѣ лично.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ ходятъ упорные слухи, что и графъ Д. А. Толстой скоро оставитъ службу. Объ этомъ много разъ говорили и раньше, но въ данномъ случаѣ я получилъ свѣдѣнія изъ источника весьма компетентнаго. Графа многіе не любятъ за его классическую систему воспитанія. Либералы видятъ въ немъ упорнаго консерватора и единомышленника М. Н. Каткова, не пользующагося сочувствіемъ у такъ называемой „молодой Россіи". Въ высокихъ государственныхъ сферахъ, гдѣ нынѣ у большинства представителей господствуетъ стремленіе копировать конституціонную Европу, графа Толстого тоже не считаютъ сторонникомъ такого направленія. При подобныхъ условіяхъ ему трудно удержаться на мѣстѣ: имъ должны будутъ пожертвовать для удовлетворенія современныхъ вкусовъ интеллигентной толпы.

На мой личный взглядъ, такая уступка общественному мнѣнію и нелогична и безполезна. Я искренне уважаю графа Дмитрія Андреевича за добрыя намѣренія и за многое имъ сдѣланное для русскаго просвѣщенія (громадное увеличеніе числа учебныхъ заведеній и усовершенствованіе ихъ строя), но не считалъ бы его человѣкомъ идущимъ противъ теченія. Напротивъ того, если не активно и по убѣжденію, то пассивно, по нерѣшительности, графъ Толстой не принималъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ противъ распущенности нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ господствовали въ средѣ учащихся своеволіе и разнузданность, чуть не открытая пропаганда анархіи. Поэтому, если было основаніе сѣтовать на графа Толстого, то скорѣе за его индифферентизмъ къ установившимся въ учебныхъ заведеніяхъ порядкамъ.

Изъ Петербурга я выѣхалъ въ концѣ страстной недѣли, напутствуемый предписаніями и совѣтами министра по дѣламъ Сибирскаго университета. Возвратившись въ Казань 17 апрѣля (къ Пасхѣ), я на другой же день прочиталъ въ телеграммахъ, что министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой высочайше освобожденъ отъ занимаемой имъ должности, а на мѣсто его назначенъ управляющій министерствомъ бывшій попечитель дерптскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Андрей Александровичъ Сабуровъ.

Въ скоромъ времени вышелъ изъ министерства и князь Александръ Прохоровичъ. На мѣсто его товарищемъ министра назначенъ Павелъ Алексѣевичъ Марковъ. А. А. Сабурова я немного зналъ раньше, когда онъ былъ предсѣдателемъ Петербургскаго окружнаго суда, гдѣ

мнѣ нерѣдко приходилось бывать въ качествѣ эксперта, или присяжнаго засѣдателя; потомъ въ 1875 году я встрѣтился съ нимъ въ Дерптѣ во время пребыванія тамъ нашей университетской коммиссіи. Въ то время онъ только-что былъ назначенъ попечителемъ округа. П. А. Маркова я ни разу до того времени не встрѣчалъ.

Тотчасъ послѣ Пасхи у меня начинались въ Казани выпускные экзамены, а 14 мая я долженъ былъ уже выѣхать въ Томскъ, чтобы по расчету попасть въ Тюмени на первый пароходъ. Поэтому у меня не оставалось времени еще разъ побывать этою весной въ Петербургѣ, чтобы представиться новому министерству и, можетъ быть, получить отъ него какія-либо новыя указанія относительно порученныхъ мнѣ обязанностей по Сибирскому университету. Съ графомъ Толстымъ и кн. Ширинскимъ я былъ въ курсѣ дѣла, зналъ ихъ возрѣнія и свои полномочія, не всегда даже оформленныя на бумагѣ. Для Сабурова же это дѣло было совершенно новое. Я даже не былъ увѣренъ, сочувствуетъ ли онъ ему, или нѣтъ, такъ какъ на Сибирскій университетъ въ то время многіе смотрѣли, какъ на праздную и безполезную затѣю. При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ мнѣ предстояло въ первый разъ отправиться въ Томскъ, не зная, что я встрѣчу тамъ, и что услышу, при возвращеніи, въ Петербургѣ. Много разъ при этомъ я благодарилъ судьбу, что при дѣлаемыхъ мнѣ раньше предложеніяхъ переселиться въ Томскъ я не соглашался оставить службы въ Казанскомъ университетѣ. Иначе я снова оказался бы въ крайне неопредѣленномъ положеніи,—гораздо худшемъ, чѣмъ въ 1875 году, послѣ моего выхода изъ военно-медицинской академіи. Такъ или иначе, но теперь у меня въ Казани есть прочная осѣдлость, которой я могу вполнѣ удовлетвориться въ томъ случаѣ, если бы вопросъ о Сибирскомъ университетѣ снова заглохъ или былъ бы отложенъ, по пословицѣ, въ долгій ящикъ.

Въ августовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1894 годъ, напечатана статья Б. Б. Глинскаго подъ заглавіемъ: Николай Михайловичъ Ядринцевъ (Біографическій очеркъ). Въ этой статьѣ, на стр. 425, сказано: „По иниціативѣ этого молодого дѣятеля было тогда же (въ 1863 году въ Омскѣ) основано общество для собиранія пожертвованій на мѣстный университетъ и, благодаря энергичной проповѣди Ядринцева и общему сочувствію остальныхъ сибиряковъ, средства въ концѣ концовъ скопились на этотъ предметъ очень значительныя, такъ что получилась фактическая возможность въ 1888 г. привести задачу въ исполненіе. Съ момента появленія на публичной каѳедрѣ въ Омскѣ [1]) и до послѣдняго своего воздыханія Н. М. яв-

[1]) Публичная лекція въ 1863 г. въ Омскѣ въ пользу школы солдатскихъ дѣтей на тему о необходимости университета въ Сибири.

лялся самымъ горячимъ проповѣдникомъ университетской идеи въ Сибири. Онъ первый, послѣ Сперанскаго, началъ пропагандировать эту идею, ее проводилъ онъ красною нитью во всѣхъ своихъ статьяхъ, каково бы ни было ихъ содержаніе, онъ за нее представительствовалъ передъ мѣстной и столичной администраціей, онъ собралъ на основаніе университета громадныя суммы, онъ привѣтствовалъ его возникновеніе и о немъ онъ говорилъ еще въ наши дни"... „Ратуя всю свою жизнь за необходимость высшаго разсадника просвѣщенія на востокѣ, Николай Михайловичъ органически связалъ свое имя съ Томскимъ университетомъ, явившись его создателемъ и пророкомъ [1])".

Я не имѣю честь знать г. Глинскаго и не могу даже гадательно предположить, откуда онъ взялъ такія несправедливыя свѣдѣнія и сужденія. Но я считаю своею обязанностью объяснить, что вся вышеприведенная выписка совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Находясь въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ къ Томскому университету съ 1875 года, я могу засвидѣтельствовать: 1) что никакого общества, по крайней мѣрѣ, гласнаго и разрѣшеннаго, для собиранія пожертвованій на мѣстный университетъ никогда не существовало; никогда ни одной копѣйки отъ г. Ядринцева, или черезъ его руки, на устройство Томскаго университета не поступало; 3) объ его „энергической проповѣди", призывающей сибиряковъ къ пожертвованіямъ на Томскій университетъ, мнѣ ничего не извѣстно; 4) ни о какомъ „предстательствѣ" предъ мѣстной, а тѣмъ болѣе столичной администраціей по вопросамъ о Сибирскомъ университетѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ Николай Михайловичъ по своему положенію не имѣлъ къ этому дѣлу ровно никакого отношенія. Отсюда слѣдуетъ, что г. Глинскій не имѣлъ никакого основанія сказать, что „Н. М. Ядринцевъ органически связалъ свое имя съ Томскимъ университетомъ, явившись его создателемъ (?) и пророкомъ (?)".

Любопытно было бы уяснить себѣ, откуда взялись у почитателей г. Ядринцева такія преувеличенныя, или даже совсѣмъ ложныя понятія объ его отношеніяхъ къ Томскому университету? Нѣтъ дыма безъ огня, нѣтъ молвы безъ какой-нибудь фактической подкладки. Въ данномъ случаѣ дѣло, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что мечты принимались за дѣйствительность, желанія и предположенія— за совершившійся фактъ. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Въ декабрѣ 1863 года, когда Н. М. Ядринцевъ находился въ Омскѣ, былъ устроенъ литературный вечеръ въ пользу школы казачьихъ дѣтей. На этомъ вечерѣ, въ числѣ другихъ лицъ, Николай

---

[1]) Курсивъ въ этой выпискѣ мой.

Михайловичъ прочелъ замѣтку о необходимости въ Сибири собственнаго университета [1]). Въ числѣ мотивовъ для его учрежденія юный авторъ, между прочимъ, приводитъ слѣдующее: „Наше (т. е. сибирское) общество, выдѣляя даровитыя личности, не получаетъ отъ нихъ никакой пользы для своего края. Воспитываясь по разнымъ (русскимъ) университетамъ, будучи разъединенными, они не пропитываются общимъ духомъ любви къ родинѣ (т. е. къ Сибири), не вырабатываютъ никакихъ самобытныхъ идей въ интересахъ своего края и остаются космополитами, чуждыми своей землѣ, чуждыми своему народу. Думали ли мы, господа, объ этихъ потерянныхъ, лучшихъ силахъ земли нашей?“ Подъ выраженіями: своя земля, наша земля, свой народъ— здѣсь разумѣлось не общее русское отечество, а именно Сибирь, которую г. Ядринцевъ, вслѣдствіе юношескаго увлеченія, или непониманія (ему было тогда всего 21 годъ), представлялъ чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ Россіи, государствомъ въ государствѣ. Съ этой точки зрѣнія ему казались космополитами всѣ тѣ образованные сибиряки, которые потомъ основали свою дѣятельность въ Европейской Россіи, въ числѣ которыхъ онъ называетъ Д. Ив. Менделѣева, Щапова, проф. Казанскаго университета Чугунова и Корсака. Эта нелѣпая мысль, вскорѣ доведшая незрѣлаго автора до тюрьмы и ссылки за химерическій проектъ отдѣленія Сибири отъ Россіи, была положена въ основу доказательствъ необходимости для Сибири собственнаго университета. Далѣе авторъ, идеализируя сибирское общество, высказываетъ желаніе и надежду, что оно можетъ создать университетъ своими средствами. Онъ говоритъ: „Сочувствіе Сибирскому университету до сихъ поръ обнаруживалось только личными порывами. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ енисейскимъ капиталистомъ Кузнецовымъ пожертвованъ капиталъ на учрежденіе Сибирскаго университета; недавно г. Сибиряковъ (Михаилъ Константиновичъ) предложилъ пожертвовать золотосодержащія площади въ пользу того же“. Автору эти свѣдѣнія представляются осуществленными фактами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это были лишь проекты и обѣщанія, до сихъ поръ неисполненные. Но г. Ядринцевъ мечталъ не объ единичныхъ вкладахъ, а о средствахъ, которыя можно было бы собрать со всего народа, не только по городамъ общепринятыми способами (спектакли, концерты, лоттереи, подписки), но даже съ крестьянъ посредствомъ обложенія спеціальнымъ для того налогомъ. Съ этою цѣлію онъ проектируетъ образовать „Общество учрежденія Сибирскаго университета“ съ многочисленными комитетами по всѣмъ городамъ и намѣчаетъ общія

---

[1]) Замѣтка эта была потомъ напечатана въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1864 г. № 5, стр. 28—31.

черты дѣятельности этого частнаго или вольнаго общества. Автору казалось, что университетъ такое простое дѣло, что оно можетъ быть осуществлено сибирскимъ патріотизмомъ безъ матеріальнаго содѣйствія правительства.

Въ этой фантастической замѣткѣ, или, какъ говоритъ г. Глинскій, публичной лекціи юнаго мечтателя лежитъ первая канва слуховъ объ основаніи общества для собиранія пожертвованій на Сибирскій университетъ. Поклонники г. Ядринцева приняли эту мечту за чистую монету, потомъ дополнили ее своимъ воображеніемъ, будто бы, благодаря предполагаемому обществу, энергичной проповѣди Ядринцева и общему сочувствію сибиряковъ, накопились средства, которыя были нужны для постройки и открытія Томскаго университета. На самомъ же дѣлѣ проповѣдь г. Ядринцева въ 1863 г. не произвела ни малѣйшаго дѣйствія на денежныхъ сибиряковъ. Да врядъ ли кто-нибудь и зналъ о ней, кромѣ слушателей вышеупомянутаго литературнаго вечера, да редактора „Томскихъ Вѣдомостей". На призывъ проповѣдника не откликнулась ни одна душа. Зато молодая сибирская интеллигенція, раздѣлявшая идеалы Ядринцева, приняла къ свѣдѣнію его идею о теоретической возможности создать въ Сибири университетъ на мѣстныя средства, не обязываясь правительству.

Не находя этого въ дѣйствительности, сибирскіе патріоты стали культивировать эту идею въ устномъ преданіи и въ мѣстной прессѣ, стараясь доказать, что Томскій университетъ, главнымъ образомъ, обязанъ самимъ сибирякамъ.

Послѣ перваго заявленія г. Ядринцева въ Омскѣ въ 1863 г. прошло 12 лѣтъ. О Сибирскомъ университетѣ не было ни духу, ни слуху. Въ 1875 году, какъ мы уже говорили выше, послѣдовало высочайшее соизволеніе на учрежденіе сего университета вслѣдствіе представленія вновь назначеннаго въ Западную Сибирь генералъ-губернатора Казнакова. Въ это время Ядринцевъ былъ въ Петербургѣ и, зная мое участіе въ этомъ дѣлѣ, явился ко мнѣ съ проектомъ „Общества для основанія университета въ Сибири". Въ то время я ничего не зналъ ни о замѣткѣ, читанной Ядринцевымъ въ Омскѣ въ 1863 г., ни о самомъ авторѣ ея, теперь же вижу, что онъ продолжалъ носиться все съ той же мечтой. Копію съ проекта съ собственноручными помѣтками онъ вручилъ мнѣ съ просьбой дать мое мнѣніе и ознакомить съ этими бумагами графа Д. А. Толстого. Прочитавъ ихъ, я тотчасъ же сказалъ г. Ядринцеву, что проектъ его неумѣстенъ и неосуществимъ и что я считаю неудобнымъ говорить объ этомъ г. министру. На этомъ дѣло и остановилось. Копія проекта до сего времени сохраняется у меня въ портфелѣ.

Прошеніе г. министру и воззваніе къ жертвователямъ написано

г. Ядринцевымъ, а на проектѣ устава помѣчена фамилія Барановскаго. А такъ какъ г. Ядринцевъ въ то время не пользовался въ глазахъ правительства достаточнымъ цензомъ для подобныхъ петицій [1]), то въ главѣ просителей поставленъ былъ М. К. Сидоровъ. Примкнули ли къ этому проекту другіе, болѣе солидные сибиряки, живущіе въ столицѣ, я не знаю, но ни въ Москвѣ, ни въ сибирскихъ городахъ, сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ не поднималось рѣчи.

Первые крупные вклады на Сибирскій университетъ (не считая Демидовскаго 1804 г.), какъ извѣстно, поступили въ 1875—77 годахъ отъ З. М. Цибульскаго и А. М. Сибирякова, затѣмъ отъ Томской городской думы и братьевъ Зензиновыхъ въ Москвѣ (въ 1878 г.). Заявленія объ этихъ пожертвованіяхъ, равно какъ и о послѣдующихъ (преимущественно на стипендіи), дѣлались непосредственно или въ министерство народнаго просвѣщенія, или въ строительный комитетъ по возведенію университетскихъ зданій. Иниціатива этихъ добрыхъ дѣлъ всецѣло принадлежала самимъ жертвователямъ. Г. Ядринцевъ ко всѣмъ подобнымъ случаямъ не имѣлъ ни малѣйшаго касательства.

Вслѣдъ за назначеніемъ Н. Г. Казнакова на генералъ-губернаторскій постъ, Ядринцеву, по рекомендаціи А. И. Деспота-Зеновича, дано было какое-то служебнее назначеніе въ Омскѣ, куда онъ въ скоромъ времени и переселился (въ 1876 г.). Изъ Омска въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ я получилъ отъ него не менѣе десятка писемъ, въ которыхъ онъ старается убѣдить меня въ неудобствѣ основанія университета въ этомъ городѣ, такъ сказать подъ крыломъ генералъ-губернатора. Кое-чѣмъ изъ этихъ данныхъ я воспользовался при разсмотрѣніи университетскаго вопроса въ вышеупомянутой коммиссіи, но болѣе точныя и цѣнныя свѣдѣнія изъ Омска мнѣ были доставлены медицинскимъ инспекторомъ М. Г. Соколовымъ.

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ (родился въ 1845 г. въ Омскѣ) учился въ Томской гимназіи до 6-го класса, послѣ того, въ самый разгаръ университетскихъ смутъ, въ 1860—61 году числился вольнымъ слушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ. Здѣсь на господствовавшихъ тогда студенческихъ сходкахъ, вечеринкахъ и земляческихъ кружкахъ онъ былъ вовлеченъ въ омутъ завиральныхъ идей того времени, за что пришлось ему не мало пострадать на своемъ вѣку. Сначала, въ 1862 г., онъ былъ высланъ изъ Петербурга на родину въ Омскъ, потомъ по дѣлу о химерическомъ отдѣленіи Сибири отъ Россіи онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ провелъ около двухъ лѣтъ. Изъ тюрьмы его сослали на жительство въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, кажется въ Шенкурскъ, гдѣ Н. М. провелъ не менѣе двухъ лѣтъ. Въ 1874—75 г. его прежніе грѣхи были отпущены, но все же прошлая репутація не соотвѣтствовала тому, чтобы Н. М. могъ выступить во главѣ проектируемаго общества для сбора пожертвованій на Сибирскій университетъ.

Съ 1878 по 1880 г. я не имѣлъ отъ Н. М. Ядринцева ни писемъ, ни свѣдѣній. При закладкѣ Сибирскаго университета (26 августа 1880 г.) онъ не присутствовалъ и не прислалъ никакого привѣтствія, находясь въ это время въ Алтайской экспедиціи. Отъ 22 октября этого года онъ писалъ мнѣ въ Казань: „Собранныя мною (во время экспедиціи) коллекціи, конечно, составятъ достояніе музеевъ университета, если пригодятся. Кромѣ того, я заинтересовываю пожертвованіями разныхъ частныхъ лицъ. Въ Самарѣ я уговорилъ одно лицо пожертвовать богатую коллекцію оттисковъ растеній каменоугольной фармаціи и окаменѣлыхъ раковинъ, а также коллекцію древнихъ жетоновъ. Кромѣ того, у меня есть мысль составить для Сибирскаго университета два альбома: археологическій, со снимками предметовъ древностей, находимыхъ въ Сибири, и альбомъ этнографическій, типовъ и видовъ сибирскихъ, включая, конечно, и инородцевъ. Мысль эту начинаю осуществлять“. Эти обѣщанія, вѣроятно, получили другое назначеніе, такъ какъ Томскій университетъ ни во время его постройки, ни въ послѣдующее время не получалъ отъ Н. М. ни коллекцій, ни жетоновъ, ни альбомовъ.

Поводомъ къ этому письму Н. М. было его личное дѣло. Оно состояло въ слѣдующемъ: „у меня была давнишняя мечта, писалъ онъ, создать научно-литературный органъ въ Томскѣ, какъ будущемъ университетскомъ городѣ. Хотя я зналъ, что газету создаетъ Макушинъ, но газета, при настоящихъ условіяхъ цензуры, не входила въ мои планы. Моя мысль посвятить изданіе изслѣдованію Сибири по географіи, этнографіи, исторіи, археологіи и статистикѣ Сибири. Здѣсь могутъ стекаться всѣ научные вклады и вмѣстѣ съ тѣмъ это изданіе должно быть удобочитаемымъ и занимательнымъ для публики, безъ чего оно, конечно, можетъ остаться изданіемъ архивнымъ. Обстоятельствамъ угодно было подвинуть осуществленіе этого дѣла. Иркутскіе издатели, оканчивая дѣло съ газетою „Сибирь“ по неблагопріятному отношенію къ нимъ въ Иркутскѣ, рѣшились передать его мнѣ со всѣми наличными средствами.

„Органъ этотъ съ широкою программою по научнымъ отдѣламъ можетъ быть изъ еженедѣльнаго превращенъ въ какой угодно. Важно получить теперь право изданія мнѣ, чтобы сосредоточить средства и завоевать почву. Вотъ моя новость, которую я тороплюсь довести до вашего свѣдѣнія, надѣясь на ваше содѣйствіе и сочувствіе. Теперь, когда идутъ дѣятельныя приготовленія въ Томскѣ къ созданію учрежденія, около котораго будетъ группироваться жизнь страны, пора и мнѣ найти себѣ солидный трудъ на пользу нашей родины“.

По поводу этого предположенія я откровенно отвѣтилъ, что, познакомившись съ составомъ томской интеллигенціи, нахожу подобное

предпріятіе преждевременнымъ и едва-ли посильнымъ. Если имѣется въ виду создать научный органъ, то полезнѣе было бы обождать съ этимъ вопросомъ до открытія университета и тогда, смотря по обстоятельствамъ, или примкнуть его къ университетскимъ изданіямъ, или, по крайней мѣрѣ, воспользоваться университетскими силами. На этомъ дѣло и остановилось.

Въ слѣдующемъ 1881 г. Н. М. Ядринцевъ оставилъ омскую службу и переселился въ Петербургъ, повидимому не оставляя мечты объ основаніи литературнаго органа. Въ 1882 г. онъ дѣйствительно получаетъ разрѣшеніе на изданіе въ Петербургѣ еженедѣльной газеты „Восточное Обозрѣніе". Нельзя сказать, чтобы въ этомъ народившемся органѣ нашъ строительный комитетъ пользовался особымъ расположеніемъ. Напротивъ того, томскіе сотрудники его и корреспонденты, настроенные на извѣстный отрицательный ладъ, старались во всемъ находить темныя стороны. Не понимая дѣла, они критиковали и планы, и систему университетскихъ построекъ. Я до сихъ поръ не понимаю такого озлобленнаго направленія нашей мелкой прессы: порицать все, что выходитъ не изъ ихъ лагеря. Въ данномъ случаѣ, нападки можно было объяснять личнымъ нерасположеніемъ редакціи къ предсѣдателю комитета, томскому губернатору В. И. Мерцалову. Обиженный статьями „Восточнаго Обозрѣнія", онъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Толстому, жалобу, вслѣдствіе чего газетѣ было дано предостереженіе.

По этому случаю я снова получаю отъ Н. М. Ядринцева, отъ 29 октября 1882 г., слѣдующее письмо: „Вчера мною получено первое предостереженіе, смыслъ котораго вы прочтете въ газетахъ. Это не дѣло министерства, а дѣло доносовъ В. И. Мерцалова по университетскому вопросу... У меня нѣтъ средствъ и возможности заявить министру, графу Толстому, что у меня искреннее стремленіе служить родинѣ и что я не руководствуюсь личными антипатіями и интригами. Я боюсь, что эти жалобы подѣйствуютъ на графа. Если вы можете быть полезны, если можете сказать доброе слово за газету, за ея поведеніе въ университетскомъ вопросѣ и за меня, какъ редактора, не откажите и напишите мнѣ письмо, съ которымъ бы я могъ явиться къ графу. Я ручаюсь за хорошее впечатлѣніе". Я не раздѣлялъ такого мнѣнія редактора и письма ему не написалъ. Съ тѣхъ поръ наша переписка совсѣмъ прекратилась. Н. М. изрѣдка продолжалъ напоминать о себѣ только въ газетныхъ статьяхъ, тонъ которыхъ былъ далеко не сочувственный строющемуся университету. Даже при самомъ открытіи университета въ 1888 году редакція „Восточнаго Обозрѣнія" (къ этому времени переселившаяся въ Иркутскъ) привѣтствовала это радостное событіе сдержанно и холодно, точно разоча-

ровавшись въ своихъ надеждахъ. Дальнѣйшее поведеніе этой газеты было уже явно враждебное, если не ко всему университету, то ко мнѣ лично и къ тѣмъ его представителямъ, которые направляли его начинающуюся жизнь не по рецепту „Восточнаго Обозрѣнія.“

Вотъ истинныя черты отношеній Н. М. Ядринцева и его кружка къ созидавшемуся и открытому разсаднику высшаго просвѣщенія въ Сибири. Вспоминая все это, я долженъ сказать, что покойный сибирскій публицистъ и мѣстный патріотъ въ былое время дѣйствительно увлекался идеей Сибирскаго университета, но его увлеченіе имѣло своеобразный характеръ. Университетъ рисовался ему съ побочной стороны, съ точки зрѣнія вольнаго слушателя 60-хъ годовъ, въ ореолѣ порядковъ того времени. Юношескія мечты, думы и привычки часто оставляютъ глубокій слѣдъ на цѣлую жизнь. Разъ созданные, излюбленные, хотя и фантастическіе, образы нерѣдко представляются людямъ впечатлительнымъ и страннымъ, какъ реальные, осуществившіеся факты. Эта, своего рода, галлюцинація, повидимому, имѣла мѣсто при сужденіяхъ кружка Ядринцева о Сибирскомъ университетѣ, какъ во время его созиданія, такъ и въ первый періодъ его жизни. Иначе я не могу объяснить себѣ настойчиваго, продолжающагося чуть не двадцать лѣтъ увѣренія сибирской прессы, будто бы Томскій университетъ съ его громадными и богатыми научными коллекціями созданъ только усиліями и жертвами сибиряковъ, какъ результатъ ихъ патріотическаго порыва. Эта басня, повторяемая на разные лады, продолжаетъ оповѣщаться до сего времени вопреки очевидной дѣйствительности.

Такой миражъ созданъ воображеніемъ Ядринцева. Вспомнимъ его чтеніе на литературномъ вечерѣ въ Омскѣ въ 1863 г., когда онъ мечталъ собирать по частному почину народныя средства на постройку и содержаніе Сибирскаго университета; вспомнимъ его узкій сибирскій патріотизмъ, его юношескія фантазіи о взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и Сибирью, и мы поймемъ, что въ его воображеніи рисовался Сибирскій университетъ не какъ русское государственное учрежденіе, а какъ народное и при томъ спеціально сибирское дѣло. На какія средства создавался Сибирскій университетъ, это мы увидимъ ниже, но и здѣсь считаемъ не излишнимъ повторить, что, за исключеніемъ З. М. Цибульскаго и А. М. Сибирякова, сибирское общество принимало наименьшее участіе въ осуществленіи и обогащеніи этого государственнаго учрежденія, по крайней мѣрѣ въ періодъ его постройки и въ первые годы послѣ его открытія. Иначе и быть не могло. Кто хорошо знаетъ складъ сибирскаго городскаго общества, тотъ пойметъ, насколько оно чуждо идейнаго увлеченія высшимъ просвѣщеніемъ своей страны. Это я говорю не въ укоръ сибирскому обществу. И прочіе русскіе университеты созидались при

такихъ же условіяхъ. Откликъ на подобныя предпріятія обыкновенно является у немногихъ отдѣльныхъ личностей, масса же населенія обыкновенно ограничивается только платоническимъ сочувствіемъ доброму дѣлу. И за то спасибо.

Прочитавъ въ вышеупомянутомъ некрологѣ Н. М. Ядринцева невѣрныя сужденія объ его отношеніяхъ къ Томскому университету, я не обратилъ бы на это вниманіе, если бы подобные тенденціозные взгляды не повторялись уже много разъ въ сибирской прессѣ. Оставаясь безъ объясненій и опроверженій, они въ концѣ-концовъ пріучили бы сибирскую публику вѣрить этимъ баснямъ. Въ послѣдніе годы то же стали печатать и въ столичныхъ газетахъ. Такъ, напр., въ 310 номерѣ газеты „Русская жизнь“ (15-го ноября 1892 г.) была напечатана корреспонденція изъ Томска, гдѣ въ началѣ статьи сказано: „при первой вѣсти о Сибирскомъ университетѣ болѣе полумилліона рублей частныхъ пожертвованій стеклось тотчасъ же и это дало возможность начать постройку“. На самомъ дѣлѣ постройка университетскихъ зданій производилась, главнѣйшимъ образомъ, на средства государственнаго казначейства, а не на частныя пожертвованія сибиряковъ. Изъ общей суммы 975 тысячъ рублей, израсходованныхъ на это (со включеніемъ зданія клиникъ), на долю казны приходится 612 т. руб., а на частныя пожертвованія 362.923 руб. При томъ эта послѣдняя сумма составилась, главнымъ образомъ, изъ двухъ крупныхъ пожертвованій: одно изъ нихъ въ 182 тысячи принадлежитъ Павлу Григорьевичу Демидову (не сибиряку), другое Захару Михайловичу Цибульскому, 140 тысячъ [1]). Остальные вклады на постройку университета выразились скромными цифрами. Самый крупный изъ нихъ, 25 т. руб., принадлежитъ Томской городской думѣ, 10 т. руб.— г. Трапезникову (живущему въ Москвѣ), 3.000 руб.,—барнаульскому купцу Сухову, 2.500 руб.—Собашникову, 1.000 руб.—бійскому купцу Соколову, 1.000 руб.—Нѣмчинову, 1.000 руб.—Кулакову; при закладкѣ университета пожертвовано городскими обществами Барнаульскимъ, Бійскимъ, Семипалатинскимъ и Минусинскимъ по 1.000 руб., остальное выражается сотнями рублей.

Та же тенденціозная недомолвка видна и въ дальнѣйшихъ выраженіяхъ статьи: „Множество библіотекъ поступило въ распоряженіе Томскаго университета, какъ и частныхъ коллекцій“. Здѣсь, очевидно, съ умысломъ, не упомянуто, откуда поступили эти библіотеки и коллекціи, такъ какъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ были не безъизвѣстны томичамъ изъ напечатанныхъ мною ко дню открытія универ-

---

[1]) Изъ этой суммы 6 т. руб. было заплачено за составленіе плановъ Сибирскаго университета архитекторамъ Бруни и Жиберу и 4.000 руб. выдано на путевое пособіе строителямъ университета Арнольду и Нарановичу.

ситета и клиникъ двухъ историческихъ записокъ. Наша библіотека и музеи дѣйствительно обладали замѣчательными сокровищами еще до открытія университета, но всѣ они поступили изъ Европейской Россіи, преимущественно изъ Петербурга, Москвы и Казани, благодаря моему старанію. Сибирь въ этомъ отношеніи не могла дать ничего цѣннаго, потому что сама ничего не имѣла. Исключеніе здѣсь составляютъ только минералогическія коллекціи горнаго инженера Иванова, бывшаго начальника Змѣевскаго рудника на Алтаѣ, и коллекція, собранная въ Восточной и Западной Сибири горными инженерами, пріобрѣтенная на средства З. М. Цибульскаго.

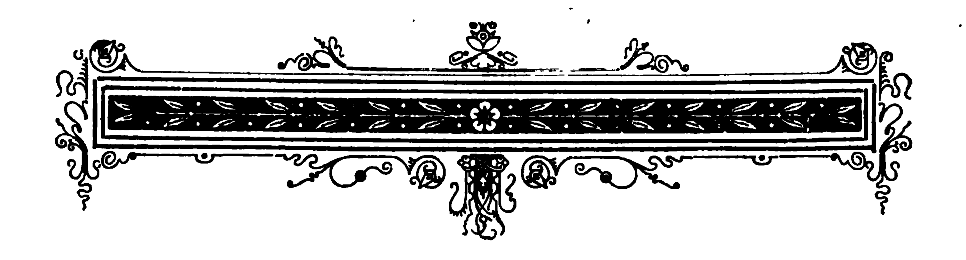
Сравнительно охотнѣе сибиряки жертвовали на стипендіи, но и эти суммы стали замѣтно возрастать только послѣ открытія университета. До 1888 года Томскій университетъ располагалъ слѣдующими стипендіальными капиталами: 1) капиталъ въ 21.730 руб. (считая въ томъ числѣ и приростъ процентами) имени графа Н. П. Игнатьева, собранный въ 1879 году нижегородскимъ ярмарочнымъ купечествомъ; 2) 7.297 руб., собранные ирбитскимъ ярмарочнымъ купечествомъ на стипендіи полковника Е. Б. Богдановича; 3) 7.232 р., пожертвованные Тобольскимъ городскимъ обществомъ на стипендію въ Бозѣ почившаго государя Александра II; 4) 6.037 руб., собранные проживающими въ Москвѣ сибиряками въ 1881 г. въ память трехсотлѣтія завоеванія Сибири; 5) 10 т. руб., пожертвованные на стипендіи братьями Зензиновыми, живущими въ Москвѣ; 6) Ип. Мих. Сибиряковъ пожертвовалъ 6.570 руб. на стипендіи имени Кладищевой; 7) 25.317 руб., пожертвованные на стипендіи З. М. Цибульскимъ; 8) жителями Томской губерніи собрано на стипендіи по подпискѣ 3.828 руб., и 9) Фельдшеромъ Васильевымъ завѣщано на тотъ же предметъ 2.248 руб. [1]).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что даже стипендіальные капиталы въ большинствѣ случаевъ собирались до открытія университета внѣ Сибири, преимущественно по иниціативѣ просвѣщенныхъ москвичей.

Какая была цѣль у сибирской прессы упорно искажать всѣ факты, относящіеся къ Томскому университету, объ этомъ я не буду высказывать никакихъ предположеній. Можетъ быть со временемъ сама жизнь дастъ на это отвѣтъ, ибо думается мнѣ, что литературныя стрѣлы заготовлялись не для борьбы съ покойнымъ строительнымъ комитетомъ и въ частности лично со мною, а для вооруженія грядущихъ поколѣній учащихся сибиряковъ, призванныхъ культивировать темныя сибирскія дебри.

[1]) Всѣ перечисленные капиталы показаны съ наросшими на нихъ по 1-е іюля 1888 г. процентами.

Записки княгини Дашковой [1]).

Письмо княгини Дашковой, посвященное миссъ Уильмотъ.

Приступая къ описанію своей жизни, я удовлетворяю вашему желанію, мой молодой и любезный другъ. Передъ вами картина жизни безпокойной и бурной, или, точнѣе говоря, печальной и обремененной затаенными отъ міра тревогами сердца, которыхъ не могли побѣдить ни гордость, ни мужество. Въ этомъ отношеніи я могу назвать себя мученикомъ принужденія; я говорю мученикомъ, потому что скрывать свои чувства и казаться въ ложномъ свѣтѣ—всегда было противно и невыносимо тяжело для моей природы.

Уже давно мои друзья и родственники требовали отъ меня тотъ трудъ, который теперь посвящаю вамъ. Я отклонила всѣ ихъ просьбы, но не могу отказать вамъ. И такъ, примите исторію моей жизни, грустную исторію, изъ которой легко было бы составить увлекательный романъ. Она съ вашимъ именемъ явится въ свѣтъ. Я писала ее безъ приготовленій такъ, какъ я говорю, и съ полной откровенностью, устоявшей противъ всѣхъ горькихъ уроковъ опыта. Правда, я прошла молчаніемъ или только слегка коснулась тѣхъ душевныхъ потрясеній, которыя были слѣдствіемъ неблагодарности людей, обманувшихъ мою безграничную довѣренность имъ. Это единственные факты, обойденные мной; одно воспоминаніе о нихъ еще доселѣ приводитъ меня въ трепетъ.

[1]) Приступивъ нынѣ къ печатанію настоящихъ „Записокъ", которыя, по прежнимъ цензурнымъ условіямъ, не могли быть изданы въ Россіи, мы, вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, приступимъ къ печатанію другихъ не менѣе интересныхъ „Записокъ императрицы Екатерины II".

Изъ моего разсказа будетъ видно, какъ опасно плыть на одномъ кораблѣ съ „великими міра сего", и какъ придворная атмосфера душитъ развитіе самыхъ энергическихъ натуръ; за всѣмъ тѣмъ, совѣсть, свободная отъ упрека, можетъ дать намъ достаточно силъ, чтобы обезоружить твердостью души свирѣпость тиранна и спокойно перенести самыя несправедливыя гоненія. Здѣсь же мы найдемъ примѣръ, какъ зависть и ея вѣрная подруга—клевета, преслѣдуютъ насъ на извѣстной степени славы.

Когда уже было мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, когда я вынесла много несчастій, болѣзней, жестокое изгнаніе и, въ уединеніи, посвятила себя благу своихъ крестьянъ, мой взоръ въ первый разъ обратился къ прошедшему, и я увидѣла всю ложь и пристрастныя обвиненія, распространенныя нѣкоторыми французскими писателями противъ Катерины „большой"; но съ тѣмъ вмѣстѣ, они не щадили, по дорогѣ, своего злословія и ея друга, Катерину маленькую. Въ этихъ памфлетахъ ваша Дашкова очернена всѣми пороками, совершенно чуждыми ея характеру; у однихъ она является женщиной самаго преступнаго честолюбія, у другихъ—грубой развратницей.

Послѣ этого легко понять, что самая нравственная жизнь, проведенная большею частью вдали отъ свѣта, чему немногіе умѣютъ дать настоящую цѣну, тѣмъ меньше завидовать ей, и эта жизнь не могла укрыться отъ пера злонамѣреннаго памфлетиста. Хотя Екатерина II жалѣла и искала средствъ противъ зла, внесеннаго во Францію мистиками и философами-самозванцами, хотя они боялись могущества великой и страшной царицы; но, вѣроятно, они думали отмстить за себя, съ озлобленіемъ нападая на женщину, не имѣвшую вліянія на правленіе, и старались отнять у нея то, что для нея всего дороже—чистую репутацію.

Такова, впрочемъ, была моя горькая участь: когда судьба лишила меня нашей образованной государыни, когда я не могу больше пользоваться ея личнымъ расположеніемъ или радоваться счастью страны, управляемой ею, враги ея принесли меня на жертву ѣдкой клеветы.

Но, конечно, и это зло, какъ и все въ мірѣ, пройдетъ. Поэтому позвольте лучше поговорить съ вами, мой милый и юный другъ, о томъ, что ближе къ намъ, о нашей взаимной и нѣжной дружбѣ; я невыразимо глубоко чувствую вашу довѣренность ко мнѣ; и вы не могли лучше доказать ее, какъ, покинувъ семейство и родину, чтобы посѣтить меня здѣсь и утѣшить своимъ присутствіемъ старую женщину на закатѣ дней ея, которая, справедливо, можетъ похвалиться однимъ достоинствомъ, что она не прожила ни одного дня только для себя самой.

Нужно ли говорить о томъ, какъ дорого для меня ваше присутствіе, какъ я уважаю и удивляюсь вашимъ талантамъ, вашей скром-

ности, вашей врожденной веселости, соединенной съ чистыми побужденіями вашей жизни. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ вы облегчили, освѣжили мое существованіе. И гдѣ я возьму выраженій, способныхъ вѣрно передать эти впечатлѣнія? Поэтому я ограничусь однимъ простымъ увѣреніемъ, что я уважаю, люблю и удивляюсь вамъ, со всей силой любящаго сердца; вы его знаете и повѣрите, что эти чувства только прекратятся съ послѣднимъ вздохомъ вашего искренняго друга.

Княгиня Дашкова.

Троицкое, 27 октября 1805 г.

I.

Я родилась въ Петербургѣ, въ 1744 г., около того времени, когда императрица Елизавета возвратилась изъ Москвы, послѣ своей коронаціи. Государыня восприняла меня отъ купели, а племянникъ ея, великій князь, впослѣдствіи императоръ Петръ III, былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Эту честь я могла бы приписать женитьбѣ моего дяди, канцлера, на двоюродной сестрѣ Елисаветы, но я больше обязана этимъ чувству дружбы ея къ моей матери, которая во время прежняго царствованія великодушно и, нельзя не прибавить, очень деликатно помогала великой княгинѣ деньгами; а она часто нуждалась въ нихъ, потому что сорила ихъ много, а получала мало.

Я имѣла несчастіе потерять свою мать на второмъ году своего возраста; и узнала о ея прекрасныхъ качествахъ только отъ тѣхъ друзей и лицъ, которые съ чувствомъ признательности вспоминали о ней.

Во время этого событія я находилась у своей бабушки въ одной изъ ея богатыхъ деревень. Съ трудомъ она разставалась со мной, когда я была по четвертому году, чтобы отдать меня на воспитаніе въ менѣе ласковыя руки. Впрочемъ, мой дядя, канцлеръ, вырвалъ меня изъ теплыхъ объятій этой доброй старухи и сталъ воспитывать вмѣстѣ съ своей единственной дочерью, потомъ графиней Строгановой. У насъ были одни учители, однѣ комнаты, одна одежда. Всѣ внѣшнія обстоятельства, казалось, должны были образовать изъ насъ совершенно одинаковыя существа; и при всемъ томъ, во всѣ періоды нашей жизни, между нами не было ничего общаго: эту черту не мѣшаетъ, между прочимъ, замѣтить тѣмъ педагогамъ, которые обобщаютъ системы воспитанія и методически предписываютъ правила относительно столь важнаго предмета, доселѣ, впрочемъ, худо поня-

таго; и, если принять во вниманіе разнообразіе и глубину этого вопроса, то едва-ли можно втиснуть его въ одну общую теорію.

Я не стану распространяться о фамиліи своего отца. Древность ея и блистательныя заслуги моихъ предковъ ставятъ имя Воронцовыхъ на такомъ видномъ мѣстѣ, что моей родовой гордости нечего больше желать въ этомъ отношеніи. Графъ Романъ, отецъ мой, второй братъ канцлера, былъ человѣкъ разгульный и въ молодости лишился моей матери. Онъ мало занимался своими дѣлами, и потому тоже охотно передалъ меня дядѣ, какъ этотъ добрый родичъ, признательный къ моей матери и любившій своего брата, съ удовольствіемъ меня принялъ.

У меня были двѣ сестры, старшая Марія, послѣ замужества графиня Бутурлина, вторая Елизавета, впослѣдствіи Полянская; онѣ скоро были замѣчены императрицей и еще въ дѣтствѣ назначены фрейлинами, жившими при дворѣ. Александръ, мой старшій братъ, безотлучно находился съ отцомъ, и я только его одного знала съ младенчества: мы имѣли случай часто видѣться, и такимъ образомъ между нами съ ранней поры возникла привязанность, которая съ годами обратилась въ взаимное довѣріе и дружбу, до настоящей минуты сохраненную. Мой младшій братъ, Семенъ, жилъ въ деревнѣ съ своимъ дѣдушкой, и я рѣдко видѣла его, даже по возвращеніи его въ городъ. Сестеръ своихъ я еще рѣже встрѣчала. Останавливаюсь на этихъ обстоятельствахъ, потому что они, въ нѣкоторомъ отношеніи, имѣли вліяніе на мой характеръ.

Мой дядя ничего не щадилъ, чтобъ дать намъ лучшихъ учителей, и, согласно съ тѣмъ временемъ, мы были воспитаны превосходно. Насъ учили четыремъ языкамъ, и по-французски мы говорили свободно; государственный секретарь преподавалъ намъ итальянскій языкъ, а Бехтеевъ давалъ намъ уроки русскаго, какъ мы плохо ни занимались имъ. Въ танцахъ мы оказали большіе успѣхи, и нѣсколько умѣли рисовать.

Съ такими претензіями и наружнымъ свѣтскимъ лоскомъ, кто могъ упрекнуть наше воспитаніе въ недостаткахъ? Но что было сдѣлано для образованія характера и умственнаго развитія? Ровно ничего: дядя не имѣлъ времени, а тетка—ни способности, ни призванія.

Я по природѣ была гордой, и эта гордость соединялась съ какой-то необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца; потому, однимъ изъ пламенныхъ моихъ стремленій было желаніе быть любимой всѣми, кто окружалъ меня, и при томъ такъ же искренно, какъ я любила ихъ. Это чувство, когда мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, до такой степени укоренилось во мнѣ, что, заискивая расположенія тѣхъ людей, которымъ мое юношеское и восторженное сердце было горячо пре-

дано, вообразила, что я не могу найти ни взаимнаго сочувствія, ни отвѣта на свою любовь: вслѣдствіе этого я скоро разочаровалась и считала себя одинокимъ существомъ.

Въ такомъ странномъ настроеніи духа, мое разочарованіе въ дружбѣ послужило на пользу моему воспитанію, по крайней мѣрѣ, въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо развитію моего разсудка. Около этого времени я заболѣла корью; по силѣ указа, изданнаго по этому случаю, было запрещено всякое сношеніе съ дворомъ тѣхъ семействъ, которые страдали оспой, изъ опасенія заразить великаго князя, Павла. Едва показались первые симптомы моей болѣзни, меня послали, за семьдесятъ верстъ отъ Петербурга, въ деревню.

Во время этого случайнаго изгнанія, я находилась подъ надзоромъ одной нѣмки, жены русскаго маіора. Эти люди, одинаково холодные, не вызвали во мнѣ никакого юношескаго расположенія къ себѣ. Я не питала къ нимъ ни малѣйшей симпатіи, и когда болѣзнь ослабила мое зрѣніе, я лишилась послѣдняго утѣшенія—читать книги. Моя первоначальная рѣзвость и веселость уступили мѣсто глубокой меланхоліи и мрачнымъ размышленіямъ о всемъ, что окружало меня. Я сдѣлалась серьезной и мечтательной, рѣдко говорливой, и никогда безъ предварительно-обдуманнаго плана не удовлетворяла своей любознательности.

Какъ только я могла приняться за чтеніе, книги сдѣлались предметомъ моей страсти. Бэйль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были любимыми авторами; съ этой поры я стала чувствовать, что время, проведенное въ уединеніи, не всегда тяготитъ насъ, и если прежде я искала съ дѣтскимъ увлеченіемъ одобреніе со стороны другихъ, теперь я сосредоточилась въ самой себѣ и стала разрабатывать тѣ умственные инстинкты, которые могутъ поставить насъ выше обстоятельствъ. Прежде, чѣмъ я возвратилась въ Петербургъ, братъ мой Александръ отправился въ Парижъ; такъ я лишилась его нѣжнаго вниманія, и тѣмъ больше грустила, чѣмъ меньше встрѣчала сочувствія кругомъ себя. Впрочемъ, забываясь среди книгъ или развлеченная музыкой, я горевала только тогда, когда покидала свою комнату. Я просиживала за чтеніемъ иногда цѣлыя ночи, съ тѣмъ умственнымъ напряженіемъ, послѣ котораго слѣдовали безсонницы, и на взглядъ казалась до того болѣзненной, что мой почтенный дядя безпокоился за мое здоровье, въ чемъ приняла участіе и императрица Елисавета. По приказанію ея, много разъ посѣтилъ меня первый ея медикъ, Бургавъ; онъ съ особеннымъ вниманіемъ занялся мной и нашелъ, что общее здоровье еще не повреждено, и болѣзненное мое состояніе, возбудившее опасеніе со стороны моихъ друзей, происходило больше отъ нравственнаго нерасположенія, чѣмъ отъ физическаго разстройства.

Вслѣдствіе этого мнѣнія, стали осаждать меня тысячами вопросовъ, но я не призналась въ истинѣ, да едва-ли и сама могла понять ее; но еслибъ я и сумѣла объяснить, то скорѣй возбудила бы упреки, чѣмъ симпатію и участіе къ себѣ. Говоря объ особенностяхъ своего ума, я должна также упомянуть о той гордости и раздражительности, которыя, не встрѣтивъ осуществленія романтическихъ видѣній фантазіи, заставили меня искать этого воображаемаго счастья внутри себя. Такимъ образомъ, я рѣшилась таить свои чувства, и въ то время, когда мое лицо покрывалось блѣдностью и видимымъ изнеможеніемъ, что я приписывала слабости нервовъ и головнымъ болямъ, мой умъ постепенно мужалъ среди своихъ ежедневныхъ трудовъ. Въ слѣдующій годъ, перечитывая во второй разъ сочиненіе Гельвеція „О разумѣ", я была поражена мыслью, о которой упоминаю здѣсь потому, что она оправдалась передъ судомъ болѣе зрѣлаго моего размышленія. Вотъ это мнѣніе: еслибъ только произведеніе Гельвеція не сопровождалось вторымъ томомъ, гдѣ развивается теорія, болѣе примѣненная къ принятымъ мнѣніямъ и существующему порядку вещей, его ученіе, въ послѣднихъ своихъ результатахъ, разстроило бы гармонію и связи образованныхъ обществъ.

Политика, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, особенно интересовала меня [1]). Всѣ иностранцы, артисты, литераторы и посланники, посѣщавшіе домъ

---

[1]) Примѣчаніе миссъ Уильмотъ. Княгиня разсказывала мнѣ, что еще въ дѣтствѣ она иногда получала позволеніе отъ своего добраго дяди пересмотрѣть старыя дипломатическія бумаги, и это доставляло ей величайшее удовольствіе. А въ этомъ хламѣ было много очень любопытныхъ документовъ, изъ которыхъ два особенно рѣзко запечатлѣлись въ ея памяти, сильнѣе другихъ затронувъ дѣтское воображеніе. Первый документъ, письмо отъ персидскаго шаха къ Екатеринѣ I, по случаю ея восшествія на престолъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, шахъ выражался почти такъ: „Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напиткамъ; я, который пишу тебѣ, имѣю глаза, подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ, и огнемъ пылающія щеки; и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постели". Извѣстная наклонность императрицы попивать водку сообщаетъ этому письму особенный интересъ. Другой документъ открываетъ слѣдующій фактъ, и я передаю его собственными словами. Русскій дворъ однажды (я забыла, въ какое царствованіе) послалъ посольство въ Китай поздравить его монарха съ принятіемъ короны; посланникъ, принятый не совсѣмъ ласково, поспѣшилъ возвратиться домой, недовольный своей миссіей. Русское правительство, заблагоразсудивъ не сознаваться въ китайскомъ неуваженіи къ своей политикѣ, отправило другихъ поблагодарить за лестный пріемъ перваго посла и заключить торговый трактатъ. Вотъ какой отвѣтъ былъ данъ китайскимъ владыкой: „Вы очень странный народъ; чванитесь пріемомъ вашихъ пословъ. Развѣ вы не слышали, что когда мы проѣзжаемъ верхомъ по улицамъ, то предупреждаемъ послѣдняго бродягу не смотрѣть на насъ".

моего дяди, подвергались пыткѣ отъ моей неугомонной любознательности. Я разспрашивала ихъ о чужихъ краяхъ, о формахъ правленія и законовъ: и сравненія, выводимыя изъ отвѣтовъ, пробудили во мнѣ горячее желаніе путешествовать; но въ это время у меня не доставало духа пуститься въ такое предпріятіе; между тѣмъ мрачныя предчувствія скорби и горя, обыкновенные спутники нѣжныхъ темпераментовъ, рисовали передо мной все мое будущее, и я содрогалась при созерцаніи всѣхъ золъ, съ которыми не въ силахъ была бы бороться. Шуваловъ, любовникъ Елисаветы, желавшій прослыть за мецената своего времени, узнавъ, что я страстно люблю читать книги, предложилъ мнѣ пользоваться всѣми литературными новостями, которыя постоянно высылались ему изъ Франціи. Это одолженіе было источникомъ безконечной радости для меня, особенно, когда я въ слѣдующій годъ, послѣ своего замужества, поселилась въ Москвѣ; въ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ немногимъ было больше того, что я уже перечитала, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣла въ своей собственной библіотекѣ, состоявшей почти изъ 900 томовъ; я употребила на эту коллекцію всѣ свои карманныя деньги. Энциклопедія и диксіонеръ Мореры были пріобрѣтены въ настоящемъ году; никогда и никакія, самыя изящныя и цѣнныя игрушки не доставляли мнѣ и половины того удовольствія, которое я чувствовала при этомъ пріобрѣтеніи. Любовь моя къ брату Александру, во время его путешествія, дала мнѣ случай завести съ нимъ правильную переписку. Каждый мѣсяцъ, два раза, я увѣдомляла его о всѣхъ новостяхъ придворныхъ, городскихъ и военныхъ; этой корреспонденціи я обязана образованіемъ своего слога, хотя и не могу судить о его достоинствахъ.

Въ продолженіе іюля и августа 1759 года, когда мой дядя, тетка и двоюродный братъ посѣтили государыню въ Царскомъ Селѣ, я одна осталась въ городѣ, потому что не совсѣмъ хорошо себя чувствовала, при томъ мои литературныя занятія и уединеніе больше и больше нравились мнѣ. За исключеніемъ итальянской оперы, которую я слушала одинъ или два раза, никогда не показывалась въ свѣтѣ; изъ частныхъ домовъ я посѣщала семейство князя Голицына, гдѣ любили меня и жена и мужъ, очень умный и уважаемый старикъ; потомъ я бывала у Самариной, супруги одного изъ домашнихъ чиновниковъ моего дяди. Однажды вечеромъ Самарина пригласила меня къ себѣ; она была нездорова; я осталась у нея ужинать и потому отпустила свою карету, съ тѣмъ, чтобы къ 11-ти часамъ она воротилась и привезла мнѣ горничную дѣвушку, проводить меня домой. Былъ чудный лѣтній вечеръ, когда карета пріѣхала за мной, и такъ какъ улица, въ которой жила Самарина, была спокойная, то сестра ея предложила проводить меня пѣшкомъ до конца этой улицы; я охотно согласилась

*

и приказала кучеру подождать меня тамъ. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ нами очутилась высокая фигура, мелькнувшая изъ другой улицы; воображеніе мое, подъ вліяніемъ луннаго свѣта, превратило это явленіе во что-то колоссальное. Я испугалась и спросила свою спутницу, что такое это значитъ? И въ первый разъ въ моей жизни услышала имя князя Дашкова. Онъ, повидимому, очень коротко былъ знакомъ съ семействомъ Самариной; между нами завязался разговоръ; незнакомый князь случайно заговорилъ со мной, и его вѣжливый и скромный тонъ расположили меня въ его пользу. Въ этой нечаянной встрѣчѣ и взаимномъ болѣе чѣмъ благопріятномъ нашемъ впечатлѣніи я видѣла особенные слѣды Провидѣнія, предназначившаго насъ другъ другу. Знакомство, заведенное такъ оригинально, было трудно поддержать; и будь оно иначе и еслибъ его имя было когда-нибудь упомянуто въ домѣ моего дяди, то, вѣроятно, по одному дѣлу, въ которомъ онъ былъ неудачно замѣшанъ, во мнѣ образовалось бы предубѣжденіе противъ нашего союза. При такихъ обстоятельствахъ, наша неизвѣстность была общимъ нашимъ другомъ и положила основаніе постепенно возраставшей любви. Князь скоро почувствовалъ, что его счастье зависитъ отъ нашего соединенія и, какъ только получилъ мое согласіе, немедленно попросилъ князя Голицына похлопотать за него у моего дяди и отца, но въ то же время поручилъ хранить тайну до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ благословенія отъ своей матери, жившей въ Москвѣ.

Со стороны моихъ родственниковъ не было никакого возраженія, и его мать, которая давно желала видѣть его женатымъ и когда не успѣла соединить его съ дѣвушкой своего собственнаго выбора, душевно одобрила планъ его и согласилась на нашъ бракъ.

Въ одинъ вечеръ, незадолго до отъѣзда моего жениха въ Москву къ своей матери, Елисавета заѣхала къ намъ ужинать изъ итальянской оперы: ее провожали только мой дядя и Шуваловъ. По ея предварительному желанію я на этотъ разъ осталась дома, и князь Дашковъ находился со мной. Вниманіе государыни къ намъ было очень обязательное; въ продолженіе этого вечера, отозвавъ насъ въ другую комнату, она необыкновенно ласково, какъ крестная мать, сказала намъ, что наша тайна ей извѣстна и что она желаетъ намъ полнаго счастья. Она съ похвалой отзывалась объ уваженіи князя къ его матери и, отпустивъ насъ въ общество, сказала ему, что фельдмаршалу Бутурлину приказано уволить его въ Москву. Доброта, нѣжное расположеніе и участіе государыни въ нашей судьбѣ такъ глубоко тронули меня, что я не могла скрыть своего волненія. Императрица, замѣтивъ это, легонько ударила меня по плечу и, поцѣловавъ въ щеку, промолвила: „Оправься, мое милое дитя, иначе ваши друзья

подумають, что я выбранила тебя“. Никогда я не забуду этой сцены, которая навсегда привязала меня къ этой добросердечной государынѣ.

Зимой также посѣтилъ и ужиналъ у насъ великій князь, потомъ Петръ III съ его супругой, впослѣдствіи Екатериной II. Благодаря многимъ посѣтителямъ моего дяди, я уже была извѣстна великой княгинѣ, какъ молодая дѣвушка, которая проводитъ почти все свое время за ученіемъ, при чемъ, разумѣется, было прибавлено много и другихъ лестныхъ отзывовъ. Уваженіе, которымъ она впослѣдствіи почтила меня, было результатомъ этой дружеской предупредительности; я отвѣчала на него полнымъ энтузіазмомъ и преданностью, которая потомъ бросила меня въ такую непредвидѣнную сферу и имѣла больше или меньше вліяніе на всю мою жизнь. Въ эту эпоху, о которой я говорю, навѣрное можно сказать, что въ Россіи нельзя было найти и двухъ женщинъ, которыя бы, подобно Екатеринѣ и мнѣ, серьезно занимались чтеніемъ; отсюда, между прочимъ, возродилась наша взаимная привязанность, и такъ какъ великая княгиня обладала неотразимой прелестью, кому она хотѣла нравиться, то легко представить, какъ она должна была увлечь меня, пятнадцатилѣтнее и необыкновенно впечатлительное существо.

Въ продолженіе этого памятнаго для меня вечера, великая княгиня почти исключительно говорила со мной и очаровала меня своей бесѣдой. По высокому тону ея чувствъ и степени образованія не трудно было замѣтить женщину рѣдкихъ дарованій, той счастливой природы, которая превзошла самыя смѣлыя мои мечты. Вечеръ прошелъ быстро, но впечатлѣніе его сохранилось навсегда и отразилось въ ряду тѣхъ событій, о которыхъ я разскажу послѣ.

Когда Дашковъ возвратился изъ Москвы, онъ, не теряя ни минуты, представился всему нашему семейству; но по причинѣ болѣзни моей тетки, свадьба была отложена до февраля. Едва она немного оправилась, насъ обвѣнчали въ самомъ искреннемъ кругу близкихъ людей; и когда тетка совершенно выздоровѣла, мы уѣхали въ Москву.

Здѣсь новый міръ открылся предо мною, новыя связи, новыя обстоятельства. Я говорила по-русски очень дурно, а свекровь моя на бѣду не говорила ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Родственники моего мужа были большею частью люди стараго покроя, и хотя они любили меня, я однакожъ замѣтила, что будь я больше москвитянкой, я нравилась бы имъ еще больше. Поэтому я ревностно стала изучать отечественный языкъ и такъ быстро успѣвала, что заслужила всеобщія рукоплесканія со стороны моихъ родственниковъ; я искренно уважала ихъ и тѣмъ пріобрѣла ихъ дружбу, которая не измѣнилась даже послѣ смерти моего мужа.

II.

Черезъ годъ послѣ моего замужества, 21-го февраля у меня родилась дочь, а въ маѣ мы провожали свою свекровь въ ея имѣніе—Троицкое. Книги и музыка были нашимъ непремѣннымъ удовольствіемъ; съ помощью ихъ время проходило легко. Въ іюлѣ князь Дашковъ и я отправились въ его Орловское помѣстье и отсюда возвратились въ Москву; когда его отпускъ кончался, мы написали моему отцу въ Петербургъ, прося его похлопотать о новой отсрочкѣ.

Императрица Елисавета постарѣла и ослабла: куртизаны начали увиваться около наслѣдника. Это обстоятельство дало великому князю болѣе безусловный контроль надъ Преображенскимъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ, и въ которомъ князь Дашковъ служилъ вторымъ капитаномъ. Поэтому просьба его объ увольненіи еще на пять мѣсяцевъ была представлена Петру; безпокойство князя, по случаю моей второй беременности, заставило его требовать новой отсрочки. Наслѣдникъ прежде, чѣмъ далъ позволеніе, пожелалъ видѣть Дашкова въ Петербургѣ, можетъ быть, за тѣмъ, чтобы выразить ему свою особенную милость, какъ предполагалъ мой отецъ, и совѣтовалъ зятю немедленно ѣхать. Я безутѣшно грустила при этой разлукѣ—мнѣ было такъ тяжело подумать о ней, что я перестала наслаждаться своимъ обычнымъ счастіемъ даже въ присутствіи моего мужа. Здоровье мое стало плохо, и 8-го января, когда князь оставилъ Москву, я заболѣла лихорадкой, сопровождаемой припадками горячки. Это было слѣдствіемъ сильнаго нервическаго раздраженія; но я скоро выздоровѣла, и это зависѣло, по моему мнѣнію, отъ того, что я не хотѣла принимать лѣкарствъ. Черезъ нѣсколько дней я чувствовала только небольшую слабость. Часто я плакала и еслибъ не боялась наскучить мужу постоянными повтореніями о своей печали, я писала бы ему безпрерывно; но милое вниманіе его меньшей сестры къ моему здоровью избавило меня отъ этой опасной жертвы.

Коснувшись этихъ чувствъ и страданій, я должна замѣтить, что мнѣ еще не было полныхъ семнадцати лѣтъ, и я въ первый разъ разставалась съ мужемъ, котораго я пламенно любила.

Великій князь принялъ Дашкова очень благосклонно. Онъ участвовалъ въ зимнихъ прогулкахъ Петра въ Ораніенбаумъ; къ сожалѣнію эти разъѣзды, въ жестокіе холода, подвергли моего мужа опасной простудѣ, послѣдствія которой могли быть роковыми. Когда наступило время возвратиться въ Москву, онъ былъ еще боленъ; не желая, однако, разочаровывать нашихъ тревожныхъ ожиданій, онъ

покинулъ Петербургъ и скакалъ день и ночь, не выходя изъ кареты до самой Москвы. Подъѣзжая къ городской заставѣ, онъ опять почувствовалъ сильное воспаленіе въ горлѣ; боясь испугать насъ своимъ появленіемъ въ такомъ болѣзненномъ состояніи и будучи не въ силахъ произнести ни одного слова, онъ кое-какъ добрался до дома своей тетки, Новосильцевой, въ надеждѣ сколько-нибудь оправиться у нея. Тетка, увидѣвъ больнаго племянника, немедленно уложила его въ постель. Между тѣмъ явился докторъ, онъ совѣтовалъ не выпускать паціента изъ комнаты; поэтому тетка приказала задержать лошадей, съ той цѣлью, чтобы на слѣдующее утро, если князю будетъ лучше, отпустить его въ домъ матери, какъ будто съ нимъ ничего не случилось.

Въ это самое время у насъ происходила другая сцена, о которой я доселѣ не могу безъ содроганія вспомнить.

Свекровь моя и сестра ея, княгиня Гагарина, помогавшая мнѣ при первыхъ родахъ, каждый вечеръ собирались вмѣстѣ съ акушеркой въ мою комнату и съ часу на часъ ожидали моего разрѣшенія; при мнѣ служила одна горничная, глупая дѣвчонка моихъ лѣтъ; когда я вышла изъ комнаты, она воспользовалась этимъ моментомъ и скороговоркой сообщила мнѣ о пріѣздѣ князя Дашкова въ Москву. Я вскрикнула; къ счастью, этого не слышали въ сосѣдней комнатѣ; между тѣмъ вѣтряная служанка продолжала разсказывать мнѣ, что онъ находится въ домѣ тетки и что дано строгое приказаніе молчать объ этомъ.

Чтобъ представить мои муки въ эту минуту, не надо забывать, что для меня разлука съ молодымъ мужемъ была верхомъ несчастія, тѣмъ болѣе, что я легко увлекалась всѣмъ и съ трудомъ могла управлять своимъ чувствомъ, живымъ и пылкимъ отъ природы, какъ я уже объ этомъ сказала. Впрочемъ, я употребила всѣ усилія, чтобы успокоиться, и вошла въ свою комнату съ самымъ хладнокровнымъ видомъ; увѣривъ княгиню, что минута моего разрѣшенія должна послѣдовать позже, чѣмъ мы думали, я уговорила ее, вмѣстѣ съ теткой удалиться въ свои покои отдохнуть; при чемъ торжественно обѣщала позвать ихъ, въ случаѣ крайней надобности.

Вслѣдъ затѣмъ я побѣжала къ бабкѣ и умоляла ее именемъ неба проводить меня. Я и теперь не могу забыть этихъ кровью налитыхъ глазъ этого дикаго взгляда, которымъ она оглянула меня. Старуха вполнѣ была убѣждена, что я спятила съ ума, и на ея природномъ силезскомъ нарѣчіи начала безконечное увѣщаніе: „нѣтъ, я не хочу отвѣчать передъ Богомъ за убійство невинныхъ". Ни одинъ разъ я не останавливала ее—наконецъ, отчаявшись склонить, я сказала рѣшительно, что, если только не увижу князя своими собственными

глазами, я не переживу своихъ сомнѣній о его несчастіи, и если она не согласится проводить меня къ теткѣ, никакая сила не удержитъ меня и я рѣшаюсь идти одна. Послѣ всего этого старуха сдалась: но когда я предложила ей идти пѣшкомъ, чтобы не возбудить подозрѣній шумомъ саней и лошадей, она снова оторопѣла; я представила ей всю опасность и ужасъ въ случаѣ открытія нашего предпріятія, и тѣмъ окончательно убѣдила ее. Бабка уступила и, при помощи одного старика, жившаго въ домѣ и читавшаго молитвы моей свекрови, свели меня съ лѣстницы; но едва мы переступили нѣсколько ступеней, какъ боли мои усилились, провожатые, перепугавшись, старались увести меня назадъ. Теперь, я въ свою очередь, была непреклонна и ухватилась за перила такъ, что ни сила, ни угроза не могли оторвать меня.

Наконецъ, съ трудомъ мы сошли съ лѣстницы, и послѣ новыхъ мучительныхъ припадковъ, добрели до дома тетки.

Не знаю, какъ я поднялась по высокой лѣстницѣ, которая вела въ комнаты моего мужа. Одно помню, когда я входила, я увидала его блѣднымъ и лежавшимъ на постели, я грянулась безъ чувствъ на полъ, и въ этомъ положеніи была принесена домой, на носилкахъ лакеями Новосильцевой; къ счастью, это похожденіе осталось тайной для моей свекрови. Вслѣдъ за тѣмъ начались страданія родовъ; они привели меня въ чувство. Было одиннадцать часовъ ночи; я послала за теткой и свекровью и черезъ часъ родила сына, Михаила. Первымъ моимъ побужденіемъ было—извѣстить князя о благополучномъ исходѣ; незамѣтно для другихъ я прошептала горничной приказаніе отправить добраго старика съ этой радостной вѣстью.

Впослѣдствіи я часто вздрагивала при воспоминаніи этого вечера и той сцены, которую Дашковъ передалъ послѣ. Когда я показалась съ своей разнохарактерной свитой въ его комнатѣ, онъ принялъ меня за сновидѣніе, но мечта скоро исчезла и глазамъ его скоро представилась дѣйствительность, онъ увидѣлъ меня упавшей на полъ. Развлеченный опасностью моего положенія, негодующій за открытіе тайны, онъ вскочилъ съ постели и хотѣлъ слѣдовать за мной домой; но тетка его, поднятая на ноги тревогой всего дома, немедленно явилась и со слезами на глазахъ заклинала его пожалѣть свою жизнь и послушаться ея совѣта. Состояніе его было ужасное до той минуты, пока не извѣстили его о моемъ спасеніи: тогда онъ перешелъ отъ необузданнаго горя къ необузданной радости. Вспрыгнувъ съ постели, онъ обнялъ моего посла, облобызалъ его съ восторгомъ, танцуя и плача поперемѣнно; князь бросилъ старику кошель съ золотомъ и приказалъ послать попа немедленно служить благодарственный молебенъ, на которомъ хотѣлъ самъ присутствовать; однимъ словомъ,

во всемъ домѣ былъ торжественный праздникъ. Все было тихо до шести часовъ утра, это былъ обыкновенный часъ княгининой молитвы, и вдругъ почтовыя лошади подкатили съ Дашковымъ къ нашимъ дверямъ. Его мать, къ несчастью, не выходила; услышавъ стукъ экипажа, она бросилась встрѣтить сына на лѣстницѣ. Блѣдное лицо и подвязанное горло тотчасъ обличили его состояніе, и еслибъ онъ не заключилъ ее въ своихъ объятіяхъ, то произошла бы другая трагическая сцена. Мы такъ страстно любили его, что эта самая любовь могла быть источникомъ домашняго несчастія: на этотъ разъ такъ именно и случилось. Въ замѣшательствѣ, онъ провелъ свою мать вмѣсто ея комнаты въ мою, и наше свиданіе показалось ей вовсе не такъ восторженнымъ, какъ слѣдовало ожидать. Успокоившись, она приказала сдѣлать постель для своего сына въ комнатѣ, смежной съ моею, и опасаясь за мое здоровье, запретила говорить намъ между собой. Эта предосторожность, конечно, очень благоразумная, не нравилась мнѣ: я хотѣла быть его кормилицей и ежеминутно, собственнымъ своимъ глазомъ сторожить за постепеннымъ его выздоровленіемъ—любовь находчива, и я придумала средства для нашихъ взаимныхъ сношеній. Каждымъ моментомъ, свободнымъ отъ посторонняго наблюденія, мы пользовались для коротенькой переписки, полной той нѣжности, которую болѣе холодные умы могли счесть за дѣтскую глупость, хотя я искренно пожалѣла бы о бездушности этихъ критиковъ.

Сорокъ грустныхъ лѣтъ прошло со времени его потери, которыя я имѣла несчастіе пережить послѣ своего обожаемаго супруга; и ни за какія блага міра, я не желала бы опустить воспоминаніе о самомъ мелочномъ обстоятельствѣ изъ лучшихъ дней моей жизни. Гонцомъ для нашей секретной корреспонденціи мы употребили старую сидѣлку, которой обязанность состояла въ томъ, чтобы сидѣть по ночамъ у моей постели; съ полусонными глазами, едва державшаяся на ногахъ, она ковыляла изъ одной комнаты въ другую. По прошествіи трехъ дней нашъ Меркурій, вѣроятно, изъ жалости къ моимъ глазамъ, обратился въ доносчика: тайна была выдана нашей матери, которая прочла намъ приличное наставленіе и грозила спрятать чернила и бумагу. Къ счастью мужъ мой скоро оправился и получилъ позволеніе сидѣть у моего изголовья, пока я выздоравливала. Мы отмѣнили нашу поѣздку въ деревню, потому что думали скоро отправиться въ Петербургъ. Назначенный день для выѣзда много разъ откладывался, изъ уваженія къ настоятельнымъ просьбамъ его матери. Наконецъ мы поднялись и прибыли въ Петербургъ 28-го іюня,—день, которому суждено было, черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ, сдѣлаться замѣчательнымъ и славнымъ днемъ для моего отечества.

Это путешествіе было для меня величайшимъ наслажденіемъ. Я желала увидѣть своихъ родныхъ, которыхъ образъ жизни совершенно отвѣчалъ моимъ наклонностямъ и былъ такъ отличенъ отъ всего того, что окружало меня въ Москвѣ. Въ особенности мнѣ пріятно было посѣтить моего дядю, гдѣ образованное и истинно-свѣтское общество было предметомъ моего удивленія, а великолѣпная обстановка его дома, украшеннаго въ европейскомъ вкусѣ, давала ему полное право называться княжеской палатой. Когда мы въѣхали въ городъ, каждый предметъ доставлялъ мнѣ новое удовольствіе. Петербургъ никогда не казался мнѣ такъ хорошъ, милъ и роскошенъ. Все было одушевлено жизнью моей собственной мысли; инстинктивно опустивъ окно кареты, я надѣялась встрѣтить въ каждомъ мимопрохожемъ друга или родственника и на всѣхъ смотрѣла глазами стараго знакомаго. Мной овладѣлъ лихорадочный восторгъ, прежде чѣмъ мы подъѣхали къ воротамъ. Устроивъ комнату для своей дочери, по сосѣдству съ собой, я поспѣшила видѣть отца и дядю, совершенно забывъ, что они жили на дачахъ. На слѣдующій день навѣстилъ насъ отецъ и сообщилъ намъ новое придворное распоряженіе, по которому офицеры гвардейскаго Преображенскаго полка, приглашенные великимъ княземъ въ Ораніенбаумъ, должны были явиться туда съ ихъ женами: мы были поименованы въ числѣ гостей. Это приглашеніе было для меня очень непріятно; я не любила стѣсненія дворской жизни, при томъ мнѣ жалко было разставаться съ моей малюткой. Впрочемъ, отецъ помогъ моему горю: онъ предложилъ намъ свой загородный домъ, между Ораніенбаумомъ и Петербургомъ, и мы очень удобно расположились въ немъ. На другой день мы отправились съ визитомъ во дворецъ. Наслѣдникъ, какъ только мы представились ему, обратился ко мнѣ, сколько я могу запомнить, съ слѣдующей рѣчью: „хотя вы и не хотѣли жить въ моемъ дворцѣ, но я надѣюсь видѣть васъ каждый день и думаю, что вы удѣлите больше мнѣ вашего времени, чѣмъ обществу великой княгини“. Я ничего особеннаго не сказала на это; но рѣшилась бывать здѣсь только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, чтобы не подать повода къ неудовольствію. Это самопожертвованіе было неизбѣжно, чтобы видѣться съ Екатериной и поддержать ея дружеское расположеніе, въ которомъ я каждый день все больше и больше убѣждалась. Отчужденіе мое отъ партіи Петра и рѣшительное предпочтеніе его супругѣ было замѣчено, и онъ скоро далъ мнѣ почувствовать. Однажды, отозвавъ меня въ сторону, онъ удивилъ меня своимъ замѣчаніемъ, вполнѣ достойнымъ его нехитрой головы и простаго сердца; выраженіе этого замѣчанія такъ далеко было по духу своему отъ его обыкновеннаго разговора, что я долго не переставала изумляться, пока не открыла

то лицо, которое на этотъ разъ правило его мозгомъ. „Дитя мое, сказалъ онъ, вамъ бы не мѣшало помнить, что водить хлѣбъ соль съ честными дураками, подобными вашей сестрѣ и мнѣ, гораздо безопаснѣе, чѣмъ съ тѣми великими умниками, которые выжмутъ изъ апельсина сокъ, а корки бросятъ подъ ноги“. Я ничего не поняла изъ этого намека и съ полной наивностью отвѣтила ему, что тетка его, императрица, совсѣмъ иначе выражала свои желанія—она совѣтовала платить дань равнаго почтенія, какъ великому князю, такъ и великой княгинѣ. Здѣсь я не могу не отдать справедливости моей сестрѣ, Елисаветѣ, которая хорошо знала различіе нашихъ характеровъ и не требовала отъ меня того раболѣпнаго вниманія къ себѣ, на какое она получила право, по своему положенію, отъ остальной придворной толпы. Между тѣмъ я увидѣла, что всегда избѣгать общественнаго круга наслѣдника было невозможно. Это общество иногда принимало видъ казармы, гдѣ табачный дымъ съ его гольштинскими генералами были любимымъ развлеченіемъ Петра. Эти офицеры были большею частью капралы и сержанты прусской арміи, истинные дѣти нѣмецкихъ сапожниковъ, самый нижній осадокъ народныхъ слоевъ; и эта сволочь нищихъ-генераловъ была по плечо такого государя. Вечера обыкновенно оканчивались ужинами, пирами, въ залѣ, увѣшанной сосновыми вѣтвями и носившей нѣмецкое названіе, свойственное вкусу подобныхъ украшеній и модной фразеологіи этого общества; разговоръ происходилъ на такомъ дикомъ полунѣмецкомъ языкѣ, что нѣкоторое знаніе его совершенно было необходимо тому, кто не хотѣлъ сдѣлаться посмѣшищемъ въ этой августѣйшей сходкѣ.

Иногда великій князь переносилъ свои праздники въ загородный домикъ, недалеко отъ Ораніенбаума, гдѣ, по причинѣ тѣсноты покоевъ, могло собираться небольшое общество: здѣсь скучные вечера сокращались пуншемъ и чаемъ, въ облакахъ табачнаго дыма, за чудовищной игрой въ Campis. Какой разительный контрастъ во всемъ этомъ былъ съ умнымъ, изящнымъ и благопристойнымъ обществомъ великой княгини. Подъ вліяніемъ такой прелести, я не могла ни на одну минуту колебаться въ выборѣ своей партіи; и если я видѣла со стороны Екатерины постоянно возраставшее расположеніе къ намъ, то ясно было и то, что искреннѣе меня и моего мужа никто не былъ ей преданъ.

Государыня жила въ Петергофѣ, гдѣ было позволено ей одинъ разъ въ недѣлю видѣть своего сына, Павла. На возвратномъ пути отсюда, она, обыкновенно, заѣзжала къ намъ и увозила меня съ собой проводить вмѣстѣ остатокъ вечера. Я получала отъ нея записки, если намъ что-нибудь мѣшало видѣться лично; и такимъ образомъ за-

вязалась между нами искренняя и откровенная переписка, которая продолжалась и послѣ, и за отсутствіемъ ея одушевляла и скрѣпляла мою задушевную привязанность Екатеринѣ; выше этой привязанности была одна любовь къ мужу и дѣтямъ.

Въ одно изъ собраній, данныхъ великимъ княземъ во дворцѣ, гдѣ присутствовала и Екатерина, сидѣвшая на концѣ стола, разговоръ упалъ на Челищева, гвардейскаго юнкера, котораго подозрѣвали въ любовныхъ связяхъ съ графиней Гендриковой, племянницей Петра; наслѣдникъ, черезъ мѣру одушевленный винными парами, въ духѣ настоящаго прусскаго капрала, поклялся, что онъ, въ примѣръ другимъ офицерамъ, прикажетъ казнить его за эту дерзкую любовь съ царской родственницей. Между тѣмъ, какъ гольштинскіе паразиты его выражали мимикой глубокое уваженіе къ великокняжеской мудрости, я не могла удержаться отъ замѣчанія, что рубить голову слишкомъ жестоко, что еслибъ и было доказано подозрѣніе, во всякомъ случаѣ такое ужасное наказаніе превышаетъ мѣру преступленія. „Вы совершенное дитя“, сказалъ онъ, „какъ это видно изъ вашихъ словъ; иначе вы знали бы, что отмѣнить смертную казнь—значитъ разнуздать всякую непокорность и всевозможные безпорядки“.—„Но, государь, продолжала я, вы говорите о такомъ предметѣ и такимъ тономъ, что все это должно сильно обезпокоить настоящее собраніе; за исключеніемъ этихъ почтенныхъ генераловъ, почти всѣ, имѣющіе честь сидѣть за вашимъ столомъ, жили въ то царствованіе, въ которое не было и помину о смертной казни“.—„Ну, что жъ, возразилъ великій князь, это еще ничего не доказываетъ, или лучше потому именно у насъ нѣтъ ни порядка, ни дисциплины; но я повторяю, что вы дитя и ничего не смыслите въ этомъ дѣлѣ“. Затѣмъ глубокое молчаніе, и бесѣда—если только ее можно назвать бесѣдой—осталась за мной и Петромъ. „Положимъ, государь, что вы правы; но нельзя же отрицать и того обстоятельства, что ваша вѣнценосная тетка еще живетъ и царствуетъ“. Взоры всѣхъ мгновенно обратились на меня; великій князь, къ счастью моему, замолчалъ, высунувъ только языкъ, который онъ обыкновенно показывалъ попамъ въ церкви ради собственнаго развлеченія и когда былъ вообще не въ духѣ; что заставило меня сдержать дальнѣйшія возраженія. Такъ какъ это происходило въ присутствіи многихъ гвардейскихъ офицеровъ и корпусныхъ кадетъ, которыми управлялъ великій князь, то на другой день этотъ разговоръ молніей разнесся по Петербургу и пріобрѣлъ мнѣ огромную популярность, которой я, впрочемъ, не дорожила. Лестный отзывъ великой княгини о моемъ спорѣ съ Петромъ утѣшилъ меня; но я въ это время еще не понимала всей опасности—говорить истину царямъ. Согласимся, что они сами, можетъ быть, и простили

бы это преступленіе, но его никогда не простятъ куртизаны ихъ. Какъ бы то ни было, но это ничтожное обстоятельство и еще нѣсколько смѣлыхъ поступковъ пріобрѣли мнѣ въ общественномъ мнѣніи репутацію отважнаго и твердаго характера; тому же я обязана довѣрчивостью и энтузіазмомъ, съ которыми друзья Дашкова, гвардейскіе офицеры, стали съ этой минуты смотрѣть на меня.

Между тѣмъ здоровье императрицы быстро разрушалось; не надѣялись, чтобъ она могла пережить эту зиму. Я раздѣляла прискорбіе, которое чувствовали многіе изъ моихъ домашнихъ и въ особенности канцлеръ, не потому только, что я любила государыню, но я также ясно видѣла, чего должна была ожидать Россія отъ наслѣдника—человѣка, погруженнаго въ самое темное невѣжество, беззаботнаго о счастіи своего народа, готоваго управлять съ однимъ желаніемъ—передразнивать прусскаго короля, котораго онъ величалъ въ кругу своихъ гольштинскихъ товарищей не иначе, какъ „король мой господинъ“.

Около половины декабря было объявлено, что Елисавета не проживетъ нѣсколькихъ дней. Я въ это время занемогла и лежала въ постели; но опасаясь за участь великой княгини, въ случаѣ перемѣны царствованія, рѣшилась дѣйствовать. 20-го декабря въ полночь, я поднялась съ постели, завернулась въ теплую шубу и отправилась въ деревянный дворецъ, на Мойкѣ, гдѣ тогда жила Екатерина и прочіе члены царской семьи. Вышедъ изъ кареты, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, я прошла пѣшкомъ къ заднему крыльцу, чтобы невидимкой юркнуть въ комнаты великой княгини. Къ моему величайшему счастію, которое, можетъ быть, спасло меня отъ роковой ошибки въ неизвѣстномъ домѣ, я встрѣтила первую горничную, Екатерину Ивановну. Такъ какъ она знала меня, то я попросила немедленно проводить меня въ комнаты великой княгини. „Она въ постели“, сказала старушка. „Ничего, отвѣчала я, мнѣ непремѣнно надобно говорить съ ней сейчасъ же“. Служанка, которой была коротко извѣстна моя преданность ея госпожѣ, несмотря на неурочный часъ, не противилась больше и провела меня въ спальню. Екатерина знала, что я больна и потому не въ состояніи выходить въ такой холодъ, и при томъ ночью, да еще во дворецъ, она едва повѣрила, когда доложили обо мнѣ. „Ради Бога“, закричала она, „если это дѣйствительно Дашкова, ведите ее ко мнѣ немедленно“. Я нашла ее въ постели, и прежде чѣмъ успѣла раскрыть ротъ: „милая княгиня, сказала она, прежде чѣмъ вы объясните мнѣ, что васъ побудило въ такое необыкновенное время явиться сюда, отогрѣйтесь; вы рѣшительно пренебрегаете своимъ здоровьемъ, которое такъ дорого мнѣ и Дашкову“. Затѣмъ она пригласила меня въ свою постель и, завернувъ ноги мои въ одѣяло,

позволила говорить. „При настоящемъ порядкѣ вещей, сказала я, когда императрица стоитъ на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвѣстности, которая ожидаетъ васъ съ новымъ событіемъ. Неужели нѣтъ никакихъ средствъ противъ грозящей опасности, которая мрачной тучей виситъ надъ вашей головой? Во имя неба довѣрьтесь мнѣ; я оправдаю вашу довѣренность и докажу вамъ, что я болѣе, чѣмъ достойна ея. Есть ли у васъ какой-нибудь планъ, какая-нибудь предосторожность для вашего спасенія? Благоволите ли вы дать приказанія, и уполномочить меня распоряженіемъ?“

Великая княгиня, заплакавъ, прижала мою руку къ своему сердцу. „Я искренно, невыразимо благодарю васъ, моя любезная княгиня; и съ полной откровенностью, по истинѣ объявляю вамъ, что я не имѣю никакого плана, ни къ чему не стремлюсь и въ одно вѣрю, что бы ни случилось, я все вынесу великодушно. Поэтому поручаю себя Провидѣнію, и только на его помощь надѣюсь“. — „Въ такомъ случаѣ, сказала я, ваши друзья должны дѣйствовать за васъ. Что же касается до меня, я имѣю довольно силъ поставить ихъ всѣхъ подъ ваше знамя: и на какую жертву я не способна для васъ?“ — „Именемъ Бога, я умоляю васъ, княгиня, продолжала Екатерина, не подвергайте себя опасности, въ надеждѣ остановить непоправимое зло. Если бы вы изъ-за меня потерпѣли несчастіе, я вѣчно буду жалѣть“.—„Все, что я могу въ настоящую минуту сказать—вѣрьте, что я не сдѣлаю ни одного шага впередъ, который бы повредилъ вамъ; какъ бы ни была опасность, она вся упадетъ на меня. Если бы моя слѣпая любовь къ вамъ привела меня даже къ эшафоту, вы не будете его жертвой“. Великая княгиня, вѣроятно, продолжала бы и упрекнула меня въ неопытности и юношескомъ энтузіазмѣ, но я, прервавъ, поцѣловала ея руку и увѣрила, что нѣтъ надобности долѣе рисковать продолженіемъ этого свиданія. Тогда она горячо обняла меня, и мы нѣсколько минутъ оставались въ объятіяхъ другъ у друга; наконецъ, я встала съ постели, оставивъ взволнованную Екатерину, поспѣшила сѣсть въ карету.

По пріѣздѣ домой, я нашла князя, только-что возвратившагося и до крайности изумленнаго отсутствіемъ своего инвалида; но когда я сообщила ему свою рѣшимость помочь Россіи спасеніемъ великой княгини, онъ одобрилъ и рукоплескалъ моей энергіи, дружеской преданности, попросивъ только не подвергать здоровья опасности. Онъ провелъ этотъ вечеръ у моего отца; изъ разговора ихъ, переданнаго мнѣ Дашковымъ, при всей скромности моего отца, ясно было видно общее безпокойство по случаю близкой перемѣны; я совершенно была довольна этимъ извѣстіемъ, такъ что забыла и объ усталости, и о болѣзни, и о той опасности, которой подвергала себя.

III.

Декабря 25-го, въ самый день Рождества, императрица Елисавета скончалась; несмотря на обычное торжество праздника, Петербургъ встрѣтилъ это событіе печально; на каждомъ лицѣ отразилось чувство унынія. Впрочемъ, нѣкоторые увѣряютъ, что гвардія совсѣмъ иначе чувствовала; она весело шла во дворецъ присягать новому государю. Два гвардейскихъ полка, Семеновскій и Измайловскій, проходили подъ моими окнами; сколько я могла замѣтить, въ движеніи ихъ не было видно ни особенной торопливости, ни восторга—это могъ подтвердить всякій житель города. Напротивъ, видъ солдатъ былъ угрюмый и не самодовольный; по рядамъ пробѣгалъ глухой, сдавленный ропотъ; еслибъ мнѣ была извѣстна причина этой суматохи, я ни одну минуту не сомнѣвалась бы въ томъ, что императрица умерла.

Я еще не выходила изъ комнатъ, а дядя мой, канцлеръ, лежалъ больной въ постели; между тѣмъ, къ крайнему нашему удивленію, на третій день своего восшествія на престолъ, императоръ посѣтилъ моего дядю, а ко мнѣ прислалъ посла, желая видѣть меня вечеромъ во дворцѣ. Я извинилась подъ предлогомъ нездоровья, такъ точно, какъ и на слѣдующій день, когда приглашеніе повторилось. Спустя два или три дня, сестра увѣдомила меня, что государь сердится на мои отказы и не хочетъ вѣрить справедливости ихъ предлоговъ. Чтобы избѣжать непріятныхъ объясненій и выговоровъ, которые могли повредить моему мужу, я покорилась; и, навѣстивъ своего отца и дядю, поѣхала во дворецъ. Императрица, о которой я слышала только отъ камердинера, никого не принимала. Пораженная настоящимъ горемъ, она уединилась въ своихъ покояхъ и покидала ихъ только для исполненія религіознаго долга надъ тѣломъ умершей государыни.

Какъ только я появилась на глаза императора, онъ сталъ говорить со мной о предметѣ, близкомъ его сердцу и въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было больше сомнѣваться на счетъ будущаго положенія Екатерины. Онъ говорилъ шопотомъ, полунамеками, но ясно, что онъ намѣренъ былъ лишить ее трона и возвести на ея мѣсто Романовну, то есть мою сестру. Такимъ образомъ, объяснившись со мною, онъ далъ мнѣ нѣсколько полезныхъ уроковъ. „Если вы, дружокъ мой, сказалъ Петръ III, послушаетесь моего совѣта, то дорожите нами немного побольше; придетъ время, когда вы раскаятесь за всякое невниманіе, показанное вашей сестрѣ; повѣрьте мнѣ, я говорю ради вашей же пользы; вы не иначе можете устроить вашу карьеру въ свѣтѣ, какъ изучая желанія и стараясь снискать расположеніе и покровительство ея“.

Въ эту минуту невозможно было ничего дѣльнаго сказать, и я притворилась, будто не поняла его, и поспѣшила сѣсть съ нимъ за игру въ Campis. Въ этой игрѣ каждый имѣетъ нѣсколько жизней, кто переживетъ, тотъ и выигрываетъ. На каждый очекъ ставилось десять червонцевъ, сумма слишкомъ щедрая для моего кошелька, особенно, когда императоръ проигрывалъ, онъ вмѣсто того, чтобы отдать свою жизнь, согласно съ правилами игры, вынималъ изъ кармана имперіалъ, бросалъ его въ пульку, и съ помощью этой уловки всегда оставался въ выигрышѣ. Едва партія кончилась, государь предложилъ другую, я отказалась. Онъ настаивалъ, я не соглашалась; тогда онъ предложилъ держать половину ставки противъ него; я и этого не хотѣла; наконецъ, тономъ разсерженнаго ребенка (онъ считалъ меня не выше того) рѣшительно сказала, что я не такъ богата, чтобъ поддаваться обману; если бы государь игралъ подобно другимъ, тогда еще можно было бы попробовать. Императоръ добродушно проглотилъ мое рѣзкое выраженіе и отдѣлался обыкновеннымъ своимъ шутовствомъ — послѣ этого я ушла. Обыкновенными участниками картежныхъ вечеровъ Петра III были двое Нарышкиныхъ, съ ихъ женами, Измайловъ съ его супругой, Елизавета Дашкова, Мельгуновъ, Гудовичъ и Анжернъ, первый флигель-адъютантъ государя; графиня Брюсъ и еще два, три имени, забытыхъ мной. Они всѣ съ удивленіемъ взглянули на меня, и когда я вырвалась изъ ихъ круга, они подобно гольштинскимъ генераламъ въ Ораніенбаумѣ, въ одинъ голосъ произнесли: „это бѣсъ, а не женщина“.

Мнѣ надо было проходить рядомъ комнатъ, гдѣ толпились другіе придворные; я замѣтила странную перемѣну въ костюмахъ; это былъ настоящій маскарадъ. Трудно было не улыбнуться, когда я увидѣла князя Трубецкаго, старика, по крайней мѣрѣ, семидесяти лѣтъ, вдругъ принявшаго воинственный видъ и, въ первый разъ въ его жизни, затянутаго въ полный мундиръ, перевязаннаго галунами, подобно барабану, обутаго въ ботфорты со шпорами, какъ будто сейчасъ готовился вступить въ отчаянный бой. Этотъ несчастный придворный адептъ, подобно уличнымъ бродягамъ, притворялся хилымъ, убогимъ, теперь ради какого-то личнаго разсчета, прикинулся страдающимъ подагрой, съ толстыми заплывшими ногами, но едва объявили, что идетъ императоръ, онъ шарикомъ вскочилъ съ кушетки, вооруженный съ ногъ до головы, и немедленно сталъ въ ряду измайловцевъ, которымъ онъ былъ назначенъ лейтенантъ-полковникомъ, наскучившимъ всѣмъ своими приказаніями. Это страшное привидѣніе было нѣкогда храбрымъ воиномъ—обломкомъ петровской эпохи.

Въ то время, когда происходило шутовство при дворѣ новаго императора, обычныя почести у гроба покойной государыни шли своей

очередью. Тѣло ея стояло шесть недѣль; около него попеременно дежурили статсъ-дамы; императрица, какъ по чувству искренняго уваженія къ памяти своей тетки и благодѣтельницы, такъ и по желанію возбудить къ себѣ вниманіе со стороны общества, навѣщала прахъ Елисаветы каждый день. Иначе велъ себя Петръ III; онъ рѣдко заходилъ въ похоронную комнату, а если и бывалъ, то какъ будто для того, чтобы показать всю пустоту и презрѣніе къ своему достоинству. Онъ шепталъ и смѣялся съ дежурными дамами, передразнивалъ поповъ и замѣчалъ недостатки въ дисциплинѣ офицеровъ и даже простыхъ часовыхъ, недостатки въ одеждѣ, въ повязкѣ галстуковъ, въ объемѣ буклей и въ покроѣ мундировъ.

Между иностранными министрами, находившимися въ то время въ Петербургѣ, очень немногіе пользовались авторитетомъ при дворѣ, немногіе также питали расположеніе къ императору. За исключеніемъ прусскаго, одинъ англійскій посланникъ Кейтъ былъ въ милости у Петра III. Князь Дашковъ и я жили на самой короткой ногѣ съ этимъ почтеннымъ старымъ джентльменомъ; онъ такъ нѣжно любилъ меня, что я какъ будто въ самомъ дѣлѣ была его дочерью— такъ онъ, обыкновенно, называлъ меня. Однажды, находясь въ его домѣ, гдѣ были только мы и княгиня Голицына, Кейтъ, заговоривъ объ императорѣ, замѣтилъ, что онъ началъ свое царствованіе оскорбленіемъ народа и, вѣроятно, кончитъ его общимъ презрѣніемъ къ себѣ.

Между тѣмъ государь пожелалъ ужинать у моего дяди, что было крайне непріятно старику, потому что могъ едва вставать съ постели; сестра моя, графиня Бутурлина, князь Дашковъ и я хотѣли присутствовать за столомъ. Императоръ пріѣхалъ около семи часовъ и просидѣлъ въ комнатѣ больнаго канцлера до самаго ужина, отъ котораго онъ былъ уволенъ. Елизавета Дашкова, графиня Строганова и я, чтобы почтить ужинъ почетнаго гостя, стояли за стуломъ или, лучше сказать, бѣгали по комнатѣ, что было совершенно во вкусѣ Петра III, небольшаго любителя церемоній. Мнѣ случилось стоять за кресломъ государя въ то время, когда онъ разговаривалъ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Мерн. Рѣчь шла о томъ, какъ онъ нѣкогда былъ посланъ своимъ отцомъ (въ то время Петръ еще жилъ въ Гольштиніи, въ Килѣ), въ походъ противъ богемцевъ, которыхъ онъ съ однимъ отрядомъ карабинеровъ и пѣхоты немедленно обратилъ въ бѣгство. Во время этого разсказа, австрійскій посланникъ, какъ я замѣтила, часто краснѣлъ и, видимо, смѣшался, не зная, какъ понимать государя,—что онъ разумѣетъ подъ именемъ богемцевъ—блуждающихъ цыганъ, живущихъ воровствомъ и пророчествомъ, или подданныхъ его королевы; это замѣшательство могло быть тѣмъ серьезнѣе, что недавно было приказано вывесть русскія войска изъ Австріи — при-

казаніе, очевидно, вовсе не миролюбиваго характера. Я наклонилась къ императору и тихо по-русски попросила его не разсказывать такихъ исторій иностраннымъ министрамъ, потому что, сказала я, если бы въ Киль зашли кочующіе цыгане, отецъ его, вѣрно, приказалъ бы выгнать ихъ, но не великому князю, въ это время еще ребенку. „Вы дурочка, отвѣчалъ государь, обернувшись ко мнѣ, и любите перечить мнѣ". Петръ III, къ счастью моему, пилъ вина вдоволь и забылъ мое возраженіе на его исторію.

Однажды вечеромъ я была во дворцѣ; государь къ концу своего любимаго разговора вѣчно о прусскомъ королѣ громко подозвалъ къ себѣ Волкова и заставилъ подтвердить, какъ они часто смѣялись надъ тѣмъ, что секретныя распоряженія Елисаветы, отдаваемыя арміи въ Пруссію, оставались безъ дѣйствія. Это открытіе изумило все общество, бывшее съ государемъ. Дѣло въ томъ, что Волковъ, главный секретарь верховнаго совѣта, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, постоянно парализировалъ силу этихъ распоряженій, передавая копіи ихъ прусскому королю; секретарь имѣлъ еще на столько совѣсти, что крайне смѣшался при такомъ объясненіи и отъ каждаго царскаго слова готовъ былъ повалиться со стула. Императоръ, однакожъ, не замѣтивъ общаго изумленія, съ гордостью вспомнилъ о томъ, какъ онъ дружески служилъ открытому врагу своей страны.

Между новыми придворными измѣненіями, французская мода замѣнила русскій обычай — низко кланяться, т. е. нагибать голову въ поясъ. Попытки старыхъ барынь пригибать колѣна, согласно съ нововведеніемъ, были вообще очень неудачны и смѣшны; императоръ находилъ для себя въ этомъ особенное удовольствіе; чтобы посмѣяться, онъ довольнорегулярно ходилъ въ придворную церковь, къ концу обѣдни, и здѣсь-то онъ имѣлъ случай дать полную волю хохоту, смотря на гримасы и ужимки присѣдающихъ дамъ. Старуха Бутурлина, свекровь моей сестры, принадлежала къ числу этихъ мучёницъ; однажды, помнится мнѣ, она чуть-чуть не хлопнулась на полъ; къ счастью ее поддержалъ кто-то изъ добрыхъ людей.

Послѣ всѣхъ этихъ сценъ, описанныхъ мной, легко вообразить, какъ государь заботился о своемъ сынѣ и воспитаніи его. Старшій Панинъ, бывшій наставникомъ молодаго князя, часто выражалъ желаніе, чтобъ государь обратилъ вниманіе на успѣхъ ученія его питомца своимъ личнымъ присутствіемъ на экзаменѣ; но императоръ извинился подъ тѣмъ наивнымъ предлогомъ: „что онъ ничего не смыслитъ въ этихъ вещахъ". Впрочемъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ двухъ его дядей, принцевъ гольштинскихъ, онъ рѣшился удовлетворить желанію Панина, и великій князь былъ представленъ ему. Когда испытаніе кончилось, государь сказалъ громко своимъ дядямъ: „Го-

спода, говоря между нами, я думаю, что этотъ плутишка знаетъ эти предметы лучше насъ". Затѣмъ въ знакъ одобренія онъ пожаловалъ его капраломъ гвардіи; Панинъ возражалъ противъ такой награды, убѣжденный, что она вскружитъ голову принцу, и дастъ ему поводъ думать, что онъ уже человѣкъ. Императоръ, не сообразивъ этого на первый разъ, согласился отмѣнить свое распоряженіе, но поспѣшилъ вознаградить наставника чиномъ генерала-отъ-инфантеріи.

Чтобы понять то впечатлѣніе, которое произвела на Панина эта царская милость, надо представить великую, блѣдно-болѣзненную фигуру, искавшую во всемъ удобства, жившую постоянно при дворѣ, чрезвычайно щепетильную въ своей одеждѣ, носившую роскошный парикъ съ тремя распудренными и позади смотавшимися узлами, короче—образцовую фигуру, напоминавшую стараго куртизана временъ Людовика XIV. Капральскій тонъ—составлявшій преобладающій характеръ Петра III, былъ болѣе всего ненавистенъ Панину. Поэтому, когда на слѣдующій день Мельгуновъ объявилъ ему эту почесть, Панинъ рѣшительно сказалъ, что если нѣтъ другихъ средствъ избѣжать этой слишкомъ высокой для него награды, онъ рѣшается немедленно бѣжать въ Швецію. Императоръ съ необычайнымъ удивленіемъ услышалъ о такомъ отказѣ. „Я всегда думалъ, сказалъ онъ, что Панинъ человѣкъ умный, но не говорите мнѣ больше о немъ". Впрочемъ государь уступилъ и на этотъ разъ своему неудачному выбору, помиривъ дѣло на томъ, что далъ Панину право на всѣ гражданскія отличія, соединенныя съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи.

Я должна упомянуть здѣсь о связи между княземъ Дашковымъ и Паниными. Двое изъ нихъ были двоюродными братьями моей свекрови, т. е. по законамъ русскаго родства, дядями моего мужа. Хотя у насъ это родство считается далекимъ, за всѣмъ тѣмъ его признаютъ въ ряду многихъ поколѣній; въ настоящемъ случаѣ оно скрѣплялось болѣе прочными узами любви и благодарности. Старшій братъ, когда я была еще ребенкомъ, служилъ при иностранныхъ миссіяхъ; мое знакомство съ нимъ не задолго до революціи отнюдь не было короткимъ; но потомъ возникла между нами дружба, которая послужила предлогомъ клеветы для моихъ враговъ, которую не могла обезоружить даже всѣмъ извѣстная, пламенная любовь къ моему мужу. Этотъ достойно уважаемый старый дядя прослылъ моимъ любовникомъ, а нѣкоторые называли его даже моимъ отцомъ; многіе, желая снять съ меня первый позоръ, бросали тѣнь на репутацію моей матери. Если бы Панинъ не оказалъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ услугъ моему мужу и дѣтямъ, я думаю, что послѣ всѣхъ этихъ сплетней, мнѣ трудно было бы удержаться отъ ненависти къ нему, какъ къ виновнику, хотя и не заслуженному, этой черной клеветы. Говоря

*

откровенно, я находила гораздо больше удовольствія въ обществѣ младшаго брата Панина, генерала, котораго солдатская откровенность и мужество характера совершенно согласовались съ искренностью моей природы; и пока жила первая жена его, которую я душевно любила, я видѣла въ немъ гораздо больше, чѣмъ министра... Но довольно — о предметѣ, слишкомъ тягостномъ для меня даже по сю пору.

IV.

Въ январѣ 1762 года случилось очень непріятное обстоятельство, и очень важное для меня по своимъ послѣдствіямъ. Однимъ утромъ, во время гвардейскаго парада, какой-то полкъ проходилъ ко дворцу; императоръ, замѣтивъ его неправильный маршъ и вообразивъ, что имъ командуетъ князь Дашковъ, подбѣжалъ къ нему и, въ духѣ настоящаго грубаго сержанта, выругалъ его за этотъ проступокъ. Князь Дашковъ почтительно защищалъ себя, но когда императоръ снова сталъ обвинять его, онъ, естественно разгоряченный и встревоженный послѣднимъ выговоромъ, гдѣ замѣшивалась его честь, отвѣтилъ такъ энергично и жестко, что Петръ III немедленно далъ ему отставку, по крайней мѣрѣ такъ же поспѣшно, какъ возвысилъ его.

Я сильно перепугалась, узнавъ объ этомъ происшествіи. Во всякомъ случаѣ, оскорбленіе государя не могло пройти безъ наказанія, особенно когда Петръ III былъ окруженъ такими совѣтниками, которые позаботились бы придумать болѣе хладнокровный подрывъ служебнымъ интересамъ, а можетъ быть и жизни моего мужа.. Поэтому дилемма была такого рода, что князю надо было выбирать одно изъ двухъ золъ: или остаться въ Петербургѣ и идти противъ царскаго гнѣва, и тѣмъ, разумѣется, еще больше возстановить его противъ себя, или обречь себя добровольному изгнанію, пока какая-нибудь политическая перемѣна не дастъ дѣлу другаго направленія, или пока его не забудетъ царь. Друзья совѣтовали рѣшиться на послѣднее; я, съ своей стороны, какъ ни велика была борьба съ сердцемъ, не противорѣчила ихъ мнѣнію. Мой умъ уже давно свыкся съ представленіемъ тѣхъ опасностей, которыми это царствованіе угрожало благу нашего отечества. Доказательствомъ этого безпокойства, между прочимъ, служило мое ночное посѣщеніе Екатерины; и хотя мои планы были чрезвычайно шатки, но одна мысль преслѣдовала мое воображеніе и одушевляла какой-то вдохновенной вѣрой, что революція недалека. Какъ бы ни было трудно и какъ бы ни вѣрна была опасность, я рѣшила идти впередъ; благоразуміе, любовь, интересъ— все

заставляло уступить сердцемъ разлукѣ съ мужемъ. Дашковъ, успокоенный совѣтами его друзей, изыскивалъ болѣе благовидный предлогъ для своего удаленія. Въ это время, какъ мнѣ было извѣстно, еще не всѣ послы были назначены къ иностраннымъ дворамъ, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III — я попросила великаго канцлера похлопотать о назначеніи мужа въ одну изъ сосѣднихъ миссій. Просьба моя немедленно была исполнена, и Дашковъ, получивъ приказаніе ѣхать въ Константинополь, тотчасъ же оставилъ Петербургъ. Съ каждой почтой я получала отъ него письма. Князь, путешествуя мѣшкотно, остановился въ Москвѣ и проводилъ свою мать до Троицкаго, лежавшаго по дорогѣ въ Кіевъ, гдѣ онъ находился еще въ началѣ іюля.

Императоръ продолжалъ свою обычную жизнь и, казалось, гордился своею ненавистью въ народѣ. Когда былъ заключенъ миръ съ прусскимъ королемъ, къ которому его привязанность каждодневно выражалась какимъ-нибудь безумнымъ поступкомъ, или смѣшнымъ подражаніемъ, восторгъ императора былъ выше мѣры; и чтобы отпраздновать на славу это событіе, онъ далъ великолѣпный пиръ, на который были приглашены всѣ чины первыхъ трехъ разрядовъ и иностранные министры. Императрица сидѣла по серединѣ стола, на своемъ обычномъ мѣстѣ, а государь на другомъ концѣ, противъ прусскаго посланника. Послѣ обѣда Петръ III предложилъ тостъ при пушечной пальбѣ въ крѣпости. Первый тостъ — „за здоровье императорской фамиліи"; второй „за здоровье прусскаго короля", и третій „за продолженіе счастливо заключеннаго мира". Когда императрица выпила бокалъ за здоровье царскаго семейства, Петръ III приказалъ своему генералъ-адъютанту Гудовичу, стоявшему позади его стула, подойти и спросить Екатерину, почему она не встала, когда пила тостъ. Государыня отвѣчала, что, такъ какъ императорская семья состоитъ изъ ея супруга, сына и ея самой, то она не думала, чтобы это было необходимо. Гудовичъ, передавъ этотъ отвѣтъ, былъ снова посланъ сказать ей, что она „дура", и должна бы знать, что двое дядей, принцы гольштинскіе, также члены вѣнценосной семьи. Опасаясь, впрочемъ, чтобъ посолъ не смягчилъ выраженія, онъ повторилъ его громко, такъ что большая часть общества слышала его. Екатерина, сконфуженная и обиженная этой оскорбительно-неприличной выходкой, залилась слезами; но, желая оправиться и разсѣять общее замѣшательство, она обратилась къ своему двоюродному брату, графу Строганову, стоявшему за ея стуломъ, и просила его развлечь ее какой-нибудь шуткой. Графъ, придворный юмористъ, всегда былъ готовъ удовлетворить желанію государыни; скрывъ свое собственное неудовольствіе, онъ весело сталъ разсказывать какой-то забавный

анекдотъ, не совсѣмъ, впрочемъ, забывая о своихъ врагахъ, окружавшихъ императора, въ числѣ которыхъ находились его жена, конечно, не пропустившая настоящаго случая представить поступокъ своего мужа въ дурномъ свѣтѣ. Какъ только конченъ былъ его разсказъ, Строганову приказано было удалиться въ загородный домъ, близъ Каменнаго острова, и не выходить изъ него впредь до особаго разрѣшенія.

Происшествія этого дня быстро разнеслись по городу; и по мѣрѣ того какъ Екатерина возбуждала къ себѣ сочувствіе и любовь, императоръ, по закону обратнаго дѣйствія, глубже и глубже падалъ въ народномъ мнѣніи.

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, оправданныхъ несчастной судьбой этого монарха, можно извлечь поучительный примѣръ. Кажется, ничто не можетъ такъ сильно подрывать царской власти въ глазахъ народа, какъ самовольная тираннія; поэтому я всегда считала ограниченную монархію, гдѣ государь подчиняется законамъ и въ нѣкоторомъ отношеніи отвѣчаетъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія, самымъ лучшимъ человѣческимъ правленіемъ.

По одному особенному случаю, императоръ, въ сопровожденіи двухъ гольштинскихъ принцевъ и обыкновенной своей свиты, навѣстилъ моего дядю, канцлера; будучи не совсѣмъ здорова, я рада была, что не могла участвовать въ этой чести, говоря правду, вовсе неутѣшительной, точно такъ, какъ и Екатерина никогда не вмѣшивалась въ эти удовольствія, за исключеніемъ своихъ прогулокъ на чистомъ воздухѣ. На другой день, я съ удивленіемъ услышала о трагикомической сценѣ, разыгранной Петромъ III и гольштинскимъ принцемъ Георгомъ. Среди какого-то спора, въ азартной защитѣ каждый своего мнѣнія, они обнажили мечи и бросились другъ на друга; старый баронъ Корфъ, родственникъ моей тетки, упалъ на колѣна между врагами и, закричавъ голосомъ старой бабы, божился, что онъ не допуститъ ни одного удара, не умертвивъ себя здѣсь же на мѣстѣ. Это удачное посредничество барона, любимаго обоими соперниками и человѣка въ самомъ дѣлѣ достойнаго, остановило драку, которая разрѣшилась однимъ дурнымъ послѣдствіемъ— безпокойствомъ моего больнаго дяди, извѣщеннаго теткой, въ самый моментъ начинавшейся схватки. Потомъ я слышала о многихъ потѣшныхъ перебранкахъ между дядей и племянникомъ, пока государь не уѣхалъ инспектировать кронштадтскій флотъ, готовый выступить противъ Даніи. Это воинственное предпріятіе подъ конецъ такъ завертѣло его мозгомъ, что онъ не могъ отмѣнить его даже въ силу краснорѣчивыхъ и настоятельныхъ просьбъ прусскаго короля.

Послѣ разлуки съ мужемъ, я не щадила никакихъ усилій, чтобы

одушевить, вдохновить и укрѣпить мнѣнія, благопріятныя осуществленію задуманной реформы. Самыми довѣренными и близкими ко мнѣ людьми были друзья и родственники князя Дашкова, Пассекъ, Бредихинъ—капитанъ Преображенскаго полка, маіоръ Рославлевъ и братъ его, гвардейскій измайловскій капитанъ. Двухъ послѣднихъ я не имѣла случая часто видѣть до самаго апрѣля, когда мнѣ нужно было увѣриться въ чувствахъ солдатъ. Впрочемъ, чтобъ отвести всякое подозрѣніе, я продолжала вести обычный образъ жизни, изрѣдка посѣщая своихъ родныхъ и знакомыхъ и съ виду занятая всѣми требованіями моего пола и возраста казалась далеко не тѣмъ, что происходило въ глубинѣ моей души—и горячо преданная государственнымъ интересамъ.

Какъ скоро опредѣлилась и окрѣпла моя идея о средствахъ хорошо организованнаго заговора, я начала думать о результатѣ, присоединяя къ моему плану нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, которыя своимъ вліяніемъ и авторитетомъ могли дать вѣсъ нашему дѣлу. Между ними былъ маршалъ Разумовскій, начальникъ измайловской гвардіи, очень любимый своимъ войскомъ и, хотя жалуемый при дворѣ, но понимавшій всю неспособность царствующаго монарха и опасность его правленія. Правда, онъ любилъ Россію настолько, насколько природная его апатія позволяла ему что-нибудь любить; но богатый, осыпанный всевозможными почестями, лѣнивый, готовый отступиться отъ всякаго опаснаго и сомнительнаго предпріятія, на что онъ могъ быть употребленъ въ настоящемъ случаѣ? Какъ, однако жъ, ни былъ тернистъ путь, избранный мной, я не робѣла при встрѣчѣ съ трудностями. Однажды, навѣстивъ англійскаго посланника, я услышала отзывъ, что гвардейцы обнаруживаютъ расположеніе къ возстанію, въ особенности за датскую войну. Я спросила Кейта, не возбуждаютъ ли ихъ высшіе офицеры. Онъ сказалъ, что не думаетъ; генераламъ и старшимъ военнымъ чинамъ нѣтъ выгоды возражать противъ похода, въ которомъ ожидаютъ ихъ отличія. „Эти неосторожные слухи, замѣтилъ онъ, поведутъ за собой рядъ военныхъ наказаній, ссылки въ Сибирь, и тѣмъ дѣло кончится“.

Я воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и переговорила съ нѣкоторыми офицерами полка Разумовскаго, уже вѣрившими въ меня—съ двумя Рославлевыми и Ласунскимъ, коротко извѣстными маршалу; послѣдній изъ нихъ даже имѣлъ значительное вліяніе на него, если вѣрить молвѣ. Хотя они не обнадеживали меня положительнымъ содѣйствіемъ Разумовскаго, я, однако жъ, поручила имъ намекнуть, при обыкновенномъ разговорѣ съ маршаломъ на ропотъ полка и выразить подозрѣніе на счетъ близкой перемѣны—сначала, разумѣется, коснуться слегка, потомъ по мѣрѣ успѣха, сказать о готовомъ заговорѣ по-

яснѣй, а когда дѣло созрѣетъ вполнѣ, открыть себя совсѣмъ, такимъ образомъ, будучи вполнѣ посвященъ въ наши замыслы онъ, уже не обратится въ доносчика. Чтобы отрѣзать ему всякое отступленіе, я совѣтовала внушить ему, что знать наши намѣренія значитъ участвовать въ нихъ; и такъ какъ опасность придется дѣлить пополамъ, то для него столько же интересно, сколько и для насъ, въ случаѣ надобности, стать во главѣ этого полка. Все шло по моему желанію, и нашъ стратегическій планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Другое лицо, безконечно важное для успѣха нашего дѣла, былъ Панинъ, воспитатель великаго князя; въ рукахъ его была вся сила и вліяніе, соединенныя съ такимъ важнымъ постомъ. Въ продолженіе весны я видѣла его у себя, и онъ навѣщалъ меня такъ часто, какъ только позволяли ему его придворныя занятія. Я намекала ему на счетъ вѣроятности и послѣдствій революціи, которая могла бы дать намъ лучшаго правителя и мимоходомъ старалась выпытать отъ него его собственное мнѣніе. Онъ всегда охотно разсуждалъ объ этихъ предметахъ и иногда высказывалъ любимую мечту—посадить на тронъ своего юнаго питомца, установивъ форму правленія на основаніи законовъ шведской монархіи.

Молодой и слабый заговорщикъ не вдругъ могъ пріобрѣсть довѣренность осторожнаго и осмотрительнаго политика, подобнаго Панину; но наперекоръ моей юности и пола, уваженіе ко мнѣ со стороны другихъ давало нѣкоторое право на вниманіе и Панина. Князь Рѣпнинъ, любимый его племянникъ, котораго я часто встрѣчала въ домѣ княгини Куракиной, зналъ меня хорошо; онъ представилъ меня нашему общему дядѣ, какъ женщину строго нравственнаго характера, восторженнаго ума, какъ пламенную патріотку, чуждую личныхъ честолюбивыхъ разсчетовъ.

Благопріятное впечатлѣніе, которое могло зависѣть отъ такой рекомендаціи, было подкрѣплено, повидимому, ничтожнымъ обстоятельствомъ, но доказавшимъ мнѣ искренность моего панегириста; въ минуту одного безумнаго припадка императора, онъ довѣрчиво обратился ко мнѣ за совѣтомъ и помощью. Пиръ по случаю мира съ Пруссіей, о чемъ я уже сказала, сопровождался другимъ торжествомъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ государь безъ церемоніи, на свой ладъ, угощалъ своихъ задушевныхъ пріятелей, гольштинскихъ генераловъ, прусскаго посла, нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ и въ томъ числѣ и Рѣпнина; государь далъ новую волю своему разгулу, пропировавъ здѣсь до четырехъ часовъ утра, когда его, пьянаго, безъ чувствъ, уложили въ карету. Съ этой пирушки Рѣпнинъ прямо прискакалъ ко мнѣ. Я была поднята отъ сна стукомъ въ дверь моей спальни и немедленно разбудила свою старую служанку, лежавшую близь меня.

На вопросъ ея, сдѣланный самымъ брюзгливымъ тономъ, „кто это осмѣлился нарушить мой покой?“ она доложила мнѣ, что князь Рѣпнинъ желаетъ видѣть меня. Я одѣлась и вышла спросить, что его привело ко мнѣ въ такое время. Онъ казался чрезвычайно взволнованнымъ и, безъ дальнихъ околичностей, глубоко отчаяннымъ голосомъ воскликнулъ: „Ну, моя милая кузина, все потеряно, нашъ планъ разрушенъ—сестра ваша, Елисавета, получила орденъ св. Екатерины, а я назначенъ министромъ-адъютантомъ, или министромъ-лакеемъ къ прусскому королю“. Это обстоятельство, которое служило прелюдіей низверженія императрицы, сильно поразило меня; орденъ св. Екатерины жаловался только принцессамъ королевской крови; поразмысливъ, однако жъ, я отвѣчала, что не надо слишкомъ серьезно принимать дѣйствія и намѣренія, выходящія изъ такой головы, какова у Петра III. Поэтому я совѣтовала князю ѣхать домой и отдохнуть, а между тѣмъ, какъ можно скорѣе, сообщить объ этомъ Панину.

Когда онъ ушелъ, я глубоко призадумалась надъ разными проектами, которые были то составляемы, то отвергаемы заговорщиками. Они казались мнѣ большею частью праздными мечтами, безъ твердыхъ началъ или убѣжденій. Въ одномъ пунктѣ всѣ единодушно сходились—это въ томъ, что отплытіе императора въ Данію будетъ сигналомъ поразительнаго удара.

Многое еще оставалось сдѣлать до вожделѣнной минуты, а предположенное время наступало; вслѣдствіе того, при слѣдующемъ свиданіи съ Панинымъ, я рѣшилась сбросить всякую маску и открыть ему начисто сущность и силу нашего заговора. При первомъ удобномъ случаѣ, я заговорила съ нимъ о серьезномъ намѣреніи поднять революцію. Онъ слушалъ внимательно и въ отвѣтъ началъ придираться къ формамъ, какъ надо приступить къ дѣлу и какъ ввести въ кругъ нашего дѣйствія Сенатъ. Что авторитетъ этого государственнаго учрежденія помогъ бы намъ—я этого не отвергала; но спросила, можно ли безъ величайшаго риска искать его участія? Я также согласилась съ нимъ, что императрица взойдетъ на престолъ не иначе, какъ съ правомъ регентства во время малолѣтства ея сына, но я не допускала его сомнѣній относительно второстепенныхъ вопросовъ реформы. „Дайте совершиться, сказала я, и никто не заподозритъ его въ иномъ стремленіи, какъ въ настоятельной необходимости свергнуть зло съ перемѣной настоящаго правленія“. Тогда я назвала ему главныхъ участниковъ моего замысла—двухъ Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Бредихина, Баскакова, Гетрофа, князя Барятинскаго и Орловыхъ. Онъ удивился и струсилъ, увидѣвъ, какъ далеко я зашла въ своемъ предположеніи, и при томъ безъ всякаго предварительнаго переговора съ Екатериной. Я защищала свою скрыт-

ность въ этомъ случаѣ осторожностью относительно государыни; что было бы неумѣстно и даже опасно вводить ее въ наши планы еще незрѣлые и шаткіе.

Изъ всего, что сказалъ мой дядя въ это свиданіе, я замѣтила въ немъ и присутствіе мужества, и желаніе стать съ нами, но онъ колебался при мысли о результатѣ реформы. Разставаясь съ нимъ, я просила его захватить на нашу сторону Теплова, который только-что вышелъ изъ крѣпости, куда онъ былъ заключенъ Петромъ III. Его краснорѣчіе и умѣніе говорить народнымъ языкомъ были намъ полезны въ первыя минуты возстанія; а вліяніе его на Разумовскаго еще важнѣе было для нашей поддержки. Въ заключеніе я убѣждала Панина не говорить ему о провозглашеніи великаго князя, а предоставить мнѣ это дѣло; такъ какъ наставнику свойственно дружить съ своимъ воспитанникомъ, то это могло подать поводъ къ недоразумѣніямъ, что же касается до меня, какъ всѣмъ извѣстнаго преданнаго друга императрицы, я могла объясниться, не возбуждая ни подозрѣнія, ни недовѣрія. Согласно съ тѣмъ и впослѣдствіи сдѣлала это предложеніе; къ счастью, исполненіе его было остановлено рукой Провидѣнія, хранившаго судьбу государства.

Между иностранцами, искателями счастья въ Петербургѣ, былъ одинъ піемонтецъ, по имени Одартъ, который, по милости моего дяди, служилъ адвокатомъ въ коммерческой коллегіи. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, человѣкъ болѣзненный, живой и острый, хорошо образованный и ловкій интриганъ, но по причинѣ незнанія русскаго языка, промышленности и внутреннихъ сообщеній, нашелъ себя безполезнымъ на этомъ мѣстѣ и желалъ занять какую-нибудь должность при императрицѣ. Съ этой цѣлью онъ просилъ моего ходатайства; я рекомендовала его государынѣ въ качествѣ секретаря; но такъ какъ переписка ея ограничивалась одними родственниками, то она не хотѣла принять его, тѣмъ болѣе, что считала опаснымъ поручить иностранцу эту обязанность. Впрочемъ, я выхлопотала ему при ней мѣсто смотрителя нѣкоторыхъ доходовъ, опредѣленныхъ Петромъ III.

Я заговорила объ этой личности потому, что между ложными фактами, распространенными о революціи, Одарта считали моимъ главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ. Въ одномъ изъ писемъ императрицы будетъ видно, что я познакомила его съ ней; правда и то, что я ради его здоровья доставила ему случай находиться при графѣ Строгановѣ, когда онъ былъ загнанъ на свою дачу императоромъ; но Одартъ отнюдь не былъ моимъ повѣреннымъ, и я рѣдко его видѣла, ни одного раза за три недѣли до переворота... Я была очень рада помочь ему, но никогда не спрашивала его совѣта; и я думаю, что онъ зналъ меня на столько, чтобы не осмѣлиться сдѣлать мнѣ тѣхъ

предложеній со стороны Панина, которыя взвели на него нѣкоторые французскіе писатели въ своихъ безсмысленныхъ брошюрахъ.

Но я возвращаюсь къ своему главному разсказу. Новгородскій архіепископъ, извѣстный своей ученостью, любимый народомъ и обожаемый духовенствомъ, конечно, не сомнѣвался въ томъ, чего могла ожидать церковь отъ такого повелителя, какъ Петръ III. Его собственныя опасенія на этотъ счетъ, уже давно возбужденныя въ немъ и въ которыхъ онъ не скрывался, ставили его въ нашихъ рядахъ, если не какъ дѣятельнаго участника, то, по крайней мѣрѣ, какъ ревностнаго покровителя нашихъ замысловъ. Я съ удовольствіемъ услышала отъ князя Волконскаго, дяди моего мужа, по возвращеніи его изъ арміи, что духъ ропота обнаружился даже между солдатами; они были недовольны тѣмъ, что ихъ заставляли обратить оружіе противъ перваго ихъ союзника, Маріи-Терезіи, въ пользу прусскаго короля, съ войсками котораго они такъ давно бились. Я передала эту новость Панину, какъ доказательство, между прочимъ, и того обстоятельства, что князь Волконскій былъ не чужой намъ; впослѣдствіи онъ совершенно оправдалъ нашу надежду.

Нашъ кругъ съ каждымъ днемъ увеличивался численно; но планъ дѣйствія далеко не имѣлъ соотвѣтственнаго успѣха. При такомъ порядкѣ вещей, я половину времени проводила въ уединеніи въ своей дачѣ близъ Петербурга; и въ то время, какъ я скрывалась отъ всѣхъ своихъ друзей, подъ предлогомъ нездоровья, я старалась уяснить себѣ свои идеи и изыскать болѣе практичныя и вѣрныя средства для достиженія задуманной цѣли.

Дача, о которой я говорю, находилась не далеко отъ города, близъ Краснаго кабачка, и составляла часть обширной болотистой почвы, нѣкогда покрытой густымъ кустарникомъ; Петръ III приказалъ ее раздѣлить между нѣкоторыми помѣщиками. Посредствомъ осушенія и обработки этой безплодной земли, она была обращена богатыми владѣльцами въ плодоносную и прекрасную долину. Мой участокъ сначала былъ подаренъ одному гольштинскому генералу; не имѣя терпѣнія разработать его, онъ отказался отъ своего владѣнія, предоставивъ его опять въ распоряженіе правительства, а себѣ избравъ другое. Въ числѣ прочихъ эта земля была предложена мнѣ; но недостатокъ денежныхъ средствъ, для самыхъ необходимыхъ расходовъ, которыми я не хотѣла безпокоить моего мужа, заставилъ было меня отказаться отъ нея, подобно гольштинскому генералу. Впрочемъ, отецъ мой, желая, чтобъ я приняла ее, предложилъ построить здѣсь домъ на собственный свой счетъ, и такимъ образомъ уладилъ дѣло, въ которомъ я сомнѣвалась.

Около этого времени случилось быть въ Петербургѣ сотнѣ кресть-

янъ, принадлежащихъ моему мужу; имъ позволялось въ извѣстное время года работать на себя; изъ благодарности и любви къ ихъ великодушному помѣщику, эти добрые мужики вызвались поработать четыре дня сряду на этомъ новомъ владѣніи и потомъ каждый праздникъ по очереди продолжать свой трудъ. Съ помощью ихъ были прорѣзаны небольшіе каналы и поднята почва для постройки дома и его службъ. Но, несмотря на то, что я начинала любить это первое поземельное пріобрѣтеніе, которое составляло мою собственность, я не хотѣла дать ему названія до тѣхъ поръ, пока не освящу его именемъ того святаго, въ день котораго увѣнчается успѣхомъ наше политическое предпріятіе.

Однажды провожалъ меня сюда верхомъ мой братъ графъ Строгановъ; намѣреваясь показать ему нѣкоторыя улучшенія, я попыталась пройти, повидимому, по зеленому лугу; но, къ сожалѣнію, до самыхъ колѣнъ погрузилась въ болото. Жестокая простуда и лихорадка была слѣдствіемъ того; въ это время я получила очень дружеское письмо отъ императрицы, которая шутила надъ этимъ происшествіемъ, приписывая вину его невниманію моего прекраснаго кавалера—„обезьяны“, какъ она называла его: названіе вполнѣ выражало неуклюжесть Строганова, соединенную съ расположеніемъ его къ шутовству. Я постаралась отвѣтить на это письмо и писала его въ минуту сильнаго лихорадочнаго припадка: зато чего въ немъ не было! Вѣроятно я говорила о своихъ революціонныхъ надеждахъ, и въ такомъ безсвязномъ, темномъ видѣ, съ такой смѣсью прозы и стиховъ, французскаго и русскаго, что Екатерина, намекнувъ впослѣдствіи на это письмо, спросила, какъ долго я была одержима духомъ пророчества? Что касается до моихъ пламенныхъ выраженій дружбы, она поняла и оцѣнила ихъ; что же до моего намѣренія назвать мое имѣніе во имя вожделѣннаго дня, она рѣшительно не постигала моего желанія. Въ это время государыня часто писала мнѣ и, повидимому, съ болѣе покойнымъ духомъ, менѣе встревоженная грядущими обстоятельствами, чѣмъ ея друзья, которыхъ ожиданія относительно близкой перемѣны были гораздо серьезнѣе, чѣмъ ея собственныя.

Между тѣмъ, встрѣтилось событіе, уронившее царское достоинство Петра III гораздо больше, чѣмъ какая-нибудь изъ его собственныхъ глупостей.

Въ царствованіе его тетки, сербы, послѣдователи православной вѣры, подобно своимъ братьямъ по религіи, искавшимъ убѣжища въ Венгріи, въ австрійскихъ владѣніяхъ, прислали къ Елисаветѣ депутатовъ, просившихъ у нея защиты и земли въ ея имперіи, чтобы избавиться отъ преслѣдованій римско-католическаго духовенства, все-

сильнаго въ эпоху Маріи-Терезіи. Хотя императрица была другомъ нѣмецкой королевы, но она по религіозному чувству уступила просьбѣ ихъ; благосклонно принявъ депутатовъ, она отвела сербамъ нѣсколько превосходныхъ участковъ въ южной полосѣ Россіи. Кромѣ того, имъ дано было денежное вспоможеніе на переселеніе и для набора нѣсколькихъ гусарскихъ полковъ изъ среды своей. Но вотъ что случилось: одинъ изъ этихъ депутатовъ, по имени Хорватъ, тонкій интриганъ, вкрался въ довѣренность тѣхъ чиновниковъ, которымъ было поручено устройство новой колоніи, и захватилъ себѣ деньги, вмѣсто того, чтобы употребить ихъ на помощь многимъ тысячамъ своихъ одноземцевъ, уже пришедшихъ на отведенное имъ мѣсто; онъ присвоилъ ихъ себѣ и сталъ поступать съ переселенцами, какъ господинъ съ своими рабами.

Угнетенный народъ жаловался государынѣ, которая послала князя Мещерскаго разсудить ихъ; но вслѣдствіе болѣзни и скорой смерти Елисаветы, въ связи съ другими препятствіями, дѣло, перенесенное въ Сенатъ, осталось не рѣшеннымъ. Хорватъ же, услышавъ о кончинѣ императрицы, поспѣшилъ въ Петербургъ и подарилъ по двѣ тысячи дукатовъ каждому изъ трехъ сановниковъ, близкихъ къ престолу и особенно любимыхъ Петромъ III. Въ числѣ ихъ онъ поставилъ Льва Нарышкина, знаменитаго придворнаго шута, генерала Мельгунова и генералъ-прокурора Глѣбова. Двое послѣднихъ отважно сказали о своей взяткѣ императору и были превознесены его похвалами за откровенность ихъ поступка. „Вы честные ребята, сказалъ онъ, и если вы подѣлитесь своей добычей, я пойду самъ въ Сенатъ и рѣшу дѣло въ пользу Хорвата". Государь сдержалъ слово; скрѣпилъ актъ, по которому Россія потеряла сто тысячъ жителей, ничего болѣе не требовавшихъ, чтобы идти вслѣдъ за своими соотечественниками, какъ исполненія обѣщаннаго покровительства. Когда Петръ III услышалъ о взяткѣ Нарышкина, не признавшагося въ ней, подобно своимъ товарищамъ, онъ отобралъ у него всю сумму сполна, присвоивъ ее себѣ, въ видѣ наказанія; довольный, онъ нѣсколько дней потомъ насмѣшливо спрашивалъ Нарышкина, что онъ сдѣлалъ съ полученной взяткой отъ Хорвата? Подобное воровство, грязное для всякаго честнаго человѣка, унизило императора въ общественномъ мнѣніи ниже шута и подвергло ихъ всѣхъ общему смѣху и презрѣнію.

Около того же времени, императоръ выкинулъ поразительный фарсъ, передъ лицомъ всего Измайловскаго гвардейскаго полка. Маршалъ Разумовскій однажды былъ позванъ маневрировать своимъ полкомъ въ присутствіи императора, вслѣдствіе общаго приказа, по которому каждый командиръ обязанъ былъ показать свое искусство.

Послѣ развода, при чемъ Разумовскій, вовсе человѣкъ не военныхъ способностей, заслужилъ высочайшее благоволеніе, государь, вполнѣ счастливый, отправился со своей свитой обѣдать. Мимоходомъ онъ замѣтилъ своего любимаго негра (если не ошибаюсь Нарциса), яростно сцѣпившагося съ другимъ служителемъ, и оборонявшагося и руками и ногами. Сначала Петръ III расхохотался, но когда увидѣлъ, что соперникомъ чернаго любимца былъ полковой фурлейтъ, лицо его тотчасъ измѣнилось и онъ съ досадой воскликнулъ: „Нарцисъ потерянъ для насъ навсегда". Что онъ разумѣлъ подъ этимъ— трудно было понять; Разумовскій спросилъ государя о причинѣ его неудовольствія: „Какъ, сказалъ императоръ, развѣ вы, военный человѣкъ, не понимаете, что я больше не могу допустить его къ себѣ, послѣ этой позорной и унизительной драки съ мусорщикомъ". Маршалъ, прикинувшись партизаномъ царскаго горя, очень важно предложилъ смыть пятно съ негра, покрывъ его знаменами полка.

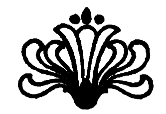
Эта идея, воскресившая Нарциса, съ восторгомъ была принята государемъ; поцѣловавъ Разумовскаго, онъ приказалъ привести негра. „Развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ ему, что ты обезчещенъ и навсегда удаленъ отъ насъ за это подлое соприкосновеніе съ фурлейтомъ?" Бѣднякъ, пѣнившійся злостью и не понявъ значенія этихъ словъ, началъ оправдываться, говоря, что онъ честный человѣкъ, долженъ былъ наказать этого мерзавца, который бросился на него первый. Но когда, по приказанію Петра III, стали проводить его три раза подъ полковыми знаменами, негръ такъ стойко сопротивлялся, что четыре человѣка принуждены были держать его во время этой церемоніи.

Впрочемъ, этого было мало. Императоръ требовалъ, чтобы изъ негра выпустили нѣсколько капель крови, для смытія пятна его безчестія, и былъ удовлетворенъ только тогда, когда прикоснулись концомъ знамени къ его головѣ. Крики и завыванія бѣднаго африканца противъ его господина и нелѣпость всей этой сцены была пыткой для офицеровъ, готовыхъ разразиться общимъ смѣхомъ; и дѣйствительно трудно было удержаться отъ хохота, смотря на торжественную осанку царя, который, казалось, въ одно время работалъ надъ искупленіемъ чести своего лакея и своей собственной императорской славы.

Отецъ мой всегда былъ не въ милости при настоящемъ дворѣ; и хотя государь оказывалъ нѣкоторое уваженіе моему дядѣ, канцлеру, но не слушался его политическихъ совѣтовъ. Являться каждое утро на парады, въ качествѣ капралъ-маіора, хорошо ѣсть, пить бургонское, проводить вечера между шутами и извѣстными женщинами, и

исполнять всякое приказаніе прусскаго короля—вотъ, что было славою и счастіемъ Петра III, и онъ процарствовалъ семь мѣсяцевъ. Самымъ великимъ его предпріятіемъ было желаніе отнять у датскаго короля клочекъ земли, который онъ считалъ своею собственностью; и съ такой поспѣшностью дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, что даже не хотѣлъ отложить его до окончанія своей коронаціи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ семейнаго архива графа Нессельроде.

II [1]).

Письма К. В. Нессельроде къ Сперанскому изъ Парижа. — Бракосочетаніе Наполеона I съ Маріею-Луизою австрійской. — Графъ Разумовскій. — Чичаговъ.—Дѣла въ Испаніи.—Удаленіе Фуше.—Наша война съ Турціей.—Успѣхи наши въ 1810 г.—Пріѣздъ курьера отъ Коленкура въ Парижъ. — Пребываніе Меттерниха въ Парижѣ.—Вѣроятность войны съ Россіей.—Бернадотъ и его избраніе на шведскій престолъ.—Тіаръ.—Нашъ тарифъ 1811 г. и его вліяніе на Наполеона; приготовленіе Наполеона къ войнѣ съ нами.—Затруднительное положеніе Нессельроде.—Іосифъ Понятовскій въ Парижѣ.—Возвращеніе Іосифа Бонапарта изъ Мадрида.—Пріѣздъ Коленкура.—Намѣреніе Наполеона ѣхать въ Мадридъ.—Побѣда Кутузова при Рущукѣ.—Разговоры Наполеона съ Куракинымъ.—Состояніе Наполеона.—Отъѣздъ его изъ Парижа.—Нессельроде возвращается въ Петербургъ.

К. В. Нессельроде, прибывъ въ Парижъ, въ началѣ 1808 года, встрѣтилъ тамъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ отца его. Въ Парижъ въ то время безпрестанно пріѣзжали различные мелкіе германскіе владѣтельные принцы и ихъ посланники по разнымъ своимъ ходатайствамъ у Наполеона, но обыкновенно ничего не получали отъ него. Пробывъ въ Парижѣ нѣкоторое время, Нессельроде, уже въ іюлѣ 1809 г., былъ опять въ Петербургѣ и предался различнымъ свѣтскимъ увеселеніямъ лѣтняго времени; посѣщалъ на дачѣ кн. Долгорукову, Орловыхъ, бывалъ часто у Загряжской. Но въ мартѣ 1810 г. онъ снова отправился въ Парижъ и долженъ былъ вести секретную переписку, помимо канцлера, съ государемъ, при посредствѣ третьяго лица, именно М. М. Сперанскаго. При этомъ всѣ главныя лица, упоминаемыя въ письмахъ его, означались условными именами, какъ, напримѣръ: Наполеонъ, означался словомъ: „мой другъ", Терентій Петровичъ, милое сердце (joli coeur); Талейранъ—мой кузенъ Генрихъ, юрисконсультъ, прекрасный Леандръ, Анна Ивановна; Колен-

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1906 г.

куръ—владѣтель Холчинскій; Фущэ—президентъ, Наташъ, Берьенъ; Марэ—Дмитрій Петровичъ, Шампаньи—нашъ племянникъ Сергѣй, милѣйшій; императоръ австрійскій—Робертъ; князь Шварценбергъ [1]—Николай, черепъ (le crâne), Испанія—трусъ, сплетница; Порта—овца; императоръ россійскій—мудрецъ, Луиза, Молво; Сперанскій—путешественникъ, Каролина, веселый кузенъ; Чичаговъ—мой покровитель, мой дядя, маркизъ Тюлипанъ, добрякъ, очень чувствительная принцесса; Александръ Куракинъ—Андрюша и т. д. Нессельроде писалъ Сперанскому по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ и получалъ также отъ него отвѣтныя письма, и нельзя не пожалѣть, что таковыя не напечатаны въ изданныхъ пока трехъ томахъ бумагъ графа Нессельроде, совмѣстно съ письмами послѣдняго; это представило бы читателямъ полную переписку обоихъ лицъ и придало бы ей еще болѣе значенія и занимательности. Надѣясь, что письма Сперанскаго къ К. Нессельроде будутъ напечатаны въ послѣдующихъ томахъ предпринятаго изданія, познакомимъ пока читателей съ главнѣйшимъ содержаніемъ писемъ самого Нессельроде къ Сперанскому.

Эта переписка двухъ замѣчательныхъ личностей открывается слѣдующимъ письмомъ Нессельроде изъ Парижа 13 (25) марта 1810 г. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, вы пожелали, чтобы я доставлялъ вамъ обо мнѣ свѣдѣнія. Спѣшу исполнить ваше желаніе. Въ прилагаемой запискѣ [2]) изложены всѣ подробности, какія я только въ состояніи былъ добыть о наиболѣе важномъ событіи, поглощающемъ все вниманіе императора Наполеона (т. е. о его бракѣ). Всѣ, близко его знающіе и посвященные въ тайны его замысловъ, желаютъ видѣть въ этомъ бракѣ стремленіе съ его стороны къ миру и спокойствію. Вскорѣ это все разъяснится, намѣренія его раскроются, и рѣшится важный, въ особенности для Россіи, вопросъ, не подвергнется ли теперь она, въ свою очередь, нападенію со стороны Наполеона...

Въ послѣдней войнѣ (1809 года) съ Австріею Наполеонъ былъ обязанъ своими успѣхами скорѣе ошибкамъ своего противника, нежели достоинствамъ своей арміи. Она не дралась уже такъ, какъ прежде; недостатокъ ея храбрости и самопожертвованія долженъ былъ быть замѣненъ во всѣхъ сраженіяхъ необычайнымъ военнымъ геніемъ

---

[1]) Шварценбергъ, Карлъ-Филиппъ, князь, герцогъ Крумау, род. въ 1771 г., находился въ военной службѣ Австріи, командовалъ дивизіей въ сраженіи при Гогенлинденѣ. Позднѣе, послѣ Вѣнскаго мира, велъ переговоры о бракѣ Наполеона съ дочерью австрійскаго императора Маріей-Луизой и былъ назначенъ посланникомъ Австріи въ Парижѣ. Въ 1813 г. онъ былъ генералиссимусомъ всѣхъ союзныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона I, а съ 1815 г. по день кончины своей въ 1820 г. былъ предсѣдателемъ верховнаго военнаго совѣта Австрійской имперіи.

[2]) Эта записка не приложена къ письму печатному.

Наполеона. Его армію составляли уже не старые солдаты, отличившіеся при Маренго, Ульмѣ, Іенѣ и т. д. Эти старые, закаленные воины находились или въ Испаніи или же въ могилѣ, большею частью. Армія его была почти вся изъ новобранцевъ, а офицеры, въ особенности старшіе, высказывались громко противъ проекта ихъ императора,—всемірнаго разрушенія. Въ томъ же духѣ высказывалось и общественное мнѣніе Франціи; всѣ убѣждались, что ведетъ войну вовсе не Франція, а только Наполеонъ, война всѣмъ надоѣла; всѣ были серьезно озабочены о дальнѣйшей судьбѣ государства, управляемаго лицомъ, которое всякій годъ подвергало опасности его существованіе. Миръ, заключенный въ Вѣнѣ, не прекращалъ войны съ Австріею; это сознавали хорошо обѣ стороны. Наполеонъ усмотрѣлъ, наконецъ, что, продолжая дѣйствовать по-прежнему, онъ достигнетъ постепенно упадка своего могущества. Тогда онъ задумалъ основать свое могущество на другихъ началахъ, на родственныхъ связяхъ съ европейскими державами. Съ этою цѣлью, онъ послалъ Коленкура въ Петербургъ, разузнать, нельзя ли вступить въ бракъ съ одною изъ русскихъ княженъ. Это было, какъ извѣстно, отклонено, подъ разными предлогами. Тогда онъ задумалъ породниться съ вѣнскимъ дворомъ, по мысли Марэ [1]), имѣвшаго въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе. Зная тайное намѣреніе Наполеона, онъ первый намекнулъ объ этомъ графинѣ Меттернихъ, которая долгое время одна была посвящена въ эту тайну. Въ январѣ Наполеонъ говорилъ съ Талейраномъ о своемъ новомъ бракѣ и поручилъ ему начать формальные переговоры объ этомъ въ Вѣнѣ и просить руки австрійской эрцъ-герцогини. Во то же время Наполеонъ развѣдывалъ мнѣніе Франціи о его предстоявшемъ бракѣ. Одни высказывались за бракъ его съ русскою великою княжною, другіе съ австрійскою, а затѣмъ, 6-го февраля, Наполеонъ послалъ сына императрицы Жозефины, принца Евгенія Богарнэ, вице-короля итальянскаго, въ Вѣну, сообщить Шварценбергу формальное его предложеніе, и 8-го февраля былъ заключенъ брачный договоръ. Всего болѣе переполошилась во Франціи партія республиканская, видя свою гибель въ этомъ бракѣ. Чтобы ее успокоить, Наполеонъ назначилъ Алькье [2]) (подававшаго голосъ за казнь Людовика XVI) посланникомъ въ Швецію; наградилъ Фушэ орденомъ и пожаловалъ госпожу Ланъ (Lasnes) статсъ-дамою императрицы. Марэ, болѣе всего содѣйствовавшій заключенію брака,

---

[1]) Марэ—Гуго Бернардъ, позднѣе герцогъ Бассано.

[2]) Алькье (Alquier) род. 13-го октября 1752 г. въ Талмонѣ, былъ адвокатомъ, игралъ видную роль въ революцію 1789 г., былъ членомъ конвента, исполнялъ различныя его порученія при арміяхъ, а послѣ 18 брюмера примкнулъ къ Наполеону.

не получилъ никакой награды. Но этимъ бракомъ великую побѣду одержало семейство Бонапарта; оно совершенно уничтожило своихъ непримиримыхъ враговъ—Богарнэ; императрица Жозефина принуждена была жить въ полномъ забвеніи въ Наваррѣ; королева голландская, бывшая въ ссорѣ съ своимъ мужемъ, была принуждена ѣхать съ нимъ въ Голландію. Молодая императрица среди этихъ интригъ и волненій спокойно сохраняла свое достоинство, ни съ кѣмъ близко не сходилась и обращалась со всѣми съ одинаковымъ достоинствомъ...

Предвидѣть неблагопріятныя для насъ обстоятельства и избѣгать все, что можетъ ихъ породить, таково должно быть, по моему мнѣнію, начало, которымъ намъ должно руководствоваться въ нашей политикѣ. Всякое движеніе вокругъ насъ должно неизмѣннымъ образомъ вызвать таковое же и среди насъ.

Надо употребить всѣ средства, чтобы предотвратить что-либо неблагопріятное для Пруссіи со стороны Франціи, и не надо терять ни минуты въ этомъ отношеніи. Австрія изъявила свое согласіе на бракъ Наполеона съ дочерью своего императора, потому что это являлось единственнымъ для нея средствомъ спасенія; безъ этого она погибла бы. По мнѣнію французскаго кабинета, Австрія вполнѣ во власти Наполеона и будетъ, при разрывѣ Франціи съ нами, вполнѣ дѣйствовать заодно съ нимъ. Онъ начинаетъ предвидѣть это, но не желаетъ ускорить разрыва, пока продолжается война съ Испаніею, (и она еще долго не будетъ приведена къ окончанію), и заботится только о томъ, чтобы помѣшать намъ выйти изъ настоящаго положенія, вполнѣ соотвѣтствующаго видамъ французскаго правительства тѣмъ, что оно насъ незамѣтно ослабляетъ [1]) и дѣлаетъ для насъ невозможнымъ оказать Наполеону сопротивленіе, когда онъ вздумаетъ сбросить свою личину.

24 марта (5 апрѣля) 1810 г. Я нѣсколько разъ видѣлся съ моимъ кузеномъ (Талейраномъ). Посылаю вамъ съ первымъ курьеромъ посольства отчетъ подробный о моихъ съ нимъ бесѣдахъ; я хотѣлъ послать съ вѣрнымъ лицомъ такой важный отчетъ. Прошу васъ быть съ нимъ до крайности осторожнымъ. Если о немъ Коленкуръ что-либо узнаетъ, то, несомнѣнно, два лица будутъ разстрѣляны, и этотъ драгоцѣнный для меня источникъ свѣдѣній прекратится. Я истратилъ на это 3 т. франковъ. Если его величество признаетъ полезнымъ, чтобы я поддерживалъ мои сношенія и доставлялъ впредь подобныя свѣдѣнія, необходимо предоставить въ мое распоряженіе около 30—40 т. франковъ, независимо отъ суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе посольства...

[1]) Нессельроде разумѣетъ тутъ нашу войну съ Турціей, которая, благодаря внушеніямъ Франціи, все тянулась еще.

*

Этотъ пакетъ я послалъ на имя Кочубея, чтобы курьеръ не подозрѣвалъ, что я состою въ сношеніяхъ съ вашимъ превосходительствомъ.

26 марта (7 апрѣля) 1810 г. Мнѣ обѣщали доставить еще двѣ любопытныя записки за 4.000 франковъ; я ихъ заплачу изъ своихъ денегъ, но прошу васъ мнѣ ихъ возвратить въ возможно скорѣйшемъ времени.

31 марта (12 апрѣля) 1810 г. Чтобы отстранить отъ кн. Куракина всякое подозрѣніе, что я нахожусь съ вами въ перепискѣ, я доставлю ему по-прежнему, какъ при первомъ моемъ пріѣздѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія, не требующія тайны. Посылаю вамъ при семъ записку Шампаньи объ Англіи, составленную имъ недавно для Наполеона. Онъ доказываетъ невозможность сближенія Англіи и Франціи, и касается сѣверныхъ державъ. Но о послѣднихъ болѣе подробно и обстоятельно составилъ записку герцогъ Кадоръ и вручилъ императору 14 марта. Я вамъ послалъ ее съ графомъ Строгановымъ, который уѣхалъ отсюда дней восемь. Я за обѣ записки истратилъ 7.000 франковъ; мнѣ необходимо имѣть въ распоряженіи особую сумму, какъ я уже сообщалъ вамъ... Дѣла французовъ въ Испаніи идутъ опять хуже, и окончаніе войны не предвидится; въ запискѣ къ графу Румянцеву я изложилъ подробно всѣ свѣдѣнія, какія только могъ собрать объ этомъ; не имѣю времени списать для васъ особую копію. Я послалъ подробную записку Гурьеву, по вопросу о займѣ, и почти увѣренъ, что онъ не состоится; на это не надо разсчитывать. Здѣсь во Франціи, финансы далеко не въ блестящемъ видѣ; тутъ приняли за правило не платить ничего свыше ассигнованныхъ каждому министерству суммъ по смѣтѣ; въ этомъ отношеніи французское правительство на дѣлѣ является великимъ банкротомъ; лучшіе финансовые люди удаляются отъ дѣлъ и уступаютъ мѣста свои другимъ.

2 (14) апрѣля 1810 г. Сомнѣваюсь, чтобы заемъ могъ удасться, и Талейранъ того же мнѣнія; насъ будутъ водить и окончатъ отказомъ въ нашей просьбѣ.

8 (30) апрѣля 1810 г. Посланный мною съ Строгановымъ тайный докладъ Шампаньи имѣетъ предметомъ своимъ сношенія варшавскихъ властей съ губерніями, прежде принадлежавшими Польшѣ. Я счелъ его настолько важнымъ, что не жалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобы добыть его себѣ. Съ большою неохотою и съ большими опасеніями и колебаніями, наконецъ, рѣшились мнѣ дать копію съ онаго. Опасаются, что мы примемъ мѣры противъ эмиссаровъ, указанныхъ въ запискѣ, и это послужитъ къ разоблаченію лица, мнѣ сообщившаго копію.

И только послѣ того, какъ убѣдились въ томъ, что эти мѣры не

будутъ приняты теперь, а быть можетъ позднѣе, и то съ большою осторожностью, что ограничатся наблюденіями незамѣтными за агентами, не производя явнаго скандала, могущаго возбудить вниманіе правительства въ Варшавѣ и Парижѣ; что пока ограничатся воспрещеніемъ имъ выхода изъ провинціи, разъ они туда проникли, тогда только мнѣ дали желаемую копію.

2 (14) апрѣля 1810 г. На-дняхъ прибылъ въ Парижъ графъ Разумовскій, а Юсуповъ, пробывъ здѣсь два года, уѣзжаетъ послѣ празднествъ, въ маѣ мѣсяцѣ. Я нашелъ тутъ Чичагова; онъ очень хорошо принятъ Наполеономъ и пользуется расположеніемъ общества. Наполеонъ съ нимъ долго разговариваетъ наединѣ и принялъ привычку всегда на дипломатическихъ вечерахъ говорить съ нимъ. Послѣдній разъ Наполеонъ выразилъ ему свое изумленіе, что онъ не назначенъ членомъ образованнаго совѣта; послѣ этого отношенія Наполеона къ нему охладились. Чичаговъ располагаетъ пробыть лѣтомъ на югѣ Франціи, но лица, близко его знающія, увѣряли меня, что онъ намѣренъ уѣхать въ Америку, но я съ трудомъ этому вѣрю.

Впрочемъ, онъ все такой же; все очень много преувеличеннаго въ его словахъ, менѣе восторженности къ Франціи, немного негодованія и вражды (exasperation) противъ своей родины, которыя онъ и высказываетъ, не стѣсняясь ничѣмъ; довольно курьезно слышать, какъ человѣкъ, конечно не чуждый упрековъ за управленіе дѣлами, ему ввѣренными, безпрестанно говоритъ объ ошибкахъ другихъ вѣдомствъ и ратуетъ противъ всего, совершающагося у насъ, до того, что многія лица здѣсь полагаютъ, что онъ имѣетъ взгляды и мнѣнія, противоположные взглядамъ французскаго правительства, и поэтому высказываютъ ему свое довѣріе.

Впрочемъ, я полагаю, что пока онъ мало намъ повредилъ, несмотря на дружбу свою съ Савари. Я буду слѣдить за всѣми его дѣйствіями и выходками во все время его пребыванія здѣсь.

4 (16) апр. 1810 г. Вотъ уже около двухъ недѣль, какъ мнѣ удалось достать двѣ прилагаемыя записки [1]); очень сожалѣю, что не имѣлъ возможности ихъ прислать вамъ ранѣе. Хотя онѣ не заключаютъ новыхъ свѣдѣній и данныхъ, но правильно и ясно знакомятъ съ современнымъ положеніемъ Испаніи и указываютъ мѣры, которыя Наполеонъ могъ бы принять для скорѣйшаго ея подчиненія, а также тѣ, представляющіяся ему затрудненія и неудобства, которыя онъ при этомъ встрѣтитъ. Я не имѣлъ возможности пока достать продолженія этихъ записокъ, но мнѣ обѣщали оныя. Расходы поэтому простираются до 9.000 франковъ. Повидимому,

---

[1]) Означенныя записки не приложены къ напечатаннымъ письмамъ.

судя по этимъ запискамъ, главная цѣль стремленій, въ настоящее время, Наполеона—завоеваніе Португаліи; всѣ остальные вопросы остановлены до разрѣшенія этого. Онъ надѣется этимъ повліять на торговыя сношенія Англіи и подчинить себѣ Испанію, указавъ ей на возможность быть покинутою ея союзникомъ. Наполеонъ, какъ сообщаютъ изъ Голландіи, оказываетъ большое расположеніе къ миру и говорилъ съ королемъ Голландскимъ о посылкѣ въ Англію вновь Лабушера [1]) для переговоровъ; Наполеонъ желаетъ сблизиться съ Талейраномъ и дѣлаетъ къ этому попытки. На это, однако, мало надежды.

4 (16) апр. 1810 г. Если вы остались довольны послѣднимъ сообщеніемъ въ французскомъ журналѣ о новѣйшемъ нашемъ указѣ, 2-го мая, о финансахъ, то присылайте мнѣ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ по этой части распоряженіямъ, а также и о внутреннемъ нашемъ положеніи; мнѣ не трудно помѣщать это въ здѣшнія газеты. Здѣсь благоразумные люди одобряютъ все, что у насъ дѣлается. Одинъ императоръ порицаетъ это, потому что усматриваетъ въ этомъ средства къ улучшенію внутренняго нашего управленія и зародышъ новой силы, между тѣмъ онъ желалъ бы, чтобы у насъ царилъ безпорядокъ и слабость. Отъ этого ему и не нравится нашъ заемъ также.

5 (17) мая. Здѣсь все говорятъ о безпокойствахъ, возбуждаемыхъ у насъ бракомъ Наполеона. Графъ Меттернихъ надѣется извлечь изъ этого брака 3 выгоды: 1) уменьшеніе недоимокъ къ контрибуціи; 2) заключеніе займа въ Европѣ, и во Франціи преимущественно, на сумму сто милліоновъ, и 3) заключеніе торговаго договора, который обезпечилъ бы какой-нибудь сбытъ произведеніямъ Венгріи. Но Наполенъ обыкновенно никогда не исполняетъ своихъ обѣщаній долѣе того времени, какъ къ этому вынуждаютъ его выгоды настоящаго и сила обстоятельствъ, а потому надежды Меттерниха разсѣются очень скоро. Я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Наполеонъ, вслѣдствіе смутъ въ Кроаціи, желаетъ возвратить Австріи эту область, а также Фіуме и часть Адріатическаго прибрежья; объ этомъ онъ пока толковалъ только съ однимъ Меттернихомъ; я буду особенно слѣдить за этимъ. Дѣла въ Испаніи идутъ все неудовлетворительно; возстаніе стало сильнѣе и упорнѣе; усмирить его можно, истребивъ половину населенія и обративъ Испанію въ пустыню, но и тогда миръ и тишина долго царствовать не будутъ. Крайне затруд-

[1]) Лабушеръ, Петръ-Цезарь—род. въ Голландіи въ 1772 г. и рано поступилъ на службу Франціи по дипломатической части, исполняя различныя порученія при иностранныхъ дворахъ. Онъ умеръ въ Англіи въ 1839 году, находясь уже въ отставкѣ.

нительно овладѣть Кадиксомъ; онъ обороняется очень храбро и упорно. Возможно, что Массена разобьетъ англичанъ и овладѣетъ Лиссабономъ, но это еще не значитъ, что онъ овладѣетъ Португаліею; ему трудно содержать армію въ 70 т. человѣкъ въ странѣ, въ которой даже англійскія войска, при всемъ содѣйствіи и участіи къ нимъ мѣстнаго населенія, существуютъ съ большимъ трудомъ. Наполеонъ даетъ множество разрѣшеній на торговлю (licences), и торговыя сношенія съ Англіею все увеличиваются; масса хлѣба вывозится въ Великобританію, а также изъ Бордо прямо въ Лиссабонъ и Корунью и служитъ для продовольствія англійскихъ войскъ.

27 мая. Съ удовольствіемъ получилъ ваше письмо; очень польщенъ, что вы довольны моими сообщеніями и посылкою книгъ. Чрезъ нѣсколько дней достану продолженіе журнала о земледѣліи и поспѣшу вамъ его отправить. Сегодня я сообщилъ Талейрану ваши мысли и взгляды объ улучшеніи финансовъ; онъ въ восторгѣ, и мы можемъ ожидать самыхъ счастливыхъ результатовъ. Онъ все того мнѣнія, что надо пользоваться минутами покоя, чтобы усиливать себя, и этому послѣднему у насъ ничто не можетъ такъ помочь, какъ вниманіе, обращенное у насъ на внутреннее управленіе, со времени учрежденія совѣта. Талейранъ полагаетъ, что Меттернихъ покинетъ Парижъ, не заключивъ обязательствъ, опасныхъ для Россіи.

Въ тѣсномъ союзѣ Россіи и Австріи онъ видитъ средство внушить Франціи мирныя стремленія и полагаетъ, что такой союзъ возможенъ, несмотря на бракъ Наполеона. Пока идетъ война въ Испаніи, намъ нечего опасаться Наполеона и мы можемъ принять свои мѣры. Что послѣдуетъ послѣ—предвидѣть не трудно. Расположеніе, проявленное Наполеономъ къ намъ, послѣ брака, слишкомъ ясно указываетъ, что онъ рѣшился не изъявлять болѣе своего согласія на что-либо, что намъ можетъ быть выгоднымъ. Судьба конвенціи съ Польшею служитъ не малымъ тому доказательствомъ; онъ отказался ее утвердить. Холодный пріемъ кн. Куракина тоже не малозначущъ. Можно заключить, что Наполеонъ въ отношеніи насъ держится системы выжидательной, посредствомъ которой онъ старается поддержать его сношенія съ нами въ томъ состояніи умѣренности (tiedeur), въ которомъ они теперь находятся до той минуты, когда онъ признаетъ удобнымъ рѣшительно снять маску и обнаружить свои намѣренія.

4 (16) іюня. Сообщаю вамъ при семъ подробности о паденіи Фушэ. Это событіе породило много шума и толковъ. Наполеонъ упрекаетъ его, между прочимъ, и въ томъ, что онъ два года тому назадъ распространилъ по всей Европѣ слухъ о его разводѣ, о которомъ онъ тогда не помышлялъ.

„Я не хочу имѣть министромъ, сказалъ Наполеонъ, лицо, которое роется въ моихъ бумагахъ и моихъ домашнихъ дѣлахъ. И при томъ зачѣмъ это покровительство лицамъ, которыми я не доволенъ; зачѣмъ это вниманіе къ герцогинѣ Шеврезъ [1]), подобное тому, какое было оказано при Людовикѣ XV павшему министру въ Шантелу (т. е. герцогу Шуазелю). Я хочу, чтобы она немедленно уѣхала и никогда бы не приближалась къ Парижу". Никто здѣсь не считаетъ Фуше виноватымъ и никто не полагаетъ, что онъ началъ переговоры съ Англіею, помимо и безъ вѣдома императора. Одна его вина та, что онъ слишкомъ горячо желалъ мира. Удаленіе его значительно уменьшило надежды имѣть прочный миръ.

Посылаю при семъ отчетъ о положеніи дѣлъ въ Испаніи; можно заключить, что маршалы Массена и Жюно не имѣли успѣха въ дѣлахъ противъ англичанъ. Надежды на миръ очень слабы. Наполеонъ, учреждая совѣтъ торговли, сказалъ: „Вижу хорошо, что не буду имѣть мира съ Англіею; мнѣ, слѣдовательно, надо подумать о средствахъ дать иное направленіе торговлѣ и привести торговлю въ то положеніе, которое она занимала ранѣе открытія Америки".

6 (18) іюня 1810 г. Мнѣ обѣщали нѣсколько сочиненій о земледѣліи въ Англіи, но еще не доставили. Мои расходы въ этомъ отношеніи доходятъ до 12.000 франковъ. Удаленіе Фушэ меня очень разстроило; у него, обыкновенно, Талейранъ почерпалъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я вамъ сообщалъ для коммиссіи составленія законовъ. Вижу, что моя переписка отъ этого пострадаетъ, и прошу снисхожденія.

13 (25) іюня. Я съ восторгомъ узналъ о нашихъ блестящихъ успѣхахъ въ Турціи; они произвели впечатлѣніе на всѣхъ. Здѣсь они не нравятся. Австрія смотритъ на нихъ съ завистью. Наполеонъ опасается, что мы зайдемъ слишкомъ далеко. Вотъ причина его гнѣвныхъ выраженій кн. Куракину. Пока это только шумъ и гроза не разразится, пока продолжается война въ Испаніи. Она даетъ намъ время и всѣ удобства закончить прочно и блистательно нашу войну съ Турціею; мы будемъ имѣть все время, необходимое приготовиться на борьбу съ нимъ, и быть можетъ этимъ предотвратимъ ее совсѣмъ. Княжества не ускользнутъ отъ насъ при этомъ мирѣ. Талейранъ желаетъ, чтобы мы при этихъ переговорахъ оказали бы вниманіе и расположеніе къ Австріи, въ особенности по дѣламъ ея съ Сербіею.

---

[1]) Шеврезъ, герцогиня, рожденная Нарбоннъ-Фрицларъ, род. въ 1785 г., была назначена придворною дамой императрицы Маріи-Луизы, по оппозиціоннымъ направленіямъ своихъ взглядовъ скоро навлекла гнѣвъ Наполеона I, который приказалъ удалить ее изъ Парижа за 40 лье. Она удалилась въ Ліонъ, гдѣ умерла въ 1813 году.

Онъ очень радъ и доволенъ успѣхами нашего оружія; онъ желаетъ, чтобы мы были сильны, и видитъ съ удовольствіемъ, что мы вѣрнымъ путемъ стремимся къ достиженію этого. Онъ полагаетъ, что послѣдній припадокъ гнѣва противъ насъ, или скорѣе противъ графа Румянцева, не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій. Причиною немилости къ нему со стороны Тюильрійскаго дворца являются несовременныя неудовольствія; они были только предлогомъ, которымъ воспользовались, чтобы изъявить злобу (rancune), которую къ нему имѣли за то, что онъ былъ противникомъ брака Наполеона I съ великою княжною Анною Павловною, сестрою императора Александра I.

Посылаю при семъ послѣдніе отчеты о занятіяхъ совѣта торговли; чего-либо особенно интереснаго не имѣется для сообщеній. Наполеонъ старается очень вліять на Швецію при выборѣ наслѣдника престола; ему очень содѣйствуетъ интриганъ Лагербьелке. Нельзя ли противодѣйствовать этимъ стремленіямъ, для насъ не безразличнымъ? Графъ Меттернихъ все еще здѣсь. Наполеонъ послѣ брака своего мало занимается дѣлами и все ухаживаетъ за своей супругой.

14 (26) іюня. Наполеонъ, повидимому, послѣ пріѣзда послѣдняго курьера отъ Коленкура, болѣе занятъ дѣлами съ Россіею, нежели прежде. Онъ прервалъ свое продолжительное, около трехъ мѣсяцевъ, молчаніе на всѣ заявленія нашего посла; кн. Куракинъ принимается лучше; тонъ журналовъ менѣе для насъ непріязненъ, и всѣ эти дни Наполеонъ не перестаетъ хвалить Россію, высказывая такія, напримѣръ, фразы: „Я очень доволенъ тѣмъ, какъ смотрятъ на мой бракъ въ Петербургѣ“... Императоръ Александръ I въ особенности смотритъ на него, какъ умный человѣкъ...

Послѣднія обѣщанія изъ Петербурга доставили мнѣ большое удовольствіе... Нѣтъ болѣе никакого зародыша войны въ Европѣ, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что полученныя имъ очень неблагопріятныя извѣстія изъ Испаніи побудили его къ такой перемѣнѣ отношеній. Пока будетъ продолжаться война Испанская, онъ будетъ избѣгать ссоры съ нами и ограничится тѣмъ, что будетъ препятствовать намъ заключить миръ съ Турціею. Несмотря на добрыя къ намъ, повидимому, расположенія, Наполеонъ не могъ, однако, вчера, на собраніи, нѣсколько разъ не повторить: „Странное дѣло! русскіе никакъ не могутъ перейти Дунай, это въ ихъ родѣ“ (c'est bien dans leur genre).

Если нашъ дворъ можетъ принять измѣненія, предложенныя Франціею въ нашей конвенціи съ Польшею, я полагаю не дурно было бы немедленно согласиться на нихъ, подписать и ратификовать конвенцію. Иначе нельзя ручаться, что это дѣло никогда не кончится. Наполеонъ начинаетъ склоняться на сторону поляковъ и старается изгладить худое впечатлѣніе, произведенное въ Польшѣ его распо-

ряженіями; онъ пригласилъ и Александру Потоцкую обѣдать съ нимъ и императрицею,—честь, которой не удостоилась еще ни одна изъ иностранныхъ дамъ. Къ несчастію она была на дачѣ и не могла воспользоваться приглашеніемъ.

14 (26) іюня. Послѣ пріѣзда послѣдняго курьера, благосклонное расположеніе Наполеона къ Румянцеву, повидимому, измѣнилось; онъ выражается о немъ безъ сожалѣнія и осторожности, даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Говоря о своемъ бракѣ, Наполеонъ выразилъ, что въ особенности императоръ Александръ считаетъ это событіе полезнымъ для общаго спокойствія и тишины, но не графъ Румянцевъ, который полагаетъ, что рано или поздно онъ долженъ поссориться со своею супругою, что̀ необходимо вызоветъ осложненія между Франціею и Австріею, и вотъ причина, по которой Румянцевъ былъ противъ брака Наполеона съ вел. кн. Анною Павловною, „какъ будто бы я, добавилъ Наполеонъ, могу когда-либо поссориться съ моею женою?“ Слова эти мнѣ передала особа, которой они были сказаны непосредственно императоромъ. Мнѣ очень мало сообщаетъ агентъ Эменаръ, отъѣздъ Фушэ повредилъ мнѣ много.

8 (20) августа. Письма изъ Петербурга сообщаютъ, что нашъ дворъ очень тревожится послѣдствіями отношеній, установившихся между Франціею и Австріею послѣ брака Наполеона. Поэтому считаю не лишнимъ сообщить вамъ нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ державъ. Императоръ австрійскій, соглашаясь на бракъ своей дочери съ Наполеономъ, не имѣлъ иной политической цѣли, какъ обезпечить существованіе своей монархіи. Меттернихъ былъ главнѣйшій виновникъ этого брака и всячески старался его осуществить, узнавъ, что Наполеонъ, разведясь съ первою супругою своею, хочетъ вступить во второй бракъ. Меттернихъ надѣялся придать немного жизни австрійской монархіи, ослабленной и находящейся между двумя могущественными державами. Вся нація не одобрила этого брака; чтобы сдѣлать его нѣсколько популярнымъ, Меттернихъ увидѣлъ необходимость связать съ нимъ выгоды, которыя доказывали бы, что дворъ принесъ также жертву не совсѣмъ даромъ.

Онъ поѣхалъ съ эрцъ-герцогинею въ Парижъ, чтобы вести переговоры о выгодахъ, желаемыхъ австрійскимъ дворомъ, и чтобы удостовѣриться самому о положеніи принцессы и судить на этомъ основаніи о вліяніи этого брака на ходъ дѣлъ и политическіе виды Наполеона. Для Меттерниха лично эта поѣздка имѣла самыя счастливыя послѣдствія. Онъ, съ которымъ ранѣе не хотѣли вести переговоровъ и котораго осмѣивали и бранили во всѣхъ журналахъ, сдѣлался предметомъ самыхъ великихъ почестей, когда-либо оказанныхъ иностранцу въ Парижѣ; онъ былъ принятъ вездѣ съ большимъ внима-

ніемъ. Онъ пріобрѣлъ довѣріе Наполеона самого и не разъ долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, въ кабинетѣ. Ему, казалось, не трудно было бы добиться различныхъ уступокъ со стороны Франціи на пользу Австріи, но на самомъ дѣлѣ онъ добился очень малаго и то послѣ четырехъ-мѣсячныхъ объясненій. Едва-ли бы даже онъ добился и этого, еслибы не имѣлъ случая переговорить о нихъ непосредственно съ Наполеономъ; до того французское правительство было несговорчиво съ каждымъ государствомъ. Меттерхнихъ не хотѣлъ возвратиться въ Вѣну, не имѣя возможности представить народу какія-либо выгоды отъ брака Маріи-Луизы, и потому такъ долго и пребывалъ въ Парижѣ.

Это пребываніе породило множество толковъ и предположеній. Стали говорить объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ Австріи съ Франціею и опредѣляли даже, что онѣ обязались выставить по 150 т. солдатъ на помощь одна другой; что онѣ договорились о раздѣлѣ Турціи между собою и т. д. Но это все не имѣло основанія. Меттернихъ самъ заботился только о независимости своей родины, вовсе не добивался союза съ Франціею и желалъ воспользоваться заключеннымъ бракомъ для поддержанія всеобщаго спокойствія. Такимъ образомъ мы имѣемъ еще время для переустройства финансовъ и нашего внутренняго управленія. Положеніе Франціи станетъ угрожающимъ для насъ, когда Наполеонъ начнетъ выводить войска изъ Испаніи, а пока—онъ посылаетъ все туда подкрѣпленія.

8 (20) августа. Наполеонъ занятъ гораздо болѣе финансами, нежели политикою; онъ старается собрать побольше денегъ, но не прибѣгаетъ къ хорошимъ средствамъ. У него преобладаютъ конфискаціи, банкротства, незаконныя мѣры, а не кредитъ, единственно достойный великой державы. Люди, всего болѣе свѣдущіе въ политической экономіи, не одобряютъ этого. Наполенъ по-прежнему недоволенъ Коленкуромъ, находитъ, что мы его избаловали и испортили, что онъ является скорѣе царедворцемъ Александра I, а не посланникомъ Франціи; онъ скоро будетъ отозванъ. Сомнѣваюсь, однако, чтобы это послѣдовало. Прошу васъ, не распространяйте эту тайну, чтобы она отнюдь не дошла до посланника. Мнѣ говорили, что его замѣститъ генералъ Кафарелли [1]).

9 (21) августа. Выдано сто позволеній американцамъ на производство торговли; все дѣло въ томъ, что хотятъ сохранить торговлю для себя и ничего не дозволять другимъ.

---

[1]) Кафарелли-де-Фалью, Августъ—началъ военную службу съ 1792 г. рядовымъ, а въ 1800 г. былъ уже бригадный генералъ, отличился при Аустерлицѣ въ 1805 г., дѣйствовалъ позднѣе въ Испаніи, овладѣлъ Бильбао въ 1812 г. и, разсѣявъ гверильясовъ, вернулся въ 1813 г. во Францію и, по удаленіи Наполеона I, поселился въ своемъ помѣстьи, гдѣ и умеръ.

5 (17) сентября. Благодарю за свѣдѣнія о проектахъ преобразованія внутренняго управленія имперіи; очень обяжете меня присылкою дальнѣйшихъ проектовъ. Не могу скрыть отъ васъ, что избраніе маршала Бернадотта, князя Понтекорво [1]), въ наслѣдники шведскаго престола, произвело здѣсь очень неблагопріятное впечатлѣніе. Наполеонъ, при этомъ случаѣ проявившій опять глубокое притворство, дошелъ до того, что не одобрялъ образъ дѣйствія при этомъ нашего кабинета. Непонятно, выразился онъ, что Россія не сговорилась со мною о томъ, чтобы выбрать на шведскій престолъ лицо, соотвѣтствующее ея интересамъ; я слишкомъ погрязъ въ дѣла Испаніи, чтобы имѣть возможность воспротивиться выбору. Онъ, впрочемъ, все твердитъ, что никогда не вмѣшивался въ эти выборы, и что этотъ выборъ ему непріятенъ очень, потому что породитъ много претензій среди его маршаловъ. Можно сомнѣваться въ искренности этого утвержденія. Публика видитъ въ этомъ указаніе на близость разрыва съ нами. Вѣроятность войны Россіи съ Франціею, съ нѣкотораго времени, сдѣлалась предметомъ всѣхъ разговоровъ въ Парижѣ; всѣ и каждый толкуютъ объ этомъ. Я не предвижу войны ранѣе весны 1812 года, такъ какъ французская армія вовсе не желаетъ совершать зимній походъ въ нашемъ климатѣ. Чтобы возвратить войска изъ Испаніи, надо по меньшей мѣрѣ годъ, при покореніи этой страны. При войнѣ Наполеона съ нами необходимо имѣть въ виду, что онъ явится со всѣми вооруженными силами Европы, не исключая Австріи и Пруссіи; намъ надо соотвѣтственно этому и приготовиться. Только собравъ внушительныя силы и давъ почувствовать, съ какими неизбѣжными послѣдствіями будетъ сопровождаться ослабленіе Россіи, можно вселить довѣріе обоимъ дворамъ (т. е. Австріи и Пруссіи) и воспрепятствовать имъ принять сторону Франціи. Скоро я вамъ сообщу о поѣздкѣ австрійскаго императора въ Парижъ; въ этомъ нѣтъ никакой политической цѣли; это только выраженіе отеческаго чувства къ дочери и дань тщеславію Наполеона. Маршалъ Бернадоттъ можетъ сдѣлать свое избраніе популярнымъ въ Швеціи, выказывая стремленіе къ полученію обратно Финляндіи; нѣтъ сомнѣнія, что На-

[1]) Бернадоттъ, Жанъ - Баптистъ - Жюль, род. въ По въ 1780 г., началъ военную службу простымъ солдатомъ и, быстро повышаясь въ чинахъ по отличію, получилъ въ 1805 г. титулъ кн. Понтекорво, командовалъ 1 арміей въ 1807 г., пріобрѣлъ популярность за гуманное обращеніе съ шведскими плѣнными и былъ избранъ въ 1810 г. въ наслѣдники шведскаго престола послѣ Карла XIII, усыновленъ имъ 5-го ноября и объявленъ регентомъ Швеціи, а послѣ смерти Карла XIII въ 1818 году вступилъ на шведскій престолъ и короновался подъ именемъ Карла XIV. Онъ царствовалъ до 1844 года, когда умеръ.

полеонъ извлечетъ изъ этого также большую для себя пользу при случаѣ. Надо намъ предотвратить это. Князь Беневентскій (Талейранъ) уѣхалъ на время въ деревню. Наполеонъ начинаетъ съ нимъ лучше обходиться, но примиреніе между ними никогда не состоится. Со времени войны въ Испаніи они слишкомъ расходятся въ политическихъ взглядахъ. Талейранъ стремится къ сохраненію пріобрѣтеннаго, а Наполеонъ преслѣдуетъ одну цѣль — все разрушать. Недавніе лестные отзывы англійскихъ газетъ о Фушэ и Талейранѣ только увеличили ненависть къ нимъ Наполеона.

Письма изъ Константинополя сообщаютъ объ усиленіи французскаго вліянія въ Стамбулѣ. Это достигнуто возбужденіемъ Порты противъ насъ и поддерживаніемъ ея намѣренія не уступать намъ дунайскихъ княжествъ.

Посылаю вамъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Испаніи.

5 (17) октября. Графъ Меттернихъ послѣ долгихъ отсрочекъ и сборовъ уѣхалъ наконецъ изъ Парижа; этимъ будетъ положенъ конецъ всѣмъ тревожнымъ слухамъ объ отношеніяхъ и сношеніяхъ Франціи и Австріи. При прощальной его аудіенціи было рѣшено, что австрійскій императоръ прибудетъ въ Парижъ въ мартѣ мѣсяцѣ, къ ожидаемымъ родамъ его дочери. Сама австрійская императрица прибудетъ къ тому же сроку изъ Ниццы, гдѣ она проведетъ зиму для поправленія здоровья, а потомъ оба вмѣстѣ возвратятся въ Вѣну. Графъ Меттернихъ сдѣлалъ большую тайну объ этомъ путешествіи, никому не говорилъ о немъ ни слова. Но, повидимому, судя по его характеру, императоръ Франціи не внушаетъ достаточнаго довѣрія, чтобы имѣть надежду, что онъ не будетъ увлеченъ обстоятельствами, пагубными для Европы и, слѣдовательно, противными интересамъ Россіи. Но объ этомъ еще рано говорить, и я васъ прошу держать въ тайнѣ все выше мною сообщенное. Немного ранѣе Меттерниха уѣхалъ на новое поприще дѣятельности и наслѣдный принцъ шведскій Бернадоттъ съ большою свитою. Пока ему предписано соблюдать миръ съ сосѣдями и вести войну съ Англіею. На вопросъ, можетъ ли Швеція существовать безъ Финляндіи, онъ отвѣтилъ: „Швеція имѣетъ 4 милліона экю дохода и 18 милліоновъ долга, платежъ процентовъ по которому доходитъ до 800.000 экю ежегодно. Если Наполеонъ дозволитъ Швеціи уплачивать проценты его подданнымъ произведеніями страны, онъ можетъ выйти изъ затрудненія и обойтись безъ Финляндіи, но если представится случай возвратить ее Швеціи, онъ не упуститъ имъ воспользоваться. Съ другой стороны онъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы вызвать такой случай, потому что правильно понятые интересы Швеціи требуютъ сохраненія мира“. Повидимому, это разсужденіе даетъ понятіе объ истинномъ положеніи Швеціи и о системѣ упра-

вленія и политики будущаго новаго монарха. Наполеонъ обошелся съ нимъ щедро, далъ ему милліонъ и оставилъ за нимъ всѣ частные доходы, получаемые во Франціи; онъ даже сохранилъ за нимъ получаемое имъ жалованье.

Наполеонъ съ нѣкоторыхъ поръ еще заботится о финансахъ, но управляетъ ими все по той же системѣ. Выдаваемыя часто дозволенія на торговлю мало облегчаютъ торговлю; они требуютъ соблюденія массы формальностей, и торговцы не усматриваютъ въ этомъ большой льготы.

Шампаньи (Кадоръ) недавно очень много разспрашивалъ Сикса [1]), прибывшаго изъ Петербурга о настроеніи русскихъ къ французамъ. Сиксъ завѣрялъ его, что настроеніе зависитъ единственно отъ образа дѣйствія Франціи по отношенію къ Россіи, что онъ не встрѣчалъ въ Россіи человѣка, имѣющаго намѣреніе совершить походъ во Францію, но если Наполеонъ начнетъ войну и вступитъ въ предѣлы Россіи, то встрѣтитъ самое упорнѣйшее сопротивленіе; будетъ опустошена страна на сто верстъ въ Польшѣ и обращена въ пустыню, чтобы создать преграду его движеніямъ.

Сиксъ увѣрялъ также герцога Кадора, что если Наполеонъ не будетъ тревожить Россію въ ея владѣніяхъ, — (бывшихъ польскихъ губерніяхъ), а также въ присоединенной Финляндіи и не будетъ препятствовать присоединенію Валахіи и Молдавіи къ Россіи, то всегда можетъ разсчитывать на союзъ съ императоромъ Александромъ I и на полную откровенность его кабинета. Повидимому, Сиксъ говорилъ правильно, и я не полагалъ, чтобы онъ рѣшился говорить такъ откровенно и смѣло.

Императрица Жозефина не возвратится, повидимому, въ Парижъ. Наполеонъ писалъ ей, что возвращеніе ея произведетъ слишкомъ неблагопріятное впечатлѣніе для нея самой, и предложилъ ей управлять Римомъ, гдѣ она не замедлитъ, конечно, расположить къ нему всѣхъ обывателей. Дѣла въ Испаніи все въ томъ же положеніи. О положеніи французскихъ войскъ въ Испаніи очень хорошо выразился недавно маркизъ д'Альмонако, сказавъ: „они вездѣ побѣждаютъ и вездѣ окружены. (Partout victorieuse et partout bloquées).

11 (23) октября 1810 г. Наполеонъ показываетъ видъ, будто онъ въ наилучшихъ съ нами отношеніяхъ; онъ обращаетъ вниманіе и отличаетъ всѣхъ русскихъ въ Парижѣ, говоритъ все успокоительныя слова и старается въ настоящую минуту, насколько только возможно, насъ, русскихъ, ласкать. Это все должно приписать: 1) худому поло-

[1]) Сиксъ—былъ нѣкогда министромъ въ Голландіи, но оставилъ это мѣсто и частнымъ человѣкомъ посѣтилъ Петербургъ въ 1810 году.

женію дѣлъ въ Испаніи; 2) невозможности побудить Австрію заключить оборонительный съ Франціей союзъ; 3) желанію, чтобы мы приняли мѣры противъ торговли колоніальными товарами. Наполеонъ очень хвалитъ Веллингтона и выразился: „такихъ людей, какъ онъ, я желаю имѣть у себя; онъ добивается или славы или смерти". Наполеонъ истощилъ всѣ свои усилія, чтобы склонить Меттерниха закрѣпить семейныя отношенія съ Австріею заключеніемъ союза Австріи съ Франціею; на всѣ его доводы Меттернихъ отвѣчалъ, что событія настоящаго времени слишкомъ измѣнчивы, чтобы взять на себя подобное обязательство, и отказался даже передать подобное предложеніе своему императору.

Талейранъ совѣтуетъ въ вопросѣ континентальной системы много шумѣть и ничего не дѣлать, т. е. платить большею лживостью тѣмъ, которые къ ней всегда прибѣгаютъ сами. Я узналъ, что Бернадоттъ, отъѣзжая въ Швецію, сказалъ Наполеону при прощаньи: „что, переплывъ море, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ будетъ руководиться единственно интересами Швеціи и благосостояніемъ страны, ввѣренной ему судьбою". Надо полагать, что въ скоромъ времени будемъ имѣть случай судить о томъ, на сколько эти слова осуществятся на дѣлѣ.

Я очень обрадовался, узнавъ, что у насъ начинаютъ приготовляться къ военнымъ дѣйствіямъ и принимаютъ мѣры къ оборонительной войнѣ...

Наполеонъ недавно заявилъ, что онъ не желалъ союза съ Австріею, что союзъ этотъ самъ по себѣ не имѣетъ цѣли, что онъ не любитъ коалиціи вообще и т. д.; все это говорится, чтобы поддерживать зачатки разногласій между нашимъ дворомъ и вѣнскимъ.

12 (24) октября 1810 г. Массена въ сраженіи при Бусако, 27 сентября, потерпѣлъ пораженіе, и понесъ большія потери; англичане удержали за собою поле сраженія, но, опасаясь быть обойденными, предпочли перейти на лѣвый берегъ р. Мондего [1]). Вопросъ теперь въ томъ, удержится ли Веллингтонъ на югѣ Португаліи или уѣдетъ изъ Лиссабона.

3 (15) декабря 1810 г. Можно полагать, что и въ наступающемъ 1811 году Наполеонъ оставитъ насъ въ покоѣ. Пошлю вамъ скоро проектъ о новой національной гвардіи; это вселяетъ самыя важныя безпокойства о намѣреніяхъ правительства, располагающаго такими средствами. Быть можетъ, имѣя 300 т. войскъ на нашей границѣ, мы предотвратимъ нашествіе, а пока наблюдайте за нѣкоторымъ г. Тіаромъ и постарайтесь воспрепятствовать ему проникнуть въ Рос-

---

[1]) Мондего—рѣка въ португальской провинціи Беира, впадаетъ въ Атлантическій океанъ близъ мыса Фигеара де-Фоссъ.

сію. Это очень опасный человѣкъ и одинъ изъ самыхъ ловкихъ тайныхъ агентовъ въ распоряженіи французскаго правительства. Онъ обладаетъ выдающимся талантомъ для шпіонства и, безъ сомнѣнія, въ этихъ видахъ и направился къ намъ. Онъ былъ въ немилости у Наполеона съ 1808 г., но потомъ, при покровительствѣ Савари, снова всплылъ. Онъ былъ сперва второстепеннымъ шпіономъ у Савари, а затѣмъ получилъ повышеніе и высшее назначеніе. Несмотря на извѣстное русское гостепріимство, мы поступимъ хорошо, если вытолкаемъ его изъ дверей нашихъ, а еще лучше, если не впустимъ къ себѣ; это гораздо вѣрнѣе.

5 (17) декабря 1810 г. Посылаю съ курьеромъ любопытныя извѣстія, какъ-то: 1) о присоединеніи къ Франціи ганзейскихъ городовъ; 2) объ отступленіи Массены; 3) о новомъ наборѣ въ 120.000 человѣкъ. Присоедините къ этому новую національную гвардію въ 900.000 человѣкъ, и вотъ вамъ армія, несравненно бо́льшая необходимой для завоеванія Испаніи. „Впрочемъ, сказалъ на-дняхъ Наполеонъ, я не обращаю на Испанію никакого вниманія; она не входитъ въ мою систему". Эти слова были поняты въ томъ смыслѣ, что онъ обладаетъ слишкомъ значительными средствами, чтобы раздавить Испанію, не будучи при томъ остановленнымъ въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ намѣреній, т. е. въ намѣреніи унизить Россію. Онъ подробно разспрашивалъ Лажара[1]) о системѣ рекрутства у насъ, о нашемъ военномъ управленіи вообще, о нашихъ военныхъ складахъ и запасахъ, о нашихъ войскахъ, о состояніи нашихъ крѣпостей, а полковника Путона[2])—о разныхъ топографическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи, о теченіи ея рѣкъ, о военныхъ стратегическихъ позиціяхъ, о средствахъ и способахъ продовольствовать армію въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ и т. д.

2 (14) января 1811 г. Наполеонъ приказалъ Латуръ Мобуру въ Константинополѣ всячески препятствовать заключенію Турціею мира съ Россіею, но при этомъ ничѣмъ не компрометтировать Францію и ея правительство и не давать никогда Портѣ совѣтовъ или указаній письменно. Недавно, однако, получено извѣстіе изъ Константинополя, что эти предписанія остались безъ послѣдствій; турки готовы совсѣмъ заключить миръ съ нами, и Наполеонъ остался очень недоволенъ Латуръ Мобуромъ. По заключеніи мира съ Турціею, намъ было бы по-

---

[1]) Лажаръ (Lajard) Жанъ-Баптистъ, род. въ Ліонѣ въ 1783 г., занимался археологіею и былъ причисленъ къ посольству генерала Гарданна въ Персію въ 1807 году, гдѣ пробылъ три года, собравъ большую коллекцію вавилонскихъ древностей и много свѣдѣній о религіозныхъ ученіяхъ древняго востока. Онъ умеръ въ 1858 году.

[2]) Путонъ былъ полковникомъ топографовъ въ Парижѣ въ 1810 году.

лезно сговориться съ Австріею и заключить съ нею формальный союзъ; съ цѣлью возможно болѣе усилиться, намъ надо отказаться отъ всякихъ предпріятій, могущихъ насъ ослабить.

Наполеонъ занятъ теперь отправкою большихъ денежныхъ средствъ въ Испанію. Хотя положеніе французовъ въ этой странѣ до крайности тяжкое, но это не воздерживаетъ Наполеона отъ дальнѣйшихъ попытокъ завоеванія оныхъ. Въ Байоннѣ собранъ большой корпусъ войскъ подъ начальствомъ Бассьера, который направляется въ Испанію. Говорили, что самъ Наполеонъ туда поѣдетъ; но, повидимому, до разрѣшенія отъ бремени своей супруги, онъ не покинетъ Парижа, а затѣмъ поѣдетъ въ Италію.

Число поляковъ въ Парижѣ все увеличивается и дѣятельность ихъ усиливается, по мѣрѣ того, какъ охлажденіе между нами и Франціею представляется болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Стараются успокоить поляковъ, но поддерживая надежды въ будущемъ. Великій ихъ покровитель—Марэ, который вмѣстѣ съ Дюрокомъ является посредникомъ ихъ сношеній съ императоромъ. Французскимъ резидентомъ въ Варшавѣ назначенъ Биньонъ, вполнѣ преданный Наполеону; онъ очень ловокъ, изворотливъ, вкрадчивъ и прекрасно дѣйствуетъ въ видахъ Франціи, а, слѣдовательно, онъ очень опасенъ для насъ. Не менѣе опасенъ для насъ пріѣздъ въ Парижъ г-жи Валевской, съ которой Наполеонъ жилъ въ Варшавѣ и Вѣнѣ; говорятъ, она пріѣхала по его приглашенію; достовѣрно то, что она была принята отлично, имѣла нѣсколько отдѣльныхъ частныхъ аудіенцій и тратитъ большія деньги, несмотря на скромность ея состоянія. Пребываніе Адама Чарторыйскаго въ герцогствѣ Варшавскомъ возбудило здѣсь безпокойство; опасаются, что онъ дѣйствуетъ въ нашу пользу. Такъ отозвался, по крайней мѣрѣ, самъ герцогъ Ровиго (Савари). Письма, получаемыя пребывающими здѣсь поляками отъ друзей и знакомыхъ въ Литвѣ, сообщаютъ имъ о собранной арміи 50 т. человѣкъ и значительныхъ складахъ всякаго рода.

Не сочтете ли вы полезнымъ прослѣдить за этою перепискою и сдѣлать распоряженіе о непропускѣ во Францію писемъ, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о положеніи и передвиженіи нашихъ войскъ? Такія свѣдѣнія производятъ большое впечатлѣніе на Наполеона, который по настоящее время все еще проявляетъ лучшее расположеніе къ Россіи; онъ даже распространяетъ среди окружающихъ его лицъ, что г. Чернышевъ доставилъ ему полнѣйшее согласіе нашего правительства на все, что онъ просилъ отъ насъ. Съ другой стороны, многимъ лицамъ, находящимся въ перепискѣ съ Коленкуромъ, онъ предлагалъ вопросы, свидѣтельствующіе, что не вполнѣ увѣренъ въ нашихъ дѣйствіяхъ и въ расположеніи къ нему. Посылаю вамъ

отчетъ [1]) о положеніи Франціи: вы найдете любопытныя подробности.

4 (16) января 1811 г. Изданный у насъ новый тарифъ произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе на Наполеона и вызвалъ большее къ намъ сочувствіе въ лицахъ, не раздѣляющихъ его взглядовъ. Наполеонъ видитъ въ немъ первый шагъ къ сближенію съ Англіею—мѣру, очевидно, враждебную Франціи: другіе же видятъ въ немъ мѣру, соотвѣтствующую интересамъ Россіи и вполнѣ достойную великой державы. Наполеонъ отвѣтилъ на этотъ тарифъ призывомъ новобранцевъ, желая показать, что онъ не хочетъ, чтобы мы были независимою державою. Война съ Франціею давно уже неизбѣжна: не тарифъ ее вызываетъ; онъ только ее ускоритъ. Она вспыхнетъ въ Польшѣ, гдѣ стремленія Франціи для насъ всего болѣе опасны: возстановленіе Польскаго королевства будетъ послѣдствіемъ всякой успѣшной войны противъ насъ. Если это королевство должно возстановиться, то не лучше ли, чтобы это сдѣлалось въ нашу пользу? Нельзя ли вознаградить Польшею герцога Ольденбургскаго, лишеннаго своихъ владѣній завоеваніями Наполеона? Герцога же надо вознаградить, какъ мы это заявили французскому правительству. Это вознагражденіе всего лучше отвести ему въ Польшѣ. Можно было бы сперва назначить его генералъ-губернаторомъ присоединенныхъ къ Россіи губерній, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, и окружить его блестящимъ представительствомъ и всѣмъ, что можетъ вліять на восторженные умы поляковъ. Личныя качества герцога скоро могутъ снискать ему расположеніе поляковъ, а при войнѣ съ Франціею можно объявить его королемъ польскимъ. Если этотъ планъ заслуживаетъ вашего одобренія и покажется осуществимымъ, надо, не теряя времени, приводить его во исполненіе. Графъ Потоцкій уѣзжаетъ отсюда въ Польшу, чтобы ознакомить князя Понятовскаго съ планомъ войны противъ Россіи и сговориться, какъ лучше дѣйствовать. Множество ружей отправлено въ Польшу; французское правительство старалось доставить ей и денежныя средства и устроить заемъ въ 12 мил. франковъ, исключительно на содержаніе войскъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. Наполеонъ даетъ полякамъ всякаго рода обѣщанія и всячески ласкаетъ ихъ послѣ обнародованія тарифа. Онъ часто говоритъ, что будетъ воевать съ Россіею, Швеціею, Австріею, и утверждаетъ, что Европа будетъ наслаждаться миромъ только въ томъ случаѣ, если онъ достигнетъ всемірной монархіи. При такихъ его намѣреніяхъ намъ необходимо: 1) заключить, какъ можно скорѣе, миръ съ Турціею; 2) заключить союзъ съ Австріею, отказавшись отъ дунайскихъ кня-

---

[1]) Этого отчета при напечатанныхъ письмахъ не имѣется.

жествъ, и сговориться съ нею о всемъ и въ томъ числѣ и о чертѣ, на которой должно остановиться господство Наполеона; 3) образовать королевство польско-русское и противопоставить его польско-французскому. Я не упоминаю уже о мирномъ договорѣ съ Англіею и Швеціею. Не дорого бы было купить союзъ Бернадотта, уступивъ ему Финляндію отъ Торнео до Кюмени.

10 (22) февраля 1811 г. Пограничная оборонительная линія должна начинаться отъ береговъ Балтійскаго моря и слѣдовать по границамъ Пруссіи, черезъ Саксонію въ Богемію и затѣмъ по границамъ Австріи. Три союзныхъ державы должны считать за объявленіе войны со стороны Франціи всякую посылку войскъ французскихъ или саксонскихъ за предѣлы этой линіи. Все это должно сообщить Франціи. Наполеонъ пока еще не хочетъ начинать войны и съ подобными завѣреніями послалъ Лористона; но все это нисколько не измѣняетъ его намѣреній.

11 (23) февраля 1811 г. Чрезъ восемь дней уѣзжаетъ Чернышевъ. Здѣсь какъ будто успокоиваются. Гроза, вѣроятно, не разразится въ этомъ году; но это не должно останавливать вашихъ мѣропріятій и приготовленій къ войнѣ.

16 (28) февраля 1811 г. Все подтверждаетъ намѣреніе Наполеона повременить войною; мы выиграемъ еще мѣсяцевъ шесть и этого достаточно, чтобы покончить съ Турціею; Лористонъ скоро уѣзжаетъ. Это прямой, откровенный человѣкъ, не имѣющій большаго ума, съ военными манерами; вотъ причина, что онъ не всегда обладаетъ тактомъ; это онъ доказалъ во время своего пребыванія въ Вѣнѣ. Невоздержанность его въ разговорѣ съ императрицею вызвала всеобщій смѣхъ, впрочемъ, онъ былъ хорошо принятъ въ Вѣнѣ. Хорошо было бы держать его у насъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Намъ нуженъ человѣкъ, который бы не раздувалъ огонь, и, кажется, Лористонъ этому требованію можетъ соотвѣтствовать. Во всякомъ случаѣ, не надо оказывать ему слишкомъ много довѣрія; онъ можетъ злоупотребить имъ.

17 февр. (1 марта). Наполеонъ вчера имѣлъ разговоръ съ Чернышевымъ, продолжавшійся три часа. Онъ выражалъ: 1) что не желаетъ войны въ настоящее время; 2) что желалъ бы, чтобы мы отмѣнили изданный тарифъ, всѣ распоряженія, сдѣланныя въ видахъ нашей обороны, и все, что могло бы сдѣлать насъ слишкомъ сильными; 3) что онъ старается поссорить насъ съ Австріею. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ всего болѣе вѣроломства (perfidie), онъ хвасталъ, что склонитъ на свою сторону Австрію во всякое время, предложивъ ей Иллирійскія провинціи. Надѣюсь, что все, высказанное имъ Чернышеву, нисколько ни измѣнитъ установленнаго нами образа дѣй-

ствія. Если Наполеонъ хочетъ, чтобы мы отступали, то пусть самъ отмѣняетъ мѣры, которыя рано или поздно могутъ насъ поссорить съ нимъ...

Талейранъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо. Наполеонъ не перестаетъ его всячески преслѣдовать и въ конецъ его разоряетъ. Онъ лишенъ части дохода съ Валансэ; онъ просилъ Наполеона купить ему Беневентъ, но получилъ отказъ; это владѣніе предположено присоединить къ имперіи французской. Вѣроятно, и Неаполитанское королевство будетъ также присоединено въ скоромъ времени.

9 (21) марта 1811 г. Событія движутся съ быстротою, какой я никогда не предполагалъ. Я надѣялся, что этотъ годъ еще будемъ пользоваться миромъ, но все съ обѣихъ сторонъ принимаетъ такой враждебный видъ, что, по-моему, война неизбѣжна въ скорости. Франція дѣйствуетъ все по-прежнему. Десять лѣтъ уже Европа борется съ Наполеономъ на смерть, потому что та безграничная власть, которой онъ достигъ, не совмѣстима съ существованіемъ какой-либо иной независимой державы. Наполеонъ сдѣлаетъ все, чтобы принудить насъ принимать мѣры, необходимыя для нашего собственнаго охраненія; онъ самъ проявляетъ видъ какъ бы мирныхъ отношеній и миролюбивыхъ къ намъ намѣреній, и, исходя изъ этого, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы вызываемъ войну, дѣлая у себя дома самыя простыя распоряженія къ оборонѣ. Онъ уже два года укрѣпляетъ Прагу, Замостье и другія мѣста въ герцогствѣ Варшавскомъ, принуждаетъ Саксонію строить новую крѣпость въ Торгау, увеличиваетъ крѣпости на Эльбѣ и Рейнѣ, отказывается передать Глогау Пруссіи и т. д., а самъ находитъ враждебнымъ съ нашей стороны дѣйствіемъ, что мы исправляемъ укрѣпленія въ Ригѣ и воздвигаемъ ретраншементы на Двинѣ! Впрочемъ, были и съ нашей стороны мѣры, вызывавшія, къ сожалѣнію, упреки и осужденія; это возвращеніе въ Россію части войскъ, бывшихъ въ Турціи! Наполеонъ усмотрѣлъ въ этомъ, что мы угадываемъ его намѣренія и хотимъ ихъ предупредить. На этомъ основаніи онъ обвиняетъ насъ въ желаніи вызвать, а самъ въ то же время формируетъ въ Иллирійскихъ провинціяхъ корпусъ мѣстныхъ войскъ, который будетъ посланъ на помощь Турціи, подъ начальствомъ маршала Мармона, формирующаго этотъ корпусъ. Намѣренія Наполеона подвергаются постояннымъ колебаніямъ и противорѣчіямъ; образъ дѣйствія его въ отношеніи насъ, съ ноября мѣсяца, представляетъ поразительный тому примѣръ. При такихъ условіяхъ очень опасно высказывать какое-либо мнѣніе. Всегда находишься въ жестокомъ положеніи: или волновать и тревожить общество преждевременно разными извѣстіями, неопредѣленными и мало достовѣрными, или же, напротивъ того, вселять въ обществѣ безпечность и

ложную безопасность, не сообщая всего того, что можетъ пролить свѣтъ на истинные виды и намѣренія французскаго правительства. Въ этомъ отношеніи мое положеніе съ каждымъ днемъ становится болѣе затруднительнымъ; оно значительно превышаетъ мои силы и средства, и я долженъ болѣе, чѣмъ когда-либо, просить вашего снисхожденія и заступничества.

19 (31) марта 1811 г. Рѣшительно не знаю, что дѣлать. Уѣхать немедленно—значило бы покинуть поле сраженія въ самый разгаръ битвы. Если у насъ будетъ война, необходимо мнѣ раздѣлаться съ честью; если же не будетъ—я постараюсь воспользоваться отпускомъ. Князь Куракинъ испросилъ разрѣшеніе ѣхать въ Барежъ и возложилъ на меня завѣдываніе дѣлами, на время его отсутствія, что мнѣ вовсе не доставляетъ удовольствія, потому что болѣе, чѣмъ когда-либо, я долженъ желать возвращенія въ Россію. Однимъ словомъ, Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится.

5 (17) апрѣля. Неожиданная развязка дѣлъ въ Португаліи имѣла наилучшія послѣдствія. Лористонъ получилъ приказаніе немедленно ѣхать въ Петербургъ. Наполеонъ болѣе прежняго выражалъ Чернышеву готовность сговориться миролюбиво обо всемъ. Все это доказываетъ, что онъ болѣе не желаетъ войны съ нами, и мы, я полагаю, выиграемъ еще одинъ годъ. Вопросъ, кто изъ насъ двухъ успѣетъ ранѣе приготовиться къ войнѣ? Наполеонъ эти дни много занимался съ Бертье; заставлялъ дѣлать планы перемѣщенія войскъ то въ ту, то въ другую сторону, такъ что нельзя слишкомъ рѣшительно утверждать, начнетъ ли онъ вторую кампанію для завоеванія Португаліи или нѣтъ. Теперь мы вполнѣ можемъ отдалить войну на одинъ годъ, въ продолженіе котораго окончимъ войну съ Турціею и будемъ находиться въ оборонительномъ положеніи, какъ совѣтуетъ Талейранъ, и будемъ стараться все усиливать себя. Надо теперь же договориться съ Англіею такъ, чтобы къ 1 апрѣля 1812 г. было бы вполнѣ опредѣлено все, касающееся содѣйствія и денежныхъ пособій Англіи. Меня радуютъ принятыя нами оборонительныя мѣры. Имѣя предъ собою свою армію въ триста тысячъ человѣкъ, мы будемъ по истинѣ независимы; это дѣйствительное обезпеченіе нашего существованія. Слишкомъ бѣдственно, что такія имперіи, какъ Россія, постоянно въ зависимости отъ испанскихъ дѣлъ.

9 (21) апрѣля. Наши 300 т. солдатъ, собранные въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, произвели впечатлѣніе на Наполеона. Онъ жалуется, что Шампаньи не съумѣлъ собрать достаточно вѣрныхъ объ этомъ свѣдѣній, и приказалъ герцогу Ровиго немедленно отправить нѣсколькихъ эмиссаровъ въ Польшу и Германію. Извѣстія о нашемъ вооруженіи вызвали нерѣшительность Наполеона въ отноше-

ніи того, что дѣлать въ Португаліи. Крѣпость Фигиресъ взята, кажется, обратно испанцами; ее сдалъ по измѣнѣ генералъ Неаполитанскій, комендантъ оной.

9 (21) апр. 1811 г. Я все надѣюсь, что мы избѣгнемъ войны съ Франціею. Но кончите, ради Бога, войну съ Турціею. Пока она продолжается, рѣшительно нельзя надѣяться на что-либо хорошее. Княжества не стоятъ ни людей, ни денегъ, потраченныхъ нами ради нихъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Мнѣ совѣтуютъ предложить вамъ, чтобы Россія, по примѣру другихъ державъ, пріобрѣтала разрѣшеніе на торговлю. Здѣсь новый министръ для внѣшнихъ сношеній; но это нисколько не измѣняетъ положеніе дѣлъ. Марэ все покровительствуетъ полякамъ, со времени пребыванія его въ Варшавѣ, гдѣ поляки къ нему обратились, потому что Талейранъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Возстановленіе Польскаго королевства никогда не входило въ его политическую систему. Массена въ Саламанкѣ; вотъ все, что я знаю о дѣлахъ въ Испаніи.

27 апрѣля (9 мая) 1811 г. Очень вамъ благодаренъ за письмо, присланное съ Бутягинымъ [1]). Здѣсь не очень вѣрятъ нашимъ мирнымъ наклонностямъ; намъ все ставятъ въ упрекъ наши вооруженія, также возвращеніе пяти дивизій изъ Турціи, перемѣщеніе войскъ въ Финляндіи и т. д. Понятовскій, по пріѣздѣ въ Парижъ, имѣлъ длинное объясненіе съ Наполеономъ; сегодня онъ съ нимъ на охотѣ; вообще его очень хорошо принимаютъ. Ему предложено быть очень предупредительнымъ въ отношеніи всѣхъ русскихъ, здѣсь пребывающихъ, и не проявлять къ нимъ враждебность, свойственную его народу. Ему въ особенности предложено быть осторожнымъ на словахъ и ничего не говорить такого, что могло бы открыть намѣренія Наполеона о войнѣ съ нами. Наполеонъ пожелалъ имѣть отъ него свѣдѣнія о военныхъ силахъ и средствахъ герцогства Варшавскаго. При этомъ оказалось, что герцогство обладаетъ арміею въ 60.000 человѣкъ, изъ коихъ 6.000 ч. въ Испаніи и одна дивизія расположена въ крѣпостяхъ по р. Одеру и въ Данцигѣ. Численность этой арміи можно увеличить, но не хватаетъ средствъ для ея полнаго снаряженія. Наполеонъ обѣщалъ снабдить поляковъ деньгами на этотъ предметъ и просилъ князя довести армію до наиболѣе возможнаго состава. Для полученія денежныхъ средствъ заключается заемъ въ Саксоніи. Во владѣніяхъ, входящихъ въ составъ Рейнскаго союза, а также Саксоніи, войска приводятся на военное положеніе. Такимъ образомъ, идутъ уже приготовленія со стороны французовъ къ войнѣ.

---

[1]) Бутягинъ служилъ при министрѣ иностранныхъ дѣлъ и посылался часто курьеромъ за границу къ нашимъ посольствамъ.

Талейранъ все совѣтуетъ намъ держаться оборонительной системы; отнюдь самимъ не начинать войны. Завтра пріѣзжаетъ изъ Испаніи король Іосифъ; его положеніе тамъ невозможное. Изъ этого пріѣзда одни заключаютъ, что Наполеонъ намѣренъ совсѣмъ покинуть Испанію, а другіе—что онъ присоединитъ ее вполнѣ къ своей имперіи; это послѣднее вѣроятнѣе. Слухи о предстоящей войнѣ съ нами вызвали толки о возстановленіи Польскаго королевства; королемъ онаго назначаютъ то короля неаполитанскаго, то вице-короля итальянскаго. Это все одни предположенія, и при томъ гадательныя. Трудно предположить, чтобы Наполеонъ сталъ вести войну съ нами для удовлетворенія желанія поляковъ; скорѣе надо допустить, что для бóльшаго успѣха въ войнѣ съ нами онъ помышляетъ о возстановленіи Польши.

4 (16) мая 1811 г. Курьеръ французскаго посольства пріѣхалъ въ воскресенье изъ Петербурга. Въ тотъ же день Марэ пригласилъ на конференцію кн. Іосифа Понятовскаго, а чрезъ два дня саксонскій посланникъ отправилъ курьера. Понятовскій сообщилъ французскому министру о планѣ войны, составленномъ у насъ, по которому весною мы вторгнемся въ герцогство Варшавское, съ значительными силами двинемся до р. Вислы и на этой рѣкѣ займемъ сильное оборонительное положеніе. Послѣднія полученныя имъ письма изъ Варшавы содержали свѣдѣнія о числѣ нашихъ войскъ, а также о перемѣщеніи войскъ, собранныхъ въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ; все это онъ сообщилъ Наполеону. Приготовленія къ войнѣ здѣсь не останавливаются нисколько, но приближенные Наполеона, и особенно Савари, увѣряютъ, что войны этотъ годъ не будетъ. Это утвержденіе основывается на сообщеніи герцога Виченскаго, что нашъ императоръ заявилъ, что не имѣетъ намѣреній воевать съ Франціею, если послѣдняя не начнетъ сама войну. За миръ всего болѣе ратуетъ король неаполитанскій. Онъ все отказывается отъ короны польской, высказывая, что не согласно съ его принципами проливать кровь французовъ за возстановленіе Польскаго королевства. Относительно Пруссіи здѣсь соблюдается величайшее молчаніе; съ нею еще не объяснились о томъ, какое она приметъ положеніе при разрывѣ. Быть можетъ, вопроса этого не послѣдуетъ вовсе или только въ самую послѣднюю минуту. Король Іосифъ [1]) пріѣзжаетъ завтра изъ Мадрида; дѣла испанскія едва-ли будутъ окончены согласно желаніямъ Наполеона.

---

[1]) Іосифъ Бонапартъ род. 7-го января 1768 г., былъ женатъ на дѣвицѣ Юліи Клэри въ Марсели и позднѣе былъ пожалованъ своимъ братомъ королемъ неаполитанскимъ, а затѣмъ испанскимъ. Когда же Испанія возстала и вооружилась, Іосифъ былъ совсѣмъ разбитъ при Витторіи и затѣмъ отозванъ. Наполеонъ приказалъ ему жить частнымъ лицомъ въ Морфонтенѣ. Позднѣе онъ съ семействомъ удалился въ Швейцарію и умеръ 24-го іюня 1844 года.

4 (16) іюня 1811 г. Герцогъ Виченскій (Коленкуръ) прибылъ сюда съ порученіемъ нашего императора объясниться съ Наполеономъ по поводу нашихъ вооруженій. Наполеонъ этими объясненіями нѣсколько успокоился, но не вполнѣ; онъ не совсѣмъ довѣряетъ взглядамъ и сообщеніямъ Коленкура, находя, что онъ слишкомъ расположенъ въ пользу Россіи. Къ тому же Наполеонъ недоволенъ и тѣмъ, что мы не высказались рѣшительно о способѣ вознагражденія герцога Ольденбургскаго. Это неопредѣленное въ отношеніи насъ положеніе стѣсняетъ его въ распоряженіяхъ по испанскимъ дѣламъ, требующимъ отъ него и большихъ средствъ и большаго вниманія. Впрочемъ приготовленія къ войнѣ съ нами, послѣ пріѣзда Коленкура, немного притихли и послѣдовала отмѣна даже движенія нѣкоторыхъ корпусовъ въ Германію. Войска, собранныя около Ліона, двинутся въ Испанію, какъ говорятъ. Это доказывало бы, что Наполеонъ въ данную минуту не желаетъ воевать съ нами. Герцогъ Бассано также заявлялъ, что все, доставленное герцогомъ Виченскимъ, и все, сообщенное Лористономъ, указываетъ на дружескія отношенія державъ (Франціи и Россіи), которыя и не будутъ нарушены; ничто поэтому не препятствуетъ болѣе возвращенію его на занимаемый постъ. Во время пребыванія г. де-Брэ [1]) въ Парижѣ, министръ внѣшнихъ сношеній часто его видѣлъ и много разспрашивалъ о насъ. Де-Брэ завѣрялъ, будто онъ высказывалъ министру, что мирныя настроенія императора Александра I вполнѣ искренни, что, по глубокому его убѣжденію, императоръ никогда не начнетъ войны съ Франціею, не будучи къ тому вынужденъ и что единственнымъ затрудненіемъ къ союзу Россіи съ Франціею является желаніе Россіи получить свободу торговли, безъ которой наша страна не можетъ существовать.

Съ княземъ Понятовскимъ стали обходиться холоднѣе, какъ говорятъ, по причинѣ связи его съ Паулиною [2]), сестрою Наполеона, а по моему мнѣнію, потому что менѣе въ немъ нуждаются, какъ вообще во всѣхъ полякахъ, которымъ сдѣлали выговоръ за то, что ложными

[1]) Де-Брэ (de-Bray) графъ Франсуа-Гавріилъ род. въ Руанѣ въ 1765 г., въ молодости находился въ военной службѣ, а потомъ перешелъ въ дипломатическій корпусъ и состоялъ при французской миссіи въ Регенсбургѣ. При французской революціи 1789 г. онъ лишился этого мѣста, поступилъ на службу Баваріи и являлся ея представителемъ въ Берлинѣ, Петербургѣ, Парижѣ и Вѣнѣ. Онъ умеръ въ 1832 году.

[2]) Паулина Бонапартъ род. 7-го января 1780 г., отличалась поразительною красотою, имѣла множество поклонниковъ и пріобрѣла громкую извѣстность своимъ образомъ жизни. Она была въ 1797 г. помолвлена за генерала Дюфо (Duphot), скоро убитаго и вступила въ бракъ за генерала Леклерка въ 1801 г., по смерти котораго вступала въ бракъ въ 1803 г. съ очень богатымъ принцемъ Боргезе, и получила во владѣніе Гвастану. Она умерла 9-го іюня 1835 г.

и преувеличенными разсказами о нашихъ военныхъ приготовленіяхъ они только подстрекаютъ къ войнѣ. Быть можетъ, начинаютъ замѣчать, что Понятовскій имѣетъ слишкомъ мало средствъ и мало честолюбія, чтобы съ пользою служить видамъ Франціи. Если войны этотъ годъ не будетъ, ему, вѣроятно, скажутъ то же, что ему выразили въ Варшавѣ, въ 1807 г., что не настало еще время, когда можно будетъ возстановить Польское королевство и что онъ долженъ пока продолжать усиливать военныя силы герцогства и сохранять дружескія сношенія съ нами (Россіею).

Нѣкто, возвратившись изъ Лондона, сообщалъ, что Англія, повидимому, готова заключить миръ съ Франціею на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) возстановленіе Фердинанда VII на престолъ Испаніи и полное очищеніе полуострова Пиренейскаго отъ французскихъ войскъ; 2) возвращеніе Ганновера и отмѣна указовъ о присоединеніи Ганзейскихъ городовъ и Голландіи къ Франціи, и образованіе изъ Голландіи независимаго государства съ штатгальтеромъ во главѣ. Англія, въ свою очередь, возвращаетъ всѣ французскія и голландскія колоніи, кромѣ Иль-де-Франса или Капской колоніи, столь для нея важныхъ, что она никогда ихъ не уступитъ. Она удержитъ за собою Мальту, но готова уступить колоніи въ Великой Индіи. Герцогъ Бассано нашелъ эти условія невозможными для Франціи.

5 (17) іюня. Дѣла въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ были 3—4 мѣсяца тому назадъ. Пріѣздъ герцога Виченскаго не измѣнилъ ничего; только дѣла въ Испаніи измѣнили направленіе политики и войскъ. Новыя войска и даже гвардія направляются въ Испанію; увеличиваются кавалерійскіе полки, укрѣпляются все болѣе и болѣе.

Князь Куракинъ жалуется на свое положеніе; онъ не пользуется милостію и довѣріемъ своего двора. Есть много предлоговъ, чтобы отозвать его и назначить на его мѣсто человѣка съ твердымъ характеромъ, который бы пользовался полнымъ довѣріемъ императора и министра и зналъ бы вполнѣ мысли и желанія того и другаго, чтобы ничто его не удерживало и онъ имѣлъ возможность вести переговоры самостоятельно, не ожидая разрѣшенія изъ Петербурга. Здѣсь все зависитъ отъ минуты. Всякій присланный сюда посланникъ будетъ теперь принятъ хорошо. Повидимому, противъ назначенія сюда Кочубея возраженій не будетъ. Надо только дать неограниченныя права тому, кто сюда будетъ назначенъ, чтобы онъ не встрѣчалъ никакихъ задержекъ въ переговорахъ, иначе ничего не будетъ рѣшено, ибо Наполеонъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ѣдетъ въ Испанію и все останется по-прежнему въ неизвѣстности, а также возможность и предлогъ продолжать передвиженіе войскъ, не давая точныхъ объясненій. Но

необходимо заключить миръ съ Турціею, иначе общая война весною неизбѣжна. Только быстрое веденіе переговоровъ и окончаніе ихъ ранѣе возможныхъ успѣховъ Наполеона въ Испаніи можетъ доставить намъ: 1) очищеніе прусскихъ крѣпостей; 2) возстановленіе Данцига и 3) кое-какія другія уступки, указывающія на желаніе Наполеона имѣть миръ. Необходимо дѣйствовать очень быстро и дорожить временемъ.

Сейчасъ я узналъ, что Наполеонъ приказалъ двинуть въ Испанію еще 50 т. солдатъ.

5 (17) іюня 1811 г. [1]). Ожидаю съ нетерпѣніемъ курьера изъ Петербурга и съ нимъ денегъ, въ уплату сдѣланныхъ мною расходовъ; онѣ мнѣ необходимы, чтобы отправиться въ путь. Я не буду ждать отъѣзда Наполеона и воспользуюсь даннымъ мнѣ отпускомъ. Война съ нами отложена до весны будущаго года. Воспользуемся отсрочкою, чтобы заключить миръ съ Турціею и собрать всѣ наши силы. Увидимъ потомъ, какъ Наполеонъ вывернется изъ испанскихъ дѣлъ. Очень многіе полагаютъ, что прибытіе его въ Испанію не повлечетъ за собою успѣха въ дѣлахъ, развѣ что послѣдуютъ нѣсколько блестящихъ сраженій, но пользы для покоренія страны не будетъ.

Вотъ единственный успѣшный способъ веденія войны съ Наполеономъ и, если она для насъ сдѣлается неизбѣжною, будемъ обладать настойчивостью испанцевъ. Затягивая войну, будемъ увеличивать вѣроятіе нашего успѣха, особенно избѣгая вступать въ переговоры, ибо, даже проникнувъ въ центръ Имперіи, положеніе Наполеона не улучшится; оно будетъ для него, напротивъ того, опаснѣе, нежели проигранныя сраженія на границахъ. Его рѣчь въ законодательномъ собраніи доказываетъ, что онъ желаетъ войны въ настоящее время.

5 (17) іюля. Побѣды Мармона и Сюшэ въ Испаніи вновь измѣнили расположеніе Наполеона къ намъ; оно не то, что было мѣсяцъ тому назадъ; все указываетъ на менѣе миролюбивое его отношеніе. Армія въ Германіи увеличивается еще на 29 т. солдатъ; они двинутся въ сентябрѣ. Свободныя войска во Франціи сосредоточиваются въ Булоньи и Утрехтѣ: ихъ около 40 т. человѣкъ. Наполеонъ приказалъ къ августу мѣсяцу изготовить всѣ необходимыя топографическія карты для похода на сѣверъ. Онъ все болѣе и болѣе говоритъ съ приближенными о войнѣ. Понятовскій получилъ приказаніе отъ своего двора возвратиться, потому что его продолжительное пребываніе въ Парижѣ не нравится саксонскому двору. Герцогъ Вассано, выражая надежду на сохраненіе мира, высказалъ, что успѣхи фран-

[1]) Это второе письмо отъ того же числа.

цузовъ въ Испаніи должны значительно побудить Россію принять сдѣланныя ей Франціею предложенія. Бассано исходитъ изъ того, что мы желаемъ войны, а между тѣмъ ее желаетъ Наполеонъ, а потому успѣхи его въ Испаніи могутъ только ускорить разрывъ его съ нами. Болѣе, чѣмъ когда-либо, намъ надо заключить миръ съ Турціею. Наполеонъ, говорятъ, до того проникнутъ боязнью быть убитымъ въ Испаніи, что весьма вѣроятно начнетъ скорѣе новую войну, нежели поѣдетъ въ Испанію, гдѣ его присутствіе въ настоящее время болѣе необходимо, чѣмъ когда-либо. Раздоры и несогласія между французскими генералами дошли до крайности; здѣсь считаютъ необычнымъ счастіемъ, что Мармонъ рѣшился идти на помощь Сюшэ и дѣйствовать заодно съ нимъ. Всѣ убѣждены, что только присутствіе Наполеона можетъ положить конецъ анархіи и неповиновенію, которыя царятъ въ французскихъ войскахъ, а между тѣмъ поѣздка его становится все менѣе и менѣе вѣроятною; заговорили даже о его поѣздкѣ въ Голландію. Говорятъ, получивъ извѣстіе объ удачномъ дѣлѣ въ Испаніи, онъ былъ внѣ себя отъ радости и, въ эти минуты восторга, онъ распустилъ соборъ духовенства и двинулъ войска въ Германію. Онъ преслѣдуетъ духовенство чрезвычайно, старается исторгнуть у всякаго епископа отдѣльно все то, чего не могъ добиться отъ нихъ сообща. Савари собралъ ихъ всѣхъ и совѣтовалъ имъ подчиниться волѣ императора; иначе они могутъ подвергнуться заключенію въ тюрьму. Сейчасъ я узналъ, что Понятовскій получилъ приказаніе собрать въ герцогствѣ Варшавскомъ еще 10 т. пѣхоты и 8 т. кавалеріи и размѣстить ихъ по существующимъ полкамъ, не образуя новыхъ, чтобы это увеличеніе войска не было бы столь видимо.

6 (18) іюля. По словамъ многихъ, этотъ годъ не будетъ войны: желаютъ быть сильными, чтобы подкрѣплять переговоры.

Все, что говорилъ герцогъ Вйченскій о нашей лояльности, не принимается во вниманіе. Желаютъ непремѣнно имѣть опорные пункты въ Германіи. Намъ надо очень усилиться. Здѣсь гвардія скоро одна будетъ имѣть 40 т. человѣкъ. Надо непремѣнно прислать сюда человѣка очень опытнаго въ дѣлахъ и обладающаго полнымъ довѣріемъ государя, чтобы ничто не задерживало переговоры, и, чтобы онъ могъ во всякое время принять рѣшеніе, соотвѣтствующее обстоятельствамъ.

4 (16) августа. Намѣреніе ѣхать въ Мадридъ совсѣмъ оставлено. Въ Германіи собраны войска, и Наполеонъ можетъ начать войну, имѣя армію въ 100 т. человѣкъ, не вызвавъ при этомъ ни одного солдата изъ Испаніи. Блестящая побѣда Кутузова при Рущукѣ очень обрадовала Наполеона; онъ полагаетъ, что она затянетъ миръ, но не ускоритъ его. Онъ радъ, что двѣ новыя дивизіи направлены къ

Дунаю изъ польской арміи. Князь Понятовскій уѣхалъ послѣ продолжительной аудіенціи; Наполеонъ убѣждалъ его, какъ можно болѣе, ускорить формированіе войскъ, отступать при нашемъ приближеніи и заманивать далѣе до тѣхъ поръ, какъ представится полное вѣроятіе одержать надъ нами побѣду. Польскіе эмиссары сообщаютъ сюда постоянно свѣдѣнія о количествѣ нашихъ войскъ и ихъ расположеніи, и при томъ самыя подробныя. Но Понятовскій, несмотря на все къ нему благоволеніе, съ трудомъ получилъ отъ Наполеона 300 т. франковъ на уплату долговъ своихъ и сестры своей Тышкевичъ, и то подъ залогъ его картинной галлереи. Онъ встрѣтилъ много затрудненій при этомъ, что̀ и удерживало его въ Парижѣ такъ долго. Говорятъ, онъ очень недоволенъ Наполеономъ. Саксонскій посланникъ (Эйнзидель) очень радъ его отъѣзду: онъ спрашивалъ, можетъ ли король ѣхать въ Варшаву, и получилъ согласіе на это. Можно заключить изъ этого, что война не начнется въ скоромъ времени. Наполеонъ самъ собирается ѣхать осматривать новые департаменты Франціи; его будетъ сопровождать императрица и многія придворныя дамы. Всѣ близкіе ко двору лица увѣряютъ, что война начнется весною. Намъ надо всѣми мѣрами ускорить наши приготовленія къ войнѣ.

5 (17) августа 1811 г. Письмо было совсѣмъ закончено и курьеръ долженъ былъ уѣхать утромъ, какъ вдругъ Наполеонъ пожелалъ имѣть конфиденціальный разговоръ съ кн. Куракинымъ, въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса и многихъ придворныхъ лицъ. При этомъ обсуждались всѣ наши дѣла такъ, что они стали извѣстны всей Европѣ. Наполеонъ высказалъ между прочимъ Куракину: „Вамъ не посылаютъ ни полномочій, ни инструкцій; послѣдній курьеръ ничего вамъ не доставилъ и у васъ отнимаютъ секретаря, который могъ бы вамъ помочь въ переговорахъ. Васъ оставляютъ въ затруднительномъ положеніи и въ какое время!“... Послѣ этихъ переговоровъ съ посланникомъ, я отправился къ герцогу Бассано и сообщилъ ему: 1) что Наполеонъ ошибается, полагая, что меня отзываютъ, и что онъ имѣетъ превратныя свѣдѣнія о причинахъ моего отъѣзда; 2) что исключительно мои домашнія дѣла побуждаютъ меня воспользоваться даннымъ мнѣ отпускомъ и, что, если Наполеонъ считаетъ мое присутствіе здѣсь необходимымъ для успѣха дѣлъ и добраго согласія двухъ державъ, то я, не колеблясь ни минуты, останусь въ Парижѣ. Сообразно полученному отъ Бассано отвѣта я и буду поступать. Прошу васъ довести объ этомъ до свѣдѣнія государя императора—„я сочту себя не достойнымъ его милостей, если въ такія минуты не пожертвую личными своими дѣлами на пользу моего государя. Безспорно только въ такомъ вѣкѣ, какимъ является нашъ,

отъѣздъ секретаря въ деревню для раздѣла земель и обезпеченія себѣ скромнаго дохода можетъ явиться событіемъ, и при томъ имѣющимъ значеніе въ ссорѣ двухъ великихъ державъ!"...

Наполеонъ, какъ мнѣ сообщаютъ, часто погружается въ глубокую задумчивость и затѣмъ предается самымъ сильнымъ тѣлодвиженіямъ. Замѣчаютъ въ немъ то сосредоточенность, то разсѣянность и даже отсутствіе ума. Онъ два раза требовалъ себѣ обѣдъ и два раза отсылалъ обѣдъ, говоря, что онъ уже обѣдалъ; онъ продиктовалъ секретарю нѣсколько страницъ, не имѣвшихъ никакого смысла. Были минуты, когда окружавшіе его нисколько не сомнѣвались въ помѣшательствѣ его. Это очень тревожило придворныхъ лицъ, и среди нихъ возбуждался вопросъ, что дѣлать, если подобные припадки возобновятся.

Умоляю васъ не сообщать этого никому, кромѣ государя, ибо мнѣ это передали подъ условіемъ величайшей тайны. Если Наполеонъ когда-либо въ состояніи подозрѣвать, что мнѣ это извѣстно, ему не трудно будетъ открыть, отъ кого я имѣю эти свѣдѣнія. Скоро откроется, дѣйствительно ли это помѣшательство или только припадокъ, въ родѣ уже бывшаго съ нимъ въ Шенбрунѣ, во время послѣдней войны съ Австріею. О семъ послѣднемъ случаѣ я вамъ еще разъ напишу.

Поѣздка въ Компіеннъ послѣдуетъ въ понедѣльникъ; возникаетъ опять сомнѣніе объ участіи Голландіи. Наполеонъ, прощаясь съ маршаломъ Удино, сказалъ: „до скораго свиданія; вы мнѣ организуйте прекрасную армію; надѣюсь, что это будетъ въ скоромъ времени, потому что я за вами скоро послѣдую".

Удино ѣдетъ командовать всѣмъ лагеремъ въ Утрехтѣ. Несмотря на всѣ эти приготовленія къ войнѣ, я полагаю, что она не разразится ранѣе весны. Съ нами повторяется то же самое, что было съ Австріею въ 1809 г., сперва разсердились осенью, а затѣмъ дрались уже весною.

Чтобы не подвергнуться той же участи, чрезвычайно необходимо заключить миръ съ Турціею, во что бы то ни стало. Ручаюсь вамъ, что тогда перемѣнятъ планъ. Не бойтесь проявить слишкомъ много энергіи; я знаю примѣры, что государства дѣлались жертвами ихъ слабости, но не знаю примѣра, чтобы какое-либо изъ нихъ погибло отъ слишкомъ большой твердости.

6 (18) августа. Разговоръ съ Куракинымъ произвелъ много шума въ городѣ; всѣ о немъ толкуютъ; герцогъ Ровиго подсылалъ ко мнѣ своихъ агентовъ, чтобы узнать мое мнѣніе объ этомъ разговорѣ. Я отвѣтилъ, что я принимаю разговоръ въ совершенно мирномъ смыслѣ, ибо знаю хорошо, что Наполеонъ не пускается въ объясненія нака-

нунѣ вступленія въ бой и что съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что Наполеонъ былъ умѣренъ въ выраженіяхъ, на сколько пылкій его характеръ ему это позволяетъ, въ такихъ случаяхъ.

Съ часу на часъ ожидаютъ извѣстія о кончинѣ англійскаго короля; это воскресило мысль о мирѣ, но, по-моему, это очень сомнительно. Гвардія будетъ состоять изъ 48 т. человѣкъ.

Поѣздка въ Компіеннъ отложена до 26 августа. О Голландіи ничего еще не рѣшено. Мнѣ подтвердили снова все то, что я сообщалъ уже вамъ о пребываніи въ Рамбульэ, и я не сомнѣваюсь въ достовѣрности мнѣ сообщеннаго. По прибытіи въ Парижъ онъ былъ еще въ томъ же настроеніи духа. Свѣдѣнія, доставленныя маршаломъ Бессьеромъ о дѣлахъ въ Испаніи, и о возстаніи вновь сѣверной ея части, еще болѣе усилили это настроеніе. Наполеонъ до того былъ избалованъ счастьемъ, что малѣйшая неудача или противодѣйствіе его желаніямъ приводятъ его къ самымъ великимъ крайностямъ (excès). Наполеонъ былъ до того раздраженъ этимъ извѣстіемъ, что опрокинулъ столъ съ прекраснымъ фарфоровымъ сервизомъ и разразился на герцога Виченскаго, по поводу госпожи Канизи (прошу васъ все это сохранить въ величайшей тайнѣ). Послѣ, говорятъ, онъ значительно успокоился. Все приводитъ къ заключенію, что онъ дойдетъ до бѣшенства, но такъ какъ это у него скорѣе нравственное безуміе, послѣдствіе самаго необузданнаго воображенія, но не органическое безуміе, то подобное его состояніе можетъ продолжаться очень долго. Это, конечно, всего хуже, потому что породитъ неизбѣжно самые страшные перевороты и потрясенія.

Серьезно поговариваютъ о занятіи Гольштейна.

6 (18) августа. Наполеонъ уѣзжаетъ изъ Парижа, и не будетъ никакихъ теперь переговоровъ. Поэтому я воспользуюсь отпускомъ и около 8 (20) числа сего мѣсяца уѣзжаю въ Вѣну, гдѣ пробуду нѣсколько дней, чтобы устроить личныя дѣла съ Стакельбергомъ и ранѣе шести недѣль не буду въ Петербургѣ. Князь Гагаринъ очень просилъ меня возвратиться. Но буду ли я здѣсь или нѣтъ—это безразлично. Несмотря на всѣ ваши лестные отзывы о моей дѣятельности, я не полагаю, чтобы мое присутствіе въ Парижѣ могло быть сколько-нибудь полезно. Требованія французскаго правительства вамъ извѣстны достаточно; о нихъ я ничего не могу сообщить вамъ болѣе. Повидимому, тутъ рѣшено держаться совершенно противоположнаго тому, чему мы слѣдовали, дѣлая имъ противодѣйствіе.

Вы говорите, что умѣренность нравится всего болѣе; никто болѣе меня ее не любитъ, и я давно желаю, чтобы мы были умѣрены на Дунаѣ. Но умѣренность не исключаетъ твердости и, выказывая ее по отношенію къ Франціи, мы только и можемъ надѣяться избѣг-

нуть войны. Чѣмъ мы будемъ сильнѣе, тѣмъ менѣе рискуемъ мы имѣть войну; эта истина всегда будетъ правильною; ее не могутъ опровергнуть никакія блестящія разсужденія. Польскія и австрійскія сообщенія заявляютъ о прекрасномъ состояніи нашей арміи. Но это еще не все. Наполеонъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ 200.000 солдатъ въ различныхъ депо, которые будутъ постоянно пополнять его дѣйствующую армію. Намъ необходимо сдѣлать новый наборъ, подъ предлогомъ войны съ Турціею. Чѣмъ далѣе Наполеонъ проникнетъ въ Россію, тѣмъ положеніе его будетъ опаснѣе и затруднительнѣе. Надо вести переговоры послѣ побѣды; таково было его правило, таково должно быть и наше.

Но это общія мѣста, о которыхъ я не буду распространяться. Призовите содѣйствіе Всевышняго, если имѣете вліяніе, къ тому, чтобы былъ заключенъ миръ съ Турціею. Эта несчастная война насъ ослабляетъ, ссоритъ съ Австріею и подрываетъ чрезвычайно общественное о насъ мнѣніе. Прусскій дворъ, уже очень наклонный въ сторону Франціи, вслѣдствіе письма Наполеона къ королю, о которомъ здѣсь извѣстно уже, рѣшился вполнѣ кинуться въ его объятія.

Я два раза ходилъ къ генералу Бассано, чтобы переговорить о моемъ отъѣздѣ, но не заставалъ его, а потому день моего отъѣзда еще не назначенъ.

Послѣ этого Нессельроде скоро оставилъ Парижъ и уже изъ Вѣны 10 (22) сентября 1811 года писалъ къ государственному канцлеру.

Въ Парижѣ я имѣлъ, наконецъ, продолжительный разговоръ съ герцогомъ Бассано, и онъ разрѣшилъ мнѣ уѣхать. Изъ его словъ я могъ заключить, что война не возгорится эту осень. Франція готовитъ новую экспедицію въ Португалію; Наполеонъ назначаетъ для этого значительныя силы, и есть полная надежда на ея успѣхъ.

Въ Испаніи французы опять потерпѣли нѣсколько неудачъ; возстаніе сильно увеличивается, испанскія арміи въ Астуріи и Галиціи усилились. Мина [1]) перехватилъ опять нѣсколько французскихъ транспортовъ, по причинѣ худыхъ распоряженій Бессьера, который и отозванъ поэтому. Наполеонъ выражаетъ свое неудовольствіе не только противъ насъ и противъ Австріи, но и противъ частныхъ, отдѣльныхъ лицъ, особенно противъ друзей госпожи Сталь. Такъ

---

[1]) Мина, сынъ фермера испанскаго въ Наваррѣ, род. въ 1784 г. и при возникшемъ народномъ возстаніи противъ владычества французовъ въ Испаніи, въ 1808 г., командовалъ отрядами герильясовъ въ Аррагонѣ и Наваррѣ и наносилъ большія пораженія французамъ. Съ 1813 г. онъ былъ признанъ фельдмаршаломъ испанскихъ войскъ. При возстановленіи Фердинанда VII на престолъ Мина долго сражался противъ тиранніи и, наконецъ, умеръ въ 1835 году.

Монморанси [1]) получилъ приказаніе не возвращаться въ Парижъ и не выѣзжать изъ предѣловъ департамента Леманъ; госпожа Рекамье [2]), которая съ нимъ въ перепискѣ, выслана изъ Парижа въ Лангедокъ. Принцессу Беневентъ, которая имѣла неосторожность посѣтить герцога Санъ-Карлоса въ Луи-де-Сонье, постигла та же участь, ей было приказано жить въ Бельгіи, но Талейрану удалось, послѣ объясненій съ Наполеономъ, добиться отмѣны этого приказанія, и она теперь возвратилась въ Парижъ. Неудовольствія съ королемъ Неаполитанскимъ все увеличиваются, Наполеонъ приказалъ выслать изъ Парижа его секретаря, пользующагося большимъ его довѣріемъ, генерала Ла-Вогюонъ. При его задержаніи, когда онъ садился въ карету, при немъ нашли много писемъ, адресованныхъ Неаполитанскому королю и его супругѣ, которыя не въ состояніи расположить Наполеона въ ихъ пользу.

Король, въ свою очередь, выслалъ изъ Неаполя министра внутреннихъ дѣлъ, Лоза, и генерала Ланюссъ, которые отказались принять подданство неаполитанское. Однимъ словомъ, дѣла дошли до того, что переворотъ неизбѣженъ.

Пріѣхавъ въ Вѣну, Нессельроде писалъ также 10 (22) сентября и Сперанскому, и сообщалъ ему, что послѣ отъѣзда изъ Парижа, не имѣя шифра для переписки, долженъ былъ воспользоваться шифромъ, имѣющимся у Алопеуса для переписки съ канцлеромъ, и это побудило его отправить канцлеру подробное донесеніе, съ котораго посылаетъ ему копію.

Худое расположеніе духа Наполеона все увеличивается, но война не начнется эту осень; даже есть возможность избѣгнуть ее и въ будущемъ году, если будутъ слѣдовать указанному имъ образу дѣйствія, т. е. стараться быть сильными на сколько только возможно,

---

[1]) Монморанси, Матье Жанъ, герцогъ, род. въ Парижѣ въ 1767 г., участвовалъ въ войнѣ за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, былъ представителемъ дворянства въ генеральномъ собраніи 1789 г., явился защитникомъ политической свободы и предложилъ въ ночь 4-го августа отмѣну дворянскихъ правъ. При республикѣ и Наполеонѣ былъ не у дѣлъ, но при возстановленіи Бурбоновъ, измѣнивъ воззрѣнія своей молодости, былъ адъютантомъ герцога д'Артуа, перомъ Франціи, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1822 г., посланникомъ Франціи на конгрессѣ въ Веронѣ. Въ 1825 г. онъ сдѣланъ членомъ французской академіи. Онъ умеръ въ 1826 году.

[2]) Рекамье, Юлія Бернардъ, род. въ Ліонѣ въ 1777 году, вступила въ бракъ съ богатымъ банкиромъ Рекамье и открыла блестящій салонъ, въ которомъ собиралось самое избранное общество. Это навлекло на подозрѣніе со стороны полиціи Наполеона, и она скоро была удалена изъ Парижа за свое сношеніе съ г. Сталь. Рекамье славилась также своею красотою. Она умерла въ Парижѣ въ 1849 году.

избѣгая поводовъ къ войнѣ преждевременнымъ сосредоточіемъ войскъ, заключить миръ съ Турціею во что бы то ни стало, послать въ Парижъ надлежащее лицо съ неограниченными полномочіями и т. д. Это я буду повторять и твердить въ Петербургѣ, при моемъ возвращеніи, и пока этому не будутъ слѣдовать, нечего ожидать чего-либо хорошаго. Невозможно, чтобы наши дѣла могли улучшиться въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Замедляю свой отъѣздъ отсюда, желая дождаться курьера къ Меттерниху, изъ Парижа, который, вѣроятно, доставитъ болѣе новѣйшія извѣстія; я не замедлю вамъ ихъ сообщить.

Однако, дальнѣйшаго письма Нессельроде къ Сперанскому изъ Вѣны не имѣется. Нессельроде, въ началѣ октября, прибылъ въ Петербургъ и уже представилъ императору Александру I записку или отчетъ о своемъ пребываніи въ Парижѣ съ 1810 года. Нессельроде былъ вскорѣ удостоенъ монаршей милости, награжденный орденомъ св. Владиміра 3 степени, 1 января 1811 года, онъ былъ удостоенъ званія статсъ-секретаря его величества 26 октября того же 1811 года.

Когда я представлялся его величеству за такую милость, пишетъ Нессельроде, императоръ Александръ I сказалъ мнѣ: „новая миролюбивая попытка съ моей стороны предъ Наполеономъ, еслибы я только на нее рѣшился, не могла бы привести къ мирному разрѣшенію дѣлъ. Я считаю, какъ и вы, войну неизбѣжною. Въ такомъ случаѣ я предполагаю встать во главѣ моихъ войскъ. Мнѣ необходимо будетъ имѣть при себѣ молодаго человѣка, въ состояніи слѣдовать за мною повсюду верхомъ на лошади и вести всю мою политическую переписку. Канцлеръ графъ Румянцевъ уже старъ, болѣзненъ и не въ состояніи выполнить этой задачи. Я обратилъ вниманіе на васъ и надѣюсь, что вы исполните преисполненную довѣрія обязанность съ надлежащею вѣрностію и скромностью“.

До послѣдовавшаго разрыва съ Франціею, я не имѣлъ какихъ-либо серьезныхъ занятій,—вся дипломатическая переписка велась попрежнему непосредственно канцлеромъ и государь только изрѣдка поручалъ мнѣ изложеніе нѣкоторыхъ бумагъ, когда не одобрялъ представленнаго графомъ Румянцевымъ. Одно время шла рѣчь объ отправкѣ меня вновь въ Парижъ, съ особымъ порученіемъ, но это не состоялось.

Въ январѣ 1812 г. я вступилъ въ бракъ съ дочерью Д. Л. Гурьева [1]) и обязанъ ей счастьемъ 37 лѣтняго супружества. Вскорѣ

[1]) Гурьевъ, Дмитрій Александровичъ, род. въ 1751 г., былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кочубеемъ, Новосильцевымъ, Чарторыйскимъ и т. д. и назначенъ въ 1802 г. товарищемъ министра финансовъ, затѣмъ въ 1806 г. министромъ

послѣ моего брака свершилось событіе, которое могло имѣть пагубное вліяніе и на мою судьбу. Я говорю объ опалѣ, постигшей Сперанскаго, моего искренняго друга, который, во время своего довольно продолжительнаго вліянія и значенія при государѣ, былъ моимъ главнымъ предстателемъ у его величества. Во вторникъ императоръ потребовалъ меня къ себѣ, со своею ангельскою добротою успокаивалъ меня за послѣдствія, которыхъ я одно время опасался, т. е. объ участи моей переписки, посланной Сперанскимъ въ запечатанномъ конвертѣ его величеству и находившейся въ кабинетѣ императора. Я нашелъ государя еще очень разстроеннымъ тою необходимостью, по которой,—основательно ли или нѣтъ, онъ счелъ себя принужденнымъ разстаться съ человѣкомъ, столь имъ любимымъ за его характеръ и уважаемымъ за его дарованія. Онъ (т. е. Сперанскій) очевидно сдѣлался жертвою интриги, и лица, подобныя Армфельду, Балашову, воспользовались общественнымъ настроеніемъ, неблагопріятнымъ тѣмъ преобразованіямъ, которыя государь желалъ осуществить, поручивъ Сперанскому ихъ выполненіе. Эти лица представляли его величеству, что наканунѣ войны, въ которой только одна любовь русскихъ къ отечеству могла спасти ихъ родину, было бы неосторожно оскорблять народное чувство, удерживая при себѣ человѣка, котораго обвиняли не только въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціею, но даже въ измѣнѣ. Эти сношенія Сперанскаго съ Франціею заключались въ перепискѣ его съ герцогомъ Бассано о томъ, чтобы при посредствѣ послѣдняго добыть изъ Франціи различныя подробности о тѣхъ учрежденіяхъ, созданныхъ Наполеономъ во Франціи, которыя намѣревались ввести и у насъ въ Россіи. Дѣйствительно, нашъ Государственный Совѣтъ былъ учрежденъ по образцу совѣта государственнаго во Франціи. Преобразованія Сперанскаго являлись болѣе обширными...

Но возвратимся къ 1812 году.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

удѣловъ, а въ 1810 г.—министромъ финансовъ. Въ 1823 г. онъ былъ уволенъ отъ званія министра финансовъ, оставаясь въ управленіи кабинетомъ и министромъ удѣловъ. Онъ умеръ 30-го сентября 1820 г.

О выборномъ началѣ въ церкви.

IV [1]).

При разсужденіяхъ о выборномъ началѣ, многіе органы печати требовали, какъ мы видѣли, участія въ выборахъ и съѣздахъ духовенства мірскаго элемента. Эти требованія были отголоскомъ и прямымъ слѣдствіемъ идеи, нѣсколько всплывавшей на поверхность церковно-общественной русской жизни и всегда встрѣчавшей большое сочувствіе во всѣхъ, кому дороги были интересы церкви,—это идея объ оживленіи церковной жизни, о большемъ вліяніи церкви на общество. Достигнуть такого оживленія весьма разумно думали привлеченіемъ прихожанъ къ заботамъ о своемъ храмѣ, приходѣ и духовенствѣ, чтобы прихожане интересы своего прихода считали своими кровными интересами и принимали живое и непосредственное участіе въ церковной жизни. Эта идея особенно заявила себя въ 60-хъ годахъ и потомъ обнаруживалась параллельно съ развитіемъ выборнаго начала среди духовенства; начало 80-хъ годовъ, когда велась особенно усиленная защита выборовъ среди духовенства, выдвинуло идею объ участіи прихожанъ въ церковной жизни съ новой силой.

Съ этой именно цѣлью живаго участія мірянъ въ интересахъ мѣстнаго прихода, храма и духовенства—образованы были въ 63 году церковно-приходскіе совѣты [2]). Тогда же было заявлено мнѣніе въ духовной печати [3]), что „первыми условіями для улучшенія матеріальнаго положенія церкви и ея служителей слѣдуетъ положить: признаніе каждаго прихода самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ, способнымъ владѣть и пользоваться всякаго рода движимою и недвижи-

---

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1906 г.

[2]) Переименованные въ 1864 г. въ попечительства.

[3]) „Правосл. Обозр." 1863 г. октябрь. А. Хвостовъ. Одна изъ мѣръ къ улучшенію быта духовенства.

мою собственностью". Такого признанія не совершилось, но интересно то, что эта же самая мысль о признаніи прихода за юридическую единицу была повторена черезъ 17 лѣтъ, въ 1880 г. въ московскомъ земскомъ собраніи. Земства, которымъ поручено было развитіе матеріальнаго и въ извѣстной мѣрѣ нравственнаго благосостоянія родной страны, съ самаго начала существованія приняли нѣкоторое участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Имъ было предложено позаботиться объ улучшеніи быта духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое духовенство призвано было къ участію въ земскомъ самоуправленіи. Такимъ образомъ, по идеѣ, земства должны бы быть учрежденіями, объединяющими духовенство съ другими сословіями государства во имя общаго служенія интересамъ русскаго народа. Но на первыхъ порахъ земскіе дѣятели отнеслись очень недружелюбно къ участію духовенства въ земскомъ управленіи и всячески старались отстранить его представителей отъ земскаго дѣла [1]). Само духовенство не вездѣ могло поддерживать свое достоинство, рѣшительно не знало, какъ вести себя, напр., на земскихъ выборахъ, бралось за дѣло неумѣло и робко [2]) и часто подвергалось очевидному третированію со стороны земскихъ гласныхъ. Что касается вопроса объ улучшеніи быта духовенства, то многія земства отнеслись къ нему также недоброжелательно и поспѣшили отклонить его или рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. Впрочемъ, такъ отнеслись къ этому не всѣ земства. Нѣкоторыя изъ нихъ, во главѣ со столичными, посмотрѣли на этотъ вопросъ безъ предубѣжденія, искренно старались помочь духовенству и уже въ 1866 г. назначили послѣднему жалованіе; нѣкоторыя рѣшились помочь ему другими способами [3]), при чемъ иныя земства (Пензенское, Казанское, Тульское, Калужское и др.), какъ на органы для улучшенія быта духовенства, указывали на церковно-приходскія попечительства. На многихъ земскихъ собраніяхъ при рѣшеніи вопроса объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства поднимались разсужденія о нравственныхъ дефектахъ духовенства и предлагались мѣры къ ихъ уврачеванію.

Въ 1866 г. тверское губернское земское собраніе въ одномъ изъ своихъ постановленій требовало, „чтобы свѣдѣнія о лицахъ, назначаемыхъ въ приходскій церковный причтъ, были отбираемы консисторіею отъ прихожанъ чрезъ уѣздныя управы, и чтобы, въ случаѣ неисправности священно-церковнослужителей по службѣ или немиролюбивой жизни, прихожане заявляли этой управѣ, а управа уже со

---

1) Примѣры приводятся въ „Правосл. Обозр." 1867 г. февраль, „Совр. Обозр." „Что сдѣлало наше земство для правосл. духовенст. за истекшій 1866 г.".

2) „Правосл. Обозр." 1865 г. мартъ, замѣтки. Письмо изъ Пензы.

3) „Пр. Обозр." 1867 г. февраль. Замѣтки.

своей стороны будетъ просить епархіальное начальство о немедленномъ и точномъ исполненіи 202 ст. устава духовн. консисторій [1]). Очевидно, цѣль ходатайства тверскаго земства состояла въ томъ, чтобы міряне имѣли участіе въ избраніи себѣ священнослужителей и могли бы избавиться отъ дурныхъ пастырей. „Православное Обозрѣніе", упоминая объ этомъ постановленіи, читаетъ нотацію губернскому собранію, что оно вторглось въ чуждую ему область епархіальнаго управленія, а управѣ напоминаетъ 30 апост. правило объ избранныхъ мірскимъ начальствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ совершенно справедливо заявляетъ, что „непосредственное и единственное вліяніе на выборъ пастыря должны имѣть прихожане, а не управа". Участіе приходской общины въ выборахъ для себя пастыря, столько живое въ древневселенской и собственно въ нашей православной русской церкви, безъ сомнѣнія, весьма важно и даже весьма желательно. Но „Православное Обозрѣніе" говоритъ объ этомъ участіи, какъ дѣлѣ „нравственномъ", въ смыслѣ добровольнаго допущенія со стороны архіереевъ ходатайства прихожанъ о томъ или другомъ кандидатѣ священства [2]).

Очень понятно, что вопросъ объ участіи прихожанъ въ избраніи священниковъ не могъ остановиться на такой шаткой и ненадежной почвѣ. Въ этомъ случаѣ ему грозило то же, что происходило и съ выборнымъ началомъ въ духовенствѣ: не будучи легально установленнымъ правомъ, а только добровольнымъ допущеніемъ, оно во всякую минуту могло быть отнято; архіерей могъ принять ходатайство прихожанъ, но могъ и не принять.

Къ началу 70-хъ годовъ вопросъ объ участіи прихожанъ въ выборѣ излюбленныхъ священниковъ, какъ законномъ правѣ, настолько созрѣлъ, что дѣлается предметомъ горячихъ обсужденій въ печати и становится на каноническую почву. Въ 1870 г. священникъ Морошкинъ, какъ мы уже упоминали, издалъ брошюру: „Выборное начало въ духовенствѣ". Какъ показываетъ названіе книжки, она была написана собственно въ защиту выборнаго начала среди духовенства, но автору, разсматривавшему канонически-историческія основанія для выборнаго начала, пришлось говорить и объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ настолько подробно, что его противникъ, „Православный Мірянинъ", идеаломъ церкви Морошкина считаетъ демократическую республику. По словамъ Морошкина, вопросъ о выборномъ началѣ становится уже самымъ жгучимъ и самымъ жизненнымъ, о которомъ разсуждаютъ и спорятъ не только въ средѣ духовенства, но

---

[1]) О назначеніи слѣдствія.

[2]) „Прав. Обозр." январь (1867 г.) замѣтки, стр. 11—13.

и въ свѣтскихъ кружкахъ. „Одни съ увлеченіемъ, съ самоотверженіемъ, вооружившись непререкаемыми фактами, доказываютъ всю неотложную необходимость введенія выборнаго начала; другіе съ неподвижнымъ и упорнымъ постоянствомъ отворачиваются отъ него, какъ отъ чего-то, грозящаго поколебать основы церковной іерархіи и перевернуть весь іерархическій строй“. Послѣднихъ, впрочемъ, гораздо меньше [1]).

Своею цѣлью Морошкинъ поставилъ доказать, что: 1) выборное начало въ христіанской церкви есть необходимый и естественный результатъ устройства ея и прямо вытекаетъ изъ соборнаго начала церкви, а потому оно столько же древне, какъ и самое соборное начало, т. е. восходитъ ко временамъ апостольскимъ; 2) оно дѣйствовало въ церкви не только при постановленіи лицъ въ должности іерархическія, но и на іерархически-административныя, филантропическія, хозяйственныя и т. п.; 3) оно было въ русской церкви, и 4) къ нему прибѣгали въ послѣднихъ годахъ царствованія Александра I, какъ къ самому лучшему и дѣйствительному средству для возвышенія нравственности въ приходскомъ духовенствѣ. Многочисленныя историческія и каноническія свидѣтельства доказываютъ, что клиръ и міряне участвовали въ избраніи епископовъ и всѣхъ членовъ причта; въ дѣлахъ епархіальнаго управленія епископъ былъ ограниченъ епископскимъ совѣтомъ, члены котораго также подлежали избранію.

Въ древне-русской церкви выборное начало нашло поддержку въ самомъ общественномъ и государственномъ строѣ, формы котораго были проникнуты духомъ общественности и выбора. Русскіе историческіе и юридическіе акты даютъ много примѣровъ, доказывающихъ широкое приложеніе выборнаго начала ко всѣмъ членамъ іерархіи отъ дьячка до епископа не только въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ господствовало вѣче, но и въ мѣстахъ съ единоличною княжескою властью: во Владимірѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ и др. Для церковнаго управленія существовали выборные поповскіе старосты и десятскіе. Относительно суда еще „Стоглавъ“ предписалъ: „весь священническій и иноческій чинъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ самимъ святителемъ судити... соборнѣ по священнымъ правиламъ, да непороченъ будетъ святой судъ, опричь душегубства и разбоя (67 г.)“, а послѣ предоставлено этому суду вѣдать и уголовныя дѣла. Есть свидѣтельства, что въ архіерейскихъ приказахъ сидѣли на судѣ старосты и цѣловальники по выбору отъ духовенства и земскихъ людей. Митрополитъ Евгеній не только рекомендовалъ выборъ благочинныхъ, но и кандидатовъ на вакансіи въ увѣщатели подсудимыхъ, въ депутаты и духовники, „а ежели

---

[1]) Выборное начало въ духов., стр. 1—2.

епархіальное начальство признаетъ нужнымъ, то и въ присутствующіе консисторіи и духовныхъ правленій". Такова суть брошюры Морошкина. Направленная въ защиту выборнаго начала собственно въ духовенствѣ, статья рѣшаетъ вопросъ принципіально и защищаетъ право на участіе въ церковныхъ выборахъ, какъ духовенства, такъ и міранъ. Изслѣдованіе Морошкина вызвало оживленные толки въ печати, благопріятные для выборнаго начала. Это подвигло „Православнаго мірянина" (псевдонимъ г. Палимпсестова), противника выборнаго начала во всѣхъ его видахъ и формахъ, — на критику брошюры Морошкина. Въ 1871 г. „Міряннинъ" пустилъ въ свѣтъ свою „Правду о выборномъ началѣ въ духовенствѣ" (Спб.). Цѣль этой брошюры доказать, что сочиненіе Морошкина —компиляція, разсчитанная единственно на малое знакомство русскихъ читателей съ каноническимъ правомъ и исторіею церкви, — и компиляція, по направленію своему очень вредная, какъ посягающая на основы устройства православной церкви. Критикъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за содержаніемъ книги Морошкина и стремится опровергнуть всѣ его положенія. Какъ авторъ, Морошкинъ дѣйствительно не силенъ,—онъ рабски слѣдуетъ своимъ источникамъ—каноническому праву румынскаго митрополита Шагуны и латинскому изслѣдованію Томассена, французскаго канониста второй половины 17-го вѣка, котораго Морошкинъ, по недоразумѣнію, называетъ древнимъ канонистомъ. Подавленный своими источниками, онъ часто ссылается на соборы и авторитеты западной церкви (приводитъ, напр., правила 4 и 5 Карѳ. собора, которыхъ не знаетъ православная церковь), иногда авторъ искажаетъ смыслъ источниковъ. Особенно Морошкинъ неоснователенъ при разсужденіяхъ о выборномъ началѣ примѣнительно къ должностямъ административнымъ, судебнымъ, филантропическимъ и т. д., потому что здѣсь приходится ему быть самостоятельнымъ; не имѣя ни каноническихъ, ни историческихъ данныхъ, онъ прибѣгаетъ къ однимъ предположеніямъ. Критикуя Морошкина, Полимпсестовъ удачно пользуется сочиненіемъ вѣнскаго проф. Цизмана: „Соборы и церковныя должности при епископскихъ каѳедрахъ въ восточной церкви (1867 г.)". Не имѣя возможности останавливаться на возраженіяхъ Палимпсестова противъ положенія Морошкина, что соборная форма рѣшенія всѣхъ вопросовъ есть единственно правильная и свойственная Христовой церкви, мы обращаемся къ вопросу о выборномъ началѣ, которое, по словамъ Морошкина, прямо вытекаетъ изъ соборнаго начала церкви. Палимпсестовъ, напротивъ, утверждаетъ, что выборное начало есть произведеніе демократіи, оно вытекаетъ изъ ученія о полновластіи народа въ общественныхъ дѣлахъ, и потому не могло и не можетъ имѣть мѣста въ церкви Христовой. Ссылаясь на сочиненіе Чичерина: „О

народномъ представительствѣ", „Мірянинъ" утверждаетъ, что выборное начало есть произведеніе новаго времени, древнимъ обществамъ оно было не извѣстно, слѣдовательно, не могло быть и въ древнихъ христіанскихъ обществахъ.

Критикъ разбираетъ приводимые Морошкинымъ примѣры избранія епископовъ клиромъ и народомъ и нѣкоторыя церковныя правила относительно избранія епископовъ и находитъ, что Морошкинъ, пользуясь кн. Шагуны, часто дѣлаетъ произвольныя прибавки для доказательства своихъ мыслей.

Но многіе примѣры въ доказательство выборнаго начала въ отношеніи къ избранію епископовъ (св. Кипріана, Корнелія и Сильвестра, еп. римскихъ, Златоуста, Евстафія Антіохійскаго) и соотвѣтствующія мѣста изъ постановл. апост. (кн. 8, гл. 4) Палимпсестовъ оставляетъ безъ разбора, ограничиваясь утвержденіемъ, будто эти примѣры уничтожаются заявленіемъ автора, что епископы избирались часто и безъ участія народа. Опроверженіе не сильное. Критикъ удачно ловитъ автора на словахъ, но силы многихъ приводимыхъ имъ примѣровъ нисколько не ослабляетъ. Съ побѣдоносным видомъ Палимпсестовъ разбиваетъ и каноническія свидѣтельства, представляемыя авторомъ; правда—большинство ихъ приведено неудачно, и того, что авторъ думаетъ ими доказать, не доказываютъ, но не всѣ; напр., приводимое у Морошкина 61 правило Карѳ. собора ясно говоритъ объ избраніи епископа при участіи народа, къ которому избираемый имѣетъ быть поставленъ, при чемъ выслушивались мнѣнія какъ „за", такъ и „противъ" кандидата на епископство. И самъ Палимпсестовъ, вооружаясь противъ словъ „выборное начало" и противъ того, что оно существовало въ древней церкви, соглашается, что „обычай избирать епископовъ при участіи мѣстнаго духовенства и мірянъ имѣлъ силу только въ первые три вѣка [1]). Утверждаетъ это Палимпсестовъ на основаніи 13 правила собора Лаодикійскаго (во 2 пол. IV в.), которое воспрещаетъ „сборищу народа (ὄχλος) избирать" имѣющихъ быть произведенными во священство [2]). Но многіе канонисты" ὄχλος—turba переводятъ словами „безпорядочная толпа" и запрещенія здѣсь законному участію мірянъ въ выборахъ не видятъ. Вопреки весьма ясному свидѣтельству св. Кипріана объ участіи мірянъ въ выборахъ епископовъ, Палимпсестовъ утверждаетъ, что клиръ и народъ только присутствовали при выборахъ и не подавали голосовъ наравнѣ съ епископами.

Вторую половину своей брошюры Палимпсестовъ посвящаетъ разбору историческихъ и каноническихъ свидѣтельствъ Морошкина о

[1]) Стр. 35.

[2]) Лаод. 13 пр.

выборномъ началѣ примѣнительно къ священникамъ, діаконамъ и другимъ лицамъ клира. Общій характеръ его критики все тотъ же: онъ обнаруживаетъ только промахи Морошкина, существованіе же выборнаго начала все-таки остается несомнѣннымъ. Нѣкоторыя доказательства Морошкина и здѣсь, дѣйствительно, очень слабы: такова, напр., ссылка въ доказательство участія мірянъ въ избраніи священниковъ, на 1 посл. къ Тим. (III, 7) о добромъ свидѣтельствѣ отъ внѣшнихъ, которыя относятся не къ пресвитеру, а къ епископу и подъ „внѣшними", по толкованіямъ Златоуста и Ѳеофилакта, разумѣются язычники; не сильное доказательство и 7 пр. Ѳеофила Александрійскаго, которое говоритъ только о сосвидѣтельствѣ народа и епископа при посвященіи служителей церкви. Но много и здѣсь фактовъ, не уничтоженныхъ критикою Палимпсестова, каковы, напр., выборъ 7 діаконовъ множествомъ учениковъ (Дѣян. 6, 10), которому Палимпсестовъ противопоставляетъ только позднѣйшіе факты назначенія діаконовъ епископами; свидѣтельства св. Кипріана, Іоанна Златоуста въ соч. „О священствѣ". Противъ свидѣтельства Златоуста Палимпсестовъ утверждаетъ, что Златоустъ говоритъ объ участіи мірянъ, не зная 13 правила собора Лаодикійскаго (ссылка, не имѣющая значенія, если подъ ὄχλος разумѣть безпорядочныя сходки) и что самъ Златоустъ не высокаго мнѣнія о существующихъ порядкахъ. Но злоупотребленія возможны вездѣ, а важно то, что выборъ священныхъ лицъ при Златоустѣ существовалъ. Не лишено значенія и свидѣтельства (Лампридія) объ Александрѣ Северѣ, что онъ завелъ выборъ чиновниковъ на томъ основаніи, что „постыдно было бы не дѣлать того, что іудеи и христіане дѣлаютъ при поставленіи священниковъ".

Переходя къ русской церкви, Палимпсестовъ разсуждаетъ, что если выборные порядки не противны каноническимъ установленіямъ вселенской церкви и согласуются съ нынѣшнимъ строемъ государственной и земской жизни,—ихъ можно бы рекомендовать для нынѣшняго времени. Если они необходимо требуются церковными законами, ихъ нужно возобновить, хотя бы государственная и земская жизнь стояли въ противорѣчіи съ ними; государственные законы должны подчиниться церковнымъ. Совершенно справедливая мысль. За это-то и ратовали, это-то и доказывали всѣ защитники выборнаго начала. Но Палимпсестовъ находитъ, что выборное начало противорѣчитъ и церковнымъ и гражданскимъ законамъ. Въ древней Руси, по Палимпсестову, священниковъ избирали по нуждѣ, потому что мало было грамотныхъ людей (но тамъ, гдѣ не изъ кого выбирать, кажется бы, и мѣсто назначенію священниковъ?). Въ доказательство неприглядныхъ сторонъ выборнаго начала Палимпсестовъ приводитъ мѣста изъ Сто-

глава о взяткахъ съ избираемыхъ въ Новгородѣ и Псковѣ: „Кто больше принесетъ за себя мзды, съ тѣмъ и идутъ къ владыцѣ“ (но и тогда, конечно, такія взятки не были явленіемъ всеобщимъ[1]), тѣмъ больше будутъ рѣдки теперь. Развитіе грамотности и строгій контроль вполнѣ могутъ уничтожить эти злоупотребленія). Разсказавъ, какъ выборное начало стало исчезать на Руси, Палимпсестовъ утверждаетъ, что жалѣть о паденіи его не приходится. Но такъ думало далеко не большинство; многіе жалѣли о немъ очень, видя въ немъ сильнѣйшее средство поднятія церковнообщественной жизни, и неумолчно говорили, что пора возстановить этотъ добрый и законный обычай. Въ такомъ духѣ мы находимъ прекрасную статью въ „Бесѣдѣ“ Юрьева за 1872 г. (декабрь): „Вопросъ о церковныхъ попечительствахъ“ Н. К—ва. Авторъ сочувственно относится къ попечительствамъ, но отмѣчаетъ, что дѣятельность ихъ очень мелочна и общество къ нимъ относится холодно. Причина этого—неправильная, узкая постановка дѣятельности попечительствъ, сильная зависимость отъ епархіальной власти, бюрократическое веденіе дѣла. Совершенно ненормально приходскія попечительства отдѣлены отъ прихода, церковной общины. Священники являются главными лицами и въ приходѣ завѣдуя церковнымъ хозяйствомъ, интересами церкви и духовнаго начальства, и въ попечительствахъ, гдѣ чаще всего бываютъ предсѣдателями. Для пользы и самаго духовенства и прихожанъ нужно положить конецъ разрозненности и даже взаимной враждебности элементовъ, составляющихъ приходъ, когда одна часть — прихожане — играютъ чисто пассивную роль: даютъ, жертвуютъ и не принимаютъ никакого активнаго участія въ церковно-приходскихъ дѣлахъ, а другая часть—духовенство—собираетъ, принимаетъ и заправляетъ всѣми церковно-приходскими дѣлами не только безъ контроля, но и безъ вѣдома прихода. Формою единенія должна быть—свободная, самостоятельная церковная община, которая для большаго удобства по возможности совпадала бы съ сельской. Такая община будетъ единственнымъ обществомъ людей безъ различія состояній и сословій. Идея прихода, какъ такой общины, и ея организація не будетъ нововведеніемъ, а только законнымъ возстановленіемъ порядка первенствующей церкви, который вносилъ въ нее движеніе и энергію, придавалъ членамъ ея неодолимую стойкость и возвышалъ до той нравственной высоты, которой удивлялись язычники. Общинная церковная жизнь съ жи-

---

[1]) Что при выборахъ не преслѣдовали одни матеріальные разсчеты, за это самое говоритъ рекомендація одного діакона, выбраннаго въ десятники въ Новгородѣ: „А тотъ діаконъ Иванъ добръ, не плутъ и не бражникъ и душею прямъ, и государевы патріарховы дѣла ему діакону Ивану за обычай“—(А. И. т. I. № 1, приводится въ книжкѣ Морошкина).

вымъ и близкимъ участіемъ въ ней всѣхъ членовъ—главная причина широкаго и быстраго развитія религіозной жизни въ протестантствѣ. Боязнь впаденія въ протестантство при введеніи общиннаго церковнаго устройства совершенно неосновательна, можно крайностей протестантства избѣгнуть. Изученіе исторіи православныхъ братствъ, гдѣ выборное начало имѣло полное приложеніе и которыя такъ мужественно отстояли свою вѣру и народность, служитъ блестящимъ примѣромъ значенія общаго устройства на почвѣ православія.

Преобразованіе прихода въ свободную, самоуправляющуюся общину съ непремѣннымъ участіемъ прихожанъ въ избраніи священнослужителей и прочное введеніе выборнаго начала въ епархіальномъ управленіи будутъ сопровождаться неисчислимыми благими послѣдствіями: разовьется приходская благотворительность, улучшится матеріальный бытъ избранныхъ священниковъ; установится между клиромъ и народомъ тѣсная и живая связь, послѣдуетъ оживленіе религіозныхъ интересовъ, уменьшится неблагопріятное вліяніе гражданской власти на церковь, исчезнетъ бюрократизмъ, что̀ такъ смущаетъ, напр., старокатоликовъ. Такая реформа прихода, говоритъ авторъ, „вызывается всѣмъ строемъ и направленіемъ теперешней общественной жизни", характеристическая черта которой—развитіе самодѣятельности и самоуправленія.

Въ привлеченіи къ участію въ церковныхъ дѣлахъ мірянъ видѣлъ гарантію для развитія церковно-религіозной общественной жизни и извѣстный канонистъ Н. С. Суворовъ [1]). Православный христіанинъ, справедливо говоритъ Суворовъ, анализируя свое понятіе о церкви, не найдетъ соотношенія между этимъ понятіемъ и практикой церковной жизни; онъ встрѣчается скорѣе съ воззрѣніями католическими на отношенія между безгласными овцами и полновластной іерархіей, въ качествѣ духовнаго начальства замѣняющей истинное катехизическое понятіе о церкви. Потому-то у насъ, когда говорится о церкви, обыкновенно думаютъ, что дѣло идетъ о духовномъ сословіи; потому-то вопросы объ улучшеніи быта духовенства, о судебной духовной реформѣ и разсматриваются, какъ не представляющіе для мірянъ никакого интереса. Все это—результатъ отдаленія мірскаго элемента отъ участія въ церковной жизни, которое теперь проявляется настолько, насколько дѣло касается кармана прихожанъ по отношенію къ хозяйственнымъ дѣламъ церкви въ лицѣ церковнаго старосты да не вездѣ существующихъ попечительствъ. Между тѣмъ есть много дру-

---

[1]) Разумѣемъ его статью „Клиръ и міряне" „Церк.-Общ. Вѣстникъ", 1877 годъ.

гихъ путей, которыми можетъ проявляться участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Это прежде всего выборъ прихожанами священно-церковно-служителей, каковое право можетъ быть расширено до избранія самихъ епископовъ съ организаціей извѣстной системы епархіальнаго представительства. Имѣя за себя массу историческихъ данныхъ, это право должно сопровождаться самыми благодѣтельными послѣдствіями для церкви, служа средствомъ къ сближенію не только между мірянами и низшимъ духовенствомъ, но и между ними и духовнымъ начальствомъ. Должно быть отведено мѣсто представительству мірянъ въ церковномъ судѣ (согласно свидѣтельствамъ Св. Писанія, писанія мужей апостольскихъ, отцевъ и учителей церкви, которыя Суворовъ и приводитъ). На возраженіе, что эта мысль несогласна съ началомъ православія, можно указать на то, что и при настоящей организаціи церковнаго суда элементъ не церковный, но и не мірской, а бюрократическій, въ лицѣ консисторскаго секретаря, имѣетъ не только важное, но и преобладающее, рѣшающее значеніе. Нормальныя отношенія между клиромъ и мірянами, выводимыя не изъ какой-нибудь туманной теоріи, а изъ свидѣтельствъ Св. Писанія, каноновъ и отцовъ церкви, прямо предполагаютъ участіе мірянъ въ указанныхъ актахъ. Только уже въ IV вѣкѣ византійскій императоръ заслонилъ собою мірской элементъ въ церковномъ обществѣ, служа единственнымъ и полновластнымъ представителемъ этого элемента по всѣмъ вопросамъ церковной жизни: соборы были созываемы, руководимы и управляемы императорами. Христіанская церковь стала государственной, клирики отдѣлились отъ мірянъ, какъ привилегированное сословіе.

Суворовъ указываетъ, какъ на образецъ церковнаго устройства съ широкимъ участіемъ мірянъ: 1) на церкви—румынскую и находящуюся въ австрійскихъ владѣніяхъ, гдѣ на-ряду съ церковно-іерархическими соборами являются существеннымъ элементомъ церковнаго строя соборы церковно-общественные, подъ предсѣдательствомъ митрополита, занимающіеся вопросами объ устройствѣ училищъ, образованіи новыхъ приходовъ, а также принимаютъ участіе въ избраніи митрополита. Представители на эти соборы избираются, соотвѣтственно количеству населенія епархіи. Въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ при митрополитѣ свѣтскіе члены имѣютъ даже перевѣсъ; 2) на устройство церковно-общественнаго управленія въ Пруссіи съ его двумя церковно-приходскими органами: „церковнымъ совѣтомъ" и „общественнымъ представительствомъ", уѣздными и провинціальными синодами и, наконецъ, высшимъ евангелическимъ совѣтомъ. Симпатіи автора на сторонѣ послѣдняго церковнаго устройства, темныя стороны котораго условливаются не допущеніемъ мірянъ къ участію въ дѣлахъ церковнаго правительства, а ложною постановкою строя, въ виду

правъ королевскаго епископата, въ сильномъ вліяніи конституціонализма на церковь.

Для того, чтобы положить начало уничтоженію раздѣленія между клиромъ и мірянами, между приходомъ и епархіею, между епархіею и цѣлой помѣстной церковью, авторъ считаетъ необходимымъ: преобразованіе приходовъ, допущеніе мірскаго элемента на благочинническихъ и епархіальныхъ съѣздахъ, участіе въ которыхъ пріучитъ прихожанъ къ пониманію церковныхъ дѣлъ и религіозныхъ интересовъ, такъ что изъ нихъ выдѣлится процентъ лицъ и для участія на епархіальныхъ съѣздахъ. Епархія, получивши возможность стать дѣйствительнымъ епархіальнымъ обществомъ, дастъ возможность созванія собора русской помѣстной церкви, котораго не можетъ замѣнить сѵнодъ, не могущій быть выразителемъ желаній и потребностей всей русской церкви. При вопросѣ о преобразованіи духовно-судебной части ищутъ гарантій противъ единоличнаго произвола духовныхъ властей; авторъ для этого вмѣсто исключительнаго примѣненія судебнаго устава 1864 г. совѣтуетъ обратиться къ строю церковнаго суда съ участіемъ обоихъ составныхъ элементовъ церковнаго общества, какъ іерархическаго, такъ и мірскаго. Епархіальному съѣзду и теперь можно бы принимать участіе въ рѣшеніяхъ консисторій въ видѣ комитета, выдѣляющагося изъ съѣзда.

Къ 80-мъ годамъ вопросъ объ отношеніи духовенства къ мірянамъ и вообще о положеніи духовенства у насъ, какъ мы уже упоминали, былъ сильно выдвинутъ въ печати. Высшая церковная власть, въ виду отчасти всеобщаго недовольства противъ духовенства, въ 1879 г. прекратила свободный доступъ семинаристамъ въ университеты. Часть печати привѣтствовала это событіе, полагающее конецъ бѣгству лучшихъ силъ изъ духовнаго сословія. Другая часть, напротивъ, была имъ недовольна, справедливо полагая, что подневольное пастырство не дастъ хорошихъ дѣятелей, и что сильнымъ препятствіемъ къ поступленію образованныхъ лицъ въ священники служитъ недостатокъ жизненныхъ средствъ. Свѣтскіе органы печати безпощадно клеймили современное русское духовенство, налагающее на себя священный санъ безъ призванія, обратившее даже священныя таинства въ куплю-продажу [1]). Предлагались самые разнообразные способы разрѣшенія вопроса о духовенствѣ: такъ, совѣтовали помириться съ мыслію, что все равно мало-мальски сноснаго содержанія для духовенства не изобрѣтешь, но малое содержаніе 300—500 руб., которое недостаточно для ученаго священника, будетъ

[1]) Такого характера, напр., статья въ „Русск. рѣчи", іюнь, 1880 г. „Наше духовенство".

вполнѣ достаточно для священника-крестьянина съ низшимъ образованіемъ. Такіе священники будутъ имѣть и сильнѣйшее нравственное вліяніе на крестьянъ, какъ происходящіе изъ ихъ среды, какъ родные имъ по духу [1]).

„Отечественныя Записки“ прямо рекомендовали: „Пусть государство уничтожитъ духовенство, какъ касту, пусть уничтожитъ духовныя школы и предоставитъ, какъ было въ древнее время, самому обществу пріисканіе священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ. Пусть оно же и приготовляетъ лицъ, пригодныхъ для священства, и само выбираетъ ихъ безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло высшаго духовенства“. Устройство школъ для кандидатовъ священства и попеченіе надъ пастырями „Отечественныя Записки“ возлагаютъ на земство, которое даетъ священнику содержаніе и безъ согласія земства онъ не можетъ быть ни перемѣщенъ, ни уволенъ, ни подвергнутъ взысканію, прежде чѣмъ вина будетъ разобрана епархіальнымъ начальствомъ, совокупно съ избранными членами отъ общества, гдѣ онъ служитъ, и земства [2]). Мѣра радикальная, но обнаруживающая незнакомство съ каноническимъ устройствомъ православной церкви: она устраняетъ власть епископа и ставитъ на ея мѣсто земство. Но органы печати, и болѣе спокойно и безпристрастно обсуждавшіе положеніе нашей церкви, все-таки находили ненормальность его и въ высшихъ и въ низшихъ сферахъ и согласно указывали одинъ выходъ изъ этого нормальнаго положенія. „Что же дѣлать, какъ быть?“—спрашиваетъ въ одной изъ своихъ прекрасныхъ передовыхъ статей въ 1880 г. И. С. Аксаковъ въ „Руси“, въ сильныхъ чертахъ изобразивши казенщину и бюрократизмъ, царящіе въ церкви, точнѣе въ православномъ вѣдомствѣ Св. Сгнода, до самыхъ низовъ и проявляющееся во всѣхъ мѣрахъ улучшенія быта духовенства,— „какъ быть? Необходимо вызвать къ жизни и признать самоуправленіе и самостоятельность приходской общины“... [3]). Этого же требовали и „Современныя Извѣстія“. „Учреждены выборы среди духовенства, но само духовенство назначается. Преобразованіе должно бы начаться съ корня и прежде всего необходимо возстановить древле-существовавшіе выборы прихожанами себѣ священнослужителей“,—говоритъ этотъ органъ [4]) (не сочувствовавшій дѣятельности оберъ-прокурора Д. Толстаго, который учрежденіемъ съѣздовъ далъ духовенству начала

---

[1]) „Страна“, журналъ, изд. Л. Полонскимъ, ст. почти цѣликомъ приведены въ „М. Ц. Вѣдом.“, 1880 г., № 35.

[2]) „Отечест. Записки“, 1881 г., іюнь, внутреннее обозрѣніе.

[3]) „Русь“, 1880 г. № 3 (передовая).

[4]) Передовая ст. въ одномъ изъ іюньскихъ №№ 1880 г., цитируемъ ее по „Обозрѣнію печати“ въ „М. Ц. Вѣдом.“ (1880 г., № 24).

самоуправленія, не сочувствовавшій и „Церковно-Обществ. Вѣстнику", защищавшему выборное начало. „Совр. Извѣстія" называли взгляды об.-прокурора и „Церк.-Обществ. Вѣстника" „клерикало-бюрократизмомъ"). Вообще необходимость живаго участія прихожанъ въ церковной жизни настолько выяснилась и стала достояніемъ общественнаго сознанія, что на московскомъ земскомъ губернскомъ собраніи 18 декабря 1880 г. было высказано Д. Ф. Самаринымъ и единодушно поддержано предложеніе ходатайствовать о признаніи приходовъ, въ смыслѣ приходскихъ обществъ, за юридическія лица, могущія всякими закономъ дозволенными средствами пріобрѣтать и укрѣплять за собою движимыя и недвижимыя имущества, которыя, какъ собственное имущество, находились бы въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества; чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ безъ принудительнаго привлеченія къ нимъ раскольниковъ и чтобы возстановлено было древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ въ должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу. Примѣру московскаго земства, по извѣстіямъ печати, послѣдовали земства воронежское и харьковское, также ходатайствовавшія объ избраніи священниковъ.

Наша свѣтская печать встрѣтила постановленіе московскаго земства съ радостью и начала единодушно толковать о великомъ значеніи этого событія, о благихъ результатахъ его, если бы ходатайство было уважено, если бы мысль воплотилась въ дѣло. „Пусть праздничнымъ благовѣстомъ, возвѣщающимъ духовную радость, понесется по русской землѣ всеобщее земское ходатайство, способное обновить церковную жизнь и, черезъ приливъ народной религіозной стихіи, упразднить мерзость запустѣнія, гнѣздящуюся на мѣстѣ святѣ" [1],—писалъ И. С. Аксаковъ. Онъ ожидаетъ, между прочимъ, возраженій противъ земскаго постановленія со стороны либераловъ, которые увидятъ въ этомъ торжество клерикализма, котораго и быть не можетъ въ Россіи; или станутъ бояться, чтобы приходская община не упразднила и не замѣнила собою крестьянской общины и самоуправленія, но постановленіе земства совсѣмъ не имѣетъ въ виду сливать эти двѣ функціи, простое же совпаденіе предѣловъ волостнаго общества съ приходомъ можетъ быть на пользу прихода и общества [2]. Прямой же оппозиціи Аксаковъ ждетъ только отъ части духовенства,

[1]) 1888 г. „Русь", № 7, передовая статья.

[2]) Благотворность подобнаго совпаденія предѣловъ единицъ церковно-приходскихъ общинъ—съ предѣлами единицъ хозяйственныхъ и административныхъ признаютъ и „Современныя Извѣстія".

заразившейся духомъ чиновничества. Вредный духъ корпораціи, безъ сомнѣнія, при новомъ порядкѣ долженъ ослабѣть: въ воскрешеніи церковной жизни въ приходахъ, въ избраніи благочинныхъ и въ устройствѣ духовно-учебныхъ заведеній будутъ заинтересованы и міряне; они примутъ участіе въ епархіальныхъ съѣздахъ. При возстановленіи церковныхъ общинъ, по убѣжденію Аксакова, послѣдуетъ и удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ обезпеченіи духовенства.

Церковная іерархія, противодѣйствуя такой реформѣ, доказала бы, что она забыла инструкцію благочиннымъ митр. Платона 1806 г., которая прямо говорила объ избраніи священниковъ прихожанами, что они упорно держатся точки зрѣнія устава дух. консисторій и на отношенія пастыря и паствы смотрятъ, какъ на отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ. Но авторъ вѣритъ, что „духъ истиннаго православія осѣнитъ нашихъ церковныхъ сановниковъ, воздвигнувъ въ нихъ смиренныхъ пастырей Христова стада".

Опасеніе Аксакова относительно оппозиціи со стороны либеральной печати оправдалось, но не вполнѣ. Правда, часть либеральной печати, напр., „Русскій Курьеръ", дѣйствительно выразили опасеніе, какъ бы невѣжественное духовенство не обратило своего односторонняго, узкаго вліянія на грубую массу народа, да и на интеллигенцію прихода [1]). Другіе либеральные органы, вполнѣ признавая, что и у насъ могутъ возникнуть явленія, аналогичныя западному клерикализму, однако же сочувствовали самоуправленію какъ среди самого духовенства, такъ и въ сферѣ церковно-общественной, видя въ самоуправленіи, напротивъ, гарантію противъ клерикализма. „Главная опора клерикализма—дисциплина, повиновеніе, разсуждаетъ „Вѣстникъ Европы" [2]), ему чужда и антипатична всякая мысль о церковномъ самоуправленіи, тѣмъ болѣе о предоставленіи въ немъ какой-либо роли свѣтскому, народному элементу". Вообще же преобразованіе церковныхъ общинъ было единодушнымъ желаніемъ въ печати безъ различія направленій: и ультраконсервативный „Востокъ" [3]), и либеральный „Порядокъ", „Новое Время" [4]) и „Новости", „Современныя Извѣстія" и „Недѣля"—всѣ отнеслись сочувственно къ голосу Московск. земства, признавая, что церковный приходъ составляетъ весьма удобную почву для благотворительныхъ и образовательныхъ цѣлей [5]), что право быть религіознымъ руководителемъ и исполнителемъ духовно-религіозныхъ требъ должно основываться единственно на из-

---

[1]) „Церковный Вѣстникъ" № 8, 1881 г. „Мнѣнія печ. по церк. вопрос."

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1881 г., іюнь, внутр. обозр.

[3]) 1881 г. № 84, передовая ст.

[4]) 1881 г. № 1971, передовая ст.

[5]) „Новости" цитируемъ по „Церков. Вѣстн." 1881 г. № 4, „Мнѣнія печати".

бранія прихода[1]), что совершенная независимость духовенства отъ мнѣнія прихожанъ усвоиваетъ духовенству чиновническій характеръ и служитъ благопріятствующимъ условіемъ для поборовъ [2]). Нельзя сказать, чтобы свѣтская печать не сознавала трудности практическаго осуществленія мысли объ избраніи пастырей. „Задача не черезчуръ проста, и вопросъ не съ плеча рѣшается однимъ предоставленіемъ прихожанамъ выбирать себѣ кого угодно", писалъ „Порядокъ"... „Невѣжественные люди часто будутъ преслѣдовать одну дешевизну, выбирая какого-нибудь излюбленнаго, но малограмотнаго кандидата. Голосъ прихожанъ и высшая церковная попечительность (не консисторская только) должны быть согласованы" [3]). Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ взять прихожанамъ кандидатовъ для священства, если имъ будетъ дано право избранія себѣ пастырей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ основательныя статьи Ив.-П., напечатанныя въ „Руси" за 1881 г. [4]). Авторъ признаетъ, что право выбора кандидатовъ есть законное право прихожанъ, но кандидаты должны быть достойные и надлежаще подготовленные,—провѣрка правоспособности должна принадлежать епархіальной власти. Чтобы возстановить этотъ законный порядокъ избранія священниковъ прихожанами изъ лицъ имъ близкихъ и вѣдомыхъ, необходимо устроить правильный порядокъ подготовленія кандидатовъ для церковнаго служенія изъ самой народной среды. Для привлеченія къ пастырству лицъ изъ крестьянъ, которые не имѣютъ возможности давать продолжительное духовное образованіе своимъ дѣтямъ, авторъ предлагаетъ отъ нынѣшнихъ семинарій отдѣлить высшіе богословскіе классы и образовать изъ нихъ въ собственномъ смыслѣ духовныя семинаріи, въ которыхъ бы прямо изучались предметы, непосредственно относящіеся къ церковному служенію. Въ эти заведенія долженъ быть открытъ доступъ лицамъ изъ всѣхъ званій и образовательныхъ заведеній, а всего болѣе изъ такихъ, которыя доступны и близки народу, каковы сельскія и городскія училища. Объ ихъ содержаніи будутъ заботиться епархіальное начальство и епарх. съѣзды, состоящіе вмѣстѣ съ духовенствомъ и изъ представителей приходовъ отъ міранъ [5]). Если же уровень общаго образованія, пріобрѣтеннаго въ народныхъ школахъ, слишкомъ ни-

[1]) „Недѣля", 1881 г. № 3, также № 23.

[2]) „Порядокъ", № 37.

[3]) „Порядокъ" въ томъ же №.

[4]) „Русь", №№ 11 и 17, 1881 г. „О мѣрахъ къ возстановленію выборнаго духовенства въ Россіи". Подъ указанными иниціалами скрывался проф. Моск. университета, прот. Иванцовъ-Платоновъ.

[5]) Изъ общеобразовательныхъ классовъ семинарій авторъ проектируетъ сдѣлать гимназіи духовнаго вѣдомства для подготовки въ университеты и академіи.

зовъ для поступленія въ устроенныя такимъ образомъ семинаріи, то можно при самыхъ семинаріяхъ открыть приготовительные классы (годичные или двухгодичные) для пополненія знаній учениковъ народныхъ школъ по общеобразовательнымъ предметамъ безъ языковъ. Такая постановка дѣла и дастъ контингентъ кандидатовъ для священства, которые по своему образованію будутъ не ниже деревенскихъ интеллигентовъ, а по своему происхожденію будутъ близки народу.—Вотъ сущность проекта Ив.-П.

Толки о необходимости преобразованія церковно-приходскихъ общинъ на правахъ самоуправленія были тѣмъ живѣе, что они были подогрѣты давно уже раздававшимися голосами о сильномъ бюрократизмѣ, царствующемъ въ нашей церкви; эта ненормальность господства чиновничества въ церковномъ управленіи, какъ мы видѣли, вызывала горячій протестъ И. С. Аксакова. Въ 1881 г. голоса противъ церковнаго бюрократизма раздались съ особенной силой. Въ этомъ году въ Лейпцигѣ вышла книга подъ названіемъ: „Письма о современномъ состояніи Россіи“. Она въ яркихъ краскахъ описывала гнетъ мертвящаго бюрократизма, поселяющаго равнодушіе къ церкви, нигилизмъ, слѣдованіе за модными учителями (редстокисты и др.), а у простолюдиновъ—бѣгство въ расколъ и секты. Это владычество государства надъ церковью, созданное Петровскими преобразованіями, по словамъ автора, сознается лицами, стоящими у высшей власти, и передовыми людьми русской церкви. Въ духовныхъ школахъ читается съ каѳедры, что русская церковь въ Петра въ такомъ плѣну у государства, въ какомъ церковь ветхозавѣтная находилась въ Вавилонѣ“, пишетъ авторъ. И въ самомъ дѣлѣ до Петра она не составляла замкнутаго въ себѣ круга пастырей, пасущихъ безсловесное стадо. Міряне служили церкви не одними вкладами, а мыслію и дѣломъ, участвовали въ ея совѣтахъ, проводили ея начинанія, какъ это и теперь происходитъ на Востокѣ, а церковь со своей стороны оставалась въ тѣсномъ единеніи съ обществомъ, принимала живое участіе во всѣхъ явленіяхъ народной жизни. Авторъ „Писемъ“ совѣтуетъ русскому правительству покончить съ бюрократической опекой воспитательнаго періода и дать ходъ общественнымъ силамъ какъ въ государственной, такъ и церковной жизни, такъ какъ безличное состояніе церкви не можетъ быть выгоднымъ ни правительству, ни народу. Эта книга заставила о себѣ говорить. Печать признавалась, что въ ней содержится сущая правда. Предлагалось для уничтоженія бюрократизма замѣнить въ Сѵнодѣ чиновную іерархію лицами духовнаго сана [1]), говорили, что для устраненія вліянія чиновниковъ на ходъ сѵнодскихъ дѣлъ, дѣла должны изучаться и докладываться самими

[1]) „Новое Время“.

членами Сѵнода, и послѣдніе должны быть несмѣняемыми, чтобы быть независимыми въ своихъ мнѣніяхъ [1]). Нѣкоторые брали вопросъ глубже и говорили о необходимости измѣненія всего установившагося строя русской церкви. По этому вопросу появилась замѣчательная по основательности положеній, по горячей убѣжденности тона статья въ „Руси" 1882 г. того же Ив.-П. [2]): „О русскомъ церковномъ управленіи". Краснорѣчиво, смѣло и правдиво Ив.-П. изображаетъ наше церковное управленіе, какъ царство чиновниковъ, подавившее духовный пастырскій элементъ и исказившее древнія каноническія основы соборнаго управленія, гдѣ въ консисторіяхъ царятъ секретари, въ Сѵнодѣ какой-нибудь оберъ-секретарь или директоръ отдѣленія имѣетъ большее значеніе, чѣмъ синодальные члены, а глава сѵнодальнаго чиновничества оберъ-прокуроръ имѣетъ такую власть, какой не можетъ имѣть никакой патріархъ, ибо отъ него зависитъ направленіе всей церковной жизни, онъ оказываетъ такое вліяніе на самое состояніе или выраженіе ученія церковнаго, на сферу духовной науки и литературы, на внѣшнія отношенія къ другимъ церквамъ и исповѣданіямъ, что эпохи церковной жизни въ Россіи можно называть по оберъ-прокурорамъ.

Авторъ предлагаетъ для возвращенія къ нормальному каноническому устройству церкви приложеніе соборнаго и выборнаго началъ съ широкимъ участіемъ мірянъ. Онъ желаетъ возстановленія патріаршества и раздѣленія русской церкви на архіепископіи, епархіи, уѣздныя протоіерейства, благочинничества и приходы. Выборное начало съ участіемъ мірянъ должно распространяться не только на священниковъ, но и на архіереевъ, такъ какъ ослабленіе живой связи между высшими пастырями и паствами весьма много зависитъ отъ назначенія епископовъ и перемѣщенія ихъ безъ вѣдома и участія самихъ паствъ; представители приходскихъ общинъ должны принимать участіе на епархіальныхъ съѣздахъ при разсужденіяхъ о дѣлахъ, касающихся интересовъ всего церковнаго общества, каковы вопросы о возвышеніи вѣры и нравственности, благотворительности, религіознаго образованія и церковнаго хозяйства, при выборѣ членовъ консисторій на этихъ съѣздахъ, а также и при выборѣ благочинныхъ, которые, по проекту автора, должны имѣть значеніе только нравственныхъ руководителей.

Соборное начало должно выражаться, начиная съ низшихъ и кончая высшими сторонами церковнаго управленія. Должно установить приходскія собранія подъ предсѣдательствомъ священника не только для удовлетворенія нуждъ причта и храма, но и для обсужденія

[1]) „Новости".
[2]) „Русь", 1882 г. №№ 1—16.

нравственныхъ потребностей прихода. Подъ руководствомъ благочиннаго, на основаніи особыхъ правилъ, приходское собраніе можетъ выбирать себѣ священника; благочинный будетъ имѣть свои собранія; протоіерей—свои; должны быть возстановлены окружные соборы, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, и соборы цѣлой помѣстной церкви. Статья Ив.-П. нашла себѣ откликъ; въ той же „Руси“ появилось еще двѣ статьи, изъ которыхъ первая [1]) представляетъ замѣтку на разсужденія Ив.-П., а вторая [2]) самостоятельное изслѣдованіе. Да, положеніе вещей въ нашемъ церковномъ управленіи неестественно, и требуется въ немъ преобразованіе: священники должны быть непремѣнно избираемы самими прихожанами—это признаютъ оба автора. Первый изъ нихъ только боится бюрократизма и въ планѣ преобразованія Ив.-П. и требуетъ одного: провозглашенія принципа совершенной независимости церкви отъ государственной опеки, признанія церкви, какъ таковой, и совершеннаго прекращенія ея, какъ вѣдомства; онъ увѣренъ, что правильнаго кровообращенія въ организмѣ церкви можно достигнуть только однимъ путемъ, путемъ предоставленія ей полнѣйшей свободы духовной жизни. Но необходимо нужно, чтобы и пасомыхъ и пастырей охватилъ новый духъ, живое стремленіе къ новой жизни; тогда только и наступитъ время вырабатывать новыя формы церковной организаціи. Второй авторъ на-ряду съ другими реформами (переводъ на русскій языкъ пѣснопѣній, общее участіе въ нихъ міранъ и т. д.) прямо требуетъ свободнаго устроенія міранами приходовъ и того, чтобы у міранъ спросили, согласны ли они имѣть тѣхъ священниковъ, какихъ имѣютъ, если не согласны, то прямо этихъ священниковъ удалить.

Пусть только будетъ предоставлено церковной общинѣ право избранія и признанія своихъ пресвитеровъ—тогда не зачѣмъ будетъ прихожанамъ бѣжать и въ расколъ.

Такъ сочувственно отнеслась свѣтская печать къ постановленію Московскаго земскаго собранія. Не то мы находимъ въ духовной печати. Правда, и здѣсь зло бюрократизма въ русской церкви сознавалось, только, конечно, эта печать не могла такъ свободно выражаться насчетъ этого предмета, какъ выражалась печать свѣтская. „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ выражается, впрочемъ, въ этомъ отношеніи тоже правдиво и прямо. Онъ признаетъ [3]), что порабощеніе

---

[1]) „Русь“ 1882 г. № 18, „По поводу статей о русск. цер. управ.“ Д. Х.

[2]) „Что въ настоящее время болѣе всего и прежде всего нужно правосл. всеросс. церкви при возвращеніи ей ...подобающей силы, жизни и значенія“. „Русь“ 1882 г. №№ 42, 47.

[3]) Разумѣемъ обстоятельную статью: „Церковное правительство“, „Ц. О. Вѣстн.“ 1881 г. №№ 2—14.

церкви государствомъ, исторически сложившееся, ненормально, и что такого формализма, какъ въ нашей церковной жизни, нигдѣ нѣтъ,— ни въ церквахъ съ митрополичьимъ управленіемъ (церкви въ австрійскихъ владѣніяхъ и сербская), ни съ патріаршимъ, — главную пружину обоихъ управленій составляютъ соборы изъ представителей не только клира, но и мірянъ, ни съ сунодальнымъ, какъ въ Греціи, гдѣ нашего многописанія и формализма нѣтъ и слѣда; въ Сунодѣ мѣняются всѣ епархіальные архіереи, а не одни угодные кому-нибудь· Мѣры исправленія установившагося порядка вещей онъ предлагаетъ тѣ же, что и Ив.-П.: раздѣленіе церкви на 4 округа и введеніе соборовъ съ участіемъ мірянъ, а если этого нельзя, то, по крайней мѣрѣ, центръ тяжести управленія перенести изъ канцеляріи въ присутствіе Сунода, а неважныя дѣла передать въ вѣдѣніе благочинническихъ совѣтовъ или съѣздовъ духовенства. Такимъ образомъ, „Ц. О. Вѣстникъ“ какъ будто не прочь былъ допустить и мірянъ къ участію въ церковныхъ дѣлахъ. Но когда вопросъ объ этомъ московскимъ земствомъ былъ поставленъ рѣшительно и опредѣленно, когда оказалось, по выраженію „Ц. О. Вѣстника“, что „по странной ироніи судьбы тѣмъ правомъ, которое желали бы отнять у духовенства, намѣрены облагодѣтельствовать приходскую общину“ [1]), тогда „Ц. О. Вѣстникъ“, хотя и говорилъ, что предметъ ходатайства о правахъ прихода вещь желательная и духовенство должно радоваться этому, ибо перестанетъ для общества быть чужимъ, однако, нашелъ, что это ходатайство преждевременно, такъ какъ нужда въ сплоченіи общинъ не вошла въ общественное сознаніе. Журналъ ждетъ отъ исполненія постановленія прямаго вреда—развитія низкаго торга, пошлыхъ обязательствъ. Онъ гдѣ-то слышалъ, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ пытаются завести постановленіе священниковъ съ „заручными“ отъ прихожанъ и будто лучшіе люди отъ этого порядка стали оставаться въ тѣни, такъ какъ стыдятся ходить по міру, сбирать голоса и преимущество получаютъ беззастѣнчивые и невзыскательные пастыри. „Ц. О. Вѣстникъ“ открываетъ страницы для духовенства, — пусть оно выскажется по этому предмету [2]). Но мы не встрѣчаемъ на страницахъ этого органа голосовъ изъ духовенства. Горячо ратовавшее въ каждомъ номерѣ „Ц. О. Вѣстника“ за жалованье, за второбрачіе духовенства, за собраніе выборныхъ благочинныхъ съѣздовъ, оно теперь нашло „удобнѣе молчаніе“. Самъ „Ц. Об. Вѣстникъ“ рекомендовалъ, между прочимъ, въ случаѣ введенія выбора пастырей, при епископахъ устроить нѣчто вродѣ справочнаго бюро: желающіе идти во священники должны за-

---

[1]) „Ц.-О. Вѣстникъ“ 1881, № 64: „Толки о правахъ прихода“.

[2]) Ibid. № 100: „Избраніе пастырей приходской общиной“.

являть о томъ епископу (они должны имѣть аттестатъ высшаго учебнаго заведенія и никакъ не ниже средняго); нуждающіеся въ священникѣ и будутъ обращаться къ епископу. Журналъ требовалъ самаго строгаго контроля въ этомъ дѣлѣ со стороны епархіальной власти, замѣчая, что „ребенокъ не выбираетъ себѣ учителя".

За выборное начало среди духовенства, какъ мы видѣли, крѣпко стояли „Кіевскія епар. вѣдомости". Но этотъ органъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ избранія пастырей народомъ. Народъ при выборахъ, по разсужденію „Кіевск. епар. вѣд.", непремѣнно станетъ въ зависимость отъ кулаковъ и міроѣдовъ, отъ людей богатыхъ и власть имѣющихъ, которые будутъ пользоваться своимъ вліяніемъ не ко благу церкви. Зажиточные крестьяне и купечество имѣютъ вѣру только по внѣшности, а самомнѣніе громадное; духовенству придется терпѣть отъ чванства и охоты невѣжественныхъ богачей повеличаться и поломаться передъ образованными нищими; высшія нужды церкви выше ихъ разумѣнія. Въ доказательство непригодности выборнаго начала авторъ приводитъ случай злоупотребленія имъ въ исторіи и сваливаетъ недостатки русскаго духовенства былаго времени на это же выборное начало. „Церковный Вѣстникъ" деликатно устраняется отъ обсужденія „весьма труднаго и сложнаго вопроса объ участіи прихода, степени и формахъ этого участія въ выборѣ лицъ для священства и, сравнивая свое направленіе въ разрѣшеніи этого вопроса съ людьми, подвигающимися къ цѣли осторожно, тщательно осматривающими свой путь, совѣтуетъ не забывать, что въ этомъ отношеніи главенство должно принадлежать причту, и высказываетъ опасеніе, какъ бы при децентрализаціи церковнаго хозяйства приходовъ не забылись общецерковныя нужды. Прямымъ и рѣшительнымъ противникомъ выбора священниковъ прихожанами оказались „Моск. Церк. Вѣдомости". Здѣсь противъ избранія прихожанами священниковъ явились: статья Палимпсестова: „Приходская община и выборъ священнослужителей приходами" (читанная въ засѣданіи общества любителей духовнаго просвѣщенія 15 января 1881 г.) и рядъ статей проф. Заозерскаго.

Палимпсестовъ очень недоволенъ статьей Аксакова по поводу земскаго постановленія и особенно его мыслью, что при выборномъ началѣ черезъ приливъ народной религіозной стихіи упразднится мерзость запустѣнія, гнѣздящаяся на мѣстѣ святѣ. Онъ припоминаетъ въ этомъ случаѣ слова ап. Павла, который терпѣлъ „бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи" и утверждаетъ, что духовная связь и теперь существуетъ между пастырями и пасомыми „на доброй русской пажити", что причту нужно — дать только матеріальное обезпеченіе, а ничего инаго не требуется. Палимпсестовъ отводитъ глаза земства

на другіе вопросы: на распространяющееся пьянство, на торговлю въ воскресные дни, а отъ выборовъ священниковъ ничего добраго не ждетъ. Ссылка на востокъ, на Болгарію, по его мнѣнію, не имѣетъ значенія: мало ли тамъ, подъ турецкимъ игомъ, завелось дурныхъ обычаевъ, намъ подражать имъ не приходится. А Платонъ, митрополитъ московскій, потому поощрялъ избраніе священниковъ, что грамотныхъ людей было мало, будь бы онъ живъ теперь, дѣлать этого, по прорицанію Палимпсестова, онъ не сталъ бы. Священно-церковно-служительскія мѣста продаются тамъ, гдѣ „красуется оная роковая для русскаго народа надпись: распивочно и на выносъ", священники — очутились бы послѣдними рабами прихожанъ, — между прихожанами и епархіальною властью были бы постоянные раздоры: ученики въ семинаріи не станутъ учиться, потому что архіерей имъ не можетъ дать хорошаго мѣста,—вотъ какія ужасныя картины рисуются въ воображеніи Палимпсестова и которыя, будто бы, непремѣнно воплотятся въ дѣйствительность, дай только этимъ мужикамъ право принимать участіе въ избраніи себѣ священниковъ.

Заозерскій [1]) ставитъ вопросъ на каноническую почву и находитъ, что ходатайство о самоуправляющейся приходской общинѣ несогласно съ канонами, по коимъ ячейкою, изъ которой развивается церковная жизнь, служитъ не приходъ, а цѣлая епархія, церковное имущество составляетъ собственность самаго храма, какъ отдѣльнаго учрежденія, и должно состоять подъ высшимъ управленіемъ епископа. Избранія пастырей прихожанами, съ одной стороны, отрицать нельзя, а съ другой—вопросъ объ участіи паствы, какъ о правѣ, отъ нарушенія или удовлетворенія котораго зависѣла бы законность и дѣйствительность самаго рукоположенія, существеннаго значенія не имѣетъ. Мысль объ отчужденіи пастырей отъ пасомыхъ Заозерскій считаетъ мнимою выдумкою „жалкой современной прессы". Признавая существованіе выборнаго начала въ древней церкви, Заозерскій причиною его исчезновенія считаетъ во Вселенской церкви увеличивавшійся постепенно недостатокъ въ способныхъ людяхъ, отчего такой порядокъ обратился въ тяжкую и неудобоисполняемую обязанность. Такимъ этотъ порядокъ является и для нашего времени. Зачѣмъ выбирать, когда есть прямые способные кандидаты на священство семинаристы [2])?

---

[1]) Разумѣемъ статью: „Церковь и ея прихожане". „Моск. Цер. Вѣд." 1881 г. №№ 7—13.

[2]) Причиною уничтоженія выборнаго начала въ древней церкви Заозерскій считаетъ недостатокъ въ достойныхъ людяхъ. Но этотъ же недостатокъ въ русской церкви служилъ, по Палимпсестову, да такъ говоритъ и самъ Заозерскій („М. Ц. В." № 14, стр. 199) причиною введенія выборнаго начала. Странно!

Въ другой статьѣ [1]) Заозерскій утверждаетъ, что архіерей компетентнѣе въ дѣлахъ избранія пастыря, чѣмъ прихожане. Для участія послѣднихъ въ церковной жизни нѣтъ даже и почвы. Какими бы правами ни надѣлены были прихожане, никакого оживленія въ церковной жизни не произойдетъ; эти права скоро наскучатъ, отяготятъ наше общество или, еще хуже, здѣсь найдетъ для себя пріютъ кулачество. Причины этого объясняетъ Заозерскій свойствами русской религіозности: ея субъективнымъ характеромъ, тянущимъ человѣка къ уединенію, преобладаніемъ чувства надъ разсудкомъ. Вотъ отъ чего и зависитъ отсутствіе внутренней связи прихожанъ между собою.

Сама редакція „М. Ц. Вѣдомостей" также заявляетъ, что для интересовъ самой церкви было бы въ настоящее время гибельнымъ предоставить право избранія мірскому обществу, которое совершенно не можетъ выдѣлить изъ себя избирателей, способныхъ избрать достойнаго пастыря церкви [2]). Но православное русское общество думало не такъ: въ 1884 г. московское земское собраніе еще разъ высказалось, что въ установленіи избранія пастырей чувствуется великая нужда и прямая необходимость, въ печати снова поднялись толки по этому вопросу. Палимпсестовъ опять выступилъ съ своей статьей противъ выборнаго начала въ духовенствѣ, на этотъ разъ въ „Православномъ Обозрѣніи" (1884 г. январь). Въ этой апологіи установившагося порядка назначенія пастырей Палимпсестовъ не нашелъ ничего лучше, какъ сравнить священниковъ съ военнымъ начальствомъ, которое надъ солдатами командуетъ по назначенію свыше. Кромѣ этого новаго пріема, общій характеръ статьи тотъ же, что и другихъ: пророчествуются полное господство зелена-вина, парализація епископской власти, вообще такія послѣдствія, „что и злѣйшій врагъ русскаго народа не могъ бы преподнести ему бóльшаго зла".

Въ этомъ же году въ „Странникѣ" появились статьи Н. Маркова [3]), въ которыхъ снова пересмотрѣны историческія данныя по этому вопросу, ясно показывающія, что „во всемъ канонѣ древней церкви нѣтъ ни строчки, ни даже малѣйшаго намека на запрещеніе мірянамъ выбирать клириковъ, а напротивъ, довольно много свидѣтельствъ за это начало, — что оно въ древней церкви никогда не вымирало, перешло вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ на Русь, гдѣ и просуществовало до Петра I въ полномъ значеніи; въ качествѣ образца при-

[1]) „М. Ц. В." 81, № 30, „На чемъ основывается право мірскихъ людей на участіе въ дѣлахъ церковнаго управленія".

[2]) „М. Церк. Вѣд." 1882 г. № 5.

[3]) „Къ вопросу о выборномъ началѣ въ примѣненіи къ духовенству" и „Православный приходъ во владѣніяхъ Австро-Венгріи, его истор. и устройств."

мѣненія выборнаго принципа, разсказано устройство приходскихъ общинъ въ Пруссіи и въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ.

Но послѣ этого вопросъ о выборномъ началѣ затихъ... Противники его почувствовали себя побѣдителями, начальство было на ихъ сторонѣ и постановленія земствъ были оставляемы безъ послѣдствій. Правда, пріемы противники выборнаго начала употребляли иногда очень странные. Когда поднялся вопросъ о судебной реформѣ, — они явились жаркими поборниками церковныхъ каноновъ и утверждали, что церковные каноны для всѣхъ временъ и обстоятельствъ неизмѣнимы. Поднялся вопросъ о выборѣ священниковъ,—они стали говорить, что каноны за выборное начало, но по обстоятельствамъ полезнѣе ихъ не примѣнять. Затѣмъ, доказывая, что выборъ священниковъ поведетъ къ нравственному упадку духовенства, такъ какъ станутъ выбирать худшихъ, въ то же время пѣли диѳирамбы (напр., Палимпсестовъ) древне-русскому духовенству, — „оно-де вынесло на своихъ плечахъ русскій народъ изъ всѣхъ нравственныхъ и политическихъ неурядицъ“. А вѣдь духовенство тогда было выборное.

Защитники выборнаго начала тоже замолчали, убѣдившись, что всѣ ихъ доказательства были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

И осталось въ концѣ концовъ все по-старому. Крестьянская пословица: „Кто ни попъ, тотъ и батька“ и теперь въ полной силѣ; пѣніе въ третій разъ „ἄξιος“ при посвященіи священника и „повелите“, относящіяся къ прихожанамъ и долженствующія имѣть глубокое значеніе торжественнаго признанія прихожанами своего пастыря—не имѣютъ теперь никакого внутренняго значенія и служатъ только свидѣтелями лучшаго древняго порядка. По-прежнему, въ видѣ наказанія, буяна или пьяницу ссылаютъ въ бѣдный приходъ, не задаваясь вопросомъ, кого наказываютъ больше въ этомъ случаѣ — священника или ни въ чемъ неповинныхъ прихожанъ?

На долго ли? Мы видѣли, что вопросъ о выборномъ началѣ въ примѣненіи къ духовенству стоялъ въ тѣсной зависимости отъ общаго направленія русской жизни.

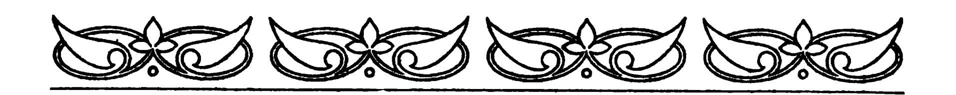
Эта зависимость обнаруживается и въ наши дни. Какъ только въ обществѣ опредѣленно обнаружилась борьба съ бюрократизмомъ и назрѣла идея общественной самодѣятельности, такъ, параллельно съ этимъ, снова всталъ вопросъ и объ обновленіи церковной жизни. Та же связь даннаго вопроса съ общимъ характеромъ русской общественной жизни даетъ надежду, что на этотъ разъ онъ не заглохнетъ.

Противники участія паствы въ выборѣ для себя священниковъ и въ другихъ сторонахъ церковно-приходской жизни вѣскимъ доказательствомъ выставляли то, что нужда такого участія не вошла въ

сознаніе общества. Но, во-первыхъ, противъ этого утвержденія говоритъ уже одно множество горячихъ голосовъ за выборное начало, а во-вторыхъ, если бы дожидаться, напримѣръ, чтобы въ сознаніе всего русскаго народа вошла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, то крестьяне еще долго-долго послѣ 1861 г. не были бы освобождены.

П. Щукинъ.

Заграничныя замѣтки.

Политическіе нравы Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Быстрый ростъ капитализма и связанный съ этимъ пышный расцвѣтъ промышленности и торговли, наблюдавшіеся въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ истекшемъ столѣтіи, оказали самое пагубное вліяніе на политическіе нравы этой заатлантической республики.

Начавшаяся повсемѣстно бѣшеная погоня за наживой наложила на американское общество свою роковую печать и выразилась въ упадкѣ тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые одушевляли свободныхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, еще въ то время, когда извѣстный французскій писатель Токвиль, изучавшій демократическія учрежденія Америки, отозвался о нихъ съ такимъ восторгомъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „La democratie en Amérique“, которое появилось въ 1840 г. и произвело въ свое время огромную сенсацію въ Европѣ и въ Америкѣ.

Истинная демократія, осуществившая на практикѣ принципы свободы и равенства, вызвала самые восторженные отзывы знаменитаго писателя; но та честность, неподкупность, желѣзная сила воли, упорство въ достиженіи цѣли и стойкость въ убѣжденіяхъ, которыя онъ такъ горячо привѣтствовалъ, отошли теперь въ область преданій; ихъ мѣсто заступили продажность, взяточничество, всевозможные пороки и преступленія, которые по свидѣтельству лицъ, изучающихъ современные политическіе нравы Америки, прогрессируютъ съ изумительной быстротою.

Здоровый нѣкогда, жизненный государственный организмъ зараженъ язвою, которая грозитъ охватить всю страну; въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты представляютъ весьма любопытную и поучительную картину, свидѣтельствующую о томъ, какое пагубное

[1]) Le Banditisme politique aux Etats-Unis. L. de Norvins. (La Revue. 1-er novembre 1905). La curruption Municipale aux Etats-Unis. Caude Anet. (La Nouvelle Revue, 1-er janvier 1906.)

вліяніе оказываютъ на политику деньги и какіе пути избираетъ промышленная демократія въ своей общественной дѣятельности.

Въ силу особенностей американской жизни, занятіе политикой является для гражданъ Соединенныхъ Штатовъ такимъ же промысломъ, какъ всякая иная доходная дѣятельность. Партійныя организаціи являются поэтому крайне своекорыстными, и это отражается на всемъ складѣ американской политической жизни.

На этой почвѣ развился особый типъ продажнаго, своекорыстнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всесильнаго „дѣльца", такъ называемаго boss, отличительную черту котораго составляютъ величайшій цинизмъ и лицемѣріе, соединенные, разумѣется, съ умомъ; нужно удивляться таланту, ловкости, можно сказать, геніальности, съ какой эти политическіе дѣятели умѣютъ достигнуть власти, которая является для нихъ синонимомъ безконтрольной наживы и обогащенія. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ Америкѣ борьба трудна, ибо она происходитъ на виду у всѣхъ, а свободная, независимая и неподкупная пресса энергично нападаетъ на преступныхъ чиновъ администраціи и при малѣйшей оплошности ихъ арестуютъ, предаютъ суду и заключаютъ въ тюрьму. Тѣмъ не менѣе продажность даетъ себя чувствовать повсемѣстно: явленіе это не подлежитъ сомнѣнію, оно засвидѣтельствовано многочисленными авторитетными и заслуживающими полнаго довѣрія писателями, каковы: Линкольнъ, Стеффенсъ, авторъ сенсаціоннаго сочиненія „The Shame of Cities" (Позоръ городовъ), Рей Стандартъ, Бэкеръ и др.

По свидѣтельству этихъ компетентныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей, „нравственная испорченность охватила всѣ классы американскаго общества, принципы не ставятся болѣе ни въ грошъ, частная и общественная собственность не уважаются, вся американская республика проникнута въ настоящее время до мозга костей хищнической погоней за наживой, которая грозитъ подорвать народное благосостояніе".

„Мы составляемъ въ денежномъ отношеніи центръ всего міра", пишетъ предсѣдатель суда штата Делавэръ, Чарльзъ Лоо (Lowe). „Это положеніе вызвало ненасытную жажду золота, со всѣми связанными съ этимъ послѣдствіями. Мы находимся во власти аферистовъ, которые привили гражданамъ этой нѣкогда осторожной и сдержанной страны страсть къ безумной спекуляціи. Мы видимъ, что предпріятія, стоющія на худой конецъ нѣсколько тысячъ долларовъ, пользуясь бѣшеной рекламой, доводятъ свой активъ до милліоновъ и милліардовъ долларовъ. Эти предпріятія основаны на колоссальномъ обманѣ довѣрчивой публики. Самые крупные наши финансисты изощряютъ свои умственныя способности на то, какъ обойти законъ

и обмануть людей; они наживаютъ огромныя состоянія, всячески стараясь избѣжать суда и тюрьмы. Такъ какъ подобныя дѣйствія проходятъ безнаказанно, то неудивительно, что вся страна соблазняется ихъ примѣромъ и что всѣ перестаютъ уважать законъ".

„Правительство обязано прежде всего", говоритъ другое, не менѣе авторитетное лицо, „защищать жизнь и имущество гражданъ. Но что можно ожидать отъ людей, которые добиваются избранія не для того, чтобы честно исполнять свой долгъ, а для того, чтобъ обирать своихъ избирателей? что можно ожидать отъ полиціи, которая сама большею частью виновна въ воровствѣ? Можетъ ли она защитить отъ преступленій, въ которыхъ она сама замѣшана сплошь и рядомъ? „Какое довѣріе можно питать къ людямъ, которые заботятся только о своихъ личныхъ выгодахъ и опустошаютъ казну для удовлетворенія своихъ ненасытныхъ аппетитовъ?" и далѣе: „управленіе почти всѣхъ безъ исключенія штатовъ находится въ рукахъ преступной олигархіи, которая захватила въ свои руки все, внося заразу и испорченность во всѣ отрасли общественной жизни".

Газеты и журналы переполнены эпизодами борьбы, происходящей между независимыми гражданами Соединенныхъ Штатовъ и шайкой тѣсно сплотившихся политиковъ, образующихъ такъ называемый ring.

Благодаря разоблаченіямъ и энергичнымъ дѣйствіямъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ личностей, честность водворяется временно въ администрацію отдѣльныхъ штатовъ и въ ихъ муниципалитеты, но въ большинствѣ случаевъ торжествуютъ продажные, своекорыстные хищники, вліяніе которыхъ поддерживается тѣмъ, что на ихъ сторонѣ обыкновенно находится низшій классъ населенія, безсознательная чернь и разныя промышленныя общества, желѣзнодорожныя и трамвайныя компаніи, поставщики и т. п., которымъ удобнѣе имѣть дѣло съ человѣкомъ, коего можно подкупить, нежели съ честными людьми, энергично защищающими интересы города или штата.

Справедливость сказаннаго можетъ быть иллюстрирована нѣсколькими примѣрами. Особенно характерны въ этомъ отношеніи порядки, установившіеся въ муниципальныхъ управленіяхъ Питтсбурга и Филадельфіи въ штатѣ Пенсильванія, гдѣ организація казнокрадства доведена до высшей степени виртуозности и, несмотря на то, что случаи расхищенія городской казны всѣмъ извѣстны, и всѣ знаютъ куда идутъ общественныя деньги, граждане съ изумительнымъ индифферентизмомъ подаютъ при выборахъ голосъ за тѣхъ самыхъ людей, которые ихъ эксплоатируютъ.

Надобно замѣтить, что въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, города получаютъ свое юридическое бытіе путемъ спеціальной хартіи... За-

конноположенія о городскихъ учрежденіяхъ измѣняются не только по отдѣльнымъ штатамъ, но и въ предѣлахъ штата; одинъ и тотъ же городъ имѣетъ нерѣдко нѣсколько хартій. Только за послѣднія десятилѣтія въ Сѣверной Америкѣ явилась потребность ввести большее единство въ городскомъ управленіи и хоть отчасти упорядочить городское хозяйство.

Какъ и въ парламентскихъ англійскихъ городахъ прежняго времени политика является главнымъ предметомъ заботъ городскихъ дѣятелей; дѣла собственно мѣстныя забрасываются и приходятъ въ разстройство, должности по городскому управленію достаются лишь партизанамъ господствующей въ странѣ партіи, а для того, чтобы держать этихъ лицъ въ рукахъ, городскіе дѣятели нуждаются постоянно въ деньгахъ и предаются самому беззастѣнчивому взяточничеству и расточительности.

Типичнымъ представителемъ этихъ современныхъ политическихъ дѣятелей былъ Мэджи (Magee), цѣлыхъ двадцать лѣтъ стоявшій во главѣ городскаго управленія гор. Питтсбурга и сумѣвшій не только сохранить въ теченіе столь долгаго періода безконтрольную власть надъ своими согражданами, но даже снискать любовь противниковъ, которые, составляя ему оппозицію изъ принципа, находили, что это человѣкъ очаровательный, котораго нельзя не любить.

Такимъ образомъ Мэджи благополучно разрѣшилъ трудную задачу: обогатиться на счетъ Питтсбурга и въ то же время быть обожаемымъ Питтсбургомъ.

Когда онъ умеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его оплакивалъ весь городъ; скорбь по поводу его кончины выразилась не одними словами: немедленно была открыта подписка на сооруженіе памятника этому „благодѣтелю города" и въ короткое время было собрано 150 т. франковъ для увѣковѣченія его памяти.

Этотъ удивительный человѣкъ, обладавшій искусствомъ покорять сердца, былъ всегда готовъ оказать услугу, похлопотать за другихъ, лишь бы ему не мѣшали обдѣлывать свои дѣлишки.

Получивъ, благодаря протекціи своего дяди, скромное мѣсто въ городскомъ управленіи, когда ему было всего двадцать лѣтъ, Мэджи, какъ человѣкъ умный и энергичный, не удовольствовался ролью скромнаго служащаго и, убѣдившись въ своемъ умѣніи завоевывать симпатіи, что̀ обнаружилось на первыхъ же выборахъ, когда онъ былъ избранъ большинствомъ голосовъ на отвѣтственную должность кассира, онъ рѣшилъ сдѣлаться дѣловикомъ, boss'омъ. Съ цѣлью основательно подготовиться къ этой роли, онъ отправился въ Филадельфію, гдѣ нѣкоторыя лица славились издавна умѣньемъ наживаться на счетъ общества; тамъ онъ подробно ознакомился съ ихъ дѣятельностью, а

затѣмъ отправился въ Нью-Іоркъ, гдѣ въ то время сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда, извѣстный мѣстный „дѣлецъ“ Гвидъ. Ознакомленіе со всѣми подробностями его дѣла принесло Мэджи огромную пользу. Возвратясь въ Питтсбургъ, онъ выработалъ, на основаніи собранныхъ фактовъ, цѣлую систему дѣйствій, при помощи которыхъ онъ грабилъ городъ такими же вѣрными и надежными средствами, какими управляется какой-нибудь банкъ или торговое предпріятіе.

Въ Питтсбургѣ, въ силу его муниципальной хартіи, власть сосредоточивалась въ рукахъ двухъ совѣтовъ. Мэджи занялся прежде всего организаціей по-районныхъ выборовъ; убѣдившись въ томъ, что легче подкупить совѣтниковъ, чѣмъ избирателей, онъ самъ выбралъ членовъ совѣтовъ, взявъ ихъ изъ низшаго класса населенія, чтобы они находились отъ него въ полной зависимости. Вообще, онъ старался жить съ демократами въ добромъ согласіи. Подмѣтивъ въ демократическихъ комитетахъ какого-нибудь квартала умнаго, способнаго главаря, онъ приглашалъ его къ себѣ, предлагалъ ему мѣсто, покровительство, давалъ денегъ и тѣмъ привязывалъ его къ себѣ.

Наконецъ, рѣшивъ, что легче управлять городомъ вдвоемъ, нежели одному, онъ нашелъ себѣ помощника, въ лицѣ подрядчика Вилліама Флинна. Энергія, съ какою эти господа взялись за дѣло, достойна удивленія, но еще удивительнѣе то, какъ они сумѣли дѣйствовать безъ всякаго риска и подъ охраною закона. Флиннъ былъ, какъ мы уже сказали, подрядчикъ; онъ сталъ брать подряды на общественныя работы: мостилъ улицы, покрывалъ ихъ асфальтомъ, разбивалъ парки, поставлялъ рельсы для конокъ. У него же была каменоломня. Само собою разумѣется, въ контрактахъ, заключаемыхъ городомъ, появилась оговорка, что городскія постройки должны возводиться изъ извѣстной породы камня—и камень этотъ, тотъ самый, который добывается въ каменоломнѣ Флинна.

Самъ Мэджи занимался денежными операціями, велъ переговоры съ желѣзнодорожными и трамвайными компаніями, вносилъ общественныя деньги на храненіе въ банки, гдѣ у него были друзья, не требуя за нихъ процентовъ, за чтò банкиры, въ свою очередь, покровительствовали его предпріятіямъ.

Къ услугамъ Мэджи и Флинна явились синдикаты, играющіе въ американской жизни огромную роль.

Между прочимъ, былъ образованъ синдикатъ для наблюденія за домами терпимости. Синдикатъ нанималъ маленькій домикъ за 175 фр. въ мѣсяцъ и отдавалъ отъ себя въ наемъ какой-нибудь женщинѣ за 200—250 фр. въ недѣлю, при чемъ содержательница дома обязывалась покупать мебель, не иначе, какъ въ извѣстномъ магазинѣ;

точно также съѣстные припасы, одежда и т. п. могли пріобрѣтаться ею только у оффиціальныхъ представителей синдиката. Можно себѣ представить, какіе огромные барыши получалъ синдикатъ отъ этихъ несчастныхъ и остается только преклоняться передъ искусствомъ Мэджи, который получалъ отъ синдиката деньги изъ рукъ въ руки, такъ что его никакъ нельзя было изобличить въ томъ, что онъ дѣйствовалъ незаконно и обижалъ содержанокъ.

Въ концѣ концовъ, Мэджи страшно разбогатѣлъ и умеръ, уважаемый своими согражданами, хотя ни для кого не было тайною, какимъ путемъ было нажито его состояніе, и все это оказывается возможнымъ при полной свободѣ прессы. По истинѣ американская жизнь представляетъ не мало любопытнаго и не поддающагося объясненію, съ точки зрѣнія европейца.

Не менѣе любопытно то, что происходитъ въ Филадельфіи, одномъ изъ старѣйшихъ городовъ Америки, который былъ колыбелью американскаго патріотизма во время войны за освобожденіе.

„Это городъ чисто американскій“, пишетъ въ своемъ трудѣ „The Shame of Cities“ Линкольнъ Стеффенсъ, много занимавшійся послѣдніе годы разоблаченіемъ злоупотребленій, царствующихъ въ городскихъ управленіяхъ Соединенныхъ Штатовъ. „Говоря о причинахъ этого явленія, нельзя въ данномъ случаѣ ссылаться на ненормальный, слишкомъ быстрый ростъ города, на приливъ иностраннаго элемента; Филадельфія—городъ чисто американскій, а между тѣмъ лихоимство и казнокрадство издавна свили себѣ гнѣздо въ его муниципальномъ управленіи, и тогда какъ другимъ городамъ удалось стряхнуть съ себя иго „дѣловиковъ“, Филадельфія не сдѣлала къ этому ни малѣйшей попытки“.

„Явные и всѣмъ извѣстные воры и грабители остаются у власти, благодаря широко организованному мошенничеству при выборахъ, возведенному тутъ въ принципъ и сдѣлавшемуся орудіемъ управленія. Нигдѣ избирательное мошенничество не проводится столь искусно. Въ Филадельфіи участвуютъ въ выборахъ всѣ, кромѣ самихъ филадельфійскихъ гражданъ. Это не преувеличеніе. Всѣ честные граждане Филадельфіи давно уже помирились съ этимъ. Всѣ тѣ, кои простодушно идутъ на выборы, получаютъ одинъ отвѣтъ, что они уже подали свой голосъ и могутъ отправиться по домамъ. Къ избирательнымъ урнамъ допускаются лишь тѣ, кои поддерживаютъ мошенниковъ, сплоченныхъ въ хорошо организованную шайку или ring.

„Членъ муниципальнаго совѣта, составляющій списки избирателей, само собою разумѣется, состоитъ въ ring'ѣ; всѣ лица, дающія указанія при составленіи этихъ списковъ, суть представители той же шайки, ни мало не стѣсняясь, они составляютъ эти списки по своему

усмотрѣнію, поименовывая въ нихъ не только живыхъ и мертвыхъ, но и дѣтей, и лицъ, никогда не существовавшихъ" и т. п.

„Одинъ господинъ разослалъ предъ выборами заказныя письма всѣмъ выборщикамъ своего участка и что же? изъ ста писемъ 63 были ему возвращены съ надписью: „умеръ", „неизвѣстенъ", „выбылъ". Изъ одного дома, въ которомъ значилось 44 выборщика, онъ получилъ обратно 41 письмо". Это напоминаетъ „мертвыя души" Гоголя. Для того, чтобы никто не могъ оспаривать правильность записокъ, опускаемыхъ въ урны, этими „мертвыми душами", служащіе, обязанные наблюдать за избирателями, назначаются ring'омъ; полицейскіе, которые по закону не должны подходить къ урнамъ ближе, какъ на разстояніе 10 метровъ, стоятъ тутъ же, подлѣ урны, чтобы поддержать тѣхъ, кои опускаютъ въ нее по двѣ, по три записки. Для обозначенія такихъ господъ создалось даже особое названіе „repeaters" (повторители), и эти „повторители" переходятъ изъ одного отдѣленія въ другое, ради приличія мѣняясь иногда платьями и шляпами. Благодаря этой системѣ, шайка дѣльцовъ располагаетъ всегда подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Честные граждане Филадельфіи не интересуются городскими дѣлами; пользуясь по закону избирательнымъ правомъ, они фактически лишены его и какъ бы приравнены въ этомъ отношеніи къ неграмъ, которые въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ не допускаются къ избирательнымъ урнамъ".

„Можетъ ли демократія быть честна? вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ американскіе граждане", говоритъ Стеффенсъ, сопоставляя рядъ подобныхъ фактовъ.

Въ послѣдніе годы, въ Соединенныхъ Штатахъ началась энергичная борьба противъ этой язвы, пустившей уже глубокіе корни въ американскіе нравы и противъ группы дѣльцовъ-мошенниковъ, живущихъ и богатѣющихъ на счетъ государственной и общественной казны, ведется энергическая кампанія журналистами и частными лицами.

Разоблаченія, которыми полна вышеупомянутая книга Стеффенса и сочиненія другихъ современныхъ американскихъ писателей,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что обнаружилось за послѣднее время въ Санъ-Франциско.

Столица Калифорніи существуетъ не много болѣе 50 лѣтъ. Еще въ 1846 г. это былъ незначительный портъ, принадлежавшій Гудзонской компаніи, но въ этомъ году американцы обратили вниманіе на чрезвычайно выгодное географическое положеніе бухты, при которой лежало поселеніе, и оно стало такъ быстро развиваться, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ число его жителей увеличилось въ шесть разъ; городъ сталъ рости еще быстрѣе, когда въ 1848 г.,

по сосѣдству съ портомъ были открыты въ Сіерра-Невадѣ богатыя золотыя розсыпи. Какъ только объ этомъ разнеслась вѣсть, изъ Европы хлынулъ въ новое американское Эльдорадо потокъ переселенцевъ и въ пять лѣтъ, съ 1849—1854 г., на мѣстѣ прежнихъ лачугъ возникъ монументальный городъ съ 60.000 жителей, у которыхъ была одна мысль: нажить деньги (make money). Поэтому въ члены городскаго управленія, въ главѣ котораго стояли мэръ и альдермены, выбирали всевозможныхъ искателей, которые либо щедрѣе другихъ угощали выборщиковъ спиртными напитками, либо паясничали передъ толпою, добиваясь популярности. Съ теченіемъ времени эти рыцари темной наживы распались на двѣ партіи, изъ коихъ одна хотѣла мирно работать и богатѣть, а другая продолжала грабить и убивать. Ожесточенная борьба, завязавшаяся между ними, ознаменовалась крупными волненіями, во время которыхъ едва не погибли въ пламени роскошные дворцы и отели милліонеровъ. Наконецъ, пять лѣтъ тому назадъ, подъ давленіемъ трудящихся классовъ, было рѣшено издать для Санъ-Франциско новую хартію, первымъ послѣдствіемъ которой должно было явиться оздоровленіе города въ соціальномъ отношеніи.

Напрасная надежда. Городское управленіе снова попало въ руки дѣльцовъ и политикановъ, которые открыто нарушаютъ законъ и покровительствуютъ воровству и грабежамъ.

Во главѣ этихъ лицъ стоитъ извѣстный „дѣлецъ“ (boss) Руефъ, величайшій циникъ, относящійся съ презрѣніемъ къ общественному мнѣнію; ему сильно повинуются мэръ и альдермены; отъ него находятся въ зависимости судъ, полиція и всѣ остальныя отрасли общественнаго управленія. Такимъ образомъ, онъ является безконтрольнымъ хозяиномъ Санъ-Франциско и, благодаря ему, муниципальное управленіе этого города представляетъ собою настоящее разбойничье гнѣздо. Никакое мѣсто, какъ бы ничтожно оно ни было, не дается безъ его согласія, никакая ассигновка, какъ бы незначительна она ни была, не выдается безъ его утвержденія, при-чемъ онъ взимаетъ за все болѣе или менѣе значительную плату, такъ что городское управленіе гор. Санъ-Франциско уподобляется чудовищной піявкѣ, высасывающей кровь изъ горожанъ; выгодами отъ всѣхъ этихъ продѣлокъ пользуется, главнымъ образомъ, одинъ человѣкъ: „дѣлецъ“ Руефъ. Преданный ему душой и тѣломъ мэръ города, Шмитцъ, поддерживаетъ его грозной силой рабочихъ синдикатовъ; деспотизмъ этихъ синдикатовъ, дѣйствующихъ за-одно съ городскимъ управленіемъ, виситъ надъ городомъ, послѣднія пятнадцать лѣтъ, подобно дамоклову мечу. Предъявляя всевозможныя требованія, которыя поддерживаются забастовками, эти синдикаты наносятъ огромный ущербъ промышленности.

Исторія этихъ забастовокъ и стачекъ весьма поучительна; она доказываетъ, что, когда въ республикѣ рабочая партія является не защитницей соціальныхъ интересовъ и двигательницей соціальнаго прогресса, а служитъ оружіемъ въ рукахъ тѣхъ лицъ, кои только стремятся эксплоатировать силу, то она этимъ вредитъ себѣ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Первая большая забастовка въ Санъ-Франциско была забастовка литейщиковъ. Она продолжалась два года; фабриканты держались стойко такъ же, какъ рабочіе. Къ забастовкѣ примкнули ломовые извозчики, кондуктора, синдикаты рабочихъ торговаго флота и т. д. Вслѣдствіе закрытія заводовъ свыше 30.000 рабочихъ остались продолжительное время безъ работы и многіе изъ нихъ стали на работу на худшихъ, нежели прежде, условіяхъ. Забастовка сопровождалась убійствами, поджогами и всевозможными звѣрствами со стороны забастовщиковъ, противъ которыхъ полиція оказалась безсильна.

Во всѣхъ этихъ волненіяхъ чувствовалась рука мэра Шмитца, котораго подстрекалъ Руефъ.

Невольно рождается вопросъ, что побуждало этихъ лицъ вызывать столь обостренныя отношенія, доведшія фабрикантовъ до огромныхъ потерь, а рабочихъ до нищеты и голода? Отвѣтить на это нетрудно. Всякій „дѣлецъ" и политиканъ заботится исключительно о поддержаніи своего вліянія, которое можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, когда онъ можетъ располагать на муниципальныхъ выборахъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, чтобы проводить въ городское управленіе своихъ сторонниковъ.

Для достиженія этой цѣли онъ имѣетъ вражду между фабрикантами и рабочими, подстрекаетъ послѣднихъ къ забастовкамъ, поддерживаетъ забастовщиковъ на средства забастовочнаго фонда, подыскиваетъ адвокатовъ, которые берутся защищать ихъ, а въ нужный для него моментъ оплачиваетъ этихъ недовольныхъ и озлобленныхъ людей, которыхъ онъ самъ подстрекалъ къ борьбѣ, создаетъ изъ нихъ цѣлую армію, которая идетъ, какъ одинъ человѣкъ туда, куда онъ ей прикажетъ, и дѣйствуетъ по его указкѣ.

Дѣятельнымъ помощникомъ Руефа является мэръ г. Санъ-Франциско, Шмитцъ, который по новой хартіи имѣетъ огромную власть. Отъ него зависитъ назначеніе всѣхъ служащихъ въ городское управленіе.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какимъ путемъ дѣйствуютъ эти и имъ подобныя лица и какъ они наживаютъ деньги.

Въ Санъ-Франциско, несмотря на строгое запрещеніе закона, процвѣтаютъ азартныя игры, тайные игорные притоны содержатся въ одномъ изъ кварталовъ города китайцами, которые платятъ Руефу

за укрывательство 2.000 долларовъ въ недѣлю, т. е. болѣе полмилліона въ годъ. Мэръ, дѣлая видъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, посылаетъ еженедѣльно производить обыскъ въ подозрительномъ кварталѣ. Полицейскіе появляются въ игорныхъ домахъ, но никогда не застаютъ тамъ ни игроковъ, ни картъ, ни даже традиціонныхъ зеленыхъ столовъ. Руефъ, предупрежденый мэромъ о томъ, въ которомъ часу будетъ произведенъ обыскъ, сообщаетъ это по телефону содержателю игорнаго дома, а разъ что никакихъ вещественныхъ уликъ не найдено, кто же осмѣлится привлечь его къ суду?

Такимъ образомъ, полмилліона франковъ остается въ карманѣ Руефа, который дѣлится съ мэромъ и другими сообщниками.

Страсть ко всякаго рода азартнымъ играмъ въ крови жителей Санъ-Франциско съ самаго основанія этого города. Пріѣзжему стоитъ только спросить у перваго встрѣчнаго (хотя бы у полицейскаго), гдѣ находится по близости игорный домъ, и ему тотчасъ укажутъ таковой. Мелкіе служащіе, получающіе грошовое жалованье, тратятъ добрую его половину на азартную игру и на разные пари, кончая нерѣдко жизнь самоубійствомъ.

Состязанія, устраиваемыя атлетическими клубами, пользуются огромными успѣхами только потому, что это даетъ возможность держать пари за того или другаго борца. Листки спортменскихъ обществъ расходятся въ тысячахъ экземпляровъ, и все это поощряется городскимъ управленіемъ, такъ какъ это доставляетъ доходъ мэру и Руефу и помогаетъ имъ набивать свой кошелекъ.

Они получаютъ, кромѣ того, до 50.000 долларовъ въ годъ отъ проституціи. Въ томъ же китайскомъ кварталѣ построенъ огромный, четырехъэтажный домъ съ 150 комнатами, на подобіе извѣстныхъ „чайныхъ домовъ“. Этотъ „дворецъ проституціи“, пользующійся особымъ покровительствомъ мэра, потому что онъ „централируетъ“, по его словамъ, „надзоръ за этимъ соціальнымъ бичемъ“, не могъ бы существовать, если бы судьи не были такъ же продажны, какъ и прочія должностныя лица. Всѣ жалобы, предъявляемыя къ владѣльцу этого дома, остаются неудовлетворенными, такъ какъ ни самъ владѣлецъ, ни его имущество не могутъ быть арестованы, по той причинѣ, что „онъ проживаетъ въ Мексикѣ“ и, слѣдовательно, „недосягаемъ“ для правосудія. Такимъ образомъ развратъ процвѣтаетъ подъ покровительствомъ самого муниципалитета.

Немалый доходъ доставляетъ „дѣльцамъ“ также продажа порнографическихъ открытыхъ писемъ. Разумѣется, эта торговля строго запрещена закономъ; противъ него энергично возстаютъ пресса, разныя духовныя конгрегаціи и проповѣдники, но городское управленіе, объявляя себя „защитникомъ общественной нравственности“, не при-

нимаетъ никакихъ мѣръ, чтобы воспретить выставку самыхъ безобразныхъ порнографическихъ картинокъ, которыя лежатъ въ витринахъ писчебумажныхъ и иныхъ магазиновъ, чуть не у дверей школы; существуютъ даже спеціальные, всѣмъ доступные магазины, торгующіе этимъ товаромъ.

Продажная администрація Санъ-Франциско имѣетъ еще одинъ источникъ дохода—это, такъ называемые, „подземные гроты" — мѣсто оргій и разврата, превосходящее все, что намъ извѣстно о знаменитомъ кварталѣ древняго Рима Suburana, который населяли: гладіаторы, мимы, цирюльники, воры, мошенники, вообще подонки общества. Эти „гроты" принадлежатъ къ такъ называемымъ „Concert-halls", концертнымъ заламъ, въ нижнемъ этажѣ коихъ они помѣщаются. Не далѣе, какъ въ началѣ истекшаго года въ Farwell Street'ѣ помѣщался такой притонъ, подъ названіемъ Бельведеръ, въ которомъ происходили столь гнусныя ночныя оргіи, что самъ Шмитцъ былъ вынужденъ закрыть его. Но другія, подобныя же заведенія процвѣтаютъ по-прежнему по сосѣдству.

Изъ этого бѣглаго очерка видно, что мошенничество и эксплоатація населенія организованы въ Соединенныхъ Штатахъ удивительно искусно, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока избирательныя урны будутъ находиться въ распоряженіи всесильныхъ „дѣльцовъ", которые проводятъ въ городское управленіе угодныхъ имъ кандидатовъ.

Время отъ времени имъ приходится жертвовать кѣмъ-нибудь изъ своихъ клевретовъ, чтобы опровергнуть распространенное мнѣніе, что „муниципальные выборы представляютъ изъ себя не что иное, какъ болѣе или менѣе ловкіе фокусы".

Такъ, напр., въ истекшемъ 1905 году, разыгралась слѣдующая исторія: адвокатъ Уилэнъ и его сынъ, заподозривъ Маестретти, правую руку мэра, въ томъ, что онъ допускалъ при выборахъ злоупотребленія, рѣшили наблюдать за урнами и вскорѣ убѣдились, что ихъ подозрѣнія правильны.

Двое довѣренныхъ лицъ Маестретти, Виманъ и Стеффенсъ, на глазахъ Уилэна положили въ урну каждый по два бюллетеня, одинъ за себя, а другой за подставное лицо. Пойманные съ поличнымъ, они должны были сознаться въ своей продѣлкѣ, и ихъ пришлось волей-неволей посадить въ тюрьму.

Другая креатура „дѣльцовъ", Эдвардъ Смитъ, похитившій изъ городской кассы 400.000 фр., помѣстилъ ихъ въ банкѣ, откуда онъ черпалъ ихъ деньги, не стѣсняясь. Онъ избѣгнулъ бы, вѣроятно, всякаго наказанія, если бы въ ту сессію во главѣ присяжныхъ не стоялъ человѣкъ высокой честности. Смитъ былъ приговоренъ на десять лѣтъ въ каторжныя работы.

Приведенные выше и многіе другіе факты всѣмъ извѣстны, о нихъ много писали въ калифорнійскихъ журналахъ, но многое остается необнаруженнымъ и безнаказаннымъ.

Въ послѣднее время произвело не мало шуму дѣло о похищеніи документовъ изъ статистическаго бюро министерства земледѣлія.

Въ это бюро доставляются свѣдѣнія о состояніи урожая. Свѣдѣнія эти считаются секретными. Сообщая ихъ спекуляторамъ, можно вліять на операцію торговой биржи, напр., на цѣны хлопка, и вызывать этимъ пагубную для рынка спекуляцію.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1905 года одинъ служащій въ бюро статистическаго отдѣла былъ уволенъ статсъ-секретаремъ Вильсономъ за кражу документовъ, которые были имъ сообщены маклерамъ. Произведенное, по требованію президента Рузевельта, строжайшее слѣдствіе обнаружило, что подобнаго рода сообщенія дѣлались за послѣдніе годы такъ часто, что они приняли характеръ вполнѣ организованныхъ правильныхъ сношеній между маклерами и служащимъ въ городскомъ управленіи.

Несмотря на все стараніе Рузевельта, дѣло было замято, но оно до того взволновало общество, что правительство поспѣшило заявить, что для устраненія подобныхъ злоупотребленій немедленно будетъ приступлено къ самымъ широкимъ реформамъ.

Скандалы, обнаруженные въ Санъ-Франциско, не представляютъ, какъ мы уже говорили, ничего исключительнаго; подобныя же злоупотребленія встрѣчаются во всѣхъ штатахъ. Въ подтвержденіе этого можно было бы привести рядъ фактовъ, которые сообщаются въ изслѣдованіяхъ о современномъ политическомъ строѣ Соединенныхъ Штатовъ, но достаточно будетъ сказать, что изъ сорока пяти штатовъ язва эта не коснулась только восьми штатовъ, въ остальныхъ же тридцати семи она пустила глубокіе корни.

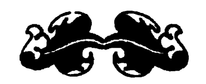
Вотъ краткій перечень фактовъ только за истекшій годъ, который можетъ подать поводъ къ столь печальному выводу:

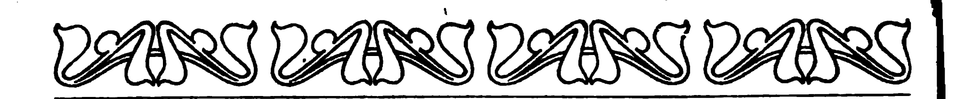
Въ Арканзасѣ пять сенаторовъ преданы одновременно суду за то, что они торговали своими голосами, при чемъ президентъ сената уличенъ въ томъ, что онъ получилъ за это 30.000 франковъ. Въ Калифорніи четыре сенатора, состоявшіе въ слѣдственной коммиссіи по исполненію общественныхъ работъ, уличены въ томъ, что они брали взятки по 250 долларовъ. Они потеряли мѣста, и одинъ изъ нихъ приговоренъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года къ тюремному заключенію на пять лѣтъ. Въ Индіанѣ кассиръ коммерческаго банка пустилъ себѣ пулю въ лобъ, когда въ кассѣ былъ обнаруженъ недочетъ въ полмилліона долларовъ. Въ Канзасѣ, при ревизіи книгъ государственнаго казначейства, обнаружено, что казначей спекулировалъ на казен-

ныя деньги, помѣщая ихъ въ частные банки и пользуясь на нихъ процентами. Въ Новомъ Орлеанѣ обнаружено участіе полиціи въ содержаніи публичныхъ домовъ. Въ Миссури казначей одного пріюта бѣжалъ, похитивъ 200.000 франковъ. Въ Небраскѣ сенаторъ раздавалъ за извѣстное вознагражденіе мѣста въ почтовомъ вѣдомствѣ и т. д., и т. д.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ взяточничество и продажность служащихъ представляютъ явленіе столь заурядное, что ихъ преслѣдуютъ только въ случаѣ какихъ-либо особенныхъ злоупотребленій. Не проходитъ мѣсяца, чтобы не былъ обнаруженъ какой-нибудь новый скандалъ, и граждане Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ невольно задаютъ себѣ вопросъ, могутъ ли эти Авгіевы конюшни быть когда-либо очищены такъ, чтобы это вопіющее зло было сведено до минимальныхъ размѣровъ.

Есть люди, которые твердо вѣрятъ, что это возможно, если только будутъ приняты энергичныя мѣры, но пока зло прогрессируетъ, и наиболѣе видные политическіе дѣятели Соединенныхъ Штатовъ, пользующіеся репутаціей безупречной честности, разбираясь въ причинахъ этого явленія, полагаютъ вмѣстѣ съ президентомъ Рузевельтомъ, что въ распространеніи этой пагубной язвы, разъѣдающей великую республику, виноваты Морганы, Роксфеллеры и тому подобные милліардеры, которые „привили американцамъ страсть къ наживѣ во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями“. Эти люди совершили великое преступленіе передъ своей родиной, и по мнѣнію компетентныхъ лицъ, для Соединенныхъ Штатовъ наступитъ эра возрожденія только тогда, когда общество предастъ этихъ рыцарей легкой наживы суду и когда они должны будутъ дать отчетъ въ своей пагубной дѣятельности, которую они думаютъ прикрыть, жертвуя огромныя суммы на церкви, школы, музеи и библіотеки

Изъ Архивныхъ мелочей.

Прошеніе А. К. Брюллова кн. П. М. Волконскому. Государь императоръ благоволилъ осчастливить меня, крестивъ моихъ дѣтей.

25-го сего апрѣля родилась у меня дочь, почему смѣю просить вашу свѣтлость, если возможно и нынѣ испросить милость его величества быть пріемникомъ при крещеніи. Александръ Брюлловъ.

30-го апрѣля 1850 года.

Внизу рукой кн. Волконскаго: высочайшаго соизволенія не послѣдовало, потому что по отдѣлкѣ Константиновскаго дворца открываются весьма большія неисправности и что его величество изволитъ крайне удивляться небрежности г. Брюллова въ исполненіи сдѣланнаго ему порученія.

1-го мая 1550 года.

Всеподданнѣйшее прошеніе Л. Асенковой [1]. Ваше императорское величество!

Вамъ пишетъ дѣвушка, бѣдная, не имѣющая никакого права на высокое вниманіе государя, но движимая надеждою, что письмо ея достигнетъ цѣли, хотя бы потому только, что она сестра артистки Асенковой, которая при жизни своей была неоднократно осчастливлена милостями вашего величества.

Государь! У меня нѣтъ, какъ у покойной сестры моей, таланта, который бы далъ мнѣ возможность пріобрѣсть имя артистки, но у меня, какъ у всякой женщины, есть сердце, умѣющее любить. Между тѣмъ, женихъ мой, коллежскій секретарь Ленцъ (служащій въ горномъ департаментѣ министерства финансовъ) также человѣкъ безъ всякаго состоянія и безъ всякой возможности вести жизнь женатаго человѣка.

---

[1] На верхнемъ полѣ первой страницы рукою кн. П. М. Волконскаго: Высочайше повелѣно напередъ узнать о поведеніи просительницы и гдѣ воспитывалась. 5-го марта 1850 г. Ниже, карандашемъ: Выдано въ пособіе 150 р.

Положеніе мое грустно, безотрадно. Вся надежда моя на васъ, государь! Имя покойной сестры моей, которое ношу я, и чувство, которымъ полно мое сердце, подали мнѣ мысль прибѣгнуть къ вашему величеству. Дерзость моя велика, но велико и милосердіе монарха, на которое, послѣ Бога, единственно уповаю.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая раба

Любовь Асенкова.

8-го марта 1850 года.

Жительство имѣю: въ Колокольной улицѣ, близъ Владимірской церкви, въ домѣ Зиминой, № 135/6.

Всеподданнѣйшее прошеніе императору Павлу I. Всеавгустѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь!

Знаемъ вашего императорскаго величества великодушное и благотворящее сердце, человѣколюбіемъ, щедротами и милосердіемъ наполненное, (и) припадаемъ къ стопамъ вашего императорскаго величества.

Вѣдаемъ, что одно дерзновеніе наше трудить вашего величества можетъ приписано быть въ преступленіе, но и то знаемъ, что, гдѣ владычествуетъ милосердіе, тамъ вещи совсѣмъ другой видъ пріемлютъ на себя, поелику мы осмѣливаемся трудить вашего величества нижайшею нашею просьбою о вызволеніи насъ изъ рабства.

Мы—націи калмыцкой—находимся во ономъ титлѣ, которое для насъ несноснѣе смерти, отцы наши, давши на себя господамъ вѣчную кабалу, въ вѣчное владѣніе, чрезъ что мы, дѣти ихъ, страдаемъ въ рабствѣ. Нѣсколько сотъ человѣкъ въ Россіи таковыхъ, изъ коего числа нѣкоторые бъ могли несть воинскую службу, и есть рвеніе быть во оной, поелику и природа насъ симъ искусствомъ одарила.

Но мы себя тѣмъ паче несчастными считаемъ, что нѣтъ милостиваго вашего императорскаго величества указу на сіе, чтобъ свободнымъ быть отъ рабства и носить воинскую службу. Сіе бъ мы почли за верхъ своего счастія.

Вышній Датель всѣхъ благъ обратитъ око вашего императорскаго величества на сіе наше нижайшее прошеніе, да и обратитъ и великодушное вашего величества сердце, человѣколюбіемъ, милосердіемъ и великодушіемъ наполненное, къ ниспосланію на насъ вашего величества покровительства и защиты.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.

Боюсь объявить о себѣ.

Москва. 1797 года, февраля 12-го дня.

Письмо Ѳ. А. Бурдина гр. В. Ѳ. Адлербергу [1]). Ваше сіятельство, милостивый государь Владиміръ Ѳеодоровичъ!

Зная вашу постоянную истинно-отеческую заботливость обо всѣхъ, кто имѣетъ счастіе служить подъ начальствомъ вашимъ, я принимаю смѣлость обратиться къ вашему сіятельству со всепокорнѣйшею просьбою.

Благодаря милостивому вниманію вашего сіятельства къ артистамъ вообще, я имѣлъ счастіе получить отъ васъ разрѣшеніе на шестимѣсячную поѣздку за границу, для обозрѣнія лучшихъ иностранныхъ сценъ и усовершенствованія себя въ искусствѣ, которому служу.

Имѣя небольшія средства, доставленныя мнѣ бенефисомъ, я не просилъ вспомоществованія, зная, что это могло затруднить дирекцію императорскихъ театровъ.

Въ продолженіе моего отпуска я обозрѣлъ лучшія сцены Германіи, Италіи и Франціи, пользовался совѣтами нѣкоторыхъ знаменитыхъ артистовъ и надѣюсь, что, обогащенный новыми свѣдѣніями въ искусствѣ, я буду полезнѣе прежняго императорскому театру, о постоянномъ же рвеніи моемъ къ дѣлу засвидѣтельствуетъ, въ томъ я не сомнѣваюсь, мое непосредственное начальство.

Но, желая серьезнѣе изучить свое дѣло, я на мою поѣздку истратилъ все, что имѣлъ, и нахожусь теперь въ крайне стѣсненномъ положеніи.

Я не прошу вспомоществованія, хотя другіе артисты, какъ, напримѣръ, г. Самойловъ и г-жа Левкѣева, и получили его. Прошу только всепокорнѣйше ваше сіятельство разрѣшить мнѣ выдачу моего жалованья за время моего отпуска. Для дирекціи эта сумма ничтожна, потому что простирается только до 300 р. сер., для меня же она не только важна, но и необходима, потому что мои средства къ жизни весьма ограничены.

Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство благосклонно примете мою всепокорнѣйшую просьбу, исполненіе которой составляетъ для меня вопросъ о существованіи, въ настоящее время крайне стѣсненномъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Ѳ. Бурдинъ.

Декабря 23-го дня 1856 г.

Сообщилъ **В. А. Алексѣевъ**.

[1]) На верхнемъ полѣ первой страницы письма, рукою гр. Адлерберга: О очень хорошій, талантливый актеръ, и просьба его скромна. Выдать ему ь комнатныхъ суммъ 300 рублей негласнымъ образомъ. Выдачу же жалов ныхъ за прежнее время, когда не было разрѣшенія на сохраненіе ему она во время отпуска, нахожу неудобнымъ. 24-го декабря 1856 г. На той же ст ницѣ, рукою Бурдина: Триста руб. получилъ Ѳ. Бурдинъ. 26-го декабря 185

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

и при томъ всякую душу, не только что-либо имѣющую, но и нечего не имѣющую и даже не способную къ работѣ. Въ наказахъ постоянно встрѣчаемъ жалобы на обложеніе: малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безрукихъ, сумасшедшихъ и даже мертвыхъ и просьбы выложить ихъ изъ оклада. Обложеніе по душамъ повело и къ установленію круговой отвѣтственности за неплатежъ, тоже не извѣстной древности и донынѣ составляющей язву деревенскихъ порядковъ.

Въ древней Россіи государственное тягло не смѣшивалось съ арендной платой за угодья, которыя сдавались изъ казны желающимъ за плату особаго оброка. Въ XVIII же вѣкѣ сельскіе обыватели иногда платили съ одного и того же земельнаго надѣла и подушную подать и оброкъ. Они просятъ о снятіи съ нихъ оброка.

Подушная подать дала поводъ и къ другимъ еще жалобамъ. Многіе старыхъ служебъ служилые люди и однодворцы, надѣленные очень небольшими участками земли, въ 1724 г. положены въ подушный семи и четырехъ-гривенный окладъ и, такимъ образомъ, были приравнены къ крестьянамъ, а они потомки дворянъ.

Вотъ что читаемъ въ наказѣ одоевскихъ однодворцевъ: „А изъ давнихъ лѣтъ прародители наши въ подушномъ окладѣ до 1724 г. не состояли, а служили въ московскомъ чину и городовыхъ дворянахъ, по наряду и разряду, полковую службу и написаны въ десятняхъ прежнихъ служебъ служилыхъ людей изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ тѣхъ десятняхъ дѣйствительно находились; сверхъ же онаго, за службу верстаны помѣстными окладами и жалованы вотчинами, о чемъ подлинно явствуетъ по разрядной архивѣ, по служебнымъ дворянскимъ спискамъ въ десятняхъ“.

Такимъ образомъ, многіе потомки дворянъ были зачислены въ податные разряды и лишены возможности воспользоваться тѣми преимуществами, которыми такъ щедро надѣлила императрица дворянское сословіе. Въ ихъ числѣ были и лица княжескаго происхожденія.

Для поощренія заводскаго дѣла съ Петра Великаго появились приписанные къ казеннымъ и частнымъ заводамъ крестьяне. Они должны были за установленную плату производить разныя работы въ пользу заводовъ. Кромѣ работъ на самомъ заводѣ,—для чего крестьяне должны были выставлять опредѣленное число людей,—на нихъ возлагалось еще заготовленіе для заводовъ угля, дегтя, доставка на заводы разныхъ припасовъ и пр. Приписанныя къ заводомъ деревни отстояли отъ нихъ иногда на 500 верстъ. Понятно, сколько уходило времени на эти доставки и работы, изъ которыхъ многія совпадали со временемъ сельскихъ работъ.

Крестьяне жалуются, что „за таковыми дальнопроходимыми временами, а особливо неспособными работами, не точію что имѣть себѣ во время пашенной земли къ насѣянію хлѣба и прочей страдной работы къ прокормленію, но и совсѣмъ хлѣбопашества лишились, и живемъ всегда при заводской работѣ безотлучно“. Чтобы не остаться безъ пропитанія, нѣкоторые приписанные къ заводамъ крестьяне замѣняли себя работниками по вольному найму, а сами оставались дома для хлѣбопашества. За рубку сажени дровъ и возку угля на заводъ сами крестьяне получали по 45 к., а по вольному найму они платили за тотъ же трудъ по 1 р. 45 к., за сопровожденіе чугуна водою до завода крестьяне получали по 65 к. на человѣка, а по вольному найму сами платили по 3 и по 4 р. человѣку. На нѣкоторые заводы крестьяне должны были поставлять деготь по $3^{1}/_{2}$ к. за ведро. Въ безлѣсныхъ мѣстахъ крестьянамъ приходилось покупать деготь, и они платили за него по 25 к. за ведро.

Такимъ образомъ, для развитія насаждаемой заводской производительности крестьянинъ долженъ былъ жертвовать свою послѣднюю копѣйку. Крестьяне просятъ объ отпискѣ ихъ отъ заводовъ.

По свидѣтельству мастеровыхъ и рабочихъ людей Юговскихъ заводовъ графа И. Г. Чернышева, положеніе рабочихъ на казенныхъ заводахъ было все же лучше ихъ положенія на частныхъ. До перехода Юговскихъ заводовъ къ гр. Чернышеву денежное жалованье рабочимъ производилось „по чинамъ и заслугамъ, по учиненному Сенатомъ штату, безобидно; также въ воскресные и праздничные дни гуляли и въ работахъ не находились, а денежное жалованье и за праздники получали. Кто былъ боленъ, тому производили половинное жалованье. А буде кто убьется на казенной работѣ,—пока выздоровѣетъ, давали полное жалованье. А кол. асс. О. Сапниковъ, управляющій гр. Чернышева, опредѣленные штаты отмѣнилъ, сталъ давать задѣльную плату, меньше штатной; и той платы едва на самую убогую пищу достаетъ. А на праздничные дни, кто не работаетъ, такоже, кто отъ воли Божіей или отъ убитья при работѣ занеможетъ,—платы никакой не производитъ. И отъ той малодаваемой платы задолжались подушной недоимкой не мало“.

Къ плачевнымъ послѣдствіямъ приводили и мѣропріятія правительства въ цѣляхъ распространенія православія. Татаръ, изъявившихъ желаніе принять крещеніе, освобождали отъ рекрутчины, а потому многіе изъ нихъ заявляли желаніе креститься только для того, чтобы избавиться отъ воинской повинности. Служилые мурзы просятъ не увольнять отъ службы тѣхъ, которые при приводѣ въ рекруты объявятъ о желаніи перейти въ православіе.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе матеріаловъ, напечатанныхъ въ 115 томѣ Сборника.

И. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

JUN 14 57 H
MAY 15 '61 H
CANCELLED